

Выпуск № 3(76) сентябрь

Release No. 3(76) September

✱ БИЗНЕС ✱ ОБРАЗОВАНИЕ ✱ ПРАВО ✱

✱ BUSINESS ✱ EDUCATION ✱ LAW ✱

Волгоград 2026

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, в соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6.

Приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. № 560 (далее – Приказ) (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), Минобрнауки России сформирован перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук. Сформированный Перечень вступил в силу 1 декабря 2015 г. В него включен научный рецензируемый журнал «Бизнес. Образование. Право».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее – Перечень), по группам научных специальностей, считаются включенными в Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки (по состоянию на 01.11.2022 г.) В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р.

В Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 28.11.2022 г.) включен научный рецензируемый журнал «Бизнес. Образование. Право» с категорией К-2 по письму ВАК от 06.12.2022 № 02-1198.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, which should publish the main scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor of science and candidate of science in accordance with the decision of the Presidium of the Supreme Attestation Committee of the RF Ministry of education and science dated February 19, 2010 No. 6/6.

In compliance with the order of the RF Ministry of education and science dated July 25, 2014 No. 793 with revisions incorporated in accordance with the order of the RF Ministry of education and science dated June 3, 2015 No. 560 (hereinafter the Order) (registered by the RF Ministry of justice dated August 25, 2014, registration No. 33863), the RF Ministry of education and science developed the list of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main results of dissertations for scientific degrees of the candidate of science and the doctor of science. The developed list came in force on December 1, 2015. It includes the scientific peer-reviewed journal “Business. Education. Law”.

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science should be published (hereinafter – the List), by groups of scientific specialties, are considered to be included in the List by scientific specialties and their respective branches of science.

In accordance with the order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 90-r of December 28, 2018 on the basis of recommendations of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (hereinafter – VAK) taking into account the conclusions of the relevant expert councils of VAK, the publications included in the List by groups of scientific specialties are considered included in the List by scientific specialties and their corresponding branches of science (as of November 11, 2022). According to the letter of VAK of 06.12.2022 no. 02-1198 the scientific peer-reviewed journal “Business. Education. Law” is included in the List of peer-reviewed scientific editions, in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science should be published (as of 28.11.2022), with category K-2.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий. В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее – ВАК) с учетом заключений профильных экспертных советов ВАК издания, входящие в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее – Перечень), по группам научных специальностей, считаются включенными в Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки.

Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 05.02.2025 года):

5. Социальные и гуманитарные науки

5.1. Право

- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

5.2. Экономика

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы

5.8. Педагогика

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка
- 5.8.5. Теория и методика спорта
- 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

In accordance with the decision of the Presidium of the Supreme Attestation Commission of the RF Ministry of Education and Science dated February 19, 2010 No. 6/6, the journal is included in the list of the leading peer reviewed scientific journals and publications. In accordance with the order of the RF Ministry of Education and Science dated December 28, 2018 No. 90-r, based on the recommendations of the Supreme Attestation Commission of the RF Ministry of Education and Science (hereinafter, the SAC), taking into account conclusions of the field-specific expert councils of SAC, the issues included in the List of the peer reviewed scientific publications, which publish major scientific results of the theses for scientific degree of the candidate of sciences, for scientific degrees of the doctor of sciences (hereinafter, List), by the scientific specialty groups, are considered included in the List by the scientific specialties and appropriate fields of study.

The list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science should be published (as of February 05, 2025):

5. Social and human sciences

5.1. Law

- 5.1.2. Public law (state-legal) sciences
- 5.1.3. Private law (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal law sciences
- 5.1.5. International legal sciences

5.2. Economy

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance

5.8. Pedagogy

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 5.8.4. Physical culture and professional physical training
- 5.8.5. Theory and methodology of sports
- 5.8.6. Improving and adaptive physical culture
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО.**BUSINESS. EDUCATION. LAW.****Учредитель:**

индивидуальный предприниматель
Кумейко Елена Анатольевна

Founder:

individual entrepreneur
Kumeiko Elena Anatolyevna

Издатель:

индивидуальный предприниматель
Кумейко Елена Анатольевна, г. Волгоград

Publisher:

individual entrepreneur
Kumeiko Elena Anatolyevna, Volgograd

№ 3(76), сентябрь 2026

ISSN 1990-536X

Научный журнал издается с 2006 г. Выходит 4 раза в год.

No. 3(76), September 2026

ISSN 1990-536X

Scientific journal has been published since 2006; and is issued 4 times a year.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 85747

Subscription index in the catalogue of “Press of Russia” — 85747

Главной целью научного журнала является освещение результатов научно-исследовательской деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: **экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки.**

The main goal of the scientific journal is presentation of the results of the scientific-research activity of Russian and foreign scientists in the areas of **economics (main trends), law and pedagogics.**

ЦЕЛИ научного рецензируемого журнала:

- оперативное освещение результатов научно-исследовательской, научно-практической и экспериментальной деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки;
- развитие международного сотрудничества в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;
- предоставление ученым возможности публиковать результаты собственных исследований;
- формирование открытой научной полемики, способствующей повышению качества диссертационных исследований;
- привлечение внимания к наиболее актуальным проблемам и перспективным направлениям развития экономических, юридических и педагогических наук;
- поиск новых знаний для социально-экономического развития России и субъектов Российской Федерации;
- налаживание научных связей и обмена мнениями между исследователями различных регионов;
- развитие единого информационного пространства научной коммуникации в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;
- пропаганда основных достижений научно-исследовательской деятельности в РФ и Волгоградском институте бизнеса.

GOALS of the scientific peer-reviewed journal:

- operative publication of results of the scientific-research, scientific-practical and experimental activity of Russian and foreign scientists in economics (main trends), legal sciences and pedagogical sciences;
- promotion of international cooperation in economics, law, pedagogy;
- providing scientists with the possibility of publication of the results of researches;
- establishing an open scientific disputes contributing to the increase of dissertation researches quality;
- attraction of attention to the most urgent issues and perspective trends of development of the economic, legal and pedagogical sciences;
- search for new knowledge for the social-economic development of Russia and the entities of the Russian Federation;
- establishing scientific links and exchange of opinions between researchers from different regions;
- development of united information space of scientific communication in economics, law, pedagogic;
- promotion of the main achievements of scientific and research activity in the Russian Federation and Volgograd Business Institute.

- Всем статьям в выпусках журналов присваивается цифровой идентификатор DOI
- Двухлетний импакт-фактор РИНЦ — 0,702
- Пятилетний импакт-фактор РИНЦ — 0,583
- Пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам — 69
- Десятилетний индекс Хирша — 33
- Общее число статей из журнала в РИНЦ — 4818
- Общее число цитирований журнала — 28 443

- Digital identifier DOI is assigned to all articles published in the journal
- Two-year impact factor RISC — 0,702
- The five-year impact factor RISC — 0,583
- The five-year Herfindahl by quoting journals — 69
- Ten-year h-index — 33
- Total number of the journal's articles in RISC — 4818
- The total number of citations of the journal — 28 443

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-33692 от 03.10.2008 г.
Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-81518 от 15.07.2021 г.

The journal is registered by the Federal service for supervision in the area of mass communications.
Certificate of registration PI № FS77-33692 dated 03.10.2008.
Re-registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.
Registration number PI № FS77-81518 dated 15.07.2021.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Калининцева Раиса Васильевна, д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе АНО ВО Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации» Волгоградский кооперативный институт (филиал).

Заместители главного редактора —

Кумейко Елена Анатольевна, канд. экон. наук;

Захарова Л. М., д-р пед. наук, доцент, зав. кафедрой дошкольного и начального общего образования ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова»;

Члены редакционной коллегии:

Бабушкин Г. Д., д-р пед. наук, профессор, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта (г. Омск, РФ);

Винокуров А. Ю., д-р юрид. наук, профессор, ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры РФ», главный научный сотрудник;

Восколович Н. А., д-р экон. наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры экономики труда и персонала экономического факультета;

Мещерякова Е. В., д-р пед. наук, профессор, профессор ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»;

Рахманова Е. Н., д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»;

Салиева Р. Н., д-р юрид. наук, профессор, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса;

Столярчук Л. И., д-р пед. наук, профессор, профессор ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»;

Тютюкина Е. Б., д-р экон. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления

Ответственный секретарь — **Кумейко Елена Анатольевна**.

EDITORIAL COMMITTEE

Editor-in-chief – Kalinicheva Raisa Vasilevna, doctor of economics, professor, vice-rector for academic work ANO of HE Tsentrosyuz of the Russian Federation “Russian University of Cooperation” Volgograd Cooperative Institute (branch).

Deputies of the editors-in-chief —

Kumeiko Elena Anatolyevna, candidate of economics

Zakharova L. M., doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of pre-school and elementary general education of FSBEI of HPE “Ulyanovsk state pedagogical university named after I. N. Ulyanov”;

Deputies of the editor-in-chief:

Babushkin G. D., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Siberian State University of Physical Culture And Sports (Omsk, RF);

Vinokurov A. Y., Doctor of Law, Professor, FSCEI of HE “Academy of the RF General Prosecutor Office”, chief researcher;

Voskolovich N. A., Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Labor Economics and Personnel of the Faculty of economics;

Meshcheryakova E. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of FSBEI of HPE “Volgograd State Social Pedagogical University”;

Rakhmanova E. N., Doctor of Law, Associate Professor, North-West branch of FSBEI HE RGUP;

Salieva R. N., Doctor of Law, Professor, Institute of the issues of ecology and resources management of AN RT;

Stolyarchuk L. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of of FSBEI of HPE “Volgograd State Social Pedagogical University”;

Tyutyukina E. B., Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor Department of Corporate Finance and Corporate Governance

Executive secretary — **Kumeiko Elena Anatolyevna**.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ «БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО»

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5. Социальные и гуманитарные науки; 5.1. Право; 5.2. Экономика; 5.8. Педагогика.

2. Автором (-ми) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

- текст статьи на русском, или английском (с переводом), или национальном языке (с переводом на русский язык) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);
- анкета автора (и соавторов);
- заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;
- справка с места учебы (для аспирантов).

Пакет документов направляется в редакцию в электронном виде по адресу электронной почты: meon_nauka@mail.ru.

Телефон для справок: 8 902-314-79-73. URL: <http://vestnik.volbi.ru>.

В статью в соответствии с требованиями ВАК должно быть включено следующее:

- индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);
- фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;
- ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;
- аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;
- должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;
- e-mail;
- шифр научной специальности (по номенклатуре);
- название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 16, выравнивание по центру);
- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, не менее 600–800 знаков без пробелов);
- ключевые слова на русском и английском языках (10–12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);
- введение, где формулируются степень изученности проблемы, актуальность, целесообразность разработки темы, научная новизна, цель и задачи исследования;
- основная часть. В основной части статьи путем анализа и синтеза информации раскрываются исследуемые проблемы, пути их решения, обосновываются полученные результаты, их достоверность;
- методология. В этом разделе описывается последовательность выполнения исследования, обосновывается выбор используемых методов;
- результаты. Эта часть занимает основное место в научной статье, в ней, с помощью обобщения и анализа данных, автором доказывается рабочая гипотеза по проблеме. Результаты исследования излагаются кратко, но содержат достаточно информации для формирования выводов;
- заключение, выводы. Заключение содержит краткие результаты исследования;
- список источников. В списке источников приводится только цитируемая в статье литература.

Тексты, рисунки, иллюстрации, представленные в редакцию в рукописях авторов статей, не должны быть отсканированы.

Статьи, направляемые в редакцию без соблюдения вышеперечисленных требований, не рассматриваются.

REQUIREMENTS TO EXECUTION OF THE MATERIALS SUBMITTED TO THE SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL «BUSINESS. EDUCATION. LAW»

1. The author's materials – scientific articles, reviews, surveys, comments corresponding to the scientific specializations: 5. Social and human sciences 5.1. Law; 5.2. Economy; 5.8. Pedagogy, that have not been previously published in either printed or electronic issues, are accepted for publication.

2. Author(s) shall submit the required hardcopy of the document package and the similar electronic one to the editorial office:

- text of the article in the Russian or English languages (with translation), or any national language (with translation into Russian) (article hard copy shall be signed by all authors);
- author (or team of authors) questionnaire;
- application of the author regarding the right of use of the article in the peer reviewed journal;
- certificate from the place of study (for post-graduate students).

Document package shall be submitted to the editorial office electronic copy to the email address: meon_nauka@mail.ru.

Telephone for enquiries: 8 902-314-79-73. URL: <http://vestnik.volbi.ru>.

The following shall be included in the article in accordance with the requirements of the Higher Attestation Commission:

- UDC index (to be located at the top left-hand corner at the beginning of the scientific article);
- last name, name and patronymic in the Russian and English languages;
- scientific degree, academic rank, name and code of the scientific specialty (as per the range) of the dissertation research of the author in the Russian and English languages;
- department and educational institution shall be specified by the post-graduate students, doctoral student, external doctoral students, teachers of higher schools (master's degree students shall specify specialty of training) in the Russian and English languages;
- position, place of work, city, and country in the Russian and English languages;
- e-mail;
- code of the scientific specialty (as per the range);
- title of the article in the Russian and English languages (in capital letters, fonts TNR 16, center alignment);
- abstract in the Russian and English languages (fonts TNR 14, typeface – italics, full justification, minimum 600–800 characters without spaces);
- keywords in the Russian and English languages (10–12 words or phrases consisting of two-three words, comma separated, fonts TNR 14, typeface – italics, full justification);
- introduction that states urgency, feasibility of the subject working out, scientific novelty, goal and objectives of research;
- main part. Main part of the article shall disclose the issues under consideration by means of analysis and synthesis, the ways of their resolution; shall justify received results and their confidence;
- methodology. This part shall describe sequence of research and justify selection of the used methods;
- results. This part takes main part of the scientific article; the author justifies the working hypothesis by means of generalization and data analysis. Research results shall be stated in brief; however, shall contain sufficient information for making conclusions;
- conclusion, findings. Conclusion shall contain summary of research results;
- references. References shall contain only the literature quoted in the article.

Texts, drawings and illustrations submitted to the editors in the manuscripts of the articles should not be scanned.

The articles submitted to the editorial office without meeting the above mentioned requirements shall not be reviewed.

СОДЕРЖАНИЕ

5.2. ЭКОНОМИКА

Жуковский В. П., Терехова-Пушная Д. В.

Роль непрерывного корпоративного образования в обеспечении стратегической устойчивости бизнеса 13

Михалёв Д. А., Эльдиева Т. М.

Эволюция регионального бренда и оценка его влияния на социально-экономическое развитие территории (на примере Новгородской области) 20

Овчинникова А. В., Зимин С. Д.

Методы государственного стимулирования диверсификации ОПК: экосистемный подход 30

Приходько М. А., Смирнова И. В.

Сравнительный анализ зарубежных практик обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях санкционного давления 37

Андрианов Б. Г., Васюкова Л. К.

Дискретно-волновая гипотеза ценообразования активов: эмпирическая проверка на российском рынке акций 46

Волковицкая Г. А.

Разработка интегрального индекса цифровой коммерциализации университетов 61

Дегтярева Я. В.

Сервисная адаптация в индустрии гостеприимства 69

Иванов Д. М.

Экономическая оценка регулирующих экосистемных услуг лесов как фактор повышения эффективности регионального лесопользования 79

Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я.

Матрица стратегий бизнеса в маркетинговых эпохах 87

Косарев И. В., Алимов С. А.

Факторы инвестиционной привлекательности Японии: эмпирический анализ макроэкономических, институциональных и региональных данных 93

Лыжова А. В.

Переосмысление концепции создания ценности в высшем образовании в контексте устойчивого развития 100

Моисеева Т. В.

Внедрение риск-ориентированного управления государственными закупками в целях обеспечения экономической безопасности заказчиков 107

Чирская М. А.

Инерционность финансового механизма крупных организаций: региональный аспект государственной поддержки 115

Зорин Г. Е.

Экономическая безопасность региона на основе цифровой трансформации: понятийный аппарат и классификация угроз ... 124

Педросо Домингес О. Л.

Механизм развития промышленного предприятия (на примере Empresa de Conductores Eléctricos “Conrado Benitez”, Куба) .. 132

Прохоров Е. С.

Цифровизация как фактор повышения конкурентоспособности организаций кредитно-финансовой сферы 140

Сапон А. С.

Современные стратегии развития калининградского рыбохозяйственного комплекса 146

5.1. ПРАВО

Епифанов А. Е.

К вопросу о функциональных характеристиках режима прифронтовой полосы (историко-правовой аспект) 155

Габай П. Г.

Медиация в медицинских спорах как элемент профилактики ятрогенной преступности: правовые условия применения в системе ОМС, зарубежные модели и перспективы 161

Жукова И. В., Коробейникова Т. С.

Эволюция понятия цифровой платформы как элемента платформенной экономики 169

Комбарова Е. Л.

Особенности планирования судьей судебного следствия в современном уголовном процессе 176

Синёва Н. А. Гармонизация правового регулирования в сфере торговли в рамках ЕАЭС	184
Быданцев А. Г. Экономический анализ института цитирования как ограничения исключительного авторского права в современной юридической философии	192
Демченко В. А. Правовая определенность и реальная исполнимость как критерии оценки законности актов прокурорского реагирования ...	198
Караульская О. В. Способы сокрытия мошенничества при проведении закрытых электронных процедур в сфере государственного оборонного заказа и цифровые маркеры его выявления	204
Кляндина Т. Ф. Злоупотребление правом в сфере микрофинансовой деятельности в условиях цифровизации финансовых услуг и аспекты судебной защиты заемщиков	210
Успенский М. А. Международно-исторический анализ обращающихся обязательств в контексте цифровых валют	219
5.8. ПЕДАГОГИКА	
Аникеенко Е. Е., Булгаков А. Е., Корнеева Н. Ю. Исторический анализ проблемы педагогического сопровождения формирования профессиональных качеств курсантов военных вузов с использованием инновационных технологий	227
Богоудинова Р. З., Маслова Ю. В. Персонализированная образовательная траектория: многоуровневая архитектура предиктивной аналитики когнитивных особенностей обучающихся	232
Васильева Г. М., Мячина В. В., Баранова М. В. Об учете ценностных ориентаций современных студентов в обучении русскому языку как иностранному	238
Малацай Л. В., Маркин Н. И. Феномен аранжировки гитарного аккомпанемента русского классического романса	244
Овчинников В. А., Гросс И. Л., Уськов К. В., Ермаков В. А. Техника и методика обучения обороту назад в стойку на руках на параллельных брусьях	250
Поштарева Т. В., Перцев А. Н. Модель организационно-педагогического управления процессами профессиональной социализации курсантов военного вуза	257
Разов Д. А., Салехова Л. Л. Трансформация лингвометодической компетенции педагога иностранного языка: от истоков до вызовов искусственного интеллекта	263
Свечкарёв В. Г. Домашние задания в начальной школе: теоретико-педагогический анализ и перспективы реформирования	273
Степанова Л. В., Николаева А. Д. Закономерности развития дополнительного образования как формы неформального и информального воспитания школьников в условиях глобализации и национальной специфики	283
Тыщенко Е. Г., Стародубцев М. П. Влияние социальной устойчивости на освоение лыжного передвижения курсантов силовых структур в начальный период обучения	289
Федорова С. Н., Никифорова А. А. Развитие цифровой компетентности педагогов дошкольных образовательных учреждений: результаты диагностики и методическое сопровождение	297
Цветкова И. В. Влияние воспитательной работы школы на ценностные ориентации тольяттинских выпускников	303
Цветкова И. В. Вовлеченность магистрантов в научно-исследовательскую работу как фактор подготовки к обучению в аспирантуре (на примере Тольяттинского государственного университета)	308
Чжоу Шенкай, Склярова Т. В. Проблемы базового обучения детей игре на фортепиано в программах повышения квалификации педагогов-музыкантов в Китае	313

Юрин А. А., Орехова Е. Я. Адаптивное тестирование как механизм индивидуализации обучения студентов иноязычному академическому письму: датацентричный подход	320
Ярошинская А. П., Карпенко В. Н., Янкевич И. Е. Теоретико-методологические проблемы дидактических возможностей инновационных форм инклюзивного образования в студенческой среде	328
Авдеева Т. И. Подготовка будущих педагогов к историко-просветительской деятельности в начальной школе	334
Агранович Г. В. Технология «Административные каникулы» в профессиональной подготовке будущего менеджера образования	341
Азизова Л. Х. Профессиональная самоорганизация будущего педагога в инклюзивной образовательной среде: этнокультурный аспект ...	346
Ананченкова П. И. Институциональные основы развития систем корпоративного обучения в современной России	353
Бабичев С. А., Махинин А. Н. Формирование личности безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России: педагогические аспекты ...	359
Баландин Д. А. Об использовании искусственного интеллекта в управлении научно-исследовательской деятельностью студентов: опыт, проблемы, перспективы	366
Борисова В. В., Супрун А. А., Дутова И. В. Дифференцированное развитие силовых способностей как фактор повышения скорости выполнения боевых приемов в бразильском джиу-джитсу	372
Демцура С. С., Плужникова И. И., Дмитриева Е. Ю., Тухватулина К. А. Развитие финансовой грамотности у студентов вуза	379
Дутова И. В., Борисова В. В., Дутова Т. М. Исследование стресс-симптоматики и потенциала занятий физической культурой в коррекции стрессовых проявлений у студентов вузов	386
Еремеева О. А. Педагогическая субъектность как феномен образовательной практики и теоретический концепт.	393
Зенцова И. М., Чайникова Г. Р., Контарев А. Д., Лепёнышев Ю. В. Методика проведения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления при ударе твердых тел	399
Калинина С. Б., Буренина С. Ю. Антропологическое пространство современной образовательной среды вуза в контексте профессиональной подготовки студентов (на примере Псковского государственного университета)	407
Кешелян А. В., Стражкова Е. А., Водниц-Озмидова А. С. Методика применения КОМПАС-3D для визуализации проекционных задач при изучении начертательной геометрии	413
Кожевникова В. В., Крылова Е. А. Воспитание личности и психолого-педагогическое сопровождение: новые грани образовательной среды и психологического благополучия	420
Козлов Н. И. Воспитательная функция педагога в системе непрерывного педагогического образования: нормативный анализ и перспективы развития	429
Копылов С. Н. Значение стажировки в подготовке будущих слесарей-инструментальщиков	436
Куприна Т. В., Цзян Синьин Обучение китайских студентов навыкам межкультурной коммуникации на основе метода case study в цифровом приложении Quizlet	443
Леонов В. В. Система гражданско-патриотического воспитания в России	449
Чуркина А. С., Супрун А. А., Скржинский А. М., Борисова В. В. Взаимосвязь ментальных навыков и показателей тревоги у спортсменок-художниц высокой квалификации в соревновательный период	456
Шкерина Т. А. Инклюзивная компетенция будущего учителя: сущность, структура и уровни сформированности	464

Юн-Хай С. А., Коротков Е. С., Махакова Л. С. Формирование профессиональных и личностных компетенций в волонтерской деятельности: региональный аспект (на материале Республики Бурятия)	473
Белоглазова Ю. В. Совершенствование специальной физической подготовки синхронисток на этапе высшего спортивного мастерства	481
Гэ Тайжань Общедоступные формы классического танца как получение особого эмоционального эффекта от процесса обучения в профессиональной подготовке педагогов балета	489
Драндров Д. А. Организация смешанного обучения общественно-научным предметам обучающихся 6 классов с учетом их направленности на формирование личности и учебной деятельности	495
Дун Жуйна Педагогическая поддержка развития инициативы дошкольника в игровой деятельности: диагностика и кросс-культурный анализ (Россия и Китай)	505
Зайцев А. В. Развитие ценностного отношения к профессиональной деятельности у военнослужащих по контракту	511
Камаев Т. Е. Личностно-ориентированное взаимодействие как основа ценностно-смысловой подготовки будущего педагога в вузе исторического региона	517
Коваленко А. С. Профессиональные компетенции преподавателя иностранного языка: эволюция олимпиадного движения и потребности Приморского края	523
Колесников А. М. Концепция содержательного обобщения как методологическая основа обучения студентов ударной технике АРБ	531
Курбанова А. Ф. Педагогический потенциал цифровых образовательных технологий в развитии компетенции самообразования курсантов	538
Миклошевич К. С. Когнитивные характеристики формирования позиции сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации как субъекта индивидуальной образовательной траектории	544
Мякинкова С. Н. Субъектно-деятельностная технология формирования профессионально-ориентированной транзитивности у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий в вузе	551
Павлова Т. А. Бинарная классификация электронных образовательных ресурсов в процессе профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка	559
Пирогова А. С. Методика формирования учебной мотивации обучающихся 9 классов при осуществлении контрольно-оценочной деятельности на уроках биологии	567
Рудник В. В. Педагог-библиотекарь как субъект образовательного процесса в современной школе: специфика профессиональной деятельности	574
Сергеев М. О. Включение старших подростков в решение комплекса ситуационных заданий (кейсов) как педагогическое условие формирования ответственного природопользования	580
Туркина Д. А. Методика акробатической подготовки в синхронном плавании на этапе совершенствования спортивного мастерства	586
Чан Жолин Западные системы музыкального образования в обучении студентов китайских музыкальных вузов	594
Шахназарян Р. Э. Педагогическая технология формирования музыкальной культуры студентов вуза: результаты опытно-экспериментальной работы	600
Ярычева К. Л. Педагогические условия формирования готовности будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях	607

CONTENT

5.2. ECONOMY

Zhukovsky V. P., Terekhova-Pushnaya D. V.

The role of continuous corporate education in ensuring strategic business sustainability 13

Mikhalev D. A., Eldieva T. M.

Evolution of a regional brand and assessment of its impact on the socio-economic development of a territory
(on the example of the Novgorod region) 20

Ovchinnikova A. V., Zimin S. D.

Methods of state stimulation of diversification in the defense industry: an ecosystem approach 30

Prikhodko M. A., Smirnova I. V.

Comparative analysis of foreign practices for ensuring enterprise economic security under sanctions pressure 37

Andrianov B. G., Vasyukova L. K.

Discrete-wave asset pricing hypothesis: empirical test on the Russian stock market 46

Volkovitchkaia G. A.

Creating an integrated digital commercialization index for universities 61

Degtyareva Y. V.

Service adaptation in the hospitality industry 69

Ivanov D. M.

Economic assessment of regulating ecosystem services provided by forests
as a factor of increasing the efficiency of regional forest management 79

Kasimova E. R., Kuznetsova E. V., Ruvenny I. Y.

The matrix of business strategies in marketing eras 87

Kosarev I. V., Alimov S. A.

Factors of Japan's investment attractiveness: an empirical analysis of macroeconomic, institutional and regional data 93

Lyzhova A. V.

Rethinking the concept of value creation in higher education in the context of sustainable development 100

Mokeyeva T. V.

Introduction of risk-based management in public procurement to ensure economic security of procuring entities 107

Chirskaya M. A.

Inertia of the financial mechanism of large organizations: the regional aspect of state support 115

Zorin G. E.

Regional economic security based on digital transformation:
conceptual framework and classification of threats 124

Pedroso Domínguez O. L.

The development mechanism of an industrial enterprise
(using the example of Empresa de Conductores Eléctricos "Conrado Benitez", Cuba) 132

Prokhorov E. S.

Digitalization as a factor in increasing the competitiveness of credit and financial sector organizations 140

Sapon A. S.

Current development strategies for the Kaliningrad fishery complex 146

5.1. LAW

Epifanov A. Y.

On the functional characteristics of the frontline regime (historical and legal aspects) 155

Gabay P. G.

Mediation in medical disputes as an element of preventing iatrogenic crime:
legal conditions for its application within the compulsory medical insurance system, foreign models, and prospects 161

Zhukova I. V., Korobeinikova T. S.

The evolution of the concept of a digital platform as an element of the platform economy 169

Kombarova E. L.

Features of a judge's planning of the judicial investigation in the modern criminal procedure 176

Sineva N. A. Harmonization of legal regulation in the trade sphere within the EAEU	184
Bydantsev A. G. Economic analysis of the institute of citation as a limitation of exclusive copyright in modern legal philosophy	192
Demchenko V. A. Legal certainty and real enforceability as criteria for assessing the legality of prosecutorial response acts	198
Karaulskaya O. V. Ways of concealing fraud in closed electronic procedures within the state defense order and its digital detection markers	204
Klyandina T. F. Abuse of right in the field of microfinance activities in the context of digitalization of financial services and aspects of judicial protection of borrowers	210
Uspenskiy M. A. International and historical analysis of negotiable obligations in the context of digital currencies	219
5.8. PEDAGOGY	
Anikeenko E. E., Bulgakov A. E., Korneeva N. Yu. Historical analysis of the problem of pedagogical support for the formation of professional qualities in military university cadets using innovative technologies	227
Bogoudinova R. Z., Maslova Yu. V. Personalized educational trajectory: a multi-level architecture of predictive analytics of students' cognitive characteristics	232
Vasileva G. M., Miachina V. W., Baranova M. V. On the consideration of value orientations of modern students in teaching Russian as a foreign language	238
Malatsay L. V., Markin N. I. The phenomenon of arranging the guitar accompaniment for a Russian classical romance	244
Ovchinnikov V. A., Gross I. L., Uskov K. V., Yermakov V. A. Technique and methodology of teaching a swing backward to a handstand on parallel bars	250
Poshtareva T. V., Pertsev A. N. Model for organizational and pedagogical management of military university cadets' professional socialization	257
Razov D. A., Salekhova L. L. Transformation of foreign language teachers' linguomethodological competence: from historical foundations to the challenges of artificial intelligence	263
Svechkarev V. G. Homework in primary school: theoretical and pedagogical analysis and reform prospects	273
Stepanova L. V., Nikolaeva A. D. Development patterns of additional education as a form of non-formal and informal upbringing of schoolchildren in the context of globalization and national specifics	283
Tyshchenko E. G., Starodubtsev M. P. The impact of social stability on the mastery of skiing by power structure cadets in the initial training period	289
Fedorova S. N., Nikiforova A. A. Developing digital competence of preschool teachers: diagnostic results and methodological support	297
Tsvetkova I. V. The impact of school upbringing on the value orientations of Togliatti graduates	303
Tsvetkova I. V. The engagement of Master students in research work as a factor of preparing for postgraduate studies (using the example of Togliatti State University)	308
Zhou Shenkai, Sklyarova T. V. Problems of teaching basic piano skills to children in professional development programs for music teachers in China	313
Yurin A. A., Orekhova E. Y. Adaptive testing as a mechanism for individualizing students' foreign-language academic writing instruction: a data-driven approach	320
Yaroshinskaya A. P., Karpenko V. N., Yankevich I. E. Theoretical and methodological problems of didactic potential of innovative forms in inclusive education among students	328

Avdeeva T. I. Training future teachers for historical and educational activities in primary school	334
Agranovich G. V. The “Administrative Vacation” technology in the professional training of a future education manager	341
Azizova L. Kh. Professional self-organization of a future teacher in an inclusive educational environment: ethno-cultural aspect	346
Ananchenkova P. I. Institutional foundations of corporate training systems development in modern Russia	353
Babichev S. A., Makhinin A. N. Formation of personality of a safe type among cadets at educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs: pedagogical aspects	359
Balandin D. A. On the use of artificial intelligence in managing students’ research activities: experience, problems and prospects	366
Borisova V. V., Suprun A. A., Dutova I. V. Differentiated development of strength abilities as a factor increasing the speed of combat techniques in Brazilian jiu-jitsu	372
Demtsura S. S., Pluzhnikova I. I., Dmitrieva E. Yu., Tukhvatulina K. A. Development of financial literacy in university students	379
Dutova I. V., Borisova V. V., Dutova T. M. A study on stress-related symptoms and the potential of physical education classes in correcting stress manifestations among university students	386
Eremeeva O. A. Pedagogical subjectness as a phenomenon of educational practice and a theoretical concept	393
Zentsova I. M., Chaynikova G. R., Kontarev A. D., Lepenyshev Yu. V. The methodology of laboratory work to determine the coefficient of restitution upon impact of solids	399
Kalinina S. B., Burenina S. Yu. Anthropological space of the modern university educational environment in the context of students’ professional training (on the example of Pskov State University)	407
Keshelyan A. V., Strazhkova E. A., Vodchits-Ozmidova A. S. Methodology for using KOMPAS-3D to visualize projection problems in the study of descriptive geometry	413
Kozhevnikova V. V., Krylova E. A. Personal education and psychological and pedagogical support: new facets of the educational environment and psychological well-being	420
Kozlov N. I. The teacher’s educational function in the system of continuous teacher education: normative analysis and development prospects	429
Kopilov S. N. The importance of an internship in the training of future tool fitters	436
Kuprina T. V., Jiang Xinying Developing Chinese students’ intercultural communication skills using case study method in Quizlet digital app	443
Leonov V. V. The system of civic-patriotic education in Russia	449
Churkina A. S., Suprun A. A., Skrzhinsky A. M., Borisova V. V. Interrelation of mental skills and anxiety indicators in highly qualified female rhythmic gymnasts during the competitive period	456
Shkerina T. A. Inclusive competence of a future teacher: essence, structure and levels of development	464
Yun-Khay S. A., Korotkov Y. S., Makhakova L. S. Development of professional and personal competencies through volunteering: a regional aspect (a case study of the Republic of Buryatia)	473
Beloglazova Yu. V. Improving special physical training of synchronized swimmers at the stage of elite sports mastery	481
Ge Taizhan Accessible forms of classical dance as a means of achieving a special emotional effect in the professional training of ballet teachers	489

Drandrov D. A. Organizing blended learning in social sciences for 6th-grade students with the focus on personality development and learning activity	495
Dong Ruina Pedagogical support for the development of preschoolers' initiative in play activities: assessment and cross-cultural analysis (Russia and China)	505
Zaitsev A. V. Developing a value-based attitude to professional activity among contract military personnel	511
Kamaev T. E. Personality-oriented interaction as a foundation for value-meaningful training of future teachers in a historical region university	517
Kovalenko A. S. Professional competencies of a foreign language teacher: the evolution of the olympiad movement and the needs of Primorsky Krai	523
Kolesnikov A. M. The concept of content generalization as a methodological basis for teaching students AHC striking technique	531
Kurbanova A. F. Pedagogical potential of digital educational technologies in the development of cadets' self-education competence	538
Mikloshevich K. S. Cognitive features of forming the position of a Russian law enforcement officer as a subject of an individual educational trajectory	544
Myakinkova S. N. Subject-activity technology for forming professionally-oriented transitivity among students — future specialists in the field of information technology at university	551
Pavlova T. A. Binary classification of electronic educational resources for the professional training of future foreign language teachers	559
Pirogova A. S. Methodology for developing learning motivation in ninth-grade students through assessment and evaluation activities in biology lessons	567
Rudnik V. V. A teacher-librarian as a subject of the educational process in a modern school: the specifics of professional activity	574
Sergeev M. O. Engaging older adolescents in solving situational tasks (case studies) as a pedagogical condition for fostering responsible use of natural resources.	580
Turkina D. A. Methods of acrobatic training in synchronized swimming at the stage of improving sports skills	586
Chang Ruoling Western music education systems in teaching students of Chinese music universities	594
Shakhnazaryan R. E. Pedagogical technology for the formation of musical culture among university students: results of experimental work	600
Yarycheva K. L. Pedagogical conditions for developing future social workers' readiness to interact with persons who have participated in combat	607

5.2. ЭКОНОМИКА

5.2. ECONOMY

Научная статья

УДК 331.108:005.21

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1674

Vladimir Petrovich Zhukovsky

Doctor of Pedagogy, Professor,
Vice-Rector,
Moscow Institute of Economics
Moscow, Russian Federation
vl0971@mail.ru

Владимир Петрович Жуковский

д-р пед. наук, профессор,
первый проректор,
Московский экономический институт
Москва, Российская Федерация
vl0971@mail.ru

Diana Valeryevna Terekhova-Pushnaya

Candidate of Economics, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Economics,
Moscow International Academy
Moscow, Russian Federation
pushnaya-dv@yandex.ru

Диана Валерьевна Терехова-Пушная

канд. экон. наук, доцент,
декан экономического факультета,
Московская международная академия
Москва, Российская Федерация
pushnaya-dv@yandex.ru

РОЛЬ НЕПРЕРЫВНОГО КОРПОРАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ БИЗНЕСА

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье рассматривается непрерывное корпоративное образование как один из ключевых механизмов обеспечения стратегической устойчивости бизнеса в условиях высокой неопределенности, цифровой трансформации и ускоренного обновления компетенций. Актуальность темы определяется тем, что конкурентоспособность современных организаций всё в большей степени зависит не только от наличия материальных ресурсов, но и от способности непрерывно обновлять знания, развивать персонал и адаптировать внутренние образовательные системы к изменяющимся условиям внешней среды. Цель исследования состоит в раскрытии роли непрерывного корпоративного образования в обеспечении стратегической устойчивости бизнеса, а также в выявлении условий, при которых образовательные инициативы трансформируются в долгосрочный фактор развития организации. В работе использованы методы сравнительного анализа, обобщения научной литературы, систематизации подходов, анализа открытых статистических материалов и логико-структурного метода. Показано, что непрерывное корпоративное образование влияет на устойчивость

бизнеса через развитие человеческого капитала, усиление адаптивности работников, снижение кадровых рисков, повышение инновационной активности и сокращение зависимости от внешнего рынка труда. Установлено, что наибольший эффект дают персонализированные, практико-ориентированные и цифровые форматы обучения, встроенные в бизнес-процессы и систему управления компетенциями. Сделан вывод о том, что непрерывное корпоративное образование следует рассматривать не как вспомогательную HR-функцию, а как стратегический механизм обеспечения организационной устойчивости, повышения гибкости и поддержания конкурентных преимуществ компании. Предложены авторские рекомендации по развитию образовательных экосистем, усилению связи обучения с KPI и внедрению предиктивной аналитики компетенций.

Ключевые слова: непрерывное корпоративное образование, стратегическая устойчивость, человеческий капитал, развитие персонала, корпоративное обучение, адаптивность организации, компетенции, кадровые риски, цифровая трансформация, управление знаниями, инновационность, конкурентоспособность

Для цитирования: Жуковский В. П., Терехова-Пушная Д. В. Роль непрерывного корпоративного образования в обеспечении стратегической устойчивости бизнеса // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 13—19. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1674.

Original article

THE ROLE OF CONTINUOUS CORPORATE EDUCATION
IN ENSURING STRATEGIC BUSINESS SUSTAINABILITY

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. *The article examines continuous corporate education as one of the key mechanisms for ensuring strategic business sustainability in conditions of high uncertainty, digital transformation, and accelerated competence renewal. The relevance of the topic is determined by the fact that the competitiveness of modern organizations increasingly depends not only on the availability of material resources, but also on the ability to continuously update knowledge, develop personnel, and adapt internal educational systems to changing external conditions. The purpose of the study is to reveal the role of continuous corporate education in ensuring strategic business sustainability, as well as to identify the conditions under which educational initiatives transform into a long-term factor of organizational development. The study uses comparative analysis, generalization of scientific literature, systematization of approaches, analysis of open statistical materials, and the logical-structural method. It shows that continuous corporate education affects business sustainability through the development of human capital,*

increased employee adaptability, reduced personnel risks, increased innovation activity, and reduced dependence on the external labor market. The study finds that personalized, practice-oriented, and digital learning formats integrated into business processes and the competence management system have the greatest impact. It is concluded that continuous corporate education should be viewed not as an auxiliary HR function, but as a strategic mechanism for ensuring organizational sustainability, increasing flexibility, and maintaining the company's competitive advantages. The article provides author's recommendations for developing educational ecosystems, strengthening the connection between learning and KPI, and implementing predictive analytics of competencies.

Keywords: *continuous corporate education, strategic sustainability, human capital, personnel development, corporate training, organizational adaptability, competencies, personnel risks, digital transformation, knowledge management, innovation, competitiveness*

For citation: Zhukovsky V. P., Terekhova-Pushnaya D. V. The role of continuous corporate education in ensuring strategic business sustainability. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):13—19. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1674.

Введение

Актуальность исследования обусловлена совокупностью экономических, организационных и кадровых факторов. Во-первых, в современной экономике резко возрастает скорость обновления технологий, вследствие чего знания и навыки работников устаревают значительно быстрее, чем в предыдущие периоды. Во-вторых, работодатели сталкиваются с устойчивым разрывом между востребованными и фактически имеющимися компетенциями персонала, что требует перехода от разовых форм подготовки к непрерывным образовательным практикам. В-третьих, рост текучести кадров, удорожание найма и усиление конкуренции за квалифицированных работников повышают значимость внутренних механизмов развития персонала как более устойчивого источника кадрового обеспечения. В-четвертых, в условиях цифровизации и организационной турбулентности стратегическая устойчивость бизнеса всё в большей степени зависит от способности компании не только адаптироваться к изменениям, но и заранее готовить работников к новым функциям, ролям и технологическим требованиям. В этих условиях непрерывное корпоративное образование становится важным инструментом укрепления человеческого капитала, снижения кадровых и операционных рисков, поддержки инновационной активности и формирования внутриорганизационной способности к самообновлению.

Изученность проблемы. Проблема непрерывного корпоративного образования и его влияния на устойчивость бизнеса получила достаточно широкое освещение в зарубежной и отечественной научной литературе, однако исследуется преимущественно через отдельные аспекты — развитие персонала, вовлеченность обучающихся, перенос результатов обучения в практику, управление знаниями, человеческий капитал и стратегическое управление персоналом.

Существенный вклад в разработку теоретических оснований корпоративного обучения внесли Р. А. Ноз, М. Дж. Тьюз и Э. МакКоннелл Дэчнер, которые рассматривают вовлеченность обучающегося как ключевое условие эффективности обучения на рабочем месте и повышения результативности образовательных инициатив в организации [1]. Г. Агинис и К. Крейгер обосновывают многомерный эффект обучения и развития, показывая, что инвестиции в обучение создают положительные результаты не только для отдельного работника, но и для команд, организаций и общества в целом, что особенно важно для понимания обучения как фактора устойчивости бизнеса [2]. К. Дириани с соавторами подчеркивают критическую роль развития человеческих ресурсов в кризисных условиях и связывают развитие лидерских компетенций с организационной способностью преодолевать нестабильность и сохранять управляемость [3]. А. Малик, Ф. Дж. Фройси и П. Шарма исследуют роль управления человеческими ресурсами в интеграции знаний, доказывая, что системы управления человеческими ресурсами и обучения выступают механизмом объединения, распространения и применения знаний внутри организации, а значит, непосредственно участвуют в поддержании ее стратегической устойчивости [4]. Дж. Л. Хуанг, Дж. К. Форд и А. М. Райан акцентируют внимание на переносе результатов обучения в трудовое поведение и показывают, что именно реальное применение новых знаний и навыков является основой организационного эффекта от обучения [5].

В российской литературе корпоративное обучение как инструмент управления человеческими ресурсами последовательно рассматривается в работах П. И. Ананченковой, В. И. Буракова и М. Г. Спасенниковой, которые раскрывают его значение как элемента системы развития персонала и подчеркивают необходимость увязки образовательных

программ с целями управления человеческими ресурсами [6]. В исследовании В. В. Тонконог и П. И. Ананченко анализируется практика корпоративного обучения в зарубежных компаниях, что позволяет выявить наиболее эффективные модели непрерывного профессионального развития и показать их связь с кадровой устойчивостью организаций [7]. Теоретико-методологические основания исследования человеческого капитала представлены в работе этих авторов рассматривает человеческий капитал как стратегический ресурс, требующий постоянного воспроизводства и обновления через образовательные механизмы [8]. Инвестиционный характер затрат на корпоративное обучение проанализирован и обоснован в работах А. А. Кондаковой [9], С. С. Мургузалиева, О. П. Овчинниковой, А. П. Рожкова [10], К. Б. Сафонова [11]. Особенности корпоративного обучения на предприятиях и в организациях разной отраслевой принадлежности рассмотрены в работах А. А. Горского [12], Н. Н. Трофимовой [13], М. М. Чажаева, Л. А. Бекботова, Х. А. Хасиева [14], Г. И. Смольяковой [15].

Таким образом, существующие исследования формируют значимую теоретическую и эмпирическую базу для осмысления корпоративного обучения как важного инструмента развития персонала, человеческого капитала и организационной адаптивности. Вместе с тем в научной литературе еще недостаточно полно раскрыта именно роль непрерывного корпоративного образования как системного фактора стратегической устойчивости бизнеса, действующего через совокупность взаимосвязанных механизмов — обновление компетенций, снижение кадровых рисков, укрепление вовлеченности, перенос знаний в бизнес-процессы и формирование способности организации к самообновлению.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью перехода от узкого понимания корпоративного обучения как поддерживающей *HR*-функции к его рассмотрению как стратегического ресурса организационного развития. Для российских организаций особую значимость приобретают вопросы технологической независимости, внутреннего воспроизводства квалификаций и снижения зависимости от внешних источников кадрового пополнения. В этих условиях непрерывное корпоративное образование становится не только средством развития работников, но и условием сохранения устойчивости бизнес-процессов, управляемости и конкурентоспособности компании.

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании роли непрерывного корпоративного образования в обеспечении стратегической устойчивости бизнеса и в выявлении условий, при которых образовательные практики превращаются в долгосрочный фактор организационной устойчивости, адаптивности и конкурентоспособности. **Задачи** исследования заключаются в следующем:

- раскрыть сущность непрерывного корпоративного образования в системе управления человеческими ресурсами;
- определить его связь со стратегической устойчивостью бизнеса;
- выявить основные механизмы влияния обучения на развитие человеческого капитала, адаптивность, инновационность и снижение кадровых рисков;
- проанализировать современные формы и инструменты корпоративного образования, обеспечивающие устойчивость организации;
- определить условия результативности непрерывного корпоративного образования в стратегическом управлении компанией;

– сформулировать авторские выводы и практические рекомендации по совершенствованию образовательных практик в интересах устойчивого развития бизнеса.

Научная новизна исследования заключается в том, что непрерывное корпоративное образование рассматривается не как совокупность отдельных обучающих мероприятий, а как многоуровневый механизм обеспечения стратегической устойчивости бизнеса. В работе обосновано, что его влияние проявляется через три взаимосвязанных канала: развитие и обновление компетенций работников, снижение кадровых и операционных рисков, а также формирование внутренней способности организации к самообновлению. Уточнено содержание непрерывного корпоративного образования как стратегически встроенной образовательной системы, связанной с компетентностной моделью, управлением знаниями, вовлеченностью работников, аналитикой человеческих ресурсов и бизнес-целями организации. Предложен подход к интерпретации корпоративного образования как инфраструктуры устойчивости, сопоставимой по значимости с технологическими и управленческими ресурсами компании.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии научных представлений о взаимосвязи корпоративного обучения, человеческого капитала, управления знаниями и стратегической устойчивости бизнеса. Работа расширяет теоретические подходы экономики труда, управления человеческими ресурсами и организационного развития за счет обоснования того, что устойчивость бизнеса должна рассматриваться не только как финансовая или организационная категория, но и как функция непрерывного развития знаний и навыков работников.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при проектировании корпоративных образовательных систем, разработке кадровых стратегий, формировании моделей компетенций и внедрении инструментов управления организационной устойчивостью. Полученные выводы могут быть применены при создании программ непрерывного обучения, корпоративных университетов, наставнических практик, цифровых платформ развития персонала и систем *HR*-аналитики.

Основная часть

Методология исследования. Методологическая основа исследования включает междисциплинарный подход, объединяющий положения экономики труда, теории человеческого капитала, стратегического менеджмента, организационного обучения и управления персоналом. Такой подход позволяет рассматривать непрерывное корпоративное образование не изолированно, а в связи с основными механизмами устойчивости бизнеса.

В качестве методов исследования использованы сравнительный анализ, который позволил сопоставить различные концепции обучения и устойчивости; метод обобщения, примененный для систематизации научных публикаций; логико-структурный метод, обеспечивший выстраивание причинно-следственных связей между образовательными практиками и результативностью бизнеса.

Результаты исследования и их обсуждение. По мнению многих исследователей непрерывное корпоративное образование выполняет в организации не вспомогательную, а системообразующую функцию [6–9]. Его значение проявляется в том, что компания получает возможность не только повышать текущую квалификацию персонала, но и формировать способность к самообновлению,

без которой стратегическая устойчивость в современной экономике невозможна. Теоретический анализ представленного положения позволяет рассматривать непрерывное корпоративное образование как ключевой элемент современной теории управления организацией и человеческими ресурсами. Прежде всего, утверждение о том, что непрерывное корпоративное образование выполняет не вспомогательную, а системообразующую функцию, означает изменение его статуса в структуре организации.

В классической модели управление персоналом часто воспринимало обучение как поддерживающий инструмент, направленный на устранение локальных дефицитов знаний и навыков. Однако в условиях ускоренного технологического обновления этого уже недостаточно. Теоретически это соответствует переходу от функционального понимания обучения к институциональному, когда образование становится механизмом воспроизводства самой организации как развивающейся системы. Обучение перестает быть внешним дополнением к бизнес-процессам и начинает участвовать в формировании их внутренней логики. Это означает, что знания, навыки и компетенции работников приобретают свойство не только индивидуальной, но и организационной ценности. В корпоративном контексте эта идея получает расширенное толкование: инвестиции в обучение повышают не только производительность отдельного сотрудника, но и способность организации поддерживать конкурентоспособность в долгосрочной перспективе [9]. Следовательно, непрерывное корпоративное образование выступает каналом капитализации человеческих ресурсов.

Особое значение имеет формулировка о способности к самообновлению. Теоретически это соотносится с концепцией обучающейся организации, согласно которой организация должна быть способна постоянно пересматривать свои практики, знания и модели поведения [6; 10; 11]. Самообновление в данном случае означает не просто адаптацию к изменениям, а внутреннюю способность создавать новые компетенции, перераспределять знания и трансформировать рабочие процессы без критической зависимости от внешних источников.

Таким образом, теоретический анализ показывает, что рассматриваемый тезис фиксирует переход от узкого понимания обучения как *HR*-инструмента к более широкому пониманию его как основы организационного развития. Непрерывное корпоративное образование в современных условиях следует трактовать как механизм стратегического воспроизводства человеческого капитала, обеспечивающий самообновление организации и ее долгосрочную устойчивость.

Первый важный результат исследования состоит в том, что непрерывное корпоративное образование выступает инструментом снижения зависимости от внешнего рынка труда. В условиях дефицита специалистов организация, которая системно развивает собственных работников, получает более устойчивый кадровый контур. Это особенно важно для высокотехнологичных, производственных, инфраструктурных и сервисных отраслей, где дефицит компетенций может напрямую влиять на выполнение ключевых бизнес-процессов. Как отмечают российские авторы, развитие персонала является не просто затратой, а инвестиционным механизмом формирования кадрового потенциала, способного поддерживать стратегические цели организации [9—11].

Второй результат связан с тем, что непрерывное обучение усиливает адаптивность бизнеса. Адаптивность в данном контексте понимается как способность компа-

нии быстро перестраивать процессы, роли и компетенции в ответ на внешние изменения. Работники, которые регулярно обучаются, легче переходят на новые цифровые инструменты, быстрее осваивают обновленные технологии, устойчивее реагируют на изменения в производственных и управленческих процедурах [6—8]. Это особенно значимо в условиях цифровой трансформации, когда даже устойчивые бизнес-модели вынуждены постоянно менять операционные практики. Следовательно, корпоративное образование должно развивать не только узкопрофессиональные, но и метакомпетенции, позволяющие работнику адаптироваться к неопределенности.

Третий важный результат заключается в том, что непрерывное корпоративное образование снижает организационные риски. Эти риски имеют несколько форм. Во-первых, это риск кадрового разрыва, возникающего в случае массового ухода работников или их несоответствия новым требованиям. Во-вторых, это риск технологического отставания, если персонал не успевает осваивать новые системы и инструменты. В-третьих, это риск потери знаний, когда критически важные компетенции сосредоточены у ограниченного числа специалистов и не передаются внутри организации. В-четвертых, это риск снижения вовлеченности, если сотрудники не видят возможностей для развития. Непрерывное обучение позволяет уменьшать все перечисленные риски, поскольку создает внутри компании механизм постоянной передачи знаний, обновления навыков и подготовки резервных кадров.

Для систематизации ключевых эффектов непрерывного корпоративного образования представим влияние непрерывного корпоративного образования на стратегическую устойчивость бизнеса в табл. 1.

Таблица 1

Влияние непрерывного корпоративного образования на стратегическую устойчивость бизнеса

Направление воздействия	Содержание эффекта	Проявление в организации
Развитие компетенций	Обновление знаний и навыков сотрудников	Повышение качества выполнения задач
Адаптивность	Освоение новых технологий и процедур	Быстрая реакция на изменения среды
Снижение рисков	Уменьшение кадровых и операционных потерь	Стабильность бизнес-процессов
Удержание персонала	Рост вовлеченности и лояльности	Снижение текучести кадров
Инновационность	Генерация улучшений и новых решений	Рост конкурентоспособности
Самообновление организации	Внутреннее воспроизводство компетенций	Стратегическая устойчивость

Примечание: сост. авторами.

Четвертый результат касается изменения самой логики корпоративного обучения. Если ранее оно часто ограничивалось эпизодическими тренингами, то сегодня наиболее результативными становятся модели непрерывного образования, встроенные в работу. К ним относятся

микрообучение, смешанное обучение, наставничество, обучение на рабочем месте, внутренние университеты, цифровые платформы, библиотеки знаний и корпоративные сообщества практики. Как подчеркивают российские исследователи, современное корпоративное обучение должно быть не «отдельным событием», а частью повседневного рабочего процесса, в котором знания доступны тогда, когда они реально нужны сотруднику [1—3; 12—14].

Пятый результат исследования связан с организационной устойчивостью как более широким понятием. Стратегическая устойчивость бизнеса включает не только способность выживать в кризис, но и способность развиваться, сохранять

управляемость, поддерживать качество решений и обеспечивать воспроизводство ключевых компетенций. Непрерывное корпоративное образование влияет на эту устойчивость через несколько механизмов, обеспечивающих «гибкость компетенций», т. е. способность сотрудников быстро переходить на новые функции; усиление внутренней коммуникации; через формирование так называемой «культуры развития» как постоянного процесса обучения.

Для более наглядного представления логики влияния непрерывного корпоративного образования на устойчивость бизнеса целесообразно использовать следующую схему, представленную на рисунке.

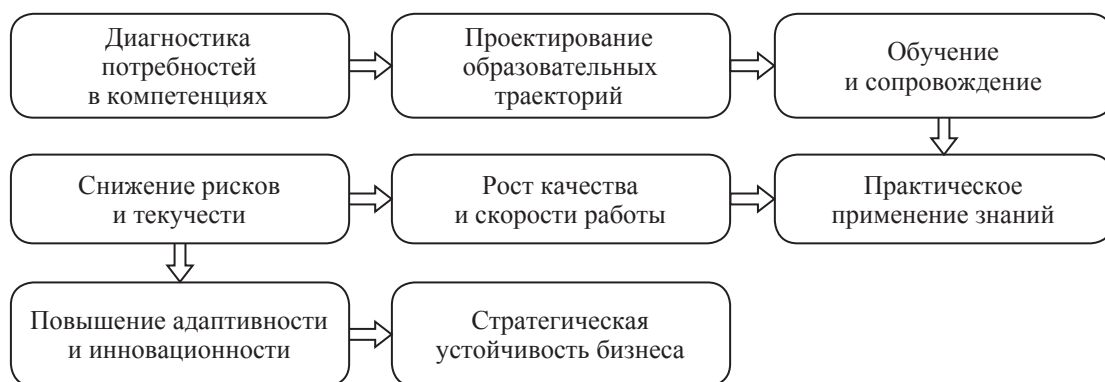

Рис. Механизм влияния непрерывного корпоративного образования на стратегическую устойчивость бизнеса (сост. авторами)

Еще один существенный результат состоит в том, что эффективность непрерывного корпоративного образования зависит от управленческой поддержки. В этом смысле устойчивость бизнеса обеспечивается не только через содержание обучения, но и через культуру управления, в которой развитие персонала рассматривается как часть стратегии.

Российские и международные исследования фиксируют, что предприятия с развитой системой внутреннего обучения лучше справляются с кадровым дефицитом и показывают более высокую способность к инновациям [2; 4—12]. Таким образом, рабочая гипотеза исследования подтверждается: непрерывное корпоративное образование действительно является одним из ключевых факторов стратегической устойчивости бизнеса.

Полученные результаты позволяют уточнить место непрерывного корпоративного образования в системе стратегического управления. На теоретическом уровне оно выступает формой воспроизводства человеческого капитала, на организационном уровне — инструментом стабилизации процессов, а на стратегическом уровне — фактором конкурентоспособности. В этом смысле образование перестает быть вспомогательной услугой и становится ядром адаптационной модели бизнеса.

Авторская позиция заключается в том, что устойчивость бизнеса сегодня формируется не только через финансовую или производственную дисциплину, но и через устойчивость компетенций. Следовательно, непрерывное корпоративное образование следует рассматривать как инфраструктуру устойчивости, аналогичную финансовым резервам или технологическим платформам.

Таблица 2
Формы непрерывного корпоративного образования и их вклад в устойчивость бизнеса

Форма обучения	Характеристика	Вклад в устойчивость
Микрообучение	Краткие модули по конкретным задачам	Быстрое обновление навыков
Наставничество	Передача опыта от экспертов к новичкам	Сохранение знаний и преемственность
Смешанное обучение	Комбинация онлайн- и офлайн-форматов	Гибкость и масштабируемость
Обучение на рабочем месте	Освоение навыков в реальной деятельности	Высокая практическая применимость
Корпоративные университеты	Системные внутренние образовательные структуры	Формирование кадрового резерва
Сообщества практики	Обмен знаниями между сотрудниками	Распространение лучших практик

Примечание: сост. авторами.

Закключение

Проведенное исследование подтвердило, что непрерывное корпоративное образование является одним из наиболее значимых факторов стратегической устойчивости бизнеса. Оно обеспечивает развитие человеческого капитала, повышает адаптивность работников, снижает кадровые и операционные риски, поддерживает инновационную активность и усиливает способность организации к самообновлению.

В ходе работы было установлено, что наибольший эффект достигается тогда, когда образовательные процессы носят непрерывный, практико-ориентированный и персонализированный характер, а также встроены в стратегию компании.

Авторский вывод состоит в том, что корпоративное образование должно рассматриваться как стратегический актив, а не как вспомогательная HR-функция. Его ценность проявляется в способности организации сохранять устойчивость в условиях неопределенности и одновременно развиваться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Noe R. A., Tews M. J., McConnell Dachner A. Learner Engagement: *A New Perspective for Enhancing Our Understanding of Learner Motivation and Workplace Learning* // The Academy of Management Annals. 2010. Vol. 4. Iss. 1. Pp. 279—315. DOI: 10.1080/19416520.2010.493286.
2. Aguinis H., Kraiger K. Benefits of Training and Development for Individuals and Teams, Organizations, and Society // *Annual Review of Psychology*. 2009. Vol. 60. Pp. 451—474. DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163505.
3. Leadership competencies and the essential role of human resource development in times of crisis: a response to Covid-19 pandemic / K. M. Dirani, M. Abadi, A. Alizadeh et al. // *Human Resource Development International*. 2020. Vol. 23. Iss. 4 : Impact of the COVID-19 Pandemic on Work, Worker, and Workplace!? Implications for HRD Research and Practices in Time of Crisis. Pp. 380—394. DOI: 10.1080/13678868.2020.1780078.
4. Malik A., Froese F. J., Sharma P. Role of HRM in knowledge integration: Towards a conceptual framework // *Journal of Business Research*. 2020. Vol. 109. Pp. 524—535. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.01.029.
5. Huang J. L., Ford J. K., Ryan A. M. Ignored No More: Within-person Variability Enables Better Understanding of Training Transfer // *Academy of Management Annual Meeting Proceedings*. 2014. Vol. 2014. No. 1. Art. 14097. DOI: 10.5465/ambpp.2014.14097abstract.
6. Ананченкова П. И., Бураков В. И., Спасенникова М. Г. Корпоративное обучение как инструмент управления человеческими ресурсами // *Baikal Research Journal*. 2019. Т. 10. № 3. Ст. 9. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).9.
7. Тонконог В. В., Ананченкова П. И. Корпоративное обучение в практике зарубежных компаний // *Труд и социальные отношения*. 2023. Т. 34. № 4. С. 82—92. (На англ. яз.)
8. Ананченкова П. И., Тонконог В. В. Теоретико-методологические аспекты исследования человеческого капитала // *Труд и социальные отношения*. 2023. Т. 34. № 1. С. 116—123. (На англ. яз.) DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-1-116-123.
9. Кондакова А. А. Вовлеченность персонала как инструмент управления человеческими ресурсами в современных организациях // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2024. № 1(13). С. 104—110. DOI: 10.24412/1994-3776-2024-1-104-110.
10. Муртузалиев С. С., Овчинникова О. П., Рожков А. П. Корпоративное обучение как инструмент обеспечения развития компании // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2024. № 4(145). Т. 2. С. 52—59. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.04.02.007.
11. Сафонов К. Б. О взаимосвязи особенностей организационного развития и аспектов реализации практик корпоративного обучения персонала // *Глобальный научный потенциал*. 2024. № 5(158). С. 371—374.
12. Горский А. А. Адаптация корпоративного менеджмента и управления человеческими ресурсами в некоммерческих организациях // *Путеводитель предпринимателя*. 2023. Т. 16. № 3. С. 76—80. DOI: 10.24182/2073-9885-2023-16-3-76-80.
13. Трофимова Н. Н. Корпоративное обучение как фактор повышения профессиональных компетенций и развития человеческого капитала наукоемких производств // *Экономика образования*. 2020. № 5(120). С. 52—63.
14. Чажаева М. М., Бекботова Л. А., Хасиева Х. А. Аналитика человеческих ресурсов как инструмент стратегического управления персоналом // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2025. № 11(164). Т. 8. С. 34—40. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.11.08.005.
15. Смольякова Г. И. Корпоративное обучение муниципальных служащих как личностная потребность // *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. Вып. 62. Ч. 4. С. 205—208.

REFERENCES

1. Noe R. A., Tews M. J., McConnell Dachner A. Learner Engagement: *A New Perspective for Enhancing Our Understanding of Learner Motivation and Workplace Learning*. *The Academy of Management Annals*. 2010;4(1):279—315. DOI: 10.1080/19416520.2010.493286.
2. Aguinis H., Kraiger K. Benefits of Training and Development for Individuals and Teams, Organizations, and Society. *Annual Review of Psychology*. 2009;60:451—474. DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163505.
3. Dirani K. M., Abadi M., Alizadeh A. et al. Leadership competencies and the essential role of human resource development in times of crisis: a response to Covid-19 pandemic. *Human Resource Development International*. 2020;23(4):380—394. DOI: 10.1080/13678868.2020.1780078.
4. Malik A., Froese F. J., Sharma P. Role of HRM in knowledge integration: Towards a conceptual framework. *Journal of Business Research*. 2020;109:524—535. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.01.029.
5. Huang J. L., Ford J. K., Ryan A. M. Ignored No More: Within-person Variability Enables Better Understanding of Training Transfer. *Academy of Management Annual Meeting Proceedings*. 2014;2014(1):14097. DOI: 10.5465/ambpp.2014.14097abstract.
6. Ananchenkova P. I., Burakov V. I., Spasennikova M. G. Corporate training as a tool of human resource management. *Baikal Research Journal*. 2019;10(3):9. (In Russ.) DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).9.
7. Tonkonog V. V., Ananchenkova P. I. Corporate training in the practice of foreign companies. *Trud i sotsial'nye otnosheniya = Labour and Social Relations Journal*. 2023;34(4):82—92.
8. Ananchenkova P. I., Tonkonog V. V. Theoretical and methodological aspects of human capital research. *Trud i sotsial'nye otnosheniya = Labour and Social Relations Journal*. 2023;34(1):116—123. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-1-116-123.
9. Kondakova A. A. Employee engagement as a human resource management tool in modern organizations. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy = Telescope: journal of sociological and marketing research*. 2024;1(13):104—110. (In Russ.) DOI: 10.24412/1994-3776-2024-1-104-110.
10. Murtuzaliev S. S., Ovchinnikova O. P., Rozhkov A. P. Corporate training as a tool for ensuring company development. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2024;4(145)-2:52—59. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.04.02.007.

11. Safonov K. B. On the relationship between the peculiarities of organizational development and aspects of the implementation of corporate staff training practices. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global Scientific Potential*. 2024;5(158):371—374. (In Russ.)
12. Gorsky A. A. Adaptation of corporate management and human resource management in non-profit organizations. *Putevoditel' predprinimatelya = Entrepreneur's Guide*. 2023;16(3):76—80. (In Russ.) DOI: 10.24182/2073-9885-2023-16-3-76-80.
13. Trofimova N. N. Corporate training as a factor for improving professional competencies and developing human capital in high-tech industries. *Ekonomika obrazovaniya*. 2020;5(120):52—63. (In Russ.)
14. Chazhaeva M. M., Bekbotova L. A., Khasieva Kh. A. Human resources analytics as a strategic human resources management tool. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2025;11(164)-8:34—40. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.11.08.005
15. Smolyakova G. I. Corporate training of municipal employees as a personal need. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2019;62(4):205—208. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.05.2026; одобрена после рецензирования 20.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 28.05.2026; approved after reviewing 20.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

арпро

Научная статья
УДК 332.1+338.485
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1663

Dmitry Alexandrovich Mikhalev
 Postgraduate of the Department of Management Technologies,
 field of training
 5.2.3 — Regional and sectoral economy,
 Yaroslav-the-Wise
 Novgorod State University
 Veliky Novgorod, Russian Federation
 d-mikhalev@novsu.ru

Tatiana Makhmutovna Eldieva
 Doctor of Economics, Associate Professor,
 Professor of the Department of Digital Economics
 and Management,
 Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
 Veliky Novgorod, Russian Federation
 Tatiana.Eldieva@novsu.ru

Дмитрий Александрович Михалёв
 аспирант кафедры технологий управления,
 направление подготовки
 5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,
 Новгородский государственный университет
 имени Ярослава Мудрого
 Великий Новгород, Российская Федерация
 d-mikhalev@novsu.ru

Татьяна Махмутовна Эльдиева
 д-р экон. наук, доцент,
 профессор кафедры цифровой экономики и управления,
 Новгородский государственный университет
 имени Ярослава Мудрого
 Великий Новгород, Российская Федерация
 Tatiana.Eldieva@novsu.ru

ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДА И ОЦЕНКА ЕГО ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье исследуется эволюция теоретических подходов к региональному брендингу и обосновывается необходимость перехода от декларативного имиджевого позиционирования к измеримому управлению социально-экономическими эффектами территории. Авторами систематизированы основные этапы развития концепций территориального бренда: от эпизодических рекламных кампаний 1970—1980-х гг. и статичной модели С. Анхольта до процессных и циклических подходов последнего десятилетия. Выявлен устойчивый пробел, присущий большинству существующих моделей, а именно отсутствие унифицированного количественного инструментария для эмпирической верификации эффективности брендинга. Для преодоления указанного ограничения предложена авторская четырехстадийная динамическая модель, построенная по принципу замкнутого управленческого цикла. Последовательность стадий включает диагностику ресурсного потенциала территории, концептуализацию брендовой идентичности, институциональную реализацию и количественную оценку достигнутых результатов. Завершающий этап, основанный на корреляционном анализе Пирсона и системе ключевых показателей, формирует обратную связь с исходной диагностической

стадией, что позволяет диагностировать структурные диспропорции реализации бренда. Апробация модели проведена на примере Новгородской области по данным за 2022—2025 гг. Установлена сильная положительная корреляция между туристским потоком и стоимостью реализованных турпакетов. В то же время зафиксирована умеренная связь с инвестициями в основной капитал. Данное расхождение количественно верифицирует феномен «разрыва в туризме» — ситуацию, при которой высокий имиджевый спрос не трансформируется в адекватную инвестиционную отдачу. На основе полученных результатов разработаны практические рекомендации, включающие формирование отраслевого инвестиционного кластера, создание премиальных туристических продуктов и внедрение цифровой платформы мониторинга с целевыми индикаторами до 2028 г. Предложенная модель может быть масштабирована на другие регионы с культурно-исторической специализацией.

Ключевые слова: региональный брендинг, инвестиционный кластер, культурно-исторический капитал, территориальный бренд, Новгородская область, корреляционный анализ Пирсона, разрыв в туризме, туристская привлекательность, динамическая модель, оценка эффективности

Для цитирования: Михалёв Д. А., Эльдиева Т. М. Эволюция регионального бренда и оценка его влияния на социально-экономическое развитие территории (на примере Новгородской области) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 20—29. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1663.

Original article

EVOLUTION OF A REGIONAL BRAND AND ASSESSMENT OF ITS IMPACT ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A TERRITORY (ON THE EXAMPLE OF THE NOVGOROD REGION)

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The article explores the evolution of theoretical approaches to regional branding and justifies the need to transition from declarative image positioning to measurable management of the socio-economic effects of a territory. The authors systematize the main stages of territorial brand concept development: from episodic advertising campaigns of the 1970s-1980s and S. Anholt's static model to the process-oriented and cyclical approaches of the last decade. A persistent gap inherent in most existing models is identified, namely the absence of unified quantitative tools for empirical verification of branding effectiveness. To overcome this limitation, the authors propose their own four-stage dynamic model, built on the principle of a closed management cycle. The sequence of stages includes diagnosing the territory's resource potential, conceptualizing brand identity, institutional implementation, and quantitative assessment of achieved results. The final stage, based on Pearson's correlation analysis and a system of key performance indicators, forms feedback with the initial diagnostic stage, allowing for the diagnosis

of structural disproportions in brand implementation. The model's approbation was conducted using the Novgorod region as an example, with data from 2022-2025. A strong positive correlation is established between tourist flow and the cost of implemented tour packages. At the same time, a moderate link with investments in fixed assets is recorded. This discrepancy quantitatively verifies the "tourism gap" phenomenon – a situation where high image-driven demand does not translate into adequate investment returns. Based on the obtained results, practical recommendations are developed, including the formation of an industry investment cluster, the creation of premium tourism products, and the implementation of a digital monitoring platform with target indicators by 2028. The proposed model can be scaled to other regions with a cultural and historical specialization.

Keywords: regional branding, investment cluster, cultural and historical capital, territorial brand, Novgorod region, Pearson's correlation analysis, tourism gap, tourist attraction, dynamic model, efficiency assessment

For citation: Mikhalev D. A., Eldieva T. M. Evolution of a regional brand and assessment of its impact on the socio-economic development of a territory (on the example of the Novgorod region). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):20—29. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1663.

Введение

Актуальность. В современной экономике бренд территории становится важным фактором привлечения туристских потоков и инвестиций. Новгородская область, обладающая уникальным историко-культурным наследием (объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО, образ «Колыбели русской государственности»), демонстрирует позитивную динамику туристической привлекательности: рост турпотока в 2024 г. составил 58 %. Вместе с тем сопоставление имиджевых характеристик региона с ключевыми показателями его социально-экономического развития позволяет выявить направления для дальнейшего наращивания экономической отдачи от туристической отрасли.

Стратегия социально-экономического развития Новгородской области до 2031 г. (утв. Законом Новгородской области от 2 февраля 2026 г. № 814-ОЗ) определяет повышение инвестиционной и туристской привлекательности в качестве приоритетных направлений. Вместе с тем сохраняется разрыв между концептуальными установками и измеримыми социально-экономическими результатами.

Изученность проблемы. Современные исследования все чаще фиксируют смену парадигмы в восприятии территорий потребителями. Так, И. С. Сифуровой и Ю. В. Сорокиной [1] обозначено, что при относительно меньшем влиянии ресурсного разнообразия ведущую роль в восприятии играет качество предоставляемого сервиса и существующей инфраструктуры. М. А. Морозов [2] наличие диспропорций в развитии туристской инфраструктуры в первую очередь связывает с особен-

ностями различных видов туризма. Снижению неравномерности будут способствовать цифровые технологии, как один из повседневных инструментов нового поколения туристов. А. Е. Илларионовым и П. Ю. Макаровым [3] доказано, что повышение эффективности брендинга субъектов Российской Федерации невозможно без качественных управленческих решений со стороны региональных органов власти, а также разработки механизмов адаптации к изменяющимся внешним и внутренним условиям функционирования, что подтверждается в исследовании Г. А. Симонян, А. А. Сарян [4]. Изучены разные подходы к разработке и формированию бренда территории: М. В. Жиркова [5] говорит о бренде как об одном из универсальных инструментов регионального развития, тогда как А. А. Аграба [6] выделяет значимость оценки «впечатлений» для понимания брендинга территорий. И. В. Логунцова и А. С. Зайцева [7] выявили общие тренды в сфере российского геобрендинга городов, что позволяет продвигать собственные ценности и интересы на туристическом рынке территорий.

Исследуя возможности экономического потенциала регионов, А. И. Ковалёв, Е. В. Тюнюкова, Н. А. Щетинина [8] определяют, что для дальнейшего развития туризма необходимо формировать зоны опережающего экономического роста посредством использования отраслевой специализации регионов. Е. В. Фролова и О. В. Рогач [9] раскрывают возможности развития туризма в использовании социального (человеческого) ресурса. Т. Р. Лукашенко и Е. И. Охрименко [10] выделяют особое значение туризма, которое основывается на осознанной диверсификации видов туризма. Подобной позиции

придерживаются и В. И. Деньга и А. И. Карлова [11] и Д. А. Михалёв, А. К. Ромашко, Д. Н. Данильчик [12] в своих исследованиях внутреннего туризма. С. А. Корюкова [13] рассматривает возможность создания агломерационных образований (туристских кластеров) и продолжение развития рекреаций в регионе.

А. В. Александрова и С. Н. Горюшкина [14] исследуют вопросы правовой охраны региональных брендов, позволяющих посредством создания условий для применения современных механизмов коммерциализации объектов интеллектуальной собственности повысить доверие, уровень узнаваемости территории. А. Р. В. Скуба [15], исследуя взаимосвязь между активами и пассивами бренда определяет возможность расчета уровня его ценности. Проводимые фундаментальные и прикладные исследования позволяют выходить на новые горизонты, расширять подходы, модели и практики применения бренда для развития региональной экономики.

Целесообразность разработки темы. «Современный человек нацелен на приобщение к культурному наследию и ценностям той или иной территории... Он стремится обогатить свой внутренний мир, узнать новое, получить комплексное удовольствие от восприятия действительности...» [6, с. 281]. Именно поэтому сегодня брендинг территории должен опираться не только на функциональные характеристики (инфраструктура, логистика), но и на инструментарий экономики впечатлений, где ключевым продуктом становится эмоциональный опыт посетителя.

Целью проводимого исследования является оценка влияния бренда на ключевые показатели развития территории, посредством разработки динамической модели регионального бренда на базе анализа эволюции теоретических подходов к территориальному брендингу.

В рамках исследования были сформулированы следующие **задачи**:

1. Систематизировать теоретические подходы к эволюции регионального бренда как многостадийного процесса.
2. Реконструировать этапы формирования и реализации бренда Новгородской области.
3. Апробировать разработанную модель на данных Новгородской области за 2022—2025 гг., проведя количественную оценку влияния бренда на туризм, инвестиции и ВРП.
4. Разработать практические рекомендации по повышению эффективности брендовой политики.

Научная новизна работы определяется введением и количественной верификацией категории «разрыва в туризме» как измеримого индикатора эффективности регионального брендинга. На основе четырехстадийной эволюционной модели, интегрирующей корреляционный анализ Пирсона в управленческий цикл, получены количественные оценки дифференцированного влияния бренда, прослеживается сильная связь с туристскими эффектами ($r = 0,98$) и умеренная — с инвестиционной активностью ($r = 0,37$). Это позволяет не только диагностировать структурные диспропорции реализации бренда в регионах с культурно-историческим наследием (на примере Новгородской области), но и предложить инструментарий их преодоления в рамках замкнутого управленческого контура.

Теоретическая значимость исследования заключается в раскрытии этапов эволюции концепции брендинга позволяющих проследить его трансформацию от инструментального маркетинга к стратегическому фактору территориального развития.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов апробации для корректировки Стратегии социально-экономического развития Новгородской области и масштабирования на другие территории Северо-Западного федерального округа.

Основная часть

Современное социально-экономическое развитие России характеризуется повышающейся региональной конкуренцией за ресурсы и туристический трафик. Сегодня потребительский отклик, дополнительные инвестиции и развитие туристической отрасли получают лишь те регионы, кто способен сочетать культурную идентичность со стратегией территориального развития.

Методология исследования. В рамках исследования были использованы работы российских ученых, законодательные акты федерального и регионального уровня, а также открытые данные органов статистики. Для обобщения и систематизации информации применялся контент-анализ, метод дедукции и корреляционный анализ Пирсона.

Результаты исследования. Основоположителем теории национального брендинга является С. Анхольт, который понимает под ним «область знаний и практическую деятельность, направленную на измерение, выстраивание и управление репутацией стран». Развивая этот подход, А. Е. Илларионов и П. Ю. Макаров отмечают, что «одной из позиций региональной власти становится позиция имиджмейкера региона на внешнем рынке, а региональный бренд — инструментом государственного и муниципального управления» [3, с. 43]. Следуя этой логике, под региональным брендом понимается устойчивая совокупность ассоциаций, формирующих уникальное восприятие территории целевыми аудиториями и влияющих на их поведенческие реакции — инвестиционные решения, миграционные предпочтения, туристский спрос.

В отличие от коммерческого бренда, привязанного к конкретному продукту или услуге, региональный бренд является комплексной социально-экономической конструкцией, интегрирующей материальные (природно-ресурсный потенциал, инфраструктура, экономическая специализация) и нематериальные (историко-культурное наследие, институциональная среда, качество жизни) характеристики территории.

Структура регионального бренда включает следующие ключевые элементы:

- **Функциональное ядро** — объективные конкурентные преимущества (экономические показатели, транспортная доступность, ресурсная база).
- **Эмоциональное позиционирование** — ценностные ассоциации и образ территории.
- **Визуальная идентичность** — элементы фирменного стиля, слоганы, логотипы.
- **Институциональная поддержка** — нормативно-правовая база, включая регистрацию географических указаний и наименований места происхождения товаров.

Включение региональных брендов в систему национальной безопасности, а именно в сферу интеллектуальной безопасности, рассматривается как важная государственная задача. По мнению А. В. Александровой и С. Н. Горюшкиной, «правовая охрана региональных

брендов в виде НМПТ и ГУ (наименование места происхождения товара и географическое указание соответственно. — Д. М., Т. Э.) выступает действенным инструментом согласования баланса интересов личности, общества, бизнеса и государства в контексте обеспечения интеллектуальной безопасности» [14, с. 43]. Авторы определяют интеллектуальную безопасность как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих сохранение интеллектуального потенциала нации, интеллектуальной собственности индивидуума, бизнеса и государства» [14, с. 41]. Данный подход расширяет традиционное понимание регионального бренда как исключительно маркетингового инструмента и выводит его на уровень стратегического планирования.

Важно также разграничить понятия «региональный бренд» и «бренд территории». Если первый относится к субъектам Российской Федерации, то второй является более широким и может использоваться для обозначения брендов муниципальных образований и территорий, выделенных по иным принципам [3].

Концепция регионального бренда прошла четыре ключевых этапа эволюции, отражая трансформацию от инструментального маркетинга к стратегическому фактору территориального развития:

1. **Зарождение** (1970—1980-е гг.): бустеризм и «усиливающая» реклама. Истоки территориального брендинга восходят к практике продвижения мест, которая доминировала в 1970—1980-е гг. В этот период брендинг понимался узко — как «усилитель» экономической активности, инструмент привлечения внешних ресурсов (туристов, инвесторов, новых жителей) преимущественно через рекламу в СМИ и участие в выставках. Характерной чертой этапа была эпизодичность: кампании проводились точно, без опоры на системный анализ идентичности территории и без учета долгосрочных эффектов. Отсутствие стратегической глубины делало такой подход уязвимым: имиджевые послания часто отрывались от реального положения дел, а результаты продвижения было сложно измерить.

2. **Формирование** (1990-е гг.): статичная модель С. Анхолта. Поворотным моментом в развитии территориального брендинга стала работа С. Анхолта, который ввел понятие «конкурентной идентичности» и предложил модель «шестигранника» (*Nation Brands Hexagon*). Согласно данной модели, бренд страны (и, по аналогии, региона) формируется под воздействием шести факторов: туризм, экспорт, внешняя и внутренняя политика, инвестиции и иммиграция, культура и наследие, население. Сильной стороной подхода стала его комплексность — впервые бренд рассматривался не как рекламная кампания, а как многофакторный конструкт. Вместе с тем, структурная полнота модели Анхолта оборачивается ее статичностью: она дает «срез» текущего состояния бренда, но не объясняет, за счет каких механизмов одни элементы (например, культурное наследие) усиливают другие (инвестиционную привлекательность), и как бренд трансформируется под воздействием конкретных управленческих решений. Для практики регионального управления это означает, что на основе такой модели невозможно выстроить ни прогноз, ни цикл обратной связи. Именно поэтому для анализа современных стратегий, где брендинг всё чаще понимается как процесс, модель Анхолта оказывается недостаточной.

3. **Развитие** (2000-е гг.): процессная модель М. Каваратзиса. В противовес статичным конструкциям 1990-х гг., М. Каваратзис предложил трактовать брендинг территории не как фиксированную конфигурацию факторов, а как последовательное развертывание стадий — от внешних, визуальных форм до глубинной институциональной интеграции бренда в повседневную жизнь региона. Его четырехстадийная модель жестко задает порядок действий:

1) разработка логотипа и первичных визуальных маркеров;

2) создание имиджевой продукции (по сути — «открыточных» образов);

3) выстраивание системы слоганов и вербальной коммуникации;

4) формирование партнерств и инфраструктуры, работающей на поддержку бренда.

Достоинство подхода — в смене фокуса с «что есть» на «как делается». Однако, как и предшествующие концепции, модель Каваратзиса не предлагает измеримых критериев перехода от одной стадии к другой, оставляя открытым вопрос: когда логотип перестает быть просто символом и начинает реально влиять на экономику территорий.

4. **Современный** (2010—2020-е гг.): системные модели и их ограничения. В последнее десятилетие территориальный брендинг в российской науке оформился как самостоятельное направление регионального управления. М. С. Каган («Философия культуры») предложил рассматривать бренд территории через призму четырех взаимосвязанных подсистем (природной, экономической, социальной и культурной), подчеркивая необходимость системного подхода к формированию идентичности. Д. В. Визгалов в работе «Брендинг территории: методология и практика» представил циклическую модель, в основе которой лежит идея непрерывного процесса: от диагностики и анализа к созданию бренд-платформы, далее к реализации и последующей поддержке бренда с активным участием стейкхолдеров. А. Овчарова, в рамках «механизма формирования региональных брендов» предложила пятиэтапную модель, которая, помимо традиционных стадий анализа, разработки и реализации, включает блок мониторинга, что приближает теорию к потребностям стратегического планирования. Однако переход к системным и циклическим конструкциям сам по себе проблему оценки не снял. Все рассмотренные модели объединяет одно уязвимое место: ни одна из них не дает в руки исследователя или управленца унифицированного количественного инструментария, позволяющего измерить, насколько брендинг действительно эффективен. Мониторинг, если он вообще предусмотрен, трактуется сугубо качественно — как описание процессов, а не как расчет корреляций между конкретными брендовыми активностями (запуск кампаний, событийные мероприятия, обновление айдентики) и конечными социально-экономическими показателями (турпоток, инвестиции, доходы бизнеса). В результате возникает типичный для регионального управления разрыв: на уровне стратегий декларируется важность бренда, но на уровне контроля отсутствуют измеримые KPI, с помощью которых можно было бы обосновать бюджетные расходы на геобрендинг или скорректировать политику по данным обратной связи.

Обобщение этапов эволюции концепций брендинга и фиксация ограничений каждого из них представлены в табл. 1.

Таблица 1

Хронология эволюции концепции брендинга с ограничениями

Период	Ключевые авторы	Основной вклад	Ключевое ограничение
1970—1980-е	С. Вард	Бустеризм: продвижение мест через рекламу	Эпизодичность, отсутствие глубинной идентичности
1990-е	С. Анхолт	Модель «шестигранника» (шесть элементов бренда)	Статичность, отсутствие динамики
2000-е	М. Каваратзис	Четырехстадийная процессная модель	Качественный характер, нет измеримых метрик
2010—2020-е	М.С. Каган, Д.В. Визгалов, А. Овчарова	Системные и циклические модели, мониторинг	Мониторинг описательный, нет количественной верификации

Примечание: сост. авторами.

Обобщение материала по этапам эволюции (табл. 1) выявляет два устойчивых тренда. Первый — сдвиг от разовых рекламных акций 1970—1980-х гг., нацеленных на сиюминутный результат, к многофакторным стратегическим моделям 2010-х гг. В этих моделях бренд перестает быть только коммуникационной оберткой территории и начинает трактоваться как элемент институционального дизайна — через него пытаются влиять на инвестиционный климат, миграционные настроения и поведение ключевых стейкхолдеров. Второй — анализ выявляет устойчивый пробел, сохраняющийся на всех этапах, — отсутствие унифицированных количественных методов оценки эффективности брендинга. Доминирование каче-

ственного подхода в моделях 1990—2010-х гг. делает невозможным эмпирическую верификацию «разрывов» между динамикой бренда и социально-экономическими показателями территории.

Для обоснования путей преодоления данного ограничения необходим сравнительный анализ существующих моделей по критериям, релевантным задачам исследования. В табл. 2 сопоставлены основные подходы (Анхолт, Каваратзис, Каган, Овчарова) по следующим параметрам:

- количество стадий/элементов;
- наличие инструментов оценки эффективности;
- адаптированность к регионам с культурно-исторической специализацией.

Таблица 2

Сравнение моделей территориального брендинга

Автор, год	Количество стадий/элементов	Наличие инструментов оценки	Адаптированность к культурным регионам Российской Федерации	Ключевое ограничение
С. Анхолт, 2007	Шесть элементов	Отсутствуют	Средняя (культура — один из шести элементов)	Статичность, нет процессности
М. Каваратзис, 2004	Четыре стадии	Отсутствуют (качественное описание)	Низкая (универсальная модель)	Нет метрик для оценки перехода между стадиями
М.С. Каган, 2010-е	Четыре подсистемы	Отсутствуют	Высокая (выделена культурно-историческая подсистема)	Абстрактность, сложность операционализации
А. Овчарова, 2020	Пять этапов	Частично (мониторинг, но без количественных методов)	Средняя (универсальная модель)	Мониторинг описательный, нет корреляций

Примечание: сост. авторами.

Результаты сравнения позволят идентифицировать элементы, которые могут быть заимствованы и развиты в авторской эволюционной модели, а также определить направления ее дополнения недостающим количественным инструментарием.

Проведенный в табл. 2 сравнительный анализ существующих моделей территориального брендинга по критериям стадийности, наличия оценочного блока и адаптированности к культурным регионам позволяет зафиксировать принципиальное ограничение, общее для всех рассмотренных подходов. Независимо от типа модели (элементная, процессная, системная, циклическая) ни одна из них не предлагает унифицированного количественного инструментария для оценки эффективности брендинга. Отсутствие верифицируемых метрик не дает возможности измерить силу связи между брендовыми активностями и результирующими социально-экономическими показателями, а также ди-

агностировать «разрывы реализации» — ситуации, при которых высокий имиджевый потенциал территории (характерный, например, для регионов с богатым культурным наследием) не конвертируется в адекватный экономический результат.

Преодоление данного ограничения потребовало разработки принципиально иной — динамической — модели, в которой количественная оценка становится не внешним дополнением, а неотъемлемым элементом управленческого цикла. Предлагаемая авторская эволюционная модель (см. рис.) представляет собой четырехстадийный цикл с обратной связью (диагностика → концептуализация → институциональная реализация → количественная оценка), где завершающий этап, основанный на корреляционном анализе Пирсона и системе KPI, замыкает контур управления и создает основу для выявления и коррекции системных диспропорций, подобных «разрыву в туризме».

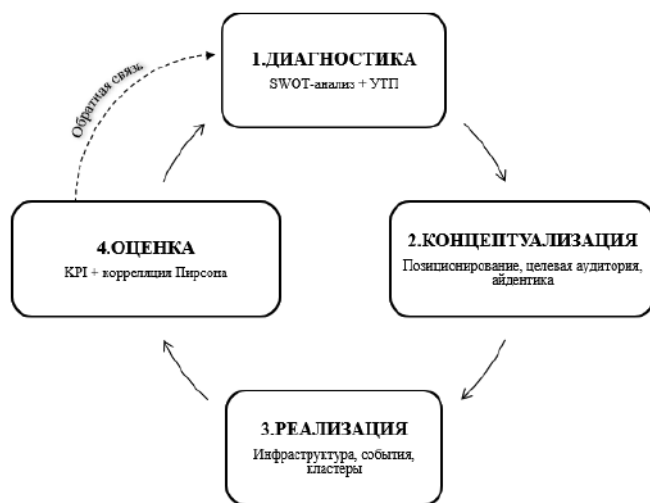

Рис. Авторская модель территориального брендинга

Предложенная модель построена как четырехстадийный цикл с обратной связью. Брендинг трактуется не как разовый имиджевый проект, а как непрерывный управленческий контур, в котором каждая стадия последовательно переводит ресурсы территории в измеримые экономические результаты.

1. **Диагностический этап** — инвентаризация ресурсного потенциала. Инструментарий: *SWOT*-анализ, *PEST*-оценка внешней среды, выявление уникального торгового предложения (далее — УТП). На выходе — систематизированные конкурентные преимущества и функциональное ядро бренда с четко фиксированным приоритетом развития.

2. **Концептуальный этап** — переход от диагностики к брендовой идентичности. Включает: сегментацию аудиторий (не более 2—3 приоритетных групп, иначе бренд «размывается»), разработку ключевых смыслов и ценностных ассоциаций, создание визуальной айдентики. Результат — брендбук с зафиксированным позиционированием и коммуникационной платформой.

3. **Институциональная реализация** — материализация концепции в управленческих действиях. Охватывает инфраструктурные проекты, событийную политику, кластеризацию экономики, нормативно-правовое закрепление бренда. Ключевой момент — встраивание брендовой концепции в систему территориального управления и стратегического планирования. Итог — развернутая система брендовых активностей.

4. **Этап количественной оценки** — эмпирическая верификация экономической эффективности. Используются *KPI* и корреляционный анализ Пирсона, который измеряет линейную связь между индикаторами спроса на бренд (например, динамика турпотока) и социально-экономическими результатами территории.

Коэффициент корреляции Пирсона r — это безразмерный индекс в интервале от -1 до 1 , который отражает степень линейной зависимости между двумя множествами данными. Если $r > 0$, то связь между показателями прямая, если $r < 0$ — обратная связь, если $r = 0$, то линейной связи нет. Формула представляет собой следующее равенство [1]:

$$r = \frac{\sum (x_i - \bar{x}) \cdot (y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \cdot \sum (y_i - \bar{y})^2}},$$

где x_i — значения индикатора спроса на бренд (например, динамика туристического потока за i -й период);

y_i — значения социально-экономического показателя (например, доля туризма в ВРП за i -й период)

Полученные коэффициенты служат основой для диагностики системных диспропорций и формирования рекомендаций для следующего витка цикла.

Применение коэффициента корреляции Пирсона для оценки факторов туристской привлекательности регионов получило широкое распространение в современных исследованиях. Так, И. С. Сифуровой и Ю. В. Сорокиной [1] коэффициент Пирсона был использован на примере Краснодарского края для количественного измерения влияния уровня сервиса, состояния инфраструктуры и транспортной доступности на итоговый рейтинг территории. Авторы обосновывают его применение возможностью выявления силы и направления связи между управляемыми факторами и результирующим показателем, что полностью соответствует задачам настоящего исследования.

Замкнутая обратная связь между оценкой и диагностикой обеспечивает непрерывность процесса, позволяя оперативно корректировать выявленные ограничения и повышать управляемость эволюции бренда. Модель отличается от традиционных подходов принципиальной динамичностью и наличием количественной верификации, что обеспечивает ее методологическое превосходство для анализа современных территориальных брендов.

Проведем эмпирический анализ и апробацию авторской модели на примере Новгородской области. Выбор Новгородской области в качестве объекта исследования не случаен, это одна из территорий, где расположено более 35 уникальных памятников, внесенных в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Уникальность расположения и историческое и политическое устройство древнего Новгорода рассматривает его как один из первых исторических примеров демократии на территории древней Руси. В наши дни на территории области насчитывается около 4 885 исторических и культурных памятников [12].

Указанный культурно-исторический капитал формирует устойчивое УТП территории — статус объекта всемирного наследия ЮНЕСКО № 604 «Исторические памятники Новгорода и окрестностей», обеспечивающий естественную узнаваемость на федеральном и международном уровнях.

Также согласно классификации, предложенной И. В. Логунцовой и А. С. Зайцевой, административные центры субъектов Российской Федерации были разделены на три группы по уровню развития геобрендинга. Великий Новгород вошел в первую группу — «города, имеющие документально оформленные концепции брендинга и иные признаки системной маркетинговой активности» [7, с. 170]. Всего в эту группу вошли 56 городов (67,5 % от общего количества), что подтверждает наличие у Великого Новгорода сформированной базы для проведения дальнейшего углубленного анализа эффективности брендовой политики.

Период анализа: 2022—2024 гг. — выбран исходя из постпандемийного восстановления туристской отрасли, доступности сопоставимых данных официальной статистики по ключевым *KPI* ($n = 3$ периода, достаточных для расчета коэффициента корреляции Пирсона с достоверностью $p < 0,1$).

Аналитическая работа первой стадии модели подтвердила наличие устойчивого функционального ядра бренда, сформированного историко-культурными активами мирового уровня. *SWOT*-анализ территории выявил следующую структуру конкурентных преимуществ (табл. 3).

Таблица 3

SWOT-анализ Новгородской области для целей брендинга

Внутренние факторы	
Сильные стороны	Слабые стороны
Историко-культурное наследие мирового уровня: 4 885 памятников, включая комплекс ЮНЕСКО № 604 (Новгородский кремль, Софийский собор)	Средняя продолжительность пребывания туристов составляет около 3 дней (по данным 2024 г.)
Уникальное УТП «Колыбель русской государственности» (древность города — 859 г.)	Среднегодовая загрузка гостиниц — 32 %, что ниже среднероссийского уровня; в высокий сезон (июль—август) загрузка достигает 65 %
Общий туристический поток вырос на 58 %, число размещенных в гостиницах — на 8 %	Доля инвестиций в гостиничный бизнес и общепит составляет 3,7 % от общего объема инвестиций в основной капитал
Географическая близость к Санкт-Петербургу (180 км, 2,5 часа транспортом)	
Развитая событийная повестка	
Внешние факторы	
Возможности	Угрозы
Федеральная Стратегия развития туризма до 2035 г. (приоритет внутреннему туризму)	Высокая конкуренция со стороны соседних регионов, обладающих развитой туристической инфраструктурой (Санкт-Петербург) и растущей инвестиционной привлекательностью (Псковская область — рост инвестиций 132,3 % в 2024 г.)
	Демографические вызовы: сокращение численности населения (на 4,4 тыс. чел. за год), высокая естественная убыль (–5,3 тыс. чел.), старение населения (доля лиц старше трудоспособного возраста — 26,8 %)
Цифровизация наследия (активное внедрение цифровых технологий: число используемых ИТ-решений в сфере телекоммуникаций выросло на 47 % за год, в разработке программного обеспечения в 2,2 раза)	Геополитические риски, влияющие на структуру въездного туризма
Потенциал кластеризации (активно развивается малый бизнес в смежных отраслях: в сфере гостеприимства занято более 1 тыс. чел., в обрабатывающих производствах — более 7 тыс. чел.)	Высокая сезонность спроса (июль—август — 45 % потока)
Развитие туристической инфраструктуры (номерной фонд коллективных средств размещения вырос на 20 % за 5 лет (с 4 217 до 5 050 номеров)	Рост потребительских цен в туристской отрасли региона наряду с сохранением текущего уровня и качества предоставления туристских услуг
Инвестиционные программы Российской Федерации [объем бюджетных инвестиций в 2024 г. составил 19,9 млрд руб. (28,4 % всех инвестиций), что создает основу для реализации инфраструктурных проектов в туризме]	Дефицит долгосрочных вложений в туристскую инфраструктуру и благоустройство территории

Примечание: сост. на основе данных Стратегии социально-экономического развития Новгородской области до 2031 г.

Проведенный SWOT-анализ подтвердил наличие устойчивого функционального ядра бренда Новгородской области, основанного на уникальном историко-культурном наследии. Выявленные ограничения (краткосрочность поездок, недостаточная загрузка гостиниц, инфраструктурные проблемы) определяют направления дальнейшей работы по повышению экономической отдачи от бренда. Полученные результаты диагностической стадии обеспечивают обоснованный переход ко второй стадии модели — разработке концепции территориального позиционирования.

В Стратегии социально-экономического развития Новгородской области до 2031 г. задачи продвижения регионального бренда закреплены в качестве одного из приоритетных направлений развития туризма и креативных индустрий. Реализация этих задач нашла отражение в следующих элементах позиционирования территории:

- Целевое позиционирование территории: «Центр культурно-познавательного туризма Северо-Запада России с акцентом на уникальное историческое наследие всемирного значения».

- Система целевых аудиторий (ограничена тремя приоритетными группами для предотвращения эффекта «размытости бренда»):

- туристы высокой платежеспособности (70 % потока): культурно-познавательный туризм, средний чек — более 15 тыс. руб./поездка;

- инвесторы креативных индустрий (20 %): ИТ-реставрация, культурный кластеринг, событийный туризм;

- молодые резиденты и специалисты (10 %): программы удержания кадров через бренд «гордость за территорию».

- Ключевые смыслы и ценностные ассоциации:

- 1) наследие («Колыбель Руси», демократия Новгородской республики);

- 2) аутентичность (живые ремесла, гастрономия на местных продуктах);

- 3) доступность (близость Санкт-Петербурга, развитая транспортная сеть).

- Визуальная айдентика и коммуникационная платформа:

- слоган: «Новгород — начало России» (зарегистрирован Роспатентом);

- логотип: стилизованная березка с элементами Новгородского кремля;

- коммуникационные каналы: сайт (<https://novgorod.travel/>), QR-коды на 200 памятниках, социальные сети (охват 150 тыс. подписчиков в 2024 г.).

Реализация брендовой концепции (третья стадия модели) в 2021—2024 гг. осуществлялась через комплекс мероприятий, направленных на развитие инфраструктуры, событийной политики и инвестиционной привлекательности региона. Динамика ключевых показателей институциональной реализации бренда представлена в табл. 4.

Таблица 4

**Динамика ключевых показателей
институциональной реализации бренда**

Показатель	2022	2023	2024	Темп роста, %
Число коллективных средств размещения	147	167	183	+24,5
Число номеров в гостиницах	2 683	2 878	2 943	+9,7
Число музеев	22	22	21	–4,5
Число спортивных сооружений	1 287	1 290	1 306	+1,5
Инвестиции в гостиницы и рестораны, млн руб.	842,2	1 631,5	3 200,0	+280

Примечание: составлено по данным Новгородстата; инвестиции в гостиницы и рестораны за 2024 г. рассчитаны на основе доли инвестиций в гостиничный бизнес и общественное питание (3,7 % от общего объема инвестиций в основной капитал).

Представленные данные свидетельствуют о позитивной динамике развития туристской инфраструктуры региона в 2022—2024 гг. Наиболее существенный рост зафиксирован по числу коллективных средств размещения (+24,5 %) и объему инвестиций в гостиничный бизнес (+280 %), что подтверждает эффективность реализуемых мер в рамках третьей стадии модели.

Для количественной оценки влияния бренда на социально-экономическое развитие региона был проведен корреляционный анализ Пирсона на основе поквартальных данных за 2022—2024 гг. ($n = 12$). В качестве индикатора спроса на бренд использован туристский поток (число поездок). Результаты представлены в табл. 5.

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа

Пара показателей	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Сила связи
Турпоток — Стоимость турпакетов	0,98	Очень сильная
Турпоток — Инвестиции в основной капитал	0,37	Умеренная

Примечание: рассчитано авторами по данным Росстата за 2022—2024 гг.

Выявленная очень сильная связь между туристским потоком и стоимостью турпакетов ($r = 0,98$) подтверждает высокую эффективность бренда в туристской сфере. В то же время существенно более слабая связь с инвестициями ($r = 0,37$) свидетельствует о недостаточной трансляции имиджевого эффекта в инвестиционную привлекательность региона. Данное расхождение количественно верифицирует феномен «разрыва в туризме». Рост внутренних инвестиций способен улучшить инвестиционный климат в регионе, который в свою очередь делает его более привлекательным для иностранных инвесторов [4].

Полученные коэффициенты количественно подтверждают наличие «разрыва в туризме» — структурного несоответствия между высоким спросом на культурный имидж территории и ограниченной инвестиционной реакцией, что является ключевым выводом апробации модели и определяет приоритетные направления практических рекомендаций.

На основе результатов апробации предлагается блок мер, обеспечивающих диверсификацию экономических эффектов бренда через усиление обратной связи между стадиями модели:

- Блок 1. **Инвестиционная диверсификация.** Одним из перспективных направлений преодоления «разрыва в туризме» выступает кластерный подход. В Методических рекомендациях по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (утв. Минэкономразвития РФ 26 декабря 2008 г. № 20615-ак/д19) сформулировано определение территориальных кластеров, под ними понимается «объединение предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости». В контексте Новгородской области предлагается формирование инвестиционного кластера «Наследие + цифровые технологии» (AR/VR-реставрация, 5G-экскурсии) с целевым объемом инвестиций 3,0 млрд руб. к 2030 г., который объединит музеи, IT-компании и образовательные учреждения региона.

- Блок 2. **Повышение экономической отдачи туризма.** Предлагается разработка премиальных туристических продуктов длительностью от 4 суток (гастротуры «Вкусы Новгородской волости», винные туры, резиденции мастеров). Формирование пакетных межрегиональных маршрутов «Новгород — Псков — Санкт-Петербург» в партнерстве с Ростуризмом. Развитие событийного туризма через систему грантовой поддержки новых фестивальных проектов.

При реализации концепции бренда целесообразно использовать механизмы общественного участия, апробированные в других регионах. Как отмечает М. В. Жиркова, эффективным инструментом вовлечения целевой аудитории на этапе разработки элементов бренда является «открытое голосование на сайте региона о выборе логотипа и слогана бренда территории» [5, с. 205]. Рекомендуется внедрить подобную практику при обновлении брендбука Новгородской области, что позволит не только учесть мнение жителей, но и повысить их лояльность к бренду на стадии его формирования.

- Блок 3. **Программно-целевой мониторинг.** Проведение ежегодного расчета матрицы корреляций (r туризм—доходы, r туризм—инвестиции) с целевым повышением инвестиционного коэффициента до $\geq 0,70$ к 2028 г. Внедрение индекса эффективности бренда (*Brand Efficiency Index*) как интегрального показателя результативности брендовой политики.

Предлагаемый индекс эффективности бренда может быть дополнен методикой балльной оценки, адаптированной из практики коммерческого бренд-менеджмента. Как отмечает Р. В. Скуба, для оценки ценности бренда целесообразно использовать карту оценки активов и пассивов, где каждый фактор оценивается по шкале от 0 до 20 баллов [15]. Применительно к территориальному бренду Новгородской области в качестве «активов» могут выступать известность бренда (узнаваемость), лидерство в культурно-познавательном туризме, репутация качества туристических услуг, а в качестве «пассивов» — фактор

сезонности, недостаточная загрузка гостиниц и инфраструктурные ограничения. Регулярное сопоставление этих балльных оценок с корреляционным анализом Пирсона позволит получить объемную картину эффективности брендовой политики.

Разработка цифровой платформы мониторинга с автоматическим сбором данных и открытым дашбордом для инвесторов. Для обеспечения непрерывности эволюционного цикла разработана матрица *KPI* с плановыми значениями (табл. 6).

Таблица 6

Матрица ключевых показателей мониторинга брендовой политики (2024—2028 гг.)

Блок мониторинга	<i>KPI</i> -показатель	Факт 2023/2024 гг.	Цель 2028 г.	Обоснование
Спрос на бренд	Темп роста турпотока, %	+75	+15 ежегодно	Сохранение положительной динамики после восстановительного роста
Экономический эффект	Доля туризма в ВРП, %	4,68	6,5	Выход на уровень лидеров Северо-Западного федерального округа
Инвестиционная отдача	r (туризм — инвестиции)	0,37	$\geq 0,70$	Преодоление «разрыва в туризме»

Примечание: в качестве фактических величин для турпотока указан рост в 2022—2023 гг. (с 1,376 до 2,414 млн), для доли в ВРП — данные 2023 г, для корреляции — данные за весь период 2022—2024 гг.

Целевые ориентиры матрицы *KPI* (табл. 6) задают конкретные параметры устранения «разрыва в туризме»: доля туризма в ВРП должна вырасти с 4,68 до 6,5 %, коэффициент корреляции r (туризм — инвестиции) — повыситься с 0,37 до $\geq 0,70$ к 2028 г. Темп роста турпотока зафиксирован на уровне +15 % ежегодно как рабочий ориентир для фазы устойчивого развития после восстановительного скачка 2022—2023 гг.

Заключение

Систематизация эволюции теоретических подходов к территориальному брендингу — от статичных и процессных моделей до современных циклических конструкций — позволила обосновать необходимость встраивания блока количественной верификации непосредственно в контур управления региональным брендом.

Предложенный инструмент такой верификации, корреляционный анализ Пирсона, выявил сильную положительную связь между туристским потоком и стоимостью реализованных турпакетов, что подтверждает высокую отдачу бренда именно в туристской сфере. В то же время умеренная связь с инвестициями в основной капитал количественно фиксирует феномен «разрыва в туризме»: структурное рассогласование, при котором высокий имиджевый спрос не переводится в адекватную инвестиционную реакцию.

Без сомнений можно утверждать, что сегодня территориальный брендинг — это активно развивающееся и очень перспективное направление позиционирования регионов Российской Федерации. В каждом регионе России накоплен богатый опыт разработки территориальных брендов, позволяющий изучать и воплощать в жизнь лучшие практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сифурова И. С., Сорокина Ю. В. Корреляционный анализ факторов формирования конкурентных преимуществ туристических территорий новых субъектов Российской Федерации // Молодой исследователь Дона. 2025. Т. 10. № 6. С. 133—138.
2. Морозов М. А., Морозова Н. С. Региональные особенности развития туристской инфраструктуры и их влияние на туризм // Регионология. 2021. Т. 29. № 3. С. 588—610. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610.
3. Илларионов А. Е., Макаров П. Ю. Проектный подход к управлению региональным брендом // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 42—69.
4. Симонян Г. А., Сарян А. А. Стратегические цели и задачи развития внутреннего туризма в новых условиях // Современная научная мысль. 2022. № 6. С. 266—273. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-266-273.
5. Жиркова М. В. Модель реализации брендинга территорий как инструмента регионального развития // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 1(57). С. 204—206.
6. Агрба А. А. Перспективы развития территориального брендинга в контексте экономики впечатлений // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6. № 2. С. 277—300. DOI: 10.46539/gmd.v6i2.441.
7. Логунцова И. В., Зайцева А. С. Брендинг российских городов: обзор практики региональных «столиц» РФ // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 164—176. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-164-176.
8. Ковалёв А. И., Тюнюкова Е. В., Щетинина Н. А. Теоретико-методологические аспекты и прикладные особенности стратегического планирования развития регионального туризма // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 4. Ч. 2. С. 337—350. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-337-350.
9. Фролова Е. В., Рогач О. В. Ограничения и перспективы развития внутреннего туризма в регионах России // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 1. С. 208—219. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-16.
10. Лукашенко Т. Р., Охрименко Е. И. Туризм в регионе: определяющие факторы и направления развития на современном этапе // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 11. С. 3023—3036. DOI: 10.18334/ep.12.11.116647.
11. Деньга В. И., Карлова А. И. Внутренний туризм России: основные виды и особенности // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8. № 1. С. 108—114.
12. Ромашко А. К., Михалев Д. А., Данильчик Д. Н. Туризм как приоритетное направление развития экономики Новгородской области // Экономика и управление гостеприимством территории : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Великий Новгород, 2021. С. 108—112. DOI: 10.34680/978-5-89896-755-0/2021.EMHT.19.

13. Корюкова С. А. Современное состояние и перспективы развития внутреннего туризма в России // Прогрессивная экономика. 2023. № 2. С. 57—69.
14. Александрова А. В., Горушкина С. Н. Региональный брендинг: оценка применения новых инструментов развития в современных реалиях // π-Economy. 2023. Т. 16. № 2. С. 37—51. DOI: 10.18721/JE.16203.
15. Скуба Р. В. Брендинг и стратегии бренд-менеджмента региональной коммерческой организации // Московский экономический журнал. 2021. № 6. С. 350—357.

REFERENCES

1. Sifurova I. S., Sorokina Yu. V. Correlation analysis of the factors forming competitive advantages of tourist territories in the new constituent subjects of the Russian Federation. *Molodoi issledovatel' Dona = Young Researcher of Don*. 2025; 10(6):133—138. (In Russ.)
2. Morozov M. A., Morozova N. S. Regional Features of Development of Tourism Infrastructure and Their Impact on Tourism. *Regionologiya = Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(3):588—610. (In Russ.) DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610.
3. Illarionov A. E., Makarov P. Y. Project approach to managing regional brand. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*. 2018;4:42—69. (In Russ.)
4. Simonyan G. A., Saryan A. A. Strategic goals and objectives of the development of domestic tourism in new conditions. *Sovremennaya nauchnaya mysl' = Modern scientific thought*. 2022;6:266—273. (In Russ.) DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-266-273.
5. Zhirkova M. V. Model for the implementation of territorial branding as a tool for regional development. *Estestvenno-gumantarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*. 2025;1(57):204—206. (In Russ.)
6. Agrba A. A. The Prospects for the Development of Territorial Branding in the Context of the Experience Economy. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024;6(2):277—300. (In Russ.) DOI: 10.46539/gmd.v6i2.441.
7. Loguntsova I. V., Zaytseva A. S. Branding of Russian Cities: Practice Review of Russian Federation Regional “Capitals”. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public Administration. E-journal (Russia)*. 2024;103:164—176. (In Russ.) DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-164-176.
8. Kovalev A., Tyunyukova E., Shchetinina N. Theoretical and Methodological Aspects and Applied Features of Strategic Planning of Regional Tourism Development. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2022;14(4-2):337—350. (In Russ.) DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-337-350.
9. Frolova E. V., Rogach O. V. Limitations and Development Prospects of Domestic Tourism in Russian Regions. *Ekonomika regiona = Economy of regions*. 2023;19(1):208—219. (In Russ.) DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-16.
10. Lukashenok T. R., Okhrimenko E. I. Tourism in the region: determinants and development trends at the present stage. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(11):3023—3036. (In Russ.) DOI: 10.18334/epp.12.11.116647.
11. Denga V. I., Karlova A. I. Domestic tourism in Russia: main types and features. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov = Geopolitics and ecogeodynamics of regions*. 2022;8(1):108—114. (In Russ.)
12. Romashko A. K., Mikhalev D. A., Danilchik D. N. Tourism as a priority direction of economic development Novgorod region. *Ekonomika i upravlenie gostepriimstvom territorii = Economy and hospitality management of the territory. Collection of materials of the International scientific and practical conference. Veliky Novgorod*, 2021:108—112. (In Russ.) DOI: 10.34680/978-5-89896-755-0/2021.EMHT.19.
13. Koryukova S. A. Current state and prospects for the development of internal tourism in Russia. *Progressivnaya ekonomika = Progressive Economy*. 2023;2:57—69. (In Russ.)
14. Aleksandrova A. V., Gorushkina S. N. Regional branding: assessment of the use of new development tools in modern conditions. *π-Economy*. 2023;16(2):37—51. (In Russ.) DOI: 10.18721/JE.16203.
15. Scuba R. V. Branding and brand management strategies regional commercial organization. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2021;6:350—357. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.
The article was submitted 15.05.2026; approved after reviewing 10.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Научная статья
УДК 338.33:623
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1671

Anna Vladimirovna Ovchinnikova
Doctor of Economics,
Director,
Udmurt branch of the Institute of Economics
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation
ovchinnikova.av@uiiec.ru

Stepan Dmitrievich Zimin
Candidate of Economics,
junior researcher,
Udmurt branch of the Institute of Economics
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation
stepanzimin@mail.ru

Анна Владимировна Овчинникова
д-р экон. наук,
директор,
Удмуртский филиал Института экономики
Уральского отделения РАН
Ижевск, Российская Федерация
ovchinnikova.av@uiiec.ru

Степан Дмитриевич Зимин
канд. экон. наук,
младший научный сотрудник,
Удмуртский филиал Института экономики
Уральского отделения РАН
Ижевск, Российская Федерация
stepanzimin@mail.ru

МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ОПК: ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье исследуются методы государственного стимулирования диверсификации оборонно-промышленного комплекса (ОПК) с позиций экосистемного подхода. Исходные данные: значительная межрегиональная дифференциация темпов диверсификации, цифровая трансформация производственных отношений и критика действующих методик, ориентированных на количественные показатели. Предмет исследования — институциональные и инфраструктурные инструменты формирования инновационных производственных экосистем региона (ИПЭР) с предприятиями ОПК в качестве стержневых участников. Цель — обобщение действующих подходов государственного стимулирования диверсификации через призму ИПЭР. Гипотеза: государство, консолидируя предприятия ОПК и создавая условия для втягивания малых и средних предприятий (МСП), формирует среду, способствующую выпуску гражданской продукции. Методология базируется на концепции ИПЭР, включает анализ проблем на макро-, мезо- и микроуровнях и систематизацию мер поддержки на основе научной литературы и нормативных актов 2019—2026 гг. Применены методы обобщения, классификации и сравнительного анализа. Результаты: выявлены ключевые барьеры диверсификации (координационные, маркетинговые,

экономические, отраслевые); систематизированы шесть групп инструментов консолидации ОПК (национальные проекты, бюджетное финансирование, льготное налогообложение, поддержка экспорта, инфраструктура, льготное кредитование) и шесть групп инструментов втягивания экономических агентов в ИПЭР (налоговые преференции, повышение платежной дисциплины, легитимность участников, сертификационная помощь, льготное кредитование, инфраструктурная поддержка предпринимательства). Научный вклад — развитие концепции ИПЭР применительно к диверсификации ОПК. Выводы: государство выполняет двойную функцию: утверждает предприятия ОПК как стержневых участников экосистем и формирует среду для взаимодействия с МСП. Область применения — региональная промышленная политика, управление диверсификацией на уровне предприятий. Направления будущих исследований — определение механизма оптимального втягивания МСП в экосистемы предприятий ОПК.

Ключевые слова: диверсификация, оборонно-промышленный комплекс, инновационные экосистемы, экосистемный подход, инновационное производство, региональная экономика, региональная экосистема, промышленная кооперация, технологический суверенитет, гражданская продукция

Для цитирования: Овчинникова А. В., Зимин С. Д. Методы государственного стимулирования диверсификации ОПК: экосистемный подход // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 30—36. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1671.

Original article

METHODS OF STATE STIMULATION OF DIVERSIFICATION IN THE DEFENSE INDUSTRY: AN ECOSYSTEM APPROACH

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. This article examines methods of state stimulation of diversification in the military-industrial complex from the perspective of an ecosystem approach. The initial data include

significant interregional differentiation in the pace of diversification, the digital transformation of production relations, and a critique of current methods focused on quantitative indicators.

The subject of the study is the institutional and infrastructural instruments for the formation of regional innovative production ecosystems (RIPEs) with defense industry enterprises as core participants. The objective is to summarize current approaches to state stimulation of diversification through the lens of RIPEs. Hypothesis is that the state, by consolidating defense industry enterprises and creating conditions for the involvement of small and medium-sized enterprises (SMEs), creates an environment conducive to the production of civilian products. The methodology is based on the RIPEs concept and includes an analysis of problems at the macro-, meso-, and micro-levels and a systematization of support measures based on scientific literature and regulatory acts from 2019–2026. Methods of generalization, classification, and comparative analysis are applied. As a result, key barriers to diversification (coordination, marketing, economic, and industry-specific) are identified; six groups of defense industry consolidation instruments (national projects, budget financing, preferential taxation, export sup-

port, infrastructure, and preferential lending) and six groups of instruments for engaging economic agents in the RIPEs (tax preferences, improved payment discipline, participant legitimacy, certification assistance, preferential lending, and infrastructure support for entrepreneurship) are systematized. The scientific contribution is the development of the RIPEs concept as applied to the diversification of the defense industry. It is concluded that the state performs a dual function: it approves defense industry enterprises as core participants in ecosystems and creates an environment for interaction with SMEs. The scope of application is regional industrial policy and diversification management at the enterprise level. Future research areas include identifying a mechanism for optimally engaging SMEs in defense industry enterprise ecosystems.

Keywords: diversification, defense industry, innovative ecosystems, ecosystem approach, innovative production, regional economy, regional ecosystem, industrial cooperation, technological sovereignty, civilian products

For citation: Ovchinnikova A. V., Zimin S. D. Methods of state stimulation of diversification in the defense industry: an ecosystem approach. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):30–36. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1671.

Введение

Диверсификация оборонно-промышленного комплекса (далее — ОПК) является одним из стратегических приоритетов промышленной политики. В соответствии с Указом Президента РФ стратегическим ориентиром для предприятий оборонно-промышленного комплекса является достижение к 2030 г. показателя в 50 % по доле высокотехнологичной гражданской продукции в совокупном объеме выпуска. Данное требование закреплено в Перечне поручений по итогам Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 5 декабря 2016 г. № Пр-2346. Однако, несмотря на меры государственного стимулирования, реальные процессы диверсификации сталкиваются с барьерами, которые существенно снижают эффективность реализуемых мероприятий.

Актуальность исследования обусловлена тремя ключевыми обстоятельствами. Во-первых, значительная межрегиональная дифференциация в уровне и темпах диверсификационных процессов [1]. Во-вторых, цифровая трансформация производственных и рыночных отношений. С одной стороны, цифровые платформы и технологии могут снизить трансакционные издержки кооперации, с другой — закрытость цифровых контуров управления ОПК, режимные ограничения и цифровой разрыв между оборонными и гражданскими предприятиями препятствуют интеграции в инновационные экосистемы регионов. В-третьих, недостатки действующих методических положений, регулирующих деятельность предприятий ОПК: стандартизированный подход к диверсификации предприятий с различными функциями, ориентация на количественные показатели, отсутствие адекватных индикаторов, способных отражать целесообразность диверсификационных процессов.

Изученность проблемы. Исследованию проблем диверсификационных процессов на макроуровне посвящены работы таких исследователей, как М. А. Батьковский, П. В. Кравчук, Е. Ю. Хрусталева [2]. Исследование проблем на мезоуровне можно встретить в работах А. Е. Быкова [1], Д. Ю. Байдарова и Д. Ю. Файкова [3]. Проблемы диверсификации на микроуровне раскрываются в работах А. В. Овчинниковой и С. Д. Зиминой [4].

А. В. Овчинникова и С. Д. Зимин в своих работах не только систематизируют накопленный опыт диверсификации оборонных предприятий, но и эмпирически подтверждают устойчивую положительную взаимосвязь: расширение гражданского сектора на оборонных заводах сопряжено с опережающими темпами роста региональных экономик [4], а также исследуют типы стратегий диверсификации, критерии эффективности, предлагаются методические рекомендации [5].

В работах Д. Ю. Байдарова отмечается слабая разработанность теоретической и нормативно-методологической базы исследования трансформационных процессов в ОПК [3], а в исследовании Н. Е. Егоровой, посвященной рассмотрению топологической модели, как инструменту анализа процессов диверсификации предприятий ОПК, проговаривается тезис о том, что проблема заключается в унифицированном подходе, критериях эффективности и решимости управления трансформационными процессами [6].

В свою очередь, исследование экосистемой динамики продолжается уже более 40 лет. Согласно модели эволюционного развития экосистем Б. Шпигеля и Р. Харрисона, зарождение и дальнейшее формирование экосистемы происходит за счет интенсификации деловых связей между стержневым участником экосистемы и местным предпринимательством [7]. Аналогичное мнение можно встретить в исследованиях других классиков изучения экосистемной динамики, таких как Дж. М. Бладгуд [8], А. Коломбелли [9], Э. Стам [10], О. Р. Спиллинг [11], С. Мэйсон и Р. Браун [12].

Таким образом, целесообразность изучения исследуемой темы диктуется недостаточным освещением в научной литературе эффективности государственных методов стимулирующего регулирования во взаимосвязи с региональными инновационными экосистемами и с учетом трансформационных процессов в отрасли.

Цель исследования заключается в рассмотрении и обобщении действующих подходов государственного стимулирования диверсификации ОПК через призму формирования инновационных производственных экосистем региона (далее — ИПЭР).

Задачи исследования:

1. Выделить актуальные проблемы диверсификации ОПК на макро, мезо и микро уровнях.
2. Систематизировать инструменты консолидации ОПК со стороны государства, как центров диверсификации.
3. Обобщить государственные инструменты стимулирования втягивания экономических агентов в ИПЭР предприятий ОПК.

Научная новизна исследования заключается в уникальном преломлении концепции ИПЭР, в рамках которой диверсификация ОПК рассматривается как процесс взаимодействия множества акторов (оборонные предприятия, малый инновационный бизнес, университеты, центры трансфера технологий, институты развития, органы власти).

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии концепции ИПЭР применительно к диверсификации ОПК. **Практическая значимость** состоит в систематизации конкретных инструментов институциональной и инфраструктурной поддержки формирования экосистем, а также консолидации ОПК на пути диверсификации для их дальнейшего развития и экстраполяции.

Основная часть

Проблемы диверсификации ОПК. Проблематика диверсификации ОПК активно исследуется отечественными авторами. Это объясняется огромным объемом ресурсов, направляемых в отрасль (см. рис.).

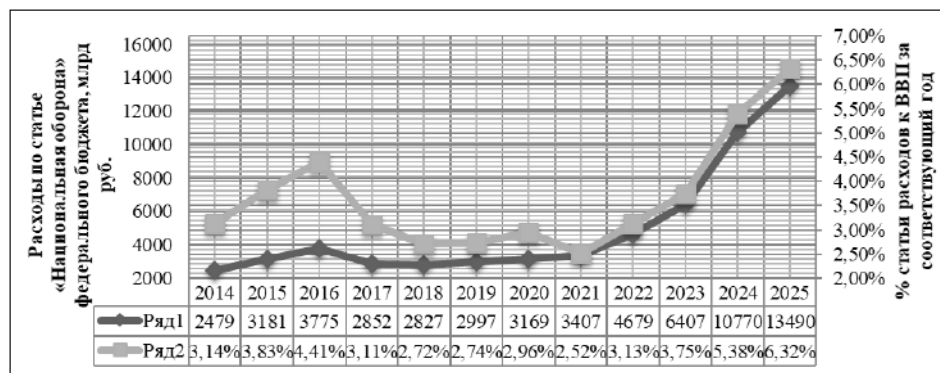

Рис. Расходы федерального бюджета по статье «Национальная оборона» в 2014–2025 гг. [сост. по данным Министерства финансов РФ (<https://minfin.gov.ru/ru/statistics/>)]

Согласно представленным данным, объем расходов государства по статье «Национальная оборона» за период с 2014 по 2025 г. возрос более чем в 5 раз — с 2,4 трлн руб. в 2014 г. до 13,4 трлн руб. в 2025 г. При этом основной рост пришелся на период с 2022 по 2025 г.: с 4,7 трлн до 13,5 трлн руб.

В работе М. А. Батьковского, П. В. Кравчука и Е. Ю. Хрусталева [2] ключевым препятствием на пути диверсификации оборонных предприятий назван координационный барьер, суть которого в том, что отдельные инициативы производителя военной продукции не находят поддержки у контрагентов по кооперационной цепочке. Разработанный авторами методический инструмент позволяет оценить степень согласованности действий партнеров, а итоговый вывод исследования сводится к обоснованию необходимости централизованного управления диверсификационными процессами на уровне отрасли. Этот вывод, на первый взгляд, противоречит экосистемной логике, но в контексте высокой степени технологической связанности предприятий ОПК является обоснованным: диверсификация не может быть успешной, если она реализуется отдельным звеном кооперационной цепочки.

Значительная дифференциация регионов по уровню и динамике диверсификации ОПК, а также положительная корреляция этого показателя с темпами экономического роста установлены коллективом авторов из Сибирского федерального университета [1]. При этом основными факторами межрегиональных различий названы неоднородность отраслевой структуры и разный уровень технологического развития предприятий оборонно-промышленного комплекса.

Н. Е. Егоровой проведен критический анализ методических положений, регулирующих деятельность предприятий ОПК, и выявлены следующие недостатки, типичные для предприятий ОПК: стандартизованный подход к дивер-

сификации предприятий с различными функциями; преимущественная ориентация на количественные показатели (долю гражданской продукции); отсутствие показателей, способных отражать экономическую целесообразность диверсификационных процессов [6].

Проблемы диверсификации ОПК, имеющие макро- и мезоуровневую природу, находят свое непосредственное проявление на уровне предприятий. К их числу относятся, во-первых, маркетинговые ограничения (сложности рыночного позиционирования гражданской продукции и дефицит компетенций в промышленном дизайне); во-вторых, финансово-экономические барьеры, требующие значительных инвестиций для выхода на высокотехнологичные рынки; в-третьих, структурные диспропорции, вызванные политической укрупнения холдингов, где предприятия одного холдинга, занимаясь гражданской продукцией, нередко конкурируют друг с другом, предлагая идентичные товары, что приводит к нерациональной внутриотраслевой конкуренции [13].

В качестве одного из путей преодоления проблем диверсификации для предприятий ОПК возможно создание ИПЭР предприятиями комплекса, как центра производства и финансового центра, стержневого участника экосистемы. В рамках исследования мы понимаем ИПЭР с предприятием ОПК в качестве стержневого участника, как сложную адаптивную систему, основанную на принципах открытости, комплексности, синергии и нелинейной динамики, выстраиваемой стержневым участником в лице крупного предприятия ОПК, включающую нишевых участников экосистемы, связи между ним, а также совокупность средовых факторов, обеспечивающую совместное использование ресурсов в процессе производства товаров двойного и гражданского назначения за счет технологической и продуктовой интеграции.

Вопросам возникновения и построения экосистем посвящено большое количество научных трудов. Независимо от взглядов ученых на источники зарождения развития ИПЭР, все они сходятся во мнении об исключительной роли государства в данном процессе. Государство в ОПК является катализатором диверсификационных процессов, выстраивающих данные процессы сверху вниз.

Методика исследования. Прикладывая тему институциональной и инфраструктурной детерминанты к вопросам формирования ИПЭР со стержневым предприятием ОПК в основе, важно изучить существующие в Российской Федерации инструменты.

Институциональное обеспечение статуса предприятий ОПК как системообразующих участников реализуется через комплекс нормативных актов, федеральных целевых программ и бюджетных трансфертов на развитие отрасли. Как подчеркивает О. Б. Макеева, данный перечень целесообразно дополнить национальными проектами («Цифровая экономика», «Образование», «Здравоохранение», «Наука», «Жилье и городская среда»), поскольку именно в этих сферах гражданская продукция оборонных предприятий находит максимальный спрос [14].

Основными направлениями государственной поддержки консолидации ОПК И. Е. Караваев видит в бюджетном финансировании приоритетных программ, критических военных технологий и технологий двойного назначения, государственной поддержке, льготном налогообложении и тарифном регулировании военного производства, переходе к методам ускоренной амортизации высокотехнологичного оборудования [15].

Исходя из вышесказанного, **методика** исследования заключается в следующем: первым шагом нами исследованы инструменты консолидации ОПК как способа утверждения предприятий как стержневых участников.

Вторым шагом рассмотрены инструменты институциональной и инфраструктурной поддержки формирования ИПЭР как способа втягивания в экосистемную динамику субъектов. В итоге, произведено обобщение государственных подходов к стимулированию диверсификации ОПК.

Результаты исследования. В табл. 1 обобщены существующие инструменты укрепления ОПК, способствующие его утверждению в качестве стержневого участника.

Таблица 1

Инструменты консолидации ОПК

Тип инструмента	Содержание	Пример реализации в Российской Федерации
Национальные проекты	Участие организаций ОПК в нацпроектах для выпуска продукции двойного назначения	2020—2021 гг. — Концерн «КРЭТ» поставил более 8 тыс. аппаратов искусственной вентиляции легких по нацпроекту «Здравоохранение». 2024—2026 гг. — предприятия «Концерн Калашников» и «Кронштадт» реализуют проекты гражданских дронов в рамках нацпроекта «Беспилотные авиационные системы»
Бюджетное финансирование	Прямые субсидии на финансовую устойчивость организаций ОПК и компенсацию недополученных доходов по кредитам	2022—2024 гг. — ежегодные ассигнования по Государственной программе «Развитие оборонно-промышленного комплекса» на компенсацию процентов по кредитам, в т. ч. для ПАО «ОАК» на программу МС-21. 2023—2025 гг. — целевое финансирование финансового оздоровления АО «ОСК» и входящих в нее верфей
Льготное налогообложение	Пониженные ставки налога на прибыль и имущество, льготные тарифы страховых взносов и особый порядок учета затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее — НИОКР)	2023—2025 гг. — освобождение от налога на имущество 20 предприятий ОПК Приморского края. 2021—2026 гг. — ставка 0 % по налогу на прибыль в федеральный бюджет для участников Специального инвестиционного контракта (далее — СПИК) 2.0 (например, АО «ОДК-Климов» в проекте двигателя ПД-8)
Формирование инфраструктуры поддержки	Создание технопарков, инжиниринговых центров, оборонных кластеров и центров компетенций для стимулирования инноваций	2020—2026 гг. — Военный инновационный технополис «Эра» реализует более 100 совместных НИОКР с предприятиями ОПК. 2022—2024 гг. — создан Федеральный центр беспилотных авиационных систем в Удмуртии на базе «Концерна Калашников» и АО «Кронштадт»
Льготное кредитование	Кредиты под залог выручки по госзакупкам, пониженные ставки на выполнение государственного оборонного заказа (далее — ГОЗ) и НИОКР, государственные гарантии	2021—2023 гг. — субсидирование из бюджета ставки по кредитам на пополнение оборотных средств для выполнения ГОЗ (итоговая ставка до 3 %). 2023—2026 гг. — госгарантии ВЭБ.РФ на кредиты «Ростеху» для строительства заводов композитов и микроэлектроники

Примечание: сост. авторами.

Таким образом, в целях укрепления предприятий ОПК в качестве стержневых участников экосистемы в РФ созданы такие инструменты поддержки, как национальные проекты, бюджетное финансирование, льготное налогообложение, формирование инфраструктурной поддержки, льготное кредитование.

От условий консолидирующих предприятия ОПК перейдем к институциональной и инфраструктурной поддержке втягивания в экосистему новых участников.

Как уже было указано, согласно модели эволюционного развития экосистем, зарождение и дальнейшее формирование экосистемы происходит за счет интенсификации деловых связей между стержневым участником экосистемы и местным предпринимательством [7]. Таким образом, институциональная и инфраструктурная поддержка формирования экосистем должна быть ориентирована прежде всего на вовлечение малых и средних предприятий (далее — МСП).

При организационной поддержке Российского союза промышленников и предпринимателей (далее — РСПП) в 2018 г. был реализован опросный проект, изучавший практику партнерства МСП с крупными промышленными структурами.

Среди мер, предлагаемых крупным бизнесом для стимулирования кооперации, наиболее востребованными оказались льготное налогообложение (в зависимости от объема закупок), преференциальное кредитование, расширение доступа МСП к заемным ресурсам, а также субсидирование части затрат на сертификацию продукции. В свою очередь, представители малого и среднего предпринимательства в качестве приоритетных мер обозначили введение обязательной субконтракции при осуществлении государствен-

ных и муниципальных закупок у МСП и ужесточение требований к срокам оплаты по контрактам с крупными компаниями. Обобщая результаты опроса, проведенного РСПП совместно с Министерством экономического развития, можно очертить контуры инфраструктурной и институциональной поддержки формирования ИПЭР с крупными предприятиями в качестве ядра. В табл. 2 систематизированы ключевые инструменты вовлечения участников в экосистему.

Хотя рассмотренные факторы адаптированы к контексту ОПК-предприятия в роли стержневого участника, предлагаемые инструменты развития ядра и вовлечения партнеров носят универсальный характер и применимы к любой крупной компании — организатору экосистемы.

Таблица 2

Инструменты втягивания акторов в ИПЭР предприятий ОПК

Инструмент втягивания	Содержание	Пример реализации в Российской Федерации
Налоговые преференции/льготы	Возможность использования специальных налоговых режимов, льгот по налогам и страховым взносам	Для МСП — соисполнителей ГОЗ предоставлялись пониженные тарифы страховых взносов (15 % с выплат сверх минимального размера оплаты труда) на 2023—2024 гг. (Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 239-ФЗ). В рамках СПИК 2.0 в оборонных отраслях (авиастроение, судостроение) в ряде регионов установлена ставка 0 % по налогу на прибыль, зачисляемому в региональный бюджет
Повышение платежной дисциплины	Формирование институциональной среды, способствующей повышению платежной дисциплины контрагентов	С 2022 г. расширено казначейское сопровождение контрактов по ГОЗ (Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2021 г. № 2024) — расчеты с МСП — соисполнителями проводятся через лицевые счета в Федеральном казначействе, что гарантирует оплату сразу после приемки
Повышение легитимности участников экосистемы	Формирование посреднических институтов, легитимизирующих МСП	На цифровой платформе МСП.РФ с 2022 г. работает сервис «Производственная кооперация и сбыт», где предприятия ОПК размещают заказы для МСП, а система на основе данных Федеральной налоговой службы и Торгово-промышленной палаты РФ подтверждает благонадежность потенциального поставщика
Сертификационная помощь	Субсидирование сертификации МСП	2022—2024 гг. через центры «Мой бизнес» по Постановлению Правительства РФ от 17 мая 2022 г. № 902 МСП предоставляются субсидии до 90 % затрат на сертификацию в системах «Оборонсертификат», СДС «Военный регистр», на соответствие ГОСТ РВ
Льготное кредитование (повышение доступности ресурсов экосистемы)	Возможность использования специальных кредитных условий, получения заемных средств из государственных микрофинансовых организаций при приобретении продукции и работе с МСП	С 2023 г. для МСП — поставщиков ОПК действует программа льготного кредитования через ПСБ под 4 % годовых на оборотные средства с поручительством Корпорации МСП (до 50 % суммы кредита). В рамках программы «1764» (Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2022 г. № 2559) выделены отдельные лимиты для МСП обрабатывающих производств, выполняющих заказы в кооперации по ГОЗ, с субсидируемой ставкой 2—4 % годовых
Создаваемая и поддерживаемая государством инфраструктура предпринимательства	Центры и агентства по развитию предпринимательства, государственные и муниципальные фонды поддержки предпринимательства, региональные гарантийные организации, технопарки, технологические центры	С 2023 г. согласно Постановлению Правительства РФ от 25 июля 2023 г. № 1209 промышленные кластеры ОПК (авиастроительные, судостроительные, радиоэлектронные) получают субсидии на возмещение до 50 % затрат головных исполнителей на закупку стартовых партий продукции у МСП — участников кластера. Центры «Мой бизнес» в 2022—2026 гг. реализуют программу «Выращивание» для МСП под конкретные технологические ниши оборонных концернов (Ростех, Объединенная судостроительная корпорация, Объединенная авиастроительная корпорация)

Примечание: сост. авторами.

Выводы

В результате исследования выявлено, что основными актуальными проблемами диверсификации ОПК на макроуровне является: координационный барьер между партнерами по технологической кооперации, необходимость централизации управления диверсификацией на отраслевом уровне, необходимость осуществления государственного заказа на изделиях гражданского и двойного назначения. В свою очередь основными проблемами на мезоуровне определены: региональная дифференциация темпов диверсификации, стандартизированный подход к диверсификации, внутрихолдинговая непродуктивная конкуренция. На микроуровне проблемы заключаются в таких не адаптированных под открытый рынок функциональных областях менеджмента на предприятиях ОПК, как маркетинг, экономическая составляющая, а также в культурных и деловых различиях ведения делового оборота.

Определено, что государство играет исключительную роль, как в процессе формировании ИПЭР, так и в диверсификации оборонных предприятий. Консолидируя предприятия посредством вовлечения в национальные проекты, бюджетного финансирования, льготного налогообложения, формировании инфраструктуры поддержки, а также льготное кредитования (табл. 1) государство утверждает предприятия ОПК в качестве стержневых участников ИПЭР, которые в дальнейшем должны будут активизировать деловые

связи вокруг себя в процессе выпуска изделий гражданского и двойного назначения. В свою очередь, предлагая инструменты втягивания экономических агентов в ИПЭР предприятий ОПК, посредством налоговых преференций, повышения платежной дисциплины участников, повышения легитимности участников экосистемы, сертификационной помощи, инфраструктурной поддержки предпринимательства, способствующей возникновению и становлению МСП в рамках экосистемы, государство создает благоприятную среду для появления в экосистеме новых участников и их взаимодействию в процессе освоения и выпуска изделий для свободного рынка.

Таким образом, цель исследования: обобщение действующих подходов к государственному стимулированию диверсификации ОПК сквозь призму формирования ИПЭР — достигнута. Дальнейший вектор разработок целесообразно направить на определение механизма взаимодействия стержневых и рядовых участников ИПЭР, а также на решение ключевого вопроса: какова оптимальная форма вовлечения МСП в экосистему крупного технологического предприятия ОПК, способная обеспечить максимальную результативность всех сторон. Полученные результаты могут быть применены при совершенствовании государственной политики диверсификации оборонно-промышленного комплекса на макро- и мезоуровнях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Диверсификация предприятий оборонно-промышленного комплекса как фактор устойчивого развития региональных экономик России / А. Е. Быков, Т. В. Лелина, А. Е. Погодейкина и др. // Финансовая экономика. 2025. № 4. С. 214—218.
2. Батьковский М. А., Кравчук П. В., Хрусталева Е. Ю. Проблемы координации деятельности предприятий ОПК при реализации проекта диверсификации производства военного назначения // Дневник науки. 2023. № 5. URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2023/5/economy/Batkovsky_Kravchuk_Khrustaleva2.pdf.
3. Байдаров Д. Ю., Файков Д. Ю. Диверсификация деятельности предприятий оборонно-промышленного комплекса: системность, стратегия, практика // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 1. С. 191—214. DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120184.
4. Зимин С. Д. Развитие предприятий оборонно-промышленного комплекса в условиях диверсификации // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2024. Т. 20. № 2. С. 34—45. DOI: 10.22213/2618-9763-2024-2-34-45.
5. Овчинникова А. В., Зимин С. Д. Опыт диверсификации интегрированных структур оборонно-промышленного комплекса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2026. Т. 36. Вып. 2. С. 237—246. DOI: 10.35634/2412-9593-2026-36-2-237-246.
6. Егорова Н. Е. Топологическая модель как инструмент анализа процессов диверсификации предприятий ОПК (на примере государственной корпорации «Росатом») // Экономика и математические методы. 2025. Т. 61. № 4. С. 44—57. DOI: 10.7868/s3034617725040044.
7. Spigel B., Harrison R. Toward a process theory of entrepreneurial ecosystems // Strategic Entrepreneurship Journal. 2018. Vol. 12. Iss. 1. Pp. 151—168. DOI: 10.1002/sej.1268.
8. Kuratko D. F., Fisher G., Bloodgood J. M., Hornsby J. S. The paradox of new venture legitimation within an entrepreneurial ecosystem // Small Business Economics. 2017. Vol. 49. Iss. 1. Pp. 119—140. DOI: 10.1007/s11187-017-9870-x.
9. Colombelli A., Paolucci E., Ughetto E. Hierarchical and relational governance and the life cycle of entrepreneurial ecosystems // Small Business Economics. 2019. Vol. 52. Iss. 2. Pp. 505—521. DOI: 10.1007/s11187-017-9957-4.
10. Stam E. Entrepreneurial ecosystems, start-up communities and entrepreneurship cultures // Regional Studies. 2023. Vol. 57. Iss. 4 : Re-imagining the future: city-region foresight and visioning in an era of fragmented governance. Pp. 780—782. DOI: 10.1080/00343404.2023.2165286.
11. Spilling O. R. The entrepreneurial system: On entrepreneurship in the context of a mega event // Journal of Business Research. 1996. Vol. 36. Iss. 1. Pp. 91—103. DOI: 10.1016/0148-2963(95)00166-2.
12. Brown R. C., Mason C. Entrepreneurial Ecosystems and Growth-Oriented Entrepreneurship. OECD, 2014. 38 p.
13. Баушев С. В., Бабкин А. В., Волокитина И. Н., Галеев Э. Е. Формирование интегрированных корпоративных структур в оборонно-промышленном комплексе России в условиях глобальных вызовов // *π-Economy*. 2025. Т. 18. № 2. С. 134—149. DOI: 10.18721/JE.18208.
14. Макеева О. Б., Герасименко Н. А. Национальные проекты как инструмент поддержки диверсификации ОПК // Инновации. 2019. № 5(247). С. 9—12.
15. Караваев И. Е. Анализ государственной поддержки инновационного развития предприятий оборонно-промышленного комплекса // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 25(280). С. 21—32.

REFERENCES

1. Bykov A. E., Lelina T. V., Pogodeikina A. E. et al. Diversification of enterprises of the defense-industrial complex as a factor of sustainable development of regional economies of Russia. *Finansovaya ekonomika = Financial economy*. 2025;4:214—218. (In Russ.)
2. Batkovsky M. A., Kravchuk P. V., Khrustalev E. Yu. Problems of coordination of the activities of defense industry enterprises in the implementation of the project of diversification of production of military products. *Dnevnik nauki*. 2023;5. (In Russ.) URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2023/5/economy/Batkovsky_Kravchuk_Khrustalev2.pdf.
3. Baydarov D. Y., Faykov D. Y. Diversification: coherence, strategy and practice in the activities of military-industrial companies. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic security*. 2024;7(1):191—214. (In Russ.) DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120184.
4. Zimin S. D. Development of defense industrial complex enterprises in conditions of diversification. *Sotsial'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika*. 2024;20(2):34—45. (In Russ.) DOI: 10.22213/2618-9763-2024-2-34-45.
5. Ovchinnikova A. V., Zimin S. D. Experience in diversifying integrated structures of the defense-industrial complex. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2026;36(2):237—246. (In Russ.) DOI: 10.35634/2412-9593-2026-36-2-237-246.
6. Egorova N. E. Topological model as a tool for analyzing the processes of diversification of defense industry enterprises (the example of “Rosatom” State Corporation). *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and the Mathematical Methods*. 2025;61(4):44—57. (In Russ.) DOI: 10.7868/s3034617725040044.
7. Spigel B., Harrison R. Toward a process theory of entrepreneurial ecosystems *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018;12(1):151—168. DOI: 10.1002/sej.1268.
8. Kuratko D. F., Fisher G., Bloodgood J. M., Hornsby J. S. The paradox of new venture legitimization within an entrepreneurial ecosystem. *Small Business Economics*. 2017;49(1):119—140. DOI: 10.1007/s11187-017-9870-x.
9. Colombelli A., Paolucci E., Ughetto E. Hierarchical and relational governance and the life cycle of entrepreneurial ecosystems. *Small Business Economics*. 2019;52(2):505—521. DOI: 10.1007/s11187-017-9957-4.
10. Stam E. Entrepreneurial ecosystems, start-up communities and entrepreneurship cultures. *Regional Studies*. 2023;57(4):780—782. DOI: 10.1080/00343404.2023.2165286.
11. Spilling O. R. The entrepreneurial system: On entrepreneurship in the context of a mega event. *Journal of Business Research*. 1996;36(1):91—103. DOI: 10.1016/0148-2963(95)00166-2.
12. Brown R. C., Mason C. Entrepreneurial Ecosystems and Growth-Oriented Entrepreneurship. OECD publ., 2014. 38 p.
13. Baushev S. V., Babkin A. V., Volokitina I. N., Galeev E. E. Formation of integrated corporate structures in the military-industrial complex of Russia in the conditions of global challenges. *π-Economy*. 2025;18(2):134—149. (In Russ.) DOI: 10.18721/JE.18208.
14. Makeeva O. B., Gerasimenko N. A. National projects as a tool to support the diversification of the military-industrial complex. *Innovatsii = Innovations*. 2019;5(247):9—12. (In Russ.)
15. Karavaev I. E. Analysis of state support of innovative development of defense industry complex. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2012;11(25):21—32. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.05.2026; одобрена после рецензирования 11.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.
The article was submitted 16.05.2026; approved after reviewing 11.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Научная статья**УДК 338.24****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1685****Mikhail Aleksandrovich Prikhodko**

5th-year student
of the Department of Economics
and Law,
field of training
38.05.01 — Economic security
Saint-Petersburg University
of State Fire Service
of EMERCOM of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
personalprihodko@gmail.com

Irina Viktorovna Smirnova

Doctor of Economics,
Professor,
Professor of the Department
of Economics and Law,
Saint-Petersburg University
of State Fire Service
of EMERCOM of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
smirnovaiv23@yandex.ru

Михаил Александрович Приходько

студент V курса кафедры экономики и права,
направление подготовки
38.05.01 — Экономическая безопасность,
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
Министерства чрезвычайных ситуаций России
имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е. Н. Зиничева
Санкт-Петербург, Российская Федерация
personalprihodko@gmail.com

Ирина Викторовна Смирнова

д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры экономики и права,
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
Министерства чрезвычайных ситуаций России
имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е. Н. Зиничева
Санкт-Петербург, Российская Федерация
smirnovaiv23@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях санкционного давления и возрастающей внешнеэкономической неопределенности. Актуальность исследования обусловлена усилением санкционных ограничений, нарушением традиционных логистических и финансовых связей, ограничением доступа к технологиям и необходимостью поиска новых инструментов поддержания устойчивости хозяйственной деятельности. В современных условиях экономическая безопасность предприятия определяется не только способностью противодействовать внешним и внутренним угрозам, но и возможностью обеспечивать непрерывность производственных, финансовых и управленческих процессов в условиях системных ограничений.

Цель исследования заключается в сравнительном анализе механизмов обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях санкционного давления и определении направлений адаптации наиболее эффективных зарубежных практик для российских предприятий. Методологическую основу исследования составили системный подход, сравнительный анализ, методы обобщения и институционального анализа.

В работе исследованы особенности национальных моделей обеспечения экономической безопасности предприятий Республики Беларусь, Китайской Народной Республики и Республики Казахстан. Установлено, что белорусская модель ориентиро-

вана на промышленную кооперацию, логистическую адаптацию и государственную поддержку предприятий; китайская модель базируется на формировании технологического суверенитета посредством развития инновационной деятельности, поддержки высокотехнологичных компаний и устранения технологических «узких мест» в производственных цепочках; казахстанская модель основана на развитии механизмов санкционного комплаенса, цифровизации финансовых операций и обеспечении устойчивости международных расчетов.

По результатам исследования обоснована концепция селективной адаптации зарубежного опыта, предполагающая использование наиболее эффективных инструментов с учетом особенностей российской экономики. Предложена модель обеспечения экономической безопасности российских предприятий, основанная на взаимодействии технологического, финансового и цифрового контуров. Сделан вывод о том, что устойчивость предприятий в условиях санкционного давления определяется комплексным развитием указанных направлений и их синергетическим взаимодействием.

Ключевые слова: экономическая безопасность предприятий, санкционное давление, адаптация бизнеса, технологическая безопасность, финансовая устойчивость, промышленная кооперация, технологический суверенитет, цифровые финансовые технологии, санкционный комплаенс, селективная адаптация зарубежного опыта

Для цитирования: Приходько М. А., Смирнова И. В. Сравнительный анализ зарубежных практик обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях санкционного давления // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 37—45. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1685.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN PRACTICES
FOR ENSURING ENTERPRISE ECONOMIC SECURITY UNDER SANCTIONS PRESSURE

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. *The article examines mechanisms for ensuring the economic security of enterprises under sanctions pressure and increasing external economic uncertainty. The relevance of the study is determined by the intensification of sanctions restrictions, disruption of traditional logistic and financial ties, limited access to technologies, and the need to develop new instruments for maintaining business sustainability. Under current conditions, the economic security of an enterprise is determined not only by its ability to counter external and internal threats but also by its capacity to ensure the continuity of production, financial, and managerial processes under systemic constraints.*

The purpose of the study is to conduct a comparative analysis of mechanisms for ensuring the economic security of enterprises under sanctions pressure and to identify directions for adapting the most effective foreign practices to Russian enterprises. The methodological framework of the research is based on the systems approach, comparative analysis, methods of generalization, and institutional analysis.

The study investigates the specific features of national models of enterprise economic security in the Republic of Belarus, the People's Republic of China, and the Republic of Kazakhstan. The findings indicate that the Belarusian model is focused

on industrial cooperation, logistics adaptation, and state support for enterprises; the Chinese model is based on achieving technological sovereignty through the development of innovation activities, support for high-tech companies, and the elimination of technological bottlenecks in production chains; the Kazakhstani model relies on the development of sanctions compliance mechanisms, digitalization of financial transactions, and ensuring the stability of international settlements.

Based on the results of the study, the concept of selective adaptation of foreign experience is substantiated, implying the use of the most effective instruments while taking into account the specific characteristics of the Russian economy. A model for ensuring the economic security of Russian enterprises is proposed based on the interaction of technological, financial, and digital components. It is concluded that enterprise resilience under sanctions pressure is determined by the comprehensive development of these areas and their synergistic interaction.

Keywords: *enterprise economic security, sanctions pressure, business adaptation, technological security, financial sustainability, industrial cooperation, technological sovereignty, digital financial technologies, sanctions compliance, selective adaptation of foreign experience*

For citation: Prikhodko M. A., Smirnova I. V. Comparative analysis of foreign practices for ensuring enterprise economic security under sanctions pressure. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):37—45. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1685.

Введение

Актуальность исследования обусловлена усилением санкционного давления на российскую экономику, трансформацией международных финансовых и логистических механизмов, ограничением доступа предприятий к отдельным технологиям, оборудованию и внешним рынкам. В данных условиях экономическая безопасность предприятий становится одним из ключевых факторов сохранения производственного потенциала, устойчивости хозяйственной деятельности и конкурентоспособности экономики. Санкционные ограничения оказывают комплексное воздействие на финансовую, технологическую, логистическую и цифровую сферы деятельности предприятий, что требует формирования новых механизмов адаптации к изменяющейся внешней среде.

Изученность проблемы. Исследование вопросов обеспечения экономической безопасности предприятий имеет сформированную научную базу в отечественной и зарубежной литературе. Теоретические основы данного направления представлены в работах Л. И. Абалкина [1], рассматривающего экономическую безопасность как способность противостоять внутренним и внешним угрозам, В. К. Сенчагова [2], развивающего системный подход к обеспечению экономической безопасности, а также А. И. Татаркина с соавторами [3], исследующих вопросы устойчивого развития, технологической независимости и институциональных факторов экономической устойчивости хозяйственных систем. Следует отметить, что работы указанных авторов, несмотря на период их публикации, сохраняют фундаментальное значение для исследования экономической безопасности, поскольку формируют базовые теоретико-

методологические подходы к пониманию ее сущности, структурных элементов и принципов обеспечения. Современные исследования развивают данные положения с учетом трансформации внешнеэкономической среды, усиления санкционного давления, цифровизации экономики и повышения значимости устойчивости хозяйственных систем.

Современный этап исследований ориентирован на экономическую безопасность предприятий через механизмы управления рисками, организационной устойчивости и обеспечения непрерывности деятельности. С. Э. Галайди с соавторами раскрывают взаимосвязь концепций управления непрерывностью бизнеса (*business continuity management*), операционной устойчивости (*operational resilience*) и организационной устойчивости (*organizational resilience*), рассматривая устойчивость организации как способность сохранять функционирование при воздействии внешних факторов [4]. Р. Стин, О. Й. Хауг и Р. Патриарка развивают подходы к управлению непрерывностью бизнеса и повышению устойчивости предприятий в условиях кризисных воздействий [5].

Практическое развитие данных подходов связано с формированием инструментов управления непрерывностью деятельности и стандартизацией соответствующих процессов. П. Исаева рассматривает применение положений стандарта *ISO 22301:2019* как одного из элементов обеспечения устойчивости бизнес-процессов и повышения способности организаций адаптироваться к кризисным воздействиям [6].

Отдельное направление современных исследований связано с адаптацией предприятий к внешним ограничениям и изменению международной экономической среды.

Е. М. Кузьмина [7] и В. П. Пугачёв [8] рассматривают особенности экономической кооперации и адаптации Республики Беларусь в условиях санкционного давления. Е. Б. Рогатных [9], П. М. Мозиас [10] и И. В. Данилин [11] исследуют механизмы технологического развития Китая, промышленной политики и формирования технологической устойчивости. Е. М. Кот [12], В. О. Ситникова [13] и Т. А. Ермолаев [14] анализируют процессы цифровизации финансовой системы, развитие цифровых инструментов и санкционного комплаенса в Казахстане.

Таким образом, современные исследования раскрывают отдельные элементы обеспечения экономической безопасности предприятий: управление рисками, технологическое развитие, финансовую устойчивость и цифровизацию. Вместе с тем недостаточно исследованным остается комплексный сравнительный анализ национальных моделей адаптации предприятий к санкционным ограничениям и возможности селективного использования зарубежного опыта в российских условиях, что определяет необходимость дальнейшего исследования данной проблематики.

Целесообразность разработки темы продиктована потребностью в поиске действенных механизмов повышения экономической устойчивости российских предприятий в условиях долгосрочной трансформации мировой экономики. Интерес особенностью представляет анализ опыта государств, сумевших выработать собственные, индивидуально характерные модели адаптации к внешним ограничениям. Республика Беларусь продемонстрировала механизмы промышленной кооперации, государственной координации и логистической перестройки, Китайская Народная Республика — инструменты технологического суверенитета и поддержки инновационных компаний, Республика Казахстан — механизмы санкционного комплаенса и цифровизации финансовых операций. Исследование указанных практик позволило выявить инструменты, которые могут быть адаптированы к российским условиям с учетом особенностей национальной экономики.

Целью исследования является сравнительный анализ механизмов обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях санкционного давления и разработка направлений адаптации наиболее эффективных зарубежных практик для российских предприятий.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- исследовать теоретические подходы к обеспечению экономической безопасности предприятий;
- выявить основные угрозы экономической безопасности предприятий в условиях санкционных ограничений;
- провести сравнительный анализ механизмов обеспечения экономической безопасности предприятий Республики Беларусь, Китайской Народной Республики и Республики Казахстан;
- определить особенности национальных моделей адаптации предприятий к внешним ограничениям;
- выявить наиболее перспективные зарубежные инструменты повышения устойчивости хозяйственной деятельности;
- разработать направления их адаптации к российским условиям.

Объектом исследования выступают предприятия, функционирующие в условиях санкционных ограничений и повышенной внешнеэкономической неопределенности.

Предметом исследования являются организационно-экономические механизмы обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях санкционного давления.

Методологическую основу исследования составляют системный и сравнительный подходы, методы научного обобщения, структурно-функционального, институционального и экономического анализа.

Научная новизна исследования заключается в систематизации зарубежных моделей обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях санкционного давления и обосновании подхода к их селективной адаптации в российских условиях. В работе выявлены особенности белорусской, китайской и казахстанской моделей адаптации, определены наиболее перспективные инструменты их применения и предложена модель обеспечения экономической безопасности российских предприятий, основанная на взаимодействии технологического, финансового и цифрового контуров устойчивости.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии представлений об экономической безопасности предприятий как о комплексной системе управления устойчивостью, включающей финансовые, технологические, логистические и цифровые механизмы адаптации.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов предприятиями реального сектора экономики при совершенствовании систем экономической безопасности, а также органами государственной власти при разработке инструментов поддержки бизнеса в условиях внешних ограничений и структурной трансформации экономики.

Основная часть

Методология исследования. Проведенное исследование основано на комплексном анализе зарубежного опыта обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях санкционного давления. В рамках сравнительного анализа рассмотрены модели адаптации Республики Беларусь, Китайской Народной Республики и Республики Казахстан, различающиеся используемыми механизмами обеспечения устойчивости хозяйствующих субъектов. Выбор данных стран обусловлен различиями в подходах к реагированию на внешние ограничения: белорусская модель ориентирована на государственную поддержку, промышленную кооперацию и перестройку логистических связей [8]. Китайская — на формирование технологического суверенитета и развитие инновационного потенциала [9]. Казахстанская — на использование инструментов санкционного комплаенса и цифровизации финансовых операций [14].

Информационную базу исследования составили научные публикации российских и зарубежных авторов, материалы международных организаций, нормативно-правовые документы, аналитические обзоры, а также открытые данные государственных органов Республики Беларусь, Китайской Народной Республики и Республики Казахстан, отражающие особенности функционирования предприятий в условиях внешних ограничений.

Современные зарубежные исследования рассматривают обеспечение экономической безопасности предприятия как комплексную систему, включающую управление рисками, обеспечение непрерывности бизнеса, корпоративную устойчивость и механизмы комплаенса. Их сочетание позволяет перейти от реагирования на отдельные угрозы к формированию долгосрочных механизмов адаптации и устойчивости хозяйственной деятельности.

Рис. 1. Взаимосвязь ключевых подходов к обеспечению экономической безопасности предприятия в зарубежной практике

Результаты исследования и их обсуждение. В итоге исследования выявлено, что в условиях санкционного давления экономическая безопасность предприятия формируется как результат взаимодействия финансовых, технологических, логистических и цифровых механизмов. Ограничение доступа к отдельным рынкам, технологиям и финансовым инструментам приводит к возникновению взаимосвязанных рисков, требующих системного подхода к обеспечению устойчивости бизнеса.

Установлено, что национальные модели обеспечения экономической безопасности предприятий формируются под воздействием особенностей экономического устройства, степени внешней зависимости и характера действующих ограничений. Белорусская модель ориентирована на оперативную адаптацию посредством государственной координации, промышленной кооперации и перестройки внешнеэкономических связей. Китайская модель основана на долгосрочной стратегии технологического развития, направленной на снижение критических зависимостей, поддержку инновационных предприятий и формирование собственных производственных цепочек. Казахстанская модель характеризуется развитием инструментов санкционного комплаенса, цифровизации финансовых операций и сохранением устойчивости международных расчетов.

Проведенный сравнительный анализ позволил обосновать концепцию селективной адаптации зарубежного опыта для российских предприятий. Ее содержание заключается не в прямом копировании отдельных национальных моделей, а в использовании наиболее эффективных механизмов с учетом особенностей российской экономики, уровня технологического развития и структуры внешнеэкономических связей. В соответствии с данным подходом выделены три ключевых направления повышения устойчивости предприятий: обеспечение технологической устойчивости, укрепление финансовой безопасности и развитие цифровых механизмов обеспечения непрерывности хозяйственной деятельности.

Выбор Республики Беларусь, Китайской Народной Республики и Республики Казахстан в качестве объектов анализа обусловлен различием подходов к адаптации предприятий в условиях внешних ограничений. Методы обеспечения устойчивости бизнеса у данных стран могут быть полезны для поиска инструментов в российских условиях, несмотря на схожесть общих проблем — изменение международной торговли, финансовые границы и технологические барьеры. Справедливый пример в качестве экономики, которая в условиях расширения с 2020 г. санкционных ограничений, была принуждена заметно изменить механизмы финансового, производственного, логистического функционирования бизнеса — Республика Беларусь. Ограничили в ней внешнюю

торговлю, финансовую систему и отдельные сектора промышленности, что заставило государство активно участвовать в координации адаптационных процессов и поддержкой стратегически значимых производств [8]. Одним из первых направлений адаптации стало развитие интеграционных механизмов Союзного государства и расширение использования национальных валют во внешнеторговых расчетах. По данным заместителя Председателя Правительства РФ Алексея Оверчука, по итогам 2025 г. доля расчетов между Россией и Беларусью в национальных валютах достигла 99,1 %, что свидетельствует о снижении зависимости от традиционной западной финансовой инфраструктуры и переходе к альтернативным механизмам внешнеэкономических операций. Дополнительным инструментом повышения устойчивости стало государственное регулирование движения капитала и ограничения рисков проведения отдельных финансовых операций с участием субъектов недружественных государств.

Значительным направлением обеспечения экономической безопасности являлась промышленная кооперация с российскими предприятиями и реализация совместных импортозамещающих проектов. В рамках Союзного государства реализуется 26—27 проектов общей стоимостью около 170 млрд руб., направленных на развитие машиностроения, микроэлектроники, приборостроения, химической промышленности и агропромышленного комплекса. Инструменты подобного рода позволяют наращивать альтернативные производственные цепочки, снижать технологическую зависимость. По данным Министерства экономики Республики Беларусь объем продукции в рамках программ импортозамещения за 2016—2022 гг. увеличился в два раза.

Адаптацией стала перестройка логистических маршрутов. После ограничения доступа к отдельным европейским направлениям белорусские предприятия начали переориентировать экспортно-логистические маршруты на российскую портовую инфраструктуру, включая порты Балтийского, Азово-Черноморского и Дальневосточного бассейнов. По данным Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь, в 2023 г. через российские порты осуществлялась перевалка значительных объемов белорусских грузов, а в первом полугодии 2024 г. объем вывоза экспортных грузов составил 7,3 млн т, что на 22,5 % выше уровня аналогичного периода предыдущего года. Использование российских транспортных направлений позволило повысить устойчивость экспортной инфраструктуры и снизить зависимость от отдельных логистических маршрутов. Одновременно развивались торговые связи со странами Азии, Ближнего Востока и с другими дружественными государствами, что позволило уменьшить зависимость от традиционных направлений внешней торговли.

Следовательно, практическое значение белорусского опыта для России заключается на самом деле не в его инструментальной уникальности — многие инструменты использовались и в Российской практике, — а в особенностях их комплексной реализации в условиях ограниченного внутреннего рынка и высокой внешнеэкономической зависимости. Белорусская модель демонстрирует возможности быстрой адаптации предприятий за счет государственной координации, промышленной кооперации, развития расчетов в национальных валютах и оперативного переделывания логистических связей. Китаю принципиально важен иной подход к обеспечению экономической безопасности предприятий. В отличие от Беларуси, ориентированной в основном на адаптацию к санкционным ограничениям, Китай рассматривает внешнее давление как стимул к ускоренному формированию технологического суверенитета. Центральное место в данной модели отводится государственной промышленной политике, ведущей к развитию собственных технологических компетенций, а также к снижению зависимости от зарубежных поставщиков критически важных технологий [10].

Третьим важным компонентом является стратегия «двойной циркуляции», предполагающая укрепление внутреннего рынка при сохранении внешнеэкономической активности. Значительные финансовые ресурсы направляются на поддержку научных исследований, разработок и высоких технологий. Государственные банки развития и специализированные фонды обеспечивают льготное финансирование предприятий, работающих в стратегически важных отраслях, включая микроэлектронику, робототехнику, телекоммуникации и цифровые технологии.

Основная роль в Китае принадлежит механизмам устранения технологических узких мест в производственных цепочках. Программа государственной промышленной политики включает в себя выявление критически важных импортозависимых технологий и их замещение путем поддержки специализированных инновационных предприятий *SRDI* (в народе «маленькие гиганты»). Основная роль в Китае принадлежит механизмам устранения технологических ограничений в производственных цепочках и развитию специализированного инновационного предпринимательства. Согласно данным Национального бюро статистики Китая, в 2024 г. расходы страны на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) достигли 3,613 трлн юаней, что составило 2,68 % ВВП. Важным элементом промышленной политики являются предприятия *SRDI* (*Specialized, Refined, Differential and Innovative* — специализированные, точные, инновационные предприятия), включая компании категории «маленькие гиганты», ориентированные на развитие критически важных технологических направлений и снижение зависимости от внешних поставок. Дополнительным инструментом повышения устойчивости производственных цепочек является система «цепочечных руководителей» (*chain chiefs*), направленная на координацию развития отраслевых цепочек и устранение уязвимых звеньев [15]. Подобный подход обеспечивает не только адаптацию к внешним ограничениям, но и формирование долгосрочных технологических преимуществ. Республика Казахстан, в числе прочего, интересна как модель обеспечения экономической безопасности предприятий, основанная на сочетании санкционного комплаенса, финансовой адаптации и цифровизации расчетов. В отличие от Беларуси, ориентирующейся на государственную координацию и промышленную кооперацию, и Китая, реализующего стратегию технологического суверенитета, Казахстан стре-

мится сохранить интеграцию в международные финансовые и торговые системы и одновременно снизить санкционные риски — риски для бизнеса.

Ключевым элементом данной модели стал санкционный комплаенс. Активизация экспортного контроля и реальный риск применения вторичных санкций со стороны США и Европейского Союза заставили ужесточить требования к внешнеэкономическим операциям и транзакциям, проводимым за пределами одной страны. Банковский сектор Казахстана в свою очередь усилил проверки контрагентов, мониторинг платежей и оценку санкционных рисков, тем самым фактически выполняя дополнительно и функцию экономической безопасности. Применение этой модели позволяет предприятиям сохранить доступ к международным рынкам при меньшей вероятности блокировки финансовых операций. В качестве дополнительного направления адаптации выступило развитие альтернативных расчетных механизмов и цифровых финансовых инструментов. Казахская практика показывает, что устойчивость внешнеэкономической деятельности может быть обеспечена не отказом от международной финансовой системы, а созданием дополнительных каналов для платежей и уменьшением зависимости от отдельных инфраструктур. Ключевую роль при этом играет внедрение цифрового тенге как элемента новой финансовой инфраструктуры [13]. В рамках пилотных проектов были протестированы механизмы программируемых платежей, контроля целевого использования средств и автоматизации расчетов. По данным Национального банка Республики Казахстан, по состоянию на конец 2025 г. в рамках пилотного этапа внедрения цифрового тенге объем эмиссии через платформу составил 336,6 млрд тенге; к инфраструктуре системы подключены семь финансовых организаций, что отражает расширение институциональной базы цифровых расчетов. Данный опыт показывает возможность использования цифровых валют не только как платежного инструмента, но и как механизма повышения прозрачности финансовых потоков и контроля реализации государственных программ.

Важным фактором устойчивости Казахстана является развитие транспортно-логистической инфраструктуры и использование транзитного потенциала. По данным «Интерфакс-Казахстан», в 2025 г. объем транзитных перевозок составил около 36,9 млн т, увеличившись на 6,6 % по сравнению с предыдущим периодом. Развитие международных транспортных маршрутов способствует диверсификации внешнеэкономических связей и снижению зависимости от отдельных направлений торговли.

Таким образом, практическая ценность казахстанского опыта для России заключается в развитии механизмов управления внешними рисками без разрыва международных экономических связей. Наиболее применимыми элементами являются инструменты санкционного комплаенса, предварительной оценки рисков внешнеэкономических операций, цифровизации расчетов и формирования устойчивой платежной инфраструктуры.

Сравнение рассмотренных моделей позволяет выделить три различных подхода к обеспечению экономической безопасности предприятий. Первая, белорусская модель, отражает эти принципы в формах государственной координации, промышленной кооперации, логистической адаптации. Вторая, китайская модель, — в достижении технологического суверенитета, оказании помощи инновациям, масштабной промышленной политике. Казахская

модель делает акцент на финансовой устойчивости, санкционном комплаенсе, цифровизации расчетов. В то же время, несмотря на различия в применяемых инструментах, все три страны стремятся одновременно снизить уязви-

мость своих предприятий перед внешними ограничениями различного рода и сформировать механизмы долгосрочной устойчивости собственного бизнеса. Результаты сравнительного анализа приведены в виде таблицы.

Сравнительная характеристика зарубежных практик обеспечения экономической безопасности предприятий

Критерий	Республика Беларусь	Китайская Народная Республика	Республика Казахстан
Модель обеспечения экономической безопасности	Кооперационно-адаптационная	Технологически суверенная	Финансово-цифровая
Ключевые механизмы	Государственная поддержка, промышленная кооперация, импортозамещение	НИОКР, программа <i>SRDI</i> , стратегия «двойной циркуляции»	Санкционный комплаенс, цифровой тенге, альтернативные расчеты
Финансовая устойчивость	Расчеты в национальных валютах, валютное регулирование	Государственное финансирование стратегических отраслей	Комплаенс-контроль и цифровые финансовые инструменты
Технологическая устойчивость	Совместные импортозамещающие проекты	Технологический суверенитет и устранение технологических дефицитов	Диверсификация источников технологий
Логистическая адаптация	Переориентация экспортных потоков на российские и азиатские маршруты	Опора на внутренние производственные цепочки	Развитие международных транспортных коридоров
Основное преимущество	Быстрая адаптация к внешним ограничениям	Формирование долгосрочных конкурентных преимуществ	Сохранение международной интеграции при снижении санкционных рисков
Элементы, перспективные для России	Кооперация и логистическая адаптация	Поддержка инновационных предприятий и технологическое картирование	Санкционный комплаенс и цифровизация расчетов

Выявленные в результате проведенного исследования результаты позволяют выделить три ключевых направления совершенствования системы экономической безопасности предприятий российской экономики: обеспечение технологической устойчивости, укрепление финансовой безопасности и развитие цифровых механизмов обеспечения непрерывности хозяйственной деятельности. Указанные направления формируют основу адаптации предприятий к долгосрочному санкционному давлению.

Первое направление связано с обеспечением технологической устойчивости предприятий. Анализ китайского опыта показывает, что снижение внешней зависимости обеспечивается не только масштабом государственной поддержки, но прежде всего концентрацией ресурсов на устранении конкретных технологических ограничений внутри производственных цепочек.

В российских условиях сформирован комплекс инструментов технологического развития, включающий национальные проекты, программы поддержки малого и среднего предпринимательства, механизмы льготного финансирования промышленности, а также меры стимулирования технологического предпринимательства и повышения производительности труда. В рамках их реализации с 2025 г. расширено вовлечение предприятий в программы повышения эффективности и производительности, что отражает усиление практико-ориентированного характера государственной промышленной политики. По данным официальных материалов национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика», в 2025 г. участниками соответствующих программ стали более 1 000 предприятий, а обучение инструментам повышения эффективности прошли свыше 21 тыс. сотрудников.

Однако анализ показывает, что существующая система поддержки в большей степени ориентирована на развитие действующих производств, повышение эффективности и реализацию крупных инвестиционных проектов.

При этом сохраняется проблема выявления предприятий, обладающих критическими технологическими компетенциями, способных закрывать отдельные дефициты внутри производственных цепочек. Малые и средние технологические компании сталкиваются с ограниченным доступом к финансированию, высокими транзакционными издержками получения поддержки и недостаточной интеграцией в цепочки поставок крупных предприятий.

В этой связи практический интерес представляет адаптация отдельных элементов китайской модели *SRDI* («маленькие гиганты»), основанной на выделении специализированных компаний с уникальными компетенциями в узких технологических сегментах. Для российских условий данный подход может быть реализован не путем копирования китайской модели, а через развитие механизмов технологической селекции: определение предприятий по уровню критичности выпускаемой продукции, степени локализации, способности обеспечивать технологическую независимость и значимости для национальных производственных цепочек.

Практическое воплощение данного замысла может заключаться в формировании реестров критичных технологий и компонентов, создании специализированных программ поддержки технологических малых и средних предприятий, расширении механизмов гарантированного промышленного заказа, а также в повышении участия инновационных компаний в цепочках поставок крупных российских производителей.

Еще более значимо для российских компаний будет развитие кооперации между предприятиями с использованием белорусского примера формирования альтернативных производственных цепочек. Практика Республики Беларусь показывает, что в условиях ограниченного доступа к зарубежным технологиям и комплектующим устойчивость производственного сектора может обеспечиваться за счет курса на расширение кооперации, реализации

совместных проектов импортозамещения и создании новых каналов поставок. Для российской экономики данный подход влечет за собой дальнейшее развитие взаимодействия отечественных предприятий с производителями дружественных государств, что в свою очередь позволит снизить риски, связанные с нарушением поставок и соответственно повысить устойчивость стратегически значимых отраслей.

Второе направление связано с улучшением механизмов финансовой безопасности предприятий. Под огнем санкционного огня, устойчивость бизнеса определяет не только доступность финансовых ресурсов, но и возможность обеспечения стабильности расчетов в условиях изменяющейся международной финансовой инфраструктуры.

Казахстанский опыт санкционного комплаенса представляет практический интерес. Для российских предприятий перспективен путь развития механизмов предварительной оценки санкционных рисков внешнеэкономических операций, включая проверку контрагентов, анализ платежных маршрутов и выявление потенциально вероятных ограничений на заключение международных контрактов. Применение подобных инструментов позволит снизить вероятность блокировки расчетов и повысить устойчивость внешнеэкономической деятельности.

Сохраняет активную в качестве высокоэффективного механизма необходимость повышения эффективности действующих механизмов финансовой поддержки бизнеса. В Российской Федерации инструменты гарантийной поддержки реализуются через институты развития, включая АО «Корпорация МСП», Фонд развития промышленности и ВЭБ.РФ, предоставляющие поручительства, гарантии и льготное финансирование проектов по технологической модернизации и импортозамещения. Вместе с тем сохраняются ограничения, связанные с высокой стоимостью заемного капитала, недостаточной доступностью финансирования для части предприятий и повышенными требованиями банков к обеспечению инвестиционных проектов.

В связи с этим приоритетным направлением является расширение доступности существующих инструментов поддержки за счет упрощения процедур получения финансирования, увеличения охвата предприятий и повышения эффективности взаимодействия институтов развития с бизнесом. Особое значение это имеет для компаний, работающих в сферах производства критически важных компонентов, промышленной автоматизации и технологического

импортозамещения, где высокий уровень рисков и длительные сроки окупаемости ограничивают возможности привлечения частного капитала.

Дополнительным направлением повышения устойчивости финансовой системы является развитие цифровых платежных инструментов. Опыт Казахстана по внедрению цифрового тенге показывает возможность использования программируемых платежей для повышения прозрачности движения денежных средств, контроля их целевого использования и автоматизации финансовых операций в рамках государственных и инвестиционных проектов.

С учетом данного опыта перспективным направлением для российских предприятий является развитие инфраструктуры цифрового рубля как элемента цифровой финансовой среды. В соответствии с планами Банка России, массовое внедрение цифрового рубля запланировано на 1 сентября 2026 г., что свидетельствует о переходе к этапу его масштабного использования в рамках национальной платежной инфраструктуры.

В отличие от традиционных безналичных расчетов, цифровой рубль позволяет связывать движение денежных средств с установленными условиями их использования, что особенно актуально при реализации государственных программ поддержки бизнеса, импортозамещающих проектов и финансировании стратегически значимых отраслей. Использование таких механизмов способно повысить прозрачность финансовых потоков, снизить риски неэффективного использования ресурсов и сформировать дополнительный цифровой контур экономической безопасности предприятий.

На основе проведенного сравнительного анализа предлагается модель обеспечения экономической безопасности российских предприятий, основанная на интеграции трех взаимосвязанных контуров: технологического, финансового и цифрового.

Технологический контур направлен на снижение зависимости от внешних поставщиков, развитие импортозамещения и формирование устойчивых производственных цепочек. Финансовый контур обеспечивает устойчивость расчетов, доступность финансовых ресурсов и снижение санкционных рисков. Цифровой контур ориентирован на обеспечение непрерывности бизнес-процессов, развитие цифровой инфраструктуры и внедрение современных инструментов управления финансовыми потоками. Концептуальная структура предлагаемой модели представлена на рис. 2.

Рис. 2. Модель обеспечения экономической безопасности российских предприятий на основе взаимодействия технологического, финансового и цифрового контуров

Представленная модель отражает комплексный характер обеспечения экономической безопасности предприятия в условиях санкционного давления. Принципиальным отличием предлагаемого подхода является акцент на синергетическом взаимодействии контуров. Технологическая зависимость неизбежно повышает финансовые риски предприятия, тогда как ограничения в финансовой сфере затрудняют реализацию проектов технологической модернизации. В свою очередь цифровая инфраструктура обеспечивает координацию производственных и финансовых процессов, выступая связующим элементом всей системы экономической безопасности.

Таким образом, повышение устойчивости российских предприятий в условиях санкционного давления должно осуществляться посредством селективной адаптации наиболее эффективных зарубежных механизмов. Наибольший практический интерес представляют белорусские инструменты промышленной кооперации и логистической адаптации, китайские механизмы выявления технологических дефицитов и поддержки инновационных предприятий, а также казахстанский опыт санкционного комплаенса и программируемых цифровых платежей. Их интеграция в рамках единой модели позволяет сформировать комплексную систему обеспечения экономической безопасности, ориентированную на долгосрочную устойчивость и адаптивность российского бизнеса.

Выводы

Проведенное исследование позволило определить особенности формирования механизмов обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях санкционного давления и обосновать направления адаптации зарубежного опыта к российским условиям. Установлено, что в современной экономике экономическая безопасность предприятия не ограничивается защитой материальных ресурсов и финансовых показателей, а представляет собой комплексную систему управления устойчивостью, включающую способность сохранять производственные процессы, обеспечивать доступ к технологиям, поддерживать финансовую стабильность и адаптироваться к изменениям внешней среды.

Теоретический анализ показал, что санкционное давление формирует совокупность взаимосвязанных угроз, затрагивающих технологическую, финансовую, логистическую и цифровую сферы деятельности предприятий. В связи с этим эффективное обеспечение экономической безопасности требует перехода от отдельных антикризисных мероприятий к системному управлению рисками, устойчивостью и адаптивностью бизнеса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4—16.
2. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России // ЭКО. 2007. № 5(395). С. 1—21.
3. Татаркин А. И., Романова О. А., Куклин А. А., Яковлев В. И. Экономическая безопасность как объект регионального исследования // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 78—89.
4. Business Continuity Management, Operational Resilience, and Organizational Resilience: Commonalities, Distinctions, and Synthesis / S. E. Galaitsi, E. Pinigina, J. M. Keisler et al. // International Journal of Disaster Risk Science. 2023. Vol. 14. Iss. 5. Pp. 713—721. DOI: 10.1007/s13753-023-00494-x.
5. Steen R., Haug O. J., Patriarca R. (Business continuity and resilience management: A conceptual framework // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2024. Vol. 32. Iss. 1. Art. e12501. DOI: 10.1111/1468-5973.12501.
6. Исаева П. Экономическая безопасность и экономическое развитие России в условиях санкционного давления недружественных стран // Региональная и отраслевая экономика. 2025. № S2. С. 106—110.

Сравнительный анализ опыта Республики Беларусь, Китайской Народной Республики и Республики Казахстан подтвердил, что универсальной модели обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях внешних ограничений не существует. Белорусский опыт демонстрирует значимость государственной координации, промышленной кооперации и перестройки логистических цепочек. Китайская модель показывает эффективность долгосрочной политики технологического развития, основанной на выявлении критических технологических зависимостей, поддержке специализированных инновационных компаний и формировании собственных производственных экосистем. Казахская практика подтверждает перспективность развития механизмов санкционного комплаенса, цифровизации расчетов и использования цифровых финансовых инструментов для повышения устойчивости внешнеэкономической деятельности.

Основным результатом исследования стало обоснование концепции селективной адаптации зарубежного опыта, предполагающей не прямое копирование национальных моделей, а внедрение отдельных механизмов с учетом особенностей российской экономики. Наиболее перспективными направлениями определены развитие технологической устойчивости через выявление критических зависимостей и поддержку специализированных предприятий, расширение инструментов финансовой защиты бизнеса, а также внедрение цифровых механизмов повышения прозрачности и устойчивости финансовых операций.

Научная новизна исследования заключается в разработке модели обеспечения экономической безопасности российских предприятий, основанной на взаимодействии трех взаимосвязанных контуров: технологического, финансового и цифрового. В отличие от подходов, рассматривающих отдельные направления защиты предприятия, предложенная модель отражает комплексный характер современных угроз и необходимость одновременного развития производственной, финансовой и цифровой устойчивости.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при совершенствовании корпоративных систем экономической безопасности предприятий, разработке механизмов государственной поддержки и формировании стратегий адаптации бизнеса к долгосрочным внешним ограничениям. Реализация предложенных направлений способна снизить технологическую и финансовую уязвимость российских предприятий, повысить устойчивость производственных цепочек и обеспечить условия для сохранения конкурентоспособности экономики в условиях трансформации мировой хозяйственной системы.

7. Кузьмина Е. М. Экономическое сотрудничество Беларуси с государствами — членами СНГ после ужесточения санкций // *Геоэкономика энергетики*. 2026. Т. 33. № 1. С. 91—113. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_91.
8. Пугачев В. П. Беларусь в процессах экономической интеграции Евразии в условиях западных санкций // *Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник*. М. : ИНИОН РАН, 2023. Вып. 18 : Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения : материалы XXII Нац. науч. конф. с междунар. участием. Ч. 1. С. 236—238.
9. Рогатных Е. Б., Звезднов П. Д. Опыт Китая по поддержке развития высоких промышленных технологий // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2024. № 8. С. 34—48. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-8-34-48.
10. Мозиас П. М. Промышленная политика Китая в контексте международных сопоставлений // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9, Востоковедение и африканистика*. 2025. № 4. С. 145—178.
11. Данилин И. В. Эволюция китайской политики развития сектора хай-тек: от новых технологий — к новым субъектам? // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2023. Т. 16. № 5. С. 129—145. DOI: 10.31249/kgt/2023.05.08.
12. Цифровизация банковской системы в Казахстане / Е. М. Кот, И. Ф. Пильникова, С. В. Петрякова и др. // *Право и управление*. 2024. № 8. С. 399—402.
13. Ситникова В. О., Рябова Н. Н. Влияние цифровизации на банковскую систему РК // *Вестник науки*. 2024. № 12(81). Т. 1. С. 289—293.
14. Ермолаев Т. А. Санкционный комплаенс в Республике Казахстан под воздействием санкций ЕС и США // *Вестник науки*. 2025. № 4(85). Т. 1. С. 291—302.
15. Gong H., Hassink R., Wang C. C. Strategic coupling and institutional innovation in times of upheavals: the industrial chain chief model in Zhejiang, China // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2022. Vol. 15. Iss. 2. Pp. 279—303. DOI: 10.1093/cjres/rsac011.

REFERENCES

1. Abalkin L. I. Economic security of Russia: threats and their reflection. *Voprosy Ekonomiki*. 1994;12:4—16. (In Russ.)
2. Senchagov V. K. Economic security of Russia. *ECO*. 2007;5(395):1—21. (In Russ.)
3. Tatarin A. I., Romanova O. A., Kuklin A. A., Yakovlev V. I. Economic security as an object of regional research. *Voprosy Ekonomiki*. 1996;6:78—89. (In Russ.)
4. Galaitsi S. E., Pinigina E., Keisler J. M. et al. Business Continuity Management, Operational Resilience, and Organizational Resilience: Commonalities, Distinctions, and Synthesis. *International Journal of Disaster Risk Science*. 2023;14(5):713—721. DOI: 10.1007/s13753-023-00494-x.
5. Steen R., Haug O. J., Patriarca R. (Business continuity and resilience management: A conceptual framework. *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2024;32(1):e12501. DOI: 10.1111/1468-5973.12501.
6. Isaeva P. Russia's economic security and economic development under sanctions from unfriendly countries. *Regional'naya i otraslevaya ekonomika = Regional and sectoral economy*. 2025;S2:106—110. (In Russ.)
7. Kuzmina E. M. Economic Cooperation Between Belarus and CIS Member States After the Tightening of Sanctions. *Geoekonomika energetiki = Geoeconomics of Energetics*. 2026;1:91—113. (In Russ.) DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_91.
8. Pugachev V. P. Belarus in the processes of Eurasian economic integration under Western sanctions. *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya = Russia: trends and prospects of development. Annual*. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences publ., 2023;18(1):236—238. (In Russ.)
9. Rogatnykh E. B., Zvezdov P. D. China's experience in supporting high-tech industry development. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian foreign economic journal*. 2024;8:34—48. (In Russ.) DOI: 10.24412/2072-8042-2024-8-34-48.
10. Moziyas P. M. China's industrial policy in a global perspective. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9, Vostokovedenie i afrikanistika = Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 9, Oriental and African studies*. 2025;4:145—178. (In Russ.)
11. Danilin I. V. The Evolution of the Chinese Policy for the Development of the High-tech Sector: from New Technologies to New Actors?. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo = Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2023;16(5):129—145. (In Russ.) DOI: 10.31249/kgt/2023.05.08
12. Kot E. M., Pilnikova I. F., Petryakova S. V. et al. Digitalization of the banking system in Kazakhstan. *Pravo i upravlenie = Law and management*. 2024;8:399—402. (In Russ.)
13. Sitnikova V. O., Ryabova N. N. Impact of digitalization on banking system of Republic of Kazakhstan. *Vestnik nauki*. 2024;12(81)-1:289—293. (In Russ.)
14. Ermolayev T. A. Sanctions compliance in the Republic of Kazakhstan under the impact of EU and US sanctions. *Vestnik nauki*. 2025;4(85)-1:291—302. (In Russ.)
15. Gong H., Hassink R., Wang C. C. Strategic coupling and institutional innovation in times of upheavals: the industrial chain chief model in Zhejiang, China. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2022;15(2):279—303. DOI: 10.1093/cjres/rsac011.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 27.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.
The article was submitted 03.06.2026; approved after reviewing 27.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 336.76:519.2
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1735

Bogdan Gennadievich Andrianov
Master's student of the School of Economics and Management,
specialty 38.04.01 — Economics,
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
andrianov.bg@dvfu.ru

Lyudmila Konstantinovna Vasyukova
Candidate of Economics,
Associate Professor of the School of Economics and Management,
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
vasyukova_ludmila@mail.ru

Богдан Геннадьевич Андрианов
магистрант Школы экономики и менеджмента,
специальность 38.04.01 — Экономика,
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация
andrianov.bg@dvfu.ru

Людмила Константиновна Васюкова
канд. экон. наук,
доцент Школы экономики и менеджмента,
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация
vasyukova_ludmila@mail.ru

ДИСКРЕТНО-ВОЛНОВАЯ ГИПОТЕЗА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ АКТИВОВ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ АКЦИЙ

5.2.4 — Финансы

Аннотация. В статье эмпирически проверяется дискретно-волновая гипотеза ценообразования активов, постулирующая, что цена финансового инструмента эволюционирует как последовательность устойчивых равновесных состояний, разделенных скачкообразными переходами.

На данных для 74 российских акций за период с 2013 по 2025 г. с использованием методов идентификации скачков, тестов Харке—Бера и Льюнга—Бокса, а также модели Марковского переключения получены эмпирические свидетельства, противоречащие простой модели непрерывного случайного блуждания и согласующиеся с режимно-дискретной интерпретацией ценовой динамики. Событийный анализ 20 новостных шоков выявил накопление аномальной доходности до объявления событий в 11 случаях, что свидетельствует о постепенных межрежимных переходах. Вместе с тем вневыборочная проверка рефлексивного уравнения и построенной на его основе стратегии динамического сокращения позиции не дала статистически значимого улучшения коэффициента Шарпа, волатильности или максимальной просадки по сравнению с пассивным удержанием портфеля. При агрегации до недельных

и месячных данных метод наследования дневных скачков не позволяет отвергнуть гипотезу о независимости внутри периодов, тогда как робастный детектор фиксирует сохранение тяжелых хвостов и асимметрии на старших таймфреймах.

Совокупность результатов согласуется с дискретно-волновой природой цены как структурного свойства рынка, но не обнаруживает ее прогностической ценности для тактического управления портфелем на исследованном горизонте, что обосновывает концептуальное разделение трейдинга как работы на дискретных движениях цены и инвестирования как использования сглаженной динамики на больших интервалах с элементами спекуляции внутри позиции или без таковой в зависимости от склонности к риску.

Ключевые слова: дискретно-волновая теория ценообразования, ценообразование активов, российский рынок акций, скачки цен, кластеризация волатильности, модель Марковского переключения, гипотеза эффективного рынка, событийный анализ, аномальная доходность, тест Харке—Бера, временные ряды, режимы волатильности

Для цитирования: Андрианов Б. Г., Васюкова Л. К. Дискретно-волновая гипотеза ценообразования активов: эмпирическая проверка на российском рынке акций // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 46—60. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1735.

Original article

DISCRETE-WAVE ASSET PRICING HYPOTHESIS: EMPIRICAL TEST ON THE RUSSIAN STOCK MARKET

5.2.4 — Finance

Abstract. This paper empirically evaluates the discrete-wave asset pricing hypothesis, which posits that financial asset prices evolve through a sequence of stable equilibrium states separated by discrete regime shifts rather than as a continuous stochastic process.

Using data for 74 Russian stocks over the period from 2013 to 2025, and applying methods for identifying jumps, the Jarque-Bera and Ljung-Box tests, as well as a Markov switching model, empirical evidence was obtained that contradicts the simple continuous random walk model

and is consistent with a regime-discrete interpretation of price dynamics. An event study of 20 major news shocks further reveals abnormal return accumulation before public announcements in 11 cases, indicating that transitions between equilibrium regimes are often gradual. We then evaluate the economic implications of the hypothesis through an out-of-sample test of a reflexive equation and a dynamic position-reduction strategy derived from it. Neither approach produces statistically significant improvements in the Sharpe ratio, return volatility, or maximum drawdown relative to a passive buy-and-hold benchmark. When aggregating data to weekly and monthly levels, the method of inheriting daily jumps does not allow us

to reject the hypothesis of independence within periods, while a robust jump detector continues to identify heavy tails and distributional asymmetry on higher timeframes.

The combined results are consistent with the discrete-wave nature of price as a structural property of the market, but they do not reveal its predictive value for tactical portfolio management over the examined horizon, which justifies the conceptual distinction between trading – working with discrete price movements – and investing – using smoothed dynamics over longer intervals with elements.

Keywords: discrete-wave pricing theory, asset pricing, Russian stock market, price jumps, volatility clustering, Markov switching model, efficient market hypothesis, event study, abnormal return, Jarque-Bera test, time series, volatility regimes

For citation: Andrianov B. G., Vasyukova L. K. Discrete-wave asset pricing hypothesis: empirical test on the Russian stock market. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):46–60. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1735.

Введение

Изученность проблемы. Инвестиционная деятельность относится к наиболее исследованным разделам финансовой науки, однако вопрос прогнозирования динамики цен активов остается дискуссионным. Классические подходы вроде *САРМ*, арбитражной теории, гипотезы эффективного рынка, поведенческих финансов исходят из концепции непрерывного и плавного отражения информации в ценах. Так, в работах П. Брусова, Т. Филатовой, В. Кулика [1] и А. Абрамова, М. Черновой, Т. Ахметянова [2] развиваются модели оценки активов на основе модели *САРМ* и факторного инвестирования; в обзоре О. Паседы с соавторами [3] показано, что многофакторные модели Фамы—Френча и Кархарта превосходят *САРМ* на развивающихся рынках, однако методы машинного обучения, обеспечивая наивысшую точность, порождают проблему интерпретируемости. Эти результаты фиксируют границы применимости для классических непрерывных моделей.

Вместе с тем современные исследования учитывают режимную динамику и скачкообразность цен. В работе А. Борисова [4] исследуется переключение рыночных режимов и скрытая марковская динамика, однако в данном подходе дискретным является лишь время наблюдений, а цена остается непрерывной. Аналогично и в исследовании примере Дж. Кохрейна [5] дискретность времени рассматривается как метод постановки задачи, а не свойство самой ценовой динамики. Идеи рефлексивности рынка Дж. Сороса [6] не получили строгой математической формализации.

Ряд работ также выявляет ограничения для непрерывных моделей ценообразования на эмпирических данных. Методы дифференциальной энтропии в работе Р. Мацусита с соавторами [7] обнаруживают структурные изменения в распределении доходностей, недоступные традиционным мерам волатильности. Исследования Х. Муштаса с соавторами [8], Ю. Сонг, Дж. Хуан, К. Чжан и Ю. Сюй [9] показывают, что устойчивость рыночных режимов и асимметрия влияния отрицательных скачков существенно различаются на развитых и развивающихся рынках. В статье И.-И. Маринеску с соавторами [10] метод *Bai–Perron* применяется для разделения индекса неопределенности, но не для анализа доходностей акций.

Событийный анализ С. С. Ястребовой [11] демонстрирует, что российский рынок накапливает аномальную доходность до официального наступления событий, а это, в свою очередь, противоречит мгновенному отражению

информации. Работы А. Проскурякова [12] и М. Дж. Ридера [13] фиксируют цикличность и волновые структуры в ценах криптоактивов и показывают, что гетерогенность информации является источником рыночных неэффективностей. Наконец, идеи о нелинейной и иерархической природе цены, высказанные еще Дж. Ливермором [14], и парадокс Гроссмана—Стиглица [15] указывают на то, что полная информационная эффективность невозможна при наличии информационных издержек.

Таким образом, существующие подходы, несмотря на прогресс в разработке многофакторных, режимных, энтропийных и рефлексивных моделей, сохраняют разрыв между теоретическим предположением о непрерывности цен и реальной практикой, демонстрирующей скачкообразное движение, устойчивые уровни и кластеризацию волатильности. Для устранения этого разрыва в настоящем исследовании предлагается дискретно-волновая гипотеза ценообразования активов.

Актуальность и целесообразность разработки темы. Исходя из того, что обозначено в рамках изученности проблемы, можно выделить стейкхолдеров, кому будет полезно данное исследование:

- инвестиционным менеджерам, управляющим портфелями, а также институциональным инвесторам, ориентированным на долгосрочный рост, т. к. для них будет весьма полезным понимание различий в поведении цены на разных временных уровнях;
- трейдерам, работающим на внутридневных и дневных тайм-фреймах, т. к. доказательства кластеризации, смены режимов волатильности и наличия предсобытийных накоплений аномальной доходности, дает им больше понимания, где и как ставить точки входа и выхода, от чего страховаться и как более точно управлять позицией;
- риск-менеджерам и количественным аналитикам, которые сосредоточены на системах управления рисками и стресс тестированиях;
- регуляторам и организаторам торгов, для которых понимание природы скачков и их кластеризации, а также связи с новостными шоками или внутренними причинами может способствовать более точной оценке системных рисков;
- академическому сообществу и всем, кто занимается финансовыми исследованиями, поскольку для них предложенная дискретно-волновая гипотеза предлагает концептуальное переосмысление старых теорий, вроде гипотезы эффективного рынка и поведенческих финансов, в пользу

гипотезы, основанной на самой природе цены и объясняющей пределы работы основных элементов старых подходов, а также снижает некоторую напряженность вокруг самой финансовой науки в области биржевой торговли, которую часто пытаются выдать за некий аналог «алхимии», ввиду ее вероятностной природы и провалов предыдущих теорий, игнорируя вероятностную природу нашего мира в целом, начиная от уровня Планка и ниже.

В рамках настоящего исследования, предлагается дискретно-волновая гипотеза ценообразования активов, которая исходит из внутренней природы цены как последовательности устойчивых состояний, разделенных скачками, и тем самым позволяет предсказывать временные горизонты применимости отдельных подходов.

Научная новизна исследования заключается в авторской системе последовательной интеграции существующих и широко известных моделей в единую пятиуровневую архитектуру для проверки дискретно-волновой гипотезы. Необходимость детального описания методов исследования поведения цены вытекает из разрыва, возникающего из наличия различных подходов к управлению капиталом в зависимости от временного уровня, а также взглядов на само ценообразование. Эти взгляды объединяются в соответствующие теории. Однако между многими из этих теорий и взглядов нет согласованности, а также отсутствует комплексная оценка поведения рынка в целом на разных уровнях в связи с вышеописанным. Небольшим шагом в данном направлении является настоящая статья.

Целью исследования выступает эмпирическая проверка дискретно-волновой гипотезы ценообразования активов на данных российского рынка акций с использованием статистически и методологически обоснованного инструментария.

Задачи исследования:

- охарактеризовать распределение дневных доходностей, а также проверить устойчивость детектирования скачков при применении различных методов, описанных в разделе с математическим аппаратом исследования, а также доступных при изучении кода исследования;
- дать формальное определение дискретного уровня равновесия, построить детерминированный детектор режимов на основе гистерезиса и сделать попытку выведения двухрежимного уравнения ценообразования с коэффициентом рефлексивности;
- оценить двухрежимную модель Марковского переключения для широкой выборки акций, проверить устойчивость ее параметров на скользящих подвыборках и сопоставить с моделями условной волатильности *GARCH* и *EGARCH*;
- провести событийный анализ реакции рынка на значимые новостные шоки, используя устойчивый к автокорреляции тест накопленной аномальной доходности до момента наступления события;
- осуществить вневыборочную валидацию прогностической ценности рефлексивного уравнения и построенной на его основе стратегии управления риском с динамическим сокращением позиции;
- проверить, сохраняется ли дискретная структура при агрегации данных до недельного и месячного горизонтов, а также оценить, насколько экстремальные движения на старших таймфреймах объясняются наследованием дневных скачков.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что дискретно-волновая гипотеза, в отличие от классических теорий, не имеет целью описать исключительно воздействие внешних импульсов на цену, а исходит из внутренней природы цены актива, как самобытного явления, расширяя при этом границы познания влияния внешних факторов на различных участках ценового потока. Что, в свою очередь, позволяет снять фундаментальные противоречия гипотезы эффективного рынка и поведенческих финансов, показывая, где и когда цена мгновенно отражает внешние факторы, что является областью эффективности, а где вступают в силу рефлексивные ожидания участников рынка, формирующие устойчивые дискретные состояния. Поведенческие финансы несут в себе опасность утвердиться в заблуждении, что ввиду неких когнитивных искажений цена может подолгу отклоняться от справедливой стоимости или обязательно к ней возвращаться, от чего, собственно, и страшает дискретно-волновая гипотеза.

Практическая значимость исследования подтверждается тем, что даже в классических трудах признается ограниченность традиционных моделей. Так, Уильям Ф. Шарп, Гордон Дж. Александер и Джеффри В. Бейли отмечают, что измерители управления эффективностью портфеля, такие как «бета», апостериорная «альфа» и коэффициент «доходность — изменчивость», основаны на модели, которая может и не быть корректной. Таким образом, гипотеза в ее нынешнем виде позволяет содержательно диагностировать рыночные режимы и структурные состояния цены, однако, как показывают результаты вневыборочной проверки в настоящем исследовании, сами результаты не обеспечивают доказанного прогностического преимущества для построения торговых стратегий на исследованном горизонте. Практическая ценность, в связи с этим, заключается преимущественно в аналитической диагностике режимов волатильности, а не в готовой к применению торговой методологии.

Основная часть

Методология исследования

Данные и формирование выборки. Данные для исследования собирались при помощи запросов по *API* по подписке за 6 200 руб., дающей доступ к ходу торгов по тарифу «акции». Были выгружены дневные итоги торгов за период с 5 января 2000 г. по 30 декабря 2025 г. и объединены в исходный файл, содержащий 652 100 записей и 52 колонки, описывающей каждую сделку или итоги торгового дня по инструменту.

Ключевые поля содержали:

- дату торгов (trade date);
- тикер (secid);
- режим торгов (boardid);
- цены открытия, максимума, минимума и закрытия торгов (open, high, low, close);
- объем торгов в штуках (volume);
- объем торгов в денежном выражении (value);
- количество сделок (numtrades).

Остальные поля содержат служебную информацию, расчетные показатели или имеют высокий процент пропусков, а потому не имели ценности в рамках данного исследования.

Всего имеется 23 основных режима торгов. Для анализа был выбран основной режим торгов, имеющий boardid — *TQBR*, на котором торгуются наиболее ликвидные

российские акции российских эмитентов в ходе основной торговой сессии с 10:00 до 18:40 по московскому времени. Включение остальных режимов приведет к неоднородности выборки ввиду устаревших данных, торгов паями, специальных режимов и т. д.

Данный торговый режим насчитывает 164 123 записи и включает 130 уникальных инструмента.

Для обеспечения статистической значимости и сопоставимости результатов данные были отфильтрованы. Были удалены дубликаты, а в анализ включены только те акции, которые имеют не менее 500 торговых дней. Также были исключены привилегированные акции, паи, ETF и прочие упомянутые выше инструменты, для обеспечения однородности выборки.

Итоговая выборка содержит 74 акции, насчитывает 130 692 наблюдения за период с 2013 по 2025 г. Это обеспечивает репрезентативность, статистическую значимость и позволяет корректно протестировать гипотезу, без искажений, связанных с низкой ликвидностью или нестандартными режимами торгов.

Стоит также заметить, что в исследовании присутствуют также делистинговые бумаги в количестве 32 из 74 акций выборки, которые прекратили торговаться как минимум за 90 дней до конца периода, что снижает смещение выживаемости выборки. Коды исследования, при помощи которых был произведен сбор данных, а также код самого исследования размещены на платформе *GitHub*:

- MOEX-History-Daily-Downloader // *GitHub*. URL: <https://github.com/acauntbogdana/MOEX-History-Daily-Downloader> (дата обращения: 31.07.2026).

- DISCRETE-WAVE-HYPOTHESIS-OF-ASSET-PRICING-EMPIRICAL-TEST-ON-THE-RUSSIAN-STOCK-MARKET // *GitHub*. URL: <https://github.com/acauntbogdana/DISCRETE-WAVE-HYPOTHESIS-OF-ASSET-PRICING-EMPIRICAL-TEST-ON-THE-RUSSIAN-STOCK-MARKET> (дата обращения: 15.07.2026).

Математический аппарат исследования. Логика применения математического аппарата несет под собой задачу установить, является ли дискретность, возникающая в связи с ценовым процессом на российском рынке акций, структурным свойством, порождаемым латентным механизмом смены режимов или же это артефакт метода измерения. Важно на терминологическом уровне разграничить четыре различных, хотя и связанных, понятия, используемых далее. Дискретность цены в данной статье выступает как гипотеза о том, что цена эволюционирует в качестве последовательности устойчивых состояний, разделенных скачками, в противовес непрерывному случайному блужданию. Скачки доходности — это операциональный статистический индикатор резкого отклонения доходности от локальной нормы, представленный в уровне II. Режимность волатильности — это кластеризация периодов повышенной и пониженной изменчивости, исследуемая в уровне III. И, наконец, дискретные равновесные состояния — это устойчивые уровни цены, к которым происходит возврат, что также отражено через уровень III. Настоящее исследование эмпирически проверяет второе и третье понятия как операциональные прокси первого, но не отождествляет их полностью. И поэтому проверка строится как последовательности из пяти уровней, каждый из которых снимает ограничение предыдущего.

На дескриптивном уровне I устанавливается, что распределение доходностей несовместимо с гауссовской моделью непрерывного случайного блуждания, что является необходимым, но не достаточным условием для выявления свойств дискретности.

Уровень II переводит содержательное понятие скачка в операциональный бинарный индикатор при помощи трех, независимых друг от друга методов. Также на этом уровне при помощи теста Льюнга—Бокса проверяется, распределены ли скачки во времени как независимый процесс или как процесс с памятью, что разграничивает пуассоновскую модель редких независимых событий от модели с кластеризацией.

На уровне III предлагается две взаимодополняющие, а не конкурирующие спецификации порождающего механизма, обнаруженного на уровне II. Это параметрическая вероятностная марковская модель переключения режимов и детерминированная пороговая модель с гистерезисом, формально эквивалентная релейному звену с гистерезисом из теории автоматического управления. Расхождение оценок турбулентной доли времени между двумя независимыми по конструкции методами интерпретируется в настоящем исследовании не как их взаимная валидация, а как свидетельство того, что каждый метод улавливает содержательно различный аспект в режимной динамике. Марковское переключение оценивает состояние отдельной бумаги по всей выборке апостериорно, тогда как гистерезис-детектор оценивает агрегированное по рынку состояние каузально, т. е. только по прошлой истории.

Уровень IV проверяет, коррелирует ли обнаруженная на уровне III структура с независимо датированными информационными шоками. Это единственный уровень, где используются данные, полностью экзогенные по отношению к самому ценовому ряду, а потому единственный способ отличить содержательный режим от переобучения на шум.

Уровень V проверяет, обладает ли обнаруженная структура прогностическим содержанием вне обучающей выборки, а также устойчива ли она к агрегации данных по времени.

Такая архитектура: следующая от статистического описания к структурной модели, от структурной модели к внешней валидации, от валидации к проверке экономической ценности вне выборки, — является стандартной последовательностью для эмпирической проверки гипотез о структурных изменениях в финансовых рядах. В качестве примера может выступить исследование З. Тань и Ю. Ву, где марковские, пороговые, *SETAR* спецификации, а также пороговые модели с лаговой переменной, в которых фактически реализуется эндогенное переключение, зависящее от предыдущих значений ряда, что близко к идее гистерезиса, как зависимости текущего состояния от прошлой траектории и наоборот, явно сопоставляются в качестве альтернативных операционализаций одного и того же латентного процесса [16].

Для кросс-валидации выводов о режимной структуре дополнительно применяются три альтернативные модели. Пороговая авторегрессия *SETAR*(1) [16], точечный процесс Хоукса [17, р. 160—162; 18; 19, р. 1592—1594] и скачкообразная диффузия Мертона [20]. Кроме того, используется тест структурных сдвигов *PELT*, реализованный в библиотеке *ruptures*, который, в отличие от марковской модели,

допускающей многократные обратимые переключения, идентифицирует единовременные необратимые точки разрыва в параметрах процесса. Результаты всех указанных подходов сопоставляются с марковской моделью и гистерезис-детектором, что позволяет проверить устойчивость интерпретации к выбору спецификации.

Уровень I. В начале исследуются характеристики распределения доходностей. Для каждой акции i в день t рассчитывается логарифмическая доходность по формуле:

$$r_{i,t} = \ln \left(\frac{P_{i,t}}{P_{i,t-1}} \right), \quad (1)$$

где $P_{i,t}$ — цена закрытия.

По кросс-секционно-объединенной выборке всех $r_{i,t}$ вычисляются выборочные моменты: среднее $\hat{\mu}$, стандартное отклонение $\hat{\sigma}$, коэффициент асимметрии $\hat{S}$, эксцесс с поправкой Фишера $\hat{K}$. Для проверки нормальности используется тест Харке—Бера:

$$JB = \frac{n}{6} \left(\hat{S}^2 + \frac{\hat{K}^2}{4} \right) \sim \chi^2(2). \quad (2)$$

Доля значимых результатов интерпретируется как свидетельство тяжелых хвостов.

Отклонение от нормальности само по себе не образует доказательства дискретно-волновой природы цены, поскольку тяжелые хвосты совместимы и с непрерывными процессами со стохастической волатильностью. Тесты Харке—Бера и Льюнга—Бокса на этом уровне устанавливают лишь необходимые предпосылки для перехода к содержательной проверке режимной структуры на уровне III, а не выступают самостоятельным доказательством дискретности как таковой.

Логарифмическая доходность (1) выбрана вместо простой доходности как аддитивная во времени и приближенно симметричная мера, стандартная для тестов нормальности и моделей стохастической волатильности. Ограничением для нее выступает то, что при экстремальных однодневных движениях логдоходность может искажать величину шока сильнее простой доходности, что частично снимается при помощи фильтров и учета делистинга. Тест Харке—Бера [21] (2) асимптотически состоятелен, но известен низкой мощностью на малых выборках, а также чувствительностью к отклонениям именно в форме тяжелых хвостов, а не бимодальности. При $n > 10^5$, как в настоящей выборке, эта проблема снимается, однако сама статистика JB не дает информации о природе самого отклонения, что мотивирует последующий переход к прямому детектированию скачков на уровне II.

Уровень II. Для детектирования скачков в настоящем исследовании применяется несколько методов.

Метод 1, или базовый метод. Для каждого $r_{i,t}$ на окне в $W = 20$ дней, с минимум 5 наблюдениями, вычисляются скользящее среднее $\mu_{i,t}$ и стандартное отклонение $\sigma_{i,t}$. Скачок фиксируется, если:

$$|r_{i,t} - \mu_{i,t}| > z \cdot \sigma_{i,t}, \quad z = 3,0. \quad (3)$$

Метод 2, или робастный метод. Вместо среднего используется медиана, а вместо σ — медианное абсолютное отклонение, умноженное на масштабный множитель $c = 1,4826$, что важно для состоятельной оценки σ в нормальной популяции:

$$MAD_{i,t} = \text{med}(|r_{i,t-k} - \text{med}(r_{i,t})|), \quad \tilde{\sigma}_{i,t} = c \cdot MAD_{i,t}, \quad (4)$$

где условие скачка оценивается следующим образом:

$$|r_{i,t} - \text{med}_{i,t}| > z \cdot \tilde{\sigma}_{i,t}, \quad \tilde{\sigma} > 0. \quad (5)$$

Метод 3, или HP-фильтр, представляет собой вспомогательную декомпозицию на тренд-цикл, где λ задается как в коде. Скачком считается наблюдение, где абсолютное значение циклической компоненты превышает нормальное распределение в $3\sigma_{\text{cycle}}$. Доля скачков p_{daily} определяется по бинарному индикатору $J_{i,t}$.

Использование трех независимых детекторов обусловлено тем, что классическая пуассоновская модель скачков Мертон (1976) предполагает независимые и редкие приращения, тогда как современные исследования высокочастотных данных показывают устойчивую кластеризацию скачков во времени, которую пороговый SD -метод систематически недооценивает из-за загрязнения самой оценки σ предшествующими скачками [17, р. 159—160, 162]. Это обуславливает переход к медиане и MAD , как стандартному робастному решению этой проблемы [18]. Кроме того, эмпирические работы демонстрируют, что кластеризация скачков часто приурочена к новостным событиям и может сохраняться на горизонте в несколько дней [19, р. 1595—1596, 1602—1603], а это требует дополнительного фильтра, способного выделять низкочастотную составляющую. Для выполнения данной задачи используется фильтр Ходрика—Прескотта. Ограничением выступает также то, что результат детектора зависит от выбора окна и порога, которые в данной работе фиксированы априори, без калибровки на полной выборке во избежание *data snooping*, что снижает риск подгонки, но не позволяет утверждать об оптимальности порога.

Для оценки того, насколько содержательные выводы зависят от этого априорного выбора, дополнительно был проведен анализ чувствительности по сетке параметров, где порог $z \in \{2,5; 3,0; 3,5\}$, окно $W \in \{10; 20; 30\}$ дней, пороги гистерезиса $(k_{\text{set}}, k_{\text{reset}}) \in \{(1,5; 1,0), (2,0; 1,0), (2,5; 1,5)\}$.

Нормированное число скачков в день t определяется как:

$$n_t = \frac{1}{A_t} \sum_i J_{i,t}, \quad (6)$$

где A_t — количество бумаг, торговавшееся в день t .

Для ряда n_t проверяется стационарность при помощи расширенного теста Дики—Фуллера с автоматическим выбором лага по AIC . Автокорреляционная структура исследуется тестом Льюнга—Бокса:

$$Q(m) = n(n+2) \sum_{k=1}^m \frac{\hat{\rho}_k^2}{n-k} \sim \chi^2(m), \quad (7)$$

где $\hat{\rho}_k$ — выборочная автокорреляция лага k .

Переход от бумаго-специфичного индикатора скачков к агрегированному ряду, есть ключевой методологический шаг, который формально связывает уровни II и III. Это исходит из того, что стационарность и автокоррелированность являются формальными критериями для отказа от гипотезы независимых пуассоновских скачков [17, р. 160—161] в пользу модели с латентным состоянием, что и мотивирует введение марковского переключения, а также порогового гистерезиса как двух взаимодополняющих,

но не тождественных операционализаций для обнаруженного здесь свойства кластеризации. Ниже показано, что бинарные классификации режима, порождаемые этими двумя методами, демонстрируют низкое взаимное согласие, что также отражает различие в их конструкции, а не противоречит самому факту наличия режимной структуры.

Уровень III (начало). В этом уровне рассчитываются лог-цена p_t от цены закрытия и равновесный уровень p^* , как скользящее среднее за 20 дней. Выбор 20-дневного окна является содержательным допущением в примерно один торговый месяц, а не эмпирически откалиброванной константой. Ниже приводится оценка чувствительности результата к ширине этого окна. Отклонение $d_t = p_t - p^*$ моделируется как $AR(1)$:

$$d_t = \alpha + \beta d_{t-1} + \varepsilon_t. \quad (8)$$

OLS -оценки $\hat{\alpha}$, $\hat{\beta}$. При $0 < \hat{\beta} < 1$ время полураспада отклонения составляет $t_{1/2} = \ln(0,5)/\ln(\hat{\beta})$ дней. Применимость ограничена предположением о локальной стационарности равновесного уровня.

Уравнение (8) представляет собой дискретную авторегрессию первого порядка и по своей передаточной функции эквивалентно инерционному звену первого порядка в терминах теории автоматического управления в Z -области. Такое моделирование отклонения от равновесного уровня в виде $AR(1)$ с последующим расчетом периода полураспада является общепринятой практикой в литературе по статистическому арбитражу [20, р. 521—523].

Далее идет марковская модель переключения режимов, где $S_t \in \{0, 1\}$ — это скрытый режим с постоянными вероятностями перехода $p_{ij} = P(S_t = j | S_{t-1} = i)$. Наблюдаемая доходность тогда равна:

$$r_t = \mu_{S_t} + \sigma_{S_t} \varepsilon_t, \quad \varepsilon_t \sim \text{i.i.d. } N(0, 1). \quad (9)$$

Параметры $\mu_0, \mu_1, \sigma_0, \sigma_1, p_{00}, p_{11}$ оцениваются при помощи максимизации правдоподобия с мультистартом. Тест на наличие двух режимов:

$$LR = 2(\ln L_{\text{switch}} - \ln L_{\text{linear}}). \quad (10)$$

Из-за нестандартных условий применяется консервативная $\chi^2(4)$ -аппроксимация. Устойчивость параметров на подвыборках оценивается при помощи коэффициента вариации CV оценок в скользящих окнах, с окном 750 дней и шагом 250 дней. Если $CV > 1,5$, точечные оценки признаются ненадежными.

Модель (9) восходит к Гамильтону (1989) и остается стандартом идентификации скрытых состояний в финансовых рядах, однако ее MLE -оценка при `switching_variance=True` не гарантирует глобальный максимум и известна риском вырождения режима. Одно состояние стягивается к почти нулевой дисперсии на малой подвыборке наблюдений. Именно это объясняет наблюдаемые в данном исследовании сбои сходимости (*SVD did not converge*) у части бумаг [16; 22, р. 3902—3906]. LR -тест (10) в условиях смены режима нарушает регулярность условий Уилкса, поскольку параметры при H_0 лежат на границе параметрического пространства, и, поэтому применяется консервативная верхнеграничная $\chi^2(4)$ -аппроксимация, а не точное распределение Дэвиса. Это очень давняя проблема. Например, Чжунцзюнь Цюй

и Фань Чжо преодолевали проблемы того, что некоторые мешающие параметры не идентифицируются при нулевой гипотезе, нулевая гипотеза приводит к локальному оптимуму и то, что условные вероятности режима описываются рекурсивными стохастическими процессами [23].

Уровень IV. Событийный анализ выполняется следующим образом. В первую очередь производится тест Пуассона на число скачков, где ожидаемое число скачков в окне ± 5 торговых дней при отсутствии аномалий вычисляется, как:

$$E = (2 \cdot 5 + 1) \cdot N_{\text{sec}} \cdot p_{\text{daily}}. \quad (11)$$

Для наблюдаемого числа X_{obs} вычисляется правостороннее p -value:

$$p = P(\text{Poisson}(E) \geq X_{\text{obs}}) = 1 - F_{\text{Poisson}}(X_{\text{obs}} - 1; E). \quad (12)$$

Также необходима поправка Бонферрони, где уровень значимости $\alpha_B = 0,05/M$ и M — это число событий.

Пуассоновская модель ожидаемого числа скачков (11), (12) предполагает независимость и постоянную интенсивность событий внутри окна, т. е. ожидает предпосылку, которая уже была отвергнута на уровне II при помощи теста Льюнга—Бокса. Ее использование здесь оправдано иначе, чем в разделе о детектировании скачков, потому что тест Пуассона применяется здесь не как модель порождающего процесса, а как консервативный и заведомо занижающий значимость ориентир для проверки того, значимо ли отличается локальная интенсивность скачков от глобальной средней p_{daily} . В данном конкретном случае допущения о независимости работают против нулевой гипотезы, что усиливает, а не ослабляет интерпретацию значимых результатов.

Следом идет аномальная доходность $AR_{i,t} = r_{i,t} - \bar{r}_i$, где $\bar{r}_i$ — это средняя доходность бумаги i за весь период, а также кросс-секционное среднее $\bar{AR}_t = N_t^{-1} \sum_i AR_{i,t}$ и его стандартная ошибка $SE_t = s_t / \sqrt{N_t}$. Таким образом CAR на день t равна:

$$CAR(\tau) = \sum_{k=5}^{\tau} \bar{AR}_k, \quad SE_{CAR}(\tau) = \sqrt{\sum_{k=5}^{\tau} SE_k^2}. \quad (13)$$

Для избежания ложной точности из-за автокорреляции накопленного ряда тестируется только конечное значение предоконного дня $\tau = -1$:

$$z_{CAR} = \frac{CAR(-1)}{SE_{CAR}(-1)}, \quad p = 2(1 - \Phi(|z_{CAR}|)). \quad (14)$$

Тестирование только конечного значения $CAR(-1)$, а не всей траектории, — это поправка на то, что стандартные ошибки, накопленные суммированием по τ , недооценены при кросс-секционной и временной автокорреляции аномальных доходностей внутри окна события.

В качестве бенчмарков волатильности для отдельной бумаги оцениваются модели $GARCH(1,1)$ и $EGARCH(1,1,1)$ с распределением Стьюдента входящие в пакет `arch`. Сравнение с марковской моделью переключения проводится на уровне информационных критериев AIC и BIC . Вневыборочное качество прогноза волатильности $GARCH$ оценивается при помощи $RMSE$ относительно реализованной волатильности.

Прогноз $EGARCH$ строится методом симуляции 500 траекторий, что вносит небольшую вариацию точечной оценки $RMSE$ между запусками, составляющий порядка $\pm 0,02$ без изменения качественного соотношения

между тремя моделями. Прогноз *GARCH* и Марковской модели переключения детерминирован при фиксированных данных и не подвержен такой вариации.

При построении вневыборочных прогнозов волатильности выбор способа обновления обучающей выборки может существенно влиять на точность, особенно в периоды структурных сдвигов. Как показано в работе Ю. Фэн, Я. Чжан и Ю. Ван, использование скользящего окна позволяет быстрее адаптироваться к локальным изменениям, тогда как расширяющееся окно дает более стабильные, но потенциально смещенные оценки при наличии долгой памяти. В настоящем исследовании для оценки *RMSE* применяется скользящее окно, что соответствует консервативной практике краткосрочного прогнозирования [24].

Уровень III (конец). Гистерезис-детектор и двухрежимное рефлексивное уравнение строятся следующим образом. По временному ряду n_t вычисляются скользящие статистики с окном в 20 дней, где $\bar{n}_t$ — это среднее и s_t — это стандартное отклонение. Тогда пороги с гистерезисом можно описать так:

$$H_{set}(t) = \bar{n}_t + 2,0s_t, H_{reset}(t) = \bar{n}_t + 1,0s_t. \quad (15)$$

Здесь очевидно, что $\bar{n}_t$ — это скользящее среднее ряда n_t за 20 дней, а s_t — его скользящее стандартное отклонение.

Бинарный индикатор турбулентности R_t :

$$R_t = \begin{cases} 1, & R_{t-1}=0 \wedge n_{t-1} > H_{set}(t-1), \\ 0, & R_{t-1}=1 \wedge n_{t-1} < H_{reset}(t-1), \\ R_{t-1}, & \text{иначе.} \end{cases} \quad (16)$$

Отметим, что в отличие от моделей равновесного возврата (8) и марковского переключения (9), для цикла с гистерезисом не задается порождающее вероятностное или дифференциальное уравнение. Переключение режимов в данной вариации описывается при помощи детерминированного порогового правила (16). Это осознанный выбор, поскольку пороги $H_{set}(t)$ и $H_{reset}(t)$ строятся по предшествующей истории ряда n_t , и, поэтому момент и факт смены режима фиксируются, по сути, ретроспективно. Переход в турбулентное состояние подтверждается только после того, как накопленное отклонение превысит соответствующий порог, что по своей сути исключает опору на попытку предсказания приближенных значений. Соответственно, поэтому, гистерезис-детектор следует интерпретировать как описательный инструмент классификации уже произошедшей динамики, а не как прогнозную причинную модель.

Таким образом, правило (16) формально идентично релейному элементу с двухпозиционным регулятором, обладающим зоной нечувствительности, что соответствует классическому нелинейному звену в теории автоматического управления, где переключение выхода происходит по разным порогам в зависимости от направления движения входного сигнала. Это, в свою очередь, предотвращает «дребезг» при колебаниях входа вблизи единственного порога. В финансовом приложении это соответствует требованию, чтобы режим считался турбулентным только после устойчивого, а не одномоментного превышения порога, и возвращался к спокойному состоянию только после устойчивого затухания. В отличие от марковской модели (9), которая дает вероятностную идентификацию режима априори по всей выборке, гистерезисное правило выступает как каузальное и одностороннее, потому что оценка

режима в момент t использует только историю до $(t - 1)$, а это делает его пригодным для построения *OOS*-стратегии из раздела *V*, тогда как сглаженные вероятности Марковской модели для этого непригодны по построению.

Для равновзвешенной портфельной доходности r_t^p постулируются два режима:

$$r_t^p = \begin{cases} \mu_0 + \varepsilon_t, & R_t = 0, \\ \mu_1 + \varphi r_{t-1}^p + \eta_t, & R_t = 1. \end{cases} \quad (17)$$

где $\varepsilon_t \sim (0, \sigma_\varepsilon^2)$ и $\eta_t \sim (0, \sigma_\eta^2)$.

Параметры оцениваются раздельным *OLS*. Наличие φ в турбулентном режиме интерпретируется как рефлексивная обратная связь.

Используется хронологическое разделение 80 на 20 %. Параметры (17) оцениваются на обучающей выборке. Применяется прогноз на тесте: $\hat{r}_t = \hat{\mu}_0$ при $\hat{R}_t = 0$ и $\hat{r}_t = \hat{\mu}_1 + \hat{\varphi} r_{t-1}^p$ при $\hat{R}_t = 1$. Также происходит сравнение с наивным прогнозом через *RMSE* и процент улучшения:

$$\Delta RMSE\% = \frac{RMSE_{naive} - RMSE_{ref}}{RMSE_{base}} \times 100\%. \quad (18)$$

Дополнительно модель тестируется на ультракоротком *OOS*-периоде после 1 декабря 2025 г. с осознанием низкой мощности у выборки.

Дополнительно, для соответствия стандартной практике в литературе по прогнозируемости доходности, вычисляется коэффициент детерминации вне выборки:

$$R_{OOS}^2 = 1 - \frac{RMSE_{ref}^2}{RMSE_{base}^2}, \quad (19)$$

где $RMSE_{ref}^2$ — это среднеквадратичная ошибка рефлексивной модели (17), а $RMSE_{base}^2$ — ошибка наивного прогноза.

В отличие от метрики (18), которая показывает относительное улучшение в процентах, метрика (19) интерпретируется как доля дисперсии, объясненная моделью вне выборки. Положительное значение метрики (19) свидетельствует о превосходстве модели над тривиальным бенчмарком.

Спецификация (17) операционализирует гипотезу рефлексивности в духе Сороса (1987) как формальную *AR*(1)-зависимость доходности от предыдущей внутри турбулентного режима [6, с. 34—97]. Это единственное место в работе, где режим, полученный на уровне III, используется как объясняющая, а не только описательная переменная, что и делает в данном ключе необходимым *OOS*-тест. Внутривыборочная значимость φ могла бы быть артефактом одновременного оценивания режима и параметров на одних данных, что по сути есть *look-ahead bias*, однако хронологическое разбиение устраняет эту угрозу.

Опять-таки, метрики (18) и (19) следуют стандартной практике литературы по прогнозируемости доходности, где предсказательная способность модели оценивается относительно наивного бенчмарка, а не через внутривыборочный R^2 . Использование нами именно относительного улучшения *RMSE*, а также коэффициента детерминации вне выборки, а не абсолютных ошибок, мотивировано тем, что в этой литературе типичные значения R_{OOS}^2 малы и часто отрицательны даже для содержательных предикторов, что делает относительную метрику единственным информативным способом зафиксировать факт превосходства над тривиальным прогнозом [25]. При этом сама интерпретация положительного R_{OOS}^2 как экономически значимого

сигнала требует осторожности, ведь положительный R^2_{OOS} не всегда транслируется в улучшение экономических метрик вне выборки и наоборот, что, в свою очередь, ограничивает выводы данной работы рамками статистической, а не автоматически экономической значимости результата [26].

Далее проводится тест на уровне торговых стратегий, а также статистическое сравнение полученных результатов. В спокойном режиме экспозиция составляет 100 %, а в турбулентном доля снижается до $e = 0,5$. Доходность стратегии устанавливается как $r_t^s = r_t^p$ при $R_t = 0$ и $r_t^s = e \cdot r_t^p$ при $R_t = 1$, где бенчмарком выступает *buy-and-hold* $r_t^{BH} = r_t^p$.

Метриками выступают годовой коэффициент Шарпа $Sh = \sqrt{252} \mu/\sigma$, годовая волатильность $\sigma\sqrt{252}$, а также максимальная просадка.

Тест Диболда—Мариано используется для сравнения прогнозной точности на основе разности функций потерь $d_t = -r_t^{BH} - (-r_t^s)$:

$$DM = \frac{\bar{d}}{\sqrt{\widehat{LRV}/n}}, \widehat{LRV} = \hat{\gamma}_0 + 2 \sum_{i=1}^n w_i \hat{\gamma}_i, \quad (20)$$

где $w_i = 1 - i/(h + 1)$, есть ядерный метод Ньюи—Веста с автоматическим выбором ширины окна $h = [4(n/100)^{2/9}]$.

Следом идет сравнение коэффициентов Шарпа, где предполагается совместная нормальность доходностей:

$$z = \frac{\sigma_1\mu_1 - \sigma_2\mu_2}{\sqrt{\theta}}, \theta = \frac{1}{n} \left[2\sigma_1^2\sigma_2^2 - 2\sigma_1\sigma_2\sigma_{12} + \frac{1}{2}\mu_1^2\sigma_2^2 + \frac{1}{2}\mu_2^2\sigma_1^2 \right]. \quad (21)$$

Тест Диболда—Мариано [27] в исходной постановке предназначен для сравнения точности прогнозов, а не моделей как таковых. В данной работе он корректно применяется именно к разности функций потерь двух реализованных траекторий доходности, а не к сравнению структурных моделей «в себе». Тест Джобсона—Корки—Меммеля предполагает совместную нормальность доходностей, которая для дневных рядов была отвергнута еще на I уровне при помощи теста Харке—Бера. Это серьезное ограничение, а устойчивая альтернатива в виде бутстреп-теста Ледуа и Вольфа не применена по соображениям вычислительной трудоемкости при множественном тестировании 74 бумаг. Это может выступать в качестве направления для дальнейшей работы.

Таким образом, формула (21) является тестовой статистикой Джобсона—Корки—Меммеля, восходящей к статьям Джобсона и Корки 1981 г. и Меммеля 2003 г., для проверки гипотезы о равенстве коэффициентов Шарпа двух стратегий. Сама статистика построена на основе дельта-метода, что предполагает то, что коэффициент Шарпа линеаризуется вокруг истинных значений, а это, в свою очередь, дает асимптотическую дисперсию разности двух коэффициентов Шарпа. В знаменателе формулы (21) приведена исправленная версия этой дисперсии, предложенная в статье Меммеля 2003 г., в которой отсутствует ошибочный член, присутствовавший в оригинальной работе Джобсона и Корки. Данный тест предполагает совместную нормальность доходностей, что является его упомянутым ограничением [28, р. 198].

В нашей статье используются также дополнительные непараметрические тесты такие как тест Левена на равенство дисперсий и Манна—Уитни на равенство распределений.

Уровень V. Здесь мы проверяем устойчивость скачков при агрегации в следствии перехода к недельной и месячной частоте.

Метод А выявляет наследование дневных скачков. Для каждого тикера i и периода T фиксируется индикатор $H_{i,T} = 1$ (хотя бы один $J_{i,t} = 1$ внутри T). Наблюдаемая доля периодов со скачком $f_{obs} = H_{i,T}$. При полной независимости скачков ожидаемая доля

$$f_{ind} = 1 - (1 - p_{daily})^{\bar{L}}, \quad (22)$$

где $\bar{L}$ — среднее число торговых дней в периоде.

Значимость разности $\Delta f = f_{obs} - f_{ind}$ оценивается кластеризованным бутстрепом: ресэмплируются целые тикеры (с возвращением), сохраняя внутритикерную корреляцию. По $B = 2000$ бутстреп-реализациям строится 95%-й доверительный интервал и вычисляется $z = \Delta f / SE_{boot}$.

Формула (22) задает нулевую гипотезу независимости скачков внутри периода агрегации, т. е. ту же гипотезу, что тестировалась на уровне II для дневного ряда, но теперь на горизонте недели и месяца, что делает раздел III статьи прямой проверкой устойчивости результата уровня II к изменению частоты наблюдения, а не отдельным самостоятельным тестом. Кластеризованный по тикерам, а не по период-наблюдениям бутстреп — это стандартное решение проблемы заниженной SE при внутригрупповой корреляции, задокументированное для панельных финансовых данных [29].

Метод Б является эксплораторным. На агрегированной доходности применяется MAD -детектор выбросов. Результаты тестов А и Б несопоставимы напрямую, ведь метод Б измеряет остаточную ненормальность распределения, а не перенос дискретности.

Результаты исследования. Deskриптивная статистика для дневных логарифмических доходностей, рассчитанная по 130 692 наблюдениям для 74 акций, представлена в табл. 1. Среднее для дневной доходности составило 0,000176, а стандартное отклонение составило 0,0366. Распределение демонстрирует выраженную отрицательную асимметрию и экстремальный избыточный эксцесс. Статистика теста Харке—Бера составила 23 354 483 254,73 при $p \approx 0$, что в совокупности наблюдений отвергает гипотезу о нормальности распределения дневных доходностей. Визуально данный вывод подтверждается рис. 1.

Таблица 1

Deskриптивная статистика дневных доходностей

Показатель	Значение
Среднее	0,00017583032690925073
Стандартное отклонение	0,036596622564031185
Асимметрия	-17,109959803164916
Эксцесс (избыточный)	2070,651217980004
Статистика Харке—Бера	23354483254,726265
p -значение (Харке—Бера)	0,0
Число наблюдений	130 692

Основной детектор скачков идентифицировал 1 591 скачок при доле 0,012174 наблюдений, что составляет при округлении 1,22 %. Проверка на робастность при помощи альтернативных методов дала сопоставимый порядок величины с долей 0,064067 при абсолютном пороге доходности 0,05 и долей 0,015846 при использовании фильтра Ходрика—Прескотта с порогом в 3 стандартных отклонения циклической компоненты. Устойчивость результата к выбору метода детекции скачков можно считать подтвержденной.

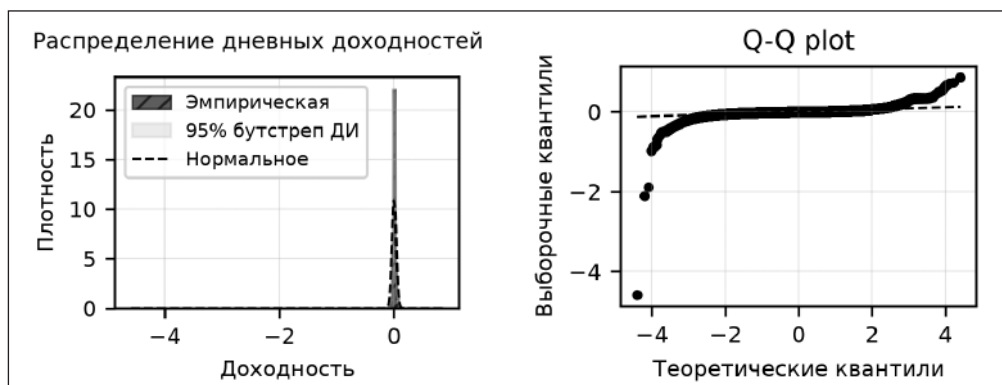

Рис. 1. Гистограмма распределения дневных доходностей и Q-Q plot

Тест Льюнга—Бокса для ряда дневного числа скачков для всех акций выборки отверг гипотезу об отсутствии автокорреляции на всех проверенных лагах, что представлено в табл. 2. Это свидетельствует о выраженной временной кластеризации для турбулентных периодов.

Таблица 2

Тест Льюнга—Бокса

Лаг	Q-статистика	p-значение
1	25,453	0,0000
2	25,465	0,0000
3	94,679	0,0000
4	96,067	0,0000
5	99,244	0,0000
6	113,680	0,0000
7	156,080	0,0000
8	159,292	0,0000
9	161,549	0,0000
10	161,724	0,0000

Гистограмма и Q-Q график на рис. 1 визуально подтверждают тяжелые хвосты и отклонение от нормальности, поскольку полоса доверительного интервала расширяется на экстремальных значениях, где число наблюдений минимально.

Результат теста Льюнга—Бокса визуально иллюстрирует рис. 2.

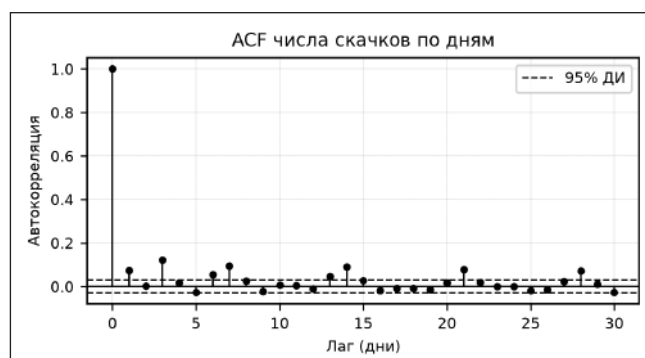

Рис. 2. Автокорреляционная функция дневного числа скачков

Значения автокорреляционной функции превышают границы 95%-го доверительного интервала, что визуально согласуется с отвержением гипотезы об отсутствии автокорреляции для всех 10 проверенных лагов. Устойчиво положительные коэффициенты автокорреляции на протя-

жении нескольких недель подтверждают, что дни со скачками не распределены случайно во времени, а образуют кластеры. Это значит, что за турбулентным днем с повышенной вероятностью следует еще один турбулентный день, что согласуется с идеей о режимных переключениях.

Расширенный тест Дики—Фуллера отверг гипотезу о нестационарности ряда дневного числа скачков, поскольку ADF-статистика составила $-10,9266$ при $p \approx 1,006 \times 10^{-19}$ и использованном числе лагов 27 с объемом выборки в 4 625 наблюдений.

Оценка уравнения, исследующего возврат цены к дискретному уровню равновесия для акции ALRS в качестве примера, дала $\alpha = 0,0000569$ и $\beta = 0,918152$ при $t = 128,809$ и $p \approx 0$ для объема выборки в 3 092 наблюдения. Значение β в интервале $(0, 1)$ свидетельствует о стационарном возврате к равновесию, а период полу-возврата составил 8,117 торгового дня.

Проверка устойчивости этой оценки к ширине окна равновесия в 10, 20, 40 и 60 дней показала, что период полураспада монотонно возрастает вместе с шириной окна: от 3,96 дня при окне в 10 дней до 28,81 дня при окне в 60 дней, при неизменно высокой статистической значимости β на всех окнах, где $p \approx 0$. Такая зависимость была методологически ожидаема, поскольку более широкое скользящее окно сильнее сглаживает равновесный уровень, а это механически замедляет наблюдаемый возврат к нему. Соответственно, использованное в основном расчете значение 8,12 дня при окне в 20 дней следует интерпретировать как результат, зависящий от выбранного горизонта усреднения, а не как инвариантную характеристику процесса.

Двухрежимная модель Марковского переключения для акции ALRS дала LR-статистику 503,915 при $p \approx 0$, что свидетельствует о статистической значимости режимной структуры.

На рис. 3 приведен пример сглаженной вероятности нахождения в турбулентном режиме для акции ALRS.

Как видно из рисунка, периоды повышенной вероятности турбулентного режима визуально совпадают с кластерами крупных по модулю доходностей на верхней панели, что подтверждает содержательную интерпретацию режимной структуры.

При оценке модели для всех 74 акций выборки оптимизация не сошлась для ГМК «Норильский никель» из-за ошибки сингулярного разложения. При более детальном взгляде на историческое поведение акции GMKN, то у нее бывают дни с недостаточно сильным оборотом. Предположение о двух режимах для этой акции не поддерживается данными ни теоретически, ввиду слабой идентифицируемости, ни численно, ввиду не сходимости.

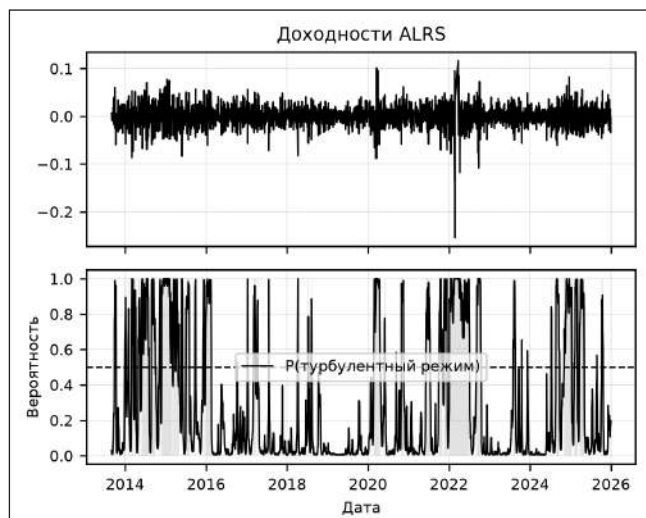

Рис. 3. Сглаженная вероятность нахождения в турбулентном режиме (ALRS)

Из остальных 73 успешно сошедшихся моделей все 73 модели оказались значимыми на 5 % уровне. Однако стоит заметить, что дальнейшие выводы делаются на 98,6 % от изначальной выборки и, следовательно, для 1,4 % акций

наличие двух режимов не подтверждается, что возможно объяснить также фундаментальными факторами, однако это выходит за исследовательскую цель данной статьи.

Проверка чувствительности к выбору параметров детекторов показала, что доля идентифицированных скачков варьируется от 0 %, при пороге $z = 3,0$ — $3,5$ и окне 10 дней, что представляет собой вырожденный случай с коротким окном оценки волатильности, делающим детектор нечувствительным, до 2,94 % наблюдений при $z = 2,5$ и окне в 30 дней. Доля турбулентных дней по гистерезис-детектору составила от 3,4 до 11,0 %. При этом во всех невырожденных спецификациях качественный вывод о наличии кластеризованных скачков и устойчивой режимной структуры сохраняется, что подтверждает робастность содержательного результата к выбору параметров при существенной чувствительности точечных числовых оценок.

Результаты для пуассоновского теста представлены в табл. 3. После введения поправки Бонферрони на множественные сравнения статистически значимое превышение наблюдаемого числа скачков над ожидаемым было обнаружено только для одного события из двадцати. Этим событием выступило начало специальной военной операции на территории Украины 24 февраля 2022 г.

Таблица 3

Событийный анализ

Дата	Событие	Пуассоновский тест для скачков вокруг шоков				Кумулятивная аномальная доходность (CAR)		
		Набл.	Ожид.	p -значение	Знач. (Бонферрони)	CAR	z	p -значение
2021-05-11	Стрельба в Казани	3	9,909359	9,970172e-01	False	0,029005	4,000044	6,333082e-05
2021-05-15	Талибан наступление	5	9,909359	9,689853e-01	False	0,007003	0,984230	3,250025e-01
2021-12-17	ЦБ ставка 8,5 %	2	9,909359	9,994577e-01	False	-0,024597	-2,402526	1,628228e-02
2022-02-24	Начало СВО	41	9,909359	1,335598e-13	True	-0,125220	-8,983465	0,000000e+00
2022-09-21	Мобилизация	17	9,909359	2,512776e-02	False	-0,062718	-8,425815	0,000000e+00
2022-09-23	Референдум 4 региона	17	9,909359	2,512776e-02	False	-0,075509	-7,308918	2,693401e-13
2022-09-26	Диверсия на СП	6	9,909359	9,294062e-01	False	-0,126336	-11,502732	0,000000e+00
2022-09-30	Присоединение 4 регионов	7	9,909359	8,640388e-01	False	-0,149660	-11,318641	0,000000e+00
2022-10-05	ОПЕК+ снижение квоты	1	9,909359	9,999503e-01	False	0,020839	1,627785	1,035704e-01
2022-10-08	Крымский мост теракт	11	9,909359	4,056218e-01	False	0,019808	1,808809	7,048067e-02
2022-12-27	Указ о запрете нефти	6	9,909359	9,294062e-01	False	0,022312	1,525080	1,272392e-01
2023-03-02	ОПЕК+ снижение 1,65 млн	0	9,909359	1,000000e+00	False	0,029387	3,648227	2,640558e-04
2023-04-02	Теракт Петербург Татарский	12	9,909359	2,929628e-01	False	0,025773	2,676472	7,440177e-03
2023-06-24	Мятеж ЧВК Вагнер	3	9,909359	9,970172e-01	False	0,011341	1,592026	1,113788e-01
2023-07-27	Саммит Россия—Африка	13	9,909359	1,999314e-01	False	0,042497	4,080974	4,484737e-05
2023-08-22	Саммит БРИКС	1	9,909359	9,999503e-01	False	0,038375	2,315606	2,057980e-02
2023-09-19	Операция в Карабахе	2	9,909359	9,994577e-01	False	-0,014957	-1,337340	1,811117e-01
2023-10-07	Конфликт ХАМАС—Израиль	3	9,909359	9,970172e-01	False	-0,002125	-0,293334	7,692668e-01
2023-12-15	ЦБ ставка 16 %	5	9,909359	9,689853e-01	False	-0,016515	-1,687095	9,158500e-02
2023-12-18	Запрет алмазов ЕС/G7	4	9,909359	9,889559e-01	False	0,002029	0,227551	8,199950e-01

Здесь же представлена проверка накопленной избыточной доходности в предсобытийном окне с использованием корректного и устойчивого к автокорреляциям теста для конечного значения CAR против его собственной оцененной стандартной ошибки. Из 20 проверенных событий значимыми на уровне 5 % оказались 11, включая начало специальной военной операции, объявление мобилизации и провозглашение присоединения к Российской Федерации четырех регионов. Для этих случаев CAR была отри-

цательной перед наступлением события. Это означает, что цена акций уже снижалась в дни, предшествующие объявлению события. Для событий с положительным значением CAR наблюдалось предшествующее повышение цены. Отсутствие статистической значимости отмечено для 7 из 20 событий, включая стрельбу в Казани, которая после поправки на множественность рассматривается с осторожностью, диверсию на «Северном потоке» и конфликт ХАМАС и Израиля.

Пример динамики накопленной избыточной доходности представлен на рис. 4.

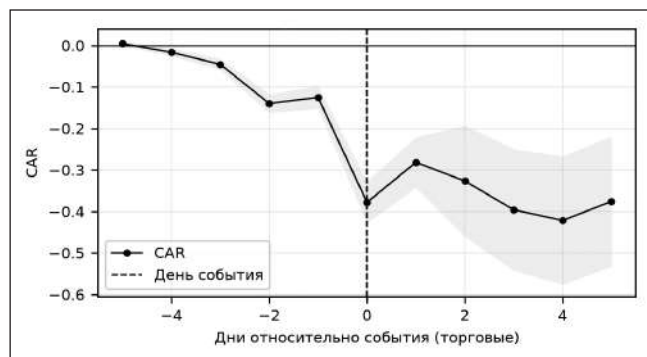

Рис. 4. CAR вокруг события «Начало СВО»

График показывает устойчивое снижение накопленной избыточной доходности в течение пяти торговых дней, предшествующих событию, с последующим резким изменением динамики непосредственно в день события и после него. Полоса 95%-го доверительного интервала вокруг линии CAR остается узкой на всем окне перед наступлением даты события, что подтверждает высокую статистическую надежность наблюдаемого предсобытийного снижения. Из рисунка можно видеть, что снижение не является статистическим шумом отдельных наблюдений.

Сопоставляя выводы табл. 3 и 4 между собой можно прийти к выводу о том, что на дневном уровне аномалии вызываются исключительными и крупными макрособытиями. В целом учет информации, которая может заранее просачиваться через средства массовой информации, ничего не может говорить об неэффективности. Однако возвращаясь к результатам табл. 1, можно видеть о наличии значительного шума, что, с другой стороны, может. Поскольку на широком диапазоне в рамках данного исследования микроструктурные данные не доступны, имеет смысл проверить то, насколько данные аномалии выходят за рамки дневного диапазона.

Сопоставление с моделями условной волатильности $GARCH(1,1)$ и $EGARCH(1,1,1)$, которые были оценены на доходностях акции ALRS в качестве примера, дало логарифм правдоподобия $-6326,00$, $AIC = 12662,00$ и $BIC = 12692,19$ для $GARCH(1,1)$ и $-6326,32$, $AIC = 12664,64$ и $BIC = 12700,87$ для $EGARCH(1,1,1)$. Логарифм правдоподобия для Марковской модели переключения на тех же данных ALRS составил 7852,25.

Логарифмы правдоподобия для $GARCH(1,1)$, $EGARCH(1,1,1)$ и Марковской модели переключения структурно несопоставимы между собой напрямую. Корректное сравнение возможно только через AIC и BIC внутри каждого семейства моделей, а также через *out-of-sample RMSE* прогноза волатильности на одном и том же отложенном отрезке в 620 наблюдений. $RMSE$ составил для $GARCH(1,1)$ 0,9923, для $EGARCH(1,1,1)$ 0,9573 и для модели Марковского переключения 0,8432. Прогноз был построен как вероятностно взвешенная смесь режимных σ с корректной по направлению экстраполяцией вероятностей режима через матрицу переходов. Таким образом, модель Марковского переключения дала наименьшую ошибку вневыборочного прогноза волатильности среди трех сопоставленных моделей на исследованном отрезке. Этот результат стоит интерпретировать осторожно, учитывая то, что модель оценивалась только на одной бумаге ALRS и на одном тестовом периоде, а не как общее превосходство над специализированными $GARCH$ -моделями.

На уровне портфеля из всех 74 акций гистерезис-детектор идентифицировал 6,86 % дней выборки как турбулентные. Оценка двухрежимного уравнения ценообразования на полной выборке дала для спокойного режима $\mu_0 = 0,000020$, $\sigma_0 = 0,013688$ при числе наблюдений $n = 2890$. Для турбулентного режима $\mu_1 = 0,001180$, $\phi = -0,1644$ при $t = -5,406$, $p \approx 0$ для $n = 260$ наблюдений. Отрицательный знак коэффициента рефлексивности ϕ означает разворотную, а не самоподкрепляющуюся динамику доходности портфеля в турбулентные дни на исследуемой выборке.

Работа гистерезис-детектора иллюстрируется на рис. 5.

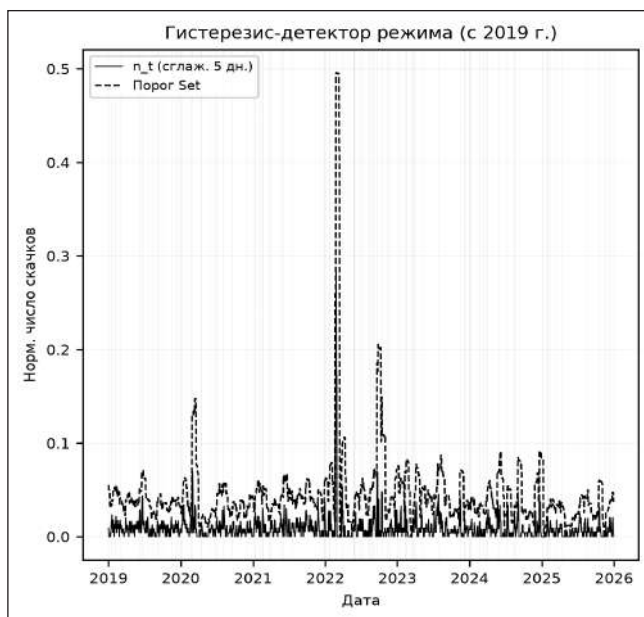

Рис. 5. Гистерезис-детектор режима

Черная линия — это сглаженное нормализованное число скачков, а пунктир — это порог включения турбулентного режима. Серые области отмечают сами периоды турбулентности. Видно, что детектор надежно выделяет эпизоды стресса, например начало специальной военной операции на территории Украины в 2022 г. При этом турбулентные дни занимают не большое количество от общего объема выборки, а гистерезис в целом предотвращает ложные срабатывания за счет разных порогов входа и выхода.

Прямое сопоставление бинарной классификации режима, полученной при помощи метода Марковских переключений для акции ALRS, при условии, что турбулентный режим идентифицирован как состояние с большей дисперсией доходности, и агрегированного по всему портфелю гистерезис-детектора показало практическое отсутствие согласованности между двумя методами: κ Козна равно $-0,009$, а доля совпадений классификаций 70,91 %. Отрицательное значение κ означает, что совпадения между методами не превышают уровень, ожидаемый при случайном угадывании. Такой результат ожидаем методологически, поскольку сравниваются оценки режима разного уровня агрегации, где в одна бумага в том числе выступает против всего портфеля, и разной природы, где производится апостериорная вероятностная оценка против каузального порогового правила, а не альтернативные оценки одного и того же объекта.

Out-of-sample проверка на том же портфеле при основном хронологическом разбиении 80 на 20 дала $RMSE$ для рефлексивной модели равное 0,014392 против $RMSE$ базовой модели с постоянным средним 0,014302. Таким

образом улучшение составило $-0,63\%$, что означает большую точность базовой модели. Обучающая выборка имела диапазон с 5 апреля 2013 г. по 14 июля 2023 г., что составило 2 520 наблюдений. А тестовая выборка с 17 июля 2023 г. по 30 декабря 2025 г., что составило 630 наблюдений. Также для основного хронологического разбиения (80/20) значение R^2_{oos} составило $-0,0126$, что дополнительно подтверждает отсутствие прогностического преимущества.

Дополнительный тест воспроизводил проверку в коротком окне после 1 декабря 2025 г. Обучающая выборка в этом случае была с 5 апреля 2013 г. по 1 декабря 2025 г. и составила 3 129 наблюдений, а тестовая со 2 по 30 декабря 2025 г., что составило 21 наблюдение. Тестовая выборка оказалась короче 40 наблюдений, ввиду чего ее статистическая мощность стала низкой, а улучшение составило $-1,24\%$. $R^2_{oos} = -0,0251$. Ни один из двух тестов не подтверждает прогностического преимущества рефлексивного уравнения для вневыборочных данных.

Проверка устойчивости параметров Марковской модели для скользящих подвыборок с одним окном в 750 наблюдений и сдвигом в 250 наблюдений, с 9 окнами для акции *ALRS* показала значимость *LR*-теста на уровне 5% . Коэффициенты вариации параметров между подвыборками составили: $p[0 \rightarrow 0] = 0,095$, $p[1 \rightarrow 0] = 0,993$, $const[0] = 1,633$, $const[1] = 4,518$, $\sigma^2[0] = 1,020$ и $\sigma^2[1] = 1,135$. Параметры $const[0]$ и $const[1]$ имеют $CV > 1,5$, что указывает на крайнюю нестабильность их точечных оценок между подвыборками. Остальные параметры находятся ниже порогового значения, либо близки к нему. Это означает то, что сам факт наличия двух режимов устойчиво подтверждается, но их количественные характеристики, особенно средние доходности в каждом режиме, оцениваются ненадежно.

Сравнение стратегии динамического сокращения позиции в турбулентные дни с пассивным удержанием портфеля *Buy & Hold* на полной выборке портфеля всех акций дало коэффициент Шарпа $0,094$ против $0,161$ соответственно, при волатильности $21,05\%$ против $21,73\%$ и максимальной просадке $-58,99\%$ против $-58,43\%$. Тест Ливиня выдавший результаты $W = 1,508$ и $p = 0,2195$ не выявил никакого значимого различия дисперсий доходностей, а тест Манна—Уитни с результатами $U = 4\,981\,598,0$, $p = 0,7780$, соответственно, не выявил значимых различий в распределении.

Тест Джобсона—Корки—Меммеля, асимптотика которого предполагает совместную нормальность доходностей, отвергнутую тестом Харке—Бера на уровне I , не выявил значимого различия: $z = 1,665$, $p = 0,0959$. Учитывая это ограничение, дополнительно был применен блочный бутстреп-тест разности коэффициентов Шарпа в 2 000 итераций и блоком 20 дней, не полагающийся на нормальность и учитывающий автокорреляцию доходностей. Он выявил статистически значимое различие в пользу *Buy & Hold*: $z = 2,242$, $p = 0,0250$. Расхождение результатов двух тестов подчеркивает зависимость статистического вывода от метода, где при отвергнутой нормальности предпочтение следует отдавать робастной бутстреп-оценке, что скорее усиливает, чем ослабляет вывод об отсутствии преимущества стратегии динамического сокращения позиции. Значимый результат был получен также по тесту Диболда—Мариано для разности функций потерь: $DM = -2,167$, $p = 0,0303$.

Проверка устойчивости дискретной структуры цены при агрегации до недельного и месячного горизонтов при помощи метода А, который представляет собой про-

верку на наследование дневных скачков, а также на значимость через кластеризованный бутстреп по тикерам с 2 000 итераций, не выявила статистически значимого отклонения наблюдаемой доли периодов со скачком от теоретически ожидаемой при независимости.

На недельных данных доля периодов, содержащих хотя бы один скачок, составила $5,30\%$. Чтобы понять, насколько эта оценка надежна, мы построили 95% -й бутстреп-интервал, где с 95% -й вероятностью истинная доля лежит в пределах от $4,86$ до $5,71\%$. Теоретически, если бы скачки внутри недели возникали независимо друг от друга, мы ожидали бы долю $5,44\%$. Разница между фактической и ожидаемой величиной в $-0,14$ процентного пункта ничтожно мала и статистически незначима при $z = -0,637$ и $p = 0,5243$. Иными словами, наблюдаемое отклонение вполне может объясняться случайным шумом, ведь оснований говорить о систематическом сглаживании скачков при переходе к недельной частоте нет.

На месячных данных доля периодов, содержащих хотя бы один скачок, составила $21,05\%$. 95% -й бутстреп-доверительный интервал для этой доли составил от $19,31$ до $22,69\%$. Если бы скачки внутри месяца были независимы, то ожидаемая доля равнялась бы $21,03\%$. Фактическая и ожидаемая величины практически совпадают, ведь разница составляет всего $+0,02$ процентного пункта и статистически не отличима от нуля со значениями $z = 0,020$ и $p = 0,9839$. Это означает, что на месячном горизонте также нет никаких свидетельств сглаживания дискретной структуры, а наблюдаемая картина полностью согласуется с предположением о независимом возникновении дневных скачков внутри календарного месяца.

При данном объеме данных нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу о сглаживании дискретности при укрупнении временного горизонта.

Независимый эксплораторный метод Б, заключающийся в детекции выбросов непосредственно в агрегированной доходности робастным *MAD*-детектором, дал долю выбросов $0,064602$ на недельных данных. Соответственно среднее составило $0,000791$, стандартное отклонение $0,073551$, асимметрия $-8,474$ и эксцесс $553,014$ при $n = 28\,544$. На месячных данных *MAD*-детектором дал долю выбросов $0,082923$ со значениями среднего в $0,003328$, стандартного отклонения в $0,150718$, асимметрии в $-4,352$ и эксцесса в $147,197$ при $n = 6705$.

Эти значения измеряют остаточную ненормальность распределения самой агрегированной доходности и не сопоставляются напрямую с результатами метода А.

Метод Б фиксирует, что сами агрегированные доходности остаются распределенными с сильной левосторонней асимметрией, колоссальным эксцессом и заметной долей выбросов. Это, в свою очередь значит, что экстремальные движения на рынке не сводятся к простому суммированию внутрипериодных дневных скачков, а имеют и собственную, более сложную природу.

Дополнительно было проведено сопоставление с четырьмя альтернативными классами моделей структурной динамики на примере акции *ALRS*. Формальный тест на структурные сдвиги *PELT* не выявил ни одной точки разрыва в ряде доходностей, что не противоречит наличию режимной структуры, обнаруженной моделью Марковского переключения. *PELT* ищет разрывы в параметрах одномерного процесса, тогда как *Markov Switching* допускает многократные обратимые переключения между

состояниями, что есть разный класс гипотез. Оценка пороговой авторегрессии *SETAR*(1) выявила эндогенный порог переключения на уровне 0,22 % дневной доходности, разделяющий выборку на два близких по объему подрежима в 1703 и 1393 наблюдения. Это дает независимое от *Markov Switching* подтверждение пороговой природы динамики. Оценка точечного процесса Хоукса для последовательности скачков на уровне отдельной бумаги не была завершена из-за недостаточного числа событий менее 20 скачков, что является ограничением настоящего анализа и направлением для дальнейшей работы на агрегированном по рынку ряде скачков. Наконец, оценка модели скачкообразной диффузии Мертона методом моментов дает подразумеваемую дневную вероятность скачка в 4,28 %, что примерно в 3,5 раза превышает эмпирическую долю, идентифицированную относительным детектором, которая составила 1,22 %. Расхождение объясняется тем, что метод моментов Мертона относит на счет компоненты скачков весь эксцесс распределения, включая часть, которую относительный детектор классифицирует как повышенную локальную волатильность спокойного режима, а это подчеркивает то, что количественная оценка интенсивности скачков существенно зависит от используемого определения скачка.

Рынок демонстрирует отчетливую режимную структуру ввиду того, что скачки кластеризованы и стационарны, а марковские модели значимы для всей выборки. Однако рефлексивное уравнение и стратегия динамического сокращения позиции не превосходят простые альтернативы. На недельном и месячном горизонтах метод А не подтверждает и не опровергает сглаживание дискретной структуры, поскольку различия находятся в пределах статистической погрешности.

Метод Б, в свою очередь фиксирует, что агрегированные доходности сохраняют выраженную левостороннюю асимметрию, колоссальный эксцесс и заметную долю выбросов. Турбулентные состояния рынка при этом существуют, но не дают ощутимого преимущества перед пассивным удержанием.

Другое исследование на схожем периоде демонстрирует смещение в оптимальной сложности моделей машинного обучения на российском рынке к простым регуляризованным методам, превосходящим сложные нелинейные модели и нейросети при высоком уровне шума, ограниченности данных и слабом сигнале [30]. Это ставит под вопрос предсказательный потенциал шума и требует декомпозиции микроструктуры рынка, поскольку концентрация вредного шума может вызывать ложные связи и переобучение моделей ценообразования, включая модели на искусственном интеллекте. Здесь также может проходить граница между рынками с высокой и средней эффективностью. Различие стратегий долгосрочного инвестирования, маркет-мейкинга и торговли шумом проявляется именно на дневном уровне, где шум усиливается сильнее всего, и, поэтому, статья и предлагает дискретно-волновое описание ценообразования.

Заключение

В настоящем исследовании проведена эмпирическая проверка дискретно-волновой гипотезы ценообразования активов на российском рынке акций. На основе данных по 74 инструментам за период с 2013 по 2025 г. было установлено, что распределение дневных доходностей статистически значимо отличается от нормального, а методы

идентификации скачков дают сопоставимые по порядку величины результаты. Была выявлена устойчивая кластеризация скачков во времени. Средний интервал между скачками составляет около 4 дней, а тест Льюнга—Бокса подтверждает наличие автокорреляции на всех проверенных лагах. Двухрежимная модель Марковского переключения оказалась значимой для 73 из 74 акций, с вероятностью сохранения режима более 80 %, что подтверждает существование как минимум двух устойчивых состояний волатильности.

Событийный анализ по 20 новостным шокам показал, что значимое превышение числа скачков в узком окне наблюдается только для события 24 февраля 2022 г., тогда как кумулятивная аномальная доходность до наступления событий была статистически значимой для 11 из 20 случаев. Это указывает на постепенное накопление рыночного давления до официального объявления событий.

Сопоставление марковской модели с *GARCH*-семейством свидетельствует о принципиально иной природе описываемой динамики. Вневыборочная валидация рефлексивного уравнения не обнаружила прогностического преимущества перед наивным прогнозом. Значения коэффициента детерминации вне выборки оказались отрицательными, а динамическая стратегия сокращения позиции в турбулентные дни на полной выборке не дала статистически значимого улучшения коэффициента Шарпа, волатильности или максимальной просадки по сравнению с пассивным удержанием.

При переходе к недельным и месячным данным идентифицируемые скачки исчезают в том смысле, что метод наследования дневных скачков не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу о сглаживании дискретной структуры, тогда как робастный *MAD*-детектор фиксирует сохранение тяжелых хвостов и выраженной асимметрии на агрегированных горизонтах.

Таким образом, для дискретно-волновой гипотезы получены эмпирические свидетельства, согласующиеся с существованием структурной режимности и кластеризации скачков. При этом два независимых операционных детектора режима продемонстрировали низкое взаимное согласие, а модель Марковского переключения дала наименьшую ошибку вневыборочного прогноза волатильности среди трех сопоставленных моделей на исследованном отрезке, что интерпретировано с осторожностью ввиду ограниченности сравнения одной бумагой и одним тестовым периодом. Попытка извлечь прогностическую ценность из выявленной структуры для тактического управления портфелем на исследованном периоде не увенчалась успехом. Совокупность этих результатов ограничивает интерпретацию выявленной структуры уровнем дескриптивной диагностики отдельных статистических свойств цены, а не единой верифицированной прогностической модели ценообразования. Полученные результаты обосновывают концептуальное разделение трейдинга как работы на дискретных движениях и инвестирования как использования сглаженной квазинепрерывной ценовой динамики на старших тайм-фреймах с возможными элементами спекуляции внутри позиции или без таковой в зависимости от склонности к риску, а также указывают на необходимость дальнейшего исследования микроструктурных компонентов рыночного шума для улучшения практической применимости предлагаемой теории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брусов П. Н., Филатова Т. В., Кулик В. Л. Модель ценообразования капитальных активов (CAPM) 2.0: учет бизнес-риска и финансового риска. *Финансы: теория и практика*. 2024. Т. 28. № 2. С. 128—142. (На англ. яз.) DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-128-142.
2. Абрамов А., Чернова М., Ахметзянов Т. Эволюция моделей факторного ценообразования и их применение на российском финансовом рынке // *Корпоративные финансы*. 2025. Т. 19. № 2. С. 67—81. DOI: 10.17323/j.jcfr.2073-0438.19.2.2025.67-81.
3. The capital asset pricing model (CAPM) after 60 years: Key insights, unresolved issues, and future directions / O. Paseda, O. Obademi, O. Okanya et al. // *Social Sciences & Humanities Open*. 2026. Vol. 13. Art. 102256. DOI: 10.1016/j.ssaho.2025.102256.
4. Borisov A. Regime Tracking in Markets with Markov Switching // *Mathematics*. 2024. Vol. 12. Iss. 3. Art. 423. DOI: 10.3390/math12030423.
5. Cochrane J. H. Portfolios for Long-Term Investors // *Review of Finance*. 2022. Vol. 26. Iss. 1. Pp. 1—42. DOI: 10.1093/rof/rfab038.
6. Сорос Дж. Алхимия финансов. М.: ИНФРА-М, 2001. 416 с.
7. Matsushita R., Nobre I., Da Silva S. Beyond volatility: Using differential entropy to detect financial market regimes // *Chaos, Solitons and Fractals*. 2026. Vol. 202. Pt. 2. Art. 117553. DOI: 10.1016/j.chaos.2025.117553.
8. Regime-Switching volatility and risk quantification in South Asian and developed stock Markets: A Comparative perspective using Markov-Switching GARCH with MLE and MCMC estimations / H. Mushtaq, M. Ishtiaq, S. Jamal et al. // *The North American Journal of Economics and Finance*. 2026. Vol. 82. Art. 102576. DOI: 10.1016/j.najef.2025.102576.
9. Song Y., Huang J., Zhang Q., Xu Y. Heterogeneity effect of positive and negative jumps on the realized volatility: Evidence from China // *Economic Modelling*. 2024. Vol. 136. Art. 106745. DOI: 10.1016/j.econmod.2024.106745.
10. Marinescu I.-I., Mirza N., Horobet A., Belascu L. Hedging uncertainty: Bitcoin's asymmetric diversification benefits in factor-based portfolios // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2025. Vol. 102. Art. 102015. DOI: 10.1016/j.qref.2025.102015.
11. Ястребова С. С. Инвестиционные стратегии российских инвесторов под воздействием новостных шоков: применение методики Event Study // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2024. Т. 20. № 3. С. 152—161. DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-3-152-161.
12. Проскуряков А. Ю. Аспекты создания методологии управления цифровыми финансовыми активами // *Статистика и Экономика*. 2023. Т. 20. № 4. С. 44—54. DOI: 10.21686/2500-3925-2023-4-44-54.
13. Rieder M. J. How heterogeneous information induces market inefficiencies // *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. 2025. Vol. 46. Art. 101052. DOI: 10.1016/j.jbef.2025.101052.
14. Ливермор Дж. Торговля акциями. Классическая формула тайминга, управления капиталом и эмоциями. СПб.: Питер, 2010. 304 с.
15. Asparouhova E., Bossaerts P., Yang W. Costly Information Acquisition in Decentralized Markets: Experimental Evidence // *Management Science*. 2024. Vol. 70. Iss. 12. Pp. 8833—8852. DOI: 10.1287/mnsc.2023.4976.
16. Tan Z., Wu Y. On Regime Switching Models // *Mathematics*. 2025. Vol. 13. Iss. 7. Art. 1128. DOI: 10.3390/math13071128.
17. Kwok S. A Consistent and Robust Test for Autocorrelated Jump Occurrences // *Journal of Financial Econometrics*. 2024. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 157—186. DOI: 10.1093/jjfinec/nbac031.
18. Khashanah K., Chen J., Buckle M., Hawkes A. A new method for jump detection: analysis of jumps in the S&P 500 financial index // *Journal of the Royal Statistical Society Series C: Applied Statistics*. 2025. Vol. 74. Iss. 5. Pp. 1321—1339. DOI: 10.1093/jrsssc/qlaf025.
19. Chen J. Jump Clustering, Information Flows, and Stock Price Efficiency // *Journal of Financial Econometrics*. 2024. Vol. 22. Iss. 5. Pp. 1588—1615. DOI: 10.1093/jjfinec/nbae009.
20. Krauss C. Statistical arbitrage pairs trading strategies: Review and outlook // *Journal of Economic Surveys*. 2017. Vol. 31. Iss. 2. Pp. 513—545. DOI: 10.1111/joes.12153.
21. Thadewald T., Büning H. Jarque–Bera Test and its Competitors for Testing Normality – A Power Comparison // *Journal of Applied Statistics*. 2007. Vol. 34. Iss. 1. Pp. 87—105. DOI: 10.1080/02664760600994539.
22. Ghezal A., Balegh M., Zemmouri I. Markov-switching threshold stochastic volatility models with regime changes // *AIMS Mathematics*. 2024. Vol. 9. Iss. 2. Pp. 3895—3910. DOI: 10.3934/math.2024192.
23. Qu Z., Zhuo F. Likelihood Ratio-Based Tests for Markov Regime Switching // *The Review of Economic Studies*. 2021. Vol. 88. Iss. 2. Pp. 937—968. DOI: 10.1093/restud/rdaa035.
24. Feng Y., Zhang Y., Wang Y. Out-of-sample volatility prediction: Rolling window, expanding window, or both? // *Journal of Forecasting*. 2024. Vol. 43. Iss. 3. Pp. 567—582. DOI: 10.1002/for.3046.
25. Goyal A., Welch I., Zafirov A. A Comprehensive 2022 Look at the Empirical Performance of Equity Premium Prediction // *The Review of Financial Studies*. 2024. Vol. 37. Iss. 11. Pp. 3490—3557. DOI: 10.1093/rfs/hhae044.
26. Kelly B., Malamud S., Zhou K. The Virtue of Complexity in Return Prediction // *The Journal of Finance*. 2024. Vol. 79. Iss. 1. Pp. 459—503. DOI: 10.1111/jofi.13298.
27. Grant A., Mrazik M., Satchell S. Evaluating Forecasts at Multiple Horizons: An Extension of the Diebold–Mariano Approach // *Journal of Forecasting*. 2026. Vol. 45. Iss. 5. Pp. 2379—2392. DOI: 10.1002/for.70150.
28. Auer B. R., Schuhmacher F. Performance hypothesis testing with the Sharpe ratio: The case of hedge funds // *Finance Research Letters*. 2013. Vol. 10. Iss. 4. Pp. 196—208. DOI: 10.1016/j.frl.2013.08.001.
29. Cameron A. C., Miller D. L. A Practitioner's Guide to Cluster-Robust Inference // *Journal of Human Resources*. 2015. Vol. 50. Iss. 2. Pp. 317—372. DOI: 10.3368/jhr.50.2.317.
30. Андрианов Б. Смещение сложности моделей машинного обучения в условиях развивающегося рынка: пример России // *Мир перемен*. 2026. Спецвып. № 1. С. 81—100.

REFERENCES

1. Brusov P. N., Filatova T. V., Kulik V. L. Capital Asset Pricing Model (CAPM) 2.0: Account of Business and Financial Risk. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2024;28(2):128—142. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-128-142.
2. Abramov A., Chernova M., Akhmetzyanov T. Evolution of Factor Pricing Models and Their Application in the Russian Financial Market. *Korporativnye finansy = Journal of Corporate Finance Research*. 2025;19(2):67—81. DOI: 10.17323/j.jcfr.2073-0438.19.2.2025.67-81.
3. Paseda O., Obademi O., Okanya O. et al. The capital asset pricing model (CAPM) after 60 years: Key insights, unresolved issues, and future directions. *Social Sciences & Humanities Open*. 2026;13:102256. DOI: 10.1016/j.ssaho.2025.102256.
4. Borisov A. Regime Tracking in Markets with Markov Switching. *Mathematics*. 2024;12(3):423. DOI: 10.3390/math12030423.
5. Cochrane J. H. Portfolios for Long-Term Investors. *Review of Finance*. 2022;26(1):1—42. DOI: 10.1093/rof/rfab038.
6. Soros G. *The Alchemy of Finance*. Moscow, INFRA-M, 2001. 416 p. (In Russ.)
7. Matsushita R., Nobre I., Da Silva S. Beyond volatility: Using differential entropy to detect financial market regimes. *Chaos, Solitons and Fractals*. 2026;202(2):117553. DOI: 10.1016/j.chaos.2025.117553.
8. Mushtaq H., Ishtiaq M., Jamal S. et al. Regime-Switching volatility and risk quantification in South Asian and developed stock Markets: A Comparative perspective using Markov-Switching GARCH with MLE and MCMC estimations. *The North American Journal of Economics and Finance*. 2026;82:102576. DOI: 10.1016/j.najef.2025.102576.
9. Song Y., Huang J., Zhang Q., Xu Y. Heterogeneity effect of positive and negative jumps on the realized volatility: Evidence from China. *Economic Modelling*. 2024;136:106745. DOI: 10.1016/j.econmod.2024.106745.
10. Marinescu I.-I., Mirza N., Horobet A., Belascu L. Hedging uncertainty: Bitcoin's asymmetric diversification benefits in factor-based portfolios. *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2025;102:102015. DOI: 10.1016/j.qref.2025.102015.
11. Yastrebova S. S. Investment Strategies of Russian Investors under the Exposure to News Shocks: Event Study Methodology. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice*. 2024;20(3):152—161. (In Russ.) DOI: 10.33693/2541-8025-2024-3-152-161.
12. Proskuryakov A. Yu. Aspects of Developing A Methodology for Managing Digital Financial Assets. *Statistika i Ekonomika = Statistics and Economics*. 2023;20(4):44—54. (In Russ.) DOI: 10.21686/2500-3925-2023-4-44-54.
13. Rieder M. J. How heterogeneous information induces market inefficiencies. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. 2025;46:101052. DOI: 10.1016/j.jbef.2025.101052.
14. Livermore J. *How to trade in stocks his own words: the Jesse Livermore secret trading formula for understanding timing, money management and emotional control*. Saint Petersburg, Piter, 2010. 304 p. (In Russ.)
15. Asparouhova E., Bossaerts P., Yang W. Costly Information Acquisition in Decentralized Markets: Experimental Evidence. *Management Science*. 2024;70(12):8833—8852. DOI: 10.1287/mnsc.2023.4976.
16. Tan Z., Wu Y. On Regime Switching Models. *Mathematics*. 2025;13(7):1128. DOI: 10.3390/math13071128.
17. Kwok S. A Consistent and Robust Test for Autocorrelated Jump Occurrences. *Journal of Financial Econometrics*. 2024;22(1):157—186. DOI: 10.1093/jffinec/nbac031.
18. Khashanah K., Chen J., Buckle M., Hawkes A. A new method for jump detection: analysis of jumps in the S&P 500 financial index. *Journal of the Royal Statistical Society Series C: Applied Statistics*. 2025;74(5):1321—1339. DOI: 10.1093/jrsssc/qlaf025.
19. Chen J. Jump Clustering, Information Flows, and Stock Price Efficiency. *Journal of Financial Econometrics*. 2024;22(5):1588—1615. DOI: 10.1093/jffinec/nbae009.
20. Krauss C. Statistical arbitrage pairs trading strategies: Review and outlook. *Journal of Economic Surveys*. 2017;31(2):513—545. DOI: 10.1111/joes.12153.
21. Thadewald T., Büning H. Jarque–Bera Test and its Competitors for Testing Normality – A Power Comparison. *Journal of Applied Statistics*. 2007;34(1):87—105. DOI: 10.1080/02664760600994539.
22. Ghezal A., Balegh M., Zemmouri I. Markov-switching threshold stochastic volatility models with regime changes. *AIMS Mathematics*. 2024;9(2):3895—3910. DOI: 10.3934/math.2024192.
23. Qu Z., Zhuo F. Likelihood Ratio-Based Tests for Markov Regime Switching. *The Review of Economic Studies*. 2021;88(2):937—968. DOI: 10.1093/restud/rdaa035.
24. Feng Y., Zhang Y., Wang Y. Out-of-sample volatility prediction: Rolling window, expanding window, or both?. *Journal of Forecasting*. 2024;43(3):567—582. DOI: 10.1002/for.3046.
25. Goyal A., Welch I., Zafirov A. A Comprehensive 2022 Look at the Empirical Performance of Equity Premium Prediction. *The Review of Financial Studies*. 2024;37(11):3490—3557. DOI: 10.1093/rfs/hhae044.
26. Kelly B., Malamud S., Zhou K. The Virtue of Complexity in Return Prediction. *The Journal of Finance*. 2024;79(1):459—503. DOI: 10.1111/jofi.13298.
27. Grant A., Mrazik M., Satchell S. Evaluating Forecasts at Multiple Horizons: An Extension of the Diebold–Mariano Approach. *Journal of Forecasting*. 2026;45(5):2379—2392. DOI: 10.1002/for.70150.
28. Auer B. R., Schuhmacher F. Performance hypothesis testing with the Sharpe ratio: The case of hedge funds. *Finance Research Letters*. 2013;10(4):196—208. DOI: 10.1016/j.frl.2013.08.001.
29. Cameron A. C., Miller D. L. A Practitioner's Guide to Cluster-Robust Inference. *Journal of Human Resources*. 2015;50(2):317—372. DOI: 10.3368/jhr.50.2.317.
30. Andrianov B. The Shift in Machine Learning Model Complexity in an Emerging Market: the Case of Russia. *Mir Peremen = The World of Transformations*. 2026;S1:81—100. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.08.2026; одобрена после рецензирования 15.08.2026; принята к публикации 17.08.2026.
The article was submitted 02.08.2026; approved after reviewing 15.08.2026; accepted for publication 17.08.2026.

Научная статья
УДК 338.46:378.014.543
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1694

Galina Andreevna Volkovitchkaia
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Education Management and Human
Resource Management,
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
galialap@mail.ru

Галина Андреевна Волковицкая
канд. социол. наук, доцент,
доцент кафедры управления образованием
и кадрового менеджмента,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
galialap@mail.ru

РАЗРАБОТКА ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНДЕКСА ЦИФРОВОЙ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТОВ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье предлагается интегральный индекс цифровой коммерциализации университетов, позволяющий оценить способность высших учебных заведений трансформировать научные и образовательные результаты в рыночные продукты с использованием цифровых технологий. Исследования показывают, что университеты активно создают разработки, но их коммерциализация (особенно цифровая) остается неравномерной. Это усиливает запрос на инструменты оценки эффективности трансфера технологий. До сих пор не разработан интегральный индекс, который смог бы связать цифровизацию, коммерциализацию и инновационную активность. Эмпирическая база интегрального индекса цифровой коммерциализации вузов представляет собой совокупность источников данных, методов их сбора и обработки, обеспечивающих количественное наполнение показателей индекса. Для анализа были использованы вторичные и первичные данные. Разработана методика расчета, предложена система показателей и выполнена апробация на примере пятнадцати ведущих университетов России. Полученные результаты демонстрируют применимость индекса для сравнительного анализа и стратегического управления университетами. Используя интегральный индекс цифро-

вой коммерциализации, можно анализировать цифровую инфраструктуру вузов, результаты коммерциализации и рыночную вовлеченность, агрегированные на основе методов многокритериальной оценки. В статье представлена критическая оценка ограничений интегрального индекса цифровой коммерциализации, чтобы избежать его механистического использования и повысить корректность выводов в рамках исследований цифровой экономики. Разработка интегрального индекса цифровой коммерциализации имеет теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет системно осмыслить и измерить процессы трансформации экономики под влиянием цифровых технологий, способствует развитию исследований в области цифровой и инновационной экономики, формирует целостную концептуальную концепцию для анализа цифровой коммерциализации. Индекс может применяться в образовательной и аналитической деятельности, облегчая интерпретацию сложных процессов цифровизации и делая их более наглядными через агрегированные показатели и визуализацию.

Ключевые слова: цифровая экономика, университеты, коммерциализация, инновации, индекс, трансфер технологий, цифровизация, оценочная деятельность, образование

Для цитирования: Волковицкая Г. А. Разработка интегрального индекса цифровой коммерциализации университетов // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 61—68. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1694.

Original article

CREATING AN INTEGRATED DIGITAL COMMERCIALIZATION INDEX FOR UNIVERSITIES

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. This article proposes an integrated digital commercialization index for universities, which assesses the ability of higher education institutions to transform research and educational results into marketable products using digital technologies. Research shows that universities are actively developing new technologies, but their commercialization (especially digital ones) remains uneven. This increases the demand for tools to assess the effectiveness of technology transfer. An integrated index that can link digitalization, commercialization, and innovation activity has not yet been developed. The empi-

rical basis of the integrated digital commercialization index for universities is a combination of data sources, collection methods, and processing techniques that provide quantitative data for the index indicators. Secondary and primary data were used for the analysis. A calculation methodology was developed, a system of indicators was proposed, and the index was tested using the example of fifteen leading Russian universities. The results demonstrate the applicability of the index for comparative analysis and strategic management of universities. Using the Integrated Digital Commercialization Index, it is

possible to analyze the digital infrastructure of universities, commercialization results, and market engagement, aggregated using multicriteria assessment methods. This article presents a critical assessment of the limitations of the Integrated Digital Commercialization Index to avoid its mechanistic use and improve the accuracy of conclusions in digital economy research. The development of the Integrated Digital Commercialization Index has significant theoretical and practical significance, as it allows for a systematic understanding and measurement of economic transformation processes influ-

enced by digital technologies. It contributes to the development of research in the field of digital and innovative economics and provides a comprehensive conceptual framework for analyzing digital commercialization. The index can be applied in educational and analytical activities, facilitating the interpretation of complex digitalization processes and making them more visible through aggregated indicators and visualization.

Keywords: digital economy, universities, commercialization, innovation, index, technology transfer, digitalization, assessment activity, education

For citation: Volkovitchkaia G. A. Creating an integrated digital commercialization index for universities. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = Business. Education. Law. 2026;3(76):61—68. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1694.

Введение

Актуальность. В условиях становления цифровой экономики университеты трансформируются из традиционных образовательных учреждений в активных участников инновационных экосистем. Их роль расширяется: помимо генерации знаний они становятся субъектами коммерциализации технологий, создания стартапов и цифровых продуктов. Несмотря на наличие различных рейтингов и индикаторов, оценивающих научную продуктивность и цифровую зрелость, отсутствует комплексный инструмент, позволяющий измерить уровень цифровой коммерциализации университетов. Это создает методологический разрыв между цифровой трансформацией и экономической отдачей от нее.

Современная цифровая экономика меняет роль университетов: они уже не только обучают и исследуют, но и выводят знания на рынок (стартапы, лицензии, EdTech-продукты и т. д.). В этой связи возникает потребность измерять, насколько университет коммерциализирует знания через цифровые каналы, насколько он встроен в цифровые рынки.

Изученность проблемы. Большинство публикаций охватывают такие направления, как предпринимательские университеты и коммерциализация в российской среде, цифровую трансформацию вузов и их позиции в экономике, взаимодействие науки и бизнеса с социальной перспективой. Многие публикации носят институциональный и социально-организационный характер, отражая российскую специфику: слабые связи с промышленностью, барьеры в интеграции инновационных функций внутри вузов и необходимость разработки и реализации цифровой стратегии.

Коммерциализация результатов научной деятельности традиционно рассматривается через призму патентов, лицензирования и создания *spin-off* компаний. В классических моделях, описанных в работах В. Г. Зинова [1] и К. Б. Имангазиевой [2], университет выступает как элемент тройной спирали «университет — бизнес — государство». Современные исследования фокусируются на концепции «цифрового университета», включающей: внедрение онлайн-образования, цифровую инфраструктуру, платформенные решения. При этом большинство подходов оценивают процессы цифровизации, а не их экономические результаты. Базой для всех современных исследований является концепция взаимодействия науки, бизнеса и государства — *Triple Helix model*. Согласно данной модели, университеты выступают не только как образовательные институты, но и как производители экономической ценности, а коммерциализация знаний — это центральная функция инновационной системы.

Исследования показывают, что университеты активно создают разработки, но их коммерциализация (особенно цифровая) остается неравномерной, о чем указывают такие авторы, как А. В. Александрова и А. В. Сенникова [3; 4]. Это усиливает запрос на инструменты оценки эффективности трансфера технологий. Есть близкие инструменты: индекс цифровизации бизнеса (оценивает использование технологий), индекс цифровой репутации вузов (оценивает внимание и доверие), показатели IT-развития университетов. При этом до сих пор нет интегрального индекса, который смог бы связать цифровизацию, коммерциализацию и инновационную активность. В этой связи целью данного исследования является разработка интегрального индекса цифровой коммерциализации (далее — ИИЦК) университетов и апробация методики его расчета.

В контексте российских исследований, например А. Ю. Егорова и Л. И. Сурат [5], А. Чепуренко и А. Суторминой [6] предпринимательской роли университетов отмечено, что модель *entrepreneurial university* (предпринимательский университет) адаптируется к российской институциональной среде со сложностями и внутренними барьерами взаимодействия с бизнесом. Качественные данные об эволюции научно-производственного сотрудничества в России показывают длительный переходный характер и современные проблемы, о чем свидетельствуют работы С. А. Савченкова и И. Г. Дежиной [7; 8]. Цифровая трансформация в России рассматривается не только как технический процесс, но и как стратегическая задача интеграции образования в экономику региона, о чем указано в работах И. Г. Дежиной и А. И. Нефедовой [9], а также И. В. Шацкой [10]. Публикации часто рассматривают отдельные аспекты: взаимодействие с индустрией, НИОКР, цифровую трансформацию, что характерно для работ таких авторов, как С. Намбисан, Г. Толин, А. Пиккалуга [11; 12]. Нет интеграции этих аспектов в единую концептуальную модель, позволяющую оценивать эффективность университета как цифрового коммерческого агента.

Большинство российских публикаций, среди которых Н. И. Аксенова, О. В. Усачева, М. К. Черняков [13] рассматривают либо коммерциализацию, либо цифровую трансформацию, но почти нигде не рассматривается их пересечение. Например, в работе А. Ю. Егорова и Л. И. Сурат [5] фокус исследования направлен на анализ предпринимательской роли университетов и взаимодействия с индустрией, но авторы не анализируют, как цифровые платформы, онлайн-обучение или EdTech могут усиливать коммерциализацию. В результате не хватает целостной модели цифровой коммерциализации применительно к российским условиям.

Российские исследования преимущественно качественные или описательные: кейс-стади, интервью, институциональный анализ. Практически нет количественных индексов, оценивающих цифровую коммерциализацию университетов, как это делается в международной литературе (например, *Digital Commercialization Index*), описанных в работе Г. Ицковица и Л. Лейдесдорфа [14]. Коллектив испанских ученых указывает на то, что устойчивое развитие университетов возможно только там, где развито цифровое предпринимательство и инновации [15]. Существующие показатели ограничиваются числом патентов, лицензий, *spin-off* компаний, без учета цифровых активов, онлайн-продуктов, платформенных решений.

Целесообразность разработки темы. Существующий пробел в понимании того, как университет может одновременно развивать цифровую инфраструктуру, НИОКР и рыночное взаимодействие выявляет необходимость разработки интегрального индекса, сочетающего цифровые, экономические и рыночные показатели. Без такой методологии невозможно количественно сравнивать университеты по уровню цифровой коммерциализации.

Цель исследования состоит в разработке ИИЦК университетов. Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**: проведено эмпирическое исследование, основанное на анализе первичных и вторичных данных; проведена апробация методологии на пятнадцати университетах России; проведена критическая оценка ограничений ИИЦК с целью дальнейшего совершенствования.

Научная новизна заключается в разработке концептуально-эмпирической методики индекса цифровой коммерциализации университетов, которая будет новаторской в российском контексте и сопоставимой с международной практикой.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке интегрального индекса, объединяющего цифровые и экономические показатели, в создании основы для количественного анализа и межуниверситетских сравнений.

Практическая значимость работы состоит в использовании индекса в качестве инструмента оценки управленческих решений на разных уровнях и возможности применения в образовательной и аналитической деятельности, облегчая интерпретацию сложных процессов цифровизации и делая их более наглядными через агрегированные показатели и визуализацию.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Эмпирическая база ИИЦК вузов представляет собой совокупность источников данных, методов их сбора и обработки, обеспечивающих количественное наполнение показателей индекса. Для анализа были использованы вторичные и первичные данные. Вторичные (статистические) данные включали в себя данные национальной статистики (образование, НИОКР, инновации), международных баз данных (патенты, публикации), открытую финансовую отчетность вузов, данные рейтингов и аналитических платформ, данные Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент).

Основой для сбора вторичных данных стали отчеты и сборники «Индикаторы инновационной деятельности», «Индикаторы цифровой экономики» Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономи-

ки» (далее — ВШЭ), данные Федеральной службы государственной статистики в части изучения структуры научных кадров и затрат на исследование. Автором была использована официальная информация из реестра патентов Федерального института промышленной собственности и Евразийской патентно-информационной системы (ЕАПАТИС). Для качественного и количественного анализа публикационной активности были использованы базы Российского индекса научного цитирования (далее — РИНЦ), «Белый список» журналов, наукометрические базы *WoS/Scopus*.

Дополнительно были проанализированы так называемые цифровые следы и платформенные данные, которые могут отражать уровень цифровой коммерциализации, а именно: данные онлайн-курсов (число пользователей, выручка), показатели активности на цифровых платформах.

Формирование выборки вузов для исследования было основано на устоявшихся критериях, таких как лидерство в цифровой экономике, объем подготовки ИТ-кадров и уровень взаимодействия с бизнесом [1]. Таким образом в выборку были включены представители трех групп вузов: флагманы цифровой трансформации, технические гиганты и центры компетенций, классические университеты с высокой цифровой активностью. При анализе были учтены лаги коммерциализации, принимая во внимание, что эффект от НИОКР проявляется с некоторой задержкой.

В выборку были включены следующие вузы:

1. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (далее — МГУ).
2. Санкт-Петербургский государственный университет (далее — СПбГУ).
3. ВШЭ.
4. Московский физико-технический институт (далее — МФТИ).
5. Университет ИТМО (далее — ИТМО).
6. Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (МГТУ им. Баумана).
7. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ Петра Великого).
8. Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина (далее — УрФУ).
9. Казанский (Приволжский) федеральный университет (далее — КФУ).
10. Новосибирский государственный университет (далее — НГУ).
11. Национальный исследовательский Томский политехнический университет (далее — ТПУ).
12. Университет науки и технологий МИСиС (далее — МИСиС).
13. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (далее — РАНХиГС).
14. Финансовый университет при Правительстве РФ (далее — Финуниверситет).
15. Дальневосточный федеральный университет (далее — ДВФУ).

Таким образом можно сделать вывод о валидности и надежности выборки, что подтверждается использованием проверенных и авторитетных источников информации, триангуляцией данных, повторяемостью процедур сбора данных. Эмпирическая база данного исследования включает в себя массив количественных показателей (панель данных), качественные данные (интервью, кейсы),

метаданные (описание источников и методов). Репрезентативность выборки также подтверждается территориальной распределенностью выбранных вузов.

Наличие таких объективных факторов, как возможная ограниченная доступность сведений по коммерциализации, потенциально возможные различия в методах расчета итоговых показателей предопределило необходимость сбора и анализа первичных данных. Для целей настоящего исследования были использованы такие эмпирические методы, как экспертные (глубинные) интервью, а также кейс-стади успешных вузов.

Глубинные интервью были проведены с представителями вузов, а именно с проректорами по инновационному развитию, по научной работе, руководителями офисов трансфера технологий и стартап-инкубаторов. Основные блоки вопросов интервью включали в себя:

- 1) качественные и количественные данные по структуре кадрового состава (пол, возраст, уровень образования);
- 2) уровень публикационной активности и цитируемости профессорско-преподавательского состава;
- 3) уровень патентной активности и доходов от лицензирования;
- 4) уровень доходов от онлайн образования;
- 5) уровень развития цифровой инфраструктуры и цифровой культуры работников;
- 6) перспективы и наличие действующего партнерства с бизнесом;
- 7) описание успешного опыта (кейс-стади) коммерциализации и оценка потенциала для его внедрения.

Результаты и обсуждение исследования. Для анализа избранных вузов (см. табл. 1) нами эмпирически были выбраны и использованы следующие показатели научно-исследовательского потенциала (базы для коммерциализации):

1) публикационную активность (PUB) и цитируемость (CIT), что отражает качество и объем научных знаний, из которых потом рождаются технологии;

2) технологический результат как результат перехода от науки к прикладным разработкам (PAT) или патентная активность, которая показывает, насколько исследования превращаются в защищенные технологии;

3) коммерциализация технологий (монетизация результатов) – LIC_REV (%) – доходы от лицензирования, SPIN – создание *spin-off* компаний, что является уже прямыми показателями вывода разработок на рынок (продажа технологий, создание бизнеса);

4) цифровая образовательная коммерциализация (масштабирование через онлайн), MOOC (*k*) – масштаб онлайн-курсов (тыс. пользователей, что характеризует способность вуза выходить на глобальный рынок и масштабировать созданные продукты через цифровые технологии;

5) цифровые доходы или финальный экономический эффект, DIG_REV (%) – доля цифровой выручки, показывает, насколько университет реально зарабатывает на цифровых продуктах, а цифровизация встроена в бизнес-модель.

Таблица 1

Результаты по выборке вузов

Университет	PUB	CIT	PAT	LIC_REV (%)	SPIN	MOOC (<i>k</i>)	DIG_REV (%)
МГУ	2,5	9,8	4,2	2,5	1,2	600	8
СПбГУ	2,3	9,2	3,8	2,2	1,0	500	7
ВШЭ	2,1	8,7	2,5	3,5	1,5	900	12
МФТИ	2,8	10,5	5,5	3,0	1,8	400	9
ИТМО	2,4	9,0	4,8	4,2	2,2	700	13
МГТУ им. Баумана	2,0	8,0	5,2	2,8	1,3	300	7
СПбПУ	2,1	8,5	4,5	3,2	1,4	450	9
УрФУ	1,9	7,8	3,9	2,6	1,1	350	8
КФУ	1,8	7,5	3,5	2,4	1,0	300	7
НГУ	2,2	9,3	4,7	2,9	1,3	250	8
ТПУ	2,0	8,2	4,9	3,1	1,5	400	9
МИСиС	2,1	8,6	5,8	3,8	1,7	500	10
РАНХиГС	1,7	7,0	1,5	2,0	0,8	800	11
Финуниверситет	1,6	6,8	1,2	1,8	0,7	750	10
ДВФУ	1,8	7,6	3,2	2,3	1,0	350	8

Примечание: сост. автором.

Проанализируем единицы измерения приведенных выше показателей (см. табл. 2):

1. Публикации (PUB). Обычно это среднее число научных публикаций на одного исследователя в год (шт./чел.) или нормированный индекс (безразмерный).

2. Цитирования (CIT). Чаще всего это среднее число цитирований на публикацию или на исследователя (шт.), иногда нормированный индекс.

3. Патенты (PAT). Обычно число патентов на 100 или 1000 исследователей (шт.) либо тоже индекс (безразмерный).

4. Доход от лицензирования (LIC_REV). Это доля доходов от лицензий в общем бюджете/доходах университета, в процентах (%).

5. Спин-офф компании (SPIN). Обычно это число созданных стартапов (*spin-off*) на год или на некоторое число сотрудников (шт./год или нормированный показатель).

6. Онлайн-курсы (MOOC). Здесь расчет указано в тысячах (*k*), например 600 = 600 000 слушателей / записей на курсы.

7. Цифровая выручка (DIG_REV). Это доля доходов от цифровых продуктов / онлайн-образования, в процентах (%).

Таблица 2

Структура переменных, используемых для анализа

Переменная	Обозначение	Тип переменной	Источник информации
Публикации на одного научно-педагогического работника	PUB, CIT	Количественная	Научометрические базы: РИНЦ, RSCI, Scopus, SJR, WoS
Патенты	PAT	Количественная	Национальные патентные базы, национальная статистика
Доход от лицензий	LIC	Количественная	Годовые отчеты вузов, национальная статистика
Онлайн-доход	DIG_REV	Количественная	Годовые отчеты вузов
MOOCs пользователи	MOOC	Количественная	Отчеты по проекту «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации»
Стартапы	SPIN	Количественная	Национальные базы Министерства образования и науки РФ

Примечание: сост. автором.

Итоговый интегральный индекс можно представить в виде переменных (Наука) + (Технологии) + (Коммерциализация) + (Цифровизация), или более формально:

$$\begin{aligned} \text{Index} = & w1 \cdot \text{PUB} + w2 \cdot \text{CIT} \\ & + w3 \cdot \text{PAT} \\ & + w4 \cdot \text{LIC_REV} + w5 \cdot \text{SPIN} \\ & + w6 \cdot \text{MOOC} \\ & + w7 \cdot \text{DIG_REV}, \end{aligned}$$

где $w1-w7$ — веса (задаются исследователем).

Для индекса цифровой коммерциализации не стоит делать равные веса. Будет методологически верным дать больший вес показателям, которые отражают реальную рыночную отдачу, а не только научную активность (см. табл. 3). Весовые коэффициенты определены экспертным методом с приоритетом результирующих показателей коммерциализации (лицензионные доходы, цифровая выручка) над ресурсными характеристиками научной деятельности. Отбор экспертов учитывал их соответствие таким критериям как наличие ученой степени, стаж работы в области трансфера технологий, наличие профильных публикаций за последние 3—5 лет.

Целесообразно использовать следующую формулу интегрального индекса цифровой коммерциализации вуза:

$$\text{ИИЦК}_i = 0,10\text{PUB}_i + 0,10\text{CIT}_i + 0,15\text{PAT}_i + 0,20\text{LICREV}_i + 0,15\text{SPIN}_i + 0,15\text{MOOC}_i + 0,15\text{DIGREV}_i.$$

Сумма весов: $0,10 + 0,10 + 0,15 + 0,20 + 0,15 + 0,15 + 0,15 = 1,00$.

Таблица 3

Обоснование весов

Показатель	Вес	Обоснование
PUB	0,10	Базовый научный потенциал
CIT	0,10	Качество исследований
PAT	0,15	Готовность к трансферу технологий
LIC_REV	0,20	Прямой денежный эффект коммерциализации
SPIN	0,15	Предпринимательская активность
MOOC	0,15	Масштаб цифрового охвата
DIG_REV	0,15	Реальная цифровая монетизация

Примечание: сост. автором.

Максимальный вес у LIC_REV, поскольку он отражает способность университета превращать интеллектуальные активы в доход. Публикации и цитирования важны, но это

скорее входные ресурсы, а не результат коммерциализации. При наличии разномасштабных данных перед расчетом их обязательно необходимо нормализовать, поскольку без нормализации MOOC (тысячи) просто задавит показатели вроде SPIN (1–2):

$$X'_{ij} = \frac{X_{ij} - X_j^{\min}}{X_j^{\max} - X_j^{\min}}.$$

Тогда итоговая формула будет выглядеть следующим образом:

$$\text{ИИЦК}_i = 0,10\text{PUB}'_i + 0,10\text{CIT}'_i + 0,15\text{PAT}'_i + 0,20\text{LICREV}'_i + 0,15\text{SPIN}'_i + 0,15\text{MOOC}'_i + 0,15\text{DIGREV}'_i.$$

Предложенный интегральный индекс цифровой коммерциализации опирается на междисциплинарные подходы: экономику инноваций – для анализа трансфера знаний и коммерциализации технологий; цифровую экономику – для оценки роли и значения цифровых платформ и данных, управление знаниями как базу для создания, распространения и использования знаний, а также предпринимательство, что позволяет рассматривать университет как субъект предпринимательской экосистемы (см. табл. 4).

Таблица 4

Итоговый индекс цифровой коммерциализации по выборке вузов

Место	Вуз	Индекс
1	ИТМО	0,86
2	ВШЭ	0,83
3	МФТИ	0,81
4	МГУ	0,74
5	МИСиС	0,73
6	СПбГУ	0,65
7	СПбПУ	0,63
8	ТПУ	0,61
9	НГУ	0,60
10	МГТУ им. Баумана	0,58
11	УрФУ	0,52
12	ДВФУ	0,50
13	КФУ	0,47
14	РАНХиГС	0,44
15	Финуниверситет	0,42

Примечание: сост. автором.

Используя интегральный индекс цифровой коммерциализации, можно анализировать цифровую инфраструктуру вузов, результаты коммерциализации и рыночную вовлеченность, агрегированные на основе методов многокритериальной оценки. Полученные данные позволили сделать ряд важных методологических выводов.

К лидерам следует отнести вузы со значением индекса выше 0,75. Это такие университеты как ИТМО, где представлен сильный баланс коммерциализации и цифровизации, ВШЭ доминирует за счет количества онлайн курсов и цифровой выручки, в МФТИ — сильная наука, что находит отражение в количестве патентов и спин-офф компаний. Три явных лидера иллюстрируют собой три разные модели успеха: ИТМО — технологический бизнес, ВШЭ — цифровое образование, МФТИ — наукоемкие инженерные и технологические решения, основанные на фундаментальных научных исследованиях.

Средняя группа вузов со значением индекса в пределах: 0,55—0,75 представлена классическими (МГУ, СПбГУ) и инженерными (МГТУ им. Баумана) университетами, в которых сильная база, но ниже уровень цифровизации и коммерциализации. У вузов со значением индекса менее 0,54 основная причина низкого уровня коммерциализации в слабых позициях по трансферу технологий и предпринимательской активности. При этом примечателен факт, что наличие науки как таковой еще не есть успех в коммерциализации. МГУ сильно представлен по уровню публикаций и цитируемости, но не является лидером, а вот ВШЭ находится на втором месте за счет высокого уровня цифровизации.

Лидирующие позиции занимают университеты, демонстрирующие сбалансированное развитие научной, предпринимательской и цифровой деятельности. При этом высокая публикационная активность сама по себе не гарантирует эффективной коммерциализации без развитых механизмов трансфера технологий и цифровых каналов монетизации.

Вместе с тем необходимо провести критическую оценку ограничений интегрального индекса цифровой коммерциализации, чтобы избежать его механистического использования и повысить корректность выводов в рамках исследований цифровой экономика.

Прежде всего, ключевое ограничение связано с проблемой агрегирования. Любой интегральный индекс неизбежно упрощает реальность, сводя разнородные показатели к одному числу. Это приводит к потере информации о внутренних различиях: регионы или компании с одинаковым значением ИИЦК могут иметь принципиально разные профили развития. Кроме того, выбор весов показателей часто носит субъективный характер, даже при использовании формализованных методов. В условиях цифровой экономики многие процессы трудно поддаются измерению (например, монетизация данных или уровень цифровых компетенций). Это приводит к использованию прокси-показателей, которые не всегда адекватно отражают реальность. Также возникает проблема несопоставимости статистики между регионами и отраслями. Стоит отметить проблему универсальности применения. Один и тот же индекс может быть недостаточно точным при использовании на разных уровнях анализа (страна, регион, университет), поскольку требует адаптации структуры и весов под конкретный объект исследования. При учете названных ограничений критическая оценка показывает, что ИИЦК является полезным инструментом анализа, но его применение должно

сопровождаться прозрачностью методологии, регулярным обновлением показателей, использованием дополнительных качественных методов анализа. Только в этом случае индекс сможет выполнять свою аналитическую и прикладную функцию без искажения реальной картины цифровой коммерциализации.

Выводы

Цель данного исследования была направлена на преодоление разрыва между процессной ориентацией оценочной деятельности, когда основное внимание уделяется внедрению технологий, а не их экономическим эффектам, в результате чего связь между цифровизацией и коммерциализацией оставалась недостаточно изученной. Предложенный в работе интегральный индекс цифровой коммерциализации университетов позволяет объединить оценку цифровой инфраструктуры, результаты коммерциализации и рыночную вовлеченность. Научный вклад заключается в разработке интегрального индекса, объединяющего цифровые и экономические показатели, в создании основы для количественного анализа и межуниверситетских сравнений.

Перспективы исследования интегрального индекса цифровой коммерциализации выглядят весьма широкими и многослойными, поскольку сама цифровая коммерциализация находится на стыке экономики, технологий и управления. Значительное направление связано с методологическим совершенствованием самого индекса. Перспективно развитие более точных моделей агрегирования показателей: от простых взвешенных сумм к использованию методов машинного обучения, факторного анализа и многокритериальной оптимизации. Это позволит учитывать нелинейные зависимости между компонентами цифровой коммерциализации и повысить чувствительность индекса к изменениям в цифровой среде.

Актуально углубление структуры показателей. В будущих исследованиях можно расширить индекс за счет включения таких компонентов, как уровень развития цифровых платформ, степень внедрения искусственного интеллекта в бизнес-процессы, цифровая зрелость предприятий, уровень монетизации данных, развитие экосистем электронной коммерции. Это позволит сделать индекс более релевантным современным реалиям цифровой экономики.

Перспективным для исследования нам видится анализ корреляции ИИЦК с производительностью труда, уровнем инновационной активности, экспортом цифровых услуг. Это позволит эмпирически подтвердить значимость цифровой коммерциализации как фактора экономического роста. Важным направлением является учет рисков и ограничений: цифровое неравенство, киберугрозы, институциональные барьеры.

С научной точки зрения ИИЦК способствует развитию исследований в области цифровой и инновационной экономики. Он может использоваться для проверки гипотез о влиянии цифровизации на экономический рост, конкурентоспособность и инновационную активность, тем самым укрепляя связь теории и практики. С прикладной точки зрения индекс выступает как инструмент поддержки управленческих решений на разных уровнях и может применяться в образовательной и аналитической деятельности, облегчая интерпретацию сложных процессов цифровизации и делая их более наглядными через агрегированные показатели и визуализацию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зинов В. Г., Федоров И. С. Трансфер технологий из академического в реальный сектор экономики: барьеры и возможные решения // Экономика науки. 2022. Т. 8. № 3—4. С. 156—173. DOI: 10.22394/2410-132X-2022-8-3-4-156-173.
2. Имангазиева К. Б. Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности на примере средств индивидуализации // Региональная и отраслевая экономика. 2025. № 1. С. 121—126.
3. Александрова А. В., Метляев Д. А., Колотвин В. В. Организационная компетентность университетов в вопросах управления интеллектуальной собственностью и трансфера технологий // Вестник ФИПС. 2025. Т. 4. № 3. С. 222—231.
4. Сеникова А. В. Цифровая трансформация экосистемы коммерциализации наукоемких организаций // Modern Economy Success. 2026. № 1. С. 157—168.
5. Егоров А. Ю., Сурат Л. И. К вопросу о коммерциализации вузовских инноваций // Транспортное дело России. 2010. № 12S. С. 71—74.
6. Чепуренко А., Сутормина А. Предпринимательский университет в России: пересборка? // Общество и экономика. 2024. № 4. С. 82—107. DOI: 10.31857/S0207367624040078.
7. Савченков С. А., Александрова Д. Д. Коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности через создание малых инновационных предприятий в российских университетах // Экономика. Право. Инновации. 2024. № 3. С. 12—18. DOI: 10.17586/2713-1874-2024-3-12-18.
8. Дежина И. Г. Научная кооперация университетов и компаний: мнения преподавателей // Социологические исследования. 2025. № 5. С. 139—149. DOI: 10.31857/S0132162525050124.
9. Дежина И. Г., Нефедова А. И. Оценки влияния санкций на работу высокопродуктивных российских ученых // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 19—31.
10. Шацкая И. В. Цифровая трансформация образовательной экосистемы // Горизонты экономики. 2022. № 6(73). С. 5—10.
11. Nambisan S. Digital innovation and international business // Innovation. 2022. Vol. 24. Iss. 1. Pp. 86—95. DOI: 10.1080/14479338.2020.1834861.
12. Tolin G., Piccaluga A. Commercializing technology from university-industry collaborations: A configurational perspective on organizational factors // Journal of Business Research. 2025. Vol. 188. Art. 115105. DOI: 10.1016/j.jbusres.2024.115105.
13. Аксенова Н. И., Усачева О. В., Черняков М. К. Рейтинговая оценка состояния цифровизации вузов // Образование и наука. 2024. Т. 26. № 7. С. 88—115. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-7-88-115.
14. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university–industry–government relations // Research Policy. 2000. Vol. 29. Iss. 2. Pp. 109—123. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00055-4.
15. Sánchez-García E., Martínez-Falcó J., Marco-Lajara B., Gigauri I. Building the future through digital entrepreneurship and innovation // European Journal of Innovation Management. 2025. Vol. 28. No. 7. Pp. 2873—2908. DOI: 10.1108/EJIM-04-2024-0360.

REFERENCES

1. Zinov V. G., Fedorov I. S. Technology Transfer from Academic to The Real Sector of The Economy: Barriers and Possible Solutions. *Ekonomika nauki = The Economics of Science*. 2022;8(3—4):156—173. (In Russ.) DOI: 10.22394/2410-132X-2022-8-3-4-156-173.
2. Imangazieva K.B. Commercialization of intellectual property objects using the example of means of individualization. *Regional'naya i otraslevaya ekonomika = Regional and sectoral economy*. 2025;1:121—126. (In Russ.).
3. Aleksandrova A. V., Metlyayev D. A., Kolotvin V. V. Organizational competence of universities in managing intellectual property and technology transfer. *Vestnik FIPS = Bulletin of Federal Institute of Industrial Property*. 2025;4(3):222—231. (In Russ.)
4. Sennikova A. V. Digital transformation of the ecosystem of commercialization of high-tech organizations. *Modern Economy Success*. 2026;1:157—168. (In Russ.)
5. Egorov A., Surat L. The commercialization of higher education innovation. *Transportnoe delo Rossii = Transport Business in Russia*. 2010;12S:71—74. (In Russ.).
6. Chepurenko A., Sutormina A. Entrepreneurial university in Russia: a reassembling?. *Obshchestvo i ekonomika*. 2024; 4:82—107. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0207367624040078.
7. Savchenkov S. A., Alexandrova D. D. Commercialization of The Results of Intellectual Activity Through the Creation of Small Innovative Enterprises in Russian Universities. *Ekonomika. Pravo. Innovatsii = Economics. Law. Innovation*. 2024; 3:12—18. (In Russ.) DOI: 10.17586/2713-1874-2024-3-12-18.
8. Dezhina I. G. University-industry research collaboration: faculty perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2025;5:139—149. (In Russ.) DOI: 10.7868/S3034601025050124.
9. Dezhina I. G., Nefedova A. I. The impact of sanctions on highly productive Russian scientists. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2023;12:19—31. (In Russ.)
10. Shatskaya I. V. Digital transformation of the educational ecosystem. *Gorizonty ekonomiki = Horizons of economics*. 2022;6(73):5—10. (In Russ.)
11. Nambisan S. Digital innovation and international business. *Innovation*. 2022;24(1):86—95. DOI: 10.1080/14479338.2020.1834861.
12. Tolin G., Piccaluga A. Commercializing technology from university-industry collaborations: A configurational perspective on organizational factors. *Journal of Business Research*. 2025;188:115105. DOI: 10.1016/j.jbusres.2024.115105.

13. Aksenova N. I., Usacheva O. V., Chernyakov M. K. Comparative assessment of the state of digitalisation in higher education institutions. *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2024;26(7):88—115. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2024-7-88-115.

14. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university–industry–government relations. *Research Policy*. 2000;29(2):109—123. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00055-4.

15. Sánchez-García E., Martínez-Falcó J., Marco-Lajara B., Gigauri I. Building the future through digital entrepreneurship and innovation. *European Journal of Innovation Management*. 2025;28(7):2873—2908. DOI: 10.1108/EJIM-04-2024-0360.

Статья поступила в редакцию 18.06.2026; одобрена после рецензирования 11.07.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was submitted 18.06.2026; approved after reviewing 11.07.2026; accepted for publication 13.07.2026.

Научная статья
УДК 339.138
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1740

Yana Vladimirovna Degtyareva
Candidate of Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Service and Hotel Business,
Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky
Donetsk, Russian Federation
yanaprih@mail.ru

Яна Владимировна Дегтярева
канд. экон. наук, доцент,
заведующий кафедрой сервиса и гостиничного дела,
Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
Донецк, Российская Федерация
yanaprih@mail.ru

СЕРВИСНАЯ АДАПТАЦИЯ В ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию и разработке концептуальной модели сервисной адаптации гостиничного продукта как целостной системы совместного создания ценности в условиях динамичной и нестабильной среды, а также трансформации рынка гостеприимства. В статье проведена систематизация теоретико-методологических подходов к определению понятия «адаптация» в экономической литературе, в т. ч. в маркетинге и сфере услуг, что позволило сформулировать авторскую дефиницию «сервисной адаптации» в индустрии гостеприимства как парадигмы, базирующейся на сервис-доминантной логике и предусматривающей реализацию механизма совместного создания ценности через систему взаимосвязанных проекций, интегрированных в экосистему сервиса предприятия.

Также в статье представлена авторская концептуальная модель сервисной адаптации гостиничного продукта, которая интегрирует три контура измерения (стратегический, интеракционный и процессный) в единую управленческую канву на основе методологии JTBD и инструментария сервис-дизайна. Формирующими показателями выступают: OS-индекс возможностей, TER-индекс качества обслуживания, HSD-индекс качества сервиса. Ключевой особенностью разработанной модели является синхронизация «карты пути клиента»

и «карты сервиса», что позволяет устранить «сервисные разрывы» и сформировать гостиничное предложение в соответствии с ценностно-рациональными ориентирами потребителей. С целью проведения комплексной диагностики стратегических возможностей, операционного исполнения и воспринимаемого эмпирического опыта потребителей в рамках разработанной модели предложен расширенный комплекс маркетинга гостиничных услуг за счет элемента Period («Время»), а также методический подход оценки сервисной адаптации гостиничного продукта через интеграцию трех указанных индексов.

Применение модели и методических подходов в практике деятельности предприятий гостеприимства позволит увязать потребительские ожидания, воспринимаемое качество услуг и обслуживания, а также внутреннюю эффективность сервисной системы в единый управленческий цикл, обеспечивая методологическую основу для сбалансированной сервисной адаптации гостиничного продукта к запросам целевого рынка.

Ключевые слова: сервисная адаптация, индустрия гостеприимства, гостиничный продукт, методология JTBD, сервис-дизайн, комплекс маркетинга гостиничных услуг, OS-индекс, TER-индекс, HSD-индекс, сервисный разрыв, ценностно-рациональные ориентиры потребителей

Для цитирования: Дегтярева Я. В. Сервисная адаптация в индустрии гостеприимства // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 69—78. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1740.

Original article

SERVICE ADAPTATION IN THE HOSPITALITY INDUSTRY

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. This article provides a theoretical foundation and develops a conceptual model for service adaptation of a hotel product as an integrated system for co-creating value in a dynamic and unstable environment, as well as in the transformation of the hospitality market. The article systematizes theoretical and methodological approaches to defining the concept of “adaptation” in economic literature, including in marketing and the service sector. This allows the author to formulate a definition of service adaptation in the hospitality industry as a paradigm based on service-dominant logic and envisioning the implemen-

tation of a mechanism for co-creating value through a system of interconnected projections integrated into the enterprise's service ecosystem.

The article also presents the author's conceptual model of service adaptation of a hotel product, which integrates three measurement loops (strategic, interactional, and process) into a single management framework based on the JTBD methodology and service design tools. The key performance indicators are the OS capability index, the TER service quality index, and the HSD service quality index. A key feature of the developed model is the synchronization

of the “customer journey map” and “service map”, which helps eliminate service gaps and shape the hotel offering in line with value-rational consumer orientations. To conduct a comprehensive assessment of strategic capabilities, operational execution, and perceived consumer experience, the developed model proposes an expanded hotel services marketing mix, including the “Period” element, as well as a methodological approach to assessing the service adaptation of a hotel product through the integration of the three aforementioned indices.

For citation: Degtyareva Y. V. Service adaptation in the hospitality industry. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):69—78. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1740.

Введение

Актуальность. Современные условия развития рынка гостиничных услуг, которые характеризуются высоким уровнем конкуренции, фрагментации и изменчивости потребительских предпочтений, стандартизированный сервис перестает выступать дифференцирующим фактором. Это обуславливает внедрение клиентоориентированного подхода как ключевого драйвера развития и эмпирического маркетинга, фокусирующегося на создании эмоционально вовлекающих и запоминающихся впечатлений, как доминирующей парадигмы в высококонкурентной и дивергентной индустрии гостеприимства. Это, в свою очередь, предопределяет сервисную адаптацию гостиничного продукта к изменяющимся потребностям, ожиданиям и поведенческим паттернам различных сегментов потребителей, предусматривает модификацию его структурных компонентов (операционных, инфраструктурных, кадровых и т. д.) с целью формирования уникального эмпирического опыта клиентов и укрепления конкурентных позиций на рынке гостиничных услуг.

Изученность проблемы. Современные исследования свидетельствуют о динамичном развитии и трансформации рынка туризма и гостеприимства. В этих условиях сервисная адаптация становится основополагающим фактором конкурентоспособности гостиничных предприятий, что подтверждается и практическими данными — предприятия, внедрившие адаптивные сервисные модели, демонстрируют более высокий уровень потребительской лояльности в сравнении с предприятиями, которые использовали унифицированные стандарты и регламенты обслуживания. Однако концептуальное осмысление категории «сервисной адаптации» в научной литературе выступает фрагментарным и характеризуется отсутствием теоретической базы, а в части интерпретации дефиниции применительно к индустрии гостеприимства — практической дефицитностью и недостаточной разработанностью с позиции комплексного и системного подходов.

Вопросам изучения «адаптации» посвящено немало работ, только в базе данных *eLibrary* индексируется 57 807 научных публикаций, рассматриваемых адаптацию как в теоретико-методологическом, так и в прикладном аспектах.

В толковании сущности понятия «адаптация» как явления, процесса и механизма, рассматривая множество подходов отечественных и зарубежных исследователей, обозначили свои позиции такие ученые, как Н. В. Коваленко и Н. В. Гонтova [1], А. А. Скорик [2], А. А. Суханов [3]. Тем не менее единая и общепризнанная дефиниция среди авторов отсутствует, а в их трактовках сохраняются различия

Application of the model and methodological approaches in hospitality businesses will allow for the integrating of consumer expectations, perceived service quality, and the internal effectiveness of the service system into a single management cycle, providing a methodological basis for the balanced service adaptation of a hotel product to the needs of the target market.

Keywords: service adaptation, hospitality industry, hotel product, JTBD methodology, service design, hotel services marketing mix, OS index, TER index, HSD index, service gap, value-rational consumer orientations

в определении границ и механизмов реализации, что обусловлено междисциплинарным характером термина и его концептуальной эволюцией.

Многообразие дефиниций обусловлено, в числе прочего, спецификой отраслевых интерпретаций на различных уровнях. Так, на макроуровне «адаптация» часто отождествляется с процессом приспособления к внешним воздействиям: кризисам, технологическим революциям, финансовым дисбалансам, изменениям во внешней политике; на микроуровне и в теории управления — «адаптация» трактуется как комплекс мер по корректировке производственной программы, ценовой политики, логистических цепочек и организационной структуры в условиях изменения спроса, технологий или регуляторных требований, где акцент делается на создании новых рыночных возможностей. В данном ключе понятие «рыночная адаптация» рассматривается в трудах И. В. Гребенкина [4], М. Т. Мильдзихова [5], Э. В. Пешинной [6], что предопределяет разработку и обоснование применения специфических стратегий и бизнес-моделей как способа и инструмента приспособления к изменчивой рыночной среде.

Также в научных экономических публикациях представлена широкая классификация видов адаптации, что подтверждает неоднозначность применения термина. Например, по характеру субъекта рассматривается адаптация на уровне индивида, фирмы, бизнеса, отрасли, национальной экономики и глобальной системы; по характеру объекта — адаптация товара, технологии, бизнес-процессов, деятельности предприятия, персонала и т. п.; по характеру процесса — пассивная и активная адаптация; по глубине — стратегическая, тактическая и операционная; по механизму — институциональная, технологическая, проектная, организационная и т. д.; по сфере — экономическая, социальная, культурная, экологическая и пр.

Обобщая исследования в сфере маркетинга, можно выделить четыре основных подхода к трактовке понятия «адаптация»: процессный, структурный, поведенческий и стратегический.

С позиции процессного подхода в работе Г. В. Михеева и Е. А. Деркачевой [7] адаптация определяется как непрерывный управленческий процесс корректировки внутренних бизнес-процессов и подсистем в ответ на динамические изменения конкурентной среды, а ключевой характеристикой адаптации как процесса выступает высокий уровень конкурентоспособности [7, с. 186—188]. В этом контексте процессная адаптация представляет собой форму управленческой деятельности, реализуемую посредством алгоритма приведения системы управления предприятием в соответствие с состоянием внешней и внутренней среды для обеспечения конкурентных преимуществ на рынке.

С точки зрения Э. Ф. Хандамовой, М. Б. Щепаккиной, В. А. Губина и Е. О. Глазыриной [8], адаптация рассматривается как системная реструктуризация «маркетингово-коммуникационных полей» и бизнес-процессов, обеспечивающая соответствие рыночного предложения в условиях структурной модернизации экономики. При этом адаптация в рамках структурного подхода реализуется через модификацию трех элементов: качество (уровень маркетингового потенциала и степень применения комплекса маркетинга), количество (уровень маркетинговой активности) и время (скорость маркетинговых изменений и адекватность реакции на изменения конкурентной среды) [8, с. 551]. Ключевым объектом при этом выступает бренд предприятия как «производная» маркетинговой активности, а его структурная адаптация предполагает перестройку атрибутов, параметров и репутационного капитала в соответствии с требованиями рынка с целью обеспечения баланса финансовых результатов и потребностей целевой аудитории [8, с. 555—558]. Таким образом, структурную адаптацию можно определить как модель «...создания новых потребительских ценностей через активизацию нужного набора маркетинговых инструментов, трансформацию бизнес-процессов в интересах повышения доверия потребителей и партнеров к бренду предприятия» в соответствии с тенденциями рыночных изменений» [8, с. 566].

С позиции поведенческого подхода, представленного в работе М. Б. Щепаккиной, А. В. Губина и А. Мохаммади Шоайб [9], авторы определяют «адаптацию» как механизм формирования новых «коммуникационно-поведенческих бизнес-конструктов» и достижения динамичного консенсуса, в котором маркетинговые инструменты, включая диджитал-инструменты, обеспечивают синхронизацию внутренних интересов хозяйствующих субъектов с динамикой внешней среды с целью обеспечения устойчивого экономического роста. При этом основополагающим элементом выступает управление качеством коммуникационных сигналов, а синтез «разнополярных модуляционных сигналов» в единый маркетингово-поведенческий контур позволяет предприятию не только реагировать на внешние вызовы, но и активно формировать новые модели потребительского поведения [9]. Эта точка зрения позволяет определить поведенческую адаптацию как механизм «маршрутизации коммуникационного взаимодействия», где целью является приспособление к условиям рынка и институциональное закрепление новых поведенческих паттернов, способствующих социально-экономической стабильности и укреплению конкурентных позиций субъектов предпринимательской деятельности.

Г. А. Дамашенко и О. М. Кирилюк [10] трактуют «адаптацию» с позиции стратегического подхода как способность организации к упреждающему реагированию на неопределенность и нестабильность внешней среды, предусматривающую целенаправленный процесс реконфигурации ресурсов и компетенций для обеспечения долгосрочного выживания и формирования устойчивых конкурентных преимуществ. Данный подход смещает акцент на построение системы «стратегической гибкости», в структуре которой авторы выделяют пять взаимосвязанных компонентов, формирующих адаптационный потенциал компании: стратегическую чувствительность, организационное обучение, коллективную мобильность ресурсов и сетевую координацию [10]. Таким образом, стратегическая адапта-

ция представляет комплексную модель поддержания жизнеспособности бизнеса в условиях глобальных вызовов и формирования будущих рыночных трендов на основе сценарного управленческого мышления.

Следует отметить, что каждый из представленных подходов фокусирует внимание на различных аспектах: от корректировки бизнес-процессов до формирования стратегической гибкости и реконфигурации ресурсов. Однако их прямая экстраполяция на сферу услуг усложняется в силу специфики сервисного производства, для которого характерна неотделимость услуги от ее источника, гетерогенность качества обслуживания и непосредственное участие потребителя в процессе оказания услуги.

Обобщая результаты проведенных исследований Н. Ю. Возияновой и А. А. Азарян [11], Ф. А. Куцуловой [12], А. А. Геращенко [13], можно констатировать, что адаптация в сфере услуг представляет собой непрерывный, динамичный процесс стратегического приспособления хозяйствующего субъекта к условиям высококонкурентной и нестабильной рыночной среды, под которым следует понимать сложную многофакторную деятельность, направленную на корректировку моделей функционирования предприятия, в т. ч. организационной структуры, культуры управления и обслуживания, и формирования сервисного предложения, предполагающего минимизацию транзакционных издержек и максимизацию транзакционной ценности в условиях ограниченной рациональности участников рынка.

Специфические особенности сервисной деятельности, определяющие характер адаптационных процессов, включают следующие аспекты:

1. *Институциональная детерминированность и ограниченная рациональность*: адаптация не сводится к исключительно к операционным изменениям, а включает институциональное проектирование, направленное на минимизацию информационных разрывов и укрепление взаимных ожиданий сторон [11, с. 150—154].

2. *Информационно-маркетинговое обеспечение как базис трансформационных процессов*: анализ конкурентной среды и проведение форсайт-исследований становится обязательным условием для выявления новых рыночных возможностей, оценки динамики спроса и своевременной корректировки сервисных предложений [11, с. 157; 12, с. 251].

3. *Переход от «добавления стоимости» к «созданию ценности»*: адаптационные усилия должны быть направлены на создание индивидуальных, контекстно-зависимых решений, ориентированных на долгосрочную ценность для потребителя, а не на стандартизированное приращение функциональных свойств [12, с. 973—974; 13, с. 967—969].

4. *Использование информационно-коммуникационных технологий как драйвера адаптации*: информационные технологии выступают не вспомогательным элементом, а системообразующим фактором адаптационного процесса, обеспечивающим гибкость, скорость реакции и способность к непрерывному обучению организации в нелинейной рыночной среде [11, с. 154].

Существенным методологическим аспектом при этом является разграничение понятий «адаптация» и «адаптивность». По мнению Т. В. Казаковой и Л. А. Горшковой [14], Е. В. Калыгиной и В. С. Ефремова [15], адаптация — это конкретный процесс или действие, а адаптивность представляет собой потенциальную способность предприятия к преобразованиям и изменениям.

О. В. Макеева [16], дифференцируя данные понятия, выделяет два вектора в деятельности предприятия — адаптивный и адаптирующий.

Таким образом, адаптация в сервисе характеризуется многоуровневостью, поскольку включает изменения институциональных норм и стандартов, приспособление маркетинговых инструментов, трансформацию ценностного предложения и технологическую модернизацию. В следствие этого адаптация должна интегрировать всю совокупность компонентов, формирующих сервисное предложение, обеспечивая согласованное взаимодействие и синергию между уровнем информационной прозрачности, клиентоориентированным проектированием и инфраструктурой цифровых платформ для поддержания высокого качества клиентского опыта.

В этом контексте понятие «адаптация» в гостеприимстве как секторе сферы услуг, также приобретает специфическое содержание, отличное от его трактовки в социально-экономических науках. Анализ трудов С. А. Голубцова [17] и А. А. Черкасова [18] позволил выделить следующие отличительные особенности «адаптации» в индустрии гостеприимства: в основе предложения лежит гостиничный продукт как набор услуг и впечатлений, формирующий потребительский опыт в каждой точке взаимодействия; ключевыми принципами гостиничного сервиса выступают ориентация на потребителя и персонализация; рынок гостеприимства характеризуется перманентной волатильностью и высоким уровнем неопределенности внешней среды; отрасль подвержена интенсивному воздействию технологических и процессных инноваций; гостиничная деятельность детерминирована выраженной сезонностью и цикличностью спроса, высокой степенью регуляторного давления; результат операционной деятельности напрямую коррелирует с уровнем качества сервиса и обслуживания, степенью удовлетворенности и лояльности клиентов, которые характеризуются культурной, антропологической неоднородностью и т. д.

Целесообразность разработки темы. Таким образом, адаптация в индустрии гостеприимства — это парадигма, сформировавшаяся под влиянием сервис-доминантной логики, предусматривающая реализацию механизма совместного создания ценности, базирующегося на системе взаимосвязанных проекций (инфраструктурной, технологической, операционной, кадровой, нормативной и т. д.), каждая из которых предусматривает специфический набор управленческих и маркетинговых инструментов, интегрированных в экосистему сервиса предприятия. Изменение контекста любого элемента экосистемы инициирует синхронную корректировку всех составляющих модели, что предопределяет необходимость введения понятия «сервисной адаптации» в условиях динамичной трансформации рынка гостеприимства, роста потребительских ожиданий относительно персонализации обслуживания и создания уникального эмпирического опыта взаимодействия.

Критический обзор литературы позволил сделать вывод о наличии дефицита комплексных исследований, рассматривающих «сервисную адаптацию» как целостную и комплексную систему создания ценностного предложения и процесса гибкого его приспособления к нелинейной рыночной среде. Существующие дефиниции носят в большей степени универсальный характер, игнорируя отраслевую специфику гостеприимства, и ограничиваются узким спектром управленческих решений.

Традиционные подходы к управлению гостиничным продуктом, ориентированные на отдельные операционные процессы, утрачивают эффективность, а его адаптация в условиях трансформации и нестабильности внешней среды — больше сводится к разработке адаптационных стратегий, использующих ограниченный набор инструментов. В этих условиях становится необходимым поиск новых эффективных инструментов управления для создания ценностного предложения в соответствии изменяющимися условиями рыночной среды. В качестве таких инструментов на современном этапе С. А. Боголюбова и В. Р. Обрезкова [19], А. Н. Германчук и Я. В. Дегтярева [20] выделяют сервис-дизайн; В. О. Микрюков, М. М. Восканян и С. Э. Галаванова [21] — комплекс маркетинга и методологию *Jobs To Be Done* (далее — *JTBD*); Дж. Калбах рассматривает указанные инструменты в синхронизации, выделяя дополнительные инструменты визуализации (карты возможностей, пути клиента и сервиса) [22]. Данный аспект обуславливает теоретическую и практическую значимость исследования, а также его цель и основные задачи.

Целью исследования является теоретическое обоснование и разработка концептуальной модели сервисной адаптации гостиничного продукта как целостной системы совместного создания ценности в условиях динамичной трансформации рынка гостеприимства.

Основными **задачами** для достижения поставленной цели выступили:

- систематизировать теоретико-методологические подходы к определению понятия «адаптация» в сфере услуг и обосновать дефиницию применительно к индустрии гостеприимства;
- разработать концептуальную модель сервисной адаптации гостиничного продукта на основе методологии *JTBD*, сервис-дизайна и расширенного комплекса маркетинга;
- сформировать методический инструментарий оценки уровня сервисной адаптации через интеграцию *OS*-, *TER*- и *HSD*-индексов с целью обеспечения соответствия параметров гостиничного предложения ценностно-рациональным ориентирам потребителей.

Научная новизна заключается в обосновании понятия «сервисной адаптации» в индустрии гостеприимства, которое, в отличие от существующих трактовок, учитывает отраслевую специфику гостиничного продукта и предусматривает реализацию механизма совместного создания ценности.

Также в работе представлена авторская концептуальная модель сервисной адаптации гостиничного продукта как целостная система, интегрирующая стратегический (потенциал возможностей), интеракционный (качество обслуживания) и процессный (качество сервиса) контуры измерения в единый управленческий цикл, в которой в отличие от существующих подходов, рассматривающих адаптацию применительно к отдельным элементам экосистемы предприятия, применяется методология *JTBD* в сочетании с инструментарием сервис-дизайна.

Расширение классического комплекса маркетинга услуг *7P* за счет включения элемента *Period* («Время»), отражающего специфику гостиничного услуг, которые характеризуются синхронностью процессов производства и потребления.

Теоретическая значимость исследования. Термин «сервисная адаптация» в индустрии гостеприимства часто используется как синоним смежных понятий, например,

таких как гибкость или адаптивность, без четкого разграничения конструкторов, которые могут объединять различные процессы и явления — от изменения регламента работы до полного реинжиниринга бизнес-процессов. Помимо этого, адаптация часто рассматривается применительно к отдельным элементам экосистемы — инфраструктуре, персоналу, бизнес-процессам и т. п. Такая терминологическая размытость затрудняет формирование единой теоретической базы в рамках отрасли. При этом количество публикаций, посвященных практикам адаптивного сервиса в средствах размещения, неуклонно растет, что подчеркивает асимметрию между прикладными разработками и фундаментальной теорией. Предлагаемое в статье определение «сервисной адаптации» позволяет устранить фрагментарность и разрозненность существующих трактовок, а также сформировать понятийно-категориальный аппарат и методологический базис сервисной адаптации гостиничного продукта.

Практическая значимость исследования. Разработанная модель сервисной адаптации формирует концептуальную основу для разработки прикладных инструментов и программ, обеспечивающих эффективность бизнес-процессов и стратегий управления эмпирическим опытом взаимодействия с гостиничным продуктом с целью достижения устойчивых конкурентных преимуществ на рынке. Предложенный в рамках модели методический подход оценки сервисной адаптации гостиничного продукта, базирующийся на расчете показателя через интеграцию *OS*-, *TER*- и *HSD*-индексов, позволяет комплексно диагностировать синхронизацию стратегических возможностей, операционного исполнения и воспринимаемого эмпирического опыта потребителей в условиях динамически меняющейся внешней среды.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Теоретической и методической базой исследования выступили основные положения и материалы по теории адаптации, сервис-доминантной логике, концепции сервис-дизайна, методологии *JTBD*, научные публикации отечественных и зарубежных ученых в сфере поведенческой экономики, маркетинга услуг, управления клиентским опытом, менеджмента в индустрии гостеприимства. При проведении исследования использовался комплекс общенаучных и специальных методов, а именно: теоретическое обобщение, сравнительный анализ, системно-структурный анализ, моделирование, а также аддитивно-мультипликативная свертка и экономико-математический и статистический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Понятие «адаптация» (от лат. *adaptatio*) означает приспособление, что отражает его содержание как процесса и как результата. Анализ определений, представленных авторами из различных научных сфер, демонстрирует, что «адаптация» рассматривается как ключевая функция, которая обеспечивает развитие любой хозяйственной системы через согласование интересов экономического субъекта и рыночной среды.

При этом наиболее эффективным подходом является комбинация двух векторов деятельности — адаптивного и адаптирующего. Адаптивный (реактивный) — ориентирован на проведение форсайт-исследований и корректировку бизнес-процессов в соответствии с требованиями и запросами внешней среды, а также внутренних резервов и ресурсов. Суть адаптирующего (активного) сводится

к целенаправленному воздействию на окружение, модификацию внешних условий посредством создания новых потребительских предпочтений, формирования положительного имиджа бренда, продукта и клиентского опыта. Оптимальное соотношение этих направлений является важнейшим условием успешной адаптации экономической системы [16, с. 19]

Сервисная логика трактовки понятия интерпретирует «адаптацию» как метод, посредством которого процессы, организационную систему или поведенческую модель приспособляют к новым условиям, особенностям или задачам с целью оптимизации функционирования объекта в условиях нестабильного внешнего окружения, а также обеспечения его соответствия потребностям и запросам рынка. Следовательно, в контексте сервисной деятельности адаптация обеспечивает сохранение объектом своей функциональности и актуальности при изменении параметров внешней среды.

В последнее время в индустрии гостеприимства наблюдается растущее значение сервис-дизайна как комплексного подхода к адаптации сервисной системы, включающей бизнес-модели, бизнес-процессы компании и клиентский опыт, с целью приведения в соответствие с требованиями рынка и достижения баланса между потребностями клиентов и интересов стейкхолдеров [19, с. 27].

В индустрии гостеприимства сервис-дизайн целесообразно рассматривать как «...целостный, совместнотворческий и ориентированный на клиента подход к проектированию процесса обслуживания для создания или улучшения услуг с обеспечением максимально возможной ценности опыта клиента». В основе сервис-дизайна положено сочетание бизнес-мышления и дизайн-мышления, что обеспечивает формирование ценностных предложений, сбалансированных в соответствии с запросами клиентов и требованиями бизнеса [20, с. 59].

В соответствии с этим «адаптация» приобретает характер проактивного проектирования гибкости, встроенной в саму архитектуру ценностного предложения, что предполагает рассмотрения ее как части сервис-дизайна и как механизма совместного создания ценностного предложения, связывающего эмпирический опыт взаимодействия потребителя с брендом и операционные возможности предприятия.

В контексте сервис-дизайна методологическим основанием «сервисной адаптации» выступают положения теории *JTBD*, позволяющей декомпозировать потребительское поведение через различные функциональные и эмоциональные задачи, которые потребитель не просто покупает, а «нанимает», чтобы товар, услуга или сервис удовлетворили его потребность [21, с. 117].

В сфере гостеприимства, где продукт представляет собой сложную комбинацию осязаемых и неосязаемых компонентов, интегрированных в единый процесс обслуживания, применение *JTBD*-методологии приобретает специфическую особенность, предполагающей введения динамической модели персонализации, разграничения основных, вспомогательных и сопутствующих работ в зависимости от контекста потребления, учета множественных задач и работ в рамках одного сервисного взаимодействия, идентификации нереализованных потребностей и неудовлетворенных работ, переориентации маркетингового комплекса с атрибутивных характеристик на обещание конкретного функционального результата. Также следует отметить,

что интеграция *JTBD* в сервис-дизайн гостеприимства представляет собой не просто аналитический инструмент, а служит стратегической рамкой, которая переориентирует операционную деятельность гостиничного предприятия с «продажи средства временного размещения» на «решение задач гостя».

Алгоритм *JTBD* в контексте сервисной адаптации гостиничного продукта включает: определение целевой аудитории; определение триггеров целевого сегмента; определение целей, задач и проблем, которые хотят решить клиенты; определение набора маркетинговых элементов, формирующих желаемый результат; определение «ландшафта возможностей» целевого сегмента.

Практическая имплементация *JTBD* в гостеприимстве предполагает проведение глубинных интервью с гостями, направленных на выявление «моментов истины», что позволяет дифференцировать целевую аудиторию по паттернам выполнения работ, а также сместить фокус атрибутов маркетингового предложения с их статичного перечисления на демонстрацию ценности и результата в контексте конкретной ситуации потребления.

В гостиничном секторе основная работа гостя не ограничивается базовым продуктом и дополнительными услугами. Если рассматривать «...гостиничный продукт как совокупность материальных, технических, человеческих, информационных, временных и других факторов деятельности гостиницы по предоставлению клиентам благ, обладающих определенными потребительскими свойствами и способных удовлетворять их потребности» [23, с. 777], то традиционный маркетинговый комплекс услуг требует пересмотра, поскольку каждый элемент должен быть переориентирован с атрибутивной характеристики на функциональное обязательство выполнения конкретных работ.

Применительно к гостиничным услугам классический комплекс маркетинга *7P* целесообразно расширить за счет элемента, отражающего временные параметры создания и потребления услуги. Таким образом, комплекс маркетинга в индустрии гостеприимства логично рассматривать в рамках структуры *8P*: *Product portfolio* («Продуктовый портфель»); *Prices/Fees* («Цена/Тариф»); *Place/Distribution* («Место/Дистрибуция»); *Promotion* («Продвижение»); *People* («Персонал»); *Process* («Процесс»); *Physical evidence* («Физическое окружение»); *Period* («Время»).

Приоритеты клиентов в отношении желаемого результата определяются двумя параметрами: уровнем важности атрибута и уровнем ожидаемой удовлетворенности, связанной с выполнением работы. Для оценки этих параметров целесообразно использовать технику Т. Ульвика, основанную на опросе целевого сегмента. Процедура предполагает формулировку утверждений о желаемых исходах, которые рассматриваются как индикаторы успешного завершения работы. Каждый из исходов оценивается респондентами по шкалам важности и ожидаемой удовлетворенности, на основе которых вычисляется *OS*-индекс (индекс возможности) [22, с. 142].

Результаты проведенных исследований позволяют определить так называемый «ландшафт возможностей», позволяя предприятию сфокусироваться на тех областях, где существует наибольший потенциал создания ценности для клиентов. «Ландшафт возможностей» — это ментальная модель графической визуализации значимости элементов и атрибутов гостиничного продукта в опре-

деленном контексте или ситуации потребления по параметрам важности и удовлетворенности. Высокая степень важности и низкий уровень удовлетворенности характеризуют зону потребительского дефицита и соответственно потенциал создания ценностного предложения для обеспечения конкурентных преимуществ на целевом рынке.

Ключевыми точками взаимодействия в процессе реализации сервисного предложения целесообразно рассматривать пять точек контакта, определенных стандартом *ISO 22458:2022*: до прибытия (бронирование, коммуникации), прибытие (встреча, регистрация), проживание (обслуживание в номере, питание, дополнительные услуги), отъезд (выписка, расчет), после отъезда (обратная связь, программы лояльности, повторные коммуникации). Именно эти точки формируют восприятие качества гостиничного продукта в процессе обслуживания и определяют совокупный эмпирический опыт потребителя.

В данном контексте основополагающим выступает синхронизация «карты пути клиента» и «карты сервиса», что позволяет объединить потребительскую и сервисную стороны формирования эмпирического опыта. «Карта пути клиента» позволяет анализировать этапы взаимодействия потребителя с гостиничным продуктом, а «карта сервиса» раскрывает действия персонала и процессы, обеспечивающие предоставление гостиничного продукта.

Оценку сервисной системы гостиничного продукта рекомендуется проводить в разрезе двух параметров: качество обслуживания и качество сервиса. Данные понятия тесно связанные, но не тождественные, поскольку качество обслуживания — это то, что видит и чувствует гость в процессе взаимодействия, а качество сервиса — это процессы, выстраивающие взаимодействие. Ключевыми показателями при этом выступают:

1. *TER*-индекс (*Temkin Experience Ratings*), позволяющий измерить качество обслуживания на основе оценки трех компонентов взаимодействия с каждым гостем: успеха, усилия, эмоций. Данный показатель фокусируется на трехмерной модели, в которой успех рассматривается как степень достижения клиентом своих целей и соответствия полученного результата ожиданиям, усилие — как степень сложности достижения целей и барьер преодоления для получения услуг, эмоции — как чувства, испытываемые клиентами в процессе получения услуг, и субъективная реакция, способных влиять на повторный выбор, лояльность и приверженность бренду.

2. *HSD*-индекс, позволяющий измерить качество сервиса на основе оценки процессов: *Soft*-сервиса, основанного на межличностных взаимодействиях, эмпатии и персонализированном подходе к клиенту; *Hard*-сервиса, сфокусированного на бизнес-процессах и эффективности внутренних операций; *Digital*-сервиса, базирующегося на цифровых решениях, направленных на повышение удобства и скорости взаимодействия гостя с предприятием. Осуществление трехмерной оценки позволяет комплексно диагностировать уровень сервисной деятельности предприятия, выявляя зоны дисбаланса между человеческим фактором, операционной эффективностью и технологической инфраструктурой.

Разница нормированных показателей качества сервиса и качества обслуживания характеризует зоны «сервисных разрывов» (Gap_s): при $Gap_s < 0$ качество сервиса ниже качества обслуживания, что соответствует зоне

«неиспользованного потенциала процессов»; если $Gap_s > 0$ — это свидетельствует о необходимости улучшения качества обслуживания и соответствует зоне «интеракционного дефицита».

Таким образом, целевая функция сервисной адаптации с учетом перевода в нормированную шкалу включает: потенциал улучшения атрибутов, определяемый OS -индексом; качество обслуживания, измеряемое TER -индексом, и качество сервисной системы, измеряемое HSD -индексом, в каждой точке взаимодействия. Так как данные параметры отражают различные плоскости сервисной деятельности — стратегическую, интеракционную и процессную, — то их интеграция осуществляется через аддитивно-мультипликативную свертку с весовыми коэффициентами, установленных эмпирически либо экспертным методом (например, при помощи матрицы парных сравнений Т. Саати). В этом случае интегральный показатель сервисной адаптации (SAI) имеет вид:

$$SAI = \omega OS \times OS_{norm} + \omega TER \times TER_{norm} + \omega HSD \times HSD_{norm}.$$

Для диагностики дисбалансов и зон кумулятивного отставания целесообразно проводить декомпозицию SAI на субиндексы по точкам сервисного взаимодействия. Для каждой точки t из множества $T = \{1, 2, 3, 4, 5\}$ субиндекс SAI_t рассчитывается по формуле:

$$SAI_t = \omega OS \times OS_{norm,t} + \omega TER \times TER_{norm,t} + \omega HSD \times HSD_{norm,t},$$

где ωOS , ωTER , ωHSD — весовые коэффициенты, удовлетворяющие условию нормирования $\omega OS + \omega TER + \omega HSD = 1$; $OS_{norm,t}$, $TER_{norm,t}$, $HSD_{norm,t}$ — нормированные параметры в пределах t -точки взаимодействия.

Комплексный показатель SAI_k рассчитывается как взвешенное среднее значение субиндексов по всем точкам взаимодействия (стандартно 5 точек):

$$SAI_k = \sum_{t=1}^5 \lambda_t \times SAI_t,$$

где λ_t — вес t -точки взаимодействия, удовлетворяющий условию нормирования $\sum \lambda_t = 1$.

Определение весовых коэффициентов λ_t производится экспертным методом на основе анализа вклада каждого этапа в общую ценность сервисного взаимодействия.

Декомпозиция SAI_k на субиндексы позволяет количественно идентифицировать зоны кумулятивного отставания. Так, если для некоторой точки взаимодействия t выполняется неравенство:

$$SAI_t < SAI_k - \sigma,$$

где σ — стандартное отклонение субиндексов, рассчитываемое как:

$$\sigma = \{[1/(M-1)] \times \sum t \times (SAI_t - \bar{SAI})^2\}^{0.5},$$

то точка t признается критической и подлежит приоритетному анализу и пересмотру.

Результаты проведенной оценки показателя сервисной адаптации позволяют формировать динамический контур управления для обеспечения соответствия параметров гостиничного предложения ценностно-рациональным ориентирам потребителей.

Если целевой показатель соответствует уровню 0,75 и выше (по шкале $[0; 1]$), то предприятие можно охарактеризовать как «адаптивного лидера», т. е. его сервисная система демонстрирует высокий уровень синхронизации стратегических возможностей, операционного исполнения и воспринимаемого эмпирического опыта. Такие предприятия обладают упреждающей реконфигурацией сервисных процессов, а стратегическим ориентиром выступает удержание достигнутого уровня качества обслуживания и сервиса.

Если значение показателя соответствует диапазону 0,50—0,74, то предприятие для предприятия характерна позиция «управляемой адаптации», означающей о наличии устойчивого стратегического потенциала и приемлемого качества взаимодействия, но с разрывами между ожиданиями клиентов и состоянием фактического сервисного процесса. Стратегическим ориентиром для данных предприятий выступает первоочередное устранение «узких мест» и возможной оптимизации процессной архитектуры.

Значение показателя ниже 0,50 свидетельствует о дисбалансе во всех трех контурах измерения. Предприятия, попавшие в эту зону, характеризуются фрагментарностью сервисного предложения, достаточно низкой компетентностью персонала и практическим отсутствием стратегической ориентации на потребности целевого рынка. В соответствии с методологией *JTBD* это говорит о несоответствии между «работой», которую клиент пытается выполнить, и атрибутами гостиничного продукта. Такая ситуация требует немедленного пересмотра сервисной модели, в т. ч. пересмотра целевого рынка, редизайна точек взаимодействия, переобучения персонала и модификации технологической платформы обслуживания.

В обобщенном виде авторская концептуальная модель сервисной адаптации гостиничного продукта представлена на рисунке. Модель демонстрирует интеграцию трех ключевых параметров, позволяя увязывать в единый контур потребительские ожидания, воспринимаемое качество обслуживания и внутреннюю эффективность сервисной системы, а также динамичные требования рынка с ценностно-рациональными ориентирами потребителей.

Заключение

Результаты поведенных исследований позволили сформулировать авторскую дефиницию «сервисной адаптации» в индустрии гостеприимства как парадигмы, базирующейся на сервис-доминантной логике и предусматривающей реализацию механизма совместного создания ценности через систему взаимосвязанных проекций, интегрированных в экосистему сервиса предприятия.

Также систематизация материалов исследования позволила разграничить понятия «адаптация» (как процесс) и «адаптивность» (как потенциальная способность предприятия к преобразованиям).

Это послужило основой разработки концептуальной модели сервисной адаптации гостиничного продукта в условиях динамичных изменений рынка гостиничных услуг. Представленная модель — это авторский подход к оценке сервисной адаптации, базирующийся на методологии *JTBD* и концепции сервис-дизайна. Ключевой особенностью модели выступает практическая применимость, возможность согласования потребительских ожиданий, уровня предоставляемого качества обслуживания и сервиса, что позволяет разрабатывать эффективные программы повышения конкурентоспособности на основе устранения «сервисных разрывов».

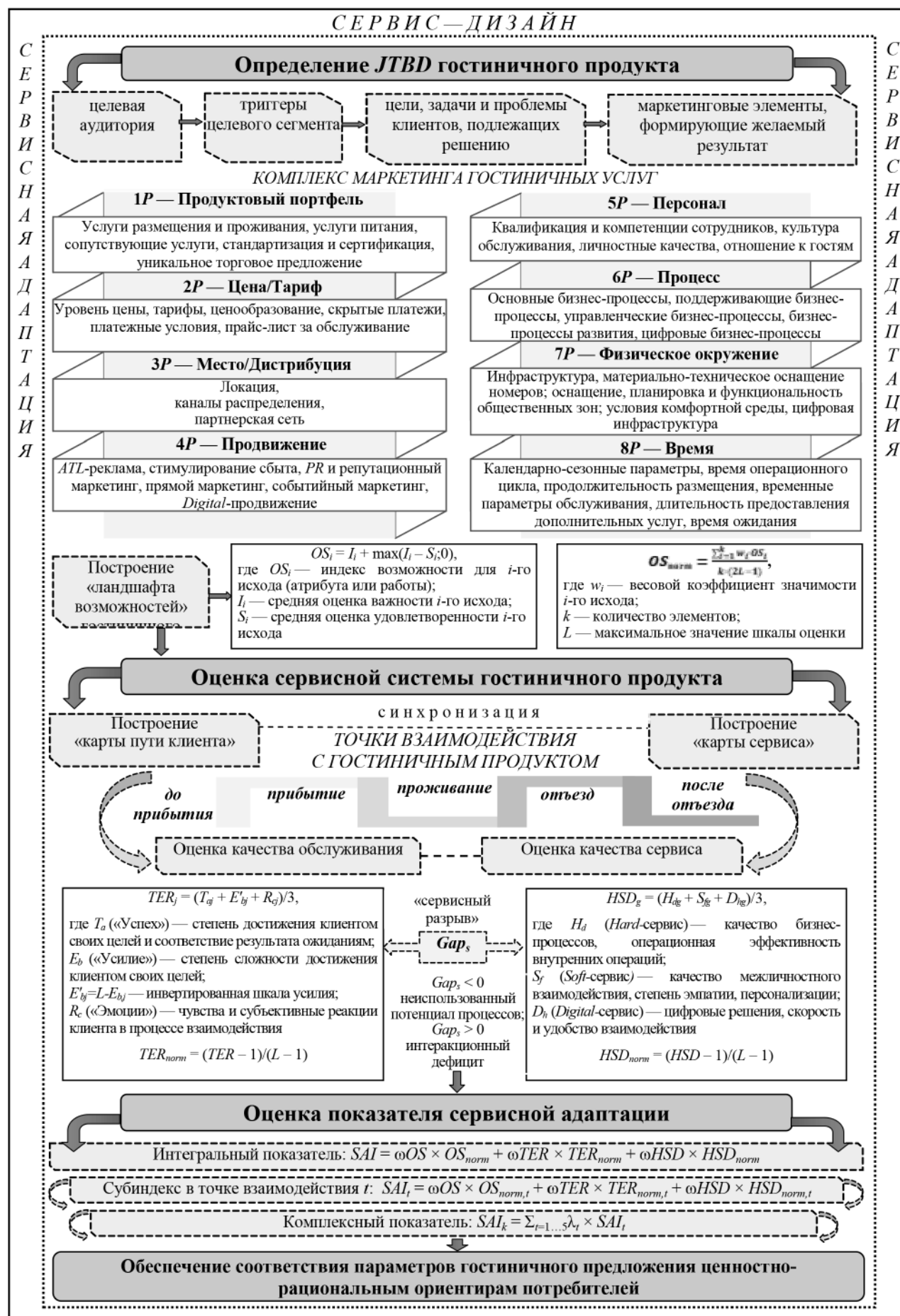

Рис. Концептуальная модель сервисной адаптации гостиничного продукта

Предложенный в рамках модели интегральный показатель сервисной адаптации представляет собой инструмент диагностики и интегрирует три контура измерения (стратегический, интеракционный и процессный) в единую управленческую канву. Формирующими показателями выступают: *OS*-индекс возможностей, *TER*-индекс качества обслуживания, *HSD*-индекс качества сервиса. Ключевой особенностью разработанной модели является синхронизация «карты пути клиента» и «карты сервиса», что позволяет устранить «сервисные разры-

вы» и сформировать гостиничное предложение в соответствии с ценностно-рациональными ориентирами потребителей.

Учитывая универсальность предложенной модели, перспективы дальнейших исследований будут связаны с диагностикой сервисной адаптации гостиничных предприятий различных категорий и сегментов рынка, что позволит интегрировать теоретико-методологический базис модели с эмпирическими данными, что позволит сформировать адаптивный потенциал предприятий сферы гостиничных услуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коваленко Н. В., Гонтова Н. В. Сущность понятия «адаптация» в контексте инновационного развития предприятия // *Економічний вісник Донбасу*. 2012. № 2(28). С. 147—154. (На укр. яз.)
2. Скорик А. А. Теоретические подходы к раскрытию сущности процесса адаптации предприятия к изменяющимся условиям внешней среды // *Цифровая экономика и управление знаниями: проблемы и перспективы развития* : сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. Киров, 2022. С. 113—116.
3. Суханов А. А. Понятие адаптации: два дискуссионных вопроса // *Гуманитарный вектор*. 2015. № 1(41). С. 104—110.
4. Гребенкин И. В. Моделирование стратегии рыночной адаптации промышленных предприятий // *Журнал экономической теории*. 2016. № 2. С. 72—80.
5. Мильдзихов М. Т. Рыночная адаптация предприятий — производителей товаров народного потребления в условиях нестабильной конъюнктуры // *Проблемы современной экономики*. 2011. № 4(40). С. 478—481.
6. Рыночная адаптация предприятий коллективных средств размещения в сфере туризма / под ред. Э. В. Пешинной. Екатеринбург : Изд-во Ур. гос. экон. ун-та, 2006. 311 с.
7. Михеев Г. В., Деркачева Е. А. Сектор FMCG: управление развитием и маркетинговая адаптация // *Научные труды КубГТУ*. 2016. № 13. С. 179—192.
8. Хандамова Э. Ф., Щепакин М. Б., Губин В. А., Глазырина Е. О. Управление маркетинговой адаптацией бренда предприятия в условиях структурной модернизации экономики // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 3. С. 549—574. DOI: 10.18334/ep.10.3.41576.
9. Щепакин М. Б., Губин В. А., Мохаммади Шоайб А. Коммуникационно-поведенческий аспект адаптационного управления субъектами бизнеса в условиях мобилизационной экономики // *Коммуникационные процессы: теория и практика* : сб. материалов XIX междунар. науч.-практ. оч.-заоч. конф. Краснодар : КубГТУ, 2024. С. 106—115.
10. Домашенко Г. А., Кирилук О. М. Адаптация стратегий в условиях неопределенности и глобальных изменений // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2025. № 2(58). С. 672—675.
11. Возиянова Н. Ю., Азарян А. А. Стратегия адаптации предприятий и других хозяйственных образований сферы услуг к условиям конкурентной нестабильной рыночной среды // *Менеджер*. 2019. № 4(90). С. 149—161.
12. Куцулова Ф. А. Маркетинговые инструменты адаптации предприятий сервисной деятельности к кризисам территорий // *Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 4. С. 251—252.
13. Герашенко А. А. Адаптация формы как комплексная услуга в премиальном сегменте // *Вестник науки*. 2026. № 1(94). Т. 4. С. 966—977.
14. Казакова Т. В., Горшкова Л. А. Адаптивность, динамичность, гибкость — главные факторы обеспечения устойчивости организации в условиях неопределенности // *Креативная экономика*. 2022. Т. 16. № 5. С. 1911—1924. DOI: 10.18334/ce.16.5.114693.
15. Калыгина Е. В., Ефремов В. С. Адаптивность организации в контексте внешней неопределенности // *Лидерство и менеджмент*. 2019. Т. 6. № 3. С. 223—228. DOI: 10.18334/lim.6.3.41053.
16. Макеева О. В. Адаптация как цель и условие успешного функционирования любой экономической и социальной системы // *Библиосфера*. 2009. № 3. С. 16—23.
17. Голубцов С. А. Основные виды адаптационных стратегий гостиничных предприятий в условиях кризиса // *Управленческий учет*. 2024. № 10. С. 113—117.
18. Черкасова А. А. Адаптация гостиничных предприятий к изменениям в конкурентной среде // *Сервис в России и за рубежом*. 2014. № 7. С. 60—68.
19. Боголюбова С. А., Обрезкова В. Р. Сервис-дизайн в проектировании туристского продукта // *Ученые записки Международного банковского института*. 2023. № 2(44). С. 19—33.
20. Германчук А. Н., Дегтярева Я. В. Сервис-дизайн в индустрии гостеприимства // *Сервис в России и за рубежом*. 2025. Т. 19. № 4. С. 55—64. DOI: 10.5281/zenodo.17600586.
21. Микрюков В. О., Восканян М. М., Галаванова С. Э. Применение подхода Jobs to Be Done в стратегическом маркетинге // *In Situ*. 2022. № 12. С. 116—118.
22. Калбах Дж. Путь клиента: создаем ценность продуктов и услуг через карты путей, блупринты и другие инструменты визуализации / пер. с англ. П. Миронова ; науч. ред. М. Сташенко. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2022. 433 с.
23. Киреева Ю. А., Коновалова Е. Е., Касымова Д. М., Охотников И. В. Формирование и продвижение сервисных продуктовых предложений в индустрии гостеприимства // *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 1. С. 775—789. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_1_64.

REFERENCES

1. Kovalenko N. V., Hontova N. V. The essence of the definition “adaptation” in the context of enterprise innovative development. *Ekonomichnii visnik Donbasu = Economic Herald of the Donbas*. 2012;2(28):147—154. (In Ukrainian)
2. Skorik A. A. Theoretical approaches to revealing the essence of the process of enterprise adaptation to changing environmental conditions. *Tsifrovaya ekonomika i upravlenie znaniyami: problemy i perspektivy razvitiya = Digital economy and knowledge management: problems and prospects of development. Collection of scientific papers of the III International scientific and practical conference*. Kirov, 2022:113—116. (In Russ.)
3. Sukhanov A. A. Concept of Adaptation: Two Debating Points. *Gumanitarnyi vektor = Humanities vector*. 2015;1(41):104—110. (In Russ.)
4. Grebyonkin I. V. Simulation of market adaptation of industrial enterprises strategy. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Russian journal of the economic theory*. 2016;2:72—80. (In Russ.)
5. Mil'Dzikhov M. T. Market adaptation of enterprises - producers of mass consumption goods in the context of unstable market prices. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of modern economics*. 2011;4(40):478—481. (In Russ.)
6. Market adaptation of the enterprises of collective means of accommodation in the sphere of tourism. E. V. Peshina (ed.). Ekaterinburg, Ural State University of Economics publ., 2006. 311 p. (In Russ.)
7. Mikhhev G. V., Derkacheva E. A. FMCG sector: management of development and marketing adaptation. *Nauchnye trudy KubGTU = Scientific works of KubSTU*. 2016;13:179—192. (In Russ.)
8. Khandamova E. F., Shchepakina M. B., Gubin V. A., Glazyrina E. O. Management of marketing adaptation of the enterprise brand in the conditions of the economy's structural modernization. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2020;10(3):549—574. (In Russ.) DOI: 10.18334/epp.10.3.41576.
9. Shchepakina M. B., Gubin V. F., Mohammadi Shoaib A. Communication and behavioral aspect of adaptive management of business entities in the conditions of the mobilization economy. *Kommunikatsionnye protsessy: teoriya i praktika = Communication processes: theory and practice. Collection of materials of the XIX international scientific and practical face-to-face and correspondence conference*. Krasnodar, Kuban State Technological University publ., 2024:106—115. (In Russ.)
10. Domashchenko G. A., Kirililuk O. M. Adapting strategies in the face of uncertainty and global change. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*. 2025;2(58):672—675. (In Russ.)
11. Voziyanova N. Yu., Azaryan A. A. Strategy for adaptation of enterprises and other business entities in the service sector to the conditions of a competitive unstable market environment. *Menedzher = Manager*. 2019;4(90):149—161. (In Russ.)
12. Kutsulova F. A. Marketing tools for businesses to adapt to changes in the service activities to crisis of areas. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki*. 2013;4:251—252. (In Russ.)
13. Gerashchenko A. A. Form adaptation as a comprehensive service in the premium segment. *Vestnik nauki*. 2026;1(94)-4:966—977. (In Russ.)
14. Kazakova T. V., Gorshkova L. A. Adaptability, dynamism, flexibility as the main factors for ensuring the sustainability of the organization amidst uncertainty. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2022;16(5):1911—1924. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.16.5.114693.
15. Kalygina E. V., Efremov V. S. The adaptability of the organization in the context of external uncertainty. *Liderstvo i menedzhment = Leadership and Management*. 2019;6(3):223—228. (In Russ.) DOI: 10.18334/lim.6.3.41053.
16. Makejeva O. V. Adaptation as the aim and condition of the successful functioning of any economic and social system. *Bibliosfera = Bibliosphere*. 2009;3:16—23. (In Russ.)
17. Golubtsov S. A. The main types of adaptation strategies of hotel enterprises in crisis conditions. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2024;10:113—117. (In Russ.)
18. Cherkasova A. A. Adaptation of hotels to changes in competitive environment. *Servis v Rossii i za rubezhom = Services in Russia and Abroad*. 2014;7:60—68. (In Russ.)
19. Bogolyubova S. A., Obrezkova V. R. Service-design in tourism product design. *Uchenye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo instituta = Proceedings of the International Banking Institute*. 2023;2(44):19—33. (In Russ.)
20. Germanchuk A. N., Degtyareva Y. V. Service design in the hospitality industry. *Servis v Rossii i za rubezhom = Services in Russia and Abroad*. 2025;19(4):55—64. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.17600586.
21. Mikryukov V. O., Voskanyan M. M., Galavanova S. E. Applying the Jobs To Be Done approach in strategic marketing. *In Situ*. 2022;12:116—118. (In Russ.)
22. Kalbach J. Mapping Experiences: A Guide to Creating Value Through Journeys, Blueprints and Diagrams. Sebastopol, CA, O'Reilly Media Inc., 2016. xix + 359 p.
23. Kireeva Yu. A., Konovalova E. E., Kasymova D. M., Okhotnikov I. V. Formation and promotion of service product offers in the hospitality industry. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2022;7(1):775—789. (In Russ.) DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_1_64.

Статья поступила в редакцию 25.07.2026; одобрена после рецензирования 21.08.2026; принята к публикации 24.08.2026.
The article was submitted 25.07.2026; approved after reviewing 21.08.2026; accepted for publication 24.08.2026.

Научная статья
УДК 330.15+332.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1742

Dmitry Mikhailovich Ivanov
Candidate of Biology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Physics and Chemistry,
Saint-Petersburg State University
of Civil Aviation
named in honor of Air Chief Marshal A. A. Novikov
Saint Petersburg, Russian Federation
goldenflees@mail.ru

Дмитрий Михайлович Иванов
канд. биол. наук, доцент,
доцент кафедры физики и химии,
Санкт-Петербургский государственный университет
гражданской авиации
имени Главного маршала авиации А. А. Новикова
Санкт-Петербург, Российская Федерация
goldenflees@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩИХ ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ ЛЕСОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Цель представленного в статье исследования — выявление перспектив учета экономической оценки регулирующих экосистемных услуг лесов в системе регионального лесопользования на примере Ленинградской области.

В статье систематизированы теоретические подходы к экономической оценке регулирующих экосистемных услуг лесов. На основе анализа научной литературы и официальных статистических данных обоснована необходимость интеграции стоимостной оценки климаторегулирующих, водоохраных и почвозащитных функций лесов в систему регионального лесопользования. С использованием данных Лесного плана Ленинградской области и научных публикаций выполнена апробация методических подходов: для климаторегулирующей функции применена методика Министерства природных ресурсов и экологии РФ с использованием конверсионных коэффициентов; для водоохранной функции — затратный подход на основе стоимости замещения; для почвозащитной функции — метод предотвращенного ущерба. Показано, что стоимостная оценка регулирующих экосистемных услуг может существенно изменить представление об экономической эффективности лесного

комплекса региона и обосновать необходимость перехода от преимущественно сырьевой модели лесопользования к экосистемно-ориентированной.

Стоимостная оценка климаторегулирующей функции лесов Ленинградской области составляет 40,7—61,0 млрд руб./год, водоохранной функции — 13,4—16,8 млрд руб./год, почвозащитной функции — 64,3—86,9 млн руб./год. Полученные оценки показывают, что даже наиболее консервативная оценка депонирования углерода в 15 раз превышает доходы от традиционной заготовки древесины, что свидетельствует о существенной недооценке экологического потенциала лесов в существующей системе управления. Предложены направления интеграции показателей экосистемных услуг в региональные лесные планы и стратегии устойчивого развития, включая добавление количественных показателей регулирующих услуг в Лесной план Ленинградской области, развитие системы платежей за экосистемные услуги и совершенствование региональных методик оценки.

Ключевые слова: экосистемные услуги, регулирующие услуги, экономическая оценка, депонирование углерода, климаторегулирующая функция, водоохранная функция, почвозащитная функция, лесной комплекс, Ленинградская область, природный капитал, региональные лесные планы

Для цитирования: Иванов Д. М. Экономическая оценка регулирующих экосистемных услуг лесов как фактор повышения эффективности регионального лесопользования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 79—86. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1742.

Original article

ECONOMIC ASSESSMENT OF REGULATING ECOSYSTEM SERVICES PROVIDED BY FORESTS AS A FACTOR OF INCREASING THE EFFICIENCY OF REGIONAL FOREST MANAGEMENT

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The aim of the study presented in the article is to identify the prospects for incorporating the economic assessment of the regulating ecosystem services provided by forests into the system of regional forest management on the example of the Leningrad Region.

The article systematizes theoretical approaches to the economic assessment of regulating ecosystem services of forests. Based on the analysis of scientific literature and official statistical data, the necessity of integrating the cost assessment of climate-

regulating, water protection and soil protection functions of forests into the regional forest management system is substantiated. Using the data of the Forest Plan of the Leningrad Region and scientific publications, methodological approaches are tested: for the climate-regulating function, the methodology of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation with conversion coefficients is applied; for the water protection function, the cost-based approach based on replacement cost is applied; for the soil protection function, the prevented damage

method is applied. It is shown that the cost assessment of regulating ecosystem services can significantly change the understanding of the economic efficiency of the forest complex of the region and justify the need for a transition from a predominantly raw materials model of forest management to an ecosystem-oriented one.

The cost assessment of the climate-regulating function of forests in the Leningrad Region amounts to 40.7–61.0 billion rubles/year; the water protection function – 13.4–16.8 billion rubles/year; the soil protection function – 64.3–86.9 million rubles/year. The obtained estimates show that even the most conservative assessment of carbon sequestration exceeds the income from traditional timber harvesting

by 15 times, indicating a significant underestimation of the ecological potential of forests in the existing management system. The directions for integrating ecosystem services indicators into regional forest plans and sustainable development strategies are proposed, among them the inclusion of quantitative indicators of regulating services in the Forest Plan of the Leningrad Region, the development of a payment system for ecosystem services, and the improvement of regional assessment methods.

Keywords: *ecosystem services, regulating services, economic assessment, carbon sequestration, climate-regulating function, water protection function, soil protection function, forest complex, Leningrad Region, natural capital, regional forest plans*

For citation: Ivanov D. M. Economic assessment of regulating ecosystem services provided by forests as a factor of increasing the efficiency of regional forest management. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):79–86. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1742.

Введение

В современной экономике природопользования лесные экосистемы рассматриваются не только как источник древесных ресурсов, но и как сложная природная система, выполняющая климаторегулирующие, водоохранные и средообразующие функции. Вместе с тем регулирующие экосистемные услуги лесов остаются без должной стоимостной оценки, что приводит к системной недооценке их вклада в региональную экономику и искажению управленческих решений в области лесопользования [1; 2].

Актуальность темы обусловлена необходимостью перехода от преимущественно сырьевой модели лесопользования к экосистемно-ориентированной. Особую значимость эта проблема приобретает для Ленинградской области, обладающей значительным лесным потенциалом. По данным Лесного плана Ленинградской области на 2019–2028 гг. (<https://lenobl.ru/media/docs/15987/Лесной%20план%20Ленинградской%20области.pdf>), общая площадь земель лесного фонда составляет 5 692,1 тыс. га, при этом 87,8 % площади используется для заготовки древесины. Регулирующие экосистемные услуги остаются вне экономической оценки, что не позволяет учитывать экологический потенциал лесов при стратегическом планировании. Актуальность исследования усиливается международными обязательствами России в области климатической повестки [3; 4].

Изученность проблемы. Теоретические основы экономики природопользования и концепция природного капитала, рассматриваемые через призму перехода к устойчивому развитию, обоснованы в работах С. Н. Бобылева и Т. В. Завьяловой [5], а также в исследованиях А. А. Голуба, посвященных экономическим аспектам климатической политики России и возможностям сокращения выбросов парниковых газов [6]. Методологические подходы к оценке рекреационных ресурсов лесных экосистем разработаны Н. М. Большаковым, В. В. Жиделевой, Л. А. Гурьевой и Е. А. Рауш [7]. В работах В. Н. Петрова и его соавторов на протяжении последних лет разрабатываются актуальные вопросы лесной политики и экономики лесного сектора [8–10]. Фундаментальные зарубежные исследования принадлежат Р. Костанса с соавторами [1] и участникам глобальной научной программы «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» (*Millennium Ecosystem Assessment*), инициированной Организацией Объединенных Наций.

В российской практике В. А. Кулаковская и А. Ю. Санин обосновали важность количественной оценки экосистемных услуг для Ленинградской и Калининградской обла-

стей [11]. А. И. Тарасенок применил метод переноса оценок из Европейского Союза [12]. К. М. Кляус, Е. А. Крылова и О. Д. Пожарская выполнили оценку услуг заказчика «Кургальский» [13]. Методическую основу для расчета углерода предоставляют работы В. Е. Рогачева с соавторами [14]. Опыт внедрения модели устойчивого лесопользования и лесопользования, включая подходы к планированию на региональном уровне, представлен в работах М. В. Никонова и И. А. Смирнова [15; 16]. Подходы к оценке регулирующих услуг залежных земель разработаны Д. Д. Анпиловой [17]. Вопросы экономической оценки водоохранных функций лесов и их связи с качеством водных ресурсов активно разрабатываются в современной международной практике [18]. Методические аспекты эколого-экономической оценки водорегулирующей функции лесных территорий нашли отражение в работах Т. В. Тихоновой, выполнившей количественную оценку водорегулирующей роли лесов на примере сельских территорий Республики Коми [19]. Вопросы оценки лесных земель и методические подходы к определению их стоимости рассматриваются в работах В. В. Белова с соавторами, посвященных принципам и практике оценки лесных ресурсов [20]. Системный анализ концепции экосистемных услуг выполнен Н. В. Яковенко, Е. А. Старухиной, М. Г. Варгузиной, Е. А. Нацентовой, О. В. Волошиной [21]. М. К. Ражапбаев обосновал использование категорий защитности для экономической оценки лесов [22]. Проблемы почвенной эрозии в Ленинградской области исследованы П. Н. Головиным и В. Л. Богдановым [23].

Однако прикладное применение этих разработок на региональном уровне остается ограниченным. Отсутствие системной стоимостной оценки регулирующих услуг ведет к искажению управленческих решений.

Целесообразность разработки темы. В Ленинградской области использование лесов характеризуется выраженным сырьевым «перекосом». По данным Лесного плана Ленинградской области на 2019–2028 гг., 87,8 % площади используется для заготовки древесины, а регулирующие услуги остаются без экономической оценки, что искажает управленческие решения.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые для Ленинградской области на основе актуальных данных Лесного плана и научно обоснованных методических подходов выполнена комплексная количественная оценка стоимостного выражения трех ключевых регулирующих экосистемных услуг лесов — климаторегулирующей (депонирование углерода), водоохранной и почвозащитной

функций, а также разработан и апробирован методический подход к их интегральной оценке на региональном уровне, позволяющий сопоставить стоимостное выражение экосистемных услуг с доходами от традиционного лесопользования и выявить масштаб их системной недооценки; кроме того, обоснованы институциональные механизмы включения полученных оценок в региональные лесные планы, включая предложения по развитию системы платежей за экосистемные услуги и совершенствованию региональных методик оценки, что создает основу для перехода к экосистемно-ориентированной модели лесопользования.

Цель исследования — выявление перспектив учета экономической оценки регулирующих экосистемных услуг лесов в системе регионального лесопользования на примере Ленинградской области.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы и последовательно решены следующие **задачи**:

- систематизировать теоретические подходы;
- выполнить апробацию оценки для Ленинградской области;

– предложить направления интеграции оценок в региональное лесное планирование.

Теоретическая значимость заключается в систематизации методологических подходов к экономической оценке регулирующих экосистемных услуг применительно к региональному уровню.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов органами государственной власти Ленинградской области при разработке Лесного плана и программ устойчивого развития лесного комплекса.

Основная часть

Согласно классификации глобальной научной программы «Оценка экосистем на пороге тысячелетия», экосистемные услуги подразделяются на обеспечивающие, регулирующие, культурные и поддерживающие. Регулирующие экосистемные услуги занимают особое место и включают регуляцию климата, водного режима и эрозионных процессов. Эти услуги создают основу для долгосрочного развития. На рис. 1 показана иерархическая структура экосистемных услуг.

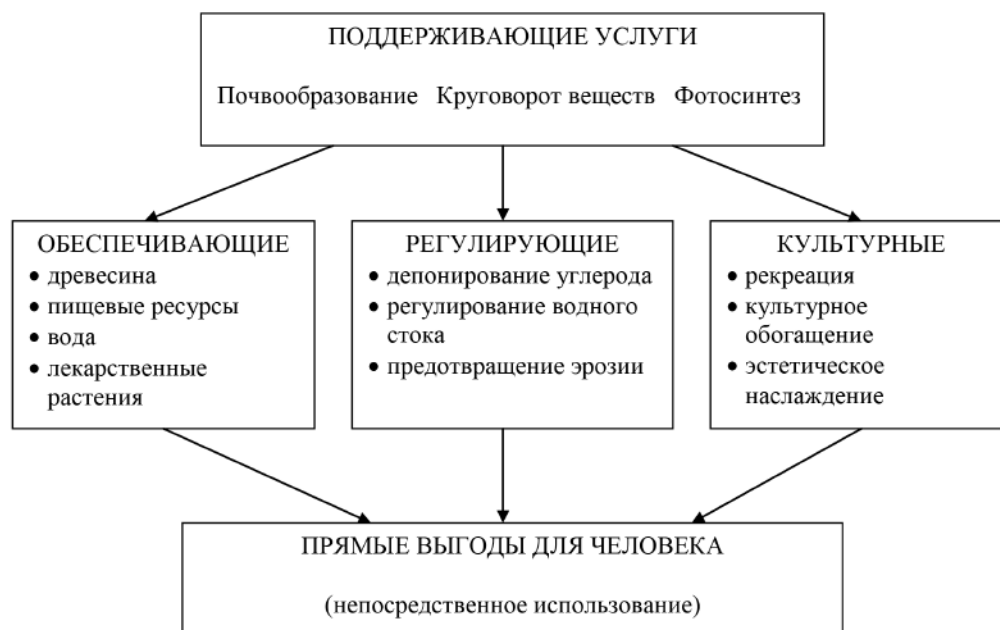

Рис. 1. Классификация экосистемных услуг
(сост. по данным *Millennium Ecosystem Assessment*)

Поддерживающие услуги (почвообразование, круговорот веществ, фотосинтез) обеспечивают функционирование экосистем и формирование всех остальных категорий услуг. Обеспечивающие, регулирующие и культурные услуги приносят прямые выгоды человеку. Регулирующие услуги, выделенные на схеме, являются объектом настоящего исследования.

Для экономической оценки регулирующих услуг применяются рыночный подход (оценка по рыночным ценам, в т.ч. углеродных единиц) и затратный подход (оценка через стоимость замещения или предотвращенный ущерб) [6].

Выбор Ленинградской области в качестве объекта исследования обусловлен значительным лесным потенциалом региона, наличием необходимой статистической информации в Лесном плане, а также выраженным сырьевым «перекосом» в лесопользовании.

Таким образом, ниже последовательно рассматриваются характеристики лесного фонда Ленинградской области

и выполняется количественная оценка его ключевых регулирующих экосистемных услуг.

Лесной фонд Ленинградской области. По данным Лесного плана Ленинградской области на 2019—2028 гг., общий запас древесины составляет 658,4 млн м³, лесистость — 57,9 %. Породная структура представлена в табл. 1. Использование земель имеет выраженный сырьевой перекоп (табл. 2).

Таблица 1

Породная структура лесов Ленинградской области

Преобладающая порода	Площадь, тыс. га	Доля от покрытых лесом земель, %
Хвойные	2 744,9	56,5
Мелколиственные	2 086,9	43,0
Широколиственные	2,3	0,5

Примечание: сост. по: Лесной план Ленинградской области на 2019—2028 гг.

Таблица 2

Виды использования лесов в Ленинградской области

Вид использования лесов	Доля от общей площади, %
Заготовка древесины	87,8
Охотничье хозяйство	8,6
Прочие виды	3,6

Примечание: сост. по: Лесной план Ленинградской области на 2019—2028 гг.

Таким образом, характеристика лесного фонда подтверждает сырьевую направленность лесопользования в регионе. В этой связи возникает необходимость количественной оценки стоимостного выражения регулирующих функций лесов: климаторегулирующей (депонирование углерода), водоохранной (регулирование стока) и почвозащитной (предотвращение эрозии). Такая оценка позволит не только выявить масштаб недоучета экологического потенциала, но и обосновать необходимость интеграции показателей экосистемных услуг в систему регионального лесопользования.

Оценка климаторегулирующей функции. Расчет запасов углерода выполнен по формуле из официальной методики Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 30 июня 2017 г. № 20-р «Об утверждении методических указаний по количественному определению объема поглощения парниковых газов» [14]:

$$CP_{ij} = V_{ij} \times KP_{ij},$$

где CP_{ij} — запас углерода в биомассе древостоев группы возраста (i) преобладающей породы (j), т С;

V_{ij} — запас стволовой древесины насаждений группы возраста (i) преобладающей породы (j), м³/га (принимается по данным государственного лесного реестра);

KP_{ij} — конверсионный коэффициент для расчета запаса углерода в биомассе древостоев группы возраста (i) преобладающей породы (j), т С/м³.

Коэффициент учитывает содержание углерода в стволовой древесине, а также в кроне, корнях и лесной подстилке. Значения коэффициента дифференцированы по породам и возрастным группам и представлены в табл. 3. Все расчеты приведены в тоннах углерода (т С). Для перевода в тонны CO₂ используется коэффициент 3,67 (отношение молекулярных масс CO₂ и С: 44/12).

Таблица 3

Конверсионные коэффициенты, т С/м³

Преобладающая порода	Молодняки	Средне-возрастные	Приспевающие	Спелые и перестойные
Сосна	0,435	0,352	0,329	0,356
Ель	0,614	0,369	0,351	0,364
Береза	0,437	0,396	0,367	0,367

Примечание: сост. по: [14].

На основе данных Лесного плана Ленинградской области на 2019—2028 гг. и конверсионных коэффициентов [14] выполнен расчет среднегодового депонирования углерода. С учетом породной и возрастной структуры лесного фонда средневзвешенная депонирующая способность 1 га лесопокрывной площади Ленинградской области составляет около 13,6 т CO₂/га в год.

В качестве иллюстрации применения аналогичной методики можно привести исследование К. М. Кляус с соавторами для заказника «Кургальский» (Ленинградская область). Авторы показали, что годовое депонирование углерода лесным массивом заказника составляет 5,0—6,0 тыс. т углерода, что в пересчете на CO₂ дает 18,5—22,2 тыс. т/год, а стоимость услуги — 16,7—20,0 млн руб./год [13].

Оценка водоохранной функции. Водоохранная функция лесов заключается в регулировании водного стока, уменьшении поверхностного стока и увеличении подземного питания рек. Методологической основой для стоимостной оценки послужил затратный подход, основанный на оценке стоимости замещения [11; 13]. Алгоритм расчета включал определение объема стока, регулируемого лесными экосистемами, выбор цены воды и расчет стоимостной оценки.

Согласно гидрологическим исследованиям, общий речной сток на территории Ленинградской области составляет около 89 км³/год, однако собственный сток, формирующийся в пределах области, оценивается в 10—12 км³/год [11]. Леса, занимающие 57,9 % территории, оказывают существенное влияние на гидрологический режим. По экспертным оценкам, вклад лесов в регулирование стока составляет 20—25 % общего объема. Таким образом, объем стока, регулируемый лесными экосистемами, оценивается в 2,0—2,5 км³/год [11; 13].

Для стоимостной оценки использована средняя ставка 6,7 руб./м³, соответствующая уровню затрат на водоподготовку и учитывающая промышленное и коммунально-бытовое водопотребление [23].

Используя обоснованную цену воды (6,7 руб./м³) и рассчитанный объем регулируемого стока (2,0—2,5 км³/год), выполнен расчет стоимости водоохранной функции лесов Ленинградской области с помощью перемножения данных показателей (табл. 4).

Таблица 4

Расчет стоимости водоохранной функции

Показатель	Нижняя граница	Верхняя граница
Объем регулируемого стока, км ³ /год	2,0	2,5
Объем регулируемого стока, млн м ³ /год	2 000	2 500
Цена воды, руб./м ³	6,7	6,7
Стоимость водоохранной функции, млн руб./год	13 400	16 750

Примечание: сост. по: [11; 13].

Таким образом, ориентировочная стоимость водоохранной функции лесов Ленинградской области составляет 13,4—16,75 млрд руб./год.

Необходимо отметить, что данный расчет является консервативной оценкой, т. к. не учитывает дополнительные выгоды: улучшение качества воды, снижение затрат на водоподготовку, предотвращение ущерба от наводнений и паводков.

Оценка почвозащитной функции. Почвозащитная функция лесов заключается в предотвращении водной и ветровой эрозии почв, сохранении плодородия и предотвращении потерь сельскохозяйственной продукции. Лесная растительность скрепляет почву корневыми системами, лесная подстилка защищает поверхность почвы от размыва и выдувания, снижая интенсивность эрозионных процессов как на лесных землях, так и на прилегающих сельскохозяйственных угодьях. Для стоимостной оценки применен затратный подход (предотвращенный ущерб) [23].

С учетом данных о площадях деградированных и залежных земель, а также официальной статистики по эрозионно-опасным угодьям, в настоящем исследовании для расчета предотвращенного ущерба от эрозии принята консервативная расчетная площадь сельхозугодий, вовлеченных в деградационные процессы, составляющая 120 тыс. га [23]. Лесные полосы уменьшают поверхностный сток в 2—5 раз, а смыв почвы — в 4—20 раз [22].

Расчет предотвращенных потерь (табл. 5) выполнен по формуле, адаптированной из Методики определения предотвращенного экологического ущерба, утвержденной Государственным комитетом Российской Федерации по охране окружающей среды 30 ноября 1999 г.:

$$ПП = S_{\text{эсу}} \times Y_{\text{зк}} \times (\text{Э} / 100) \times K,$$

где ПП — предотвращенные потери сельскохозяйственной продукции, т/год;

$S_{\text{эсу}}$ — площадь эродированных сельскохозяйственных угодий, находящихся в зоне защитного влияния лесов, га;

$Y_{\text{зк}}$ — средняя урожайность зерновых культур, т/га (в расчете принята урожайность 3,57—3,62 т/га по данным Петростата);

Э — снижение урожайности от эрозии (для перевода в доли значение делится на 100, в расчете принято 15—20 % на основе данных методики);

K — коэффициент защитного влияния леса, отражающий долю предотвращенных потерь урожая благодаря защитной функции лесных экосистем (в расчете принят 0,5, что соответствует снижению потерь на 50 %).

Таблица 5

Расчет предотвращенных потерь

Показатель	Нижняя граница	Верхняя граница
Площадь эродированных сельхозугодий, тыс. га	120	120
Средняя урожайность зерновых, т/га	3,57	3,62
Снижение урожайности от эрозии, %	15	20
Коэффициент защитного влияния леса	0,5	0,5
Предотвращенные потери, тыс. т/год	3,213	4,344
Средняя цена зерна, руб./т	20 000	20 000
Стоимость предотвращенных потерь, млн руб./год	64,26	86,88

Примечание: сост. по: [11; 13].

Расчет для нижней границы:

$$120000 \text{ га} \times 3,57 \text{ т/га} \times 0,15 \times 0,5 = 3213 \text{ т/год} \\ 3213 \text{ т} \times 20000 \text{ руб./т} = 64,3 \text{ млн руб./год}$$

Расчет для верхней границы:

$$120000 \text{ га} \times 3,62 \text{ т/га} \times 0,20 \times 0,5 = 4344 \text{ т/год} \\ 4344 \text{ т} \times 20000 \text{ руб./т} = 86,9 \text{ млн руб./год}$$

Таким образом, ориентировочная стоимость почвозащитной функции лесов Ленинградской области составляет 64,3—86,9 млн руб./год. Полученная оценка отражает только предотвращенные потери сельскохозяйственной продукции на эродированных землях и не включает стоимость

самого плодородного слоя почвы, затраты на его восстановление и другие экологические эффекты, что делает ее консервативной.

Методология исследования. В исследовании использованы следующие методы:

— метод эмпирического исследования — для сравнения структуры использования лесных ресурсов;

— методы теоретического познания — для систематизации подходов к оценке;

— эконометрические методы — для анализа данных Лесного плана Ленинградской области и расчета объемов депонирования углерода;

— методы визуализации — для представления результатов в табличной и графической форме.

Методологической основой для оценки климаторегулирующей функции послужила методика Минприроды России [14]. Для оценки водоохранной функции применен затратный подход (стоимость замещения) [11; 13]. Для почвозащитной функции использован метод оценки предотвращенного ущерба [23]. Стоимостная оценка углерода выполнена на основе рыночных цен [4]. Лесопокрываемая площадь и структура лесного фонда определены по Лесному плану Ленинградской области на 2019—2028 гг.

Результаты исследования. Проведенные расчеты позволяют выполнить интегральную стоимостную оценку регулирующих экосистемных услуг лесов Ленинградской области и сопоставить ее с доходами от традиционного лесопользования. На основе данных о лесопокрываемой площади Ленинградской области (4 987,1 тыс. га) и рассчитанной средневзвешенной депонирующей способности (13,6 т CO_2 /га в год) выполнен расчет ежегодного депонирования углерода для всего лесного фонда региона: $13,6 \text{ т } \text{CO}_2/\text{га в год} \times 4\,987\,100 \text{ га} = 67\,824,6 \text{ тыс. т } \text{CO}_2 \text{ в год}$. Используя цены углеродных единиц, сложившиеся на российском рынке (600—900 руб./т CO_2) [4], получена стоимостная оценка климаторегулирующей функции лесов Ленинградской области: при цене 600 руб./т CO_2 — 40 695 млн руб./год, при 800 руб./т CO_2 — 54 260 млн руб./год, при 900 руб./т CO_2 — 61 042 млн руб./год (табл. 6).

Таблица 6

Оценка депонирования углерода лесами Ленинградской области

Показатель	Значение
Лесопокрываемая площадь, тыс. га	4 987,1
Ежегодное депонирование, тыс. т CO_2	67 824,6
Стоимость при 600 руб./т CO_2 , млн руб./год	40 695
Стоимость при 800 руб./т CO_2 , млн руб./год	54 260
Стоимость при 900 руб./т CO_2 , млн руб./год	61 042

Примечание: сост. по: Лесной план Ленинградской области на 2019—2028 гг.; [4].

Ранее в работе была выполнена оценка водоохранной функции лесов через объем регулируемого стока (2,0—2,5 км³/год) и среднюю цену воды (6,7 руб./м³) [11; 13]. Ориентировочная стоимость составила 13 400—16 750 млн руб./год. Оценка почвозащитной функции, основанная на предотвращении эрозии на 120 тыс. га сельхозугодий с учетом средней урожайности зерновых 3,57—3,62 т/га и коэффициента защитного влияния леса 0,5, составляет 64,3—86,9 млн руб./год [23].

Сводные результаты по всем рассмотренным категориям экосистемных услуг представлены в табл. 7.

Таблица 7

**Сравнительная экономическая оценка
экосистемных услуг Ленинградской области**

Категория услуг	Оценка стоимости, млн руб./год
Заготовка древесины (доходы)	≈ 2 700
Депонирование углерода	40 695—61 042
Водоохранная функция	13 400—16 750
Почвозащитная функция	64,3—86,9

Примечание: сост. по: Лесной план Ленинградской области на 2019—2028 гг.; [4].

Как показывают данные табл. 7, стоимостная оценка регулирующих экосистемных услуг многократно превышает доходы от традиционного лесопользования. Даже наиболее консервативная оценка депонирования углерода (40 695 млн руб./год) в 15 раз превышает доходы от заго-

товки древесины (≈ 2 700 млн руб./год). Это свидетельствует о необходимости пересмотра подходов к оценке эффективности лесного комплекса региона.

Интеграция полученных оценок в систему управления требует институциональных решений: включения показателей экосистемных услуг в Лесной план Ленинградской области на 2019—2028 гг., развития системы платежей за экосистемные услуги и совершенствования региональных методик оценки [21; 23].

На рис. 2 представлена схема, отражающая логику перехода от традиционной модели лесопользования к экосистемно-ориентированной через интеграцию стоимостных оценок экосистемных услуг.

Как показано на рис. 2, переход к экосистемно-ориентированной модели требует последовательной реализации институциональных решений, обеспечивающих включение стоимостных оценок экосистемных услуг в региональные лесные планы и стратегии устойчивого развития.

Рис. 2. Схема интеграции экосистемных услуг в систему регионального лесопользования (сост. автором)

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Регулирующие экосистемные услуги лесов Ленинградской области обладают значительной экономической ценностью. Стоимостная оценка климаторегулирующей функции составляет 40 695—61 042 млн руб./год, водоохранной — 13 400—16 750 млн руб./год, почвозащитной — 64,3—86,9 млн руб./год. Даже наиболее консервативная оценка депонирования углерода (40 695 млн руб./год) в 15 раз превышает доходы от традиционной заготовки древесины (≈ 2 700 млн руб./год).

Структура использования лесов региона характеризуется выраженным сырьевым «перекосом»: 87,8 % площади используется под заготовку древесины, тогда как регулирующие услуги остаются вне экономической оценки. Это создает искаженное представление об эффективности лесопользования.

Интеграция показателей экосистемных услуг требует включения их в Лесной план, развития системы платежей за экосистемные услуги и совершенствования региональных методик оценки. Переход к экосистемно-ориентированной модели лесопользования, учитывающей полный спектр экосистемных услуг, является необходимым условием для долгосрочной устойчивости лесного хозяйства региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. The value of the world's ecosystem services and natural capital / R. Costanza, R. d'Arge, R. de Groot et al. // *Nature*. 1997. Vol. 387. Pp. 253—260. DOI: 10.1038/387253a0.
2. Kiziridis D. A., Salonikidou E., Eleftheriadou N., Fotakis D. Balancing Non-Timber Services with Biomass Production via Sustainable Forest Management: A Review of Conflicting Demands and Suggested Approaches // *Forests*. 2025. Vol. 16. Iss. 2. Art. 348. DOI: 10.3390/f16020348.
3. Балабанова А. В. Углеродные единицы как инструмент климатической политики: методология, международный опыт и пилотная реализация в рамках Сахалинского эксперимента // *Ученые записки Российской академии предпринимательства*. 2025. Т. 24. № 4. С. 16—25. DOI: 10.24182/2073-6258-2025-24-4-16-25.
4. Горбачева Н. В. Экономическая эффективность климатических проектов: традиционный и темпоральный подходы // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2024. Т. 28. № 4. С. 587—614. DOI: 10.17323/1813-8691-2024-28-4-587-614.
5. Бобылев С. Н., Завьялова Т. В. Устойчивое развитие: в поисках новой экономики // *Вопросы политической экономии*. 2024. № 3(39). С. 43—51. DOI: 10.5281/zenodo.13895628.
6. Golub A. Controversies of Russian climate policy and opportunities for greenhouse gas reduction // *Global Warming. Looking Beyond Kyoto* / ed. by E. Zedillo. Washington, DC : Brookings Institution Press, 2008. Pp. 157—174.
7. Большаков Н. М., Жиделева В. В., Гурьева Л. А., Рауш Е. А. Методологические основы экономической оценки рекреационных ресурсов лесных экосистем // *Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления*. 2020. № 24(29). С. 45—51.
8. Петров В. Н., Каткова Т. Е. Экономическое содержание правомочий собственности на леса // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2018. Т. 8. № 4А. С. 34—44.
9. Петров В. Н. Основные Проблемы, сдерживающие развитие лесного комплекса // *Леса России: политика, промышленность, наука, образование : материалы X всерос. науч.-техн. конф.* СПб. : СПбГЛТУ, 2025. С. 20—23.
10. Петров В. Н., Смирнова В. Ю. Эффективность лесных правоотношений // *Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы : сб. тр. X Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь : Ариал, 2025. С. 405—407.*
11. Кулаковская В. А., Санин А. Ю. К вопросу об экономической оценке экосистемных услуг, оказываемых геосистемами прибрежной зоны Балтийского моря // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021. № 86. С. 115—140. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-86-115-140.
12. Тарасенок А. И. Экономическая оценка экосистемных услуг лесов Республики Беларусь // *Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні*. 2023. № 1(71). С. 82—90.
13. Кляус К. М., Крылова Е. А., Пожарская О. Д. Оценка стоимости прямой и косвенной экосистемных услуг на примере Государственного природного заказника «Кургальский» (Восточная часть Финского залива, Ленинградская область) // *Отходы и ресурсы*. 2026. Т. 13. № 1. URL: <https://resources.today/PDF/01NZOR126.pdf>.
14. Рогачев В. Е., Агапитов Е. М., Фомин В. В. Оценка официальной методики расчета запасов углерода на примере карбонового полигона Свердловской области «Урал-Карбон» (Коуровка) // *Научное творчество молодежи лесному комплексу России : материалы XIX Всерос. (нац.) науч.-техн. конф. студентов и аспирантов*. Екатеринбург : УГЛТУ, 2023. С. 299—303.
15. Никонов М. В. Сохранение и устойчивое развитие лесов Новгородской области // *Современные тенденции в научном и кадровом обеспечении АПК : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2020. С. 127—131.
16. Никонов М. В., Смирнов И. А. Опыт внедрения модели устойчивого лесопользования и лесопользования // *Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии*. 2013. № 204. С. 56—62.
17. Анпилогова Д. Д. Оценка регулирующих экосистемных услуг залежных земель для управления землепользованием // *Экологическая безопасность в условиях антропогенной трансформации природной среды : сб. материалов всерос. shk.-семинара, посвящ. памяти Н. Ф. Реймерса и Ф. Р. Штильмарка*. Пермь : Перм. гос. нац. исследоват. ун-т, 2022. С. 16—20.
18. Mir K., Brouwer R. Testing the effect of ecosystem service and land classification on global values of forested watershed ecosystem services // *Forest Policy and Economics*. 2025. Vol. 181. Art. 103667. DOI: 10.1016/j.forpol.2025.103667.
19. Тихонова Т. В. Эколого-экономическая оценка водорегулирующей функции сельских территорий Республики Коми // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10. № 3. С. 209—236. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.11.
20. Белов В. В., Лебедев Ю. В., Мазина И. Г. Принципы и практика оценки лесных земель // *Аграрный вестник Урала*. 2014. № 8(126). С. 84—88.
21. Экосистемные услуги лесов: системный анализ концепции, современной критики и подходов к оценке / Н. В. Яковенко, Е. А. Старухина, Н. В. Варгузина и др. // *Лесотехнический журнал*. 2025. Т. 15. № 4. С. 509—534. DOI: 10.34220/issn.2222-7962/2025.4/30.
22. Ражапбаев М. К. Категории защитности как инструмент экономической оценки экологической составляющей лесов // *Universum: химия и биология*. 2016. № 4(22). URL: <https://7universum.com/ru/nature/archive/item/3023>.
23. Головин П. Н., Богданов В. Л. Применение ГИС при агроэкологическом зонировании территории агроландшафтов // *Вестник СГУГиТ*. 2026. Т. 31. № 1. С. 131—144. DOI: 10.33764/2411-1759-2026-31-1-131-144.

REFERENCES

1. Costanza R., d'Arge R., de Groot R. et al. /The value of the world's ecosystem services and natural capital. *Nature*. 1997;387:253—260. DOI: 10.1038/387253a0.
2. Kiziridis D. A., Salonikidou E., Eleftheriadou N., Fotakis D. Balancing Non-Timber Services with Biomass Production via Sustainable Forest Management: A Review of Conflicting Demands and Suggested Approaches. *Forests*. 2025;16(2):348. DOI: 10.3390/f16020348.

3. Balabanova A. V. Carbon units as an instrument of climate policy: methodology, international experience and pilot implementation within the framework of the Sakhalin experiment. *Uchenye zapiski Rossiiskoi akademii predprinimatel'stva = Scientific notes of the Russian academy of entrepreneurship*. 2025;24(4):16—25. (In Russ.) DOI: 10.24182/2073-6258-2025-24-4-16-25.
4. Gorbacheva N. V. Economic Efficiency of Climatic Projects: Conventional and Temporal Approaches. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = HSE Economic Journal*. 2024;28(4):587—614. DOI: 10.17323/1813-8691-2024-28-4-587-614.
5. Boblyev S. N., Zavyalova T. V. Sustainable development: searching for a new economy. *Voprosy politicheskoi ekonomii = Problems in Political Economy*. 2024;3(39):43—51. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.13895628.
6. Golub A. Controversies of Russian climate policy and opportunities for greenhouse gas reduction. *Global Warming. Looking Beyond Kyoto*. E. Zedillo (ed.). Washington, DC, Brookings Institution Press, 2008. Pp. 157—174.
7. Bolshakov N., Zhidleva V., Guryeva L., Raush E. The methodological foundations for the economic evaluation of recreation resources of the forest ecosystems. *Vestnik Komi respublikanskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya. Teoriya i praktika upravleniya = Vestnik of the Komi Republican Academy of State Service and Administration. Theory and practice of administration*. 2020;24(29):45—51. (In Russ.)
8. Petrov V. N., Katkova T. E. Economic content of competences of forest property. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2018;8(4A):34—44. (In Russ.)
9. Petrov V. N. Main problems constraining the development of the forest complex. *Les Rossii: politika, promyshlennost', nauka, obrazovanie = Forests of Russia: policy, industry, science, education. Proceedings of the X All-Russian scientific and technical conference*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State Forest Technical University publ., 2025:20—23. (In Russ.)
10. Petrov V. N., Smirnova V. Y. The practice of evaluating the effectiveness of forest legal relations. *Effektivnoe upravlenie ekonomikoi: problemy i perspektivy = Effective economic management: problems and prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference*. Simferopol, Arial, 2025:405—407. (In Russ.)
11. Kulakovskaya V. A., Sanin A. Yu. On the Economic Assessment of Environmental Services Provided by Geosystems of Baltic Sea Coastal Zone. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public Administration. E-journal (Russia)*. 2021;86:115—140. (In Russ.) DOI: 10.24412/2070-1381-2021-86-115-140.
12. Tarasionak A. I. Indirect Economic Assessment of Forest Ecosystem Services in the Republic of Belarus. *Satsyyal'na-ekonomicznyia i pravovyya dasledavanni*. 2023;1(71):82—90. (In Russ.)
13. Klyaus K. M., Krylova E. A., Pozharskaya O. D. Assessment of the value of direct and indirect ecosystem services using the example of the Kurgalsky State Nature Reserve (Eastern Gulf of Finland, Leningrad Region). *Otkhody i resursy = Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*. 2026;13(1). (In Russ.) URL: <https://resources.today/PDF/01NZOR126.pdf>.
14. Rogachev V. E., Agapitov E. M., Fomin V. V. Evaluation of the official methodology for calculation of carbon reserves on the example of the carbon polygon of the Sverdlovsk region "Ural-Carbon" (Kourovka). *Nauchnoe tvorchestvo molodezhi lesnomu kompleksu Rossii = Scientific creativity of youth to the forest complex of Russia. Proceedings of the XIX All-Russian (National) scientific and technical conference of students and postgraduates*. Ekaterinburg, Ural State Forest Engineering University publ., 2023:299—303. (In Russ.)
15. Nikonov M. V. Conservation and sustainable development of forests of the Novgorod Region. *Sovremennye tendentsii v nauchnom i kadrovom obespechenii APK = Modern trends in scientific and personnel support of the agro-industrial complex. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University publ., 2020:127—131. (In Russ.)
16. Nikonov M. V., Smirnov I. A. The experience of appliance of sustainable forest management model. *Izvestiya Sankt-Petersburgskoi lesotekhnicheskoi akademii*. 2013;204:56—62. (In Russ.)
17. Anpilogova D. D. Assessing regulating ecosystem services of abandoned agricultural lands for land management purposes. *Ekologicheskaya bezopasnost' v usloviyakh antropogennoi transformatsii prirodnoi sredy = Environmental safety in conditions of anthropogenic transformation of the natural environment. Collection of materials of the All-Russian school-seminar dedicated to the memory of N. F. Reimers and F. R. Shtilmark*. Perm, Perm State National Research University publ., 2022:16—20. (In Russ.)
18. Mir K., Brouwer R. Testing the effect of ecosystem service and land classification on global values of forested watershed ecosystem services. *Forest Policy and Economics*. 2025;181:103667. DOI: 10.1016/j.forpol.2025.103667.
19. Tikhonova T. V. Environmental and economic assessment of water regulation function of rural territories in the Republic of Komi. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017;10(3):209—236. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.11.
20. Belov V. V., Lebedev Y. V., Mazina I. G. Principles and practice of assessing forest lands. *Agrarnyi vestnik Urala = Agrarian Bulletin of the Urals*. 2014;8(126):84—88. (In Russ.)
21. Yakovenko N. V., Staruhina E. A., Varguzina M. G. et al. Forest ecosystem services: a systematic analysis of the concept, contemporary criticism and assessment approaches. *Lesotekhnicheskii zhurnal = Forestry Engineering Journal*. 2025;15(4):509—534. (In Russ.) DOI: 10.34220/issn.2222-7962/2025.4/30.
22. Razhapbaev M. Category of protection as a tool for the economic evaluation of the ecological component of forests. *Universum: khimiya i biologiya = Universum: Chemistry and Biology*. 2016;4(22). (In Russ.) URL: <https://7universum.com/ru/nature/archive/item/3023>.
23. Golovin P. N., Bogdanov V. L. Concept of a regional automated land use forecasting system. *Vestnik SSUGiT = Vestnik SSUGT*. 2026;31(1):131—144. (In Russ.) DOI: 10.33764/2411-1759-2026-31-1-131-144.

Статья поступила в редакцию 30.07.2026; одобрена после рецензирования 20.08.2026; принята к публикации 24.08.2026.
The article was submitted 30.07.2026; approved after reviewing 20.08.2026; accepted for publication 24.08.2026.

Научная статья**УДК 339.138****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1664****Elina Radikovna Kasimova**

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Mechanical Engineering Technology,
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation
elinus@mail.ru

Elena Vladimirovna Kuznetsova

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Strategic Management,
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation
5kuznetsova@mail.ru

Igor Yaroslavovich Ruvenny

Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Strategic Management,
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation
ruvenny@mail.ru

Элина Радиковна Касимова

канд. социол. наук, доцент,
доцент кафедры
технологии машиностроения,
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Российская Федерация
elinus@mail.ru

Елена Владимировна Кузнецова

канд. социол. наук, доцент,
доцент кафедры стратегического управления,
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Российская Федерация
5kuznetsova@mail.ru

Игорь Ярославович Рувенный

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры стратегического управления,
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Российская Федерация
ruvenny@mail.ru

МАТРИЦА СТРАТЕГИЙ БИЗНЕСА В МАРКЕТИНГОВЫХ ЭПОХАХ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье обосновывается авторская матрица стратегий бизнеса в маркетинговых эпохах, сочетающая ценности потребителей и характер взаимодействия с клиентами. В отличие от традиционных стратегических матриц, фокусирующихся на привлекательности отрасли и конкурентоспособности бизнеса, данная матрица впервые объединяет ценности потребителей разных маркетинговых эпох (продукт, сервис, впечатление, трансформация) и характер взаимодействия с потребителем (транзакционный, клиентоориентированный, партисипативный, экзистенциальный). Парные комбинации ключевых параметров определяют шестнадцать стратегических возможностей, каждая из которых проиллюстрирована реальными примерами. Примеры охватывают различные сферы деятельности (FMCG, машиностроение, IT, финансы, туризм и HoReCa), что подтверждает универсальность матрицы. Предложенная матрица не привязана жестко к конкретным историческим периодам. Конкретная компания может находиться в любом из возможных состояний в зависимости от своей текущей маркетинговой стратегии. Более того, не исключается одновременное присутствие компании в нескольких квадрантах по разным продуктам или рынкам. Высшим и целевым уровнем мар-

кетингового развития является стратегия «Эдельвейс», предполагающая экзистенциальное взаимодействие в трансформационной эпохе. На этом уровне потребитель становится соавтором бизнес-процессов и инноваций. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что, в отличие от классических стратегических матриц, авторский подход учитывает эмоционально-смысловую составляющую потребительского поведения и позволяет компаниям выстраивать нелинейные траектории стратегического развития. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования в стратегическом маркетинге, бренд-менеджменте и управлении клиентским опытом. Матрица служит инструментом перехода от простых транзакций к партнерству и сотворчеству с потребителями. Статья адресована исследователям, преподавателям, маркетологам-практикам и руководителям, стремящимся к трансформации бизнеса на основе ценностного подхода.

Ключевые слова: стратегическая матрица, маркетинговые эпохи, ценности потребителей, характер взаимодействия, трансформация бизнеса, клиентский опыт, эмоциональный маркетинг, клиентоцентричность, потребительское поведение, стратегический менеджмент

Для цитирования: Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Матрица стратегий бизнеса в маркетинговых эпохах // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 87—92. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1664.

Original article

THE MATRIX OF BUSINESS STRATEGIES
IN MARKETING ERAS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. This article presents the authors' matrix of business strategies in marketing eras, which combines consumer values and the nature of customer interactions. Unlike traditional strategic matrices, which focus on industry attractiveness and business competitiveness, this matrix for the first time integrates consumer values across different marketing eras (product, service, experience, transformation) and the nature of customer interactions (transactional, customer-oriented, participatory, existential). Paired combinations of key parameters define sixteen strategic options, each illustrated with real-world examples. The examples span various industries (FMCG, mechanical engineering, IT, finance, tourism, and HoReCa), confirming the matrix's universality. The proposed matrix is not strictly tied to specific historical periods. A specific company may find itself in any of the possible states depending on its current marketing strategy. Moreover, it is possible for a company to simultaneously be present in several quadrants across different products or markets. The highest and most targeted level of marketing development

is the Edelweiss strategy, which envisions existential interaction in a transformative era. At this level, the consumer becomes a co-creator of business processes and innovations. The theoretical significance of the study lies in the fact that, unlike classical strategic matrices, the author's approach takes into account the emotional and semantic components of consumer behavior and allows companies to build nonlinear trajectories of strategic development. The practical significance lies in the potential application of the study's findings in strategic marketing, brand management, and customer experience management. The matrix serves as a tool for transitioning from simple transactions to partnership and co-creation with consumers. This article is intended for researchers, educators, practicing marketers, and executives seeking business transformation based on a values-based approach.

Keywords: strategic matrix, marketing eras, consumer values, nature of interaction, business transformation, customer experience, emotional marketing, customer-centricity, consumer behavior, strategic management

For citation: Kasimova E. R., Kuznetsova E. V., Ruvenny I. Y. The matrix of business strategies in marketing eras. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = Business. Education. Law. 2026;3(76):87—92. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1664.

Введение

Актуальность. В условиях цифровой трансформации, фрагментации рынков и смещения фокуса с товара и транзакций на управление клиентским опытом, эмоциями и смыслами классические маркетинговые матрицы постепенно перестают отражать всю сложность взаимодействия между компанией и потребителем. Классические матрицы были разработаны в индустриальную или раннюю постиндустриальную эпоху и ориентированы преимущественно на рациональные параметры (долю рынка, темпы роста отрасли, издержки, конкурентоспособность бизнеса и продукта). Современные потребители все чаще выбирают не просто продукт, а впечатления, вовлеченность, соучастие и личностную трансформацию. Возникает разрыв между классическим инструментарием и реальными запросами бизнеса, работающего в цифровой, гибридной и клиентоцентричной среде. Кроме того, компании одновременно сталкиваются с разнородными целевыми аудиториями. Для одних ценностью остается низкая цена и доступность (транзакционная логика), для других — персонализированный сервис и лояльность, для третьих — возможность повлиять на продукт (партиципация), для четвертых — сопричастность бренду, разделяющему их ценности. Существующие матрицы не позволяют оценивать подобную многомерность. Отсутствует инструмент, одновременно учитывающий эволюцию потребительских ценностей и характер отношений с клиентом. Заполнение выявленного пробела определяет актуальность предлагаемого исследования.

Изученность проблемы. Матричный анализ является предметом многогранных исследований в разные временные периоды зарубежных и отечественных ученых. Многие маркетинговые матрицы разрабатываются всемирно известными корпорациями, например, Дженерал

электрик (GE), Бостонская консалтинговая группа (BCG). Гурю маркетинга Ф. Котлер [1] глубоко раскрывает такие матричные инструменты, как SWOT-анализ, матрица стратегий «цена/качество», матрица ролей на рынке, матрица эталонных стратегий роста, матрица эластичности реакции конкурентов. Ж.-Ж. Ламбен создает многокритериальную матрицу, названную в его честь матрицей Ламбена [2]. М. Портер разрабатывает инструменты, активно применимые на практике разными компаниями: карта стратегических групп, матрица стратегий конкурентных преимуществ, цепочка создания стоимости [3]. Матричный подход находит отражение в работе Д. А. Бутусовой в разрезе маркетинговых коммуникаций [4]. Н. Б. Изакова и К. С. Елькина развивают матричный метод Росситера—Перси на рынке FMCG [5].

Авторами данной статьи: Э. Р. Касимовой, Е. В. Кузнецовой, И. Я. Руvenным — предлагается к рассмотрению продолжение темы исследования «Трансформация потребительского поведения в эволюции эпох и продукта в маркетинге» [6]. Основной акцент в новом исследовании делается на формировании матрицы маркетинговых стратегий бизнеса, совмещающих ценности потребителей в рамках маркетинговых эпох и характер взаимодействия с клиентами. В значительной части стратегий лежат эмоции и впечатления потребителей, как отмечают в своих трудах Ю. Тан [7], Дж. Барбалет [8], Б. Дж. Пайн, Дж. Х. Гилмор [9], К. Шарма, П. Кодхати, С. Сукхаваси [10].

Весомое влияние на поведенческие стратегии компаний в маркетинговой деятельности оказывает такой матричный инструмент как карта пути клиента (CJM), рассмотренный в работе Й. Евтич, С. Томич, К. Лекович [11].

Целесообразность разработки темы и методология. Тема обусловлена необходимостью предоставить маркетологам универсальную, но в то же время гибкую методику

для позиционирования и стратегического выбора. Без подобной методики классическая маркетинговая стратегия для стабильных рынков рискует оказаться бесполезной в условиях, когда клиент ждет не просто продукт, а эмоции, соучастие или личностный рост.

Исследование построено на комбинации нескольких методов, каждый из которых решает собственную задачу:

- ретроспективный анализ эволюции маркетинговых эпох (позволил выделить четыре эпохи, которые не вытесняют друг друга, а сосуществуют в разных компаниях в одно и то же время);

- типологизация характера взаимодействия с клиентами (позволила выделить четыре возможных типа взаимодействия, описанных с помощью поведенческих индикаторов);

- построение двухосевой матрицы 4×4 (позволило определить шестнадцать возможных стратегических состояний на пересечении параметров);

- кабинетное исследование и кейс-метод (позволили подобрать верифицированные примеры из российской и мировой практики для каждого из квадрантов матрицы);

- системный анализ (позволил определить логику переходов между квадрантами матрицы);

- метод аналогии (позволил подобрать метафоры из растительного мира и сравнить стратегии с природными феноменами).

Цель исследования — разработать и обосновать матрицу, объединяющую ценности потребителей и характер взаимодействия с клиентами в маркетинговых эпохах, а также дать характеристику шестнадцати стратегическим альтернативам с практическими примерами.

Задачи исследования:

- построить матрицу размером 4×4 и присвоить каждому квадранту матрицы образное название (растительная метафора);

- раскрыть содержание каждой стратегии с практическими примерами;

- показать направления перемещения компаний по матрице и выявить высший уровень развития.

Научная новизна исследования определяется тем, что:

- 1) предложена двухфакторная матрица, в которой одна ось — эволюция потребительских ценностей согласно авторской концепции маркетинговых эпох (продукт, сервис, впечатление, трансформация), а другая ось — характер взаимодействия (транзакционный, клиентоориентированный, партисипативный, экзистенциальный);

- 2) разработана и проиллюстрирована совокупность шестнадцати маркетинговых стратегий с запоминающимися названиями (Подсолнух, Дуб, Плющ, Боярышник, Одуванчик, Бамбук, Ива, Лаванда, Мак, Сакура, Орхидея, Роза, Лотос, Секвойя, Папоротник, Эдельвейс).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно дополняет теорию маркетинговых эпох, связывая ее с типами клиентского взаимодействия, уточняет классификации маркетинговых стратегий за счет включения партисипативного и экзистенциального измерений, создает основу для дальнейших эмпирических исследований в области клиентского опыта и трансформационного маркетинга.

Практическая значимость исследования связана с тем, что его результаты могут использоваться в диагностике текущего стратегического положения компаний; проектировании траекторий их развития; бенчмаркинге

и поиске лучших отраслевых практик; оценке инвестиционной привлекательности и рисков; проектировании конкретных маркетинговых активностей и определении их бюджетов; в стратегических сессиях и корпоративном обучении. Отдельным направлением практического использования являются стартапы и малый бизнес. Матрица проста в использовании и не требует дорогого консалтинга. Основатель стартапа может самостоятельно оценить, какую ценность он может предложить и как будет взаимодействовать с первыми клиентами, например начать с «Дуба» (качество и надежность) или сразу перейти к стратегии «Орхидея» (эмоциональная эксклюзивность).

Основная часть

Авторами предлагается «матрица стратегий бизнеса в маркетинговых эпохах» показывающая сочетание ценностей целевых аудиторий и характер взаимодействия компаний с потребителями.

Одной из осей матрицы выступают ценности клиентов в рамках маркетинговых эпох (продукт, сервис, впечатление, трансформация), а другой — характер взаимодействия с клиентами (транзакционный, клиентоориентированный, партисипативный, экзистенциальный).

Вертикальная ось — это ценности потребителей, соответствующие маркетинговым эпохам, согласно предложенной авторами концепции эволюции маркетинговых эпох. В рамках примитивной аграрной эпохи как таковые ценности отсутствовали, т. к. продукт представлял собой сырье. Появление ценностей целевых аудиторий зарождается в период индустриальной эпохи. Здесь основная ценность потребителей — продукт, удовлетворяющий основные потребности. Сервисная эпоха апеллирует к появлению комплекса услуг, таким образом ценность сводится к сервису, сопутствующему продаже товара. В эпоху впечатлений продукт становится эмоционально окрашенным, поэтому на первый план выходят впечатления и эмоции как главные ценности потребителя. Высшей ступенью эволюции является маркетинговая эпоха трансформации, потребительская ценность которой заключается в трансформации бизнеса на основе клиентского опыта.

Горизонтальная ось — характер взаимодействия с клиентами. Под транзакционным характером взаимодействия с потребителями понимается прагматичный подход построения краткосрочных отношений купли-продажи, ориентированный на простое закрытие потребности для клиента и получение разовой прибыли для компании. Клиентоориентированный характер взаимодействия с покупателями предполагает повышенную удовлетворенность клиентов и строится на отлаженных программах лояльности, итогом которых является формирование долгосрочного сотрудничества или партнерства. Партисипативный характер взаимодействия — это вовлечение потребителей в процесс создания ценностей, принятия решений, производства продукта, продвижения его на рынке и управления им. Экзистенциальный подход к бизнесу актуализирует основное внимание на свободе и уникальности личности, поиске смысла маркетинговой картины мира, через глубокое личностное взаимодействие с другими участниками бизнес-процессов.

По мнению авторов, «матрица стратегий бизнеса в маркетинговых эпохах» визуально представлена на рисунке.

Ценности потребителей	4. Трансформация	1.4 Лотос	2.4 Секвойя	3.4 Пальмоторник	4.4 Эдельвейс
	3. Впечатления	1.3 Мак	2.3 Сакура	3.3 Орхидея	4.3 Роза
	2. Сервис	1.2 Одуванчик	2.2 Бамбук	3.2 Ива	4.2 Лаванда
	1. Продукт	1.1 Подсолнух	2.1 Дуб	3.1 Плющ	4.1 Боярышник
Характер взаимодействия с потребителем					
1. Транзакционный 2. Клиентоориентированный 3. Партиципационный 4. Экзистенциальный					

Рис. Матрица стратегий бизнеса в маркетинговых эпохах (сост. авторами)

Раскроем содержание каждой стратегии по эпохам.

• **Индустриальная эпоха маркетинга:**

1.1. *Стратегия «Подсолнух»* — как подсолнух тянется к солнцу, так и клиент быстро находит нужный товар — быстрая продажа продуктов в отрасли FMCG (товары быстрой оборачиваемости и повседневного спроса). Пример: «Пятерочка» — продажа товаров первой необходимости. Маркетинговая стратегия — фокус на доступности, низких ценах, высокой скорости продаж, стимулировании сбыта.

2.1. *Стратегия «Дуб»* — символ прочности и долговечности — долгосрочная маркетинговая стратегия, базирующаяся на надежности и качестве продуктов. Пример: «КАМАЗ» — крупнейший производитель тяжелых грузовиков в России, известный выносливостью машин в ралли «Дакар», когда техника эксплуатируется в суровых условиях бездорожья. Маркетинговый девиз — грузовик, который не подведет.

3.1. *Стратегия «Плющ»* — выносливое, цепкое, гибкое, долговечное, адаптирующееся под условия внешней среды растение. Компании и клиенты «переплетаются» в маркетинговом взаимодействии. Пример: LEGO — клиенты вовлекаются в краудсорсинговые проекты, предлагая дизайн новых конструкторов.

4.1. *Стратегия «Боярышник»* — символ жизненной мудрости и защиты, ассоциируется с глубинными ценностями и традициями, формируя философию осознанного потребления. Пример: «Северсталь» — крупнейший металлургический комбинат Российской Федерации, активно внедряющий цифровые инновационные технологии, делающий акцент на экологичность и развитие инфраструктуры.

• **Сервисная маркетинговая эпоха:**

1.2. *Стратегия «Одуванчик»* — легкий, воздушный и недолговечный. Маркетинговая стратегия бизнеса предполагает заказ без регистрации, быструю реакцию сервиса, возможность выбора времени, места и параметров услуги под текущую потребность клиента. Пример: «Делимобиль» — бронирование автомобиля в виртуальном приложении и разовая аренда без долгосрочных контрактов.

2.2. *Стратегия «Бамбук»* — символ внутренней гармонии, стабильности, доверия, зрелости и взвешенного подхода к делу. Маркетинговая стратегия бизнеса строится на привлечении клиентов на ранних этапах и их удержании за счет гибких решений, подстраиваемых под потребности клиента. Бизнес компаний можно охарактеризовать через гибкий масштабируемый сервис и быстрый рост вместе

с клиентами. Пример: «СберПрайм» — долгосрочная подписка, предоставляющая доступ к сервисам экосистемы Сбера.

3.2. *Стратегия «Ива»* — ива склоняется, но не ломается, подстраиваясь под окружающую среду. Маркетинговая стратегия бизнеса ориентируется на вовлечение клиентов в процесс оказания сервисных услуг. Пример: Airbnb — бизнес-модель создает многоуровневую систему доверия для хозяев и гостей и позиционируется как сервис «уютный дом местного жителя», а не как альтернатива отелям.

4.2. *Стратегия «Лаванда»* — аромат успокаивает и наполняет смыслом, поэтому сервис рассматривается как источник гармонии, умиротворения и квинтэссенции покоя. Пример: «Янган-Тау» — уникальный бальнеологический курорт с целебными паровыми лечебницами. Маркетинговая стратегия позволяет выделиться на природных ресурсах и предлагает клиентам не просто отдых и лечение, а приобретение целостного опыта умиротворения и баланса.

• **Маркетинговая эпоха впечатлений:**

1.3. *Стратегия «Мак»* — яркий алый цветок, быстро распускается и увядает, символизируя мгновенные краткосрочные эмоции потребителей. Маркетинговая стратегия опирается на мгновенные эмоции и впечатления потребителей, результатом которых являются импульсные покупки и пользовательский вирусный креативный контент [12]. Пример: «Вкусно — и точка» — предложение лимитированных продуктов, флешмонов, вирусных челленджей, стимулирующих повторные визиты и повышающих вовлеченность зумеров. В фокусе внимания — мгновенное удовольствие от превращения каждой покупки в эмоциональное мини-событие.

2.3. *Стратегия «Сакура»* — деревья, покрытые розовыми пышными цветами, символизирующими японские традиции, хрупкость, новое начало и веру в будущее, постоянство и нежность. Маркетинговая стратегия — сложившийся тренд, когда бренд создает у потребителя ощущение причастности к прекрасному, быстротечному, повторяющемуся моменту. Пример: ежегодно в преддверии нового года и рождества потребители по всему миру с воодушевлением встречают рекламную кампанию Coca-Cola, ассоциируя ее с праздниками.

3.3. *Стратегия «Орхидея»* — требует заботы и участия для выращивания красивоцветущих растений в оранжереях. Маркетинговая стратегия — ассоциируется с утонченностью, эксклюзивностью продуктов и долгосрочными результатами. Бренды делают акцент на заботе, индивидуальном подходе и вознаграждаются лояльностью аудитории премиум-сегмента. Пример: бренд Pandora превращает покупку украшения в процесс создания личной истории, когда покупатель генерирует неповторимый браслет с уникальными шармами, отражающими важные моменты личной жизни клиента.

4.3. *Стратегия «Роза»* — цветок розы символизирует любовь, красоту, чистоту, неприступность, мистику, духовность, совершенство. В рамках маркетинговой стратегии компания разрабатывает не просто продукт, а делится с потребителями эмоциональным опытом, меняющим восприятие мира [13]. Цены, как правило, устанавливаются высокие, подчеркивающие эксклюзивность и премиальность. Пример: «Цирк дю Солей» — лидер в индустрии развлечений, превращающий каждое шоу в символ красоты, искусства и совершенства человеческого потенциала.

• **Маркетинговая эпоха трансформации:**

1.4. *Стратегия «Лотос»* — символ гармонии, красоты, эстетики, чистоты и духовного роста. Маркетинговая стратегия компаний выстраивается на основе автоматизации транзакций, которые снижают затраты на обслуживание и повышают частоту сделок, персонализации и обратной связи, укрепляющих доверие и усиливающих программы лояльности. Ядром маркетинговой стратегии является экосистемность: интеграция с разными платформами в рамках реализации производственно-распределительных бизнес-процессов. Пример: компания *Ozon* использует классическую модель *e-commerce* с персонализированными рекомендациями, чат-ботами, ИИ-поддержкой.

2.4. *Стратегия «Секвойя»* — как одно из самых высоких и долгоживущих деревьев в мире, символизирует стремление к развитию, устойчивость и долговечность. Маркетинговые стратегии компаний подчеркивают масштабность, надежность и непрерывное совершенствование своих продуктов. Клиент — не просто покупатель, а ключевой партнер и источник идей для развития компаний, которые перестраивают корпоративный менеджмент и бизнес-модель на основе анализа клиентского опыта. Пример: иммерсивный ресторан «Кусочки Экстра» — это не обычное заведение общественного питания, а пространство, где клиенты становятся участниками уникального, эмоционального, многосенсорного клиентского опыта (CX) [14]. Маркетинговая стратегия реализует принципы глубокой персонализации, фиджитал-маркетинга (O2O), сторителлинга, обратной связи и трансформации [15]. Сюжетные зоны ресторана разделены на уникальные локации, где совмещается формат кафе и театрального искусства: тюремная камера, квартира, купе, дача, психбольница.

3.4. *Стратегия «Папоротник»* — мощный визуальный и смысловой образ, ассоциирующийся со свежестью, натуральностью, устойчивостью, уникальностью. Маркетинговая стратегия компаний предполагает вовлечение клиентов в создание и развитие продуктов, использование обратной связи для трансформации бизнес-процессов, интеграции CX во все уровни управления, формирование программ лояльности и партнерских отношений. Пример: медовый бизнес с пчелошерингом и облачной пасекой использует современные цифровые платформы для вовлечения клиентов, делает акцент на экологичности, прозрачности происхождения меда. Уникальный клиентский опыт строится на экскурсиях, дегустациях, мастер-классах, стримах, онлайн-доступах к данным о пасеке, подарках-сюрпризах, подчеркивая социальную роль дарителя [16].

4.4. *Стратегия «Эдельвейс»* — символ, ассоциирующийся с редкостью, стойкостью, альпийским духом, уникальным позиционированием и эмоциональной связью с аудиторией. Маркетинговая стратегия компаний формирует технологические платформы, где компания становится

партнером по самореализации клиентов, создает экосистему с ориентацией на свободу, уникальность и поиск смысла для каждого человека. Пример: «Яндекс» строит стратегию на признании уникальности и свободы личности каждого пользователя. Философия бизнеса заключается в предоставлении не просто удобных сервисов, а создании пространства, где клиент может реализовать свои цели, найти смысл, раскрыть потенциал и пройти глубокую трансформацию. Взаимодействие бренда с целевыми аудиториями становится двухсторонним, когда Яндекс не только предлагает готовые решения, но и учится у пользователей, вовлекая их в совместное создание будущего.

Предложенные авторами стратегии бизнеса в маркетинговых эпохах не связаны строго с историческими временными периодами, т. е. любая современная компания в момент маркетинговой диагностики может находиться в любом из шестнадцати стратегических квадрантов.

Заключение

Резюмируя, можно сделать следующие выводы. В условиях современной экономики, характеризующейся высокой динамикой и неопределенностью, трансформационное взаимодействие с клиентами становится ключевым фактором стратегического развития компании. Такой подход позволяет не только гибко изменять позиционирование бренда, но и формировать нелинейные траектории в «матрице стратегий бизнеса в маркетинговых эпохах». Согласно авторской концепции, высшим стратегическим маркетинговым уровнем развития компании является стратегия «Эдельвейс», которая отражает переход от транзакционных моделей к ценностно-ориентированным, где клиент становится соавтором бизнес-процессов и инноваций. Однако процесс трансформации носит непрерывный характер и не имеет конечной точки эволюции. Развитие цифровых технологий, изменение потребительских паттернов и социокультурных контекстов неизбежно приведут к формированию стратегий следующего поколения, которые будут опираться на еще более глубокую интеграцию клиентского опыта, искусственного интеллекта и экзистенциальных ценностей. Перспективными направлениями дальнейшего исследования являются эмпирическая проверка матрицы на репрезентативной выборке с использованием факторного и кластерного анализа; разработка методики оценки «зрелости взаимодействия» по каждому из типов с созданием шкалы и опросника; изучение траекторий перехода между квадрантами; адаптация матрицы для B2B-рынков, на которых впечатления и трансформация имеют свою специфику; определение роли искусственного интеллекта в дальнейшей эволюции маркетинговых эпох (например, возможность «когнитивной» эпохи, в которой ценностью станет предсказание желаний потребителя до их осознания).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Котлер Ф., Сетиаван А., Картаджайа Х. Маркетинг 5.0. Технологии следующего поколения. М. : Бомбора, 2022. 272 с.
2. Ламбен Ж.-Ж. Чумпитас Р. К., Шулинг И. Менеджмент, ориентированный на рынок: стратегический и операционный маркетинг. 2-е изд. СПб. : Питер, 2019. 720 с.
3. Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов : практ. рук. 6-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2016. 457 с.
4. Бутусова Д. А. Теоретические подходы к управлению маркетинговыми коммуникациями. Матричный подход // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 10. С. 4021—4038. DOI: 10.18334/ce.16.10.116333.

5. Изакова Н. Б., Елькина К. С. Матричный метод Росситера—Перси при разработке коммуникационной стратегии производителя хлебобулочных изделий // *e-FORUM*. 2021. Т. 5. № 2. URL: <https://usue-journal.ru/ru/vypuski-2021?id=308>.
6. Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Трансформация потребительского поведения в эволюции эпох и продукта в маркетинге // *Бизнес. Образование. Право*. 2026. № 2(75). С. 102—107. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1603.
7. Tan Y. An Analysis of Emotional Marketing Mechanisms Strategies and Consumer Responses // *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2024. Vol. 135. Pp. 1—6. DOI: 10.54254/2754-1169/2024.18636.
8. Barbalet J. 'Honey, I shrunk the emotions': Late modernity and end of emotions // *Emotions and Society*. 2019. Vol. 1. No. 2. Pp. 133—146. DOI: 10.1332/263168919X15662881966944.
9. Пайн Б. Дж., Гилмор Дж. Х. Экономика впечатлений. Как превратить покупку в захватывающее действие. М.: Альпина Паблишер, 2026. 384 с.
10. Sharma K., Kodhati P., Sukhavasi S. Emotional marketing on consumer behaviour – perception study // *International Journal on Customer Relations*. 2022. Vol. 10. Iss. 2. Pp. 1—8.
11. Jevtić J., Tomić S., Leković K. Customer experience in the tourism industry – Determinants influencing complaint behavior // *Hotel and Tourism Management*. 2020. Vol. 8. No. 2. Pp. 25—33. DOI: 10.5937/menhottur2002025J.
12. Рувенный И. Я., Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В. Актуализация применения креативных технологий в маркетинге // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 2(55). С. 79—83. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.210.
13. Рувенный И. Я., Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В. Сущность и технологии маркетинга эмоций // *Бизнес. Образование. Право*. 2022. № 1(58). С. 59—63. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.118.
14. Becker L., Jaakkola E. Customer experience: fundamental premises and implications for research // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2020. Vol. 48. Pp. 630—648. DOI: 10.1007/s11747-019-00718-x.
15. Сун Чжэни. Трансформация и повышение эффективности маркетинга предприятия, O2O коммерция или омниканал // *Бизнес. Инновации. Экономика*: сб. науч. ст. Минск: Ин-т бизнеса БГУ, 2024. Вып. 9. С. 133—139. (На англ. яз.)
16. Bawack R. E., Bonhoure E., Kamdjoug J.-R. K., Giannakis M. How social media live streams affect online buyers: A uses and gratifications perspective // *International Journal of Information Management*. 2023. Vol. 70. Art. 102621. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2023.102621.

REFERENCES

1. Kotler Ph., Kartajaya H., Setiawan I. *Marketing 5.0: Technology for Humanity*. Hoboken, NJ, John Wiley & Sons Inc., 2021. 206 p.
2. Lambin J.-J., Chumpitaz R., Schuiling I. *Market-driven management: strategic and operational marketing*. 2nd ed. Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan, 2007. xxxvi + 477 p.
3. Porter M. E. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. Free Press, 2008. 436 p.
4. Butusova D. A. Theoretical approaches to marketing communications management. The matrix approach. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2022;16(10):4021—4038. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.16.10.116333.
5. Izakova N. B., Elkina K. S. The Rossiter-Percy matrix method in the development of a communication strategy for a manufacturer of bakery products. *e-FORUM*. 2021;5(2). (In Russ.) URL: <https://usue-journal.ru/ru/vypuski-2021?id=308>.
6. Kasimova E. R., Kuznetsova E. V., Ruvenny I. Y. Transformation of consumer behavior in the evolution of eras and product in marketing. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):102—107. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1603.
7. Tan Y. An Analysis of Emotional Marketing Mechanisms Strategies and Consumer Responses. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2024;135:1—6. DOI: 10.54254/2754-1169/2024.18636.
8. Barbalet J. 'Honey, I shrunk the emotions': Late modernity and end of emotions. *Emotions and Society*. 2019;1(2):133—146. DOI: 10.1332/263168919X15662881966944.
9. Pine B. J., Gilmore J. H. *The Experience Economy*. Boston, Mass.: Harvard Business Review Press, 2011. xxvii + 359 p.
10. Sharma K., Kodhati P., Sukhavasi S. Emotional marketing on consumer behaviour – perception study. *International Journal on Customer Relations*. 2022;10(2):1—8.
11. Jevtić J., Tomić S., Leković K. Customer experience in the tourism industry – Determinants influencing complaint behavior. *Hotel and Tourism Management*. 2020;8(2):25—33. DOI: 10.5937/menhottur2002025J.
12. Ruvenny I. Ya., Kasimova E. R., Kuznetsova E. V. Updating the application of creative technologies in marketing. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2021;2(55):79—83. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.210.
13. Ruvenny I. Ya., Kasimova E. R., Kuznetsova E. V. The essence and technologies of emotion marketing. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2022;1(58):59—63. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.118.
14. Becker L., Jaakkola E. Customer experience: fundamental premises and implications for research. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2020;48:630—648. DOI: 10.1007/s11747-019-00718-x.
15. Song Zhengyi. Transformation and upgrading of enterprise marketing, O2O commerce or omni-channel. *Biznes. Innovatsii. Ekonomika = Business. Innovations. Economics. Collection of scientific articles*. Minsk, Institute of Business of the Belarusian State University publ., 2024;9:133—139.
16. Bawack R. E., Bonhoure E., Kamdjoug J.-R. K., Giannakis M. How social media live streams affect online buyers: A uses and gratifications perspective. *International Journal of Information Management*. 2023;70:102621. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2023.102621.

Статья поступила в редакцию 17.05.2026; одобрена после рецензирования 11.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.
The article was submitted 17.05.2026; approved after reviewing 11.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Научная статья
УДК 338.28
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1682

Ivan Vyacheslavovich Kosarev

Postgraduate of the Department of Information Technology,
scientific specialty
5.2.2 — Mathematical, statistical
and instrumental methods in economics,
Moscow University
for Industry and Finance “Synergy”
Moscow, Russian Federation
kosarev.i.v@gmail.com

Sergey Alexandrovich Alimov

Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Applied Mathematics,
Moscow University
for Industry and Finance “Synergy”
Moscow, Russian Federation
alimov_sergei@mail.ru

Иван Вячеславович Косарев

аспирант кафедры информационных технологий,
научная специальность
5.2.2 — Математические, статистические
и инструментальные методы в экономике,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
Москва, Российская Федерация
kosarev.i.v@gmail.com

Сергей Александрович Алимов

канд. экон. наук,
доцент кафедры прикладной математики,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
Москва, Российская Федерация
alimov_sergei@mail.ru

ФАКТОРЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЯПОНИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

5.2.2 — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике

Аннотация. В статье рассматривается инвестиционная привлекательность Японии в условиях разрыва между ее устойчивыми позициями в мировой экономике и внутренними ограничениями роста. При этом акцент сделан на недостаточно изученном влиянии макроэкономических, институциональных и региональных факторов на приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Материалом исследования послужили годовые данные World Bank, IMF, OECD, Bank of Japan, Statistics Bureau of Japan и JETRO за 2000—2024 гг., обработанные с применением описательной статистики, сравнительного анализа и регрессионной логики временного ряда для оценки связи притока ПИИ с макроэкономическими, институциональными, инновационными и региональными факторами инвестиционной привлекательности Японии.

Рассмотрены факторы, определяющие инвестиционную привлекательность Японии: приток ПИИ, инфляция, безработица, государственный долг, внешнеторговая открытость, качество регулирования и территориальная концентрация капитала. Основные проблемы проявляются в ограниченном масштабе иностранного капитала и внутренних структурных барьерах. В 2024 г. доля накоп-

ленных ПИИ составила только 8,7 % ВВП, рост ВВП — 0,1 %, государственный долг — около 236,66 % ВВП, а численность населения старше 65 лет — 36,243 млн чел., или 29,3 % населения. Повышение инвестиционной привлекательности предложено связывать с макроэкономической предсказуемостью и снижением административных барьеров для иностранных инвесторов.

Полученные результаты показывают, что инвестиционная привлекательность Японии определяется сочетанием макроэкономической устойчивости, качества регулирования, технологического потенциала и региональной концентрации деловой активности, а выводы исследования могут применяться при оценке инвестиционных рисков, снижении административных барьеров, поддержке НИОКР, развитии человеческого капитала и формировании промышленных кластеров вне крупнейших агломераций.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, Япония, прямые иностранные инвестиции, макроэкономические факторы, институциональная среда, региональное развитие, эмпирический анализ, экономический рост, инвестиционные риски, региональные данные, регрессионная модель

Для цитирования: Косарев И. В., Алимов С. А. Факторы инвестиционной привлекательности Японии: эмпирический анализ макроэкономических, институциональных и региональных данных // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 93—99. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1682.

Original article

FACTORS OF JAPAN'S INVESTMENT ATTRACTIVENESS: AN EMPIRICAL ANALYSIS OF MACROECONOMIC, INSTITUTIONAL AND REGIONAL DATA

5.2.2 — Mathematical, statistical and instrumental methods in economics

Abstract. *The article examines Japan's investment attractiveness amid the gap between its stable position in the global economy and domestic constraints on growth. The focus is placed on the insufficiently studied influence of macroeconomic, institutional and regional factors on foreign direct investment inflows. The study is based on annual data from the World Bank, IMF, OECD, Bank of Japan, Statistics Bureau of Japan, and JETRO for 2000-2024, processed using descriptive statistics, comparative analysis, and a time-series regression framework to assess the relationship between FDI inflows and the macroeconomic, institutional, innovation-related, and regional factors of Japan's investment attractiveness.*

The article examines the factors determining Japan's investment attractiveness: foreign direct investment inflows, inflation, unemployment, public debt, foreign trade openness, regulatory quality and the territorial concentration of capital. The main problems are reflected in the limited scale of foreign capital and internal structural barriers.

In 2024, the stock of foreign direct investment amounted to only 8.7% of GDP, GDP growth was 0.1%, public debt was about 236.66% of GDP, and the population aged 65 and over reached 36.243 million people, or 29.3% of the total population. Strengthening investment attractiveness is linked to macroeconomic predictability and the reduction of administrative barriers for foreign investors.

The results show that Japan's investment attractiveness is shaped by a combination of macroeconomic stability, regulatory quality, technological capacity, and the regional concentration of business activity, while the findings may be used to assess investment risks, reduce administrative barriers, support R&D, develop human capital, and form industrial clusters outside the largest agglomerations.

Keywords: *investment attractiveness, Japan, foreign direct investment, macroeconomic factors, institutional environment, regional development, empirical analysis, economic growth, investment risks, regional data, regression model*

For citation: Kosarev I. V., Alimov S. A. Factors of Japan's investment attractiveness: an empirical analysis of macroeconomic, institutional and regional data. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):93—99. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1682.

Введение

Оценка инвестиционной привлекательности Японии становится особенно значимой на фоне расхождения между устойчивыми позициями страны в мировой экономике и внутренними ограничениями ее роста. Стабильные институты и высокий технологический уровень здесь сочетаются с медленным ростом экономики, инфляционным давлением, пересмотром денежно-кредитной политики, значительной долговой нагрузкой и неравномерной динамикой прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ). По данным JETRO, в 2024 г. приток ПИИ в Японию составил 2,5 трлн иен, что на 13,6 % ниже уровня предыдущего года. При этом накопленный объем ПИИ увеличился до 53,3 трлн иен, или 8,7 % ВВП; в 2023 г. он составлял 50,5 трлн иен, или около 8,5 % ВВП. МВФ указывает на заметное замедление японской экономики в 2024 г. и ожидает рост на 1,2 % в 2025 г. Среди основных рисков названы высокая задолженность, слабый внутренний спрос и ужесточение финансовых условий. Инфляция усиливает давление на инвестиционную среду. В 2025 г. индекс потребительских цен вырос на 3,2 % к предыдущему году, превысив целевой ориентир Банка Японии в 2 %, это отражается на стоимости капитала, реальных доходах и ожиданиях инвесторов.

Актуальность темы связана с разрывом между высоким технологическим, институциональным и производственным потенциалом Японии и умеренным притоком ПИИ. Япония имеет развитую промышленную базу, стабильную правовую систему, высокий научно-технологический уровень и емкий внутренний рынок. Инвестиционную активность при этом ограничивают административные барьеры, старение населения, нехватка рабочей силы, концентрация деловой активности в крупнейших агломерациях и макроэкономические риски. Оценка инвестиционной

привлекательности Японии поэтому должна учитывать не только общие экономические показатели, но и институциональные, отраслевые и региональные условия размещения капитала.

Степень изученности проблемы показывает, что инвестиционная привлекательность Японии рассматривается в научной литературе с разных позиций, однако эти позиции не дают целостного объяснения динамики притока ПИИ. В работах Р. Киаппини и Ф. Вио [1], М. Камареро, С. Молинера и К. Тамарита [2], А. Цеслика и М. Райана [3] основное внимание уделяется макроэкономическим условиям привлечения капитала: темпам роста ВВП, инфляции, валютному курсу, процентным ставкам, уровню сбережений и долговой нагрузке. Такой подход позволяет выявить общую зависимость инвестиционных потоков от состояния экономики, но слабо объясняет, почему при развитой промышленной базе, высокой технологичности и устойчивых институтах Япония сохраняет сравнительно умеренный уровень входящих ПИИ.

В исследованиях И. Л. Тимониной [4], Я. В. Дёминой и М. Г. Мазитовой [5], И. Ю. Наумовой [6], А. А. Ильинского [7], Д. В. Сулова [8] акцент переносится на институциональные условия: качество регулирования, предсказуемость государственной политики, защиту прав инвесторов, административные барьеры и особенности деловой среды. Данный подход важен для понимания специфики японской модели, однако в большинстве случаев Япония рассматривается как единое экономико-институциональное пространство. В результате недостаточно раскрывается различие между секторами и регионами, где реальные условия размещения капитала могут существенно отличаться.

Отдельное направление представлено работами Т. А. Горошниковой [9], Д. С. Шавыровой [10], Д. А. Изотова [11], А. Ф. Прасола [12], Е. А. Горячевой [13],

Л. А. Гамзы [14], Н. А. Волгиной [15], И. Л. Тимониной [16], в которых анализируются промышленная специализация, инновационная инфраструктура, кадровый потенциал и роль крупнейших экономических центров — Токио, Осаки и Айти. Эти исследования показывают, что инвестиционный потенциал Японии территориально неоднороден, однако региональный анализ обычно не связывается с общей динамикой притока ПИИ и макроэкономическими ограничениями страны.

Таким образом, проблема существующих исследований состоит не в отсутствии отдельных оценок инвестиционной привлекательности Японии, а в их разобщенности. Макроэкономические показатели, институциональная среда и региональная структура инвестиционного потенциала чаще изучаются отдельно, тогда как приток ПИИ формируется под одновременным воздействием этих факторов. Это определяет необходимость комплексной эмпирической оценки, позволяющей сопоставить макроэкономические, институциональные и региональные параметры и выявить, какие из них наиболее существенно связаны с инвестиционной активностью иностранных компаний в Японии.

Научная новизна исследования заключается в оценке инвестиционной привлекательности Японии через единую эмпирическую модель, включающую макроэкономические, институциональные и региональные факторы. Такой подход позволяет определить параметры, наиболее тесно связанные с динамикой ПИИ, и выявить ограничения, сдерживающие инвестиционный потенциал Японии.

Цель исследования — выявить макроэкономические, институциональные и региональные факторы инвестиционной привлекательности Японии и оценить их связь с притоком ПИИ.

Задачи исследования:

- рассмотреть теоретические подходы к оценке инвестиционной привлекательности;
- описать макроэкономические и институциональные условия привлечения капитала в Японию;
- определить региональные различия инвестиционной среды; оценить связь выбранных факторов с притоком ПИИ;
- выявить ограничения, влияющие на инвестиционную активность иностранных компаний.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении факторов, формирующих инвестиционную привлекательность Японии как принимающей экономики.

Практическая значимость связана с применением полученных результатов при оценке инвестиционных рисков, подготовке мер экономической политики и сравнении условий привлечения иностранного капитала.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили годовые данные *World Bank*, *IMF*, *OECD*, *Bank of Japan*, *Statistics Bureau of Japan* и *JETRO* за 2000—2024 гг. В качестве зависимой переменной использован приток ПИИ в Японию в процентах к ВВП, поскольку этот показатель отражает интенсивность входа иностранного капитала с учетом масштаба национальной экономики. В число объясняющих переменных включены темп роста ВВП, инфляция, безработица, государственный долг, торговая открытость, расходы на НИОКР и качество регулирования.

Эмпирическая часть исследования ориентирована на проверку связи между притоком ПИИ и выбранными макроэкономическими, институциональными и инновационными факторами. Для этого использована регрессионная логика анализа временного ряда за 2000—2024 гг., позволяющая сопоставить динамику притока иностранного капитала с изменением темпов роста ВВП, инфляции, безработицы, государственного долга, торговой открытости, расходов на НИОКР и качества регулирования. Оценка факторов предполагает определение направления связи, проверку ее статистической значимости и сопоставление полученных результатов с экономическим содержанием показателей.

В рамках регрессионной оценки проверялась не только направленность связи между переменными, но и ее статистическая устойчивость. Это важно, поскольку сам по себе знак коэффициента не позволяет сделать вывод о влиянии фактора на приток ПИИ. Например, положительный коэффициент при торговой открытости может соответствовать теоретическому ожиданию, однако при высоком p -значении такая связь не может рассматриваться как надежная. Поэтому интерпретация результатов строилась по двум критериям: экономическому смыслу коэффициента и уровню его статистической значимости.

На первом этапе оценивалась базовая модель с полным набором факторов. На втором этапе сопоставлялись значения t -статистик и p -значений, что позволило выделить переменные, связь которых с притоком ПИИ имеет наибольшее эмпирическое подтверждение. На третьем этапе результаты сравнивались с содержательной логикой японской экономики: развитая технологическая база и внешне-торговая открытость должны поддерживать приток капитала, тогда как высокая долговая нагрузка, слабая динамика ВВП и инфляционное давление способны снижать инвестиционную активность иностранных компаний.

Институциональный блок анализа представлен показателем качества регулирования, поскольку он отражает предсказуемость правил и уровень административных рисков для иностранного капитала. Региональный блок использован для интерпретации территориальной концентрации инвестиционного потенциала в крупнейших экономических центрах Японии, включая Токио, Осаку и Айти. Дополнительно применялись сравнительный анализ и описательная статистика, позволившие сопоставить динамику макроэкономических, институциональных и региональных показателей с изменением притока ПИИ.

Результаты исследования. Инвестиционная привлекательность страны выражается в способности экономики привлекать и удерживать капитал благодаря емкости рынка, устойчивому росту, развитым институтам, технологической базе, открытости и предсказуемым финансовым условиям. В Японии эта характеристика неоднозначна: высокий технологический уровень, сильные корпорации и стабильная институциональная среда сочетаются с демографическим старением, значительной долговой нагрузкой и слабым потенциалом роста. По официальным данным, в 2024 г. в Японии насчитывалось 36,243 млн чел. старше 65 лет, что составляло 29,3 % населения. Такая возрастная структура усиливает нагрузку на рынок труда, бюджетную систему и внутренний спрос. Международный валютный фонд относит долгосрочные риски японской экономики к высокому государственному долгу и росту расходов, связанных со старением населения. Отдельно выделяются восстановление бюджетных резервов, закрепление инфляционных ожиданий и необходимость структурных реформ [7].

Институциональные факторы показывают, насколько регулирование, защита прав инвесторов, качество управления и деловая среда делают вложения в Японию предсказуемыми и безопасными для иностранного капитала [8].

Для Японии этот блок имеет особое значение: развитые институты здесь сочетаются с барьерами входа, закрытостью отдельных отраслей и сильными позициями национальных корпоративных структур (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели инвестиционной привлекательности Японии и их роль в оценке притока ПИИ

Группа показателей	Показатель	Значение по Японии	Роль в исследовании
Зависимая переменная	Приток ПИИ, % ВВП	0,43	Отражает интенсивность притока иностранного капитала относительно размера экономики
	Приток ПИИ, млрд текущих доллары США	16,16	Показывает фактический объем входящих иностранных инвестиций
Макроэкономика	ВВП на душу населения, текущие доллары США	32 487,1	Характеризует уровень развития рынка и платежеспособный спрос
	Темп роста ВВП, %	0,1	Показывает динамику экономической активности
	Инфляция, потребительские цены, %	2,74	Отражает ценовую устойчивость и предсказуемость издержек
Рынок труда	Безработица, % рабочей силы	2,5	Характеризует состояние рынка труда и доступность рабочей силы
Денежно-кредитные условия	Краткосрочная ставка Банка Японии	0,25	Показывает стоимость капитала и условия финансирования
Фискальная устойчивость	Государственный долг, % ВВП	≈236,7	Характеризует фискальные риски и ограничения бюджетной политики
Внешняя открытость	Торговая открытость, экспорт + импорт, % ВВП	46,4	Показывает включенность экономики в мировую торговлю и производственные цепочки
Сбережения	Валовые сбережения, % ВВП	31,1	Отражает внутреннюю базу накопления капитала
Инновационный потенциал	Расходы на НИОКР, % ВВП	3,44	Характеризует технологический потенциал экономики
Цифровая инфраструктура	Пользователи интернета, % населения	86	Показывает уровень цифровой среды для технологических и сервисных инвестиций

Примечание: все значения показателей приведены по состоянию на 2024 г., кроме инновационного потенциала, значение которого приведено на 2023 г.

На диаграмме видно, что накопленный объем входящих ПИИ вырос с 23,7 трлн иен в 2014 г. до 53,3 трлн иен в 2024 г. Однако их доля в ВВП в 2024 г. составила лишь 8,7 %, поэтому присутствие иностранного капитала остается ограниченным по сравнению с масштабом японской

экономики. Макроэкономическая ситуация также выглядит противоречиво. Безработица остается низкой — 2,5 %, но рост ВВП составил всего 0,1 %, инфляция достигла 2,74 %, а внешнеторговая открытость поднялась до 46,4 % ВВП (см. рис.).

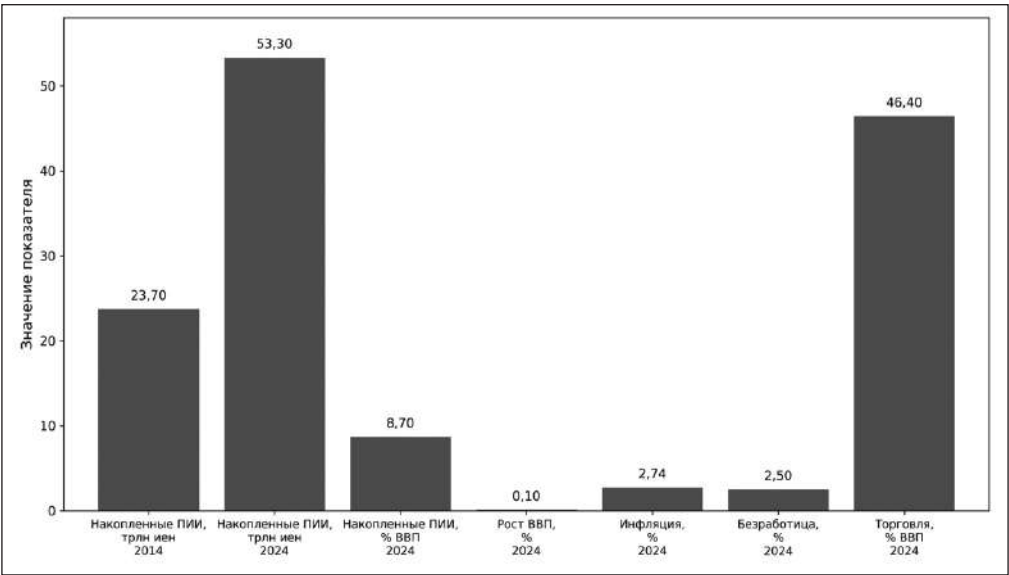

Рис. Динамика и структура ключевых показателей инвестиционной привлекательности Японии

Региональный уровень целесообразно рассматривать через сравнение ведущих экономических центров Японии. Основу такого сравнения составляют деловая активность, профиль промышленности, кадровый потенциал и развитие инновационной инфраструктуры [8]. По данным *JETRO*, условия ведения бизнеса в японских регионах различаются существенно. Эти различия влияют на то, где иностранные компании размещают производство, офисы и новые проекты. Токио выделяется концентрацией штаб-квартир крупных компаний. Его инвестиционный потенциал также связан с разнообразной отраслевой структурой, устойчивыми связями университетов с бизнесом и развитым сектором малого и среднего предпринимательства [9]. Осака насчитывает около 8,8 млн жителей. При валовом региональном

продукте около 362,5 млрд долларов США она занимает положение крупнейшего экономического центра западной Японии [10].

В то же время Айти отличается выраженной промышленной специализацией. В префектуре сосредоточены автомобилестроение, аэрокосмическая отрасль и транспортное машиностроение. Поэтому региональный анализ не должен ограничиваться средними национальными показателями. Он должен учитывать концентрацию инвестиционного потенциала в Токио, Осаке и Айти, поскольку именно территориальные различия формируют реальные условия размещения иностранного капитала [11]. Для наглядности эти связи представлены в таблице факторов инвестиционной привлекательности Японии (табл. 2).

Таблица 2

Ожидаемое влияние факторов инвестиционной привлекательности Японии на приток ПИИ

Фактор	Ожидаемое направление связи с ПИИ	Экономическая интерпретация	Блок анализа
Темп роста ВВП	Положительное	Рост экономики расширяет рыночный спрос и повышает интерес инвесторов	Макроэкономический
Инфляция	Отрицательное	Рост цен увеличивает неопределенность и влияет на стоимость капитала	Макроэкономический
Курс иены	Двойственное	Ослабление иены снижает стоимость входа, но повышает валютные риски	Макроэкономический
Процентная ставка	Отрицательное/смешанное	Рост ставки удорожает финансирование, но может отражать нормализацию политики	Денежно-кредитный
Торговая открытость	Положительное	Включенность в экспортно-импортные цепочки повышает привлекательность рынка	Внешнеэкономический
НИОКР	Положительное	Инновационная база усиливает интерес к высокотехнологичным секторам	Инновационный
Государственный долг	Отрицательное	Высокая долговая нагрузка повышает фискальные риски	Фискальный
Качество регулирования	Положительное	Предсказуемые правила снижают институциональные риски	Институциональный
Верховенство права	Положительное	Защита прав собственности и контрактов повышает доверие инвесторов	Институциональный
Региональные кластеры	Положительное	Концентрация промышленной и технологической базы облегчает размещение капитала	Региональный

После определения ожидаемого влияния факторов в исследовании раскрывается структура регрессионной модели, предназначенной для оценки связи между инвестиционной привлекательностью Японии и притоком ПИИ. В качестве зависимой переменной выбран приток ПИИ в процентах к ВВП, поскольку этот показатель отражает не только объем входящего иностранного капитала, но и его соотношение с масштабом национальной экономики. Эмпирическая база модели охватывает годовой временной ряд за 2000—2024 гг., т. е. 25 наблюдений. В состав объясняющих переменных включены семь показателей: темп роста ВВП, инфляция, безработица, государственный долг, торговая открытость, расходы на НИОКР и качество регулирования. Такой набор переменных позволяет сопоставить макроэкономические, внешнеэкономические, инновационные и институциональные условия привлечения капитала.

Оценка модели предполагает не только определение направления связи между факторами и притоком ПИИ, но и проверку статистической значимости каждого показателя. Для этого по каждому коэффициенту учитываются его знак, экономический смысл, *t*-статистика и *p*-значение. Связь признаётся статистически значимой при $p < 0,05$;

при p от 0,05 до 0,10 она рассматривается как умеренно значимая; при p выше 0,10 влияние фактора не считается статистически подтвержденным. Качество модели оценивается с помощью коэффициента детерминации R^2 и скорректированного R^2 , которые показывают, какая часть изменения притока ПИИ объясняется выбранными факторами. Такой подход позволяет перейти от общего описания инвестиционной среды Японии к проверке того, какие параметры действительно связаны с притоком иностранного капитала. Положительный значимый коэффициент указывает на фактор, усиливающий приток ПИИ, а отрицательный значимый коэффициент — на ограничитель инвестиционной активности. Если показатель имеет ожидаемое направление связи, но не подтверждается по уровню значимости, его следует рассматривать только как дополнительную характеристику инвестиционной среды, а не как доказанный фактор притока иностранного капитала.

Такая структура факторов требует точного выбора зависимой переменной [12]. Она должна показывать не общий потенциал экономики, а реальное решение иностранного инвестора вложить капитал в Японию. Выбор ПИИ в качестве зависимой переменной связан с их экономическим

содержанием. Организация экономического сотрудничества и развития рассматривает этот показатель как трансграничные операции, при которых инвестор получает устойчивый интерес и влияние на предприятие в другой экономике. *World Bank* содержит по Японии сопоставимый ряд ПИИ в процентах к ВВП за 1970—2024 гг., поэтому этот показатель можно применять в анализе временных рядов.

Интерпретация коэффициентов должна показывать, через какой механизм каждый фактор связан с притоком ПИИ. Так, положительная связь с ростом ВВП указывает на расширение рыночного спроса, тогда как отрицательная связь с инфляцией отражает реакцию инвесторов на ценовую нестабильность [13]. Валютный канал раскрывается через курс иены: ослабление национальной валюты удешевляет вход на рынок, но одновременно повышает риск пересчета будущих доходов. Торговая открытость показывает значение экспортно-импортных цепочек, а НИОКР — роль технологической базы в привлечении капитала. При этом отрицательный коэффициент при государственном долге отражает влияние фискальных ограничений на ожидания инвесторов. Такая логика соотносится со структурой японской экономики: технологическая специализация и включенность в международные производственные связи поддерживают интерес капитала, тогда как долговая нагрузка и слабый рост сдерживают его динамику. В 2024 г. валовой государственный долг Японии достигал около 236,66 % ВВП [14]. Одновременно численность населения старше 65 лет составила 36,243 млн чел., или 29,3 % населения, что усиливает нагрузку на бюджет, рынок труда и внутренний спрос.

Практические меры по усилению инвестиционной привлекательности Японии следует связывать с факторами, которые напрямую влияют на оценку риска и доходности вложений. В макроэкономическом блоке ключевое значение имеют удержание инфляции вблизи целевого уровня Банка Японии, предсказуемая динамика процентной ставки, снижение валютной волатильности и сохранение внешнеэкономической открытости. Международный валютный фонд относит к среднесрочным приоритетам Японии восстановление бюджетных резервов, закрепление инфляционных ожиданий и проведение структурных реформ [15]. Эти задачи связаны с высокой долговой нагрузкой и ростом расходов, вызванных старением населения, которые сужают возможности экономической политики [16].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Chiappini R., Viaud F. Macroeconomic, institutional, and sectoral determinants of outward foreign direct investment: Evidence from Japan // *Pacific Economic Review*. 2021. Vol. 26. Iss. 3. Pp. 404—433. DOI: 10.1111/1468-0106.12347.
- Camarero M., Moliner S., Tamarit C. Japan's FDI drivers in a time of financial uncertainty. New evidence based on Bayesian Model Averaging // *Japan and the World Economy*. 2021. Vol. 57. Art. 101058. DOI: 10.1016/j.japwor.2021.101058.
- Cieřlik A., Ryan M. Institutional quality, the level of development and Japanese outward foreign direct investment // *Japan and the World Economy*. 2024. Vol. 71. Art. 101267. DOI: 10.1016/j.japwor.2024.101267.
- Тимонина И. Л. Проблема инвестиционной привлекательности Японии: современные подходы (на примере полупроводниковой индустрии) // *Японские исследования*. 2024. № 2. С. 83—98. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-83-99.
- Дёмина Я. В., Мазитова М. Г. Экономика Японии: реформы и стратегии роста // *Пространственная экономика*. 2024. Т. 20. № 4. С. 135—156. DOI: 10.14530/se.2024.4.135-156.
- Наумова И. Ю. Предпринимательская экосистема в Японии: финансово-организационные аспекты развития стартапов // *Россия и АТР*. 2023. № 2(120). С. 46—66. DOI: 10.24412/1026-8804-2023-2-46-66.
- Ильинский А. А. Инвестиционное сотрудничество Японии и Бангладеш: особенности, проблемы и перспективы // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2025. № 6. С. 69—78. DOI: 10.24412/2071-6435-2025-6-69-78.
- Суслов Д. В. Инвестиционные взаимодействия стран Северо-Восточной Азии: влияние процессов фрагментации в мировой экономике // *Власть и управление на Востоке России*. 2025. № 4(113). С. 8—25.

Заключение

Исследование показало, что инвестиционная привлекательность Японии формируется сочетанием макроэкономических, институциональных, технологических и региональных факторов. Приток иностранного капитала поддерживают развитая промышленная база, устойчивые институты, расходы на НИОКР, технологическая специализация и включенность страны в международные производственные цепочки. Его ограничивают низкие темпы роста, высокая долговая нагрузка, старение населения, нехватка рабочей силы, инфляционное давление, административные барьеры и концентрация деловой активности в Токио, Осаке и Айти.

Авторский вклад исследования состоит в том, что инвестиционная привлекательность Японии рассмотрена не через отдельные макроэкономические показатели, а через сочетание нескольких групп факторов: макроэкономических, институциональных, инновационных и региональных. В работе показано, что умеренный приток ПИИ в Японию нельзя объяснить только низкими темпами роста или высокой долговой нагрузкой. Он формируется под воздействием более сложного набора условий, включающего качество регулирования, внешнеторговую открытость, расходы на НИОКР, демографическое давление и территориальную концентрацию деловой активности.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении единой логики оценки инвестиционной привлекательности Японии как принимающей экономики, в которой приток ПИИ сопоставляется с макроэкономическими, институциональными и региональными параметрами. В отличие от подходов, где эти факторы рассматриваются отдельно, в статье они объединены в общую эмпирическую схему. Это позволяет точнее определить, какие условия поддерживают интерес иностранного капитала к японскому рынку, а какие ограничивают его рост даже при наличии развитой промышленной базы, устойчивых институтов и высокого технологического потенциала.

Практическая значимость полученных результатов связана с возможностью их использования при оценке инвестиционных рисков, сравнении условий привлечения иностранного капитала и рассмотрению мер по снижению административных барьеров. Особое значение имеют меры, направленные на поддержку НИОКР, развитие человеческого капитала, повышение предсказуемости регулирования и формирование промышленных кластеров вне крупнейших агломераций.

9. Горошникова Т. А. Оценка долгосрочности трендов инвестиционной привлекательности в Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. Т. 3. № 5. С. 14—20. DOI: 10.24412/2949-6454-2024-0380.
10. Шавырова Д. С. Основные факторы инвестиционной привлекательности различных стран // Научные записки молодых исследователей. 2023. № 4. С. 20—25.
11. Изотов Д. А. Экономика Японии: сценарии постпандемийного развития // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2022. № 3(103). С. 5—22. DOI: 10.24866/2311-2271/2022-3/5-22.
12. Прасол А. Ф. Внешнеэкономическая деятельность и ближайшие прогнозные ожидания японских производителей // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27. № 4. С. 29—40. DOI: 10.24866/1813-3274/2025-4/29-40.
13. Горячева Е. А. «Новый капитализм» Фумио Кисида и его значение для современной политико-экономической ситуации Японии // Россия и АТР. 2023. № 2. С. 11—27. DOI: 10.24412/1026-8804-2023-2-11-27.
14. Гамза Л. А. Япония в борьбе за чипы в Восточной Азии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 2. С. 30—47. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-2-30-47.
15. Волгина Н. А. Прямые иностранные инвестиции Японии, Южной Кореи и Китая в Чехии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. Т. 40. Вып. 2. С. 300—321. DOI: 10.21638/spbu05.2024.208.
16. Тимонина И. Л. Япония в мировой экономике: «3D-измерение» // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2025. Т. 69. № 1. С. 113—131.

REFERENCES

1. Chiappini R., Viaud F. Macroeconomic, institutional, and sectoral determinants of outward foreign direct investment: Evidence from Japan. *Pacific Economic Review*. 2021;26(3):404—433. DOI: 10.1111/1468-0106.12347.
2. Camarero M., Moliner S., Tamarit C. Japan's FDI drivers in a time of financial uncertainty. New evidence based on Bayesian Model Averaging. *Japan and the World Economy*. 2021;57:101058. DOI: 10.1016/j.japwor.2021.101058.
3. Cieřlik A., Ryan M. Institutional quality, the level of development and Japanese outward foreign direct investment. *Japan and the World Economy*. 2024;71:101267. DOI: 10.1016/j.japwor.2024.101267.
4. Timonina I. L. The problem of Japan's investment attractiveness: Modern approaches (on the example of the semiconductor industry). *Yaponskiye issledovaniya = Japanese Studies in Russia*. 2024;2:83—99. (In Russ.) DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-83-99.
5. Dyomina Ya. V., Mazitova M. G. Japan's Economy: Reforms and Growth Strategies. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2024;20(4):135—156. (In Russ.) DOI: 10.14530/se.2024.4.135-156.
6. Naumova I. Yu. Entrepreneurial ecosystem in Japan: financial and organizational aspects of the startup development. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*. 2023;2(120):46—66. (In Russ.) DOI: 10.24412/1026-8804-2023-2-46-66.
7. Ilyinsky A. A. Japan-Bangladesh investment cooperation: features, challenges, and prospects. *ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika = ETAP: Economic theory, analysis, practice*. 2025;6:69—78. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6435-2025-6-69-78.
8. Suslov D. V. Investment interactions in Northeast Asia: the impact of fragmentation processes in the global economy. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and administration in the East of Russia*. 2025;4(113):8—25. (In Russ.)
9. Goroshnikova T. A. Assessing the long-term trends of investment attractiveness in Southeast Asia. *Mirovaya ekonomika i mirovye finansy = World Economy and World Finance*. 2024;3(5):14—20. (In Russ.) DOI: 10.24412/2949-6454-2024-0380.
10. Shavyrova D. S. Key factors of investment attractiveness of countries. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei = Scientific notes of young scientists*. 2023;4:20—25. (In Russ.)
11. Izotov D. A. Scenarios for the Development of the Japanese Economy after COVID-19. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie = Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 2023;3(103):5—22. (In Russ.) DOI: 10.24866/2311-2271/2022-3/5-22.
12. Prasol A. F. International economic activities and the near-term forecast expectations of Japanese manufacturers. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific Rim: Economics, Politics, Law*. 2025;27(4):29—40. (In Russ.) DOI: 10.24866/1813-3274/2025-4/29-40.
13. Goriacheva E. A. "New capitalism" economic development plan by Fumio Kishida and its significance for the modern political and economic situation in Japan. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*. 2023;2:11—27. (In Russ.) DOI: 10.24412/1026-8804-2023-2-11-27.
14. Gamza L. A. Japan's fight for chips in East Asia. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika = East Asia: Facts and Analytics*. 2023;2:30—47. (In Russ.) DOI: 10.24412/2686-7702-2023-2-30-47.
15. Volgina N. A. Foreign direct investment from Japan, South Korea and China in the Czech Republic: A comparative analysis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2024;40(2):300—321. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu05.2024.208.
16. Timonina I. L. Japan in the world economy: "3D dimension". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie = Lomonosov Oriental Studies Journal*. 2025;69(1):113—131. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.06.2026; одобрена после рецензирования 27.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.
The article was submitted 11.06.2026; approved after reviewing 27.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 657.1.012
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1732

Anna Valeryevna Lyzhova
Candidate of Economics, Associate Professor,
Head of Department of Accounting, Analysis and Audit
of the Institute of Management, Economics and Finance,
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
anna.goshunova@mail.ru

Анна Валерьевна Лыжова
канд. экон. наук, доцент,
заведующий кафедрой учета, анализа и аудита
Института управления, экономики и финансов,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
anna.goshunova@mail.ru

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В современной парадигме высшего образования концепция «создания ценности» вышла за рамки традиционных показателей, таких как доход выпускников, уровень занятости, степень цифровизации образовательного процесса и т. д., однако ее формализация в единую систему остается фрагментированной, а доминирующие подходы не учитывают многомерность эффектов образования. В данном исследовании создание ценности рассматривается как многомерный, системный и создаваемый совместно процесс в высших учебных заведениях, выделяя как глобальные, так и региональные аспекты, что позволяет интегрировать интересы широкого круга заинтересованных сторон.

Статья посвящена разработке концептуальных основ модели создания ценности в высшем образовании через призму устойчивого развития. Цель исследования состоит в том, чтобы сформировать основы альтернативной парадигмы, которая позволит избежать ограничений, свойственных как привычным измерителям результативности (финансовые результаты, данные о трудоустройстве выпускников, позиции в академических рейтингах), так и формальным ESG-индикаторам, которые не учитывают влияние образования на личность, общество и природную среду. На основе анализа теоретических под-

ходов и эмпирических данных доказывается необходимость перехода от экономически ориентированных критериев к моделям, способным уловить и оценить то, как образование меняет человека и общество в целом. В качестве альтернативы предлагается разработка и внедрение гибридных оценочных моделей, которые органично соединяли бы в себе количественные измерители с качественными техниками: оценками, основанными на учете мнений участников образовательного процесса, и показателями, отражающими характер взаимоотношений между субъектами образовательной среды.

Новизна исследования заключается в обосновании корректировки концептуальных основ создания ценности в высшем образовании. Это требует существенной корректировки понимания миссии современного университета — вместо подготовки «человеческого капитала» в качестве ресурса, обслуживающего текущие нужды рынка, акцент на раскрытии «человеческого потенциала» как движущей силы системных преобразований.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социальная ценность, высшее образование, университет, ESG, отчетность об устойчивом развитии, ценность, образование, качество, результативность, эффективность

Для цитирования: Лыжова А. В. Переосмысление концепции создания ценности в высшем образовании в контексте устойчивого развития // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 100—106. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1732.

Original article

RETHINKING THE CONCEPT OF VALUE CREATION IN HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. In the modern paradigm of higher education, the concept of value creation has expanded beyond traditional metrics such as graduate income, employment rates, and the degree of digitalization of the educational process. However, its formalization into a unified system remains fragmented, and dominant approaches fail to consider the multidimensionality of education's effects. This study examines value creation as a multidimensional, systemic, and collaborative process in higher education institutions, highlighting both global and regional aspects, thereby integrating the interests of a wide range of stakeholders.

This article seeks to develop conceptual foundations of a value creation model in higher education through the lens of sustainable development. The goal of the study is to lay the foundations for an alternative paradigm that will overcome the limitations of both traditional performance measures (financial results, graduate employment data, positions in academic rankings) and formal ESG indicators, which fail to consider the impact of education on individuals, society, and the natural environment. Based on an analysis of theoretical approaches and empirical

data, the paper argues for a shift from economically oriented criteria to models capable of capturing and assessing how education changes individuals and society as a whole. As an alternative, the paper proposes the development and implementation of hybrid assessment models that seamlessly combine quantitative measures with qualitative techniques: assessments based on the opinions of educational process participants and indicators reflecting the nature of the relationships between educational actors.

For citation: Lyzhova A. V. Rethinking the concept of value creation in higher education in the context of sustainable development. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):100—106. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1732.

Введение

Актуальность. Традиционные модели устойчивого развития, основанные на предположениях индустриальной эпохи, неизменно не учитывают живую, динамичную и многомерную ценность, создаваемую университетами. В этом контексте внедрение ESG-практик, распространение международных стандартов и концептуальны основ отчетности в области устойчивого развития в образовательных учреждениях привело к парадоксу.

Показатели, продвигаемые доминирующими парадигмами устойчивого развития, часто линейны, ориентированы в прошлое и связаны корпоративной логикой. Эффективность измеряется финансовой жизнеспособностью, снижением рисков или соответствием критериям, которые чужды социально-преобразующей роли университетов.

Однако данные модели игнорируют не только внешние организационно-технологические сдвиги, но и внутреннюю трансформацию индивидов и сообществ в процессе осмысления образования.

Изученность проблемы. В процессе формирования идеи концепции создания ценности в высшем образовании в контексте устойчивого развития ученые анализировали различные направления интеграции принципов устойчивого развития в деятельность университетов, в результате чего сформировался значительный научный задел по теме исследования.

В работах А. Б. Берендеевой [1], С. Хэ и В. Чэнь [2], Л. Беккетти, Э. Боббио, П. Приция и Л. Семпличи [3], Э. Чаффи [4], Ю.-К. Чан и М.-Ю. Се [5] проанализированы проблемы применения традиционных ключевых показателей эффективности, таких как уровень трудоустройства выпускников, развитие цифровых сервисов и количество партнерских соглашений, в оценке результативности деятельности университетов.

По мнению авторов, в большинстве случаев эти показатели оценивают лишь способность университетов подстраиваться под рыночные ожидания, а не их вклад в развитие интеллектуальной самостоятельности и экологической ответственности студентов.

Вопросы качества образовательной деятельности в контексте устойчивого развития поднимаются в систематическом обзоре Э. Варушас, М.-А. Сицилия и С. Санчес-Алонсо [6], где систематизированы факторы, влияющие на восприятие качества с ориентацией на обучающегося.

Важное направление представлено работами, анализирующими трансформацию академических систем и моделей карьерного роста. Исследование Т. Дж. Каллио с соавторами [7] на примере Швеции и Финляндии показывает, как давление в условиях конкуренции университетов за более высокие позиции в глобальных рей-

The novelty of this study lies in its justification for adjusting the conceptual foundations of value creation in higher education. This requires a significant shift in understanding the mission of the modern university—from developing “human capital” as a resource serving current market needs to emphasizing the development of “human potential” as a driving force for systemic transformation.

Keywords: sustainable development, social value, higher education, university, ESG, sustainability reporting, value, education, quality, effectiveness, efficiency

тингах влияет на академическую среду, что коррелирует с задачами развития концепции создания ценности в высшем образовании.

Активная цифровая трансформация систем ESG привела к консервации упрощенных методов оценки. Цифровизация, позиционируемая как инструмент повышения эффективности и прозрачности, в действительности обнажила принципиально новые вызовы.

В исследованиях А. Квилинского, О. Люлева, Т. Пимоненко [8] и С. Хэ и В. Чэнь [2] отмечается, что внедрение цифровых финансов, формирование отчетности на основе искусственного интеллекта и блокчейна способствовало повышению точности и отслеживаемости ESG-показателей. В то же время данные инструменты несут в себе потенциальные негативные последствия, такие как углубление цифрового неравенства, внесение алгоритмических искажений и доминирование экономических приоритетов над гуманитарными принципами.

Особый интерес представляет группа исследований, посвященных институциональной трансформации университетов и их роли в устойчивом развитии. Д. Б. Агусдина-та [9] анализирует роль университетов в совместном создании и реализации решений в области Целей устойчивого развития (далее — ЦУР) через человеко-ориентированный дизайн и процессы совместного обучения.

Проблематика институциональной трансформации рассматривается в работах А. Куэста-Кларос с соавторами [10], Г. Э. Дей [11], Дж. Маккуиллан и Н. Эрнандес [12], а также Д. Е. Фавр с соавторами [13], где подчеркивается многогранность и сложность процессов изменений в университетской среде.

Перспективное направление исследований связано с внедрением человеко-ориентированного подхода в образовательные практики. Этому аспекту вопроса посвящены работы С. Шехаб и К. Го [14], Ю. Чжан с соавторами [15], М. Л. ван дер Ви, В. К. Тассоне, А. Е. Уолс и П. Троклер [16], что открывает возможности для практической реализации концепции совместного творчества.

Вопросы взаимосвязи университетов с региональным развитием, которые важны для контекста данной статьи, находят отражение в исследовании Д. Родионова и Д. Величенковой [17], где анализируется связь российских вузов с инновационным развитием регионов. Ключевые аспекты трансформации идентичности студентов и представлений о человеческом капитале в высшем образовании рассматриваются в работе Дж. Дж. Феликс [18].

Таким образом, анализ литературы показывает, что, несмотря на наличие значительного числа исследований по отдельным аспектам устойчивого развития университетов, комплексное понимание концепции создания ценности

в высшем образовании, интегрирующее эти направления в единую концептуальную основу, остается недостаточно разработанным, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы. На сегодняшний день миссия образования заключается в создании социальной ценности, под которой понимается не просто подготовка «человеческого капитала» для обслуживания текущего экономического уклада, а раскрытие «человеческого потенциала» для системного преобразования общества и формирования нового типа личности — критически мыслящей, эмпатичной и экологически ответственной личности, способной преобразовывать сами основы этого уклада в интересах устойчивого развития.

Пересмотр парадигмы создания ценности предполагает переход к многомерным и социально-ориентированным моделям, позволяющим заинтересованным сторонам увидеть весь масштаб вклада университета, включая сокращение социального неравенства, сохранение культуры и развитие региональной идентичности.

Научная новизна заключается в разработке концептуальных основ модели создания ценности в высшем образовании через призму устойчивого развития, что позволяет преодолеть ограничения традиционных подходов, ориентированных на оценку экономической эффективности университетов, и перейти к измерению их трансформационного воздействия на личность, общество и окружающую среду.

Цель исследования состоит в разработке концепции создания ценности в высшем образовании, преодолевающей ограничения традиционных метрик и ориентированной на раскрытие человеческого потенциала для перехода к устойчивому развитию.

Задачи исследования включают выявление ограничений традиционных систем и *ESG*-подходов к оценке эффективности высшего образования, обоснование необходимости перехода от парадигмы экономической эффективности к парадигме многомерной социальной ценности.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в развитии теории создания ценности в высшем образовании путем интеграции концептуальных подходов устойчивого развития, стейкхолдерской теории и теории человеческого потенциала и перехода от однофакторных экономических показателей к многомерным моделям, учитывающим трансформационное воздействие образования на личность, общество и экосистемы.

Практическая значимость состоит в том, что разработанные концептуальные положения и методические подходы могут быть использованы для реализации стратегического управления университетами, формирования государственной политики в сфере высшего образования и оценки вклада вузов в устойчивое развитие.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Методологическую основу исследования составили сравнительный подход научной литературы, синтез эмпирических данных, концептуальное моделирование.

Результаты исследования и их обсуждение. Поскольку экологические, социальные аспекты и системы управления (*ESG*-факторы) приобретают влияние во всех секторах, их применение в образовании открывает путь к ответственному, прозрачному и устойчивому академическому управлению. Тем не менее, при более тщательном рассмотрении

модели *ESG*, изначально разработанные для корпоративной среды, ориентированной на инвесторов, не отражают основных функций и ценностей образования.

Образование — это не просто сфера услуг, а сложный общественный институт, ответственный за развитие критического мышления, гражданской ответственности и социально-преобразующих инноваций. В этом проявляется фундаментальное несоответствие между логикой *ESG* и образовательными миссиями, подчеркивающее, что показатели, основанные на прибыли, даже если они сформулированы социально ответственным языком, усиливают неравенство и сводят обучение к транзакционным результатам.

Концепция *ESG* возникла как инструмент для анализа корпоративных практик, способных повлиять на экономическую стоимость бизнеса, и была обусловлена необходимостью решения экологических, социальных и управленческих проблем.

Между тем подобный подход не применим к специфике образовательных организаций, где результаты деятельности носят уникальный, трудноизмеримый характер, обусловленный ее социально-культурной, интеллектуальной и нематериальной природой. В результате на практике внедрение принципов устойчивого развития в высшем образовании нередко сводится к учету преимущественно измеряемых параметров (рост энергоэффективности в результате использования экологически чистых технологий на территории университетских кампусов, управление отходами), тогда как системообразующая функция университета, проявляющаяся в накоплении и приращении интеллектуального и социального капитала, остается за рамками подобных оценок.

Для значительной части университетов приверженность принципам устойчивого развития превращается скорее в репутационный маркер, чем в реальный вектор институциональных изменений. Это обусловлено сложившейся системой формирования международных академических рейтингов и рэнкингов, которая включает в качестве одного из обязательных компонентов оценки подтверждение реализации *ESG*-практик в высших учебных заведениях [4].

Ю.-К. Чан и М.-Ю. Се провели исследование практики внедрения концепции устойчивого развития среди университетов Тайваня. Результаты показали, что несмотря на заявленную приверженность принципам устойчивого развития в более, чем 60 % тайваньских университетов, фактически лишь каждый четвертый из них реально интегрирует ЦУР в учебные программы и научно-исследовательскую работу [5].

Современное высшее образование характеризуется доминированием традиционных систем оценки, используемых для институционального управления и обеспечения подотчетности. Данные системы оперируют преимущественно количественными показателями (число выпускников, публикационная активность, индексы цитирования, объем привлеченных грантов, трудоустройство выпускников).

Однако, будучи полезными для решения задач ресурсного распределения и сравнительного бенчмаркинга, эти метрики не способны уловить более глубокую, долгосрочную и часто нематериальную ценность, генерируемую университетами.

Глобальная трансформация систем управления университетами, наблюдаемая на протяжении последних трех десятилетий, характеризуется доминированием неолиберальной парадигмы. В рамках этой парадигмы высшие

учебные заведения в Европе и других регионах прошли реструктуризацию, начав функционировать как рыночно-ориентированные организации [7].

Широкое внедрение получили системы показателей эффективности, сфокусированных на ограниченном наборе метрик: успеваемости и посещаемости студентов, объемах публикационной активности, импакт-факторах журналов, индексах цитирования и количестве зарегистрированных патентов [6].

При этом традиционные критерии оценки зачастую не отражают истинной ценности высшего образования. Под их воздействием академическая среда вынужденно переориентируется на достижение формальных показателей, при этом целые пласты университетской работы — индивидуальная работа со студентами, междисциплинарные исследовательские проекты, участие в укреплении гражданских институтов — оказываются вне поля зрения и не получают должной оценки [7; 9].

Так, коллектив финских ученых во главе с Т. Дж. Каллио пришел к выводу, что переход на централизованные, метрические модели оценивания в университетах Финляндии привел к сужению пространства для академической свободы. Это, в свою очередь, обернулось ростом психологической нагрузки и общим снижением удовлетворенности трудом среди преподавателей и исследователей [7].

Сходная картина прослеживается и в австрийской практике. Как показывают наблюдения К. А. Хайна и К. Д. Давенпорт-Клундера, жесткие нормативные предписания, регламентирующие деятельность австрийских университетов, объективно тормозили внедрение новаций и формировали систему управления, где во главу угла ставились количественные измерители, а не содержательные аспекты работы [19].

Ряд авторов, включая Э. Варушас, М.-А. Сицилия и С. Санчес-Алонсо, предлагают пересмотреть сложившиеся подходы к оценке качества в образовании путем внедрения таких параметров, как интенсивность междисциплинарных контактов, субъективное восприятие студентами собственного академического роста и соответствие образовательного контента социокультурному контексту. Несмотря на такой прогрессивный подход, даже эти усовершенствованные системы наталкиваются на фундаментальное методологическое ограничение, обусловленное необходимостью всё переводить в количественные метрики [6].

Вместо полного пересмотра традиционных ключевых показателей эффективности университеты могут дополнить их качественными показателями, создав тем самым сбалансированную систему оценки, включающую анализ партнерских сетей и их эффективности, а также измерение реального вклада в решение общественных проблем.

В эпоху системных глобальных преобразований университеты всё чаще призваны не просто реагировать на потребности промышленности или экономического развития, но и позиционировать себя в качестве посредников устойчивого и ориентированного на человека развития.

К. Адамс выступает за модели интегрированной отчетности, которые сообщают о различных формах ценности, создаваемой университетами: человеческом, интеллектуальном, социальном и природном капитале. Вместо краткосрочных результатов, таких как публикации или количество выпускников, университеты должны сообщать

о долгосрочных результатах, таких как благополучие сообщества, инициативы в области устойчивого развития и этическое лидерство [20].

Такой подход соответствует логике интегрированного мышления, заложенного в Международных основах интегрированной отчетности.

Международные основы интегрированной отчетности (*Integrated Reporting Framework*), разработанные Международным советом по интегрированной отчетности в 2013 г. и обновленные в 2021 г., содержат ключевые аспекты раскрытия информации о создании, сохранении или утрате стоимости компании в рамках корпоративной отчетности. При этом подчеркивается важность интегрированного мышления внутри организации в процессе стратегического управления стоимостью в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Создание стоимости формируется за счет эффективно-го управления шестью капиталами — запасами стоимости, которые увеличиваются, уменьшаются или преобразуются посредством деятельности организации и продуктов ее деятельности. Международные основы интегрированной отчетности выделяют финансовый, производственный, интеллектуальный, человеческий, социально-репутационный и природный капиталы.

Внедрение интегрированного подхода в практику университетов открывает перед заинтересованными сторонами более полную картину того, каков реальный вклад института высшего образования в жизнь общества, поскольку связывает потребляемые ресурсы с измеримыми, долгосрочными выгодами для социума, делая эту связь очевидной для всех.

Ценность, создаваемая университетом, включает в себя и такие неосознаваемые составляющие, как доверие, общественное признание и восприятие как института, работающего на благо страны. Университеты — это не просто учебные заведения, но и хранители культурной памяти, носители национальной идентичности. Поддерживая диалог, поощряя многообразие точек зрения и культивируя критическое мышление, они тем самым укрепляют социальный фундамент, делая общество более устойчивым перед лицом вызовов.

Для преодоления ограничений, налагаемых традиционными системами оценки результативности университетов, необходимо заново определить, что следует понимать под ценностью в сфере высшего образования. Мы предлагаем сместить фокус с количественных результатов на трансформационный эффект, где образование служит средством высвобождения человеческого потенциала для движения к устойчивому будущему.

Центральная идея предлагаемой концепции сводится к следующему: предназначение образования состоит не в том, чтобы готовить «человеческий капитал» для нужд сложившейся экономической системы. Его подлинная задача заключается в том, чтобы раскрывать «человеческий потенциал» для глубинной перестройки общественных отношений и становления человека нового типа: способного мыслить критически, сопереживать, осознавать экологические последствия своих действий и при необходимости преобразовывать саму логику текущего экономического уклада в интересах долгосрочного устойчивого развития.

Переход к обновленной парадигме требует движения в сторону многомерных, социально ориентированных моделей. Для этого университетам предстоит трансформироваться в открытые платформы, деятельность которых

подчинена общественному благу, совместной генерации знаний и утверждению социальной справедливости в тесном взаимодействии с местными сообществами.

Концепция трансформации университетов, ориентированных на человека, представляет собой отход от индустриальной и неолиберальной моделей образования, в которых традиционно делается упор на производительность, конкуренцию и экономическую полезность, к целостным системам, в которых приоритет отдается развитию человека, принципам справедливости и социального благополучия [9; 10; 14].

Основа трансформации, ориентированной на человека, заключается в философской переориентации роли университета в обществе. Модели университета, описанные в работе А. Куэста-Кларос, С. Малекпур, Р. Рэйвен и Т. Кестин [10], основываются на концепции «Возможности» (*Capabilities Approach*) Нобелевского лауреата по экономике Амартии Сена и исходят из того, что трансформация университета не должна ограничиваться обновлением образовательной политики. Она требует фундаментальных изменений в институциональной культуре и познавательных установках университета, затрагивая не только содержание создаваемого и преподаваемого знания, но и методы его производства, а также круг его создателей.

Следовательно, миссия университета заключается в трансформации в открытую платформу для коллективного созидания, этической рефлексии и инноваций, ориентированных на запросы сообщества [9; 15].

Трансформация внутри университетов происходит с помощью целого ряда механизмов, многие из которых являются повторяющимися и встроены в повседневную институциональную жизнь. Можно выделить несколько закономерностей:

- **Стратегическое видение и управление на основе широкого участия** — университеты, взявшие на себя преобразование, ориентированное на человека, обычно начинают с четкого формулирования цели, согласования стратегического видения с потребностями местного и глобального сообществ. Это часто достигается с помощью инклюзивных процессов планирования, в которых участвуют студенты, сотрудники, профессорско-преподавательский состав и внешние заинтересованные стороны [11].

- **Реформа учебной программы и педагогический редизайн** — преобразование учебных программ является центральным механизмом обеспечения справедливости и актуальности. Исследования показывают, что интеграция принципов человекоцентричного проектирования в структуру учебных программ позволяет студентам развивать критическое мышление, эмпатию и навыки решения проблем [13; 14].

- **Расширение вовлеченности заинтересованных сторон и совместное создание знаний** — переход от университета как ретранслятора знаний к посреднику в совместном творчестве является определяющей чертой трансформации, ориентированной на человека. Тематические исследования, проанализированные Д. Б. Агусдиата, иллюстрируют, как университеты могут объединять студентов, местные сообщества, правительства и представителей отрасли для достижения ЦУР посредством совместных проектов [9].

Стремление к устойчивому развитию требует радикальных преобразований в том, как образовательные учреждения функционируют, коммуницируют с заинтересованными сторонами и обучают. Повестка дня Организации Объединенных Наций на период до 2030 г. и связанные с ней ЦУР позиционируют образование не только как право на развитие, но и как средство системных преобразований общества.

В частности, в ЦУР 4.7 подчеркивается необходимость «обеспечения того, чтобы все учащиеся приобретали знания и навыки, необходимые для содействия устойчивому развитию», в т. ч. посредством образования в интересах устойчивого развития, прав человека, глобальной гражданской ответственности и признания культурного разнообразия [16].

Тем не менее, несмотря на растущую приверженность идее образования в интересах устойчивого развития, многие высшие учебные заведения продолжают работать в рамках педагогики и моделей управления, которые усиливают неустойчивую практику.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что господствующие сегодня подходы к измерению результативности образовательных организаций высшего образования, включая набирающие популярность ESG-метрики, страдают системной ограниченностью, поскольку сводят образовательную миссию университетов к совокупности узких статистических и финансовых параметров, что существенно искажает представление о том, каков действительный вклад университетов в общественное развитие.

В качестве альтернативы предлагается разработка и внедрение гибридных оценочных моделей, которые органично соединяли бы в себе количественные измерители с качественными техниками: оценками, основанными на учете мнений участников образовательного процесса, и показателями, отражающими характер взаимоотношений между субъектами образовательной среды.

Кроме того, назрела потребность в кардинальной смене целевых ориентиров институциональной политики в сфере образования с тактических операционных показателей на долгосрочную социальную ценность и неуклонное следование миссии университета как одного из главных двигателей устойчивого развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Берендеева А. Б. Роль вузов в развитии концепции устойчивого развития и ESG-повестки // Теоретическая экономика. 2025. № 3. С. 24—42. DOI: 10.52957/2221-3260-2025-3-24-42.
2. He X., Chen W. Digital Transformation and Environmental, Social, and Governance Performance from a Human Capital Perspective // Sustainability. 2024. Vol. 16. Iss. 11. Art. 4737. DOI: 10.3390/SU16114737.
3. Becchetti L., Bobbio E., Prizia F., Semplici L. Going Deeper into the S of ESG: A Relational Approach to the Definition of Social Responsibility // Sustainability. 2022. Vol. 14. Iss. 15. Art. 9668. DOI: 10.3390/su14159668.
4. Chaffee E. C. Index Funds and ESG Hypocrisy // Case Western Reserve Law Review. 2021. Vol. 71. Iss. 4. Pp. 1295—1322.
5. Chan Y.-K., Hsieh M.-Y. An Empirical Study on Higher Education C-ESG Sustainable Development Strategy in Lower-Birth-Rate Era // Sustainability. 2022. Vol. 14. Iss. 19. Art. 12629. DOI: 10.3390/su141912629.

6. Varouchas E., Sicilia M.-Á., Sánchez-Alonso S. Academics' Perceptions on Quality in Higher Education Shaping Key Performance Indicators // *Sustainability*. 2018. Vol. 10. Iss. 12. Art. 4752. DOI: 10.3390/su10124752.
7. Academic systems, career models, and experienced performance pressure — a comparative study of Sweden and Finland / T. J. Kallio, A. Lehtivuori, K.-M. Kallio et al. // *Higher Education*. 2026. Vol. 92. Iss. 1. Pp. 145—167. DOI: 10.1007/s10734-025-01528-7.
8. Kwilinski A., Lyulyov O., Pimonenko T. Unlocking Sustainable Value through Digital Transformation: An Examination of ESG Performance // *Information*. 2023. Vol. 14. Iss. 8. Art. 444. DOI: 10.3390/info14080444.
9. Agusdinata D. B. The role of universities in SDGs solution co-creation and implementation: a human-centered design and shared-action learning process // *Sustainability Science*. 2022. Vol. 17. Iss. 4. Pp. 1589—1604. DOI: 10.1007/s11625-022-01128-9.
10. Cuesta-Claros A., Malekpour S., Raven R., Kestin T. Understanding the roles of universities for sustainable development transformations: A framing analysis of university models // *Sustainable Development*. 2022. Vol. 30. Iss. 4. Pp. 525—538. DOI: 10.1002/SD.2247.
11. Dei G. E. Educational leadership for institutional transformation and upliftment in public universities in Nigeria // *International Journal of Scientific Research in Education*. 2024. Vol. 17. Iss. 1. Pp. 127—142.
12. Mcquillan J., Hernandez N. Real-Life Conundrums in the Struggle for Institutional Transformation // *Gender & Society*. 2021. Vol. 35. Iss. 3. Pp. 300—329. DOI: 10.1177/08912432211013147.
13. Favre D. E., Bach D., Wheeler L. B. Measuring institutional transformation: a multifaceted assessment of a new faculty development program // *Journal of Research in Innovative Teaching and Learning*. 2021. Vol. 14. Iss. 3. Pp. 378—398. DOI: 10.1108/jrit-04-2020-0023.
14. Shehab S., Guo C. Measuring the impact of integrating human-centered design in existing higher education courses // *Learn X Design 2021: Engaging with challenges in design education : 6th International Conference for Design Education Researchers*. Design Research Society, 2021. Pp. 100—110. DOI: 10.21606/drs_lxd2021.04.254.
15. Zhang Y., Yip C., Lu E., Dong Z. Y. A Systematic Review on Technologies and Applications in Smart Campus: A Human-Centered Case Study // *IEEE Access*. 2022. Vol. 10. Pp. 16134—16149. DOI: 10.1109/ACCESS.2022.3148735.
16. Van der Wee M. L., Tassone V. C., Wals A. E., Troxler P. Characteristics and challenges of teaching and learning in sustainability-oriented Living Labs within higher education: a literature review // *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2024. Vol. 25. Iss. 9. Pp. 255—277. DOI: 10.1108/IJSHE-10-2023-0465.
17. Rodionov D., Velichenkova D. Relation between Russian Universities and Regional Innovation Development // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2020. Vol. 6. Iss. 4. Art. 118. DOI: 10.3390/joitmc6040118.
18. Felix J. J. Vietnamese Higher Education, Student Identity, and Human Capital Futures: Who Do We Believe or Imagine University Students to Be? // *Vietnamese Language, Education and Change In and Outside Vietnam*. Global Vietnam: Across Time, Space and Community / eds. Phan Le Ha, D. Bao, J. Windle. Singapore : Springer, 2024. Pp. 245—259. DOI: 10.1007/978-981-99-9093-1_12.
19. Hine K. A., Davenport-Klunder K. From the aspirational to the tangible: Mapping key performance indicators in Australian policing // *International Journal of Police Science & Management*. 2022. Vol. 24. Iss. 4. Pp. 382—396. DOI: 10.1177/14613557221106083.
20. Adams C. A. The International Integrated Reporting Council: A call to action // *Critical Perspectives on Accounting*. 2015. Vol. 27. Pp. 23—28. DOI: 10.1016/j.cpa.2014.07.001

REFERENCES

1. Berendeeva A. B. The Role of Universities in Advancing Sustainable Development and the ESG Agenda. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical economics*. 2025;3:24—42. (In Russ.) DOI: 10.52957/2221-3260-2025-3-24-42.
2. He X., Chen W. Digital Transformation and Environmental, Social, and Governance Performance from a Human Capital Perspective. *Sustainability*. 2024;16(11):4737. DOI: 10.3390/su16114737.
3. Becchetti L., Bobbio E., Prizia F., Semplici L. Going Deeper into the S of ESG: A Relational Approach to the Definition of Social Responsibility. *Sustainability*. 2022;14(15):9668. DOI: 10.3390/su14159668.
4. Chaffee E. C. Index Funds and ESG Hypocrisy. *Case Western Reserve Law Review*. 2021;71(4):1295—1322.
5. Chan Y.-K., Hsieh M.-Y. An Empirical Study on Higher Education C-ESG Sustainable Development Strategy in Lower-Birth-Rate Era. *Sustainability*. 2022;14(19):12629. DOI: 10.3390/su141912629.
6. Varouchas E., Sicilia M.-Á., Sánchez-Alonso S. Academics' Perceptions on Quality in Higher Education Shaping Key Performance Indicators. *Sustainability*. 2018;10(12):4752. DOI: 10.3390/su10124752.
7. Kallio T. J., Lehtivuori A., Kallio K.-M. et al. Academic systems, career models, and experienced performance pressure — a comparative study of Sweden and Finland. *Higher Education*. 2026;92(1):145—167. DOI: 10.1007/s10734-025-01528-7.
8. Kwilinski A., Lyulyov O., Pimonenko T. Unlocking Sustainable Value through Digital Transformation: An Examination of ESG Performance. *Information*. 2023;14(8):444. DOI: 10.3390/info14080444.
9. Agusdinata D. B. The role of universities in SDGs solution co-creation and implementation: a human-centered design and shared-action learning process. *Sustainability Science*. 2022;17(4):1589—1604. DOI: 10.1007/s11625-022-01128-9.
10. Cuesta-Claros A., Malekpour S., Raven R., Kestin T. Understanding the roles of universities for sustainable development transformations: A framing analysis of university models. *Sustainable Development*. 2022;30(4):525—538. DOI: 10.1002/SD.2247.
11. Dei G. E. Educational leadership for institutional transformation and upliftment in public universities in Nigeria. *International Journal of Scientific Research in Education*. 2024;17(1):127—142.
12. Mcquillan J., Hernandez N. Real-Life Conundrums in the Struggle for Institutional Transformation. *Gender & Society*. 2021;35(3):300—329. DOI: 10.1177/08912432211013147.

13. Favre D. E., Bach D., Wheeler L. B. Measuring institutional transformation: a multifaceted assessment of a new faculty development program. *Journal of Research in Innovative Teaching and Learning*. 2021;14(3):378—398. DOI: 10.1108/jrit-04-2020-0023.
14. Shehab S., Guo C. Measuring the impact of integrating human-centered design in existing higher education courses. *Learn X Design 2021: Engaging with challenges in design education. 6th International Conference for Design Education Researchers*. Design Research Society publ., 2021:100—110. DOI: 10.21606/drs_lxd2021.04.254.
15. Zhang Y., Yip C., Lu E., Dong Z. Y. A Systematic Review on Technologies and Applications in Smart Campus: A Human-Centered Case Study. *IEEE Access*. 2022;10:16134—16149. DOI: 10.1109/ACCESS.2022.3148735.
16. Van der Wee M. L., Tassone V. C., Wals A. E., Troxler P. Characteristics and challenges of teaching and learning in sustainability-oriented Living Labs within higher education: a literature review. *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2024;25(9):255—277. DOI: 10.1108/IJSHE-10-2023-0465.
17. Rodionov D., Velichenkova D. Relation between Russian Universities and Regional Innovation Development. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2020;6(4):118. DOI: 10.3390/joitmc6040118.
18. Felix J. J. Vietnamese Higher Education, Student Identity, and Human Capital Futures: Who Do We Believe or Imagine University Students to Be?. *Vietnamese Language, Education and Change In and Outside Vietnam. Global Vietnam: Across Time, Space and Community*. Phan Le Ha, D. Bao, J. Windle (eds.). Singapore, Springer, 2024. Pp. 245—259. DOI: 10.1007/978-981-99-9093-1_12.
19. Hine K. A., Davenport-Klunder K. From the aspirational to the tangible: Mapping key performance indicators in Australian policing. *International Journal of Police Science & Management*. 2022;24(4):382—396. DOI: 10.1177/14613557221106083.
20. Adams C. A. The International Integrated Reporting Council: A call to action. *Critical Perspectives on Accounting*. 2015;27:23—28. DOI: 10.1016/j.cpa.2014.07.001

Статья поступила в редакцию 23.07.2026; одобрена после рецензирования 07.08.2026; принята к публикации 10.08.2026.
The article was submitted 23.07.2026; approved after reviewing 07.08.2026; accepted for publication 10.08.2026.

Научная статья
УДК 338.2:351.712.2
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1688

Tatiana Vasilievna Mokeeva
Candidate of Economics,
Associate Professor of Graduate School of Industrial Economics,
Peter the Great
St. Petersburg Polytechnic University
Saint Petersburg, Russian Federation
mokeeva_tv@spbstu.ru

Татьяна Васильевна Мокеева
канд. экон. наук,
доцент Высшей инженерно-экономической школы,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого
Санкт-Петербург, Российская Федерация
mokeeva_tv@spbstu.ru

ВНЕДРЕНИЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ЗАКУПКАМИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАКАЗЧИКОВ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Предметом исследования выступает система риск-ориентированного управления государственными и корпоративными закупками, темой — экономическая безопасность закупочной деятельности в условиях цифровой трансформации. Цель работы — обоснование дифференцированной системы управления закупочными рисками, адаптированной к масштабу организации-заказчика. Гипотеза исследования состоит в том, что доминирующий в нормативном дискурсе акцент на правовых и коррупционных рисках оставляет вне поля зрения организационно-управленческие, экономические и информационные риски, непосредственно определяющие устойчивость закупочной деятельности. Методология работы основана на анализе научной литературы и нормативно-правовых источников, частотном анализе упоминаемости рисков, кейс-анализе применения инструментов искусственного интеллекта, а также на обобщении опубликованных эмпирических исследований рынка закупок. В результате предложена авторская классификация закупочных рисков с выделением неявных цифровых рисков и рисков скрытых затрат; систематизированы информационные риски применения больших языковых моделей

и сформулированы принципы их безопасного использования; обоснован дифференцированный инструментарий — от чек-листов для малых предприятий до предиктивной аналитики для крупных корпораций. Научный вклад состоит в расширении представлений о закупочных рисках за пределы их правовой интерпретации и во введении категории неявных рисков скрытых затрат. Результаты применимы в деятельности заказчиков различного масштаба, органов-регуляторов и контрольных органов сферы регулируемых закупок. Ограничения исследования связаны с преимущественно качественным характером оценки рисков; дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку методики их количественной оценки и на верификацию прогностической силы языковых моделей в отраслевом разрезе.

Ключевые слова: риск-ориентированное управление, государственные закупки, закупочные риски, экономическая безопасность, цифровизация закупок, скрытые затраты, предиктивная аналитика, искусственный интеллект, галлюцинации языковых моделей, отравление данных, Федеральный закон № 44-ФЗ, Федеральный закон № 223-ФЗ

Для цитирования: Мокеева Т. В. Внедрение риск-ориентированного управления государственными закупками в целях обеспечения экономической безопасности заказчиков // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 107—114. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1688.

Original article

INTRODUCTION OF RISK-BASED MANAGEMENT IN PUBLIC PROCUREMENT TO ENSURE ECONOMIC SECURITY OF PROCURING ENTITIES

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The subject of the study is the system of risk-based management of public and corporate procurement; its theme is the economic security of procurement activity under digital transformation. The aim of the work is to substantiate a differentiated risk-management system adapted to the scale of the procuring entity. The research hypothesis holds that the emphasis on legal and corruption risks prevailing in the regulatory discourse leaves aside the organizational and managerial, economic and information risks that directly determine the resilience of pro-

curement activity. The methodology is based on content analysis of the scholarly literature and regulatory sources, frequency analysis of risk occurrence, case analysis of AI tools, and a synthesis of published empirical studies of the procurement market. As a result, an original classification of procurement risks is proposed, distinguishing implicit digital risks and implicit hidden-cost risks; the information risks of applying large language models are systematized and principles for their safe use are formulated; and a differentiated toolkit is substantiated,

ranging from checklists for small organizations to predictive analytics for large corporations. The scientific contribution lies in extending the understanding of procurement risks beyond their legal interpretation and in introducing the category of implicit hidden-cost risks. The results are applicable to procuring entities of various scales, control bodies in the area of regulated procurement. The study is limited by the predominantly qualitative nature of risk

assessment; future research should develop a methodology for its quantitative assessment and verify the predictive power of language models across industry segments.

Keywords: risk-based management, public procurement, procurement risks, economic security, procurement digitalization, hidden costs, predictive analytics, artificial intelligence, language model hallucinations, data poisoning, Federal Law No. 44-FZ, Federal Law No. 223-FZ

For citation: Mokeeva T. V. Introduction of risk-based management in public procurement to ensure economic security of procuring entities. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):107—114. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1688.

Введение

Актуальность. Современная система государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации переживает период масштабной цифровой трансформации. Электронные торговые площадки, реестры контрактов и поставщиков, системы автоматизированного контроля — всё это формирует принципиально новую закупочную среду, регулируемую федеральными законами от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Вместе с тем практика свидетельствует о том, что цифровизация сама по себе не устраняет риски закупочной деятельности, а в ряде случаев порождает новые специфические угрозы. Данное противоречие определяет актуальность разработки комплексных подходов к риск-ориентированному управлению закупками.

Изученность проблемы. Теоретико-правовые основы регулирования государственных и корпоративных закупок исследованы в работах Л. В. Андреевой [1] и В. В. Кикавца [2], рассматривающих закупки преимущественно сквозь призму правового регулирования и контрактной дисциплины. Экономические аспекты закупочной деятельности и проблема транзакционных издержек раскрыты А. А. Яковлевым с соавторами [3], а также в работе М. В. Островной и Е. А. Подколзиной, посвященной ограничениям конкуренции на российском рынке государственных закупок [4]. Восприятие проблем и эффективности госзакупок самими их участниками проанализировано А. А. Яковлевым с соавторами [5]. Институциональные риски государственного управления рассмотрены И. Смотрицкой и С. Черных [6]. Современные подходы к управлению рисками в системе государственных закупок, включая этапную идентификацию рисков и меры их минимизации, развиваются в работах С. Н. Коваленко с соавторами [7] и В. В. Петрушевской и Я. О. Арчиковой [8]. Наиболее близкими к предмету настоящего исследования являются работы Д. А. Созаевой, в которых предложена концепция риск-ориентированного управления регулируемыми закупками и введено понятие неявных рисков [9; 10]. Вопросы применения искусственного интеллекта в конкурентных закупках освещены Д. А. Казанцевым, П. Догналом и П. Догналом-мл. [11], однако преимущественно в правовом ключе. Проблематика объяснимости алгоритмических решений раскрыта в работе С. Вахтер, Б. Миттельштадта и К. Рассела [12]. Между тем, несмотря на значительный объем накопленных исследований, производственно-хозяйственные, организационно-управленческие и информационные риски, в т. ч. порождаемые внедрением технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ), остаются недостаточно изученными

и не сведены в единую классификацию. Именно они в значительной мере определяют устойчивость и бесперебойность функционирования организаций-заказчиков.

Целесообразность разработки темы. Проведенный анализ литературы показывает, что в существующих исследованиях закупочные риски рассматриваются преимущественно фрагментарно и в отрыве друг от друга: правовые и коррупционные риски изучены наиболее полно, тогда как организационно-управленческие, экономические и информационные риски, а также риски скрытых затрат и риски применения ИИ не систематизированы и не увязаны с масштабом организации-заказчика. Целесообразность разработки темы обусловлена, во-первых, необходимостью восполнения этого пробела за счет построения целостной классификации закупочных рисков, выходящей за пределы их правовой интерпретации; во-вторых, практической потребностью заказчиков различного масштаба в дифференцированном инструментарии управления рисками в условиях цифровой трансформации закупок; в-третьих, появлением нового класса информационных рисков, связанных с внедрением больших языковых моделей, который до настоящего времени не получил системного осмысления применительно к закупочной деятельности.

Научная новизна исследования состоит в разработке классификации закупочных рисков с выделением неявных цифровых рисков и рисков скрытых затрат, а также в систематизации информационных рисков применения ИИ-инструментов применительно к закупочной практике [9; 10].

Теоретическая значимость определяется вкладом в развитие представлений о рисках закупочной деятельности за пределами их правовой и коррупционной интерпретации. **Практическая значимость** определяется возможностью непосредственного применения предложенного инструментария заказчиками различного масштаба.

Цель исследования — разработка дифференцированной системы риск-ориентированного управления закупками, адаптированной к масштабу организации и обеспечивающей экономическую безопасность закупочной деятельности.

Задачи исследования:

- идентифицировать и классифицировать закупочные риски на основе обобщения научной литературы и правоприменительной практики;
- оценить масштаб скрытых затрат при повторных процедурах; систематизировать информационные риски применения ИИ;
- разработать дифференцированные рекомендации для заказчиков различного масштаба.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов. Метод анализа научной литературы и нормативно-правовых источников

применялся для первичной идентификации закупочных рисков: систематизировались виды рисков, описанные в исследованиях по экономической безопасности регулируемых закупок [9; 10], а также риски, зафиксированные в опубликованных экспертных обзорах и материалах правоприменительной практики применительно к организациям различного масштаба и правового статуса — от субъектов малого предпринимательства до публично-правовых компаний. Значимость отдельных видов рисков оценивалась методом частотного анализа их упоминаемости в проанализированных источниках. Для оценки масштаба скрытых затрат при повторных закупочных процедурах использованы результаты опубликованных исследований рынка государственных закупок лекарственных средств [13]. При анализе информационных рисков ИИ применялись методы кейс-анализа и сравнительного анализа доступных инструментов на основе больших языковых моделей по критериям локализации данных, доступности из Российской Федерации и применимости в закупочной практике.

Основная часть

Состояние проблемы управления рисками в системе государственных закупок. В действующей нормативной базе проблема управления рисками в сфере государственного заказа решается весьма ограниченно. Традиционный подход сводится к сравнительному анализу санкций Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), Бюджетного кодекса РФ и Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ с точки зрения возможных мер ответственности. Отдельные проблемы правового регулирования корпоративных закупок применительно к практике Закона № 223-ФЗ рассма-

триваются в научно-практическом пособии О. А. Беляевой «Корпоративные закупки: проблемы правового регулирования» (2018). Указ Президента РФ о национальном плане противодействия коррупции на 2021—2024 гг. стимулировал ряд ведомств к разработке карт рисков. Анализ данных карт позволяет констатировать их существенную ограниченность: они фиксируют исключительно коррупционную составляющую риска — умысел при планировании, при определении поставщика и при исполнении контракта.

Между тем значительная часть ошибок и неблагоприятных исходов закупочной деятельности не имеет коррупционной природы. Если заказчик нечасто приобретает тот или иной товар, он может упустить оптимальный момент для размещения закупки: своевременное планирование могло бы обеспечить приобретение продукции по более выгодной цене либо с более длительным жизненным циклом [9; 14]. Подобные риски носят сугубо экономический характер и не предполагают чьего-либо умысла.

Специфика правоприменительной культуры по Закону № 223-ФЗ также порождает самостоятельную категорию правовых рисков: часть заказчиков обуславливает соблюдение нормативных требований исключительно угрозой санкций. Медийная среда усугубляет ситуацию, акцентируя внимание преимущественно на случаях уголовного преследования и тем самым закрепляя в профессиональном сообществе сугубо правовую интерпретацию понятия «закупочный риск» [5].

Классификация закупочных рисков. По результатам проведенного исследования предлагается классификация закупочных рисков, разграничивающая явные и неявные риски (табл. 1).

Таблица 1

Классификация закупочных рисков (авторская разработка)

Группа рисков	Виды рисков	Примеры проявления
Явные правовые риски	Нарушение законов № 44-ФЗ и № 223-ФЗ; нарушение КоАП РФ; несоблюдение норм национального режима; нарушения антимонопольного законодательства (картели)	Применение закупочных способов, исключенных из собственного Положения; игнорирование требований о баллах при национальном режиме
Явные организационно-управленческие риски	Сбои в коммуникации между подразделениями; дублирование закупок в территориально распределенных структурах; несоблюдение внутренних регламентов; отсутствие категорийного управления	Параллельное размещение однородных закупок разными подразделениями; отсутствие регулярных запросов от бизнес-заказчиков; недостаточная мотивация специалистов по закупкам
Неявные цифровые риски	Неполнота и недостоверность данных в электронных сервисах; сбои и отказы электронных торговых систем; недостаточная цифровая компетентность персонала; киберугрозы	Ошибки при работе с Единой информационной системой (далее — ЕИС) вследствие низкой ИТ-компетентности; новые формы кибермошенничества в электронных закупках; неактуальность реестровой информации
Неявные риски скрытых затрат	Транзакционные издержки повторных процедур; неучитываемые затраты рабочего времени; упущенная выгода из-за выбора неоптимального времени для закупки; недоучет полной стоимости эксплуатации за весь срок службы (совокупная стоимость владения)	Приобретение более дешевого оборудования с коротким жизненным циклом; многократные повторные аукционы по жизненно важным лекарственным препаратам

Первые две группы: явные правовые и организационно-управленческие риски — поддаются нормативной идентификации и в той или иной мере охвачены существующими системами внутреннего контроля. Неявные риски, напротив, систематически недооцениваются, поскольку их последствия не всегда выражены в форме санкций или прямых убытков, тогда как их суммарный ущерб для экономической безопасности организации может быть весьма значительным [3; 9; 10].

Наиболее значимые риски цифровой среды. Обобщение научных публикаций и материалов правоприменительной практики обнажает парадоксальную тенденцию: заказчики, активно использующие инструменты цифровизации, воспринимают ее одновременно как источник операционных рисков. Среди всего многообразия угроз в качестве трех наиболее значимых устойчиво выделяются риски, непосредственно связанные с цифровой средой.

Первое место занял риск неполноты и недостоверности данных в электронных сервисах. Второе место — риски, обусловленные недостаточной ИТ-компетентностью персонала и отказами электронных систем, что особенно актуально для малых и средних организаций без собственных ИТ-подразделений. Третье место — риск новых форм кибермошенничества. Примечательно, что традиционно доминирующие в регуляторном дискурсе правовые и коррупционные риски не входят в тройку наиболее острых с точки зрения самих заказчиков, что свидетельствует о существенном расхождении между регуляторной повесткой и реальной практикой [9].

Скрытые затраты как угроза экономической безопасности. Особого внимания заслуживает категория рисков скрытых затрат, не отражаемых в традиционной системе учета. Как показывают опубликованные исследования рынка государственных закупок лекарственных средств, при повторном размещении процедур по жизненно важным лекарственным препаратам возникают значительные скрытые затраты: временные затраты специалистов на подготовку и согласование документации, технические и административные издержки [13]. По имеющимся оценкам, совокупный объем таких издержек по отдельным группам препаратов достигает сотен миллионов рублей, что подтверждает масштаб проблемы и ее значимость для экономической безопасности заказчиков.

Проблема совокупной стоимости владения (*Total Cost of Ownership, TCO*) представляет собой еще одно измерение скрытых затрат. При оценке заявок исключительно по цене предложения заказчик может приобрести объект, совокупные эксплуатационные расходы которого существенно превысят аналогичные показатели более дорогого аналога. Концепция *TCO* остается практически неостребованной в системе государственного заказа — главным образом в силу нормативных ограничений, высокой трудоемкости расчетов и нестабильности рыночной конъюнктуры [9; 14].

Информационные риски применения ИИ. Дискуссия о цифровизации закупок нередко сводится к опыту крупных корпораций, располагающих собственными ИТ-департаментами. Вместе с тем уже сегодня доступны общедоступные инструменты на основе больших языковых моделей (*ChatGPT, DeepSeek, YandexGPT, GigaChat*), позволяющие решать практические закупочные задачи без значительных финансовых затрат [11]. Возможности применения ИИ на этапе планирования закупок и сопутствующие риски автоматизации исследованы Н. В. Немцовой, Е. С. и С. С. Стаурскими [15]. Применение данных инструментов не требует глубоких технических знаний — достаточно грамотно сформулированного промпта с указанием роли, задачи, формата ответа и требования верифицируемых источников.

Для объективного сопоставления доступных инструментов на основе больших языковых моделей целесообразно опираться на независимые рейтинги качества. Одним из таких источников выступает открытая краудсорсинговая платформа *LLM Arena*, оценивающая большие языковые модели применительно к русскому языку. Платформа собирает парные сравнения ответов моделей, выполняемые пользователями, и ранжирует модели с помощью модели Брэдли—Терри, отображая их рейтинг по шкале Эло. Ранг (*UB*) представляет собой ранг модели

по верхней границе доверительного интервала: он определяется как единица плюс число моделей, статистически превосходящих данную. Модель *A* считается статистически лучше модели *B*, если нижняя граница ее оценки превышает верхнюю границу оценки модели *B* (при 95%-м доверительном интервале). Фрагмент таблицы лидеров по состоянию на конец 2025 — начало 2026 г. приведен в табл. 2.

Таблица 2

**Фрагмент таблицы лидеров
больших языковых моделей
по версии платформы *LLM Arena***

Ранг (<i>UB</i>)	Модель	<i>Arena Elo</i>	Организация	Лицензия
1	<i>Gemini 3 Pro Preview</i>	1162	<i>Google</i>	Проприетарная
1	<i>Gemini 3.1 Pro Preview</i>	1151	<i>Google</i>	Проприетарная
1	<i>Gemini 2.5 Pro Preview (03-25)</i>	1135	<i>Google</i>	Проприетарная
1	<i>GPT-5.1</i>	1129	<i>OpenAI</i>	Проприетарная
1	<i>Gemini 2.5 Flash Preview (thinking)</i>	1114	<i>Google</i>	Проприетарная
3	<i>GPT-5 Chat</i>	1105	<i>OpenAI</i>	Проприетарная
3	<i>GPT-5.2</i>	1104	<i>OpenAI</i>	Проприетарная
3	<i>Claude Opus 4.1</i>	1101	<i>Anthropic</i>	Проприетарная
5	<i>Claude Sonnet 4.5</i>	1086	<i>Anthropic</i>	Проприетарная
5	<i>GPT-4.1 (2025-04-14)</i>	1086	<i>OpenAI</i>	Проприетарная
5	<i>DeepSeek V3.2</i>	1082	<i>DeepSeek</i>	MIT (открытая)
5	<i>o4-mini (2025-04-16)</i>	1082	<i>OpenAI</i>	Проприетарная
6	<i>Qwen3 Max</i>	1072	<i>Qwen (Alibaba)</i>	<i>Apache 2.0</i> (открытая)
6	<i>DeepSeek V3.1</i>	1066	<i>DeepSeek</i>	MIT (открытая)
6	<i>DeepSeek R1</i>	1063	<i>DeepSeek</i>	Открытая

Примечание: сост. по данным *LLM Arena* (<https://llmarena.ru/>).

Как следует из представленных данных, лидирующие позиции занимают проприетарные зарубежные модели семейств *Gemini* (*Google*), *GPT* (*OpenAI*) и *Claude* (*Anthropic*), тогда как открытые модели *DeepSeek* и *Qwen*, распространяемые под свободными лицензиями (*MIT, Apache 2.0*) и потому пригодные для развертывания в изолированном контуре, располагаются близко к ним по совокупной оценке. Наглядная визуализация доверительных интервалов оценок силы моделей приведена на рисунке.

Вместе с тем для закупочной деятельности определяющим является не столько место модели в рейтинге качества, сколько правовой режим обработки данных (а именно соответствие Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»), доступность инструмента из Российской Федерации и возможность его развертывания в изолированном контуре. С этих позиций доступные заказчику инструменты целесообразно разделить на три категории: отечественные, зарубежные (китайские) открытые и зарубежные проприетарные. Их сравнительная характеристика приведена в табл. 3.

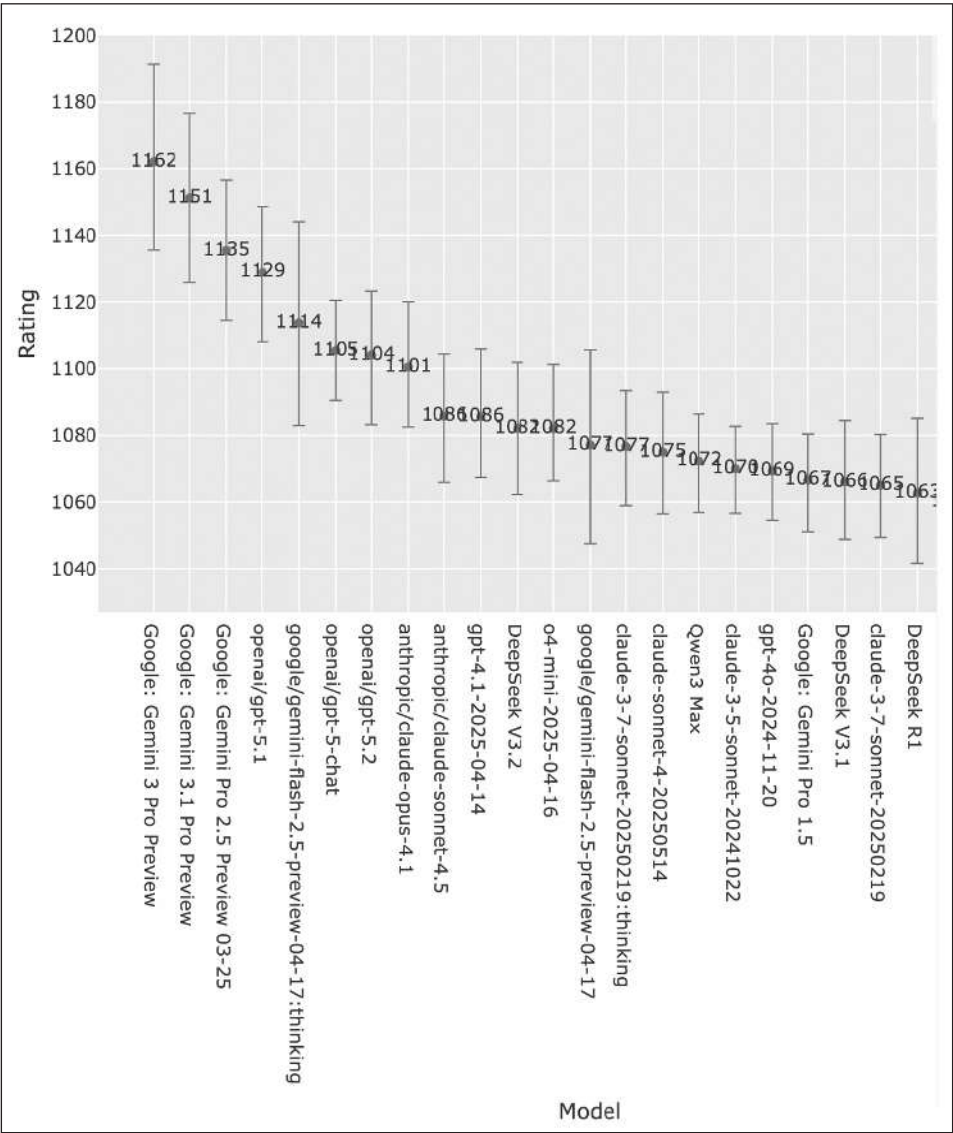

Рис. Доверительные интервалы оценки силы моделей (метод бутстрапа) по данным платформы LLM Arena

Таблица 3

Сравнительная характеристика инструментов на основе больших языковых моделей с точки зрения закупочной практики

Инструмент (категория)	Разработчик, страна	Локализация данных и соответствие Закону № 152-ФЗ	Доступ из РФ	Значимость для закупочной практики
YandexGPT / Alice AI (отечественная)	Яндекс, Россия	Серверы в России, соответствие Закону № 152-ФЗ; корпоративные тарифы с гарантиями безопасности	Полный доступ без VPN, оплата в рублях	Глубокое понимание русскоязычного и нормативного контекста, низкая стоимость API; приемлема для регулируемых закупок, включая работу с персональными данными
GigaChat (отечественная)	ПАО Сбербанк, Россия	Серверы в России, соответствие Закону № 152-ФЗ; открытые веса GigaChat 3 (MIT) и корпоративное развертывание в изолированном контуре	Полный доступ без VPN, оплата в рублях	Понимание русской деловой и правовой лексики, мультимодальность; изолированный контур минимизирует риск утечки конфиденциальных данных
T-Pro / T-Lite (отечественная, открытая)	Т-Банк, Россия	Открытые веса (Apache 2.0); развертывание в собственном контуре без передачи данных вовне	Доступ без VPN; локальное развертывание	Специализация на русскоязычных и финансовых задачах; полный контроль над данными при локальном развертывании, что важно для чувствительной информации
Cotype (отечественная)	MWS AI (МТС), Россия	Серверы в России, соответствие Закону № 152-ФЗ; развертывание во внутреннем контуре организации	Полный доступ без VPN, оплата в рублях	Корпоративная ориентация и мультимодальность (договоры, формы, чертежи); адаптирована под бизнес-сценарии, пригодна для документарных задач заказчика

Инструмент (категория)	Разработчик, страна	Локализация данных и соответствие Закону № 152-ФЗ	Доступ из РФ	Значимость для закупочной практики
<i>DeepSeek / Qwen</i> (открытая, Китай)	<i>DeepSeek; Alibaba</i> , Китай	Публичный сервис хранит данные в Китае; при развертывании в российском облаке или в собственном контуре трансграничной передачи не возникает	Доступ без VPN, бесплатно; открытые веса	Высокое качество и низкая стоимость; для персональных данных пригодны только в варианте локального (изолированного) развертывания на территории Российской Федерации
<i>ChatGPT / Claude / Gemini</i> (зарубежная, проприетарная)	<i>OpenAI; Anthropic; Google</i> , США	Данные обрабатываются на зарубежных серверах; трансграничная передача в «неадекватную» юрисдикцию; требованиям Закона № 152-ФЗ по локализации не соответствует	Только через VPN и иностранные способы оплаты	Наиболее высокие аналитические возможности, однако использование для конфиденциальных и персональных данных заказчика юридически недопустимо; применимы лишь к обезличенным данным

Примечание: сост. автором.

Сопоставление показывает, что выбор инструмента для закупочных задач определяется прежде всего правовым режимом обработки данных, а не только положением модели в рейтинге качества. Для работы с конфиденциальной и персональной информацией заказчика приемлемы прежде всего отечественные решения (*YandexGPT, GigaChat, T-Pro, Cotype*), обеспечивающие хранение данных на территории Российской Федерации, а также открытые модели, развернутые в изолированном контуре. Зарубежные проприетарные сервисы, несмотря на лидирующие позиции в рейтинге, для этих целей юридически неприемлемы и допустимы лишь при работе с обезличенными или общедоступными данными.

Апробация трех типовых задач показала практический потенциал ИИ, а именно:

- Задача 1: **проверка технического задания на соответствие принципу конкурентности**. Из четырех предложений, подобранных языковой моделью для обоснования начальной (максимальной) цены контракта, три оказались достоверными, одно было сгенерировано без фактического основания.

- Задача 2: **анализ договора**. По реально заключенному договору из реестра ЕИС языковая модель идентифицировала 17 условий с повышенными рисками для поставщика.

- Задача 3: **подготовка возражений на жалобу Федеральной антимонопольной службы**. Модель предложила два аргумента сверх использованных заказчиком в реальной ситуации, один из которых, по экспертной оценке, мог изменить исход рассмотрения дела в его пользу.

Вместе с тем применение ИИ сопряжено с комплексом специфических информационных рисков, систематизированных в табл. 4.

Таблица 4

Информационные риски применения ИИ в закупочной деятельности (авторская разработка)

Вид риска	Механизм возникновения	Меры снижения
Галлюцинации языковой модели	Языковая модель комбинирует статистически вероятные последовательности токенов, не обладая логическим пониманием предметной области, что порождает достоверно оформленный, но фактически недостоверный контент	Обязательная верификация каждого фактического утверждения по первоисточнику; запрос модели указывать ссылки с последующей их проверкой
Утечка конфиденциальных данных	Загружаемые в публичные ИИ-сервисы документы потенциально включаются в обучающие датасеты, создавая ненулевую вероятность воспроизведения чувствительных данных в ответах третьим лицам	Использование корпоративных ИИ-решений с изолированным контуром данных; анонимизация документов перед загрузкой в публичные сервисы
Технологическая зависимость	Внезапная блокировка зарубежных ИИ-сервисов ведет к разрыву операционных процессов, выстроенных на базе данных инструментов	Формирование резервного контура на базе отечественных ИИ-платформ; недопущение монозависимости от единственного провайдера
Эффект «черного ящика»	Языковая модель зачастую не может объяснить логику выводов. Юридически значимые решения (протоколы комиссии, контракты) требуют верифицируемого фактического основания	Использование результатов ИИ исключительно как вспомогательного материала; запрос обоснования каждого вывода с подтверждением источников
Переучивание на смещенных данных	Если обучающая выборка содержит аномалии (нетипичные ценовые всплески), модель формирует систематически ошибочные прогнозы, принимаемые за закономерность	Предварительная очистка исторических данных; выявление и устранение статистических аномалий; привлечение экспертов для интерпретации результатов
Отравление обучающих данных	Недобросовестные поставщики целенаправленно формируют «цифровой след» — массово публикуют прайс-листы, накручивают отзывы — с целью манипулирования результатами ИИ-анализа заказчика	Диверсификация источников данных; кросс-верификация через независимые реестры (Федеральная налоговая служба, арбитражные суды, ЕИС); формирование критической культуры работы с открытыми данными

На основе анализа выявленных рисков сформулированы шесть принципов безопасного применения ИИ-инструментов:

1) принцип обязательной верификации — ни одно фактическое утверждение ИИ не используется без проверки по первоисточнику;

2) принцип объяснимости — результаты принимаются при наличии верифицируемой фактической базы;

3) принцип технологической независимости — обязательное наличие резервного контура на базе отечественных платформ;

4) принцип информационной гигиены — разграничение открытых и конфиденциальных данных при работе с публичными сервисами;

5) принцип постепенного освоения — начало с низкорисковых задач;

6) принцип кадрового приоритета — ИИ повышает эффективность специалиста, но не замещает его профессиональное суждение и юридическую ответственность.

Дифференцированные подходы к риск-ориентированному управлению. Предлагаемая система строится на принципе соразмерности, при котором применяемый инструментарий должен соответствовать масштабу организации и ее ресурсным возможностям.

Для малых организаций наиболее доступным инструментом является система чек-листов, структурированных по этапам закупочного процесса [планирование, обоснование начальной (максимальной) цены контракта/договора, разработка документации, рассмотрение заявок, исполнение контракта], дополненная верифицируемыми ИИ-подсказками. Важно подчеркнуть: автоматизация не отменяет логику содержательных этапов, а чек-лист должен охватывать не только формальные требования, но и параметры качества закупки.

Для организаций среднего масштаба рекомендуется переход к полноценному риск-ориентированному управлению: карты рисков с формализованными процедурами идентификации и оценки последствий, категорийное управление, а также система *KPI* по удовлетворенности внутренних бизнес-заказчиков. Такой подход позволяет перейти от реагирования на отдельные инциденты к системному управлению закупочными рисками на всех этапах закупочного цикла [6; 10].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева Л. В. Государственные закупки в России: правовое регулирование и меры по его совершенствованию. М.: Проспект, 2019. 232 с.
2. Кикавец В. В. Публичные закупки в практике зарубежных стран. М.: Проспект, 2021. 176 с.
3. Балаева О. Н., Яковлев А. А., Родионова Ю. Д., Есаулов Д. М. Трансакционные издержки в сфере госзакупок РФ: оценка на макроуровне на основе микроданных // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10. № 3. С. 58—84. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.058-084.
4. Островная М. В., Подколзина Е. А. Ограничения конкуренции на примере российских государственных закупок // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 56—73. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-2-56-73.
5. Яковлев А. А., Балаева О. Н., Родионова Ю. Д., Ткаченко А. В. Проблемы и эффективность госзакупок глазами их участников // ЭКО. 2020. № 11. С. 83—103. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-83-103.
6. Смотрицкая И., Черных С. Современные концепции государственного управления и институциональные риски // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 41—52. DOI: 10.31857/S020736760010114-4.
7. Коваленко С. Н., Семенова Н. А., Коваленко Ю. Н., Сивкова А. Е. Управление рисками и процессом противодействия коррупции в системе государственных закупок // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 9. Ч. 2. С. 213—221. DOI: 10.17513/vaael.3723.
8. Петрушевская В. В., Арчигова Я. О. Управление рисками в системе государственных закупок бюджетного учреждения // Финансовый менеджмент. 2025. № 4. С. 4—13.

Крупные организации располагают ресурсами для формирования трехуровневой системы защиты (закупщики — комплаенс — внутренний аудит) и развертывания предиктивной аналитики: прогнозирование вероятности несостоятельности торгов, оценка рисков расторжения контракта по профилю контрагента, построение сетевых графов аномальных связей по кодам ОКПД 2, формирование дашбордов поддержки управленческих решений [10; 16].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие **выводы**:

1. Существующий нормативный дискурс избыточно сфокусирован на правовых и коррупционных рисках, оставляя в тени организационно-управленческие, экономические и информационные риски, непосредственно влияющие на устойчивость закупочной деятельности.

2. Цифровизация закупок порождает специфические риски — информационные, операционные, киберриски, — которые заказчики воспринимают как более острые угрозы, чем традиционные правовые.

3. Феномен скрытых затрат при повторных закупочных процедурах представляет реальную угрозу экономической безопасности: по данным опубликованных исследований, на рынке лекарственного обеспечения их совокупный объем по отдельным группам препаратов достигает сотен миллионов рублей [13].

4. Применение ИИ-инструментов несет не только операционные выгоды, но и новый класс информационных рисков (галлюцинации, утечки данных, технологическая зависимость, «черный ящик», переучивание на смещенных данных, отравление данных), управление которыми требует формирования системы принципов безопасного использования.

5. Внедрение риск-ориентированного управления должно быть дифференцировано: малые заказчики — чек-листы и верифицируемые ИИ-подсказки; средние — карты рисков и категорийное управление; крупные — многоуровневый комплаенс и предиктивная аналитика.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку методики количественной оценки закупочных рисков для организаций различных правовых форм, а также на верификацию прогностической силы языковых моделей в различных отраслевых сегментах.

9. Созаева Д. А. Неявные риски в системе государственных и муниципальных закупок и методология их выявления // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 6. С. 250—262.
10. Созаева Д. А. Современная концепция риск-ориентированного управления регулируемыми закупками // Проблемы анализа риска. 2023. Т. 20. № 6. С. 58—68.
11. Казанцев Д. А., Догнал П., Догнал-мл. П. Использование искусственного интеллекта для проведения конкурентных закупок: проблемы правового регулирования // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 3. С. 585—610. DOI: 10.21202/jdtl.2024.30.
12. Wachter S., Mittelstadt B., Russell C. Counterfactual Explanations Without Opening the Black Box: Automated Decisions and the GDPR // Harvard Journal of Law & Technology. 2018. Vol. 31. No. 2. Pp. 841—887.
13. Созаева Д. А., Денисова А. И., Александров Г. А., Гончар К. В. Совершенствование методологии оценки экономической эффективности государственных закупок лекарственных средств // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 4. С. 63—81. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-4-63-81.
14. Кикавец В. В. История правового регулирования государственных закупок в России: финансовый аспект. М.: Проспект, 2019. 128 с.
15. Немцова Н. В., Стаурский Е. С., Стаурский С. С. Возможности искусственного интеллекта на этапе планирования государственных закупок // Управленческий учет. 2023. № 6. С. 223—229. DOI: 10.25806/uu62023223-229.
16. Яковлев А. А., Ткаченко А. В., Родионова Ю. Д. Причины заключения контрактов с заранее определенными поставщиками: результаты эмпирического исследования // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 90—105. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-10-90-105.

REFERENCES

1. Andreeva L. V. Public procurement in Russia: legal regulation and measures for its improvement. Moscow, Prospekt, 2019. 232 p. (In Russ.)
2. Kikavets V. V. Public procurement in the practice of foreign countries. Moscow, Prospekt, 2021. 176 p. (In Russ.)
3. Balaeva O. N., Yakovlev A. A., Rodionova Yu. D., Esaulov D. M. Transaction Costs in the Public Procurement in Russia: Macrolevel Assessment Based on Microdata. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Studies*. 2018;10(3):58—84. (In Russ.) DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.058-084.
4. Ostrovnaya M. V., Podkolzina E. A. Restrictions of competition: The case of Russian public procurement. *Voprosy Ekonomiki*. 2018;2:56—73. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2018-2-56-73.
5. Yakovlev A. A., Balaeva O. N., Rodionova Yu. D., Tkachenko A. V. Problems and Efficiency of Public Procurement through the Eyes of their Participants. *ECO*. 2020;11:83—103. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-83-103.
6. Smotritskaya I., Chernyh S. Modern concepts of public administration and institutional risks. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economics*. 2020;6:41—52. (In Russ.) DOI: 10.31857/S020736760010114-4.
7. Kovalenko S. N., Semenova N. A., Kovalenko Y. N., Sivkova A. E. Risk management and anti-corruption process in the public procurement system. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024;9-2:213—221. (In Russ.) DOI: 10.17513/vaael.3723.
8. Petrushevskaya V. V., Archikova Ya. O. Risk management in the public procurement system of a budget institution. *Finansovyi menedzhment = Financial management*. 2025;4:4—13. (In Russ.)
9. Sozaeva D. A. Implicit risks in the system of state and municipal procurement and the methodology for identifying them. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2021;6:250—262. (In Russ.)
10. Sozaeva D. A. Modern concept of risk-based management of regulated procurement. *Problemy analiza riska = Issues of Risk Analysis*. 2023;20(6):58—68. (In Russ.)
11. Kazantsev D. A., Dohnal P., Dohnal Jr. P. Using Artificial Intelligence for Competitive Procurements: Legal Regulation Issues. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(3):585—610. DOI: 10.21202/jdtl.2024.30.
12. Wachter S., Mittelstadt B., Russell C. Counterfactual Explanations Without Opening the Black Box: Automated Decisions and the GDPR. *Harvard Journal of Law & Technology*. 2018;31(2):841—887.
13. Denisova A. I., Sozaeva D. A., Gonchar K. V., Aleksandrov G. A. Improving the Methodology for Assessing the Economic Efficiency of Public E-procurement of Medicines. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2023;15(4):63—81. (In Russ.) DOI: 10.31107/2075-1990-2023-4-63-81.
14. Kikavets V. V. History of legal regulation of public procurement in Russia: financial aspect. Moscow, Prospekt, 2019. 128 p. (In Russ.)
15. Nemtsova N. V., Staursky E. S., Staursky S. S. Artificial intelligence capabilities at the stage of public procurement planning. *Upravlencheskii uchët = Management Accounting*. 2023;6:223—229. (In Russ.) DOI: 10.25806/uu62023223-229.
16. Yakovlev A. A., Tkachenko A. V., Rodionova Yu. D. Reasons for contracting predetermined suppliers: Results of an empirical study. *Voprosy Ekonomiki*. 2018;10:90—105. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2018-10-90-105.

Статья поступила в редакцию 10.06.2026; одобрена после рецензирования 05.07.2026; принята к публикации 06.07.2026.
The article was submitted 10.06.2026; approved after reviewing 05.07.2026; accepted for publication 06.07.2026.

Научная статья
УДК 336.67
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1699

Marina Alexandrovna Chirskaia
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
Rostov-on-Don, Russian Federation
shurshara@yandex.ru

Марина Александровна Чирская
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры финансового и HR менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
shurshara@yandex.ru

ИНЕРЦИОННОСТЬ ФИНАНСОВОГО МЕХАНИЗМА КРУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

5.2.4 — Финансы

Аннотация. В статье исследуется специфика финансового механизма крупных организаций в теоретическом и практическом аспектах, с позиции актуальных рыночных тенденций 2026 г. и при учете значимости комплексного развития финансов организаций. Для этого изучено сущностное понимание категории «финансовый механизм» с выделением его институциональной, процедурной и инструментальной составляющих, а также обоснована значимость финансовых отношений как базисного системообразующего фактора функциональности финансового механизма крупных организаций. Проанализированные статистические данные о динамике прибыли организаций Ростовской области дали основание выделить фактор инерционности как параметр финансового механизма крупных организаций, таких как ООО «КЗ «Ростсельмаш», которые в течение 2025 г. существенно сократили свою производственно-сбытовую программу. В отличие от малых организаций, финансовому механизму которых присуща высокая адаптивность ввиду непосредственного взаимодействия с потребительским сегментом и упрощенными взаимоотношениями с финансовыми институтами, система финансирования и инвестирования крупных

организаций крайне зависима именно от таких финансовых отношений, подверженных значительному влиянию внешних, в т. ч. геополитических, причин.

Даже при использовании прогрессивного инструментария в структуре финансового механизма, на базе корреляции с тенденциями цифрового формата экономического пространства, большинство крупных организаций не могут оперативно сбалансировать систему финансирования и инвестирования, поскольку крайне зависимы от индикаторов финансового сегмента (например, ставки рефинансирования Центрального банка РФ) и платежеспособного спроса потребителей, что вызвало необходимость активной государственной поддержки со стороны органов регионального управления, в т. ч. в Ростовской области. В статье показано, как инструментарий такой поддержки позволил в текущем, 2026-м, году существенно улучшить параметры работы организации и, при наличии черт инерционности в финансовом механизме, сформировать базу для последующего устойчивого роста в интересах всей отечественной промышленности.

Ключевые слова: финансовая система, финансы организаций, финансовый механизм, региональная экономика, инвестирование, финансирование, адаптивность, инерционность, государственная политика, устойчивый рост

Для цитирования: Чирская М. А. Инерционность финансового механизма крупных организаций: региональный аспект государственной поддержки // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 115—123. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1699.

Original article

INERTIA OF THE FINANCIAL MECHANISM OF LARGE ORGANIZATIONS: THE REGIONAL ASPECT OF STATE SUPPORT

5.2.4 — Finance

Abstract. This study examines the specifics of the financial mechanism of large organizations from both theoretical and practical perspectives, considering current market trends as of 2026 and the importance of the comprehensive development of corporate finance. To this end, the work explores the fundamental nature of the financial mechanism concept, identifying its institutional, procedural, and instrumental components, and substantiates the significance of financial relations as a foundational, system-forming factor in the functioning of the financial mechanism within large organizations. An analysis of statistical data regarding profit trends among organi-

zations in the Rostov Region has made it possible to identify the factor of inertia as a parameter of the financial mechanism of large enterprises, such as Rostselmash Combine Plant LLC, that significantly curtailed their production and sales programs during 2025. Unlike small organizations, whose financial mechanisms are highly adaptable due to direct interaction with the consumer segment and simplified relationships with financial institutions, large organizations rely on financing and investment systems that are heavily dependent on financial relationships susceptible to significant external influences, including geopolitical factors.

Even when employing advanced tools within their financial mechanisms aligned with the digital trends of the economic landscape, most large organizations struggle to rapidly balance their financing and investment systems. This is due to their heavy reliance on financial sector indicators (such as the Central Bank of Russia's refinancing rate) and consumer purchasing power, a situation that has necessitated active state support from regional authorities, including those in the Rostov Region. The article

demonstrates how the toolkit for such support enabled the organization to significantly improve its operational performance in 2026 and, despite the inherent inertia of the financial mechanism, lay the groundwork for subsequent sustainable growth benefiting the entire domestic industrial sector.

Keywords: financial system, corporate finance, financial mechanism, regional economy, investment, financing, adaptability, inertia, state policy, sustainable growth

For citation: Chirskaya M. A. Inertia of the financial mechanism of large organizations: the regional aspect of state support. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):115—123. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1699.

Введение

Управление любыми экономическими процессами и формируемыми на их основе показателями опирается на глубокое понимание сущности и особенностей той или иной экономической категории. Приоритетная роль финансов организаций в структурном понимании финансовой системы диктует важность регулирующего воздействия именно на этот компонент экономики государства, что дает возможность позитивного проецирования на стабильность функционирования прочих элементов финансовой системы — государственных и личных финансов. Однако динамизм рыночной среды дифференцированно проецируется на разные экономические элементы и категории. Быстрая трансформация и гибкая адаптация присуща большинству из них, ориентированных на корреляцию с рыночными тенденциями (среди них — динамика спроса и предложения, гибкое ценообразование, перенастраиваемая логистика).

Однако финансовый механизм ряда организаций, прежде всего крупных, характеризуются определенной инертностью, что отражается на комплексной оценке рациональности применяемого регулирующего инструментария. Неоднородное воздействие внешних и внутренних факторов на крупные, средние и малые организации не дает возможности единообразной оценки рациональности используемого финансового механизма в динамичной рыночной среде.

Это вызывает необходимость уточнения сущности и структуры финансового механизма с выделением его элементов, позволяющих дать заключение о соответствии компонентов целям и задачам организации, исходя из общегосударственных и внутрипроизводственных ориентиров, которые меняются и локализуются, на основе экономической и социально-политической ситуации 2026 г. Изучение терминологии касательно специфики и структуры финансового механизма организации даст возможность определить, какие именно ключевые позиции выступают индикативными ориентирами оценки эффективности такого механизма, а также регулирующего воздействия со стороны государственных органов управления в случае выраженной необходимости для стабилизации финансового состояния крупных организаций.

Актуальность исследования определена важностью оценочного подхода при характеристике эффективности используемого организациями финансового механизма: только оперирование конкретными компонентами и их формализованным оцениванием, может дать заключение, отвечает ли такой механизм установленным целям, решает ли он конкретные задачи, способен ли он к долгосрочному применению в финансово-хозяйственной прак-

тике организации. Однако для этого необходимо выделить основополагающие индикаторы и структурные компоненты финансового механизма, обобщив понимание его сущности и специфики в трактовке различных ученых сферы финансов организаций и финансового менеджмента. Несмотря на структурную индивидуализацию финансового механизма в работе конкретного хозяйствующего субъекта, проводимые в отечественной экономике преобразования, прежде всего трансформация законодательно-правового поля и нормативного регулирования деятельности организаций, отражаются на всех субъектах хозяйствования, соответствующим образом внося коррективы и в применяемые инструменты финансирования и инвестирования. Если такие процессы приводят к позитивным итогам, можно заключить, что финансовый механизм организации отвечает целям государства, собственников бизнеса и всего социума. В случае определенной инерционности адаптационных процессов, на базе высокого значения деятельности конкретной организации в контексте региональной экономики, возможен переход к более активному использованию управленческого воздействия со стороны государственного аппарата управления экономической сферой.

Объект исследования — структура и специфика финансового механизма организаций отечественной экономики, используемый хозяйствующими субъектами Ростовской области в 2022—2026 гг.

Предмет исследования — критерии и показатели, выявляющие рациональность структурных компонентов финансового механизма организаций и эффективность его использования в рыночной среде.

Изученность проблемы. Вопросам сущностного понимания финансового механизма организаций, его развития, оценки эффективности и выявления степени соответствия рыночным реалиям уделяется значительное внимание в трудах отечественных ученых и практиков, сферы научных интересов которых — финансы организаций, финансовая политика организаций и финансовый менеджмент. Следует отметить значительный вклад в разработку темы таких авторов, как И. П. Якушев [1] и П. Д. Баранов [2]: в их трудах представлен системный подход к финансовому механизму, ориентированному на устойчивость в текущем периоде и рост конкурентоспособности хозяйствующего субъекта в перспективе. В работе Е. В. Петровой [3] выделена стратегическая направленность применяемого инструментария финансового механизма организации, у К. Ю. Коноваловой [4] охарактеризован оптимизационный подход к структуре финансового механизма, а также представлен комплекс действий, позволяющий выбрать наиболее значимые и востребованные в рыночной среде элементы финансового механизма. Актуальные особенности

элементов финансового механизма, наиболее значимые для обеспечения стратегии устойчивого роста организаций, выделены в работе П. И. Шуняева [5].

Многие авторы проводят углубленный анализ структуры и особенностей компонентов финансового механизма крупных организаций и отечественных корпораций, что наиболее полно отражено в работе С. Г. Татаринцевой [6]. Применяемый инструментарий управления процессами финансирования и инвестирования в зависимости от масштаба ведения производственно-сбытовых операций крайне дифференцирован, что делает выводы указанной работы практически востребованными именно для работы крупных хозяйствующих субъектов.

Роль эффективного финансового механизма организаций как базисного требования реализуемости долгосрочной государственной финансовой политики, особенно в условиях санкций и сохраняющейся геополитической напряженности, детально выявлена и охарактеризована в работе Д. А. Дубкова [7]. Актуальность выбранной темы в связи с трансформацией налогового законодательства в России и усилением значимости рационального управления доходами организаций как направления повышения эффективности всего финансового механизма рассмотрена в работе А. Д. Замысловой [8], аналогично в работе М. М. Челпановой [9] проведено исследование специфики отечественного инструментария, используемого для обеспечения организаций финансовыми ресурсами.

Следует отметить вклад авторов публикаций, направленных на выявление особенностей финансового механизма организаций сферы агропромышленного комплекса (далее — АПК), важных для темы настоящей статьи. Так, в работе А. Р. Кулова [10] рассмотрены методы, инструменты и рычаги в составе финансового механизма, направленные на активизацию инновационного развития отрасли. В работе Н. В. Лишук [11] выделена роль контроллинга как важного компонента обеспечения достижения заданных критериев, на который ориентирован финансовый механизм организаций АПК.

Ряд работ посвящен вопросам активизации применения современных финансовых технологий и цифровых инструментов в составе финансового механизма. Так, в статье А. С. Змиева [12] отражена их значимость для роста прибыли организации, а в трудах И. Ю. Алимова [13] и Н. М. Сабитовой [14] указана специфика состава и особенностей регулирования компонентов финансового механизма по отраслевому признаку, что делает выводы этих трудов максимально важными для таких сфер.

Особо следует выделить вклад И. В. Демченко в развитие теории и практики сущностного понимания финансово-кредитного механизма развития субъекта хозяйствования в региональном аспекте, что представлено в его публикациях по итогам выступлений на международно-практических конференциях [15; 16]: учет региональных особенностей позволяет проводить сбалансированную финансовую политику, с учетом государственных приоритетов и социальной значимости для населения региона.

Целесообразность разработки темы. Изучение и обобщение теоретических и практических аспектов рассматриваемой темы приводит к необходимости уточнения сущностного содержания финансового механизма организаций исходя из актуальных требований обеспечения социально-экономического развития отдельных хозяйствующих субъектов, регионов и всей отечественной экономики в динамичной среде 2026 г.

Научная новизна заключается в том, что в статье обосновывается расширение оценочных подходов к эффективности финансового механизма крупных организаций, в контексте их значения для социально-экономической стабильности развития региона. Предлагается дифференциация оценочных подходов к рациональности финансового механизма крупных организаций, исходя из учета общегосударственных задач и внутрипроизводственных возможностей субъектов хозяйствования, при ориентировании на повышение эффективности системы финансирования и инвестирования крупных организаций.

Цель исследования состоит в обосновании использования компонента инертности финансового механизма крупной организации как значимого параметра регулирующего воздействия государственного управления процессами финансирования и инвестирования стратегически значимых отраслей и организаций отечественной экономики, в т. ч. на региональном уровне.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- изучить содержание и особенности финансового механизма организаций в теоретических трудах отечественных ученых;
- выделить значимые элементы финансового механизма организаций, позволяющие оценить эффективность использования его компонентов в динамичной рыночной среде;
- оценить эффективность финансового механизма крупных организаций Ростовской области на основе динамики получаемой прибыли и прибыльности/убыточности промышленного сектора;
- обосновать важность усиленного государственного воздействия на финансовые отношения в структуре финансового механизма стратегически значимых организаций, финансовый механизм которых обладает определенной инертностью вследствие комплекса объективных причин экономической ситуации 2026 г.

Теоретическая значимость статьи состоит в расширении понимания критериальных оценочных заключений об эффективности применяемого финансового механизма крупных организаций в условиях высокой турбулентности рыночного поля и неоднородности влияния внешних экономических факторов на экономические субъекты.

Практическая значимость статьи заключается в обосновании активизации рациональной государственной поддержки тем субъектам хозяйствования в отечественной экономике, инертность финансового механизма которых является отражением масштабом деятельности, отраслевой специфики и усиленным влиянием внешних факторов экономической ситуации в отечественной экономике 2026 г.

Основная часть

Методология исследования. Теоретической основой статьи выступили положения исследований сферы финансов организаций отечественных ученых, а также фундаментальные постулаты финансового менеджмента, разработанные учеными научных школ, изучающих закономерности функционирования корпоративных финансов. Выводы сделаны на основе концепции приоритета максимизации рыночной стоимости и прибыли организации, исходя из допустимости неограниченного периода ее функционирования в рыночной среде, с возможностью адаптивности и при учете государственного регулирования значимых сфер экономической системы.

Результаты исследования и их обсуждение. Современная государственная политика России имеет выраженные приоритеты, достижение которых опирается на стабильные финансовые поступления от организаций в форме налоговых платежей и при поддержании социального благополучия общества. Хозяйствующие субъекты — базисный компонент финансовой системы страны на любой стадии рыночных отношений, а в настоящее время, в реалиях 2026 г., цели и задачи государства и организаций предельно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Целенаправленная государственная политика основывается на эффективном функционировании финансов организаций, что проецируется и на стабильности деятельности финансовых институтов, и на благополучии населения страны. Именно на основании экономического благополучия организаций можно составить прогноз о реализуемости задач государства — как финансового, так и социально-политического характера.

Основополагающими экономическими характеристиками организации выступают отраслевая принадлежность, масштаб ведения хозяйственных операций, длительность функционирования в рыночном поле, а также используемый для достижения уставных целей финансовый механизм. Однако единообразного толкования такого важного элемента нет и не может быть: различные ученые и практики выделяют тот или иной компонент, который и определяет значимость и функциональную направленность финансового механизма, отделяя его от прочих составных компонентов финансов организаций. Представляется важным проанализировать и обобщить сущность и специфику понимания финансового механизма: в таком случае можно определить ключевые индикаторы, которые позволяют оценивать эффективность финансового механизма, проблемы при его применении, а также значимость для общегосударственной экономической политики.

«Финансовый механизм можно рассматривать с разных точек зрения: с объективной — как систему управления, построенную на основе экономических концепций и законов, и с субъективной — как совокупность инструментов, применяемых предприятием на определенной стадии развития для решения конкретных задач» [8, с. 101—102]. Так, при общем подходе финансовый механизм организации определяет его основные характеристики: устойчивость к трансформациям рыночного поля и достижение заданных индикаторов со стороны хозяйствующего субъекта: как и любой механизм, финансовый механизм представляет собой целенаправленную совокупность элементов, подобранных по определенной логике и критериям.

Чаше всего при характеристике финансового механизма локализуют его оценку на одном измеримом параметре в деятельности хозяйствующего субъекта, что является отражением самой идеи предпринимательства — получение прибыли, в таком случае финансовый механизм организации — это управление финансами хозяйствующего субъекта в целях максимизации его прибыли. Направленность финансового механизма на рост прибыли характеризует взаимозависимость и целевое ориентирование выполнения всеми структурными подразделениями своих функций, а выделение роли финансовых отношений, возникающих в такой системе, дает возможность определить их роль в процессе кругооборота капитала организации. Создаваемые и поддерживаемые при этом финансовые взаимоотношения выступают системообразующим фактором финансо-

вого механизма, что дает возможность комплексного учета вклада каждого компонента такого механизма в его совокупную эффективность.

Организационный компонент финансового механизма выделяет роль системы управления процессами финансирования и инвестирования. Установленные взаимоотношения в такой системе определяют регулируемость движения финансовых ресурсов. Таким образом, финансовый механизм — это отражение реализации управленческой функции на уровне отдельного хозяйствующего субъекта, отсюда вытекает возможность его корректировки на базе применения знаний, навыков и накопленного практического опыта, с учетом соотношения между риском и доходностью в работе организации, при интеграции с общегосударственными целями и задачами.

Инструментальное понимание роли финансового механизма очень часто используется при формулировании следующего подхода: финансовый механизм — это целенаправленная совокупность методов и инструментов, с помощью которых происходит воздействие на систему корпоративных финансов. При таком подходе выделяется возможность оценить применяемые организацией финансовые инструменты, а действия управленцев позволяют определить рациональность их дальнейшего использования, внедрять и оценивать новые, нетипичные инструменты, что конкретизирует и программу повышения эффективности всего финансового механизма. Финансовые инструменты — это определенные объекты финансовых отношений, производные от них и развивающиеся параллельно с ними.

«Финансовые инструменты формируют в целом операционный инструментарий для выполнения прогнозов и планов с учетом факторов изменяющейся внешней среды, а также внутренней финансовой среды деятельности организации» [6, с. 294]. Развитие финансовых отношений вызывает и обновление используемых инструментов, например, на основе повышения квалификации сотрудников или масштабной цифровизации системы финансирования и инвестирования в организации. Такой подход приводит к выделению критерия адаптивности финансового механизма как базисного параметра его долгосрочной эффективности.

Можно подходить к финансовому механизму и с позиции конкретизации объекта управления в системе финансовых отношений. При объектном подходе финансовый механизм — это способы воздействия на денежные потоки и капитал организации, применяемые в целях экономического развития и социального благополучия. При такой точке зрения именно поступательное развитие в сбалансированных интересах социума — базисная цель понимания специфики финансового механизма организации, ориентированного на поддержание кругооборота денежного капитала, что указывает на стратегическую направленность термина. Финансовый механизм развивается в соответствии с внешними требованиями рыночной среды, также и внутренними причинами, и факторами деятельности конкретного хозяйствующего субъекта, что проецируется на росте благополучия всего государства. Таким образом, эффективный финансовый менеджмент организации всегда соответствует ключевым тенденциям экономической среды, а «финансовый механизм предприятия строится соответственно с требованиями экономических объективных законов» [5, с. 121].

Конкретизация состава компонентов финансового механизма организации дает возможность оценить их вклад в результативность его использования. При таком подходе финансовый механизм — это пять взаимосвязанных блоков, в состав которых входят финансовые методы, финансовые рычаги, правовое, нормативное и информационное обеспечение его функционирования. Соответственно возможно оценить: как именно указанное правовое (законодательное и нормативное) обеспечение со стороны государства развивает эффективность финансового механизма, какие методы и рычаги появляются в организации на основе актуальной государственной политики, какие информационные ресурсы дают возможность синхронизировать такие процессы. Информационно-аналитическая составляющая финансового механизма организации становится приоритетной в реалиях быстрых рыночных трансформаций: «эффективность финансового механизма управления финансовой устойчивости организации будет напрямую зависеть от поступления всей необходимой внешней информации, помимо чего также необходим надлежащий анализ» [7, с. 6].

Мнообразие и постоянная изменчивость структурных компонентов финансового механизма организации диктуют важность уточнения цели их применения в работе хозяйствующего субъекта, в таком случае финансовый механизм должен обеспечивать текущую стабильность в настоящем времени и устойчивое развитие в перспективе. Организация при использовании той или иной версии финансового механизма ориентирована не только на сохранение своего присутствия в рыночном поле, но и на рост, исходя из складывающихся экономических обстоятельств. Таким образом, имманентная изменчивость финансового механизма организации — базисное понимание его устойчивости в целях стратегического развития, исходя из симбиоза внешних и внутренних факторов функционирования хозяйствующего субъекта. Деятельность в условиях рыночных законов вызывает выбор и использование оптимальных рычагов и инструментов в составе финансового механизма, которые приводят к поддержанию ликвидности и прибыльности в динамичной экономической среде.

Таким образом, постоянная трансформация и адаптивность финансового механизма и финансовых рычагов в его составе может быть центральным критерием его использования, исходя из задач организации. «Инструментарий использования финансовых рычагов при всей его необходимости неравномерен, поскольку одни финансовые рычаги применяются на постоянной основе, другие напротив только в случае обозначения новых ориентиров в развитии или постановки новых задач развития [4, с. 1917].

Однако и указанная имманентная адаптивность не присуща финансовому механизму организации автоматически: необходимо управленческое воздействие, которое и корректирует состав используемых рычагов и инструментов. При этом воздействие происходит как со стороны сотрудников финансовой службы, напрямую, так и опосредованно, через проводимую финансовую политику государства, трансформация которой наиболее выражена в период важности принятия стратегических, общественно-значимых решений.

Если характеризовать финансовый механизм организации (корпорации), исходя из ключевой цели финансового менеджмента, то такой механизм — это способ управления компанией, увеличивающий ее рыночную стоимость и тем самым повышая благосостояние собственников в настоящее время и в перспективе. Рост рыночной сто-

имости характеризует рыночную реакцию на основе определения ценности организации как инвестиционного объекта, и при достижении ключевой цели финансового менеджмента можно заключить, что используемый финансовый механизм — наиболее подходящий для данной компании способ организации финансовых отношений и кругооборота ее капитала. Такой рост происходит за счет повышения эффективности управления финансовыми ресурсами — имеющимися и потенциально доступными для хозяйствующего субъекта.

Симбиоз целей по поддержанию текущей финансовой устойчивости, экономической безопасности и перспективного роста приводит к пониманию сущности финансового механизма как комплексной экономической системы, включающей институциональный, процедурный и инструментальный компоненты. Если ориентироваться на такую структуризацию, можно определить, какие именно действия органов управления приводят к позитивным результатам, каков вклад внешней институциональной инфраструктуры в достижение целей организации, и какие именно знания, умения и навыки финансовых менеджеров указывают на их профессионализм и способность гибкой адаптации под задачи государственной политики и требования рыночной среды.

Поэтому в экономической ситуации 2026 г., с учетом значимости сбалансированного развития отраслей и регионов страны, с позиции сохранения всех рыночных рычагов и форм хозяйствования, представляется возможным использование следующего подхода: оценка эффективности используемого финансового механизма организации должна проводиться на базе его адаптивности и соответствия синтезу внешних факторов деятельности и внутрипроизводственных причин, с обязательным выявлением степени инертности и отложенного эффекта применения такого механизма для тех организаций, финансовые отношения которых наиболее разветвлены и максимально зависят от динамики деятельности финансовых институтов. Таким образом можно выявить те организации, которые вследствие указанной инертности финансового механизма могут рассчитывать на государственную поддержку и прямое регулирование значимых направлений в работе.

Так, эффективность финансового механизма ответственных организаций на протяжении ряда лет во многом определялась требованиями собственников и профессионализмом сотрудников финансовой службы рационально использовать как рыночные возможности, так и собственные ресурсы всех видов (материальные, финансовые, трудовые, технические и технологические) для достижения установленных коммерческих индикаторов. Адаптивность финансового механизма во многом опиралась на внутрипроизводственные решения, принимаемые достаточно оперативно: начиная с эпидемиологических ограничений 2020 г., быстрое реагирование стало обязательным атрибутом всех действий финансовых служб организаций. Поэтому в течение 2022—2024 гг. организации Ростовской области демонстрировали выраженную способность сохранять свою прибыльность, несмотря на существенные изменения всех процессов на основе внешнеполитических и внутригосударственных причин. На рис. 1 представлен сальдированный финансовый результат деятельности организаций за 2022—2024 гг., характеризующий выраженную устойчивость организаций Ростовской области к актуальным требованиям рыночной среды.

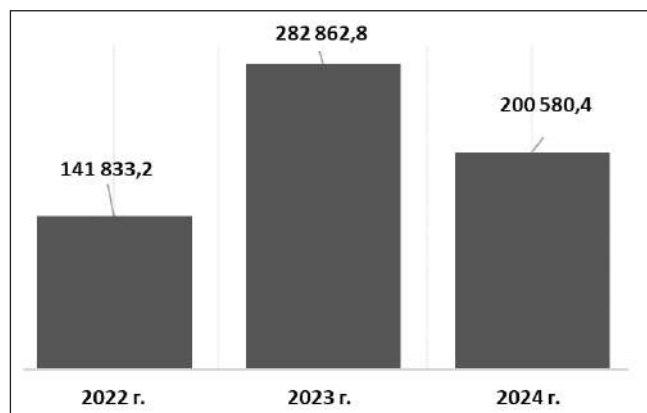

Рис. 1. Сальдированный финансовый результат деятельности организаций, млн руб.

[сост. по: Мониторинг основных показателей социально-экономического развития Ростовской области в январе—декабре 2022—2024 гг. (оперативные данные в сравнении с базой 2022 года) // Министерство экономического развития Ростовской области: офиц. сайт. URL: <https://mineconomikiro.donland.ru/documents/other/402590/>]

2023-й год — наиболее важный период для оценки адаптивности финансового механизма отечественных организаций. Быстрое внесение корректив в финансовые и инвестиционные процессы дало возможность превалирующей доле субъектов хозяйствования страны остаться в рыночном поле, на фоне массового ухода зарубежных компаний, что также было использовано высоко-адаптивными структурами.

По итогу функционирования областных хозяйствующих субъектов Ростовской области в 2023 г. наблюдались две выраженные тенденции: сальдированный финансовый результат существенно возрос по отношению к 2022 г. (отмечен почти двукратный рост, индекс роста — 1,99), а доля убыточных организаций (рис. 2) соответственно понизилась (на 13,4 пункта — при сравнении с уровнем в 100 % в 2022 г.).

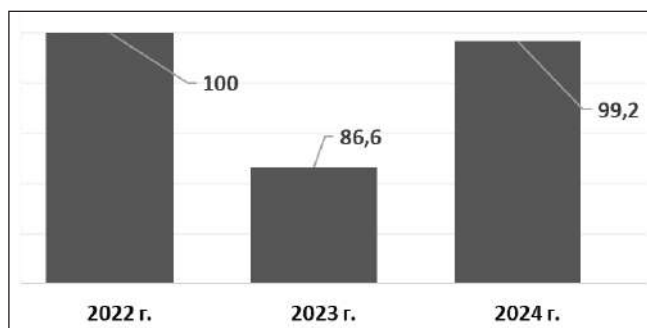

Рис. 2. Доля убыточных в общем числе организаций, % к соответствующему уровню 2022 г.

[сост. по: Мониторинг основных показателей социально-экономического развития Ростовской области в январе—декабре 2022—2024 гг. (оперативные данные в сравнении с базой 2022 года) // Министерство экономического развития Ростовской области: офиц. сайт. URL: <https://mineconomikiro.donland.ru/documents/other/402590/>]

Организации в этот период перешли к выраженным активным действиям для сохранения самого факта своего функционирования. Введенный в 2022 г. мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов в отношении юридических лиц, граждан, в т. ч. индивидуальных предпринимателей, дал возможность адаптировать финансовый механизм тем организациям, которые ори-

ентировались на сохранение деятельности на территории страны, но имели определенные финансовые затруднения в платежно-расчетной дисциплине.

На фоне роста сальдированного финансового результата отмечалась еще одна позитивная тенденция — увеличение инвестиций в основной капитал, что приведено в таблице. По этому параметру 2023 г. также являлся наиболее результативным (по росту индекса физического объема инвестиций).

Инвестиции в основной капитал организаций Ростовской области в 2022—2024 гг.

Показатель	2022	2023	2024
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	470,5	645,8	717,3
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году	103,2	123,8	102,4

Примечание: сост. по: Ростовская область в цифрах : крат. стат. сб. / Ростовстат. Ростов н/Д., 2025. С. 39.

Рост основного капитала означает увеличение производственной базы, усиление финансовой устойчивости организации, при наличии стабильного спроса на продукцию или услуги хозяйствующего субъекта. Указанный в таблице рост инвестиций в дальнейшем должен был сопровождаться и увеличением прибыли организаций, однако далее, ввиду масштабных трансформаций рыночного поля функционирования организаций в 2025 г., на фоне сохранения рискованности экономической ситуации, финансовое положение многих организаций Ростовской области изменилось самым радикальным образом.

Особенно значительные негативные аспекты можно отметить в деятельности крупных и средних организаций, которые для Донского края являются базисом всей областной промышленности и основой социальной стабильности. Прибыль крупных и средних организаций Ростовской области в 2025 г. составила 186 979,3 млн руб., т. е. всего 64,5 % от показателя 2024 г. (<https://www.donland.ru/result-report/2766/#p9>).

Полученные в областной экономике итоги оказались хуже, чем в целом по России. Так, удельный вес прибыльных организаций в целом по Российской Федерации составил 72,9 %, а в Ростовской области — 68,8 % (<https://www.donland.ru/result-report/2766/#p9>). Это существенное отклонение, которое во многом отражает значительную долю тяжелого машиностроения и металлургии в областной промышленности, а эти отрасли требуют более длительного времени для адаптации финансового механизма на основе рыночных колебаний. Именно для их финансового механизма характерна инертность ввиду значительных, многоуровневых финансовых взаимоотношений с государством, финансовыми институтами и потребителями.

Далее многие негативные тенденции усилились, особенно на фоне роста уровня налогообложения прибыли до ставки в 25 %. При этом оборот организаций Ростовской области по итогам января—апреля 2026 г. составил 2 215,6 млрд руб., или 109,3 % к уровню января—апреля 2025 г. (<https://www.donland.ru/result-report/2922/>). Этот рост обеспечен деятельностью предприятий торговли, операциями с недвижимостью, а также функционированием гостиниц, предприятий общественного питания, транспорта и здравоохранения. Финансовый механизм указанных отраслей отличается высокой подвижностью на основе самого тесного взаимодействия с потребительским сегментом. Вся система финансовых

взаимоотношений в таком случае является достаточно очевидной, прозрачной и оперативно перенастраиваемой. Таким образом, организации, в которых отмечается выраженный приоритет прямых финансовых взаимоотношений производителей и потребителей, максимально оперативно реагируют на требования рыночного пространства, демонстрируя рост прибыли и рентабельности. Именно в их финансовом механизме адаптивность — главный критерий применяемых методов, инструментов и финансовых рычагов.

Совсем иная ситуация складывается в промышленности: индекс промышленного производства Ростовской области по итогам января—апреля 2026 г. составил 94,3 % по сравнению с январем-апрелем 2025 г. (<https://www.donland.ru/result-report/2922/>). Донской край — это индустриальный лидер страны, который традиционно обеспечивает всю промышленность страны машинами и агрегатами сельскохозяйственного назначения, формируя дальнейший долгосрочный рост во всех сопряженных отраслях и сферах экономики. В 2025 г. областной гигант — ООО КБ «Ростсельмаш» — столкнулся с катастрофическим падением объема продаж комбайнов. При этом продажи отечественной пшеницы также сократились, несмотря на введение нулевой пошлины на ее экспорт. Государственная поддержка включала и ряд инвестиционных программ, однако и их оказалось недостаточно. Практика показывает, что нужны масштабные, системные решения, а также иной взгляд на развитие всего отечественного сельского хозяйства, что связано, помимо прочего, с продуктовой безопасностью нации: это усиливает важность регулирующего воздействия со стороны государства на организации сферы АПК.

Помимо факторов, на которые сложно оказать какое-либо влияние (среди них — низкая цена на уголь на мировых рынках, высокая ключевая ставка Центрального банка РФ, вызвавшая удорожание заемных финансовых ресурсов для потребителей), есть направления, которые могут рассчитывать на усиление государственной поддержки, поскольку падение прибыльности областных «гигантов» негативно отражается на многих сопряженных сферах, в т. ч. на благосостоянии населения. «В ближайшей перспективе требуется такой финансовый механизм управления, который обеспечит комплексное регулирование и создание необходимых условий для инновационного развития АПК» [11, с. 310].

Современный кризис на «Ростсельмаше» по своему масштабу сопоставим с ситуацией в 2010 г., когда вся областная индустрия сельскохозяйственного машиностроения находилась на грани выживания. В 2025 г. организация перешла на усеченный формат работы, было проведено сокращение персонала, инвестиционная программа была отложена. Такие тенденции в комплексе говорят о необходимости системных решений, которые не приведут к быстрому росту эффективности такого гиганта и всей сельскохозяйственной индустрии, но обеспечат планомерное поступательное развитие финансового механизма таких организаций, в соответствии с фундаментальными тенденциями рыночного пространства. Чем более разветвлена система финансовых взаимоотношений у организации, тем больше времени требуется для соответствия инструментарию финансирования и инвестирования требованиям рынка.

Однако важно определить, как именно может быть оказана поддержка: многие финансовые затруднения в областных организациях вызваны не отраслевой спецификой, а нежеланием перестроить свою деятельность в соответствии с требованиями рыночного поля,

особенно ввиду масштабной цифровизации экономической системы. Финансовый механизм «Ростсельмаша» по данному направлению может быть оценен очень высоко: на предприятии применяются самые прогрессивные финансовые технологии и программные продукты, «основным элементом системы цифровых опций «Ростсельмаш» является «PCM Агротроник». Также к элементам данной системы относятся «PCM Роутер» и «PCM Карта урожайности» [17]. Таким образом, в организации разработана система внутренней адаптивности финансового механизма, которая лишь нуждается во внешней поддержке для комплексного повышения стабильности функционирования организации.

Внутренняя адаптивность финансового механизма аналогичных организаций направлена на расширение сбытовой сферы, в т. ч. на базе взаимовыгодного международного сотрудничества. Перспективными направлениями для реализации сельскохозяйственной техники являются Средняя и Западная Азия, ряд африканских стран. Однако и население этих стран является преимущественно неплатежеспособным, поэтому строить длительные и взаимовыгодные отношения в настоящее время затруднительно. Важен в временной перспективе: внешнеэкономические отношения любой организации как составной элемент финансового механизма требуют времени для формирования и поддержания на взаимовыгодной основе, и таким действиям автоматизм не присущ: нужны комплексные решения, которые учитывают, прежде всего, возникающие риски, которые многократно увеличиваются в экономической ситуации 2026 г. на фоне геополитической напряженности.

Инерционность финансового механизма крупных организаций выступает одной из особенностей их функционирования, которая требует государственного воздействия в случае стратегической значимости таких решений. Указанная системная взаимосвязь с финансовыми институтами дала возможность провести комплексную программу субсидирования программ льготного лизинга для потребителей сельскохозяйственной техники, тем самым обеспечив поступление финансовых ресурсов и на «Ростсельмаш», и в лизинговые компании области. Помимо этого, диверсификация производственной программы (компания успешно вышла на рынок столь востребованной дорожно-строительной техники) и включение в Федеральную программу «ДОМ.РФ» дало значительный приток денежных средств для осуществления как текущих операций, так и перспективных проектов.

Такая эффективная государственная политика по стабилизации финансового механизма областного гиганта привела к тому, что в 2026 г. масштабные поставки техники с конвейеров «Ростсельмаша» были возобновлены: уже сейчас, в первом полугодии 2026 г., они превышают уровень прошлого года на 20 %. Помимо этого, формируется база заявок для будущих отгрузок техники, по региону и в целом по стране, тем самым обеспечивая загрузку производственных мощностей и укрепляя систему финансового планирования на основе прогнозного поступления финансовых ресурсов. «Большое значение именно в региональном аспекте имеет государственная поддержка субъектов хозяйствования, выраженная как в прямой форме, так и в опосредованной. Последняя, по нашему мнению, является более эффективной в долгосрочном периоде и предполагает формирование специальных условий, направленных на достижение устойчивого роста» [15, с. 166]. В отношении финансового механизма «Ростсельмаша» опосредованная поддержка привела к выраженному позитивному результату.

Активная государственная позиция по этому направлению дала возможность снизить степень инертности финансового механизма областного гиганта, т. е. объективного запаздывания на актуальные рыночные тенденции и сигналы ввиду указанной значительной доли уровней финансовых взаимоотношений «Ростсельмаша». Без нарушения рыночных принципов, корректировка инструментария поступления финансовых ресурсов в организацию обеспечила существенную стабилизацию финансового состояния компании, повысила ее текущую финансовую устойчивость и усилила экономическую безопасность хозяйствующего субъекта с высоким социально-экономическим значением во всей отечественной индустрии.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что использование инструментария государственной поддержки становится особенно эффективным для тех организаций и отраслей, финансовый механизм которых направлен на учет рыноч-

ных индикаторов, но ввиду масштабности своих финансовых операций, разветвленности финансовых отношений и существенным воздействием внешних обстоятельств, не достаточно оперативно коррелирует с рыночными тенденциями. При должном учете готовности организации к активным рыночным действиям, при наличии внутрипроизводственных инструментов финансового механизма реализовать и использовать предлагаемый формат государственной поддержки, такая инерционность не станет тормозящим фактором поступательного развития крупных организаций в современном рыночном пространстве.

Система мер государственной поддержки, которая была использована в отношении завода «Ростсельмаш» в Ростовской области в 2025—2026 гг. показывает, что финансовый механизм крупных организаций, формируемый на основе учета интересов государства, хозяйствующего субъекта и всего социума, будет обеспечивать пролонгированную адаптивность с выраженным последующим эффектом для многих отраслей и организаций нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Якушев И. П., Милютина-Якушева Д. А., Лапшова О. А. Система финансового механизма организации // Ежегодные февральские научные чтения: От студента к ученому : материалы Всерос. науч. конф. преподавателей, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и студентов вузов : в рамках празднования Дня рос. науки. Курск : Университетская книга, 2026. С. 321—324.
2. Баранов П. Д., Мезяков Ю. А., Сальникова Т. С. Финансовый механизм обеспечения конкурентных преимуществ организации // Экономика и управление: инновационные подходы к стратегии устойчивого развития : сб. науч. ст. М. : Научные технологии, 2026. С. 181—187.
3. Петрова Е. В. Финансовые механизмы реализации стратегии корпорации // Стратегии и приоритеты национального развития: экономика, управление и безопасность : материалы Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. М. : Моск. ун-т им. С. Ю. Витте, 2025. С. 995—1012.
4. Коновалова К. Ю., Меликсетян Г. А. Исследование элементов финансового механизма оптимизации деятельности организации // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право : сб. науч. труд. М. : МПСУ, 2024. Т. 13. С. 1915—1923.
5. Шуняев П. И., Бекаревич В. Д. Особенности финансового механизма, финансовые методы и рычаги // Сборник научных статей магистрантов ММА. М. : Моск. междунар. акад., 2024. Т. 4. С. 119—126.
6. Татаринцева С. Г. Состав и структура финансового механизма крупной корпорации // Новеллы права, образования, экономики и управления : сб. науч. тр. по материалам X междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Гатчина : Изд-во ГГУ. 2025. Т. 1. С. 292—296.
7. Дубков Д. А., Плясова С. В. Совершенствование финансового механизма управления финансовой устойчивостью организации в условиях санкций // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № S3. URL: <https://esj.today/PDF/54FAVN323.pdf>.
8. Замыслова А. Д. Совершенствование финансового механизма управления доходами фирмы в РФ // Финансово-экономические аспекты развития фирмы : сб. тр. науч.-практ. конф. студентов магистратуры ИнЭУ. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2024. С. 100—107.
9. Челпанова М. М., Путренко А. Н. Вопросы реализации финансового механизма в Российской Федерации // Финансовое право. 2024. № 5. С. 10—14. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-5-10-14.
10. Кулов А. Р. О некоторых аспектах финансового механизма развития инновационной деятельности в АПК // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2022. № 6(88). С. 6—13. DOI: 10.33938/226-6.
11. Лишук Н. В., Шумакова Н. В. Финансовый контроллинг в системе формирования финансового механизма управления организациями АПК // Аграрная наука в обеспечении продовольственной безопасности и развитии сельских территорий : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. Луганск : Луг. гос. аграр. ун-т им. К. Е. Ворошилова, 2025. С. 310—312.
12. Змиев А. С., Пастушенко А. В. Исследование влияния новых финансовых инструментов и технологий на эффективность финансового механизма и прибыль организации // Инновации и инвестиции. 2024. № 3. С. 377—382.
13. Алимов И. Ю. Финансовый механизм IT-организаций: особенности формирования и факторы эффективности // Финансовые рынки и банки. 2025. № 2. С. 169—173.
14. Сабитова Н. М., Шавалеева Ч. М. Структура и особенности финансового механизма в публично-правовых образованиях // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2024. Т. 34. Вып. 6. С. 1040—1045. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-6-1040-1045.
15. Демченко И. В. Сущностные характеристики финансово-кредитного механизма развития субъектов хозяйствования региона // Формирование эффективной системы менеджмента в условиях транзитивной экономики : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Мелитополь : Мелитоп. гос. ун-т, 2024. С. 163—167.

16. Демченко И. В., Михайлова М. Н., Санжаревская А. И. Сущностные характеристики финансово-кредитного механизма развития субъектов хозяйствования региона // Актуальные вопросы устойчивого развития регионов, отраслей, предприятий : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Тюмень : ТИУ. 2024. Т. 1. С. 275—277.

17. Демчук Е. В. Агрономические цифровые сервисы «Ростсельмаш» // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2024. № 2(37). URL: <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2024/2/01147.pdf>.

REFERENCES

1. Yakushev I. P., Milyutina-Yakusheva D. A., Lapshova O. A. The organization's financial mechanism system. *Ezhegodnye fevral'skie nauchnye chteniya: Ot studenta k uchenomu = Annual February scientific readings: From student to scholar. Proceedings of the All-Russian scientific conference of faculty, master's and postgraduate students, young researchers, and university students. Held as part of the Russian Science Day celebrations*. Kursk, Universitetskaya kniga, 2026:321—324. (In Russ.)
2. Baranov P. D., Mezyakov Yu. A., Sal'nikova T. S. The financial mechanism for securing an organization's competitive advantages. *Ekonomika i upravlenie: innovatsionnye podkhody k strategii ustoichivogo razvitiya = Economics and management: Innovative approaches to sustainable development strategy. Collection of scientific articles*. Moscow, Nauchnye tekhnologii, 2026:181—187. (In Russ.)
3. Petrova E. V. Financial mechanisms for implementing a corporation's strategy. *Strategii i priority natsional'nogo razvitiya: ekonomika, upravlenie i bezopasnost' = Strategies and priorities of national development: economics, management, and security. Proceedings of the All-Russian (National) scientific and practical conference*. Moscow, Moscow University named after S. Yu. Witte publ., 2025:995—1012. (In Russ.)
4. Konovalova K. Yu., Meliksetyan G. A. Study of elements of financial mechanism for optimization of organization activities. *Aktual'nye problemy sovremennoi Rossii: psikhologiya, pedagogika, ekonomika, upravlenie i pravo = Current issues in modern Russia: Psychology, pedagogy, economics, management, and law. Collection of scientific papers*. Moscow, Moscow Psychological and Social University publ., 2024;13:1915—1923. (In Russ.)
5. Shunyaev P. I., Bekarevich V. D. Features of the financial mechanism, financial methods and levers. *Collection of Scientific Articles by Master's Students of the MIA*. Moscow, Moscow International Academy publ., 2024;4:119—126. (In Russ.)
6. Tatarintseva S. G. Composition and structure of the financial mechanism of a large corporation. *Novelty prava, obrazovaniya, ekonomiki i upravleniya = Novelty in law, education, economics, and management. Collection of scientific papers based on the proceedings of the 10th International scientific and practical conference*. Gatchina, Gatchina State University publ., 2025;1:292—296. (In Russ.)
7. Dubkov D. A., Plyasova S. V. Improving the financial mechanism for managing the financial stability of an organization under sanctions. *Vestnik Evrazijskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2023;15(s3). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/54FAVN323.pdf>.
8. Zamysova A. D. Improving the financial mechanism for managing the company's income in the Russian Federation. *Finansovo-ekonomicheskie aspekty razvitiya firmy = Financial and economic aspects of firm development. Proceedings of the scientific and practical conference of master's students of the Institute of Economics and Management*. Tver, Tver State University publ., 2024:100—107. (In Russ.)
9. Chelpanova M. M., Putrenko A. N. Issues of implementation of the financial mechanism in the Russian Federation. *Finansovoe pravo = Financial Law*. 2024;5:10—14. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1220-2024-5-10-14.
10. Kulov A. R. On some aspects of the financial mechanism for the development of innovation activities in the agro-industrial complex. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyaistve = Economy, labor, management in agriculture*. 2022;6(88):6—13. (In Russ.) DOI: 10.33938/226-6.
11. Lishchuk N. V., Shumakova N. V. Financial controlling in the system of forming the financial management mechanism for agro-industrial complex organizations. *Agrarnaya nauka v obespechenii prodovol'stvennoi bezopasnosti i razvitiia sel'skikh territorii = Agrarian science in ensuring food security and rural development. Proceedings of the VI International scientific and practical conference*. Lugansk, K. E. Voroshilov Lugansk State Agrarian University publ., 2025:310—312. (In Russ.)
12. Zmiev A. S., Pastushenko A. V. Study of the impact of new financial instruments and technologies on the efficiency of the financial mechanism and the profit of the organization. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2024;3:377—382. (In Russ.)
13. Alimov I. Yu. Financial mechanism of it organizations: formation specifics and efficiency factors. *Finansovye rynki i banki = Financial markets and banks*. 2025;2:169—173. (In Russ.)
14. Sabitova N. M., Shavaleeva Ch. M. Structure and peculiarities of the financial mechanism in public-law entities. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt university. Series Economics and law*. 2024;34(6): 1040—1045. (In Russ.) DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-6-1040-1045.
15. Demchenko I. V. Essential characteristics of the financial and credit mechanism for the development of regional business entities. *Formirovanie effektivnoi sistemy menedzhmenta v usloviyakh tranzitivnoi ekonomiki = Formation of an effective management system in a transitional economy. Proceedings of the 1st International scientific and practical conference*. Melitopol, Melitopol State University publ., 2024:163—167. (In Russ.)
16. Demchenko I. V., Mikhailova M. N., Sanzharevskaya A. I. Essential characteristics of the financial and credit mechanism for the development of regional business entities. *Aktual'nye voprosy ustoichivogo razvitiya regionov, otraslei, predpriyatii = Current issues of sustainable development of regions, industries, and enterprises. Proceedings of the international scientific and practical conference*. Tyumen, Industrial University of Tyumen publ., 2024;1:275—277. (In Russ.)
17. Demchuk E. V. Agronomic services "Rostselmash". *Elektronnyi nauchno-metodicheskii zhurnal Omskogo GAU*. 2024;2(37). (In Russ.) URL: <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2024/2/01147.pdf>.

Статья поступила в редакцию 19.06.2026; одобрена после рецензирования 11.07.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was submitted 19.06.2026; approved after reviewing 11.07.2026; accepted for publication 13.07.2026.

Научная статья
УДК 332.14
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1725

Grigory Evgenievich Zorin
database developer,
Zastava LLC
Yakutsk, Russian Federation
this33@mail.ru

Григорий Евгеньевич Зорин
разработчик баз данных,
ООО «Застава»
Якутск, Российская Федерация
this33@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ И КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты обеспечения экономической безопасности региона на основе трансформации и угроз в результате ее осуществления. Поднимаются вопросы трансформации экономического пространства. Автор обосновывается необходимость пересмотра существующих подходов к региональной безопасности в связи с интенсивным внедрением информационно-коммуникационных технологий, размыванием отраслевых пределов и формированием новой географии хозяйствующих субъектов. В работе сформулирована авторская трактовка понятия экономической безопасности региона на основе цифровой трансформации и предложена классификация угроз. Исследование нацелено на идентификацию угроз, порождаемых цифровой средой, и определение контуров безопасности региона. Текущее внимание уделяется модификации информационных связей между субъектами и их воздействию в региональной системе. Подчеркивается необходимость перехода от компенсационного подхода к превентивной модели реагирования на риски экономической безопасности. Также указывается на появление риска зависимости региона от высокотехнологических компаний и их логистических центров. Динамичное

расширение спектра угроз экономической безопасности региона требует переосмысления основ понятийного аппарата и классификации угроз. В работе используется способ логико-понятийного моделирования с учетом текущей экономической ситуации и с учетом примеров санкционного давления, в результате которого идет существенное изменение темпов цифровой модификации информационно-коммуникационной инфраструктуры. В числе прочего указывается на возможность появления межсекторальных цепных реакций, усиления зависимости региональной экономики от больших цифровых платформ и социальных результатов автоматизации. Итоги работы могут быть применены федеральными и региональными органами управления при разработке стратегий цифровой безопасности и минимизации угроз в результате цифровой трансформации региона.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровое неравенство, информационно-коммуникационные технологии, экономическая безопасность, цифровая среда, экономическое пространство, кибербезопасность, регионально-экономическая система, цифровые модификации, платформенная экономика

Для цитирования: Зорин Г. Е. Экономическая безопасность региона на основе цифровой трансформации: понятийный аппарат и классификация угроз // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 124—131. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1725.

Original article

REGIONAL ECONOMIC SECURITY BASED ON DIGITAL TRANSFORMATION: CONCEPTUAL FRAMEWORK AND CLASSIFICATION OF THREATS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. This article examines aspects of ensuring regional economic security through transformation and the threats it poses. It addresses the process of economic transformation. The author substantiates the need to revise existing approaches to regional security in light of the intensive implementation of information and communications technologies, the blurring of industry boundaries, and the emergence of a new geography of economic entities. The paper formulates the author's interpretation of the concept of regional economic security through digital transformation and proposes a classification of threats. The study aims to identify threats generated by the digital environment and define the contours of regional security. The current focus is on modifying information links between entities and their

impact on the regional system. The need to shift from a compensatory approach to a preventive model of responding to economic security risks is emphasized. The emerging risk of regional dependence on high-tech companies and their logistics centers is also noted. The dynamic expansion of the spectrum of threats to regional economic security requires a rethinking of the fundamentals of the conceptual framework and the classification of threats. The study utilizes a logical-conceptual modeling approach, taking into account the current economic situation and examples of sanctions pressure, which have significantly altered the pace of digital transformation of the information and communications infrastructure. It also highlights the potential for cross-sector chain reactions, increased regional economic dependence on large digital

platforms, and the social benefits of automation. The results of this study can be applied by federal and regional government bodies in developing digital security strategies and mitigating threats resulting from regional digital transformation.

For citation: Zorin G. E. Regional economic security based on digital transformation: conceptual framework and classification of threats. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):124—131. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1725.

Введение

В условиях ускоряющейся цифровой модификации финансовых систем всех значений происходит столкновение с новыми вызовами, которые принципиально расширяют спектр угроз обеспечения экономической безопасности. Региональные системы, как оказалось, более уязвимы, потому что увеличивается взаимосвязь массовых цифровых трендов и локальных социально-экономических ситуаций. Внедрение информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ), образование платформенных экономик и появление новых информационных потоков данных не только увеличивают динамику процессов, но и размывают классические отраслевые границы, изменяют географию размещения компаний и создают ранее неизвестные каналы распространения рисков. Как следствие, традиционные подходы к обеспечению экономической безопасности региона, направленные на статичные характеристики и территориальные контуры, перестают быть действующими. Санкционное давление, ускорение изменений экономической среды за счет создания новых технологий динамично изменяют текущее экономическое состояние хозяйствующих субъектов во всем мире. В текущих реалиях появляется необходимость в переосмыслении самого мнения о региональной безопасности с учетом цифровой среды, что и определяет **актуальность** темы.

В связи с вышеперечисленными фактами необходим пересмотр понятийного аппарата экономической безопасности региона именно на основе цифровой трансформации и классификации угроз в результате ее осуществления. Динамичный характер изменения экономического пространства стран ввиду изменения рынка предоставления информационно-коммуникационных услуг создает дополнительные риски снижения эффективности региональных экономических систем, что в свою очередь расширяет спектр угроз регионам. В совокупности с ускоряющимися темпами технологической модификации также поднимается вопрос о необходимости сохранения экспортного потенциала информационно-коммуникационных услуг ввиду расширения цифрового пространства стран.

Степень изученности проблемы экономической безопасности региона в результате реализации цифровой трансформации определяется разнообразной теоретической базой. Работы в данной области связаны с именами таких ученых, как В. В. Кузьменко [1], М. Д. Косенкова [2], А. М. Гачев [3], которые продолжают изучение базисных основ оценки опасностей и пороговых значений. В их трудах безопасность рассматривается большей частью сквозь призму производственного, денежного и общественного потенциала земель в эпоху цифровизации. Исследование дополнилось работами В. И. Мухопода [4], А. М. Гальцова [5], акцентировавших внимание на институциональных и структурных качествах. Впрочем, с началом более интенсивной цифровизации экономики появились новые направления. Исследователи, в частности Г. Сеидханов [6], Ш. Аннаева [7], М. П. Вахромева [8], проводили изыскания по модификации финансовых отношений под воздействием информационных технологий.

Keywords: digital transformation, digital divide, information and communication technologies, economic security, digital environment, economic space, cybersecurity, regional economic system, digital modifications, platform economy

Вопросы цифровой экономики разрабатывались в трудах Н. А. Рыкова [9], П. Ю. Ткачука [10], Е. В. Мейдер [11], которыми оценивалось воздействие цифровых платформ и больших данных на поведение финансовых агентов. Основная масса имеющихся исследований или сконцентрированы на технико-технологических качествах, или оценивают цифровизацию как внешний момент, не интегрируя ее в сущностную характеристику финансовой защищенности региона.

Ряд исследователей: В. С. Голубев [12], Е. А. Посная [13], Н. А. Сальников [14] — утверждает, что цифровая экономика формирует актуальные способности для подъема производительности и интеграции, в то же время порождая новые риски, которые не предусматриваются классическими подходами. На макроуровне такие ученые, как К. В. Маркова [15], Д. Ю. Кляхина [16], Е. В. Каранина [17], подчеркивают факт того, что цифровая модификация приводит к формированию актуальной географии секторов экономики и компаний.

Анализ литературы по вышеперечисленным обобщенным темам исследований сторон развития ИКТ позволяет рассматривать проблему теоретического пропуска развития понятийного аппарата экономической безопасности региона на основе цифровой трансформации и угроз в результате ее реализации с различных сторон необходимости ее появления. Подчеркнем наличие современных исследований по тематике работы, а именно: А. С. Молчана [18], Г. С. Султанова [19], А. М. Курбановой [20], Е. С. Кузнецова [21], — на которые также опирается автор статьи.

Остаются малоизученными механизмы, при помощи которых цифровая трансформация изменяет саму природу рисков, а именно: их скорость, размах и связи между разделами. Это формирует абстрактный пропуск, который просят теоретического восполнения.

Целесообразность разработки темы определяется увеличением зависимости региональных экономик от цифровых инфраструктур и информационных потоков данных, а также разрывом информационных связей в разработке обновленного концептуального аппарата. Без переосмысления нельзя выстроить действенные стратегии прогноза и предотвращения угроз в критериях цифровой действительности.

Научная новизна исследования заключается в сформулированной авторской трактовке понятия «экономическая безопасность региона на основе цифровой трансформации», в рамках которого подразумевается состояние региональной экономической системы, находящейся под активным воздействием рисков и угроз, связанных с процессом образования цифровой среды и размытия границ между традиционными секторами и формированием новой географии отраслей и фирм, характеризующийся усилением динамики экономических процессов за счет внедрения ИКТ и возникновением новых информационных потоков данных, циркулирующих между хозяйствующими субъектами. Предложена классификация угроз экономической безопасности региона, актуализирующихся в результате цифровой трансформации, которая позволяет определять потенциальные риски.

Цель исследования состоит в уточнении и содержательном определении понятия экономической безопасности региона и классификации угроз на базе цифровой трансформации.

Для реализации поставленной цели решались следующие **задачи**:

- изучить подходы к определению экономической безопасности региона в контексте цифровой трансформации;
- предложить авторскую трактовку экономической безопасности региона на базе цифровой модификации;
- предложить классификацию угроз экономической безопасности, образующихся вследствие размывания отраслевых пределов и конфигурации информационных потоков;
- предложить концептуальные ориентиры для учета цифровых моментов при разработке региональных стратегий защищенности.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что произведена классификация и расширена теоретическая база экономической безопасности за счет предложения авторского понятийного конструкта, который связывает региональную стабильность с параметрами цифровой среды. Полученные результаты имеют все шансы стать основой последующих эмпирических исследований.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная авторская трактовка и обнаруженные в работе контуры цифровых угроз могут быть применены органами регионального управления и профильными ведомствами при разработке и корректировке стратегий субъектов, а также формировании региональных программ цифровой трансформации. Предложенные теоретические дополнения дают возможность дополнить существующие способы прогноза экономической безопасности.

Основная часть

Основным стратегическим документом, определяющим контуры экономической безопасности на базе цифровой модификации, считается региональная стратегия, разработа-

тываемая в согласовании с федеральными указами, а также групповые программы цифровизации секторов экономики и территориального развития. В документах, как правило, заявлены цели по обеспечению стойкости региональной системы в критериях цифровизации, преимущество отдается механизмам превентивного прогноза угроз, помощи развитию цифровой инфраструктуры и становлению кадрового потенциала. При помощи стратегических документов складывается единая система ценностей, мотивированных указателей и ожидаемых итогов, позволяющая гарантировать последовательное понижение уязвимости региональной экономики перед цифровыми вызовами. Сам процесс цифровой трансформации региона остается предметом спора в научном сообществе. С одной стороны, это изменение орудий воспроизводства и трудовой деятельности, с другой — изменение и ускорение изменений в социально-экономической системе.

Процесс цифровой трансформации региона, по мнению автора статьи, включает следующие этапы (рис. 1):

- Образование традиционной экономики через общество, организации и домашние хозяйства.
- Формирование регионально-экономической системы.
- Трансформация экономических взаимоотношений под влиянием ИКТ.
- Формирование цифровой экономики через использование ИКТ обществом, организациями и домашними хозяйствами.
- Цифровая трансформация регионально-экономических систем, в результате которой образуется инфраструктура данных — цифровая инфраструктура, способствующая совместному использованию и потреблению данных.
- Слияние цифровой и традиционной экономики в единое целое через цифровую инфраструктуру, формирующее цифровое пространство.

Каждый из этих этапов создает как новые возможности для развития, так и новые угрозы для экономической безопасности региона.

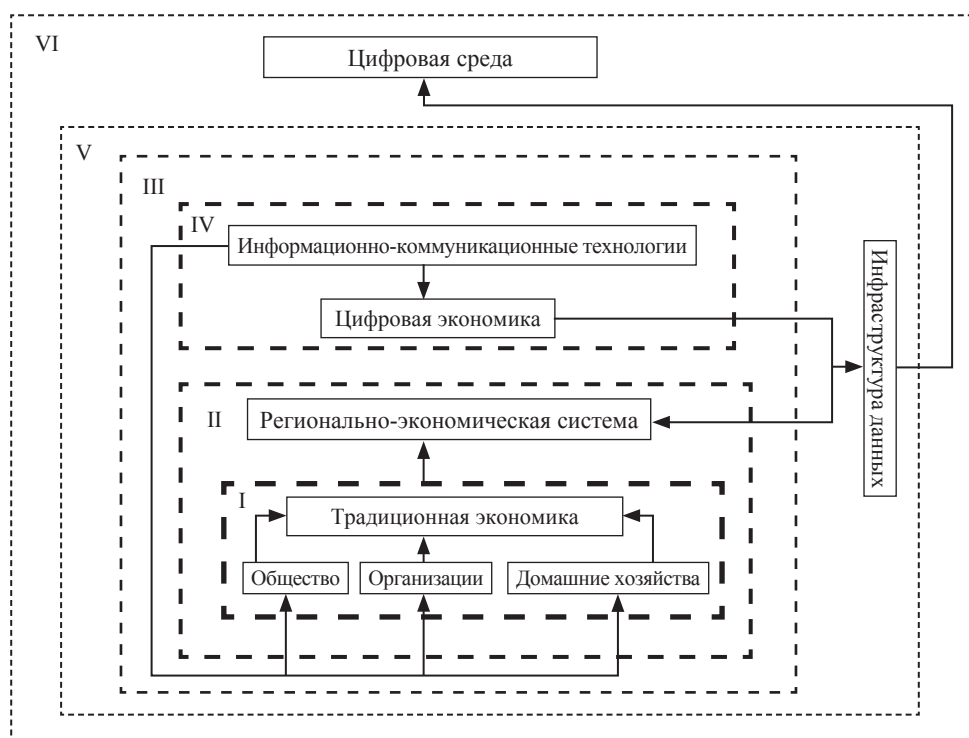

Рис. 1. Схема этапов цифровой трансформации экономического пространства (сост. автором)

Традиционное понимание экономической безопасности региона, базирующееся на текущих индикаторах и компенсационных механизмах реагирования, не отвечает прогрессивным вызовам цифровой трансформации. Актуальные реалии вызывают размывание отраслевых пределов, ужесточение межсекторальных взаимосвязей, растущая зависимость региональной экономики от цифровых платформ и динамика информационных потоков требуют другого концептуального подхода.

Образовавшаяся практика управления экономической безопасности на региональном уровне демонстрирует, что присутствие стратегических документов не гарантирует результатов. Большое значение имеет качество организационного сопровождения программных событий с учетом конфигурации структуры информационных потоков, возникновения новых рисков и технологических сдвигов.

Важным направлением улучшения организационной вертикали считается усиление обратной связи между региональными органами управления и конкретными экономическими агентами, платформенными операторами, поставщиками цифровых услуг. Это направление позволяет обнаружить проблемные зоны в реализации стратегических событий.

В критериях цифровой трансформации остро встает вопрос о расширении спектра угроз, которые не охватываются традиционными подходами. Классические модели, направленные на статичные пороговые значения, не предусматривают эффекты, связанные с размыванием отраслевых пределов, появлением межсекторальных цепных реакций, усилением зависимости региональной экономики от больших цифровых платформ и социальных результатов автоматизации.

Следует отметить, что в критериях увеличенного значения цифровизации особое значение приобретает переход от компенсационной модели реагирования на конфликты (ликвидация результатов кибератак, восстановление данных, уничтожение сбоев) к превентивной модели, направленной на профилактику (создание запасных систем, становление цифровой грамотности персонала и внедрение стереотипов защищенности на всех шагах производственных и управленческих процессов). Компенсационный подход, преобладающий в настоящее время, нацелен на уничтожение уже произошедших результатов, что, собственно, и не позволяет предотвращать появление новых угроз и снижает совместную стабильность региональной финансовой системы. Превентивная модель подразумевает выявление и нейтрализацию рисков, что предопределяет потребность в критериях динамики цифровой среды. В данной связи появляется необходимость пересмотра самого понимания экономической безопасности региона на основе цифровой трансформации.

Материалы и способы изучения. Теоретическую базу изучения составили научные труды российских исследователей проблемы экономической безопасности региона и цифровой трансформации. Эмпирической основой выступили данные открытой отчетности фирм ПАО «МТС», *Wildberries*, *Ozon* и «Яндекс Маркет», Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. и региональные программы цифровизации. В ходе написания статьи использовались методы системно-структурного и сравнительного анализа для выявления

ограничений существующих подходов к экономической безопасности региона, контент-анализ действия нормативных документов оценки заявленных ценностей цифровой модификации. Использование метода логико-понятийного моделирования позволило представить авторскую трактовку экономической безопасности на основе цифровой трансформации и классификацию угроз в результате ее реализации.

Результаты исследования и их обсуждение. В передовых критериях цифровая трансформация региональных экономик стала не трендом, а текущей реальностью, меняющей саму структуру домашних хозяйств. Ученые единодушны в том, что внедрение ИКТ кардинально модифицирует не только производственные процессы, но и институциональную среду, в которой работают фирмы, домохозяйства и муниципальные структуры. Одной из главных индивидуальностей цифровой модификации считается размывание отраслевых пределов. Фирмы, в начале работавшие в одном секторе, деятельно попадают в соседние сферы. Так, телекоммуникационные операторы расширяют собственные предложения, выходя на банковский рынок. ПАО «МТС» в одном ряду с предоставлением предложений связи развивает МТС Банк, предлагая различный диапазон денежных товаров. Подобным образом маркетплейсы, такие как *Wildberries*, *Ozon* и «Яндекс Маркет», выходят за рамки интернет-ритейла, предлагая личные платежные сервисы, рассрочку, кредитование. Это формирует комфорт для покупателей и иницирует конкретность, но в то же время создает системные опасности.

Аналогичная диверсификация ведет к появлению эффекта цепной реакции: сбой или же остановка работы одной из перечисленных платформ (например, закрытие склада маркетплейса, технический сбой в системе оплаты) быстро затрагивает соседние сектора (логистику, банковские предложения, розничную торговлю), а в конечном счете занятость населения и налоговые поступления. Как демонстрируют текущая ситуация, в случае резкого закрытия большого распределительного центра вред несет не только сам интернет-ритейлер, но и банковский сектор, а еще большое количество небольших предпринимателей, зависимость от данной платформы. Данный факт показывает присутствие прямой корреляции между стабильностью цифровых платформ и социально-экономической устойчивостью субъекта страны.

Особенное беспокойство вызывает парадокс автоматизации, к примеру появление складов без сотрудников и всецело механизированное производство. Внедрение этих технологий, повышая производительность и снижая потери, в то же время формирует опасность глобального исчезновения работы у низкоквалифицированных сотрудников, тем более в моноориентированных субъектах Сибири и Дальнего Востока, где другие рабочие пространства ограничены. В регионах с высокой долей логистических и складских формирований автоматизация имеет возможность сократить рабочие пространства в ближайшие годы, что напрямую подрывает социальный компонент экономической безопасности. Зависимость региональной экономики от одной или двух больших компаний, контролирующих главные цифровые платформы, делает субъект в высшей степени уязвимым к внешним управленческим решениям данных фирм, не каждый раз схожим с интересами региона.

Классические промышленные центры теряют монополию на финансовую энергичность, уступая пространство цифровым кластерам и платформенным экосистемам, которые имеют все шансы работать за пределами привязки к определенной территории. Подобное формирует ситуацию, когда регион, внедряющий ИКТ, становится конкурентным, но в то же время утрачивает контроль над главными финансовыми процессами, передавая их массовым платформам. Как результат цифровой трансформации, стираются границы между классическими отраслями, появляется новая география размещения компаний и производств, увеличивается динамика финансовых процессов, бывают замечены свежие информационные струи, циркулирующие между хозяйствующими субъектами, появляются системные опасности, связанные с зависимостью от цифровых платформ и автоматизацией. Все эти конфигурации требуют переосмысления самого мнения об экономической безопасности региона, потому что текущие подходы оказываются неспособными определить опасности и предложить оперативные меры реагирования.

Цифровая трансформация регионов формирует угрозы, создающие прямую или косвенную возможность нанесения ущерба региону. Цифровая среда создает новые условия для бизнес-процессов хозяйствующих субъектов, расширяя их охват, оптимизируя процессы, облегчая общение и обеспечивая глобальную масштабируемость. Традиционное понимание границ предпринимательской деятельности, которая ограничивалась территориальной принадлежностью и межгосударственным контролем, претерпевает в настоящее время существенные изменения. Особенности межкультурного взаимодействия соседних стран позволяют, несмотря на санкционные ограничения, благодаря цифровой среде продолжать экономическое взаимодействие. Характерной чертой угроз экономической безопасности в результате цифровой трансформации является растущая зависимость от технологий и взаимосвязанных систем. Эта повышенная зависимость создает новые возможности для атак и сбоев, что приводит к значительному ущербу функционирования региона. Присутствует утверждение о том, что меры, направленные на повышение экономической безопасности через увеличение использования ИКТ и экспорта ИТ-услуг в качестве ресурса повышения экономической безопасности, могут привести к изменению уровня экономической безопасности региона. Создание суверенного цифрового пространства путем продажи своих сервисов другим странам позволит укрепить позиции Российской Федерации в мировом цифровом пространстве. Создание совместных программно-технологических решений в рамках сотрудничества ЕАЭС позволит укрепить межгосударственные связи и сохранить кадровый потенциал. Снижение социальной напряженности путем создания высококвалифицированных кадров через программы переквалификации населения позволит обеспечить рынок недостающими кадрами.

Взаимосвязь цифровой трансформации экономики регионов и возникновением угроз экономической безопасности определяется следующими обстоятельствами:

- 1) повышением зависимости хозяйствующих субъектов от технологий;
- 2) увеличением цифровой связности между хозяйствующими субъектами;
- 3) образованию цифровой среды;
- 4) стремительным технологическим прогрессом.

Представленная классификация позволяет системно представить источник возникновения угроз экономической безопасности региона в результате цифровой трансформации (рис. 2). Предложенная классификация угроз экономической безопасности региона в результате цифровой трансформации позволяет, по мнению автора, определять потенциальные риски регионов. Развитие экономической научной мысли в направлении изучения особенностей цифровой трансформации региона позволит спрогнозировать на основе анализа больших данных развитие страны в целом в зависимости от выбранной политики. Введение цифровых двойников экономических процессов позволит в реальном времени смоделировать ситуацию при распространении обнаруженных экономических рисков.

Главным итогом текущего исследования считается авторская трактовка понятия экономической безопасности региона на базе цифровой трансформации. В отличие от существующих определений, рассматривающих цифровизацию как наружный фактор, предложена интегративная авторская дефиниция: **экономическая безопасность региона на основе цифровой трансформации** — это положение регионально-экономической системы, оказавшейся под интенсивным действием рисков и угроз, связанных с ходом образования цифровой среды и размытием границ между классическими разделами и формированием новой географии секторов экономики и компаний, характеризующееся усилением динамики финансовых процессов за счет внедрения ИКТ и появлением информационных потоков данных, циркулирующих между хозяйствующими субъектами.

Особенного внимания заслуживает специфичность цифровой трансформации для регионов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Эти территории характеризуются низкой плотностью населения и значительной удаленностью от финансовых центров, недостаточным уровнем становления телекоммуникационной инфраструктуры, дефицитом обученных сотрудников в сфере ИКТ и кибербезопасности, высокой зависимостью от сырьевых секторов экономики, цифровизация которых идет медленнее, чем в обрабатывающих секторах. В то же время формируются уязвимости: зависимость от наружных поставщиков цифровых предложений, риск монополизации цифровых рынков. В данной связи кооперация региональных органов власти с ИТ-компаниями, научно-исследовательскими институтами и операторами связи выступает важным условием объединения ресурсов, выработки общих стереотипов защищенности и оперативного обмена данными о актуальных опасностях.

Экономическая безопасность региона в цифровую эру считается функцией от возможности регионально-экономической системы приспосабливаться к непрерывно изменяющейся структуре информационных потоков и скорости их циркуляции, а также от степени ее стойкости к межсекторальным цепным реакциям и зависимости от больших цифровых экосистем. Внедрение предложенной авторской трактовки и связанных с ней классификацией угроз позволит региональным органам управления идентифицировать риски, вовремя откликаться на системные опасности и гарантировать устойчивое развитие земель в критериях цифровой трансформации. Построение устойчивой цифровой инфраструктуры позволит в дальнейшем сократить цифровое неравенство регионов.

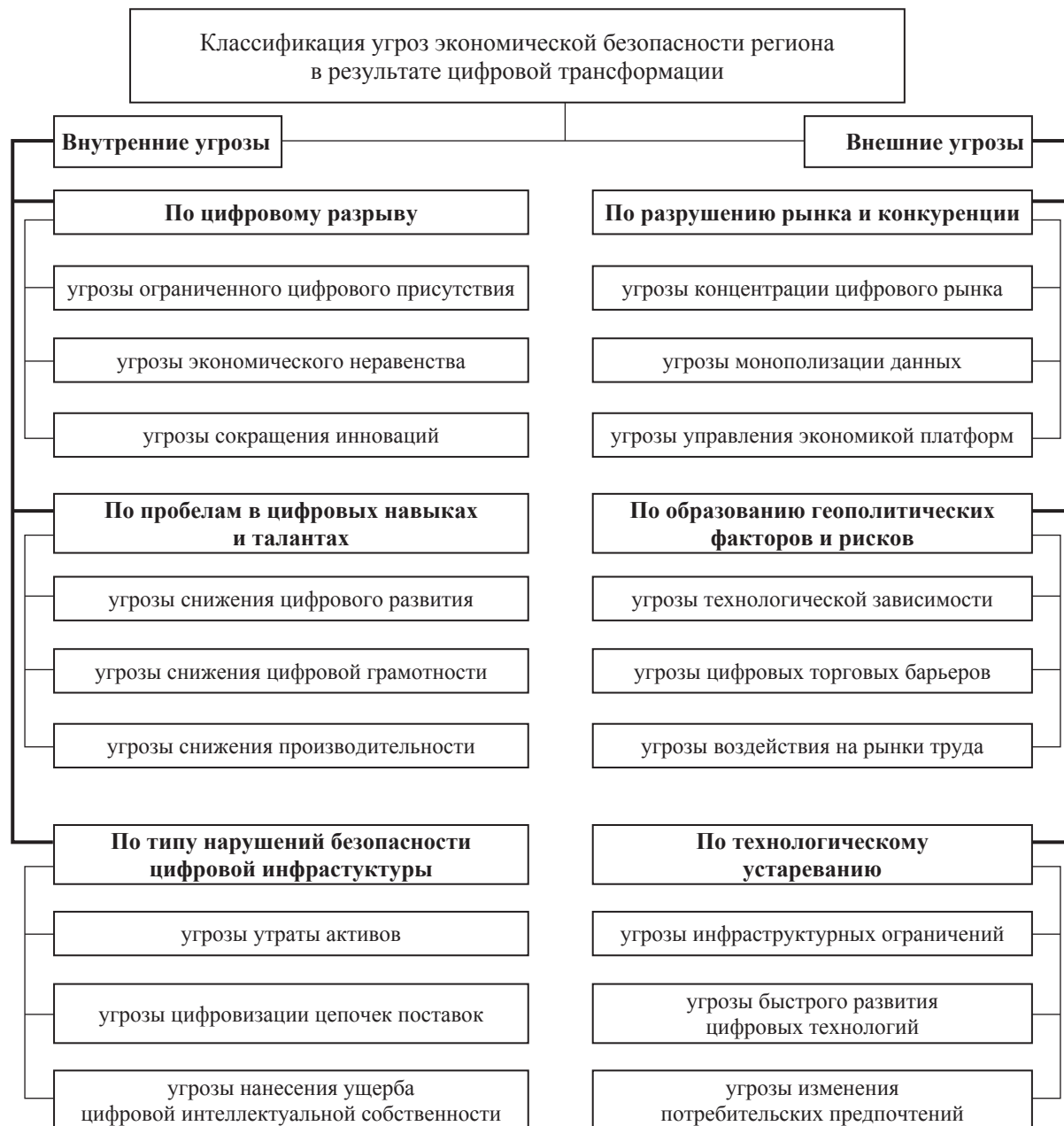

Рис. 2. Классификация угроз экономической безопасности региона в результате цифровой трансформации (сост. автором)

Заключение

Проведенное исследование позволяет отметить, что цифровая трансформация региональной экономики формирует новые обстоятельства для обеспечения экономической безопасности. В отличие от классических угроз (производственных, денежных, социальных), цифровая среда порождает риски, связанные с размыванием отраслевых пределов, формированием актуальной географии компаний, усилением динамики финансовых процессов и появлением новых информационных потоков, циркулирующих между хозяйствующими субъектами.

Особенное внимание в работе уделено парадоксу размывания отраслевых пределов и появлению системных рисков, связанных с экспансией цифровых платформ в соседние отрасли экономики. Появление высокотехнологических транснациональных корпораций на экономическом пространстве приводит к изменениям потребностям различных социальных групп населения, задавая тренды на общественное мнение и потребительские предпочтения.

Главным итогом исследования является авторская трактовка финансовой защищенности ареала на базе цифровой модификации, которая требует учитывать динамическое положение регионально-экономической системы к непрерывно изменяющейся структуре информационных потоков и размыванию даже территориальных границ между государствами в цифровом пространстве. Предложенное определение и классификация угроз экономической безопасности региона позволяет переосмыслить цели региональной политической деятельности по созданию адаптивной системы управления рисками в цифровой среде. Последующее улучшение регионального управления должно быть связано с переходом от компенсационной модели к превентивной, дифференциацией мер государственной помощи, развитием цифровых инструментов прогноза, помощью кооперационных форм взаимодействия в сфере кибербезопасности и всеохватывающим развитием инфраструктуры и кадрового потенциала ареала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузьменко В. В., Кинько Е. Н. Перспективы развития цифровой экономики в России // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2022. № 3. С. 153—159.
2. Косенкова М. Д., Малютин В. А. Цифровая экономика: преимущества, ограничения и перспективы развития // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. 2023. № 3(33). С. 81—87.
3. Гачаев А. М., Успаева М. Г. Влияние цифровизации и финансовых технологий на трансформацию традиционных банковских услуг // Вопросы природопользования. 2024. Т. 3. № 5. С. 62—70. DOI: 10.25726/r4635-5361-9536-j.
4. Мухопад В. И. Роль интеллектуальной собственности в научно-технологическом развитии России // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2024. № 10. С. 21—24.
5. Гальцов А. М. Нематериальные активы и их влияние на стоимость компании // Аллея науки. 2025. № 3(103). Т. 1. С. 439—454.
6. Сеидханова Г., Рахмедова А., Гурбанова Ч. Цифровая экономика — экономика будущего // Символ науки. 2023. № 11-1. Т. 1. С. 115—116.
7. Аннаева Ш., Реджепова О. Цифровая экономика — экономика реального времени // Матрица научного познания. 2024. № 4-1. С. 220—222.
8. Вахромеева М. П. Состояние, особенности и проблемы российского ИТ-рынка // Наука Красноярья. 2022. Т. 11. № 3—4. С. 67—73.
9. Рыков Н. А. Экономическая безопасность в условиях глобализации мировой экономики // Инновации и инвестиции. 2024. № 8. С. 96—101.
10. Ткачук П. Ю. Моделирование экономической безопасности предпринимательской деятельности как ориентира ее развития в условиях цифровой трансформации экономики // Вести Автомобильно-дорожного института. 2022. № 3(42). С. 77—84.
11. Цифровая трансформация региональной и отраслевой экономики: сфера услуг, бренд-маркетинг, экономическая безопасность : коллектив. моногр. / В. О. Бессарабов, Н. Н. Давидчук, А. В. Шершнева и др. Курск : Университетская книга, 2026. 436 с.
12. Голубев В. С., Кузьмина С. Н., Косухина М. А. Модель оценки уровня экономической безопасности организации в условиях цифровой трансформации // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2025. № 3(82). С. 61—71. DOI: 10.52897/2411-4588-2025-3-61-71.
13. Финансово-экономическая безопасность в условиях цифровизации экономики / Е. А. Посная, В. А. Яскевич, Д. В. Нехаичук и др. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2026. № 1. С. 109—115. DOI: 10.37493/2307-907X.2026.1.13.
14. Сальников Н. А. Показатели и перспективы цифровизации российской экономики. Риски экономической безопасности // Умная цифровая экономика. 2023. Т. 3. № 1. С. 42—45.
15. Маркова К. В. Киберриски как ключевая угроза экономической безопасности государства в условиях цифровой трансформации // Студенческий вестник. 2025. № 47-9(380). С. 61—64.
16. Кляхина Д. Ю., Шхагошев Р. В. Влияние инвестиций и инноваций на экономическую безопасность России и развитых стран // Студенческий вестник. 2024. № 37-4(323). С. 27—31.
17. Каранина Е. В., Котанджян А. В. Цифровые финансы и экосистемы: обеспечение устойчивого и безопасного развития. М. : Научная библиотека, 2023. 156 с.
18. Молчан А. С., Франциско О. Ю., Осенний В. В. Цифровая трансформация оценки экономической безопасности предприятия АПК // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2025. № 119. С. 59—64.
19. Султанов Г. С., Гаджикасумов С. Г., Ахмедова Л. Р. Обеспечение экономической безопасности Республики Дагестан в условиях цифровой трансформации и санкционного давления // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2025. № S1. С. 347—353.
20. Курбанова А. М., Ибрагимова Э. С., Султанов Н. Г. Цифровая трансформация как фактор обеспечения экономической безопасности промышленных предприятий: современные вызовы и стратегические решения // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2025. № S2. С. 123—129.
21. Кузнецов Е. С., Казьмина И. В. Сущность, принципы и методы обеспечения экономической безопасности высокотехнологичных предприятий в условиях цифровой трансформации // Human Progress. 2025. Т. 11. Вып. 10. URL: https://progress-human.com/images/2025/Tom11_10/Kuznetsov.pdf.

REFERENCES

1. Kuzmenko V. V., Kinko E. N. Prospects for the development of the digital economy in Russia. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya V. Ekonomika i pravo = Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and Law*. 2022;3:153—159. (In Russ.)
2. Kosenkova M. D., Malyutin V. A. Digital economy: advantages, limitations and development prospects. *Zhurnal "U". Ekonomika. Upravlenie. Finansy = Journal "U". Economy. Management. Finance*. 2023;3(33):81—87. (In Russ.)
3. Uspayeva M. G. The impact of digitalization and financial technologies on the transformation of traditional banking services. *Voprosy prirodopol'zovaniya = Environmental Management Issues*. 2024;3(5):62—70. (In Russ.) DOI: 10.25726/r4635-5361-9536-j.
4. Mukhopad V. I. The role of intellectual property in the scientific and technological development of Russia. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava*. 2024;10:21—24. (In Russ.)
5. Gal'tsov A. M. Intangible assets and their impact on company value. *Alleya nauki*. 2025;3(103)-1:439—454. (In Russ.)

6. Seidkhanova G., Rakhmedova A., Gurbanova Ch. Digital economy - economy of the future. *Simvol nauki = Symbol of science*. 2023;11-1-1:115—116. (In Russ.)
7. Annaeva Sh., Redzhepova O. Digital economy - real-time economy. *Matritsa nauchnogo poznaniya*. 2024;4-1:220—222. (In Russ.)
8. Vakhromeeva M. P. State, features and problems Russian IT market. *Nauka Krasnoyar'ya = Krasnoyarsk Science*. 2022;11(3—4):67—73. (In Russ.)
9. Rykov N. A. Economic security in a globalized world economy. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2024;8:96—101. (In Russ.)
10. Tkachuk P. Yu. Modelling the economic security of the entrepreneurial activity as a guideline for its development in the context of the economy digital transformation. *Vesti Avtomobil'no-dorozhnogo instituta = Bulletin of the Automobile and Road Institute*. 2022;3(42):77—84. (In Russ.)
11. Bessarabov V. O., Davidchuk N. N., Shershneva A. V. et al. Digital transformation of the regional and sectoral economy: Services, brand marketing, economic security. Collective monograph. Kursk, Universitetskaya kniga, 2026. 436 p. (In Russ.)
12. Golubev V. S., Kuzmina S. N., Kosukhina M. A. Model for assessing the level of economic security of an organization in the context of digital transformation. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya = Economy of the North West: problems and prospects of development*. 2025;3(82):61—71. (In Russ.) DOI: 10.52897/2411-4588-2025-3-61-71.
13. Posnaya E. A., Yaskevich V. A., Nekhaychuk D. V. et al. Financial and economic security in context of economy digitalization. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2026;1:109—115. (In Russ.) DOI: 10.37493/2307-907X.2026.1.13.
14. Salnikov N. A. Indicators and prospects of digitalization of the Russian economy. Economic security risks. *Umnaya tsifrovaya ekonomika = Smart Digital Economy*. 2023;3(1):42—45. (In Russ.)
15. Markova K. V. Cyber risks as a key threat to the economic security of the state in the context of digital transformation. *Studencheskii vestnik*. 2025;47-9(380):61—64. (In Russ.)
16. Klyakhina D. Yu., Shkhagoshev R. V. The impact of investments and innovations on the economic security of Russia and developed countries. *Studencheskii vestnik*. 2024;37-4 (323):27—31. (In Russ.)
17. Karanina E. V., Kotandzhyan A. V. Digital finance and ecosystems: ensuring sustainable and secure development. Moscow, Nauchnaya biblioteka, 2023. 156 p. (In Russ.)
18. Molchan A. S., Francisco O. Yu., Osenniy V. V. Digital transformation of economic security assessment of agricultural enterprises. *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Proceedings of the Kuban State Agrarian University*. 2025;119:59—64. (In Russ.)
19. Sultanov G., Gadzhikasumov S., Ahmedova L. Ensuring the economic security of the Republic of Dagestan in the context of digital transformation and sanctions pressure. *Zhurnal monetarnoi ekonomiki i menedzhmenta = Journal of Monetary Economics and Management*. 2025;S1:347—353. (In Russ.)
20. Kurbanova A., Ibragimova E., Sultanov N. Digital transformation as a factor of ensuring the economic security of industrial enterprises: modern challenges and strategic solutions. *Zhurnal monetarnoi ekonomiki i menedzhmenta = Journal of Monetary Economics and Management*. 2025;S2:123—129. (In Russ.)
21. Kuznetsov E. S., Kazmina I. V. Essence, principles and methods of economic security of high-tech enterprises in the conditions of digital transformation. *Human Progress*. 2025;11(10). (In Russ.) URL: https://progress-human.com/images/2025/Tom11_10/Kuznetsov.pdf.

Статья поступила в редакцию 09.07.2026; одобрена после рецензирования 27.07.2026; принята к публикации 03.08.2026.
The article was submitted 09.07.2026; approved after reviewing 27.07.2026; accepted for publication 03.08.2026.

Научная статья
УДК 338
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1687

Olga Lidia Pedroso Domínguez
Postgraduate of the Department of Energy
and Industrial Management,
field of training
5.2.3 — Regional and sectoral economy,
National Research University “MEI”
(Moscow Power Engineering Institute)
Moscow, Russian Federation
olgalidiapedroso@gmail.com

Ольга Лидия Педросо Домингес
аспирант кафедры «Менеджмент в энергетике
и промышленности»,
направление подготовки
5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
(Московский энергетический институт)
Москва, Российская Федерация
olgalidiapedroso@gmail.com

МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ EMPRESA DE CONDUCTORES ELÉCTRICOS “CONRADO BENITEZ”, КУБА)

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В настоящее время во всем мире наблюдается укрепление роли критериев ESG в качестве стратегических направлений деятельности компаний, а также их тесная связь с механизмами развития. В статье предложен механизм обеспечения устойчивого развития промышленных предприятий Республики Куба на основе методологии ESG-концепции. Устойчивость развития промышленных предприятий Кубы обеспечивается системной взаимосвязью индикаторов развития страны и промышленных предприятий. Взаимодействие факторов различной природы в определении индикаторов основано на изменениях экономических, социальных и экологических составляющих и определении их приоритетности по достижению поставленных стратегических целей. Предлагаемый механизм позволяет рассматривать различные сценарии развития по достижению стратегических целей. Механизм развития объединяет компоненты E, S и G с такими конкретными показателями, как производительность труда, энергопотребление на одного работника, экономическая

рентабельность, социальные расходы и энергоэффективность. Методологическая архитектура механизма базируется на корреляционном анализе, ранжировании факторов ESG с определением коэффициентов значимости и построении оптимизационной модели. Проверка была проведена на предприятии Empresa de Conductores Eléctricos “Conrado Benítez”. Среди выявленных дисбалансов: сокращение штата в 1,5 раза, рост прогулов на 22 %, недостаточная мотивация к труду, рост травматизма и высокая миграция (20—25 %). Механизм действует как катализатор организационной устойчивости, позволяя перейти от жестких структур к динамическим моделям адаптации, и может быть применен в других секторах кубинской экономики, обеспечивая переход от оперативного планирования к долгосрочному стратегическому управлению.

Ключевые слова: механизм, взаимосвязь, критерии, показатели, ESG, социально-экономические системы, устойчивое развитие, промышленные предприятия, сценарии развития, стратегическое управление

Для цитирования: Педросо Домингес О. Л. Механизм развития промышленного предприятия (на примере Empresa de Conductores Eléctricos “Conrado Benítez”, Куба) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 132—139. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1687.

Original article

THE DEVELOPMENT MECHANISM OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE (USING THE EXAMPLE OF EMPRESA DE CONDUCTORES ELÉCTRICOS “CONRADO BENITEZ”, CUBA)

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Currently, there is a growing emphasis worldwide on the role of ESG criteria as strategic directions for corporate activities, as well as their close connection to development mechanisms. This article proposes a mechanism for ensuring the sustainable development of industrial enterprises in the Republic of Cuba based on the ESG methodology. The sustainability of Cuba's industrial enterprises is ensured by the systematic interconnection between the country's development indicators and those of its industrial enterprises. The interaction of various factors in determining these indicators is based on

changes in economic, social, and environmental components and on prioritizing them to achieve the set strategic goals. The proposed mechanism allows for the consideration of various development scenarios aimed at achieving strategic goals. The development mechanism integrates the E, S, and G components with specific indicators such as labor productivity, energy consumption per employee, economic profitability, social expenditures, and energy efficiency. The methodological architecture of the mechanism is based on correlation analysis, the ranking of ESG factors with the determination of significance

coefficients, and the construction of an optimization model. The validation was conducted at Empresa de Conductores Eléctricos “Conrado Benítez”. Among the identified imbalances are: a 1.5-fold reduction in staff, a 22% increase in absenteeism, insufficient work motivation, a rise in workplace injuries, and high staff turnover (20–25%). The mechanism acts as a catalyst for organizational sustainability, enabling a shift from rigid

structures to dynamic models of adaptation, and can be applied in other sectors of the Cuban economy, facilitating the transition from operational planning to long-term strategic management.

Keywords: *mechanism, interrelationship, criteria, indicators, ESG, socio-economic systems, sustainable development, industrial enterprises, development scenarios, strategic management*

For citation: Pedroso Domínguez O. L. The development mechanism of an industrial enterprise (using the example of Empresa de Conductores Eléctricos “Conrado Benítez”, Cuba). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026; 3(76):132—139. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1687.

Введение

Актуальность. В настоящее время управление развитием социально-экономических систем жизненно важно для прогресса и благосостояния обществ, становясь ключевым фактором устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности как международных, так и национальных экономик. Механизмы комплексного развития промышленных предприятий направлены на повышение их устойчивости и способности адаптироваться к неблагоприятным условиям внешней среды [1]. Это способствует как совершенствованию промышленной и экономической политики страны, так и разработке инструментов управления, применимых на уровне предприятий. Залогом успеха и гарантией устойчивого развития предприятия является целостность и системная интеграция целей в единый и согласованный механизм.

Это актуализирует необходимость разработки теоретических и методологических подходов, позволяющих адаптировать международный опыт, отраженный в стратегиях социально-экономического развития таких развитых стран, как Российская Федерация, а также в Повестке дня Организации Объединенных Наций на период до 2030 г., которые содержат важные рекомендации, которые могут быть учтены при разработке экономической, социальной и экологической политики Республики Куба.

Цели устойчивого развития ООН нашли отражение в стратегии развития Кубы, однако разнородность поставленных задач требует определения приоритетов среди экономических, социальных и экологических компонентов для выработки основных направлений развития. Проблемы, связанные с межотраслевыми взаимосвязями кубинских промышленных предприятий, существенно повлияли на их экономическую устойчивость, а социальная дестабилизация сдерживает экономическое развитие. Всё это требует реструктуризации процессов управления и интеграции факторов *ESG* в ключевые функции предприятий.

Интеграция факторов *ESG* способствует экономическому росту и включает такие компоненты, как корпоративная поддержка, удовлетворение социальных потребностей, организация труда, цифровизация и инновации, ориентируясь на многостороннюю эффективность затрат для обеспечения ценности и экономического развития [2]. Для многих стран переход к новому экономическому этапу требует механизмов устойчивого управления в контексте санкций и цифровой экономики, что снижает риски и позволяет компаниям адаптироваться.

Изученность проблемы. Для разработки организационной и экономической структуры, позволяющей управлять развитием социально-экономических систем, необходимо понять, как различные авторы понятие «механизм».

В научной литературе были представлены различные подходы к определению экономических механизмов. Так, согласно И. В. Грошеву [1] и В. П. Кузнецову и В. С. Трошиной [3], экономический механизм определяется как совокупность организационных и экономических форм и методов управления, направленных на достижение целей стратегического развития. Г. В. Фадеева [4] выделяет следующие функции экономического механизма: экономическая реализация отношений собственности; регулирование пропорций общественного воспроизводства; разрешение противоречий между развитием производительных сил и конкретными формами производственных отношений. А. И. Аджиева и С. Р. Хасанов [5] делают вывод, что под механизмом управления понимается система, сочетающая в себе внутренние взаимосвязи и процедуры, необходимые для реализации информационных, организационных и методологических процессов. А. С. Новоселов [6] утверждает, что данный механизм является частью системы управления, которая влияет на все внешние факторы, а значит, эффективность работы организации, т. е. муниципалитета, зависит от качества этих факторов; поэтому данный механизм включает в себя инструменты, обеспечивающие их всестороннюю интеграцию.

А. Н. Бычкова [7] анализирует различные подходы и эволюцию понятия «механизмы», приходя к выводу, что экономический механизм представляет собой совокупность методов управления и взаимодействия между субъектами, объективной функцией которых является рациональное управление экономикой и формирование устойчивых закономерностей ее развития.

В контексте управления предприятием особое внимание обращается на интеграцию критериев *ESG* (*Environmental, Social, Governance*), что подтверждается исследованиями, проводимыми с различных точек зрения и разными авторами. Так, А. С. Паредес Кастро с соавторами [8] исследуют взаимосвязь между финансовыми показателями перуанских горных компаний и экологическим управлением, показывая, что финансовое воздействие экологических стратегий зависит от степени их институционализации и эффективной интеграции в бизнес-модель. Т. Пу [2] и Н. В. Капустина и Ю. В. Вертакова [9] анализируют эволюцию корпоративного управления как результат внедрения принципов устойчивого развития и *ESG* в бизнес-среду, выделяя ключевые направления интеграции критериев устойчивости в процесс постановки стратегических целей, мотивации персонала и взаимодействия с инвесторами, а также в системы управления рисками. М. К. Измайлов и С. В. Пупенцова [10] систематизируют международный опыт и перспективы России в области интеграции *ESG*-повестки в стратегию управления,

подчеркивая, что адаптация этих принципов требует переосмысления традиционных механизмов принятия решений. Л. Р. Абдуллина [11] подробно рассматривает механизмы адаптации корпоративных стратегий к принципам устойчивого развития, предлагая конкретные «дорожные карты» для экономической и управленческой трансформации организаций, что обеспечивает практические инструменты для внедрения упомянутых ESG-подходов.

Анализ показывает, что большинство авторов рассматривают механизм управления как инструмент интеграции различных факторов, таких как экологические, социальные и производственные. Однако в случае кубинских промышленных предприятий этот подход не соответствует их специфическим ограничениям (эмбарго, нехватка ресурсов, технологическая зависимость), что определяет необходимость разработки собственного механизма, который учитывал бы кубинскую реальность и позволял бы обеспечить согласованность оперативного планирования с долгосрочным стратегическим управлением.

Вследствие вышесказанного **целесообразность рассмотрения темы** исследования обусловлена насущной необходимостью преодоления дисбалансов в кубинских предприятиях, вызванных внешними ограничениями (эмбарго, нехватка ресурсов, технологические ограничения), а также необходимостью создания адаптивных механизмов управления, сочетающих экономическую эффективность, социальную ответственность и экологическую устойчивость в условиях высокой неопределенности, что позволит использовать гибкие сценарии для достижения стратегических целей.

Цель исследования — предложить механизм, который обеспечит устойчивое развитие промышленных предприятий Республики Куба на основе методологии концепции ESG, на примере материалов Республики Куба и промышленного предприятия *Empresa de Conductores Eléctricos “Conrado Benítez”*.

Для достижения этой цели были выполнены следующие **задачи**:

- 1) проведен библиографический обзор существующих подходов с целью понимания сущности понятия «механизм»;
- 2) проведен статистический анализ данных для определения тенденций основных экономических показателей Республики Куба;
- 3) определены критерии и показатели в областях ESG с их классификацией и коэффициентами значимости;
- 4) разработан механизм развития, интегрирующий экологические, социальные и управленческие компоненты, адаптированный к кубинской экономической модели.

Научная новизна. Результаты исследования, представленные в данной статье, заключаются в разработке, обосновании и первоначальной проверке механизма развития кубинских промышленных предприятий, основанного на методологии ESG и адаптированного к условиям экономической модели Республики Куба.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в анализе и обобщении подходов к определению сущности «механизма» развития социально-экономических систем, а также в разработке методологической архитектуры, объединяющей экологические, социальные и управленческие компоненты, что позволяет перейти от жестких структур к динамическим моделям адаптации.

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что разработанный механизм, адаптированный к кубинской экономической модели, может быть внедрен в деятельность промышленного предприятия *Empresa de Conductores Eléctricos “Conrado Benítez”*, а также использоваться государственными органами для принятия решений на основе социально-экономических показателей и для перехода от оперативного планирования к долгосрочному стратегическому управлению.

Основная часть

Методология исследования. В данном исследовании были использованы нормативный и системный подходы, причем последний позволяет рассматривать промышленное предприятие как открытую социально-экономическую систему, взаимодействующую с внешней средой, а нормативный подход облегчает анализ нормативно-правовых рамок и международных стандартов (ООН, стандарты ISO, критерии ESG), определяющих стратегии устойчивого развития.

Главным инструментом обеспечения устойчивого развития промышленных предприятий на основе принципов ESG является создание механизма, интегрирующего экологические, социальные и управленческие компоненты. Этот подход сочетает в себе различные методы, позволяющие провести наиболее точную и всестороннюю оценку.

В методологии изыскания описывается реализация следующей последовательности этапов:

1. **Библиографический и нормативно-правовой анализ** был проведен путем обзора научной литературы на различных языках, посвященной интеграции критериев ESG, а также анализа кубинского законодательства (а именно: декретов-законов, Национального плана развития) и международных правовых актов (ООН и Повестка дня на период до 2030 г.) с целью обоснования предложения.

2. **Статистический анализ данных.** Регрессионный анализ использовался для выявления тенденций развития кубинских промышленных предприятий в период 2020—2024 гг. Динамический анализ, группировки и сравнения, то они были осуществлены путем систематизации статистических данных. Также было проведено сопоставление достигнутых значений с нормативными или плановыми показателями. Выявление тенденций по ключевым показателям (производительность, энергопотребление, уровень травматизма, текучесть и миграция персонала и т. д.) было проведено с помощью динамического анализа.

3. **Функционально-структурный анализ.** Это было сделано с целью разбиения объекта исследования на составляющие элементы (экономические, социальные, экологические и управленческие подсистемы).

4. **Наблюдения и классификации.** Наблюдение позволило собрать первичную информацию о процессах управления на предприятии *Empresa de Conductores Eléctricos “Conrado Benítez”*, а классификация — сгруппировать показатели по областям ESG и сформировать категории для анализа.

5. **Моделирование и синтез.** На основе полученных результатов была разработана модель экономической оптимизации и создан механизм управления, интегрирующий компоненты ESG, который был проверен на практике в *Empresa de Conductores Eléctricos “Conrado Benítez”*.

Результаты исследования. В настоящее время кубинский промышленный сектор развивается в довольно сложных условиях вследствие эмбарго со стороны США, которое значительно ограничило поступление сырья, материалов, запасных частей и доступ к технологиям [12]. Импортозамещение, НИОКР, инновационный потенциал и производственная эффективность развитие социальной сферы становятся стратегическими элементами экономического развития страны.

По мнению исследователей, суть механизма основана на регулировании экономической деятельности с целью обеспечения непрерывного процесса управления развитием и представляет собой современную методологию управления, в которой гармонизируются производственные отношения и социальные и экологические компоненты стратегии развития [13]. Основными критериями механизма являются самоконтроль, самооценка и высокая способность адаптироваться к изменениям во внешней и внутренней бизнес-среде. Показатели развития — это критерии взаимосвязи фундаментальных элементов стратегического развития и их приоритетность. Формальная и неформальная взаимосвязь составляют основу использования ресурсов страны и промышленных предприятий с целью обеспечения их устойчивого развития.

Предложенный нами механизм апробирован на материалах Республики Куба и промышленного предприятия *Empresa de Conductores Eléctricos “Conrado Benítez”* (см. рис.). Нестабильная динамика в социальной сфере и экономические колебания на всех уровнях управления затрудняют определение альтернатив стратегического развития. Сценарии определения приоритетных составляющих базируются на принципах ESG-концепции. Проблемы развития социальной экономической системы Кубы рассмотрены нами на основе экономических показателей. Снижение уровня инвестиций, значительный рост миграции обеспечивают рост социальной напряженности на всех уровнях управления [14]. Естественными вызовами являются изменение климата, истощение природных ресурсов и рост социальной нестабильности. Затраты на компенсацию экологических последствий и изменение климата составляют 77 % расходов. Низкий уровень привлечения трудовых ресурсов обусловлен ростом индекса миграции, составляющей около 20—25 %. При высоком уровне производительности труда (за 2020—2024 гг. — в десять раз) рост уровня заработной платы увеличился в среднем в 5 раз за тот же период. Среднесписочная численность сотрудников на предприятии сократилась в 1,5 раза. При этом число сотрудников, находящихся на больничном листе, увеличилось на 22 %. Низок уровень затрат на обеспечение достойных условий труда: рост в среднем на 20 % при росте производительности труда за тот же период в среднем в два раза. Затраты на средства индивидуальной защиты растут, но растет и аварийность на рабочих местах, согласно данным Национального управления статистики и информации Республики Куба. Мотивационные мероприятия как фактор влияния на результативность работы отсутствуют. Низкий уровень подготовки квалификационных кадров и инновационное развитие практически не отражаются на эффективности корпоративного управления. Результаты анализа показали, что экономическая

повестка сопоставима с социальной значимостью [15]. Энергопотребление и затраты на обеспечение энергоэффективности последние 5 лет снижаются. Отмечается рост энергоемкости продукции. Таким образом, необходима комплексная оценка взаимосвязи показателей и определения индикаторов развития (I_E , I_S , I_G).

На рисунке представлен механизм действия развития индустриальной социально-экономической системы Республики Куба, включая характерные признаки и инструменты ее формирования.

Методологическая основа механизма развития заключается в определении направлений, ориентиров и приоритетов социально-экономической системы. В основе лежат руководящие принципы Коммунистической партии Кубы, которые определяют политику экономического и социального развития страны. Основанный на Национальном плане экономического и социального развития до 2030 г., который соответствует Целям устойчивого развития и сосредоточен на шести стратегических направлениях: трансформация производства, инфраструктура, развитие человеческого потенциала, наука, природные ресурсы и эффективное управление. Основная стратегическая цель — улучшение социально-экономического развития промышленных предприятий Республики Куба [13].

Механизм развития социально-экономических систем на промышленных предприятиях Республики Куба включает в себя следующие основные элементы.

На входе основные декреты-законы и постановления, которые формируют комплексное видение экологических, экономических и социальных аспектов, способствующих социально-экономическому развитию. В экологической сфере принят Декрет-закон 150/23 «Система природных ресурсов, и окружающая среда» и является ключевым нормативным документом в экологии, поскольку включает социальные взаимодействия, укрепляюще защиту и устойчивое использование природных ресурсов и окружающей среды. В этой сфере рассматривается Декрет 86/2023, направленный на борьбу с изменением климата и создание рамок для участия в углеродных рынках, гарантируя право всех людей на здоровую и сбалансированную окружающую среду.

В экономической сфере Декрет-закон 138/2025, который децентрализует управление заработной платой в государственных предприятиях и позволяет увязать вознаграждение работников с производительностью и эффективностью, и Декрет-закон 140/2025, который передает полномочия муниципалитетам для укрепления автономии и местного развития, стимулируя производственные цепочки, которые укрепляют промышленность в рамках децентрализованной структуры.

В социальной сфере действует Декрет-закон 84/2024 (изменяющий Декрет-закон 56) «О материнстве работающих женщин и ответственности семей», который продлевает срок выплаты пособия до 15 месяцев, признавая заботу о семье и ее вклад в стабильность семьи и труда. В соответствии с достижением целей модели социалистического развития, ориентирован на социальную защиту, экологическую устойчивость и экономическую эффективность и определяет стратегические направления развития социально-экономических систем страны.

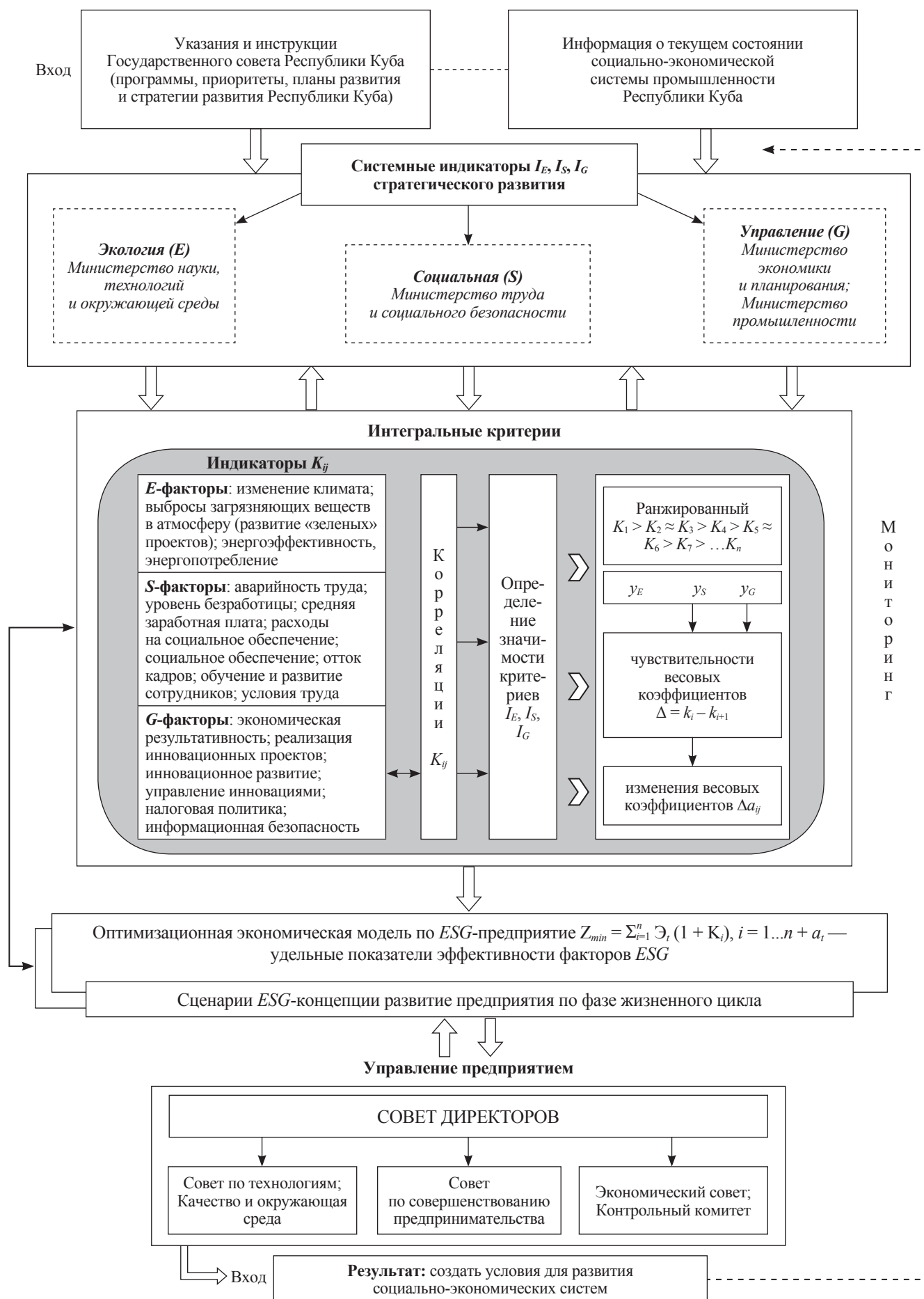

Рис. Механизм развития социально-экономических систем Республики Куба

Система управления Кубы основана на иерархической взаимосвязи государственных органов, министерств и предпринимательских групп, которые являются нормативными и руководящими органами социально-экономического развития. На основе политики, установленной этими органами, предприятия определяют свои собственные приоритеты и цели в соответствии со своими особенностями и потребностями. Для формирования индикаторов стратегического развития формируются критерии Y_{ESG} и определяется их значимость Δa_{ij} на основе корреляционных связей и осуществляется ранжирование. Коэффициенты значимости могут относиться как определенному параметру, так и к группе с последующей нормализацией. На основе модели оптимизации определяется вклад (ценность) каждой составляющей для обеспечения устойчивости развития исходя из условий и объема имеющихся ресурсов [17].

Объектом контроля механизма являются показатели X_{ij} , которые классифицируются по направлениям *ESG*, в направлении *E*-факторы: изменение климата, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу (развитие «зеленых» проектов; энергоэффективность, энергопотребление; *S*-факторы: аварийность труда и коэффициент аварийности; изменение среднесписочной численности персонала, уровень средней заработной платы; расходы на социальное обеспечение, обучение и развитие сотрудников; затраты на улучшение условий труда и *G*-факторы: экономическая результативность; реализация инновационных проектов, инновационное развитие, налоговая политика, информационная безопасность и т. д. [15].

С нашей точки зрения, механизм должен быть основан на возможности определения комплексных показателей эффективности a_i (нормативных или достигнутых). К числу таких показателей следует отнести: производительность труда, энерговооруженность, экономическая результативность, удельные затраты на социальное обеспечение, удельные затраты на обеспечение условий труда работников предприятия, энергоэффективность, удельные затраты на улучшение экологии и т. п.). Таким образом, программы развития и их показатели соответствуют намеченной цели в рамках планового объема затрат на обеспечение эффективности *ESG* составляющих.

На основе определенных и взвешенных критериев I_E , I_S , I_G получаются различные сценарии развития, ориентированные на реализацию принципов концепции *ESG*. Для разработки сценариев стратегического развития далее внедряется модель экономической оптимизации Z_{max} , которая позволяет сформировать комплексные показатели для оценки устойчивой эффективности, согласования промышленного развития со стратегическими целями страны, а также определить приоритеты распределения инвестиций с учетом приоритетного направления развития. Системный подход позволяет актуализировать эффективность функции координации и регулирования, гарантируя улучшение показателей социально-экономического развития.

Подсистема управления предприятием: механизм развития социально-экономических систем на предприятии играет ключевую роль в достижении стратегических и бизнес-целей, его надлежащее функционирование улучшает процесс принятия решений на высшем уровне управления и усиливает каналы обратной связи и коммуникации. Эта подсистема не только фокусируется на целях организации, но и способствует устойчивому росту организации и ее адаптации к окружающей среде. Сюда входят советы по управлению, экономике, технологиям, качеству и окружающей

среде, совершенствованию бизнеса и комитет по контролю. Эти структуры являются ключевыми столпами, способствующими социально-экономическому прогрессу предприятия.

Результат механизма развития социально-экономических систем кубинских промышленных предприятий представляет собой адаптацию концепции *ESG* к особенностям современной экономической модели развития Кубы. При этом данный механизм является отправной точкой для комплексной оценки эффективности деятельности предприятий, выходящей за рамки традиционно используемых экономических показателей [18].

Информационное обеспечение является фундаментальным элементом механизма развития, с которого начинается трансформация всего процесса интеграции критериев *ESG*. Этот поток позволяет провести диагностику текущего состояния социально-экономических систем, при этом директивы Государственного совета обеспечивают и определяют политику и корректируют стратегические цели, которым следует следовать. Кроме того, он придает связность и направленность всему циклу управления.

Предлагаемый механизм основан на обеспечении обратной связи и ее цикличности за счет постоянного мониторинга целевых показателей, отражающих результаты и их влияние на социально-экономическую деятельность кубинских отраслей, что позволяет оперативно корректировать сценарии развития в ответ на происходящие изменения. Применим как в стационарных условиях развития, так и в условиях стратегических изменений высшего уровня управления.

Заключение

1. Разработанный механизм управления выступает в качестве катализатора организационной устойчивости, позволяя промышленным социально-экономическим системам переходить от жестких структур к динамичным моделям адаптации в условиях высокой неопределенности. Благодаря согласованию функциональных иерархий и двунаправленных информационных потоков традиционная оценка эффективности корпоративного управления выходит за традиционные рамки и приобретает сценарный и гибкий характер, при котором операционная эффективность становится средством обеспечения системной конкурентоспособности и создания общественной ценности.

2. Доказано, что внедрение данного механизма обеспечивает комплексную оптимизацию деятельности промышленных предприятий на Кубе. Исследование показывает, что благодаря интеграции критериев *ESG* в основу корпоративной стратегии предприятий можно добиться как промышленного роста, так и баланса между качеством окружающей среды и социальным благополучием. Этот гомеостатический баланс между экономической рентабельностью, экологической целостностью и социальной справедливостью позиционирует промышленность как центрального игрока в модели устойчивого развития страны.

3. Методологическая архитектура предлагаемого механизма отличается высокой степенью переносимости и масштабируемости. Ее логика в управлении и разработанные индикаторы позволяют применять ее и в других секторах экономики Кубы. Таким образом, предложенный механизм подтверждается как качественный и важнейший инструмент перспективного анализа для принятия решений на основе социально — экономических показателей, облегчая переход от оперативного планирования к долгосрочному стратегическому управлению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грошев И. В., Гололобова Т. М. Инструменты менеджмента по внедрению ESG-принципов в промышленной компании // Управление. 2024. Т. 12. № 4. С. 13—22. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-13-22.
2. Pu T. Bridging digitalization and environmental, social, and governance performance: the moderating effect of CEO duality and government linked corporations // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. Art. 1441. DOI: 10.1057/s41599-025-05773-0.
3. Кузнецов В. П., Трошина В. С., Смирнова В. Е. Организационно-экономический механизм управления в контексте устойчивого развития предприятий // Управленческий учет. 2025. № 10. С. 283—288.
4. Фадеева Г. В. Концептуальные направления системного регулирования экономического механизма хозяйствования аграрной сферы АПК // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 3(89). С. 92—97.
5. Аджиева А. И., Хасанов С. Р. Механизм управления развитием регионов // Управленческий учет. 2022. № 11-3. С. 654—660. DOI: 10.25806/uu11-32022654-660.
6. Новоселов А. С., Волянская Т. В., Фалеев А. В. Использование управленческих механизмов для формирования эффективной институциональной среды пространственного развития экономики региона // Государственный советник. 2019. № 3(27). С. 66—71.
7. Бычкова А. Н. Экономический механизм: определение, классификация и применение // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2010. № 4. С. 37—43.
8. Paredes Castro A. S., Estrada Vega G., Chávez Vera K. J. Gestión ambiental y desempeño financiero de compañías mineras peruanas // Revista InveCom. 2025. Vol. 6. Núm. 2. DOI: 10.5281/zenodo.17058006.
9. Капустина Н. В., Верткова Ю. В. Развитие методологического инструментария трансформации корпоративного менеджмента при интеграции ESG-принципов в стратегию устойчивого развития бизнеса // Вестник РГГУ. Серия «Экономика и управление». 2026 № 1. С. 24—37.
10. Измайлов М. К., Пупенцова С. В. Интеграция концепции ESG в стратегию менеджмента: мировой опыт и перспективы для России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2024. № 2. С. 58—66. DOI: 10.17586/2310-1172-2024-18-2-58-66.
11. Абдуллина Л. Р. Механизмы адаптации бизнес-стратегий в контексте устойчивого развития: экономический и управленческий аспекты // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 12(130). С. 8—15. (На англ. яз.) DOI: 10.24412/2411-0450-2025-12-8-15.
12. Gordon J. Economic Sanctions as ‘Negative Development’: The Case of Cuba // Journal of International Development. 2016. Vol. 28. Iss. 4. Pp. 473—484. DOI: 10.1002/jid.3061.
13. Kruk M. N., Perdomo Millán A., Torres Batista Y. Evaluation of the Efficiency of Implementation of the Sustainable Development Program at Nickel-Cobalt Ore Mining Enterprises // Sustainability. 2025. Vol. 17. Iss. 21. Art. 9441. DOI: 10.3390/su17219441.
14. Мызникова М. Н., Педросо Домингес О. Л., Алонсо С. Л. Современные социальные проблемы Республики Куба // Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2024. № 10. С. 60—65.
15. Педросо Домингес О. Л. Инструмент анализа и оценки эффективности деятельности предприятия // Международный научно-исследовательский журнал. 2026. № 6(168). DOI: 10.60797/IRJ.2026.168.74.
16. Мызникова М. Н., Педросо Домингес О. Л. Современное социально-экономическое развитие Республики Куба // Финансовый бизнес. 2024. № 10. С. 98—102.
17. Демьянова К. Э. ESG как новый экономический механизм охраны окружающей среды // Правовое сотрудничество государств в контексте идеи Большого Евразийского партнерства : коллектив. моногр. Екатеринбург : Ур. гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2024. С. 324—327.
18. Веретеннов М. А., Майснер О. С., Мурашко Т. Е. Механизмы оценки и мониторинга ESG-показателей внутри российских организаций как инструменты стратегического управления // Экономика в социокультурном пространстве современности: проблемы, решения, прогнозы : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Владимир : Аркаим, 2025. С. 81—85.

REFERENCES

1. Groshev I. V., Gololobova T. M. Management tools for the implementation of ESG principles in an industrial company. *Upravlenie = Management (Russia)*. 2024;12(4):13—22. (In Russ.) DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-13-22.
2. Pu T. Bridging digitalization and environmental, social, and governance performance: the moderating effect of CEO duality and government linked corporations. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025;12:1441. DOI: 10.1057/s41599-025-05773-0.
3. Kuznecov V. P., Troshina V. S., Smirnova V. E. Organizational-economic management mechanism in the context of corporate sustainable development. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2025;10:283—288. (In Russ.)
4. Fadeeva G. V. Conceptual directions for the systemic regulation of the economic mechanism of management in the agricultural sector of the agro-industrial complex. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of Altai State Agricultural University*. 2012;3:92—97. (In Russ.)
5. Adzhieva A. I., Khasanov S. R. Regional development management mechanism. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2022;11-3:654—660. (In Russ.) DOI: 10.25806/uu11-32022654-660.
6. Novoselov A. S., Volyanskaya T. V., Faleev A. V. The use of management tools for establishing the efficient institutional environment for spatial regional development. *Gosudarstvennyi sovetnik = The State Counselor*. 2019;3(27):66—71. (In Russ.)

7. Bychkov A. N. Economic mechanism: to be defined, ranged and applied. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* = *Herald of Omsk University. Series "Economics"*. 2010;4:37—43. (In Russ.)
8. Paredes Castro A. S., Estrada Vega G., Chávez Vera K. J. Environmental management and financial performance of Peruvian mining companies. *Revista InveCom*. 2025;6(2). DOI: 10.5281/zenodo.17058006.
9. Kapustina N. V., Vertakova Yu. V. Development of the methodological tools for corporate governance transformation while integrating ESG principles into a sustainable business development strategy. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika i upravlenie»* = *RSUH/RGGU Bulletin. Series Economics. Management. Law*. 2026;1:24—37. (In Russ.)
10. Izmaylov M. K., Pupentsova S. V. Integration of the ESG concept into management strategy: global experience and prospects for Russia. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskii menedzhment»* = *Scientific journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*. 2024;2:58—66. (In Russ.) DOI: 10.17586/2310-1172-2024-18-2-58-66.
11. Abdullina L. R. Mechanisms for business strategy adaptation in the context of sustainable development: economic and managerial aspects. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* = *Economy and Business: Theory and Practice*. 2025;12(130): 8—15. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-12-8-15
12. Gordon J. Economic Sanctions as 'Negative Development': The Case of Cuba. *Journal of International Development*. 2016;28(4):473—484. DOI: 10.1002/jid.3061.
13. Kruk M. N., Perdomo Millán A., Torres Batista Y. Evaluation of the Efficiency of Implementation of the Sustainable Development Program at Nickel-Cobalt Ore Mining Enterprises. *Sustainability*. 2025;17(21):9441. DOI: 10.3390/su17219441.
14. Myznikova M. N., Pedroso Domínguez O. L., Alonso S. L. Contemporary social problems of the Republic of Cuba. *Evrasiiskoe prostranstvo: ekonomika, pravo, obshchestvo*. 2024;10:60—65. (In Russ.)
15. Pedroso Domínguez O. L. A tool for analysing and evaluating the effectiveness of a company's activities. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* = *International Research Journal*. 2026;6(168). (In Russ.) DOI: 10.60797/IRJ.2026.168.74.
16. Myznikova M. N., Pedroso Domínguez O. L. Current socio-economic development of the Republic of Cuba. *Finansovyi biznes*. 2024;10:98—102. (In Russ.)
17. Demyanova K. E. ESG as a new economic mechanism for environmental protection. *Pravovoe sotrudnichestvo gosudarstv v kontekste idei Bol'shogo Evraziiskogo partnerstva* = *Legal cooperation among states in the context of the idea of the Greater Eurasian Partnership*. Collective monograph. Ekaterinburg, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev publ., 2024. Pp. 324—327. (In Russ.)
18. Veretenov M. A., Maisner O. S., Murashko T. E. Mechanisms for assessing and monitoring ESG indicators within Russian organizations as tools for strategic management. *Ekonomika v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennosti: problemy, resheniya, prognozy* = *The economy in the contemporary sociocultural context: problems, solutions, and forecasts. Proceedings of the XII International scientific and practical conference*. Vladimir, Arkaim, 2025:81—85. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.06.2026; одобрена после рецензирования 28.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.
The article was submitted 06.06.2026; approved after reviewing 28.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 336
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1728

Egor Sergeevich Prokhorov
Postgraduate of the Department of Customs
and Foreign Economic Affairs,
field of training
5.2.3 — Regional and sectoral economy,
Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
Vladimir, Russian Federation
Egor131415@bk.ru

Егор Сергеевич Прохоров
аспирант кафедры таможенного дела
и внешнеэкономической деятельности,
направление подготовки
5.2.3 — региональная и отраслевая экономика,
Владимирский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Владимир, Российская Федерация
Egor131415@bk.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Цифровизация активно проникла во все сферы государственной и общественной жизни, не стал исключением и кредитно-финансовый сектор экономики. Предприятия банковского сектора в своей деятельности внедряют инструменты цифровизации: большие данные, облачные хранилища, технологии искусственного интеллекта и пр. Использование цифровых технологий финансовыми организациями выступает в качестве основы роста их конкурентоспособности, позволяя повысить финансовые результаты и снизить издержки на осуществление деятельности.

В статье проанализировано влияние цифровизации как фактора роста конкурентоспособности организаций кредитно-финансового сектора. Сформулированы понятия «цифровизация» и «цифровизация кредитно-финансовых учреждений», охарактеризованы некоторые возможности цифровизации и их применение банковскими организациями, а именно: подтверждение личности, персонализация финансовых продуктов и услуг и др. Рассмотрены преимущества и недостатки использования некоторых цифровых технологий в банковской деятельности. Среди преимуществ использования инструментов цифровизации учрежде-

ниями кредитно-финансового сектора выделены: увеличение скорости обслуживания, повышение качества персонализации продуктов и услуг, рост доступности банковского обслуживания для населения. В то же время интенсивное применение цифровых инструментов сопряжено с наличием ряда недостатков: риск утечки данных, недостаточная цифровая грамотность пользователей, неполный охват используемых технологий системой правового регулирования.

Проанализированы различные рейтинги внедрения цифровизации в деятельности крупнейших коммерческих банков: цифровой зрелости, качества цифрового опыта веб-версий, качества ежедневных задач и цифрового офиса в мобильных банках. Проведенное исследование позволило определить наличие взаимосвязи между размером прибыли кредитно-финансового учреждения и уровнем внедрения цифровых инструментов в его деятельности.

Ключевые слова: конкурентоспособность, банковская сфера, цифровизация, цифровые технологии, искусственный интеллект, факторы конкурентоспособности, кредитно-финансовая сфера, ПАО «Сбербанк», показатели эффективности, оценка конкурентоспособности

Для цитирования: Прохоров Е. С. Цифровизация как фактор повышения конкурентоспособности организаций кредитно-финансовой сферы // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 140—145. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1728.

Original article

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN INCREASING THE COMPETITIVENESS OF CREDIT AND FINANCIAL SECTOR ORGANIZATIONS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Digitalization has actively penetrated into all spheres of state and public life, and the credit and financial sector of the economy is no exception. Enterprises in the banking sector are implementing digitalization tools in their activities: big data, cloud storage, artificial intelligence technologies, and others. The use of digital technologies by financial organi-

zations acts as a basis for the growth of their competitiveness, allowing them to increase financial results and reduce the costs of their activities.

The article analyzes the impact of digitalization as a factor in the growth of competitiveness of credit and financial sector organizations. The concepts of digitalization and digitalization

of credit and financial organizations are formulated; some possibilities of digitalization and their application by banking organizations are described, including identity verification, personalization of financial products and services, and others. The advantages and disadvantages of using some digital technologies in banking are considered. Thus, among the advantages of using digitalization tools by credit and financial sector institutions are mentioned faster service, improved personalization of products and services, and increased accessibility of banking services to the public. At the same time, the intensive use of digital tools is associated with a number of disadvantages: the risk of data leakage, insufficient digital literacy of users, and incomplete coverage of the technologies used by the legal regulation system.

For citation: Prokhorov E. S. Digitalization as a factor in increasing the competitiveness of credit and financial sector organizations. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):140—145. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1728.

Введение

Современный этап развития российского общества и государства сопряжен с активным внедрением различного рода цифровых технологий. Государственные учреждения, коммерческие и общественные организации интенсивно применяют цифровые сервисы, использование которых направлено на рост эффективности коммуникации с пользователями, снижение затрат финансовых и человеческих ресурсов на обеспечение деятельности. Использование инструментов цифровизации организациями кредитно-финансового сектора сопряжено с получением ряда конкурентных преимуществ и повышением уровня их конкурентоспособности. При этом применение цифровых технологий в целях роста конкурентоспособности банковских организаций должно учитывать потенциальные риски, которыми данные инструменты обладают. **Актуальность** темы исследования определена важностью оценки интенсивности использования цифровых технологий банками и влияния данного фактора на их прибыль как один из показателей конкурентоспособности.

Изученность проблемы. Вопросам внедрения и использования цифровых технологий как основы роста конкурентоспособности финансовых организаций уделяется существенное внимание, что связано с их активным развитием и недостаточной изученностью эффективности их применения в различных секторах экономики. Е. С. Вдовина и М. А. Куликова [1] уделяют внимание исследованию факторов, оказывающих влияние на технологическую инфраструктуру сегмента банковской деятельности. О. А. Голикова [2], А. Е. Зверкова, Ш. У. Ниязбекова, Г. А. Мауина [3], В. В. Митрохин, А. С. Тарасенко [4] анализируют ключевые направления, тренды, специфику и аспекты цифровизации организаций кредитно-финансовой сферы. К. Д. Биримкулова, С. К. Канатбеков, У. А. Абдасбекова, А. Э. Байышова [5], И. А. Лисовская и Н. Г. Трапезникова [6], О. А. Николайчук и Е. А. Гаврилова [7] исследуют возможности разработки и реализации модели стратегического управления цифровой трансформацией банка, вопросы модернизации банковской деятельности в условиях цифровизации. Н. С. Мельниковой, Н. И. Быкановой, В. Д. Юрьевым, А. А. Аваковой [8] уделяется внимание изучению проблем цифровизации банков, применению цифровых финансовых активов.

Также в научных работах уделено значительное внимание характеристике последних тенденций цифровизации банковского бизнеса. Так, О. Ю. Донецкова [9], Е. Ю. Афенидиктова и В. И. Ковалёва [10] выделяют три

Various ratings of the implementation of digitalization in the activities of the largest commercial banks are analyzed: digital maturity, the quality of the digital experience of web versions, the quality of daily tasks and the digital office in mobile banks. The conducted research allowed us to determine the relationship between the size of the profit of a financial organization and the level of digital tools implementation in its activities.

Keywords: competitiveness, banking sector, digitalization, digital technologies, artificial intelligence, competitiveness factors, credit and financial sector, Sberbank of Russia, performance indicators, competitiveness assessment

модели цифрового банкинга и отмечают существенное значение цифровых технологий как драйвера роста банковского сектора. В работах А. Х. Ибрагимовой [11], И. А. Пригодич [12], М. Е. Горчаковой [13] отмечено стратегическое влияние создаваемых банками экосистем, влияние их формирования на расширение клиентской базы и рост конкурентоспособности.

В работах Л. А. Агузаровой и А. Д. Тибилова [14], Ф. И. Аминовой, В. И. Скрипкиной, А. А. Емельяновой [15] отмечено влияние цифровизации на рост финансовых результатов банков.

Б. Г. Шелегеда и Н. В. Погоржельская [16] анализируют вопрос появления и дальнейшего развития цифровой валюты центрального банка, отмечая причины ее появления, наличие пробелов регулирования.

Целесообразность разработки темы определена важностью поиска направлений повышения конкурентоспособности коммерческих банков в условиях современной нестабильности.

Научная новизна работы состоит в сформированной комплексной оценке влияния цифровизации на уровень конкурентоспособности банков, а также в эмпирически подтвержденной сильной прямой взаимосвязи между уровнем внедрения цифровых инструментов и финансовыми результатами.

Целью статьи является обоснование влияния цифровизации на уровень конкурентоспособности предприятий кредитно-финансовой сферы.

Задачи исследования:

- формулирование термина «цифровизация кредитно-финансовых предприятий»;
- характеристика основных цифровых технологий, применяемых в деятельности банков;
- оценка топ-5 российских коммерческих банков по уровню цифровизации;
- исследование наличия взаимосвязи между объемом прибыли коммерческих банков и уровнем их цифровизации.

Теоретическая значимость исследования: сформулированы определения терминов «цифровизация» и «цифровизация кредитно-финансовых учреждений».

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в целях дальнейшего изучения взаимозависимости цифровизации банков и их конкурентоспособности, а также формирования комплексной стратегии роста конкурентоспособности коммерческого банка.

Основная часть

Методология исследования. В процессе работы над статьей были применены следующие методы исследования: системный анализ, метод экспертных оценок, статистический метод, а также специальной литературы, публикаций ученых и экспертов, материалов интернет-ресурсов.

Результаты исследования и их обсуждение. Термин «цифровизация» стал активно использоваться на протяжении последних десятилетий. При этом каждым пользователем дается собственная трактовка рассматриваемого понятия.

Для целей данного исследования под цифровизацией будем понимать комплекс процессов, связанных с применением современных цифровых технологий, т. е. способов обработки, хранения, передачи информации посредством последовательности битов, в целях повышения эффективности реализации текущих форм деятельности, а также построения новых форматов взаимодействия как между пользователями в рамках самой организации, так и с ее контрагентами.

Цифровизацию кредитно-финансовых учреждений можно охарактеризовать как использование цифровых технологий при осуществлении центральных бизнес-процессов, а именно:

- коммуникации с клиентами;
- принятие решений об уровнях кредитоспособности физических и юридических лиц;
- реализация учета операций и формирование отчетности;
- разработка и выполнение стратегии инвестиционной политики банка;
- принятие обоснованных управленческих решений и прочих.

Динамичное развитие цифровизации в нашей стране эксперты связывают с созданием ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (далее — портал «Госуслуги»), с момента запуска которого прошло более 16 лет. В течение указанного периода цифровые сервисы портала «Госуслуги» претерпевали существенные трансформации: увеличивалось как количество предоставляемых пользователям через сервис услуг, так и степень их цифровизации. На первых этапах функционирования портала «Госуслуги» пользователи могли лишь получить информацию об услуге (порядке подачи документов, графике работы учреждения, условиях предоставления услуги), тогда как с течением времени был реализован функционал предоставления ряда услуг в полностью электронном виде.

Не обошли вниманием возможности портала «Госуслуги» и банковскую сферу. Так, начиная с 29 декабря 2025 г. на основании Постановления Правительства РФ от 19 сентября 2025 г. № 1443 был реализован функционал подтверждения личности в учреждениях банковской сферы

через «Госуслуги». Указанная услуга доступна для лиц, личность которых была ранее идентифицирована банком или иным финансовым учреждением. Пользование данной услугой доступно при соблюдении ряда условий:

- наличие подтвержденной записи на портале;
- пройденная процедура подтверждения фото и использования Единой биометрической системы.

Если биометрия пользователя отсутствует в Единой биометрической системе, то предварительно необходимо ее размещение посредством личного визита в многофункциональный центр или заграничного паспорта гражданина с электронным чипом.

Подтверждение личности в кредитно-финансовом учреждении осуществляется на основании QR-кода и фотографии пользователя в Госуслугах. Применение указанного порядка идентификации личности приравнивается к представлению оригинала паспорта. Исключение составляют ситуации необходимости проведения высокорисковых операций и отдельных видов договоров.

Однако развитие современных цифровых технологий в банковской сфере не ограничилось только возможностью подтверждения личности. Направления использования цифровых инноваций разнообразны: они позволяют реализовать функционал персонализации услуг и продуктов банков, способствуют росту безопасности операций, увеличению уровня удовлетворенности клиентов и прочим результатам, представленным на рисунке.

Рис. Основные цифровые технологии банков и результаты их применения

Цифровые сервисы, используемые современными кредитно-финансовыми учреждениями, способствуют росту эффективности взаимодействия «клиент — банк», снижению издержек (временных, финансовых и человеческих ресурсов) на продажи товаров и услуг.

В то же время, несмотря на видимые преимущества использования цифровых сервисов, необходимо обратить внимание на некоторые недостатки, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Преимущества и недостатки использования банками цифровых технологий

Технология	Преимущества использования	Недостатки использования
Искусственный интеллект	Рост скорости обработки информации о клиентах, выявление предпочтений	Минимизация межличностного взаимодействия клиента с представителями банка
Блокчейн	Рост скорости реализации процессов, взаимодействия «банк — клиент», повышение безопасности операций	Недостаточная эффективность правового регулирования использования технологии
Виртуальная и дополненная реальности	Отработка взаимодействия с клиентом, имитация сложных случаев	Недостаточность технологических компетенций пользователей
Идентификация на основании биометрии	Рост скорости и удобства взаимодействия «банк — клиент»	Потребность в усилении защиты персональных данных пользователей
Мобильные приложения и облачные сервисы	Увеличение доступности банковского обслуживания, персонализация взаимодействия	Необходимость повышения уровня цифровой грамотности клиентов

Представленные в табл. 1 недостатки применения современных цифровых технологий в деятельности кредитно-финансовых учреждений выступают также в качестве ограничений для более быстрого роста и технологического развития банковской сферы.

Как видно из представленных данных, применение инструментов цифровизации в деятельности организаций кредитно-финансовой сферы способствует получению ряда конкурентных преимуществ, делая взаимодействие клиентов с банком более продуктивным. При этом внедрение цифровых технологий связано с наличием ряда недостатков, которые банками должны быть учтены в целях достижения максимальной эффективности коммуникации с клиентами.

Кроме того, важно принимать во внимание риски, сопряженные с применением современных цифровых технологий в деятельности учреждений банковского сектора:

- *Ограничение доступа к технологиям как результат ужесточения санкций.* Усиление санкций возможно в части использования технологий, а также установления запрета на импорт оборудования и технологий, востребованных для целей цифровизации банковской деятельности;

- *Риски, связанные с законодательным регулированием.* Реализация существенного количества случаев компрометации данных пользователей банковских услуг, осуществление мошеннических операций потенциально может стать основой для установления запрета использования кредитно-финансовыми учреждениями отдельных цифровых технологий;

- *Риски утечки данных пользователей, проведения неправомерных финансовых транзакций.* Применение дистанционных технологий при взаимодействии «банк — клиент» усиливает риски проведения незаконных транзакций.

Безусловно, активное внедрение современных цифровых технологий коммерческими банками способствует росту их финансовых результатов, что благоприятно влияет на уровень конкурентоспособности. Проанализируем данные по уровню цифровой зрелости коммерческих банков, входящих в топ-5 по размеру прибыли за 2025 г. [11], представленные в табл. 2.

Таблица 2

Топ-5 коммерческих банков Российской Федерации по размеру прибыли по итогам 2025 г. и их места в рейтинге цифровой зрелости

Место в рейтинге прибыли	Банк	Прибыль, млн руб.	Рейтинг цифровой зрелости	
			баллы	место в рейтинге
1	ПАО Сбербанк	1 694 155	255	7
2	ПАО Банк ВТБ	365 822	300	3
3	АО АЛЬФА-БАНК	281 593	300	1
4	АО Банк ГПБ	148 700	270	5
5	АО Т-Банк	112 146	290	3

Рейтинг цифровой зрелости банков включает оценку по 36 параметрам, сгруппированным в три блока: степень представленности учреждения в цифровом пространстве, уровень продвижения и коммуникаций в сети «Интернет», а также результативность онлайн-продаж. Максимальная сумма баллов рейтинга составляет 300 баллов [12].

Как видно из представленных данных, топ-5 банков по уровню прибыли в 2025 г. занимают места с 1-го по 7-е в рейтинге цифровой зрелости, что позволяет сделать вывод о том, что менеджментом данных банков уделяется значительное внимание внедрению инструментов цифровизации в их деятельность как основы роста результатов.

Важное место в повышении конкурентоспособности банка играет клиентский опыт: удобство использования мобильного приложения, веб-версии зачастую влияют на лояльность клиента банку.

В табл. 3 представлены данные рейтинга веб-версий по качеству цифрового опыта пользователей. Для оценки использована шкала от 0 до 100 баллов.

Таблица 3

Банки топ-5 по прибыли за 2025 г. в рейтинге веб-версий по качеству цифрового опыта

Банк	Рейтинг веб-версий по качеству цифрового опыта	Место в рейтинге по качеству цифрового опыта
ПАО Сбербанк	58,9	7
ПАО Банк ВТБ	88,9	2
АО АЛЬФА-БАНК	94,4	1
АО Банк ГПБ	82,8	3
АО Т-Банк	70,6	6

Из табл. 3 видно, что топ-5 российских банков по размеру прибыли в 2025 г. занимают места в рейтинге веб-версий по качеству цифрового опыта с 1-го по 7-е.

Как отмечалось ранее, важную роль в формировании уровня лояльности клиентов и повышении конкурентоспособности банков оказывает качество мобильного банка. Рассмотрим представленные ранее банки в разрезе рейтингов мобильного банка по качеству реализации ежедневных задач, а также по *digital office* (цифровому офису) в мобильном банке (табл. 4).

Таблица 4

Рейтинги топ-банков по качеству ежедневных задач и цифровому офису в мобильных банках за 2025 г.

Банк	Рейтинг мобильных банков по качеству ежедневных задач		Рейтинг <i>digital office</i> в мобильных банках	
	баллы	место в рейтинге	баллы	место в рейтинге
ПАО Сбербанк	75	8	75,5	7
ПАО Банк ВТБ	89	2	89,7	2
АО АЛЬФА-БАНК	95	1	98,4	1
АО Банк ГПБ	85	4	86,5	3
АО Т-Банк	78	5	79	6

Аналогично рейтингу веб-версий по качеству цифрового опыта, оценивание производилось по шкале от 0 до 100 баллов. Сходно ранее представленным рейтингам, топ-5 банков по размеру прибыли занимают места с 1-го по 8-е по качеству мобильных банков, а их позиции в отношении цифровых офисов — с 1-го по 7-е.

В целях подтверждения гипотезы о наличии взаимосвязи между уровнем цифровизации и конкурентоспособности кредитно-финансовых учреждений проанализируем взаимозависимость среднего значения представленных выше

баллов рейтингов и размера прибыли банков как одного из основных финансовых показателей конкурентоспособности банка. При оценке взаимозависимости использован коэффициент корреляции Пирсона.

Кроме того, из сравнения исключены данные ПАО «Сбербанк», т. к. масштаб его деятельности, размер чистой прибыли и стоимость активов существенно отличаются от остальных представленных коммерческих банков. Также следует обратить внимание на тот факт, что ПАО «Сбербанк» представляет собой не просто кредитно-финансовое учреждение, но и технологическую экосистему, что существенно отличает данный банк от других представленных (табл. 5).

Таблица 5

Взаимосвязь объема прибыли коммерческих банков и среднего значения рейтинга цифровизации за 2025 г.

Банк	Прибыль, млн руб.	Среднее по коэффициентам
ПАО Банк ВТБ	365 822	0,919
АО АЛЬФА-БАНК	281 593	0,970
АО Банк ГПБ	148 700	0,860
АО Т-Банк	112 146	0,810

На основании проведенных расчетов коэффициент корреляции Пирсона для прибыли банков и среднего значения представленных выше рейтингов составляет 0,811, что говорит о наличии сильной прямой взаимосвязи между этими показателями.

В то же время необходимо отметить, что наряду с уровнем внедрения цифровизации на формирование прибыли кредитно-финансовых учреждений влияет множество факторов, каждый из которых может обладать разнонаправленным действием. Вместе с тем отрицать влияние цифровых

технологий на повышение эффективности деятельности банка в условиях современной действительности было бы неверным.

Заключение

Итак, внедрение современных цифровых технологий в деятельность кредитно-финансового учреждения способствует росту его конкурентоспособности за счет повышения качества обслуживания, формирования высокого уровня лояльности клиентов, оптимизации бизнес-процессов и повышению производительности.

Взаимодействие между банками, вовлеченными в процесс цифровизации, и их клиентами характеризуется как омниканальное. То есть, кредитно-финансовые учреждения коммуницируют с потребителями услуг и товаров через разные каналы: офлайн, мобильные приложения, веб-сайты и пр. Наличие фактора омниканальности также способствует повышению конкурентоспособности банка.

Кроме того, цифровизация как фактор роста конкурентоспособности банка проявляется в возможностях расширения клиентской базы. Использование способов удаленной регистрации и идентификации пользователей позволяет преодолевать географические ограничения. Чтобы стать клиентом банка, использующего современные цифровые технологии, физическому лицу больше нет необходимости посещать отделение кредитно-финансового учреждения.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о наличии взаимосвязи между уровнем цифровизации коммерческого банка и размером получаемой им прибыли. Вместе с тем современный уровень развития цифровых технологий и цифровой грамотности населения определяет наличие ряда ограничений для более прогрессивного развития элементов цифровизации в деятельности кредитно-финансовых учреждений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вдовина Е. С., Куликова М. А. Цифровизация банковского сектора в современных условиях : моногр. Тамбов : ТГТУ, 2022. 100 с.
2. Голикова О. А. Цифровизация банковской отрасли: основные направления трансформации и современные тренды // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2024. № 3(11). С. 60—72. DOI: 10.24412/2782-4845-2024-11-60-72.
3. Зверкова А. Е., Ниязбекова Ш. У., Мауина Г. А. Тренды цифровизации банков в мировом сообществе // Региональная экономика и управление. 2023. № 2(74). URL: <https://eee-region.ru/article/7404/>.
4. Митрохин В. В., Тарасенко А. С. Модернизация банковской деятельности в условиях цифровой экономики // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 1(66). С. 30—34. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.66.865.
5. Биримкулова К. Д., Канатбеков С. К., Абдасбекова У. А., Байышова А. Э. Факторы, влияющие на технологическую инфраструктуру и основные направления, улучшение ключевых сегментов в банковской сфере в условиях изменяющейся среды // Вестник Кыргызстана. 2025. № 1-1. С. 91—103.
6. Лисовская И. А., Трапезникова Н. Г. Цифровые финансовые инструменты: классификация, характеристика основных видов, подходы к отражению в отчетности // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1(70). С. 51—57. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1202.
7. Николайчук О. А., Гаврилова Е. А. Проблемы устойчивости банковской системы в условиях цифровизации // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 2(71). С. 120—126. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1297.
8. Мельникова Н. С., Быканова Н. И., Юрьев В. Д., Авакова А. А. Цифровизация как компонент маркетингово-конкурентной стратегии современного коммерческого банка // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 2(63). С. 24—30. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.63.591.
9. Донецкова О. Ю. Современные тенденции цифровизации банковского бизнеса в России // Финансы: теория и практика. 2025. Т. 29. № 3. С. 179—193. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-179-193.
10. Афендикова Е. Ю., Ковалёва В. И. Современные тенденции цифровизации банковского сектора в России // Новое в экономической кибернетике. 2025. № 4. С. 68—79. DOI: 10.5281/zenodo.18048639.
11. Ибрагимова А. Х. Цифровизация банковского сектора экономики: современные тренды // Управленческий учет. 2025. № 8. С. 193—198.
12. Пригодич И. А. Тенденции и перспективы создания и развития экосистем банков // Экономика и банки. 2025. № 1. С. 33—44.

13. Горчакова М. Е. Формирование экосистем банков в условиях цифровизации // Журнал прикладных исследований. 2025. № 4. С. 111—116.
14. Агузарова Л. А., Тибиллов А. Д. Функционирование и эффективность современной банковской системы России: анализ и рекомендации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 9(150). Т. 13. С. 79—88. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.09.13.010.
15. Аминова Ф. А., Скрипкина В. И., Емельянова А. А. Ключевые тренды и стратегические вызовы цифровой трансформации банковского сектора // Вестник Академии знаний. 2025. № 6(71). С. 765—769.
16. Шелегеда Б. Г., Погорельская Н. В. Особенности цифровизации финансовых отношений в Российской Федерации // Сборник научных работ серии «Финансы, учет, аудит». Донецк : ДОНАУИГС, 2023. Вып. 30. С. 199—211. DOI: 10.5281/zenodo.8189128.

REFERENCES

1. Vdovina E. S., Kulikova M. A. Digitalization of the banking sector in modern conditions. Monograph. Tambov, Tambov State Technical University publ., 2022. 100 p. (In Russ.)
2. Golikova O. A. Digitalization of the banking industry: the main directions of transformation and modern trends. *EFO: Ekonomika. Finansy. Obshchestvo*. 2024;3(11):60—72. (In Russ.) DOI: 10.24412/2782-4845-2024-11-60-72.
3. Zverkova A. Ye., Niyazbekova Sh. U., Mauina G. A. Trends of digitalization of banks in the global community. *Regional'naya ekonomika i upravlenie = Regional economics and management*. 2023;2(74). (In Russ.) URL: <https://eee-region.ru/article/7404/>.
4. Mitrokhin V. V., Tarasenko A. S. Modernization of banking activities in the digital economy. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2024;1(66):30—34. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2024.66.865.
5. Birimkulova K. D., Kanatbekov S. K., Abdasbekova U. A., Baiyshova A. E. Factors influencing technological infrastructure and key directions for improving core segments in the banking sector under changing conditions. *Vestnik Kyrgyzstana*. 2025; 1-1:91—103. (In Russ.)
6. Lisovskaya I. A., Trapeznikova N. G. Digital financial instruments: classification, characteristics of main types, approaches to reflection in financial statements. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;1(70):51—57. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1202.
7. Nikolaichuk O. A., Gavrilova E. A. Problems of the banking system sustainability in the context of digitalization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;2(71):120—126. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1297.
8. Melnikova N. S., Bykanova N. I., Yuryev V. D., Avakova A. A. Digitalization as a component of the marketing and competitive strategy of a modern commercial bank. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2023;2(63):24—30. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2023.63.591.
9. Donetskova O. Yu. Current Trends in Digitalization of Banking Business in Russia. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2025;29(3):179—193. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-179-193.
10. Afendikova E., Kovaleva V. Modern trends of digitalization of the banking sector in Russia. *Novoe v ekonomicheskoi kibernetike = New in Economic Cybernetics*. 2025;4:68—79. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.18048639.
11. Ibragimova A. Kh. Digitalization of the banking sector of the economy: modern trends. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2025;8:193—198. (In Russ.)
12. Pryhodzich I. A. Trends and prospects for the creation and development of banking ecosystems. *Ekonomika i banki = Economy and banks*. 2025;1:33—44. (In Russ.)
13. Gorchakova M. E. Formation of banks' ecosystems in the context of digitalisation. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied research*. 2025;4:111—116. (In Russ.)
14. Aguzarova L. A., Tibilov A. Dz. Functioning and efficiency of the modern banking system in Russia: analysis and recommendations. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2024;9(150)-13:79—88. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.09.13.010.
15. Aminova F. I., Skripkina V. I., Emelianova A. A. Key trends and strategic challenges of digital transformation in the banking sector. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2025;6(71):765—769. (In Russ.)
16. Shelegeda B. G., Pogorzelskaya N. V. Features of the digitalization of financial relations in the Russian Federation. *Collection of scientific papers of the series "Finance, accounting, audit"*. Donetsk, Donetsk Academy of Management and Public Administration publ., 2023;30:199—211. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.8189128.

Статья поступила в редакцию 20.07.2026; одобрена после рецензирования 05.08.2026; принята к публикации 10.08.2026.
The article was submitted 20.07.2026; approved after reviewing 05.08.2026; accepted for publication 10.08.2026.

Научная статья

УДК 639.2/3

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1669

Artem Sergeevich Sapon

Postgraduate of the Department of Regional Economics,
Institute of Sectoral Economics and Management,
field of training

5.2.3 — Regional and sectoral economy,

Kaliningrad State Technical University

Kaliningrad, Russian Federation

astro039@mail.ru

Артём Сергеевич Сапон

аспирант кафедры региональной экономики
Института отраслевой экономики и управления,
направление подготовки

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,

Калининградский государственный технический университет

Калининград, Российская Федерация

astro039@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ КАЛИНИНГРАДСКОГО РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье рассматриваются современные стратегии развития Калининградского рыбохозяйственного комплекса с учетом его отраслевой специализации, эксклавного положения региона, изменения внешнеэкономических условий и возрастающих требований к продовольственной безопасности. Обосновано, что дальнейшее развитие рыбной отрасли Калининградской области не может ограничиваться увеличением объемов вылова, поскольку устойчивость комплекса определяется согласованным развитием промысла, переработки, аквакультуры, инфраструктуры, инвестиционной политики и цифрового управления. В работе выявлены ключевые проблемы отрасли, среди которых выделяются износ промыслового флота, высокая стоимость логистики, нестабильность сырьевой базы, кадровый дефицит, технологическая зависимость и недостаточная цифровизация производственных процессов. Показано, что перспективная стратегия развития должна быть направлена на обновление флота, повышение глубины переработки, расширение аквакультуры, модернизацию портовой и холодильной инфраструктуры, внедрение систем прослеживаемости продукции и формирование устойчивого регионального рынка рыбной продукции. Сделан вывод о том, что существующая практика фрагментарной поддержки, при которой помощь оказывается отдельным предприятиям без учета их взаимосвязей, недо-

статочно эффективна. Вместо этого требуется переход к комплексной модели отраслевого управления, где все ключевые звенья: добыча водных биоресурсов, аквакультура, переработка сырья, складское хранение готовой продукции, транспортировка до конечного потребителя и, наконец, сбыт через торговые сети и оптовые каналы — функционируют не обособленно, а как единая технологическая и экономическая цепочка. Именно в рамках такой цепочки создается добавленная стоимость последовательно на каждом этапе, что позволяет максимизировать конечный результат и обеспечивать устойчивость всей отрасли в целом. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенных направлений при разработке региональных программ, инвестиционных проектов и управленческих решений, направленных на повышение конкурентоспособности калининградского рыбохозяйственного комплекса в условиях геоэкономической нестабильности и усиления требований к продовольственной независимости региона.

Ключевые слова: Калининградская область, рыбохозяйственный комплекс, рыбная промышленность, промысловый флот, рыбопереработка, аквакультура, продовольственная безопасность, региональная экономика, инфраструктурное развитие, цифровизация отрасли, инвестиционная политика, стратегическое развитие

Для цитирования: Сапон А. С. Современные стратегии развития калининградского рыбохозяйственного комплекса // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 146—154. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1669.

Original article

CURRENT DEVELOPMENT STRATEGIES FOR THE KALININGRAD FISHERY COMPLEX

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. This article examines current development strategies for the Kaliningrad fishery complex, taking into account its sectoral specialization, the exclave position of the region, changing foreign economic conditions, and growing demands for food security. It is substantiated that further development of the fishing industry in the Kaliningrad region cannot be limited to increasing catch volumes, since the sustainability of the complex is determined by the coordinated development

of fishing, processing, aquaculture, infrastructure, investment policy, and digital management. The study identifies key problems facing the industry, including the depreciation of the fishing fleet, high logistics costs, instability of the resource base, labor shortages, technological dependence, and insufficient digitalization of production processes. It is shown that a forward-looking development strategy should focus on fleet renewal, increasing the depth of processing,

expanding aquaculture, modernizing port and cold-storage infrastructure, implementing product traceability systems, and forming a sustainable regional market for fish products. It is concluded that the existing practice of fragmented support, where assistance is provided to individual enterprises without regard to their interconnections, is insufficiently effective. Instead, a transition to an integrated model of sectoral management is required, where all key links — extraction of aquatic biological resources, aquaculture, processing of raw materials, warehousing of finished products, transportation to the end consumer, and finally distribution through retail chains and wholesale channels — function not in isolation but as a single technological and economic chain.

It is within such a chain that value added is created sequentially at each stage, making it possible to maximize the result and ensure the overall sustainability of the industry. The practical significance of the study lies in the possibility of using the proposed directions in the development of regional programs, investment projects, and management decisions aimed at enhancing the competitiveness of the Kaliningrad fishery complex under conditions of geo-economic instability and increasing requirements for the region's food independence.

Keywords: Kaliningrad region, fishery complex, fishing industry, fishing fleet, fish processing, aquaculture, food security, regional economy, infrastructure development, industry digitalization, investment policy, strategic development

For citation: Sapon A. S. Current development strategies for the Kaliningrad fishery complex. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):146—154. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1669.

Введение

Проблема развития калининградского рыбохозяйственного комплекса в современной научной литературе рассматривается преимущественно через отдельные аспекты отраслевой динамики, среди которых выделяются состояние промысловой базы, перерабатывающих мощностей, логистической инфраструктуры, аквакультуры и экспортного потенциала региона. Вместе с тем комплексный анализ стратегий развития данной сферы с учетом эксклавного положения Калининградской области, изменения внешнеэкономических условий, необходимости импортозамещения и усиления требований к продовольственной безопасности представлен недостаточно полно, что обуславливает необходимость дальнейшего исследования заявленной темы.

Актуальность статьи определяется тем, что рыбохозяйственный комплекс Калининградской области занимает значимое место в обеспечении регионального продовольственного рынка, формировании занятости, развитии прибрежных территорий и укреплении экономической устойчивости региона. В условиях трансформации транспортно-логистических цепочек, санкционного давления, роста издержек, технологических ограничений и усиления конкуренции особое значение приобретает поиск таких стратегий развития, которые позволят не только сохранить производственный потенциал отрасли, но и обеспечить ее переход к более устойчивой, технологичной и конкурентоспособной модели функционирования.

Степень изученности проблемы показывает, что вопросы развития рыбохозяйственного комплекса России и Калининградской области рассматриваются в современных исследованиях с разных научных позиций.

П. А. Белоусова оценивает эффективность рыболовства Калининградской области и выделяет производственные, инфраструктурные и организационные факторы развития отрасли [1]. В. С. Бильчак анализирует потребление рыбы и морепродуктов населением эксклавного региона, что важно для оценки внутреннего спроса и продовольственной обеспеченности [2]. О. Н. Гегечкори и М. В. Семенихина рассматривают состояние и основные проблемы развития рыбохозяйственного комплекса Калининградской области, обращая внимание на производственные ограничения, организационные трудности и необходимость повышения устойчивости отрасли в региональных условиях [3]. С. М. Ежелый анализирует отраслевое развитие аквакультуры в Калининградской области и подчеркивает значе-

ние данного направления для расширения ресурсной базы, диверсификации производства и повышения продовольственной обеспеченности региона [4].

К. В. Колончин рассматривает современное состояние рыбохозяйственного комплекса России, его основные проблемы и возможные направления их решения [5]. С. Г. Митин исследует развитие аквакультуры как одного из ключевых резервов увеличения производства рыбной продукции в условиях ограниченности традиционного промысла [6].

А. Г. Мнацаканян с соавторами рассматривают развитие рыбного хозяйства Калининградской области в аспекте обеспечения продовольственной безопасности, связывая устойчивость отрасли с объемами производства, переработкой и доступностью рыбной продукции для населения [7], и исследуют доступность рыбопродуктов в Калининградской области с ценовой позиции, что позволяет учитывать не только производственный потенциал отрасли, но и социально-экономические условия потребления рыбной продукции населением региона [8].

Т. К. Оруджев исследует инновационные направления развития рыбохозяйственного комплекса, включая технологическое обновление, повышение эффективности производства и внедрение современных управленческих решений [9]. В. Д. Рудашевский, Т. О. Мухамедова, А. О. Павлова анализируют программы развития рыбохозяйственного комплекса России, обращая внимание на необходимость согласования стратегических целей, инвестиционных параметров и фактических производственных результатов [10]. М. А. Салтыков и А. В. Фисенко раскрывают стратегические задачи рыбохозяйственного комплекса, связанные с обновлением производственных фондов, снижением сырьевой направленности и укреплением внутренних рынков [11].

А. В. Самсонов рассматривает экономическую устойчивость агропромышленного комплекса Калининградской области в условиях санкционного режима, что важно для понимания внешних ограничений, влияющих на развитие региональных производственных систем, включая рыбохозяйственный и агропищевой секторы [12]. Нами ранее была рассмотрена эффективность функционирования калининградского рыбохозяйственного комплекса после 2022 г., акцентируя внимание на влиянии транспортной изолированности, санкционных ограничений, импортозависимости и потенциале глубокой переработки, аквакультуры и модернизации флота [13].

Л. И. Сергеев и А. В. Самсонов рассматривают развитие отрасли через динамику потребления рыбной продукции, подчеркивая связь между производством, переработкой, логистикой и доступностью рыбы для населения [14]. Ими исследуется финансово-экономическое положение предприятий рыбохозяйственного комплекса Калининградской области в условиях санкционных ограничений, выделяя значение сравнительного анализа для оценки устойчивости предприятий и определения направлений их адаптации [15].

М. А. Шаляпина рассматривает межотраслевые связи рыбного хозяйства и агропищевого сектора, раскрывая их значение для продовольственной безопасности. При этом анализ научных источников показывает, что комплексное рассмотрение стратегий развития калининградского рыбохозяйственного комплекса с учетом эксклавного положения региона, модернизации промысла, переработки, аквакультуры, логистики и цифровизации представлено недостаточно полно, что подтверждает актуальность дальнейшего исследования выбранной темы [16].

Также следует упомянуть зарубежные исследования по теме статьи. М. J. Rosciszewski-Dodgson и G. T. Cirella анализируют взаимосвязь между устанавливаемыми лимитами общего допустимого улова и биомассой нерестового стада для восьми наиболее коммерчески ценных запасов Балтийского моря [17].

Н. Wu с соавторами показывают, что лишь 54 % выловленной рыбы идет на питание людей, а остальное теряется из-за порчи, неэффективной переработки и отходов. Предлагаются технологические решения для сокращения потерь после вылова [18].

J. Stomwell с соавторами представили систематический обзор 27 исследований, подтверждающий, что цифровые технологии повышают прозрачность и прослеживаемость глобальных цепочек поставок рыбы, а также способствуют борьбе с незаконным промыслом [19].

Целесообразность разработки темы связана с необходимостью определения приоритетных направлений модернизации рыбохозяйственного комплекса, включая обновление флота, развитие береговой переработки, расширение аквакультуры, внедрение цифровых инструментов управления, повышение глубины переработки водных биоресурсов и совершенствование механизмов государственной поддержки. Указанные направления требуют не фрагментарного рассмотрения, а системного подхода, поскольку эффективность развития отрасли зависит от согласованности производственных, инфраструктурных, инвестиционных, экологических и кадровых решений.

Цель исследования состоит в выявлении и обосновании современных стратегий развития калининградского рыбохозяйственного комплекса, обеспечивающих повышение его устойчивости, конкурентоспособности и вклада в социально-экономическое развитие региона.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать современное состояние рыбохозяйственного комплекса Калининградской области;
- определить ключевые проблемы, ограничивающие развитие отрасли;
- рассмотреть перспективные направления модернизации промысла, переработки и аквакультуры;
- выявить роль инфраструктурных, инвестиционных и цифровых решений в повышении эффективности отрасли;

– обосновать стратегические меры, направленные на укрепление продовольственной безопасности и развитие регионального рыбного рынка.

Научная новизна исследования заключается в разработке авторской модели стратегического развития калининградского рыбохозяйственного комплекса, основанной на согласовании промыслового, перерабатывающего, инфраструктурно-логистического и институционально-инвестиционного блоков. В отличие от существующих работ, где развитие отрасли рассматривается преимущественно через отдельные направления, в статье предложена комплексная матрица взаимосвязи ключевых проблем отрасли и стратегических решений, позволяющая ранжировать направления модернизации по степени их влияния на устойчивость регионального рыбохозяйственного комплекса. К элементам научной новизны также относится уточнение роли эксклавного положения Калининградской области как фактора, усиливающего зависимость отрасли от логистики, инфраструктуры, переработки, цифрового учета и стабильности сырьевой базы.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении представлений о стратегическом развитии регионального рыбохозяйственного комплекса в условиях внешнеэкономической нестабильности и пространственной изолированности территории. **Практическая значимость** заключается в возможности использования полученных выводов при разработке региональных программ развития рыбной отрасли, совершенствовании мер поддержки предприятий, планировании инвестиционных проектов и формировании управленческих решений, направленных на повышение эффективности рыбохозяйственного комплекса Калининградской области.

Основная часть

Методология исследования. Исследование выполнено на основе системного и структурно-функционального подходов, позволяющих рассматривать калининградский рыбохозяйственный комплекс как совокупность взаимосвязанных производственных, инфраструктурных, инвестиционных и институциональных элементов. Эмпирическую базу составили данные о динамике вылова водных биоресурсов, объема переработки рыбы и производства продукции аквакультуры в Калининградской области за 2021—2025 гг., материалы федеральных и региональных стратегических документов, статистические сообщения отраслевых и аналитических организаций, а также научные публикации по проблемам развития рыбного хозяйства, аквакультуры, переработки, логистики и продовольственной безопасности.

Процедура исследования включала несколько этапов. На первом этапе был проведен отбор источников по критериям тематической релевантности, актуальности, принадлежности к научным, официальным или отраслевым информационным ресурсам. На втором этапе выполнен сравнительно-динамический анализ показателей вылова, переработки и аквакультуры, включая расчет абсолютных изменений, темпов роста и темпов прироста. На третьем этапе выявлены ключевые проблемные зоны отрасли: износ промыслового флота, высокая стоимость логистики, нестабильность сырьевой базы, недостаточная глубина переработки, кадровый дефицит и ограниченная

цифровизация производственных процессов. На четвертом этапе проведено экспертно-аналитическое сопоставление выявленных проблем со стратегическими направлениями их решения.

Для оценки силы связи между проблемами отрасли и предлагаемыми стратегическими решениями использовалась экспертно-аналитическая шкала от 0 до 1, где значение от 0,00 до 0,30 отражает слабую связь, от 0,31 до 0,60 умеренную связь, от 0,61 до 0,80 высокую связь, от 0,81 до 1,00 очень высокую связь. Полученные коэффициенты не рассматриваются как результат математико-статистического корреляционного анализа, поскольку временной ряд за 2021—2025 гг. является ограниченным для постро-

ения статистически устойчивой корреляционной модели. Их назначение состоит в ранжировании стратегических направлений по степени их прикладной значимости для устранения выявленных отраслевых ограничений.

Результаты исследования. Калининградский рыбохозяйственный комплекс следует рассматривать не как совокупность отдельных предприятий добычи и переработки, а как региональную отраслевую систему, устойчивость которой зависит от сбалансированности пяти направлений: промышленного, перерабатывающего, инфраструктурно-логистического и институционально-инвестиционного и аквакультуры. Данные направления более подробно представлены на рисунке.

Рис. Стратегические направления развития калининградского рыбохозяйственного комплекса (сост. автором)

Поэтому стратегия развития отрасли не может ограничиваться наращиванием вылова: она должна обеспечивать технологическое обновление судов, повышение глубины переработки, развитие марикультуры и пресноводной аквакультуры, создание устойчивых каналов снабжения сырьем, расширение поставок на внутренний рынок и цифровой контроль производственно-логистических цепочек.

Действующая стратегическая рамка развития отрасли формируется на федеральном и региональном уровнях. На федеральном уровне базовым документом выступает Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 26 ноября 2019 г. № 2798-р). Росрыболовство указывает, что данный документ направлен на обновление производственных фондов, отход от сырьевой направленности экспорта, создание условий для инвестиций и повышение конкурентоспособности рыбной продукции.

Ключевые проблемы, ограничивающие развитие калининградского рыбохозяйственного комплекса, имеют системный характер:

1. Износ промышленного флота и технологическая зависимость от импортного оборудования, поскольку без обновления судов, холодильных мощностей, навигационных систем, перерабатывающих линий и сервисной базы невозможно обеспечить стабильный вылов, снизить производственные потери и повысить качество сырья.

2. Эксклавное положение региона, при котором доставка рыбной продукции на основную территорию России зависит от морской и мультимодальной логистики, а любые изменения транспортных условий сразу отражаются на себестоимости, сроках поставки и конкурентоспособности готовой продукции.

3. Недостаточная сбалансированность сырьевой базы, поскольку предприятия переработки нуждаются в стабильном поступлении рыбы, тогда как доступ к промысловым районам, сезонность добычи и ценовая конъюнктура осложняют загрузку мощностей.

4. Кадровый дефицит, поскольку модернизация отрасли требует судоводителей, механиков, технологов переработки, специалистов по аквакультуре, инженеров холодильного оборудования и операторов цифровых систем.

5. Ограниченная глубина цифровизации производственных процессов, поскольку часть предприятий по-прежнему использует разрозненные системы учета, что снижает прозрачность запасов, затрудняет планирование логистики и не позволяет полноценно управлять себестоимостью по всей цепочке от вылова до реализации.

Далее будут предложены решения ключевых проблем калининградского рыбохозяйственного комплекса.

Перспективные направления модернизации промысла должны быть связаны с обновлением малотоннажного и среднетоннажного флота для Балтийского моря,

внедрением энергоэффективных двигателей, современного навигационного оборудования, систем контроля качества сырья на борту, холодильных установок и механизмов первичной обработки улова.

Для Калининградской области это направление имеет не только производственное, но и социально-экономическое значение, поскольку прибрежный промысел поддерживает занятость в приморских муниципалитетах, обеспечивает локальную сырьевую базу для переработки и снижает зависимость предприятий от внешних поставок.

Модернизация промысла должна сопровождаться развитием сервисной инфраструктуры, включающей ремонт судов, снабжение, хранение, ледогенерацию, перегрузку, ветеринарный контроль и цифровое оформление документов, поскольку обновленный флот без берегового обслуживания не обеспечивает необходимого экономического эффекта.

Модернизация переработки должна быть направлена на увеличение доли продукции с высокой добавленной стоимостью: филе, пресервов, консервов, охлажденной и замороженной продукции в потребительской упаковке, полуфабрикатов, продукции для общественного питания и социального питания. Для региона это принципиально, поскольку сырьевая модель делает предприятия зависимыми от колебаний закупочных цен, тогда как глубокая переработка позволяет удерживать маржу внутри региона, расширять ассортимент и выходить в более устойчивые сегменты внутреннего рынка.

В условиях роста издержек предприятиям необходимо переходить к технологическим линиям, обеспечивающим снижение отходов, использование вторичного рыбного сырья, производство кормовой, пищевой и биологически ценной продукции, а также внедрение стандартов прослеживаемости, которые повышают доверие торговых сетей и конечных потребителей.

Аквакультура должна рассматриваться как самостоятельное стратегическое направление, поскольку она снижает зависимость отрасли от ограничений промысла и позволяет формировать прогнозируемый объем товарной рыбы. Для Калининградской области перспективны индустриальные установки замкнутого водоснабжения, выращивание лососевых и осетровых видов, развитие прудового рыбоводства, марикультуры в подходящих участках прибрежной зоны, а также формирование региональной кормовой базы. Сообщения региональных властей о проектах выращивания лосося и осетра подтверждают, что аквакультура включается в практическую повестку развития отрасли, а не остается только программным ориентиром.

Однако для устойчивого роста аквакультуры необходимы биотехнологическое сопровождение, ветеринарный контроль, доступные корма, локальные инкубационные мощности, подготовка специалистов и упрощение процедур предоставления рыбоводных участков.

Инфраструктурные решения должны включать развитие рыбных портовых мощностей, холодильных складов, логистических терминалов, лабораторий контроля качества, площадок для сервисного обслуживания флота и транспортных узлов, связывающих переработчиков с внутренним российским рынком. В Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса до 2030 г. отдельно выделяется значение инфраструктуры морских терминалов и комплексного обслуживания судов рыбопромыслового

флота, что подтверждает необходимость рассматривать береговую инфраструктуру как часть производственного цикла, а не как вспомогательный элемент.

Для Калининградской области это особенно важно, поскольку каждая задержка в перегрузке, хранении или транспортировке рыбы ведет к росту себестоимости и снижению качества продукции, а значит, уменьшает конкурентоспособность региональных предприятий по сравнению с производителями, расположенными ближе к крупным рынкам сбыта.

Инвестиционные решения должны быть ориентированы на проекты, которые одновременно повышают выпуск продукции, снижают зависимость от импорта и создают долгосрочные производственные эффекты.

К ним относятся строительство и модернизация судов, холодильных мощностей, линий глубокой переработки, рыбоводных комплексов, кормовых производств, лабораторий качества и цифровых платформ учета. Федеральное финансирование отрасли в 2024 г. превысило 32,4 млрд руб., тогда как в 2015 г. составляло около 16,1 млрд руб.; расходы включали субсидии, бюджетные инвестиции, строительство и реконструкцию объектов рыбохозяйственного комплекса. Для Калининградской области инвестиционная политика должна учитывать режим особой экономической зоны, поскольку налоговые и таможенные преимущества могут использоваться для локализации оборудования, создания сервисных центров, модернизации переработки и привлечения частного капитала в аквакультуру.

Цифровизация отрасли должна обеспечивать не формальное внедрение программного обеспечения, а управляемость всей производственной цепочки. На уровне промысла она предполагает электронный учет вылова, мониторинг судов, планирование рейсов, контроль расхода топлива и состояния оборудования. На уровне переработки необходимы системы производственного планирования, учет партий сырья, контроль выхода готовой продукции, управление складскими остатками и расчет себестоимости.

На уровне логистики цифровые решения должны обеспечивать прослеживаемость продукции, автоматизацию ветеринарных и сопроводительных документов, прогнозирование спроса, планирование поставок и интеграцию с торговыми сетями. Для региона с эксклавным положением цифровизация имеет повышенную значимость, поскольку она позволяет заранее выявлять сбои в транспортных цепочках, формировать оптимальные маршруты и снижать потери от простоев.

Далее мы определим какие из выше перечисленных направлений имеют первостепенное значение в стратегии развития калининградского рыбохозяйственного комплекса. Для этого обратимся к табл. 1 и 2.

Таблица 1
**Динамика ключевых показателей
рыбохозяйственного комплекса
Калининградской области в 2023—2025 гг.**

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Вылов / добыча водных биологических ресурсов, тыс. т	245,5	204,5	210,6	182,0	205,5
Переработка рыбы, тыс. т	342,1	281,5	298,8	288,0	318,0
Аквакультура, т	57	109	187	264	178

Данные табл. 1 свидетельствуют о неустойчивой динамике развития калининградского рыбохозяйственного комплекса в 2021–2025 гг. За рассматриваемый период вылов водных биоресурсов сократился с 245,5 до 205,5 тыс. т, т. е. на 40,0 тыс. т, или на 16,3 %. Объем переработки рыбы снизился с 342,1 до 318,0 тыс. т, что составляет сокращение на 24,1 тыс. т, или на 7,0 %. При этом аквакультура продемонстрировала общий рост

с 57 до 178 т, т. е. на 121 т, или в 3,1 раза. Следовательно, наиболее уязвимыми направлениями остаются добыча и переработка, тогда как аквакультура имеет выраженный потенциал расширения, несмотря на снижение ее объема в 2025 г. по сравнению с 2024 г.

Для повышения доказательности анализа динамика основных показателей была дополнена расчетом абсолютных изменений, темпов роста и темпов прироста.

Таблица 2

**Динамические изменения ключевых показателей
рыбохозяйственного комплекса Калининградской области в 2021–2025 гг.**

Показатель		2022 к 2021	2023 к 2022	2024 к 2023	2025 к 2024	2025 к 2021
Вылов / добыча водных биологических ресурсов	абсолютное изменение, тыс. т	–41,0	+6,1	–28,6	+23,5	–40,0
	темп роста, %	83,3	103,0	86,4	112,9	83,7
	темп прироста, %	–16,7	+3,0	–13,6	+12,9	–16,3
Переработка рыбы	абсолютное изменение, тыс. т	–60,6	+17,3	–10,8	+30,0	–24,1
	темп роста, %	82,3	106,1	96,4	110,4	93,0
	темп прироста, %	–17,7	+6,1	–3,6	+10,4	–7,0
Аквакультура	абсолютное изменение, т	+52	+78	+77	–86	+121
	темп роста, %	191,2	171,6	141,2	67,4	312,3
	темп прироста, %	+91,2	+71,6	+41,2	–32,6	+212,3

Анализ показывает, что в 2022 г. произошло наиболее резкое ухудшение по двум базовым направлениям: вылов сократился на 16,7 %, а переработка на 17,7 %. В 2023 г. наблюдалось частичное восстановление, однако в 2024 г. спад вылова повторился и составил 13,6 %. В 2025 г. динамика вновь стала положительной: вылов увеличился на 12,9 %, переработка на 10,4 %. Наиболее высокий общий прирост за период показала аквакультура, объем которой в 2025 г. превысил уровень 2021 г. на 212,3 %, что подтверждает вывод о необходимости смещения стратегического акцента от простого наращивания промысла к диверсификации сырьевой базы, развитию аквакультуры, глубокой переработки и инфраструктурного обеспечения отрасли.

На основе проведенного анализа динамики вылова, переработки и аквакультуры, а также с учетом выявлен-

ных в научной литературе и стратегических документах ограничений развития отрасли была сформирована экспертно-аналитическая матрица взаимосвязи проблем калининградского рыбохозяйственного комплекса и стратегических направлений их решения. Представленные в матрице коэффициенты не являются коэффициентами статистической корреляции и не претендуют на проверку статистической значимости. Они отражают экспертную оценку степени влияния конкретного стратегического решения на устранение соответствующей проблемы отрасли по шкале от 0 до 1. Указанный подход позволяет избежать некорректного применения корреляционного анализа к ограниченному временному ряду и одновременно сохранить количественную форму ранжирования приоритетов развития.

Таблица 3

**Экспертно-аналитическая матрица взаимосвязи проблем
калининградского рыбохозяйственного комплекса и стратегических направлений их решения**

Проблема отрасли	Предложенное стратегическое решение	Ожидаемый эффект	Коэффициент связи
Износ промыслового флота	Обновление мало- и среднетоннажного флота	Рост стабильности вылова, снижение потерь сырья	0,92
Высокая стоимость логистики	Развитие портовой, холодильной и транспортной инфраструктуры	Снижение себестоимости и сроков поставки	0,87
Нестабильность сырьевой базы	Развитие аквакультуры	Формирование прогнозируемого объема товарной рыбы	0,84
Низкая глубина переработки	Модернизация перерабатывающих мощностей	Рост добавленной стоимости и ассортимента продукции	0,89
Недостаточная цифровизация	Внедрение систем учета, прослеживаемости и планирования	Повышение управляемости производственно-логистической цепочки	0,81
Кадровый дефицит	Подготовка специалистов для флота, переработки и аквакультуры	Снижение рисков технологического обновления	0,76

Данные табл. 3 показывают, что наиболее высокий приоритет имеет обновление промыслового флота, поскольку износ судов прямо влияет на стабильность вылова, качество сырья, производственные потери и возможность регу-

лярного снабжения перерабатывающих предприятий. Вторым по значимости направлением выступает модернизация перерабатывающих мощностей, т. к. переход к продукции с высокой добавленной стоимостью позволяет повысить

маржинальность производства, расширить ассортимент и снизить зависимость предприятий от сырьевой модели развития. Высокие значения также получили развитие портовой, холодильной и транспортной инфраструктуры, а также аквакультура, что подтверждает необходимость комплексного подхода к развитию отрасли. Следовательно, приоритетными направлениями являются не отдельные меры поддержки, а согласованное развитие промысла, переработки, инфраструктуры, аквакультуры, кадрового обеспечения и цифрового управления.

Стратегические меры, направленные на укрепление продовольственной безопасности и развитие регионального рыбного рынка, должны включать не только поддержку предприятий, но и формирование устойчивого спроса на качественную местную продукцию:

1. Необходимо расширять поставки рыбной продукции в социальное питание, включая школы, больницы и учреждения социальной сферы, поскольку это создает гарантированный спрос и повышает доступность рыбы для населения.
2. Следует развивать региональный бренд калининградской рыбной продукции, который должен опираться не на рекламную маркировку, а на подтвержденное происхождение, качество, безопасность и прослеживаемость.
3. Требуется поддерживать малые и средние предприятия переработки, поскольку они способны быстрее адаптировать ассортимент под локальный спрос и развивать нишевые продукты.
4. Необходимо стимулировать сотрудничество рыбопромысловых, рыболовных и перерабатывающих предприятий с научными организациями, поскольку без технологических решений в области кормов, селекции, хранения, упаковки и переработки невозможно обеспечить устойчивый рост отрасли.

В результате современная стратегия развития калининградского рыбохозяйственного комплекса должна быть основана на сочетании производственной модернизации, инфраструктурного развития и институциональной поддержки, поскольку только комплексное воздействие на промысел, переработку, аквакультуру, логистику и сбыт способно компенсировать ограничения эксклавного положения региона. Приоритет должен смещаться от простого наращивания объемов добычи к повышению устойчивости всей цепочки создания стоимости, где вылов, выращивание, переработка, хранение, транспортировка и продажа продукции подчинены единой цели: обеспечить региональный рынок доступной рыбной продукцией, увеличить вклад отрасли в экономику Калининградской области и укрепить продовольственную безопасность России.

Международный опыт развития рыбохозяйственных комплексов показывает, что устойчивость отрасли достигается не только за счет роста вылова, но и за счет повышения управляемости всей цепочки создания стоимости. В странах Европейского Союза особое внимание уделяется прослеживаемости происхождения рыбной продукции, контролю легальности вылова, цифровому сопровождению поставок и соблюдению требований безопасности пищевой продукции. Для Калининградской области данный опыт особенно важен, поскольку эксклавное положение региона усиливает значение прозрачной логистики, электронного документооборота, контроля партий сырья и готовой продукции.

Опыт Норвегии и Исландии показывает, что конкурентоспособность рыбной отрасли формируется за счет сочетания современного флота, глубокой переработки,

холодильной инфраструктуры, научного сопровождения промысла и тесной связи бизнеса с исследовательскими организациями. В Китае и ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона значительное внимание уделяется индустриальной аквакультуре, созданию кормовой базы, технологическому контролю выращивания и масштабированию производственных площадок. Для Калининградской области применимыми элементами зарубежного опыта являются развитие цифровой прослеживаемости продукции, поддержка аквакультуры, модернизация портово-холодильной инфраструктуры, повышение глубины переработки и формирование устойчивых каналов поставки на внутренний рынок.

Сравнение зарубежной практики с условиями Калининградской области позволяет сделать вывод, что региону целесообразно использовать не копирование иностранных моделей, а адаптацию отдельных управленческих и технологических решений. Применимыми являются цифровой контроль движения рыбной продукции, интеграция промысла и переработки, развитие аквакультуры как дополнительной сырьевой базы, поддержка научно-производственных проектов и ориентация на продукцию с высокой добавленной стоимостью.

Выводы

Проведенное исследование позволило установить, что развитие калининградского рыбохозяйственного комплекса должно рассматриваться не как совокупность отдельных мер по поддержке промысла, переработки или аквакультуры, а как формирование единой региональной цепочки создания добавленной стоимости. Анализ динамики ключевых показателей за 2021—2025 гг. показал, что вылов водных биоресурсов за рассматриваемый период сократился на 16,3 %, переработка рыбы на 7,0 %, тогда как аквакультура выросла в 3,1 раза, что подтверждает необходимость перехода от преимущественно промысловой модели развития к более диверсифицированной модели, основанной на глубокой переработке, расширении аквакультуры, развитии инфраструктуры, цифровизации учета и укреплении внутреннего рынка рыбной продукции.

Научный результат исследования состоит в разработке авторской модели стратегического развития калининградского рыбохозяйственного комплекса, включающей промысловый, перерабатывающий, инфраструктурно-логистический и институционально-инвестиционный блоки. В статье также предложена экспертно-аналитическая матрица взаимосвязи отраслевых проблем и стратегических решений, позволяющая определить приоритетность мер по степени их влияния на устойчивость отрасли.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения предложенных решений при разработке региональных программ, инвестиционных проектов и управленческих решений в сфере рыбного хозяйства Калининградской области. При этом реализация стратегии должна учитывать финансовые ограничения, кадровый дефицит, технологическую зависимость, длительные сроки окупаемости инфраструктурных проектов и риски, связанные с эксклавым положением региона. Поэтому развитие отрасли требует поэтапного подхода, при котором первоочередное значение имеют цифровизация управления, повышение глубины переработки, стабилизация сырьевой базы и формирование устойчивых каналов поставки рыбной продукции на внутренний рынок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белоусова П. А. Оценка эффективности рыболовства Калининградской области // Балтийский экономический журнал. 2025. № 2(50). С. 126—136.
2. Бильчак В. С., Оглоблин Н. С. Актуальные аспекты потребления рыбной продукции населением эксклавного региона // Балтийский экономический журнал. 2023. № 4(44). С. 65—76.
3. Гегечкори О. Н., Семенихина М. В. Оценка состояния и основные проблемы развития рыбохозяйственного комплекса Калининградской области // Балтийский морской форум : материалы IX Междунар. Балт. мор. форума : в 6 т. Калининград : Калинингр. гос. техн. ун-т, 2022. Т. 1 : Инновации в науке, образовании и предпринимательстве : XIX Междунар. науч. конф. С. 472—480.
4. Ежелый С. М. Отраслевое развитие аквакультуры в Калининградской области // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 31—45.
5. Колончин К. В. Рыбохозяйственный комплекс России: состояние, проблемы и пути их решения // Вопросы рыболовства. 2026. Т. 27. № 1. С. 5—38. DOI: 10.36038/0234-2774-2026-27-1-5-38.
6. Митин С. Г., Серегин С. Н., Колмаков А. Н., Сысоев Г. В. Пути преодоления проблем роста производства аквакультуры в России // Рыбное хозяйство. 2025. № 1. С. 63—71. DOI: 10.36038/0131-6184-2025-1-63-71.
7. Мнацаканян А. Г., Побегайло М. Г. Развитие рыбного хозяйства Калининградского региона в аспекте обеспечения продовольственной безопасности // Балтийский экономический журнал. 2022. № 3(39). С. 31—42.
8. Мнацаканян А. Г., Харин А. Г. Исследование доступности рыбопродуктов в Калининградской области: ценовой аспект // Вестник Керченского государственного морского технологического университета. 2023. № 1. С. 173—184. DOI: 10.26296/2619-0605.2023.1.1.017.
9. Оруджев Т. К. Пути инновационного развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации // KANT. 2026. № 1(58). С. 269—276. DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.37.
10. Рудашевский В. Д., Мухамедова Т. О., Павлова А. О. Анализ программ развития рыбохозяйственного комплекса России в новой экономике // Труды ВНИРО. 2022. Т. 190. № 4. С. 143—153. DOI: 10.36038/2307-3497-2022-190-143-153.
11. Салтыков М. А., Фисенко А. И. Рыбохозяйственный комплекс России: нарративный анализ тенденций и стратегические задачи развития производства и потребления продукции // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2023. № 3. С. 69—81. DOI: 10.24143/2073-5537-2023-3-69-81.
12. Самсонов А. В. Экономическая устойчивость агропромышленного комплекса в условиях санкционного режима: региональный анализ на примере Калининградской области // Балтийский экономический журнал. 2025. № 2(50). С. 91—104.
13. Сапон А. С. Оценка эффективности функционирования калининградского рыбохозяйственного комплекса эксклавного региона России // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 160—167. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1563.
14. Сергеев Л. И., Самсонов А. В. Тенденции развития рыбохозяйственного комплекса и потребления рыбной продукции в стране // Труды ВНИРО. 2024. Т. 197. № 3. С. 152—164. DOI: 10.36038/2307-3497-2024-197-152-164.
15. Сергеев Л. И., Самсонов А. В. Исследование финансово-экономического положения предприятий рыбохозяйственного комплекса Калининградской области в условиях санкционных ограничений, сравнительный анализ // Рыбохозяйственный комплекс России: 300 лет российской академической науке : II Междунар. науч.-практ. конф. М. : ВНИРО, 2024. С. 699—705.
16. Шалапина М. А., Саенко Д. В. Кросс-кластерные эффекты взаимодействия рыбного хозяйства и агропищевого сектора: вклад в продовольственную безопасность Калининградской области // Сервис в России и за рубежом. 2025. Т. 19. № 3. С. 133—150. DOI: 10.5281/zenodo.17852551.
17. Rosciszewski-Dodgson M. J., Cirella G. T. Fishery stock dynamics in the Baltic Sea: The dichotomy between total allowable catch limits and spawning stock biomass // Fisheries & Aquatic Life. 2024. Vol. 32. Iss. 3. Pp. 137—154. DOI: 10.2478/aopf-2024-0013.
18. Technology-driven reduction of fish post-harvest loss could enhance food security and economic resilience / H. Wu, J. Zhang, H. Zhu et al. // Communications Sustainability. 2026. Vol. 1. Art. 45. DOI: 10.1038/s44458-026-00048-4.
19. Cromwell J., Turkson C., Dora M., Amofa Yamoah F. Digital Technologies for Traceability and Transparency in the Global Fish Supply Chains: A Systematic Review and Future Directions // Marine Policy. 2025. Vol. 178. Art. 106700. DOI: 10.1016/j.marpol.2025.106700.

REFERENCES

1. Belousova P. A. Evaluation of the efficiency of fisheries in the Kaliningrad region. *Baltiiskii ekonomicheskii zhurnal = Baltic Economic Journal*. 2025;2(50):126—136. (In Russ.)
2. Bilchak V. S., Ogloblin N. S. Current aspects of the consumption of fish products by the population of the exclave region. *Baltiiskii ekonomicheskii zhurnal = Baltic Economic Journal*. 2023;4(44):65—76. (In Russ.)
3. Gegechkori O. N., Semikhina M. V. Condition assessment and main challenges fisheries complex Kaliningrad region. *Baltic Maritime Forum. Proceedings of the IX International Baltic Maritime Forum*. Kaliningrad, Kaliningrad State Technical University publ., 2022;1:472—480. (In Russ.)
4. Ezheliy S. M. Sectoral development of aquaculture in the Kaliningrad region. *Baltiiskii ekonomicheskii zhurnal = Baltic Economic Journal*. 2025;1(49):31—45. (In Russ.)
5. Kolonchin K. V. The fishery industry in the Russia: the current state, problems and their solutions. *Voprosy rybolovstva = Problems of Fisheries*. 2026;27(1):5-38. (In Russ.) DOI: 10.36038/0234-2774-2026-27-1-5-38.

6. Mitin S. G., Seregin S. N., Kolmakov A. N., Sysoev G. V. Ways to overcome the problems of aquaculture production growth in Russia. *Rybnoe khozyaistvo = Fisheries*. 2025;1:63—71. (In Russ.) DOI: 10.36038/0131-6184-2025-1-63-71.
7. Mnatsakanyan A. G., Pobegaylo M. G. Development of the fishing industry of the Kaliningrad of the region in the aspect of providing food security. *Baltiiskii ekonomicheskii zhurnal = Baltic Economic Journal*. 2022;3(39):31—42. (In Russ.)
8. Mnatsakanyan A. G., Kharin A. G. A study of the price availability of fish products in the Kaliningrad region. *Vestnik Kerchenskogo gosudarstvennogo morskogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Kerch State Marine Technological University*. 2023;1:173—184. (In Russ.) DOI: 10.26296/2619-0605.2023.1.1.017.
9. Orujev T. K. Ways of innovative development of the fisheries complex of the Russian Federation. *KANT*. 2026;1(58):269—276. (In Russ.) DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.37.
10. Rudashevsky V. D., Mukhamedova T. O., Pavlova A. O. Analysis of programs for the development of the Russian fisheries complex in the new economy. *Trudy VNIRO*. 2022;190(4):143—153. (In Russ.) DOI: 10.36038/2307-3497-2022-190-143-153.
11. Saltykov M., Fisenko A. The fisheries complex of Russia: a narrative analysis of trends and strategic goals for the development of products manufacturing and consumption. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2023;3:69—81. (In Russ.) DOI: 10.24143/2073-5537-2023-3-69-81.
12. Samsonov A. V. Economic sustainability of the agro-industrial complex under the sanction's regime: a regional analysis using the Kaliningrad Region as an example. *Baltiiskii ekonomicheskii zhurnal = Baltic Economic Journal*. 2025;2(50):91—104. (In Russ.)
13. Sapon A. S. Efficiency assessment of the Kaliningrad fishery complex in the exclave region of Russia. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):160—167. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1563.
14. Sergeev L. I., Samsonov A. V. Trends in the development of the fisheries complex and consumption of fish products in the country. *Trudy VNIRO*. 2024;197(3):152—164. (In Russ.) DOI: 10.36038/2307-3497-2024-197-152-164.
15. Sergeev L. I., Samsonov A. V. A study of the financial and economic situation of enterprises of the fishery complex of the Kaliningrad Region under sanctions restrictions: a comparative analysis. *Rybokhozyaistvennyi kompleks Rossii: 300 let Rossiiskoi akademicheskoi nauke = Fishery complex of Russia: 300 years of Russian Academic Science. II International scientific and practical conference*. Moscow, Russian Federal Research Institute of Fisheries and Oceanography publ., 2024:699—705. (In Russ.)
16. Shalyapina M. A., Saenko D. V. Cross-cluster effects of interaction between fisheries and agro-food sector: contribution to food security in the Kaliningrad Region. *Servis v Rossii i za rubezhom = Services in Russia and Abroad*. 2025;19(3):133—150. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.17852551.
17. Rosciszewski-Dodgson M. J., Cirella G. T. Fishery stock dynamics in the Baltic Sea: The dichotomy between total allowable catch limits and spawning stock biomass. *Fisheries & Aquatic Life*. 2024;32(3):137—154. DOI: 10.2478/aopf-2024-0013.
18. Wu H., Zhang J., Zhu H. et al. Technology-driven reduction of fish post-harvest loss could enhance food security and economic resilience. *Communications Sustainability*. 2026;1:45. DOI: 10.1038/s44458-026-00048-4.
19. Cromwell J., Turkson C., Dora M., Amofa Yamoah F. Digital Technologies for Traceability and Transparency in the Global Fish Supply Chains: A Systematic Review and Future Directions. *Marine Policy*. 2025;178:106700. DOI: 10.1016/j.marpol.2025.106700.

Статья поступила в редакцию 16.05.2026; одобрена после рецензирования 14.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.
The article was submitted 16.05.2026; approved after reviewing 14.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

5.1. ПРАВО

5.1. LAW

Научная статья

УДК 342.924

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1744

Alexander Yegorovich Epifanov

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher
of the Department for the Study of Historical Problems
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
of the Research Center of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation,
mvd_djaty@mail.ru

Александр Егорович Епифанов

д-р юрид. наук, профессор,
главный научный сотрудник
отдела по изучению проблем истории МВД России
Научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
Москва, Российская Федерация
mvd_djaty@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ РЕЖИМА ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЫ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, объектом которого выступают функциональные характеристики режима прифронтовой полосы в период Великой Отечественной войны (ВОВ) и институционально-организационные основы комплекса мер, реализуемых в субъектах Российской Федерации, сопредельных с зоной проведения специальной военной операции на территории Украины (СВО). В рамках настоящего исследования режим прифронтовой полосы рассматривается как самостоятельный историко-правовой институт со специфическими функциональными характеристиками. С использованием сравнительно-правового метода изучено административно-правовое регулирование прифронтовой полосы в период ВОВ и приграничных с зоной СВО территорий. Также с использованием формально-юридического подхода и историко-правового метода проведен анализ архивных материалов и современной правоприменительной практики по теме исследования.

В условиях военного положения ВОВ становление прифронтового режима выступало нормативным фундаментом для обеспечения комплекса задач по защите гражданского населения, сохранения государственного имущества, нейтрализации диверсионно-разведывательных формирований противника, охраны войскового тыла, организации иде-

ологической борьбы. Таким образом, режим прифронтовой полосы исторически выполнял не только военные задачи, но и социально-экономические и идеологические функции. С учетом современных особенностей способов ведения вооруженной борьбы в зоне СВО, организация защиты приграничных территорий осуществляется в целях безопасности населения и повышения эффективности обеспечения группировок войск всем необходимым. В условиях четырехуровневой системы реагирования функциональный аналог режима прифронтовой полосы на приграничных территориях обеспечивается за счет применения адаптивных механизмов межведомственной координации.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости дискуссионного обсуждения законодательного закрепления особого правового статуса приграничных с зоной СВО территорий и четырехуровневой системы реагирования

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, Великая Отечественная война, военное положение, глубокий тыл, государство, особый экономико-правовой режим, режим прифронтовой полосы, региональное управление, специальная военная операция, приграничные территории, четырехуровневая система реагирования

Для цитирования: Епифанов А. Е. К вопросу о функциональных характеристиках режима прифронтовой полосы (историко-правовой аспект) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 155—160. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1744.

Original article

ON THE FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF THE FRONTLINE REGIME (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. The author presents the research findings, the object of which is the functional characteristics of the frontline regime during the Great Patriotic War (GPW), and the in-

stitutional and organizational framework for the set of measures implemented in the constituent entities of the Russian Federation bordering the Special Military Operation (SMO) zone.

© Епифанов А. Е., 2026

© Epifanov A. Y., 2026

In the context of the present research, the frontline regime is conceptualized as a discrete historical-legal institute characterized by its distinct functional attributes. Using the comparative legal method, the study examines the administrative and legal regulation of the frontline zone during the GPW and the territories bordering the SMO area. Additionally, employing a formal-legal approach and historical-legal method, an analysis of archival materials and modern law enforcement practice regarding the research topic was conducted.

Under the conditions of martial law during the GPW, the establishment of the frontline regime served as a normative foundation for ensuring a set of tasks aimed at protecting the civilian population, preserving state property, neutralizing enemy sabotage and reconnaissance formations, securing the military rear, and organizing ideological struggle. Thus, historically, the frontline regime performed not only military func-

tions but also socio-economic and ideological ones. Taking into account the contemporary specifics of warfare methods in the SMO zone, the organization of protection for border areas is carried out to ensure public safety and enhance the efficiency of providing logistical support to force groupings. Within the four-tiered response system, the functional equivalent of the frontline regime in border territories is achieved through the application of adaptive mechanisms for inter-agency coordination.

As a result of the conducted research, the author concludes that there is a need for a scholarly discussion on the legislative consolidation of the special legal status of territories bordering the SMO zone and the four-tiered response system.

Keywords: *unmanned aerial systems, Great Patriotic War, martial law, deep rear, state, special economic and legal regime, frontline regime, regional administration, Special Military Operation, border areas, four-tier response system*

For citation: Epifanov A. Y. On the functional characteristics of the frontline regime (historical and legal aspects). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):155—160. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1744.

Введение

Актуальность исследования обусловлена потребностью в концептуализации и доктринальном осмыслении возможных направлений поиска оптимальных направлений совершенствования чрезвычайного законодательства в целях защиты государственного суверенитета. В контексте современных геополитических вызовов и трансформации характера вооруженных конфликтов изучение правового опыта функционирования прифронтовых территорий во время Великой Отечественной войны (далее — ВОВ) приобретает значение институционального фундамента для совершенствования управленческого механизма на территориях, сопредельных с зоной проведения специальной военной операции на территории Украины (далее — СВО).

Целесообразность разработки темы. Формирование и функционирование в период ВОВ чрезвычайных органов государственной власти обеспечило управленческому механизму несомненную мобильность как в прифронтовой полосе и тыловых районах, так и в масштабах всей страны, сыграв заметную роль в мобилизации ресурсов на борьбу с фашистскими захватчиками. Указанные обстоятельства обосновывают необходимость выделения административно-правового режима прифронтовой полосы в самостоятельный предмет изучения, выходя за рамки традиционного анализа института военного положения. Кроме того, научный дискурс ранее предложенных доктринальных предложений применительно к статусу приграничных с зоной проведения СВО территорий и формированию четырехуровневой системы реагирования формирует методологический базис для последующего правотворчества.

Изученность проблемы. Проблематика компетенции органов государственного управления в условиях военного времени, а также специфика административно-правового регулирования территорий прифронтовой полосы в исторической ретроспективе получила освещение в трудах ряда отечественных правоведов и историков. Например, С. К. Агарзаев [1] поднял вопрос о многоуровневости структуры особого правового режима военного положения, А. А. Дерюгин [2] и А. А. Нисин [3] выделили характерные черты правовых режимов военного времени периода ВОВ. Наглядный пример механизма трансформации административно-правового режима прифронтовой полосы приведен в работе А. А. Солнышкина [4] и др. В свою очередь вопро-

сы правового регулирования территорий, непосредственно прилегающих к зоне СВО, в отечественной юридической науке находятся на начальном этапе концептуализации. Так, значительный вклад в развитие современных правовых режимов СВО вносят разработки В. А. Винокурова [5], касающиеся доктринальной интерпретации правовых категорий «уровней реагирования», в содержание которых инкорпорированы механизмы особого положения. В работах А. Г. Березниковой [6; 7] сформированы понятийный аппарат и теоретические основы «особого экономико-правового режима». В. В. Огнева и Т. С. Болховитина [8], Е. В. и М. Н. Реутовы, А. А. Гармашев, О. Н. Полухин [9] в своих работах подняли актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности в приграничных с зоной СВО территориях. Однако, несмотря на наличие значительного массива работ по смежной проблематике, режим прифронтовой полосы как самостоятельный историко-правовой институт со специфическими функциональными характеристиками остается недостаточно изученным. Тем не менее концептуализация правового статуса современного российского приграничья представляется невозможной без глубокого анализа исторического опыта периода ВОВ, свидетельствующего о тотальной мобилизации ресурсов государства и общества.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что впервые в отечественной историко-правовой науке режим прифронтовой полосы подлежит самостоятельному анализу не только в контексте военного положения, а с позиции выявления сущностных функциональных характеристик, формирующих институциональные признаки особого правового режима. Также автором исследования проведена концептуальная интеграция исторического опыта ВОВ и современного административного права, в связи с чем предлагается к научному обсуждению необходимость перехода от жестких правоограничительных рамок к гибким инструментам реагирования, с учетом современных особенностей трансформации понятия «глубокий тыл».

Цель исследования заключается в выявлении функциональных характеристик прифронтовой полосы, механизмов управления на приграничных с зоной СВО территориях, а также обсуждение возможных направлений совершенствования чрезвычайного законодательства.

Для достижения цели работы решались следующие **задачи**: выявление сущностных функциональных характеристик режима прифронтовой полосы в годы ВОВ и систематизация существующих доктринальных предложений по гармонизации действующего законодательства в сфере регионального управления.

Теоретическая значимость. Настоящее исследование обосновывает необходимость выделения административно-правового режима прифронтовой полосы в самостоятельный предмет изучения, выходя за рамки традиционного анализа института военного положения, что позволит объединить достижения историко-правовых наук с теорией и практикой государственного управления и территориального планирования в кризисных условиях.

Практическая значимость исследования заключается в возможности прямого использования выявленных функциональных характеристик для обсуждения правовых подходов к конструированию современного административно-правового статуса территорий, сопредельных с зоной СВО.

Основная часть

Методология исследования. Методологической основой выступает сравнительно-правовой анализ режима административно-правового регулирования прифронтовой полосы в годы ВОВ и современных публично-правовых подходов к регулированию территорий, приграничных с зоной проведения СВО. Также с использованием формально-юридического подхода и историко-правового метода проведен анализ архивных материалов и современной правоприменительной практики по теме исследования, обобщены актуальные научные данные, касающиеся правового статуса прифронтовой полосы.

Результаты исследования. Становление линии фронта в период ВОВ сопровождалось введением в прифронтовой полосе особого правового режима, территория которого определялась приказами военных советов фронтов, отдельных армий [Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 32880. Оп. 5. Д. 592. Л. 244. Положение о режиме в прифронтовой полосе Действующей Красной Армии]. В пределах территориальных границ прифронтовой полосы запрещалось проживание и доступ гражданского населения, которое подлежало незамедлительной и обязательной эвакуации. Задержка эвакуации из прифронтовой полосы и нахождение гражданских лиц в войсковом тылу рассматривалось как отличное условие для шпионской работы противника. К примеру, в соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 14 октября 1942 г. Военный Совет Брянского фронта постановил провести отселение всего гражданского населения из 25-километровой прифронтовой полосы к 1 ноября 1942 г. Ответственность за полное выселение всего гражданского населения и материальных ценностей в установленный срок была возложена на командующих армий. Практическое осуществление эвакуации населения и материальных ценностей возлагалось на местные органы исполнительной власти. Эвакуация населения производилась в районы, отведенные для этой цели облисполкомками. Все расчеты с отселяемым населением за сданный на месте скот, хлеб, овощи и т. п. и компенсация их на новом месте расселения производились местными органами власти. После 1 ноября 1942 г. проживание в 25-километровой прифронтовой полосе гражданского населения и доступ в неё запрещались. Все гражданские лица, появляющиеся

в прифронтовой полосе, подлежали немедленному аресту и направлялись в Особые отделы и местные органы НКВД. Начальник Управления охраны тыла фронта был обязан тщательно проверять по документам военнослужащих, следующих в одиночном порядке в пределы прифронтовой полосы, а всех подозрительных лиц полагалось задерживать и направлять в органы особых отделов (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 592. Л. 245. Положение о режиме в прифронтовой полосе Действующей Красной Армии).

Обеспечение строжайшего правопорядка в прифронтовой зоне и войсковом тылу Действующей Красной Армии достигалось посредством функционирования института фронтовых и армейских начальников охраны войскового тыла. В их компетенцию входил комплекс мероприятий по стабилизации тылового района: деблокирование путей сообщения от потоков беженцев, фильтрация транспортных коммуникаций с целью выявления дезертиров, оптимизация логистических процессов (регулирование подвоза материальных средств и эвакуации), гарантия бесперебойного функционирования систем военной связи, а также нейтрализация диверсионно-разведывательных формирований противника [10]. Помимо прочего, разрабатывались конкретные мероприятия по созданию подпольных окружкомов, горкомов, райкомов ВЛКСМ и руководству работой комсомольских организаций на территории, оккупированной немецкими захватчиками [11]. Также становление режима прифронтовой полосы сопровождалось вовлечением гражданских лиц и формированием военизированных структур гражданского общества. Население привлекалось к производству оборонительных сооружений, обеспечению внутренней безопасности территории, формированию партизанских отрядов, что обеспечивало устойчивость функционирования тыла в условиях дефицита кадровых военнослужащих, обусловленного военными действиями [12, с. 92]. Однако прифронтовая полоса — это не только территория расположения ближнего военного тыла, требующая поддержания строжайшего порядка для обеспечения военных задач, но и место организации идеологической борьбы. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) разрабатывало планы статей, разъясняющих значение партизанской борьбы народа в деле разгрома немецкой армии, для центральной печати и газет прифронтовой полосы и считало необходимым усилить освещение вопросов партизанского движения, особенно в газетах прифронтовых районов и областей [13, с. 360].

Эмпирические данные свидетельствуют об устойчивой терминологической конвенции в использовании концепта «приграничье» для обозначения территории, граничащей с зоной проведения СВО (Курское, Белгородское приграничье и др.). В. В. Огнева и Т. С. Болховитина полагают, что для защиты территориальной целостности России необходимо принять специальный закон о статусе пограничного региона. По мнению авторов, такой закон должен официально закрепить за такими субъектами особые полномочия и обеспечить их необходимым финансированием и ресурсами [8].

С позиции государственного управления особыми правовыми режимами, теоретическое и практическое значение для рассмотрения влияния современных особенностей ведения вооруженных конфликтов имеет опыт ряда регионов, ограничивших перемещение гражданских лиц в пределах определенных территориальных границ и установивших на граничащих с линией боевого столкновения территориях режим прифронтовой полосы. Тем не менее ряд авторов рассматривает повышение результативности

пограничного контроля как комплексную задачу, выходящую за рамки исключительной компетенции правоохранительных органов. По мнению В. В. Огневой и А. А. Эрендженова, общественный контроль и содействие граждан должны стать неотъемлемым элементом при реализации таких механизмов безопасности, как развитие территориальной обороны [14].

Также ряд исследователей обосновывают концептуализацию обеспечения безопасности как приоритетного вектора стратегического территориального планирования, при котором предполагается четкая дифференциация полномочий и компетенций субъектов публичной власти, привлечением потенциала территориальных органов общественного самоуправления как формы организации населения, формирования целевых финансовых, материальных и человеческого резерва для реагирования на чрезвычайные ситуации [9].

С 1 августа 2024 г. в пределах прифронтовой полосы Херсонской области начал действовать особый режим пребывания гражданского населения, в соответствии с которым лицам, не имеющим прописки на режимной территории, требуется оформление временного удостоверения, срок действия которого составляет 10 дней (<https://khogov.ru/wp-content/uploads/2024/07/67-u-24.pdf>). Согласно действующему законодательству в сфере публичной власти в РФ, режим прифронтовой полосы устанавливается актом высшего должностного лица субъекта Российской Федерации на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов, нормативных актов Президента РФ в рамках полномочий по организации территориальной обороны. Организация и осуществление мероприятий по территориальной обороне отнесены к вопросам местного значения.

С 15 марта 2025 г. в приграничных районах Курской области были введены ограничения на посещение и перемещение гражданских лиц в ряде населенных пунктов и прилегающих к ним зон, включая сельскохозяйственные земли и лесные массивы. Приграничная зона установлена в пределах пятикилометровой полосы местности вдоль государственной границы Российской Федерации. Для въезда на указанную территорию требуется документ, удостоверяющий личность, и индивидуальный или коллективный пропуск. За нарушение режима государственной границы предусмотрена административная ответственность (<https://ria.ru/20250314/ogranichenie-2005064307.html>).

Также характеристикой современного административно-правового статуса приграничных регионов выступает имплементация преференциального режима ведения хозяйственной деятельности в формате свободной экономической зоны [15, с. 72]. Ранее локализованный на отдельных территориях Брянской, Белгородской и Курской областей режим свободной экономической зоны масштабирован в территориальных границах указанных субъектов Российской Федерации (<http://government.ru/docs/59572/>). В теоретико-методологическом плане А. Г. Березникова выделяет два фундаментальных подхода к конструированию экономико-правовых режимов: территориально-специфический (адресный) подход, предполагающий разработку уникального нормативно-правового акта под конкретную территорию посредством принятия специального федерального закона, и унифицированный типовой (рамочный) подход, базирующийся на установлении универсального набора правовых инструментов, доступных для имплементации

различными территориями. При этом по мнению автора сформированных подходов, рамочный подход применяется значительно реже [7]. Кроме того, А. Г. Березникова предлагает концептуальное предложение по систематизации понятийно-категориального аппарата путем введения единой экономико-правовой категории «особый экономико-правовой режим» [6]. Предложенная идея выглядит целесообразной с позиции необходимости дальнейшего совершенствования чрезвычайного законодательства, что уже можно найти в предложениях ученых юристов. В. А. Винокуров предлагает законодательно закрепить четырехуровневую систему реагирования (максимальный, средний, повышенной и базовой готовности) в условиях вооруженных конфликтов и провести унификацию терминологии путем исключения слова «режим» из названий уровней, расширения правового статуса принимающих решения органов за счет исключения узкой формулировки «органы исполнительной власти» в пользу более широкого понятия «органы публичной власти», а также уточнения роли высшего должностного лица субъекта Российской Федерации на основании предложений оперативных штабов [5].

Основные выводы исследования позволяют сформулировать следующие функциональные характеристики режима прифронтовой полосы в период ВОВ: обеспечение безопасности и очистка ближнего тыла от диверсионных групп, поддержание военной мобильности и жизнеспособности войск, тотальная мобилизация всех ресурсов территории, идеологическая пропаганда. Кроме того, практика применения ограничительных мер на территориях, сопредельных с зоной проведения СВО, не предполагающих объявления особого правового положения, свидетельствует об объективной необходимости разработки дифференцированного административно-правового статуса подобных территорий.

Заключение

Функциональные характеристики режима прифронтовой полосы, обеспечивавшие высокую мобильность и адаптивность системы государственного управления в период ВОВ, сохраняют свою институциональную преемственность и актуальность в условиях проведения СВО. Вместе с тем трансформация характера современного вооружения, в частности широкое применение беспилотных летательных аппаратов, привела к трансформации традиционного понятия «глубокий тыл». Указанное обстоятельство обуславливает необходимость формирования гибких подходов к конструированию особых правовых режимов на приграничных с зоной СВО территориях. Данные подходы не только детерминируют направления деятельности местных органов исполнительной власти, но и регламентируют их функциональное взаимодействие с органами государственной власти и военного управления. Иными словами, динамично развивающиеся геополитические, экономические и социальные системы выступают катализатором адаптации национальных правовых механизмов к текущим задачам государственного управления, что выражается в переходе от жестких правоограничительных рамок к локальному применению инструментов реагирования, позволяющих высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации самостоятельно определять перечень необходимых мер исходя из оперативной обстановки и возникающих рисков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агарзаев С. К. Многоуровневость структуры особого правового режима военного положения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5(221). С. 121—124.
2. Дерюгин А. А. Чрезвычайные правовые режимы Великой Отечественной войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Вып. 36. С. 46—49.
3. Нисин А. А. Охрана тыла Красной Армии в условиях осадного положения Москвы во время Великой Отечественной войны // Вестник Военного университета. 2010. № 4(24). С. 101—105.
4. Солнышкин А. А. К вопросу истории расселения жителей прифронтовой полосы Ленинграда из поселков Купчино и Петро-Славянка в 1942 г. // Вестник науки. 2026. № 6(99). Т. 4. Ч. 1. С. 676—682.
5. Винокуров В. А. Военное положение, уровни реагирования, специальная военная операция: понятие и содержание // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7(223). С. 203—207.
6. Березникова А. Г. Понятийный аппарат и классификация особых экономико-правовых режимов в Российской Федерации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18. № 1. С. 18—28.
7. Березникова А. Г. Трансформация подходов к формированию особых экономико-правовых режимов в Российской Федерации // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2026. № 2(115). С. 91—98. DOI: 10.24412/1815-0683-2026-2-91-98.
8. Огнева В. В., Болховитина Т. С. Российское пограничье в условиях специальной военной операции: актуальные аспекты обеспечения национальной безопасности // Via in tempore. История. Политология. 2024. Т. 51. № 4. С. 1035—1043. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1035-1043.
9. Реутов Е. В., Гармашев А. А., Полухин О. Н., Реутова М. Н. Трансформация восприятия проблематики безопасности в приграничном регионе в условиях специальной военной операции // Власть. 2023. Т. 31. № 4. С. 86—94. DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9695.
10. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. М. : Русь, 2000. Т. 2. Кн. 1 : Начало. 22 июня — 31 августа 1941 г. 718 с.
11. Суровая правда войны : сб. док. Курск, 2010. Ч. II : 1942 год на курской земле в документах архивов. 495 с.
12. Епифанов А. Е., Панченко А. В. Механизм обеспечения личной безопасности граждан (конституционно-правовой аспект) : моногр. Волгоград : Нива, 2009. 184 с.
13. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) : док. и материалы : в 3 т. Киев : Наукова думка, 1985. Т. 1 : Украинская ССР в первый период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.). 518 с.
14. Огнева В. В., Эрендженов А. А. Тенденции изменений в реализации политики безопасности регионов российского пограничья в контексте политического кризиса вокруг Украины // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 3—14. DOI: 10.24412/2071-6141-2025-2-3-14.
15. Епифанов А. Е., Симон А. Л. Ограничение прав и свобод человека: сравнительно-правовой анализ норм российской правовой системы и международного права // Концептуальные подходы к совершенствованию российской правовой системы : материалы междунар. науч.-практ. конф. Волгоград : Изд-во Волгогр. ин-та управления — фил. РАНХиГС, 2017. С. 70—74.

REFERENCES

1. Agarzayev S. K. Multi-level structure of the special legal regime of martial law. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2023;5(221):121—124. (In Russ.)
2. Deryugin A. A. Emergency legal regimes of the Great Patriotic War. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2007; 36:46—49. (In Russ.)
3. Nisin A. A. Red Army home front defense under siege of Moscow during World War II. *Vestnik Voenного universiteta*. 2010;4(24):101—105. (In Russ.)
4. Solnyshkin A. A. On the history of resettlement of residents of the frontline zone of Leningrad from the settlements of Kupchino and Petro-Slavyanka in 1942. *Vestnik nauki*. 2026;6(99)-4(1):676—682. (In Russ.)
5. Vinokurov V. A. Martial law, response levels, special military operation: concept and content. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2023;7(223):203—207. (In Russ.)
6. Bereznikova A. G. The conceptual framework and classification of special economic and legal regimes in the Russian Federation. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2026;18(1):18—28. (In Russ.)
7. Bereznikova A. G. Transformation of Approaches to the Formation of Special Economic-legal Regimes in the Russian Federation. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke = Customs policy of Russia in the far East*. 2026;2(115):91—98. (In Russ.) DOI: 10.24412/1815-0683-2026-2-91-98.
8. Ogneva V. V., Bolkhovitina T. S. The Russian Border Area in the Context of the Special Military Operation: Current Aspects of Ensuring National Security. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya = Via in tempore. History and political science*. 2024;51(4):1035—1043. (In Russ.) DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1035-1043.
9. Reutov E. V., Garmashev A. A., Polukhin O. N., Reutova M. N. Transformation of the Perception of Security Problems in the Border Region under the Conditions of a Special Military Operation. *Vlast' = The Authority*. 2023;31(4):86—94. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9695.

10. USSR State Security Agencies in the Great Patriotic War. Collected documents. Moscow, Rus', 2000. Vol. 2. Bk 1 : Beginning. June 22 — August 31, 1941. 718 p. (In Russ.)
11. The Harsh Truth of War. Collected documents. Kursk, 2010. Pt. II : 1942 on Kursk Land in Archival Documents. 495 p. (In Russ.)
12. Epifanov A. E., Panchenko A. V. Mechanism for ensuring personal safety of citizens (constitutional and legal aspect). Monograph. Volgograd, Niva, 2009. 184 p. (In Russ.)
13. Soviet Ukraine during the Great Patriotic War (1941-1945). Documents and Materials. In 3 vols. Kyiv, Naukova Dumka, 1985. Vol. 1 : The Ukrainian SSR in the First Period of the Great Patriotic War (June 22, 1941 – November 18, 1942). 518 p. (In Russ.)
14. Ogneva V. V., Erendzhenov A. A. Trends of changes in the implementation of the security policy of the Russian border regions in the context of the political crisis around Ukraine. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2025;2:3—14. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6141-2025-2-3-14.
15. Epifanov A. E., Simon A. L. Limitation of human rights and freedoms: comparative legal analysis of the norms of the Russian legal system and international law. *Kontseptual'nye podkhody k sovershenstvovaniyu rossiiskoi pravovoi sistemy = Conceptual approaches to improving the Russian legal system. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Volgograd, Volgograd Institute of Management — branch of RANEPA publ., 2017:70—74. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.07.2026; одобрена после рецензирования 29.08.2026; принята к публикации 31.08.2026.
The article was submitted 27.07.2026; approved after reviewing 29.08.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья
УДК 347.469.1:343.2/.7
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1718

Polina Georgievna Gabay
Candidate of Law, attorney,
Chairman of the Board of Founders,
Autonomous Nonprofit Organization
“National Analytical Expert Center for Healthcare”
Moscow, Russian Federation
polina.gabay@kormed.ru

Полина Георгиевна Габай
канд. юрид. наук, адвокат,
председатель Совета учредителей,
АНО «Национальный аналитико-экспертный центр
здравоохранения»
Москва, Российская Федерация
polina.gabay@kormed.ru

МЕДИАЦИЯ В МЕДИЦИНСКИХ СПОРАХ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ ЯТРОГЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОМС, ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. В статье исследуется место института медиации в разрешении конфликтов между пациентами и медицинскими организациями. Актуальность темы обусловлена существенным ростом конфликтности в сфере здравоохранения. Рост споров между пациентами и медицинскими организациями, а также значительное количество уголовных дел против медицинских работников оказывают давление на функционирование судебной системы, способствуют затягиванию процесса рассмотрения дел, усугубляют взаимное недоверие между пациентами и медицинским персоналом, а также способствуют выгоранию медицинских работников и их уходу из профессии. В работе выявлены правовые ограничения применения медиации в России по медицинским спорам, прежде всего в наиболее массовом сегменте — системе обязательного медицинского страхования, и представлен сравнительный анализ зарубежных моделей досудебного урегулирования медицинских споров. Цель исследования состоит в разработке рекомендаций для совершенствования системы урегулирования конфликтов в сфере здравоохранения и сниже-

ния количества ятрогенных преступлений. По итогам исследования сделан вывод, что медиация в здравоохранении может рассматриваться не только как механизм альтернативного разрешения споров, но и как элемент системы предупреждения и профилактики ятрогенной преступности, ориентированный на раннее урегулирование конфликтов между пациентами и медицинскими работниками, а также медицинскими организациями, выявление дефектов медицинской помощи и снижение криминогенной напряженности. Для российской правовой системы наиболее органичным представляется синтез континентальной и азиатской моделей медиации с учетом ряда адаптаций. Разработаны рекомендации по скорейшей интеграции процедуры медиации в систему здравоохранения Российской Федерации.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, уголовно-правовая ответственность, предупреждение преступлений, медиация, досудебное урегулирование споров, конфликты в здравоохранении, качество медицинской помощи, врачебные ошибки, ответственность медицинского работника, альтернативное разрешение споров

Для цитирования: Габай П. Г. Медиация в медицинских спорах как элемент профилактики ятрогенной преступности: правовые условия применения в системе ОМС, зарубежные модели и перспективы // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 161—168. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1718.

Original article

MEDIATION IN MEDICAL DISPUTES AS AN ELEMENT OF PREVENTING IATROGENIC CRIME: LEGAL CONDITIONS FOR ITS APPLICATION WITHIN THE COMPULSORY MEDICAL INSURANCE SYSTEM, FOREIGN MODELS, AND PROSPECTS

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. The article examines the role of the institution of mediation in resolving conflicts between patients and medical organizations. The relevance of the topic stems from the significant rise in conflict intensity in the healthcare sector. The growth of disputes between patients and medical organizations, as well as the considerable number of criminal cases against medical professionals, places substantial pressure on the functioning of the judicial system, contributes to delays in case proceedings, exacerbates mutual distrust between patients and medi-

cal staff, and promotes burnout among medical professionals and their withdrawal from the profession. The study identifies the legal constraints on the use of mediation in medical disputes in Russia, primarily in the largest segment – the compulsory medical insurance system – and provides a comparative analysis of foreign models of pre-trial settlement of medical disputes. The purpose of the study is to develop recommendations for improving the system of conflict resolution in healthcare and reducing the incidence of iatrogenic crimes. The study

concludes that mediation in healthcare may be regarded not only as an alternative dispute resolution mechanism but also as an element of a system for the prevention and deterrence of iatrogenic crime, aimed at the early resolution of conflicts between patients and medical professionals, as well as medical organizations, the identification of deficiencies in medical care, and the reduction of criminogenic tension. For the Russian legal system, the most appropriate approach seems to be

a synthesis of the continental and Asian models of mediation, subject to certain adaptations. Recommendations have been developed for the prompt integration of mediation procedures into the healthcare system of the Russian Federation.

Keywords: *iatrogenic crimes, criminal liability, crime prevention, mediation, pre-trial dispute settlement, conflicts in healthcare, quality of medical care, medical errors, liability of the medical professional, alternative dispute resolution*

For citation: Gabay P. G. Mediation in medical disputes as an element of preventing iatrogenic crime: legal conditions for its application within the compulsory medical insurance system, foreign models, and prospects. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):161—168. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1718.

Введение

Актуальность. Сфера здравоохранения характеризуется устойчивым ростом конфликтности. По данным Следственного комитета Российской Федерации, за 2022—2024 гг. в суды направлено 486 уголовных дел в отношении 580 лиц о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2022—2023 гг. поступило 10 160 обращений о преступлениях при оказании медпомощи. При этом число уголовных дел по врачебным ошибкам в 2023 г. увеличилось на 25,4 % (2 332 дела против 1 860 годом ранее) [1]. Представленная статистика свидетельствует о системном кризисе доверия в отношениях «пациент — медицинская организация», что требует комплексного научного осмысления и выработки эффективных механизмов урегулирования споров.

Степень изученности проблемы. При проведении исследования учитывается научный опыт предшественников, в т. ч. концепция альтернативного разрешения споров, разработанная в трудах Н. Г. Семилютиной [2], философия медиации Ц. А. Шамликашвили [3], доктринальные подходы к правовому регулированию медицинской деятельности В. Ф. Яковлева [4], подходы к регулированию правоотношений в системе обязательного медицинского страхования (далее — ОМС) А. С. Абубакирова [5], а также посвященный препятствиям к развитию практики применения в России медиации труд Д. А. Лучининой [6]. Проблемы законодательного и практического характера, приводящие к неэффективности и низкой востребованности медиации в Российской Федерации рассмотрены М. А. Юрковой и С. В. Воронковой [7]. Следует отметить и некоторые другие исследования. Так, А. В. Басова отмечает, что при использовании альтернативных методов решения споров по медицинским делам «пациент быстро достигает поставленной цели и добивается качественной медицинской помощи, а медицинская организация избегает огласки конфликта и подрыва репутации специалистов» [8, с. 191]. По мнению О. Н. Арестовой, медиация позволяет создать необходимые условия для комфортных отношений между пациентом и медорганизацией, которые как сохраняют деловую репутацию клиники, ее профессиональный статус, так и положительно сказываются на психологическом состоянии пациента [9, с. 39]. Согласно позиции И. А. Шмелёва с соавторами, медиация — это деятельность инновационная и предполагает непрерывное совершенствование и отработку определенных форм реализации медиативной деятельности в сфере здравоохранения. По мнению ученых, институту медиации для развития и внедрения в систему здравоохранения необходимо постоянное соприкосновение с академической средой [10, с. 27]. Н. В. Алламярова

указывает, что «срок рассмотрения дела судом, с учетом его сложности, может достигать 3—5 лет, а срок рассмотрения дела в рамках процедуры медиации составляет от 1 до 180 дней» [11]. Р. Коуз приходит к выводу, что медиация представляет собой механизм минимизации издержек разрешения конфликта при сохранении правовой определенности, что особенно значимо в публичной сфере здравоохранения [12]. Вместе с тем вопрос о применении медиации как инструмента предупреждения ятрогенной преступности, в т. ч. в наиболее массовом сегменте — системе ОМС, остается недостаточно исследованным.

Целесообразность разработки темы. Ключевая проблема состоит в том, что в российской правовой системе отсутствуют эффективные механизмы внесудебного урегулирования споров по случаям оказания медицинской помощи (как платной, так и оказанной в рамках государственных гарантий, в т. ч. за счет средств ОМС). Медиация в отношении дел, связанных с оказанием медицинской помощи в рамках государственных гарантий, не осуществляется вовсе: в законодательстве такая возможность не предусмотрена, отсутствуют финансовые источники для обеспечения медиации и исполнения ее решений. В то же время в России значительный массив медицинских споров связан со случаями оказания медицинской помощи именно в рамках государственных гарантий, в т. ч. в рамках ОМС. Не распространена практика медиации и по спорам о платной медицинской помощи несмотря на то, что действующее законодательство такую возможность предусматривает. Также не развита система страхования профессиональной ответственности медицинских работников и медицинских организаций. Текущая ситуация должна рассматриваться не только как пробел правового регулирования, но и как самостоятельный криминологический фактор: в отсутствие работающих механизмов внесудебного урегулирования медицинских споров возрастает вероятность эскалации медицинского конфликта до стадии судебного разбирательства и уголовного преследования. Изложенное обуславливает целесообразность разработки темы и поиска обоснованных вариантов решения указанной проблемы.

Научная новизна исследования состоит в том, что медиация рассматривается не только как механизм альтернативного разрешения споров, но и как одна из мер профилактики конфликтогенности в сфере здравоохранения и самостоятельный элемент системы предупреждения и профилактики ятрогенной преступности. Медиация в здравоохранении при условии обязательного экспертного сопровождения способна сформировать профилактическую модель, обеспечивающую выявление повторяющихся причин дефектов медицинской помощи, снижение конфликтной напряженности и запуск управленческих

корректировок, направленных на предупреждение повторения рискованных ситуаций. Кроме того, обосновывается применимость процедуры медиации к правоотношениям в системе ОМС и предлагается для российской правовой системы синтез континентальной и азиатской моделей медиации с учетом ряда адаптаций.

Цель исследования состоит в разработке рекомендаций для совершенствования системы урегулирования конфликтов в сфере здравоохранения и снижения количества ятрогенных преступлений. Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**: определить правовые условия и принципы применения медиации в Российской Федерации, в т. ч. к спорам, связанным с оказанием медицинской помощи в рамках ОМС; провести сравнительный анализ зарубежных моделей досудебного урегулирования медицинских споров; обосновать роль медиации как элемента предупреждения и профилактики ятрогенной преступности; разработать рекомендации по скорейшей интеграции процедуры медиации в систему здравоохранения Российской Федерации.

Теоретическая значимость работы заключается в осмыслении медиации в здравоохранении как элемента системы предупреждения и профилактики ятрогенной преступности, ориентированного на раннее урегулирование конфликтов, выявление дефектов медицинской помощи и снижение криминогенной напряженности, а также в обосновании гражданско-правовой природы отношений в системе ОМС, предполагающей применимость медиации. Результаты исследования дополняют научные представления об альтернативном разрешении споров в публичной сфере здравоохранения и могут служить основой для дальнейшего изучения профилактической функции медиации.

Практическая значимость работы состоит в том, что разработанные рекомендации могут быть использованы для совершенствования законодательства об охране здоровья, медиации и ОМС, институционализации специализированных центров экспертизы и медиации, а также для формирования модели «экспертиза и медиация» в системе здравоохранения Российской Федерации. Реализация предложенных мер ориентирована на снижение ятрогенной конфликтности, уменьшение нагрузки на суды, повышение качества коммуникации между пациентами и медицинскими работниками/организациями и модернизацию правовой инфраструктуры здравоохранения на основе баланса публичных и частных интересов.

Основная часть

Методология исследования. Методологическую основу исследования составили диалектический метод, доктринальный анализ и сравнительно-правовой анализ. Диалектический метод позволил рассмотреть медиацию в здравоохранении во взаимосвязи ее компенсаторной и профилактической функций, а также в противоречии между потребностью в внесудебном урегулировании медицинских споров и отсутствием соответствующих правовых механизмов. Доктринальный анализ использовался при изучении правовых условий и принципов медиации, природы правоотношений в системе ОМС и научных позиций предшественников. Сравнительно-правовой анализ применялся для сопоставления иностранных моделей досудебного урегулирования медицинских споров и обоснования наиболее органичной для российской правовой системы модели.

Результаты исследования

Правовые условия и принципы медиации в Российской Федерации. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации) определяет медиацию как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Процедура медиации базируется на четырех основных принципах, образующих ее концептуальную основу:

- **Принцип добровольности** — участие сторон и выбор медиатора является результатом свободного волеизъявления сторон. Данный принцип корреспондирует с фундаментальным правом на судебную защиту (статья 46 Конституции Российской Федерации) и не может рассматриваться как ограничение доступа к правосудию.

- **Принцип конфиденциальности** — информация, ставшая известной в ходе медиации, не подлежит разглашению без согласия сторон (за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами). Как отмечает А. Р. Каримуллина, под конфиденциальностью применительно к примирительным процедурам следует понимать любую информацию по разбирательству, имеющую действительную или потенциальную ценность в силу ее неизвестности третьим лицам, не предназначенную для широкого распространения неограниченному кругу лиц [13, с. 112].

- **Принцип сотрудничества и равноправия сторон** — стороны активно участвуют в поиске решения, обладая равными правами. Этот принцип трансформирует состязательную модель взаимодействия в кооперативную, что соответствует концепции «терапевтической юриспруденции» (*therapeutic jurisprudence*) [14].

- **Принцип беспристрастности и независимости медиатора** — закон не позволяет медиатору представлять интересы какой-либо стороны, оказывать им юридическую, консультационную или иную помощь. Его роль — фасилитация выработки совместного решения.

Указанные принципы закладывают основу справедливого рассмотрению споров с соблюдением баланса интересов сторон.

Анализ Закона о медиации позволяет выделить основные задачи медиаторов:

- организация и проведение процедуры медиации в соответствии с Законом о медиации;
- предложение об обращении к процедуре медиации (по просьбе одной из сторон спора);
- обеспечение конфиденциальности процесса;
- содействие сторонам в оформлении достигнутых медиативных соглашений.

Медиатор осуществляет трансформацию позиционно-го конфликта во взаимовыгодное взаимодействие, выявляя латентные потребности сторон и конструируя приемлемое для сторон решение. Как точно формулирует Ц. А. Шамликашвили, «медиатор способствует тому, что картина отношений между ними становится видимой во всем многообразии аспектов и сложности» [3, с. 79].

Несмотря на признанные преимущества медиации, ее имплементация в отечественную систему здравоохранения характеризуется низкой интенсивностью, что обусловлено комплексом правовых, организационных и социокультурных барьеров. Центральной проблемой является правовая неопределенность, связанная с двойственной природой отношений при оказании медицинской помощи.

Согласно ст. 1 Закона о медиации, он применяется к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, трудовых и семейных правоотношений. Споры из иных правоотношений могут урегулироваться с помощью медиации только в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами.

При оказании платной медицинской помощи отношения между пациентом и медицинской организацией носят гражданско-правовой характер и регулируются Гражданским кодексом РФ, Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», Правилами предоставления платных медицинских услуг (утв. Постановлением Правительства РФ от 30 мая 2026 г. № 659). Споры, возникающие из этих правоотношений (как правило, связанные с ненадлежащим качеством услуги, неисполнением договора), однозначно подпадают под действие Закона о медиации. Медиация к таким спорам применима без ограничений при согласии сторон. Данный вывод подтверждается судебной практикой и, как правило, не вызывает споров [8, с. 192].

Вместе с тем правовая природа отношений пациента с медицинской организацией, оказывающей медицинскую помощь в рамках Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, является предметом дискуссий в профессиональном сообществе (см., напр.: <https://kormed.ru/novosti/zakonodatel-predlozhi-primenyat-mediatsiyu-dlya-uregulirovaniya-konfliktov-voznikayuschih-pri-okazanii-meditsinskoj-pomoschi-po-oms/>). В правоприменительной практике и науке распространена позиция, согласно которой отношения между пациентом и медицинской организацией в системе ОМС не являются гражданско-правовыми. Аргументация строится следующим образом: медицинская организация не оказывает медицинскую помощь по договору с пациентом; право пациента на бесплатную медицинскую помощь возникает непосредственно из закона (ст. 41 Конституции РФ, ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Следовательно, споры пациента с медицинской организацией по поводу качества помощи в системе ОМС не возникают из гражданских правоотношений.

Более того, в федеральных законах от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ и от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» возможность применения медиации к таким спорам прямо не предусмотрена, а согласно ч. 2 и 3 ст. 1 Закона о медиации, его действие на эти споры формально не распространяется.

Осознавая проблему и потенциал медиации, в 2019 г. Минздрав России опубликовал законопроект о внесении изменений в федеральные законы «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (ID проекта: 95116). Цель — прямо закрепить возможность медиации для урегулирования споров (конфликтов), возникающих при оказании медицинской помощи в рамках программы ОМС. В пояснительной записке указывалось на необходимость создания правовых условий для использования этого эффективного внесудебного механизма в наиболее массовом сегменте здравоохранения. Однако несмотря на положительное заключение оценки регулирующего воздействия, законопроект остается без движения — он так и не был внесен в Государственную Думу.

По нашему мнению, к правоотношениям, возникающим в связи с осуществлением медицинской деятельности в рамках ОМС, процедура медиации применима по следующему ряду оснований.

Отношения между пациентом и медицинской организацией в рамках системы ОМС имеют гражданско-правовую, возмездную и договорную природу, несмотря на отсутствие прямого двустороннего договора. Данная правовая конструкция опосредована комплексом нормативных правовых актов и системой договоров внутри ОМС, где пациент выступает выгодоприобретателем.

Указанная позиция находит подтверждение в научной литературе. А. С. Абубакиров отмечает, что правоотношения по ОМС входят в сферу гражданско-правового регулирования, при этом, по его мнению, нельзя отрицать наличие в регулировании ОМС и публично-правовых начал [5, с. 24].

Оказание медицинской помощи является возмездным, однако плательщиком выступает не пациент, а бюджет Федерального фонда ОМС. Статья 39 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» устанавливает, что договор на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС заключается между медицинской организацией, включенной в реестр медицинских организаций, осуществляющих деятельность в сфере ОМС по территориальной программе ОМС, территориальным фондом и страховой медицинской организацией, участвующей в реализации территориальной программы ОМС.

Пациент (застрахованное лицо), реализуя свое право на медицинскую помощь, вступает в действие этого договора в качестве третьего лица, в пользу которого он заключен (ст. 430 Гражданского кодекса РФ), что наделяет пациента прямым правом требования его надлежащего исполнения. Отсутствие формального договора между пациентом и медицинской организацией не отрицает договорной сути их взаимодействия.

Данный подход согласуется с правовой позицией Конституционного суда РФ, который в Постановлении от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью “Агентство корпоративной безопасности” и гражданина В. В. Макеева» указал на возможность применения к отношениям в сфере ОМС норм о защите прав потребителей, что косвенно подтверждает их гражданско-правовую природу.

Позиция о том, что пациент, получающий медицинскую помощь в рамках системы ОМС, должен рассматриваться в качестве потребителя в контексте Закона о защите прав потребителей подтверждается также позициями представителей профессионального и научного сообществ, например Я. В. Матрюк и Н. В. Каменевой [15].

На основании изложенного, нами делается вывод: отношения в системе ОМС характеризуются гражданско-правовой основой с элементами публично-правового регулирования. Это не исключает, а, напротив, предполагает применимость медиации как механизма, основанного на частной автономии сторон.

В настоящее время медиация более востребована для разрешения споров, связанных с оказанием платных медицинских услуг. Дискуссионное мнение о неприменимости медиации в сфере ОМС, а также отсутствие финансирования и разработанной системы тарифов для выплат медиаторам создают значительный барьер для широкого

внедрения процедуры в систему здравоохранения. Тем не менее в России формируется интерес к «медицинской» медиации и появляются первые практические инициативы.

Далее рассмотрим примеры интеграции медиации в систему здравоохранения в мировой практике.

Англосаксонская модель (Великобритания, США).

В Великобритании медиация используется для решения широкого спектра вопросов, связанных с лечением тяжелобольных пациентов, когда законные представители и медики не могут договориться о дальнейшем лечении. Или же когда разные медицинские подразделения не могут решить, как лечить пациента, в т. ч. в связи с различными религиозными и этическими взглядами [16, с. 317].

В США правовая система ориентирована на досудебное урегулирование споров в добровольном порядке, также судья вправе прервать процесс судопроизводства и порекомендовать сторонам попытаться разрешить конфликт посредством медиатора [17, с. 244]. В некоторых штатах действует система *mandatory mediation* — обязательной попытки медиации до обращения в суд, что существенно снижает нагрузку на судебную систему [18, р. 485].

В США медиация в медицинских спорах отличается высокой степенью профессионализации медиаторов, многие из которых наряду с юридическим имеют также медицинское образование [14, р. 279].

Англосаксонская модель характеризуется:

- высокой степенью автономии медиаторов;
- добровольностью процедуры (с элементами императивности в отдельных штатах США);
- встроенностью медиации в судебный процесс как обязательный или рекомендованный этап;
- частным финансированием (оплата услуг медиатора сторонами).

Континентальная модель (Германия, Франция).

В Германии система медиации в здравоохранении тесно связана с институтом врачебных палат (*Ärztammer*), которые выполняют функцию профессионального саморегулирования. При региональных палатах созданы специализированные комиссии, рассматривающие споры о качестве медицинской помощи [17, с. 243]. Опыту работы

этих комиссий посвящена серия конференций для врачей по вопросам медиации и коммуникации с пациентами (<https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=28508>).

Континентальная модель предполагает:

- создание специализированных структур при профессиональных врачебных объединениях;
- государственную поддержку и частичное финансирование;
- интеграцию экспертной оценки в процедуру медиации;
- акцент на восстановлении профессиональной репутации.

Азиатская (китайская) модель (Китай). Медиация в Китае входит в систему государственной исполнительной власти, деятельность медиаторов носит добровольно-принудительный (общественный) характер, но оплачивается и поощряется из государственной казны (плата за медиацию со сторон не взимается) [19, с. 369].

При этом считается, что медиация в Китае эффективно снижает количество судебных разбирательств, что в конечном итоге повышает удовлетворенность системой здравоохранения. До 85 % споров урегулируются на стадии медиации, но вызывает вопросы зависимость медиаторов от государственных органов [20].

Азиатская модель характеризуется:

- государственным регулированием и контролем;
- частичной императивностью (обязательная попытка медиации);
- финансированием из публичных источников;
- акцентом на социальной гармонии и недопущении конфронтации.

Зарубежный опыт и его сравнительный анализ позволяют сделать вывод о том, что институционализация медиации в медицинских спорах выполняет не только компенсаторную, но и профилактическую функцию: снижение эскалации и наличие экспертного фильтра позволяют предотвращать переход типовых конфликтов в затяжные судебные и уголовно-правовые процессы, а также формируют устойчивые стандарты безопасной медицинской практики. Сравнительный анализ зарубежных моделей медиации представлен в таблице.

Сравнительная характеристика моделей медиации

Критерий	Англосаксонская модель	Континентальная модель	Азиатская (китайская) модель
Правовая основа	Прецедентное право, автономия воли: правила и подходы во многом формируются судебной практикой (прецедентами), а ключевую роль играет свобода договора — стороны сами определяют порядок медиации и фиксируют итог в соглашении	Кодифицированное законодательство: медиация регулируется прежде всего законами и кодексами; процедуры, статус медиатора, требования к соглашению и его юридическая сила закреплены в нормативных актах	Государственные регламенты (медиация часто встроена в административно-организационные механизмы; порядок урегулирования детализируется подзаконными правилами, инструкциями и регламентами государственных структур, с заметной ролью государства в стандартизации процедуры)
Организационная форма	Частные медиаторы, независимые центры	Структуры при профессиональных объединениях	Государственные органы
Степень добровольности	Высокая (с элементами обязательного прохождения медиации в отдельных установленных законодательством случаях)	Высокая	Средняя («добровольно-принудительная»)
Финансирование	Частное (стороны)	Смешанное (государство + стороны)	Государственное
Связь с экспертизой	Слабая (упор на переговоры, правовую позицию и интересы сторон; эксперт подключается эпизодически, как внешний ресурс, не как обязательная часть процедуры)	Средняя (эксперты используются заметнее (особенно в профессиональных сферах), иногда через профобъединения или рекомендованные списки; но это не всегда «ядро» процедуры)	Сильная (экспертное сопровождение часто институционализировано; заключения специалистов и/или комиссионное рассмотрение регулярно используются как основа для согласования позиций сторон)

Для российской правовой системы, характеризующейся кодифицированным законодательством, федеративным устройством и сложившейся системой ОМС, наиболее органичным представляется синтез континентальной и азиатской моделей с учетом следующих адаптаций:

- создание специализированных центров медиации при участии государства (по образцу континентальной модели), но с интеграцией экспертной функции (элемент азиатской модели);
- смешанное финансирование: базовое — из системы ОМС, дополнительное — от заинтересованных сторон (гибридный подход);
- сохранение добровольности процедуры (континентальный принцип) с элементами стимулирования досудебного урегулирования (азиатский элемент);
- интеграция независимой экспертизы качества медицинской помощи в процедуру медиации как обязательного первого этапа.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что медиация по медицинским спорам обладает значительным потенциалом для российской системы здравоохранения как инструмент снижения конфликтности и восстановления доверия в отношениях «пациент — медицинский работник/медицинская организация». Практическое применение медиации ограничивается недостаточной институционализацией и правовой неопределенностью в системе ОМС (наиболее массовом сегменте).

С точки зрения криминологии медиация рассматривается как самостоятельный элемент системы предупреждения и профилактики ятрогенной преступности. Она обеспечивает раннюю деэскалацию, формирует обратную связь о дефектах медицинской помощи и создает условия для управленческих и организационных корректив, направленных на снижение повторяемости рискованных ситуаций.

Действующее правовое регулирование медиации создает условия для ее использования прежде всего в спорах, вытекающих из договорных отношений при оказании платных медицинских услуг, тогда как медицинские споры в рамках ОМС остаются в «серой зоне» из-за отсутствия прямого нормативного закрепления соответствующего внесудебного механизма в профильных федеральных законах. Попытка устранить данный разрыв предпринималась Минздравом России еще в 2019 г. посредством подготовки законопроекта о внесении изменений в законодательство об охране здоровья и об ОМС, направленного на легализацию медиации как формы до-

судебного урегулирования медицинских конфликтов, однако до настоящего времени системное решение в правовом поле не сформировано.

Сравнительный анализ зарубежных практик показывает, что устойчивые модели медиации в здравоохранении опираются на сочетание трех условий:

- 1) ясное нормативное основание и процессуальная «стыковка» с судебной защитой;
- 2) институциональная инфраструктура, обеспечивающая доступность, стандарты качества и доверие к процедуре;
- 3) использование специальных знаний для снятия фактической неопределенности в споре, особенно при оценке качества медицинской помощи и причинно-следственных связей.

В частности, исследования китайской модели демонстрируют высокую результативность медиации при наличии государственно организованных процедур и системного экспертного сопровождения, однако одновременно поднимают вопрос о гарантиях независимости медиаторов и экспертов в условиях сильной роли государства.

С учетом выявленных проблемных вопросов и анализа зарубежного опыта для скорейшей интеграции процедуры медиации в систему здравоохранения Российской Федерации рекомендуется:

- внести изменения в федеральное законодательство об охране здоровья, медиации и ОМС, прямо закрепив возможность и порядок применения медиации в медицинских спорах, в т. ч. для разрешения конфликтов, связанных с оказанием медицинской помощи в рамках ОМС, включая процедуры направления сторон на медиацию, сроки и правовые последствия заключения медиативного соглашения;
- институционализировать специализированные центры экспертизы и медиации в здравоохранении на региональном уровне с едиными федеральными стандартами деятельности;
- обеспечить модель «экспертиза и медиация» как последовательный механизм, при котором независимая оценка качества медицинской помощи служит основой для переговоров и справедливого урегулирования;
- внедрить стимулирующие меры досудебного урегулирования (процессуальные и организационные), не подменяя ими конституционное право на судебную защиту.

Реализация указанных мер ориентирована на снижение ятрогенной конфликтности, уменьшение нагрузки на суды, повышение качества коммуникации между пациентами и медицинскими работниками/организациями и модернизацию правовой инфраструктуры здравоохранения на основе баланса публичных и частных интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дела врачей // Эхо онкологии. 2025. Вып. 1(4). URL: <https://protiv-raka.ru/product/dela-vrachey/>.
2. Семилотина Н. Г. Корпоративные споры и развитие альтернативных механизмов разрешения споров // Журнал российского права. 2015. № 2(218). С. 112—127. DOI: 10.12737/7629.
3. Шамликашвили Ц. А., Островский А. Н., Кабанова Е. В., Сильницкая А. С. Медиация в здравоохранении: от правоприменения к диалогу о правах // Социология медицины. 2017. Т. 16. № 2. С. 75—81. DOI: 10.18821/1728-2810-2017-16-2-75-81.
4. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М.: Статут, 2006. 240 с.
5. Абубакиров А. С. Особенности договорных отношений в сфере медицинского страхования // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2019. № 1. С. 16—25. DOI: 10.25742/NRIPH.2019.01.002.
6. Лучинина Д. А. Медиация в гражданском процессе: сущность, проблемы и перспективы развития // Вестник науки и образования. 2025. № 1(156)-2. С. 77—80.

7. Воронкова С. В., Юркова М. А. Медиация как способ урегулирования правовых споров в здравоохранении: проблемы и пути решения // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 4(78). С. 82—97. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_82.
8. Басова А. В. Медиация в здравоохранении: проблемы применения и перспективы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 1. С. 190—194.
9. Арестова О. Н. К вопросу о медиации как наиболее эффективном способе разрешения конфликтных ситуаций в ходе оказания медицинских услуг по пластической хирургии // Медицинское право. 2023. № 4. С. 39—43.
10. Шмелёв И. А., Сергеев В. В., Купряхин В. А., Печегина Ю. С. Применение процедуры медиации при разрешении споров, связанных с оказанием медицинских услуг // Врач. 2023. Т. 34. № 1. С. 25—28. DOI: 10.29296/25877305-2023-01-04.
11. Алламьярова Н. В. Проблемы и перспективы развития внесудебного урегулирования споров между медицинскими организациями и пациентами посредством медиации // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 6(58). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/938/30/> (дата обращения: 27.02.2026).
12. Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Фонд Либеральная миссия, 2007. 224 с.
13. Каримуллина А. Р. Конфиденциальность как принцип примирительных процедур // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024 № 4(59). С. 110—114. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/4/110-114.
14. Sternlight J. R. Lawyers' Representation of Clients in Mediation: Using Economics and Psychology to Structure Advocacy in a Nonadversarial Setting // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 1999. Vol. 14. No. 2. Pp. 269—366.
15. Матрюк Я. В., Каменева Н. В. Особенности осуществления и защиты прав потребителей в сфере медицинских услуг // Universum: экономика и юриспруденция. 2023. № 11(109). DOI: 10.32743/UniLaw.2023.109.11.16165.
16. Абдраим Б. Ж. Медиация как действенный способ разрешения спора между медицинскими организациями и пациентами // Медицинский журнал Астана. 2020. № 4(106). С. 314—318.
17. Чхартишвили Д. А. Внедрение медиативной практики в систему здравоохранения // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 17. № 1. С. 241—248.
18. Quek D. Mandatory Mediation: An Oxymoron? Examining the Feasibility of Implementing a Court-Mandated Mediation Program // Cardozo Journal of Conflict Resolution. 2010. Vol. 11. Iss. 2. Pp. 479—509.
19. Рақымұлы А. Медиация в Китайской Народной Республике // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 1(59). С. 368—372.
20. The role of mediation in solving medical disputes in China / M. Wang, G. G. Liu, H. Zhao et al. // BMC Health Services Research. 2020. Vol. 20. Art. 225. DOI: 10.1186/s12913-020-5044-7.

REFERENCES

1. Doctors' cases. *Ekho onkologii*. 2025;1(4). (In Russ.) URL: <https://protiv-raka.ru/product/dela-vrachej/>.
2. Semilyutina N. G. Corporate Disputes and Development of Alternative Disputes Resolution. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2015;2(218):112—127. (In Russ.) DOI: 10.12737/7629.
3. Shamlikashvili T. A., Ostrovsky A. N., Kabanova E. A., Silnitskaia A. S. The mediation in health care: from law enforcement to dialog about rights. *Sotsiologiya meditsiny = Sociology of Medicine*. 2017;16(2):75—81. (In Russ.) DOI: 10.18821/1728-2810-2017-16-2-75-81.
4. Yakovlev V. F. The civil-law method of regulating social relations. 2nd ed. Moscow, Statut, 2006. 240 p. (In Russ.)
5. Abubakirov A. S. The peculiarities of contractual relations in the sphere of medical insurance. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko = Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*. 2019;1:16—25. (In Russ.) DOI: 10.25742/NRIPH.2019.01.002.
6. Luchinina D. A. Mediation in civil proceedings: the essence, problems and development prospect. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2025;1(156)-2:77—80. (In Russ.)
7. Voronkova S. V., Yurkova M. A. Mediation as a Way to Settle Legal Disputes in Healthcare: Problems and Solutions. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*. 2024;4(78):82—97. (In Russ.) DOI: 10.35231/18136230_2024_4_82.
8. Basova A. V. Mediation in health care: problems of application and prospects. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*. 2020;26(1):190—194. (In Russ.)
9. Arestova O. N. On mediation as the most efficient means of solution of conflicts arising during rendering of medical services in the plastic surgery sphere. *Meditsinskoe pravo = Medical law*. 2023;4:39—43. (In Russ.)
10. Shmelev I., Sergeev V., Kupryakhin V., Pechegina Yu. The use of mediation in resolving disputes related to medical services. *Vrach = The Doctor*. 2023;34(1):25—28. (In Russ.) DOI: 10.29296/25877305-2023-01-04.
11. Allamyarova N. V. Problems and development prospects of a pre-court dispute resolution between medical institutions and patients by a professional mediator. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya = Social aspects of population health*. 2017; 6(58). (In Russ.) URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/938/30/> (accessed: 27.02.2026).
12. Coase R. The Firm, the market and the law. B. Pinsker (transl.). Moscow, The Liberal Mission Foundation publ., 2007. 224 p. (In Russ.)
13. Karimullina A. R. Confidentiality as a Principle of Conciliation Procedures. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2024;4(59):110—114. (In Russ.) DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/4/110-114.
14. Sternlight J. R. Lawyers' Representation of Clients in Mediation: Using Economics and Psychology to Structure Advocacy in a Nonadversarial Setting. *Ohio State Journal on Dispute Resolution*. 1999;14(2):269—366.
15. Matryuk Ya., Kameneva N. Features of the implementation and protection of consumer rights in the field of medical services. *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya*. 2023;11(109). (In Russ.) DOI: 10.32743/UniLaw.2023.109.11.16165.

16. Abdraim B. Mediation as an effective way to resolve disputes between medical organizations and patients. *Astana meditsinalyq zhurnaly = Astana Medical Journal*. 2020;4(106):314—318. (In Russ.)
17. Chkhartishvili D.A. Including of meditation practice into the health system. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2016;17(1):241—248. (In Russ.)
18. Quek D. Mandatory Mediation: An Oxymoron? Examining the Feasibility of Implementing a Court-Mandated Mediation Program. *Cardozo Journal of Conflict Resolution*. 2010;11(2):479—509.
19. Rakimuli A. Mediation in the People's Republic of China. *Qazaqstan Respublikasy Zaңnama zhәне qуқықтық ақпарат institutynyң zharshysy = Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2020; 1(59):368—372. (In Russ.)
20. Wang M., Liu G. G., Zhao H. et al. The role of mediation in solving medical disputes in China. *BMC Health Services Research*. 2020;20:225. DOI: 10.1186/s12913-020-5044-7.

Статья поступила в редакцию 29.06.2026; одобрена после рецензирования 29.07.2026; принята к публикации 03.08.2026.
The article was submitted 29.06.2026; approved after reviewing 29.07.2026; accepted for publication 03.08.2026.

Научная статья
УДК 346.1:[338.012+332.145]
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1700

Inna Viktorovna Zhukova
Candidate of Economics,
Associate Professor
of the Department of Public and Private Law,
Far Eastern Institute of Management —
branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Khabarovsk, Russian Federation
i-6041@yandex.ru

Tatyana Stanislavovna Korobeinikova
PhD in Law,
Associate Professor
of the Department of Public and Private Law,
Far Eastern Institute of Management —
branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Khabarovsk, Russian Federation
korts@rambler.ru

Инна Викторовна Жукова
канд. экон. наук,
доцент кафедры публичного и частного права,
Дальневосточный институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Хабаровск, Российская Федерация
i-6041@yandex.ru

Татьяна Станиславовна Коробейникова
канд. юрид. наук,
доцент кафедры публичного и частного права,
Дальневосточный институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Хабаровск, Российская Федерация
korts@rambler.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ КАК ЭЛЕМЕНТА ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В статье прослеживается эволюция понятия «цифровая платформа» в российском законодательстве как базового элемента платформенной экономики. Примененный авторами компаративистский подход позволил выявить разное толкование понятия «цифровая платформа» в России и за рубежом, а также наличие достаточно длительной дискуссии по этому поводу среди российских исследователей этого вопроса. Рассмотрено, как изменение правовых трактовок понятия цифровой платформы отражает не только развитие и многообразие цифровых экосистем и формирует правовое регулирование в Российской Федерации, но и показывает, как менялись подходы государства к понятию «цифровая платформа». Авторы анализируют смену подходов к нормативному закреплению понятия как площадки для реализации прав, обязанностей и юридической ответственности ее участников. В настоящее время цифровые платформы используются не только хозяйствующими субъектами, но и государством в лице его органов. Отмечается, что имеющиеся правовые конструкции не учитыва-

ют новую цифровую реальность либо используют разные критерии для обозначения понятия «цифровая платформа». Надлежащее правовое регулирование цифровых платформ поможет обеспечить защиту интересов как поставщиков и потребителей товаров и услуг, так и государства. Авторы считают, что нормативные акты в этой сфере не позволяют определить направления развития правового регулирования проблемы, не учитывают, что платформы нужно классифицировать в зависимости от условий цифровизации бизнес-процессов и назначения платформы, но выявляют концептуальные противоречия в эволюции подходов законодателя и правительства к пониманию феномена цифровой платформы, и эти противоречия очень существенны.

Ключевые слова: платформенная экономика, цифровая платформа, финансовая платформа, инвестиционная платформа, технологическая платформа, информационные технологии, искусственный интеллект, объекты гражданских прав, цифровая экосистема, государственная информационная система

Для цитирования: Жукова И. В., Коробейникова Т. С. Эволюция понятия цифровой платформы как элемента платформенной экономики // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 169—175. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1700.

Original article

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF A DIGITAL PLATFORM AS AN ELEMENT OF THE PLATFORM ECONOMY

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. In the article, the authors trace the evolution of the concept of a digital platform in Russian legislation as a basic element of the platform economy. The comparative

approach used by the authors allows identifying different interpretations of the concept of a digital platform in Russia and abroad, as well as the existence of a rather lengthy discussion

on this issue among Russian researchers of this issue. The article examines how the change in legal interpretations of the concept of a digital platform reflects not only the development and diversity of digital ecosystems and shapes legal regulation in the Russian Federation, but also shows how the government's approaches to the concept of a digital platform have changed. The authors analyze the changing approaches to the normative consolidation of the concept as a platform for the realization of the rights, duties and legal responsibility of its participants. Currently, digital platforms are used not only by business entities, but also by the state as a whole, represented by its bodies. The authors note that the existing legal structures do not take into account the new digital reality or use different criteria to designate the concept of a digital platform. Proper legal regu-

lation of digital platforms will help protect the interests of both suppliers of goods, services, consumers, and the state. The authors believe that regulations in this area do not allow determining the directions of development of the legal regulation of the problem, do not take into account that platforms need to be classified depending on the conditions of digitalization of business processes and the purpose of the platform, but reveal conceptual contradictions in the evolution of approaches of the legislator and the government to understanding the phenomenon of digital platforms. And these contradictions are very significant.

Keywords: platform economy, digital platform, financial platform, investment platform, technology platform, information technology, artificial intelligence, objects of civil rights, digital ecosystem, state information system

For citation: Zhukova I. V., Korobeinikova T. S. The evolution of the concept of a digital platform as an element of the platform economy. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):169—175. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1700.

Введение

Актуальность. Сегодня мы наблюдаем формирование нового типа экономики — цифровой. Ее развитие, как и трансформация информационных технологий, появление новых видов имущественных благ предопределяет необходимость обновления правовых конструкций в целях обеспечения правовой определенности и единообразия судебной практики.

На протяжении последних лет определение того, что такое цифровая платформа и что такое цифровая экономика, является предметом самых активных научных дискуссий. Активное обсуждение этих научных тем — прямое следствие глубоких изменений, которые несут цифровые технологии. В экспертном докладе Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (2024 г.) указывается, что «цифровые платформы уже охватывают до 78 % интернет-пользователей в России, а более 3,5 млн человек вовлечены в платформенные формы занятости».

Несмотря на масштабное распространение цифровых технологий, сложность и многогранность явлений, главным катализатором научных дискуссий, по нашему мнению, является отсутствие устоявшихся определений. В научной среде до сих пор нет единого, универсального определения ни цифровой экономики, ни цифровой платформы. Но для экономических отношений понятие цифровой платформы, определенное в праве, является ключевым. Это связано с тем, что цифровую платформу сегодня допустимо рассматривать и как организационно-правовую форму взаимодействия в социально-экономической системе, и как инструмент в системе управления экономическими процессами, включая стратегическое планирование [1]. Поэтому актуальным является выявить ключевые противоречия в понимании цифровой платформы и причины этих противоречий.

Изученность проблемы. С середины XX в. исследователями отмечается сначала возрастающая, а затем и главенствующая роль информации и знаний в развитии экономики и общества. О роли информации в появлении в научной литературе таких понятий, как «информационное общество» и «информационная экономика», «постиндустриальное общество» и «постиндустриальная экономика», «инновационная экономика», «цифровая экономика», говорили А. Моазед и Н. Джонсон [2], М. Ю. Осипов [3]. Р. Хикс отмечал, что с этими понятиями неразрывно связаны

и понятия «цифровизация», «цифровая экономика», «цифровая платформа» [4]. При этом, несмотря на то, что термины широко используются, общепринятого определения их как в научной литературе, так и в государственных программах и в иных стратегических документах как в России, так и за рубежом, пока не существует.

Понятия «информационное общество», «постиндустриальное общество», «постиндустриальная экономика» рассматривали в рамках теории информационного общества и российские, и зарубежные исследователи, такие как М. Порат, один из первых в 1970-х гг. сформулировавший понятие «информационная экономика» [5], Й. Масуда, в 1980 г. определивший, что «компьютерные и коммуникационные технологии трансформируют все сферы жизни» [6], Т. Стоуньер, сформулировавший, что «суть информационной экономики представляет собой обработку информации» [7], Р. Карц, акцентировавший внимание, что «информационные процессы изменяют социально-экономическую систему» [8], М. Ю. Осипов, Т. Н. Юдина, А. В. Габов, рассматривавшие цифровые платформы как элементы понятия информационно-цифровой экономики [3; 9]. Как сетевые рынки меняют экономику — в 2017 г. писали такие исследователи, как Дж. Паркер, М. Альстин, С. Чаудари в своей работе «Революция платформ» [10]. Е. З. Гелисханов считал, что цифровая платформа обеспечивает контроль и оценку результатов, а в необходимых случаях может выступить первичным арбитром в случае спора между поставщиком и потребителем [11]. Интересным является факт, что именно в таком виде, как считают Ю. М. Ниязова и А. В. Гарин [12], Д. А. и М. А. Куразовы [13], Ю. А. Репешко и Д. А. Степаненко [14], платформу внедряют в систему государственного управления.

В последние несколько лет среди юридического научного сообщества исследователи исходят из того, что, в зависимости от используемых цифровых инструментов и методов, цифровые платформы должны быть разделены на несколько групп. Е. В. Холодная [15] выделяет «платформы облачных вычислений», О. В. Жевняк [16] характеризует признаки платформ больших данных и цифровых платформ, О. В. Белянская и А. А. Чомаев [17] выделяют признаки, характерные для платформ интернета вещей (IoT) и платформ искусственного интеллекта. М. А. Рожкова [18; 19] не только уделяет внимание разграничению технического и юридического понимания цифровой платформы, анализирует проблемы квалификации цифровых

платформ в качестве информационных посредников, но и обосновывает необходимость выделения платформенных права в отдельную подотрасль информационного права. А. В. Нестеров [20] делает акцент на определении роли платформы в обороте информации и определении пределов ее ответственности. Е. Д. Ворникова, ссылаясь на А. В. Вайпана, обосновывает необходимость принятия закона о цифровых платформах (экосистемах) [21]. Е. Н. Стариков считает, что цифровые платформы — это технологические платформы, которые являются инструментами координации деятельности информационно-аналитических структур в экономике [22].

Несмотря на многообразие теоретических подходов к исследованию цифровых платформ, высоко оценивая вклад исследователей по отмеченным вопросам, нужно отметить, что решение научной проблемы формирования понятия цифровой платформы требует более обстоятельного исследования. Отсутствие единого терминологического аппарата, фрагментарность имеющихся норм отмечают А. А. Петроградская и О. В. Жевняк [16; 23; 24].

Таким образом, теоретические и методологические аспекты применения новых цифровых инструментов в бизнес-процессах, в сфере управления социально-экономическими системами в условиях цифровой экономики вопросы толкования понятий пока не нашли своего полного и объективного представления в современной российской и зарубежной научной литературе, исследованы недостаточно и продолжают оставаться дискуссионными.

Сформулированная проблема предопределяет **целесообразность разработки вопроса** о необходимости принять закона о цифровых платформах, не только определяющего иерархию понятий (например, цифровая платформа, социальная платформа, технологическая платформа, финансовая платформа, государственная платформа и другие), но и определяющего критерии отнесения к той или иной категории.

Цель исследования — выявление ключевых противоречий в толковании исследуемых понятий, коллизий законодательства, использующего понятия «цифровая/технологическая платформа». Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**: определено значение понятия «цифровая платформа»; проведен анализ нормативных правовых актов, содержащих определения данной категории; определен оптимальный вариант понятия «цифровая платформа» и основные признаки.

Научная новизна связана с анализом различных трактовок понятия цифровой платформы и обоснование важности ее точного определения для полного понимания роли платформ в условиях цифровой трансформации экономических процессов и управления ими.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении концептуальных аспектов, касающихся цифровых трансформаций с особым акцентом на трансформацию систем управления в реальном секторе экономики. Эти аспекты следует рассматривать через призму системного и институционального подходов. Авторы объясняют разнообразие интерпретаций платформ как цифровых, технологических или информационных именно с позиции системного подхода.

Практическая значимость работы состоит в том, что выводы и рекомендации исследования могут быть использованы для совершенствования национального законодательства, а также в сфере цифровой экономики для приме-

нения в сфере управления, включая принятие нормативных документов по формированию стратегий развития экономики. Это объясняется тем, что цифровые платформы и их экосистемы трансформируют целые сектора и различные формы социально-экономической деятельности, становятся движущей силой экономического роста.

Основная часть

Методология исследования. Авторами используются компаративистский подход, инструменты формально-нормативного, логического диалектического метода научного познания. Примененный институциональный подход позволяет классифицировать платформы по ряду признаков и разделить их на группы, в таком случае применять общее определение «цифровая платформа» ко всем видам платформ нельзя.

Результаты исследования. В информационных технологиях под термином «платформа» в широком смысле обычно понимается совокупность таких компонентов, как аппаратного решения, операционной системы, прикладных программных решений и средств для их разработки [2; 24].

В России отсутствует полное легальное определение цифровой платформы. Первоначальная официальная позиция зафиксирована в Распоряжении Правительства РФ от 30 июля 2009 г. № 1073-р, которое определяет технологическую платформу как коммуникационную систему с использованием информационных технологий. В проекте протокола заседания подкомиссии по цифровой экономике правительственной комиссии по использованию информационных технологий 25 апреля 2018 г. были сформулированы подходы к определению и типизации уже цифровых, не технологических платформ [10].

Одно из самых первых определений платформы («технологическая платформа — это объединение представителей государства, бизнеса, науки и образования вокруг общего видения научно-технического развития и общих подходов к разработке соответствующих технологий») прозвучало в аналитическом докладе Европейского Союза «Технологические платформы: от определения к общей программе исследований» в 2004 г. В России Л. В. Оболенская, Е. В. Волкодавова и Е. В. Погорелова формулировали вначале понятие технологических, а не цифровых платформ [25; 26]. Например, Е. Сендецкий определял технологические платформы как коммуникационный инструмент [27]. Анализируя работы М. А. Рожковой [19], А. А. Петроградской [23], зарубежных исследователей Х. А. Альгани, М. Кохтямки, С. Крауса [28], а также научные и аналитические отчеты российских и международных организаций (аналитический отчет Высшей школы экономики 2023 г. «Платформенная экономика в России: потенциал развития» [29]; отчет *Huawei* и *Oxford Economics* 2017 г. «Сопутствующий эффект цифровизации. Измерение реального воздействия цифровой экономики»; доклад Центрального банка РФ для общественных консультаций 2021 г. «Экосистемы: подходы к регулированию»), мы видим много выводов о том, что в настоящий момент наблюдается переход не просто к цифровой экономике, а к цифровой платформенной экономике. Мы не можем согласиться с авторами доклада Центрального банка РФ о том, что «переход к платформенной экономике связан с формированием технологических платформ, которые являются естественным

следствием совокупности факторов». Мы считаем, что технологические платформы являются коммуникационным инструментом, который может быть реализован и как элемент системы управления в информационно-цифровой экономике, и как форма интеграции разных подходов к управлению, в т. ч. к стратегическому, но требует своего правового регулирования. А вот платформенная экономика характеризуется, как считали О. В. Жевняк [24] и Т. Я. Хабриева [30], другим типом платформ, получивших название цифровых платформ. Технологическая платформа является более широким понятием, которое включает в себя множество технологий и инструментов, в то время как цифровая платформа представляет собой специфическую реализацию бизнес-процессов, нацеленную на взаимодействие пользователей и создание ценности в рамках определенной экосистемы.

В рамках Петербургского международного экономического форума в 2024 г. Президент РФ заявил о «необходимости формирования цифровых платформ во всех ключевых отраслях экономики». Тенденция увеличения количества разнообразных цифровых платформ дала толчок росту, связанных с этим, проблем правового характера. Среди них учеными выделялись отсутствие легального определения цифровой платформы и иных связанных с данной областью понятий; неопределенность правового статуса участников; неурегулированность договорных конструкций; проблемы, связанные с ответственностью участников платформ. Проблемы были выделены и сформулированы в таком виде в аналитическом докладе под редакцией А. В. Минбалева «Правовое регулирование цифровых платформ в России» в 2024 г., подготовленного Московским государственным юридическим университетом имени О. Е. Кутафина и Российской академией наук в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет—2030».

Эволюция подходов законодателя и правительства к пониманию феномена цифровой платформы позволяет выявить концептуальные противоречия в толкованиях цифровой платформы и платформенной экономики и определить направления развития правового регулирования в этой сфере.

В ранних нормативных актах, например, в Решении Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям, утвердившем 3 августа 2010 г. (протокол № 4) Порядок формирования перечня технологических платформ», технологическая платформа трактуется преимущественно как коммуникационный инструмент или пространство формирования компетенций. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р, утвердившее программу «Цифровая экономика», давало еще более размытое определение — «место», где формируются компетенции.

Но с 2019 г. наступает новый этап формирования правового регулирования цифровой экономики. Законодатель вводит определения для конкретных видов цифровых платформ — инвестиционной и финансовой. Федеральные законы от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» четко определяют платформу как «информационную систему в сети «Интернет», доступ к которой предоставляется оператором». Это сугубо функ-

циональные, технологические определения, ориентированные на регулирование конкретных рыночных сегментов — краудфандинга и финансовых сделок. Здесь платформа — это технический посредник, обеспечивающий взаимодействие между участниками.

В это же время появляются акты, характеризующие платформы как «государственные информационные системы», как совокупность программно-аппаратной среды, цифровых продуктов, информации, технологий, а также нормативных, организационных и методологических правил (Распоряжение Правительства РФ от 21 октября 2022 г. № 3102-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации “ГосТех”»). В постановлениях Правительства РФ от 7 июня 2022 г. № 1040, от 1 мая 2022 г. № 867 и от 31 декабря 2020 г. № 2429 дается характеристика цифровой платформы как информационной системы и информационного ресурса.

Более поздние нормативные правовые акты содержат определения платформ, отличные от постановлений Правительства РФ.

Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 29 апреля 2026 г.) «О защите конкуренции» в п. 4.1 ст. 4 под цифровой платформой понимается «программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети “Интернет”, обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров». Федеральные законы от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» и от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (вступает в силу с 1 октября 2026 г.) определяют цифровую платформу как государственную информационную систему. Наконец, Федеральный закон от 10 июня 2026 г. № 166-ФЗ «О технологической платформе создания, развития и эксплуатации информационных систем» (вступает в силу с 1 сентября 2027 г.) содержит понятие технологической платформы, включающей и информационные системы, и информационные технологии, и базы данных.

Таким образом, на основании анализа имеющихся нормативных правовых актов представляется возможным отметить следующее:

1. В одних актах платформа — это объект инфраструктуры, в других — инструмент или система. Это влияет на режим регулирования, т. к. объект можно регистрировать, стандартизировать, а инструмент можно использовать по своему усмотрению.

2. Эти термины нередко используются как синонимы, но в последних законах они различаются. Так, цифровая платформа — это площадка для взаимодействия пользователей (рыночная), а технологическая платформа — это платформа для создания других систем (инфраструктурная).

3. Определения колеблются от узкого понимания как информационной системы до широкого, включающего организационные, правовые и методологические элементы.

4. Финансовые и инвестиционные платформы регулируются специальными законами, а общий закон о платформенной экономике вступает только в 2026 г., что создает на сегодняшний день фрагментарное «лоскутное» регулирование.

Выводы

1. Отсутствие универсального легального определения «цифровая платформа (технологическая платформа)» остается главной проблемой. За 16 лет понятие так и не получило единой кодификации, что порождает правовую неопределенность для бизнеса, разработчиков и регуляторов.

2. Эволюция идет от организационного к техническому и обратно — к комплексному. Начав с коммуникации, законодатель пришел к технической системе, а затем осознал необходимость включения организационно-правовой составляющей, что отражает зрелость понимания платформ как многослойных структур.

3. Разграничение цифровой и технологической платформы становится трендом: первая обслуживает рынок и взаимодействие пользователей, вторая — создание и развитие информационных систем. Однако это разграничение еще не завершено и требует уточнения в подзаконных актах.

4. Конфликт между универсальным и отраслевым регулированием (Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ против специализированных законов о финансовых платформах) требует либо иерархического выстраивания норм, либо четкого определения сфер действия.

5. Практическая значимость анализа и разное значение понятия «цифровая платформа» заключается в том,

что любое новое регулирование (налоговое, антимонопольное, техническое) будет опираться на эти дефиниции, поэтому их непротиворечивость критически важна для цифровой экономики.

Заключение

Дальнейшие изменения законодательства должны быть направлены на формирование единого подхода к пониманию что такое «цифровая платформа» и выделения особенностей отдельных ее видов, предусматривающих специальное регулирование, в т. ч. укрепление процедурных гарантий защиты прав пользователей в цифровой среде, которую называют цифровой экономикой.

В связи с этим существует потребность в рамках дальнейшего законотворчества принять базовый закон о цифровых платформах, который установит иерархию понятий (цифровая платформа, технологическая платформа, социальная платформа, государственная платформа), закрепит их обязательные признаки (открытость, алгоритмичность, сетевое взаимодействие, оператор) и определит критерии отнесения к той или иной категории. Без этого единое цифровое пространство России будет испытывать коллизии, сдерживающие инновации и инвестиции. В настоящее время необходим системный акт, интегрирующий лучшие из имеющихся определений и устраняющий их внутренние противоречия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабкин А. В., Михайлов П. А. Цифровые платформы в экономике: понятие, сущность, классификация // Вестник Академии знаний. 2023. № 1(54). С. 25—36.
2. Моазед А., Джонсон Н. Платформа. Практическое применение революционной бизнес-модели : пер. с англ. М. : Альпина Пабlishер, 2019. 286 с.
3. Осипов Ю. М., Юдина Т. Н., Гелисханов И. З. Информационно-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизмы реализации // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2019. № 3. С. 41—60.
4. Heeks R. Examining “Digital Development”: The Shape of Things to Come? : Manchester Centre for Development Informatics Working Paper No. 64. Manchester, UK : Centre for Development Informatics, University of Manchester, 2016. 83 p.
5. Чернова Е. Н. Концепция информационного общества в современном социальном познании // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 112—121.
6. Амиржан К. Ж. Становление теории информационного общества // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3(40). С. 51—54.
7. Козлова В. А. Генезис теории информационного общества в XX—XXI веке // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=15216>.
8. Якунин В. И. Постиндустриализм: опыт критического анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 2(20). С. 18—30.
9. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13—82.
10. Zhukova I. Technology platforms as a basis for digital transformations of organizational and economic mechanism of management in the real economy // Norwegian Journal of development of the International Science. 2020. No. 48. Vol. 2. Pp. 11—14.
11. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 22—36. DOI: 10.18721/JE.11602.
12. Ниязова Ю. М., Гарин А. В., Злыднев М. И. Цифровая платформа как информационно-экономическая структура // Компетентность. 2021. № 1. С. 31—36.
13. Куразова Д. А., Куразова М. А. Цифровая трансформация управленческих систем в экономике на базе технологических платформ // Влияние новой геополитической реальности на государственное управление и развитие Российской Федерации : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Грозный : Чеч. гос. ун-т им. А. А. Кадырова, 2021. С. 209—213.
14. Репешко Ю. А., Степаненко Д. А. К вопросу о развитии государственных цифровых платформ // Стратегии бизнеса. 2021. Т. 9. № 2. С. 49—52.
15. Холодная Е. В. О некоторых юридически значимых особенностях технологий облачных вычислений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 2. С. 153—161. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.153-161.
16. Жевняк О. В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 4(66). С. 541—561.

17. Белянская О. В., Чомаев А. А. Процесс правореализации в условиях цифровизации // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 4. С. 630—637. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.14.
18. Рожкова М. А. Веб-сайт: от электронной папки до составляющей метавселенной — эволюция или инволюция? // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 40. № 1. С. 14—19. DOI: 10.17323/tis.2022.14212.
19. Право цифровой экономики — 2022 (18) : ежегодник-антол. / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2022. 414 с.
20. Нестеров А. В. Интернет-поле VS киберпространства // Вопросы безопасности. 2015. № 4. С. 13—27. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.4.16743.
21. Ворникова Е. Д. Проблемы адаптации антимонопольного регулирования к условиям цифровой экономики // Цифровое право. 2023. Т. 4. № 4. С. 91—106. DOI: 10.38044/2686-9136-2023-4-4-3.
22. Стариков Е. Н. Технологическая платформа как инструмент промышленной политики // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2020. № 4(28). С. 163—171.
23. Петроградская А. А. Актуальные вопросы правового регулирования цифровых платформ // Административное и муниципальное право. 2026. № 2. С. 65—76. DOI: 10.7256/2454-0595.2026.2.78167.
24. Жевняк О. В. От технологической платформы к цифровой платформе: смена парадигмы // Актуальные вопросы юриспруденции в информационном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Краснодар : Краснодар. ЦНТИ — фил. РЭА Минэнерго России, 2024. С. 48—53.
25. Оболенская Л. В. Технологические платформы в модели управления приоритетами инновационного развития // Экономическая наука современной России. 2012. № 1(56). С. 87—105.
26. Волкова Е. В., Погорелова Е. В. Управление трансфером знаний на базе технологической платформы // Фундаментальные исследования. 2014. № 12. Ч. 9. С. 1952—1956.
27. Сендецкий В. Россия и технологические платформы Евросоюза. ЕС: международная организация или сверхдержава? // ЛесПромИнформ, 2009. № 2(60). С. 3—9.
28. Abed Alghani K., Kohtamäki M., Kraus S. Mapping the landscape: unveiling the structural dynamics of industry platforms // European Journal of Innovation Management. 2024. Vol. 27. No. 9. Pp. 280—304. DOI: 10.1108/EJIM-09-2023-0748.
29. Платформенная экономика в России: потенциал развития : аналит. докл. / под ред. Л. М. Гохберга, Б. М. Глазкова, П. Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 72 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-3001-6.
30. Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции. М. : Норма, 2024. 168 с.

REFERENCES

1. Babkin A. V., Mikhailov P. A. Digital platforms in economy: concept, essence, classification. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2023;1(54):25—36. (In Russ.)
2. Moazed A., Johnson N. L. Modern Monopolies: What It Takes to Dominate the 21st Century Economy. New York, St. Martin's Press, 2016. 272 p.
3. Osipov Yu. M., Yudina T. N., Geliskhanov I. G. InformationDigital Economy: Concept, Basic Parameters and Realization Mechanisms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika = Lomonosov Economics Journal*. 2019;3:41—60. (In Russ.)
4. Heeks R. Examining “Digital Development”: The Shape of Things to Come?. Manchester Centre for Development Informatics Working Paper No. 64. Manchester, UK, Centre for Development Informatics of the University of Manchester publ., 2016. 83 p.
5. Chernova E. N. The concept of the information society in modern social cognition. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and social sciences*. 2010;6:112—121. (In Russ.)
6. Amirzhan K. Zh. Establishment of the theory of information society. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Pravo” = Herald of Omsk University. Series “Law”*. 2014;3(40):51—54. (In Russ.)
7. Kozlova V. A. The genesis of the theory of the information society in the XX-XXI century. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2014;5. (In Russ.) URL: <https://science-education.ru/en/article/view?id=15216>.
8. Yakunin V. I. Post-industrialism: the experience of critical analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2012;2:14—25.
9. Gabov A. N. Digital platform as a new legal phenomenon. *Permskii yuridicheskii al'manakh = Perm legal almanac*. 2021;4:13—82. (In Russ.)
10. Zhukova I. Technology platforms as a basis for digital transformations of organizational and economic mechanism of management in the real economy. *Norwegian Journal of development of the International Science*. 2020;48(2):11—14.
11. Geliskhanov I. Z., Yudina T. N., Babkin A. V. Digital platforms in economics: essence, models, development trends. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2018;11(6):22—36. (In Russ.) DOI: 10.18721/JE.11602.
12. Niyazova Yu. M., Garin A. V., Zlydnev M. I. Digital platform as an information and economic structure. *Kompetentnost' = Competency (Russia)*. 2021;1:31—36. (In Russ.)
13. Kurazova D. A., Kurazova M. A. Digital transformation of management systems in the economy based on technological platforms. *Vliyaniye novoi geopoliticheskoi real'nosti na gosudarstvennoye upravleniye i razvitiye Rossiiskoi Federatsii = The impact of the new geopolitical reality on public administration and development of the Russian Federation. Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference*. Grozny, Kadyrov Chechen State University publ., 2021:209—213. (In Russ.)
14. Repeshko Yu., Stepanenko D. To the issue of public digital platforms development. *Strategii biznesa = Business Strategies*. 2021;9(2):49—52. (In Russ.)

15. Kholodnaya E. V. About some Legally Significant Features of Cloud Computing Technologies. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;2:153—161. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.153-161.
16. Zhevnyak O. V. *Digital Platform as a Technical-Technological Phenomenon and Its Legal Significance*. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2024;4(66):541—561. (In Russ.)
17. Belyanskaya O. V., Chomaev A. A. The process of law enforcement in the conditions of digitalization. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanities and law research*. 2022;9(4):630—637. (In Russ.) DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.14.
18. Rozhkova M. A. Website: from an electronic folder to a component of the metaverse — evolution or involution?. *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti = Works on Intellectual Property*. 2022;40(1):14—19. (In Russ.) DOI: 10.17323/tis.2022.14212.
19. The Law of the Digital Economy — 2022 (18). Annual Anthology. M. A. Rozhkova (coord. & ed.). Moscow, Statut, 2022. 414 p. (In Russ.)
20. Nesterov A. V. The Internet field VS cyberspace. *Voprosy bezopasnosti = Security issues*. 2015;4:13—27. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-7543.2015.4.16743.
21. Vornikova E. D. The problems of adapting Antitrust Law to the digital economy. *Tsifrovoe pravo = Digital Law Journal*. 2023;4(4):91—106. (In Russ.) DOI: 10.38044/2686-9136-2023-4-4-3.
22. Starikov E. N. Technological platform as an instrument of industrial policy. *Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta = Actual problems of economics and management*. 2020;4(28):163—171. (In Russ.)
23. Petrogradskaya A. A. Current issues of legal regulation of digital platforms. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*. 2026;2:65—76. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0595.2026.2.78167.
24. Zhevnyak O. V. From a technological platform to a digital platform: a paradigm shift. *Aktual'nye voprosy yurisprudentsii v informatsionnom prostranstve = Current issues of jurisprudence in the information space. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Krasnodar, Krasnodar Scientific and Technical Information Center — Branch of the Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of Russia publ., 2024:48—53. (In Russ.)
25. Obolenskaya L. V. Technological platforms in the management model of innovation development priorities. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economics of Contemporary Russia*. 2012;1(56):87—105. (In Russ.)
26. Volkodavova E. V., Pogorelova E. V. Knowledge transfer management on the basis of technological platform. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*. 2014;12-9:1952—1956. (In Russ.)
27. Sendetsky V. Russia and the technological platforms of the European Union. The EU: an international organization or a superpower?. *LesPromInform*, 2009;2(60):3—9. (In Russ.)
28. Abed Alghani K., Kohtamäki M., Kraus S. Mapping the landscape: unveiling the structural dynamics of industry platforms. *European Journal of Innovation Management*. 2024;27(9):280—304. DOI: 10.1108/EJIM-09-2023-0748.
29. The platform economy in Russia: the potential for development. Analytical report. L. M. Gokhberga B. M. Glazkov, P. B. Rudnik, G. I. Abdrakhmanovf (eds.). Moscow, ISSEK HSE publ., 2023. 72 p. (In Russ.) DOI: 10.17323/978-5-7598-3001-6.
30. Khabrieva T. Ya. Law in the realities of the technological revolution. Moscow, Norma, 2024. 168 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.06.2026; одобрена после рецензирования 12.07.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was submitted 22.06.2026; approved after reviewing 12.07.2026; accepted for publication 13.07.2026.

Научная статья
УДК 343.1+343.98
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1703

Elena Leonidovna Kombarova

Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Forensic Examination
and Criminology,
Central branch of Lebedev Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev
Voronezh, Russian Federation
kombarova.elena.80@mail.ru

Елена Леонидовна Комбарова

канд. юрид. наук,
доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики,
Центральный филиал
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева
Воронеж, Российская Федерация
kombarova.elena.80@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ СУДЕЙ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. В статье исследована роль планирования судебного следствия как элемента криминалистической составляющей судебной деятельности. Охарактеризована специфика планирования судебного следствия судом в период действия Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР 1960 г. Отмечена активная роль судьи в процессе исследования доказательств, обуславливающая необходимость определения судом тактической линии исследования обстоятельств дела, а также отдельных тактических приемов и особенностей их реализации в ходе судебного следствия. Исследованы особенности планирования судебного следствия в реалиях действия современного УПК РФ 2001 г., в частности охарактеризовано влияние принципа состязательности уголовного процесса на специфику планирования судьей судебного следствия, предопределяющего невозможность осуществления судьей планирования процесса исследования доказательств в контексте поиска недостатков доказательственной базы, моделирования процесса доказывания с позиций следователя или иных участников уголовного судопроизводства. Выявлены сходства и различия факторов, детерминирующих планирование судебного следствия в советский период и в настоящее

время. Уделено внимание специфике планирования этапа судебного следствия в условиях цифровизации в части анализа принятия судом решения о производстве отдельных судебных действий в дистанционном формате, систематизированы достоинства и недостатки производства судебного разбирательства уголовных дел в формате видеоконференцсвязи. Предложены авторские изменения в уголовно-процессуальное законодательство, заключающиеся во внесении в УПК РФ новой ст. 231.1, в которой планируется регламентировать обязательность формирования судьей письменного плана судебного следствия к каждому судебному заседанию, охарактеризовать структуру данного плана, условия его реализации. Сформулирован тезис о том, что план судебного следствия должен являться неотъемлемой частью судебного делопроизводства и при необходимости представляться суду апелляционной инстанции вместе с материалами уголовного дела.

Ключевые слова: судебное следствие, планирование, суд, тактика, цифровизация, видеоконференцсвязь, криминалистические рекомендации, тактическая линия, тактический прием, уголовно-процессуальное законодательство, публичный интерес, частный интерес

Для цитирования: Комбарова Е. Л. Особенности планирования судьей судебного следствия в современном уголовном процессе // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 176—183. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1703.

Original article

FEATURES OF A JUDGE'S PLANNING OF THE JUDICIAL INVESTIGATION IN THE MODERN CRIMINAL PROCEDURE

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. The article examines the role of planning the judicial investigation as an element of the forensic component of judicial activity. It characterizes the specifics of the court's planning of the judicial investigation during the period of the RSFSR Criminal Procedure Code of 1960. The article notes the active role of the judge in the process of examining evidence, which necessitates the court's determination of the tactical line of examining the circumstances of the case, as well as individual tactics and their implementation during the judicial investigation. The article explores the features of the planning of the judicial investigation

in the context of the modern Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001, particularly the influence of the adversarial principle in criminal proceedings on the specifics of a judge's planning of the judicial investigation, which determines the impossibility of the judge's planning of examining evidence in the context of finding flaws in the evidence base and modeling the process of proof from the perspective of the investigator or other participants in criminal proceedings. The article identifies similarities and differences in the factors that determine the planning of the judicial investigation in the Soviet period

and in the present day. Attention is paid to the specifics of planning the stage of the judicial investigation in the context of digitalization, including the analysis of the court's decision to conduct certain judicial actions in a remote format, and the systematization of the advantages and disadvantages of conducting criminal trials using video conferencing. The author proposes changes to the criminal procedure legislation, which include the introduction of a new article 231.1 in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which regulates the obligation for the judge to create a written plan of the judicial inves-

tigation for each court session, describes the structure of this plan, and outlines the conditions for its implementation. The author argues that the plan of the judicial investigation should be an integral part of the judicial record-keeping process and should be presented to the court of appeal, along with the materials of the criminal case, if necessary.

Keywords: judicial investigation, planning, court, tactics, digitalization, video conferencing, forensic recommendations, tactical line, tactical technique, criminal procedure legislation, public interest, private interest

For citation: Kombarova E. L. Features of a judge's planning of the judicial investigation in the modern criminal procedure. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):176—183. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1703.

Введение

Актуальность. Планирование судебного следствия представляет особый интерес для исследования, поскольку значимость данного вида деятельности весьма велика: именно планирование позволяет упорядочить процесс судебного следствия, сделать его объективным и всесторонним, обеспечить реализацию прав участников уголовного процесса. Поэтому требует углубленного изучения специфики реализации современного планирования судом судебного следствия в условиях состязательности уголовного процесса, выявление особенностей влияния процесса цифровизации на процесс планирования производства судебных действий. Представляет интерес и сравнительное исследование криминалистических рекомендаций советского периода по планированию судебного следствия, установление сходств и различий тактических рекомендаций по планированию, сформированных в прошлом и на современном этапе, что позволит глубже исследовать факторы, влияющие на специфику планирования судебного следствия и повысить эффективность соответствующих криминалистических рекомендаций.

Изученность проблемы. Специфика планирования судом судебного следствия в советский период исследовалась в работах М. С. Строговича [1] и Г. А. Воробьева [2]. Значительный вклад в разработку тактической составляющей судебной деятельности, в т. ч. планирования, внесен Л. Е. Ароцкером [3]. Ю. В. Корневский обращался к анализу процесса планирования судебного следствия уже в преддверии введения в действие Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) РФ 2001 г., анализируя значимые положения проекта уголовно-процессуального законодательства, влияющие на криминалистическую тактику судьи [4]. В настоящее время анализу тактики судебного следствия в уголовном судопроизводстве посвящены монографии О. А. Сычевой [5], А. Ю. Корчагина [6], научные статьи Е. В. Цехомской [7], Л. В. Черечукиной и О. Г. Зацепиной [8], С. В. Кобылинской и А. А. Баранникова [9]. Проблемы криминалистического обеспечения процесса доказывания, в т. ч. на этапе судебного следствия, исследованы А. А. Корчагиным [10]. Отдельные вопросы подготовки судьи к судебному заседанию изучены О. А. Козиной [11]. Некоторые проблемные аспекты правоприменения в рамках судебного следствия раскрыты Д. Д. Бобылёвым и Л. В. Новиковой [12]. Особенности использования видеоконференцсвязи (далее — ВКС) в уголовном судопроизводстве отражены А. В. Тарасовым и А. Р. Темзоковым [13], Т. В. Трубниковой и А. В. Грищенко [14], Е. Н. Серовой [15].

Однако многие тезисы современных исследователей в части планирования судебного следствия представляются нам спорными, имеющими дискуссионный характер. Также следует отметить недостаточную изученность вопроса о планировании судебного следствия в современных реалиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Целесообразность разработки темы. Сравнительный анализ рекомендаций, посвященных планированию судебного следствия, сформулированных учеными советского периода и современными исследователями, необходим с целью исследования трансформации парадигмы криминалистических знаний в сфере подготовки судом уголовных дел к судебному разбирательству, выработки более эффективных рекомендаций суду с учетом современных реалий процесса цифровизации. Важно исследование специфики современного планирования судьей судебного следствия с учетом новелл, предопределяющих возможность производства отдельных судебных действий с использованием ВКС.

Научная новизна. Исследование вносит вклад в разработку теоретических основ криминалистического планирования судебного следствия. Посредством сравнительного анализа криминалистической доктрины советского периода и настоящего времени выявлены сходства и различия криминалистических рекомендаций, адресованных суду в части планирования судебного следствия, осуществлен анализ организации судебного следствия судьей с учетом процесса цифровизации, предопределяющего особенности процессуальной и криминалистической судебной деятельности.

Сформулированы авторские предложения по внесению изменений в УПК РФ, заключающиеся во включении в гл. 33 новой ст. 231.1, закрепляющей обязательность составления судьей письменного плана судебного следствия к каждому судебному заседанию при разрешении уголовного дела в общем порядке, а также характеризующей вопросы, подлежащие планированию.

Цели работы — на основе исследования уголовно-процессуального законодательства и криминалистической доктрины осуществить сравнительный анализ особенностей осуществления судом планирования судебного следствия в период действия УПК РСФСР 1960 г. и современного УПК РФ 2001 г., сформировать рекомендации, направленные на совершенствование криминалистической составляющей и уголовно-процессуального законодательства в части планирования судебного следствия.

Задачи исследования:

— осуществить анализ роли и значения планирования судебного следствия в уголовном судопроизводстве;

- провести сравнительный анализ судебной деятельности, связанной с планированием судьей судебного следствия в советский период и в настоящее время;
- охарактеризовать специфику современного планирования судебного следствия в условиях цифровизации.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении научных знаний о планировании судебного следствия судом в современных реалиях, в т. ч. формулировании гносеологической содержательной составляющей осуществления судом планирования судебного следствия, разработке авторских рекомендаций по формированию уголовно-процессуальной регламентации процесса планирования при рассмотрении уголовных дел в общем порядке.

Практическая значимость работы определяется тем, что исследование позволит усовершенствовать процесс планирования судьей судебного следствия в современном уголовном процессе.

Методология исследования основана на анализе криминалистической доктрины, положениях УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ 2001 г. Методами исследования явились сравнительный метод, индукция, дедукция, анализ, синтез.

Основная часть

В середине XX в. увидели свет многие криминалистические исследования, посвященные анализу тактических аспектов судебного разбирательства. В данных научных трудах исследовалась специфика организации судебного разбирательства, особенности производства различных судебных действий. Одним из наиболее важных элементов анализа криминалистической составляющей судебной деятельности являлось исследование планирования судьей судебного следствия.

Значимость планирования судебного следствия в советский период была обусловлена такими факторами как необходимость обеспечения всесторонности, полноты и объективности судебного исследования преступлений, способствование выяснению причин и условий, способствующих совершению преступных деяний. Планирование судебного следствия позволяло суду определить порядок и объем судебного исследования обстоятельств дела, систематизировать доказательства, наметить пути проверки судебных версий, выявить ожидаемые результаты судебного следствия, а при обнаружении судом пробелов в доказательственной базе, как отмечал Л. Е. Ароцкер, было «необходимо определить, какими процессуальными действиями их можно устранить и осуществимо ли это в процессе судебного разбирательства. Нужно предусмотреть в плане производство судебных действий, которые позволили бы самому суду восполнить имеющиеся пробелы» [3, с. 70].

Данные факторы позволяли отнести планирование судебного следствия к важнейшему методу организации судебного процесса, который во многом позволял обеспечить четкость, целеустремленность, рациональность судебного разбирательства.

Уголовный процесс советского периода характеризовался активной руководящей ролью судьи в исследовании всех обстоятельств уголовного дела. Согласно ст. 279 УПК РСФСР 1960 г. суд определял порядок исследования доказательств, по собственной инициативе мог инициировать производство любого судебного действия следственного характера (гл. 23 УПК РСФСР 1960 г.). Судья первым осуществлял допрос подсудимого, потерпевшего, свидетеля, что требовало глубокого планирования как тактической

линии судебного следствия в целом, так и тактики производства отдельных судебных действий на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Суд, оценивая факты, предварительно для себя устанавливал степень достоверности их выяснения, и определял, какие процессуальные действия и сколько необходимо провести для установления фактических обстоятельств исследуемого события.

Структура плана судебного следствия не была четко установленной, но, как правило, она должна была включать в себя следующие элементы: судебные версии, подлежащие проверке; основные данные материалов предварительного следствия, характеризующие исследуемые факты и обстоятельства; вопросы, которые нужно выяснить; перечень основных судебных действий, которые необходимо провести и их последовательность.

Однако после принятия УПК РФ 2001 г. произошла существенная трансформация основополагающих принципов уголовного судопроизводства, обусловившая дискуссионность вопроса о роли и назначении судьи в современном уголовном процессе. Отдельными авторами принцип состязательности уголовного процесса нередко противопоставляется объективной истине как цели доказывания, на первый план ими выдвигается не достоверность познания фактов и обстоятельств по уголовному делу, а степень доказанности сторонами своих позиций, исходя из которой судья выносит итоговое решение, что изначально предопределяет незначительную активность суда в исследовании доказательств. Отмечается, что суд, активно осуществляющий процесс исследования обстоятельств дела, собирая доказательства, не может являться независимым и объективным, поскольку, получая какую-либо доказательственную информацию, формирует доказательственную базу либо защиты, либо обвинения [16]. Прежде всего, полагают авторы, для суда в этом случае может быть характерен обвинительный уклон в исследовании обстоятельств дела, что превратит состязательный процесс в розыскной [17].

Произошли и значимые изменения в регламентации уголовно-процессуальной составляющей судебной деятельности. В частности, имеют место определенные законодательные ограничения, накладывающие отпечаток на специфику судебного планирования. Так, в настоящее время в состязательном уголовном процессе порядок исследования доказательств определяет не суд, а стороны, представляющие доказательства (ст. 274 УПК РФ). Не все судебные действия могут проводиться по инициативе суда. Так, только по ходатайству сторон осуществляется осмотр вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ), оглашение показаний подсудимого (ст. 276 УПК РФ). В отношении ряда судебных действий УПК РФ не содержит сведений о том, по чьей инициативе они могут быть осуществлены (осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование). Данные факторы, безусловно, в некоторой степени ограничивают инициативность судьи в ходе судебного следствия, однако мы убеждены, что и в данных условиях необходимость познания судьей достоверных обстоятельств исследуемого события остается неизменной.

Согласно ст. 86 УПК РФ судья является самостоятельным субъектом доказывания и наделен правом собирания доказательств, он по своей инициативе может назначить производство подавляющего большинства судебных действий следственного характера. Статья 297 УПК РФ

предписывает необходимость соответствия приговора суда критериям законности, обоснованности и справедливости, судебное решение не может быть основано на противоречивых доказательствах. Данные положения закона обуславливают необходимость познания судом объективной истины, установления достоверных обстоятельств исследуемого события и в реалиях действия современного УПК РФ 2001 г.

Необходимость криминалистического обеспечения процесса доказывания абсолютно на всех этапах уголовного судопроизводства, в т. ч. в рамках судебного разбирательства, отмечается современными исследователями. В частности, А. А. Корчагин отмечает общность целей предварительного и судебного следствия — вынесение законного и обоснованного решения, единство предмета доказывания, закрепленного в ст. 73 УПК РФ, в то же время указывая на специфику судебного следствия, предопределяемую особыми судебными ситуациями, требующими своего собственного криминалистического алгоритма разрешения, в т. ч. анализа криминалистической характеристики и механизма совершения преступления для их сопоставления с установленными обстоятельствами и оценки [10, с. 202]. Автор указывает, что судом исследуется модель механизма преступного события, сформулированная в обвинительном заключении, установление которой требует применения различных криминалистических приемов в ходе производства судебных действий следственно-го характера [18, с. 37].

Весьма важно исследование вопроса о специфике осуществления судом планирования судебного следствия в условиях современного состязательного уголовного судопроизводства в реалиях УПК РФ 2001 г.

Прежде всего, следует отметить, что отдельные принципы планирования судом судебного следствия и в настоящее время идентичны рекомендациям прошлых лет и современные исследователи учитывают особенности рассмотрения доказательств в суде, сформулированные еще учеными советского периода, руководствуясь следующими постулатами: 1) судебное следствие является деятельностью исследовательской, а не поисковой ввиду наличия собранной следователем доказательственной базы, подлежащей анализу; 2) заранее сформированный следователем массив информации делает процесс планирования четким, целенаправленным, последовательным, дает возможность суду «до начала судебного разбирательства выявить не совсем понятные, спорные вопросы, и уяснить, на какие из них следует обратить особое внимание, что конкретно нужно выяснить, и каким путем их можно разрешить» [8, с. 246]; 3) вместе с тем, информационная определенность об обстоятельствах дела, наличествующая не только у суда, но и у сторон, лишает судью возможности использовать фактор внезапности, применять специфические тактические приемы, основанные на маневрировании доказательственной информацией.

Однако в то же время современное планирование судьей судебного следствия имеет свою важную специфику. Многие положения советской доктрины криминалистической доктрины в этой части уже нельзя считать актуальными.

Целенаправленный поиск пробелов и противоречий в доказательственной базе по делу, сформированной следователем, неизбежно ставит судью в позицию обвинителя, препятствует объективному и всестороннему рассмотрению уголовного дела по существу. В равной степени судья

не вправе предварительно оценивать степень достоверности установленных следователем обстоятельств, поскольку на этапе подготовки дела к судебному разбирательству достоверно оценить качество доказательственной базы с позиции ее объективности невозможно и это может повлечь предубежденность суда при исследовании криминального события в ходе судебного следствия.

Но отдельные ученые и в настоящее время предлагают судье при подготовке дела к судебному разбирательству представить себя на месте следователя и искать недостатки процесса доказывания, осуществленного следователем, формируя пути устранения пробелов и противоречий. Так, выражаем несогласие с криминалистическими рекомендациями судье по организации подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, сформулированными А. Ю. Корчагиным. Автор, отмечая, что систематизация и обоснование доказательств в уголовных делах, поступивших в суд, не всегда являются оптимальными, считает, что судья должен мысленно налагать модель расследования, произведенного следователем, на научно обоснованную (сформулированную в криминалистической методике расследования преступления соответствующей категории), выявлять недостатки и упущения следователя, и соответственно конкретизировать предмет судебного разбирательства (с учетом заявленных сторонами ходатайств в период подготовки дела к судебному разбирательству) [6].

Думается, что выявлять недостатки доказывания должен всё же прокурор, которому направлено уголовное дело для направления его в суд.

Убеждены, что судья в состязательном уголовном судопроизводстве не должен осуществлять несвойственные ему функции, моделируя деятельность следователя и целенаправленно выявляя подлежащие устранению ошибки и недостатки расследования. Вместе с тем судья обязан оценить количество и качество представленных доказательств *с целью установления наличия или отсутствия препятствий для рассмотрения уголовного дела в судебном заседании*. При этом анализ материалов уголовного дела должен осуществляться именно с позиции судьи, демонстрирующего свое видение имеющихся проблем доказательственной базы, которые могут препятствовать постановлению объективного и справедливого приговора судом.

Однако на данном этапе преждевременно считать выявленные проблемы доказывания следственными ошибками, нуждающимися в исправлении (если речь не идет о грубых нарушениях процессуального закона, препятствующих разрешению дела в судебном заседании). Особенности доказательственной базы демонстрируют специфику видения уголовного дела следователем, его оценку достаточности и достоверности доказательств для установления различных фактов и обстоятельств исследуемого события. При этом, поскольку все субъекты доказывания оценивают доказательства на основании своего внутреннего убеждения и в уголовном процессе действует принцип свободы оценки доказательств, судья имеет право на свою собственную оценку доказательств, устанавливающих факты и события, нередко отличную от оценки следователя. Данный фактор обуславливает необходимость осуществления судьей планирования судебного следствия с целью устранения гносеологически проблемных именно для него ситуаций, препятствующих постановлению объективного и справедливого приговора.

В состязательном уголовном судопроизводстве функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела по существу четко разделены, однако в настоящее время ученые рекомендуют суду осуществлять планирование с учетом планов государственного обвинителя и защитника, прогнозируя их содержание [9] и таким образом определяя направление, порядок и пределы исследования материалов уголовного дела. Данная рекомендация по прогнозированию планов обвинителя и защитника видится нам некорректной, поскольку предполагает отклонение судьи от принципа состязательности.

В условиях современного состязательного процесса судья, безусловно, должен планировать судебное следствие, отмечая для себя определенные, недостаточно, на его взгляд, доказанные или вызывающие сомнение факты и обстоятельства исследуемого события и разрабатывать для себя некий возможный алгоритм его познания, но именно исключительно в рамках своего видения судьи как самостоятельного субъекта доказывания, а не ставить себя на место государственного обвинителя или защитника. При этом реализовать намеченный план по исследованию доказательств судья сможет в том случае, если неполнота и противоречивость доказательственной базы в ходе судебного следствия не устранены сторонами. При этом в рамках судебного процесса планирование суда должно носить «точный» характер и находить реализацию лишь при отсутствии инициативности сторон.

Что же касается разрешения уголовных дел в особом порядке, судья не должен формировать план судебного следствия по делам данной категории в силу специфики законодательной регламентации данного этапа судебного разбирательства, однако криминалистические особенности судебной деятельности должны быть отражены в плане подготовки судом уголовного дела к судебному разбирательству. Как верно указывает Р. С. Хамидуллин, «судейская подготовка должна включать построение «контрольной гипотезы» о возможных вариантах искажений доказательственной информации (например, самооговора, оговора соучастников... определение зон повышенного риска (квалификация при неполной фактической базе, искусственное «усиление» обвинения за счет недоказанных эпизодов, подмена фактических обстоятельств юридическими формулами)» [19, с. 81].

Одним из важнейших направлений современного планирования судьей судебного следствия является разрешение вопроса о возможности производства судебного следствия и отдельных судебных действий в формате ВКС.

Поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит четких указаний относительно исчерпывающего перечня оснований производства следственных действий посредством ВКС и необходимых технических условий для их реализации, судья разрешает данные вопросы по своему усмотрению.

При планировании судебных действий по ВКС судье необходимо учитывать качество связи, определять место, время проведения судебного действия (учитывая, что в другом городе или регионе местное время может различаться, что влечет риск нарушения законодательного запрета производства следственных действий в ночное время), а также заранее продумывать тактику производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания по ВКС, поскольку дистанционный характер производства судебных действий накладывает отпечаток на специфику тактических приемов их проведения [13, с. 134—136].

Но самое главное, судья должен соблюсти баланс интересов, которые должны приниматься во внимание при производстве судебного следствия в рамках ВКС. Т. В. Трубникова и А. В. Грищенко обоснованно отмечают, что существует целый спектр интересов, подлежащих учету при принятии судом решения о судебном разбирательстве в формате ВКС — «публичный интерес, направленный на установление истины по делу; публичные и частные интересы, направленные на реализацию права обвиняемого и потерпевшего на судебную защиту; публичные и частные интересы, заключающиеся в обеспечении разумного срока уголовного судопроизводства; публичные и частные интересы, связанные с необходимостью обеспечения безопасности свидетелей и других участников процесса, а также интерес государства, направленный на ускорение и удешевление уголовного судопроизводства» [14, с. 239].

Безусловно, данные интересы равноценны и должны подлежать реализации без превалирования одного интереса над другим, поэтому основная задача судьи — поиск разумного баланса, выбор верного решения о формате судебного следствия с учетом достоинств и недостатков производства судебного разбирательства посредством ВКС.

Анализ научной литературы и судебной практики позволяет выделить следующие положительные аспекты использования ВКС в судебном заседании: обеспечение права на осуществление правосудия в разумный срок посредством использования ВКС; реализация безопасности участников судебного процесса; обеспечение доступа к правосудию субъектам уголовного судопроизводства в случае проблематичности непосредственного участия в судебном заседании ввиду нахождения в СИЗО и сложностей с этапированием, нахождения в удаленной от места судебного разбирательства местности и т. д.

Вместе с тем имеются и определенные недостатки подобного формата судебного разбирательства. К их числу отнесены: затруднение непосредственного исследования подсудимым доказательств по делу (проблематично ознакомление с письменными и вещественными доказательствами); сложность донесения до судьи своей позиции по делу в дистанционном формате; проблемность для суда установления психологического контакта при допросе участников процесса; затруднительность оценки судьей степени достоверности показаний допрашиваемых; отсутствие психологического воздействия на участников очной ставки; нередкое ограничение права подсудимого на защиту ввиду проблематичности обеспечения права на конфиденциальность общения с адвокатом; достаточная дороговизна технологий; технические проблемы, влияющие на качество связи и препятствующие эффективному производству судебных действий в дистанционном формате (прежде всего, проведению опознания) [15].

Соответственно, судья при принятии решения о проведении судебного заседания в дистанционном формате должен учитывать все указанные факторы и обоснованно мотивировать свое решение.

Заключение

Судья, анализируя материалы предварительного расследования, в обязательном порядке должен осуществлять планирование судебного следствия, если уголовное дело подлежит разрешению в общем порядке. Только в этом случае судебное разбирательство будет целенаправленным,

упорядоченным и эффективным. Письменный план судебного следствия должен являться неотъемлемой частью судебного делопроизводства и при необходимости представляться суду апелляционной инстанции вместе с материалами уголовного дела.

Основные различия планирования судьей судебного следствия в советский период и в настоящее время, на наш взгляд, заключаются в следующем:

1. Судья не вправе в рамках планирования судебного следствия осуществлять, как это было ранее, активную целенаправленную деятельность, связанную с поиском недостатков доказательственной базы предварительного расследования и выбором путей их устранения, поскольку в этом случае он неизбежно становится участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Но вместе с тем судья обязан обеспечить полноту и всесторонность исследования обстоятельств дела, реализацию принципа состязательности и равноправия сторон, что обуславливает необходимость осуществления им глубокого анализа материалов дела, в т. ч. поступивших ходатайств, с целью качественной реализации обязанностей председательствующего в соответствии с ч. 1 ст. 243 УПК РФ.

2. При планировании судебного следствия в процессе подготовки к судебному разбирательству судья не вправе исследовать материалы дела, моделируя работу следователя или прогнозируя план исследования доказательств государственным обвинителем и защитником, и исходя из этих параметров планировать свою работу, т. к. при этом судья утрачивает независимость, объективность и беспристрастность, происходит нарушение принципа состязательности.

Отметим, что метод мысленного моделирования, реализуемый с целью воспроизведения поведения и действий участников процесса, формирования искусственных ситуаций для определения вероятности наступления различных фактов, подходит прежде всего государственным обвинителям и применяется ими на практике [20]. Но судья должен анализировать материалы дела исключительно исходя из своего собственного видения установленных следователем фактов, не ставя себя на место какого-либо участника процесса, и намечать пути разрешения вопросов, возникших у него именно как у самостоятельного субъекта доказывания, независимо и объективно устанавливающего все обстоятельства исследуемого события.

При этом может иметь место моделирование судьей организационных аспектов предстоящего судебного следствия и процессуальных судебных действий.

3. Факультативность самостоятельной реализации судом пунктов намеченного плана является неотъемлемой чертой судебного следствия, поскольку активная роль сторон в процессе доказывания зачастую устраняет необходимость самостоятельного инициирования судом судебных действий, однако *оценку* полученных результатов судья в любом случае обязан осуществить.

4. План судебного следствия должен формироваться судьей в обязательном порядке применительно к каждому судебному заседанию, включающему в себя данный этап уголовного судопроизводства, и являться неотъемлемой частью судебного делопроизводства.

Планирование судебного следствия является одним из элементов подготовки судьи к судебному заседанию. Как верно отмечает О. А. Козина, «организационно-подготовительные действия не предусмотрены законом напрямую, они направлены на создание условий для проведения судебного разбирательства» [11, с. 39]. Однако считаем, что следует именно законодательно регламентировать деятельность судьи по обязательному осуществлению планирования как судебного разбирательства в целом, так и судебного следствия как его центрального элемента. Обязательность формирования плана судебного следствия исключит возможность осуществления судебного разбирательства неподготовленным судьей, лишь пассивно выслушивающим стороны, упорядочит судебный процесс и сделает его гносеологически объективным.

Предлагаем скорректировать положения УПК РФ, регламентирующие подготовку судьи к судебному разбирательству, и ввести в гл. 33 УПК РФ ст. 231.1 следующего содержания:

«1. Планирование судьей судебного разбирательства является обязательным. План составляется судьей в письменном виде к каждому судебному заседанию и является неотъемлемой частью судебного делопроизводства.

2. План судебного следствия по уголовным делам, разрешаемым в общем порядке, включает в себя следующие элементы:

1) обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу;

2) частные судебные версии (судья их формулирует при наличии у него вопросов к доказательственной базе, собранной следователем);

3) вопросы, которые нужно выяснить суду в ходе исследования всех обстоятельств криминального события с целью установления всех элементов состава преступления;

4) при наличии нескольких подсудимых определяется планируемая очередность представления ими доказательств в соответствии с частью 4 статьи 274 настоящего Кодекса;

5) перечень основных судебных действий, которые целесообразно провести для проверки частных судебных версий и примерный план их проведения;

6) формат производства судебных действий (очно или по видеоконференцсвязи).

При дистанционном формате судья прописывает в плане совокупность организационных вопросов, подлежащих разрешению с целью надлежащей организации производства процессуальных действий в ходе судебного следствия».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. 703 с.
2. Воробьев Г. А. Планирование судебного следствия. М. : Юридическая литература, 1978. 80 с.
3. Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М.: Юридическая литература, 1964. 223 с.
4. Корневский Ю. В. Криминалистика для судебного следствия. М. : Центр ЮрИнфоР, 2001. 198 с.
5. Сычева О. А. Тактика судебного следствия : моногр. Ульяновск : Вектор-С, 2012. 239 с.
6. Корчагин А. Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. М.: Юридический мир, 2007. 141 с.

7. Цехомская Е. В. Об организационно-аналитической деятельности в судебном разбирательстве уголовных дел // Общество и право. 2012. № 3(40). С. 221—224.
8. Черечукина Л. В., Зацепина О. Г. Специфика планирования исследования доказательств судом в уголовном судопроизводстве // Проблемы права: теория и практика. 2022. № 58. С. 239—252.
9. Кобылинская С. В., Баранников А. А. Соотношение понятий «планирование» и «организация» судебного следствия // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 95. С. 1192—1203.
10. Корчагин А. А. Криминалистическое обеспечение процесса доказывания на предварительном и судебном следствии по уголовным делам // Закон. Право. Государство. 2024. № 4(44). С. 199—202.
11. Козина О. А. Особенности подготовки судьи к судебному разбирательству уголовного дела // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов XIII Всерос. науч.-практ. конф. Пермь : Перм. ин-т ФСИН России, 2026. Т. 2. С. 38—43.
12. Бобылёв Д. Д., Новикова Л. В. Теория правоприменения: судебное следствие в уголовном судопроизводстве // Международный научно-исследовательский журнал. 2026. № 7(169). DOI: 10.60797/IRJ.2026.169.84.
13. Тарасов А. В., Темзоков А. Р. Проблемы и перспективы использования современных технико-криминалистических средств в уголовном судопроизводстве (на примере внедрения видеоконференцсвязи в уголовный процесс) // Теория и практика общественного развития. 2022. № 9. С. 132—137. DOI: 10.24158/tpor.2022.9.18.
14. Трубникова Т. В., Грищенко А. В. Баланс публичных и частных интересов при применении видеоконференц-связи в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 236—253.
15. Серова Е. Н. Достоинства и недостатки видеоконференц-связи и веб-видеоконференц-связи в судебном заседании. Анализ судебной практики // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 773—781.
16. Карякин Е. А. Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М. : Юрлитинформ, 2009. 295 с.
17. Рыбинская Е. Т. Функция суда при рассмотрении уголовного дела // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 6. С. 79—82.
18. Корчагин А. А. Современные тенденции развития российской преступности, обуславливающие необходимость технико-криминалистического обеспечения процесса доказывания по уголовным делам // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2024. Вып. 12. С. 31—38.
19. Хамидуллин Р. С. Тактико-криминалистическое обеспечение подготовки к судебному заседанию при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и практика. 2026. Т. 22. № 1. С. 75—86.
20. Круцких А. В. Метод мысленного моделирования как способ установления фактических обстоятельств уголовного дела в судебном следствии // Санкт-Петербургская школа криминалистики : материалы VII Всерос. криминалист. форума. СПб. : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2026. С. 108—111.

REFERENCES

1. Strogovich M. S. The course on Soviet criminal procedure. Moscow, 1958. 703 p. (In Russ.)
2. Vorob'ev G. A. Planning the judicial investigation. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1978. 80 p. (In Russ.)
3. Arotsker L. E. The use of forensic data in the trial of criminal cases. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1964. 223 p. (In Russ.)
4. Korenevsky Yu. V. Forensic science for the judicial investigation. Moscow, JurInfoR Center, 2001. 198 p. (In Russ.)
5. Sycheva O. A. Tactics of the judicial investigation. Monograph. Ulyanovsk, Vektor-S, 2012. 239 p. (In Russ.)
6. Korchagin A. Yu. Trial of criminal cases: concept, organization, tactics. Moscow, Yuridicheskii mir, 2007. 141 p. (In Russ.)
7. Tsekhomskaya E. V. On organizational and analytical activities in the trial of criminal cases. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2012;3(40):221—224. (In Russ.)
8. Cherechukina L. V., Zatssepina O. G. The specifics of planning the study of evidence by the court in criminal proceedings. *Problemy prava: teoriya i praktika = Issues of law: theory and practice*. 2022;58:239—252. (In Russ.)
9. Kobylinskaya S. V., Barannikov A. A. Ratio of concepts of planning and organization in judicial examination. *Nauchnyi zhurnal KubGAU = Scientific Journal of KubSAU*. 2014;95:1192—1203. (In Russ.)
10. Korchagin A. A. Forensic support of the evidentiary process at the preliminary and judicial investigation in criminal cases. *Zakon. Pravo. Gosudarstvo = Lex. Jus. Civitas*. 2024;4(44):199—202. (In Russ.)
11. Kozina O. A. Peculiarities of the preparation of a judge for the trial of a criminal case. *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya = Penitentiary system and society: experience of interaction. Collection of materials of the XIII All-Russian scientific and practical conference*. Perm, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia publ., 2026;2:38—43. (In Russ.)
12. Bobilyov D. D., Novikova L. V. The theory of law enforcement: judicial investigation in criminal proceedings. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2026;7(169). (In Russ.) DOI: 10.60797/IRJ.2026.169.84.
13. Tarasov A. V., Temzokov A. R. Challenges and opportunities for the use of modern forensic equipment in criminal proceedings (case study of the videoconferencing introduction in penal trials). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2022;9:132—137. (In Russ.) DOI: 10.24158/tpor.2022.9.18.
14. Trubnikova T. V., Grishchenko A. V. Balance of public and private interests when using videoconferencing in the criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2023;497:236—253. (In Russ.)
15. Serova E. N. Advantages and disadvantages of videoconferencing and web video conferencing in court session. analysis of judicial practice. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*. 2021;15:773—781. (In Russ.)

16. Karyakin E. A. Theoretical and practical problems of the formation of truth in a criminal case in the court of first instance. Moscow, Yurlitinform, 2009. 295 p. (In Russ.)
17. Rybinskaya E. T. The function of a court in a criminal procedure. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 2006;6:79—82. (In Russ.)
18. Korchagin A. A. Modern trends in the development of Russian crime, which necessitate the technical and forensic support of the process of proving criminal cases. *Problemy pravovoi i tekhnicheskoi zashchity informatsii = Legal and Technical Problems of Information Security*. 2024;12:31—38. (In Russ.)
19. Khamidullin R. S. Tactical and Criminalistic Support for Court Preparation When Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Yuridicheskaya nauka i praktika = Juridical science and practice*. 2026;22(1):75—86. (In Russ.) DOI: 10.25205/2542-0410-2026-22-1-75-86.
20. Krutskikh A. V. The method of mental modeling as a way of establishing the factual circumstances of a criminal case in a court investigation. *Sankt-Peterburgskaya shkola kriminalistiki = Saint Petersburg school of forensic science. Proceedings of the VII All-Russian forensic forum*. Saint Petersburg, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation publ., 2026:108—111. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.06.2026; одобрена после рецензирования 18.07.2026; принята к публикации 20.07.2026.
The article was submitted 29.06.2026; approved after reviewing 18.07.2026; accepted for publication 20.07.2026.

Научная статья
УДК 341.9
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1751

Natalia Alexandrovna Sineva
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of International Law,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation
n.a.sineva@mail.ru

Наталья Александровна Синёва
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры международного права,
Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Российская Федерация
n.a.sineva@mail.ru

ГАРМОНИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ В РАМКАХ ЕАЭС

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. В статье исследуются теоретические и практические аспекты гармонизации правового регулирования торговых отношений в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Автор обосновывается, что формирование единого правового поля в ЕАЭС сопряжено с необходимостью унификации категориально-го аппарата, используемого в законодательстве государств-членов при регламентации внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности.

В работе проводится сравнительно-правовой анализ национальных законодательных актов Российской Федерации, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Кыргызской Республики. В результате проведенного анализа делается вывод, что термины «внешнеэкономическая деятельность» и «внешнеторговая деятельность» в нормативных правовых актах стран — участниц ЕАЭС рассмотрены в различной степени, при этом в последнее время актуальна фиксация на законодательном уровне термина «внешнеторговая деятельность».

Существенное значение в рамках данного исследования приобретает разграничение понятий «взаимная торговля» и «встречная торговля». Делается вывод, что первый из указанных терминов закреплён преимущественно в нор-

мах таможенного законодательства и используется в статистических целях, тогда как второй раскрывается через договорные конструкции. В системе международного частного права основополагающим источником, регламентирующим отношения в сфере встречной торговли, выступает Правовое руководство ЮНСИТРАЛ по международным встречным торговым сделкам 1992 г. На основе проведенного анализа резюмируется, что в рамках ЕАЭС сегодня преимущественно применяются механизмы взаимной торговли, тогда как встречная торговля, представляющая собой сложный институт международного частного права, остается нормативно неурегулированной на наднациональном уровне. Указанное обстоятельство актуализирует необходимость углубленного доктринального осмысления правовых режимов взаимной и встречной торговли как предпосылки выработки эффективных регуляторных механизмов в условиях евразийской интеграции.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз / ЕАЭС, внешнеторговая деятельность, внешнеэкономическая деятельность, гармонизация, унификация, предпринимательская деятельность, взаимная торговля, встречная торговля, внутринациональное право стран ЕАЭС, международное частное право

Для цитирования: Синёва Н. А. Гармонизация правового регулирования в сфере торговли в рамках ЕАЭС // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 184—191. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1751.

Original article

HARMONIZATION OF LEGAL REGULATION IN THE TRADE SPHERE WITHIN THE EAEU

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. The article explores the theoretical and practical aspects of harmonizing the legal regulation of trade relations within the Eurasian Economic Union (EAEU). The author argues that creating a unified legal framework in the Union requires standardizing the terminology used in the legislation of member states when regulating foreign economic and trade activities.

The paper carries out a comparative legal analysis of the national legislative acts of the Russian Federation, the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, and the Kyrgyz Republic. As a result of this analysis, the author concludes that the terms ‘foreign econo-

mic activity’ and ‘foreign trade activity’ in the legal acts of the Union member states are addressed to varying degrees. At the same time, it has recently become relevant to officially record the term ‘foreign trade activity’ at the legislative level.

Within the framework of this study, the distinction between the concepts of “mutual trade” and “countertrade” is of significant importance. The author concludes that the first of these terms is primarily enshrined in the norms of customs legislation and is used for statistical purposes, whereas the second is revealed through contractual structures. In the system of international private law, the fundamental source regulating relations in the field of countertrade is

the 1992 UNCITRAL Legal Guide on International Countertrade Transactions. Based on the analysis, the author sums up that within the EAEU, they are mutual trade mechanisms that are mostly used today, while countertrade, which is a complex institution of international private law, remains normatively unregulated at the supranational level. This situation highlights the need for a deeper doctrinal understanding

of the legal frameworks for mutual trade and countertrade as a prerequisite for developing effective regulatory mechanisms in the context of Eurasian integration.

Keywords: Eurasian Economic Union / EAEU, foreign trade activity, foreign economic activity, harmonization, unification, entrepreneurial activity, mutual trade, countertrade, domestic law of the EAEU member states, private international law

For citation: Sineva N. A. Harmonization of legal regulation in the trade sphere within the EAEU. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):184—191. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1751.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена современным состоянием евразийской интеграции, переходящей от стадии стратегического целеполагания к этапу формирования конкретных правовых механизмов регулирования торговых отношений в рамках Евразийского экономического союза (далее также — ЕАЭС, Союз). Договором о ЕАЭС 2014 г. свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы определена в качестве основной цели Союза. Вместе с тем практическая реализация данного положения осложняется отсутствием единообразного понятийного аппарата в законодательстве государств-членов, что создает препятствия для гармонизации правового регулирования внешнеэкономической деятельности.

Изученность проблемы. Вопросы гармонизации правового регулирования в сфере торговли в рамках ЕАЭС представляют собой одно из активно разрабатываемых направлений в современной юридической науке. Следует отметить работы М. В. Шугурова [1] и Т. Н. Нешатаевой [2], рассматривающих вопросы соотношения права ЕАЭС и права входящих в него государств. А. Ф. Малый и О. Ю. Кондрашова [3], а также К. Энтин [4], О. В. Кадышева [5] анализируют принципы права ЕАЭС. Сопоставление процессов унификации и гармонизации законодательств государств — участников Договора о ЕАЭС проводят в своих работах Д. А. Белашенко [6] и И. А. Несмеянова [7].

Однако в своем большинстве проводимые исследования в области гармонизации правового регулирования в рамках ЕАЭС направлены на выявление существенных различий именно с позиции международного публичного права, как регионального интеграционного объединения, что отмечается в исследованиях В. В. Лавринова [8], В. В. Пойда и М. К. Татарина [9], Ю. А. Гудкова [10], Т. А. Нурматова [11]. В отечественной литературе имеются научные исследования З. Н. Зайруллиной [12], А. Е. Тарасовой, Д. В. Козлова и А. В. Шиянова [13], Н. П. Молчанова [14], посвященные вопросам регулирования предпринимательской деятельности в рамках региональных интеграционных объединений и его перспективам, в частности в рамках ЕАЭС. Вопросы международного частного права в рамках ЕАЭС исследуются в основном по отдельным направлениям. Так, следует отметить работы С. А. Агамагомедова [15], Т. Р. Бекирова [16], Х. Д. Пирцхалавы [17] в области интеллектуальной собственности, М. В. Васильева, А. Ю. Рожкова, А. С. Валевко [18] в области недобросовестной конкуренции, работы П. В. Михеева [19], Д. О. Ярового, Д. В. Гладкова [20], в которых рассматриваются вопросы банкротства, работы С. К. Алимхановой [21], М. А. Жильцова [22], где проводится анализ трудовых отношений, осложненных иностранным элементом.

В Договоре о ЕАЭС 2014 г. есть прямые указания, что для реализации поставленных целей участники должны осуществлять процессы сближения законодательства, применяя унификацию и гармонизацию. Гармонизация в доктрине международного частного права рассматривается как более широкий процесс. Это отмечается в работах Б. А. Шахназарова [23, с. 56], Е. Н. Прониной и А. А. Саракова [24]. Унификация — это вид правотворческого процесса, выработки единообразного решения, в основе которого лежит международный договор. Данные процессы могут выступать как единое целое одного процесса. Н. Г. Доронина [25] отмечает, что постановка общих экономических задач позволяет направить законодательную деятельность государств по пути гармонизации. Такой подход заявлен в Договоре о ЕАЭС 2014 г.

Особую проблематику представляет отсутствие формально-юридических критериев разграничения смежных понятий «взаимная торговля» и «встречная торговля», которые в доктринальных источниках и правоприменительной практике нередко отождествляются, как отмечается в работе И. Ф. Сухановой, Р. С. Габдулиевой, Ю. Жангалиевой [26], тогда как их правовое содержание и регулятивная функция обнаруживают принципиальные различия. Отдельные аспекты правовой природы встречных торговых сделок исследовались в доктрине международного частного права, в т. ч. в контексте анализа Правового руководства ЮНСИТРАЛ по международным встречным торговым сделкам 1992 г. При этом комплексных сравнительно-правовых исследований, посвященных сопоставительному анализу национальных подходов к легальному закреплению дефиниций взаимной и встречной торговли в государствах — членах ЕАЭС, в доступной литературе не представлено. Остается нерешенным вопрос о соотношении указанных понятий в системе институтов международного частного права и их нормативной определенности в правовых порядках государств-участников интеграционного объединения.

Целесообразность разработки темы определяется необходимостью устранения терминологической и нормативной неопределенности в правовом регулировании торговых отношений в рамках ЕАЭС в целях облегчения процесса квалификации юридических понятий при регулировании трансграничных договорных отношений.

Цель данного исследования — сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования встречной торговли в контексте гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС. Поставленная цель реализуется посредством решения ряда **задач**: провести анализ внутренних национальных актов стран-участниц ЕАЭС, посвященных правовому регулированию внешнеэкономической деятельности; провести сопоставление определений терминов «внешнеэкономическая деятельность», «внешнеторговая деятельность»; определить сферу применения понятий «встречная торговля» и «взаимная торговля».

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые на основе сравнительно-правового анализа законодательства всех государств — членов ЕАЭС выявляются критерии дифференциации понятий «внешнеэкономическая деятельность» и «внешнеторговая деятельность», определяется сфера применения понятий «встречная торговля» и «взаимная торговля».

Теоретическая значимость работы. Предлагаемый авторский подход к анализу формально-юридических критериев разграничения смежных понятий «взаимная торговля» и «встречная торговля» послужит основой для дальнейшего развития теоретических представлений об изучаемом предмете.

Практическая значимость работы. Актуализация исследования правовых режимов взаимной и встречной торговли позволит максимально емко реализовать процесс гармонизации и унификации правового регулирования внешнеэкономической деятельности в рамках ЕАЭС.

Основная часть

Методология исследования. В основе исследования лежат диалектический метод познания, предполагающий рассмотрение правовых явлений в их развитии, взаимосвязи и взаимообусловленности, а также системно-структурный метод, позволяющий представить правовое регулирование взаимной и встречной торговли как совокупность взаимодействующих элементов — международно-правовых, наднациональных и национальных норм. Использование метода анализа и синтеза обеспечило выявление существенных признаков исследуемых понятий, их классификацию и обобщение. Метод индукции и дедукции применен при переходе от анализа частных случаев правовой регламентации в отдельных государствах-членах к формулированию общих выводов о состоянии гармонизации правового регулирования в рамках ЕАЭС.

Приоритетное значение в исследовании отведено формально-юридическому методу, который использован при толковании нормативных предписаний, содержащихся в Договоре о ЕАЭС, Правовом руководстве ЮНСИТРАЛ 1992 года, внутреннем праве государств — участниц Союза (законах Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Кыргызской Республики). Данный метод позволил установить юридическое содержание дефиниций «внешнеэкономическая деятельность», «внешнеторговая деятельность», «взаимная торговля», а также выявить степень их нормативной определенности в различных правовых порядках.

Сравнительно-правовой метод выступает в качестве основного инструментария исследования, поскольку его предметом выступает сопоставительный анализ законодательных подходов пяти государств — членов ЕАЭС к закреплению исследуемых понятий.

Результаты исследования и их обсуждение. Гармонизация правового регулирования в торговле в рамках ЕАЭС — это один из ключевых и динамично развивающихся векторов евразийской интеграции в данном Союзе. Основная цель — снять барьеры и создать единые, прозрачные правила для трансграничной электронной торговли, чтобы товары, услуги и данные могли свободно перемещаться по территории Союза. Этот процесс идет по нескольким основным направлениям и находится на этапе перехода от стратегических заявлений к конкретным правовым актам.

Нормативное закрепление цели создания ЕАЭС зафиксировано в Договоре о Евразийском экономическом союзе — обеспечение свободы движения товаров, услуг,

капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и иными международными договорами в рамках Союза. Указанная цель существования Союза государств в дальнейшем раскрывается через понятие «взаимная торговля» — форма внешнеэкономической деятельности, сущность которой заключается в обусловленности экспортных операций (товаров или услуг) встречными импортными обязательствами контрагента. В данном качестве она выступает в качестве самостоятельного структурного элемента международного коммерческого оборота, обладающего территориальной либо субъектной определенностью, что позволяет квалифицировать ее как самостоятельный вид внешнеэкономической деятельности, получающий легальную фиксацию в конкретной правовой системе либо применительно к определенному кругу лиц.

В целях углубленного понимания целевых установок Союза представляется необходимым проведение анализа национальных законодательных актов государств-членов, регламентирующих внешнеэкономическую деятельность, а также содержащих определения терминов, т. к. в соответствии с устоявшимися требованиями законодательной техники нормативные предписания-дефиниции (легальные определения) вводятся в структуру нормативных правовых актов при наличии одного из случаев: когда юридический (правовой) термин сформирован с использованием специальных слов — редких либо малоупотребительных иностранных слов, а также переосмысленных общеупотребительных слов; когда правовое понятие формируется из слов, позволяющих неоднозначно истолковывать его смысл, порождающих разнообразные смысловые ассоциации.

В национальном правовом порядке Российской Федерации внешнеэкономическая деятельность характеризуется как предпринимательская деятельность, объектом которой выступает международный оборот товаров, работ, услуг, информации и объектов интеллектуальной собственности. Определение понятия содержится в действующем законодательстве, а именно: в ст. 1 Федерального закона от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» внешнеэкономическая деятельность определена как внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, включая производственную кооперацию, в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), а в п. 4 ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» внешнеторговая деятельность — как деятельность по осуществлению сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью».

В ст. 1 Закона Республики Армения от 17 декабря 2014 г. «О таможенном регулировании», который действовал вплоть до 2022 г., было указано, что одна из целей закона — обеспечение защиты прав и законных интересов лиц, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность через государственную границу Республики Армения, а в п. 12 ст. 5 данного закона давалось определение взаимной торговли Союза — торговля, осуществляемая между государствами — членами Союза. В настоящий момент в Армении действует Закон Республики Армения от 14 сентября 2022 г. «О таможенном регулировании», в котором указанная цель воспроизведена в п. 2 ч. 3 ст. 1.

В Республике Беларусь действует Закон от 25 ноября 2004 г. № 347-З «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», в котором определены правовые основы государственного регулирования внешнеторговой деятельности, права и обязанности государственных органов Республики Беларусь в области внешнеторговой деятельности. В п. 3 ч. 1 ст. 1 указано: «внешнеторговая деятельность — деятельность по осуществлению внешней торговли товарами, и (или) услугами, и (или) объектами интеллектуальной собственности», а внешняя торговля товарами рассматривается как импорт и (или) экспорт товаров (п. 6 ч. 1 ст. 1). Из сферы действия Закона изъяты отношения, связанные с применением специальных ограничительных мер, отношения, возникающие при осуществлении внешнеторговой деятельности с объектами экспортного контроля, а также на отношения, возникающие при осуществлении контроля за поступлением в Республику Беларусь денежных средств либо товаров, оказанием услуг при проведении внешнеторговых операций (ст. 2). Рассматриваются данные изъятые отношения в Законе Республики Беларусь от 12 июля 2023 г. № 280-З «О применении специальных ограничительных мер».

В Республике Казахстан основными нормативными правовыми актами в области внешнеэкономической деятельности являются Кодекс от 26 декабря 2017 г. «О таможенном регулировании в Республике Казахстан», Закон Республики Казахстан от 2 июля 2018 г. «О валютном регулировании и валютном контроле», Закон Республики Казахстан от 12 апреля 2004 г. № 544 «О регулировании торговой деятельности».

В Кыргызской Республике действует Закон от 8 августа 2023 г. №169 «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», где содержится определение внешней торговли товарами, экспорт, импорт товаров, основные положения о государственном регулировании внешнеторговой деятельности в области внешней торговли товарами.

Таким образом можно отметить, что во внутреннем праве стран Союза используется преимущественно термин «внешнеторговая» деятельность, тогда как понятие «внешнеэкономическая деятельность» используется реже.

Торговые отношения — это вид предпринимательской деятельности. Традиционно определение предпринимательской деятельности содержится в гражданских кодексах [ст. 2 Гражданского кодекса (далее — ГК) Республики Армения, п. 2 ч. 1. ст. 1 ГК Республики Беларусь, п. 1 ст. 10 ГК Республики Казахстан, п. 2 ч. 4 ст. 1 ГК Кыргызской Республики, п. 3 ч. 1 ст. 2 ГК РФ]. Реализация предпринимательской деятельности, выходящей за рамки одного государства, происходит посредством заключения трансграничных или международных коммерческих сделок.

Термин «взаимная торговля» известен российскому закону — он употребляется в ряде нормативных правовых актов. В ст. 278 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено, что статистический учет взаимной торговли товарами между Российской Федерацией и государствами — членами Союза производится на основании данных, отражаемых в статистической форме учета перемещения товаров, а также иных информационных источниках. Предметом мониторинга в таможенной статистике внешней торговли признаются:

в качестве первого элемента — суммарный внешнеторговый оборот страны, подлежащий количественной и стоимостной фиксации; во-вторых, географический вектор (дистрибуция) экспортно-импортных операций. Руководствуясь п. 4 Протокола о порядке формирования и распространения официальной статистической информации ЕАЭС и п. 3 ст. 360 Таможенного кодекса ЕАЭС, а также в целях обеспечения единых методологических подходов к ведению таможенной статистики внешней торговли, Коллегией Евразийской экономической комиссии утверждены Методология ведения статистики взаимной торговли товарами государств — членов Евразийского экономического союза и Методология ведения таможенной статистики внешней торговли товарами государств — членов Евразийского экономического союза. Порядок определения статистической стоимости товаров регламентируется положениями Решения Комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 257 «Об Инstrukциях по заполнению таможенных деклараций и формах таможенных деклараций». Если же требуется перерасчет, то он осуществляется путем приведения стоимости товара к базисам поставки в соответствии с терминами, описанными в Правилах Международной торговой палаты по использованию национальных и международных торговых терминов Инкотермс 2020:

- для товаров, импортируемых посредством водного транспорта, — по типу цен *CIF*;

- для товаров, импортируемых посредством другого вида транспорта и в случае, если цены *CIF* не приемлемы, статистическая стоимость рассчитывается в ценах *CIP* в пункте ввоза на границе Российской Федерации;

- для товаров, экспортируемых посредством водного транспорта, — по типу цен *FOB*;

- для товаров, экспортируемых посредством другого вида транспорта и в случае, если цены *FOB* не приемлемы, статистическая стоимость рассчитывается в ценах *FCA*, а в случае, если цены *FOB* и *FCA* неприменимы, — в ценах *DAP* в пункте вывоза на границе Российской Федерации.

Также термин «взаимная торговля» употребляется в ряде Решений Коллегии Евразийской экономической комиссии при совершении таможенных операций, а также при определении принципов взимания косвенных налогов в международных договорах. Такие договоры были заключены Россией с Арменией, Казахстаном, Азербайджаном, Киргизией, Молдовой и т. д. Таким образом, следует сделать вывод, что термин «взаимная торговля» применяется в налоговых и таможенных отношениях [27—29].

В международных договорах также находит закрепление термин «встречная торговля». Этот термин отличается от термина «взаимная торговля». Отсутствие единого законодательного определения встречной торговли как на международном, так и на национальном уровнях порождает значительные сложности в правовой квалификации соответствующих сделок. Правовое регулирование встречной торговли нашло отражение в Правовом руководстве ЮНСИТРАЛ по международным встречным торговым сделкам 1992 г., которое, будучи актом рекомендательного характера, выступает в качестве основополагающего источника, формирующего доктринальное и практическое понимание правовой природы рассматриваемого института. Сущностное содержание документа заключается в предоставлении правовых ориентиров для сторон, участвующих в международных встречных торговых сделках, где поставка товаров или услуг одной стороной обусловлена встречным обязательством другой стороны заключить

соответствующий контракт. Отличительной чертой встречной торговли, позволяющей отграничить ее от классической модели международной купли-продажи, является наличие корреляции между поставками в противоположных направлениях. Как указывается в Руководстве ЮНСИТРАЛ, такая связь может быть подтверждена в отдельном от контрактов соглашении, в договорном положении, включенном в один из контрактов, либо все элементы сделки могут регламентироваться в одном контракте (например, в бартерном контракте). В теории выделяются отдельные виды встречных сделок, в частности, бартер и компенсационные.

К числу существенных условий соглашения о встречной торговле, подлежащих согласованию сторонами, относятся: сроки и момент поставки товаров (оказания услуг), порядок расчетов между сторонами, качественные и количественные характеристики товаров. Наряду с указанными условиями стороны вправе включить в соглашение положение об авансовых поставках и применение перекрестных аккредитивов. Особое значение приобретают положения об ограничениях рынка перепродажи, которые должны формулироваться с максимальной точностью во избежание неоднозначного толкования.

В ГК РФ положения о встречном исполнении обязательств по договору мены содержатся в ст. 569, согласно которой при несовпадении сроков передачи обмениваемых товаров применяются правила о встречном исполнении обязательств (ст. 328 ГК РФ). Однако следует признать, что данный механизм не в полной мере учитывает сложность и многообразие современных встречных торговых операций. Встречная торговля представляет собой сложный и многогранный институт международного частного права, требующий комплексного подхода к правовому регулированию. Отсутствие единообразного понимания и законодательного определения встречных торговых сделок как на международном, так и на национальном уровнях создает существенные препятствия для участников международного коммерческого оборота.

Следует согласиться с мнением авторов, что ЕАЭС всё же больше похож на таможенный союз, который содержит элементы общего рынка и экономического союза [30]. Государства-участники в первую очередь решили вопрос о реализации свободы торговли товарами. Эффективность же ЕАЭС в сфере торговли услугами пока недостаточно изучена [31]. Соответственно в рамках Союза сегодня реализуются именно вопросы взаимной торговли. Однако, законодательная активность стран Евразийского экономического союза определяется целеполаганием Высшего Евразийского Экономического Совета, задающего векторы унификации правового поля Союза. В этой связи перед юридической наукой обоснованно ставится задача комплексного исследования правовых режимов взаимной и встречной торговли с целью выработки эффективных регуляторных механизмов.

Выводы

В результате проведенного сравнительно-правового анализа национальных законодательных актов государств — членов ЕАЭС, а также международных и наднациональных источников, автором получены следующие основные результаты.

Установлено, что в законодательстве государств — членов ЕАЭС дефиниции «внешнеэкономическая деятельность» и «внешнеторговая деятельность» характеризуются различной степенью нормативной определенности. Легаль-

ное закрепление преимущественно получает понятие «внешнеторговой деятельности», тогда как понятие «внешнеэкономической деятельности» в большинстве правовых актов в законе либо отсутствует, либо раскрывается через призму внешнеторговой деятельности, что подтверждает доктринальный вывод о наличии неопределенности в рассмотрении указанных понятий.

Автором обосновано, что термины «взаимная торговля» и «встречная торговля» не являются синонимичными, а относятся к различным уровням и сферам правового регулирования. В ходе исследования выявлены следующие существенные различия: термин «взаимная торговля» используется преимущественно в таможенном законодательстве и в целях ведения статистической отчетности (Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ, Методологии ведения статистики ЕАЭС); закреплён в национальных законодательствах государств-членов (в частности, в п. 12 ст. 5 Закона Республики Армения «О таможенном регулировании»); применяется в решениях Коллегии Евразийской экономической комиссии и международных договорах о принципах взимания косвенных налогов; функционально ориентирован на фиксацию и учет торговых потоков между государствами-членами. Термин «встречная торговля» (*counter trade*): не имеет единого легального определения ни на международном, ни на национальном уровнях; раскрывается через доктринальные конструкции и Правовое руководство ЮНСИТРАЛ 1992 г.; представляет собой комплексную договорную конструкцию, представляющую собой структурное единство соглашения о встречной торговле и совокупности контрактов, регламентирующих взаимные поставки. Отличительным признаком данной договорной конструкции от обычной международной купли-продажи выступает наличие юридически значимой связи между поставками товаров в противоположных направлениях. Взаимная торговля преимущественно выступает объектом таможенно-статистического учета и административно-правового регулирования в рамках ЕАЭС. Встречная торговля, напротив, является институтом международного частного права, требующим договорного оформления и детальной регламентации существенных условий сделки. На современном этапе в рамках Союза фактически реализуются механизмы взаимной торговли, что коррелирует с выводом о том, что ЕАЭС в большей степени выполняет функции таможенного союза, реализуя свободу движения товаров. При этом встречная торговля как сложный институт остается недостаточно урегулированной на наднациональном уровне, что создает препятствия для участников международного коммерческого оборота, особенно в части квалификации встречных сделок и выбора применимого права. Результаты исследования свидетельствуют о том, что дальнейшее развитие интеграционных процессов в ЕАЭС требует не только унификации дефиниций «внешнеэкономическая деятельность» и «внешнеторговая деятельность», но и выработки единообразных подходов к правовой регламентации встречных торговых сделок на уровне Союза, что, в свою очередь, предполагает углубленное доктринальное осмысление правовых режимов взаимной и встречной торговли.

На современном этапе развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС сформированы объективные предпосылки для создания нового унифицированного международного акта для правового регулирования международных коммерческих сделок между предпринимателями стран-участниц, включая положения о встречной торговле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шугуров М. В. Евразийские технологические платформы как аттракторы научно-технологической и производственной интеграции в рамках ЕАЭС: анализ правовых основ // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 4. С. 12—23. DOI: 10.15688/Is.jvolsu.2021.4.2.
2. Нешатаева Т. Н. Евразийская интеграция: общие ценности и правовые институты // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2. № 3. С. 62—85. (На англ. яз.) DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.62-85.
3. Малый А. Ф., Кондрашова О. Ю. Принципы права Евразийского экономического союза как основа его правовой системы // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 2. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/malyi_af_kondrashova_oyu_2019_2_11.pdf.
4. Энтин К. Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2022. № 2(42). С. 64—83. DOI: 10.21128/2226-2059-2022-2-64-83.
5. Кадышева О. В. Общие принципы права Европейского союза и принципы права Евразийского экономического союза через призму международного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. Т. 21. № 6. С. 81—93. DOI: 10.61205/S199132220036080-4.
6. Белащенко Д. А. Гармонизация и унификация законодательств в рамках ЕАЭС: проблемы и возможные пути решения // Парадигма современной науки глазами молодых : сб. материалов XV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти основателей фил. Т. Ж. Атжанова и А. М. Роднова. Костанай : ЧелГУ, Костан. фил., 2021. С. 34—37.
7. Несмеянова И. А. Унификация гражданского законодательства в условиях экономической интеграции в рамках ЕАЭС // Legal Bulletin. 2020. Т. 5. № 1. С. 36—46.
8. Лавринов В. В. Унификация уголовной ответственности за таможенные преступления в странах — членах ЕАЭС // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 2(117). С. 99—101.
9. Пойда В. В., Татаринов М. К. Унификация и гармонизация критериев подсудности дел о трансграничной несостоятельности в интеграционных объединениях: опыт ЕС и ЕАЭС // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 3. С. 30—34. DOI: 10.18572/1812-383X-2025-3-30-34.
10. Гудков Ю. А. Унификация уголовного законодательства ЕАЭС в сфере противодействия контрабанде // Внешнеэкономическая деятельность: таможенный аспект : сб. науч. ст. Новосибирск : Изд-во СГУПС, 2026. С. 115—122.
11. Нурматов Т. А. Принятие таможенного кодекса ЕАЭС как новый этап унификации законодательств государств-участников ЕАЭС // Вестник КРСУ. 2022. Т. 22. № 11. С. 126—130. DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-11-126-130.
12. Зайруллина З. Н. Организационно-правовой механизм охраны прав субъектов экономической деятельности в странах-участницах Евразийского экономического союза: понятие и структурные элементы // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 7А. С. 245—255.
13. Тарасова А. Е., Козлов Д. В., Шиянов А. В. Методология исследования правового регулирования предпринимательской деятельности в Евразийском экономическом союзе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 102—125. DOI: 10.12737/jflcl.2021.011.
14. Молчанова Н. П. Развитие экономического партнерства в ЕАЭС // Глобалистика-2023 : сб. материалов Междунар. науч. конгр. «Глобалистика-2023», посвящ. 160-летию В. И. Вернадского, 270-летию МГУ им. М. В. Ломоносова и 220-летию Моск. о-ва испытателей природы : Осен. сес. «Проблемы искусственного интеллекта и смены научнотехнологических укладов». М. : МОСИПНН Н. Д. Кондратьева, 2024. С. 140—144. DOI: 10.46865/978-5-901640-41-8-2024-140-144.
15. Агамагомедова С. А. Трансграничная защита интеллектуальных прав: эволюция регулирования и проблемы правоприменения // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 45. № 2. С. 32—43. DOI: 10.17323/tis.2023.17370.
16. Бекиров Т. Р. Интеллектуальная собственность в ЕАЭС: проблемы и перспективы правовой интеграции // Юридическая наука. 2025. № 5. С. 421—425.
17. Пирцхалава Х. Д. Интеллектуальная собственность и международный туризм в международном частном праве стран ЕАЭС и других государств в условиях эволюции правовых систем // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 3. С. 103—112.
18. Васильева М. В., Рожкова А. Ю., Валиев А. С. Антимонопольный комплаенс как инструмент преодоления недобросовестной конкуренции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4(147). С. 214—228. DOI: 10.24412/2227-7315-2022-4-214-228.
19. Михеев П. В. Сравнительно-правовой аспект административных правонарушений, связанных с неправомерным банкротством, по законодательству ряда стран ЕАЭС // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 5. С. 139—144. DOI: 10.37882/2223-2974.2020.05.22.
20. Яровой Д. О., Гладков Д. В. Развитие трансграничного банкротства в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 7(214). С. 53—67.
21. Алимханова С. К. Гармонизация трудового законодательства стран ЕАЭС // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Право. 2020. № 1(130). С. 78—83. (На казах. яз.)
22. Жильцов М. А. Проблемы унификации трудовправовых конструкций евразийского трудового права: теория и судебная практика // Трудовое и социальное право. 2022. № 3(43). С. 27—30.
23. Шахназаров Б. А. Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права // Lex russica. 2021. Т. 74. № 7. С. 44—60. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.044-060.
24. Пронина Е. Н., Саракон А. А. История и современное состояние международного частного права в странах ЕАЭС: международно-правовой аспект // Правовая культура. 2022. № 1(48). С. 42—50.
25. Проблемы унификации международного частного права : моногр. / под ред. Н. Г. Дорониной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Юриспруденция, 2023. 672 с.

26. Суханова И. Ф., Габдуалиева Р. С., Жангалиева Ю. Взаимная торговля Казахстана и России в новой реальности // Наука и образование. 2023. № 1-3(70). С. 273—281. (На англ. яз.) DOI: 10.52578/2305-9397-2023-1-3-273-282.
27. Атанова Н. В. Взаимная торговля между странами ЕАЭС в условиях современной экономической интеграции // Актуальные вопросы современной экономики. 2025. № 9. С. 435—441.
28. Ворона А. А., Борисова Е. М. Взаимная торговля государств-членов Евразийского экономического союза: влияние пандемии и перспективы развития // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 4. URL: <https://esj.today/PDF/16ECVN420.pdf>.
29. Карабекова А. К., Караева А. М. Внешняя и взаимная торговля Кыргызской Республики в рамках интеграционного объединения ЕАЭС // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 3. С. 164—174.
30. Knobel A., Pyzhikov N. Trade, Customs Union, and the EAEU Common External Tariff // The Elgar Companion to the Eurasian Economic Union / ed. by A. Libman, E. Vinokurov. Edward Elgar, 2024. Pp. 41—58. DOI: 10.4337/9781800375000.00013.
31. Hakhverdyan D., Tadevosyan R., Pakhlyan A., Ratner S. The Impact of Eurasian Economic Union Membership on Mutual Trade in Services: What Are the Challenges for Small Economies? // Journal of Risk and Financial Management. 2025. Vol. 18. Iss. 3. Art. 143. DOI: 10.3390/jrfm18030143.

REFERENCES

1. Shugurov M. V. The Eurasian Technology Platforms as Attractors of Scientific, Technological and Industrial Integration within the EAEU: The Analysis of the Legal Framework. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*. 2021;20(4):12—23. (In Russ.) DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.4.2.
2. Neshataeva T. N. Eurasian integration: general values and legal institutions. *Pravosudie = Justice*. 2020;2(3):62—85. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.62-85.
3. Malyi A. F., Kondrashova O. Yu. Principles of the right of Eurasian Economic Union as a basis for its legal system. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2019;7(2). (In Russ.) URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/malyi_af_kondrashova_oyu_2019_2_11.pdf.
4. Entin K. General principles of integration law as a secret weapon of the CJEU and of the Eurasian Economic Union Court. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*. 2022;2(42):64—83. (In Russ.) DOI: 10.21128/2226-2059-2022-2-64-83.
5. Kadysheva O. General Principles of European Union Law and Principles of Eurasian Economic Union Law through the Prism of International Law. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2025;21(6):81—93. (In Russ.) DOI: 10.61205/S199132220036080-4.
6. Belashchenko D. A. Harmonization and unification of legislation within the EAEU: Problems and possible solutions. *Paradigma sovremennoi nauki glazami molodykh = The paradigm of modern science through the eyes of the young. Collection of materials of the 15th International research-to-practice conference. dedicated to the memory of the branch founders T. Zh. Atzhanov and A. M. Rodnov*. Kostanay, Kostanay branch of ChelSU publ., 2021:34—37. (In Russ.)
7. Nesmeianova I. A. Unification of national legislation in the context of economic integration within the EAEU. *Legal Bulletin*. 2020;5(1):36—46. (In Russ.)
8. Lavrinov V. V. Unification of criminal liability for customs offenses in the EAEU member countries. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2020;2(117):99—101. (In Russ.)
9. Poyda V. V., Tatarinov M. K. Unification and harmonization of jurisdiction criteria for cross-border insolvency cases in integration associations: the experience of the EU and the EAEU. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*. 2025;3:30—34. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-383X-2025-3-30-34.
10. Gudkov Yu. A. Unification of the criminal legislation of the EAEU in the sphere of counter-smuggling. *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost': tamozhennyi aspekt = Foreign economic activity: The customs aspect. Collection of scientific articles*. Novosibirsk, Siberian Transport University publ., 2026:115—122. (In Russ.)
11. Nurmatov T. A. Adoption of the EEU Customs Code as a new stage of unification of the legislation of the EEU member states. *Vestnik KRSU = Herald of KRSU*. 2022;22(11):126—130. (In Russ.) DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-11-126-130.
12. Zairullina Z. N. Organizational and legal mechanism of protection of the rights of economic entities in the member states of the Eurasian Economic Union: concept and structural elements. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. 2022;12(7A):245—255. (In Russ.)
13. Tarasova A. E., Kozlov D. V., Shiyonov A. V. Methodology for the Study of Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in the Eurasian Economic Union. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2021;17(1):102—125. (In Russ.) DOI: 10.12737/jflcl.2021.011.
14. Molchanova N. P. Development of economic partnership in the EAEU. *Globalistika-2023 = Globalistics-2023. Collection of materials from the International Scientific Congress "Globalistics-2023", dedicated to the 160th anniversary of V. I. Vernadsky, the 270th anniversary of Lomonosov Moscow State University, and the 220th anniversary of the Moscow Society of Naturalists. Autumn session "Problems of Artificial Intelligence and the Change of Scientific and Technological Paradigms"*. Moscow, Inter-regional Social Organization for Assistance in Studying and Promoting the Scientific Heritage of N. D. Kondratieff publ., 2024: 140—144. (In Russ.) DOI: 10.46865/978-5-901640-41-8-2024-140-144.
15. Agamagomedova S. A. Cross-border protection of intellectual property rights: evolution of regulation and problems of law enforcement. *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti = Works on Intellectual Property*. 2023;45(2):32—43 (In Russ.) DOI: 10.17323/tis.2023.17370.
16. Bekirov T. R. Problems and prospects of the Eurasian integration in the field of intellectual property regulation. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*. 2025;5:421—425. (In Russ.)

17. Pirtskhalava H. D. Intellectual property and international tourism in private international law of the EAEU countries and other states under the evolution of legal systems. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo* = *The Security Problems Institute of CIS*. 2019;3:103—112. (In Russ.)
18. Vasilyeva M. V., Rozhkova A. Yu., Valevko A. S. Antitrust compliance as a tool to overcome unfair competition. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* = *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2022;4(147):214—228. (In Russ.) DOI: 10.24412/2227-7315-2022-4-214-228.
19. Mikheev P. Comparative legal aspect of administrative offenses related to wrongful bankruptcy under the legislation of a number of EEU countries. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo* = *Modern Science: actual problems of theory & practice. Series "Economics and law"*. 2020;5:139—144. (In Russ.) DOI: 10.37882/2223-2974.2020.05.22.
20. Yarovoy D. O., Gladkov D. V. Development of transnational insolvency in the context of the Eurasian economic union (EAEU). *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* = *Property Relations in the Russian Federation*. 2019;7(214): 53—67. (In Russ.)
21. Alimkhanova S. K. Harmonization of labor legislation of the EAEU countries. *L. N. Gumilev atyndazy Euraziya ılttyq universitetiniń khabarshysy. Qıyqı seriyasy* = *Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University. Law Series*. 2020;1(130): 78—83. (In Kazakh)
22. Zhiltsov M. A. Problems of unification of labour law structures of Eurasian labour law: theory and judicial practice. *Trudovoe i sotsial'noe pravo* = *Labour and social law*. 2022;3(43):27—30. (In Russ.)
23. Shakhnazarov B. A. Modern Trends in the Development of Private International Law and its Place in the Legal System. *Lex Russica*. 2021;74(7):44—60. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.044-060.
24. Pronina E. N., Sarakov A. A. History and current state of international private law in EEU countries: international legal aspect. *Pravovaya kul'tura* = *Legal Culture*. 2022;1(48):42—50. (In Russ.)
25. Problems of unifying private international law. Monograph. N. G. Doronina (ed.). 2nd ed. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation publ., Yurisprudentsiya, 2023. 672 p. (In Russ.)
26. Sukhanova I. F., Gabdualiyeva R. S., Zhangaliyeva Y. Mutual trade between Kazakhstan and Russia in the new reality. *Filym zhane bilim* = *Science and Education*. 2023;1-3(70):273—281. DOI: 10.52578/2305-9397-2023-1-3-273-282.
27. Atanova N. V. Mutual trade between the EAEU countries in the context of modern economic integration. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki* = *Topical issues of modern economy*. 2025;9:435—441. (In Russ.)
28. Vorona A. A., Borisova E. M. Mutual trade of the member states of the Eurasian Economic Union: impact of the pandemic and development prospects. *Vestnik evraziiskoi nauki* = *The Eurasian Scientific Journal*. 2020;12(4). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/16ECVN420.pdf>.
29. Karabekova A. K., Karaeva A. M. The foreign and mutual trade of the Kyrgyz Republic within the framework of the EAEU integration association. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki* = *Topical issues of modern economy*. 2022; 3:164—174. (In Russ.)
30. Knobel A., Pyzhikov N. Trade, Customs Union, and the EAEU Common External Tariff. *The Elgar Companion to the Eurasian Economic Union*. A. Libman, E. Vinokurov (eds.). Edward Elgar, 2024. Pp. 41—58. DOI: 10.4337/9781800375000.00013.
31. Hakhverdyan D., Tadevosyan R., Pakhlyan A., Ratner S. The Impact of Eurasian Economic Union Membership on Mutual Trade in Services: What Are the Challenges for Small Economies?. *Journal of Risk and Financial Management*. 2025;18(3):143. DOI: 10.3390/jrfm18030143.

Статья поступила в редакцию 29.07.2026; одобрена после рецензирования 27.08.2026; принята к публикации 31.08.2026.
The article was submitted 29.07.2026; approved after reviewing 27.08.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья
УДК 347.78
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1675

Anton Gennadievich Bydantsev
Postgraduate of the Department of Civil Law,
field of training
40.06.01 — Jurisprudence,
Perm State
National Research University
Perm, Russian Federation
cool.fynjy2002@yandex.ru

Антон Геннадьевич Быданцев
аспирант кафедры гражданского права,
направление подготовки
40.06.01 — Юриспруденция,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Пермь, Российская Федерация
cool.fynjy2002@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ЦИТИРОВАНИЯ КАК ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО АВТОРСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению института цитирования как правомерного ограничения исключительного авторского права в контексте современной юридической философии. Цель работы — обосновать экономическую рациональность ст. 1274 Гражданского кодекса РФ через синтез философско-правового и экономического подходов. Исследование выполнено с использованием диалектического, сравнительно-правового, формально-юридического методов, а также метода экономического анализа права. В работе сопоставлены естественно-правовая традиция (Дж. Локк, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель) и утилитаристский подход (И. Бентам, Р. Познер) к обоснованию авторского права. На основе теоремы Р. Коуза, концепции транзакционных издержек и классификации правовых режимов Г. Калабреззи и А. Д. Меламеда обосновано, что цитирование представляет собой «провал рынка», когда издержки на согласование использования каждого фрагмента многократно превышают ценность разрешения. Установлено, что законодатель, закрепляя свободу цитирования в ст. 1274 Граждан-

ского кодекса РФ, принудительно переводит данный способ использования из режима *property rule* в режим *liability rule* с нулевой компенсацией. Философское обоснование такого решения впервые выводится из гегелевской диалектики, где цитирование предстает как момент «снятия» абсолютного права автора ради общего блага. Доказано, что предлагаемый подход обеспечивает единство экономических и социально-правовых начал в регулировании цитирования, восполняя пробелы в существующих правоприменительных критериях. Научный вклад работы состоит в развитии теоретических представлений об институте цитирования через междисциплинарный синтез. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования законодательства и актуализации критериев правомерного цитирования.

Ключевые слова: экономический анализ права, авторское право, исключительное право, цитирование, теорема Коуза, транзакционные издержки, *property rules*, *liability rules*, деонтологизм, утилитаризм, свободное использование, *fair use*

Для цитирования: Быданцев А. Г. Экономический анализ института цитирования как ограничения исключительного авторского права в современной юридической философии // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 192—197. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1675.

Original article

ECONOMIC ANALYSIS OF THE INSTITUTE OF CITATION AS A LIMITATION OF EXCLUSIVE COPYRIGHT IN MODERN LEGAL PHILOSOPHY

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. The article is devoted to the theoretical understanding of the institution of citation as a legitimate limitation of exclusive copyright in the context of modern legal philosophy. The objective of the work is to substantiate the economic rationality of Article 1274 of the Civil Code of the Russian Federation through a synthesis of philosophical, legal and economic approaches. The study was conducted using dialectical, comparative legal, formal legal methods, as well as the method of economic analysis of law. The work compares the natural law tradition (J. Locke, I. Kant, G. W. F. Hegel) and the utili-

tarian approach (I. Bentham, R. Posner) to the justification of copyright. Based on R. Coase's theorem, the concept of transaction costs and the classification of legal regimes by G. Calabresi and A. D. Melamed, it is substantiated that citation represents a “market failure” when the costs of coordinating the use of each fragment many times exceed the value of permission. It is established that the legislator, by enshrining the freedom of citation in Article 1274 of the Civil Code of the Russian Federation, forcibly transfers this method of use from the property rule to the liability rule with zero

compensation. The philosophical justification for this decision is first drawn from Hegelian dialectic, where citation is presented as a moment of “sublation” of the author’s absolute right for the sake of the common good. It is proven that the proposed approach ensures the unity of economic and socio-legal foundations in the regulation of citation, filling the gaps in the existing law enforcement criteria. The scientific contri-

bution of this work lies in the development of theoretical understandings of the institution of citation through interdisciplinary synthesis. The results obtained can be used to improve legislation and update the criteria for lawful citation.

Keywords: *economic analysis of law, copyright, exclusive right, citation, Coase theorem, transaction costs, property rules, liability rules, deontology, utilitarianism, free use, fair use*

For citation: Bydantsev A. G. Economic analysis of the institute of citation as a limitation of exclusive copyright in modern legal philosophy. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):192—197. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1675.

Введение

Актуальность. Цифровая революция XXI в. коренным образом изменила сферу создания и распространения произведений литературы, науки и искусства. Легкость копирования, мгновенный глобальный доступ к информации и развитие интернет-ресурсов сделали проблему соблюдения баланса между интересами правообладателей объектов авторского права и потребностями общества как никогда острой. С одной стороны, цифровые технологии создают новые возможности для коммерциализации произведений, с другой — порождают беспрецедентные вызовы, например, массовое нелегальное копирование и пиратство в области интеллектуальной собственности, подрывающие экономические основы творческой деятельности. В этих условиях классические институты гражданского права, в частности институт цитирования, оказываются в центре острых дискуссий о пределах свободы использования произведений. Особенно актуальна выработка сбалансированного подхода к цитированию — случаю свободного использования произведений литературы, науки и искусства, закрепленного в ст. 1274 Гражданского кодекса (далее — ГК) РФ, учитывающего как экономические интересы авторов, так и потребности общества в доступе к информации.

Изученность проблемы. Непосредственно институт цитирования как случай свободного использования объектов авторского права в отечественной цивилистике традиционно рассматривался в формально-юридическом ключе, без привлечения экономического анализа права. Среди современных исследований следует выделить работу Г. Э. Добряковой [1], А. А. Медведева [2], П. С. Могилевского [3] которые провели подробный сравнительно-правовой анализ доктрины добросовестного использования (*fair use*) в странах общего права, в частности, в США. В работах В. С. Витко изучены критерии правомерности цитирования фотографических произведений (на примере судебного дела) и проблемы определения допустимого объема цитирования произведений науки, литературы и искусства [4; 5]. А. Г. Матвеев в своих фундаментальных трудах осуществил типологизацию теорий авторских прав, показав эволюцию взглядов на природу исключительных прав [6], а также изучил вопрос использования объектов авторского права в условиях функционирования генеративного искусственного интеллекта [7]. Е. А. Звегинцева исследовала пределы свободного цитирования, акцентируя внимание на правовых аспектах [8]. Д. В. Мурзин рассмотрел цитирование и иллюстрирование как способы свободного использования [9]. Е. В. Евтеева изучала свободное использование фотографических произведений в сети «Интернет» [10]. Зарубежная традиция экономического анализа права, представленная трудами Р. Познера [11], Г. Калабрези и А. Д. Меламеда [12], Д. Д. Фридмана [13] разработала механизмы для оценки правовых норм с точки зрения их эффективно-

сти. В России отдельные аспекты экономического анализа авторского права затрагивались А. Г. Карапетовым [14; 15], но комплексного исследования цитирования как института, обеспечивающего баланс частных и публичных интересов с точки зрения экономической эффективности, до настоящего времени не проводилось. Таким образом, наблюдается пробел в теоретическом осмыслении цитирования через призму экономического анализа права, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы. В условиях развития и распространения информационных технологий возникает необходимость переосмысления институтов авторского права с позиций экономической эффективности. Цитирование как правомерное ограничение исключительного авторского права требует теоретического обоснования, которое учитывало бы философские основания авторского права и экономические аспекты.

Цель исследования заключается в разработке теоретической основы института цитирования как правомерного ограничения исключительного авторского права через синтез философско-правового и экономического подходов, а также в выявлении механизмов, объясняющих его экономическую рациональность.

Задачами исследования являются анализ существующих теоретических подходов в современной юридической философии и экономического анализа права, формулирование выводов о правовой природе цитирования как механизма обеспечения баланса частных и публичных интересов.

Научная новизна. В результате проведенного исследования впервые в отечественной цивилистике:

1) осуществлен комплексный междисциплинарный анализ института цитирования, синтезирующий философские основания авторского права и механизмы современного экономического анализа права;

2) обосновано, что ст. 1274 ГК РФ представляет собой законодательную фиксацию зоны «провала рынка» и является примером принудительного перевода использования из режима *property rule* в режим *liability rule* с нулевой компенсацией;

3) впервые к институту цитирования применена теория эффективного нарушения договора;

4) философское обоснование ограничений авторского права впервые систематически выводится из гегелевской диалектики собственности, где цитирование предстает как момент «снятия» (*aufhebung*) абстрактного права автора в сфере нравственности и государства.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии теоретических представлений об институте цитирования как правомерном ограничении исключительного авторского права через синтез философско-правового и экономического подходов, а также в углублении философско-правового понимания природы авторского права.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенных теоретических положений для совершенствования законодательства об авторском праве, для актуализации критериев правомерного цитирования, а также для образовательных целей.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Для комплексного анализа цитирования и необходимости его экономического обоснования использованы методы анализа и синтеза, научного абстрагирования, диалектический метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, а также метод экономического анализа права. В частности, диалектический метод позволяет рассмотреть авторское право в развитии и через призму единства и борьбы противоположностей – частного и публичного интереса. Метод экономического анализа права использован в части теоремы Р. Коуза, концепции транзакционных издержек, классификации правовых режимов защиты Г. Калабреззи и А. Д. Меламеда, а также теории эффективного нарушения договора. Формально-юридический метод применен для толкования ст. 1274 ГК РФ. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления российского и американского подходов к цитированию как способу свободного использования объектов авторского права.

Результаты исследования и их обсуждение. Дискуссия о природе и границах авторского права имеет глубокие философские корни, получившие систематическое оформление еще в эпоху Нового времени. Исторически сложилось два основных подхода к обоснованию исключительных прав автора — деонтологический и утилитаристский.

Деонтологический подход, восходящий к теориям естественного права, рассматривает авторское право как неотъемлемое, морально обоснованное притязание, вытекающее из самого акта творчества. Трудовая теория Дж. Локка утверждает, что человек, вкладывая свой труд в объект, находящийся в общем владении, делает его своей собственностью. Как писал Локк, «труд, который был моим, выведя их из того состояния общего владения, утвердил мою собственность на них» [16, с. 219]. Эта логика была перенесена на сферу интеллектуальной собственности, поскольку литературное произведение является результатом труда автора, следовательно, он имеет на него естественное право собственности.

В немецкой классической философии акцент сместился с понятия «труд» на понятие «личность». И. Кант в своем анализе природы литературного произведения определял книгу не просто как товар, а как «речь автора, обращенную к публике» [17, с. 205—206]. Несанкционированное издание является не просто нарушением имущественного права, а посягательством на личное право автора говорить от своего имени. Наиболее полное развитие эта идея получила в философской системе Г. В. Ф. Гегеля, который провел разграничение между единичным экземпляром произведения (как вещью) и общим способом его воспроизведения (как нематериальным объектом): «автор произведения... остается собственником общего способа размножения... как проявления самого себя» [18, с. 124]. Это разграничение создает философскую основу для понимания того, почему использование небольших фрагментов произведения не всегда следует рассматривать как нарушение прав автора.

Однако гегелевская диалектика не останавливается на абстрактном утверждении права личности на вещь. Категория собственности как первичного начала «абстрактного права» является лишь первой ступенью. Эта категория неизбежно «снимается» (*aufhebung*) в более высоких сферах — морали и нравственности, высшим воплощением которой выступает государство. В государстве единичная субъективная воля должна соотноситься и согласовываться со всеобщей объективной волей, а целью становится не индивидуальное, а общее благо. В этом философском контексте цитирование предстает как момент «снятия» абстрактного права автора в высшей сфере общественного бытия [18, с. 127; 19, с. 206].

Противовесом деонтологическим теориям выступает утилитаризм, традиция которого представлена, в частности, работами И. Бентама. Бентам исходил из принципа «наибольшего счастья для наибольшего числа людей» [20, с. 9]. Утилитаризм оценивает любой социальный институт, включая право, исключительно с точки зрения его последствий — способности приносить пользу наибольшему числу людей. В этом смысле авторское право оправдано не потому, что оно является «естественным», а потому, что оно эффективно стимулирует создание новых произведений, которые приносят пользу всему обществу. Автор получает монополию не как награду за свой прошлый труд, а как стимул к будущему творчеству.

Критика классического утилитаризма привела к трансформации этого подхода в рамках чикагской школы экономического анализа права. Р. Познер предложил заменить расплывчатое понятие «счастье» на понятие «стоимость», измеряемое через готовность платить. Для авторского права посыл Познера означает, что творец получает защиту не как награду за прошлый труд, а как стимул для будущего творчества [11, р. 57—60]. Однако возникает вопрос: зачем нужны ограничения, например, цитирование, если целью является максимальное стимулирование авторов на создание новых произведений? Ответ дает экономика транзакционных издержек.

В свою очередь, О. Ю. Амелина, затрагивая вопрос о транзакционных издержках и правах на объекты авторского права при их копировании, указывает, что отправной точкой в этом является теорема Коуза. Согласно этой теореме, если автор может запретить копирование каждому желающему или, наоборот, каждый желающий имеет право копировать, то стороны смогут договориться между собой и прийти к эффективному решению, так что специальная защита авторским правом станет не нужна. Однако в реальной жизни, если учитывать издержки на ведение таких переговоров, защита авторского права становится необходимой. Передача права от неопределенного круга лиц к автору значительно сокращает эти издержки [21, с. 151].

О том, что важно учитывать экономическое содержание авторского права, писал еще Г. Ф. Шершеневич, который отмечал, что «труд рабочего направлен непосредственно на приобретение материальных благ, но деятельность поэта, ученого, философа имеет более высокую задачу и имущественные выгоды не составляют цели их труда, а потому и не могут быть целью установления авторского права» [22, с. 432]. Это замечание важно для понимания того, что цели автора не сводятся исключительно к извлечению прибыли, а значит, и ограничения авторского права (в частности, цитирование) не должны оцениваться как упущенная выгода.

Д. Д. Фридман предлагает экономический анализ: чем меньше копируемый фрагмент произведения, тем выше транзакционные издержки получения разрешения в сравнении с ценностью этого разрешения, следовательно, тем сильнее аргументы в пользу того, чтобы относиться к собственности как к общественному достоянию [13, с. 236]. Закон, устанавливая норму о свободном цитировании, принудительно снижает эти издержки до нуля. При этом Р. Познер, основоположник экономического анализа права [23, с. 11], дополняет этот анализ. По его мнению, даже если транзакционные издержки в абсолютном выражении не являются запретительными, они могут оказаться непропорционально высокими при соотношении ценности самого цитирования и затрат на переговоры [11, р. 63].

Важнейший шаг в развитии методологии экономического анализа права был сделан Г. Калабрези и А. Д. Меламедом, предложившими классификацию правовых режимов защиты по модели *property rule* (принципа собственности) и по модели *liability rule* (принципа ответственности) [12]. Защита по модели *property rule* дает правообладателю возможность запретить любое несанкционированное использование его произведения и требовать восстановления права в натуре. Защита по модели *liability rule*, напротив, допускает нарушение права, но с условием последующей компенсации убытков, устанавливая публичную цену за нарушение. Как подробно анализирует А. Г. Карапетов, эта классификация стала основой для анализа любых правовых притязаний [14, с. 33].

Применяя эту классификацию к авторскому праву, можно увидеть, что исключительное право автора защищается по модели *property rule*. Однако ст. 1274 ГК РФ, устанавливающая случаи свободного использования, фактически переводит цитирование в режим *liability rule* с нулевой компенсацией. Законодатель, осознавая высокие транзакционные издержки заключения миллионов мелких лицензионных договоров, устанавливает, что для данного способа использования получение согласия не требуется, а размер компенсации приравнивается к нулю. Это является ярким примером законодательного вмешательства, направленного на минимизацию издержек общества, что полностью соответствует логике Г. Калабрези и А. Д. Меламеда о применении *liability rule* в ситуациях с высокими транзакционными издержками.

Теория эффективного нарушения (*efficient breach theory*), активно разрабатывавшаяся сторонниками экономического анализа права, утверждает, что нарушение договора может быть оправдано, если выгода, которую получит нарушитель, превышает убытки, которые понесет потерпевшая сторона. В таком случае нарушение приводит к Парето-улучшению: один субъект выигрывает, а другой, получив полную компенсацию, по крайней мере, не проигрывает [15, с. 363—364]. Цитирующий автор извлекает выгоду, поскольку его работа становится более убедительной, доказательной, научно обоснованной. Убытки цитируемого автора в большинстве случаев минимальны; более того, цитирование служит бесплатной рекламой, привлекающей внимание к цитируемой работе и тем самым увеличивающей спрос на нее [11, р. 63]. Однако важно отметить, что цитирование по смыслу ст. 1274 ГК РФ отличается от классического случая эффективно-го нарушения договора, поскольку в теории эффективно-го нарушения речь идет о нарушении, за которым следует

выплата компенсации. Цитирование является правомерным ограничением исключительного авторского права и вообще не квалифицируется как нарушение. Таким образом, законодатель признал общественную полезность цитирования безусловной.

Цитирование также имеет фундаментальную социальную ценность. Как подчеркивают зарубежные исследователи, именно от точности и корректности цитирования зависит достоверность и воспроизводимость научных исследований [24]. Цитирование создает то, что в экономической теории называется положительным внешним эффектом — выгоду от него получает не только цитирующий автор, но и всё общество в лице читателей, студентов, других исследователей.

При этом в российском праве ст. 1274 ГК РФ устанавливает закрытый список разрешенных целей цитирования (научные, полемические, критические, информационные, учебные), в то время как в американском праве доктрина *fair use* (§ 107 Закона об авторском праве США) является более гибкой и опирается на анализ четырех факторов: цель использования, природа произведения, объем использованной части и влияние на рынок оригинала [1, с. 32]. Р. Познер подчеркивает, что эта доктрина является примером того, как право интеллектуальной собственности допускает беспрепятственное использование произведения третьими лицами [11, р. 62]. Несмотря на различия обе системы устанавливают пределы, за которыми использование чужого произведения перестает быть социально полезным и начинает наносить неоправданный экономический ущерб авторам и иным правообладателям.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Институт цитирования, закрепленный в ст. 1274 ГК РФ, не является сугубо техническим исключением из сферы авторско-правовой охраны. Напротив, это исторически обусловленный, продуманный механизм, который помогает найти компромисс между интересами авторов и потребностями общества. Цитирование сочетает в себе элементы как деонтологического (защита личных неимущественных прав автора через требование указания имени), так и утилитаристского подхода (стимулирование творческой деятельности через снижение транзакционных издержек).

2. Экономический анализ права предоставляет эффективный инструмент для объяснения механизмов действия ст. 1274 ГК РФ. Центральная категория здесь «транзакционные издержки». Цитирование является классическим примером «провала рынка», когда издержки на заключение рыночной сделки многократно превышают выгоду от самой сделки. Законодатель, закрепляя на нормативном уровне цитирование, фиксирует эту зону «провала» и обнуляет транзакционные издержки, что является экономически рациональным решением, направленным на минимизацию издержек для общества.

3. Использование классификации правовых режимов защиты, предложенной Г. Калабрези и А. Д. Меламедом, позволяет квалифицировать цитирование как перевод использования из режима *property rule* в режим *liability rule* с нулевой компенсацией. Это полностью соответствует цели законодательного вмешательства в условиях высоких транзакционных издержек.

4. Социальная и культурная значимость свободного использования произведений выходит далеко за пределы индивидуальной пользы отдельного автора. Цитирование является ключевым механизмом создания и распространения информации, обеспечивая преемственность в развитии науки и культуры, приносит пользу всему обществу.

5. Философское обоснование ограничений авторского права может быть найдено в диалектике Г. В. Ф. Гегеля. По его логике, абсолютное право автора на свое произведение диалектически «снимается» в высшей сфере общественного бытия — нравственности и государстве, где сво-

бода одного индивида должна быть соотнесена со свободой всех членов общества. В этой связи цитирование предстает как момент этого «снятия».

Таким образом, цитирование является важнейшим институтом авторского права, обеспечивающим его развитие и соответствие критериям экономической эффективности и требованиям социальной справедливости, обоснованной в гегелевской диалектике. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с применением экономического анализа права и к другим случаям свободного использования произведений, закрепленным в ГК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добрякова Г. Э. Сравнительный анализ институтов разрешенного использования и доктрины fair use в правовом регулировании РФ и США // Юрист. 2022. № 2. С. 29—33.
2. Медведев А. А. Эволюция подходов к свободному использованию музыкальных произведений в правовой системе США // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2025. № 4. С. 82—91.
3. Могилевский П. С. Доктрина добросовестного использования в США и свободное использование произведений в России: сравнительный анализ // Гражданское право. 2022. № 5. С. 12—14.
4. Витко В. С. Дело о цитировании фотографического произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 2. С. 59—66.
5. Витко В. С. О правомерном объеме цитирования произведений науки, литературы и искусства // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 5. С. 19—31.
6. Матвеев А. Г. Типологизация теорий авторских прав и их современное значение // Труды Института государства и права РАН. 2025. Т. 20. № 1. С. 82—109. DOI: 10.35427/2073-4522-2025-20-1-matveev.
7. Матвеев А. Г. Генеративный ИИ как самая большая проблема в истории авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2025. № 6. С. 5—11.
8. Звегинцева Е. А. Свободное цитирование: пределы и возможности // Вестник ВГИК. 2021. Т. 13. № 1. С. 130—139.
9. Мурзин Д. В. Цитирование произведения и его использование в качестве иллюстрации как способ свободного использования объекта авторских прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 2(40). С. 173—181. DOI: 10.58741/23134852_2023_2_173.
10. Евтеева Е. В. Свободное использование фотографических произведений в сети Интернет // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 3(41). С. 95—111. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_10.
11. Posner R. A. Intellectual Property: The Law and Economics Approach // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. No. 2. Pp. 57—73. DOI: 10.1257/0895330054048704.
12. Calabresi G., Melamed A. D. Property Rules, Liability Rules, and Inalienability: One View of the Cathedral // Harvard Law Review. 1972. Vol. 85. No. 6. Pp. 1089—1128. DOI: 10.2307/1340059.
13. Фридман Д. Д. Порядок в праве: Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно / пер. с англ. И. Кушнаревой. М. : Изд-во Института Гайдара, 2017. 576 с.
14. Карапетов А. Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 24—80.
15. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. 528 с.
16. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. А. Л. Субботин. М. : Канон+, 2009. 400 с.
17. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1963—1966. Т. 4. Ч. 2. 1965. С. 107—438.
18. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
19. Рыженков А. Я. Гегелевская философия гражданского права // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 204—208.
20. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М. : РОССПЭН, 1998. 415 с.
21. Амелина О. Ю. Экономическая теория нелегального копирования и ценообразование: основные положения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 6. С. 150—154.
22. Шершеневич Г. Ф. Избр. / сост. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2016. 496 с.
23. Печатнова Ю. В. Правовое учение Ричарда Познера об экономическом анализе права // Российско-азиатский правовой журнал. 2023. № 4. С. 10—14. DOI: 10.14258/ralj(2023)4.2.
24. Ngatuvai M., Autrey C., McKenny M., Elkbuli A. Significance and implications of accurate and proper citations in clinical research studies // Annals of Medicine and Surgery. 2021. Vol. 72. Art. 102841. DOI: 10.1016/j.amsu.2021.102841.

REFERENCES

1. Dobryakova G. E. A comparative analysis of institutions of permitted use and the fair use doctrine in the legal regulation of the Russian Federation and the USA. *Yurist = Jurist*. 2022;2:29—33. (In Russ.)
2. Medvedev A. A. Evolution of approaches to free use of musical works in the US legal system. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 2025;4:82—91. (In Russ.)
3. Mogilevsky P. S. The fair use doctrine in the USA and free use of works in Russia: a comparative analysis. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*. 2022;5:12—14. (In Russ.)

4. Vitko V. Case of quoting work of photography. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 2022;2:59—66. (In Russ.)
5. Vitko V. On legitimate amount of quoting works of science, literature and art. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 2022;5:19—31. (In Russ.)
6. Matveev A. G. Typologization of Copyrights Theories and Their Modern Value. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2025;20(1):82—109. (In Russ.) DOI: 10.35427/2073-4522-2025-20-1-matveev.
7. Matveev A. G. Generative AI as the greatest challenge in the copyright history. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 2025;6:5—11. (In Russ.)
8. Zvegintseva E. A. Free citation: limits and opportunities. *Vestnik VGIK*. 2021;13(1):130—139. (In Russ.)
9. Murzin D. V. Quoting a work and using it as an illustration as a way to freely use the object of copyright. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam*. 2023;2(40):173—181. (In Russ.) DOI: 10.58741/23134852_2023_2_173.
10. Evteeva E. V. On the free use of photographic works on the Internet. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam*. 2023;3(41):95—111. (In Russ.) DOI: 10.58741/23134852_2023_3_10.
11. Posner R. A. Intellectual Property: The Law and Economics Approach. *Journal of Economic Perspectives*. 2005;19(2):57—73. DOI: 10.1257/0895330054048704.
12. Calabresi G., Melamed A. D. Property Rules, Liability Rules, and Inalienability: One View of the Cathedral. *Harvard Law Review*. 1972;85(6):1089—1128. DOI: 10.2307/1340059.
13. Friedman D. D. Law's Order: What Economics Has to Do with Law and Why It Matters. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2000. 329 p.
14. Karapetov A. G. Models of protection of civil rights: an economic view. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = The Herald of Commercial Justice of Russia*. 2014;11:24—80. (In Russ.)
15. Karapetov A. G. Economic analysis of law. Moscow, Statut, 2016. 528 p. (In Russ.)
16. Locke J. Two Treatises of Government. A. L. Subbotin (transl.). Moscow, Kanon+, 2009. 400 p. (In Russ.)
17. Kant I. Metaphysics of Morals in two parts. Kant I. *Works*. In 6 vols. Moscow, Mysl', 1963-1966. Vol. 4. Pt. 2. 1965. Pp. 107—438. (In Russ.)
18. Hegel G. W. F. Philosophy of Law. Moscow, Mysl', 1990. 524 p. (In Russ.)
19. Ryjenkov A. Ya. Hegel's Philosophy of Civil Law. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian journal of legal studies*. 2017;1(10):204—208. (In Russ.)
20. Bentham J. An introduction to the principles of morals and legislation. Moscow, ROSSPEN, 1998. 415 p. (In Russ.)
21. Amelina O. Y. Economic theory of illegal copying and pricing: the main statements. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*. 2008;6:150—154. (In Russ.)
22. Shershenevich G. F. Selected works. P. V. Krashenninnikov (comp.). Moscow, Statut, 2016. 496 p. (In Russ.)
23. Pechatnova Y. Richard Posner's legal teaching on the economic analysis of law. *Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal = Russian-Asian Legal Journal*. 2023;4:10—14. (In Russ.) DOI: 10.14258/ralj(2023)4.2.
24. Ngatuvai M., Autrey C., McKenny M., Elkbuli A. Significance and implications of accurate and proper citations in clinical research studies. *Annals of Medicine and Surgery*. 2021;72:102841. DOI: 10.1016/j.amsu.2021.102841.

Статья поступила в редакцию 29.05.2026; одобрена после рецензирования 21.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.
The article was submitted 29.05.2026; approved after reviewing 21.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья
УДК 347.963
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1730

Vasily Alexandrovich Demchenko
Senior Lecturer
of the Department of Prosecutorial Supervision
over the Implementation of Laws
in Operational and Investigative Activities
and the Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings,
Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation
vasiliy.demchenko.1996@mail.ru

Василий Александрович Демченко
старший преподаватель
кафедры прокурорского надзора
за исполнением законов
в оперативно-розыскной деятельности
и участия прокурора в уголовном судопроизводстве,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации
Владивосток, Российская Федерация
vasiliy.demchenko.1996@mail.ru

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И РЕАЛЬНАЯ ИСПОЛНИМОСТЬ КАК КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЗАКОННОСТИ АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. Требование прокурора обязательно лишь настолько, насколько оно опирается на предоставленные законом полномочия. Между тем Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», называя виды мер реагирования, их адресатов и отдельные сроки, ничего не говорит о содержании властного требования и о возможности его исполнить. Содержательные параметры представления, протеста и предостережения складываются поэтому в судебной практике, всякий раз применительно к конкретному спору.

Автор ставит вопрос: являются ли правовая определенность и реальная исполнимость критериями качества надзорной работы или всё же условиями законности юридически значимого акта прокурора? Ответ обосновывается в пользу второго варианта, после чего очерчиваются пределы законодательного закрепления обоих требований. Работа опирается на формально-юридический, системно-структурный и функциональный методы, а также на анализ правовых позиций Конституционного суда РФ и практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Определенность раскрывается через пять элементов:

указание на конкретное нарушение, относимые нормы права, фактические обстоятельства, требуемый правовой результат и надлежащего адресата. Исполнимость складывается из фактической возможности исполнения, компетенции адресата, разумного срока и запрета предпринимать вопрос, оставленный законом на усмотрение адресата, в частности о дисциплинарной ответственности работника.

Показано, что нарушение этих требований дает самостоятельное основание признать акт незаконным даже тогда, когда нарушение закона у адресата подтверждено. Отдельно разграничены адресная неопределенность и адресация некомпетентному лицу. Предложены дополнения в ст. 24 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1, закрепляющие минимальный «стандарт» законного требования прокурора.

Ключевые слова: акт прокурорского реагирования, правовая определенность, реальная исполнимость, представление прокурора, протест прокурора, предостережение прокурора, прокурорский надзор, юридически значимый акт, судебное оспаривание, прокурорское усмотрение, законность требования

Для цитирования: Демченко В. А. Правовая определенность и реальная исполнимость как критерии оценки законности актов прокурорского реагирования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 198—203. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1730.

Original article

LEGAL CERTAINTY AND REAL ENFORCEABILITY AS CRITERIA FOR ASSESSING THE LEGALITY OF PROSECUTORIAL RESPONSE ACTS

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. A prosecutor's demand is binding only to the extent that it rests on powers granted by law. Yet the Law on the Prosecutor's Office, naming the types of response measures, says nothing about the content of an authoritative demand or about the possibility of performing it. The substantive parameters of a submission, a protest and a warning are therefore shaped case by case in judicial practice.

The author argues whether legal certainty and real enforceability are criteria of the quality of supervisory work or rather conditions of the lawfulness of a legally significant act of the prosecutor. The answer is justified in favor of the second option, after which the limits of their legislative consolidation are outlined. Certainty is disclosed through five elements: indication of a specific violation, applicable legal norms, factual

circumstances, required legal result and proper addressee. Enforceability comprises the factual possibility of performance, the competence of the addressee, a reasonable time limit and the prohibition to predetermine an issue left by law to the discretion of the addressee, in particular an employee's disciplinary liability.

A breach of these requirements gives an independent ground to declare the act unlawful even where a violation of law by the addressee has been confirmed. Address uncertainty

For citation: Demchenko V. A. Legal certainty and real enforceability as criteria for assessing the legality of prosecutorial response acts. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):198—203. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1730.

Введение

Актуальность. Реагируя на нарушение закона, прокурор не просто сообщает адресату свою правовую оценку. Однако обязательность такого требования не безусловна и возникает лишь в той мере, в какой требование опирается на предоставленные прокурору полномочия. Отсюда практический вопрос, обсуждаемый в литературе на удивление редко: понятно ли адресату из самого акта, что именно ему вменяют и как исполнить требование, не выходя за пределы своей компетенции?

Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) перечисляет виды основных мер реагирования, называет их адресатов, устанавливает отдельные сроки. О том, каким должно быть содержание требования и возможно ли его исполнить, в нем не сказано ничего. Последствия известны любому, кто работал с надзорными материалами. Требование, изложенное общими словами, ставит адресата перед выбором из нескольких вариантов поведения, и каждый может быть затем признан ненадлежащим. А если вспомнить, что за умышленное неисполнение законного требования прокурора ст. 17.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) предусматривает ответственность, неопределенность перестает быть вопросом юридической техники.

Изученность проблемы. Литература об актах прокурорского реагирования обширна, но распределена неравномерно. Понятие, признаки и свойства такого акта разрабатывал Е. Р. Ергашев, связавший затянувшийся спор о природе средств реагирования с недостаточной определенностью их нормативной модели [1; 2]. Систематизацию мер реагирования вне уголовно-правовой сферы предложил А. Ю. Винокуров [3]. Юридическую природу представления анализировали С. Н. и М. С. Братановские [4], практические вопросы его внесения и рассмотрения — М. М. Шакирьянов [5]. Ближе всех к содержательным требованиям подошла Т. И. Афанасьева, показавшая, что исполнимость сложилась прежде всего в судебной практике [6]. Споры об оспаривании актов реагирования разбирает М. Н. Мирошниченко — под углом недопустимости вмешательства в хозяйственную деятельность и с точки зрения типичных ошибок правоприменения [7; 8]. Порядок проведения проверки и недопустимость подмены прокурором иных государственных органов подробно разработаны Ю. О. Карпышевой [9; 10], средства выявления нарушения закона рассмотрены Е. Р. Ергашевым и А. К. Сагаевой [11]. Обобщающие работы по надзору вне уголовно-правовой сферы подготовлены коллективом под руководством Н. В. Субановой [12], процессуальную сторону участия прокурора в административном судопроизводстве исследовали М. В. Маматов с соавторами [13].

and addressing an incompetent person are distinguished separately. Amendments are proposed to Article 24 of the Federal Law dated January 17, 1992, No. 2202-1, establishing the minimum “standard” for a prosecutor’s lawful demand.

Keywords: prosecutorial response act, legal certainty, real enforceability, prosecutor’s submission, prosecutor’s protest, prosecutor’s warning, prosecutorial supervision, legally significant act, judicial challenge, prosecutorial discretion, lawfulness of the demand

Со стороны административно-правовой доктрины проблема видится иначе. А. В. Ильин рассматривает оспаривание административных актов как самостоятельный институт со своей логикой проверки [14]. П. И. Кононов очерчивает основания и пределы судебного вмешательства в вопросы, отнесенные к компетенции органов публичной власти [15]. Ю. П. Соловей показал, что дискреционный характер акта сам по себе судебную проверку его законности не исключает [16], а С. А. Порываев определил пределы полномочий суда по делам об оспаривании административно-правовых актов [17]. Отдельный сюжет — требования прокурора о дисциплинарной ответственности, метаморфозы правового регулирования которых прослежены Е. Р. Ергашевым и Д. С. Бакировой [18].

Итог обзора таков: признаки и виды актов реагирования описаны обстоятельно, исполнимость исследована преимущественно применительно к представлению. Открытым остался вопрос, от ответа на который зависит судьба конкретного спора: определенность и исполнимость — критерии качества надзорной работы или всё же условия законности акта прокурора?

Целесообразность разработки темы. Казуальная оценка текста акта должна уступить место нормативной модели, одинаково понятной прокурору, адресату и суду.

Научная новизна. Определенность и исполнимость обоснованы как общеправовые условия законности любого внешне направленного юридически значимого акта прокурора, а не только представления; предложено разграничение адресной неопределенности и адресации некомпетентному лицу; сформулирован проверяемый по элементам «стандарт» законного требования и редакция дополнений в ст. 24 Закона о прокуратуре.

Цель исследования — показать, что правовая определенность и реальная исполнимость образуют условия содержательной законности акта прокурорского реагирования, и очертить пределы их законодательного закрепления. Для ее достижения решались следующие задачи:

- найти нормативное основание обоих требований;
- раскрыть их через совокупность проверяемых элементов;
- отделить проверку законности акта от оценки целесообразности прокурорского усмотрения;
- предложить дополнения в Закон о прокуратуре.

Теоретическая значимость работы связана с развитием учения о содержательной законности индивидуального публичного акта.

В свою очередь, **практическая значимость** работы раскрывается в трех аспектах: прокурору она дает перечень позиций, по которым проект его акта реагирования

проверяется до направления адресату, что снижает долю актов, отмененных судом по содержательному основанию; суду — структуру мотивировки (вопрос о законности акта прокурора распадается на проверяемые элементы, и оценка перестает зависеть от общего впечатления от текста документа); адресату надзорной проверки — понятные основания возражений против неясного либо невыполнимого требования прокурора. Сформулированные предложения о дополнении ст. 24 Закона о прокуратуре пригодны для использования в нормотворческой работе, а перечень элементов законного требования — в ведомственных рекомендациях и в преподавании прокурорского надзора.

Основная часть

Методология исследования. Формально-юридическим методом анализировались нормы Закона о прокуратуре и процессуального законодательства, определяющие предмет судебной проверки решений публичных субъектов. Системно-структурный метод позволил соотнести требования к содержанию акта с элементами этого предмета, функциональный — установить назначение каждого критерия. Исследование строилось в три шага: сначала выявлялось нормативное основание требований определенности и исполнимости, затем каждое из них раскладывалось на проверяемые элементы, после чего элементы сопоставлялись с правовыми позициями Конституционного и Верховного судов РФ. Отбор судебных решений велся по критерию мотивировки: интерес представляли те дела, где суд оценивал именно содержание акта, а не факт нарушения у адресата.

Результаты исследования. Правовая определенность позволяет заранее соотнести свое поведение с нормой и предвидеть последствия. В индивидуальном акте она проявляется иначе, чем в законе: адресат должен получить сведения о правовом основании, фактах и том результате, которого от него ждут. Для актов прокурорского реагирования это принципиально. Ясность акта здесь и оказывается той гранью, за которой надзор превращается в произвольное вмешательство [9; 12].

Косвенное подтверждение дает процессуальный закон. Рассматривая дело об оспаривании решения публичного субъекта, суд проверяет полномочия, соблюдение порядка принятия, наличие оснований, а также соответствие содержания нормативным правовым актам. Конституционный суд РФ в Постановлении от 17 февраля 2015 г. № 2-П уявлял законность прокурорской проверки с подтвержденностью ее оснований и прямо возложил на прокурора обязанность обосновать предъявленные требования.

Сказанное ни в чем не умаляет самостоятельности прокурора. Усмотрение существует там, где закон допускает несколько правомерных вариантов поведения, и относится к выбору меры реагирования, а вовсе не к возможности предъявить неясное либо невыполнимое требование. Предельно усмотрения остается законность, а не удобство или эффективность требования [16; 17].

Реальная исполнимость примыкает к определенности, но не растворяется в ней. Обязанность может быть сформулирована безупречно и всё же образовать незаконное содержание акта, если исполнить ее нельзя фактически, юридически или в отведенный срок. Оба требования, полагаясь, распространяются на любой внешне направленный юридически значимый акт прокурора.

Определенность не означает, что акт следует превращать в отчет о проверке. Практически это сводится к пяти элементам:

- 1) указание на конкретное нарушение: формула о том, что в работе организации «допускаются нарушения законов», объекта оценки не раскрывает;
- 2) относимые нормы права: перечень положений, не соотнесенных с обстоятельствами дела, правовой квалификации не заменяет;
- 3) фактические обстоятельства, связывающие норму с адресатом;
- 4) ожидаемое поведение: фраза «принять меры к исполнению требований законов» не сообщает, какое нарушение надлежит устранить, тогда как обозначить требуемый правовой результат и оставить адресату выбор средств в рамках его компетенции вполне возможно;
- 5) обращение к органу или должностному лицу, которые вправе нарушение устранить, при этом не следует смешивать адресную неопределенность и адресацию некомпетентному лицу: в первом случае неясно, кто несет обязанность, во втором обязанность возложена на того, у кого нет полномочия ее исполнить.

Показательно постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21 декабря 2017 г. № Ф01-5891/2017 по делу № А28-4311/2017: акт, исходящий от носителя властных полномочий, должен отвечать требованиям точности, ясности и определенности по способу изложения.

С исполнимостью дело обстоит несколько сложнее, т. к. оценивается не абстрактная полезность меры, а возможность ее реализации данным адресатом. Начать следует с фактической стороны. Когда устранение нарушения предполагает создание объекта, закупочную процедуру, получение разрешений или источник финансирования, игнорировать продолжительность этих процессов недопустимо: законная цель сама по себе не делает исполнимым требование, которое в назначенный срок выполнить нельзя [6]. Второе — компетенция: обязанность не возлагают на лицо, которое не распоряжается нужными ресурсами и не уполномочено отменить акт либо определять порядок деятельности организации. Третье — срок, разумность которого определяется характером нарушения и обязательными процедурами; месячный срок неуместен, если процедура принятия решения объективно длиннее. Четвертое обстоятельство ярче всего видно в требованиях о дисциплинарной ответственности. Взыскание зависит от вины, тяжести проступка и иных обстоятельств, которые оценивает работодатель. Поэтому требование рассмотреть вопрос о привлечении виновных лиц к ответственности исполнимо, а требование привлечь конкретного работника предпринимает результат процедуры, прокурору не подведомственной [18].

Против самостоятельного значения обоих критериев обычно возражают так: если нарушение действительно имело место, недостатки формулировки не должны освобождать адресата от обязанности его устранить. Возражение смешивает разные факторы. Нарушение относится к фактическому основанию реагирования, тогда как законность акта включает еще полномочие, процедуру и содержание. Никто не считает, что нарушение порядка проверки нивелируется последующим подтверждением ее выводов; так же и неясность или невозможность исполнения не устраняется верным выявлением нарушения [11]. Не случайно ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ наступает за неисполнение именно законного требования. Верховный суд РФ

в постановлении от 10 января 2022 г. № 89-АД21-13-К7 указал, что несогласие прокурора с содержанием ответа на представление само по себе оснований административной ответственности не образует.

Судебная практика отсекает наиболее очевидные случаи неопределенных и неисполнимых требований, однако судебный акт разрешает конкретный спор, тогда как основным ориентиром для прокурора и адресата остается закон. Отсюда два следствия, обнаруженные при сопоставлении дел. Правоприменение неустойчиво: одни суды видят в недостаточной конкретизации самостоятельный порок содержания, другие оценивают ее лишь в связи с доказанностью нарушения. Нет заранее известного набора параметров и у прокурора: ведомственные рекомендации и обзоры практики законодательного правила не заменяют [9; 10].

Обобщение материала позволяет свести модель законного требования к пяти вопросам. Определено ли нарушение? Названы ли относимые нормы права и фактические обстоятельства? Обозначен ли требуемый правовой результат? Выбран ли компетентный адресат? Реально ли исполнение в установленный срок без предращения вопроса, отнесенного к усмотрению адресата?

Отсюда следует предложение: ст. 24 Закона о прокуратуре имело бы смысл дополнить двумя положениями следующего содержания:

«1.1. Представление об устранении нарушений закона должно содержать: указание на должностное лицо, внесшее представление, дату и место его внесения; наименование органа или должностного лица, которому оно адресовано; указание на решение о проведении проверки, по результатам которой представление внесено; описание выявленных нарушений закона с указанием нарушенных норм, конкретных обстоятельств, свидетельствующих о нарушении, и материалов проверки, которыми эти обстоятельства подтверждаются; указание на причины нарушений и способствующие им условия; требование об устранении нарушений закона, изложенное определенно и исполнимо; срок, в течение которого требование подлежит рассмотрению и исполнению; порядок и срок обжалования представления.

1.2. Требование прокурора об устранении нарушений закона не может состоять в воспроизведении положений закона без указания на способ устранения нарушения, а равно возлагать на адресата обязанность совершить действия, отнесенные законом к его исключительному усмотрению, в том числе привлечь конкретное лицо к дисциплинарной ответственности или применить определенный вид дисциплинарного взыскания. Требование о рассмотрении вопроса о привлечении виновных лиц к ответственности считается исполненным при рассмотрении такого вопроса адресатом независимо от принятого им решения».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ергашев Е. Р. К дискуссии о понятии, признаках, свойствах акта прокурорского реагирования // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 4. С. 182—187.
2. Ергашев Е. Р. Процессуальные и иные средства и акты прокурорского реагирования: правовая природа и проблемы правового регулирования // Российский юридический журнал. 2022. № 2(143). С. 122—129. DOI: 10.34076/20713797_2022_2_122.
3. Винокуров А. Ю. Меры прокурорского реагирования при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы // Российский журнал правовых исследований. 2022. Т. 9. № 4. С. 9—20. DOI: 10.17816/RJLS109529.
4. Братановский С. Н., Братановская М. С. О юридической природе представления прокуратуры об устранении нарушений законодательства и привлечении должностных лиц к дисциплинарной ответственности // Advances in Law Studies. 2016. Т. 4. № 3. С. 134—137. DOI: 10.12737/20921.

Заключение

Проведенное исследование позволяет считать поставленную цель достигнутой, а задачи — решенными.

Нормативное основание требований определенности и исполнимости обнаруживается не в Законе о прокуратуре, а в процессуальном законодательстве, относящем к предмету судебной проверки, помимо полномочия и порядка принятия решения, соответствие его содержания нормативным правовым актам. Тем самым содержание акта проверяется наравне с полномочием и процедурой, а правовые позиции о необходимости обосновать предъявленное требование лишь конкретизируют это общее правило.

Раскрытие обоих требований через совокупность элементов показало, что они поддаются проверке без обращения к оценочным категориям: определенность обеспечивается указанием на конкретное нарушение, относимые нормы, фактические обстоятельства, требуемый правовой результат и надлежащего адресата, исполнимость — фактической возможностью, компетенцией адресата и достаточностью срока. Адресная неопределенность и адресация некомпетентному лицу при этом различны по последствиям и смешению не подлежат.

Разграничение законности и целесообразности выразилось в следующем: усмотрение прокурора охватывает выбор меры реагирования, но не распространяется на возможность предъявить неясное либо невыполнимое требование, а суд, признавая акт незаконным по содержательному основанию, не определяет за прокурора надлежащую меру. Нарушение определенности или исполнимости образует самостоятельное основание незаконности акта и в том случае, когда нарушение закона у адресата подтверждено, поскольку относится к иному элементу законности, чем фактическое основание реагирования.

Рекомендации сводятся к дополнению ст. 24 Закона о прокуратуре двумя положениями в предложенной редакции — о требованиях к содержанию акта и о недопустимости требования, воспроизводящего закон, возлагающего заведомо невыполнимую обязанность либо предпрещающего вопрос, отнесенный к усмотрению адресата, — а также к включению перечня из пяти проверяемых элементов в ведомственные методические документы. Их практическое значение состоит в переходе от казуальной оценки текста акта к заранее известному стандарту, единому для прокурора, адресата и суда.

Дальнейшего изучения заслуживают процессуальные последствия признания акта незаконным по содержательному основанию и соотношение судебной проверки содержания акта с ведомственным порядком рассмотрения жалоб на решения прокурора.

5. Шакирьянов М. М. Представление прокурора — акт прокурорского реагирования: вопросы и ответы // Искусство правоождения. 2025. № 4. С. 84—91.
6. Афанасьева Т. И. Исполнимость как требование к актам прокурорского реагирования (по материалам судебной практики) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3. С. 35—44. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.91.3.035-044.
7. Мирошниченко М. Н. Участие органов прокуратуры в рассмотрении судами дел об оспаривании актов прокурорского реагирования: проблемы правоприменения в части определения наличия вмешательства прокуратуры в хозяйственную деятельность // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 9. С. 12—16. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-9-12-16.
8. Мирошниченко М. Н. Проблемы правоприменения по делам об оспаривании действий прокуроров при проведении проверок и актов прокурорского реагирования // Законность. 2023. № 9(1067). С. 16—19.
9. Карпышева Ю. О. Теоретические основы и правовое моделирование деятельности прокуратуры Российской Федерации по надзору за исполнением законов. Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации, 2022. 174 с.
10. Карпышева Ю. О. Недопустимость подмены прокурором иных государственных органов: проблемы правоприменения // Законность. 2022. № 9(1055). С. 17—21.
11. Ергашев Е. Р., Сагаева А. К. Прокурорская проверка как средство выявления нарушения закона: проблемы теории и практики // Российский юридический журнал. 2025. № 2(161). С. 151—159.
12. Прокурорский надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы: проблемы теории и практики : моногр. / под науч. ред. Н. В. Субановой. М. : Проспект, 2023. 400 с.
13. Участие прокурора в административном судопроизводстве : коллектив. моногр. / М. В. Маматов, Е. В. Кремнева, И. А. Маслов и др. М. : Городец, 2024. 416 с.
14. Ильин А. В. Оспаривание административных актов : моногр. М. : Статут, 2024. 134 с.
15. Кононов П. И. Основания и пределы вмешательства судов по результатам рассмотрения ими административных дел в решение вопросов, отнесенных к компетенции органов публичной власти, выступающих ответчиками по данным делам // Административное право и процесс. 2025. № 6. С. 54—60. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-6-54-60.
16. Соловей Ю. П. Дискреционный характер административного акта как обстоятельство, исключающее судебную проверку законности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 72—99. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.4.72.99.
17. Порываев С. А. Пределы полномочий суда в рамках судопроизводства по делам об оспаривании административно-правовых актов // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22. № 4. С. 643—655. DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-4-643-655.
18. Ергашев Е. Р., Бакирова Д. С. Правовые средства прокурора, направленные на привлечение виновного лица к дисциплинарной ответственности, метаморфозы правового регулирования, прокурорской и судебной практики // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 2(58). С. 26—31.

REFERENCES

1. Ergashev E. R. Discussion on the concept, features, properties public prosecutor's response. *Rossiiskii zhurnal pravovyykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies (Moscow)*. 2016;3(4):182—187. (In Russ.)
2. Ergashev E. Procedural and non-procedural means and acts of the prosecutor's response: a legal nature and problems of legal regulation. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*. 2022;2(143):122—129. (In Russ.) DOI: 10.34076/20713797_2022_2_122.
3. Vinokurov A. Y. Prosecutor's Response Measures in the Implementation of Prosecutor's Supervision over the Implementation of Laws outside the Criminal Legal Sphere. *Rossiiskii zhurnal pravovyykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies (Moscow)*. 2022;9(4):9—20. (In Russ.) DOI: 10.17816/RJLS109529.
4. Bratanovsky S., Bratanovskaya M. On the legal nature of representation Prosecutor's office to eliminate violations of legislation and bringing officials to disciplinary liability. *Advances in Law Studies*. 2016;4(3):134—137. (In Russ.) DOI: 10.12737/20921.
5. Shakiryaynov M. M. Representation of the prosecutor - act of the prosecutor's response: questions and answers. *Iskusstvo pravovedeniya = The art of law*. 2025;4:84—91. (In Russ.)
6. Afanasieva T. I. Enforceability as a Requirement for Acts of Prosecutorial Response (on Materials of Judicial Practice). *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;3:35—44. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2022.91.3.035-044.
7. Miroshnichenko M. N. Involvement of prosecution authorities in the judicial review of cases on challenging of acts of prosecutor's response: problems of law enforcement in terms of determination of the fact of interference of the prosecutor's office with business activities. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil Procedure*. 2023;9:12—16. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-383X-2023-9-12-16.
8. Miroshnichenko M. N. Problems of law enforcement in cases of contestation of actions of the prosecutors in conduction of checks and acts of prosecutorial response. *Zakonnost'*. 2023;9(1067):16—19. (In Russ.)
9. Karpysheva Yu. O. Theoretical foundations and legal modeling of the activity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in supervising the implementation of laws. Irkutsk, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation publ., 2022. 174 p. (In Russ.)
10. Karpysheva Yu. O. Unacceptability for a prosecutor to replace other government bodies: the problems of law enforcement. *Zakonnost'*. 2022;9(1055):17—21. (In Russ.)
11. Ergashev E., Sagaeva A. Prosecutor's inspection as a mean of detecting violations of the law: problems of theory and practice. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*. 2025;2(161):151—159. (In Russ.)
12. Prosecutorial supervision over the implementation of laws outside the criminal law sphere: problems of theory and practice. Monograph. N. V. Subanova (ed.). Moscow, Prospekt, 2023. 400 p. (In Russ.)

13. Mamatov M. V., Kremneva E. V., Maslov I. A. et al. Participation of the prosecutor in administrative proceedings. Collective monograph. Moscow, Gorodets, 2024. 416 p. (In Russ.)
14. Il'in A. V. Challenging administrative acts. Monograph. Moscow, Statut, 2024. 134 p. (In Russ.)
15. Kononov P. I. Grounds and limits of interference of courts based on review of administrative cases with solution of issues referred to the competence of government authorities acting as defendants in such cases. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*. 2025;6:54—60. (In Russ.) DOI: 10.18572/2071-1166-2025-6-54-60.
16. Solovey Yu. P. Discretionary Nature of Administrative Act as a Circumstance Precluding Judicial Review of its Legality. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;4:72—99. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2019.4.72.99.
17. Poryvaev S.A. The Limits of the Court's Powers in the Framework of Judicial Proceedings in Cases of Contesting Administrative Acts. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*. 2025;22(4):643—655. (In Russ.) DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-4-643-655.
18. Ergashev E. R., Bakirova D. S. Legal means of the prosecutor aimed at bringing the guilty person to disciplinary responsibility: metamorphosis of legal regulation, prosecutorial and judicial practice. *Biznes, menedzhment i pravo = Business, Management and Law*. 2023;2(58):26—31. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2026; одобрена после рецензирования 07.08.2026; принята к публикации 10.08.2026.
The article was submitted 15.07.2026; approved after reviewing 07.08.2026; accepted for publication 10.08.2026.

Научная статья
УДК 343.98
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1683

Olesya Vladimirovna Karaulskaia
Inspector at the Material
and Technical Support Department,
Directorate of Non-Departmental Security
of the National Guard Troops of the Russian Federation
for the Irkutsk Region
Irkutsk, Russian Federation
ovk2016@bk.ru

Олеся Владимировна Караульская
инспектор отдела материально-технического
и хозяйственного обеспечения,
Управление вневедомственной охраны
войск национальной гвардии России
по Иркутской области
Иркутск, Российская Федерация
ovk2016@bk.ru

СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЗАКРЫТЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ПРОЦЕДУР В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА И ЦИФРОВЫЕ МАРКЕРЫ ЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. В статье на основе комплексного криминалистического анализа актуальной правоприменительной практики исследуются способы сокрытия мошеннических посягательств на бюджетные средства в сфере государственного оборонного заказа, совершаемых в условиях закрытых электронных процедур. Методологическую основу работы составили методы системного, сравнительно-правового и типологического анализа судебных приговоров по уголовным делам о корыстных преступлениях в государственных закупках за 2025—2026 гг. Опираясь на теоретические труды В. О. Давыдова и Ф. Г. Аминова, автор детально классифицирует механизмы маскировки преступных действий по этапам непубличного закупочного цикла, последовательно выделяя предконтрактные, организационно-финансовые и технологические составляющие противодействия расследованию.

В работе подробно раскрыты криминальные схемы умышленного завышения цен, искусственной симуляции конкуренции фирмами-сателлитами, создания видимости легитимности действий участников, а также использования эффекта «отложенного контроля» и тактических приемов введения в заблуждение должностных лиц заказчика. Доказано, что существующий порядок ведомственной приемки носит формально-номинальный характер

и способствует камуфлированию дефектов. На основе структуры электронно-цифровых следов, включающих массивы Автоматизированной системы торгов государственного оборонного заказа, лог-файлы и метаданные организаций, предложен комплекс аналитических маркеров детекции обмана и признаков сокрытия преступлений. Для минимизации рисков предложена авторская методика цифрового обнаружения противоправных деяний и создание единой информационной платформы. Обоснована необходимость внедрения в закрытые закупочные системы ИИ-алгоритмов автоматического кросс-анализа учредителей, нормативного закрепления специализированного ведомственного аудита и сквозных цифровых регламентов фиксации результатов с применением технологии распределенного реестра (блокчейн) для повышения эффективности выявления преступлений в стратегическом секторе экономики.

Ключевые слова: способы сокрытия мошенничества, государственный оборонный заказ, закрытые электронные процедуры, противодействие расследованию, тактические приемы введения в заблуждение, искусственная симуляция конкуренции, электронно-цифровые следы, цифровые маркеры выявления, закрытые закупочные системы, ведомственный цифровой контроль

Для цитирования: Караульская О. В. Способы сокрытия мошенничества при проведении закрытых электронных процедур в сфере государственного оборонного заказа и цифровые маркеры его выявления // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 204—209. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1683.

Original article

WAYS OF CONCEALING FRAUD IN CLOSED ELECTRONIC PROCEDURES WITHIN THE STATE DEFENSE ORDER AND ITS DIGITAL DETECTION MARKERS

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. Based on a comprehensive criminological and forensic analysis of current law enforcement practice, the article examines the methods used by unscrupulous entities to conceal fraudulent encroachments on budgetary funds during closed electronic procedures within the State Defense Order. The methodological framework of the research comprises

the methods of systemic, comparative legal and typological analysis of court judgments in criminal cases involving acquisitive crimes in public procurement for the period of 2025—2026. Drawing upon the theoretical works of V. O. Davydov and F. G. Aminev, the author provides a detailed classification of the mechanisms for masking criminal actions by the stages

of the non-public procurement cycle, consistently identifying pre-contractual, organizational, financial, and technological components of countering the investigation.

The paper uncovers in detail the criminal schemes of deliberate price inflation, artificial simulation of competition by satellite companies, creation of a semblance of legitimacy for the participants' actions, as well as the exploitation of the "delayed control" effect and tactical methods of misleading the customer's officials. It is proved that the existing procedure of departmental acceptance is of a formal and nominal nature and contributes to the camouflaging of defects. Based on the structure of electronic-digital footprints, including AST GOZ datasets, log files, and corporate metadata, a complex of analytical markers for deception detection and signs of crime concealment is proposed. To minimize risks,

the author introduces a proprietary methodology for the digital detection of unlawful acts and the establishment of a unified information platform. The study substantiates the necessity of integrating AI algorithms for automated cross-analysis of founders into closed procurement systems, establishing a regulatory framework for specialized departmental auditing, and introducing end-to-end digital regulations for recording results using distributed ledger technology (blockchain) to enhance the efficiency of crime detection in the strategic sector of the economy.

Keywords: ways of concealing fraud, State Defense Order, closed electronic procedures, countering investigation, tactical methods of misleading, artificial simulation of competition, electronic-digital footprints, digital detection markers, closed procurement systems, departmental digital control

For citation: Karaulskaya O. V. Ways of concealing fraud in closed electronic procedures within the state defense order and its digital detection markers. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):204—209. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1683.

Введение

Актуальность. Надежность тылового обеспечения прямо определяет состояние национальной безопасности. Специфика оборонно-промышленного комплекса (далее — ОПК) обуславливает применение закрытых процедур и ограничение публичности закупок согласно федеральным законам от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ и от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ. Режим секретности минимизирует внешний контроль, формируя «слепые зоны».

Режим государственной тайны и стратегическая значимость сведений об обеспечении обороны страны и безопасности государства обуславливают ограничение публичного доступа к сводной статистической отчетности о преступности в сфере государственного оборонного заказа (далее — ГОЗ). Тем не менее официальные доклады руководителей надзорных и следственных ведомств (Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ) по итогам 2025 г. констатируют сохранение значительных объемов причиняемого государству материального ущерба в ОПК. Анализ правоприменительной практики в данном секторе указывает на усложнение криминальных механизмов сокрытия преступлений. Мошеннические схемы умышленно камуфлируются под легитимную хозяйственную деятельность, исключая детекцию стандартными методами ведомственного аудита. В связи с этим возникает острая необходимость разработки научно обоснованных технико-криминалистических инструментов и маркеров для своевременного обнаружения признаков преступной деятельности в условиях закрытых электронных систем.

Изученность проблемы. Превенция, уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере ГОЗ, дифференциация ответственности за мошенничество и уклонение от исполнения оборонных контрактов исследованы Е. В. Шмировым [1], В. Н. Борковым [2], М. М. Исаичевой [3] и А. Р. Садвакасовым [4]. Социальная обусловленность введения уголовной ответственности за срыв договорных обязательств в контрактной системе ОПК отражена в работах А. Н. Каменевой [5]. Организационно-финансовая безопасность, казначейское сопровождение закупок и административное принуждение при контроле бюджетных средств проанализированы С. М. Рукавишниковым [6], О. В. Сергеевым и В. А. Шишковым [7].

Методологический базис криминалистического анализа, системно-информационный подход к виртуальной среде и экспертно-профилактическая деятельность при выявлении скрытых угроз в условиях цифровизации обоснованы В. О. Давыдовым [8] и Ф. Г. Аминевым [9]. Криминалистическая характеристика злоупотреблений и вопросы фиксации цифровых следов при расследовании мошенничества подробно рассмотрены Р. А. Дерюгиным [10], В. А. Очаковским и А. С. Усенко [11].

Предупредительный потенциал цифровых криминалистических методов, автоматизированного мониторинга, программного контроля и использования защищенных распределенных баз данных в правоприменительной деятельности исследовали В. В. Астанин [12], Д. В. Меняйло и К. К. Крупенникова [13], Р. В. Иванов [14] и Л. В. Каширская [15]. Однако комплексный криминалистический анализ способов сокрытия мошенничества в закрытых процедурах ГОЗ и механизмов их выявления не проводился.

Целесообразность разработки темы. Своевременное выявление скрываемых правонарушений, посягающих на бюджет ГОЗ, взаимосвязано с необходимостью постоянного совершенствования методов их обнаружения, поскольку маскировка преступных схем и специфика изолированных систем требуют адаптации экспертно-криминалистической деятельности к цифровым вызовам [6; 7]. Обусловленная процессами цифровизации трансформация посягательств и их укоренение в электронной среде определяют разработку маркеров детекции обмана [12; 15] для развития методики расследования и предупреждения данных преступлений.

Ключевая научная проблема исследования заключается в возникновении «слепых зон» в сфере ГОЗ, где режим секретности и формальный характер контроля создают условия для сокрытия криминальных схем.

Цель исследования — на основе правоприменительной практики систематизировать способы сокрытия закупочно-го мошенничества и определить маркеры его обнаружения.

Задачи исследования:

1. Дифференцировать механизмы сокрытия по этапам контрактного цикла (предконтрактный, организационно-финансовый, технологический).
2. Раскрыть алгоритмы симуляции конкуренции фирмами-сателлитами и имитации легитимности действий.

3. Обосновать цифровую детекцию криминальных рисков для преодоления формальной приемки и выявления мошенничества.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором осуществлена классификация способов сокрытия мошенничества по этапам непубличного цикла ГОЗ, а также раскрыты механизмы обмана на основе симуляции конкуренции аффилированными структурами, «отложенного контроля» и камуфлирования дефектов. Кроме того, в работе доказана упреждающая роль цифровых следов как маркеров своевременной верификации рисков и преодоления номинальной приемки.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении криминалистических представлений о механизмах сокрытия и детерминации скрытого характера мошенничества при проведении закрытых электронных процедур в сфере ГОЗ в условиях общей цифровизации.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные автором криминалистические рекомендации и аналитические маркеры цифровой детекции обмана могут быть непосредственно внедрены в деятельность следственных органов, экспертных подразделений и контролирующих органов для оперативного предупреждения и выявления признаков мошенничества при проведении закрытых электронных процедур в сфере ГОЗ.

Методологическая основа исследования сформирована методами системного, структурно-функционального и сравнительно-правового анализа, а его эмпирическую базу составил криминалистический анализ материалов судебной практики по уголовным делам о мошенничестве в сфере закупок для нужд ГОЗ за 2025—2026 гг., позволивший выявить устойчивые криминальные механизмы сокрытия указанных преступных посягательств.

Основная часть

Правоприменительная практика позволяет классифицировать факторы, способствующие совершению мошенничества по этапам контрактного цикла.

Первые — предконтрактные факторы, действующие при обосновании начальной (максимальной) цены контракта и проведении торгов за счет информационной асимметрии и имитации конкуренции.

Предконтрактные факторы наглядно раскрывает уголовное дело ООО «СпецТрансСервис» (ГУ МЧС России по Тамбовской области). Пользуясь дефицитом ведомственной экспертизы, подрядчик зависил начальную (максимальную) цену контракта (далее — НМЦК) до 7,1 млн руб. Должностные лица, стремясь формально закрыть показатели ГОЗ, отказались от аудита цен. Сокрытие преступного умысла обеспечила подача скоординированных заявок от трех аффилированных структур (ООО «СпецТрансСервис», ООО «АвтоСпецЦентр», ООО «АвтоТехЦентр»), создавших в закрытом аукционе ложную видимость состязательности и позволивших зависить стоимость контракта на 34 % до начала работ.

Организационно-финансовые факторы, способствующие совершению мошенничества (эффект «отложенного контроля» и транзитное дробление) отражены в деле ООО «АлтайПромАльп» (Бийский городской суд). Используя закрытый статус единственного поставщика в сфере ГОЗ, субъекты получили максимальный аванс (70 % от цены контракта, или 49 млн руб.), причем скрытый характер хищения обеспечил пятимесячный временной лаг

до сдачи объекта. Период «отложенного контроля» использовался для транзитного вывода средств по схеме «веера» через фиктивных соисполнителей и индивидуальных предпринимателей, а частичные перечисления на Единый налоговый счет служили маскировкой перед финансовым мониторингом.

Другую группу образуют технологические и социально-психологические способы сокрытия преступления при исполнении и приемке контракта за счет искажения параметров, маскировки дефектов и эксплуатации лояльности. Механизмы отражены в материалах дел ООО «АсСтрой» и ООО «СпецТрансСервис». При строительстве ангара преступники заменяли проектный профлист и проволоку тонкими аналогами, скрывая недостатки последующим монтажом, а при ремонте автоцистерн подлог выразился в поверхностном окрашивании вместо капитального восстановления. Судебная экспертиза подтвердила невозможность проверки скрытых работ, поскольку комиссия заказчика не имеет возможности выявить подлог без демонтажа конструкций ангара и разборки узлов автоцистерн.

Криминогенные риски усугубляются авторитетом подрядчиков, работающих с ведомством более десяти лет. Неформальный «кредит доверия» размывает границы контроля, детерминируя устные договоренности. Ведомственная приемка приобретает номинальный характер, оценивая объем бумаг (акты КС-3, накладные), а не реальные свойства объекта. Нейтрализация факторов обеспечивается анализом вещественных доказательств, где инструментом выступают цифровые маркеры мобильных устройств и переговоров.

Результаты исследования и их обсуждение. Перенос активности в виртуальную среду требует модернизации подходов. В. О. Давыдов отмечает, что цифровизация выводит исследование виртуальных объектов на первый план [8]. Мошеннические схемы в ГОЗ аккумулируются в закрытых системах, лог-файлах площадок и метаданных. Их раскрытие требует системно-информационного анализа следов. Практическая реализация методики предполагает упреждающую детекцию рисков сопоставлением действий участников с моделями добросовестного поведения и НМЦК. Базу составляют мониторинг Автоматизированной системы торгов государственного оборонного заказа (АСТ ГОЗ), каналы межведомственного обмена, программы анализа больших данных и неразрушающий контроль объектов.

Изоляция закрытых торгов преодолевается автоматизированным анализом скрытых массивов, реконструирующим ход закупок. Девиации обнаруживаются при изучении коммуникации участников: вербальные следы фиксируют сговоры о завышении цен или игнорировании дефектов. При компьютерно-технической экспертизе скриншоты писем и данные флеш-накопителей доказывают создание мнимо конкурирующих предложений на одном устройстве и их отправку с единого IP-адреса. Интеграция распределенных реестров значима для профилактики и доказывания мошенничества: неизменяемые цифровые следы блокчейн-систем выступают допустимыми доказательствами, оптимизируя расследование.

Финансово-хозяйственные риски выявляются анализом первичных бухгалтерских документов (книги учета, счета-фактуры поставщиков, выписки бенефициаров). Логистические маркеры (накладные, путевые листы, формуляры) позволяют сопоставить реальный маршрут

с задекларированными фиктивными затратами. Материально-технические маркеры (паспорта качества, серверы учета, оттиски печатей, демонтированные изношенные агрегаты) формируют эмпирическую базу строительно-и автотехнических экспертиз, доказывающих параметрический подлог. Вещественные и документальные индикаторы исследуются взаимосвязанно как единый цифровой объект. В концепции В. О. Давыдова [8] под цифровым объектом в ГОЗ понимается любая криминалистически значимая электронная информация, связанная с посягательством.

Исследование цифровых объектов сопряжено с организационно-методическими сложностями. Ф. Г. Аминев указывает, что цифровизация криминальной сферы требует адаптации экспертной системы [9]. Главная проблема — дефицит единых стандартов исследования комплексных уликов, сочетающих признаки ПО, строительной документации и финансового аудита. При махинациях в сфере ГОЗ данная разобщенность вынуждает назначать несколько изолированных экспертиз, результаты которых сложно увязать.

Для преодоления барьеров необходима Концепция цифрового развития судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Первоочередной шаг — создание межведомственного координационного совета по цифровому развитию судебной экспертизы (Минюст, Верховный суд, Генеральная прокуратура, научные организации) для интеграции ведомственных усилий и формирования фундамента исследования цифровых следов. Пилотное внедрение Концепции обеспечит апробацию стандартов и обязательную сертификацию методик, а итогом станет развертывание единой цифровой платформы судебно-экспертных организаций. Общая среда и унифицированная аккредитация лабораторий позволят сопоставлять данные финансового аудита с лазерным сканированием и системными логам, ускоряя расследование должностных преступлений в ОПК.

Платформа позволит структурировать информацию на материальные свидетельства и смысловые маркеры. К первым относятся параметры документов, история авторизации на АСТ ГОЗ и хэш-суммы файлов исполнительной документации (акты КС-2, КС-3), фиксирующие ручные исправления. Смысловые маркеры отражают скрытые договоренности в метаданных и завышение цен через зеркальные заявки подставных структур. Выявление обеих составляющих позволяет контролирующим органам реконструировать механизм подлога, трансформируя разрозненные логи и метаданные в верифицированную доказательственную базу умысла.

Выводы

Закупочное мошенничество в закрытых электронных процедурах имеет системную структуру и не локализуется силами штатного ведомственного контроля. Текущий регламент приемки при отсутствии верификации детерминирует информационную асимметрию, позволяя фальсифицировать документацию. Для ликвидации криминогенных факторов на всех этапах ГОЗ обоснован комплекс мер:

- На предконтрактной стадии — автоматизация мониторинга рисков закрытых площадок ИИ-алгоритмами для выявления аффилированности контрагентов и предотвращения симуляции конкуренции.
- На стадии исполнения и приемки — нормативное закрепление объективного экспертно-инструментального контроля (дефектоскопия, лазерное сканирование) как базового источника данных для исключения номинальной проверки объектов
- На стадии фиксации результатов — внедрение цифровых регламентов фото- и видеофиксации скрытых работ с заверением усиленной квалифицированной электронной подписью и трансляцией данных в блокчейн-реестры.

Заключение

Для модернизации превенции мошенничества в сфере ГОЗ необходима интеграция в закрытые торговые системы ИИ-алгоритмов. Программные комплексы призваны осуществлять кросс-анализ учредителей, бенефициаров, метаданных и IP-адресов участников для обнаружения симуляции конкуренции и завышения НМЦК. Данная мера минимизирует влияние субъективных факторов на этапе отбора исполнителей и обеспечит проактивный мониторинг рисков.

Для нейтрализации условий, способствующих сокрытию преступлений, на стадии исполнения контрактов необходимо модернизировать существующие процедуры ведомственного контроля. Предлагается внедрить сквозной цифровой регламент фиксации результатов промежуточных проверок и актов скрытых работ. Регламент приемки должен опираться на методы цифровой фото- и видеофиксации, верификацию геораспределенных метаданных (координат и точного времени проведения работ), а также аппаратный контроль физических параметров объектов с автоматическим занесением информации в защищенные информационные системы заказчика.

Технологическим базисом достоверности информации должен стать сквозной цифровой регламент, предусматривающий применение технологии блокчейн от начала закрытых процедур до подписания актов. Материалы фото- и видеоконтроля скрытых работ с привязкой к навигационным координатам заверяются электронной подписью инспектора и экспортируются в децентрализованную базу данных. Архитектура распределенного реестра исключает удаление или подмену сведений, блокируя манипулирование отчетностью. Данный подход соответствует передовому опыту прозрачности военных закупок.

Внедрение стандартов должно сопровождаться развитием нормативно-правовой базы, регламентирующей использование систем распределенных данных и ужесточающей ответственность за искажение метаданных. Создание сквозной цифровой архитектуры контроля позволит ликвидировать «слепые зоны» закрытых торгов и трансформировать превенцию корыстной преступности, защитив бюджетные ассигнования в стратегическом секторе экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шмиров Е. В. Некоторые особенности противодействия преступлениям, совершаемым в сфере государственного оборонного заказа, при помощи уголовно-правовых средств // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2026. № 1(111). С. 78—91.
2. Борков В. Н. Применение уголовного закона при посягательствах на контрактную систему и государственный оборонный заказ // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 2. С. 56—63. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).56-63.

3. Исаичева М. М. Особенности уголовно-правовой оценки преступлений в сфере государственного оборонного заказа // Закон и право. 2025. № 9. С. 212—218. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-9-212-218.
4. Садвакасов А. Р. Некоторые проблемы установления уголовной ответственности за злоупотребление служебными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 5(109). С. 152—159.
5. Каменева А. Н. Социальная обусловленность введения уголовной ответственности за отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 7. С. 200—204. DOI: 10.33693/2072-3164-2023-16-7-200-204.
6. Рукавишников С. М. Меры административного принуждения, направленные на обеспечение соблюдения законодательства о государственном оборонном заказе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4(153). С. 162—166. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-4-162-167.
7. Сергеев О. В., Шишков В. А. Проблемные вопросы гособоронзаказа, предложения по их решению и повышению эффективности выделяемых средств // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2019. № 1. С. 27—33.
8. Давыдов В. О. Системно-информационный подход как методологическая база исследования цифровых информационных объектов в парадигме развития системы криминалистического обеспечения расследования преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2026. Т. 20. № 2. С. 184—193. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(2).184-193.
9. Аминев Ф. Г. Проблемы совершенствования судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации и пути их решения // Всероссийский криминологический журнал. 2026. Т. 20. № 1. С. 74—83. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(1).74-83.
10. Дерюгин Р. А. Некоторые аспекты исследования цифровых следов в процессе расследования мошенничеств, совершаемых с использованием сведений о пользователях средств сотовой связи // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 72—76.
11. Очаковский В. А., Усенко А. С. Криминалистическая характеристика злоупотреблений в сфере государственных закупок товаров, работ услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Вестник Краснодарского университета МВД. 2023. № 3(61). С. 82—89.
12. Астаин В. В. Антикоррупция в ограничениях естественного и стимулах искусственного интеллекта // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. Т. 17. № 6. С. 1163—1173.
13. Меняйло Д. В., Крупенникова К. К. О противодействии коррупции в условиях цифровой трансформации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 3. С. 28—32.
14. Иванов Р. В. Перспективы использования технологии блокчейн для противодействия коррупции в сфере государственного оборонного заказа // Военное право. 2025. № 5(93). С. 62—65.
15. Каширская Л. В. Внутренний контроль процесса закупок в окружении информационных технологий // Учет. Анализ. Аудит. 2025. Т. 12. № 5. С. 75—91. DOI: 10.26794/2408-9303-2025-12-5-75-91.

REFERENCES

1. Shmirov E. V. On some features of countering crimes committed in the field of state defence order using criminal law remedies. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the prosecutor's office*. 2026;1(111):78—91. (In Russ.)
2. Borkov V. N. Application of the criminal law in contracting system and state defense order violations. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*. 2018;2(2):56—63. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).56-63.
3. Isaicheva M. M. Features of the criminal law assessment of offences in the sphere of the state defense order. *Zakon i pravo*. 2025;9:212—218. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-3313-2025-9-212-218.
4. Sadvakasov A. R. Certain issues of establishing criminal liability for abuse of official powers in the execution of state defense contracts. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the prosecutor's office*. 2025;5(109):152—159. (In Russ.)
5. Kameneva A. N. The social conditionality of the introduction of criminal liability for the refusal or evasion of a person subjected to administrative punishment from concluding a state contract under a state defense order or a contract necessary to fulfill a state defense order. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2023;7:200—204. (In Russ.) DOI: 10.33693/2072-3164-2023-16-7-200-204.
6. Rukavishnikov S. M. Administrative coercive measures aimed at ensuring compliance with legislation on state defense orders. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2023;4(153):162—166. (In Russ.) DOI: 10.24412/2227-7315-2023-4-162-167.
7. Sergeev O. V., Shishkov V. A. Problematic questions of the state defense order, proposals to address them and improve the efficiency of the allocated funds. *Nauchnyi vestnik oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii = Scientific bulletin of the military-industrial complex of Russia*. 2019;1:27 — 33. (In Russ.)
8. Davydov V. O. A System-Information Approach as a Methodological Basis for Researching Digital Information Objects Within the Paradigm of Developing a System of Criminalistic Support of Crime Investigation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*. 2026;20(2):184—193. (In Russ.) DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(2).184-193.
9. Aminev F. G. Problems of Improving Forensic Expertise in the Context of Digitalization and Ways of Solving Them. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*. 2026;20(1):74—83. (In Russ.) DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(1).74-83.

10. Deryugin R. A. Some aspects of researching digital trails in the process of investigating frauds committed using information about cellular communication users. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. 2023;4:72—76. (In Russ.)
11. Ochakovskii V. A., Usenko A. S. Criminalistic characteristics of abuse in the field of public procurement of goods, works, services for state or municipal needs. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar university of Russian MIA*. 2023;3(61):82—89. (In Russ.)
12. Astanin V. V. Anti-corruption in the constraints of natural and incentives of artificial intelligence. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian federal university. Humanities & social sciences*. 2024;17(6):1163—1173. (In Russ.)
13. Menyailo D. V., Krupennikova K. K. On combating corruption in the context of digital transformation. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti = Problems of Law Enforcement Activity*. 2022;3:28—32. (In Russ.)
14. Ivanov R. V. Prospects of using blockchain technology to counter corruption in the field of state defense procurement. *Voennoe pravo = Military Law*. 2025;5(93):62—65. (In Russ.)
15. Kashirskaya L. V. Internal control of the procurement process in the framework of information technology. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Auditing*. 2025;12(5):75—91. (In Russ.) DOI: 10.26794/2408-9303-2025-12-5-75-91.

Статья поступила в редакцию 05.06.2026; одобрена после рецензирования 26.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.
The article was submitted 05.06.2026; approved after reviewing 26.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 347.736:347.5
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1741

Tatyana Fedorovna Klyandina
Postgraduate of the Department of Civil
and Entrepreneurial Law,
specialty 5.1.3 —
Private law (civilistic) sciences,
Novosibirsk State University of Economics
and Management (NSUEM)
Novosibirsk, Russian Federation;
Magistrate Judge,
Judicial District No. 28 of the City of Yuzhno-Sakhalinsk
Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation
anikinytmn@gmail.com

Татьяна Федоровна Кляндина
аспирант кафедры гражданского
и предпринимательского права,
специальность 5.1.3 —
Частно-правовые (цивилистические) науки,
Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИНХ»
Новосибирск, Российская Федерация;
мировой судья,
Судебный участок № 28 г. Южно-Сахалинска
Южно-Сахалинск, Российская Федерация
anikinytmn@gmail.com

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В СФЕРЕ МИКРОФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ И АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ЗАЕМЩИКОВ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. В статье исследуются современные формы злоупотребления правом со стороны микрофинансовых и кредитных организаций и профессиональных взыскателей в условиях цифровой трансформации финансового рынка Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена динамикой рынка микрофинансирования и отсутствием в цивилистической доктрине комплексного анализа злоупотреблений при цифровом потребительском кредитовании, что формирует насущную потребность в выработке единообразных критериев добросовестности кредиторов. Цель работы — выявление основных моделей недобросовестного поведения кредиторов, установление их зависимости от императивных ограничений законодателя и формулирование критериев, позволяющих судам отличать добросовестное осуществление гражданских прав от злоупотребления правом. Гипотеза исследования состоит в том, что в условиях цифрового мошенничества бремя доказывания факта волеизъявления заемщика должно быть существенно усилено для профессионального участника рынка. Научная новизна заключается в обосновании доктринального подхода о переносе бремени доказывания реального волеизъявления на кредитора при выявлении совокупности признаков аномальной активности цифровой среды.

Анализ семнадцати судебных актов 2017—2026 гг. показал, что кредиторы систематически перекладывают риски цифровой среды на потребителя. Особое внима-

ние уделено идентификации заемщика при использовании простой электронной подписи, уступке прав требования непрофессиональным взыскателям, навязыванию дополнительных услуг, бездействию банков при признаках цифрового мошенничества, использованию внесудебного и упрощенного взыскания задолженности без подтверждения бесспорности требований, а также процессуальным злоупотреблениям, в т. ч. схемам уклонения от уплаты государственной пошлины. Отмечена недопустимость игнорирования реального волеизъявления заемщика при дистанционном заключении сделок.

Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования правоприменительной практики и минимизации рисков недобросовестного кредитования. Ограничения исследования связаны с фрагментарностью судебной статистики. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом зарубежного опыта и разработкой методических рекомендаций по контролю за дистанционным банковским обслуживанием.

Ключевые слова: микрофинансовые организации, злоупотребление правом, потребительский займ, простая электронная подпись, уступка прав требования, добросовестность, защита прав заемщиков, цифровое мошенничество, дистанционное банковское обслуживание, удаленная идентификация заемщика, предельная задолженность по потребительскому займу, перераспределение рисков идентификации

Для цитирования: Кляндина Т. Ф. Злоупотребление правом в сфере микрофинансовой деятельности в условиях цифровизации финансовых услуг и аспекты судебной защиты заемщиков // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 210—218. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1741.

Original article

ABUSE OF RIGHT IN THE FIELD OF MICROFINANCE ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF FINANCIAL SERVICES AND ASPECTS OF JUDICIAL PROTECTION OF BORROWERS

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. *This article examines contemporary forms of abuse of right by microfinance organizations, credit organizations, and professional debt collectors amid the digital transformation of the Russian financial market. The relevance stems from the dynamics of the microfinance market and the absence of a comprehensive civil law analysis of abuses in digital consumer lending, which necessitates the development of uniform criteria for assessing creditors' good faith. The aim is to identify principal models of creditors' bad-faith conduct, establish their correlation with imperative legislative restrictions, and formulate criteria enabling courts to distinguish between good-faith exercise of civil rights and abuse of right. The research hypothesis posits that in the context of digital fraud, the burden of proving the borrower's genuine intent must be substantially shifted to the professional market participant.*

Analysis of seventeen judicial acts from 2017 to 2026 reveals that creditors systematically transfer digital environment risks to consumers. Particular attention is devoted to borrower identification via simple electronic signatures, assignment of claims

to non-professional collectors, imposition of ancillary services, banks' inaction upon signs of digital fraud, utilization of out-of-court and simplified debt collection without confirmation of claims' indisputability, and procedural abuses, including state fee evasion schemes. The study emphasizes the inadmissibility of disregarding the borrower's actual intent in remote transactions.

The findings may be used to refine law-enforcement practice and mitigate unfair lending risks. While limited by fragmented judicial statistics, this research paves the way for future studies on international experience and the development of methodological guidelines for regulating remote banking services.

Keywords: *microfinance organizations, abuse of right, consumer loan, simple electronic signature, assignment of claims, good faith, protection of borrowers' rights, digital fraud, remote banking services, remote identification of the borrower, maximum debt cap on consumer loan, redistribution of identification risks*

For citation: Klyandina T. F. Abuse of right in the field of microfinance activities in the context of digitalization of financial services and aspects of judicial protection of borrowers. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76): 210—218. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1741.

Введение

Актуальность исследования обусловлена совокупностью трех взаимосвязанных факторов, определяющих современный этап развития рынка потребительского кредитования в Российской Федерации.

Во-первых, устойчивым ростом объема рынка микрофинансирования и сопутствующих судебных споров. По данным Рейтингового агентства «Эксперт РА» за 2017 г. (https://raexpert.ru/researches/mfo/itog_2017/) и Обзоров ключевых показателей микрофинансовых институтов за IV квартал 2024 г. (https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55513/review_mfi_24Q4.pdf) и за I квартал 2026 г. (https://cbr.ru/Collection/Collection/File/62095/review_mfi_26Q1.pdf) Банка России, портфель микрозаймов вырос со 121 млрд руб. в 2017 г. до 624 млрд руб. по итогам 2024 г., а по итогам I квартала 2026 г. скорректировался до 545,9 млрд руб. на фоне снижения выдач и введения законодательного ограничения общей суммы всех платежей, что важно для выработки единообразных критериев добросовестности кредиторов. Доля онлайн-займов в выдачах достигла 84 %, что создает технологическую основу для новых форм злоупотребления правом, связанных с идентификацией заемщиков через простые электронные подписи.

Во-вторых, появлением новых схем обхода императивных законодательных запретов. До вступления в силу Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 554-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О потребительском кредите (займе)” и Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”» доминирующей формой злоупотребления являлось прямое завышение процентных ставок. После введения

законодательного ограничения общей суммы всех платежей по договору (лимит предельной задолженности в размере 150 % по Федеральному закону от 2 августа 2019 г. № 271-ФЗ, а с 1 апреля 2026 г. — 100 % от суммы займа по Федеральному закону от 29 декабря 2025 г. № 545-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») микрофинансовые организации перешли к альтернативным способам максимизации дохода, в первую очередь к навязыванию скрытых комиссий под видом дополнительных услуг.

В-третьих, позициями судебной практики 2025—2026 гг. в оценке добросовестности кредиторов при дистанционном кредитовании. Ранее суды исходили из презумпции, что сам факт ввода SMS-кода для подтверждения электронной сделки доказывает волеизъявление заемщика. В настоящее время формальный подход уступает место содержательному анализу реального волеизъявления и суды исследуют принадлежность номера телефона и банковской карты (счета) конкретному лицу, наличие признаков аномальной активности (вход с нового устройства, мгновенный перевод средств третьим лицам, смена пароля непосредственно перед операцией) и способность кредитора как профессионального участника рынка распознать признаки мошенничества. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 9 декабря 2025 г. № 41-КГ25-69-К4, прямо указано, что наличие корректной электронной подписи само по себе не является безусловным доказательством волеизъявления заемщика при наличии данных о мошенничестве. Эта правовая позиция развивает более раннее Определение Конституционного суда РФ от 13 октября 2022 г. № 2669-О, констатирующее, что к числу обстоятельств,

при которых кредитной организации при дистанционном оформлении кредитного договора надлежит принимать повышенные меры предосторожности, следует относить факт подачи заявки на получение кредита и незамедлительную выдачу банку распоряжения о перечислении денежных средств в пользу третьего лица. Совокупность данных позиций требует теоретического осмысления и систематизации в целях выработки единообразных критериев добросовестности кредиторов.

Целесообразность разработки темы обусловлена сочетанием нормативных пробелов в регулировании цифровой идентификации и актуальных потребностей судебной практики. Разработка темы позволит выявить системные формы злоупотребления правом в цифровой среде, проанализировать эволюцию недобросовестных практик как реакцию на ужесточение императивных запретов и выработать единообразные критерии добросовестности кредиторов, что имеет как теоретическое значение для развития цивилистической доктрины, так и прикладное значение для формирования правоприменительной практики.

Изученность проблемы. Основы теории злоупотребления правом изложены в работах А. Г. Карапетова, который системно исследует его формы, трактуя запрет злоупотребления как проявление принципа добросовестности, и обосновывает необходимость перехода от формальной процедуры к оценке экономического содержания поведения сторон в обязательственных отношениях [1]. В. С. Ем и Е. А. Суханов раскрыли природу добросовестности как «внешнего мерила» и объективного критерия оценки поведения, обусловленного сложившимся в обществе идеалом честного поведения, нарушение которого влечёт неблагоприятные последствия для злоупотребляющей стороны [2]. О. А. Поротикова систематизировала традиционные формы злоупотребления в гражданском обороте [3]. Е. В. Вавилин систематизировал традиционные формы злоупотребления в гражданском обороте, и сформулировал объективные критерии оценки поведения на добросовестность, исключая произвол суда [4]. В трудах В. П. Грибанова сформулировано классическое понимание пределов осуществления гражданских прав и выделены формы недобросовестного поведения участников оборота [5].

Специфика микрофинансовой деятельности исследована в работах А. А. Шестемирова и А. Д. Семёновой, раскрывших экономико-юридическую природу микрокредитования как специфического финансового инструмента [6]. О. Н. Евсеева обратила внимание на проблему бесспорности требований при взыскании задолженности по договору микрозайма, подписанному электронной подписью, особенно в приказном производстве, где заемщик фактически лишен возможности заявить возражения до вынесения судебного приказа [7]. В. В. Кванина и М. Н. Локтева показывают, что анализ материалов правоприменительной практики выявил ограничение в реализации принципа свободы договора и рассматривают типичные нарушения законодательства при предоставлении потребительского кредита (займа) с возможностью приобретения дополнительных (страховых) услуг [8]. Указанные работы важны для анализа исследования судами порядка заключения и содержания договоров потребительского кредита (займа), однако в них не раскрыты формы обхода законодательных запретов через процессуальные механизмы.

Вопросы использования простых электронных подписей рассматривались А. И. Савельевым, квалифицировавшим простую электронную подпись как средство идентификации

в гражданском обороте [9]. Д. Д. Джумагуловым, исследовавшим проблемы доказывания волеизъявления при заключении договоров в электронной форме [10] и А. В. Минбале-евым, отметившим необходимость формирования технологических экосистем, базирующихся на выработке технических регламентов и стандартов, устанавливающих обязательные требования к объектам цифровизации, поскольку цифровые технологии часто порождают иллюзорное представление о безопасности [11]. А. Карловский проанализировал специфику заключения кредитного договора посредством коротких сообщений [12], М. В. Хадеева исследовала реализацию принципа свободы договора при дистанционном банковском обслуживании [13], С. В. Соболев рассмотрел проблемы правовой природы электронной графической подписи [14]. В названных работах, однако, не установлена взаимосвязь между неосмотрительностью кредиторов при верификации заемщиков и последующим признанием сделок незаключенными или ничтожными в судебном порядке.

Процессуальные аспекты злоупотребления правом освещены в трудах Н. Н. Бакуровой, выявившей факты процессуального злоупотребления со стороны взыскателей при массовом обращении в суды [15]. В. М. Нестерова, обратившего внимание на дисбаланс процессуальных прав сторон при использовании института мировых судей для бесспорного взыскания [16], и А. В. Юдина, проанализировавшего сущность злоупотребления процессуальными правами как особой формы гражданского процессуального правонарушения и обосновавшего необходимость применения мер гражданской процессуальной ответственности для пресечения недобросовестного поведения участников судопроизводства [17]. Вместе с тем комплексный анализ взаимосвязи между выдачей займов с нарушением стандартов безопасности и последующим агрессивным взысканием, включая новые схемы уклонения от уплаты государственной пошлины через уступку прав инвалидам, в научной литературе представлен фрагментарно.

Таким образом, несмотря на наличие значительного количества работ по отдельным аспектам микрофинансирования и судебной защиты, комплексное исследование системных форм злоупотребления правом в условиях цифровизации финансовых услуг, охватывающее все стадии правоотношения по предоставлению и возврату потребительского кредита (займа), отсутствует. Недостаточно изученными остаются эволюция судебных подходов к распределению рисков цифрового мошенничества между кредитором и заемщиком, а также эффективность правоприменительных механизмов в целях пресечения схем обхода императивных запретов.

Научная новизна заключается в обосновании тезиса о том, что в условиях цифрового мошенничества бремя доказывания факта волеизъявления заемщика должно быть существенно усилено для кредитора. В работе систематизированы решения судов 2017—2026 гг., демонстрирующие как судебная практика перешла от признания достоверности простой электронной подписи к требованию доказательства принадлежности номера телефона и банковской карты конкретному лицу в момент сделки. Доказано, что злоупотребление правом динамично, зависит от уровня правовой определенности и в сфере кредитования трансформировалось в ответ на ужесточение законодательных запретов. Автором предложена периодизация форм злоупотребления правом по четырем хронологическим этапам (2017—2018, 2019—2022, 2023—2024, 2025—2026 гг.)

и комплексный анализ системных форм злоупотребления на всех стадиях обязательства по предоставлению и возврату потребительского кредита (займа) в цифровой среде. Обобщение новейшей судебной практики позволило сформулировать единообразные критерии добросовестности кредиторов.

Гипотеза исследования состоит в том, что в условиях цифровизации финансовых услуг и ужесточения императивных законодательных запретов злоупотребление правом, выражавшееся изначально в прямом нарушении, трансформировалось в сложные схемы обхода запретов, при этом риски цифровой среды (включая цифровое мошенничество и неправомерное использование простой электронной подписи) систематически переносятся на потребителя. В этой связи требуется пересмотр подходов к распределению бремени доказывания волеизъявления заемщика и выработка единообразных критериев добросовестности кредиторов.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации основных моделей недобросовестного поведения кредиторов в сфере микрофинансирования, установлении взаимосвязи между этапами законодательного ужесточения и трансформацией форм злоупотребления, а также в разработке доктринального подхода к распределению бремени доказывания волеизъявления заемщика между сторонами обязательства по предоставлению потребительского кредита (займа).

Задачи исследования:

1. Проанализировать способы навязывания платных дополнительных услуг и искажения информации о полной стоимости потребительского кредита (займа) как форму злоупотребления правом, включая обход лимита предельной задолженности через заключение отдельных договоров на дополнительные услуги.

2. Исследовать правовые последствия уступки прав требования по договорам потребительского кредита (займа) лицам, не обладающим статусом профессиональных взыскателей.

3. Определить пределы ответственности кредиторов за риски дистанционной идентификации заемщика с использованием простой электронной подписи в случаях компрометации персональных данных.

4. Выявить тенденции в судебной практике по делам о признании договоров потребительского кредита (займа) незаключенными или ничтожными вследствие отсутствия реального волеизъявления заемщика.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении и систематизации форм злоупотребления правом в сфере микрофинансирования в условиях цифровизации, ранее не получивших комплексного научного осмысления. Предложена периодизация форм злоупотребления правом по четырем хронологическим этапам (2017—2018, 2019—2022, 2023—2024, 2025—2026 гг.), что позволяет рассматривать злоупотребление правом как динамическое явление, непосредственно взаимосвязанное с этапами императивного законодательного регулирования. Установленная взаимосвязь между законодательным ужесточением и модификацией форм недобросовестного поведения кредиторов дополняет классические цивилистические исследования А. Г. Карапетова, В. С. Ема, Е. А. Суханова и Е. В. Вавилина применительно к цифровым финансовым отношениям. Обоснование доктринального подхода к распределению бремени доказывания волеизъявления

заемщика углубляет понимание критериев добросовестности кредитора по ст. 10 Гражданского кодекса РФ применительно к цифровой среде. Обобщение судебной практики 2025—2026 гг. позволило зафиксировать переломный момент в правоприменении: переход от формального подхода к оценке договоров, заключенных в электронной форме, к содержательному анализу волеизъявления.

Практическая значимость состоит в возможности использования полученных выводов:

– *судами* — для более точной квалификации обстоятельств дел о взыскании задолженности по договорам потребительского кредита (займа), заключенным посредством простой электронной подписи, оценки добросовестности кредиторов при дистанционном обслуживании и распределения бремени доказывания волеизъявления заемщика;

– *адвокатами и юристами* — для построения эффективной защиты заемщиков, включая оспаривание договоров потребительского кредита (займа), признанных незаключенными или ничтожными вследствие отсутствия реального волеизъявления;

– *юристами кредитных и микрофинансовых организаций* — для корректирования внутренних процедур верификации заемщиков и минимизации судебных рисков;

– *Банком России* — для разработки методических рекомендаций по усилению контроля за операциями в системах дистанционного банковского обслуживания;

– *гражданами-заемщиками и потенциальными потребителями финансовых услуг* — для осознанного использования механизмов судебной защиты при оспаривании навязанных услуг, кредитов (займов), оформленных мошенническим путем, и применении законодательного ограничения общей суммы всех платежей.

Результаты также могут быть использованы обществами защиты прав потребителей, финансовым уполномоченным и законодателем при совершенствовании федеральных законов от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ и от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

Основная часть

Методология исследования. Методологическую основу работы составили общенаучные и частнонаучные методы правового исследования. Формально-юридический (догматический) метод применен для толкования норм Гражданского кодекса РФ, федеральных законов от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ, от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ и от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Сравнительно-правовой метод и метод анализа судебной практики стали основными инструментами верификации гипотезы; эмпирическую базу составили 17 судебных актов, вынесенных в период с 2017 по 2026 г. судами различных субъектов Российской Федерации и уровней — от районных судов до Верховного и Конституционного судов РФ. Системно-структурный метод позволил рассматривать злоупотребление правом как элемент системы взаимоотношений «кредитор — заемщик — регулятор (Банк России) — суд» и построить периодизацию форм злоупотребления по четырем хронологическим этапам (2017—2018, 2019—2022, 2023—2024, 2025—2026 гг.). Статистический метод использован при анализе данных Банка России и Рейтингового агентства «Эксперт РА» об объемах рынка микрофинансирования и доле онлайн-займов.

Результаты исследования. Одной из наиболее распространенных форм недобросовестного поведения кредиторов является включение в тело займа стоимости дополнительных услуг, которые часто носят фиктивный характер. К таким услугам относятся страхование жизни, информирование посредством коротких сообщений, анализ кредитной истории и юридические консультации. Стоимость указанных сервисов может достигать значительной части суммы займа, при этом проценты начисляются на всю сумму, включая комиссии, что искусственно завышает реальную доходность для кредитора и долговую нагрузку для заемщика. Согласно ч. 19 ст. 5 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ запрещается взимать плату за услуги, оказываемые исключительно в интересах кредитора. На практике такой запрет часто нарушается кредиторами. В частности, для маскировки навязывания таких услуг кредиторы допускают самостоятельное проставление в договоре отметки о согласии заемщика на оказание дополнительных услуг, чем нарушают ч. 2 ст. 7 указанного закона. В. В. Кванина и М. Н. Локтева, анализируя практику навязывания страховых услуг, обоснованно указывают, что отсутствие в кредитных документах информации о полной стоимости кредита с наличием страхования и без него, лишаящее заемщика возможности самостоятельного выбора, должно рассматриваться в качестве злоупотребления своими правами со стороны банка [8, с. 101]. Данный подход подтверждает судебная практика. В постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 19 июля 2021 г. № Ф09-4950/21 по делу № А60-57137/2020 установлено, что банк рассчитал полную стоимость кредита без учета комиссии за выпуск карты и страховой премии, что нарушило право потребителя на достоверную информацию. Это демонстрирует строгий контроль судов за соблюдением «потолка» переплаты, несмотря на попытки кредиторов обойти его через отдельные договоры на услуги. Устойчивость данной позиции подтверждается Определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31 марта 2026 г. № 88-6670/2026, в котором кассационная инстанция отменила апелляционное определение, отказавшее заемщику в возмещении убытков от навязанных услуг (страховая премия в размере 418 000 руб. и сертификат «Мультисервис» стоимостью 100 000 руб.). Суд кассационной инстанции указал, что согласие на подключение дополнительных услуг было проставлено машинописным способом, что прямо противоречит п. 2 ст. 7 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ, устанавливающего запрет на проставление кредитором отметок о согласии заемщика на оказание ему дополнительных услуг. Кассационный суд также подчеркнул, что убытки от навязанных услуг подлежат возмещению вне зависимости от истечения срока действия соответствующего договора, а бремя доказывания информированного и добровольного согласия заемщика на оплату дополнительных услуг возлагается на кредитора. Данное определение подтверждает, что предоставление дисконта к процентной ставке при наличии страховки не исключает квалификации соответствующих условий как навязанных, если заемщику не была обеспечена реальная возможность выбора и полная информация о стоимости услуг. Для окончательного пресечения подобных практик необходимо закрепление на уровне разъяснений Верховного суда РФ критериев добровольности согласия заемщика на дополнительные

услуги, включая запрет машинописного способа его выражения и недопустимость скрытой обусловленности процентной ставки наличием таких услуг.

Следующим видом злоупотребления, получившим широкое распространение на вторичном рынке долга, выступает уступка прав требования непрофессиональным взыскателям. Несмотря на ограничения, установленные ст. 12 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ, микрофинансовые организации продолжают передавать права требования по договорам займа третьим лицам, не соответствующим требованиям, предъявляемым к субъектам профессиональной деятельности по возврату просроченной задолженности. Как разъяснено в п. 74 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», уступка права требования лицам, не имеющим лицензии на банковскую деятельность, допускается только при условии соблюдения специальных требований к профессиональным взыскателям. Пятый кассационный суд общей юрисдикции выработал устойчивую позицию по отказу в исках таким цессионариям. В определениях от 1 сентября 2023 г. № 88-7696/2023 и от 16 января 2024 г. № 88-366/2024 суд указывал, что индивидуальный предприниматель, приобретающий долг, не является субъектом профессиональной деятельности по возврату просроченной задолженности. В решении Октябрьского районного суда г. Тамбова от 30 ноября 2023 г. по делу № 2-2994/2023 договор об уступке прав был признан недействительной сделкой, что подтверждает жесткую позицию судов в отношении передачи прав требования непрофессиональным участникам рынка. В этом же ключе следует отметить Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 мая 2026 г. № 88-8626/2026, в котором суд отказал индивидуальному предпринимателю в процессуальном правопреемстве по делу о взыскании задолженности по договору потребительского займа, несмотря на наличие в договоре пункта, разрешающего уступку прав требования третьим лицам. Суд указал, что Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ не предусматривает права осуществлять уступку по договору потребительского кредита (займа) физическим лицам, в т. ч. индивидуальным предпринимателям, не внесенным в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, а письменное согласие заемщика на передачу долга, полученное кредитором после возникновения просроченной задолженности, не устраняет нарушение законодательного запрета. Н. Н. Бакурова справедливо указывает, что массовая скупка долгов микрофинансовых организаций непрофессиональными участниками рынка и последующее валовое обращение в суды создают недопустимую нагрузку на судебную систему, что само по себе может квалифицироваться как процессуальное злоупотребление правом [16, с. 67]. Для системного пресечения передачи долгов непрофессиональным взыскателям без ограничения гражданско-правовой свободы уступки представляется целесообразным закрепление обязанности кредитных организаций и микрофинансовых организаций уведомлять Банк России о каждой совершенной уступке прав требования по договорам потребительского кредита (займа) с указанием сведений о цессионарии, что позволит осуществлять мониторинг соблюдения требований

ст. 12 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ. При выявлении передачи прав лицу, не обладающему статусом профессионального взыскателя, Банк России вправе направлять в адрес органов управления микрофинансовой организации требования об устранении выявленных нарушений и применять меры надзорного реагирования, предусмотренные пп. 6, 7 и 7.1 п. 4 ст. 14 Федерального закона от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ, а в отношении кредитных организаций — меры, установленные ст. 74 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

Наиболее сложной и социально значимой проблемой является оформление займов мошенниками посредством неправомерного использования персональных данных заемщиков и перехвата кодов подтверждения, направляемых посредством коротких сообщений. Указанная проблема получила многоаспектное освещение как в научной литературе (при исследовании реализации принципа свободы договора при дистанционном обслуживании [15, с. 65], анализе проблем электронной графической подписи [14, с. 28] и обосновании необходимости формирования технологических экосистем на базе технических регламентов и стандартов, устанавливающих обязательные требования к объектам цифровизации [11, с. 149]), так и в судебной практике 2025—2026 гг., демонстрирующей выраженный сдвиг в сторону защиты жертв мошенничества. В частности, в решении Мариинско-Посадского районного суда Чувашской Республики от 10 февраля 2026 г. по делу № 2-27/2026 истец оспорил кредитный договор с ПАО «Банк ВТБ», оформленный мошенниками. Суд установил, что банк не проверил принадлежность номера телефона истцу, и признал договор незаключенным. При аналогичной ситуации с АО «Альфа-Банк» решением Железноводского городского суда от 10 марта 2026 г. № 2-312/2026-М-55/2026 договор признан ничтожным. Суд указал, что вход с нового устройства и мгновенный перевод средств третьим лицам должны были стать основанием для дополнительной верификации. Как справедливо отмечают В. С. Ем и Е. А. Суханов, добросовестность в обязательственных отношениях представляет собой объективный стандарт поведения, нарушение которого влечёт неблагоприятные последствия для злоупотребляющей стороны [2, с. 10], а его практическая реализация в контексте п. 3 ст. 307 Гражданского кодекса РФ, по обоснованному замечанию Е. В. Вавилина, невозможна без сопоставления организационных, материальных, профессиональных и информационных возможностей участников оборота [4, с. 100]. Фундаментальное значение имеет Определение Верховного суда РФ от 9 декабря 2025 г. № 41-КГ25-69-К4, в котором было прямо указано, что наличие корректной электронной подписи само по себе не является безусловным доказательством волеизъявления заемщика при наличии данных о мошенничестве. Договор, заключенный в результате мошеннических действий, является ничтожным (п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса РФ). Поворотным стало Определение Конституционного суда РФ от 13 октября 2022 г. № 2669-О, в котором суд указал, что при дистанционном оформлении кредита банку надлежит принимать повышенные меры предосторожности. Для обеспечения единообразия правоприменения в данной категории дел необходимо закрепление на уровне разъяснений Верховного суда РФ перечня объективных признаков аномальной активности (вход с нового устройства, мгновенное оформление кредита, перевод средств

третьим лицам, смена пароля непосредственно перед операцией), при выявлении которых бремя доказывания реальности волеизъявления заемщика переносится на кредитора как профессионального участника рынка, обладающего техническими возможностями верификации.

Также злоупотребления допускаются при использовании внесудебных и упрощенных механизмов взыскания задолженности, например, через нотариальные исполнительные надписи и в приказном производстве. Кредиторы активно используют внесудебный порядок взыскания через нотариальные исполнительные надписи. В делах Железноводского городского суда Ставропольского края от 13 октября 2025 г. по делу № 2-1210/2025 и Мариинско-Посадского районного суда Чувашской Республики от 10 февраля 2026 г. по делу № 2-27/2026 истцы успешно оспорили нотариальные надписи. О. Н. Евсеева подчеркивает, что проблема бесспорности требований приобретает особую остроту в приказном производстве, где заемщик фактически лишен возможности заявить возражения до вынесения судебного приказа [7, с. 30]. В. М. Нестеров обращает внимание на то, что использование института мировых судей в качестве инструмента бесспорного взыскания создает дисбаланс процессуальных прав сторон [16, с. 34]. Для устранения выявленного дисбаланса процессуальных прав представляется обоснованным судам отказывать взыскателю в вынесении судебного приказа о взыскании задолженности по кредитным договорам (договорам займа), заключенным посредством простой электронной подписи, без приложенных к заявлению достоверных данных о принадлежности заемщику номера телефона, на который направляется код, необходимый для ввода заемщиком для подписания договора и счета (карты), на которые перечисляются денежные средства, что соответствует положениям п. 3 ч. 3 ст. 125 Гражданского процессуального кодекса РФ и разъяснениям п. 3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о бесспорности требований».

Отдельного необходимо упомянуть схемы уклонения от уплаты государственной пошлины при взыскании задолженности. Нередко первоначальные кредиторы уступают права требования индивидуальным предпринимателям, имеющим инвалидность, с целью использования льгот, предусмотренных пп. 2 п. 2 ст. 333.36 Налогового кодекса РФ. Однако в настоящее время судебная практика активно пресекает подобные попытки. Например, в Определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 мая 2026 г. № 88-12985/2026 суд отказал в освобождении от уплаты госпошлины заявителю-правопреемнику, являющемуся индивидуальным предпринимателем и инвалидом II группы инвалидности. Суд указал, что налоговая льгота носит строго адресный характер для инвалидов-истцов и не распространяется на лиц, которые еще не приобрели такой процессуальный статус. Аналогичная судебная практика сложилась и в других регионах Российской Федерации (Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11 августа 2025 г. № 88-14768/2025 по делу № 2-107/2017, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2025 г. № 88-26660/2025, Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 июня 2026 г. по делу № 88-16868/2026).

Системный анализ всех перечисленных форм позволил выявить их хронологическую динамику и выделить четыре этапа эволюции злоупотребления правом:

- 2017—2018 гг. характеризовались отсутствием законодательных ограничений общей суммы всех платежей. Федеральный закон от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ не содержал прямого ограничения на размер процентов, договоры заключались под 730 % годовых. В апелляционном определении Десногорского городского суда от 27 апреля 2017 г. по делу № 11-11/2017 суд частично удовлетворил требования о снижении установленного договором размера процентов, квалифицируя это как злоупотребление правом.

- 2019—2022 гг. ознаменовались вступлением в силу Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 554-ФЗ (с установлением лимита в 200 %), затем Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 271-ФЗ снизил предел до 150 %.

- 2023—2024 гг. ознаменовались ростом цифрового мошенничества и системной практикой продажи долгов индивидуальным предпринимателям.

С 1 апреля 2026 г. предельная переплата снижена до 100 % (Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 545-ФЗ). Данная эволюция подтверждает подход А. Г. Карапетова, развиваемый в рамках экономического анализа гражданского права, согласно которому при оценке поведения сторон в обязательственных отношениях необходимо переходить от формальной проверки соблюдения процедуры к анализу реального экономического содержания таких действий [1, с. 444]. Ужесточение императивных норм стимулирует кредиторов к поиску новых способов обхода запретов, что подтверждает необходимость оценивать при рассмотрении споров не только формальное соблюдение процедуры заключения договора, но и реальность волеизъявления заемщика.

На основе обобщения судебной практики 2025—2026 гг. и анализа правовых позиций Конституционного и Верховного судов РФ сформулированы следующие единообразные критерии добросовестности кредитора при дистанционном предоставлении потребительского кредита (займа):

1. *Проверка принадлежности средств идентификации.* Кредитор обязан убедиться в принадлежности номера телефона и банковской карты конкретному заемщику в момент совершения сделки, а не ограничиваться формальным фактом ввода кода подтверждения.

2. *Мониторинг аномальной активности.* В случае, если имеются объективные признаки аномальной активности: вход с нового устройства, мгновенное оформление кредита, незамедлительный перевод средств третьим лицам, смена пароля непосредственно перед операцией, то кредитор, как профессиональный участник правоотношений обязан их выявлять и фиксировать.

3. *Содержание обязанности по верификации.* В случае, когда выявлены признаки аномальной активности, бремя доказывания реальности волеизъявления заемщика возлагается на кредитора, который обладает техническими возможностями верификации.

4. *Реальная возможность выбора при дополнительных услугах.* Добровольность согласия заемщика на дополнительные услуги предполагает запрет машинописного способа выражения согласия, а также предоставление полной информации о стоимости услуг. Процентная ставка не может зависеть от наличия дополнительных услуг без ознакомления заемщика и его согласия с ними.

5. *Отказ от формального подхода.* Наличие корректной простой электронной подписи само по себе не является безусловным доказательством волеизъявления заемщика, если имеются данные, указывающие на цифровое мошенничество или компрометацию персональных данных.

Закрепление данных критериев на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации обеспечит единообразие правоприменения и защиту прав заемщиков в условиях цифровой трансформации финансового рынка.

Проведенный в статье анализ судебной практики позволяет констатировать формирование устойчивых подходов к защите заемщиков, согласно которым бремя доказывания волеизъявления переносится на кредитора при выявлении признаков аномальной активности; договоры цессии в пользу непрофессиональных взыскателей признаются недействительными; суды осуществляют строгий контроль за соблюдением лимита предельной задолженности; отказ в возбуждении уголовного дела не препятствует гражданско-правовой защите; договор, заключенный в результате мошеннических действий, является ничтожным. Достоверность результатов подтверждается устойчивой позицией высших судебных инстанций и согласуется с выводами ведущих цивилистов о пределах осуществления гражданских прав и критериях добросовестности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Злоупотребление правом в сфере микрофинансирования трансформировалось от прямого завышения процентов к сложным схемам, включающим навязывание скрытых комиссий под видом дополнительных услуг, незаконную переуступку долгов непрофессиональным взыскателям и использование уязвимостей систем дистанционной идентификации. Данная эволюция непосредственно связана с этапами законодательного ужесточения, поскольку каждое новое ограничение стимулирует кредиторов к поиску альтернативных способов извлечения прибыли.

2. Анализ судебной практики 2025—2026 гг. обнаруживает выраженную направленность на защиту экономического баланса договора. Формальный ввод кода, полученного посредством короткого сообщения, более не считается безусловным доказательством заключения договора, особенно при наличии признаков мошенничества. Суды последовательно признают договоры потребительского кредита (займа) незаключенными или ничтожными при отсутствии реального волеизъявления заемщика, а договоры цессии в пользу непрофессиональных взыскателей — недействительными. Одновременно суды осуществляют строгий контроль за соблюдением лимита предельной задолженности, пресекая попытки обхода через неустойку и отдельные договоры на дополнительные услуги.

3. Риск несанкционированных операций и ошибок идентификации в цифровой среде должен распределяться справедливо: профессиональный участник рынка, обладающий техническими возможностями контроля, алгоритмами предотвращения мошенничества и доступом к базам данных, несет основное бремя ответственности за верификацию контрагента. Обоснованный в статье доктринальный подход к распределению бремени доказывания волеизъявления заемщика может быть использован при формировании единообразной судебной практики.

4. Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их непосредственного применения для совершенствования правоприменительной практики. Для минимизации судебных рисков и защиты прав граждан необходимо:

– *кредитным организациям и микрофинансовым организациям* — внедрение многофакторной аутентификации (биометрия, аппаратные ключи) и обязательное проведение глубокой проверки транзакций при подозрительной активности (смена устройства, быстрый кредит, перевод третьим лицам);

– *Банку России* — ужесточение контроля за операциями по уступке прав требования с целью исключения передачи долгов непрофессиональным взыскателям, а также разработка методических рекомендаций по применению повышенного стандарта доказывания волеизъявления при дистанционном кредитовании;

– *законодателю* — закрепление в Федеральном законе от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ повышенного стандарта доказывания факта волеизъявления заемщика при выявлении совокупности признаков мошенничества, возможности возложения бремени опровержения презумпции отсутствия реального волеизъявления на кредитора как профессионального участника рынка;

– *судам* — ограничение использования приказного производства при дистанционном заключении договора без подтверждения принадлежности должнику номеров телефона, с которого направлен код для подтверждения, и банковской карты, указанной для перевода денежных средств;

– *финансовому уполномоченному и обществам защиты прав потребителей* — усиление консультационной работы с гражданами-заемщиками;

– *гражданам-заемщикам* — повышение правовой грамотности в сфере дистанционного кредитования, включая понимание механизмов оспаривания навязанных дополнительных услуг, кредитов (займов), оформленных мошенническим путем, а также права на применение лимита предельной задолженности при взыскании.

5. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом влияния цифровизации судопроизводства на обеспечение единообразия практики по делам о защите прав потребителей финансовых услуг, сравнительно-правовым изучением зарубежного опыта регулирования дистанционного кредитования, а также с разработкой методических рекомендаций по усилению контроля за операциями в системах дистанционного банковского обслуживания.

Таким образом, противодействие злоупотреблениям в сфере микрофинансирования требует не только совершенствования нормативного регулирования, но и повышения стандартов доказывания добросовестности со стороны кредиторов как профессиональных участников рынка. Только последовательный переход от формальной оценки электронных сделок к содержательному анализу реального волеизъявления заемщика способен обеспечить справедливый баланс интересов сторон и устойчивое развитие рынка потребительского кредитования в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. 527 с.
2. Ем В. С., Суханов Е. А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 4. С. 7—21.
3. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : моногр. 3-е изд., доп. М. : Юрайт, 2023. 241 с.
4. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав : моногр. М. : Волтерс Клувер, 2009. 338 с.
5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 410 с.
6. Шестемиров А. А., Семёнова А. Д. Исследование экономико-юридического содержания понятия «микрокредитование» // Финансовое право. 2023. № 4. С. 27—29.
7. Евсеева О. Н. Вопрос бесспорности требований при взыскании задолженности по договору микрозайма, подписанному электронной подписью // Мировой судья. 2022. № 9. С. 29—32.
8. Кванина В. В., Локтева М. Н. Об отдельных вопросах навязывания страховых услуг при заключении кредитного договора: закон и практика // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 7. С. 94—102. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.95.7.094-102.
9. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. 918 с.
10. Джумагулов Д. Д. Проблемы согласования воли сторон при заключении договоров цифровой подписки // Закон. 2025. № 9. С. 171—181.
11. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий : моногр. / под общ. ред. А. В. Минбалева. М. : Проспект, 2020. 266 с.
12. Карловский А. Заключение кредитного договора с помощью SMS // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 2. С. 60—69.
13. Хадеева М. В. Реализация принципа свободы договора в области правового регулирования новых банковских технологий (на примере дистанционного банковского обслуживания) // Банковское право. 2017. № 4. С. 63—67.
14. Соболев С. В. Электронная графическая подпись: проблемы правовой природы и применения // Цивилист. 2024. № 2(48). С. 26—34.
15. Бакурова Н. Н. Недобросовестные действия «профессиональных взыскателей» и как с ними бороться // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 65—69. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-3-65-69.
16. Нестеров В. М. Изменение подсудности мировых судей по гражданским делам // Мировой судья. 2024. № 3. С. 32—37. DOI: 10.18572/2072-4152-2024-3-32-37.
17. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 357 с.

REFERENCES

1. Karapetov A. G. Economic analysis of law. Moscow, Statut, 2016. 527 p. (In Russ.)
2. Em V. S., Sukhanov E. A. On types of subjective civil rights and the limits of their implementation. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*. 2019;19(4):7—21. (In Russ.)
3. Porotikova O. A. The problem of abuse of subjective civil right. Monograph. 3rd ed. Moscow, Yurait, 2023. 241 p. (In Russ.)
4. Vavilin E. V. Exercise and protection of civil rights. Monograph. Moscow, Wolters Kluwer, 2009. 338 p. (In Russ.)
5. Griбанov V. P. Exercise and protection of civil rights. Moscow, Statut, 2000. 410 p. (In Russ.)
6. Shestemirov A. A., Semenova A. D. A study of the economic and legal content of the concept of microfinancing. *Finansovoe pravo = Financial Law*. 2023;4:27—29. (In Russ.)
7. Evseeva O. N. The question of the indisputability of claims when collecting debts under a microloan agreement signed with an electronic signature. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*. 2022;9:29—32. (In Russ.)
8. Kvanina V. V., Lokteva M. N. About Certain Issues of Hard Selling of Insurance Services when Concluding a Loan Agreement: Law and Practice. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;7:94—102. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2022.95.7.094-102.
9. Savel'ev A. I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation. 3rd ed. Moscow, Statut, 2020. 918 p. (In Russ.)
10. Dzhumagulov D. D. Issues of parties' will coordination in concluding digital subscription agreements. *Zakon*. 2025; 9:171—181. (In Russ.)
11. Mechanisms and models of regulation of digital technologies. Monograph. A. V. Minbaleev (ed.). Moscow, Prospekt, 2020. 266 p. (In Russ.)
12. Karlovskii A. Conclusion of a credit agreement via SMS. *Yuridicheskaya rabota v kreditnoi organizatsii*. 2022; 2:60—69. (In Russ.)
13. Khadeeva M. V. Implementation of contractual freedom principle in legal regulation of new banking technologies (on example of distant banking servicing). *Bankovskoe pravo = Banking Law*. 2017;4:63—67. (In Russ.)
14. Sobolev S. V. Electronic graphic signature: problems of legal nature and application. *Tsivilist = Civilist*. 2024;2(48): 26—34. (In Russ.)
15. Bakurova N. N. Bad faith actions of professional collectors and how to fight them. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*. 2024;3:65—69. (In Russ.) DOI: 10.18572/2071-1166-2024-3-65-69.
16. Nesterov V. M. Changing the jurisdiction of justices of the peace over civil cases. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*. 2024;3:32—37. (In Russ.) DOI: 10.18572/2072-4152-2024-3-32-37.
17. Yudin A. V. Abuse of procedural rights in civil proceedings. Saint Petersburg, St. Petersburg State University publ., 2005. 357 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.07.2026; одобрена после рецензирования 22.08.2026; принята к публикации 24.08.2026.
The article was submitted 29.07.2026; approved after reviewing 22.08.2026; accepted for publication 24.08.2026.

Научная статья
УДК 347.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1737

Mikhail Alekseevich Uspenskiy
Postgraduate of the Faculty of Law,
specialty 5.1.3 —
Private law (civilistic) sciences,
State Academic University
of Humanities
Moscow, Russian Federation
m.uspenskiy@gmail.com

Михаил Алексеевич Успенский
аспирант юридического факультета,
специальность 5.1.3 —
Частно-правовые (цивилистические) науки,
Государственный академический университет
гуманитарных наук
Москва, Российская Федерация
m.uspenskiy@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩАЮЩИХСЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. В статье продолжается многолетняя проверка выдвинутой ранее автором гипотезы о квалификации Биткойна и иных цифровых валют в качестве организационных (рамочных) обязательств. Изначально она была разработана на основе российского гражданского права и учения об обязательствах. Теперь же гипотеза получает подтверждение через институты английской правовой традиции, но прежде всего — индийского договорного права как одной из наиболее развитых систем в правоприменении за последние несколько веков. Кроме того, доказано, что протокол Биткойна полностью удовлетворяет всем требованиям, которые Закон о договорах Индии 1872 г. предъявляет к рамочному (зонтичному) соглашению. Три ключевых и наиболее остро стоящих возражения общего права против признания цифровых валют в качестве *chose in action*: неопределенность существенных условий, отсутствие намерения создать правовые отношения и порок встречного предоставления — не находят подтверждения при внимательном анализе судебной практики и доктрины. Отдельное внимание уделено историческому измерению проблемы: выявлено, что попытки поместить

в единую передаваемую оболочку имущественный титул и поведенческий регламент периодически предпринимались в правовой истории — от английских счетных бирок (*tally sticks*) до немецких горных паев (*Kux*), — однако неизменно упирались в зависимость от третьей стороны. Протокол Биткойна становится закономерным, но качественно новым завершением этой линии, впервые объединяя обязательства участников и технический регламент в единый оборотоспособный объект гражданских прав. Полученные выводы в силу единства доктринальных корней общего права распространяются на всю его семью — от США до Великобритании и наследников их правовых систем. Тем самым выдвинутая гипотеза обретает подлинно универсальный, наднациональный, гармонизирующий характер, что особенно значимо в условиях трансграничной природы криптовалютного оборота.

Ключевые слова: Биткойн, цифровая валюта, криптовалюта, организационное обязательство, рамочный (зонтичный) договор, общее право, договорное право Индии, встречное предоставление, конклюдентные действия, аналогия закона

Для цитирования: Успенский М. А. Международно-исторический анализ обращающихся обязательств в контексте цифровых валют // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 219—226. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1737.

Original article

INTERNATIONAL AND HISTORICAL ANALYSIS OF NEGOTIABLE OBLIGATIONS IN THE CONTEXT OF DIGITAL CURRENCIES

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. This article continues the long-term testing of the author's previously advanced hypothesis regarding the qualification of Bitcoin and other digital currencies as organizational (framework) obligations. Originally developed on the basis of the Russian civil law and the doctrine of obligations, the hypothesis is now corroborated by reference to the institutions of the English legal tradition, and, above all, to Indian contract law as one of the most developed systems in terms of law-application practice over the past several centuries. It is further demonstrated that the Bitcoin protocol meets all the requirements imposed on a framework (umbrella) agreement under the Indian Contract Act of 1872. The three principal and most pressing objections raised by the common law against recognizing digital currencies as a *chose in action* —

uncertainty of contract terms, absence of intention to create legal relations, and lack of consideration — find no support upon careful analysis of case law and legal doctrine. Special attention is devoted to the historical dimension of the problem: it is revealed that attempts to combine a property title and rules of conduct into a single transferable instrument were periodically undertaken in legal history — from English tally sticks to German mining shares (*Kux*) — but invariably encountered a dependence on a third party. The Bitcoin protocol represents a logical, yet qualitatively new, culmination of this trajectory, for the first time merging participants' obligations and technical regulations into a single alienable object of civil rights. Owing to the shared doctrinal roots of common law, these findings extend to its entire family — from the United States to the United Kingdom

and the jurisdictions that inherited their legal systems. Consequently, the proposed hypothesis acquires a truly universal, supranational, and harmonizing character, which is particularly significant given the cross-border nature of cryptocurrency transactions.

For citation: Uspenskiy M. A. International and historical analysis of negotiable obligations in the context of digital currencies. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):219—226. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1737.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что на протяжении уже более десятилетия доктрина права не находит согласия относительно цивилистической природы цифровых валют и Биткоина в частности. Стремительное развитие цифровых экономик в странах общего права (*common law*) делает недостаточным рассмотрение проблемы исключительно в рамках континентальной правовой системы. Учение об обязательстве, аналогия закона, конструкция рамочного договора традиционно ассоциируются у многих только с романо-германской традицией, что порождает закономерный вопрос: сохраняет ли обязательственное прочтение природы Биткоина свою убедительность за пределами континентального правопорядка.

Изученность проблемы. Проблематика правовой природы криптовалют и Биткоина разрабатывалась ранее автором на основе российского гражданского права применительно к институту организационных (рамочных) обязательств. Вопросы имущественно-правовой квалификации криптовалют по общему праву затрагивались в работах Т. Чана [1], Р. Уолтерса, Б. Зеллера и М. Атертона [2], К. Ф. К. Лоу [3], П. М. Хатавара [4], Л. К. Альколеа и Я. Михала [5], И. Отабор-Олубора [6], Б. Юаня [7]. Указанные авторы преимущественно сосредоточены на квалификации криптоактивов как объекта права собственности (*property*) в отдельных юрисдикциях общего права, однако вопрос об их имущественно-правовой (договорной) природе в рамках концепции рамочного соглашения остается за пределами их анализа.

Историко-правовой контекст оборотоспособных инструментов, объединяющих имущественный титул с поведенческим регламентом, освещен Р. М. Розенсвигом [8] применительно к английскому талли-стикам.

Отдельные аспекты действительности смарт-контрактов изучали Ф. Бассан и М. Рабитти [9], показавшие эмпирические сложности перехода от смарт-легал-контрактов к контрактам на блокчейне. Технические и правовые основы функционирования протокола Биткоин и блокчейн-технологий раскрыты в работах Дж. Гарая, А. Кияиаса и Н. Леонардоса [10], М. И. Сарвара, Л. А. Маграби, И. Хана, К. Х. Найта и К. Нисара [11], П. Де Филиппи и Б. Лавлака [12], В. Чжу [13], а экономико-правовые последствия распространения смарт-контрактов исследованы Л. В. Конгом и З. Хе [14]. Договорную конструкцию генеральных соглашений *ISDA* как формы регулирования через контракт анализирует М. К. Борович [15], а основы индийского договорного права и его прецедентную базу систематизирует Л. Аквароне [16].

Целесообразность разработки темы определяется тем, что без проверки гипотезы за пределами континентального (и российского в первую очередь) права англосаксонская семья лишилась бы возможности опереться на конструкцию зонтичного соглашения, а международное регулирование еще долго искало пути унификации понимания

Keywords: *Bitcoin, digital currency, cryptocurrency, organizational obligation, framework (umbrella) agreement, common law, Indian contract law, consideration, acceptance by conduct, analogy of law*

сущности криптовалют, порождая коллизии и нестыковки между международными антиотмывочными, налоговыми и иными отраслевыми трактовками сущности Биткоина и монет иных блокчейнов первого уровня. Также с учетом трансграничного характера криптовалютного оборота необходим доктринальный ориентир, который может четко изложить правовую природу и статус цифровых валют в странах континентального и общего права. Такой инструмент сможет предоставить судьям общего права возможность более эффективно защищать интересы пострадавшей стороны.

Цель исследования состоит в подтверждении состоятельности выдвинутой гипотезы о квалификации Биткоина и иных цифровых валют в качестве организационных (рамочных) обязательств применительно к правовой семье общего права, в особенности на примере договорного права Индии. Кроме того, работа также нацелена на историко-правовое обоснование закономерности появления подобной правовой конструкции.

Задачи исследования:

- провести историко-правовой анализ оборотоспособных обязательств (талли-стики и *Ких-пай* горнопромышленных товариществ),
- адаптировать выдвинутую гипотезу к особенностям прецедентного права, сосредоточив внимание на системе индийского права,
- преодолеть ключевые возражения общего права против квалификации протокола в качестве договорной конструкции.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые гипотеза об организационном (рамочном) обязательстве монет в блокчейнах, сформулированная на основе континентального права, методично адаптируется к системе прецедентного права на основе судебной практики и передовых разработок ведущих ученых, но прежде всего, конечно же, на примере индийского договорного права, впитавшего в себя англосаксонскую модель, развившего ее интерпретацию и придавшего несомненный местный колорит, лишь еще больше подчеркивающий правильность выбранного доктринального обоснования криптовалют как зонтичных контрактов. Проработав множество иных возражений, академические исследователи общего права вплотную приблизились к трем заветным рубежам — неопределенность существенных условий, отсутствие намерения войти в прочные правовые связи и набившее оскомину отсутствие встречного предоставления (*consideration*), — и настоящая работа позволяет сделать качественный рывок в этих направлениях.

Теоретическая значимость работы заключается в исследовании конструкции организационного обязательства Биткоина и иных цифровых валют. Более того, академическая ценность усиливается погружением в исторический контекст развития оборотоспособных регламентов в гражданском обороте — как в английском прошлом,

так и в германском, — причем на примере того самого горного промысла, за которым в отраслевой лексике закрепилось слово «майнинг».

Практическую значимость несет в себе выработка специального доктринального ориентира для правотворчества и правоприменения в странах общего права на основе предложенной квалификации Биткойна в качестве *chose in action* договорного происхождения. Также отдельно стоит подчеркнуть полезность такого инструмента для судей при разрешении споров, связанных с криптовалютными активами, — он сможет обеспечить юридическую определенность, защиту добросовестных приобретателей и привлечение к ответственности при нелегальных операциях с цифровыми активами.

Методологическую основу исследования составляют как общие, так и специальные юридические методы, в частности историко-правовой, формально-юридический (догматический) и сравнительно-правовой.

Основная часть

В богатой правовой истории человечества периодически возникали ситуации, при которых предметом оборота становился не только результат деятельности, но и совокупность прав и обязанностей участников определенного процесса, упакованная и контейнеризованная в единый передаваемый инструмент. Например, английские талли-стики (*tally sticks*, XII—XIX вв.) удостоверяли факт исполнения определенного процесса — уплату налога, поставку товара казне — и при этом параллельно активно использовались как средство расчета, причем даже самим эмитентом в лице казначейства (<https://habr.com/ru/companies/gazprombank/articles/893802/>).

Общепризнанный статус своеобразного учетно-расчетного инструмента талли-стики получили в 1100 г., при Генрихе I. Система просуществовала более семисот лет, однако XIX в. с его экономическими реформами и индустриализацией поставил крест на этой средневековой архаике. В 1783 г. казначейство приступило к постепенному выводу этих инструментов из оборота, намереваясь утилизировать накопившиеся запасы и окончательно перейти на бумажный документооборот. На протяжении столетий казначейство, размещавшееся в Вестминстерском дворце, регулярно уничтожало отслужившие талли-стики, но после упразднения ведомства в 1826 г. на месте осталось их значительное количество. Именно решение дворцового смотрителя по хозяйственным вопросам сжечь талли-стики в печах, а не развести открытый костер или пустить древесину на дрова, обернулось роковой случайностью: 16 октября 1834 г. огонь вышел из-под контроля, положив начало огромному пожару, который уничтожил большую часть Вестминстерского дворца (<https://gimms.org.uk/2019/03/08/history-english-tally/>).

Долгое время талли-стики служили универсальным средством фиксации долгов, налогов и особенностей их поступлений, но их применение никогда не ограничивалось изначально задуманными функциями. Они сопровождали широкий спектр хозяйственных операций: от крестьянских платежей до крупных государственных сборов, при этом ядром системы оставались денежные требования с участием короны. Поведенческий регламент по их использованию присутствовал как дополнительный и сопровождающий элемент, однако не выкристаллизовался до полного и самостоятельного значения [8].

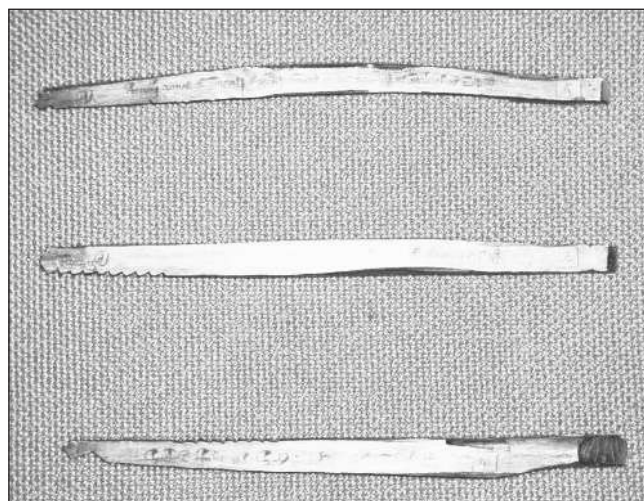

Рис. Талли-стики

Более пристального внимания заслуживает *Kux* — пай горнопромышленного товарищества средневековой и ранней современной Саксонии, перекидывающий исторический мост к процессу «добычи» (*mining*) Биткойна (https://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/portal/Internet/finde/langDatensatz.php?urlID=1088&url_tabelle=tab_quelle). Горнопромышленное товарищество (*Gewerkschaft*) являлось особой организационно-имущественной формой по разработке горных месторождений (в отраслевой лексике часто это и называют «майнинг»). Структурно имущество товарищества делилось на доли (*Kux*-пай), которые предоставляли право голоса в собрании геверков, право на долю в прибыли (*Ausbeute*) и в то же время обязанность нести довносы (*Zubusse*). Согласно старому горному праву каждый такой пай являлся эквивалентом 1/128 доли в имуществе всего товарищества. Новое же законодательство перешло к стандарту деления имущества на 100 паев с возможностью дальнейшего деления вплоть до 1/1000. Также была предусмотрена особая категория паев *Freikuxe*, которая была освобождена от обязательств вносить дополнительные взносы и закреплялась, в частности, за процессом добычи за городом. Это, в свою очередь, демонстрирует, что обязательственная нагрузка пая осознанно прикреплялась к данному инструменту (<https://www.retrobibliothek.de/retrobib/seite.html?id=102001>). Паи свободно обращались: торговля ими велась на Лейпцигских ярмарках, а в XVI в. *Kuxe* превратились в распространенный объект спекуляции, и одной из значимых площадок их оборота стала Нюрнбергская биржа. Со временем паи стали оформляться по модели предъявительских акций и свободно передаваться, а посредничество в сделках с ними осуществляли присяжные маклеры — *Kuxkränzler*. Не исключено, что паи применялись и при расчетах между торговыми домами наравне с иными коммерческими инструментами подобно тому, как сегодня используется цифровая валюта, а столетиями ранее — вексель.

В конечном итоге данную организационно-правовую форму системно урегулировал Общий горный закон для Пруссских государств от 24 июня 1865 г. (далее — *ABG 1865*) (https://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/portal/Internet/finde/langDatensatz.php?urlID=1088&url_tabelle=tab_quelle). При поверхностном сравнении *Kux* напоминает акцию, однако такая аналогия не совсем точна и не отражает юридическую многогранность инструмента, в том числе в виде оборотоспособных обязанностей. В отличие

от акции, пай нес не только право на прибыль, но и прямую обязанность вносить дополнительные средства при отклонении согласованных показателей процесса горной добычи полезных металлов, в частности серебра.

Держатель пая — *Kuxinhaber* — участвовал в финансировании добычи, нес дознос и получал долю прибыли. Соблюдение производственного регламента, безопасность работ, исполнение плана горных выработок — всё это возлагалось на отдельный круг лиц: руководителя работ, штейгеров, технических надзирателей, чья пригодность удостоверялась горным ведомством. Хотя соблюдение технического регламента добычи серебра возлагалось только на майнеров и не переходило на держателя инвестиционного титула в оборотоспособном инструменте, тем не менее пай содержал прямое обязательство — дознос (устоявшийся в судебной практике термин *Zubusse*, хотя сам закон употребляет термин *Beiträge*). При этом он являлся не только центральным, но и не единственным обязательством (§ 102, 129—130 *ABG* 1865), которому сопутствовал ряд процедурных обременений по внесению этих взносов и, конечно же, обязательств финансового толка (их упаковка в обращающиеся правовые «продукты» веками не вызывает особых проблем ни у континентальной, ни у общей системы права: от бондов и векселей до цифровых финансовых активов в России и секьюрити-токенов в США).

Биткоин-протокол упраздняет это разделение, позволяя наконец комфортно погрузить технический регламент в оборотоспособный инструмент, которому при этом становится не нужен ни надзирающий горный чиновник, ни руководитель работ, принимающий на себя ответственность за безукоризненную техническую безопасность и эффективность основных хозяйственных работ по майнингу. В блокчейн-сетях их функции абсорбированы консенсусным механизмом: протокол (т. е. ноды и майнеры, его поддерживающие) самостоятельно верифицирует корректность исполнения контейнированного технического регламента, самостоятельно отклоняет ненадлежащий результат и далее в консенсусах более позднего типа еще и самостоятельно наказывает нарушителя штрафом в рамках процедуры «слэшинга» (*slashing*) — без колебания, без задержки, без усмотрения внешнего субъекта. Юридическое обязательство и технический регламент, наконец, смогли слиться в едином, нераздельном инструменте, воплотившись как в самодостаточную экономическую сущность, так и в обособленный из-за своей уникальности объект гражданских прав.

Гипотеза цифровых валют как *chose in action* в виде контрактной связи — а именно зонтичного договора (*umbrella*, или, как его еще называют, *framework/master-договора*) — была впервые представлена на международной арене в стране с глубокой прецедентной наследственностью в ходе Международного академического конклава в Университете Махиндры (Хайдарабад, Индия), на юридическом факультете Университета Дели и в Индийском юридическом институте под патронажем Верховного суда. Она вызвала неподдельный интерес среди индийских юристов, особенно в свете только что рассмотренного на тот момент дела Высокого суда штата Мадрас [*Rhutumari v. Zanmai Labs Pvt. Ltd.*: (2025) *SCC OnLine Mad* 9290]. Суд постановил, что криптовалюты квалифицируются как «имущество» (*property*) по индийскому праву, что позволило владельцам биткоинов добиваться судебной защиты в отношении заблокированных или оспариваемых криптовалютных активов. Выдвигаемая автором гипотеза не конкурирует

с выводом Высокого суда штата Мадрас, а конкретизирует его, отвечая на вопрос о конкретном виде контрактной связи, который суд оставил открытым.

Как наглядно показано далее, Биткоин может органично рассматриваться как организационное обязательство (*organisational framework*) в соответствии с Индийским законом о контрактах 1872 г. (*Indian Contract Act*, 1872, далее — Закон 1872 г.) (<https://cag.gov.in/uploads/media/Indian-Contract-Act-1872-20200816140128.pdf>), т. е. как рамочное соглашение (*umbrella, framework, master agreements*) — юридически признаваемые контрактные связи, порождающие реальные обязательства (в первичном значении *binding*, отличая его от *enforceable*, значимость которого падает в мире самоисполнимых без суда и следствия договоренностей сторон обязательства). Рамочное соглашение, как оно понимается в обывательско-широком смысле и международном, в т. ч. коммерческо-контрактном праве, устанавливает общие процедурные правила, регулирующие будущие взаимодействия, не требуя полного набора элементов для формирования двустороннего договора при каждом отдельном взаимодействии.

Прежде нужно оговориться, что проблемы классификации Биткоина в качестве имущественного права (*chose in action*) как в целом, так и, конечно же, конкретно в виде такого веками зарегулированного института как англосаксонский контракт (договор), имели и имеют еще немало преград в теории и практике: вопросы исключительности (*exclusivity*), конкурентности (*rivalrousness*), делимости (*separability*) и некоторые другие. К счастью, передовые зарубежные академические исследователи под руководством Баоци Юаня [7] смогли развеять данные сомнения. В результате масштабного анализа были рассмотрены эти возражения, и ни одно из них не препятствует классификации криптовалюты в качестве права требования (*chose in action*). Отдельного внимания заслуживает опора на дело *Armstrong DLW GmbH v. Winnington Networks Ltd.*: (2012) *EWHC* 10 (Ch), ставшее фундаментальным для любого серьезного исследования цифровых активов в общем праве: суд признал квоты на выброс парниковых газов как *chose in action*. Не менее показательна и аналогия с молочными квотами, которые английские суды классифицировали аналогично (*Swift v. Dairywise Farms Ltd.*: (2000) 1 *WLR* 1177).

При этом из оставшихся конструктивных выделяются три по-настоящему ключевых, первичных и фундаментальных возражения: неопределенность условий контракта (*uncertainty of contract terms*), отсутствие намерения создать правовые последствия (*absence of intention to create legal relations*) и пресловутое отсутствие встречного предоставления (*lack of consideration*), без которого ни один контракт по англосаксонскому праву нежизнеспособен в принципе, что является вторым по популярности заблуждением в сфере общего права (к первому автор относит анонимность должника-ноды в блокчейне, что досконально проработано для обеих правовых семей в более ранних работах автора по российскому праву).

К сожалению, на текущий момент в индийском кодифицированном праве зонтичные соглашения не имеют отдельного законодательного закрепления, однако судебная практика последовательно признает их действительность при соблюдении трех условий:

- 1) существенные условия определены или объективно определены (раздел 29 Закона 1872 г.),
- 2) стороны явно или подразумеваемо выразили намерение быть связанными в обязательстве,

3) присутствует законное встречное удовлетворение/предоставление (*consideration*).

В последние годы индийская судебная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию и допустимости в обороте рамочных контрактных связей — от Высокого суда Дели [дело *Sanghvi Movers Limited v. Vivid Solaire Energy Private Limited*: (2022) SCC OnLine Del 4423, где мастер-условия признаны «внутренне взаимосвязанными» с последующими заказами] до Верховного суда Индии [дело *Trimex International v. Vedanta Aluminium*: (2010) 3 SCC 1, подтвердившее, что поведение сторон может свидетельствовать о принятии рамочных условий даже при отсутствии формального документа]. Однако суды проводят четкую границу: если существенные условия (цена, сроки, объем и/или порядок прозрачного и недвусмысленного определения этих элементов контракта в будущем) оставлены открытыми для будущих переговоров без объективных, четких и непротиворечивых критериев, такое соглашение квалифицируется лишь как необязывающее (*non-binding*) «согласие согласиться» (*agreement to agree*) (*Parsvnath Developers v. Asset Reconstruction Company*: (2026) Delhi HC). Соглашения согласиться на договор в будущем не являются ни обязывающими в общем праве в целом, ни тем более исполнимыми (*unenforceable contract*).

Аргумент 1. **Определенность существенных условий.** Раздел 29 Закона о договорах Индии 1872 г. гласит, что соглашения, смысл которых не определен или не может быть определенным, являются недействительными. Однако данное положение носит функциональный, а не формалистский характер. Индийское право не требует исчерпывающей проработки текста контракта, но при этом настаивает, чтобы договорные условия были определенными или объективно определенными.

Индийские суды неоднократно подчеркивали, что раздел 29 следует трактовать не как требующий абсолютной точности или исчерпывающего определения всех будущих обстоятельств и буквеедства. В деле *Kollipara Sriramulu v. T. Aswathanarayana*: AIR (1968) SC 1028 Верховный суд Индии постановил, что даже ссылка на намерение исполнять будущий договор достаточна, чтобы привести к возникновению юридически обязывающего рамочно-зонтичного соглашения. Соглашения могут быть обязывающими, если существенные условия в них в достаточной степени определены и стороны намерены быть ими связаны, даже если документальное оформление предполагается в будущем.

Верховный суд Индии также признал, что обязывающий договор может возникнуть из переписки и хозяйственного взаимодействия, когда существенные условия основного договора (заключаемого после организационного) возможны к определению в будущем. В деле *Rickmers Verwaltung GmbH v. Indian Oil Corporation Ltd.*: (1999) 1 SCC 1 Верховный суд подчеркнул, что обязанность судьи состоит в толковании переписки с целью определения, была ли достигнута договоренность, способная создать обязывающий договор. В деле *Trimex International FZE Ltd. v. Vedanta Aluminium Ltd.* суд расценил акцепт, переданный посредством переписки, как способ заключить рамочное соглашение, и подчеркнул, что предполагаемая подготовка более позднего формального документа не отменяет обязывающего характера процедурно-организационной, предваряющей и юридически обязывающей зонтичной сделки.

Этот же паттерн был выявлен в протоколе Биткоина. Как и организационный контракт, он основывается на наборе всеобъемлющих и заранее четко и досконально определенных

правил, которые охватывают все аспекты будущего бесшовного функционирования системы, включая способы участия (как майнеров, так и обычных пользователей), порядок проверки транзакций, эмиссию новых монет, подход к отторжению блоков, нарушающих предварительное организационно-правовое обязательство под по соблюдению консенсуса *PoW*. Будучи общедоступным, с открытым исходным кодом и прозрачным для всех, протокол является юридически обязывающим стандартом поддержания работоспособности сети, единообразно используемым всеми нодами/майнерами-должниками. При этом заранее объявленные процедурно-организационные правила строго следуют математическим доказательствам и проверяются с помощью криптографии, а не суда. Следовательно, условия *Whitepaper* и протокола не являются настолько неопределенными, чтобы воспрепятствовать их признанию легитимным договором по индийскому праву.

Кроме того, такой подход соответствует трактовке рамочных соглашений и в английских судах, где понятные изначальные правила обеспечивают определенность существенных условий, несмотря на то, что будущие детали согласовываются позже [например, в фундаментальном деле судов общего права по всему миру английском деле *MRI Trading AG v. Erdenet Mining Corp LLC*: (2013) EWCA Civ 156]. Цифровую валюту в виде токенизированного организационного договора при этом не следует приравнивать к «согласиям согласиться» (*agreements to agree*), поскольку детали необходимых условий функционирования сети Биткоин не оставлены для будущих переговоров. Основные правила, касающиеся действительности транзакций, эмиссии и консенсуса, установлены с самого начала. Обновления протокола происходят открыто и дискретными этапами, каждый из которых позволяет участникам продолжить участие или выйти, исключая пересмотр условий в традиционном смысле.

Аргумент 2. **Намерение войти в юридически обязывающие отношения.** Традиционно намерение создать правовые отношения (*to be bound, to enter into a binding agreement*) презюмируется в коммерческих сделках, но отрицается в чисто приятельских, социальных или добровольных контекстах. По индийскому праву признается, что стороны могут согласиться с условиями договора конклюдентными действиями, даже если не было формального письменного документа или подписи. Акцепт может быть выведен из поведения или действий сторон, особенно когда стороны входят в систему, регулируемую фиксированными правилами. Как самый явный пример: электронные договоры признаются действительными, если они включают законную оферту и акцепт, встречное удовлетворение и правомерную цель (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4278497).

Использование сети Биткоин нодой для получения благ в виде монет *BTC* посредством майнинга включает в себя совершение лицом явно преднамеренных, осознанных, нетривиальных, технически непростых и очевидно добровольных действий: приобретение дорогостоящего оборудования, получение и подключение электроэнергии, установку программного обеспечения, его запуск, проверку и передачу транзакций, а в некоторых странах, таких как, например, Российская Федерация, еще и включение в реестр, а также пристальный фискальный и антиотмывочный контроль, возвышая степень экономического вовлечения субъектов в осуществляемые ими хозяйственные операции. Эти факторы всё дальше и дальше отдалают ноды и майнеров от ни к чему не обязывающих обещаний с бескорыстным и альтруистическим мотивом в основе.

Таким образом, такая волевая и упорная хозяйственная деятельность будет истолкована как признак конклюдентного принятия участником правил и ограничений протокола и в свете индийского контрактного права.

Также еще раз стоит подчеркнуть различие концепций «юридически обязывающего» и «в суде исполнимого» (*enforceable*) контракта в общем праве. Тот факт, что участники сети Биткоин не предполагают обращения в суды, не опровергает *binding* характер договорной связи, а скорее отражает эффективность технологического механизма принудительного исполнения блокчейн-консенсусов, начало снижения влияния судебного принуждения на действительность договора, снижение роли критерия *enforceability* в цифровом контрактном мире и уж никак не отсутствие намерения создать прочную юридическую связь (*binding obligation*). Дополнительным примером может служить такой вид договоров, как генеральное соглашение *ISDA*, в котором аналогичным образом стороны ожидают от своих партнеров исполнения договоренностей без судебных разбирательств [15].

Также не должно смущать скептиков и отсутствие в *Whitepaper* Биткоина привычной для англосаксонских контрактов вязкой юридической лексики и правовых клише, без которых документ являлся бы не договором, а лишь сводом дружеских правил и обещаний. Однако этому можно легко противопоставить позицию о том, что при направленности воли сторон на удовлетворение экономического интереса и имущественной выгоды формулировки языка уступают по важности истинным намерениям сторон. Там, где договоренность предполагает денежную выгоду и явно прослеживаемые экономические интересы, общее право устанавливает сильную презумпцию намерения создать правовые отношения и войти в юридически обязывающую контрактную связь. В деле *Edwards v. Skyways Ltd.* (1964) 1 *WLR* 349 (Англия и Уэльс) суд постановил, что в коммерческом контексте, включающем выгоду в денежном выражении и реальный экономический интерес, возникает сильная презумпция в пользу зарождения прочного договора, даже если используемые формулировки кажутся на первый взгляд лишеными контрактной казуистики. При этом очевидно и общеизвестно, что приход майнеров/нод в сеть Биткоин далек от альтруизма, праздного интереса и благотворительности, что рядовой держатель монет видит в Биткоине «цифровое золото», осколки которого 24/7 обращаются на мировых централизованных и децентрализованных биржах, а капитализация крипторынка превышает уже триллионы долларов США, галопируя в развитии и двигаясь к синергии с технологиями искусственного интеллекта на пути к Интернету нового поколения — *web3*.

Аргумент 3. Встречное удовлетворение/предоставление. Любой контракт по общему праву, в т. ч. зонтичный по индийскому, должен иметь обязательный элемент — встречное предоставление. Встречное предоставление (*consideration*) является одним из фундаментальных элементов действительного договора в системе общего права, включая индийское право. Согласно ст. 2(d) Закона Индии о договорах 1872 г., встречное предоставление определяется как действие, воздержание от действия или обещание совершить или воздержаться от какого-либо действия, выдаваемое по желанию обещающего. Простыми словами, это «цена» обещания — т. е. то, что сторона получает взамен своего обязательства. Этот элемент имеет фундаментальное значение не только для индийского договорного права, но и в целом для общего контрактного. Встречное предоставление служит объективным доказательством серьезности намерений сто-

рон, подтверждая, что они действительно желают быть связанными прочными обязательствами. Оно также выполняет разграничительную функцию, отделяя обязательства юридического типа от декларативных заявлений, не порождающих правовых последствий. При этом важно понимать, что хотя индийское право не требует, чтобы встречное предоставление было эквивалентно (толкование 2 к ст. 25 Закона 1872 г.), однако подобная соразмерность позволяет судам оценить добросовестность и осознанность сделки. Это крайне важно для защиты сторон от принуждения, заблуждения или недобросовестного влияния (что, по мнению автора, не встает на пути у майнера к первой добытой монете, при этом в мировых СМИ не выявлены случаи принуждения к майнингу обывателей без специальных вычислительных машин).

Также для исследования особо важным является решение Верховного суда Индии в деле *Aloka Bose v. Parmata Devi*: (2009) 2 *SCC* 582, в котором закрепляется, что при отсутствии в законе специальных требований о письменной форме даже устное соглашение признается действительным. При этом подписанный одной стороной документ признается достаточным доказательством. Применительно к сети Биткоин это снимает возражение, которое обычно выдвигается интуитивно: отсутствие подписей нод/майнеров под протоколом не порочит договорную связь, поскольку индийское право прямо связывает ее возникновение с акцептом и приступлением к исполнению, а не с формальным подписанием бумажного документа всеми участниками синими гелевыми ручками. Более того, индийское право исторически предлагает более широкую и комфортную интерпретацию встречного предоставления, ведь оно может выражаться и в виде некой общей «экономической выгоды» в достаточно широком ее толковании, в том числе и в случаях, если встречное удовлетворение предоставляется третьим лицом или даже вытекает из поведения сторон [16].

Ключевое значение здесь имеет формулировка самой ст. 2(d) Закона 1872 г.: встречное предоставление может исходить не только от получателя обещания, но и от любого иного лица («the promisee or any other person»). Именно на этом положении построено фундаментальное дело *Chinnaya v. Ramayya*: (1882) 4 *Mad* 137, в котором предоставление, исходившее от лица, не являвшегося стороной спорного обещания, было признано достаточным. Тем самым индийское право прямо отступает от английского правила «*consideration must move from the promisee*». Было бы, однако, ошибкой воспринимать индийское послабление как некую местную самовольность, отклоняющуюся от «подлинного» духа динамики развития общего права. Правило о том, что встречное предоставление должно исходить непосредственно от стороны, которой дано обещание (*promisee*), само по себе больше не является аксиомой мировых доктрин, от которой общее право старается отступать, особенно когда речь заходит об оборотоспособном инструменте или защите интереса третьего лица. В Соединенных Штатах отступление даже нормативно закреплено: *Restatement (Second) of Contracts* в п. 4 § 71 прямо допускает встречное предоставление как от получателя обещания, так и от любого иного лица, а почву для этого подготовило еще дело *Lawrence v. Fox*: (1859) 20 *N.Y.* 268. Более того, даже само английское право иногда готово отступать от этого требования для оборотоспособных обязательств, в частности долговых. Так, согласно п. 2 ст. 27 и 28 английского *Bills of Exchange Act* 1882 г. векселедатель всё равно считается обязанным лицом перед текущим держателем, хотя тот мог

ничего не предоставлять лично и всё равно имел право осуществлять права по документу (<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/45-46/61/section/27>). Индийским аналогом выступают ст. 43 и презумпция ст. 118(а) Закона об оборотных документах 1881 г. Таким образом, английское право отказалось от жестких правил касаясь источника встречного предоставления именно в сфере регулирования обращающихся инструментов. Причем данная сфера находится в неразрывной связи с обращением цифровых монет в блокчейне.

В рамках зонтичных соглашений суть встречного предоставления состоит именно во взаимной связанности сторон правилами, которые регулируют будущее исполнение сделок, а не просто в получении имущественной выгоды. Природа таких обязательств является условной, т. к. стороны рамочного договора, как правило, не берут на себя обязательства в дальнейшем заключать сделки, однако явно обязаны следовать согласованным правилам. Вышеописанная конструкция непосредственно применима к сети Биткоин. Согласно индийскому праву, в подобном рамочном договоре встречное предоставление может возникнуть из самого факта односторонней оферты соблюдать предложенные условия в будущем, что, с учетом всех технических особенностей, полностью соотносится с классификацией Биткоина в качестве организационного договора. Присоединяясь к консенсусу, ноды и майнеры не берут на себя обязательства обрабатывать транзакции пользователей и осуществлять майнинг — этот факт сближает их с положением сторон зонтичного соглашения, у которых по общему правилу так же отсутствует обязанность заключать дальнейшие договоры. Содержанием же их обязательств является не сам процесс добычи, а ее выполнение строго по заранее согласованному консенсусу. Данное условное обязательство как раз и представляет собой встречное предоставление, при этом правильность исполнения конкретизирующей сделки гарантируется технологически (блок, который не удовлетворяет условиям сети, отклоняется).

Таким образом, правовой анализ индийского договорного права полностью подтверждает правильность квалификации Биткоина в качестве организационного (рамочного) обязательства. Индийская правовая система исторически сложилась под значительным влиянием английского общего права, сохранив при этом общие институты встречного предоставления, определенности условий будущих договоров и толкования волеизъявления сторон. Это означает, что выводы, сделанные на основе анализа индийского законодательства и судебной практики, с неизбежностью станут релевантны и полезны для других юрисдикций общего права, включая Великобританию, Австралию, Новую Зеландию, Канаду, США, Сингапур, Гонконг, Филиппины и т. п., а также международные цифровые хабы (например, в Дубае и Казахстане), использующие общее право для построения крипторегулирования. Универсальность требований к действительности контракта в общем праве позволяет экстраполировать предложенную модель индийского зонтичного соглашения на иные прецедентные правовые порядки, что особенно важно в условиях глобального характера криптовалютных отношений вне государственных границ и преград. Кроме того, предложенная автором класси-

фикация цифровых валют как *chose in action* в виде контрактной связи по форме зонтично-рамочного соглашения не требует радикального пересмотра многовековых устоявшихся правовых традиций, а напротив, опирается на проверенные временем постулаты с прицелом на стабильность правоприменения в судах общего права на всей планете.

Заключение

Проведенное исследование полностью подтвердило гипотезу о классификации Биткоина в качестве *chose in action*, при этом определив конкретный вид договорной связи — рамочное (зонтичное) соглашение. Идея, которая изначально разрабатывалась применительно к континентальному праву, прошла проверку соответствия нормам прецедентной правовой системы, отличающейся принципиально иным подходом. Стоит отметить, что при переносе гипотезы в рамки семьи общего права не произошло ее изменения, т. к. она полностью отвечает требованиям индийского права. Это, в свою очередь, говорит о том, что первоначальная классификация является полностью корректной, ведь иначе она бы не выдержала смены правовой системы.

В ходе правового анализа удалось полностью устранить три ключевых возражения, которые обычно выдвигаются в рамках общего права: неопределенность существенных условий, отсутствие намерения создать правовые отношения и порок встречного предоставления. Также особое внимание было уделено разграничению категорий *binding* и *enforceable*: если стороны не желают и не собираются обращаться в суд для обеспечения исполнения заранее согласованных обязательств, а само исполнение уже гарантировано технологически — это не является пороком договорной связи.

Историко-правовой анализ показал, что процесс развития оборотоспособных инструментов последовательно приводит к логичному итогу — появлению такого инструмента, который сочетает в себе и имущественный и процедурный элементы. Подобным качественно новым этапом как раз и является Биткоин, впервые реализовавший возможность самодостаточно гарантировать надлежащую исполнимость обязательств.

Полученные в ходе исследования выводы одинаково применимы ко всем национальным прецедентным системам права, что означает возможность использования предложенной квалификации в качестве доктринального ориентира для судов и законодателей при разрешении криптовалютных споров и принятии специального законодательства. Данный инструмент предоставляет судье готовые решения по применению правил толкования воли сторон, институтов добросовестного приобретателя, механизмов распределения рисков и ответственности, предварительных мер обеспечения, разворота бремени доказывания и т. д.

В конечном итоге главная цель состоит в выработке единого понимания правовой природы цифровых валют, определение которой не зависело бы от применяемой юрисдикции. Для глобальной блокчейн-технологии такое единство является не просто академической дискуссией, а основой для правовой определенности в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Chan T. The nature of property in cryptoassets // Legal Studies. 2023. Vol. 43. Iss. 3. Pp. 480—498. DOI: 10.1017/lst.2022.53.
2. Walters R., Zeller B., Atherton M. Crypto-Assets and Property Law: Emerging Challenges in International Trade and Investment // American Journal of Science, Engineering and Technology. 2025. Vol. 10. Iss. 4. Pp. 185—195. DOI: 10.11648/j.ajset.20251004.13.
3. Low K. F. K. Bitcoins as property: Welcome clarity? // Law Quarterly Review. 2020. Vol. 136. Iss. 3. Pp. 345—350.

4. Khatavkar P. M. Digital Assets And Proprietary Rights: A Cross-Border Study Of Cryptocurrency As Property In Comparative Jurisprudence // *Indian Journal of Law and Legal Research*. 2026. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 3533—3546.
5. Alcolea L. C., Mihal J. The tiptoe to crypto: An analysis and account of property in cryptocurrency // *Common Law World Review*. 2025. Vol. 54. Iss. 1. Pp. 43—69. DOI: 10.1177/14737795241287556.
6. Otabor-Olubor I. Property Rights, Money and the Future of Cryptocurrency // *International Journal of Digital Law and Governance*. 2025. Vol. 2. No. 2. Pp. 253—287. DOI: 10.1515/ijdlg-2025-0011.
7. Yuan B. Cryptocurrencies Are Objects Of Property Rights // *Law and Economy*. 2023. Vol. 2. No. 4. Pp. 1—8. DOI: 10.56397/le.2023.04.01.
8. Rosenswig R. M. Ancient Tally Sticks Explain the Nature of Modern Government Money // *Journal of Economic Issues*. 2025. Vol. 59. Iss. 3. Pp. 663—685. DOI: 10.1080/00213624.2025.2533734.
9. Bassan F., Rabitti M. From smart legal contracts to contracts on blockchain: An empirical investigation // *Computer Law & Security Review*. 2024. Vol. 55. Art. 106035. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106035.
10. Garay J., Kiayias A., Leonardos N. The Bitcoin Backbone Protocol: Analysis and Applications // *Journal of the ACM*. 2024. Vol. 71. No. 4. Art. 25. DOI: 10.1145/3653445.
11. Blockchain: A Crypto-Intensive Technology—A Comprehensive Review / M. I. Sarwar, L. A. Maghrabi, I. Khan et al. // *IEEE Access*. 2023. Vol. 11. Pp. 141926—141955. DOI: 10.1109/ACCESS.2023.3342079.
12. De Filippi P., Loveluck B. The invisible politics of Bitcoin: Governance crisis of a decentralised infrastructure // *Internet Policy Review*. 2016. Vol. 5. Iss. 3. Pp. 1—28. DOI: 10.14763/2016.3.427.
13. Zhu W. Introduction and analysis of bitcoin-based blockchain technology principle // *Applied and Computational Engineering*. 2023. Vol. 14. Pp. 31—38. DOI: 10.54254/2755-2721/14/20230755.
14. Cong L. W., He Z. Blockchain Disruption and Smart Contracts // *The Review of Financial Studies*. 2019. Vol. 32. Iss. 5. Pp. 1754—1797. DOI: 10.1093/rfs/hhz007.
15. Borowicz M. K. Contracts as regulation: the ISDA Master Agreement // *Capital Markets Law Journal*. 2020. Vol. 16. Iss. 1. Pp. 72—94. DOI: 10.1093/cmlj/kmaa026.
16. Аквароне Л. Индийский закон о контрактах — доктринальные основания и прецедентное право // *Правоведение*. 2024. Т. 68. № 1. С. 26—35. (На англ. яз.) DOI: 10.21638/spbu25.2024.102.

REFERENCES

1. Chan T. The nature of property in cryptoassets. *Legal Studies*. 2023,43(3):480—498. DOI: 10.1017/lst.2022.53.
2. Walters R., Zeller B., Atherton M. Crypto-Assets and Property Law: Emerging Challenges in International Trade and Investment. *American Journal of Science, Engineering and Technology*. 2025,10(4):185—195. DOI: 10.11648/j.ajset.20251004.13.
3. Low K. F. K. Bitcoins as property: Welcome clarity?. *Law Quarterly Review*. 2020,136(3):345—350.
4. Khatavkar P. M. Digital Assets And Proprietary Rights: A Cross-Border Study Of Cryptocurrency As Property In Comparative Jurisprudence. *Indian Journal of Law and Legal Research*. 2026,8(1):3533—3546.
5. Alcolea L. C., Mihal J. The tiptoe to crypto: An analysis and account of property in cryptocurrency. *Common Law World Review*. 2025,54(1):43—69. DOI: 10.1177/14737795241287556.
6. Otabor-Olubor I. Property Rights, Money and the Future of Cryptocurrency. *International Journal of Digital Law and Governance*. 2025,2(2):253—287. DOI: 10.1515/ijdlg-2025-0011.
7. Yuan B. Cryptocurrencies Are Objects Of Property Rights. *Law and Economy*. 2023,2(4):1—8. DOI: 10.56397/le.2023.04.01.
8. Rosenswig R. M. Ancient Tally Sticks Explain the Nature of Modern Government Money. *Journal of Economic Issues*. 2025,59(3):663—685. DOI: 10.1080/00213624.2025.2533734.
9. Bassan F., Rabitti M. From smart legal contracts to contracts on blockchain: An empirical investigation. *Computer Law & Security Review*. 2024,55:106035. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106035.
10. Garay J., Kiayias A., Leonardos N. The Bitcoin Backbone Protocol: Analysis and Applications. *Journal of the ACM*. 2024,71(4):25. DOI: 10.1145/3653445.
11. Sarwar M. I., Maghrabi L. A., Khan I. et al. Blockchain: A Crypto-Intensive Technology—A Comprehensive Review. *IEEE Access*. 2023,11:141926—141955. DOI: 10.1109/ACCESS.2023.3342079.
12. De Filippi P., Loveluck B. The invisible politics of Bitcoin: Governance crisis of a decentralised infrastructure. *Internet Policy Review*. 2016,5(3):1—28. DOI: 10.14763/2016.3.427.
13. Zhu W. Introduction and analysis of bitcoin-based blockchain technology principle. *Applied and Computational Engineering*. 2023,14:31—38. DOI: 10.54254/2755-2721/14/20230755.
14. Cong L. W., He Z. Blockchain Disruption and Smart Contracts. *The Review of Financial Studies*. 2019,32(5):1754—1797. DOI: 10.1093/rfs/hhz007.
15. Borowicz M. K. Contracts as regulation: the ISDA Master Agreement. *Capital Markets Law Journal*. 2020,16(1):72—94. DOI: 10.1093/cmlj/kmaa026.
16. Acquarone L. The Indian Contract Act — background and case law. *Pravovedenie*. 2024,68(1):26—35. DOI: 10.21638/spbu25.2024.102.

Статья поступила в редакцию 19.07.2026, одобрена после рецензирования 15.08.2026, принята к публикации 17.08.2026.
The article was submitted 19.07.2026, approved after reviewing 15.08.2026, accepted for publication 17.08.2026.

5.8. ПЕДАГОГИКА

5.8. PEDAGOGY

Научная статья

УДК 378.1

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1670

Evgeny Evgenievich Anikeenko

Instructor of the Department of Aviation Control Theory and Methodology,
Branch of the Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin Military Air Academy in Chelyabinsk;
Applicant of the Department of Training of Teachers of Professional Education and Subject Methods, field of training
5.8.7 — Methodology and technology of vocational education,
South Ural State Humanitarian and Pedagogical University
Chelyabinsk, Russian Federation
wenty7@yandex.ru

Artyom Evgenievich Bulgakov

Instructor of the Department of Aviation Control Theory and Methodology,
Branch of the Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin Military Air Academy in Chelyabinsk;
Applicant of the Department of Training of Teachers of Professional Education and Subject Methods, field of training
5.8.7 — Methodology and technology of vocational education,
South Ural State Humanitarian and Pedagogical University
Chelyabinsk, Russian Federation
sherlocktomm@gmail.com

Natalya Yuryevna Korneeva

Doctor of Pedagogy, Associate Professor,
Head of the Department of Professional Education Teacher Training and Subject Methods,
South Ural State Humanitarian and Pedagogical University
Chelyabinsk, Russian Federation
korneevanyu@cspu.ru

Евгений Евгеньевич Аникеенко

инструктор кафедры теории и методики управления авиацией,
Филиал Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина в г. Челябинске;
соискатель кафедры подготовки педагогов профессионального обучения и предметных методик, направление подготовки
5.8.7 — Методология и технология профессионального образования,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
Челябинск, Российская Федерация
wenty7@yandex.ru

Артём Евгеньевич Булгаков

инструктор кафедры теории и методики управления авиацией,
Филиал Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина в г. Челябинске;
соискатель кафедры подготовки педагогов профессионального обучения и предметных методик, направление подготовки
5.8.7 — Методология и технология профессионального образования,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
Челябинск, Российская Федерация
sherlocktomm@gmail.com

Наталья Юрьевна Корнеева

д-р пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой подготовки педагогов профессионального обучения и предметных методик,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
Челябинск, Российская Федерация
korneevanyu@cspu.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье представлен историко-педагогический анализ проблемы педагогического сопровождения формирования профессиональных качеств курсантов военных вузов с использованием инновационных технологий. Цель работы — выявить степень разработанности проблемы и проследить логику ее становления в отечественной и зарубежной педагогике. Методологическую основу составляют историко-логический, ретроспективный

и сравнительно-сопоставительный методы, а также контент-анализ научных источников. Проблема рассматривается не как частный сюжет истории педагогики, а как самостоятельная триединая проблема, объединяющая три относительно независимые исследовательские линии: педагогическое сопровождение, формирование профессиональных (военно-профессиональных) качеств курсантов и инновационные образовательные технологии. Основанием

авторской периодизации избран характер ведущей педагогической парадигмы взаимодействия с обучающимися и степень разработанности проблемы применительно к военной школе. На этом основании выделены предыстория проблемы и три этапа ее изучения, отражающие последовательную смену парадигм «педагогическое воздействие — поддержка и сопровождение — цифровое сопровождение». Особое внимание уделено третьему, современному этапу, на котором сопровождение соединяется с инновационными образовательными технологиями, а формирование профессионально важных качеств курсанта связывается с цифровой образовательной средой. Установлено, что каждая из трех линий обладает самостоятельной традицией изучения, однако на их пересечении проблема разработана фрагментарно, а ее понятийный

аппарат остается нестандартизированным. Выявлено противоречие между уставной регламентацией военного вуза и субъект-субъектной природой сопровождения. Сделан вывод об отсутствии целостной теоретико-методической основы сопровождения, опирающегося на инновационные образовательные технологии; полученные результаты могут быть использованы при проектировании модели такого сопровождения в военном вузе.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение, формирование профессиональных качеств, курсанты военных вузов, военное образование, инновационные образовательные технологии, историко-педагогический анализ, периодизация, профессионально важные качества, военно-профессиональные качества, цифровизация образования, субъект-субъектное взаимодействие

Для цитирования: Аникеенко Е. Е., Булгаков А. Е., Корнеева Н. Ю. Исторический анализ проблемы педагогического сопровождения формирования профессиональных качеств курсантов военных вузов с использованием инновационных технологий // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 227—231. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1670.

Original article

HISTORICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE FORMATION OF PROFESSIONAL QUALITIES IN MILITARY UNIVERSITY CADETS USING INNOVATIVE TECHNOLOGIES

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article presents a historical and pedagogical analysis of the problem of pedagogical support for the formation of professional qualities in military university cadets using innovative technologies. The aim is to reveal the degree to which the problem has been studied and to trace the logic of its development in Russian and foreign pedagogy. The methodological basis includes historical-logical, retrospective and comparative methods, as well as content analysis of scholarly sources. The problem is considered not as a particular episode in the history of pedagogy, but as an independent three-component problem combining three relatively autonomous research lines: pedagogical support, the formation of professional (military-professional) qualities in cadets, and innovative educational technologies. The basis of the author's periodization is the character of the leading pedagogical paradigm of interaction with the learner and the degree of elaboration of the problem in the military school. On this basis, the prehistory of the problem and three stages of its study are identified, reflecting the change of paradigms: pedagogical influence — support

and accompaniment — digital support. Special attention is paid to the third, contemporary stage, at which support is combined with innovative educational technologies and the formation of cadets' professionally important qualities is linked to the digital educational environment. It is established that each of the three lines has its own research tradition, but at their intersection the problem is studied only fragmentarily, and its conceptual apparatus remains non-standardized. A contradiction is revealed between the regulatory order of the military university and the subject-subject nature of support. It is concluded that there is no integral theoretical and methodological basis for support relying on innovative educational technologies; the results may be used in designing a model of such support.

Keywords: pedagogical support, formation of professional qualities, military university cadets, military education, innovative educational technologies, historical and pedagogical analysis, periodization, professionally important qualities, military-professional qualities, digitalization of education, subject-subject interaction

For citation: Anikeenko E. E., Bulgakov A. E., Korneeva N. Yu. Historical analysis of the problem of pedagogical support for the formation of professional qualities in military university cadets using innovative technologies. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):227—231. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1670.

Введение

Современный этап развития военного образования характеризуется одновременным действием двух тенденций: усложнением требований к личности и профессиональным качествам офицера и стремительной цифровизацией образовательной среды. В этих условиях возрастает роль педагогического сопровождения курсанта, способного сочетать уставную регламентацию военного вуза с поддержкой его субъектного профессионального становления.

Изученность проблемы. Различные аспекты проблемы получили освещение в науке. Историко-педагогические основания военного образования рассмотрены А. Н. Гре-

бёнкиным [1]. Теория педагогической поддержки и сопровождения обоснована О. С. Газманом [2]; применительно к высшей военной школе сопровождение профессионального становления курсантов исследовано С. В. Демочкиным [3] и А. П. Андрусенко [4], а педагогическое сопровождение и наставничество воспитанников военно-учебных заведений на начальном этапе обучения — М. Р. Илакавичус и Е. Ю. Ивановым [5]. Формирование профессионально важных и профессионально значимых качеств курсантов раскрыто А. Ю. и Е. И. Дмитренко [6], О. А. Губановой, Д. Е. Завьяловым и И. А. Зелинской [7]; формирование профессиональных компетенций будущих офицеров — А. В. Степановым

и А. И. Алексеевым [8], а вопросы профессиональной подготовки военных авиационных специалистов рассмотрены М. А. Мусаевой [9]. Теоретические основы образовательных технологий заложены В. П. Беспалько [10]; современные методы и контекстный подход в обучении курсантов военных вузов рассмотрены М. Н. Коркоценко [11], вопросы информатизации подготовки в образовательных организациях силовых ведомств — Т. Б. Васильевой и В. А. Шершневой [12]. Цифровое развитие сопровождения и инновационные технологии в подготовке курсантов представлены А. В. Обрезковым [13] и М. А. Пятибратом [14], а общие тенденции цифровизации образования — Н. В. Плаксиной и М. В. Овчинниковой [15]. Анализ показывает, что каждое из направлений разрабатывается преимущественно обособленно, а работы, рассматривающие сопровождение, формирование профессиональных качеств и инновационные технологии как единый предмет, единичны.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между объективной потребностью военного вуза в целостном педагогическом сопровождении формирования профессиональных качеств курсанта средствами инновационных технологий и недостаточной разработанностью этой проблемы на пересечении трех названных линий, а также неунифицированностью ее понятийного аппарата.

Целесообразность разработки темы определяется тем, что упорядочение историографии и обоснованная периодизация изучения проблемы создают теоретическую базу для последующего проектирования модели педагогического сопровождения и выявления педагогических условий ее эффективного функционирования в военном вузе.

Научная новизна состоит в том, что историография проблемы впервые выстроена не вокруг истории отдельной педагогической дисциплины, а вокруг самой триединой проблемы, на основе авторского основания периодизации — смены ведущих педагогических парадигм во взаимодействии с обучающимся.

Цель статьи — провести историко-педагогический анализ проблемы и определить степень ее разработанности.

Задачи исследования:

- обосновать основание периодизации;
- выделить этапы изучения проблемы и проследить их по трем линиям;
- выявить нерешенные вопросы.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации историографии проблемы и обосновании ее периодизации; **практическая** — в возможности использования результатов при проектировании модели педагогического сопровождения формирования профессиональных качеств курсантов и при разработке учебно-методического обеспечения военного вуза.

Основная часть

Методология исследования. Исследование носит теоретический характер и опирается на комплекс методов: историко-логический, ретроспективный и сравнительно-сопоставительный анализ, метод периодизации, а также контент-анализ научных источников. Основанием периодизации избран характер ведущей педагогической парадигмы взаимодействия с обучающимся и степень разработанности проблемы применительно к военной школе. Анализ на каждом этапе проводится по трем линиям — педагогическое сопровождение, формирование профессиональных (военно-профессиональных) качеств курсантов

и инновационные образовательные технологии, что позволяет проследить как самостоятельное развитие каждой линии, так и динамику их сближения. Источниковую базу составили научные статьи и монографии по теории педагогической поддержки и сопровождения, военной педагогике, теории образовательных технологий, а также современные публикации о цифровизации военного образования и формировании профессиональных качеств курсантов. Отбор источников проводился по принципу их репрезентативности для каждой из трех линий и каждого из выделенных этапов, что позволяет оценить степень разработанности проблемы не только в хронологической последовательности, но и на пересечении трех линий.

Результаты исследования

Предыстория проблемы (XVIII — конец XIX в.).

На данном этапе проблема еще не оформлена — складываются лишь ее предпосылки. Первые военно-учебные заведения возникают в России в Петровскую эпоху, однако планомерная учебно-воспитательная работа законодательно закрепляется лишь при Николае I; первые полтора века отечественной военной школы характеризуются преимущественно эмпирическим поиском путей построения учебной и воспитательной работы [1]. Идеиные предпосылки формируются в двух направлениях: в общей педагогике утверждается представление о роли социальной среды и народности в воспитании личности (К. Д. Ушинский), а в военной школе вызывает идея особых нравственных и волевых требований к офицеру: значительный вклад в ее обоснование внес М. И. Драгомиров, подчеркивавший приоритет «нравственного элемента» в обучении и воспитании войск. Технологическое измерение подготовки на этом этапе отсутствует.

Первый этап (конец XIX в. — 1980-е гг.). Содержанием этапа становится теоретическое оформление идеи поддержки в общей педагогике и превращение профессиональных качеств военнослужащего в предмет научного изучения; ведущей остается парадигма педагогического воздействия. По линии поддержки идея социальной обусловленности воспитания развивается в трудах педагогов рубежа XIX и XX вв. (П. Наторп, Дж. Дьюи) и в концепциях воспитательного коллектива; принцип А. С. Макаренко о сочетании требовательности и уважения предвосхищает идею субъект-субъектного взаимодействия, а движение «педагогика сотрудничества» противопоставляет авторитарности сотрудничеству. По линии профессиональных качеств в военной педагогике складывается понятие военно-профессиональных качеств офицера, получающее развитие в современных исследованиях [6]. По линии технологий оформляется само понятие педагогической технологии как воспроизводимой, диагностично заданной системы методов и средств [10]. Однако вплоть до 1980-х гг. сопровождение как субъект-субъектный процесс не сформулировано, а три линии развиваются изолированно.

Второй этап (1990-е гг. — 2010 г.). Происходит смена парадигмы — от директивного воздействия к поддержке и сопровождению субъектного развития личности; маркером сдвига служит оформление концепции педагогической поддержки О. С. Газманом [2]. С конца 1990-х гг. сопровождение переносится в военную школу: обостряется противоречие между авторитарной военной педагогикой и гуманистической парадигмой, принесенной из гражданского образования; первокурсники, воспитанные в личностно-ориентированной школе, сталкиваются со средой жесткой иерархии и регламентации. С. В. Демочкин определяет социально-педагогическое сопровождение профессионального становления

курсантов как оказание помощи и поддержки в достижении цели профессионального становления и определении индивидуальной траектории развития в условиях взаимодействия профессорско-преподавательского, командного состава курсанта [3]. Близкая проблематика разрабатывается применительно к воспитанникам суворовских военных училищ [5]. В современной трактовке сопровождение понимается как особый вид субъект-субъектного взаимодействия, в котором курсант становится полноценным субъектом своего профессионального становления [4]. Линия технологий на этом этапе остается преимущественно доцифровой.

Третий этап (2010 г. — настоящее время): цифровизация и инновационные образовательные технологии. Содержанием этапа становится соединение трех ранее обособленных линий: сопровождение начинает опираться на инновационные, прежде всего цифровые, образовательные технологии, а его целью всё определеннее выступает формирование профессиональных (военно-профессиональных) качеств курсанта. Внешними факторами выступают цифровая трансформация образования, формирование электронной информационно-образовательной среды военных вузов, распространение смешанных форматов и приход «цифрового поколения» обучающихся [15].

По линии сопровождения А. В. Обрезков [13] сохраняет ключевые принципы доцифрового сопровождения — наставничество, субъектность, опору на индивидуальную траекторию, — но дополняет их цифровыми ресурсами, активизирующими профессионально-познавательную деятельность курсанта; сопровождение становится гибридным, в котором цифровое наставничество дополняет непосредственное взаимодействие преподавателей, командиров и офицеров-воспитателей с курсантом. По линии технологий складывается арсенал средств — тренажеры и симуляторы, системы виртуальной и дополненной реальности, интеллектуальные обучающие системы, контекстные и проектные методики [11], информатизация подготовки в образовательных организациях силовых ведомств [12]. М. А. Пятибрат [14] показывает, что технологии виртуальной реальности позволяют воспроизводимо моделировать профессиональную, в т. ч. боевую и нештатную, деятельность в безопасных условиях, недоступную для отработки на полигоне, и менять характер учебной деятельности: курсант становится активным субъектом, принимающим решения в моделируемой обстановке.

По линии формирования профессиональных качеств современные исследования связывают ее с цифровой образовательной средой. А. Ю. и Е. И. Дмитренко [6] подчеркивают целостный характер структуры профессионально важных качеств курсанта и их зависимость от специально организованных условий; О. А. Губанова с соавторами [7], А. В. Степанов и А. И. Алексеев [8] и М. А. Мусаева [9] показывают, что различные группы качеств и компетенций формируются разными средствами: операционально-

деятельностные — на тренажерах и в симуляторах; эмоционально-волевые и психологическая устойчивость — в моделируемых стрессовых ситуациях; когнитивные и скорость принятия решений — в интерактивных средах; командно-организаторские — в групповых цифровых форматах. Тем самым инновационные технологии выступают не самоцелью, а средством формирования военно-профессиональных качеств курсанта.

Вместе с тем перенос сопровождения в цифровую среду по-новому обостряет ключевое для военного вуза противоречие — между уставной регламентацией и единоначалием и субъект-субъектной природой сопровождения: цифровые инструменты одновременно расширяют пространство самостоятельности курсанта и усиливают возможности контроля. Фиксируются и ограничения цифровизации: ослабление живого воспитательного контакта, вопросы информационной безопасности и методической готовности преподавателей, риск формального переноса очных методик. Это означает, что инновационные технологии дают эффект лишь при встраивании в целостную систему сопровождения, подчиненную задаче формирования профессионально значимых качеств. Несмотря на накопленный опыт, целостной модели, объединяющей все три линии, к настоящему времени не создано.

Заключение

Историко-педагогический анализ показывает, что проблема прошла путь от эмпирических предпосылок через оформление идей поддержки и сопровождения и их перенос в военную школу к попыткам соединить сопровождение с инновационными образовательными технологиями. Каждая из трех линий обладает самостоятельной традицией изучения, однако на их пересечении проблема разработана фрагментарно, а понятийный аппарат остается нестандартизированным: как близкие используются термины «поддержка», «сопровождение», «содействие»; «профессионально важные», «профессионально значимые» и «военно-профессиональные качества»; «образовательная технология» и «инновация». Наиболее динамично развивается третий, современный этап, на котором три линии начинают сближаться, однако это сближение пока не привело к созданию целостной модели. Сопровождение задает целевую и процессуальную рамку, формирование профессиональных качеств определяет содержание и результат, а инновационные технологии выступают средством; их объединение предполагает согласование понятийного аппарата и разрешение противоречия между регламентацией и субъектностью. Полученные результаты обосновывают необходимость разработки целостной модели педагогического сопровождения формирования профессиональных качеств курсантов средствами инновационных образовательных технологий и могут быть использованы при ее проектировании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гребёнкин А. Н. Традиции организации учебно-воспитательной работы в военно-учебных заведениях Российской империи в 1701—1855 гг. // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 3. С. 210—218. DOI: 10.12737/11695.
2. Газман О. С. Нужна ли программа воспитания демократической школе? // Вопросы образования. 2013. № 2. С. 7—14. DOI: 10.17323/1814-9545-2013-2-7-14.
3. Демочкин С. В. Социально-педагогическое сопровождение профессионального становления курсантов высших военных учебных заведений // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 1(58). С. 87—90.
4. Андрусенко А. П. Педагогическое сопровождение курсанта в высшем военном учебном заведении // Научный аспект. 2023. № 12. Т. 18. С. 2253—2257.

5. Илакавичус М. Р., Иванов Е. Ю. Педагогическое сопровождение социализации воспитанников Суворовских военных училищ МВД России на начальном этапе обучения на основе гуманитарно-антропологического подхода // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1(95). С. 156—162.
6. Дмитренко А. Ю., Дмитренко Е. И Особенности формирования личностных профессионально важных качеств у курсантов в образовательном пространстве авиационного вуза // Журнал педагогических исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 72—78.
7. Губанова О. А., Завьялов Д. Е., Зелинская И. А. Формирование профессионально значимых качеств курсантов вузов МЧС России // Педагогическое образование. 2023. Т. 4. № 8. С. 106—111.
8. Степанов А. В., Алексеев А. И. Формирование профессиональных компетенций у курсантов в образовательном пространстве авиационного вуза // Журнал педагогических исследований. 2020. Т. 5. № 2. С. 70—75.
9. Мусаева М. А. Актуальные вопросы подготовки авиационно-технического персонала // Педагогическое образование. 2023. Т. 4. № 8. С. 118—123.
10. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М. : Педагогика, 1989. 192 с.
11. Коркоценко М. Н. Современные концепты контекстного подхода в обучении курсантов военных вузов // Педагогическое образование. 2023. Т. 4. № 8. С. 26—30.
12. Васильева Т. Б., Шершнева В. А. Об обучении информатике и информационным технологиям в образовательных организациях МВД России // Педагогическое образование. 2023. Т. 4. № 8. С. 139—143.
13. Обрезков А. В. Педагогические условия эффективного функционирования модели педагогического сопровождения профессионального становления курсантов военных вузов // ЦИТИСЭ. 2022. № 1. С. 426—439. DOI: 10.15350/2409-7616.2022.1.37.
14. Пятибрат М. А. Применение виртуальной реальности в учебном процессе военных учебных центров // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98. Ч. 2. С. 16—20. DOI: 10.18411/trnio-06-2023-64.
15. Плаксина Н. В., Овчинникова М. В. Актуальные тренды цифровизации образования в мире // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 1(69). С. 181—188.

REFERENCES

1. Grebenkin A. Traditions of organization of educational and upbringing work in military schools of Russian Empire in 1701-1855. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2015;10(3):210—218. (In Russ.) DOI: 10.12737/11695.
2. Gazman O. Does a Democratic School Need Any Education Program?. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2013;2:7—14. (In Russ.) DOI: 10.17323/1814-9545-2013-2-7-14.
3. Diomochkin S. V. Social-pedagogical support of professional formation of cadets of higher military educational institutions. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2009;1(58):87—91. (In Russ.)
4. Andrusenko A. P. Pedagogical support of a cadet in a higher military educational institution. *Nauchnyi aspekt*. 2023;12-18:2253—2257. (In Russ.)
5. Ilakavichus M.R., Ivanov E.Yu. Pedagogical support of the socialization of students of the Suvorov Military Schools of the MIA of Russia at the initial stage of training on the basis of the humanitarian and anthropological approach. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;1(95):156—162. (In Russ.)
6. Dmitrenko A., Dmitrenko E. Features of the formation of personal professionally important qualities of cadets in the educational space of an aviation university. *Zhurnal pedagogicheskikh issledovaniy = Journal of Pedagogic Research*. 2022;7(1):72—78. (In Russ.)
7. Gubanova O. A., Zavyalov D. E., Zelinskaya I. A. Formation of professionally significant qualities of cadets of higher education institutions of EMERCOM of Russia. *Pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogical Education*. 2023;4(8):106—111. (In Russ.)
8. Stepanov A., Alekseev A. Formation of professional competences at cursors in the educational space of the aviation university. *Zhurnal pedagogicheskikh issledovaniy = Journal of Pedagogic Research*. 2020;5(2):70—75. (In Russ.)
9. Musaeva M. A. Current issues of aviation technical personnel training. *Pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogical Education*. 2023;4(8):118—123. (In Russ.)
10. Bepal'ko V. P. Components of pedagogical technology. Moscow, Pedagogika, 1989. 192 p. (In Russ.)
11. Korkotsenko M. N. Modern concepts of the context approach in training cadets of military higher education institutions. *Pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogical Education*. 2023;4(8):26—30. (In Russ.)
12. Vasilyeva T.B., Shershneva V.A. About teaching computer science and information technologies in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogical Education*. 2023;4(8):139—143. (In Russ.)
13. Obrezkov A. V. Pedagogical conditions for the effective functioning of the model of pedagogical support for the professional development of cadets of military universities. *CITISE*. 2022;1:426—439. (In Russ.) DOI: 10.15350/2409-7616.2022.1.37.
14. Pyatibrat M. A. Application of virtual reality in the educational process of military training centers. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2023;98(2):16—20. (In Russ.) DOI: 10.18411/trnio-06-2023-64
15. Plaksina N. V., Ovchinnikova M. V. Global trends of digital transformation in education. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University*. 2024;1(69):181—188. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.
The article was submitted 19.05.2026; approved after reviewing 10.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Научная статья

УДК 37.012.7

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1712

Rosa Zakirovna Bogoudinova

Doctor of Pedagogy, Professor,
Professor of the Department of Socio-Cultural Activities
and Pedagogy,
Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russian Federation
rozabog@bk.ru

Роза Закировна Богоудинова

д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры социально-культурной деятельности
и педагогики,
Казанский государственный институт культуры
Казань, Российская Федерация
rozabog@bk.ru

Yulia Viktorovna Maslova

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of National History
and Archival Science
of the Institute of International Relations,
History and Oriental Studies,
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
maslova_yv@mail.ru

Юлия Викторовна Маслова

канд. пед. наук,
доцент кафедры отечественной истории
и архивоведения
Института международных отношений,
истории и востоковедения,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
maslova_yv@mail.ru

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ: МНОГОУРОВНЕВАЯ АРХИТЕКТУРА ПРЕДИКТИВНОЙ АНАЛИТИКИ КОГНИТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Возрастающие темпы повсеместной цифровой трансформации, в т. ч. сферы образования, рефлекторно всё менее способны учитывать динамично увеличивающееся многообразие когнитивных стилей, устойчивые индивидуальные способы усвоения материала, мотивацию обучающихся и т. п. Преимущество персонализированной траектории образования дает возможность учитывать разные вариации набора характеристик, знаний, потенциала студентов и адаптировать темп и уровень образовательного материала под индивидуальные способности.

В статье представлена авторская модель персонализированной образовательной траектории с логично выстроенной многоуровневой архитектурой предиктивной аналитики, состоящей из шести взаимосвязанных модулей. Методы машинного обучения, включая кластеризацию и регрессионный анализ, позволяют на основе личных данных обучающихся прогнозировать успешность освоения материала и автоматически корректировать последовательность учебных модулей, а алгоритмы рекомендательных систем могут подбирать дополнительные упражнения для студентов, испытывающих трудности, или ускорять темпы для продвинутых учащихся. Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения прямо предписывают возможность построения индивидуальных учебных планов с использованием электронных ресурсов. Исследование содержит экспериментальную проверку модели на базах образовательных разнопрофильных организаций.

Научная новизна исследования состоит в преодолении фрагментарности алгоритмических решений, характерной для существующих разработок, за счет их интеграции в единый технологический контур, а также в получении сопоставимых эмпирических данных о результативности модели. Обозначены риски масштабирования предиктивной аналитики в образовательной практике и перспективные направления дальнейшей разработки темы.

В заключение изложены полученные результаты, на основе которых делается вывод об эффективности внедрения персонализированной траектории образования и предиктивной аналитики, в частности констатируется, что разработка и реализация модели на основе совокупности шести предложенных модулей дает синергетический эффект, т. е. возможность максимально учитывать особенности работы обучающегося с учебным материалом и степень его усвоения, и, как следствие, позволяет повысить статистически значимый рост успеваемости, сформированность профессиональных компетенций и учебной мотивации студентов, построить индивидуальную траекторию обучения.

Ключевые слова: персонализированная образовательная траектория, предиктивная аналитика, когнитивные особенности обучающихся, кластеризация обучающихся, классификация образовательного контента, рекомендательные системы, адаптивное обучение, цифровая образовательная среда, компетентностный подход, высшее образование

Для цитирования: Богоудинова Р. З., Маслова Ю. В. Персонализированная образовательная траектория: многоуровневая архитектура предиктивной аналитики когнитивных особенностей обучающихся // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 232—237. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1712.

Original article

PERSONALIZED EDUCATIONAL TRAJECTORY: A MULTI-LEVEL ARCHITECTURE OF PREDICTIVE ANALYTICS OF STUDENTS' COGNITIVE CHARACTERISTICS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The increasing pace of widespread digital transformation, including in the field of education, is reflexively less able to take into account the dynamically increasing variety of cognitive styles, stable individual ways of learning material, motivation of students, etc. The advantage of a personalized educational trajectory makes it possible to take into account different variations in the set of characteristics, knowledge, potential of students and adapt the pace and level of educational material to individual abilities*

The article presents the author's model of a personalized educational trajectory with a logically constructed multi-level architecture of predictive analytics, consisting of six interconnected modules. Machine learning methods, including clustering and regression analysis, allow students to predict the success of mastering the material based on personal data and automatically adjust the sequence of training modules. And the algorithms of recommendation systems can select additional exercises for students experiencing difficulties, or accelerate the pace for advanced students. The federal state educational standards of the new generation explicitly prescribe the possibility of building individual curricula using electronic resources. The study contains an experimental verification of the model on the bases of educational organizations of various fields.

The scientific novelty of the research consists in overcoming the fragmentation of algorithmic solutions typical of existing developments by integrating them into a single technological circuit, as well as in obtaining comparable empirical data on the effectiveness of the model. The risks of scaling predictive analytics in educational practice and promising areas for further development of the topic are outlined.

In conclusion, the results obtained are presented, on the basis of which it is concluded that the implementation of a personalized educational trajectory and predictive analytics is effective; in particular, it is stated that the development and implementation of a model based on a set of six proposed modules provides a synergetic effect, i.e. the ability to maximize the student's work with educational material and the degree of its assimilation. As a result, it allows for a statistically significant increase in academic performance, the formation of professional competencies and academic motivation of students, and the construction of an individual learning trajectory.

Keywords: *personalized educational trajectory, predictive analytics, students' cognitive characteristics, student clustering, educational content classification, recommendation systems, adaptive learning, digital educational environment, competency-based approach, higher education*

For citation: Bogoudinova R. Z., Maslova Yu. V. Personalized educational trajectory: a multi-level architecture of predictive analytics of students' cognitive characteristics. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):232—237. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1712.

Введение

Предиктивная аналитика решает задачи, связанные с прогнозированием и предсказанием результатов обучения, отвечает на вопрос «Что может случиться?». Для построения прогнозов используются методы математического моделирования, теории игр, интеллектуального анализа данных, машинного обучения и др. Прогностические модели дают полное представление данных, отражают взаимосвязи между различными факторами для дальнейшего анализа и оценки рисков и возможностей. Персонализированная, или индивидуальная, образовательная траектория (далее — ПОТ) формируется на основе: когнитивных характеристик каждого студента, уровне восприятия и скорости усвоения информации, мотивационных аспектов обучающегося и т. п. [1, с. 193].

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании, архитектурной разработке и эмпирической валидации многоуровневой модели ПОТ, интегрирующей алгоритмы предиктивной аналитики когнитивных особенностей обучающихся в единый технологический и педагогический контур управления обучением, а также в сопоставительной оценке ее результативности на материале образовательных организаций различного профиля — федерального университета и профильного института культуры.

Задачи исследования:

– систематизация научных представлений о персонализации образования и предиктивной аналитики;

– разработка концептуальной многоуровневой архитектуры ПОТ;

– проведение экспериментальной апробации модели в организациях высшего образования различного профиля;

– выявление ограничений и рисков применения предиктивной аналитики в образовательной практике.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами:

– гетерогенностью обучающегося контингента, которая включает разницу в базовом уровне подготовки, мотивации, цифровых навыках, личностных характеристик и т. д. [2, с. 73];

– развитием систем управления обучением и аналитических платформ, способных фиксировать детальные данные о взаимодействии пользователя с контентом: время выполнения заданий, количество попыток, частоту обращений к справочным материалам и т. д. [3, с. 40].

– конкретными требованиями к цифровым образовательным платформам, которые нормативный аспект включает наравне с общими принципами адаптивности.

Изученность проблемы. В. А. Петровский одним из первых охарактеризовал понятие «персонализация» как «...процесс, в котором личность транслирует другим свою индивидуальность...» [4, с. 42]. Впоследствии Н. Ю. Шапошникова уже рассматривает «...индивидуальную образовательную траекторию как итоговый результат

педагогического сопровождения, формируя умозрительные рамки для последующих алгоритмических моделей персонализации...» [5, с. 245].

В. С. Третьякова и А. Е. Кайгородова акцентируют внимание на условиях неизбежности активизации формирования ПОТ и отмечают как эволюционные изменения, которые определяются развитием экономики, политики, науки, технологий, системы образования, состоянием рынка труда и др., так и события 2020 года принесшие в систему образования неожиданный эксперимент, когда происходит незамедлительный переход к новым форматам обучения, разрушение привычной модели коммуникации со студентами [6, с. 11].

Применению методов искусственного интеллекта для диагностики когнитивных характеристик и прогноза успеваемости посвящены работы Д. Ю. Маляшкевич и А. Н. Никончук [7, с. 185], Ю. К. Щелоковой [8, с. 120], И. Х. Аджай и Е. Ю. Авксентьевой [9, с. 83], обосновывающие переход от унифицированной модели обучения к парадигме «точного образования». Формализации знаний посвящено исследование Е. Ю. Благова, И. А. Лещевой и С. А. Щербана [10, с. 30], предлагающих онтологический подход к автоматизации построения учебного маршрута. Инструментальные решения представлены в работе Н. В. Комлевой и Д. А. Вилиявина [11, с. 68] на примере платформы «Цифровой тьютор».

Проблематику и анализ прогнозирования успешности обучения обозначают многие исследователи: Т. А. Кустицкая, М. В. Носков, Ю. В. Вайнштейн [12, с. 71], В. И. Токтарова, Ю. А. Пашкова [13, с. 98], Д. С. Рябенко [14, с. 455], — в частности, раскрывая возможные сложности создания сервисов прогнозирования успешности обучения в цифровой среде, а также проблемные вопросы связанные с унификацией образовательных данных, отсутствием политики использования личных данных в учебной аналитике, недостаточной проработанностью механизмов обратной связи и мероприятий коррекции поведения обучающихся.

Вместе с тем в отечественной литературе практически отсутствуют работы, интегрирующие данные компоненты в единую архитектуру и представляющие результаты ее эмпирической апробации на материале конкретных образовательных организаций. Именно этот верификационный дефицит объединяющих диагностический, аналитический и адаптационный контуры в целостную модель и подтверждающих ее результативность на материале нескольких образовательных организаций, определяет проблемное поле настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы обусловлена существенным пробелом в области создания и валидации комплексных алгоритмических архитектур, способных в реальном образовательном процессе обеспечить персонализацию на основе предиктивной аналитики. Дополнительно ощущается дефицит эмпирически апробированных моделей персонализации, адаптированных к условиям российских вузов гуманитарного и социокультурного профиля [15, с. 140]. Разработка интегрированной многоуровневой модели, объединяющей диагностический, аналитический и адаптационный контуры, а также ее проверка в реальном образовательном процессе позволяют преодолеть указанные ограничения и создать воспроизводимый инструмент, применимый за пределами узкого круга технических специальностей, для которых подобные решения апробировались ранее.

Научная новизна исследования заключается в формировании шестикомпонентной архитектуры ПОТ, объединяющей модули сбора данных, кластеризации обучающихся, классификации контента, формирования рекомендаций, адаптации и оценки в единый технологический контур. Авторами получены и сопоставлены эмпирические данные апробации модели в организациях различного профиля — Институте международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (далее — К(П)ФУ) и Казанском государственном институте культуры (далее — КазГИК), что позволяет говорить о переносимости модели за пределы отдельной образовательной организации.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в углублении представления о результативности использования предиктивной аналитики в организации образовательного процесса, т. к. теоретически обоснованные модули внедрения ПОТ в высших учебных заведениях позволяют алгоритмизировать, структурировать и конкретизировать современные интеграционные процессы образовательной деятельности.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы при разработке локальных нормативных актов, регламентирующих порядок формирования индивидуальных учебных планов, при проектировании программ цифровой трансформации образовательной среды, а также при формировании оценочных индикаторов эффективности внедрения адаптивных образовательных технологий в систему внутреннего мониторинга качества образования. Прикладная направленность работы согласуется с приоритетами государственной образовательной политики, закрепленными в Концепции развития образования на период до 2030 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2022 г. № 4081-р), и создает эмпирическую базу для последующей разработки методических рекомендаций по внедрению предиктивной аналитики в образовательную практику вузов различного профиля.

Основная часть

Методологической базой исследования является использование авторами метода междисциплинарного анализа и синтеза научных трудов, обобщения опыта и массовой практики внедрения отдельных элементов предиктивной аналитики в образовательный процесс; метода моделирования при разработке концептуальной структуры ПОТ; экспериментального педагогического метода при апробации модели в разнопрофильных вузах и регрессионный анализ для оценки эффективности предложенной модели.

Методология исследования позволила сформировать шесть алгоритмически взаимосвязанных модулей, последовательно образующих первично полученную информацию об обучающемся в педагогическое решение генерации ПОТ:

1. **Модуль сбора и первичной обработки данных** аккумулирует и нормализует сведения об учебной деятельности обучающегося, поступающие из систем управления обучением, электронных журналов успеваемости, результатов тестирования и диагностических опросников и т. д.

2. **Модуль кластеризации обучающихся** распределяет обучающихся по группам со сходными когнитивными характеристиками и исходным уровнем подготовки на основе алгоритма *k*-средних (*k-means*) и его модификации *x-means*, обеспечивающей автоматическое определение оптимального числа кластеров.

3. **Модуль классификации образовательного контента** упорядочивает учебные материалы по уровню сложности, форме предъявления и предметно-тематической принадлежности с применением наивного байесовского классификатора либо метода опорных векторов.

4. **Рекомендательный модуль** для формирования кластерного профиля обучающегося с генерацией персонализированного набора учебных ресурсов с контентно-ориентированной фильтрацией.

5. **Модуль индивидуализации контента** на основании рекомендательных перечней.

6. **Модуль мониторинга, оценки и обратной связи** позволяет определять степень образовательных результатов обучающегося и при необходимости обеспечить корректировку того или иного параметра для достижения необходимого эффекта.

Результаты исследования. Несмотря на попытки внедрения предиктивной аналитики в образовательный процесс российских вузов, они носят пока преимущественно пилотный характер [14], авторами проведена апробация предложенной модели на базе Института международных отношений, истории и востоковедения К(П)ФУ, реализующего модульную структуру образовательных программ. Институт функционирует как крупный научно-образовательный центр, внедряя модульные структуры в свои образовательные программы и применяя принципы персонализированной траектории обучения для подготовки кадров, способных соответствовать актуальным вызовам глобализации.

Модульная архитектура учебного процесса подразумевает деление образовательной программы на самостоятельные блоки (модули), каждый из которых обладает ясно установленными целями обучения и поддающимися измерению результатами. Это предоставляет возможность оперативно обновлять содержание курсов в соответствии с запросами работодателей, а обучающимся выбирать модули, ориентированные на углубленное изучение интересующих их дисциплин, и формировать персональный учебный маршрут, адаптированный под личные потребности и профессиональные устремления.

Для оценки эффективности предложенной модели ПОТ проведен контролируемый эксперимент с участием студентов, обучающихся по направлению «Документоведение и архивоведение», в котором приняли участие студенты, обучающиеся на III курсе. Они были разделены на две подгруппы: экспериментальная группа обучалась по индивидуализированной траектории, сформированной с использованием разработанной модели ПОТ, в то время как студенты контрольной группы обучались по традиционной программе, предполагающей единую траекторию обучения для всех студентов.

Формирование индивидуализированных траекторий в экспериментальной группе осуществлялось на основе нескольких этапов:

- первичная диагностика когнитивных стилей и уровня подготовки с помощью тестирования с использованием валидизированных методик, для определения доминирующих стилей обучения и входное тестирование для оценки уровня предварительной подготовки по ключевым темам дисциплин «Информационно-поисковые системы в архивах», «Делопроизводство в органах местного самоуправления», «Системы электронного документооборота»;

- кластеризация студентов на подгруппы с использованием алгоритма k -средних (k -means) и учетом баллов по различным шкалам опросников;

- классификация экспертами образовательного контента по следующим атрибутам: сложность, форма представления, тематика и связь с различными предметными аспектами;

- формирование индивидуализированных рекомендаций по выбору образовательного контента, учитывающие доминирующие стили обучения, уровень подготовки, цели обучения и т. д.;

- мониторинг и адаптация траектории успеваемости и активности студентов экспериментальной группы с внесением корректировок в индивидуализированные рекомендации.

Для оценки эффективности модели ПОТ сравнивались результаты обучения студентов экспериментальной и контрольной групп по следующим показателям: средний балл по вышеуказанным дисциплинам; уровень усвоения компетенций (на основе выполнения кейсов и проектных заданий); уровень мотивации к обучению (с использованием валидизированных опросников); удовлетворенность обучением (с использованием анкет).

Результаты исследования показали, что по итогам изучения вышеперечисленных предметов, студенты экспериментальной группы продемонстрировали статистически значимо более высокие результаты по всем оцениваемым показателям. В частности, средний балл по дисциплине в экспериментальной группе на 15 % выше, а уровень усвоения компетенций на 20 % выше, чем в контрольной группе.

Предлагаемая модель ПОТ может быть применена для адаптации образовательных программ в различных предметных областях, тем самым содействуя подготовке высококвалифицированных кадров, востребованных на рынке труда. В поле перспективных исследований будет актуально расширение функционала модели ПОТ, интеграция дополнительных параметров для персонализации (например, типологические особенности личности, профессиональные предпочтения) и валидация модели в различных образовательных институтах и дисциплинах.

В контексте современных образовательных парадигм, ориентированных на индивидуализацию и адаптивность учебных процессов, внедрение модели ПОТ представляет собой стратегический шаг по повышению качества подготовки специалистов также в сфере культуры и искусства. Например, КазГИК выступает одним из пионеров в реализации такой модели, особенно в условиях регионального контекста Татарстана, где культурное многообразие требует гибких подходов к профессиональной подготовке. Модель ПОТ в КазГИК основана на принципах компетентностного подхода и заключается в необходимости перехода от линейных к сетевым моделям обучения. В институте ПОТ реализуется через модульно-компетентностную структуру образовательных программ, где каждый студент формирует индивидуальный маршрут на основе диагностики его интересов, способностей и карьерных предпочтений. Диагностика проводится с использованием цифровой платформы «Персональный образовательный навигатор», которая интегрирует алгоритмы машинного обучения для анализа данных о студенте (результаты вступительных испытаний, опросы мотивации и портфолио достижений).

На основе модели состоящей из вышеуказанных модулей в КазГИК организована экспериментальное внедрение ПОТ студентов обучающихся по профилю «Менеджмент социально-культурной деятельности», в ходе которого выявлено, что мотивация студентов повысилась на 28 %, что подтверждается итоговым тестированием, уровень компетентностей, измеряемый по шкале от 1 до 5, в контрольной группе увеличился с 3,2 до 4,1. В ходе проведения эксперимента зафиксирована и положительная динамика в показателях академической успеваемости. В частности, средний балл обучающихся увеличился на 0,45 пункта, достигнув отметки 4,55 по сравнению с исходным значением 4,1. Одновременно с этим наблюдалось сокращение доли отчисленных студентов с 12 до 10,2 %.

В перспективе предлагается дальнейшая цифровизация платформы «Персональный образовательный навигатор» с интеграцией искусственного интеллекта для предиктивного моделирования траекторий, а также проведение лонгитюдного исследования для оценки долгосрочных эффектов. Внедрение модели соответствует приоритетам федеральной образовательной политики, изложенным в Концепции развития образования до 2030 г.

Ограничения и риски внедрения предиктивной аналитики. Внедрение ПОТ, основанных на предиктивной аналитике, обладает значительным потенциалом для оптимизации образовательного процесса, однако, сопряжено с рядом вопросов и ограничений, требующих детального анализа, а именно:

- качество и доступность исходных данных при необходимости соблюдения требований законодательства о защите персональных данных;

- риск алгоритмической дискриминации по признакам, не связанным с академической успеваемостью;

- дефицит специалистов, владеющих одновременно компетенциями в области машинного обучения и педагогики;

- сопротивление части преподавательского состава внедрению автоматизированных систем анализа данных [15, с. 137].

Также вероятно формирование у преподавателей предвзятого отношения к обучающимся на основании прогностических оценок модели, что способно существенно снижать их учебную мотивацию.

Заключение

Применение персонализированных образовательных траекторий, основанных на алгоритмах предиктивной аналитики, открывает значительные перспективы для совершенствования образовательной системы и повышения результативности обучения. Однако реализация данного подхода сопряжена с необходимостью учета ряда объективных ограничений и потенциальных рисков. Необходима разработка интегрированных стратегий, включающих меры по совершенствованию качества исходных данных, обеспечению этической обоснованности и прозрачности алгоритмов, подготовке квалифицированных специалистов, а также преодолению потенциального сопротивления нововведениям. Только в этом случае, потенциал предиктивной аналитики будет реализован в полной мере, что позволит внести значимый вклад в прогресс системы образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахметвалиева М. Г., Велюнская Н. Г. Проектирование индивидуальной образовательной траектории интегрированной модели адаптации и мотивации к обучению у студентов // Современные наукоемкие технологии. 2025. № 9. С. 191—197. DOI: 10.17513/snt.40506.
2. Аббасова Х. Р. Мониторинг как инструмент предиктивной аналитики в образовании // Исследования молодых ученых : материалы LXXVIII Междунар. науч. конф. Казань : Молодой ученый, 2024. С. 72—77.
3. Вайнштейн Ю. В., Носков М. В., Сомова М. В. Применение учебной аналитики для успешного обучения студентов // Новые образовательные стратегии в открытом цифровом пространстве : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Астерион, 2024. С. 36—41.
4. Петровский В. А. Семь пространств существования личности: формальные модели состоятельности // Мир психологии. 2009. № 1. С. 41—49.
5. Шапошникова Н. Ю. Индивидуальные образовательные траектории в вузах России и Великобритании (теоретические аспекты) // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 1. С. 243—248.
6. Третьякова В. С., Кайгородова А. Е. Новый образовательный формат профессионального становления: персонализированная образовательная траектория обучающегося // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2021. Т. 13. № 1. С. 10—21. DOI: 10.7442/2071-9620-2021-13-1-10-21.
7. Машлякевич Д. Ю., Никончук А. Н. Развитие искусственного интеллекта и его взаимодействие с человеком // Цифровая трансформация профессионального образования: актуальные вызовы и перспективы : тр. Междунар. студенч. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию системы проф.-техн. образования в России. М. : Моск. финанс.-юрид. ун-т (МФЮА), 2026. С. 183—186.
8. Щелокова Ю. К. Использование больших данных для анализа и оптимизации образовательного процесса в высших учебных заведениях // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14. № 2-1. С. 114—122. DOI: 10.25726/w5010-9600-8416-x.
9. Аджай И. Х., Авксентьева Е. Ю. Методы прогнозирования когнитивной нагрузки обучающихся в средах электронного обучения с использованием данных отслеживания взгляда // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2025. № 1. С. 81—91.
10. Благов Е. Ю., Лещева И. А., Щербан С. А. Онтологический подход в практике образовательной деятельности: формирование траекторий индивидуального профессионального развития студентов // Открытое образование. 2018. Т. 22. № 5. С. 26—39. DOI: 10.21686/1818-4243-2018-5-26-39.
11. Комлева Н. В., Вилявин Д. А. Цифровая платформа для создания персонализированных адаптивных онлайн курсов // Открытое образование. 2020. Т. 24. № 2. С. 65—72. DOI: 10.21686/1818-4243-2020-2-65-72.

12. Кустицкая Т. А., Носков М. В., Вайнштейн Ю. В. Прогнозирование успешности обучения: проблемы и задачи // Наука и школа. 2023. № 4. С. 71—83. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-4-71-83.
13. Токтарова В. И., Пашкова Ю. А. Предиктивная аналитика в цифровом образовании: анализ и оценка успешности обучения студентов // Сибирский педагогический журнал. 2022. № 1. С. 97—106. DOI: 10.15293/1813-4718.2201.09.
14. Рябенко Д. С. Предиктивная аналитика в прогнозировании результатов образовательной деятельности в высшем учебном заведении // Проблемы и пути развития профессионального образования : сб. ст. Всерос. науч.-метод. конф. Иркутск : ИРГУПС, 2025. С. 454—458.
15. Сардалова Л. Р. Инновационные методологии в образовательной сфере на примере внедрения искусственного интеллекта в систему высшего образования России // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14. № 11-2. С. 136—144. DOI: 10.25726/cj5698-1495-8703-u.

REFERENCES

1. Akhmetvalieva M. G., Velyunskaya N. G. Designing an individual educational track of an integrated model of adaptation and motivation for learning in students. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2025;9:191—197. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.40506.
2. Abbasova Kh. R. Monitoring as a tool for predictive analytics in education. *Issledovaniya molodykh uchenykh = Research by young scientists. Proceedings of the LXXVIII International scientific conference*. Kazan, Molodoi uchenyi, 2024:72—77. (In Russ.)
3. Vainshtein Yu. V., Noskov M. V., Somova M. V. Using learning analytics for student learning success. *Novye obrazovatel'nye strategii v otkrytom tsifrovom prostranstve = New educational strategies in the open digital space. Collection of scientific articles based on proceedings of international scientific and practical conference*. Saint Petersburg, Asterion, 2024:36—41. (In Russ.)
4. Petrovskii V. A. Seven spaces of personality existence: Formal models of consistency. *Mir psikhologii = World of psychology*. 2009;1:41—49. (In Russ.)
5. Shaposhnikova N. Yu. Individual educational paths in the universities of Russia and Great Britain (theoretical aspects). *Vestnik MGIMO-universiteta = MGIMO Review of International Relations*. 2015;1:243—248. (In Russ.)
6. Tretyakova V.S., Kaigorodova A.E. New educational format of professional development: personalized educational trajectory of the student. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt = Contemporary Higher Education: Innovative Aspects*. 2021;13(1):10—21. (In Russ.) DOI: 10.7442/2071-9620-2021-13-1-10-21.
7. Mashlyakevich D. Yu., Nikonchuk A. N. The development of artificial intelligence and its interaction with humans. *Tsifrovaya transformatsiya professional'nogo obrazovaniya: aktual'nye vyzovy i perspektivy = Digital transformation of vocational education: Current challenges and prospects. Proceedings of the International student scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the vocational and technical education system in Russia*. Moscow, Moscow University of Finance and Law publ., 2026:183—186. (In Russ.)
8. Shchelokova J. K. Using big data to analyze and optimize the educational process in higher education institutions. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2024;14(2-1):114—122. (In Russ.) DOI: 10.25726/w5010-9600-8416-x.
9. Ajayi I. H., Avksentyeva E. Yu. Methods for predicting learners' cognitive load in elearning environments using eye-tracking data. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Slozhnye sistemy: modeli, analiz i upravlenie = Vestnik of Russian New University. Series: Complex Systems: Models, analysis, management*. 2025;1:81—91. (In Russ.)
10. Blagov E. Y., Leshcheva I. A., Scherban S. A. Ontological approach in the practice of the educational activity: paths' formation of individual professional development of students. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2018;22(5):26—39. (In Russ.) DOI: 10.21686/1818-4243-2018-5-26-39.
11. Komleva N. V., Vilyavin D. A. Digital Platform for Creating Personalized Adaptive Online Courses. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2020;24(2):65—72. (In Russ.) DOI: 10.21686/1818-4243-2020-2-65-72.
12. Kustitskaya T. A., Noskov M. V., Vainshtein Y. V. Predicting learning success: research problems and challenges. *Nauka i shkola = Science and School*. 2023;4:71—83. (In Russ.)
13. Toktarova V. I., Pashkova Yu. A. Predictive Analytics in Digital Education: Analysis and Evaluation of Students' Learning Success. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*. 2022;1:97—106. (In Russ.) DOI: 10.15293/1813-4718.2201.09.
14. Ryabenko D. S. Predictive analytics in forecasting the results of educational activities in a higher education institution. *Problemy i puti razvitiya professional'nogo obrazovaniya = Problems and ways of developing professional education. Collection of articles of the All-Russian scientific and methodical conference*. Irkutsk, Irkutsk State Transport University publ., 2025:454—458. (In Russ.)
15. Sardalova L. R. Innovative methodologies in the field of education using the example of the introduction of artificial intelligence into the Russian higher education system. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2024;14(11-2):136—144. (In Russ.) DOI: 10.25726/cj5698-1495-8703-u.

Статья поступила в редакцию 28.06.2026; одобрена после рецензирования 26.07.2026; принята к публикации 27.07.2026.
The article was submitted 28.06.2026; approved after reviewing 26.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1676

Galina Mikhailovna Vasileva

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Intercultural Communication,
Herzen State
Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
galinav44@mail.ru

Vlada Waelevna Miachina

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Intercultural
Communication,
Herzen State
Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
vlada.mch@gmail.com

Miloslava Vitalievna Baranova

2nd year student of the Department of Intercultural
Communication,
field of training 44.03.01 — Pedagogical education,
profile: Philology,
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
mila_snow13@mail.ru

Галина Михайловна Васильева

д-р филол. наук, профессор,
профессор кафедры межкультурной коммуникации,
Российский государственный
педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
galinav44@mail.ru

Влада Ваэлевна Мячина

канд. пед. наук,
доцент кафедры межкультурной коммуникации,
Российский государственный
педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
vlada.mch@gmail.com

Милослава Витальевна Баранова

студент II курса кафедры межкультурной коммуникации,
направление подготовки
44.03.01 — Педагогическое образование,
профиль: филологическое образование,
Российский государственный
педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
mila_snow13@mail.ru

ОБ УЧЕТЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В статье, выполненной в рамках лингвокультурологического подхода, принявшего за аксиому тезис о неразрывной связи языка и культуры, делается акцент на понятии ценности, являющейся основной категорией любой культуры. На фоне иерархии ценностей, сформулированной в отечественной философской мысли, рассматриваются ценностные ориентации современных студентов, выявленные экспериментальным путем. Выявляются представления российских студентов о базовых ценностях русской культуры в целом, а также об их личных аксиологических предпочтениях. Путем обобщения полученных результатов выделяются основные направления ценностных ориентаций студентов, находящих отражение в лексике русского языка. Ввиду сохранения в языковом сознании российских студентов аксиологической иерархии русской культуры, подтвержденной результатами проведенного эксперимента, отмечается необходимость включения в содержание обучения иностранных студентов продвинутого этапа обучения важнейших фрагментов ценностной языковой картины мира. В фокусе внимания оказывается русская лексика, эксплицирующая в своем оценочном содержании ценностную иерархию русской культуры, где гла-

венствующая роль принадлежит ценностям духовно-нравственного порядка. Делается вывод о том, что важной задачей обучения русскому языку иностранных студентов является выделение и описание тех групп и разрядов оценочной лексики, которые отражают аксиологические представления носителей русского языка и позволяют эксплицировать для них основания национально-обусловленной оценки. Приводится пример оценочно маркированного лексического объединения, названного «лексикой равнодушия», которое отражает духовно-нравственные ценности русской культуры, значимые для современных российских студентов, и, соответственно, актуальное для включения в содержание обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход, ценностная иерархия русской культуры, духовно-нравственные ценности, экспериментальное выявление аксиологических предпочтений современных студентов, коннотативно маркированная лексика, ценностная языковая картина мира, ценностно маркированная лексика, языковая оценка, русский язык как иностранный, обучение иностранных студентов оценочной лексике, экспликация основания оценки в обучении русскому языку иностранных студентов

Финансирование: Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 107-ВГ).

Для цитирования: Васильева Г. М., Мячина В. В., Баранова М. В. Об учете ценностных ориентаций современных студентов в обучении русскому языку как иностранному // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 238—243. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1676.

Original article

ON THE CONSIDERATION OF VALUE ORIENTATIONS OF MODERN STUDENTS
IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. *This article, written within the framework of a linguacultural approach that takes as an axiom the thesis of the inextricable link between language and culture, emphasizes the concept of value, which is the fundamental category of any culture. Against the background of the hierarchy of values formulated in Russian philosophical thought, the value orientations of modern students, identified experimentally, are examined. Russian students' perceptions of the fundamental values of Russian culture as a whole, as well as their personal axiological preferences, are revealed. By generalizing the obtained results, the main areas of students' value orientations, reflected in the vocabulary of the Russian language, are identified. Given the persistence of the axiological hierarchy of Russian culture in the linguistic consciousness of Russian students, confirmed by the results of the conducted experiment, it is noted that it is necessary to include the most important elements of the value-based linguistic picture of the world in the curriculum of advanced-stage foreign students. The focus is on Russian vocabulary that explicates in its evaluative content the value hierarchy of Rus-*

sian culture, where spiritual and moral values play a dominant role. It is concluded that an important task in teaching Russian to foreign students is to identify and describe those groups and categories of evaluative vocabulary that reflect the axiological beliefs of native Russian speakers and allow for the explicability of the foundations of nationally determined evaluations. An example of an evaluatively marked lexical unit, called the "vocabulary of indifference," is given. It reflects the spiritual and moral values of Russian culture that are significant for contemporary Russian students and, therefore, is relevant for inclusion in the teaching of Russian as a foreign language.

Keywords: *linguacultural approach, value hierarchy of Russian culture, spiritual and moral values, experimental identification of modern students' axiological preferences, connotatively marked vocabulary, value-based linguistic picture of the world, value-marked vocabulary, language evaluation, Russian as a foreign language, teaching evaluative vocabulary to foreign students, explication of the basis for evaluation in teaching Russian to foreign students*

Funding: The study was supported by an internal grant from the Herzen State Pedagogical University of Russia (project no. 107-VG).

For citation: Vasileva G. M., Miachina V. W., Baranova M. V. On the consideration of value orientations of modern students in teaching Russian as a foreign language. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):238—243. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1676.

Введение

Важная интенция развития современного российского общества направлена на сохранение и укрепление национальных ценностей, о чем свидетельствуют Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809). Особое внимание к проблеме национальных ценностей, занимающих центральное место в любой национальной культуре, определяет **актуальность** разработки ценностного подхода к обучению русскому языку иностранных студентов.

Данная статья выполнена в рамках лингвокультурологического направления, предполагающего учет ценностных оснований культуры в обучении русскому языку как иностранному.

Изученность вопроса. Проблема ценностной иерархии русской культуры рассматривалась в отечественной философии и культурологии (Н. А. Бердяев [1], Н. О. Лосский [2], Г. П. Выжлецов [3] и др.); проблема устойчивости и модификации традиционных ценностей в сознании современных носителей русского языка нашла отражение в работах А. Г. Салимовой [4], Г. П. Хориной [5], О. С. Гилязовой [6], А. А. Ковалева [7], Т. В. Ефимцевой [8], Лю Цзоюань [9], Ж. Б. Рабдановой [10], И. В. Мандыч [11] и др.; отражение ценностей культуры в лексике русского языка рассматривалось рядом лингвистов (Г. М. Васильева и Н. Е. Некора [12; 13], А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев [14] и др.). В данной работе рассматривается лексика русского языка, отражающая современное состояние ценностной иерархии русской культуры, выступающая в качестве предмета обучения русскому языку иностранных студентов.

Научная новизна работы состоит в том, что до сих пор современное состояние ценностной иерархии русской культуры не становилось принципом отбора лексического материала в целях преподавания русского языка как иностранного.

Цель работы — экспериментальное выявление ценностных ориентаций современных студентов, находящих отражение в национальной языковой картине мира, и выделение на этом основании ценностно-маркированной лексики, которая должна быть включена в содержание обучения иностранных студентов.

Поставленной цели соответствуют следующие **задачи**:

- выделить основные особенности ценностной иерархии русской культуры на основании классических работ и современных исследований отечественных философов, культурологов, социологов и лингвистов;
- экспериментальным путем проверить соответствие ценностных ориентаций современных студентов фундаментальным ценностям русской культуры;
- по результатам анкетирования выделить основные направления ценностных предпочтений современных носителей русского языка;
- выделить и привести примеры ценностно-маркированной лексики, содержащей национально-обусловленную оценку, для включения ее в содержание обучения русскому языку иностранных студентов.

Теоретическая значимость работы связана с разработкой принципа опоры на ценностные ориентации современных носителей русского языка в процессе формирования содержания обучения лексике иностранных студентов.

Практическая значимость связана с выделением и описанием групп русской лексики, отражающих ценностную иерархичность русской культуры, которые следует включить в содержание учебных материалов, предназначенных для иностранных студентов.

Методология исследования. В соответствии с поставленной целью была осуществлена следующая последовательность исследовательских действий: обобщение взглядов русских философов, культурологов и социологов на иерархичность русской культуры и приоритет духовно-нравственных ценностей; сопоставление традиционных духовно-нравственных ценностей с их современным состоянием (по данным исследований различных периодов); осуществление экспериментального опроса среди современных студентов, с целью выделения их базовых ценностных ориентаций; анализ оценочной лексики с целью выделения ценностно маркированных единиц, отражающих аксиологические приоритеты, отраженные в современной русской языковой картине мира и эксплицирующие основания национально-обусловленной оценки.

Основная часть

Приняв за аксиому реальность воплощения культуры в языке, лингвокультурология тем самым уже признала как данность и третье, связующее звено известной триады «личность — язык — культура». По словам Ю. Н. Караулова, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности» [15, с. 7]. Связь языка и культуры транслируется лингвистами и методистами в область обучения иностранным языкам, поскольку, по общему мнению лингвокультурологов, изучение иностранного языка есть проникновение в иную культуру, и прежде всего в мировоззрение современных носителей языка.

Обращение к ценностным основам культуры обусловлено тем, что даже в тех философских концепциях, где ценности не исчерпывают ее содержания, им принадлежит ведущее, ядерное положение, а сами ценности получают статус важнейших категорий культуры. В работах русских религиозных философов ценность предстает как нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка [2].

В истории философской мысли представлено множество ценностных типологий и классификаций, однако, по мнению многих исследователей, представляющих российскую философскую традицию, принципиально важной является не сама по себе классификация или типология, а именно *иерархия ценностей*, которая позволяет установить внутреннюю тенденцию смены ценностных прерогатив, особенно в процессах переоценки ценностей на переломных рубежах истории [3, с. 70—71].

Приоритет духовности является сквозной мыслью работ русских философов. По мнению Николая Бердяева, «дух есть не составная часть человеческой природы, а есть высшая качественная ценность» [1, с. 321]. По словам Николая Лосского, «все ценности неорганического, биологического и социального бытия являются относительными, и лишь духовные ценности могут претендовать на всечеловеческую абсолютность» [2, с. 300].

Таким образом, ценности нравственного (духовно-го, религиозного) порядка в большинстве иерархий ценностей, представляющих, прежде всего, отечественную философскую мысль, занимают ведущее положение в сравнении с ценностями социального, правового, политического, экономического и особенно материального порядка, являясь теми «духовными ориентирами», важность которых так остро ощущается в современном российском обществе.

В толковых словарях русского языка понятия *духовность* и *духовный* трактуются в большинстве случаев двояко: как связанные с религиозной, церковной сферой, так и более широко, как связанные со сферой нравственной. «Духовность» русской культуры составляет «основную нерв» русской литературы и русского искусства. При всей огромной разнице авторского видения мира великая русская литература, не пожелавшая уступать требованиям секуляризированной жизни, имеет некий «общий знаменатель» — нравственные отношения ко всем сферам бытия.

Постоянная боязнь духовного несовершенства, несоответствия этическому абсолюту Нового Завета стала причиной нравственного максимализма русской культуры, отведя другим проблемам человеческого существования зависимую, второстепенную роль. Таким образом, ценностная иерархичность русской культуры отводит ведущее место ценностям «надличностного характера», отражает определенную «идеалистичность» русской культуры. Показательно, что в зарубежных исследованиях ее называют не только идеалистичной, но и литературоцентричной, а также культурой Нового Завета, культурой нравственного императива, культурой, вступившей за слезу ребенка.

Результаты исследования. Как показал краткий обзор работ отечественных философов, нравственный императив русской культуры в соответствии с ее ценностной иерархией отражает приоритет духовно-нравственных ценностей и диктует высокую значимость *совести, жертвенности, самоотречения, отзывчивости, сочувствия, сострадания, любви к ближнему, скромности, терпения, скромности, единства, сплоченности, взаимной поддержки, немеркантильности, нестяжательности, духовной связи с природой, высокой ценности дружбы и семейных связей*, что обуславливает потребность в человеческом единении, восходящем к идеям общинности, соборности и коллективизма; поддерживает *немеркантильность, нестяжательность*, отсутствие определяющей роли *денег и коммерческого успеха* [3, с. 70]. Эти базисные ценности русской культуры эксплицируются в бесконечном разнообразии литературных, философских, фольклорных текстов, которые должны быть прочитаны и поняты иностранными студентами, изучающими русский язык на продвинутом этапе.

Необходимо учитывать, что ценностная иерархия русской культуры претерпевала и определенные трансформации. Так, на рубеже XX и XXI вв., когда российская культура испытала сильнейшее влияние западных ценностей, встал вопрос об устойчивости ценностных ориентаций россиян, в первую очередь, молодого поколения. В связи с этим в конце XX — начале XXI в. были проведены многочисленные исследования (социологические, лингвистические, культурологические), зафиксировавшие некоторые сдвиги в мировоззрении студентов и показавшие значительное отставание ценностных ориентаций молодых россиян от приоритета духовных ценностей, что выразилось

в росте нигилизма, равнодушия, усилении потребительского отношения к жизни, в увеличении значимости денег и др. В исследованиях подчеркивалось значительное влияние ценностей экономического успеха на представления младшего поколения россиян.

В последние годы проблема духовно-нравственных ценностей в сознании россиян рассматривалась в работах культурологов, социологов и лингвистов, которые отмечали важность сохранения аксиологических основ русской культуры, а также определенную зависимость ценностных ориентаций молодого поколения от процессов глобализации и импорта чужеродных культурных элементов.

Для выявления сегодняшнего состояния ценностных ориентаций российского студенчества в 2026 г. при поддержке гранта Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена было проведено исследование ценностных предпочтений студентов, в котором приняли участие 200 человек.

Для этого было разработано анкетирование, включающее вопросы, направленные на выявление устойчивости в сознании современных студентов ценностной иерархии русской культуры, а также на определение наиболее важных для студентов ценностей:

1. Какие ценности, по Вашему мнению, являются базовыми в русской культуре? Пронумеруйте их в порядке значимости.
2. Какие ценности вы считаете духовно-нравственными?
3. Какие ценности важны для Вас? Пронумеруйте их в порядке значимости.

Большинство студентов, отвечая на первый вопрос, к базовым ценностям русской культуры отнесли ценности семьи, дружбы, патриотизма, бескорыстия и взаимной поддержки.

К духовно-нравственным ценностям были отнесены духовность, совесть, патриотизм, взаимопомощь, взаимопонимание, любовь, дружба (указаны в порядке частотности ответов).

Среди ценностей, которые, по мнению студентов, являются для них важными, возможно выделить приоритетные направления. Обобщение полученных ответов позволяет заключить, что особенно выраженными (частотными) оказались ценностные предпочтения, связанные с потребностью в человеческом единении, с дружелюбностью молодого поколения. Среди ориентиров, относящихся к этому направлению, студенты назвали дружбу, взаимную поддержку, отзывчивость, любовь, сочувствие, умение понимать друг друга, способность жертвовать своими интересами ради близкого человека, что соответствует приоритету духовных ценностей, характеризующих русскую культуру.

Результаты данного эксперимента свидетельствуют о том, что определенный отход от духовно-нравственных основ жизни, зафиксированный в исследованиях конца XX — начала XXI в., не является атрибутом поступательного развития российского общества, ввиду чего ценностные изменения, зафиксированные в исследованиях переломного периода, можно отнести к явлениям временных адаптаций к внешним условиям жизни.

Поскольку лингвокультурология, приняв за основу реальность и объективность существования национального своеобразия фундаментальных ценностей культуры, предполагающих свое адекватное воплощение в языке, в настоящий момент стоит перед задачей определения и описания

того, как именно ценности культуры воплощаются в слове. Таким образом, при описании в учебных целях национальной картины мира и ценностной картины мира целесообразно ориентироваться на иерархию ценностей, традиционно характеризующую российскую культуру.

Ввиду того, что язык способен отражать глубинный уровень ценностного сознания, о характере ценностных изменений может свидетельствовать и ценностно-оценочное содержание слова. Ценность как центральная категория описания культуры требует введения понятия оценки, поскольку именно знанием о ценности обозначаемого можно объяснить тот тип информации, который выражает оценку [16; 17].

В исследованиях оценочной семантики представлены различные классификации оценок [18]. При этом исследователи подчеркивают, что специфика русского ценностного сознания определяет и один из важных аспектов языковой оценки, ввиду чего, как правило, *этические оценки* (связанные с удовлетворением нравственного чувства) нередко оказываются более значимыми, чем, например, оценки *рационалистического характера*, связанные с практическими интересами и повседневным опытом человека.

Исследователи подчеркивают, что у представителей различных лингвокультурных общностей, ориентирующихся на различные системы ценностей, нередко наблюдаются несовпадения оценок [19], ввиду чего в содержании обучения русскому языку иностранных студентов необходимо эксплицировать основание возникновения той или иной оценки.

Приведем пример отражения в лексике русского языка ценностного направления, зафиксированного в качестве ведущего в проведенном эксперименте. Мотив ценности человеческого единения, оказавшийся приоритетным в ценностных ориентациях современного российского студенчества, находит отражение во многих словах русского языка (отзывчивость, дружелюбие, взаимопомощь, взаимоподдержка и многих других, содержащих положительную оценку). Эта группа лексики вступает в антонимические отношения с другой группой культурно маркированных лексических средств, отражающих антиценности русской культуры. Такую лексику можно назвать «лексикой равнодушия». Именно такая лексика, содержащая общую отрицательную оценку, высвечивает и делает ярче ценность человеческой отзывчивости. Представляется, что при ценностном подходе к обучению русскому языку как иностранному, включение такой лексики в содержание обучения и объяснение основания ее негативной оценки представляется актуальным.

По данным толковых словарей русского языка общий объем «лексикой равнодушия» составляет более сорока слов. Это имена существительные (*равнодушие, бездушие, бесстрастие, невнимание, опустошённость, отречённость* и др.) и прилагательные (*холодный, чёрствый, бездушный, бессердечный, безразличный* и др.). Уже сама широкая лексическая разработанность темы свидетельствует о ее значимости для носителей языка.

Слова данной группы включены в обширные синонимические связи, демонстрируя многообразие оттенков значения и оценки, которые трудно различимы для иностранных студентов, например:

- **Глухой 2.** Неотзывчивый, нечуткий, равнодушный, невосприимчивый.
- **Чёрствый 2. перен.** Неотзывчивый, бездушный.

Дифференциация значений и оценочного содержания «лексики равнодушия» составляет значительные трудности для иностранных студентов из-за разницы в национальных языковых и ценностных картинах мира.

В составе этой лексики в учебных целях следует важные группы слов, на которые следует обратить внимание.

Во-первых, это слова, которые приобрели «значение равнодушия» путем внутренней деривации (*например, чёрствый, остылый, холодный* и т. п.). Для адекватного понимания таких слов студентами-иностранцами необходимо эксплицировать метафорический механизм и причины возникновения этого значения.

Во-вторых, это слова, форма и значение которых строится на отрицании какого-либо признака, качества (*бессердечный, бесстрастный, бездушный* и т. п.). Их значение строится на отрицании важных ценностей, поэтому для понимания основания содержащейся в них оценки иностранным студентам необходимо знать не только о таких ценностных концептах русской культуры, как «душа», «душевность» и «сердечность», отрицание которых и формирует общую негативную оценку, но и о важности человеческого единения, обусловленного ценностной иерархией русской культуры.

Заключение

Результаты проведенного опроса подтвердили устойчивость ценностной иерархии русской культуры в сознании российских студентов, что позволяет опираться на аксиологическую шкалу русской культуры при формировании содержания обучения русскому языку иностранных студентов.

Ввиду высокой культурной информативности русского слова, целесообразным представляется обращение к его ценностно-оценочному содержанию.

В содержание обучения лексике должны быть включены ценностно маркированные группы лексики, эксплицирующие основание национально-обусловленной оценки, восходящей к ценностной иерархии русской культуры.

К перспективам данной работы относим создание учебного словаря ценностно маркированной лексики для иностранных студентов. Представляется, что обострившаяся в последнее время национально-культурная чувствительность будет способствовать сохранению ценностных основ общества и национальной языковой картины мира, ценностная иерархия которой должна быть эксплицирована в содержании обучения лексике русского языка иностранных студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бердяев Н. А. О назначении человека. СПб. : Лань, 2017. 510 с.
- Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. Изд-во Белорус. Экзархата, 2011. 528 с.
- Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 150 с.
- Салимова А. Г. Традиционные ценности как предмет междисциплинарных исследований // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 3А. С. 169—175.
- Хорина Г. П. Ценности русской культуры в условиях цивилизационного кризиса // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2016. № 6. С. 16—26.
- Гилязова О. С. Традиционные российские ценности: понятие, назначение, достоинства и ограничения // Социально-политические исследования. 2024. № 2(23). С. 27—45.
- Ковалев А. А. Духовно-нравственные ценности как объект деструктивного воздействия // Социально-политические исследования. 2023. № 4(21). С. 18—32.
- Ефимцева Т. В. Духовно-нравственные ценности как основа национальной безопасности Российской Федерации // Труды Оренбургского института МГЮА. 2022. № 1(51). С. 26—28.
- Лю Цзоюань. О традиционных духовно-нравственных ценностях России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 2А. С. 196—201.
- Рабданова Ж. Б. Динамика духовных ценностей в постсоветском обществе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 3. С. 56—61.
- Мандыч И. В., Климова И. Б., Банщикова Н. А. Нравственные ценности и духовность как опора современного общества // Молодой ученый. 2025. № 12(563). С. 252—254.
- Васильева Г. М., Некора Н. Е. Ценности культуры в лексике русского языка : моногр. СПб. : Союз художников, 2024. 100 с.
- Васильева Г. М., Некора Н. Е., Александрова А. Е., Цзоу Суетян. Культурная вариативность и лексика языка: лингвокультурологические параллели : моногр. СПб. : им. А. И. Герцена, 2022. 188 с.
- Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Исследования по русской и компаративной семантике. М. : Аякс, 2021. 552 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. стер. М. : URSS : Ленанд, 2024. 264 с.
- Пишкова Е. Ю., Мамедова А. З. Способы выражения и перевода оценочной лексики в текстах публицистического стиля // Молодой ученый. 2017. № 12(146). С. 640—642.
- Кабирова Г. У. Оценка как языковой концепт // Актуальные вопросы филологических наук : материалы Междунар. науч. конф. Казань : Молодой ученый, 2011. С. 85—87.
- Вестфальская А. В. Оценка и коннотация: современные подходы // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 3. С. 3—11. DOI: 10.17759/langt.2015020301.
- Васильева Г. М., Мячина В. В. Интегративная сопоставительная модель как основа организации лексики в содержании обучения русскому языку как иностранному (на материале лексико-семантического поля «туризм») // Проблемы современного педагогического образования. 2018. Вып. 59. Ч. 3. С. 170—173.

REFERENCES

- Berdyayev N. A. On the purpose of Man. Saint Petersburg, Lan`, 2017. 510 p. (In Russ.)
- Lossky N. O. Conditions of Absolute Good. Belarusian Exarchate publ., 2011. 528 p. (In Russ.)

3. Vyzhetsov G. P. Axiology of Culture. Saint Petersburg, Saint Petersburg University publ., 1996. 150 p. (In Russ.)
4. Salimova A. G. Traditional values as the subject-matter of interdisciplinary research. *Kul'tura i tsivilizatsiya = Culture and Civilization*. 2020;10(3A):169—175. (In Russ.)
5. Khorina G. P. Values of Russian Culture under Conditions of Civilizational Crisis. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. 2016;6:16—26. (In Russ.)
6. Gilyazova O. S. Traditional Russian values: concepts, purpose, advantages and limiting factors. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya = Social and political researches*. 2024;2(23):27—45. (In Russ.)
7. Kovalev A. A. Spiritual and moral values as an object of destructive influence. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya = Social and political researches*. 2023;4(21):18—32. (In Russ.)
8. Efimtseva T. V. Spiritual and moral values as the basis of national security of the Russian Federation. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) MGYuA = Scientific Works of Orenburg Institute (Branch) of MSLA*. 2022;1(51):26—28. (In Russ.)
9. Liu ZuoYuan About traditional spiritual and moral values of Russia. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and reflection: philosophy of the world and human being*. 2023;12(2A):196—201. (In Russ.)
10. Rabdanova Zh. B. Dynamics of spiritual values in post-soviet society. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya = Bulletin of Buryat State University. Philosophy*. 2022;3:56—61. (In Russ.)
11. Mandych I. V., Klimova I. B., Bانشchikova N. A. Moral values and spirituality as the foundation of modern society. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2025;12(563):252—254. (In Russ.)
12. Vasil'eva G. M., Nekora N. E. Cultural values in the lexicon of the Russian language. Monograph. Saint Petersburg, Soyuz khudozhnikov, 2024. 100 p. (In Russ.)
13. Vasil'eva G. M., Nekora N. E., Aleksandrova A. E., Zou Sueqiang. Cultural variability and lexicon of the language: Linguocultural parallels. Monograph. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University publ., 2022. 188 p. (In Russ.)
14. Zaliznyak A. A., Shmelev A. D. Studies in Russian and comparative semantics. Moscow, Ayaks, 2021. 552 p. (In Russ.)
15. Karaulov Yu. N. Russian language and linguistic personality. Moscow, URSS, Lenand, 2024. 264 p. (In Russ.)
16. Pishkova E. Yu., Mamedova A. Z. Methods of expressing and translating evaluative vocabulary in journalistic texts. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2017;12(146):640—642. (In Russ.)
17. Kabirova G. U. Evaluation as a linguistic concept. *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk = Current issues in philological sciences. Proceedings of the International scientific conference*. Kazan, Molodoi uchenyi, 2011:85—87. (In Russ.)
18. Vestfalskaya A. V. Evaluation and connotation: contemporary approaches. *Yazyk i tekst = Language and Text*. 2015; 2(3):3—11. (In Russ.) DOI: 10.17759/langt.2015020301.
19. Vasileva G. M., Miachina V. W. Integrative competitive model as a basic framework of vocabulary in the content of teaching Russian as a foreign language (as exemplified in lexicosemantic field “tourism”). *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2018;59(3):170—173. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.05.2026; одобрена после рецензирования 21.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.
The article was submitted 30.05.2026; approved after reviewing 21.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 785.11

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1724

Lyudmila Victorovna Malatsay

Doctor of Art, Professor,
Head of the Department of Vocal, Choral
and Musical Instrumental Arts,
Orel State Institute of Culture
Orel, Russian Federation
1441970@mail.ru

Nikita Igorevich Markin

Candidate of Pedagogy,
Chairman of the subject-cycle commission
“Instruments of the Folk Orchestra”,
Orel Music College;
Associate Professor of the Department of Vocal-Choral
and Musical-Instrumental Arts,
Orel State Institute of Culture
Orel, Russian Federation
nikita_markin@rambler.ru

Людмила Викторовна Малацай

д-р искусствоведения, профессор,
заведующий кафедрой вокально-хорового
и музыкально-инструментального искусства,
Орловский государственный институт культуры
Орёл, Российская Федерация
1441970@mail.ru

Никита Игорьевич Маркин

канд. пед. наук,
председатель предметно-цикловой комиссии
«Инструменты народного оркестра»,
Орловский музыкальный колледж;
доцент кафедры вокально-хорового
и музыкально-инструментального искусства,
Орловский государственный институт культуры
Орёл, Российская Федерация
nikita_markin@rambler.ru

ФЕНОМЕН АРАНЖИРОВКИ ГИТАРНОГО АККОМПАНЕМЕНТА РУССКОГО КЛАССИЧЕСКОГО РОМАНСА

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В последнее время всё большее распространение получает вокальное исполнительство как начинающих певцов, так и концертирующих долгие годы солистов филармоний и других концертных организаций. Этот факт обуславливает потребность в живом аккомпанементе. В традициях домашнего и салонного музицирования романсы русских композиторов часто исполнялись под аккомпанемент гитары. Статья представляет собой исследование феномена гитарного аккомпанемента как музыкального сопровождения голоса.

Русские композиторы, такие как А. А. Алябьев, А. Е. Варламов, М. И. Глинка, А. С. Даргомыжский, П. И. Чайковский, С. В. Рахманинов, писали свои романсы для голоса и фортепиано. В ходе исследования сравниваются фортепианные и гитарные аккомпанементы, разбираются их отличия и преимущества, поясняется, чем переложение отличается от аранжировки. Аранжировщик не просто меняет инструмент, он переосмысливает драматургию сопровождения, его связь с мелодией и поэтическим текстом.

Существуют старинные сборники популярных романсов малоизвестных авторов, в которых прописана одна мелодическая линия и буквенно-цифровое обозначение аккордов, в то время как современные вокалисты-исполнители просят добавить к ним не только аккомпанемент, но и вступление, проигрыши, заключение. В публикации дан ряд рекомендаций касательно того, чем стоит руководствоваться при создании инструментальных фрагментов в таких романсах.

Важным аспектом аранжировочной работы является накопление слухового и аналитического опыта. Прослушивание аудиозаписей прославленных гитаристов-концертмейстеров и их разносторонний анализ не только развивают художественный вкус, но и обогащают арсенал технических и выразительных средств начинающих аранжировщиков.

Ключевые слова: русский романс, гитара, аккомпанемент, концертмейстер, домашнее музицирование, концертное исполнительство, слияние музыки и стиха, аранжировка, переложение, творческая самореализация, слуховой опыт

Для цитирования: Малацай Л. В., Маркин Н. И. Феномен аранжировки гитарного аккомпанемента русского классического романса // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 244—249. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1724.

Original article

THE PHENOMENON OF ARRANGING THE GUITAR ACCOMPANIMENT FOR A RUSSIAN CLASSICAL ROMANCE

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. Recently, vocal performance has become increasingly widespread, both among novice singers and among long-term soloists of philharmonics and other concert organizations. This calls for live accompaniment. In the traditions

of home and salon music-making, romances by Russian composers were often performed to the accompaniment of a guitar. The article is a study of the phenomenon of guitar accompaniment as musical support for the voice.

Russian composers such as A. A. Alyabyev, A. E. Varlamov, M. I. Glinka, A. S. Dargomyzhsky, P. I. Tchaikovsky, and S. V. Rachmaninoff wrote their romances for voice and piano. The study compares piano and guitar accompaniments, examines their differences and advantages, and explains how transcription differs from arrangement. The arranger doesn't just change the instrument; they rethink the drama of the accompaniment, its connection to the melody and the poetic text.

There are old collections of popular romances by little-known authors, in which a single melodic line and a letter-and-number notation of chords are specified, while modern vocal performers ask to add not only accompaniment to them, but also an introduction, interludes, and a conclusion. The pub-

lication provides a number of recommendations regarding what should be taken into account when creating instrumental fragments for such romances.

An important aspect of the arranging work is the accumulation of auditory and analytical experience. Listening to audio recordings of renowned guitarist-concertmasters and conducting a comprehensive analysis of them not only develops artistic taste but also enriches the arsenal of technical and expressive tools available to aspiring arrangers.

Keywords: Russian romance, guitar, accompaniment, concertmaster, home music-making, concert performance, fusion of music and verse, arrangement, transcription, creative self-realization, auditory experience

For citation: Malatsay L. V., Markin N. I. The phenomenon of arranging the guitar accompaniment for a Russian classical romance. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):244—249. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1724.

Введение

Актуальность. Сегодня наблюдается интенсивный рост интереса населения к занятиям пением. Во многом этому способствует телевидение, часть развлекательных программ которого ориентирована на показ выступлений не только профессиональных певцов, актеров, но и людей из народа. Большую популярность в среде любителей обретают русские классические романсы, благодаря, в числе прочего, реализуемому уже более четверти века на канале «Культура» проекту «Романтика романса».

Начиная работать с профессиональными педагогами, многие вокалисты понимают важность живого аккомпанемента, который не только поддерживает во время выступления, но и способствует созданию более цельного художественного образа. Не всегда есть возможность исполнять романсы под фортепиано, оркестровое или ансамблевое сопровождение. Всё чаще в качестве аккомпанирующего инструмента используют гитару. Преимущество инструмента в том, что гитарный аккомпанемент более естественный для создания атмосферы исполнения романсов. Гитара с давних времен использовалась для домашнего и салонного музицирования, при организации музыкальных гостиных, камерных концертов в библиотеках, при выездах на природу, дачу. В этой связи возникает востребованность гитарных аккомпанементов, что и объясняет актуальность проводимого исследования.

Степень изученности проблемы. В настоящее время существует ряд диссертаций, монографий, учебно-методических пособий, в которых раскрывается история развития жанра русского романса от истоков до наших дней. Интерес к теме не ослабевает, что вызвало появление публикаций М. В. Базилевич [1], М. Г. Долгушиной [2], А. Н. Дорофеева [3], Ф. Ю. Дюбенка и В. В. Семелева [4], З. М. Кобозевой [5]. Авторы интересуются вопросами истории и теории развития жанра. Ряд работ посвящен характеристике его разновидностей.

В статьях педагогической направленности Г. В. Байбиковой и Л. В. Гурина [6], А. Ю. Луковникова [7], Ю. Э. Серова [8], Фэн Ян [9], Е. В. Фоминых [10] рассматривается искусство аккомпанемента пианистов, баянистов, аккордеонистов. Концертмейстерское искусство гитаристов освещается в меньшем количестве публикаций, в них исследуется как семиструнная, так и шестиструнная гитары. Особо полезными для проводимого исследования оказались сведения, содержащиеся в статьях Е. С. Бакалейской [11], И. А. Шулера и Ж. А. Рябчевской [12], Е. П. Ястремского [13].

Целесообразность разработки темы. Изначально аранжировка решала прикладную задачу: приспособить музыку для другого исполнительского состава (например, переложить фортепианный аккомпанемент для гитары). Относительно романсовых аккомпанементов этот процесс выходит за рамки простого приспособления. Аранжировщик переосмысливает драматургию сопровождения, учитывая его связь с мелодией и поэтическим текстом. В романсе аккомпанемент часто активный участник диалога с голосом: он может оттенять, дополнять, контрастировать с ним, раскрывая психологический подтекст. Аранжировка позволяет по-новому раскрыть эти возможности. Рекомендации, помещенные в учебно-методической литературе весьма поверхностны или даны в обобщенной форме, без конкретизации как именно аранжировать гитарный аккомпанемент.

Научная новизна заключается в том, что в работе впервые на основе обобщения практического исполнительского, концертмейстерского и педагогического опыта выявляется феноменологическая сущность аранжировки гитарного аккомпанемента русского классического романса и обосновывается логически выверенный и методически обоснованный алгоритм ее создания.

Цель проводимого исследования — дать теоретическое обоснование феномену аранжировки гитарного аккомпанемента, разработав методические рекомендации по его созданию для русских классических романсов. Достижение цели обеспечивается решением уточняющих ее задач:

- обозревая историю зарождения и развития романса, раскрыть значение гитары как генетически ему присущего аккомпанирующего инструмента;
- сравнить фортепианный и гитарный аккомпанементы;
- выяснить, чем переложение отличается от аранжировки;
- обозначить особенности концертмейстерской деятельности в совместной работе с вокалистом;
- описать важные аспекты аранжировки гитарного аккомпанемента;
- раскрыть специфику работы с романсами, для которых в нотных изданиях прописана только мелодия;
- указать, на что обращать внимание при прослушивании аккомпанементов знаменитых гитаристов.

Теоретическую значимость проводимого исследования определяют резюмирующие выводы о значении гитарного аккомпанемента для создания истинной исполнительской атмосферы классических романсов русских авторов.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности применить их в творческой деятельности гитаристов-концертмейстеров при практической организации концертно-исполнительской деятельности вокалистов-любителей и профессиональных певцов, выступающих с концертами русских романсов.

Основная часть

Методология исследования. Проблема исследования заключается в том, что существуют ряд противоречий, требующих последовательного решения:

- между растущей потребностью гитарного аккомпанемента для занимающихся вокалом и исполняющих классические романсы;
- доступные нотно-музыкальные сборники гитарных аккомпанементов романсов не имеют достаточного учебного-методического сопровождения;
- существующие аудиозаписи выступлений известных гитаристов мало исследованы.

Материалами исследования стали как нотно-музыкальные сборники, так и аудиозаписи выступлений ведущих отечественных гитаристов в ансамбле с вокалистами.

Методология исследования носит комплексный характер, опираясь на искусствоведческие, текстологические, культурологические подходы к анализу исследуемого материала. Сочетание теоретических и эмпирических методов позволяет обеспечить связь научной мысли с практическим наработками в области аранжировки и концертно-исполнительской деятельности.

Результаты исследования. Зарождение романса происходило в XIV—XV вв. в Испании. Исполнялись они под виозлу, гитару в ее старинной разновидности. Появление этих инструментов было продиктовано необходимостью создания аккомпанемента к песням и романсам. В XVIII — начале XIX в., когда царило очарование французской культурой, эстетикой, искусством, романс попал на благодатную русскую почву. В России в то время существовала семиструнная гитара с удобным для аккомпанемента строем, позволявшим использовать во время игры открытые струны. Е. С. Бакалейская отмечает: «Семиструнная гитара, созвучная русскому романтическому мелосу, оказывается “инструментальным кодом” русского романтизма» [11, с. 93].

Гитаре, как аккомпанирующему инструменту, способствовали как звучание на октаву ниже в нотации, так и легкая для освоения аккордовая техника. Исполнение романса под гитару — это не народная версия академического жанра, а возвращение к его генетической природе. Интересно наблюдение А. Н. Юдина: «Для представителей же небогатых семей более привычными в качестве аккомпанирующих были более распространенные в России балайка и гусли. Иногда к ним добавлялись такие инструменты, как гитара, ставшая чрезвычайно популярной в конце XVIII столетия» [14, с. 38].

Профессиональные русские композиторы писали романсы в расчете на большой зал, публичность, о чем свидетельствует плотная фактура на выдержанной педали, заполнение звучащего пространства, мощь аккордов. Преимущество гитары в том, что она создает камерное, интимное звучание, более соответствующее природе исполнения романсов в музыкальных салонах и при домашнем музицировании. Короткий, быстро затухающий гитарный звук, сбалансированный с вокальным звучанием, не давит голос, а дышит вместе с ним.

Сегодня музыканты сознательно обращаются к исполнению романсов, видя в них культурную душу России, поэтому адаптируют аккомпанементы для гитары произведений, изначально написанных для фортепиано или оркестра. Главная цель — дать романсам настоящий свет вдохновения, вернуть из среды пыльных музейных экспонатов. Речь идет не о переложении аккомпанемента, а о возвращении романсам их исторической памяти. Если романс зарождался под аккомпанемент гитары, то современная аранжировка гитарного аккомпанемента — это не переделка и не упрощение, а возвращение жанра к своей естественной среде — способ вернуть утраченную камерность, восстановить органичную связь слова с инструментом и продолжить традицию, прерванную в эпоху салонного фортепиано. Гитара не конкурирует с фортепиано, она возвращает романсу его сокровенность, атмосферу доверительности, душевной близости.

Сравнивая разные виды инструментального сопровождения, можно выявить ряд преимуществ каждого из них. Для фортепианного аккомпанемента характерны плотная фактура, гармоническая насыщенность, возможность исполнять бас, гармонию и мелодию одновременно. Для гитарного — тембровая прозрачность, голос не тонет в педальном звучании, а остается солирующим, как бы парящим над хитросплетениями аккомпанемента. В гитарной артикуляции инструмент позволяет более естественно имитировать дыхание голоса за счет физического контакта со струной — *apoyando*, *tirando*, техническое *legato* — а также дает возможность обогатить звучание специфическими колоритными приемами — *flageolets*, *tremolo*, *pizzicato*, расширенное арпеджио, которые присущи именно гитаре. Басовая линия в отличие от фортепиано на гитаре естественным образом выделяется — подчеркиваются басовые звуки, создавая ощущение опоры, но без тяжеловесности.

В современной музыкальной науке термины «переложение» и «аранжировка» имеют семантически разное наполнение. Современные педагоги Н. Г. и Т. П. Вышко по этому поводу отмечают: «Аранжировка — довольно трудоемкий процесс, основанный на кропотливом творчестве и энтузиазме профессионального музыканта» [15, с. 109]. По их мнению, аранжировка ближе к понятию обработки. С. А. Зубарев пишет: «Грамотные аранжировки позволяют сохранять основные идеи композиторов, акцентируя внимание на главных темах и драматических кульминациях произведений» [16, с. 80].

Переложение — это перенос нот с фортепианного аккомпанемента в гитарный как есть — с сохранением фактуры. Часто это приводит к неудобным аппликатурам, громоздким позициям, потере исполнительской свободы, лишая гитару ее природного звучания. Аранжировка — это переосмысление, упрощение плотной фортепианной фактуры, использование гитарной окраски — применение открытых струн, красок мягкого приглушенного звучания — *sul tasto*, или более резкого *sul ponticello*. Для создания легкости и колоритности можно использовать гитарные приемы — баре, флажолеты, арпеджио.

Современная исполнительская практика показывает, что многие вокалисты отказываются от фонограмм в пользу живого аккомпанемента. Во-первых, совместное выступление с концертмейстером придает уверенность, особенно начинающему певцу; во-вторых, живой аккомпанемент позволяет создать выразительную интерпретацию, чутко следуя за агогическими отклонениями, необходимыми для передачи палитры оттенков эмоций и настроений.

Обычно концертмейстерами являются баянисты и пианисты. Гитаристы, наравне с музыкантами-инструменталистами изучают учебную дисциплину «Концертмейстерский класс», но в практике дальнейшей профессиональной деятельности эти навыки редко востребованы. Рассматривая специфику работы концертмейстеров, отметим, что у каждого инструмента свои минусы и плюсы, так, фортепиано — не знает баре, гитара — не знает педали. Применение баре (или специального приспособления — каподастра) позволяет переносить партитуру в другие тональности прямо перед выходом на сцену. Перейти в другую тональность на гитаре проще, чем на фортепиано. Конечно, концертмейстер с качественной профессиональной подготовкой может свободно справиться с транспонированием в другие тональности, однако, особенно в небольших населенных пунктах — это большая редкость.

На практике аранжировка предполагает адаптацию фактуры к возможностям инструмента. На гитаре бас сохраняется почти всегда, давая гармоническую опору. Гармоническое наполнение переносится в средний регистр, часто дается неполным аккордом. При адаптации фигуры из фортепианной партии берется только ритмическое или интонационное зерно. Мелодическая линия солиста дублируется редко, из аккордового изложения в правой руке фортепиано остается только один голос, изредка дублируемый в терцию/сексту.

На начальном этапе рекомендуется сыграть на гитаре фортепианную партию так, как концертмейстер ее видит/слышит, проанализировать максимально мелодию, ритм, гармонию. Далее — выяснить, как облегчить общее звучание, особенно в фактурно уплотненных фрагментах клавира. Затем переписать аккомпанемент, оставив преимущественно бас и гармонию, постепенно добавляя украшения, но только те, которые не мешают вокальной партии. В арпеджио сначала рекомендуется оставить по одному звуку из аккорда, а потом добавить терцовое или секстовое удвоение, учитывая удобство исполнения.

Существует ряд сборников малоизвестных романсов, в которых прописана одна мелодическая линия и буквенно-цифровое обозначение аккордов. Аранжировку аккомпанемента следует начать с восстановления голосоведения, т. е. в соответствие с обозначениями прописать басовую линию, как фундамент и дальше аккорды в соответствие с логикой гармонического развития. Фактурный рисунок аккомпанемента следует выбирать в соответствие с характером романса. Отличительной чертой романса является заложенный в нем эмоциональный код, который и должен «оживить» аккомпанемент. Раскрытые в арпеджио аккорды следует использовать для лирических, медитативных, протяжных композиций. Прием игры аккордов *rasgado* или щипком (*tirando*) чаще используется для передачи драматического характера. Группировка бас-аккорд применима для романсов с маршевым, танцевальным, ритмичным, декламационным началом.

В процессе аранжировки, при выборе регистра важно стараться не залезать в диапазон голоса вокалиста. Логично распределить вступления, проигрыши и отыгрыши в верхнем регистре, а аккомпанемент солиста — в среднем и нижнем. Не следует перегружать фактуру сопровождения, перетягивая внимание на аккомпанемент. Паузы в вокальной партии создают эффект живого дыхания, их можно заполнить в аккомпанементе имитационными построениями или дополнительным музыкальным материалом. Гитарным приемам следует придавать значение выразительных средств, так флажолеты

добавляют характеру воздушность, *glissando* — интимность. Использование открытых струн позволяет передать эффект звучания колокольчиков, также концертмейстеру-гитаристу позиционно удобнее играть с открытыми струнами.

Вокалисты часто просят добавить инструментальные проигрыши. Это — важный драматургический элемент — они позволяют дать кратковременный отдых голосу, подготовить следующую фразу — сменить настроение, характер между куплетами. Вступление необходимо для настройки вокалиста в тональности, в нем задается темп, эмоциональный настрой, создается атмосфера произведения. Рекомендуется во вступлении создать приглушенно-загадочную атмосферу, окутанную завесой манящей тайны.

При создании инструментальных фрагментов (вступления, проигрыши, отыгрыши) следует исходить из мелодического зерна романса — можно взять 2—3 первых звука мелодии и развить ритмически, мелодически, т. е. не копировать интонацию, а «пересказать» ее. Если из интонаций основной мелодии взять несколько мелодических оборотов и развить их в мелодическом и ритмическом рисунке проигрыша — это будет узнаваемо и органично для восприятия. В романсе, основанном на повторяющейся гармонической последовательности, проигрыш рекомендуется обыграть в виде арпеджио или аккордов с задержанием. Аккорд, подготавливающий следующий куплет, можно украсить фигурационными построениями.

Финальный отыгрыш не должен быть коротким, но не следует и затягивать его. Рекомендуется в заключении использовать гитарный прием флажолетов, которые передают состояние чарующей таинственной легкости. Натуральные флажолеты приближены к естественному звучанию, в то время как искусственные — ближе к краскам из мира сказок.

Важным аспектом аранжировочной работы является накопление слухового опыта — умения не только слушать, но и слышать особенности аранжировки признанных мастеров. В настоящее время в открытом доступе есть аудиозаписи знаменитых певцов, которым аккомпанировали М. Д. Соколовский, В. И. Мартынов, А. И. Виницкий, А. М. Иванов-Крамской. При анализе важно обращать внимание на фразировку, используемые типы фактурной организации аккомпанемента, применяемые технические приемы. Такой анализ развивает профессиональное чутье, художественный вкус, внутренний слух.

Обобщая накопленный опыт, следует упомянуть, что гитара часто используется в составе камерного ансамбля (балалайка, гитара, контрабас, иногда гармонь). В этом ракурсе заявленная тема могла бы получить свое продолжение в новых исследованиях. В настоящее время существуют ряд нотные издания, партитуры которых также ждут научного осмысления.

Обсуждение результатов. Аранжировка аккомпанемента русских классических романсов М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, П. И. Чайковского способствует их социализации и популяризации. Аранжировка для гитары — это не упрощение, а сотворчество. Трансформация фактуры дает возможность выделить басовую линию, сделать гармонию прозрачнее, позволяет за счет имитационных построений создать диалог между голосом и инструментом, в то время как в фортепианных версиях часто описанная игра красок заглушается педалью. Фортепианный аккомпанемент зачастую усиливает изобразительно-выразительные эффекты художественного образа, гитарный чаще подстраивается под голос, вокальное дыхание.

Гитара за счет своей условной простоты в аккомпанементе позволяет обратиться к классическим романсам, дать возможность послушать широкой публике канувшие в забвение образцы, отличающиеся необыкновенно чувственным мелодизмом, содержательными романтическими образами, воплощенными поэтами в сотворчестве с композиторами. В широком смысле это обращение к истинной отечественной культуре и искусству позволяет идентифицировать себя с ними, понять ценность и значимость национального русского живого фундамента, многовекового наследия, найти в нем источник вдохновения для собственного творческого развития и личностного роста, а также формирования национальной идентичности.

Заключение

Феномен аранжировки романсового аккомпанемента — это процесс творческого переосмысления и адаптации инструментального сопровождения, изначально написанного для голоса чаще с фортепиано, с целью создания нового художественного целого. Аранжировка гитарного аккомпанемента — это не облегченная версия фортепианного сопровождения романса, а самостоятельное искусство, требующее понимания природы гитары и голоса. Аранжировщик — не ремесленник, а художник, умеющий создавать пространство для комфортного для вокалиста, и при этом сохранить внутреннюю жизнь музыки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Базилевич М. В. Романс как феномен отечественной художественной культуры // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 7-6(76). С. 38—45.
2. Долгушина М. Г. Термин «романс» в отечественной музыкальной культуре первой трети XIX века // Термины, понятия и категории в музыковедении : IV Междунар. конгр. О-ва теории музыки : материалы конгр. Казань, 2021. С. 213—220.
3. Дорофеев А. Н. История развития русского романса // Актуальные вопросы развития образования на современном этапе: опыт, традиции, инновации : сб. материалов Регион. науч.-практ. конф. в рамках проведения Рос. дня науки. Белгород : БГИИК, 2020. С. 59—72.
4. Дюбенюк Ф. Ю., Семелев В. В. Русский романс в сопровождении шестиструнной гитары: особенности интерпретации // Университетское музыковедение : тр. фак. искусств. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2022. Вып. 12. С. 28—35.
5. Кобозева З. М. «Жестокие романсы»: эмоциональные практики в мещанской повседневности русских городов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 4. С. 20—25. DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-4-20-25.
6. Байбикова Г. В., Гурин Л. В. Обучение концертмейстерскому мастерству баянистов и аккордеонистов: историко-педагогические параллели // Образование и культурное пространство. 2025. № 2. С. 171—181.
7. Луковников А. Ю. О расширении учебного репертуара студентов-пианистов в рамках дисциплины «Концертмейстерское искусство» // Вестник МГИМ имени А. Г. Шнитке. 2023. № 5(25). С. 96—106.
8. Серов Ю. Э. Аккомпанемент в камерно-вокальной музыке как самостоятельная ветвь в истории фортепианного искусства // Philharmonica. International Music Journal. 2025. № 2. С. 56—68. DOI: 10.7256/2453-613X.2025.2.75166.
9. Фэн Ян. Взаимодействие голоса и фортепиано в русских романсах XIX века (на примере вокальных миниатюр М. Глинки, А. Даргомыжского, П. Чайковского и Н. Римского-Корсакова) // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14. № 12А. С. 144—151.
10. Фоминых Е. В. История развития концертмейстерского искусства и основные педагогические аспекты профессии // Искусство и образование. 2022. № 3(137). С. 126—134. DOI: 10.51631/2072-0432_2022_137_3_126.
11. Бакалейская Е. С. Русская семиструнная гитара в ее генетических и социокультурных характеристиках // Вестник культуры и искусств. 2019. № 2(58). С. 93—99.
12. Шулер И. А., Рябчевская Ж. А. Аккомпанемент как составляющая исполнительской деятельности гитариста // Музыкальная культура в теоретическом и прикладном измерении : сб. науч. ст. Кемерово : КемГИК, 2025. Вып. 12. С. 141—146.
13. Ястремский Е. П. Особенности развития русского гитарного искусства // Научный потенциал молодежных исследований : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск : Новая наука, 2020. С. 127—135.
14. Юдин А. Н. Истоки концертмейстерского искусства в России XVIII столетия // Временник Зубовского института. 2021. № 2(33). С. 37—50. DOI: 10.52527/22218130_2021_2_37.
15. Вышко Н. Г., Вышко Т. П. Теоретический и практический аспекты вокально-инструментальной аранжировки и обработки песенного фольклора (на материале народных песен Знаменского района Орловской области) // Образование и культурное пространство. 2024. № 1. С. 105—115.
16. Зубарев С. А. Адаптация произведений академической музыки для исполнения в условиях плац-концертов // Образование и культурное пространство. 2024. № 3. С. 77—86.

REFERENCES

1. Bazilevich M. V. Romance as a phenomenon of Russian art culture. *Evrasiiskii Soyuz Uchenykh = Eurasian Union of Scientists*. 2020;7-6(76):38—45. (In Russ.)
2. Dolgushina M. G. The Definition of Romance in the Russian Musical Culture of the First Third of the 19th Century. *Terminy, ponyatiya i kategorii v muzykovedenii = Terms, Concepts and Categories in Musicology. IV International Congress of the Society for Theory of Music. Congress proceedings*. Kazan, 2021:213—220. (In Russ.)
3. Dorofeev A. N. History of Russian romance. *Aktual'nye voprosy razvitiya obrazovaniya na sovremennom etape: opyt, traditsii, innovatsii = Topical issues at the current stage of the development of education: experience, tradition, innovation. Proceedings of the Regional scientific and practical conference within the framework of the Russian Science Day*. Belgorod, Belgorod State Institute of Arts and Culture publ., 2020:59—72. (In Russ.)

4. Dyubenok F. Yu., Semelev V. V. Russian romance accompanied by a six-string guitar: features of interpretation. *Universitetskoe muzykovedenie = University Musicology. Proceedings of the Faculty of Arts*. Cheboksary, Chuvash State University publ., 2022;12:28—35. (In Russ.)
5. Kobozeva Z. M. «Violent romances»: emotional practices in petty bourgeois everyday life of Russian cities. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2018; 24(4):20—25. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-4-20-25.
6. Baibikova G. V., Gurin L. V. Teaching concertmaster skills to bayanists and accordionists: historical and pedagogical parallels. *Obrazovanie i kul'turnoe prostranstvo = Education and Cultural Space*. 2025;2:171—181. (In Russ.)
7. Lukovnikov A. Yu. On the expansion of the educational repertoire of student pianists within the framework of the discipline “Concertmaster art”. *Vestnik MGIM imeni A. G. Shnitke*. 2023;5(25):96—106. (In Russ.)
8. Serov Yu. E. Accompaniment in chamber vocal music as an independent branch in the history of piano art. *Philharmonica. International Music Journal*. 2025;2:56—68. (In Russ.) DOI: 10.7256/2453-613X.2025.2.75166
9. Feng Yang. The interaction of voice and piano in 19th century Russian romances (examining vocal miniatures by M. Glinka, A. Dargomyzhsky, P. Tchaikovsky, and N. Rimsky-Korsakov). *Kul'tura i tsivilizatsiya = Culture and Civilization*. 2024;14(12A):144—151. (In Russ.)
10. Fominykh E. V. The art of accompanying. history of development and pedagogical aspects. *Iskusstvo i obrazovanie = Art and Education*. 2022;3(137):126—134. (In Russ.) DOI: 10.51631/2072-0432_2022_137_3_126.
11. Bakaleyskaya E. Russian seven-string guitar in its genetic and socio-cultural characteristics. *Vestnik kul'tury i iskusstv = Culture and arts herald*. 2019;2(58):93—99. (In Russ.)
12. Shuler I. A., Ryabchevskaya Zh. A. Accompaniment as a component of a guitarist's performance activity. *Muzykal'naya kul'tura v teoreticheskom i prikladnom izmerenii = Musical culture in its theoretical and applied dimensions. Collection of scientific articles*. Kemerovo, Kemerovo State Institute of Culture publ., 2025;12:141—146. (In Russ.)
13. Yastremskii E. P. Features of the development of Russian guitar art. *Nauchnyi potentsial molodezhnykh issledovaniy = The scientific potential of youth research. Collection of articles of the International scientific and practical conference*. Petrozavodsk, Novaya nauka, 2020:127—135. (In Russ.)
14. Yudin A. The birth of the art of accompaniment in 18th-century Russia. *Vremennik Zubovskogo instituta*. 2021; 2(33):37—50. (In Russ.) DOI: 10.52527/22218130_2021_2_37.
15. Vyshko N. G., Vyshko T. P. Theoretical and practical aspects of vocal and instrumental arrangement of song folklore (based on the material of folk songs of the Znamensky District of the Orel Region). *Obrazovanie i kul'turnoe prostranstvo = Education and Cultural Space*. 2024;1:105—115. (In Russ.)
16. Zubarev S. A. Adaptation of academic music pieces for performing in the conditions of platz concerts. *Obrazovanie i kul'turnoe prostranstvo = Education and Cultural Space*. 2024;3:77—86. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.07.2026; одобрена после рецензирования 30.07.2026; принята к публикации 03.08.2026.
The article was submitted 10.07.2026; approved after reviewing 30.07.2026; accepted for publication 03.08.2026.

Научная статья
УДК 796.012.
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1684

Vladimir Aleksandrovich Ovchinnikov
 Doctor of Pedagogy, Professor,
 Professor of the Department of Theoretical Foundations
 of Physical Culture and Sports,
 Moscow State Pedagogical University
 Moscow, Russian Federation
 gymnast-69@yandex.ru

Igor Lvovich Gross
 Doctor of Pedagogy,
 Professor of the Department of Theoretical Foundations
 of Physical Culture and Sports,
 Moscow State Pedagogical University
 Moscow, Russian Federation
 8540040@gmail.com

Konstantin Vladimirovich Uskov
 Candidate of Biology,
 Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations
 of Physical Culture and Sports,
 Moscow State Pedagogical University
 Moscow, Russian Federation
 kv.uskov@mpgu.su

Vyacheslav Aleksandrovich Yermakov
 Doctor of Pedagogy, Professor,
 Professor of the Department of Physical Education and Sports,
 Tula State University
 Tula, Russian Federation
 tmfk_ermakov@mail.ru

Владимир Александрович Овчинников
 д-р пед. наук, профессор,
 профессор кафедры теоретических основ
 физической культуры и спорта,
 Московский педагогический государственный университет
 Москва, Российская Федерация
 gymnast-69@yandex.ru

Игорь Львович Гросс
 д-р пед. наук,
 профессор кафедры теоретических основ
 физической культуры и спорта,
 Московский педагогический государственный университет
 Москва, Российская Федерация
 8540040@gmail.com

Константин Владимирович Усков
 канд. биол. наук,
 доцент кафедры теоретических основ
 физической культуры и спорта,
 Московский педагогический государственный университет
 Москва Российская Федерация
 kv.uskov@mpgu.su

Вячеслав Александрович Ермаков
 д-р пед. наук, профессор,
 профессор кафедры физической культуры и спорта,
 Тульский государственный университет
 Тула, Российская Федерация
 tmfk_ermakov@mail.ru

ТЕХНИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ОБОРОТУ НАЗАД В СТОЙКУ НА РУКАХ НА ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ БРУСЬЯХ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы совершенствования технической подготовки в спортивной гимнастике на примере выполнения элемента повышенной трудности в упражнениях на параллельных брусьях — оборота назад из стойки на руках в стойку на прямые руки. Авторами обосновывается необходимость внедрения биомеханического анализа в практику обучения, поскольку современные требования к исполнению гимнастических упражнений неуклонно растут, а своевременное освоение перспективных элементов является залогом успешного выступления на соревнованиях высокого уровня. Цель исследования заключается в разработке эффективной методики обучения данному элементу на основе представленных кинематических характеристик. В работе проведен биомеханический анализ техники выполнения упражнения высококвалифицированными гимнастами, выделены подготовительная, основная и заключительная стадии, а также фазы аккумуляции, реализации и амортизации. Рассчитаны линейные скорости перемещения звеньев тела, требуемые углы сгибания в плечевых и тазобедренных суста-

вах, траектории движения суставов, а также значения высоты подъема общего центра массы тела. Полученные данные легли в основу поэтапной методики обучения юных гимнастов, включающей имитационные и подводящие упражнения, систему критериев оценки правильности движений и рекомендации по исправлению типичных ошибок. Экспериментальная проверка разработанной методики показала ее высокую эффективность: гимнасты экспериментальной группы усвоили упражнение значительно быстрее (в среднем 175 попыток против 302 в контрольной группе), допустили меньшее количество грубых ошибок и получили более высокие итоговые судейские оценки. Предлагаемый подход к освоению техники гимнастических элементов может быть рекомендован для использования в тренировочном процессе как юных, так и квалифицированных гимнастов.

Ключевые слова: спортивная гимнастика, параллельные брусья, биомеханический анализ, оборот назад в стойку на руках, кинематические характеристики, стадии и фазы движения, техника упражнения, обучение, подводящие упражнения, юные гимнасты, умение

Для цитирования: Овчинников В. А., Гросс И. Л., Усков К. В., Ермаков В. А. Техника и методика обучения обороту назад в стойку на руках на параллельных брусьях // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 250—256. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1684.

Original article

TECHNIQUE AND METHODOLOGY OF TEACHING A SWING BACKWARD TO A HANDSTAND ON PARALLEL BARS

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. The article discusses topical issues of improving technical training in gymnastics using the example of performing an element of increased difficulty in exercises on parallel bars – a swing backward from a handstand to a straight handstand. The authors justify the need to introduce biomechanical analysis into training practice, since modern requirements for the performance of gymnastic exercises are steadily growing, and the timely development of promising elements is the key to successful performance at high-level competitions. The purpose of the study is to develop an effective methodology for teaching this element based on the presented kinematic characteristics. The work carries out a biomechanical analysis of the technique of performing the exercise by highly qualified gymnasts, highlights the preparatory, main and final stages, as well as the phases of accumulation, implementation and depreciation. Linear speeds of body links' movement required bending angles in shoulder and hip joints, trajectories of joint movement,

as well as values of the height of lifting the total center of body weight are calculated. The data obtained forms the basis of a phased training methodology for young gymnasts, including simulation and summing exercises, a system of criteria for assessing the correctness of movements and recommendations for correcting typical errors. Experimental testing of the developed methodology has shown its high efficiency: gymnasts of the experimental group mastered the exercise much faster (an average of 175 attempts versus 302 in the control group), made fewer gross errors and received higher final referee ratings. The proposed approach to mastering the technique of gymnastic elements can be recommended for use in the training process of both young and qualified gymnasts.

Keywords: gymnastics, parallel bars, biomechanical analysis, swing backward to a handstand, kinematic characteristics, stages and phases of movement, exercise technique, teaching, summing up exercises, young gymnasts, skill

For citation: Ovchinnikov V. A., Gross I. L., Uskov K. V., Yermakov V. A. Technique and methodology of teaching a swing backward to a handstand on parallel bars. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = Business. Education. Law. 2026;3(76):250—256. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1684.

Введение

Актуальность. Спортивная гимнастика является красивым и динамичным видом спорта. Она традиционно входит в программу летних Олимпийских игр и относится к технически сложным дисциплинам. В спортивной гимнастике ряд факторов подвержен достаточно быстрой смене — это касается прогрессирующего снижения возрастного ценза спортсменов, возрастания сложности и соответствующей «стоимости» гимнастических упражнений, а также всё увеличивающихся требований (технических и визуальных) к их исполнению. Если своевременно не освоить перспективный элемент и не овладеть высочайшей техникой его исполнения, это может привести к неудаче в будущем и не позволит достичь максимально-го спортивного результата.

В правилах по виду спорта «спортивная гимнастика» (утв. Приказом Минспорта России от 27 сентября 2022 г. № 768, с изм. от 20 декабря 2024 г. № 1279) строго регламентированы требования, предъявляемые к сложности и трудности выполнения упражнений гимнастического многоборья. По мнению О. Н. Песиной, Н. Ю. Мищенко, Е. В. Орешковой, выступление на соревнованиях гимнастического многоборья и в отдельных видах требует от спортсмена не только высокого уровня развития физических способностей, но и высокой техники движений [1]. Это характерно, в первую очередь для упражнений на параллельных брусьях. Выполняемые на них гимнастические комбинации отличаются наличием целого ряда разнообразных технических элементов. Здесь присутствует структурная множественность выполняемых двигательных действий. Это и маховые и сальтовые и вращательные

движения. Одним из таких важнейших и базовых элементов является оборот назад из стойки на руках в стойку на прямые руки. Данный элемент обязателен для включения в комбинацию соревновательной программы мастеров спорта по спортивной гимнастике. Он представляет особый интерес благодаря возможностям дальнейшего усложнения (использование сальто и поворотных движений) с соответствующим увеличением его оцениваемой «стоимости». Поэтому дальнейший поиск современных путей и подходов совершенствования процесса обучения на параллельных брусьях является актуальным и востребованным.

Изученность проблемы. Одним из таких подходов является применение метода биомеханического анализа. Как отмечает В. И. Загrevский, биомеханический анализ в спортивной гимнастике может внести важнейший вклад в оптимизацию техники исполнения, стабильности движения [2]. В другой работе им утверждается, что именно изучение биомеханики динамической осанки помогает познать двигательное действие, выявить его основные опорные точки, фазы и стадии выполнения [3]. Недавние исследования В. В. Анцыперова и Н. Л. Горячевой [4] и С. Величкова с соавторами [5] показали, что знание нормативных, требуемых показателей кинематических характеристик разучиваемого упражнения, как и проведенный сравнительный анализ биомеханических закономерностей построения движений, способны существенно обогатить дидактическую составляющую технической подготовки гимнастов и обеспечить плодотворный процесс эффективной методики обучения. Данное предположение сформировало концептуальную основу нашего исследования.

Классификация сложных упражнений с фазой полета на параллельных брусьях предложена в работе Е. Ю. Лалаевой и Я. И. Третьяковой [6]. Значительный вклад в изучение биомеханических закономерностей техники гимнастических упражнений с фазой полета внесли О. И. и В. И. Загrevские. Так, в своем исследовании ими дано биомеханическое обоснование техники гимнастического элемента «Из стойки на руках оборот назад с двойным сальто назад в упор на руках» [7]. Изучению структурной составляющей этого же элемента посвящена работа А. В. Усачева и Е. Ю. Лалаевой [8]. В. М. и Л. П. Богдановы в своих работах [9; 10] рассмотрели технику обучения вращательным элементам. Ю. В. Шевчук представила биомеханический анализ соскока с параллельных брусьев [11]. Детальный структурно-фазовый анализ техники выполнения большого оборота назад из стойки на руках в стойку на руках на параллельных брусьях на этапе формирования двигательного умения и навыка был проведен О. И. и В. И. Загrevскими [12]. Стадийно-фазовый характер биомеханики этого же элемента рассмотрен К. Л. Семеновым [13]. Он же в своих работах [14; 15] уделит детальное внимание методике обучения большого оборота назад на параллельных брусьях на основе подводящих и подготовительных упражнений.

Однако, несмотря на наличие отдельных работ, комплексного исследования, направленного на совершенствование процесса обучения элемента повышенной сложности «Из стойки на руках — оборот назад в стойку на прямые руки» с использованием современных биомеханических подходов и учетом всей совокупности кинематических характеристик явно недостаточно.

Целесообразность разработки темы определяется необходимостью повышения качества технической подготовки юных гимнастов в упражнениях на параллельных брусьях, в частности при освоении базового и высоко значимого в соревновательном отношении элемента «большой оборот назад в стойку на руках». Разработка и внедрение в тренировочный процесс научно обоснованной методики, базирующейся на знании биомеханических закономерностей и структурно-фазового строения упражнения, позволит оптимизировать процесс обучения, сократить сроки освоения элемента и повысить надежность его выполнения в соревновательных условиях.

Цель исследования — на основе анализа биомеханических показателей разработать методику обучения техники выполнения упражнения «Из стойки на руках — оборот назад в стойку на прямые руки».

Задачи исследования:

1. Провести биомеханический анализ гимнастического элемента «Из стойки на руках — оборот назад в стойку на прямые руки» на параллельных брусьях с выделением периодов, стадий и фаз движения.

2. Выявить типичные ошибки и основные кинематические характеристики, влияющие на качество исполнения упражнения.

3. Разработать методику обучения, направленную на качественное освоение и совершенствование техники данного элемента и оценить ее эффективность.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нашей работе был осуществлен комплексный подход по совершенствованию техники обучения большому обороту назад на параллельных брусьях. Он включает в себя: систематизацию и уточнение биомеханических параметров техники выполнения элемента; разработку и экспериментальное обоснование методики обучения с акцентом на ключевые фазы и стадии движения; выявление наиболее значимых кинематических характеристик, определяющих успешность освоения и качество исполнения данного упражнения.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты расширяют и углубляют научные представления о биомеханических закономерностях построения техники оборотовых упражнений на параллельных брусьях, в частности уточняют структурно-фазовую составляющую гимнастического элемента «Из стойки на руках — оборот назад в стойку на прямые руки» на параллельных брусьях.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования разработанной методики обучения в тренировочном процессе юных гимнастов, а также в системе подготовки специалистов по спортивной гимнастике. Предложенные подходы, комплексы подводящих и подготовительных упражнений, а также выявленные биомеханические критерии могут быть применены тренерами для повышения эффективности учебно-тренировочного процесса, своевременной коррекции ошибок и ускоренного освоения данного элемента.

Основная часть

Результаты исследования и их обсуждение. Структурный состав упражнения проводился на основе анализа биомеханических показателей, участвующих в реализации движения. В ходе исследований были рассчитаны:

- кинограммы перемещения звеньев тела (рис. 1);
- траектории перемещения суставов;
- продолжительность выполнения стадий и фаз упражнения;
- определены линейная скорость и ускорение.

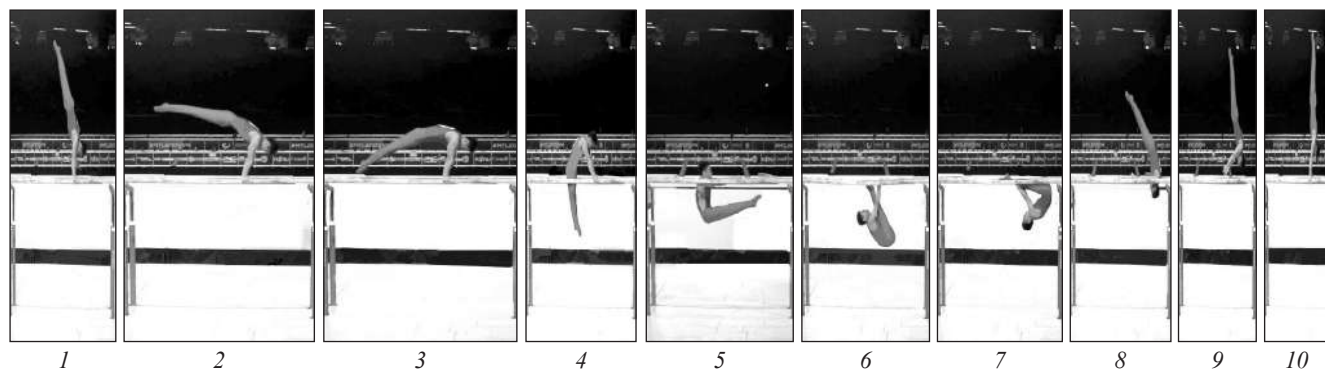

Рис. 1. Контурграмма «Из стойки на руках — оборот назад в стойку на прямые руки»

В рамках анализа техники в качестве модельного примера был выбран элемент повышенной сложности «Из стойки на руках — оборот назад в стойку на прямые руки» на параллельных брусьях в исполнении мастера спорта международного класса, который редко описывается в специальной научно-методической литературе. Особен-

ностью данного гимнастического упражнения является то, что гимнаст выполняет его с прямыми руками из стойки на руках и ранним спадом.

Структурные компоненты техники выполнения рассматриваемого упражнения представлены в таблице.

Структурные компоненты техники выполнения упражнения

Стадия	Фаза	Элемент	Описание	Скорость выполнения, м/с
Подготовительная	Аккумуляции	Разгон	Движение начинается с ног	0,17
			Прямое тело	0,50
		Сгибание	Сгибание в плечевом и тазобедренном суставах	0,67
Основная	Реализации	Разгибание	Ранний спад	0,83
			Форсированное сгибание тела	1,00
			Удержание виса согнувшись	1,17
	Амортизации	Остановка	Из согнутого положения активное разгибание в плечевых и тазобедренных суставах	1,33
			Завершение полного разгибания. Отпускание кистей	
Заключительная		Финал	Тело в полете	1,67
			Постановка кистей на жерди	2,00

Выделенные в результате анализа основные компоненты имеют свои особенности выполнения.

• **Подготовительная стадия.** Рассматриваемое упражнение предусматривает два варианта возможного исходного положения — это выполнение из упора, либо выполнение из стойки на руках.

В нашей работе представлен анализ техники выполнения гимнастического элемента из исходного положения — стойки на руках с последующим опусканием. Данная стадия включает такие фазы как: разгон и сгибание в плечевых и тазобедренных суставах. Приближаясь к горизонтали тело гимнаста сгибается до $148,3^\circ$. Угол сгибания в плечевых суставах составляет 91° . После этого следует смещения в плечевых суставах. Это позволяет увеличить скорость звеньев тела за счет «отодвига» тела от опоры. Ноги разгоняются в итоге до 4 м/с.

• **Основная стадия.** Подготовительные действия завершаются сгибанием тела в плечевых и тазобедренных суставах до положения виса согнувшись. Для набора скорости и последующего эффективного разгибания в стойку на руках в плечевых и тазобедренных суставах составляет 90° (рис. 1, 5). На рис. 1, 6 видно, что гимнаст начинает активно разгибаться в тазобедренных суставах. При этом мышцы спины оптимально растянуты, что обеспечивает в дальнейшем активное «бросковое» движение ногами вверх и отводит руки назад. Именно предварительно растянутые и оптимально напряженные мышцы сокращаются с большей скоростью. Данный факт согласуется с исследованиями Т. В. Заячук с соавторами [16] и работой В. С. Макаровой [17].

Основная задача данной стадии достаточно мощно и активно разогнуться в плечевых и тазобедренных суставах для последующего увеличения скорости и амплитуды движения тела вверх. При этом общий центр массы тела поднимается над жердями параллельных брусьев на высоту 105,17 см и его скорость достигает значения в 5,5 м/с.

Во время разгибания происходит плавное увеличение углов в плечевых и тазобедренных суставах. На рис. 1, 8 видно, что тело гимнаста практически завершает полное разгибание. Руки активно помогают разгибанию тела.

• **Заключительная стадия.** Завершая полное разгибание тела (рис. 1, 9), гимнаст отпускает кисти и осуществляет их постановку прямыми руками на жерди. В фазе полета тело гимнаста расположено относительно вертикали под углом 10° . В момент «дохвата» жердей гимнаст доводит тело до вертикали и фиксирует стойку на руках.

При выполнении элемента задействованы два физических механизма: перевод общего центра массы тела с большого радиуса движения на малый и перераспределение движения (линейных и угловых скоростей и кинетических моментов) между звеньями тела.

Действия этих механизмов наглядно представлены на рис. 2, демонстрирующих изменение радиуса движения. На рис. 3 представлено распределение скоростей перемещения суставов тела во время исполнения гимнастического элемента.

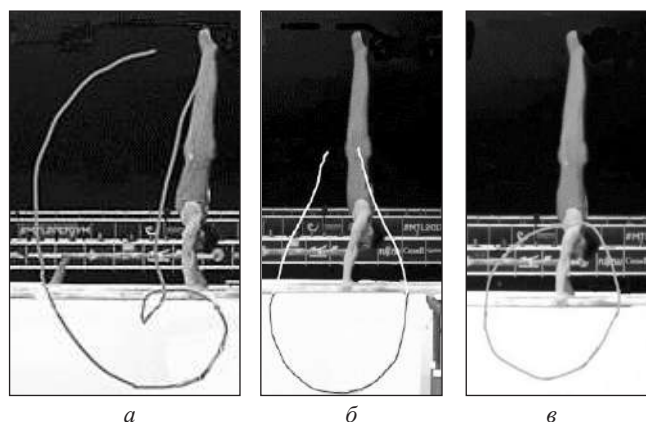

Рис. 2. Траектории перемещения голеностопного (а), тазобедренного (б) и плечевого (в) суставов во время исполнения упражнения

Полученные данные стали основой для целевой программы обучения «Из стойки на руках — оборот назад в стойку на прямые руки». Разработанная методика обучения технике данному упражнению была апробирована в учебно-тренировочном процессе спортсменов на базе Спортивной школы № 1 г. Волгограда.

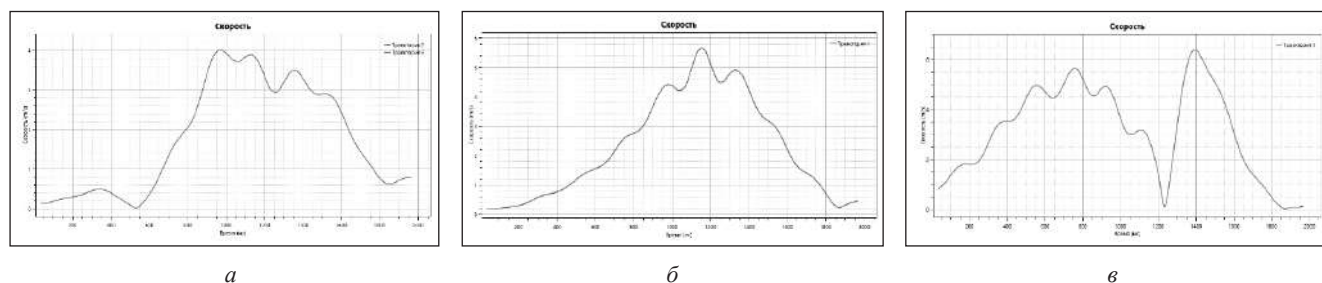

Рис. 3. Скорости перемещения голеностопного (а), тазобедренного (б) и плечевого (в) суставов

Для качественного овладения рассматриваемого гимнастического элемента, гимнасту необходимо наличие базовых и устойчивых навыков владения техникой выполнения на перекладине оборота назад в стойку на руках.

Успешное освоение элемента «Из стойки на руках — оборот назад в стойку на прямые руки» на параллельных брусьях возможно только при условии, что спортсмен обладает высоким уровнем общей физической подготовленности (силовые и координационные способности, гибкость) и имеет достаточный уровень предварительной технической подготовленности.

Пошаговая методика обучения упражнению включает:

- определение состояния готовности к освоению упражнения;
- освоение системы подводящих и имитационных упражнений;
- соблюдение критериев оценки правильности выполнения отдельных фаз движения;
- практические рекомендации по коррекции основных и типичных ошибок.

Методика обучения. Процесс обучения включает в себя три этапа, которые связаны с формированием знаний, умений и навыков. Для освоения техники упражнения нами использовался метод подводящих и подготовительных упражнений. На начальном этапе гимнастам демонстрировались видеозаписи идеальной техники выполнения элемента в исполнении высококвалифицированных гимнастов. Юным спортсменам необходимо было запомнить рабочие позы и положение тела и попытаться с минимальными ошибками добиться сохранения заданной позы во время выполнения движений.

Подготовительные упражнения. Перед началом освоения гимнастического элемента рекомендуется выполнить следующие подготовительные упражнения, такие как:

- для развития силы мышц сгибателей и разгибателей плеча, кистей, брюшного пресса и спины;
- размахивания в висе на параллельных брусьях с постепенно увеличивающейся амплитудой;
- освоение техники выполнения раннего спада на параллельных брусьях;
- освоение кувырка назад в стойку с прямыми руками и кувырка назад в стойку на руках с подскоком;
- выполнение оборота назад на низкой перекладине с прямыми руками ранним спадом;

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Песина О. Н., Мищенко Н. Ю., Орешкова Е. В. Целесообразность применения специальных комплексов физических упражнений интегральной «предметной» подготовки в учебно-тренировочном процессе юных гимнасток // Вестник спортивной науки. 2023. № 6. С. 32—39.
2. Загrevский В. И. Структурно-параметрическая перестройка техники гимнастических упражнений // Теория и практика физической культуры. 2015. № 11. С. 66—68.

– выполнение подъема разгибом в стойку на низких параллельных брусьях со страховкой.

Анализ эффективности разработанной методики проводился по следующим критериям. Это длительность обучения; экспертная оценка, осуществляемая высококвалифицированными специалистами и оценка качества исполнения гимнастического элемента во время выступления на соревнованиях. В результате проведенного трехмесячного педагогического эксперимента предлагаемая методика обучения доказала свою эффективность, т. к. по всем критериям наблюдалось значительное превосходство гимнастов экспериментальной группы над гимнастами контрольной группы. Были исключены грубые и средние ошибки, такие как отклонение плеч/тела, чрезмерное разведение ног и неестественное положение кистей. Это в конечном итоге способствовало увеличению средней гимнастической оценки гимнастов экспериментальной группы. И главное, на освоение упражнения гимнастам экспериментальной группы понадобилось в среднем 175 попыток по сравнению с 302 попытками в контрольной группе. Но наибольшую сложность в освоении техники выполнения для гимнастов обеих групп составил момент перехода из виса в упор, что является следствием нехватки скорости перемещения тела вверх.

Выводы

Процесс обучения техники гимнастических упражнений протекает более эффективно, если в период учебно-тренировочной деятельности применяются знания об основных законах и закономерностях биомеханики и кинезиологии.

Разработанная методика обучения гимнастического элемента «Из стойки на руках — оборот назад в стойку на прямые руки» на параллельных брусьях построенная на основе биомеханического анализа показала свою высокую эффективность и может быть рекомендована для использования в учебно-тренировочном процессе спортивной подготовки как юных, так и высококвалифицированных гимнастов.

В последующих научных исследованиях необходимо обратить внимание на дальнейшее изучение и систематизацию знаний о биомеханических закономерностях построения двигательных действий других базовых гимнастических элементов. Это будет являться основой для разработки современных, эффективных методик обучения, что в свою очередь будет способствовать повышению качества подготовки спортсменов.

3. Загrevский В. И., Загrevский О. И., Галайчук Т. В. Биомеханика динамической осанки в спортивных упражнениях и методика ее формирования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 178—188. DOI: 10.17223/15617793/471/21.
4. Анцыперов В. В., Горячева Н. Л. Обучение гимнасток двойному сальто назад в вольных упражнениях с элементами программирования // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2020. № 4. С. 15—24.
5. An Analysis of the Kinetic Energy in the Basket to Handstand on Parallel Bars: A Case Study of an Elite Gymnast / S. Veličković, D. Đorđević, P. Veličković et al. // Life. 2025. Vol. 15. Iss. 2. Art. 172. DOI: 10.3390/life15020172.
6. Лалаева Е. Ю., Третьякова Я. И. Особенности классификации сложных упражнений на параллельных брусьях в спортивной гимнастике // Вестник науки. 2024. № 2(71). Т. 3. С. 658—663.
7. Загrevский О. И., Загrevский В. И., Шилько В. Г. Структурный состав двойного сальто назад в группировке над жердями на параллельных брусьях, выполняемого из различных стартовых положений полетной части // Теория и практика физической культуры. 2022. № 10. С. 93—95.
8. Усачев А. В., Лалаева Е. Ю. Обучение сложным упражнениям на параллельных брусьях // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2021. № 1. С. 193—199.
9. Богданов В. М., Богданова Л. П. Новый элемент для упражнений на параллельных брусьях — «вертушка Диомидова с поворотом на 720°» // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 3(205). С. 22—25.
10. Богданов В. М., Богданова Л. П. О дальнейшем развитии упражнений на параллельных брусьях на основе вертушки Диомидова // Культура физическое и здоровье. 2023. № 3(87). С. 126—129.
11. Шевчук Ю. В. Методика освоения биомеханической структуры соскока «двойное сальто вперед в группировке на параллельных брусьях махом назад из упора» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2020. № 2. С. 136—144. DOI: 10.25146/1995-0861-2020-52-2-207.
12. Загrevский О. И., Загrevский В. И. Техника «большого оборота назад из стойки на руках в стойку на руках на параллельных брусьях» на этапе формирования двигательного умения и навыка // Теория и практика физической культуры. 2015. № 7. С. 23—25.
13. Семенов К. Л. Техника выполнения большого оборота назад на параллельных брусьях // Научно-методическое обеспечение физического воспитания и спортивной подготовки студентов вузов : материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск : БГУ, 2018. С. 376—379.
14. Семенов К. Л. Методика обучения большому обороту назад на параллельных брусьях // Стратегия формирования здорового образа жизни населения средствами физической культуры и спорта: тенденции, традиции и инновации : материалы XX междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В. Н. Зуева. Тюмень : Вектор Бук, 2018. С. 297—300.
15. Семенов К. Л., Попов И. А. Технология обучения большому обороту назад на параллельных брусьях // Физическая культура, здравоохранение и образование : материалы XIII междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти В. С. Пирусского. Томск : STT, 2019. С. 210—214.
16. Скоростно-силовые способности в спортивной гимнастике / Т. В. Заячук, Ф. А. Мавлиев, Р. М. Валиуллин и др. // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2020. № 10(188). С. 138—142.
17. Макарова В. С. Особенности проявления пластичности движений у спортсменок художественной и спортивной гимнастики // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2026. № 4(254). С. 57—63. DOI: 10.5930/1994-4683-2026-4-57-63.

REFERENCES

1. Pesina O. N., Mishchenko N. Yu., Oreshkova E. V. The expediency of the use of special complexes of physical exercises integrated “subject” training in the educational process of young gymnasts. *Vestnik sportivnoi nauki = Sports Science Bulletin*. 2023;6:32—39. (In Russ.)
2. Zagrevskiy V. I., Zagrevskiy O. I. Structural and parametric reorganization of technique of gymnastic exercises. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2015;11:23.
3. Zagrevskiy V. I., Zagrevskiy O. I., Galaichuk T. V. Biomechanics of Dynamic Posture in Sports Exercises and Methods of Its Formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2021;471:178—188. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/471/21.
4. Antsyperov V. V., Goryacheva N. L. Gymnasts’ double back flips training in the floor exercise with elements of programming. *Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka = Physical education and sports training*. 2020;4:15—24. (In Russ.)
5. Veličković S., Đorđević D., Veličković P. et al. An Analysis of the Kinetic Energy in the Basket to Handstand on Parallel Bars: A Case Study of an Elite Gymnast. *Life*. 2025;15(2):172. DOI: 10.3390/life15020172.
6. Lalaeva E. Yu., Tretiyakova Ya. I. Features of classification of complex exercises on parallel bars in gymnastics. *Vestnik nauki*. 2024;2(71)-3:658—663. (In Russ.)
7. Zagrevsky O. I., Zagrevsky V. I. Structural composition of a double backfold in a group over the bars on parallel bars, performed from various starting positions of the flight part. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2022;10:27—30.
8. Usachev A. V., Lalaeva E. Yu. Complex exercises instruction on parallel bars. *Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka = Physical education and sports training*. 2021;1:193—199. (In Russ.)
9. Bogdanov V. M., Bogdanova L. P. New element for exercises on parallel bars — “Diomide [sic!] spin with turn at 720°”. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta = Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2022;3(205):22—25. (In Russ.)
10. Bogdanov V. M., Bogdanova L. P. On the further development of exercises on parallel bars based on the Diomidov’s turntable. *Kul’tura fizicheskaya i zdorov’e = Physical culture and health*. 2023;3(87):126—129. (In Russ.)

11. Shevchuk Yu. V. Biomechanical structure of double forward somersault dismount in tuck position on parallel bars swinging back from the stop and methods of its development. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* = *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev*. 2020;2:136—144. (In Russ.) DOI: 10.25146/1995-0861-2020-52-2-207.
12. Zagrevskiy O. I., Zagrevskiy V. I. Technique of grand swing backward from handstand in a handstand on parallel bars in skill acquiring phase. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2015;7:7.
13. Semenov K. L. Technique for performing a grand swing backward on parallel bars. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie fizicheskogo vospitaniya i sportivnoi podgotovki studentov vuzov* = *Scientific and methodological support for physical education and sports training of university students. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Minsk, Belarusian State University publ., 2018:376—379. (In Russ.)
14. Semenov K. L. Methods of teaching a grand swing backward on the parallel bars. *Strategiya formirovaniya zdorovogo obraza zhizni naseleniya sredstvami fizicheskoi kul'tury i sporta: tendentsii, traditsii i innovatsii* = *Strategy for forming a healthy life-style of the population by means of physical culture and sports: trends, traditions and innovations. Proceedings of the XX International scientific and practical conference, dedicated to the memory of Professor V. N. Zuev*. Tyumen, Vektor Buk, 2018:297—300. (In Russ.)
15. Semenov K. L., Popov I. A. Technology of teaching a grand swing backward on parallel bars. *Fizicheskaya kul'tura, zdavookhraneniye i obrazovaniye* = *Physical education, healthcare and education. Proceedings of the XIII International scientific and practical conference, dedicated to the memory of V. S. Pirussky*. Tomsk, STT, 2019:210—214. (In Russ.)
16. Zayachuk T. V., Mavliev F. A., Valiullin R. M. et al. Speed and strength abilities in gymnastics. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta* = *Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2020;10(188):138—142. (In Russ.)
17. Makarova V. S. Features of movement plasticity in artistic and rhythmic gymnasts. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta* = *Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2026;4(254):57—63. (In Russ.) DOI: 10.5930/1994-4683-2026-4-57-63.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 27.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.
The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 27.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 378.6:37.062
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1680

Tatyana Vitalievna Poshtareva
 Doctor of Pedagogy, Professor,
 Dean of the Faculty of Social and Psychological Sciences,
 North Caucasian Social Institute
 Stavropol, Russian Federation
 tati19701@rambler.ru

Alexander Nikolaevich Pertsev
 Postgraduate of the Department
 of Social and Humanitarian Disciplines,
 field of training
 44.06.01 — Education and pedagogical sciences,
 North Caucasian Social Institute
 Stavropol, Russian Federation
 pereckr@mail.ru

Татьяна Витальевна Поштарева
 д-р пед. наук, профессор,
 декан социально-психологического факультета,
 Северо-Кавказский социальный институт
 Ставрополь, Российская Федерация
 tati19701@rambler.ru

Александр Николаевич Перцев
 аспирант кафедры
 социально-гуманитарных дисциплин,
 направление подготовки
 44.06.01 — Образование и педагогические науки,
 Северо-Кавказский социальный институт
 Ставрополь, Российская Федерация
 pereckr@mail.ru

МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматривается проблема организационно-педагогического управления профессиональной социализацией курсантов военных вузов в условиях трансформации системы высшего военного образования и возрастания требований к личности будущего офицера. Профессиональная социализация понимается как целостный, поэтапный процесс присвоения ценностей, норм и компетенций военно-профессиональной деятельности, формирования идентичности и готовности к выполнению служебных обязанностей. На основе синтеза системного, деятельностного, средового, личностно-ориентированного, компетентностного и аксиологического подходов авторами разработана структурно-функциональная модель управления, состоящая из четырех взаимосвязанных блоков: целевого, содержательно-процессуального, организационно-управленческого и критериально-оценочного. В работе обосновано, что организационно-педагогическое управление представляет собой особый вид педагогической управленческой деятельности, интегрирующий административные и педагогические механизмы и занимающий надструктурную позицию. Раскрыто содержание каждого блока модели: определены социальный заказ, цель и задачи; выделены направления и этапы управленческого воздействия, соотнесенные с этапами социализации (адаптационно-ориентировочный, нормативно-усвоенческий, идентификационно-преобразующий, продуктивно-результативный); представлены субъекты, функции, методы и средства управления. Особое внимание уделено комплексу педагогических условий эффективного функционирования модели: готовность субъектов образовательного процесса к управлению социализацией, ценностно-смысловое насыщение военной образовательной среды, систематический мониторинг и диагностика, включение курсантов в субъектную позицию. Предложен критериально-оценочный аппарат, включающий мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный и идентификационно-рефлексивный критерии с уровневой градацией (высокий, средний, низкий). Показано, что модель реализуется как замкнутый управленческий цикл с обратной связью, обеспечивающий саморегуляцию и коррекцию. Новизна исследования заключается в обосновании целостной модели управления профессиональной социализацией курсантов, а практическая значимость — в возможности ее применения для мониторинга, организации образовательного и воспитательного процессов в военном вузе, а также при разработке учебных программ и повышении квалификации преподавательского состава.

Ключевые слова: профессиональная социализация, курсанты военного вуза, организационно-педагогическое управление, модель, военная образовательная среда, военно-профессиональная идентичность, педагогические условия, критериально-оценочный аппарат, управленческий цикл, профессиональное становление офицера

Для цитирования: Поштарева Т. В., Перцев А. Н. Модель организационно-педагогического управления процессами профессиональной социализации курсантов военного вуза // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 257—262. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1680.

Original article

MODEL FOR ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL MANAGEMENT OF MILITARY UNIVERSITY CADETS' PROFESSIONAL SOCIALIZATION

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The article addresses the issue of organizational and pedagogical management of military university cadets' professional socialization amidst the transformation of the higher military education system and increasing demands on the personality of the future officer. Professional socialization is interpreted as an integral, stage-by-stage process of assimilating values, norms and competencies of military professional activity, forming identity and readiness to perform official duties. Based on a synthesis of systemic, activity-based, environmental, personality-oriented, competence-based and axiological approaches, the authors develop a structural-functional management model consisting of four interconnected blocks: target-setting, content-procedural, organizational, and evaluative. The paper substantiates that organizational and pedagogical management represents a special type of pedagogical managerial activity that integrates administrative and pedagogical mechanisms and occupies a supra-structural position. The content of each model block is revealed: the social order, goal and tasks are defined; the directions and stages of managerial influence, correlated with the stages of socialization (adaptation and orientation, norms assimilation, identity transformation, and outcomes), are highlighted; the subjects, functions, methods and means of management*

are presented. Special attention is paid to the set of pedagogical conditions for the effective functioning of the model: readiness of educational process subjects to manage socialization, value-semantic saturation of the military educational environment, systematic monitoring and diagnostics, and inclusion of cadets in a subject position. A criteria-evaluative apparatus is proposed, including value-motivational, cognitive, activity-based, and identification-reflexive criteria with a level gradation (high, medium, low). It is shown that the model is implemented as a closed management cycle with feedback, ensuring self-regulation and correction. The novelty of the research lies in substantiating a holistic model for managing cadets' professional socialization, while its practical significance is determined by the possibility of its application for monitoring, organizing educational and upbringing processes in a military university, as well as for developing curricula and improving the qualifications of teaching staff.

Keywords: *professional socialization, military university cadets, organizational and pedagogical management, model, military educational environment, military professional identity, pedagogical conditions, criteria-evaluative apparatus, management cycle, professional formation of an officer*

For citation: Poshtareva T. V., Pertsev A. N. Model for organizational and pedagogical management of military university cadets' professional socialization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):257—262. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1680.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена существенными преобразованиями, происходящими в сфере обороны и военного строительства. Усложнение геополитической обстановки, масштабное перевооружение Вооруженных Сил, внедрение цифровых технологий и автоматизированных систем предъявляют новые требования к подготовке будущих офицеров, придавая задаче формирования высокопрофессионального, убежденного и ответственного офицерского корпуса стратегическое значение. Высшее военное образование выступает важнейшим институтом решения этой задачи: в военном вузе будущий офицер не только овладевает системой знаний и компетенций, но и проходит профессиональное становление, в ходе которого происходит интериоризация ценностей, формируется идентичность, складывается готовность к долгу. Этот процесс в педагогике обозначается понятием профессиональной социализации. Ее специфика в военном вузе обусловлена жесткой регламентацией образовательного процесса, единством учебной и служебной деятельности, необходимостью одновременного освоения нескольких социальных ролей, высокой ответственностью. Анализ практики показывает, что стихийная социализация нередко приводит к снижению мотивации, нарушениям дисциплины, формальному отношению к деятельности, тогда как целенаправленное управление способно обеспечить успешное вхождение курсанта в профессиональную среду. Это актуализирует задачу научного обоснования управления профессиональной социализацией курсантов и разработки педагогической модели.

Изученность проблемы. Общетеоретические основы социализации как механизма вхождения индивида в социум представлены в работах Г. М. Андреевой, Л. С. Выготского, И. С. Кона, А. В. Мудрика [1]. Различные аспекты профессиональной социализации и профессионального становления обучающихся раскрыты Э. Ф. Зеером, Ю. П. Поваренковым [2; 3]. Специфика становления личности будущего офицера исследовалась С. И. Дьяковым, Е. А. Митюком, А. А. Цыбулько [4—6] и др. Теоретические основы управления педагогическими системами разрабатывались Ю. А. Конаржевским, Г. А. Кречетовой, Е. Ю. Смолиной, П. И. Третьяковым [7—10]; применительно к военному вузу вопросы управления образовательным процессом рассматривались А. Н. Акимовым, Е. С. Гришиной, А. З. Шидовым и др. [11—13]. Понятия «организационно-педагогические условия» обоснованы Н. В. Ипполитовой и Н. С. Стерховой [14], а «организационно-педагогическое управление» применительно к военному вузу А. Н. Сиваком, Н. Н. Миняйленко и В. А. Чистяковым [15]. Вместе с тем в педагогической науке не получили целостного освещения вопросы организационно-педагогического управления именно процессами профессиональной социализации курсантов.

Целесообразность разработки темы связана с необходимостью разрешения противоречия между потребностью практики высшего военного образования в результативной модели организационно-педагогического управления процессами профессиональной социализации курсантов и неразработанностью соответствующего теоретического и методического обеспечения, включающего описание

структуры такого управления, совокупность педагогических условий и критериально-показательную базу оценивания эффективности.

Научная новизна исследования состоит в том, что разработана и теоретически обоснована структурно-функциональная модель организационно-педагогического управления процессами профессиональной социализации курсантов, включающая целевой, содержательно-процессуальный, организационно-управленческий и критериально-оценочный блоки; определена совокупность педагогических условий результативного функционирования модели; обоснован критериально-оценочный аппарат, объединяющий мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный и идентификационно-рефлексивный критерии и уровневую характеристику профессиональной социализации курсантов.

Целью исследования выступило теоретическое обоснование и разработка модели организационно-педагогического управления процессами профессиональной социализации курсантов военного вуза.

Задачи исследования:

- обосновать методологические подходы к построению модели организационно-педагогического управления процессами профессиональной социализации курсантов;
- раскрыть структуру и содержание модели через характеристику образующих ее блоков;
- определить педагогические условия результативного функционирования модели;
- обосновать критериально-оценочный аппарат, позволяющий диагностировать результативность управления.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации подходов к организационно-педагогическому управлению и раскрытии его сущности как самостоятельного вида педагогической управленческой деятельности, обладающего собственной структурой, функциями и принципами; в обосновании системы принципов, образующих основание для проектирования соответствующих педагогических моделей; в развитии понятийно-категориального аппарата теории и методики профессионального образования в части управления процессами профессионального становления обучающихся военных вузов.

Практическая значимость работы определяется тем, что разработанная модель, а также критериально-показательная база и комплекс диагностических методик могут служить инструментом систематического мониторинга процессов профессиональной социализации курсантов и применяться в организации образовательного процесса и воспитательной работы военных вузов, при разработке программ повышения квалификации командного и профессорско-преподавательского состава, при подготовке учебных пособий по дисциплинам «Военная педагогика», «Военная психология», «Управление воинским коллективом».

Основная часть

Разработка модели организационно-педагогического управления опирается на метод педагогического моделирования, позволяющий представить сложный, многокомпонентный объект в целостном и обозримом виде, выявить его структуру и взаимосвязи компонентов, спрогнозировать характер функционирования и обосновать условия результативности [16]. Исходным для моделирования выступает понимание профессиональной социализации курсантов военного вуза как целостного, многоаспектного,

постепенно разворачивающегося в условиях специфической военной образовательной среды процесса присвоения ими ценностей, норм, образцов и компетенций военно-профессиональной деятельности, формирования военно-профессиональной идентичности и готовности к самостоятельному выполнению функциональных обязанностей. Структуру этого процесса образуют мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный и идентификационно-рефлексивный компоненты, а его протекание подчинено логике четырех этапов — адаптационно-ориентировочного, нормативно-усвоенческого, идентификационно-преобразующего и продуктивно-результативного [1; 5; 12; 13].

Методологическим основанием построения модели послужила совокупность подходов. Системный подход обеспечил рассмотрение организационно-педагогического управления как целостной системы, обладающей структурой, функциями и связями с образовательной средой, а саму модель — как совокупность взаимосвязанных блоков, образующих единое целое с эмерджентными свойствами. Деятельностный подход обусловил трактовку профессиональной социализации как процесса, осуществляющегося в деятельности и через деятельность, а управления — как особого вида деятельности субъектов образовательного процесса. Средовой подход позволил учесть роль военной образовательной среды как фактора социализации и инструмента опосредованного управленческого воздействия. Личностно-ориентированный подход определил направленность управления на личностное развитие курсанта и актуализацию его субъектной позиции, компетентностный — представление результатов социализации через сформированность компетенций будущего офицера, аксиологический — ценностно-смысловую направленность управленческого воздействия на присвоение курсантами ценностей военно-профессиональной деятельности [3; 11; 17; 18].

На основе обобщения подходов организационно-педагогическое управление процессами профессиональной социализации курсантов военного вуза понимается нами как особый вид педагогической управленческой деятельности субъектов образовательного процесса военного вуза, направленный на целенаправленное проектирование, реализацию и регулирование педагогических воздействий и условий, обеспечивающих результативное протекание процессов профессиональной социализации курсантов. От собственно педагогического управления оно отличается выраженной организационной, координирующей составляющей, а от собственно административного — выраженной педагогической направленностью на личностное и профессиональное развитие обучающегося. Тем самым организационно-педагогическое управление занимает в системе управленческой деятельности образовательной организации особое, надструктурное, координирующее положение, интегрируя организационно-административные и педагогические механизмы, что значимо в условиях военного вуза с присущими ему принципами единоначалия, субординации и уставной регламентации [7; 8].

Разработанная нами модель представляет собой структурно-функциональную модель, включающую четыре взаимосвязанных блока: целевой, содержательно-процессуальный, организационно-управленческий и критериально-оценочный, — которые отражают логику управленческой деятельности от определения целей через содержательное наполнение и организационное обеспечение к оцениванию результатов.

Целевой блок задает ориентиры управленческой деятельности и включает социальный заказ, цель и задачи управления. Социальный заказ определяется потребностями государства в подготовке офицерских кадров, обладающих сформированной военно-профессиональной идентичностью и готовностью к служению Отечеству, и закреплена в нормативно-правовых документах. Цель управления состоит в обеспечении результативного протекания процессов профессиональной социализации курсантов, понимаемого как достижение высокого уровня сформированности ее структурных компонентов, а задачи конкретизируют цель применительно к каждому из них. Целевой блок выполняет системообразующую функцию, интегрируя внешнюю детерминацию управленческой деятельности (социальный заказ) и ее внутреннюю детерминацию (закономерности профессиональной социализации курсантов). Содержательно-процессуальный блок раскрывает содержание и логику управленческого воздействия. Его содержательный аспект составляют направления управленческой деятельности, соотношенные со структурными компонентами профессиональной социализации: формирование мотивационно-ценностного отношения к военной профессии, обеспечение освоения системы военно-профессиональных знаний, организация деятельности по формированию профессиональных умений и навыков, создание условий для становления военно-профессиональной идентичности и развития рефлексии. Процессуальный аспект отражает этапность управленческого воздействия, соотношенную с этапами профессиональной социализации: на адаптационно-ориентировочном этапе управление направлено на обеспечение успешной адаптации курсантов; на нормативно-усвоенческом — на усвоение профессиональных норм, ценностей и знаний; на идентификационно-преобразующем — на становление военно-профессиональной идентичности и актуализацию субъектной позиции; на продуктивно-результативном — на проявление сформированной профессиональной позиции в самостоятельной деятельности. Соотнесение направлений воздействия с этапами образует матрицу, обеспечивающую системность и адресность управления. Реализация блока опирается на технологии контекстного и проблемно-деятельностного обучения, игрового моделирования профессиональных ситуаций, педагогической поддержки и развития субъектной позиции, что придает управленческому воздействию деятельностный и личностно-ориентированный характер. Организационно-управленческий блок раскрывает механизм реализации управленческого воздействия и включает субъектов управления, их функции, методы и средства, а также педагогические условия результативности. Субъектами управления выступают руководство образовательной организации, профессорско-преподавательский состав, командиры подразделений и офицеры-воспитатели, согласованная деятельность которых обеспечивает целостность управленческого воздействия. Функции управления: целеполагающая, организационная, диагностическая, регулятивная, оценочная и развивающая — реализуются субъектами в полном управленческом цикле [11; 13; 15].

Центральное место в блоке занимают четыре педагогических условия:

1. Обеспечение готовности субъектов образовательного процесса к управлению профессиональной социализацией курсантов, предполагающее сформированность у них соответствующих компетенций, мотивации и единого понимания целей воздействия.

2. Ценностно-смысловое насыщение образовательной среды военного вуза, обеспечивающее опосредованное воздействие на ценностно-смысловую сферу курсантов через актуализацию воинских традиций и ритуалов, организацию воспитательной работы, создание ценностно-ориентированной атмосферы в воинском коллективе.

3. Осуществление систематического мониторинга и педагогической диагностики процессов профессиональной социализации, обеспечивающее надежную обратную связь и своевременную коррекцию воздействия.

4. Включение курсантов в субъектную позицию по отношению к собственной профессиональной социализации через проектные, исследовательские, наставнические и рефлексивные формы работы [6; 11; 13; 15].

Выделенные условия образуют взаимосвязанный комплекс и подлежат совокупной реализации.

Критериально-оценочный блок обеспечивает диагностику результативности управления через оценивание уровня сформированности компонентов профессиональной социализации. В соответствии со структурой профессиональной социализации выделены четыре критерия. Мотивационно-ценностный критерий характеризуется устойчивостью профессиональной мотивации, сформированностью ценностного отношения к военной профессии и готовностью к служению Отечеству. Когнитивный критерий — полнотой и системностью военно-профессиональных знаний, осведомленностью о нормах, традициях и требованиях военной службы. Деятельностный критерий — успешностью учебной и служебной деятельности, владением профессиональными способами действия. Идентификационно-рефлексивный критерий — сформированностью военно-профессиональной идентичности, развитостью рефлексии и способности к саморегуляции профессионального становления. На основе критериев и показателей выделены три уровня профессиональной социализации курсантов: высокий, средний и низкий, — что позволяет осуществлять как констатирующую диагностику исходного состояния, так и отслеживание динамики в ходе реализации модели. Критериально-оценочный блок замыкает управленческий цикл и обеспечивает обратную связь, необходимую для регулирования воздействия в соответствии с принципом рефлексивности.

Целостность модели обеспечивается системой принципов организационно-педагогического управления: целостности (системообразующий принцип, требующий согласованности всех компонентов управленческой деятельности), преемственности, субъектности, единства учебной и служебной деятельности, ценностно-смысловой направленности и рефлексивности. Функционирование модели представляет собой замкнутый управленческий цикл, в котором результаты диагностики служат основанием для коррекции целей, содержания и организации управленческого воздействия. Тем самым модель обладает свойством саморегуляции и обеспечивает последовательное восхождение курсантов от низкого к среднему и высокому уровням сформированности компонентов профессиональной социализации при совокупной реализации обоснованных педагогических условий. Обратная связь, обеспечиваемая критериально-оценочным блоком, придает модели адаптивность к реальной динамике социализации. В отличие от моделей педагогического сопровождения и содействия, ориентированных

преимущественно на поддержку курсанта в преодолении трудностей [6], разработанная модель носит управленческий характер, охватывая деятельность по проектированию, организации и регулированию процессов профессиональной социализации на уровне образовательной организации в целом и выполняя по отношению к учебной, служебной и воспитательной деятельности надструктурную, координирующую функцию.

Заключение

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Модель организационно-педагогического управления процессами профессиональной социализации курсантов военного вуза представляет собой структурно-функциональную модель, объединяющую целевой, содержательно-процессуальный, организационно-управленческий и критериально-оценочный блоки, связанные системой принципов целостности, преемственности, субъектности, единства учебной и служебной деятельности, ценностно-смысловой направленности и рефлексивности.

2. Организационно-педагогическое управление процессами профессиональной социализации курсантов вы-

ступает особым видом педагогической управленческой деятельности, занимающим надструктурное, координирующее положение и интегрирующим организационно-административные и педагогические механизмы, что обеспечивает одновременно дисциплину и порядок, характерные для военной организации, и условия для личностного и профессионального развития курсантов.

3. Результативность функционирования модели обеспечивается реализацией четырех педагогических условий: готовности субъектов образовательного процесса к управлению профессиональной социализацией курсантов; ценностно-смыслового насыщения военной образовательной среды; систематического мониторинга и педагогической диагностики; включения курсантов в субъектную позицию по отношению к собственной профессиональной социализации.

4. Функционирование модели представляет собой замкнутый управленческий цикл с обратной связью и саморегуляцией, а ее результативность диагностируется на основе мотивационно-ценностного, когнитивного, деятельностного и идентификационно-рефлексивного критериев и трех уровней сформированности профессиональной социализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мудрик А. В. Воспитание как составная часть процесса социализации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2008. № 3(10). С. 7—24.
2. Психология развивающегося профессионально-образовательного пространства человека : коллектив. моногр. / под ред. Э. Ф. Зеера. Екатеринбург, 2008. 239 с.
3. Поваренков Ю. А. Классификация деятельностно важных качеств профессионала : моногр. Ярославль, 2023. 323 с.
4. Дьяков С. И., Добряк С. Ю., Кисин К. А., Ванягин В. Е. Историко-педагогический анализ проблем формирования и развития военно-профессиональной идентичности офицеров ракетных войск и артиллерии // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2А—3А. С. 550—576.
5. Митюков Е. А. Социализирующие потенциалы образовательной среды военного учебного центра в развитии я-концепции личности будущего военного специалиста // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 3(67). С. 305—316.
6. Цыбулько А. А., Дахин А. Н. Моделирование процесса формирования готовности курсантов военных институтов войск Национальной гвардии России к командной деятельности // Сибирский педагогический журнал. 2021. № 6. С. 101—114. DOI: 10.15293/1813-4718.2106.11.
7. Смолина Е. Ю., Балабанова Н. В. Комплементарный подход в управлении развитием кадрового потенциала образовательной организации // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2024. № 3(79). С. 35—39.
8. Конаржевский Ю. А. Менеджмент и внутришкольное управление. М., 2000. 224 с.
9. Третьяков П. И. Оперативное управление качеством образования в школе. Теория и практика. М., 2005. 568 с.
10. Кречетова Г. А., Сельмурзаева Х. Р., Саутиева Ф. Б. Управление образовательными системами в условиях поликультурного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2023. Вып. 81. Ч. 2. С. 358—361.
11. Акимов А. Н. Функциональные компетенции курсантов военного вуза: понятие и сущность // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14. № 11-2. С. 26—33. DOI: 10.25726/2201-8925-5946-и.
12. Гришина Е. С. Котлова Т. Б., Царева Н. А. Тенденции развития военного образования в условиях современных реформ // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 6(48). С. 75—77. DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.107.
13. Шилов А. З., Комаров К. Б., Лобанов И. А. Принципы реализации культурологического подхода в процессе воспитания курсантов высших военных учебных заведений // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2024. № 3. С. 76—83.
14. Ипполитова Н. В., Стерхова Н. С. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education. 2012. № 1. С. 8—14.
15. Сивак А. Н., Миняйленко Н. Н., Чистяков В. А. Организационно-педагогическое управление процессом обучения в адъюнктуре военного вуза (постановка задачи исследования) // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2016. № 12(142). С. 111—116.
16. Складенко И. С. Моделирование в педагогическом процессе // Педагогика и психология: академический журнал. 2024. № 1(4). С. 14—21.
17. Мануйлов Ю. С. Среда в вопросах и ответах // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2015. № 1(31). С. 12—18.
18. Седых Е. П. Системный подход к управлению образовательной организацией // Globus: психология и педагогика. 2021. Т. 7. № 4. С. 3—5.

REFERENCES

1. Mudrick A. V. Education as component of socialization process. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya* = *St. Tikhon's university review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 2008;3(10):7—24. (In Russ.)
2. The psychology of a person's evolving professional-educational space. Collective monograph. E. F. Zeer (ed.). Ekaterinburg, 2008. 239 p. (In Russ.)
3. Povarenkov Yu. A. Classification of activity-relevant qualities of a professional. Monograph. Yaroslavl, 2023. 323 p. (In Russ.)
4. D'yakov S. I., Dobryak S. Yu., Kisin K. A., Vanyagin V. E. Historical and pedagogical analysis of the problems of the formation and development of military and professional identity of officers of the rocket troops and artillery. *Pedagogicheskii zhurnal* = *Pedagogical Journal*. 2023;13(2A—3A):550—576. (In Russ.)
5. Mityukov E. A. Socializing potentials of the educational environment of a military training center in the development of the self-concept of the personality of a future military specialist. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Scientific Notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University*. 2023;3(67):305—316. (In Russ.)
6. Tsybulko A. A., Dakhin A. N. Modeling of formation of readiness of cadets of military institutions of the troops of the National Guard of the Russian Federation for command activity. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* = *Siberian Pedagogical Journal*. 2021;6:101—114. (In Russ.) DOI: 10.15293/1813-4718.2106.11.
7. Smolina E. Y., Balabanova N. V. A complementary approach to managing the development of the human resources of an educational organization. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie* = *Modern High Technologies. Regional Application*. 2024;3(79):35—39. (In Russ.)
8. Konarzhenskii Yu. A. Management and intra-school administration. Moscow, 2000. 224 p. (In Russ.)
9. Tret'akov P. I. Operational management of the quality of education at school. Theory and practice. Moscow, 2005. 568 p. (In Russ.)
10. Krechetova G. A., Selmurzaeva Kh. R., Sautieva F. B. Management of educational systems in the context of multicultural education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* = *Problems of modern pedagogical education*. 2023;81(2):358—361. (In Russ.)
11. Akimov A. N. Functional competencies of military university cadets: concept and essence. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika* = *Education Management Review*. 2024;14(11-2):26—33. (In Russ.) DOI: 10.25726/2201-8925-5946-u.
12. Grishina E. S., Kotlova T. B., Tsareva N. A. Military education trends in the context of contemporary reforms. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* = *International Research Journal*. 2016;6(58):75—77. (In Russ.) DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.107.
13. Shidov A. Z., Komarov K. B., Lobanov I. A. Principles of implementing a culturological approach in the process of education of cadets of higher military educational institutions. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Bulletin of Armavir State Pedagogical University*. 2024;3:76—83. (In Russ.)
14. Ippolitova N. V., Sterkhova N. S. Analysis of the notion “pedagogical conditions”: essence and classification. *General and Professional Education*. 2016;1:8—14. (In Russ.)
15. Sivak A. N., Minyaylenko N. N., Chistyakov V. A. Organizational and pedagogical management of process of training in a graduate military course of military higher education institution (problem definition of research). *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta* = *Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2016;12(142):111—116. (In Russ.)
16. Sklyarenko I. S. Modeling in the pedagogical process. *Pedagogika i psikhologiya: akademicheskii zhurnal* = *Pedagogy and Psychology: Academic Journal*. 2024;1(4):14—21. (In Russ.)
17. Manuylov Yu. S. Environment in questions and answers. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* = *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev*. 2015;1(31):12—18. (In Russ.)
18. Sedykh E. P. A systematic approach to the management of an educational organization. *Globus: psikhologiya i pedagogika* = *Globus: psychology and pedagogy*. 2021;7(4):3—5. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.06.2026; одобрена после рецензирования 28.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.
The article was submitted 10.06.2026; approved after reviewing 28.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 372.881.1:004.8
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1719

Damir Almazovich Razov

Postgraduate of the Department of Theory
and Methods of Teaching Foreign Languages,
field of training
5.8.2 — Theory and methodology of training and education
(foreign languages),
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
daarazov@stud.kpfu.ru

Leila Leonardovna Salekhova

Doctor of Pedagogy, Associate Professor,
Professor of the Department of Bilingual
and Digital Education,
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
salekhova2009@gmail.com

Дамир Алмазович Разов

аспирант кафедры теории и методики преподавания
иностранных языков,
направление подготовки
5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания
(иностранные языки),
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
daarazov@stud.kpfu.ru

Ляйля Леонардовна Салехова

д-р пед. наук, доцент,
профессор кафедры билингвального
и цифрового образования,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
salekhova2009@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕДАГОГА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: ОТ ИСТОКОВ ДО ВЫЗОВОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Цель исследования состоит в определении логики трансформации лингвометодической компетенции педагога иностранного языка от исторически сложившейся системы профессиональных знаний и умений к ее современному состоянию, обусловленному внедрением искусственного интеллекта (ИИ) в языковое образование. Материалом исследования послужили фундаментальные труды по отечественной методике обучения иностранным языкам, исследования эволюции языкового образования и современные публикации о цифровой компетентности педагога, ИИ-грамотности, моделях ТРАСК и AI-ТРАСК и предметно ориентированном применении интеллектуальных технологий. Использованы теоретический анализ и обобщение научной литературы, сравнительно-исторический анализ, сопоставление компетентностных моделей и педагогическое моделирование.

Установлено, что развитие лингвометодической компетенции носит кумулятивный характер: владение языковой системой последовательно дополнялось психолингвистическими, коммуникативными, межкультурными, проектировочными и цифровыми умениями. Показано, что современное приращение связано не с заменой традиционных профессиональных действий, а с изменением их операциональной структуры в системе «педагог — ИИ —

обучающийся». На примерах отбора учебного текста, составления упражнения и проверки письменной работы выявлен переход к циклу постановки параметров, получения результата, критической проверки, редактирования и принятия окончательного педагогического решения. Сопоставление современных подходов показало, что общие модели ИИ-компетентности требуют предметной конкретизации применительно к языковому образованию.

Научная новизна исследования заключается в авторском определении лингвометодической ИИ-компетенции и обосновании ее трехкомпонентной модели, включающей лингвистический, методический и технологический компоненты. Теоретическая значимость состоит в уточнении предметной специфики ИИ-компетентности учителя иностранного языка, практическая — в возможности использования модели при проектировании программ подготовки и повышения квалификации педагогов.

Ключевые слова: лингвометодическая компетенция, учитель иностранного языка, искусственный интеллект, языковое образование, цифровая трансформация, нейролингводидактическая компетенция, AI-ТРАСК, ИИ-грамотность, педагогический дизайн, промпт-инжиниринг, профессиональная подготовка педагога, этика искусственного интеллекта

Для цитирования: Разов Д. А., Салехова Л. Л. Трансформация лингвометодической компетенции педагога иностранного языка: от истоков до вызовов искусственного интеллекта // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 263—272. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1719.

Original article

TRANSFORMATION OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS' LINGUOMETHODOLOGICAL COMPETENCE: FROM HISTORICAL FOUNDATIONS TO THE CHALLENGES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. *The study aims to identify the logic underlying the transformation of foreign language teachers' linguomethodological competence from the historically established system of professional knowledge and skills to its contemporary configuration shaped by artificial intelligence in language education. The research is based on foundational works in Russian foreign language teaching methodology, studies of the evolution of language education, and recent publications on teachers' digital competence, AI literacy, TPACK and AI-TPACK models, and subject-specific uses of intelligent technologies. The methods include theoretical analysis and synthesis of scholarly literature, comparative historical analysis, comparison of competence models, and pedagogical modelling. The findings show that linguomethodological competence is developing cumulatively: knowledge of the language system has been progressively supplemented by psycholinguistic, communicative, intercultural, instructional design, and digital skills. The current increment does not replace traditional professional actions but changes their operational structure within the "teacher – AI –*

learner" system. The selection of an instructional text, exercise design, and assessment of written work illustrate a shift towards a cycle of setting parameters, receiving an output, critically verifying and editing it, and making the final pedagogical decision. Comparison of contemporary approaches demonstrates that general models of AI competence require subject-specific elaboration for language education. The scientific novelty lies in the authors' definition of AI-related linguomethodological competence and in a three-component model comprising linguistic, methodological, and technological components. The theoretical significance consists in specifying the subject-related nature of foreign language teachers' AI competence; the practical significance lies in the model's applicability to teacher education and continuing professional development.

Keywords: *linguomethodological competence, foreign language teacher, artificial intelligence, language education, digital transformation, neurolinguodidactic competence, AI-TPACK, AI literacy, instructional design, prompt engineering, teacher education, artificial intelligence ethics*

For citation: Razov D. A., Salekhova L. L. Transformation of foreign language teachers' linguomethodological competence: from historical foundations to the challenges of artificial intelligence. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):263—272. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1719.

Введение

Актуальность. Развитие искусственного интеллекта (далее — ИИ) меняет не только набор технических средств обучения, но и структуру профессиональных действий учителя иностранного языка. Традиционная подготовка опиралась на владение системой языка, методику формирования речевых умений и организацию межкультурного взаимодействия. Современный этап требует дополнить эту основу способностью ставить задачи интеллектуальным системам, критически оценивать их результаты, редактировать сгенерированные материалы и применять их в соответствии с педагогическими, правовыми и этическими нормами.

Степень изученности проблемы. Теоретическая линия, необходимая для анализа трансформации лингвометодической компетенции, представлена исследованиями истории и методики языкового образования. М. Л. Май-офис рассматривает становление советских школ с углубленным изучением иностранных языков и показывает их особую роль в развитии требований к практическому владению языком [1]. Л. В. Щерба связывает обучение иностранному языку с осознанным освоением языковой системы, чтением, переводом и сопоставлением родного и изучаемого языков [2]. А. А. Леонтьев обосновывает деятельностное и психолингвистическое понимание речи, повлиявшее на организацию формирования речевых навыков [3]. И. Л. Бим раскрывает методику обучения иностранным языкам как систему взаимосвязанных целей, содержания, методов, средств, упражнений и контроля [4]. В. В. Сафонова развивает межкультурное направление языкового образования и идею диалога культур [5], а И. И. Халеева рассматривает механизмы понимания иноязычной речи и соответствующие требования к профессиональной подготовке [6].

Современная линия исследований связана прежде всего с цифровой трансформацией профессиональной деятельности педагога. С. В. Титова предлагает карту компетенций преподавателя иностранных языков, в которой информационно-коммуникационная составляющая интегрирована с предметной, методико-педагогической и универсальной подготовкой [7]. В. К. Безукладников конкретизирует эту проблематику через понятие лингвоцифровой компетенции будущего учителя иностранного языка, связывая ее с готовностью к межкультурной коммуникации и лингводидактической деятельности в цифровой среде [8]. С. В. Титова и М. В. Староверова анализируют этапы цифровизации языкового образования и показывают переход от отдельных технических средств к цифровой образовательной среде и интеллектуальным технологиям [9]. Эти исследования формируют основание для рассмотрения ИИ не как изолированного инструмента, а как следующего этапа изменения способов профессиональной деятельности учителя.

В зарубежной литературе готовность педагога к использованию ИИ рассматривается на нескольких уровнях. Д. Лонг и Б. Магерко определяют ИИ-грамотность через понимание принципов работы ИИ, критическую оценку его возможностей и ответственное взаимодействие с интеллектуальными системами [10]. П. Мишра и М. Дж. Кёлер в модели TPACK описывают интеграцию предметного, педагогического и технологического знания [11]. Ю. Нин, Ч. Чжан, Б. Сюй, Ю. Чжоу и Т. Т. Виджая развивают эту логику в модели AI-TPACK, уточняя взаимосвязи элементов профессионального знания учителя об ИИ [12]. Л. Чжао, С. У и Х. Ло раскрывают ИИ-грамотность педагогов через знание и понимание ИИ, его применение, оценку результатов и этику [13]. Дополнительным ориентиром выступает опубликованная

ЮНЕСКО в 2024 г. рамка компетенций учителей в области ИИ (*AI Competency Framework for Teachers*), подготовленная Ф. Мiao и М. Чукуровой. В ней требования к педагогам систематизированы по пяти направлениям: человекоориентированность, этика, основы и приложения ИИ, педагогическое использование ИИ и профессиональное развитие.

Предметная специфика ИИ в языковом образовании наиболее последовательно раскрывается в отечественных исследованиях последних лет. П. В. Сысоев формулирует принципы обучения иностранному языку на основе технологий ИИ, подчеркивая педагогическую целесообразность, управляемость и критическую проверку результатов [14]. С. В. Титова и И. В. Харламенко описывают структуру профессиональной компетенции преподавателя иностранных языков в области использования ИИ, включая проектирование заданий, организацию учебной работы, контроль и этические аспекты [15]. П. В. Сысоев и Е. М. Филатов конкретизируют распределение функций в триаде «обучающийся — преподаватель — ИИ» на материале обучения письменной речи [16]. М. Н. Евстигнеев рассматривает возможности нейросети *Twee* для разработки упражнений по английскому языку [17]. П. В. Сысоев, Е. М. Филатов, М. Н. Евстигнеев, О. Г. Поляков, И. А. Евстигнеева и Д. О. Сорокин предлагают матрицу соотнесения ИИ-инструментов с профессиональными лингвометодическими задачами будущего учителя [18]. Таким образом, современная литература достаточно подробно описывает цифровую компетентность, ИИ-грамотность, общепедагогические модели и отдельные предметно ориентированные способы применения ИИ. Вместе с тем недостаточно раскрыта преемственность между исторически сложившимися лингвометодическими знаниями и умениями и их новой операциональной структурой в системе «педагог — ИИ — обучающийся».

Целесообразность разработки темы. Существующие подходы либо описывают общую цифровую и ИИ-грамотность, либо фиксируют отдельные инструментальные умения. Недостаточно изучена преемственность между исторически сложившейся лингвометодической подготовкой и новыми действиями учителя в системе «педагог — ИИ — обучающийся». Поэтому целесообразно проследить, какие профессиональные знания и умения сохраняются, какие дополняются, а какие приобретают новую операциональную структуру.

Цель исследования — определить трансформацию лингвометодической компетенции педагога иностранного языка от исторически сложившихся отечественных моделей к современному этапу, связанному с использованием ИИ в языковом образовании.

Задачи исследования:

- реконструировать состав профессиональных знаний и умений учителя иностранного языка на основных этапах развития отечественного языкового образования;
- сопоставить современные подходы к описанию ИИ-компетентности педагога — *AI-TPACK*, нейролингводидактическую компетенцию, рамку ЮНЕСКО и ИИ-грамотность — и определить границы их применимости в языковом образовании;
- выявить трансформацию конкретных профессиональных действий при использовании ИИ и обосновать структуру лингвометодической ИИ-компетенции учителя иностранного языка.

Научная новизна. Обоснована качественно новая операциональная структура лингвометодических умений учителя иностранного языка в режиме «педагог — ИИ —

обучающийся», где интеллектуальная система выполняет генеративные, аналитические или вспомогательные операции, а педагог сохраняет постановку цели, проверку, методическую интерпретацию и окончательное решение. Предложено авторское определение лингвометодической ИИ-компетенции и разработана ее трехкомпонентная модель.

Теоретическая значимость. Исследование уточняет место ИИ-компетентности в структуре профессиональной подготовки учителя иностранного языка, устанавливает преемственность между традиционными лингвистическими и методическими основаниями и новыми технологическими знаниями, а также конкретизирует предметные границы общепедагогических моделей ИИ-компетентности.

Практическая значимость. Предложенная модель может использоваться при обновлении образовательных программ подготовки будущих учителей иностранного языка, разработке курсов повышения квалификации, проектировании заданий по методике обучения языкам и создании диагностических материалов для оценки готовности педагога к ответственному применению ИИ.

Основная часть

Методология исследования. Исследование имеет теоретико-аналитический характер. Источниковую базу составили, с одной стороны, фундаментальные труды отечественных исследователей, отобранные для реконструкции основных этапов становления лингвометодической компетенции учителя иностранного языка, с другой стороны — современные научные публикации последних лет, посвященные цифровизации языкового образования, ИИ-грамотности и профессиональной компетентности педагога в условиях использования ИИ.

Применялись четыре взаимодополняющих метода: теоретический анализ и обобщение научной литературы; сравнительно-исторический анализ изменений целей и содержания языкового образования; сравнительный анализ современных компетентностных моделей; педагогическое моделирование. Единицей анализа выступало профессиональное действие учителя — отбор материала, проектирование упражнения, организация речевой практики, контроль, оценивание и обратная связь. Для каждого действия определялись традиционная форма выполнения, изменения при подключении ИИ и неизменная зона ответственности педагога.

Результаты исследования. Традиционная модель подготовки педагога иностранного языка и система функционирования учебных заведений с углубленным изучением языка в отечественной педагогике прошла длительный путь становления.

Сеть школ с преподаванием предметов на иностранном языке, а затем с углубленным изучением иностранных языков существует более 70 лет, сохраняя преемственность педагогических кадров и методических традиций. Это позволяет проследить эволюцию требований к учителю иностранного языка в одном институциональном контуре. Данные школы были «точками роста» профессиональных требований к учителю. Если в массовой школе иностранный язык долгое время оставался второстепенным предметом, где главной задачей учителя было научить читать и переводить, то школы с преподаванием ряда предметов на иностранном языке и с углубленным изучением языка с середины XX в. выполняли функцию экспериментальных площадок. Система школ с углубленным изучением иностранных языков стала особым сегментом отечественного

языкового образования, в котором предъявлялись повышенные требования к практическому владению иностранным языком и организации речевой деятельности обучающихся. Историческое исследование М. Л. Майофис показывает, что уже на начальном этапе создания таких школ их программы существенно отличались от массовой школы повышенным вниманием к устной речи и практическому использованию иностранного языка [1].

Для понимания оснований профессиональной компетенции учителя необходимо проанализировать этапы развития этой системы. Динамика процесса определялась изменением образовательных приоритетов, методических подходов и общественных требований к практическому владению иностранным языком. Для целей настоящего исследования исторический материал сгруппирован в четыре аналитических этапа. Такая периодизация не исключает переходных явлений, но позволяет проследить кумулятивное приращение профессиональных знаний и умений.

На каждом из выделенных этапов менялись представления о том, какими знаниями и умениями должен обладать учитель: если на ранних этапах особую ценность представляло безупречное владение нормой языка и умение понятно излагать грамматические правила, то на поздних этапах в центре внимания оказались организация живого общения, диалог культур и обучение через предметное содержание.

Отправной точкой первого периода (1947—1960 гг.) стало расширение сети школ, где отдельные предметы преподавались на иностранном языке. Главная задача заключалась в подготовке выпускников, способных применять язык в профессиональной деятельности. Методологическую базу составляли идеи Л. В. Щербы, связывавшего овладение иностранным языком с осознанным изучением его системы, чтением, переводом и сопоставлением родного и изучаемого языков [2]. Учителя того периода по своему профилю выступали прежде всего носителями и интерпретаторами языковой нормы. В числе основных умений значились разъяснение правил, сравнение фактов родного и иностранного языков, а также обучение переводу и чтению как основным речевым действиям.

Второй период длился с 1961 по 1976 г. Он ознаменовался поворотом от механического запоминания форм к их практическому применению. На первый план вышли устная речь, аудирование, диалог и монолог. Языковые сведения сохраняли значение, но подчинялись задаче формирования речевых навыков. Психолингвистическое понимание речи как деятельности позволило рассматривать обучение как организацию целенаправленных речевых действий [3]. В профессиональную подготовку педагогов вошли знания о психологических закономерностях усвоения языка, механизмах формирования речевых навыков, системе упражнений, речевых образцах и технических средствах. Учитель теперь не только сообщал материал, но и организовывал речевую практику, отрабатывал произношение, лексику и грамматические структуры, давал образцы диалогов и монологов. Развитие осуществлялось по всем видам речевой деятельности.

Для третьего периода (1977—1987 гг.) характерно усиление коммуникативной и деятельностной направленности обучения. Для каждого вида речевой деятельности конкретизировалось содержание, закреплялся принцип коммуникативной направленности урока. Системное понимание методики предполагало взаимосвязь целей, содержания, методов, средств, упражнений и контроля [4]. В связи с этим обновлялись требования к знаниям педагога: знание

целей и содержания обучения, особенностей видов речи, структуры коммуникативных ситуаций, системы упражнений, форм контроля и функций учебника как модели методической системы. На передний план вышли умения конструировать речевые ситуации, организовывать диалог и монолог, применять ролевые игры и проблемные задачи, дифференцировать обучение и оценивать сформированность речевых умений.

Четвертый период (с конца 1980-х гг. до начала активного внедрения ИИ) связан с отказом от жесткой унификации и переходом к вариативности образования. Иностранный язык всё чаще воспринимался как средство вхождения в иную культуру, познавательной и профессиональной деятельности. В методический обиход вошли категории диалога культур, вторичной языковой личности, коммуникативной и межкультурной компетенции [5; 6]. В результате подготовка учителя стала включать знания о межкультурной коммуникации, социокультурном содержании обучения, критериях отбора аутентичных материалов, вариативных программах, проектной методике и информационных технологиях. Практические умения охватывали отбор и адаптацию аутентичных текстов, организацию межкультурного общения, развитие коммуникативной компетенции учащихся и оценивание их готовности к межкультурному взаимодействию.

На каждом из представленных этапов наблюдается постепенное усложнение профессионального портрета педагога. На начальном этапе доминировали знание языка, умение объяснять, переводить и учить чтению. Затем добавились знания о речевой деятельности и навыки устного общения. Третий этап усилил коммуникативно-деятельностные умения. Четвертый выдвинул межкультурные, проектировочные и технологические компетенции. Все изменения емко представлены в табл. 1.

Анализ исторических изменений в подготовке учителей иностранного языка показывает, что переход между этапами не отменял предыдущие требования, а дополнял их. Это происходило под влиянием общественных ожиданий и развития образовательных технологий. В традиционной модели последовательно укреплялись коммуникативные, культуроведческие, проектировочные и технологические составляющие.

Сегодня на первый план выходит вопрос продуманного включения ИИ в процесс обучения. При этом базовые лингвистические и методические навыки учителя остаются востребованными. Они лишь получают новое измерение, связанное с инструментальной и этико-правовой стороной. Педагог теперь выстраивает учебный процесс в среде, где взаимодействуют ученик, учитель и интеллектуальные цифровые системы.

В понимании П. В. Сысоева ИИ выступает как подчиненный педагогическому замыслу участник учебного процесса. Так, обучение письменной речи строится по схеме «обучающийся — преподаватель — ИИ». Искусственный интеллект берет на себя генерацию материалов и первичный анализ, а педагог сохраняет постановку задач, итоговую проверку и принятие решений [16]. Эти положения соотносятся с принципами использования ИИ в языковом образовании: целесообразностью, управляемостью, критической проверкой и сохранением ведущей роли педагога [14]. Таким образом, более точной представляется не уравнительная трактовка возможностей человека и машины, а функциональное распределение задач внутри триады при ведущей роли учителя.

Таблица 1

Трансформация знаний и умений педагога иностранного языка по этапам развития системы обучения

Период	Знания (теоретическая основа)	Умения (методические и практические навыки)
1947—1960 гг.	Знание языковой системы, грамматики, лексики, правил чтения и перевода; представление о сопоставлении родного и иностранного языков	Объяснять правило; сопоставлять языковые явления; организовывать перевод и чтение; обеспечивать понимание учебного текста
1961—1976 гг.	Знание сознательно-практического подхода, психологических основ овладения языком, системы упражнений, речевых образцов, видов речевой деятельности, технических средств обучения	Учитель должен был уметь обучать всем видам речевой деятельности с устным опережением, развивать понимание устной речи, говорение, чтение и письмо, использовать речевые образцы, технические средства обучения и вводить грамматику индуктивно
1977—1987 гг.	Учитель должен был знать основы коммуникативной методики, понимать коммуникативно-деятельностный и дифференцированный подходы, а также опираться на идеи коммуникативной лингвистики, функциональной грамматики и лингвострановедения	Проектировать ситуации общения; организовывать диалоги, монологи, ролевые игры и проблемные задания; контролировать речевые умения
1988 г. — начало XXI в.	На данном этапе важно знание личностно-ориентированного, деятельностного и гуманистического подходов, понимание обучения как подготовки к межкультурной коммуникации, а также осмысление цифровизации образования и расширения функций учителя. В современной профессиональной программе подчеркнуты организационная и культуроведческая функции учителя иностранного языка, а также работа в условиях дигитализации	Учитель должен был уметь формировать иноязычную коммуникативную компетенцию, работать с монологической и диалогической речью, аудированием, чтением и письмом, объяснять и адаптировать материал для учащихся, оценивать и корректировать ошибки

С. В. Титова предлагает структуру компетенций преподавателя иностранных языков, включающую информационно-коммуникационную, профессионально-коммуникативную иноязычную, методико-педагогическую и универсальную группы. В этой логике информационно-коммуникационная компетенция не сводится к техническому дополнению профессии. Она становится условием отбора, адаптации и педагогически обоснованного использования цифровых средств в обучении [7]. Следовательно, цифровизация подготавливает переход от применения отдельных ИКТ-инструментов к методически грамотному использованию ИИ-систем, способных генерировать, оценивать, адаптировать и персонализировать учебный контент.

Дальнейшее развитие этой идеи связано с понятием профессиональной компетенции учителя иностранного языка в области использования ИИ. С. В. Титова и И. В. Харламенко связывают ее с оценкой образовательных возможностей ИИ, разработкой заданий, организацией аудиторной и самостоятельной работы, контролем с помощью интеллектуальных систем, соблюдением авторской этики, предупреждением плагиата и учетом психолого-педагогических рисков [15]. Для настоящего исследования важно, что такая компетенция отражает предметную специфику языкового образования, а не является только общей цифровой грамотностью.

Проблема подготовки будущих учителей иностранного языка к работе с ИИ конкретизируется в исследовании П. В. Сысоева с соавторами, где предложена матрица соотношения типов ИИ-инструментов с профессиональными лингвометодическими задачами [18]. Основные методические действия сохраняются: педагог ставит цели, планирует занятия, отбирает материал, создает упражнения, организует контроль и обратную связь. Новизна заключается в способе выполнения этих действий: учитель задает параметры генерации, проверяет и корректирует результат, соотносит его с уровнем и возрастом обучающихся и оценивает соответствие поставленным целям.

В опубликованной ЮНЕСКО в 2024 г. рамке компетенций учителей в области ИИ (*AI Competency Framework for Teachers*) выделены пять взаимосвязанных направлений: человекоориентированное мышление, этика ИИ, основы и приложения ИИ, педагогика с использованием ИИ и применение ИИ для профессионального развития учителя. Эти направления распределены по уровням от начального освоения до углубленного использования и создания новых педагогических решений. Для подготовки учителя иностранного языка рамка имеет две ключевые ценности:

1. Ставит в приоритет субъектность личности и ответственность педагога.
2. Комплексно подходит к решению проблемы готовности к использованию ИИ (не ограничивается практическими навыками по работе с сервисами).

Теоретическим фундаментом описания профессионального знания учителя в условиях технологических изменений служит модель *TPACK*. Согласно этой модели, эффективное преподавание достигается на пересечении предметных, педагогических и технологических знаний [11]. В современных работах модель развита в вариант *AI-TPACK*, включающий знание содержания, педагогическое знание, технологическое знание об ИИ и их интегративные пересечения [12]. Для учителя иностранного языка это означает, что ИИ нельзя воспринимать как нейтральный внешний инструмент: его использование влияет на отбор языкового материала, характер упражнений, способы обратной связи, формы речевой практики, критерии оценки и организацию взаимодействия учащихся с текстом и собеседником.

Близким понятием выступает ИИ-грамотность. В общем виде она определяется как совокупность компетенций, позволяющих человеку понимать и критически оценивать технологии ИИ, взаимодействовать с ними и использовать их в профессиональной и повседневной деятельности [10]. В исследовании Л. Чжао, С. У и Х. Ло ИИ-грамотность учителей раскрывается через четыре измерения: знание и понимание ИИ, его применение, оценку применения и этику [13]. Эти аспекты соотносятся с задачами языкового

образования. Учитель должен понимать отличие ИИ-системы от обычного цифрового ресурса, применять ее для решения учебных задач, критически оценивать качество и результативность внедрения, а также учитывать конфиденциальность, риск предвзятости и проблему академической недобросовестности.

Сопоставление всех этих подходов показывает, что они описывают разные уровни готовности педагога к работе с ИИ (табл. 2). Эти уровни варьируются от общей грамотности и нормативных ориентиров до интеграции предметного, педагогического и технологического знания и до предметно-специфических действий учителя иностранного языка.

Таблица 2

Сравнительная характеристика современных подходов к описанию ИИ-компетентности педагога

Подход	Центральный объект	Предметная специфика	Сильная сторона и границы применения
<i>AI-TPACK</i>	Интеграция предметного, педагогического и технологического знания об ИИ и их пересечений	Универсальная модель, применимая к разным учебным предметам; языковая специфика задается через содержание иностранного языка	Показывает структуру интегрированного профессионального знания, но сама по себе не раскрывает конкретные языковые действия, возрастную адаптацию и полный комплекс этико-правовых процедур
Нейролингводидактическая компетенция	Способность методически обоснованно применять ИИ при обучении языку, организации практики, контроля и обратной связи	Наиболее выраженная предметная направленность: аспекты языка, виды речевой деятельности, генерация заданий, чат-боты, автоматизированное оценивание	Дает прикладное описание деятельности преподавателя иностранного языка, но имеет более узкие границы применимости за пределами языкового образования
Рамка ЮНЕСКО	Человеко-ориентированность, этика ИИ, основы и приложения ИИ, ИИ-педагогика, профессиональное развитие; уровни прогрессии	Общепедагогическая и нормативная рамка, требующая предметной конкретизации для иностранного языка	Задаёт целостные ценностные и этические ориентиры и траекторию развития компетентности, однако не детализирует языковой материал и типологию упражнений
ИИ-грамотность	Понимание ИИ, его применение, критическая оценка результатов и этически ответственное использование	Базовый уровень, общий для педагога и обучающегося; не привязан к одному предмету	Формирует необходимую основу безопасного взаимодействия с ИИ, но недостаточна для проектирования полноценного курса и решения специальных лингвометодических задач

Все четыре описанных подхода едины в главном выводе: компетентность в сфере ИИ не ограничивается владением конкретными цифровыми сервисами. В каждом случае обязательными элементами выступают критическое осмысление полученных результатов, педагогическая оправданность применения ИИ и этическая ответственность перед учениками.

Разница между подходами проявляется главным образом в уровне обобщения. ИИ-грамотность охватывает базовые пользовательские навыки. Рамка ЮНЕСКО задает ценностные ориентиры и намечает ступени профессионально-

го роста. Модель *AI-TPACK* делает акцент на взаимосвязях предметного, педагогического и технологического знания. Нейролингводидактическая компетенция предлагает наиболее детальное и конкретное описание профессиональных действий преподавателя именно в языковом образовании. В дальнейшем предлагается модель, которая объединяет перечисленные теоретические основания и адаптирует их к специфике работы учителя иностранного языка.

Изменения в структуре традиционных лингвометодических умений хорошо видны на трех показательных примерах, представленных в табл. 3.

Таблица 3

Трансформация профессиональных действий учителя иностранного языка

Профессиональное действие	Изменения в ответственности педагога		Неизменная зона ответственности педагога
	до использования ИИ	при использовании ИИ	
Отбор учебного текста	Учитель самостоятельно искал текст, определял его тематическую и языковую пригодность, сокращал или адаптировал материал	Учитель задает ИИ уровень владения языком, возраст, жанр, объем, тему, коммуникативную цель и перечень целевых единиц; получает несколько вариантов, сопоставляет их и редактирует	Проверка фактов, языковой нормы, культурной корректности, соответствия программе и реальным возможностям группы остается за педагогом
Составление упражнения	Учитель вручную формулировал инструкцию, подбирал примеры, создавал задания, дистракторы и ключи	Учитель описывает формируемый навык, тип упражнения, уровень сложности и критерии ответа; ИИ предлагает варианты, последовательность заданий и черновой ключ	Педагог проверяет, действительно ли задание формирует заявленное действие, исключает двусмысленность, случайные подсказки и неверные ответы
Проверка письменной работы	Учитель читал текст, отмечал языковые и содержательные ошибки, формулировал комментарий и выставял оценку	ИИ выполняет предварительный анализ по заданной рубрике, группирует ошибки и предлагает объяснения; учитель сопоставляет обратную связь с текстом и индивидуальной траекторией обучающегося	Итоговая оценка, решение о значимости ошибки, проверка авторства и педагогически корректная обратная связь не передаются интеллектуальной системе [16]

На данных примерах видно, что наблюдается переход от линейного выполнения действий к многоэтапной цепочке: постановка задачи, уточнение параметров, получение результата от ИИ, проверка и редактирование, а затем вынесение окончательного педагогического решения.

При этом для каждой лингвометодической задачи учитель должен уметь выбирать правильный инструмент:

- генеративные чат-боты, такие как *GigaChat* и *YandexGPT*, используются для создания и адаптации текстов, диалогов и сценариев;
- сервис *Twee* предназначен для генерации упражнений по английскому языку [17];
- для предварительной обратной связи по письменным работам применяются *Grammarly*, *LanguageTool* и *Write & Improve*;
- средства распознавания и синтеза речи подходят для отработки произношения и аудирования.

Это лишь некоторые из примеров. Представить исчерпывающий список невозможно: постоянно появляются новые сервисы, некоторые утрачивают свою актуальность и так далее. Главным ориентиром при выборе инструмента служит его соответствие учебной задаче, безопасность и возможность педагогического контроля.

Современный этап подготовки учителя иностранного языка характеризуется приращением знаний и умений на пересечении трех компонентов:

1. **Лингвистическая составляющая** сохраняет свою фундаментальную роль. Именно она позволяет педагогу оценивать корректность и коммуникативную уместность материала, сгенерированного ИИ.

2. **Методическая составляющая** отвечает за целеполагание, конструирование заданий, выбор организационных форм, организацию контроля и обратной связи.

3. **Технологическая составляющая** дополняет профессиональный портрет учителя. Она включает понимание принципов работы ИИ, умение грамотно формулировать запросы, отбирать и критически анализировать инструменты, соблюдать правовые и этические нормы, обеспечивать информационную безопасность и использовать ИИ для собственного профессионального развития.

На основании проведенного анализа литературы предлагается авторская формулировка понятия и модель

лингвометодической компетенции учителя иностранного языка в области использования технологий ИИ.

Лингвометодическая ИИ-компетенция учителя иностранного языка — это интегративное профессионально-личностное качество, представляющее собой его способность и готовность к осознанной, методически обоснованной и этически ответственной интеграции технологий ИИ в процесс обучения иностранному языку.

Сформированность лингвометодической ИИ-компетенции выражается в способности учителя:

- формулировать лингвистически точные промпты с указанием уровня, жанра, регистра, коммуникативной ситуации и критериев языковой корректности;
- критически оценивать и дорабатывать ИИ-сгенерированные тексты, диалоги, упражнения, тесты с позиций методической целесообразности и языкового качества;
- интегрировать ИИ-инструменты в разные этапы урока (объяснение, тренировка, практика, контроль, рефлексия) и в различные формы работы (аудиторная, самостоятельная, смешанная);
- обучать школьников ответственному, критическому и этическому взаимодействию с ИИ в иноязычной коммуникации;
- использовать ИИ для собственного профессионального развития (поиск и анализ литературы, самооценка, рефлексия, повышение языкового уровня).

Лингвометодическая ИИ-компетенция включает три компонента: лингвистический, методический и технологический, — каждый из которых декомпозирован на конкретные знания и умения. Трехкомпонентная структура позволяет сохранить преемственность с традиционной лингвометодической подготовкой учителя иностранного языка и одновременно отразить новое содержание профессиональной деятельности, связанное с ИИ.

Представленная модель позволяет увидеть, каким образом современное развитие лингвометодической компетенции связано с перестройкой профессиональной деятельности учителя. Лингвистический компонент гарантирует качество иноязычного содержания и критическую верификацию языковых продуктов, созданных ИИ. Методический компонент отвечает за педагогическую оправданность применения интеллектуальных систем. Технологический компонент задает параметры безопасного, этического и эффективного взаимодействия с ними.

Таблица 4

Трехкомпонентная модель лингвометодической ИИ-компетенции учителя иностранного языка

Компонент	Знания	Умения
Лингвистический	Знание системы изучаемого иностранного языка: фонетики, лексики, грамматики, словообразования, синтаксиса, стилистики и норм речевого употребления. Знание социолингвистических, прагматических, социокультурных и лингвокультурных особенностей речевого поведения в странах изучаемого языка. Понимание жанровой, регистровой и дискурсивной специфики аутентичных и учебных текстов. Понимание особенностей языкового материала, создаваемого ИИ: вероятностный характер генерации, возможность фактических и языковых ошибок, стилистических смещений, культурных неточностей и предвзятости. Знание возможностей корпусных, переводческих, речевых и генеративных ИИ-инструментов для анализа и моделирования иноязычного материала	Критически оценивать и редактировать языковой материал, созданный или обработанный ИИ, с точки зрения нормы, коммуникативной уместности, уровня сложности и культурной релевантности. Адаптировать аутентичные и сгенерированные тексты под учебные цели, уровень владения языком и возраст обучающихся. Использовать ИИ для разработки и вариативного представления фонетических, лексических и грамматических упражнений. Использовать ИИ для развития перцептивных и продуктивных видов речевой деятельности: аудирования, чтения, говорения и письма. Формулировать лингвистически точные запросы к ИИ с указанием уровня, жанра, регистра, коммуникативной ситуации и критериев языковой корректности. Выявлять и исправлять случаи некорректного перевода, ложной прагматической уместности, культурной стереотипизации и недостоверных языковых объяснений

Компонент	Знания	Умения
Методический	Знание целей, принципов, методов и подходов к обучению иностранному языку. Знание основ педагогического дизайна и способов проектирования курса, занятия, задания, упражнения, контроля и обратной связи. Понимание того, как ИИ трансформирует отбор содержания, организацию речевой практики, индивидуализацию обучения, контроль и оценивание. Знание дидактического потенциала и ограничений ИИ при обучении аспектам языка и видам речевой деятельности. Знание принципов инклюзивного, человекоцентричного и этически ответственного применения ИИ в языковом образовании. Знание способов предупреждения учебной зависимости от ИИ, ИИ-плагиата и снижения самостоятельности обучающихся	Осуществлять целеполагание и планирование урока с учетом возможностей и ограничений ИИ. Отбирать ИИ-инструмент в соответствии с конкретной методической задачей: объяснение материала, тренировка навыка, речевая практика, контроль, обратная связь, проектная работа или самостоятельное обучение. Проектировать задания и упражнения на основе ИИ для формирования фонетических, лексических, грамматических навыков и речевых умений. Создавать с помощью ИИ учебные ситуации, диалоги, ролевые сценарии, кейсы, проблемные задания, тесты и материалы для межкультурного общения. Организовывать аудиторную, самостоятельную и смешанную работу обучающихся с ИИ, сохраняя ведущую роль педагогического замысла и контроля. Проводить формирующее и итоговое оценивание с использованием ИИ, проверять качество автоматической обратной связи и при необходимости корректировать ее. Анализировать эффективность внедрения ИИ в учебный процесс, учитывать индивидуальные особенности, уровень языковой тревожности и потребности обучающихся, включая обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. Формировать у обучающихся культуру ответственного, критического и этичного взаимодействия с ИИ
Технологический	Базовое знание сущности ИИ, машинного обучения, генеративных моделей, больших языковых моделей, машинного перевода, чат-ботов, интеллектуальных систем обучения и автоматизированного оценивания. Знание функциональных возможностей образовательных ИИ-сервисов: генерация текста, речи и изображений; адаптация материалов; создание тестов; автоматизированная проверка; аналитика учебных данных; персонализация обучения. Знание основ промпт-инжиниринга как способа постановки профессиональной задачи ИИ-системе. Знание критериев выбора ИИ-инструмента: надежность, методическая пригодность, доступность, безопасность, языковая и культурная релевантность, прозрачность условий использования. Знание нормативно-правовых и этических оснований применения ИИ: защита персональных данных, авторское право, академическая честность, маркировка и проверка ИИ-генерированного материала. Знание способов профессионального саморазвития с использованием ИИ и открытых образовательных ресурсов	Находить, отбирать, тестировать и использовать ИИ-инструменты для решения конкретных профессиональных задач учителя иностранного языка. Формулировать промпты, уточнять их параметры, задавать критерии результата, проводить итерационную доработку ответа ИИ и фиксировать педагогически значимые условия генерации. Проверять достоверность, языковую корректность, методическую целесообразность и безопасность материалов, созданных ИИ. Использовать генеративные ресурсы для разработки учебных текстов, упражнений, презентаций, аудиоматериалов, визуальной опоры, интерактивных сценариев и иммерсивных элементов обучения. Применять интеллектуальные системы контроля и оценивания, не подменяя ими профессиональное суждение педагога. Использовать результаты автоматизированной аналитики для индивидуализации обучения, при условии соблюдения конфиденциальности и безопасности. Соблюдать законодательные, этические и институциональные требования при работе с ИИ, персональными данными и авторскими материалами. Использовать ИИ для поиска и анализа лингвометодической литературы, самооценки, педагогической рефлексии и непрерывного профессионального развития

Следовательно, современная подготовка учителя иностранного языка предполагает выработку навыка действовать в системе координат «язык — методика — ИИ». Владения иностранным языком и знание методики его преподавания сегодня недостаточно. Педагог также должен уметь применять интеллектуальные инструменты для проектирования занятий, адаптации материалов, организации контроля и обратной связи, индивидуализации обучения и собственного профессионального роста.

Обсуждение результатов. Полученные результаты подтверждают кумулятивную логику развития профессиональной компетенции учителя иностранного языка. Этот вывод согласуется с представлением о цифровизации как последовательном изменении способов организации языкового образования [9] и с положением о включении информационно-коммуникационной составляющей в единую систему

предметных, методических и универсальных компетенций преподавателя [7]. Вместе с тем проведенный анализ показывает, что внедрение ИИ образует не очередной набор технических средств, а новый операциональный слой профессиональной деятельности: традиционное действие сохраняет цель, но выполняется через постановку параметров, генерацию, проверку и педагогическую интерпретацию результата.

Сопоставление авторской модели с *TPACK* и *AI-TPACK* позволяет уточнить ее вклад. Модели *TPACK* и *AI-TPACK* описывают интеграцию предметного, педагогического и технологического знания [11; 12], однако не детализируют, какие именно действия должен выполнять учитель иностранного языка при отборе текста, проектировании упражнения или оценивании письменной работы. Предложенная трехкомпонентная модель переводит общую структуру интегрированного знания в предметно ориентированную

систему знаний и умений. В этом отношении она близка к модели профессиональной компетенции преподавателя иностранных языков в области использования ИИ [15], но дополнительно связывает современное содержание компетенции с исторической логикой ее формирования.

Выявленная трансформация профессиональных действий согласуется с принципом ведущей роли педагога при использовании интеллектуальных технологий [14] и с организацией обратной связи в триаде «обучающийся — преподаватель — ИИ» [16]. Матрица ИИ-инструментов в лингвометодической подготовке также показывает необходимость соотносить технологию с конкретной профессиональной задачей [18]. Полученные результаты развивают эти положения: промпт-инжиниринг интерпретируется не как автономный технический навык, а как форма точной методической постановки задачи, после которой обязательны критическая проверка, редактирование и окончательное решение учителя.

Соотношение лингвистического, методического и технологического компонентов позволяет обозначить границы автоматизации. ИИ может генерировать варианты, классифицировать ошибки, предлагать объяснения и менять форму представления материала. Однако постановка образовательной цели, оценка языковой, возрастной и культурной приемлемости, интерпретация ошибки в контексте индивидуального развития обучающегося, итоговое оценивание и ответственность за последствия использования технологии остаются за педагогом. Именно это отличает профессиональную лингвометодическую ИИ-компетенцию от пользовательского владения цифровым сервисом.

Ограничением исследования является его теоретико-аналитический характер. Предложенная модель сформирована путем сравнительного анализа научной литературы и педагогического моделирования и требует эмпирической проверки на выборках действующих и будущих учителей иностранного языка. Перспективными задачами являются разработка измеряемых показателей каждого компонен-

та, определение уровней сформированности компетенции и проверка связи между заявленными умениями, качеством разработанных учебных материалов и результатами обучения.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что лингвометодическая компетенция учителя иностранного языка развивается путем последовательного приращения. К знаниям языковой системы и умениям объяснять, читать и переводить были добавлены психолингвистические представления о речевой деятельности, коммуникативное проектирование, межкультурная направленность, работа с аутентичными материалами, цифровыми средствами и педагогическим дизайном. Искусственный интеллект продолжает эту линию развития, но меняет способ выполнения профессиональных действий.

Результаты сравнительного анализа показали, что ИИ-грамотность задает базовые знания и критическое отношение к технологии; рамка ЮНЕСКО формирует человеко-ориентированные и этические ориентиры; *AI-TPACK* описывает интеграцию предметного, педагогического и технологического знания; нейролингводидактическая компетенция конкретизирует действия преподавателя в языковом образовании. Их синтез позволил определить лингвометодическую ИИ-компетенцию и представить ее в единстве лингвистического, методического и технологического компонентов.

На примерах отбора текста, составления упражнения и проверки письменной работы установлено, что профессиональное действие преобразуется в цикл постановки параметров, получения результата, критической верификации, редактирования и принятия окончательного решения. Практическое использование модели возможно при обновлении программ педагогического образования и повышения квалификации. Перспективы исследования связаны с разработкой диагностических критериев, эмпирической проверкой модели и созданием типологии профессионально ориентированных заданий для подготовки учителя к работе в системе «педагог — ИИ — обучающийся».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майофис М. Л. Страх влияния: к ранней истории советских языковых спецшкол (конец 1940-х — начало 1960-х годов) // Вопросы образования. 2016. № 2. С. 286—310. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-2-286-310.
2. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе: общие вопросы методики. М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. 96 с.
3. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 1969. 214 с.
4. Бим И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника: опыт системно-структурного описания. М. : Русский язык, 1977. 288 с.
5. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж : Истоки, 1996. 237 с.
6. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: подготовка переводчиков. М. : Высшая школа, 1989. 236 с.
7. Титова С. В. Карта компетенций преподавателя иностранных языков в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 5. С. 133—149. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-133-149.
8. Безукладников В. К. Ретроспективный анализ подходов к определению понятия «лингвоцифровая компетенция будущего учителя иностранного языка» // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2024. № 17. С. 15—22.
9. Титова С. В., Староверова М. В. Этапы цифровизации языкового образования в XX—XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 3. С. 25—45. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-2.
10. Long D., Magerko B. What Is AI Literacy? Competencies and Design Considerations // CHI '20 : Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York : Association for Computing Machinery, 2020. Art. 598. DOI: 10.1145/3313831.3376727.
11. Mishra P., Koehler M. J. Technological Pedagogical Content Knowledge: A Framework for Teacher Knowledge // Teachers College Record: The Voice of Scholarship in Education. 2006. Vol. 108. Iss. 6. Pp. 1017—1054. DOI: 10.1111/j.1467-9620.2006.00684.x.

12. Teachers' AI-TPACK: Exploring the Relationship between Knowledge Elements / Y. Ning, C. Zhang, B. Xu et al. // *Sustainability*. 2024. Vol. 16. Iss. 3. Art. 978. DOI: 10.3390/su16030978.
13. Zhao L., Wu X., Luo H. Developing AI Literacy for Primary and Middle School Teachers in China: Based on a Structural Equation Modeling Analysis // *Sustainability*. 2022. Vol. 14. Iss. 21. Art. 14549. DOI: 10.3390/su142114549.
14. Сысоев П. В. Принципы обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта // *Иностранные языки в школе*. 2024. № 3. С. 6—17.
15. Титова С. В., Харламенко И. В. Структура профессиональной компетенции педагога иностранных языков в области использования искусственного интеллекта // *Язык и культура*. 2025. № 69. С. 220—246. DOI: 10.17223/19996195/69/11.
16. Сысоев П. В., Филатов Е. М. Методика обучения учащихся и студентов написанию эссе в триаде «обучающийся — преподаватель — искусственный интеллект» // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024. Т. 27. № 2. С. 38—54. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-3.
17. Евстигнеев М. Н. Нейросеть Tweep — новый инструмент для педагога английского языка // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Т. 28. № 6. С. 1428—1442. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-6-1428-1442.
18. Матрица инструментов искусственного интеллекта в лингвометодической подготовке будущих учителей иностранного языка / П. В. Сысоев, Е. М. Филатов, М. Н. Евстигнеев и др. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 29. № 3. С. 559—588. DOI: 10.20310/1810-0201-2024-29-3-559-588.

REFERENCES

1. Mayofis M. L. The anxiety of influence: Towards the early history of Soviet schools with the advanced study of foreign languages (late 1940s–early 1960s). *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2016;(2):286—310. (In Russ.) DOI: 10.17323/1814-9545-2016-2-286-310.
2. Shcherba L. V. Teaching foreign languages in secondary school: General methodological issues. Moscow, Leningrad, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR publ., 1947. 96 p. (In Russ.)
3. Leont'ev A. A. Language, speech, and speech activity. Moscow, Prosveshchenie, 1969. 214 p. (In Russ.)
4. Bim I. L. Foreign language teaching methodology as a science and problems of the school textbook: A system-structural description. Moscow, Russkii yazyk, 1977. 288 p. (In Russ.)
5. Safonova V. V. Learning languages of international communication in the context of the dialogue of cultures and civilizations. Voronezh, Istoki, 1996. 237 p. (In Russ.)
6. Khaleeva I. I. Fundamentals of the theory of teaching foreign-language speech comprehension: Translator training. Moscow, Vysshaya shkola, 1989. 236 p. (In Russ.)
7. Titova S. V. The Map of Competencies of a Foreign Language University Teacher in the Context of Digitalization of Education. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2022;31(5):133—149. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-133-149.
8. Bezukladnikov V. K. Retrospective approaches analysis to concept definition “linguo-digital pre-service foreign language teacher competence”. *Gumanitarnye issledovaniya. Pedagogika i psikhologiya = Humanitarian Studies. Pedagogy and Psychology*. 2024;17:15—22. (In Russ.)
9. Titova S. V., Staroverova M. V. The stages of digitalization of language education in the XX–XXI cc. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhdul'turnaya kommunikatsiya = Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*. 2023;26(3):25—45. (In Russ.) DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-2.
10. Long D., Magerko B. What Is AI Literacy? Competencies and Design Considerations. *CHI '20: Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York, Association for Computing Machinery publ., 2020:598. DOI: 10.1145/3313831.3376727.
11. Mishra P., Koehler M. J. Technological Pedagogical Content Knowledge: A Framework for Teacher Knowledge. *Teachers College Record: The Voice of Scholarship in Education*. 2006;108(6):1017—1054. DOI: 10.1111/j.1467-9620.2006.00684.x.
12. Ning Y., Zhang C., Xu B. et al. Teachers' AI-TPACK: Exploring the relationship between knowledge elements. *Sustainability*. 2024;16(3):978. DOI: 10.3390/su16030978.
13. Zhao L., Wu X., Luo H. Developing AI literacy for primary and middle school teachers in China: Based on a structural equation modeling analysis. *Sustainability*. 2022;14(21):14549. DOI: 10.3390/su142114549.
14. Sysoev P. V. Principles of teaching a foreign language based on artificial intelligence. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2024;3:6—17. (In Russ.)
15. Titova S. V., Kharlamenko I. V. The framework of professional competence for foreign language teachers utilizing artificial intelligence. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*. 2025;69:220—246. (In Russ.) DOI: 10.17223/19996195/69/11.
16. Sysoev P. V., Filatov E. M. A method for teaching foreign language creative writing to students within the framework “learner — teacher — artificial intelligence”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhdul'turnaya kommunikatsiya = Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*. 2024;27(2):38—54. (In Russ.) DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-3.
17. Evstigneev M. N. Tweep neural network as a new tool for English language teacher. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*. 2023;28(6):1428—1442. (In Russ.) DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-6-1428-1442.
18. Sysoev P. V., Filatov E. M., Evstigneev M. N. et al. A matrix of artificial intelligence tools in pre-service foreign language teacher training. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*. 2024;29(3):559—588. (In Russ.) DOI: 10.20310/1810-0201-2024-29-3-559-588.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 28.07.2026; принята к публикации 03.08.2026.
The article was submitted 02.07.2026; approved after reviewing 28.07.2026; accepted for publication 03.08.2026.

Научная статья
УДК 371.322.1+373.3
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1702

Vitaly Gennadievich Svehkarev
Doctor of Pedagogy, Professor,
Professor of the Department of Pedagogy and Psychology,
Rostov Institute of Entrepreneur Protection
Rostov-on-Don, Russian Federation
vital89286686941@mail.ru

Виталий Геннадьевич Свечкарёв
д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры педагогики и психологии,
Ростовский институт защиты предпринимателя
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
vital89286686941@mail.ru

ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ: ТЕОРЕТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье рассматривается проблема отмены в Российской Федерации с 1 сентября 2026 г. домашних заданий для первоклассников. Актуальность исследования обусловлена неоднозначной реакцией педагогического сообщества и родительской общественности на данное решение, а также отсутствием системного научного анализа его потенциальных последствий. Цель исследования — провести теоретико-педагогический анализ проблемы домашних заданий в начальной школе и обосновать необходимость их трансформации с учетом возрастных и физиологических особенностей детей.

В работе использован комплекс теоретических методов: историко-педагогический анализ трудов классиков (К. Д. Ушинский, В. А. Сухомлинский, Л. С. Выготский) и педагогов-новаторов (Ш. А. Амонашвили, В. Ф. Шаталов, Б. П. Никитин, М. П. Щетинин, В. Ф. Базарный, С. Н. Лысенкова, Е. Н. Ильин); сравнительно-сопоставительный анализ различных подходов; контент-анализ научных публикаций и результатов опросов; обобщение педагогического опыта (практика Смоленской области).

Результаты показывают, что классики педагогики не поддерживали ни полную отмену, ни чрезмерную нагрузку, а новаторы продемонстрировали возможность транс-

формации домашней работы в добровольную, творческую и лично значимую. Анализ опыта Смоленской области (запрет с 2021 г.) и трудов И. В. Усковой, Е. Ю. Петряевой, М. Н. Федоровской, Л. В. Агеевой, Г. А. Стаселович выявил двойственный эффект: избыточная нагрузка негативно влияет на здоровье младших школьников, но при разумной организации задания сохраняют образовательную и воспитательную ценность. Согласно опросу «Сенатинформ», 59 % россиян и 75 % родителей против полной отмены, что требует сбалансированных решений.

Автор приходит к выводу, что целесообразно не отказываться от домашних заданий, а перестроить их: заменить принудительные письменные упражнения на добровольные игровые и творческие формы, адаптировать объем и сложность, внедрить здоровьесберегающие приемы (подходы В. Ф. Базарного и Б. П. Никитина). Предложенные рекомендации адресованы практикам образования и могут быть использованы при реформировании начальной школы.

Ключевые слова: домашние задания, начальная школа, образовательная реформа, педагогическое наследие, зона ближайшего развития, педагогика сотрудничества, здоровьесберегающие технологии, учебная нагрузка

Для цитирования: Свечкарёв В. Г. Домашние задания в начальной школе: теоретико-педагогический анализ и перспективы реформирования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 273—282. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1702.

Original article

HOMEWORK IN PRIMARY SCHOOL: THEORETICAL AND PEDAGOGICAL ANALYSIS AND REFORM PROSPECTS

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article examines the problem of abolishing homework for first-graders in the Russian Federation from September 1, 2026. The relevance of the study is due to the ambiguous reaction of the pedagogical community and the general public to this decision, as well as the lack of systematic scientific analysis of its potential consequences. The purpose of the study is to conduct a theoretical pedagogical analysis of the problem of homework in primary school and to substantiate the need for its transformation, taking into account the age and physiological characteristics of children.

The work uses a set of theoretical methods: historical and pedagogical analysis of the works of classics (K. D. Ushinsky, V. A. Sukhomlinsky, L. S. Vygotsky) and innovative teachers (Sh. A. Amonashvili, V. F. Shatalov, B. P. Nikitin, M. P. Shchetinin, V. F. Bazarny, S. N. Lysenkova, E. N. Il'in); comparative analysis of various approaches; content analysis of scientific publications and survey results; generalization of pedagogical experience (the practice of the Smolensk region).

The results show that the classics of pedagogy did not support either complete homework abolition or excessive academic load, while innovators demonstrated the possibility

of transforming homework into voluntary, creative and personally meaningful work. The analysis of the Smolensk region experience (homework abolition since 2021) and the works of I. V. Uskova, E. Yu. Petryaeva, M. N. Fedorovskaya, L. V. Ageeva, G. A. Staselevich reveals a dual effect: excessive workload negatively affects the health of younger schoolchildren, but with reasonable organization, tasks retain educational and upbringing value. According to the Senatinform survey, 59% of Russian citizens and 75% of parents oppose complete homework abolition, which requires balanced solutions.

For citation: Svechkarev V. G. Homework in primary school: theoretical and pedagogical analysis and reform prospects. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):273—282. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1702.

Введение

Тема домашних заданий для младших школьников неизменно остается в центре педагогических дискуссий. Едва ли не с зарождения организованного школьного обучения в России не утихают споры о том, нужна ли детям дополнительная работа вне класса, в каком объеме и каком виде. В последние годы этот вопрос звучал с новой силой — на фоне нарастающей учебной перегрузки, массового внедрения цифровых средств и искусственного интеллекта, а также пересмотра взглядов на возрастные и физиологические возможности детей 6—8 лет.

Актуальность исследования обусловлена двумя группами факторов.

Во-первых, с 1 сентября 2026 г. в России вступает в силу закреплённое приказом Минпросвещения России нормативное положение, согласно которому обучение в первых классах проводится без домашних заданий. Ранее школам лишь рекомендовали ограничивать объем домашних занятий одним часом, однако теперь эта норма исключена, и отказ от домашней работы становится обязательным. Основной акцент в обучении первоклассников теперь будет сделан на спокойной адаптации к школьной жизни, игровом формате и полноценном отдыхе. Данное решение вызвало неоднозначную реакцию в профессиональном педагогическом сообществе и среди родительской общественности, что требует научного осмысления возможных последствий и свидетельствует о наличии социального запроса на научно обоснованные рекомендации.

Во-вторых, в научной литературе отсутствуют системные исследования, обобщающие теоретические подходы к проблеме домашних заданий в начальной школе в контексте современной образовательной реформы.

Изученность проблемы. Проблема домашних заданий в начальной школе является предметом научных дискуссий как в отечественной, так и в зарубежной педагогике. В российской науке вопросы организации домашней учебной работы младших школьников рассматривались в работах И. В. Усковой, которая на основе исследований коллектива Института стратегии развития образования раскрывает современные проблемы содержания, объема и организации домашней учебной работы младших школьников и ее негативное влияние на успешность обучения, физическое и психическое здоровье обучающихся [1]. Е. Ю. Петряева и М. Н. Федоровская, анализируя содержание домашних заданий в школах Москвы в период дистанционного обучения, констатируют перегруженность школьников и отсутствие единого мнения о роли домашних заданий в достижении образовательных результатов [2]. Л. В. Агеева с соавторами подчеркивают образовательное и воспита-

The author concludes that it is advisable not to abandon homework, but to restructure it: replace compulsory written exercises with voluntary game-based and creative forms, adapt the volume and complexity, and introduce health-saving techniques (approaches of V. F. Bazarny and B. P. Nikitin). The proposed recommendations are addressed to practitioners and can be used in reforming primary school.

Keywords: homework, primary school, educational reform, pedagogical heritage, zone of proximal development, cooperative pedagogy, health-saving techniques, academic load

тельное значение домашней работы при условии ее правильной организации [3]. Г. А. Стаселович обосновывает необходимость отказа от домашних заданий на первых этапах обучения [4]. А. О. Зверев показывает, что объем домашних заданий в российских школах существенно превышает аналогичные показатели в зарубежных странах [5].

В зарубежной педагогике дискуссия о целесообразности домашних заданий продолжается. Р. Фернандес-Алонсо с соавторами в метаанализе данных *PISA* показали, что у детей, которым родители чаще помогали с домашними заданиями, успеваемость была ниже — эффект сохраняется во всех странах и предметах; авторы делают вывод, что важнее качество помощи, а не ее количество [6]. Исследование Т. Виейтеса с соавторами демонстрирует, что внедрение системы организации домашних заданий *MITSA* повышает эмоциональную и поведенческую вовлеченность учеников младших классов [7]. В работе Я. Негру и С. Сава показано, что повторяющиеся, объемные и скучные задания вызывают у младших школьников фрустрацию, тревогу и недосып, тогда как игровые, творческие и командные формы повышают их благополучие [8].

В российской педагогике продолжают исследования здоровьесберегающего потенциала домашних заданий. Так, в работах И. Э. Александровой рассматриваются физиолого-гигиенические аспекты организации домашней учебной работы школьников, обосновывается необходимость учета возрастных особенностей и режима дня при планировании домашней нагрузки [9]. Е. А. Акимова в своем исследовании показывает, что творческие домашние задания повышают учебную мотивацию младших школьников [10].

Целесообразность разработки темы определяется необходимостью преодоления разрыва между административным решением об отмене домашних заданий и ожиданиями педагогического сообщества и родителей, а также потребностью в научно обоснованных рекомендациях по трансформации системы домашней работы в начальной школе.

Цель статьи — провести теоретико-педагогический анализ проблемы домашних заданий в начальной школе, систематизировать экспертные оценки и родительские мнения, а также обосновать необходимость трансформации системы домашних заданий с учетом современных научных данных.

Задачи исследования:

1. Проанализировать взгляды классиков отечественной педагогики (К. Д. Ушинский, В. А. Сухомлинский, Л. С. Выготский) на проблему домашних заданий.
2. Систематизировать опыт педагогов-новаторов (Ш. А. Амонашвили, В. Ф. Шаталов, Б. П. Никитин, М. П. Щетинин, В. Ф. Базарный, С. Н. Лысенкова, Е. Н. Ильин и др.) в реформировании системы домашней работы.

3. Обобщить современные экспертные оценки и родительские мнения относительно отмены домашних заданий для первоклассников.

4. Проанализировать существующие региональные практики и современные научные исследования по проблеме домашних заданий в начальной школе.

5. Сформулировать рекомендации по трансформации системы домашних заданий в начальной школе.

Научная новизна исследования заключается в систематизации теоретических подходов к проблеме домашних заданий в начальной школе в контексте современной образовательной реформы, а также в обосновании необходимости не полной отмены, а дифференцированной трансформации домашних заданий с учетом возрастных и физиологических особенностей детей, опыта педагогов-новаторов и современных научных данных.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении научных представлений о функциях и формах домашних заданий в начальной школе.

Практическая значимость заключается в разработке рекомендаций для системы образования по трансформации домашних заданий, которые могут быть использованы при разработке методических материалов для учителей и программ повышения квалификации.

Основная часть

Теоретико-педагогические основания проблемы домашних заданий.

Наследие К. Д. Ушинского. Основатель российской научной педагогики Константин Дмитриевич Ушинский занимал сложную, диалектическую позицию по вопросу домашних заданий. С одной стороны, он признавал домашнюю работу одной из главных форм самостоятельной деятельности ученика, без которой «учение может продвигаться вперед лишь очень медленно» [11, с. 414]. Ушинский доказывал целесообразность применения домашнего задания лишь после специальной подготовки школьников к их выполнению. Однако в более широком философско-педагогическом контексте К. Д. Ушинский был категорически против сложившейся практики домашних заданий. В своей работе «О вреде заданий на дом» он писал: «Задача уроков на дом и вследствие того возложение почти всего труда учения на одних учащихся есть одно из наибольших зол, одолеваящих наши русские училища» [11, с. 260]. Педагог считал, что школа должна научить ребенка учиться, т. е. получать знания, которые пригодятся в дальнейшей жизни, а не зубрить. Вред домашнего задания, по К. Д. Ушинскому, именно в том, что оно приучает ребенка не к осмыслению, а к зубрежке.

Особого внимания заслуживает прямое высказывание К. Д. Ушинского о психологических последствиях непосильных домашних заданий: «Сюда же относится и то правило, чтобы не задавать детям уроков, которые им не по силам, потому что такие уроки, которых дитя одолеть не может, надрыдают память, точно так же, как чрезмерные телесные усилия могут надорвать телесный организм» [12, с. 113]. Далее он развивает эту мысль: «Если дитя не могло несколько раз выучить своего урока, несмотря на искренние свои усилия, то у него зарождается неуверенность в своих силах, а эта неуверенность имеет чрезвычайно ослабляющее влияние на память» [12, с. 114]. К. Д. Ушинский также предупреждал, что «видя перед собою большой урок, дитя тревожится,

беспокоится, иногда плачет, а это все такие душевные акты, которые не дают сосредоточиться вниманию, необходимому для усвоения урока» [12, с. 115].

Ключевая идея К. Д. Ушинского состояла в том, что «лучшие педагоги решительно вооружаются против задания уроков на дом детям младшего возраста и требуют, чтобы школа или наставник выучили детей сначала учиться, а потом уже поручили это дело им самим» [11, с. 418]. Он с горечью констатировал: «От несоблюдения этого правила чрезвычайно много страдают наши русские дети, и бессмысленной задаче домашних уроков в первых трех классах наших гимназий мы приписываем то дикое явление, что младшие классы у нас переполнены учениками, а в старших стоят почти пустые скамейки» [11, с. 421]. Таким образом, К. Д. Ушинский видел решение не в отмене домашней работы как таковой, а в переносе акцента с механического заучивания на осмысленное усвоение под руководством учителя и в отказе от непосильных заданий для младших школьников.

Педагогика В. А. Сухомлинского. Василий Александрович Сухомлинский — выдающийся педагог-гуманист XX в. — подходил к проблеме домашних заданий с позиций здоровьесбережения и личностно-ориентированного обучения. Он был убежден, что «без домашних уроков обойтись нельзя, но надо пытаться сделать так, чтобы сократить время их приготовления до минимума» [13, с. 190]. В. А. Сухомлинский предостерегал от перегрузки учащихся: «Шесть часов в школе да шесть дома — такое учение истощает физические и нервные силы» [13, с. 193]. Он считал недопустимым выполнение домашнего задания за 5–7 часов до сна. По его личному убеждению, все дети, которые задерживались за письменным столом до позднего вечера, становились неуспевающими. Педагог советовал приучать ребенка к режиму дня, в т. ч. при выполнении домашних заданий, поскольку только так можно развить в маленьком ученике усидчивость и самостоятельность. При этом В. А. Сухомлинский настаивал, что взрослые не должны выполнять задания за ребенка, но обязаны следить за тем, как школьник организует свое рабочее время, и слушать его устные ответы. Оценка, по В. А. Сухомлинскому, должна быть наградой за трудолюбие, а не наказанием за лень или безответственность [13, с. 195].

В. А. Сухомлинский также подчеркивал эмоциональную сторону учебного труда: «Нельзя забывать, что ребенок, не испытывавший радости от ученья, не познавший чувства гордости после преодоления трудности — несчастный человек» [14, с. 82]. Он призывал: «Дать ребенку ощутить радость труда... наполнить его сердце гордостью и чувством собственного достоинства — первостепенная задача педагогики» [14, с. 84]. Важно отметить, что В. А. Сухомлинский не был сторонником полной отмены домашних заданий. Он рассматривал домашнюю работу как «развитие, углубление знаний, совершенствование умения учиться, подготовку к овладению знаниями в классе» [13, с. 196]. Его позиция может быть охарактеризована как умеренно-реформаторская: сохранение домашних заданий при кардинальном пересмотре их объема, содержания и методики организации.

Теория Л. С. Выготского и зона ближайшего развития. Культурно-историческая концепция Льва Семёновича Выготского дает ключ к пониманию развивающей функции домашних заданий. Выдвинутое Л. С. Выготским положение о ведущей роли обучения относительно психического

развития находит отражение и в деятельности педагога, который предлагает домашние задания как продолжение процесса обучения. Центральное понятие теории Л. С. Выготского — зона ближайшего развития, определяемая как «расхождение между уровнем существующего развития ребенка (какую задачу он может решить самостоятельно) и уровнем потенциального развития, которого он же способен достигнуть под руководством педагога и в сотрудничестве со сверстниками» [15, с. 249]. Зоной ближайшего развития является «та деятельность, которую ребенок производит совместно с родителями, с педагогами» [15, с. 252].

Домашнее задание, выполненное при разумном участии родителей, может стать именно тем пространством, где осуществляется переход от интерпсихического к интрапсихическому способу действия. Современные программы часто нарушают принцип Л. С. Выготского: если обучение слишком легкое — развитие замедляется, если же слишком сложное — дети перестают справляться даже с тем, что могли бы освоить при разумном подходе. Это замечание непосредственно относится к проблеме домашних заданий: их отмена без выработки альтернативных механизмов развития может привести к замедлению когнитивного развития, тогда как чрезмерно сложные задания — к фрустрации и отказу от учебной деятельности.

Вклад педагогов-новаторов в решение проблемы домашних заданий. Во второй половине XX в. в отечественной педагогике сформировалось мощное движение новаторов, предложивших принципиально иные подходы к организации учебного процесса, в т. ч. к проблеме домашних заданий. К числу наиболее ярких представителей этого движения относятся Шалва Александрович Амонашвили, Виктор Федорович Шаталов, Софья Николаевна Лысенкова, Евгений Николаевич Ильин, Борис Павлович Никитин, Михаил Петрович Щетинин и Владимир Филиппович Базарный. Объединяющей идеей для всех этих педагогов стал отказ от авторитарной педагогики принуждения и переход к педагогике сотрудничества, в центре которой находится личность ребенка с его индивидуальными особенностями, интересами и темпом развития.

Классик гуманной педагогики Шалва Александрович Амонашвили занял последовательную и принципиальную позицию в вопросе домашних заданий. Он утверждает, что «ребенок от рождения устремлен к познанию и не ждет, пока кто-то его к этому принудит» [16, с. 56]. Задача учителя, по Ш. А. Амонашвили, — сделать ребенка добровольным и заинтересованным соратником в учебном процессе и предоставить ему право выбора. В своей практике Ш. А. Амонашвили не дает обязательных домашних заданий. В книге «Размышления о гуманной педагогике» он прямо заявляет: «Детям даю возможность самим задавать себе домашние задания, знаю, что каждый будет стараться по мере своих возможностей. Я и раньше вам говорил, у нас нет обязательных домашних заданий...» [16, с. 215]. На вопрос о помощи родителей педагог отвечает: «А как же? Только не в том смысле, чтобы вы заставляли ваших детей готовить уроки, контролировали их и т. д. Вашу помощь я вижу в первую очередь в том, чтобы вы интересовались и узнавали от своего ребенка, как идет наша школьная жизнь, что у нас нового, сотрудничали и помогали ему в том случае, если сам ребенок попросит вас об этом» [16, с. 218].

Вместо традиционных «нудных» упражнений ученики школы Ш. А. Амонашвили дома решают и составляют задачи, учат стихи и пишут сочинения, выпускают газеты

и делают книжки — выполняют нестандартные, творческие домашние задания. Помощь родителей, по его мнению, заключается не в контроле и принуждении, а в интересе к школьной жизни ребенка, в совместных играх, беседах и философствовании. Таким образом, Ш. А. Амонашвили не отменяет домашнюю работу как таковую, но кардинально трансформирует ее природу: из обязательной и формальной она становится добровольной, творческой и личностно значимой для самого ребенка.

Народный учитель СССР Виктор Федорович Шаталов, создатель методики опорных сигналов, также предложил оригинальное решение проблемы домашних заданий. В. Ф. Шаталов отказался от традиционных домашних заданий, разработав систему обучения с использованием опорных сигналов — «взаимосвязанных ключевых слов, условных знаков, рисунков и формул с кратким выводом» [17, с. 45]. В. Ф. Шаталов, напротив, ушел от привычных письменных упражнений, предложив ученикам обширный банк задач на полгода вперед — каждый мог сам выбирать, что и сколько решать. На четвертом этапе его технологии предусматривалась «работа с учебником и листом опорных сигналов в домашних условиях» [17, с. 78], а единственной обязательной формой было воспроизведение опорных конспектов — наглядных схем, помогающих систематизировать и запоминать материал. Шаталов исходил из того, что традиционное домашнее задание ориентировано на усредненного ученика: для сильных оно слишком примитивно, для слабых — непомерно сложно. Предложенная им система позволяла каждому ребенку выбирать свой темп и самостоятельно регулировать объем нагрузки. При этом В. Ф. Шаталов принципиально отказался от проверки домашних работ и вызова к доске по журналу — контроль строился иначе: учитель получал обратную связь через творческие работы и умение учеников воспроизводить и применять опорные сигналы. Этот подход существенно снижал стрессовую нагрузку на учащихся и одновременно формировал у них навыки самоорганизации и ответственности.

Софья Николаевна Лысенкова, создательница методики перспективно-опережающего обучения, подошла к проблеме домашних заданий наиболее радикально среди своих коллег-новаторов. Ее подход, подробно изложенный в книге «Методом опережающего обучения» (1988), заключался не в отмене как таковой, а в том, чтобы сделать домашнюю работу ненужной за счет высокой эффективности урока. С. Н. Лысенкова исходила из принципа, что вторая половина дня принадлежит ребенку, и школа не должна на нее посягать. В своей книге она прямо пишет: «В первом классе — без домашних заданий. Домашнее задание по новой теме дается тогда, когда оно становится доступным для самостоятельного выполнения каждым» [18, с. 142]. Этот результат достигался за счет трех «китов» ее технологии: 1) перспективной подготовки — сложные темы вводились в программу заранее малыми порциями, чтобы к моменту их официального изучения материал был уже знаком и доступен каждому; 2) комментируемого управления — ученики проговаривали свои действия вслух, что развивало их мышление и помогало одноклассникам; 3) опорных схем — наглядных алгоритмов, упрощающих запоминание и применение правил. Благодаря этому всё необходимое усваивалось непосредственно на уроке, а освободившееся время дети могли посвятить развитию, творчеству и отдыху. Таким образом, подход С. Н. Лысенковой —

это не просто «трансформация» домашнего задания, а доказательство того, что качественная организация урока может сделать домашнюю работу избыточной, не снижая, а повышая образовательные результаты. Ее опыт — один из самых сильных аргументов в пользу того, что реформа не должна сводиться к простому запрету, а требует глубокой перестройки самого учебного процесса.

Евгений Николаевич Ильин — педагог-новатор, учитель литературы, разработавший оригинальную концепцию преподавания литературы как искусства и нравственно-этического курса. Его подход к домашним заданиям был принципиально иным: он считал, что урок литературы не должен заканчиваться звонком, а должен продолжаться дома, но в форме увлекательного поиска, а не скучной объяснительки. Е. Н. Ильин ввел понятие «насадка» — так он называл приемы, которые «зацепляют» ученика. В своей книге «Урок продолжается...» (1973) он писал о том, как важно пробудить в ученике интерес к предмету, чтобы домашняя работа стала добровольным продолжением урока. В книге «Искусство общения» (1982) он развивает идею о том, что домашнее задание — это не проверка, а диалог между учителем и учеником, возможность для творческого самовыражения. «Шаги навстречу» (1986) посвящена формированию читателя-школьника через общение и совместный поиск. Его опыт доказывает, что домашняя работа может быть не наказанием, а увлекательным приключением, если она построена на интересе и личной значимости для ребенка. В книгах «Путь к ученику» (1988), «Герой нашего урока» (1991) и других он продолжает развивать эту идею, показывая, что педагогика сотрудничества и творческий подход к домашним заданиям способны превратить их из обязанности в инструмент развития личности [19].

Борис Павлович Никитин — основоположник системы раннего развития, автор более десятка книг по педагогике и психологии — рассматривал проблему домашних заданий в более широком контексте здоровьесбережения и физического развития детей. В своей книге «Мы, наши дети и внуки» (2017) он писал о том, что школа — это «прежде всего парта, сидение в ней по несколько часов в день, это, кроме того, сидение за домашними заданиями, за чтением десятков и сотен книг — это резкое ограничение подвижности ребенка в то самое время, когда он особенно нуждается в интенсивном, разнообразном, радостном движении» [20, с. 102]. Б. П. Никитин обращал внимание на порочный круг: физически некрепким детям учиться трудно, они болеют чаще, занимаются больше, поэтому сидят дольше, а следовательно, всё более слабеют [20, с. 106]. Выход из этого круга он видел не в отмене домашних заданий как таковых, а в кардинальном пересмотре режима дня и учебной нагрузки в сторону увеличения двигательной активности. Его позиция созвучна современным требованиям здоровьесберегающей педагогики и показывает, что проблема домашних заданий неразрывно связана с более фундаментальными вопросами организации всей жизни школьника.

Академик Российской академии образования Михаил Петрович Щетинин стал, пожалуй, самым радикальным представителем педагогики сотрудничества в вопросе отмены домашних заданий. Еще в советский период он проводил смелые педагогические эксперименты, в рамках которых отменял оценки и домашние задания, а также сокращал время уроков. В 1994 г. он создал экспериментальную школу-интернат, где его идеи нашли практическое воплощение. В школе М. П. Щетинина отсутствовали

привычные классы, возрастные группы, уроки, программы и учебники. Учебный процесс строился на принципах свободного выбора занятий учащимися и изучения предметов методом «погружения» — синтеза различных школьных дисциплин. Домашние задания в его школе давались крайне редко (например, чтение программной художественной литературы), поскольку весь общеобразовательный материал «словесных» предметов обрабатывался непосредственно на уроке [21].

Особого внимания в контексте отмены домашних заданий для первоклассников заслуживает подход Владимира Филипповича Базарного — доктора медицинских наук, профессора, создателя здоровьесберегающей педагогики. Центральная идея В. Ф. Базарного состоит в том, что традиционная школьная система с ее обездвиженным образом жизни наносит непоправимый вред здоровью детей: по его словам, «причина развития патологий в школьном возрасте — факт многочасового сидения, закрепощающий ребенка» [22, с. 125]. Ключевые элементы системы Базарного, имеющие прямое отношение к проблеме домашних заданий:

1. Режим динамических поз — чередование работы стоя (за конторкой) и сидя в течение урока.
2. Двигательная активность как основа обучения — ребенку для полноценного развития необходима свобода движения.
3. Здоровьесберегающие технологии при выполнении домашних заданий — использование массажных ковров, экологических букварей, тренажеров для органов чувств.

Идеи В. Ф. Базарного имеют прямое отношение к обсуждаемой реформе. Он не был сторонником механической отмены домашних заданий, но настаивал на кардинальном пересмотре их организации: они должны выполняться в условиях, не наносящих вреда здоровью, с обязательной сменой поз и включением двигательных элементов. Его подход показывает, что проблема домашних заданий не сводится к вопросу «давать или не давать», а требует комплексного решения, учитывающего физиологические потребности растущего организма.

Обобщающий анализ позиций педагогов-новаторов. Несмотря на разнообразие подходов, в позициях педагогов-новаторов можно выделить несколько общих принципиальных положений:

1. Отказ от принуждения как основы обучения. Все педагоги-новаторы сходились во мнении, что воспитание и обучение «из-под палки» — бесперспективны.
2. Индивидуализация домашних заданий проявлялась по-разному: у В. Ф. Шаталова — через выбор задач из избыточного списка, у Ш. А. Амонашвили — через добровольные творческие проекты, у С. Н. Лысенковой — через полное исключение обязательных заданий благодаря грамотной организации урока, у Е. Н. Ильина — через «насадки», пробуждающие интерес и делающие домашнюю работу желанным продолжением занятия.
3. Трансформация (а не упразднение) стала общим знаменателем для большинства новаторов (кроме М. П. Щетинина). Они не упраздняли домашнюю работу, а качественно меняли ее — из рутинной и обязательной она превращалась в свободную, творческую и личностно ориентированную. С. Н. Лысенкова и Е. Н. Ильин продемонстрировали, что при определенных условиях объем домашних заданий можно свести к минимуму или полностью перевести в творческое русло без ущерба для результатов обучения.

4. Забота о здоровье выделялась как приоритетная задача: В. Ф. Базарный и Б. П. Никитин убедительно показали, что учебная нагрузка не должна наносить вред физическому развитию, а организация домашней работы обязана учитывать двигательную активность ребенка.

В целом опыт педагогов-новаторов свидетельствует: главное не в том, отменить домашние задания или нет, а в том, как их перестроить, чтобы они способствовали развитию личности и сохранению здоровья, а не превращались в источник механического заучивания и стресса.

Методология исследования. В работе использован комплекс теоретических методов: историко-педагогический анализ (для изучения взглядов классиков отечественной педагогики и педагогов-новаторов на проблему домашних заданий); сравнительно-сопоставительный анализ (для выявления общих и отличительных подходов в позициях различных авторов); контент-анализ (для систематизации экспертных оценок, родительских мнений и результатов социологических опросов); обобщение педагогического опыта (для изучения существующих региональных практик, в частности, опыта Смоленской области). Эмпирическую базу исследования составили официальные документы (приказы Минпросвещения России, письма Рособрнадзора), публикации в СМИ с высказываниями экспертов, результаты социологических опросов, а также публикации в научных изданиях по проблеме домашних заданий в начальной школе.

Анализ существующих региональных практик и современных научных исследований. Региональный опыт представим на примере Смоленской области. Важно отметить, что решение об отмене домашних заданий для первоклассников не является спонтанным. В Смоленской области запрет на домашние задания для учеников 1 класса действует с 2021 г. Как отмечают региональные СМИ, «новый приказ лишь устраняет противоречие в образовательных документах. В школах Смоленской области делают ставку на мягкую адаптацию. Главная задача первого года — помочь ребенку привыкнуть к новой жизни, а не нагружать после уроков» (<https://gtrksmolensk.ru/news/polnostyu-li-otmenyat-domashnie-zadaniya-dlya-smolenskih-pervoklashek/>). При этом учителя могут предлагать упражнения для тренировки навыков, но только как рекомендацию; их выполнение остается на усмотрение семьи.

Современные научные исследования. Вопрос эффективности домашних заданий, особенно в начальной школе, неоднократно становился предметом научных изысканий. Исследования показывают, что их польза напрямую зависит от возраста и целесообразности.

И. В. Ускова в статье «Проблема домашней учебной работы в современной начальной школе» на основе результатов исследований коллектива Института стратегии развития образования раскрывает современные проблемы содержания, объема и организации домашней учебной работы младших школьников и ее негативное влияние на успешность обучения, физическое и психическое здоровье обучающихся [1]. Автор определяет условия, которые обеспечивают эффективное использование домашних заданий для успешного обучения и развития младшего школьника [1].

Е. Ю. Петряева и М. Н. Федоровская в аннотации к статье «Исследование содержания домашних заданий в школах г. Москвы в период дистанционного обучения» констатируют, что «сегодня нет единого мнения о роли домашних заданий в достижении образовательных результатов.

Очевидный факт — школьники перегружены домашними заданиями» [2, с. 40]. В связи с этим в разных государствах предпринимаются меры для регулирования объема домашних заданий и нагрузки школьников. Авторы отмечают, что цифровая трансформация обострила проблематику домашних заданий, а самоизоляция и переход на дистанционное обучение усилили негативные реакции относительно домашних заданий со стороны родителей [2].

Л. В. Агеева с соавторами в статье «Организация домашней учебной работы младших школьников» подчеркивают, что регулярное закрепление материала дома — важная составная часть процесса обучения. Домашняя работа имеет образовательное, воспитательное значение, содействует образованию свободы, учит преодолевать препятствия, влияет на формирование умственной деятельности и стимулирует личностное развитие. Авторы отмечают, что любой навык становится прочным лишь после достаточного количества упражнений, однако количество таких упражнений зависит от особенностей материала и от индивидуальных особенностей учащихся [3].

А. О. Зверев в статье «Столько, сколько у нас, детям не задают на дом нигде» показывает, что объем домашних заданий в российских школах существенно превышает аналогичные показатели в зарубежных странах, где учащиеся тратят на домашнюю работу в 2—3 раза меньше времени [5].

Г. А. Стаселович в статье «Рекомендации для учителей начальных классов по оптимизации количества оценивающих процедур, учебной нагрузки младших школьников и изменению форм домашних заданий» определяет уровень, место, роль и цель отдельных оценочных процедур, а также раскрывает основные причины необходимости отказа от домашних заданий на первых этапах обучения [4].

Зарубежные исследования также подтверждают неоднозначность влияния домашних заданий. Р. Фернандес-Алонсо с соавторами в метаанализе данных *PISA* пришли к выводу, что у детей, которым родители чаще помогали с домашними заданиями, успеваемость была ниже; эффект сохраняется во всех странах и предметах, что указывает на важность качества помощи, а не ее количества [6]. Т. Виейрес с соавторами показали, что внедрение системы организации домашних заданий *MITSA* повышает эмоциональную и поведенческую вовлеченность учеников младших классов, что подтверждает необходимость системного подхода к организации домашней работы [7]. Исследование Я. Негру и С. Сава выявило, что повторяющиеся, объемные и скучные задания вызывают у младших школьников фрустрацию и тревогу, тогда как игровые и творческие формы повышают их благополучие [8].

В российской педагогике продолжают исследования здоровьесберегающего потенциала домашних заданий. Работы И. Э. Александровой обосновывают необходимость учета физиолого-гигиенических аспектов при организации домашней учебной работы школьников [9]. Е. А. Акимова в своем исследовании показывает, что творческие домашние задания повышают учебную мотивацию младших школьников, в т. ч. с задержкой психического развития [10].

Согласно официальным статистическим материалам Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения Минздрава России, общая заболеваемость детского населения (0—14 лет) в 2023 г. составила 183 267,8 случая на 100 тыс. детского населения. В ее структуре доминируют болезни органов

дыхания (44,1 %). Вместе с тем значительный удельный вес занимают «школьно-зависимые» классы патологий: болезни глаза и его придаточного аппарата (5,4 %), болезни костно-мышечной системы (2,9 %) и болезни нервной системы (2,0 %) [23].

Указанные данные подтверждают устойчивую связь между учебной нагрузкой и ухудшением здоровья детей младшего школьного возраста, что делает здоровьесберегающую направленность реформы по отмене домашних заданий в 1 классе физиологически обоснованной.

Ведущий научный сотрудник Института развития, здоровья и адаптации ребенка Т. М. Параничева в комментарии «Российской газете» отметила, что эффективность домашних заданий зависит не от их объема, а от качества и возрастной целесообразности. Наибольший положительный эффект от домашних заданий наблюдается именно у старшеклассников. В то же время у младших школьников польза от домашней работы минимальна, а чрезмерный объем заданий может снизить интерес к учебе (<https://rg.ru/2025/08/11/s-dumoj-o-domashke.html>).

Эти данные подтверждают, что реформа по отмене домашних заданий для первоклассников имеет под собой не только педагогические, но и физиологические основания, а также согласуется с результатами современных научных наблюдений.

Технологический фактор: искусственный интеллект и домашние задания. В эпоху повсеместного распространения искусственного интеллекта проблема домашних заданий приобретает новое измерение. С одной стороны, нейросети способны генерировать тексты, решать математические задачи и выполнять другие учебные задания, что создает иллюзию легкого получения знаний без реального усвоения материала. С другой стороны, искусственный интеллект проверяет лишь технические вещи.

Однако практика использования нейросетей для генерации сочинений и решения задач уже сегодня требует более глубокого осмысления рисков обесценивания самостоятельной работы, в т. ч. в начальной школе. Если ученик 1—4 класса привыкнет получать готовые ответы от искусственного интеллекта, это может сформировать иждивенческую модель поведения, при которой самостоятельное мышление и навыки решения проблем не развиваются. В этой связи отмена или кардинальная трансформация домашних заданий в начальной школе может рассматриваться не только как мера снижения нагрузки, но и как способ предотвращения формирования «цифровой зависимости» в учебной деятельности. Вместо проверяемых алгоритмизированных заданий, легко имитируемых искусственным интеллектом, целесообразно переходить к творческим, проектным и устным формам работы, которые сложно подделать с помощью нейросетей. Таким образом, технологический фактор становится дополнительным аргументом в пользу трансформации, а не отмены домашних заданий, и требует пересмотра их содержания с учетом современных реалий.

Современные экспертные оценки. Сергей Евгеньевич Рукшин, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, народный учитель России, занимает категоричную позицию: «Всерьез говорить об отмене домашних заданий может только вредитель либо абсолютно некомпетентный человек». С. Е. Рукшин выделяет несколько критически важных функций домашних заданий. Во-первых, воспитатель-

ная функция: все достижения страны — ракеты, атомные подводные лодки, истребители, энергетика — созданы людьми в процессе тяжелого умственного труда. К этому труду ребенка необходимо приучать с детства, иначе мы вырастим поколение бездельников. Во-вторых, функция закрепления в памяти: «Повторение — мать учения. Это не пожелание, а законы памяти». Ничтожный процент людей способен усвоить содержательный материал и запомнить его с одного раза. Чтобы знания закрепились, их нужно повторить через час, день, неделю и месяц. Без домашних заданий механизм запоминания просто не работает (http://www.president-sovet.ru/members/blogs/post/domashnie_zadaniya_otmenit_nelzya_ostavit/).

Евгений Александрович Ямбург, заслуженный учитель России, подчеркивает, что «без закрепления материала никакого обучения не существует». Он отвергает опасения, что школьники начнут злоупотреблять искусственным интеллектом при выполнении упражнений: искусственный интеллект проверяет технические вещи, и если речь идет о существенных, глубоких вещах, тут искусственный интеллект бессилен. По мнению Ямбурга, главной проблемой, связанной с домашними заданиями, остается не использование нейросетей, а неумение «халтурщиков и неопытных педагогов» организовать учебный процесс, в результате которого основная нагрузка переходит из школы на дом. «Если ребенок прозанимался в школе шесть часов, а потом дома до глубокой ночи шесть-восемь часов, это никуда негодная вещь» (<https://argumenti.ru/society/2026/07/835261>).

Александр Викторович Снегуров, заслуженный учитель России, кандидат психологических наук, доцент Московского городского педагогического университета, настаивает, что домашние задания должны обязательно сохраниться для школьников, поскольку они помогают усвоить материал вне школы. Однако подход к ним должен быть коренным образом изменен: «Домашние задания должны быть посильны, умеренны, не наукообразны». А. В. Снегуров призывает пересмотреть программы и учебники, где «мы видим крайне сложные изложения по многим предметам, неподъемные темы». Домашние задания должны носить творческий характер: в рамках урока невозможно в полной мере выучить стихотворение, выполнить рисунок, сконструировать модель (<https://news.ru/society/zasluzhennyy-uchitel-otvetil-nuzhno-li-otmenyat-domashnie-zadaniya>).

Роман Анатольевич Дошинский, кандидат педагогических наук, член Общественного совета при Росособраздзоре, утверждает, что «отмена домашних заданий не представляется возможной, поскольку фундаментальная роль традиционного образования, заключающаяся в усвоении знаний в стенах учебного заведения и их последующем закреплении в домашних условиях, является проверенной временем и доказавшей свою эффективность педагогической практикой». Домашнее задание с его выполнением является неотъемлемой частью процесса, поскольку учитель должен получать обратную связь о том, как усвоен тот или иной материал (<https://www.vesti.ru/ns/ehkspert-doshchinskij-obyasnil-pochemu-domashnie-zadaniya-v-shkolakh-nelzya-otmenyat>).

Сторонники отмены домашних заданий для первоклассников акцентируют внимание на психофизиологических особенностях детей 6—7 лет. Методист А. А. Жданова полагает, что отказ от домашних заданий в первом классе — это необходимая мера для сохранения психического здоровья и сил детей, т. е. адаптационный период в этом возрасте

требует больших внутренних ресурсов. Она обращает внимание на то, что противники такого решения часто забывают: безупречно выполненное упражнение дома зачастую отражает не столько знания школьника, сколько настойчивость родителей (<https://mt.gazeta.ru/blog/43681951746/Metodist-ZHdanova-otkaz-ot-domashki-dast-pervoklassnikam-vremya->). Сторонники же реформы добавляют, что первокласснику после занятий нужен отдых, а не продолжение учебного дня; в этом возрасте основные затраты энергии идут на привыкание к новому режиму, социальное взаимодействие и самодисциплину.

Родительские мнения и социологические данные. Исследование по заказу «Сенатинформ» показывает: 59 % россиян (и 75 % родителей) не поддерживают отмену проверки домашних заданий. Лишь 27 % (и 19 % родителей) высказались за реформу, 14 % затруднились ответить (https://www.senatinform.ru/news/59_rossiyan_protiv_idei_snyat_s_uchiteley_obyazannost_proverki_domashnikh_zadaniy_/).

Родительские опасения группируются вокруг нескольких тем. Первая — потеря контроля над успеваемостью: без повторения дома дети могут прийти во второй класс недостаточно подготовленными. Вторая — возможное появление «скрытых» заданий, которые будут давать неофициально; тогда дети из более благополучных семей окажутся в привилегированном положении. Третья — напротив, перегрузка и утрата детства: сторонники запрета настаивают, что вечерние уроки нередко провоцируют конфликты и лишь демонстрируют родительское терпение, а не подлинные знания (https://www.senatinform.ru/news/59_rossiyan_protiv_idei_snyat_s_uchiteley_obyazannost_proverki_domashnikh_zadaniy_/).

Результаты и обсуждение. В ходе анализа было обнаружено ключевое противоречие: при том, что идея снижения нагрузки находит широкую поддержку, большинство родителей и многие эксперты решительно возражают против полной отмены домашних заданий. Это противоречие имеет несколько измерений.

Первое связано с ролью домашней работы в российской школе: она выступает не только дидактическим, но и социально-психологическим инструментом — через нее родители включаются в учебный процесс и могут отслеживать прогресс ребенка. Поэтому запрет воспринимается как утрата значимого канала влияния.

Второе — риск снижения элементарных навыков (письма, счета) к началу 2 класса. Г. В. Мордовина, руководитель семейной школы, предупреждает: «У ребенка не будет сформирована долговременная память... Когда мы говорим о первом классе, это умение писать буквы. Вот представьте: когда он прописал две-три строчки на уроке, а дома этого не закрепил. У него рука еще не поставлена». Она также говорит о возможном стрессе при переходе во 2 класс (<https://www.pravda.ru/news/distriks/2370271-first-grade-homework-ban/>).

Третье — неоднозначные данные современных исследований. И. В. Ускова указывает на отрицательное влияние домашней работы на успеваемость и здоровье младших школьников [1], тогда как Л. В. Агеева с соавторами подчеркивают ее образовательный и воспитательный потенциал [3], а Е. Ю. Петряева и М. Н. Федоровская констатируют отсутствие консенсуса и наличие перегрузки [2]. Зарубежные исследования подтверждают этот диссонанс: метаанализ Р. Фернандес-Алонсо с соавторами показал отрицательную корреляцию между родительской помо-

щью и успеваемостью [6], тогда как Т. Виейтес с соавторами демонстрируют, что системная организация домашних заданий может повышать вовлеченность [7].

Четвертое — опыт педагогов-новаторов (Ш. А. Амонашвили, В. Ф. Шаталов, Б. П. Никитин, В. Ф. Базарный, С. Н. Лысенкова, Е. Н. Ильин) подтверждает: ключ не в отмене, а в переосмыслении сути домашнего задания — оно должно стать добровольным, творческим и лично значимым. С. Н. Лысенкова доказала, что при продуманной организации урока домашняя работа может быть почти исключена без потери качества; Е. Н. Ильин превратил ее в «насадку», пробуждающую интерес; В. Ф. Базарный и Б. П. Никитин настаивали на том, что нагрузка не должна вредить движению и здоровью. Современные исследования также подтверждают эти идеи: творческие домашние задания повышают мотивацию (Е. А. Акимова, 2023) [10], а игровые и командные формы улучшают благополучие детей (Я. Негру и С. Сава, 2023) [8].

Пятое — технологический вызов: распространение искусственный интеллект делает алгоритмические упражнения малосодержательными, тогда как творческие, устные и проектные формы сохраняют ценность и защищены от подделки нейросетями.

В то же время сторонники реформы апеллируют к физиологическим особенностям детей 6—8 лет, необходимости адаптации и снижения семейного стресса. Как подчеркивают В. Ф. Базарный и Б. П. Никитин, традиционная домашняя работа усугубляет гиподинамию и вредит здоровью. Оптимизация организации домашних заданий на основе принципов психического здоровья (И. Э. Александрова, 2022) [9] становится одним из ключевых направлений.

Итогом анализа становится вывод: оптимальной стратегией является не упразднение, а глубокая перестройка домашней работы — переход к игровым, рекомендательным формам, индивидуализация и обязательное внедрение здоровьесберегающих элементов. Опыт С. Н. Лысенковой подтверждает, что при грамотной организации учебного процесса домашняя работа может быть сведена к минимуму без ущерба для качества знаний, а опыт Е. Н. Ильина показывает, что творческий подход превращает домашние задания из обязанности в увлекательное занятие.

Рекомендации

На основе проведенного теоретико-педагогического анализа и нашего педагогического опыта предлагаются следующие рекомендации:

1. **Отказ от полной отмены в пользу трансформации.** Целесообразно не отменять домашние задания полностью, а трансформировать их в рекомендательные, игровые, творческие формы, учитывающие возрастные и индивидуальные особенности первоклассников.

2. **Дифференциация домашних заданий.** Домашние задания должны быть дифференцированными по уровню сложности и объему с учетом индивидуальных возможностей учащихся.

3. **Методическая подготовка учителей.** Необходима системная работа по повышению квалификации учителей начальных классов в области организации домашней работы: отказ от шаблонных заданий, освоение технологий развивающего обучения (в т. ч. элементов методик С. Н. Лысенковой и Е. Н. Ильина: опорные схемы, комментируемое управление, перспективная подготовка, «насадки», пробуждающие интерес), использование элементов занимательности и игры.

4. **Просвещение родителей.** Разработка и внедрение программ родительского просвещения по вопросам организации домашней учебной работы, формирования у детей навыков самоорганизации и ответственного отношения к учебе.

5. **Организация научно-методического сопровождения.** Важно обеспечить постоянный мониторинг и аналитическую поддержку реформы с привлечением педагогических вузов и исследовательских центров.

6. **Здоровьесберегающие технологии.** Следует активно внедрять рекомендации В. Ф. Базарного и Б. П. Никитина, касающиеся организации рабочего места и режима выполнения заданий, а также учитывать современные данные о физиолого-гигиенических аспектах организации домашней учебной работы (И. Э. Александрова, 2022) [9].

Что касается практической реализации в массовой школе, где модели Ш. А. Амонашвили или С. Н. Лысенковой трудно масштабировать напрямую, предлагается:

- поэтапное развертывание изменений: сначала пилотные школы, затем муниципальный уровень, далее — регион;
- подготовка типовых методических комплектов для учителей (игровые и творческие задания, готовые к использованию);
- использование цифровых платформ для обмена педагогическим опытом;
- формирование региональных методических центров, поддерживающих учителей начальных классов.

Финансовый аспект неизбежен: потребуются средства на новые дидактические материалы, курсы повышения квалификации, а также на оснащение школ здоровьесберегающим оборудованием (в духе идей В. Ф. Базарного). Однако эти расходы стоит расценивать как инвестиции в здоровье и качество образования — они должны быть заложены в региональные программы развития образования.

Заключение

Введение с 1 сентября 2026 г. запрета на домашние задания для первоклассников — это серьезный образовательный эксперимент, последствия которого предстоит тщательно отслеживать и анализировать. Обращение к трудам К. Д. Ушинского, В. А. Сухомлинского, Л. С. Выготского показывает: классики не ратовали ни за полную отмену, ни за чрезмерное наращивание домашней нагрузки, а стремились к разумному балансу, при котором внеклассная работа служила бы развитию самостоятельности и углубленному изучению материала, а не превращалась в механическое заучивание и переутомление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ускова И. В. Проблема домашней учебной работы в современной начальной школе // Начальное образование. 2024. Т. 12. № 1. С. 28—32. DOI: 10.12737/1998-0728-2024-12-1-28-32.
2. Петряева Е. Ю., Федоровская М. Н. Исследование содержания домашних заданий в школах г. Москвы в период дистанционного обучения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV. Педагогика. Психология. 2021. Вып. 63. С. 40—49. DOI: 10.15382/sturIV202163.40-49.
3. Организация домашней учебной работы младших школьников / Л. В. Агеева, В. Л. Герус, Н. А. Шемякина и др. // Молодой ученый. 2017. № 7(141). С. 414—417.
4. Стаселович Г. А. Рекомендации для учителей начальных классов по оптимизации количества оценивающих процедур, учебной нагрузки младших школьников и изменению форм домашних заданий // Калининградский вестник образования. 2021. № 4(12). С. 95—105.
5. Зверев А. О. Столько, сколько у нас, детям не задают на дом нигде // Народное образование. 2013. № 2. С. 206—212.
6. Should we Help our Children with Homework? A Meta-Analysis Using PISA Data / R. Fernández-Alonso, M. Álvarez-Díaz, F. J. García-Crespo et al. // Psicothema. 2022. Vol. 34. No. 1. Pp. 56—65. DOI: 10.7334/psicothema2021.65.
7. Effects of a homework implementation method (MITCA) on school engagement / T. Vieites, F. M. Díaz-Freire, S. Rodríguez et al. // European Journal of Psychology of Education. 2023. Vol. 39. Iss. 2. Pp. 1283—1298. DOI: 10.1007/s10212-023-00743-z.

Опыт Ш. А. Амонашвили, В. Ф. Шаталова, Б. П. Никитина, В. Ф. Базарного, С. Н. Лысенковой, Е. Н. Ильина убеждает: суть проблемы не в том, оставить или убрать домашние задания, а в том, чтобы качественно преобразовать их — из обязательных и шаблонных они должны перейти в разряд свободных, творческих и личностно ориентированных. Здоровьесберегающий аспект, подчеркнутый Базарным, требует, чтобы любые изменения не ограничивались одной организацией, а учитывали физиологические нужды растущего организма и включали двигательную активность. Лысенкова показала, что грамотно выстроенный урок позволяет почти полностью отказаться от домашней работы без потери качества; Ильин же продемонстрировал, что «насадки» (интересные задания-приманки) превращают учебу в увлекательный процесс.

Современные эксперты — С. Е. Рукшин, Е. А. Ямбург, А. В. Снегуров, Р. А. Дошинский — единодушны в том, что домашние задания важны как средство воспитания, закрепления знаний и обратной связи. Однако все они согласны с необходимостью пересмотреть их объем, содержание и методику.

Анализ региональной практики (Смоленская область) и публикаций И. В. Усковой, Е. Ю. Петряевой, М. Н. Федоровской, Л. В. Агеевой с соавторами и Г. А. Стаселович свидетельствует: накопленный опыт подтверждает как вред чрезмерной нагрузки, так и потенциальную пользу домашней работы при разумной ее организации. Исследования последних лет (Р. Фернандес-Алонсо с соавторами, 2022; Т. Виейтес с соавторами, 2023; Е. А. Акимова, 2023; И. Э. Александрова, 2022) подтверждают важность качества, а не количества домашних заданий, и необходимость внедрения творческих, игровых и здоровьесберегающих форм.

Представленные статистические данные (И. А. Деев с соавторами, 2023) свидетельствуют о значительной доле патологий органов зрения, опорно-двигательного аппарата и нервной системы в структуре заболеваемости детей, что делает здоровьесберегающую направленность отмены домашних заданий в 1 классе обоснованной.

Оптимальным решением видится не полная отмена, а трансформация домашних заданий: переход от обязательных письменных упражнений к рекомендательным игровым формам, индивидуализация объема и содержания с учетом возможностей ребенка, усиление методической подготовки учителей и просвещения родителей, а также внедрение здоровьесберегающих технологий при организации домашней работы.

8. Negru I., Sava S. Homework's Implications for the Well-Being of Primary School Pupils—Perceptions of Children, Parents, and Teachers // *Education Sciences*. 2023. Vol. 13. Iss. 10. Art. 996. DOI: 10.3390/educsci13100996.
9. Александрова И. Э. Физиолого-гигиенические аспекты организации домашней учебной работы школьников (научный обзор) // *Здоровье населения и среда обитания*. 2022. № 8. С. 17—24. DOI: 10.35627/2219-5238/2022-30-8-17-24.
10. Акимова Е. А. Творческие домашние задания как средство совершенствования учебной мотивации у младших школьников с задержкой психического развития в условиях инклюзии // *Коррекционная педагогика: теория и практика*. 2023. № 4. С. 96—102.
11. Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее : избр. пед. соч. М. : Юрайт, 2023. 420 с.
12. Ушинский К. Д. Воспитать ребенка как?. М. : Карапуз, 2011. 256 с.
13. Сухомлинский В. А. О воспитании. М. : Концептуал, 2023. 272 с.
14. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. М. : Тион, 2023. 312 с.
15. Выготский Л. С. Мышление и речь. СПб. : Питер, 2020. 432 с.
16. Амонашвили Ш. А. Размышления о гуманной педагогике. М. : Издат. дом Шалвы Амонашвили, 2001. 464 с.
17. Шаталов В. Ф. Куда и как исчезли тройки // Шаталов В. Ф. Пед. проза. М. : Педагогика, 1990. С. 3—136.
18. Лысенкова С. Н. Методом опережающего обучения : кн. для учителя : из опыта работы. М. : Просвещение, 1988. 192 с.
19. Ильин Е. Н. Урок продолжается... : из опыта работы учителя. М. : Просвещение, 1973. 152 с.
20. Никитин Б. П., Никитина Л. А. Мы, наши дети и внуки. М. : Самокат, 2017. 320 с.
21. Щетинин М. П. Школа третьего тысячелетия. На пути к счастливому человеку. М. : Амрита-Русь, 2020. 260 с.
22. Базарный В. Ф. Дитя человеческое. Психофизиология развития и регресса. М. : Концептуал, 2021. 328 с.
23. Общая заболеваемость детского населения России (0—14 лет) в 2023 году : стат. материалы / И. А. Деев, О. С. Кобыкова, В. И. Стародубов и др. М. : ЦНИИОИЗ Минздрава России, 2023. 156 с.

REFERENCES

1. Uskova I. The problem of homework in a modern primary school. *Nachal'noe obrazovanie = Primary Education*. 2024;12(1):28—32. (In Russ.) DOI: 10.12737/1998-0728-2024-12-1-28-32.
2. Petryaeva E., Fedorovskaya M. A study of the content of homework in Moscow schools during the period of distance learning. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV. Pedagogika. Psikhologiya = St. Tikhon's University Review. Series IV. Pedagogy. Psychology*. 2021;63:40—49. (In Russ.) DOI: 10.15382/sturIV202163.40-49.
3. Ageeva L. V., Gerus V. L., Shelyakina N. A. Organization of homework for primary school students. *Molodoi uchenyi = Young scientist*. 2017;7(141):414—417. (In Russ.)
4. Staselovich G. A. Recommendations for primary school teachers on optimizing the number of assessment procedures, the study load of primary students and changing the forms of homework. *Kaliningradskij Vestnik Obrazovaniya*. 2021;4(12):95—105. (In Russ.)
5. Zverev A. O. As much as we have, children are not given homework anywhere. *Narodnoe obrazovanie = Public education*. 2013;2:206—212. (In Russ.)
6. Fernández-Alonso R., Álvarez-Díaz M., García-Crespo F. J. et al. Should we Help our Children with Homework? A Meta-Analysis Using PISA Data. *Psicothema*. 2022;34(1):56—65. DOI: 10.7334/psicothema2021.65.
7. Vieites T., Díaz-Freire F. M., Rodríguez S. et al. Effects of a homework implementation method (MITCA) on school engagement. *European Journal of Psychology of Education*. 2023;39(2):1283—1298. DOI: 10.1007/s10212-023-00743-z.
8. Negru I., Sava S. Homework's Implications for the Well-Being of Primary School Pupils—Perceptions of Children, Parents, and Teachers. *Education Sciences*. 2023;13(10):996. DOI: 10.3390/educsci13100996.
9. Alexandrova I. E. Physiological and Hygienic Aspects of Doing Homework: A Review. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya = Public Health and Life Environment*. 2022;8:17—24. (In Russ.) DOI: 10.35627/2219-5238/2022-30-8-17-24.
10. Akimova E. Creative homework as a means of improving educational motivation in younger schoolchildren with mental retardation in inclusion conditions. *Korreksionnaya pedagogika: teoriya i praktika = Remedial education*. 2023;4:96—102. (In Russ.)
11. Ushinsky K. D. Lectures at the Yaroslavl Lyceum. Selected pedagogical works. Moscow, Yurait, 2023. 420 p. (In Russ.)
12. Ushinsky K. D. How to raise a child?. Moscow, Karapuz, 2011. 256 p. (In Russ.)
13. Sukhomlinsky V. A. About education. Moscow, Kontseptual, 2023. 272 p. (In Russ.)
14. Sukhomlinsky V. A. I give my heart to children. Moscow, Tion, 2023. 312 p. (In Russ.)
15. Vygotsky L. S. Thinking and speech. Saint Petersburg, Piter, 2020. 432 p. (In Russ.)
16. Amonashvili Sh. A. Reflections on humane pedagogy. Moscow, Shalva Amonashvili Publishing House, 2001. 464 p. (In Russ.)
17. Shatalov V. F. Where and how the C grades disappeared. Shatalov V. F. *Pedagogical prose*. Moscow, Pedagogika, 1990. Pp. 3—136. (In Russ.)
18. Lysenkova S. N. By the method of advanced learning. A book for teachers. From work experience. Moscow, Prosveshchenie, 1988. 192 p. (In Russ.)
19. Il'in E. N. The lesson continues... From the work experience of a teacher. Moscow, Prosveshchenie, 1973. 152 p. (In Russ.)
20. Nikitin B. P., Nikitina L. A. We, our children and grandchildren. Moscow, Samokat, 2017. 320 p. (In Russ.)
21. Shchetinin M. P. School of the third millennium. On the path to a happy person. Moscow, Amrita-Rus', 2020. 260 p. (In Russ.)
22. Bazarnyi V. F. The human child. Psychophysiology of development and regression. Moscow, Kontseptual, 2021. 328 p. (In Russ.)
23. Deev I. A., Kobayakova O. S., Starodubov V. I. et al. General morbidity of the child population of Russia (0-14 years) in 2023. Statistical data. Moscow, Russian Research Institute of Health publ., 2023. 156 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.06.2026; одобрена после рецензирования 11.07.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was submitted 29.06.2026; approved after reviewing 11.07.2026; accepted for publication 13.07.2026.

Научная статья
УДК 379.82
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1697

Liudmila Valeryevna Stepanova
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor,
Head of the Department of Pedagogy and Psychology,
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation
Pedagog_2010@mail.ru

Alla Dmitrievna Nikolaeva
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Professor of the Department of Pedagogy and Psychology,
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation
Pedagog_2010@mail.ru

Людмила Валерьевна Степанова
канд. пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой «Педагогика и психология»,
Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова
Якутск, Российская Федерация
Pedagog_2010@mail.ru

Алла Дмитриевна Николаева
д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры «Педагогика и психология»,
Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова
Якутск, Российская Федерация
Pedagog_2010@mail.ru

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФОРМЫ НЕФОРМАЛЬНОГО И ИНФОРМАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье исследуется дополнительное образование детей как динамичный социально-педагогический феномен, находящийся на пересечении глобализационных процессов и национальных воспитательных традиций. Актуальность исследования обусловлена фундаментальным противоречием между унификацией образовательных практик, вызванной глобализацией и цифровизацией, и усилением запроса на сохранение культурной идентичности, патриотическое воспитание и национальную преемственность в России и Китае. В условиях перехода к парадигме «образования через всю жизнь» дополнительное образование приобретает статус ключевого института неформального и информального воспитания, однако теоретическое осмысление закономерностей его развития в сравнительной перспективе остается фрагментарным. Авторы систематизируют объективные закономерности эволюции дополнительного образования как формы неформального и информального воспитания с учетом общемировых трендов и национальных особенностей. Методологическая база включает сравнительно-педагогический анализ, историко-логический подход, системный анализ нормативно-правовых документов и обобщение эмпирических данных научных источников. На основе проведенного анализа выделены шесть ключевых закономерностей: опережающая адаптация к социальным изменениям, добровольность и плюрализм форм, интеграция формального

и неформального компонентов, регионализация и сетевая организация, зависимость от государственной политики и социокультурной среды, цикличность инновационных волн. В сравнительной перспективе показано, что глобальные тенденции по-разному преломляются в российском и китайском контекстах. В России доминирует модель государственно-общественного партнерства с элементами советского наследия и высокой региональной автономией, тогда как в Китае дополнительное образование жестко централизовано, идеологически задано и регулируется государством через политику «двойного сокращения». Обосновывается вывод о необходимости баланса между глобальными стандартами качества и доступности и сохранением национально-культурной идентичности воспитания. Практическая значимость работы заключается в возможности использования выявленных закономерностей при проектировании региональных систем дополнительного образования, прогнозировании их развития и разработке индикаторов качества неформального воспитания в странах БРИКС.

Ключевые слова: дополнительное образование, неформальное воспитание, информальное воспитание, глобализация, национальная специфика, закономерности развития, регионализация, добровольность, сравнительный анализ, Россия, Китай, «образование через всю жизнь», цифровизация образования, патриотическое воспитание

Для цитирования: Степанова Л. В., Николаева А. Д. Закономерности развития дополнительного образования как формы неформального и информального воспитания школьников в условиях глобализации и национальной специфики // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 283—288. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1697.

Original article

DEVELOPMENT PATTERNS OF ADDITIONAL EDUCATION AS A FORM OF NON-FORMAL AND INFORMAL UPBRINGING OF SCHOOLCHILDREN IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND NATIONAL SPECIFICS

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. *This article explores children's additional education as a dynamic socio-pedagogical phenomenon that sits at the intersection of globalization processes and national educational traditions. The relevance of the study is driven by a fundamental contradiction between the unification of educational practices, caused by globalization and digitalization, and the growing demand to preserve cultural identity, patriotic upbringing, and national continuity in Russia and China. As society moves toward a 'lifelong learning' paradigm, additional education is becoming a key institution for non-formal and informal upbringing, yet the theoretical understanding of its development patterns from a comparative perspective remains fragmented. The authors systematize the objective trends in the evolution of additional education as a form of non-formal and informal upbringing, taking into account global trends and national characteristics. The methodological framework includes a comparative-pedagogical analysis, a historical-logical approach, a systematic analysis of regulatory documents, and the generalization of empirical data from scientific sources. Based on the analysis conducted, six key patterns are identified: proactive adaptation to social changes, voluntary and pluralistic forms, integra-*

tion of formal and non-formal components, regionalization and network organization, dependence on government policy and the socio-cultural environment, and the cyclical nature of innovation waves. In a comparative perspective, it is shown that global trends are interpreted differently in the Russian and Chinese contexts. In Russia, the model of state-public partnership dominates, with elements of the Soviet legacy and high regional autonomy, whereas in China, additional education is strictly centralized, ideologically defined, and regulated by the government through the "double reduction" policy. The conclusion is made that a balance is needed between global standards of quality and accessibility and the preservation of national-cultural identity in upbringing. The practical significance of the work lies in the possibility of using the identified patterns when designing regional systems of additional education, forecasting their development, and developing quality indicators for non-formal upbringing in BRICS countries.

Keywords: *additional education, non-formal upbringing, informal upbringing, globalization, national specifics, development patterns, regionalization, voluntariness, comparative analysis, Russia, China, lifelong learning, digitalization of education, patriotic education*

For citation: Stepanova L. V., Nikolaeva A. D. Development patterns of additional education as a form of non-formal and informal upbringing of schoolchildren in the context of globalization and national specifics. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):283—288. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1697.

Введение

Актуальность исследования обусловлена взаимосвязанными факторами, определяющими современное состояние системы образования в глобальном мире. Во-первых, ключевым вызовом современности является фундаментальное противоречие между глобальным и локальным: глобализация и цифровизация толкают системы образования к унификации (единые компетенции, стандарты, онлайн-платформы), тогда как в мире растет запрос на национальную идентичность, патриотизм и культурную преемственность. Дополнительное образование, как наименее бюрократизированный и наиболее гибкий сектор, становится «полигоном», где данное противоречие проявляется наиболее остро, требуя теоретического осмысления и практических решений. Во-вторых, происходит смена парадигмы — переход от «образования на всю жизнь» к «образованию через всю жизнь». В условиях быстро меняющегося рынка труда, обусловленного развитием искусственного интеллекта и автоматизацией, формальное школьное образование перестает быть достаточным. Реальные навыки и компетенции человек приобретает в кружках, секциях, онлайн-сообществах, т. е. в неформальном и информальном воспитании.

Изученность проблемы. Образование в глобальном мире, которое должно учитывать, как универсальные, так и национально-специфические компоненты, представлено в труде А. Д. Урсула как создающее особую конфигурацию вызовов для систем воспитания [1]. Дополнительное образование детей характеризуется как феномен, способный

интегрировать формальные и неформальные компоненты образовательного процесса в исследованиях А. В. Золотаревой. Она акцентирует внимание на том, что современное дополнительное образование приобретает черты неформального образования, которое противопоставляется жестко стандартизированному формальному образованию отсутствием единых требований, вариативностью содержания, гибкостью организационных форм и демократичностью контроля. В рамках ее проекта «Региональная сетевая инновационная площадка по обновлению содержания и технологий дополнительного образования детей на основе принципов неформального и информального образования» обосновывается необходимость включения данных принципов в образовательные практики, реализуемые через СМИ, Интернет, сетевые сообщества, образовательный туризм, музейную и театральную педагогику, которые позволяют выйти за рамки институционализированных форм образования, обеспечивая формирование субъектности личности и успешную социализацию школьников в условиях современного информационного общества [2].

В контексте современной педагогической науки проблема неформального и информального воспитания приобретает особую значимость, что находит свое отражение в коллективной монографии «Самоорганизация детей и взрослых как ответ на вызов неопределенности» под редакцией М. Р. Мирошкиной и Е. Б. Евладовой. Авторы фиксируют принципиально новую социально-педагогическую ситуацию, характеризующуюся одновременным включением субъектов воспитания в глобальное социокультурное

пространство и необходимостью соответствия внутренним реалиям российского общества. Исследователи раскрывают основы самоорганизации и возможности ее развития, а также условия педагогической поддержки и сопровождения детей, суть детско-взрослой общности в образовании [3]. Е. П. Седых и В. А. Кутанов рассматривают используемые подходы в образовании, акцентируя внимание на необходимости интеграции формального, неформального и информального компонентов [4]. Л. Д. Панова и Мэнчжу Ван исследуют тенденции развития педагогического образования в Китае, отмечая усиление роли государства в регулировании образовательных процессов [5]. Цзян Гуаньнань исследует развитие самообразовательной деятельности в Китае, подчеркивая культурные и исторические основания китайской модели дополнительного образования [6]. Чжан Шуан и Н. В. Карнаух анализируют роль центров патриотического воспитания в реализации идеи национального единства в Китае [7]. В целом тенденции развития и проблемы дополнительного образования изучаются в трудах В. С. Тельтевского, Ю. В. Косолаповой, А. В. Новикова, Е. Б. Цибизовой, Н. Д. Никандрова, Чун Ин [8–13].

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью теоретического осмысления закономерностей развития дополнительного образования в условиях глобализации и национальной специфики, тогда как эмпирическая практика (создание «Кванториумов», «IT-кубов», внедрение персонифицированного финансирования, политика «двойного сокращения» в Китае) значительно опережает ее концептуальное осмысление.

Научная новизна исследования заключается в систематизации объективных закономерностей развития дополнительного образования как формы неформального и информального воспитания в сравнительной перспективе России и Китая с учетом как общемировых трендов, так и национальных особенностей двух стран, а также в выявлении цикличности инновационных волн как устойчивой закономерности.

Цель статьи — выявить и систематизировать объективные закономерности развития дополнительного образования как формы неформального и информального воспитания, учитывая глобальные тренды и национальные особенности (на примере России и Китая).

Задачи исследования:

- определить теоретические основания дополнительного образования как сферы неформального и информального воспитания;
- выделить ключевые закономерности развития дополнительного образования на основе анализа научной литературы;
- провести сравнительный анализ национальных моделей дополнительного образования в России и Китае с учетом исторической преемственности.

Теоретическая значимость состоит в углублении представлений о механизмах и закономерностях развития дополнительного образования как института неформального и информального воспитания, а также в систематизации сравнительных характеристик российского и китайского опыта. **Практическая значимость** заключается в возможности использования выявленных закономерностей при проектировании региональных систем дополнительного образования (сетевых моделей взаимодействия образовательных организаций), прогнозировании их развития и разработке индикаторов качества неформального воспитания.

Основная часть

Методология исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составляют системный и сравнительно-педагогический подходы, позволяющие рассматривать дополнительное образование как целостную систему, функционирующую под влиянием как глобальных, так и национально-специфических факторов. В работе использованы сравнительно-педагогический анализ; историко-логический метод для выявления цикличности инновационных волн и исторической преемственности в развитии систем дополнительного образования; теоретическое обобщение и синтез научной литературы по проблеме исследования; анализ нормативно-правовых документов; систематизация эмпирических данных о развитии дополнительного образования в России и Китае. Выбор методов обоснован необходимостью комплексного осмысления дополнительного образования во взаимосвязи с социальным контекстом, глобальными трендами, национальными воспитательными традициями и политикой. Последовательность выполнения исследования: анализ теоретических источников по проблеме неформального и информального воспитания, о развитии дополнительного образования в России и Китае; выделение и обоснование закономерностей развития; проведение сравнительного анализа национальных моделей; формулирование выводов.

Результаты исследования. Воспитание традиционно подразделяется на формальное (институционализированное, стандартизированное, реализуемое в рамках образовательных учреждений), неформальное (организованное вне основных образовательных программ, но целенаправленное) и информальное (нецеленаправленное, происходящее в повседневной жизни через взаимодействие с социальной средой, СМИ, Интернетом) [8; 10; 11]. Дополнительное образование занимает пограничное положение между неформальным и информальным: курсы по выбору, кружки, секции представляют собой неформальное воспитание; самообразование, клубы по интересам, онлайн-сообщества, участие в музейных программах, образовательных событиях и путешествиях близки к информальному [8]. Примером информального воспитания в России является проект «Культурное наследие России», реализуемый Министерством культуры РФ, в рамках которого проводятся лекции, экскурсии и мастер-классы по различным аспектам российской культуры, а также программа «Стартап школы» Фонда содействия инновациям, где молодые участники получают знания и навыки для успешного запуска своего бизнеса.

В глобальном масштабе наблюдается переход от «образования на всю жизнь» к «образованию через всю жизнь», где дополнительное образование становится связующим звеном между формальным, неформальным и информальным компонентами [1; 4; 5]. Национальные системы при этом по-разному интерпретируют цели неформального воспитания: в азиатских — на коллективную гармонию и трудолюбие [14], в России — на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное развитие [12; 15].

На основе анализа литературы и докладов выделены следующие закономерности развития дополнительного образования:

1. **Опережающая адаптация к социальным изменениям.** Дополнительное образование быстрее, чем формальное, реагирует на новые социальные запросы: цифровые навыки, предпринимательство, экологическое воспитание, межкультурную коммуникацию [2; 10]. Это объясняется меньшей бюрократической зарегулированностью, большей

свободой педагогов и возможностью быстрой смены программ. В России в 2020—2023 гг. в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» (национальный проект «Образование») были оперативно созданы детские технопарки «Кванториум» и центры «IT-куб», обеспечившие подготовку школьников по направлениям искусственного интеллекта, робототехники и цифрового дизайна [9]. Это стало ответом на глобальный вызов цифровизации. В Китае система дополнительного образования в период пандемии COVID-19 за несколько месяцев перевела миллионы кружков и секций в онлайн-формат на платформах *DingTalk* и *Tencent Classroom*, что позволило сохранить неформальное воспитание при полной изоляции [13].

2. Добровольность и плюрализм форм. Базовое отличие дополнительного образования от формального — добровольность участия. Это порождает зависимость: чем выше уровень добровольности, тем более разнообразными, гибкими и персонализированными должны быть формы и методы [2; 6]. В России действуют государственные, частные и некоммерческие организации дополнительного образования. Система «Сириус» (Образовательный центр в Сочи) предлагает добровольные интенсивные профильные смены для талантливых школьников, сочетая неформальное воспитание с проектными задачами [9]. В то же время государство сохраняет контроль через лицензирование и федеральные перечни рекомендованных программ. В Китае добровольность сильно ограничена академической конкуренцией: родители вынужденно записывают детей в дополнительные кружки (академические и художественные) для успешной сдачи экзаменов *gaokao* (гаокао). Это привело к «теневому образованию» (*shadow education*), которое в 2021 г. было жестко отрегулировано государством (политика «двойного сокращения»), запретившей коммерческие репетиторские центры по школьным предметам. Как отмечает Цзян Гуаньнань, развитие самообразовательной деятельности в Китае имеет глубокие исторические корни, но в современных условиях оно жестко регламентируется государством [6].

3. Интеграция формального, неформального и ин-формального компонентов. Развитие дополнительного образования идет по пути преодоления изоляции от школы и вуза. Возникают сетевые формы, признание результатов неформального образования через портфолио, накопительные кредиты. Как подчеркивают Е. П. Седых и В. А. Кутанов, используемые подходы в образовании должны обеспечивать интеграцию всех трех компонентов для формирования целостной образовательной траектории личности [4]. В России с 2018 г. внедряется система персонифицированного финансирования дополнительного образования (сертификаты), позволяющая детям выбирать кружки, а их результаты (портфолио) учитываются при поступлении в вузы через индивидуальные достижения [9]. Однако полная интеграция пока не достигнута, признание неформальных результатов остается фрагментарным. В Китае интеграция имеет иной вектор: содержание дополнительного образования часто дублировало школьную программу (репетиторство), но после реформы 2021 г. акцент смещается на художественное, спортивное и технологическое воспитание, результаты которого фиксируются в электронных портфолио и используются при конкурсном отборе в специализированные школы [7]. Чун Ин отмечает, что в Китае активно развиваются формы совместной деятельности молодежи, интегрирующие формальные и неформальные компоненты [13].

4. Регионализация и сетевая организация. В ответ на глобализацию дополнительное образование всё чаще организуется не по жестким вертикалям, а через горизонтальные сети: муниципальные ресурсные центры, онлайн-платформы, ассоциации педагогов. В России действует модель опорных региональных центров выявления и поддержки талантов (по образу «Сириуса»), которые координируют сеть муниципальных площадок. Например, в Алтайском крае создан региональный центр «Талант 22», объединяющий 50 кружков и секций через единую цифровую платформу «Навигатор дополнительного образования» [9]. В Китае регионализация проявляется через систему «школ-маяков» при Министерстве образования, которые распространяют лучшие практики неформального воспитания на соседние провинции. Однако сильная централизация сохраняется: все программы утверждаются на уровне провинции, а не муниципалитета [6]. Л. Д. Панова и Мэнчжу Ван подчеркивают, что тенденции развития образования в Китае направлены на усиление централизации и идеологической составляющей [5].

5. Зависимость от государственной политики и социокультурной среды. Развитие дополнительного образования остается чувствительным к государственному регулированию: лицензирование, финансирование, приоритетные направления. Социокультурная среда (религиозные, этнические традиции) также задает рамки содержания воспитания. Государственная программа развития образования в России до 2030 г., основываясь, прежде всего, на Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» ставит приоритетом научно-техническое и естественнонаучное направления, а также патриотическое воспитание (деятельность «Юнармии», военно-патриотических клубов). Н. Д. Никандров подчеркивает, что идеологическое воспитание в России имеет глубокие исторические корни и сегодня приобретает новые формы, сохраняя преемственность с советским периодом [12]. В Китае после прихода к власти Си Цзиньпина дополнительное образование жестко ориентировано на «социалистические основные ценности». Так, во всех внешкольных кружках введены обязательные модули по изучению истории Коммунистической партии Китая и воспитанию «красных наследников». Рыночная модель теневого образования была практически ликвидирована государственным регулированием в 2021 году. Чжан Шуан и Н. В. Карнаух отмечают, что центры патриотического воспитания в Китае играют ключевую роль в реализации идеи национального единства [7]. Лю Чуньфу в своем исследовании становления системы трудового воспитания в КНР показывает, что идеологическая составляющая всегда была неотъемлемой частью китайской системы воспитания [14].

6. Цикличность инноваций. Анализ истории дополнительного образования показывает, что инновационные волны сменяются периодами стабилизации и возврата к традиционным формам. В России в 1990-е гг. возникла волна частных инновационных кружков (вальдорфские студии, школы раннего развития), затем в 2000-е произошел возврат к государственной системе с элементами советской модели (дворцы творчества). Современная цифровая волна (онлайн-кружки, дистанционные конкурсы) также, вероятно, будет частично вытеснена традиционными очными формами после насыщения. Как отмечает В. С. Тельтевский и Н. Н. Асмурцева, цифровая образовательная среда

и онлайн-обучение имеют как преимущества (доступность, гибкость), так и угрозы (снижение качества социализации, цифровое неравенство), поэтому оптимальной является сбалансированная модель, сочетающая онлайн и офлайн форматы. По мере развития технологий будет развиваться и онлайн-образование, формируя будущее, в котором обучение станет более доступным, гибким и адаптированным к индивидуальным потребностям. Однако важно найти правильный баланс между преимуществами технологических инноваций и основополагающими ценностями образования — равенством, качеством и гуманизмом [8]. В Китае наблюдаются аналогичные циклы: в 1980—1990-е — либерализация и рост частных репетиторских центров; в 2000-е — мягкое регулирование; в 2020-е — жесткий государственный контроль и возврат к государственным дворцам молодежи (*shaonian Gong*) как основной форме дополнительного образования [6].

Следует отметить, что глобализация не стирает национальные различия, а создает для них новый контекст. Выделим в рамках сравнительного анализа как общие черты, так и различия. Как общее (схожесть) выявлено следующее: обе страны сохраняют сильное государственное регулирование дополнительного образования; Россия и Китай используют дополнительное образование для патриотического и идеологического воспитания (в России — гражданско-патриотическое, в Китае — социалистические ценности); исследуемые страны столкнулись с проблемой перегрузки детей и неравенства доступа. Различия: в России больше негосударственного сектора (частные кружки, онлайн-платформы) и выше региональная автономия; в Китае после реформы 2021 г. коммерческое дополнительное образование по школьным предметам запрещено, а оставшиеся кружки строго контролируются государством через систему «двойного сокращения» [6; 14]; в России интеграция формального и неформального воспитания носит добровольно-рекомендательный характер, в Китае — обязательный через включение результатов дополнительного образования в конкурс отбора в университеты. Как отмечает Е. Б. Цибизова, в России проблемы разработки программ дополнительного образования связаны с поиском баланса между государственными требованиями и индивидуальными образовательными потребностями [11].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Урсул А. Д. Становление образования глобального мира // Век глобализации. 2019. № 2(30). С. 49—60. DOI: 10.30884/vglob/2019.02.04.
2. Золотарева А. В. Современные вызовы и тренды дополнительного образования детей // Эффективные модели и практики организации дополнительного образования детей, проживающих в сельской местности, в условиях цифровизации и глобального технологического обновления : материалы междунар. науч.-практ. конф. Ярославль, 2022. С. 9—19.
3. Самоорганизация детей и взрослых как ответ на вызов неопределенности : коллектив. моногр. / под ред. М. Р. Мирошкиной, Е. Б. Евладовой. М. : Ин-т изучения детства, семьи и воспитания РАО, 2020. 144 с.
4. Седых Е. П., Кутанов В. А. Об используемых подходах в образовании // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. № 4(77). Т. 1. С. 86—98. DOI: 10.24412/2224-0772-2021-77-86-98.
5. Панова Л. Д., Мэнчжу Ван. Тенденции развития педагогического образования в Китае // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. № 3(73). Т. 2. С. 119—128.
6. Цзян Гуаньнань. Развитие самообразовательной деятельности в Китае // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. № 5(71). Т. 1. С. 7—23.
7. Чжан Шуан, Карнаух Н. В. Роль центров патриотического воспитания в реализации идеи национального единства в Китае // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. № 5(101). Т. 1. С. 55—72.
8. Тельтевский В. С., Асмурцева Н. Н. Цифровая образовательная среда и онлайн-обучение: преимущества и угрозы // Цифровая экономика и онлайн-образование: ключевые тренды и препятствия : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : УрГЭУ, 2025. С. 191—194.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие **выводы**:

1. Развитие дополнительного образования как формы неформального и информального воспитания, по мнению многих исследователей, подчиняется шести объективным закономерностям: опережающая адаптация, добровольность и плюрализм, интеграция с формальным образованием, регионализация и сетевая организация, зависимость от государственной политики и социокультурной среды, цикличность инноваций. Данные закономерности носят универсальный характер, однако их проявление в каждой национальной системе имеет свою специфику.

2. Глобализация усиливает унификацию организационных форм и методов (цифровизация, проектность, модульность), но не устраняет национальной специфики содержания воспитания, что ярко проявляется на примерах России и Китая. В России доминирует модель государственно-общественного партнерства с сохранением советского наследия; в Китае — модель государственного монополизма с элементами конфуцианской этики и жесткой идеологической заданностью. Образование в глобальном мире должно учитывать, как универсальные, так и национально-специфические компоненты.

3. Эффективная модель дополнительного образования должна балансировать между глобальными требованиями качества и доступности и сохранением национально-культурной идентичности воспитания. Игнорирование любой из сторон ведет либо к культурной унификации, либо к изоляционизму. Интеграция формального, неформального и информального компонентов является необходимым условием формирования целостной образовательной траектории личности в условиях неопределенности.

4. Перспективными направлениями исследований являются: разработка индикаторов качества неформального воспитания в национальных контекстах (особенно для стран БРИКС), изучение роли информального воспитания в цифровой среде, а также сравнительный анализ механизмов признания результатов дополнительного образования в России и Китае после реформ 2020-х гг. Особого внимания заслуживает исследование цикличности инновационных волн и прогнозирование следующих этапов развития дополнительного образования в условиях ускоряющихся социально-технологических изменений.

9. Косолапова Ю. В. Обновление системы дополнительного образования детей: ресурсные возможности // Народное образование. 2022. № 2(1491). С. 73—78.
10. Новиков А. В. Проблемы и методы создания системы информального образования // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 8А. С. 263—271.
11. Цибизова Е. Б. Дополнительное образование: назначение, содержание, проблемы разработки программы // Народное образование. 2020. № 1(1478). С. 129—135.
12. Никандров Н. Д. Идеологическое воспитание в России: вчера, сегодня, завтра // Педагогика. 2024. Т. 88. № 8. С. 54—64.
13. Чун Ин. Презентация Национальной молодежной базы и способы совместной деятельности // Народное образование. 2024. № 4(1507). С. 144—146.
14. Лю Чунфу. Становление системы трудового воспитания в китайской народной Республике (1949—1956) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2025. № 4(107). Т. 1. С. 164—177. DOI: 10.24412/2224-0772-2025-107-164-177.
15. Андреева Ю. В. Феномен сердца в философии воспитания (по наследию Канта—Ильина—Франкла—Сухомлинского) // Духовно-нравственное воспитание. 2026. № 2. С. 3—7. DOI: 10.47639/2074-5001_2026_2_3.

REFERENCES

1. Ursul A. D. The establishment of education of the global world. *Vek globalizatsii = Age of Globalization*. 2019;2(30): 49—60. (In Russ.) DOI: 10.30884/vglob/2019.02.04.
2. Zolotareva A. V. Modern challenges and trends of additional education for children. *Effektivnye modeli i praktiki organizatsii dopolnitel'nogo obrazovaniya detei, prozhivayushchikh v sel'skoi mestnosti, v usloviyakh tsifrovizatsii i global'nogo tekhnologicheskogo obnoveniya = Effective models and practices for organizing additional education for children living in rural areas, in the context of digitalization and global technological renewal. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Yaroslavl, 2022:9—19. (In Russ.)
3. Self-organization of children and adults as a response to the challenge of uncertainty. Collective monograph. M. R. Miroshkina, E. B. Evladova (eds.). Moscow, Institute for the Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education publ., 2020. 144 p. (In Russ.)
4. Sedykh E., Kutanov V. Modern education systems and their particularities. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*. 2021;4(77)-1:86—98. (In Russ.) DOI: 10.24412/2224-0772-2021-77-86-98.
5. Panova L. D., Mengzhu Wang. Trends in teacher education in China. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*. 2020;3(73)-2:119—128. (In Russ.)
6. Jiang Guannan. The development of self-educational activities in China. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*. 2020;5(71)-1:7—23. (In Russ.)
7. Zhang Shuang, Karnaukh N. V. The role of patriotic education centers in the realization of the idea of national unity in China. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*. 2024;5(101)-1:55—72. (In Russ.)
8. Tel'tevskii V. S., Asmurtseva N. N. Digital educational environment and online learning: advantages and threats. *Tsifrovaya ekonomika i onlain-obrazovanie: klyuchevye trendy i prepyatstviya = Digital economy and online-education: key trends and obstacles. Proceedings of the V International scientific and practical conference*. Ekaterinburg, Ural State University of Economics publ., 2025:191—194. (In Russ.)
9. Kosolapova Yu. V. Updating the system of additional education for children: resource opportunities. *Narodnoe obrazovanie = Public education*. 2022;2(1491):73—78. (In Russ.)
10. Novikov A. V. Problems and methods of creating an informal education system. *Pedagogicheskii zhurnal = Pedagogical Journal*. 2023;13(8A):263—271. (In Russ.)
11. Tsibizova E. B. Additional education: purpose, content, problems program development. *Narodnoe obrazovanie = Public education*. 2020;1(1478):129—135. (In Russ.)
12. Nikandrov N. D. Ideological education in Russia: yesterday, today, tomorrow. *Pedagogika = Pedagogics*. 2024;88(8): 54—64. (In Russ.)
13. Chun Ying. Presentation of the national youth base and ways of joint activities. *Narodnoe obrazovanie = Public education*. 2024;4(1507):144—146. (In Russ.)
14. Liu Chunfu. The development of the labor education system in the People's Republic of China (1949-1956). *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*. 2025;4(107)-1:164—177. (In Russ.) DOI: 10.24412/2224-0772-2025-107-164-177.
15. Andreeva Y. V. The phenomenon of the heart in the philosophy of education (based on the legacy of Kant-Ilyin-Frankl-Sukhomlinsky). *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie*. 2026;2:3—7. (In Russ.) DOI: 10.47639/2074-5001_2026_2_3.

Статья поступила в редакцию 17.06.2026; одобрена после рецензирования 10.07.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was submitted 17.06.2026; approved after reviewing 10.07.2026; accepted for publication 13.07.2026.

Научная статья
УДК 316.42
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1695

Evgeny Gennadievich Tyshchenko
 Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of Physical Training,
 Saint Petersburg University
 of State Fire Service of EMERCOM of Russia
 Saint Petersburg, Russian Federation
 murena_59@mail.ru

Mikhail Pavlovich Starodubtsev
 Doctor of Pedagogy,
 Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,
 Professor of the Department of Physical Education,
 Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
 of Telecommunications
 Saint Petersburg, Russian Federation
 pfanmp@mail.ru

Евгений Геннадьевич Тыщенко
 канд. пед. наук,
 доцент кафедры физической подготовки,
 Санкт-Петербургский университет
 ГПС МЧС России
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 murena_59@mail.ru

Михаил Павлович Стародубцев
 д-р пед. наук,
 академик Российской академии естественных наук,
 профессор кафедры физической культуры,
 Санкт-Петербургский государственный университет
 телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 pfanmp@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ НА ОСВОЕНИЕ ЛЫЖНОГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ КУРСАНТОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Освоение Арктического региона в современных условиях становится для нашего государства одной из важнейших политических и международных проблем. Исследование полезных ископаемых, разработка месторождений по их добыче требуют от государства немалых капиталовложений. Вместе с тем международное положение обязывает не только к быстрому освоению регионов Заполярья, но и к защите государственных интересов, инфраструктуры созданных предприятий. В такой обстановке для силовых структур достаточно серьезной стала задача выживания и ведения служебной и боевой деятельности в подобных условиях.

Цель представленного в статье исследования — изучить влияние социального взаимодействия на освоение навыков лыжного передвижения, определить мотивирующее значение частнодидактических заданий и их роль в активизации функциональных способностей и социальной зрелости. При изучении воспитательного процесса были использованы методы теоретического анализа и обобщения, определяющие состояние изучаемой проблемы влияния социальной устойчивости на освоение двигательных навыков. На этой основе была создана методология, объединяющая теорию функциональных систем, целеполагания личности, положение социальной устойчивости, теорию переноса физических навыков, и сформирован процесс воспитательной деятельности. Применялись част-

нодидактические задания, определяющие целеполагание личности. Они проверялись в командно-соревновательной методике между подразделениями учебной группы. В педагогическом констатирующем обследовании исследовались различные методы (ступенчатый, фронтальный, волнообразный, максимальных нагрузок). Совокупность научных методов: сравнения, сопоставления, анализа полученных данных, абстрагирования и конкретизации — определила последовательность и логику научной работы.

Предлагаемый педагогический подход в процессе учебных занятий позволил повысить уровень социальной зрелости, значительно улучшить показатели функционального состояния и физической подготовленности в лыжном передвижении. В педагогической практике дана методика воспитания социальной устойчивости, оказывающая положительное влияние на качество освоения учебного материала. Ее применение позволит добиться качественного освоения теоретических и практических дисциплин в начальный период обучения и повысит интерес к изучаемым дисциплинам в процессе профессионального образования.

Ключевые слова: двигательные навыки, социальная устойчивость, социальная зрелость, функциональное состояние, физическая подготовленность, целеустремленность, лыжное передвижение, силовые структуры, частнодидактические задания, начальный период обучения

Для цитирования: Тыщенко Е. Г., Стародубцев М. П. Влияние социальной устойчивости на освоение лыжного передвижения курсантов силовых структур в начальный период обучения // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 289—296. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1695.

Original article

THE IMPACT OF SOCIAL STABILITY ON THE MASTERY OF SKIING BY POWER STRUCTURE CADETS IN THE INITIAL TRAINING PERIOD

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The development of the Arctic region in modern conditions has become one of the most important political and international issues for our country. The exploration of mineral resources and the development of mining operations require significant investments from the government. Besides, the international situation requires not only the rapid development of the Arctic regions, but also the protection of the country's interests and the infrastructure of established enterprises. In this context, the survival and operational activities of the security forces have become a significant challenge.*

The goal of this study is to explore the impact of social interaction on the mastery of skiing and determine the motivating value of specific didactic tasks and their role in activating functional abilities and social maturity. When studying the educational process, theoretical analysis and generalization were used to determine the state of the considered problem of the Impact of social stability on the development of motor skills. On this basis, a methodology was created that combines the theory of functional systems, the theory of personal goal-setting, the concept of social stability, and the theory of physical skill transfer, and a process of educational activity was formed.

Specific didactic tasks were used to determine personal goal-setting. They were tested in a team-competitive methodology between the units of the training group. In the pedagogical ascertaining examination, various methods were studied (step-by-step, frontal, wave-like, and maximum loads). The combination of scientific methods, such as comparison, juxtaposition, analysis of the obtained data, abstraction, and concretization, determined the sequence and logic of the scientific work.

The proposed pedagogical approach during training sessions helped to increase the level of social maturity and significantly improve the indicators of functional state and physical fitness in skiing. The pedagogical practice provides a method for fostering social stability, which has a positive impact on the quality of learning. Its application will ensure the effective acquisition of theoretical and practical knowledge during the initial period of education and increase interest in the subjects studied in professional training.

Keywords: *motor skills, social stability, social maturity, functional state, physical fitness, determination, skiing, power structures, specific didactic tasks, initial training period*

For citation: Tyshchenko E. G., Starodubtsev M. P. The impact of social stability on the mastery of skiing by power structure cadets in the initial training period. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):289—296. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1695.

Введение

Актуальность. Сотрудникам силовых структур, проходящим службу в Арктической зоне, где снежный покров круглогодично окружает условия обитания, необходимо умение лыжного передвижения, которое в данных условиях является одним из основных способов социального взаимодействия [1; 2]. Освоение техники лыжного передвижения имеет свои особенности, которые связаны с идентификацией двигательной координации, выработкой рациональной работоспособности и умением эффективного скольжения по снежному покрову. Вследствие этого формирование двигательных навыков в лыжном передвижении является достаточно длительным процессом [3].

Изученность проблемы. В настоящее время формированию двигательных навыков в лыжном передвижении уделяется большое внимание многими авторами. Так, А. И. Гарифуллин с соавторами в своей методике склоняются к последовательному обучению двигательных навыков. В ней преследуется цель, изначального освоения классических ходов, в которых формируется структура движений и на этой основе отрабатывать максимальную экономию энерготрат в достижении максимальных результатов [4]. А. В. Гурский в условиях низких температур считает наиболее приемлемой приспособительную методику, в которой чередуются физические нагрузки с восстановительным процессом в зависимости от низких температур. Данная методика характеризуется стабильностью двигательного навыка с сохранением надежности и устойчивости в двигательных локомоциях [5]. А. И. Грицук с соавторами предлагают умеренную методику, сочетающую физические нагрузки с температурным режи-

мом. В своей методике авторы придерживаются стандартно-непрерывного подхода тренировки классических ходов в разных температурных условиях. По их мнению, данные обстоятельства обеспечивают более устойчивое формирование двигательного навыка [6]. Применительно к этой проблеме В. А. Бойко и И. В. Евграфов предпочитают использовать поэтапную методику формирования двигательных навыков. Предлагая методику с поэтапным усложнением технических элементов, в ней создаются базовые двигательные навыки и на их основе возникает мотивация к их дальнейшему совершенствованию и коррекции допускаемых ошибок [7]. А. С. Манжула для более эффективного освоения двигательных действий на лыжах использовал игровую методику изучаемых навыков. В предложенной автором методике использовался объем и специфика сенсорной информации под их воздействием на центральную нервную систему, в результате чего происходит благоприятное воздействие на совершенствование двигательного анализатора, что улучшает воспроизведение пространственных и динамических структур выполняемых движений [8]. В этом направлении Н. Б. Новикова с соавторами предпочитают использовать вариативную методику технических действий. Разработанная ими методика обучения двигательным навыкам направлена на влияние координационных способностей и развитие когнитивных процессов в решении двигательных задач в условиях лыжных гонок [9]. С. С. Горбунов предпочитает использовать методику подводящих упражнений. В своей методике автор предлагает включать в познавательные процессы двигательного навыка имитирующие упражнения, выполняемые

в различных условиях, что дает возможность достигать твердых умений и правильного выполнения двигательных действий [10].

В рассмотренных методиках авторы не изучали вопросы влияния социальной устойчивости на формирование двигательных навыков в лыжном передвижении, в условиях физической подготовки вузов силовых структур. Многие обучающиеся в этих вузах имеют недостаточные навыки в лыжном передвижении. Однако, как отмечается в работах С. А. Бондаренко и В. Н. Просолова, а также Е. Г. Тыщенко, с учетом военно-профессиональных компетенций перед вузами ставится задача подготовки к различным условиям выживания и умениям вести боевые действия в различных ситуациях [11; 12]. Анализируя данные компетенции, возникает проблема освоения навыков передвижения на лыжах в начальный период обучения. В этот период необходимо осваивать базовые основы двигательного навыка. В современных перечисленных методиках отражены проблемы надежности и устойчивости навыков, но не рассматриваются вопросы о сроках их освоения. В условия обучения в этих вузах сроки освоения навыков лимитированы учебными программами, и они значительно отличаются от спортивных тренировок. Подходя к изучению этой проблемы, Е. Г. Тыщенко и В. М. Бай установили, что у лиц с недостаточным уровнем социальной устойчивости значительно дольше по срокам происходит процесс освоения специальных движений [13]. В своих исследованиях Е. Г. Тыщенко отмечает, что особая роль в этом принадлежит процессу идентификации изучаемых движений [14]. Затруднительные процессы воспроизведения вызывают отрицательные явления, снижение мотивации и не желание к дальнейшему совершенствованию. Изучая эти явления, возникло решение об активном применении интерактивных форм обучения. В своих работах Е. Г. Тыщенко применял в этом направлении командно-соревновательную методику между подразделениями с использованием частнодидактических заданий [15; 16]. Предлагаемая методика способствует воспитанию целеполагания личности в достижении общезначимых целей. В дополнении к этому, как отмечают О. В. Тазова и М. П. Стародубцев, процесс внешнего воздействия отражается на внутреннем состоянии личности, повышает мотивацию к совершенствованию [17; 18]. Под этим воздействием, по мнению Л. С. Выготского, формируется имманентная интериоризация как высшая деятельность центральной нервной системы [19].

Целесообразность разработки темы. В программах тактической физической подготовки вузов силовых структур лыжному передвижению уделяется особое значение. Большинство поступающих в вузы из разных регионов нашей страны не имеют достаточного уровня подготовки в передвижении на лыжах, поэтому особая сложность в освоении данного курса приходится на начальный период обучения. Он характеризуется не только изучением теоретических дисциплин, но и практическими занятиями, в которых у многих отсутствуют двигательные навыки выполнения специальных движений.

Цель исследования — изучить влияние социального взаимодействия на освоение двигательного стереотипа и определить, как социальная устойчивость обеспечивает качественное освоение двигательными локомоциями. Для реализации поставленной цели ставились **задачи**:

- определение исходного уровня в обследуемых группах;
- формирование методических групп с лицами, имеющими недостаточный уровень социальной устойчивости;
- разработка частнодидактических заданий для методических групп;
- определение промежуточных сроков для фиксирования изучаемых показателей;
- анализ полученных результатов за период педагогического наблюдения.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые:

- определена полная динамика влияния социальной устойчивости на формирование навыков в лыжном передвижении;
- для ускорения процесса формирования двигательных навыков использовалась методика частнодидактических заданий в командно-соревновательной методике;
- теоретически и эмпирически подтверждено обоснование влияния социальной устойчивости на освоение двигательных навыков в лыжном передвижении курсантов силовых структур в начальный период обучения.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что существующий интеллект курсантов позволяет осваивать теоретические и практические дисциплины. Но процесс успеваемости, происходит не у всех одинаково. В этой проблеме существенная роль принадлежит социальной устойчивости личности. Как показывают проведенные исследования, у многих лиц, с недостаточным уровнем развития социальной устойчивости, гораздо хуже проходят процессы идентификации полученной информации. Под социальной устойчивостью понимается способность идентифицировать социальные взаимодействия в жизненных ситуациях и регулировать равновесие психического состояния в деятельности и общении. Исходя из этого, недостаточный уровень не позволяет в полном объеме идентифицировать полученный материал и в результате этого недостаточно качественно осваивается изучаемый материал. Данное обстоятельство отражается и на регуляции психического состояния. Проявляется раздражительность, неуверенность в своих знаниях, отсутствует стремление к совершенствованию. В практических дисциплинах недостаточный уровень социальной устойчивости не позволяет осваивать двигательные навыки в установленные сроки программы обучения. Существующие обстоятельства стали причинно-следственным фактором в поисках научных путей разрешения проблем качественного обучения и воспитания в профессиональном образовании.

Практическая значимость исследования. На кафедре физической Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России подготовки были изучены условия и применения предлагаемой методики. Использование ее в процессе профессионального обучения позволило в значительной степени повысить уровень социальной устойчивости у лиц, имеющих отклонения. Об этом свидетельствуют данные педагогического обследования социальной зрелости курсантов, как конечного результата социальной устойчивости. В них раскрывается симбиоз социальной устойчивости как различные формы совместного существования. В результате применения этой методики произошло повышение функциональных способностей, значительно улучшились показатели лыжного передвижения в составе подразделения, что дает основание утверждать о положительном

влиянии социальной устойчивости на качество освоения изучаемого материала. Развитие навыков целеустремленности личности благоприятно влияет на изучение теоретических дисциплин, что окажет положительное влияние на повышение успеваемости курсантов.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Педагогическое обследование проводилось в период с 2024 по 2025 г. на базе Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации. К исследовательской работе привлекались курсанты I и II курсов. В контрольных (далее — КГ 1, 2) и экспериментальных (далее — ЭГ 1, 2) группах принимало участие по 25 чел., в общей сложности к обследованию привлекалось 100 курсантов. К группам КГ 1 и ЭГ 1 относились курсанты Санкт-Петербургского университета МЧС России, в группы КГ 2 и ЭГ 2 входили курсанты Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации.

По изучаемым данным группы не имели достоверных различий ($P < 0,05$), что дало основание утверждать об одинаковом уровне изучаемых исходных данных.

Учебные занятия в КГ 1, 2 проводились согласно учебному плану, по существующей кафедральной методике. В ЭГ 1, 2 занятия проводились согласно существующему плану, но с применением предлагаемой методики. В ней выполнялись частнодидактические задания соревновательным методом. Особенность ее использования заключалась в определении победителей по последнему результату участников. В конце основной части занятия ЭГ разделялась на три команды, в соревновательных условиях отрабатывались частнодидактические задания по ранее пройденным нормативам. Через каждые две недели снимались показатели социальной зрелости, функционального состояния и физической подготовленности по нормативам лыжного передвижения.

Результаты исследований и их обсуждение. В завершении педагогического обследования на II курсе обучения проводился контрольный сбор изучаемых данных.

Полученные показатели социальной зрелости обследуемых групп представлены в табл. 1.

Из табл. 1 видно, что достоверные изменения ($P < 0,05$) в ЭГ 1 наблюдаются в коммуникативных способностях в межличностном общении, в уверенности в себе и в своих способностях, в целеустремленности поставленной задачи, в ответственности поручений, в товарищеской взаимопомощи, в дисциплинированности поведения. В других показателях произошедшие изменения не имеют достоверных значений, но они несколько выше по сравнению с КГ 1. В КГ 1 видны положительные изменения, но нет достоверных значений. В результатах ЭГ 2 достоверные значения ($P < 0,05$) получены в коммуникативных способностях в межличностном общении, в товарищеской взаимопомощи, в дисциплинированности поведения. Более существенные изменения значений достоверности ($P < 0,01$) определены в показателях целеустремленности в поставленной задаче и ответственности в поручениях. В КГ 2 так же просматриваются улучшения показателей, достоверно они улучшились в ответственности в поручениях, товарищеской взаимопомощи. В других показателях улучшения не имеют достоверных значений.

Таблица 1

Изменение показателей социальной зрелости в учебных подразделениях за обследуемый период (по 9-балльной шкале)

Качества	Группа испытуемых		Средние значения показателей, баллы	
			до наблюдения	после наблюдения
Коммуникативные способности в межличностном общении	ЭГ	1	$3,2 \pm 0,4$	$4,7 \pm 0,2^*$
		2	$3,3 \pm 0,3$	$4,9 \pm 0,2^*$
	КГ	1	$3,3 \pm 0,4$	$3,5 \pm 0,3$
		2	$3,4 \pm 0,2$	$3,8 \pm 0,3$
Общественная активность	ЭГ	1	$3,3 \pm 0,4$	$3,7 \pm 0,2$
		2	$3,4 \pm 0,4$	$4,1 \pm 0,2$
	КГ	1	$3,4 \pm 0,3$	$3,6 \pm 0,3$
		2	$3,5 \pm 0,3$	$3,9 \pm 0,3$
Уверенность в себе и своих способностях	ЭГ	1	$3,2 \pm 0,4$	$4,3 \pm 0,3^*$
		2	$3,3 \pm 0,4$	$5,4 \pm 0,3^{**}$
	КГ	1	$3,3 \pm 0,8$	$3,7 \pm 0,6$
		2	$3,6 \pm 0,8$	$4,3 \pm 0,6$
Целеустремленность в поставленной задаче	ЭГ	1	$3,2 \pm 0,3$	$4,5 \pm 0,2^*$
		2	$3,2 \pm 0,3$	$5,9 \pm 0,2^{**}$
	КГ	1	$3,3 \pm 0,5$	$3,6 \pm 0,3$
		2	$3,5 \pm 0,5$	$4,2 \pm 0,3$
Ответственность в поручениях	ЭГ	1	$3,2 \pm 0,4$	$4,3 \pm 0,3^*$
		2	$3,1 \pm 0,4$	$5,7 \pm 0,3^{**}$
	КГ	1	$3,3 \pm 0,3$	$3,7 \pm 0,2$
		2	$3,2 \pm 0,3$	$4,4 \pm 0,2^*$
Товарищеская взаимопомощь	ЭГ	1	$3,2 \pm 0,5$	$4,7 \pm 0,2^*$
		2	$3,4 \pm 0,5$	$4,7 \pm 0,2^*$
	КГ	1	$3,4 \pm 0,4$	$3,7 \pm 0,3$
		2	$3,3 \pm 0,4$	$4,4 \pm 0,3^*$
Дисциплинированность поведения	ЭГ	1	$3,4 \pm 0,3$	$4,5 \pm 0,2^*$
		2	$3,5 \pm 0,3$	$5,1 \pm 0,2^*$
	КГ	1	$3,6 \pm 0,4$	$4,1 \pm 0,3$
		2	$3,8 \pm 0,4$	$4,6 \pm 0,3$

Примечание: достоверность различий: $*P = 0,05$; $**P = 0,01$.

Оценивая изменения показателей функционального состояния (табл. 2), видны достоверные изменения ($P < 0,05$) в ЭГ 1 в частоте сердечно-сосудистых сокращений (далее — ЧСС) до нагрузки и после нее, во времени восстановления, в пробах Штанге, Генче, а в максимальном потреблении кислорода (далее — МПК) коэффициент достоверности ($P < 0,01$) был значительно выше. В КГ 1 произошедшие изменения не имеют достоверных значений, тем не менее в показателях наблюдается положительная динамика. Далее определим изменения показателей ЭГ 2 и КГ 2. Просматриваются достоверные улучшения ($P < 0,05$) в ЭГ 2 в ЧСС до и после нагрузки, во времени восстановления, в пробах Штанге и Генче, а результаты в степ-тесте и МПК достоверное улучшение ($P < 0,01$) стало значительно выше. В КГ 2 произошедшие изменения имеют положительные сдвиги, но достоверных изменений у нее не наблюдается. Рассмотрев перечисленные выше показатели, можно оценить их влияние на физическую подготовленность в лыжном передвижении (табл. 3). Так, достоверные изменения ($P < 0,05$) в ЭГ 1 произошли в гонке на 5 км, в марш-броске на 25 км в составе подразделения. В КГ 1 эти показатели имели положительные изменения, но они не являлись достоверными, по сравнению с ЭГ 1.

Таблица 2

Изменение показателей функционального состояния организма в группах за обследуемый период

Показатель	Группа испытуемых		Средние значения показателей	
			до наблюдения	после наблюдения
ЧСС до нагрузки (уд./мин.)	КГ	1	84 ± 3,7	82 ± 3,6
		2	82 ± 3,7	78 ± 3,6
	ЭГ	1	86 ± 3,9	74 ± 3,7*
		2	84 ± 3,9	71 ± 3,7*
ЧСС после нагрузки (уд./мин.)	КГ	1	114 ± 3,7	112 ± 3,6
		2	113 ± 3,7	110 ± 3,6
	ЭГ	1	115 ± 3,9	104 ± 3,7*
		2	114 ± 3,9	102 ± 3,7*
Время восстановления (мин.)	КГ	1	5,6 ± 0,2	5,4 ± 0,1
		2	5,4 ± 0,2	5,1 ± 0,1
	ЭГ	1	5,8 ± 0,2	4,6 ± 0,1*
		2	5,6 ± 0,2	4,2 ± 0,1*
Частота дыхания в покое (раз/мин.)	КГ	1	17,4 ± 0,4	17,1 ± 0,4
		2	17,2 ± 0,4	16,8 ± 0,4
	ЭГ	1	17,6 ± 0,4	16,9 ± 0,2
		2	17,6 ± 0,4	16,7 ± 0,2
Степ-тест (усл. ед.)	КГ	1	75,5 ± 0,8	82,3 ± 0,5
		2	75,3 ± 0,8	82,3 ± 0,5
	ЭГ	1	76,2 ± 0,9	88,4 ± 0,6*
		2	76,4 ± 0,9	89,2 ± 0,6**
Проба Штанге (сек.)	КГ	1	58 ± 2,1	61 ± 2,1
		2	59 ± 2,1	62 ± 2,1
	ЭГ	1	57 ± 3,0	74 ± 2,3*
		2	57 ± 3,0	75 ± 2,3*
Проба Генче (сек.)	КГ	1	52 ± 0,7	56 ± 1,3
		2	54 ± 0,7	59 ± 1,3
	ЭГ	1	50 ± 0,8	62 ± 0,7*
		2	52 ± 0,8	63 ± 0,7*
МПК (мл/мин./кг)	КГ	1	52,0 ± 0,7	62,7 ± 0,4*
		2	53,0 ± 0,7	62,7 ± 0,4
	ЭГ	1	51,4 ± 0,6	72,6 ± 0,5**
		2	52,4 ± 0,6	74,8 ± 0,5**

Примечание: достоверность различий: * $P = 0,05$; ** $P = 0,01$.

Таблица 3

Изменение результатов в лыжном передвижении в группах за обследуемый период

Показатели	Группа испытуемых		Средние значения показателей, баллы	
			до наблюдения	после наблюдения
Лыжная гонка 5 км (мин., сек.)	ЭГ	1	34,19 ± 0,32	29,17 ± 0,25**
		2	32,15 ± 0,31	31,57 ± 0,25
	КГ	1	34,17 ± 0,32	33,01 ± 0,32*
		2	32,13 ± 0,29	31,59 ± 0,32
Лыжная гонка 10 км (мин., сек.)	ЭГ	1	89,55 ± 0,32	84,28 ± 0,25**
		2	87,45 ± 0,32	82,28 ± 0,25**
	КГ	1	88,45 ± 0,32	88,01 ± 0,32
		2	86,47 ± 0,32	86,01 ± 0,32
Марш-бросок в составе подразделения 20 км (мин., сек.)	ЭГ	1	173,58 ± 0,22	173,03 ± 0,21
		2	171,28 ± 0,22	170,22 ± 0,21*
	КГ	1	173,54 ± 0,21	173,29 ± 0,19
		2	171,24 ± 0,21	171,03 ± 0,19

Примечание: достоверность различий: * $P = 0,05$; ** $P = 0,01$.

В ЭГ 2 имеющиеся достоверные различия были в показателях лыжной гонки на 10 км, а в показателях марш-броска в составе подразделения на 25 км достоверные улучшения ($P < 0,01$) оказались значительно выше.

Полученные результаты физической подготовленности в лыжном передвижении дают основание утверждать, что в ЭГ 1 под влиянием предлагаемой методики функциональные способности достаточно эффективно обеспечивают работоспособность организма в гонке на 5 км, несколько ниже они проявляется в гонке 10 км. Тем не менее в марш-броске в составе подразделения на 20 км достигнуты достоверные изменения в лыжном передвижении. В КГ 1 существующие положительные изменения, не имеют достоверных значений.

В ЭГ 2 достоверные изменения произошли в гонке на 10 км и в марш-броске в составе подразделения на 20 км. В гонке на 5 км положительные изменения не имеют достоверных значений. Однако в марш-броске в составе подразделения улучшение показателей имеет достаточно высокое значение ($P < 0,01$) достоверности. В КГ 2 показатели имеют положительные сдвиги, но они не являются достоверными.

Применяя командно-соревновательную методику с использованием частнодидактических заданий в ЭГ 1 и 2 произошли существенные изменения по сравнению с КГ 1 и 2. В полученных результатах социальной зрелости произошли существенные изменения в ЭГ 1 в показателях коммуникативной способности в межличностном общении на 1,5 балла, в ЭГ 2 — на 1,6 балла, в КГ 1 — на 0,2 балла, в КГ 2 — на 0,4 балла, данное положение отражает уровень социального взаимодействия при выполнении физических испытаний и выработке двигательных навыков на практических занятиях. Показатель уверенности в себе и своих способностях в ЭГ 1 улучшился на 1,1 балла, в ЭГ 2 — на 2,1 балла, в КГ 1 произошли изменения на 0,4 балла, в КГ 2 — на 0,7 балла, данные результаты свидетельствуют о мобилизационных способностях группы в преодолении физических нагрузок. Показатель целеустремленности в поставленной задаче в ЭГ 1 изменился на 1,3 балла, в ЭГ 2 — на 2,7 балла, в КГ 1 — на 0,3 балла, в КГ 2 — на 0,7 балла. Эти данные показывают уровень развития имманентной интериоризации в социальном взаимодействии под влиянием частнодидактических заданий. Его отражение особенно просматривается в показателе ответственности в поручениях, в ЭГ 1 улучшение в показателе произошло на 1,1 балла, в ЭГ 2 — на 2,6 балла, в КГ 1 — на 0,4 балла, в КГ 2 — на 1,2 балла. Данное положение раскрывает качественное выполнение частнодидактических заданий в часы самостоятельной подготовки. В показателях товарищеской взаимопомощи достоверные изменения произошли во всех четырех группах, полученные данные свидетельствуют о том, что значительная часть двигательных навыков в практических дисциплинах выполняется в составе учебных подразделений или пожарно-спасательных и боевых расчетах. В них отрабатывается групповое взаимодействие профессиональных приемов в различных ситуациях. Нивелирование слаженности и сплоченности не обходится без товарищеской взаимопомощи. Она помогает значительно быстро справляться с двигательными задачами. Социальное взаимодействие при этом имеет более тесный контакт и понимание. По всей видимости этот факт проявляется и в дисциплинированности поведения. В ЭГ 1 этот показатель имеет достоверное значение и улучшился

на 1,3 балла, в ЭГ 2 — на 1,6 балла, в КГ 1 — на 0,5 балла, в КГ 2 — на 0,8 балла. Исполнительская дисциплина имеет тесную связь с социальной устойчивостью. Воздействие неблагоприятных факторов в служебных условиях оказывает негативное влияние на психическое состояние курсантов в процессе несения нарядов и дежурств. Помимо этого, существуют отдельные командные поручения, которые необходимо выполнять в указанные сроки. Результаты ЭГ 1 и ЭГ 2 свидетельствуют о том, что под воздействием методики в группе достаточно эффективно работает механизм регуляции равновесия психического состояния, что позволяет справляться с поставленными задачами и довольно стойко переносить воздействие неблагоприятных факторов в процессе несения нарядов и дежурств.

Изменения показателей социальной зрелости свидетельствуют о положительном влиянии на результаты функционального состояния в обследуемых группах. Так, за обследуемый период в ЭГ 1 достоверные изменения в ЧСС до нагрузки снизилось на 12 уд./мин., в ЭГ 2 — на 1 уд./мин., в КГ 1 — на 2 уд./мин., в КГ 2 — на 4 уд./мин. Этот показатель определяет уровень социальной устойчивости до выполнения физических испытаний. Идентифицируя физические нагрузки социального взаимодействия тренировочного процесса, организм в предстартовом состоянии включает механизм регуляции равновесия психического состояния. Это дает возможность сердечно-сосудистой системе рационально справляться с работой в процессе выполнения физической нагрузки. Данное явление подтверждается в пробах степ-теста и максимальном МПК. Так в степ-тесте ЭГ 1 улучшение произошло на 12,1 усл. ед., в ЭГ 2 — на 12,8 усл. ед., в КГ 1 — на 6,8 усл. ед., в КГ 2 — на 7 усл. ед. В МПК показатель ЭГ 1 улучшился на 21,5 мл/мин./кг, в ЭГ 2 — на 22,4 мл/мин./кг, в КГ 1 — на 10,7 мл/мин./кг, в КГ 2 — на 9,7 мл/мин./кг. В пробах Штанге в ЭГ 1 изменение произошло на 17 сек., в ЭГ 2 — на 18 сек., в КГ 1 — на 3 сек., КГ 2 — на 3 сек., в Генче значение улучшилось в ЭГ 1 на 12 сек., в ЭГ 2 — на 11 сек., в КГ 1 — на 4 сек., в КГ 2 — на 5 сек. В дополнение к этому необходимо отметить восстановление организма после нагрузки ЧСС, в ЭГ 1 снизилось на 11 уд./мин., в ЭГ 2 — на 12 уд./мин., в КГ 1 — на 2 уд./мин., в КГ 2 — на 3 уд./мин. По времени восстановления организма в ЭГ 1 показатель снизился на 1 мин. 2 сек., в ЭГ 2 — на 1 мин. 4 сек., в КГ 1 — на 2 сек., в КГ 2 — на 3 сек. По частоте дыхания организма в покое изменение в ЭГ 1 на 0,7 раза/мин., в ЭГ 2 — на 0,9 раза/мин, в КГ 1 — на 0,3 раза/мин, КГ 2 — на 0,4 раза/мин. Сравнительный анализ показывает, насколько эффективно отражается регуляция равновесия психического состояния на работе сердечно-сосудистой системы. Особое значение этой работы наблюдается в показателях физической подготовленности в передвижениях на лыжах. В ЭГ 1 в гонке на 5 км достоверное улучшение произошло на 5 мин. 2 сек., в ЭГ 2 — на 58 сек., в КГ 1 — на 1 мин. 16 сек., КГ 2 — на 54 сек. В гонке 10 км в ЭГ 1 достоверное улучшение произошло на 5 мин. 27 сек., в ЭГ 2 — на 5 мин. 17 сек., в КГ 1 изменение произошло на 47 сек., в КГ 2 — на 46 сек. В марше в составе подразделения на 20 км достоверных изменений в группах не произошло, в ЭГ 1 оно было 58 сек., в КГ 1 составило 25 сек. Однако в ЭГ 2 результаты улучшились на 1 мин. 6 сек., в КГ 1 — на 21 сек.

Проведенное педагогическое исследование показывает значимость воспитания социальной устойчивости в обучении лыжному передвижению. Особая воспитательная роль

в командно-соревновательной методике принадлежит частнодидактическим заданиям. Они должны быть направлены на постепенный, доступный уровень совершенства. Данный подход позволяет мотивировать курсантов с недостаточным уровнем социальной устойчивости к работе над собой. Достигнутые результаты вселяют в них уверенность в своих способностях и дают возможность развития имманентной интериоризации. Исходя из этого, данное положение позволяет не только повысить уровень социальной устойчивости, функционального состояния и физической подготовленности в лыжном передвижении, но и повлиять на качество изучения теоретических и практических дисциплин в начальный период обучения и подготовить к освоению более сложных программ на старших курсах.

Выводы

Проведенное педагогическое исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. В начальный период обучения необходимо своевременно выявлять лиц с недостаточным уровнем социальной устойчивости, в зависимости от этого выстраивать процесс педагогического воспитания для формирования у них мотивации и целеустремленности в освоении двигательных навыков в лыжном передвижении.
2. Для более эффективного процесса ее воспитания необходимо создавать методические группы не более трех человек, по принципу совместимости и взаимного уважения.
3. При разработке частнодидактических заданий необходимо учитывать функциональные способности и физическую подготовленность занимающихся, задания давать по принципу постепенного усложнения.
4. В командно-соревновательной методике с учетом по последнему результату, учитывать проявление социального взаимодействия при оказании взаимопомощи и социальной устойчивости в достижении поставленных частнодидактических задач.
5. В процессе педагогической работы фиксирование результатов проводить через каждые две недели.
6. Полученные результаты показывают эффективное влияние социальной устойчивости на показатели социальной зрелости, функционального состояния и освоение лыжного передвижения курсантов силовых структур в начальный период обучения.

В результате педагогического исследования изучено положительное влияние социальной устойчивости на освоение двигательных навыков и локомоций в лыжном передвижении курсантов силовых структур. Практика применения частнодидактических заданий в соревновательных условиях достигла положительных значений. В этих условиях социальное взаимодействие имело положительное влияние на повышение социальной зрелости в коллективной коммуникации. Данное обстоятельство способствовало мотивации тренировочного процесса функционального состояния и результатам физической подготовленности в лыжном передвижении на длинные дистанции. Развивая у курсантов целеустремленность, можно с уверенностью утверждать о положительном переносе данного качества на дальнейшее изучение теоретических и практических дисциплин на старших курсах обучения. Формируя положительное отношение курсантов к достижению общезначимых целей, повышается уровень социальной устойчивости будущих офицеров силовых структур к дальнейшей службе по защите интересов нашего Отечества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мамаева Н. Л., Петров С. А., Влияние геоэкологических характеристик на состояние организма коренного населения Ямала // Вестник Тюменского государственного университета. Экология и природопользование. 2013. № 6. С. 158—165.
2. Иванов Б. А., Елескин В. И., Шестов А. В., Грибченко С. П. Влияние длительных маршей на функциональное состояние и физическую работоспособность военнослужащих в экстремальных условиях Арктики // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2018. № 9(163). С. 121—126.
3. Фетисов А. В., Носов Н. В., Зубарев Н. В. Факторы, влияющие на качество подготовки вновь формируемых подразделений национальной гвардии в период проведения специальной военной операции // Актуальные проблемы защиты и безопасности : тр. XXVI Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2023. Т. 4 : Направления совершенствования теории и практики боевого применения РВиА. С. 249—254.
4. Гарифуллин А. И., Савосин Л. Д., Сиразетдинов А. Ф. Теоретический анализ средств обучения технике передвижения на лыжах групп начальной подготовки // Актуальные проблемы и современные тенденции спортивной подготовки в циклических видах спорта в России и мире : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти проф. Г. В. Цыганова. Казань, 2021. С. 71—73.
5. Гурский А. В. Техническая подготовка лыжника-гонщика в условиях Крайнего Севера // Современное состояние и тенденции развития физической культуры и спорта в условиях Северо-Востока России : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием в рамках проведения VII спортив. игр народов Респ. Саха (Якутия). Якутск : Издат. дом СВФУ, 2019. С. 404—407.
6. Лыжная подготовка как составляющая часть физической подготовки студентов медицинского вуза / А. И. Грицук, К. А. Рямова, Л. В. Лагунова и др. // Спорт и здоровьесберегающие технологии в образовании : коллектив. моногр. / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск : Зебра, 2021. С. 165—173.
7. Бойко В. А., Евграфов И. В. Теоретические основы обучения технике движений для совершения лыжных путешествий // Проблемы управления и инновации в физической культуре, реабилитации и спортивно-оздоровительного туризме : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2026. С. 284—287.
8. Манжула А. С. Применение игрового метода в лыжных гонках на начальном этапе освоения двигательных действий // Современные направления инновационных исследований молодых ученых в области физической культуры и спорта : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2024. С. 113—121.
9. Новикова Н. Б., Белёва А. Н., Котелевская Н. Б. Проектирование методики технической подготовки юных лыжников-гонщиков в соответствии с современными тенденциями развития лыжных гонок // История, современность и инновации в спортивной науке : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию ФГБУ СПбНИИФК. СПб., 2023. С. 60—67.
10. Горбунов С. С. Внедрение инновационной модели обучения технике передвижения на лыжах в образовательный процесс // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2013. № 1. С. 74—76.
11. Бондаренко С. А., Прасолов В. Н. Методика определения степени участия дисциплин в формировании у курсантов военно-профессионально ориентированных профессиональных компетенций // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 4(22). С. 212—221.
12. Тыщенко Е. Г. Модель процесса формирования военно-профессиональных компетенций будущих офицеров МЧС // Актуальные проблемы физического воспитания студентов медицинских вузов : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2026. С. 371—374.
13. Тыщенко Е. Г., Бай В. М. Роль и значение социальной устойчивости в деятельности сотрудников МЧС России // Вестник Санкт-Петербургской академии Следственного комитета. 2026. № 1(17). С. 59—86.
14. Тыщенко Е. Г. Повышение уровня социальной устойчивости курсантов силовых структур в период специализации средствами ускоренного передвижения // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2026. № 1. С. 226—231. DOI: 10.37493/2307-907X.2026.1.28.
15. Тыщенко Е. Г. Методика самостоятельных тренировок как одно из направлений повышения успеваемости курсантов по физической подготовке // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2026. № 1(70). С. 75—80. DOI: 10.61260/2074-1618-2026-1-75-80.
16. Тыщенко Е. Г. Методика использования интерактивных форм изучения педагогических дисциплин в вузе // Актуальные проблемы физического воспитания студентов медицинских вузов : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2026. С. 374—377.
17. Тазова О. В., Стародубцев М. П. Основные методы обучения студентов, направленные на повышение собственной мотивации к учебной деятельности // Актуальные проблемы физического воспитания студентов медицинских вузов : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб., 2025. С. 288—292.
18. Стародубцев М. П. Современные методологические подходы в теории и методике спортивной подготовки // Здоровье населения и качество жизни : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб., 2025. Ч. 2. С. 299—303.
19. Выготский Л. С. Психология искусства. М. : Эксмо, 2025. 416 с.

REFERENCES

1. Mamaeva N. L., Petrov S. A. The influence of geo-ecological characteristics on the body condition of the indigenous Yamal population. *Tyumen State University Herald*. 2013;6:122—127.

2. Ivanov B. A., Eleskin V. I., Shestov N. V., Gribchenko S. P. Influence of long ski marches on functional state and physical performance of servicemen in extreme conditions of the Arctic. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta = Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2018;9(163):121—126. (In Russ.)
3. Fetisov A. V., Nosov N. V., Zubarev N. V. Factors affecting the quality of training of newly formed National Guard units during a special military operation. *Aktual'nye problemy zashchity i bezopasnosti = Actual problems of protection and security. Proceedings of the XXVI All-Russian scientific and practical conference*. Saint Petersburg, 2023;4:249—254. (In Russ.)
4. Garifullin A. I., Savosin L. D., Sirazetdinov A. F. Theoretical analysis of the means of teaching skiing techniques for beginners. *Aktual'nye problemy i sovremennye tendentsii sportivnoi podgotovki v tsiklicheskih vidakh sporta v Rossii i mire = Current issues and modern trends in sports training in cyclic sports in Russia and worldwide. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the memory of Professor G. V. Tsyganov*. Kazan, 2021: 71—73. (In Russ.)
5. Gurskii A. V. Technical training of a cross-country skier in the Far North. *Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta v usloviyakh Severo-Vostoka Rossii = Current state and trends in the development of physical culture and sports in the North-East of Russia*. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation as part of the VII Sports Games of the Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia). Yakutsk, North-Eastern Federal University publ., 2019:404—407. (In Russ.)
6. Gritsuk A. I., Ryamova K. A., Lagunova L. V. et al. Ski training as an integral part of physical training for medical university students. *Sport i zdorov'esberegayushchie tekhnologii v obrazovanii = Sports and health-preserving technologies and education*. Collective monograph. A. Yu. Nagornova (ed.). Ulyanovsk, Zebra, 2021. Pp. 165—173. (In Russ.)
7. Boiko V. A., Evgrafov I. V. The theoretical basis of teaching movement techniques for skiing trips. *Problemy upravleniya i innovatsii v fizicheskoi kul'ture, reabilitatsii, rekreatsii i sportivno-ozdorovitel'nogo turizme = Problems of management and innovation in physical culture, rehabilitation, recreation, and sports and health tourism. Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Kazan, 2026:284—287. (In Russ.)
8. Manzhula A. S. The use of the game method in ski racing at the initial stage of mastering motor actions. *Sovremennye napravleniya innovatsionnykh issledovaniy molodykh uchenykh v oblasti fizicheskoi kul'tury i sporta = Modern directions of innovative research by young scientists in the field of physical culture and sports. Collection of materials of the II All-Russian scientific and practical conference*. Saint Petersburg, 2024:113—121. (In Russ.)
9. Novikova N. B., Beleva A. N., Kotelevskaya N. B. Designing a methodology for technical training of young ski racers in line with current trends in cross-country skiing. *Istoriya, sovremennost' i innovatsii v sportivnoi nauke = History, modernity, and innovations in sports science. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the St. Petersburg Research Institute of Physical Culture*. Saint Petersburg, 2023:60—67. (In Russ.)
10. Gorbunov S. S. Introduction of innovative model of teaching skiing technique into educative process. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 2013;1:74—76. (In Russ.)
11. Bondarenko S. A., Prasolov V. N. Methodology for determining the degree of participation of academic disciplines in the formation of military professional competencies of cadets. *Voenno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri = Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2024;4(22):212—221. (In Russ.)
12. Tyshchenko E. G. Model of the process of forming military-professional competencies of future EMERCOM officers. *Aktual'nye problemy fizicheskogo vospitaniya studentov meditsinskih vuzov = Actual problems of physical education of medical university students. Proceedings of the XI All-Russian scientific and practical conference*. Saint Petersburg, 2026:371—374. (In Russ.)
13. Tyshchenko E. G., Bay V. M. The role and importance of social sustainability in the activities of EMERCOM of Russia. *Vestnik Sankt-Petersburgskoi akademii sledstvennogo komiteta*. 2026;1(17):59—86. (In Russ.)
14. Tyshchenko E. G. Improving the social stability of military students during specialization through accelerated movement. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2026;1:226—231. (In Russ.) DOI: 10.37493/2307-907X.2026.1.28.
15. Tyshchenko E. G. Methodology of independent trainings as one of the ways to improve the performance of cadets in physical training. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva = Psychological and pedagogical problems of human and social security*. 2026;1(70):75—80. (In Russ.) DOI: 10.61260/2074-1618-2026-1-75-80.
16. Tyshchenko E. G. The method of using interactive forms of studying pedagogical disciplines at university. *Aktual'nye problemy fizicheskogo vospitaniya studentov meditsinskih vuzov = Actual problems of physical education of medical university students. Proceedings of the XI All-Russian scientific and practical conference*. Saint Petersburg, 2026:374—377. (In Russ.)
17. Tazova O. V., Starodubtsev M. P. The main methods of teaching students to increase their own motivation for academic activities. *Aktual'nye problemy fizicheskogo vospitaniya studentov meditsinskih vuzov = Actual problems of physical education of medical university students. Proceedings of the X All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Saint Petersburg, 2025:288—292. (In Russ.)
18. Starodubtsev M. P. Modern methodological approaches in theory and methodology of sports training. *Zdorov'e naseleniya i kachestvo zhizni = Population health and quality of life. Proceedings of the XII All-Russian scientific and practical conference with international participation*. St. Petersburg, 2025;2:299—303. (In Russ.)
19. Vygotzky L. S. Psychology of Art. Moscow, Eksmo, 2025. 416 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.06.2026; одобрена после рецензирования 12.07.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was submitted 15.06.2026; approved after reviewing 12.07.2026; accepted for publication 13.07.2026.

Научная статья**УДК 378.147****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1686****Svetlana Nikolaevna Fedorova**

Doctor of Pedagogy, Professor,
Professor of the Department of Methodology
and Management of Educational Systems,
Mari State University
Yoshkar-Ola, Russian Federation
svetfed65@rambler.ru

Светлана Николаевна Федорова

д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры методологии
и управления образовательными системами,
Марийский государственный университет
Йошкар-Ола, Российская Федерация
svetfed65@rambler.ru

Anastasia Anatolyevna Nikiforova

1st year student of the Department of Methodology
and Management of Educational Systems,
field of training
44.03.02 — Psychological and pedagogical education,
Mari State University
Yoshkar-Ola, Russian Federation
nastenka.nikiforova.2000@bk.ru

Анастасия Анатольевна Никифорова

студент I курса кафедры методологии
и управления образовательными системами,
направление подготовки
44.03.02 — Психолого-педагогическое образование,
Марийский государственный университет
Йошкар-Ола, Российская Федерация
nastenka.nikiforova.2000@bk.ru

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ ДИАГНОСТИКИ И МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема развития цифровой компетентности педагогов дошкольных образовательных учреждений. Анализируются требования, которые предъявляются к профессии педагога в связи с проникновением цифровых технологий в повседневную жизнь детей и взрослых. Подчеркивается необходимость освоения педагогами современных цифровых инструментов и формирования соответствующих навыков как условия обеспечения эффективного образовательного процесса в условиях цифровизации. Авторами анализируются исследования отечественных ученых, посвященные внедрению цифровых технологий в дошкольное образование, а также рассматривается структура цифровой компетентности педагогов. В статье уточняется, что цифровая компетентность включает владение информационно-коммуникационными технологиями, аналитическими и диагностическими навыками, знание этических аспектов, а также способность к постоянному обновлению знаний. К факторам, способствующим ее развитию, отнесены доступность современного образования, профессиональная поддержка и нормативно-правовое регулирование. Особенности работы с деть-

ми дошкольного возраста обуславливают необходимость специальных форм представления цифрового контента, соблюдения гигиенических норм и реализации персонализированного подхода. Важнейшим условием эффективного внедрения цифровых технологий в образовательный процесс признаётся постоянное повышение квалификации педагогов и их методическое сопровождение. Формирование цифровой компетентности педагогов, в свою очередь, создает условия для успешной социализации и развития детей в цифровом обществе. В качестве путей решения обозначенной проблемы предлагаются повышение уровня квалификации педагогов, привлечение родителей к цифровому просвещению и внедрение инновационных методик. Экспериментальное исследование проводилось среди педагогов двух детских садов г. Йошкар-Олы. В качестве методов исследования использовались анкетирование, решение кейсов и практическое задание по созданию презентации.

Ключевые слова: цифровая компетентность, педагоги, дошкольное образование, цифровизация, методы, технологии, формы, диагностика, развитие, методическое сопровождение

Для цитирования: Федорова С. Н., Никифорова А. А. Развитие цифровой компетентности педагогов дошкольных образовательных учреждений: результаты диагностики и методическое сопровождение // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 297—302. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1686.

Original article

DEVELOPING DIGITAL COMPETENCE OF PRESCHOOL TEACHERS:
DIAGNOSTIC RESULTS AND METHODOLOGICAL SUPPORT

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article discusses the current problem of developing digital competence of preschool teachers. The requirements for the teaching profession in connection with the penetration of digital technologies into the daily lives of children and adults are analyzed. The need for teachers to master modern digital tools and develop appropriate skills is emphasized as a condition for ensuring an effective educational process in the context of digitalization. The authors analyze the research of Russian scientists on the introduction of digital technologies in preschool education, and also consider the structure of digital competence of teachers. The article clarifies that digital competence includes knowledge of information and communication technologies, analytical and diagnostic skills, knowledge of ethical aspects, as well as the ability to constantly update knowledge. The factors contributing to its development include the availability of modern equipment, professional support, and legal regulation. The specifics of working with preschool children

necessitate special forms of digital content presentation, compliance with hygiene standards and the implementation of a personalized approach. The most important condition for the effective implementation of digital technologies in the educational process is the continuous professional development of teachers and their methodological support. The formation of digital competence of teachers, in turn, creates conditions for the successful socialization and development of children in a digital society. Improving the skills of teachers, involving parents in digital education, and introducing innovative methods are proposed as ways to solve this problem. An experimental study was conducted among teachers of two kindergartens in Yoshkar-Ola. The research methods used were questionnaires, case solving, and a practical task for creating a presentation.

Keywords: digital competence, teachers, preschool education, digitalization, methods, technologies, forms, diagnosis, development, methodological support

For citation: Fedorova S. N., Nikiforova A. A. Developing digital competence of preschool teachers: diagnostic results and methodological support. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):297—302. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1686.

Введение

Актуальность. В настоящее время цифровая компетентность является важной составляющей профессионализма педагогов дошкольного образования. Если раньше профессия воспитателя ассоциировалась с традиционным набором инструментов: книги, тетради, мел и доска, — то сегодня ситуация коренным образом изменилась. Современные дети растут в окружении высокотехнологичных гаджетов и уже с дошкольного возраста активно используют их в повседневной жизни. Цифровая трансформация «направлена не только на техническую модернизацию и внедрение новых инструментов, но и на изменение подходов к образованию» [1, с. 140].

Изученность проблемы. В условиях цифровой трансформации проблема развития цифровой компетентности педагогов дошкольных образовательных учреждений (далее — ДОУ) приобретает особую значимость. Теоретические основания данного феномена рассматриваются в работе М. Г. Ровных, которая определяет сущность и структуру цифровой компетентности педагогов ДОУ, выделяя когнитивный, деятельностный и рефлексивный компоненты [2]. В контексте подготовки будущих педагогов Е. В. Яковлева уточняет компонентный состав цифровой компетентности, акцентируя мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный и рефлексивный аспекты [3]. Обращаясь к вопросам диагностики готовности педагогов к работе в цифровой среде, следует выделить исследование И. А. Бурлаковой с соавторами, в котором подчеркивается, что многие педагоги не готовы к целенаправленному формированию цифровой грамотности дошкольников [4]. Е. М. Харланова с соавторами, рассматривая особенности воспитания цифрового

поколения, подчеркивают роль виртуальных сообществ и необходимость пересмотра подходов к педагогическому взаимодействию [5]. Исследования готовности педагогов к цифровизации проводятся и на других уровнях образования. Так, Э. Ф. Зеер с соавторами изучали готовность преподавателей вуза к онлайн-образованию, выявив зависимость между уровнем цифровой компетентности и успешностью реализации дистанционных форм обучения [6].

Цифровая компетентность как интегративное качество субъектов образовательного процесса рассматривается в работах С. Н. Федоровой и Н. Д. Голиковой, которые анализируют ее структуру и уровни сформированности у различных участников образовательных отношений [7]. Применительно к будущим педагогам дошкольного образования С. Н. Федорова и Е. И. Дожикова выявляют специфику цифровых компетенций, необходимых для работы в ДОО, и обосновывают необходимость их целенаправленного формирования в период вузовской подготовки [8].

Практические аспекты организации процесса формирования цифровой компетентности педагогов в системе дошкольного образования отражены в работе А. С. Богдановой [9]. Н. В. Носкова и Л. А. Петрова акцентируют внимание на переходе от теоретических моделей к инновационной практике, подчеркивая важность непрерывного профессионального развития педагога в условиях цифровизации [10]. Аналогичные выводы содержатся в исследовании Е. Ю. Игнатьевой и О. Н. Шиловой, посвященном анализу цифровых компетенций учителей, где установлено, что наиболее сложными для освоения являются компетенции, связанные с организацией цифрового взаимодействия и оценкой образовательных результатов [11].

В работах В. В. Неволиной с соавторами рассматривается реализация профессиональной позиции современного педагога в условиях цифровой трансформации и готовность к работе с цифровыми инструментами [12]. Т. Б. Гребенюк, анализируя подготовку будущего педагога к цифровизации, выделяет проблемы, возникающие на этапе профессионального обучения, и предлагает пути их решения через обновление содержания образовательных программ [13].

Особое место в изучении проблемы занимает методическое сопровождение педагогов как средство повышения их профессионального мастерства. В. П. Вейдт определяет содержание и направления деятельности по научно-методическому сопровождению, акцентируя индивидуализацию и системность в оказании помощи педагогам [14]. И. С. Барыбина с соавторами рассматривают методическое сопровождение как комплексную систему, включающую диагностику профессиональных дефицитов, проектирование индивидуальных образовательных маршрутов и организацию сетевого взаимодействия, что позволяет эффективно повышать уровень цифровой компетентности педагогов [15].

Целесообразность разработки темы. Несмотря на значительное количество исследований, остаются недостаточно изученными следующие аспекты:

- диагностика реального уровня цифровой компетентности педагогов ДОУ с использованием комплексного инструментария;
- эмпирическое выявление типичных профессиональных дефицитов, препятствующих эффективному использованию цифровых технологий в работе с дошкольниками;
- разработка содержания методического сопровождения, основанного на результатах диагностики и учитывающего возрастную специфику дошкольного образования.

Настоящее исследование направлено на восполнение указанных пробелов: оно предлагает диагностический комплекс, выявляет конкретные проблемные зоны педагогов и обосновывает направления методического сопровождения, ориентированного на устранение выявленных дефицитов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые применительно к педагогам ДОУ проведена комплексная диагностика уровня цифровой компетентности с использованием триады методов (анкетирование, кейс, практическое задание), что позволило выявить не только общий уровень, но и конкретные профессиональные дефициты педагогов.

Цель исследования — выявить актуальный уровень цифровой компетентности педагогов ДОУ и разработать научно обоснованное методическое сопровождение для ее развития в условиях цифровизации образования.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы к определению структуры и содержания цифровой компетентности педагогов ДОУ.
2. Определить критерии и подобрать диагностический инструментарий для оценки уровня сформированности цифровой компетентности педагогов.
3. Провести диагностическое обследование педагогов двух ДОУ и выявить уровень развития их цифровой компетентности.

4. Разработать и обосновать содержание методического сопровождения, направленного на повышение цифровой компетентности педагогов ДОУ.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и уточнении понятийно-терминологического аппарата, связанного с формированием цифровой компетентности педагогов дошкольного образования. В работе конкретизирована структура цифровой компетентности применительно к условиям ДОУ, выделены и содержательно наполнены ее ключевые компоненты (технологический, методический, аналитический, этико-правовой, рефлексивно-развивающийся) с учетом возрастных особенностей дошкольников и нормативных требований. Дополнительно обоснована необходимость дифференцированного подхода к методическому сопровождению педагогов, основанного на диагностике реальных профессиональных дефицитов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанный и апробированный диагностический комплекс может быть использован для объективной оценки уровня цифровой компетентности педагогов и выявления индивидуальных профессиональных дефицитов. Полученные эмпирические данные о реальном состоянии цифровой подготовки педагогов ДОУ могут служить основой для корректировки планов повышения квалификации и методической работы.

Основная часть

Цифровая компетентность педагогов дошкольного образования представляет собой совокупность профессиональных навыков, позволяющих эффективно внедрять современные цифровые технологии в процесс обучения дошкольников [10, с. 46]. Она базируется на глубоком знании технологий, методическом мастерстве и способности адаптироваться к динамично меняющимся требованиям эпохи цифровых инноваций.

Рассмотрим подробнее основные компоненты, входящие в понятие «цифровая компетентность педагогов» (рис. 1):

- **Технологические знания и навыки** — педагог должен обладать достаточными знаниями и умениями для использования цифрового оборудования, а также применять доступные цифровые инструменты для мониторинга и диагностики результатов детей.
- **Методическая компетентность** — включает способность правильно и эффективно использовать цифровые ресурсы в образовательном процессе. Данный компонент предполагает: понимание принципов отбора цифровых образовательных ресурсов, адаптированных для детей дошкольного возраста; разработку планов занятий с использованием цифрового оборудования в соответствии с целями и задачами Федеральной образовательной программы дошкольного образования.
- **Аналитические и диагностические навыки** — педагог должен уметь собирать и обрабатывать информацию о ходе образовательного процесса с помощью цифровых инструментов.
- **Этические и правовые аспекты** — педагог обязан знать законодательство о защите персональных данных детей и их семей, контролировать электронный контент, исключая материалы, не соответствующие возрасту или содержащие негативную информацию, а также разъяснять правила безопасного использования Интернета.

Рис. 1. Компоненты цифровой компетентности педагога

Формы и методы развития цифровой компетентности педагогов ДОУ разнообразны и зависят от целей и уровня подготовки педагогических кадров. Рассмотрим наиболее эффективные из них:

- *Курсы повышения квалификации* — направлены на обучение применению современных цифровых инструментов.
- *Методическое сопровождение* — предоставление методических рекомендаций и пособий, помогающих педагогам осваивать лучшие практики использования цифровых инструментов и избегать типичных ошибок.
- *Практико-ориентированное обучение* — создание учебных ситуаций, решение проблемных задач, разработка проектов по интеграции информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) в образовательный процесс.
- *Обмен опытом* — проведение семинаров, конференций, круглых столов, позволяющих педагогам обмениваться успешными примерами применения цифровых технологий в различных ситуациях.

Развитию цифровой компетентности препятствуют низкий уровень технической оснащенности ДОУ, отсутствие четких критериев оценки эффективности внедрения цифровых технологий.

Цифровая компетентность педагога ДОУ имеет свою специфику, обусловленную возрастными особенностями дошкольников и характером образовательного процесса. Рассмотрим ее подробнее:

- *Учет возрастных ограничений* — знание возрастных особенностей, связанных с применением цифровых технологий, обладание способами демонстрации цифрового контента.
- *Игровая деятельность* — необходимо комбинировать традиционные виды игровой деятельности с цифровыми технологиями.
- *Сотрудничество с родителями* — эффективность образовательной деятельности возможен только при участии семьи, поэтому необходимо их вовлекать в цифровую образовательную среду.
- *Соответствие СанПиН при использовании цифровых технологий* — педагог обязан контролировать и ограничивать время контакта с цифровым оборудованием согласно нормам.
- *Совершенствование коммуникативных способностей* — совместная работа над творческими проектами с помощью цифровых инструментов обучает детей взаимодействовать в команде, распределять обязанности и совместно находить решения.
- *Индивидуализация обучения* — педагог помогает раскрыть потенциал каждого ребенка, опираясь на его уникальные способности с помощью современных цифровых технологии, которые позволяют выявить уровень развития и выстраивать индивидуальную программу обучения.

Результаты диагностического обследования. В ходе эмпирического исследования было проведено диагностическое обследование 29 педагогов двух ДОУ г. Йошкар-Олы: экспериментальной группы ($n = 15$, МБДОУ «Детский

сад № 2 «Облачко»; далее — ЭГ) и контрольной группы ($n = 14$, МБДОУ «Детский сад № 38 «Рябинушка»; далее — КГ). Для оценки уровня сформированности цифровой компетентности использовались три методики: анкетирование (самооценка владения цифровыми технологиями и частота их использования), решение профессионального кейса по проектированию занятия с элементами цифрового обучения и практическое задание по созданию презентации (визуализация и структурирование информации).

Результаты анкетирования показали, что в ЭГ низкий уровень зафиксирован у 80 % педагогов (12 чел.), средний — у 20 % (3 чел.), высокий не выявлен. В КГ низкий уровень отмечен у 50 % (7 чел.), средний — у 36 % (5 чел.), высокий — у 14 % (2 чел.). Таким образом, субъективная оценка педагогов собственных цифровых навыков в целом согласуется с объективными показателями, однако в ЭГ наблюдается более выраженный дефицит.

Решение кейса продемонстрировало, что наибольшие трудности у педагогов обеих групп вызывают этапы интеграции цифровых инструментов в структуру занятия, отбор контента в соответствии с возрастом детей и формулировка диагностических заданий с использованием ИКТ. В ЭГ низкий уровень выявлен у 73 % (11 чел.), средний — у 27 % (4 чел.), высокий — 0 %. В КГ: низкий — 42 % (6 чел.), средний — 42 % (6 чел.), высокий — 16 % (2 чел.).

Практическое задание (разработка презентации) выявило сходные тенденции: в ЭГ низкий уровень — 73 % (11 чел.), средний — 27 % (4 чел.), высокий — 0 %; в КГ низкий — 57 % (8 чел.), средний — 28 % (4 чел.), высокий — 15 % (2 чел.). Наиболее частыми ошибками стали перегруженность слайдов текстом, отсутствие интерактивных элементов, несоответствие оформления возрастным особенностям дошкольников.

Обобщенные данные по трем методикам (рис. 2) позволяют констатировать, что в экспериментальной группе преобладает низкий уровень цифровой компетентности, только пятая часть имеют средний уровень, высокий не зафиксирован вовсе. В контрольной группе картина несколько лучше: низкий уровень — 6 чел., средний — 5 чел., высокий — 3 чел.

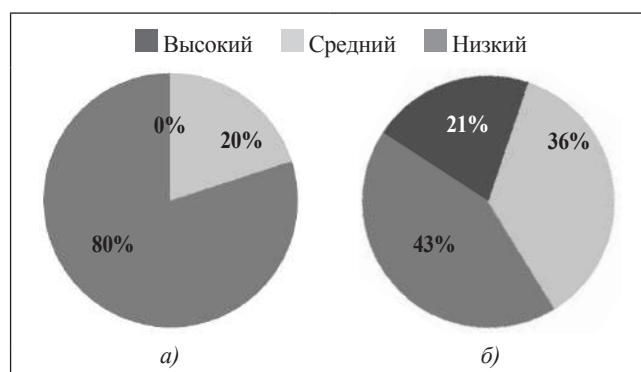

Рис. 2. Сводные данные по уровню развития цифровой компетентности педагогов ЭГ (а) и КГ (б), %

Обсуждение полученных результатов. Полученные данные подтверждают, что фактический уровень цифровой компетентности педагогов ДООУ не соответствует современным требованиям. Наиболее уязвимыми компонентами цифровой компетентности, согласно результатам кейса и практического задания, являются методическая и проектировочная составляющие. Педагоги относительно уверенно пользуются базовыми офисными программами, но испытывают затруднения при создании цифровых образовательных ресурсов, адаптированных для дошкольников, и при планировании занятий с использованием цифровых технологий. Важно подчеркнуть, что низкий уровень цифровой компетентности педагогов имеет не только профессиональные, но и социальные последствия. Дошкольники, растущие в цифровой среде, нуждаются в грамотном наставничестве, которое помогает безопасно и эффективно осваивать технологии. Отсутствие у педагога соответствующих компетенций снижает качество образовательного процесса и может препятствовать реализации индивидуализированного подхода, который цифровые инструменты теоретически способны обеспечить.

На основе анализа результатов можно предложить следующие направления работы по развитию цифровой компетентности педагогов ДООУ:

- Разработка модульной программы повышения квалификации, где каждый модуль соответствует одному из компонентов цифровой компетентности и завершается практическим зачетом (разработка цифрового ресурса).
- Организация систематических методических мероприятий в формате «педагогических мастерских», где педагоги под руководством наставника создают и апробируют цифровые образовательные продукты.

- Использование цифровых платформ для самообразования (например, электронные библиотеки, вебинары, профессиональные сообщества), с обязательным ведением индивидуального портфолио достижений.

Выводы

В результате теоретического анализа и эмпирического исследования были получены следующие выводы:

1. Цифровая компетентность педагога дошкольного образования представляет собой многокомпонентную структуру, включающую технологические, методические, аналитические, этико-правовые и рефлексивные составляющие.
2. Диагностика, проведенная на базе двух ДООУ г. Йошкар-Олы, выявила критически низкий уровень сформированности цифровой компетентности у значительной части педагогов: в экспериментальной группе 80 % показали низкий уровень, в контрольной — 43 %. При этом высокий уровень отсутствовал в ЭГ и составил лишь 21 % в КГ.
3. Анализ выполнения диагностических заданий позволил конкретизировать типичные профессиональные дефициты: неумение структурировать занятие с интеграцией ИКТ, слабое владение инструментами визуализации, недостаточное знание возрастных норм работы с цифровым контентом и др.
4. На основе полученных данных обоснована необходимость разработки системы методического сопровождения, которая должна включать: модульные практико-ориентированные курсы, мастер-классы, тьюторское сопровождение, создание внутриучрежденческих сообществ по обмену опытом, а также вовлечение родителей в совместные цифровые проекты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шматко А. Д., Волкова А. А. Цифровая трансформация образования: тренды и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 6. С. 139—147. DOI: 10.24158/spp.2025.6.16.
2. Ровных М. Г. Теоретические основания развития цифровой компетентности педагогов дошкольных образовательных организаций // Cифра. Педагогика. 2023. № 1(1). DOI: 10.18454/PED.2023.1.4.
3. Яковлева Е. В. Цифровая компетентность будущего педагога: компонентный состав // Концепт. 2021. № 4. С. 46—57. DOI: 10.24412/2304-120X-2021-11021.
4. Бурлакова И. А., Клопотова Е. Е., Радчиков А. С. Цифровые риски и безопасность детей дошкольного возраста: готовность воспитателей к новым вызовам // Психолого-педагогические исследования. 2026. Т. 18. № 1. С. 3—20. DOI: 10.17759/psyedu.2026000002.
5. Харланова Е. М., Сиврикова Н. В., Рослякова С. В., Черникова Е. Г. Воспитание цифрового поколения: роль виртуальных сообществ // Образование и наука. 2024. Т. 26. № 1. С. 103—132. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-1-103-132
6. Зеер Э. Ф., Ломовцева Н. В., Третьякова В. С. Готовность преподавателей вуза к онлайн-образованию: цифровая компетентность, опыт исследования // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 26—39. DOI: 10.26170/ro20-03-03.
7. Федорова С. Н., Голикова Н. Д. Цифровая компетентность субъектов образовательного процесса // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2022. № 2. С. 36—43. DOI: 10.18323/2221-5662-2022-2-36-42.
8. Федорова С. Н., Дождикова Е. И. Цифровые компетенции будущих педагогов дошкольных образовательных организаций // Мир университетской науки: культура, образование. 2022. № 8. С. 58—66.
9. Богданова А. С. Организация процесса формирования цифровой компетентности педагога в системе дошкольного образования // Вестник науки. 2022. № 12(57). Т. 3. С. 175—182.
10. Носкова Н. В., Петрова Л. А. Цифровая компетентность современного педагога: от теории к инновационной практике // Проблемы современного педагогического образования. 2020. Вып. 68. Ч. 4. С. 45—49.
11. Игнатъева Е. Ю., Шилова О. Н. Цифровые компетенции учителей: анализ современного состояния // Непрерывное образование: XXI век. 2023. Вып. 2(42). С. 110—129. DOI: 10.15393/j5.art.2023.8467.
12. Неволлина В. В., Гараева Е. А., Брагиров Г. Б. Реализация профессиональной позиции современного педагога в условиях цифровой трансформации современного образования // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 6. Ч. 1. DOI: 10.17513/spno.32124.
13. Гребенюк Т. Б. Подготовка будущего педагога к цифровизации образования как педагогическая проблема // Калининградский вестник образования. 2020. № 2(6). С. 20—27.

14. Вейдт В. П. Научно-методическое сопровождение педагога: содержание и направления деятельности // Калининградский вестник образования. 2022. № 3(15). С. 14—24.
15. Барыбина И. С., Захаренко Е. Р., Лебедкина В. Б., Каверина Н. Н. Методическое сопровождение педагогов как средство повышения профессионального мастерства педагогических работников // Мир педагогики и психологии. 2025. № 9(110). С. 202—208.

REFERENCES

1. Shmatko A. D., Volkova A. A. Digital transformation of education: trends and prospects for development. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2025;6:139—147. (In Russ.) DOI: 10.24158/spp.2025.6.16.
2. Rovnikh M. G. Theoretical bases for the development of digital competence of teachers in preschool educational organizations. *Tsifra. Pedagogika = Cifra. Pedagogy*. 2023;1(1). (In Russ.) DOI: 10.18454/PED.2023.1.4.
3. Yakovleva E. Digital competence of the future teacher: component structure. *Kontsept = Concept*. 2021;4:46—57. (In Russ.) DOI: 10.24412/2304-120X-2021-11021.
4. Burlakova I. A., Klopotova E. E., Radchikov A. S. Digital risks and the safety of preschool children: educators' readiness for new challenges. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*. 2026;18(1):3—20. (In Russ.) DOI: 10.17759/psyedu.2026000002.
5. Kharlanova E. M., Sivrikova N. V., Roslyakova S. V., Chernikova E. G. Educating the digital generation: the role of virtual communities. *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2024;26(1):103—132. (In Russ.) DOI: 0.17853/1994-5639-2024-1-103-132.
6. Zeer E. Ph., Lomovtceva N. V., Tretyakova V. S. University teachers' readiness for online education: digital competence, research experience. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*. 2020;3:26—39. (In Russ.) DOI: 10.26170/po20-03-03.
7. Fedorova S. N., Golikova N. D. Digital competence of the educational process parties. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya = Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, psychology*. 2022;2:36—43. (In Russ.) DOI: 10.18323/2221-5662-2022-2-36-42.
8. Fedorova S. N., Dozhdikova E. I. Digital competencies of future teachers of preschool educational organizations. *Mir universitetskoj nauki: kul'tura, obrazovanie = The world of academia: culture, education*. 2022;8:58—66. (In Russ.)
9. Bogdanova A. S. Organization of process of formation of digital competence of teacher in system of preschool education. *Vestnik nauki*. 2022;12(57)-3:175—182. (In Russ.)
10. Noskova N. V., Petrova L. A. Digital competence of modern educator: from theory to innovative practice. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2020;68(4):45—49. (In Russ.)
11. Ignateva E. Yu., Shilova O. N. Teachers' digital competencies: current state analysis. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek = Lifelong Education: The 21st Century*. 2023;2(42):110—129. (In Russ.) DOI: 10.15393/j5.art.2023.8467.
12. Nevolina V. V., Garaeva E. A., Bragirov G. B. Realization of the professional position of a modern teacher in the conditions of digital transformation of modern education. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2022;6-1. (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.32124.
13. Grebenyuk T. B. Future teacher's training to the digitalization of the education as a pedagogical problem. *Kaliningradskij Vestnik Obrazovaniya*. 2020;2(6):20—27. (In Russ.)
14. Veidt V. P. Scientific and methodological support of the teacher: content and directions of activity. *Kaliningradskij Vestnik Obrazovaniya*. 2022;3(15):14—24. (In Russ.)
15. Barybina I. S., Zakharenko E. R., Lebedkina V. B., Kaverina N. N. Methodological support for teachers as a means of improving the professional skills of teachers. *Mir pedagogiki i psihologii*. 2025;9(110):202—208. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.06.2026; одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 13.06.2026; approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 371.2
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1665

Irina Viktorovna Tsvetkova
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of History, Philosophy
and Military-Patriotic Education,
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation
aleksandr.kozlov@mail.ru

Ирина Викторовна Цветкова
д-р филос. наук, доцент,
профессор кафедры «История, философия
и военно-патриотическое воспитание»,
Тольяттинский государственный университет
Тольятти, Российская Федерация
aleksandr.kozlov@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ШКОЛЫ НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ТОЛЬЯТТИНСКИХ ВЫПУСКНИКОВ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Актуальность темы определяется повышением значения воспитательной работы школы для подготовки молодежи к успешной адаптации к современному обществу. Предметом исследования выступают ценностные ориентации старшеклассников. Цель исследования — определение влияния воспитательной работы школы на ценностные ориентации выпускников.

Исследование базируется на материалах опроса тольяттинских выпускников ($N = 2\,437$), проведенного в 2026 г. Для определения изменений ценностных ориентаций результаты старшеклассников Тольятти сопоставлялись с данными 2016 г. Гипотеза исследования: влияние воспитательной работы школы на ценностные ориентации выпускников находит проявление в формировании здорового образа жизни, удовлетворенности досугом, жизненных целях.

Результаты исследования показывают эффективность работы тольяттинских школ в формировании у выпускников ценностей здорового образа жизни. Многие старшеклассники признают, что школа приобщила к здоровому образу жизни. Этот показатель за 10 лет увеличился на 40 %. Воспитательная работа школы оказы-

вает влияние на удовлетворенность выпускников досугом. В сравнении с результатами 2016 г. показатель увеличился на 18 %. Удовлетворенность досугом зависит от самостоятельности подростков, умения распределять время, сформированных при помощи школы.

За последние десять лет изменились жизненные ориентиры подростков в направлении преобладания ценностей материального благополучия, самореализации. Существенно снизилось количество выпускников, которые ориентируются на профессиональное развитие, семейные ценности. Значимость данных ценностей для выпускников школ Тольятти зависит от удовлетворенности качеством школьного образования. Таким образом, влияние воспитательной работы тольяттинских школ находит позитивное проявление в некоторых аспектах образа жизни, однако оно менее эффективно в формировании жизненных стратегий выпускников.

Ключевые слова: воспитательная работа, ценностные ориентации, выпускники, здоровый образ жизни, досуг, качество образования, цели жизни, самореализация, ценность семьи, образ жизни

Для цитирования: Цветкова И. В. Влияние воспитательной работы школы на ценностные ориентации тольяттинских выпускников // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 303—307. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1665.

Original article

THE IMPACT OF SCHOOL UPBRINGING ON THE VALUE ORIENTATIONS OF TOGLIATTI GRADUATES

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The relevance of this topic is determined by the increasing importance of school upbringing in preparing young people for successful adaptation to modern society. The subject of this study is the value orientations of high school students. The purpose of the study is to determine the impact of school upbringing on the value orientations of graduates.

The study is based on a survey of Togliatti graduates ($N = 2,437$), conducted in 2026. To determine changes in the value orientations of Togliatti high school students, the results were compared with data from 2016. The study hypothesis: the impact of school upbringing on the value orientations of graduates is manifested in the development of a healthy lifestyle, satisfaction with leisure, and life goals.

The results of the study demonstrate the effectiveness of Togliatti schools in instilling healthy lifestyle values in graduates. Many high school students acknowledge that school has fostered a healthy lifestyle. This figure has increased by 40% over 10 years. School upbringing influences graduates' satisfaction with leisure. Compared to 2016, this indicator has increased by 18%. Satisfaction with leisure depends on adolescents' independence and time management skills, which are developed through school.

Over the past ten years, adolescents' life goals have shifted toward a predominance of material well-being and self-realization. The number of graduates focusing on professional development and family values has significantly decreased. The importance of these values for Togliatti school graduates depends on their

satisfaction with the quality of school education. Thus, the influence of Togliatti schools' upbringing is manifested in some aspects of lifestyle, but it is less effective in shaping graduates' life strategies.

Keywords: *upbringing, value orientations, graduates, healthy lifestyle, leisure, quality of education, life goals, self-realization, family values, lifestyle*

For citation: Tsvetkova I. V. The impact of school upbringing on the value orientations of Togliatti graduates. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):303—307. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1665.

Введение

Актуальность. Несмотря на то, что на протяжении постсоветского периода до 2020 г. функция воспитания была исключена из многих других нормативных актов, на современном этапе она имеет приоритетное значение для деятельности образовательных организаций. Выделяя ценностные основания воспитательной работы школы, М.С. Коротина рассматривает их в качестве вектора, определяющего содержание, цели образовательной деятельности [1]. Одной из важных задач современной школы является воспитание подрастающего поколения, формирование системы ценностей для адаптации к сложным условиям современного общества.

Изученность проблемы. Исследование формирования ценностных ориентаций и стратегий жизненного самоопределения старшеклассников ведется в контексте проблем организации воспитательной работы в школе. Теоретические аспекты ценностного самоопределения старшеклассников рассматривают В. И. Андреев, Н. И. Болдырев, З. И. Васильева, Г. Н. Волков, А. И. Ковалева, Н. А. Кузнецова В. С. Собкин, Н. Е. Щуркова и др.

Отмечая трудности определения понятия «воспитание», В. А. Луков сравнивает его со «строительными лесами», с помощью которых происходит конструирование социального субъекта [2]. Л. И. Новикова определяет воспитание как создание условий образовательной среды для управления процессом формирования личности. Воспитание тесно связано с воздействием на мотивационно-ценностную сферу личности [3].

Воспитательная работа школы способствует постановки жизненных целей, определения ценностных ориентиров старшеклассников, способствующих эффективной адаптации к социуму, утверждают О. Н. Комарова и А. Л. Рассказова [4].

Воспитательная работа школы, согласно А. И. Ковалевой, снижает риски неопределенности социальной среды [5]. В условиях кардинальных изменений в жизни общества воспитательная работа школы, по мнению А. А. Федоровой и А. Е. Климкина, помогает в ценностном самоопределении старшеклассников [6].

Среди ценностей, значимых для жизненного самоопределения старшеклассников, Д. А. Краснов и О. А. Павлова называют познание, уважение к другим, позитивное отношение к себе, ответственность, участие в общественно-полезной деятельности [7]. Е. Е. Данилова среди ценностей старшеклассников выделяет стремление к достатку, возможность добиться благополучия собственным трудом, стремление к самосовершенствованию [8].

Ряд исследований посвящен критическому анализу ценностей современной молодежи, на которые воздействуют разнообразные факторы социальной среды. Ориентиры школьного воспитания на формирование гармонично развитой личности вступают в противоречие с влиянием Интернета и социального окружения на сознание подростков. А. Б. Углова с соавторами среди ключевых мотивов общения в социальных сетях выделили поиск

новых впечатлений, развлечений и т. д. [9]. Ф. А. Казин доказывает, что в сознании молодежи доминируют потребительские ценности, а ценности развития уходят на второй план [10]. К. С. Дивисенко отмечает, что у современных подростков происходит трансформация образа семьи и брака [11].

На фоне этих противоречивых факторов воспитательная работа школы направлена на то, чтобы сформировать позитивные социальные установки и жизненные ориентиры. П. А. Антипин утверждает, что одной из важных целей воспитательной работы в школе выступает создание мотивации к здоровому образу жизни (далее — ЗОЖ) у подрастающего поколения, сохранения здоровья [12].

По мнению А. И. Жилиной, ценность семьи в системе школьного воспитания приобретает ключевое значение. Школа воспитывает ценностное отношение к семье на основе формирования положительного идеала семейных отношений [13]. Т. А. Бондарь и Д. В. Легенчук рассматривают формирование ценностного отношения к семье в качестве важных моральных установок молодежи [14].

Разнообразие видов досуговой деятельности, предлагаемых школами, имеет большое значение для формирования духовных, физических, социальных качеств обучающихся, отмечают А. С. Петренко и О. В. Дудкина [15]. В. А. Кавера предлагает рассматривать формы организации досуговой деятельности как индикаторы уровня культуры, самореализации молодежи [16].

Целесообразность разработки темы находит отражение в том, что в современном обществе влияние воспитательной работы школы на формирование ценностных ориентаций выпускников школ изучено недостаточно.

Цель исследования — характеристика влияния воспитательной работы школы на ценностные ориентации тольяттинских выпускников.

Задачи исследования:

- анализ влияния воспитательной работы школы на ценностные ориентации тольяттинских одиннадцатиклассников на основе материалов опроса;
- изучение эффективности воспитательной работы школы на базе сравнения результатов опросов за 2026 и 2016 гг., проведенных в Тольятти.

Научной новизной обладают следующие результаты исследования:

- выявлены количественные характеристики влияния воспитательной работы школы на формирование ЗОЖ, удовлетворенности досугом выпускников, жизненных целей;
- установлено, что воспитательная работа школы оказывает влияние на ценностные ориентации выпускников через факторы образа жизни, а также удовлетворенность качеством школьного образования;
- определены количественные характеристики эффективности влияния воспитательной работы школы на ценностные ориентации выпускников при помощи сравнения результатов опросов за 2026 и 2016 гг.

Теоретическая значимость исследования проявляется в описании влияния воспитательной работы школы на аспекты образа жизни выпускников, их жизненные ориентации.

Практическое значение результатов исследования. Характеристика ценностных ориентаций выпускников в зависимости от влияния воспитательной работы школы может найти применение при организации мониторинга для повышения эффективности управления образовательными учреждениями.

Основная часть

Методология и методы исследования. Анализ влияния воспитательной работы школы на ценностные ориентации одиннадцатиклассников проведен на основе результатов опроса 2026 г. В нем приняли участие 2 437 выпускников из 67 школ Тольятти. Юноши в выборке составляют 45 %, а девушки — 55 %. В статусных школах обучаются 41 % выпускников, 59 % респондентов завершают обучение в обычных школах.

Аспекты воспитательной работы, представленные в исследовании, включают: формирование ЗОЖ, удовлетворенность досугом, жизненные цели выпускников. Они были проанализированы на основе удовлетворенности качеством школьного образования, оценки влияния школы на личностные качества. Для оценки изменений ценностных ориентаций школьников результаты опроса 2026 г. сопоставлены с результатами аналогичного исследования 2016 г.

Результаты исследования. Что школа оказала влияние на формирование ЗОЖ, считают 77 % выпускников 2026 г., противоположного мнения придерживаются 23 % респондентов. По сравнению с результатами опроса 2016 г., количество одиннадцатиклассников, признающих влияние школы на ЗОЖ увеличилось на 40 %.

Прослеживается зависимость между ответами выпускников о влиянии школы на формирование ЗОЖ и самооценкой здоровья. Одиннадцатиклассники, которые отмечают роль школы в приобщении к ЗОЖ, на 5 % чаще, оценивают свое здоровье как хорошее (64 %). Среди респондентов, не признающих влияние школы на ЗОЖ, напротив, на 15 % меньше тех, кто считает свое здоровье хорошим (44 %).

На вопрос об отношении к ЗОЖ, 77 % выпускников отвечают, что являются его сторонниками. Десять процентов респондентов не относят себя к этой категории, а 13 % — не задумываются о своем отношении к ЗОЖ.

Среди выпускников, которые признают влияние школы на формирование ЗОЖ, на 6 % больше, чем по выборке, его сторонников. Выпускники, которые отрицают влияние школы на ЗОЖ, только в 56 % анкет ответили, что придерживаются его норм.

Удовлетворенность проведением досуга является одной из важных характеристик воспитательной работы школы. Почти половина старшеклассников (49 %) проводят досуг полезно и интересно. Стараются разнообразить свой досуг 36 % респондентов, но им не всегда это удается.

Пять процентов опрошенных отметили, что им часто бывает скучно и нечем заняться. У 9 % выпускников практически нет свободного времени.

Сравнение с результатами 2016 г. показывает, что за десять лет на 18 % увеличилось количество выпускников, которые проводят досуг полезно и интересно.

Удовлетворенность досугом зависит от компетенций, которые сформировала школа. В 2026 г. 81 % одиннадцатиклассников считают, что школа способствовала формированию самостоятельности, а 76 % респондентов школа научила рационально распределять время. Среди одиннадцатиклассников, считающих, что школа не помогла воспитать самостоятельность, умение распределять время, в полтора раза меньше респондентов, которые удовлетворены своим досугом (28 %).

В ходе исследования установлено, какие цели ставят перед собой выпускники, каким видят свое будущее. Половина одиннадцатиклассников стремится стать обеспеченными (54 %), заниматься делом, которое им нравится (50 %). 44 % респондентов хотели бы путешествовать, посмотреть страну, мир. 38 % респондентов ставят цели, связанные с созданием семьи, воспитанием детей. Добиться профессионализма в своем деле, открыть свое дело собирается треть респондентов. Удачно выйти замуж, жениться планируют 27 % опрошенных. 26 % хотели бы сделать карьеру, стать руководителями. Четвертая часть участников опроса (25 %) планирует обосноваться в другом городе. Хотели бы жить свободно, без каких-либо обязательств, 22 % выпускников. 13 % участников опроса стремятся стать известными, публичными людьми. Шесть процентов выпускников не задумываются о будущем, а 3 % опрошенных ничего хорошего от будущего не ждут.

Количество респондентов, которые хотели стать обеспеченными людьми увеличилось на 24 %, по сравнению с результатами 2016 г. За десять лет на 17 % возросло количество сторонников целей самореализации до 50 %.

В 2026 г., по сравнению с данными 2016 г., значительно снизилось количество выпускников, которые стремятся стать профессионалами своего дела (–18 %), сделать успешную карьеру (–16 %), стать хорошими родителями (–12 %), вступить в брак (–18 %).

Рассмотрим распределения ответов на вопрос о жизненных целях в зависимости от оценки выпускниками качества образования по пятибалльной шкале. Оценки 5, 4 или 3 балла выступают признаками удовлетворенности, соответственно, оценка 1 или 2 балла — это признаки неудовлетворенности.

Обучающиеся, которые не удовлетворены качеством школьного образования, реже, чем по выборке, стремятся к карьерному росту (21 %), планируют удачный брак (20 %), стремятся стать профессионалами (30 %). Однако среди них, по сравнению с выборкой, больше респондентов, которые стремятся стать предпринимателями (36 %), чувствовать себя свободными (28 %), стать известными людьми (17 %). Среди старшеклассников неудовлетворенных качеством образования в три раза больше тех, кто не ждет от жизни ничего хорошего (11 %).

Заключение, выводы

Результаты исследования показывают, что школа оказывает влияние на мировоззрение тольяттинских выпускников, воздействуя на образ жизни. Школа формирует ценностное отношение выпускников к здоровью, прививая навыки ЗОЖ. Сравнение результатов опроса этого года с 2016 г. показывает, что количество сторонников ЗОЖ увеличилось на 40 %.

Влияние воспитательной работы на ценности выпускников прослеживается через организацию досуга. Школа формирует самостоятельность, умение распределять время,

которые важны для полезного и интересного проведения досуга. Об эффективности влияния школы свидетельствует увеличение количества старшеклассников, удовлетворенных досугом с 31 % в 2016 г. до 49 % в 2026 г.

Приоритетное значение среди жизненных целей тольяттинских выпускников имеет достижение материальной обеспеченности, а также возможность заниматься любимым делом. Количество респондентов, которые стремятся к достижению этих целей увеличилось за десять лет. Одна-

ко на этом фоне снизилось количество выпускников, которые стремятся к профессионализму, карьерному росту, а также к реализации семейных ценностей.

Влияние воспитательной работы на ценностные ориентации подростков прослеживается на основе показателей удовлетворенности качеством образования. Низкая удовлетворенность этим показателем способствует ценностным ориентациям, которые увеличивают риски эффективной социальной интеграции подростков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коротина М. С. Формирование ценностных ориентаций школьников // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2025. № 1. С. 60—66.
2. Луков В. А. Проблемы понимания и воспитания // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 31—47. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.3.
3. Новикова Л. И. Смена парадигмы воспитания — назревшая проблема педагогики // Воспитание школьников. 2019. № 2. С. 6—15.
4. Комарова О. Н., Рассказова А. Л. Ценности старшеклассников как предикторы их психологического благополучия // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 1. С. 140—149.
5. Ковалева А. И. Социальные и личностные последствия кардинальных изменений в российском обществе // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 1. С. 120—132. DOI: 10.17805/zpu.2023.1.8.
6. Федорова А. А., Клишкин А. Е. Особенности системы ценностей старшеклассников из городской местности с разными типами самооценки // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2023. № 2(44). С. 96—100.
7. Краснов Д. А., Павлова О. А. Диагностика ценностных ориентаций современных подростков — участников «Движения первых» // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2025. Т. 31. № 2. С. 120—125. DOI: 10.34216/2073-1426-2025-31-2-120-125.
8. Данилова Е. Е. Особенности мотивационной сферы современных российских школьников: содержание, возрастная динамика, роль образовательной среды // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. № 1. Ст. 6. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1328>.
9. Углова А. Б., Богдановская И. М., Низомутдинов Б. А. Взаимосвязь социокультурных ценностей и психологических проблем у старшеклассников (на материале социальных сетей) // Перспективы науки и образования. 2022. № 5(59). С. 415—429. DOI: 10.32744/pse.2022.5.24.
10. Казин Ф. А. Образ школы сегодня и завтра в контексте системы ценностей российских школьников // Идеи и идеалы. 2024. Т. 16. № 2. Ч. 1. С. 121—144. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.2.1-121-144.
11. Дивисенко К. С. Модели будущей жизни в биографическом проекте старшеклассников // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 570—578. DOI: 10.17072/2078-7898/2023-4-570-578.
12. Антипин П. А. Аксиология здоровья в системе жизненных ценностей старшеклассников // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2025. Т. 31. № 2. С. 44—50. DOI: 10.34216/2073-1426-2025-31-2-44-50.
13. Жилина А. И. Формирование ценности семьи в управлении междисциплинарными знаниями старшеклассников // XXVIII Парасосельские чтения : материалы междунар. науч. конф. : в 2 т. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. Т. 2. С. 214—219.
14. Бондарь Т. А., Легенчук Д. В. Особенности формирования семейных ценностей у старшеклассников городской гимназии // Форум молодежной науки. 2020. Т. 1. № 1. С. 23—27.
15. Петренко А. С., Дудкина О. В. Досуговая деятельность как средство развития личности обучающихся сельских школ // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. Т. 10. № 3. С. 50—55. DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-3-50-55.
16. Кавера В. А. Социально-культурные проекты как фактор развития досуговых предпочтений молодежи // Культура и образование. 2022. № 3(46). С. 90—95. DOI: 10.24412/2310-1679-2022-346-90-95.

REFERENCES

1. Korotina M. S. Formation of students' value orientations. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2025;1:60—66. (In Russ.)
2. Lukov V. A. Problems of Understanding and Personality Development. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2017;3:31—47. (In Russ.) DOI: 10.17805/zpu.2017.3.3.
3. Novikova L. I. Changing the paradigm of upbringing - an imminent problem of pedagogy. *Vospitanie shkol'nikov*. 2019; 2:6—15. (In Russ.)
4. Komarova O. N., Rasskazova A. L. The values of high-school students as predictors of their psychological well-being. *Vestnik Moskovskogo informatsionno-tekhnologicheskogo universiteta — Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta = Moscow information and technology university - Moscow architecture and construction institute review*. 2023;1:140—149. (In Russ.)
5. Kovaleva A. I. Social and Personal Consequences of the Significant Changes in Russian Society. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2023;1:120—132. (In Russ.) DOI: 10.17805/zpu.2023.1.8.

6. Fedorova A. A., Klimkin A. E. Features of the value system of high school students from urban areas with different types of self-esteem. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 2023;2(44):96—100. (In Russ.)
7. Krasnov D. A., Pavlova O. A. Diagnostics of the value orientations of modern adolescents participating in the "Movement of the First". *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2025;31(2):120—125 (In Russ.) DOI: 10.34216/2073-1426-2025-31-2-120-125.
8. Danilova E. E. Features of the motivational sphere of modern Russian schoolchildren: content, age dynamics, the role of the educational environment. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*. 2022; 10(1):6. (In Russ.) URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1328>.
9. Uglova A. B., Bogdanovskaya I. M., Nizomutdinov B. A. The relationship of sociocultural values and psychological problems in high school students (based on the material of social networks). *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2022;5(59):415—429. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2022.5.24.
10. Kazin Ph. The Image of the School Today and Tomorrow in the Context. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*. 2024; 16(2-1):121—144. (In Russ.) DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.2.1-121-144.
11. Divisenko K. S. Models of the future life in the biographical project of high school students. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2023;4:570—578 (In Russ.) DOI: 10.17072/2078-7898/2023-4-570-578.
12. Antipin P. A. Axiology of health in the system of life values of high school students. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2025;31(2):44—50 (In Russ.) DOI: 10.34216/2073-1426-2025-31-2-44-50.
13. Zhilina A. I. Formation of family values in the management of interdisciplinary knowledge in high school students. *XXVIII Tsarskoe Selo Readings. Proceedings of the International scientific conference*. Saint Petersburg, Pushkin Leningrad State University publ., 2024;2:214—219. (In Russ.)
14. Bondar T. A., Legenchuk D. V. Study of the formation of family values in high school students of the city gymnasium. *Forum molodezhnoi nauki = Youth Science Forum Journal*. 2020;1(1):23—27. (In Russ.)
15. Petrenko A. S., Dudkina O. V. Leisure Activities as a Means of Students' Personal Development in Rural Schools. *Nauchnyi al'manakh stran Prichernomor'ya = Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2024;10(3):50—55. DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-3-50-55.
16. Kavera V. A. Socio-cultural projects as a factor in the development of youth leisure preferences. *Kul'tura i obrazovanie = Cultural & Education*. 2022;3(46):90—95. (In Russ.) DOI: 10.24412/2310-1679-2022-346-90-95.

Статья поступила в редакцию 16.05.2026; одобрена после рецензирования 11.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.
The article was submitted 16.05.2026; approved after reviewing 11.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Научная статья
УДК 371.2
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1693

Irina Viktorovna Tsvetkova
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of History, Philosophy
and Military-Patriotic Education,
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation
aleksandr.kozlov@mail.ru

Ирина Викторовна Цветкова
д-р филос. наук, доцент,
профессор кафедры «История, философия
и военно-патриотическое воспитание»,
Тольяттинский государственный университет
Тольятти, Российская Федерация
aleksandr.kozlov@mail.ru

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ МАГИСТРАНТОВ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ РАБОТУ КАК ФАКТОР ПОДГОТОВКИ К ОБУЧЕНИЮ В АСПИРАНТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Актуальность темы определяется необходимостью повышения эффективности подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре. Предмет исследования — вовлеченность студентов вузов в научно-исследовательскую работу. Цель исследования — анализ вовлеченности студентов вузов в научно-исследовательскую работу в качестве фактора, влияющего на мотивацию поступления в аспирантуру.

В исследовании представлены материалы опроса магистрантов Тольяттинского государственного университета ($N = 354$), проведенного в 2025 г. Проанализировано отношение магистрантов к научно-исследовательской работе, а также отношение к перспективам обучения в аспирантуре. Гипотеза исследования: формирование заинтересованности магистрантов в развитии профессиональных исследовательских навыков оказывает положительное влияние на мотивацию поступления в аспирантуру.

Исследование выявило существование двух видов вовлеченности магистрантов. Первый вид характерен для 68 % обучающихся и связан с участием в типичных видах науч-

ной работы, формирующих умения и навыки для создания и обсуждения научных текстов. Для многих магистрантов занятия наукой не выходят за рамки подготовки выпускной работы. Второй вид вовлеченности ориентирован на профессиональное самоопределение в сфере науки. Только треть обучающихся хотела бы связать свое профессиональное будущее с наукой. Эта категория магистрантов наиболее перспективна для обучения в аспирантуре, поскольку стремится развивать исследовательские навыки на профессиональном уровне. Несмотря на то, что примерно половина магистрантов планирует продолжить образование в аспирантуре, актуальна проблема набора. Задача повышения эффективности подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре в значительной степени зависит от формирования условий для профессионального самоопределения обучающихся в сфере науки.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, магистранты, аспирантура, мотивация, информированность, профессиональная карьера, вовлеченность, стимулы, научные исследования, навыки

Для цитирования: Цветкова И. В. Вовлеченность магистрантов в научно-исследовательскую работу как фактор подготовки к обучению в аспирантуре (на примере Тольяттинского государственного университета) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 308—312. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1693.

Original article

THE ENGAGEMENT OF MASTER STUDENTS IN RESEARCH WORK AS A FACTOR OF PREPARING FOR POSTGRADUATE STUDIES (USING THE EXAMPLE OF TOGLIATTI STATE UNIVERSITY)

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The relevance of the topic is determined by the need to improve the effectiveness of training highly qualified personnel in postgraduate studies. The subject of the study is the engagement of university students in research work. The purpose of the study is to analyze the engagement of university students in research work as a factor influencing the motivation for admission to a postgraduate course.

The study presents materials from a survey of Master students of Togliatti State University ($N=354$) conducted in 2025. Their attitude to research work, as well as to the prospects of postgraduate studies, is analyzed. Research hypothesis was

that the formation of Master students' interest in the development of professional research skills has a positive impact on the motivation for admission to a postgraduate course.

The study revealed two types of Master students' engagement. The first type is typical for 68% of students and is associated with participation in common types of scientific work that form skills for creating and discussing scientific texts. For many Master students, studying science does not go beyond the preparation of their final thesis. The second type of engagement is focused on professional self-determination in the field of science. Only one third of the students would like to link

their professional future with science. This category of Master students is the most promising for postgraduate studies, as it strives to develop research skills at a professional level. Despite the fact that about half of the Master students plan to continue their education in postgraduate studies, the problem of recruitment is urgent. The task of improving the effectiveness of train-

ing highly qualified personnel in postgraduate studies largely depends on the formation of conditions for the professional self-determination of students in the field of science.

Keywords: *research work, Master students, postgraduate studies, motivation, awareness, professional career, engagement, incentives, scientific research, skills*

For citation: Tsvetkova I. V. The engagement of Master students in research work as a factor of preparing for postgraduate studies (using the example of Togliatti State University). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026; 3(76):308—312. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1693.

Введение

Актуальность. В постсоветский период прослеживается тенденция сокращения численности ученых и инженеров примерно на 20 %, согласно данным Н. В. Рыбакова с соавторами [1]. В современных условиях повышается значение аспирантуры в качестве уровня высшего образования для подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. Привлечение талантливой молодежи в аспирантуру выступает одним из важных направлений профориентационной работы вуза, утверждают В. Ю. Стромов с соавторами [2]. Проблема низкой заинтересованности обучающихся в научной карьере, по мнению О. В. Власова, связана с невысоким престижем работы в вузе [3].

Изученность проблемы. В результате реформирования высшего образования под влиянием Болонской системы значимость научно-исследовательской работы для подготовки аспирантов снижается, отмечают Е. П. Звягинцева и С. В. Ляляев [4]. При этом вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу выступает одним из приоритетных направлений развития творческого потенциала обучающихся, утверждают Т. Н. Лохтина с соавторами [5]. Поступающие в аспирантуру, согласно результатам С. А. и Ю. В. Диановых, руководствуются мотивами карьерного, профессионального и научного роста [6].

Подготовку кадров высшей квалификации в аспирантуре многие исследователи рассматривают в контексте эффективности научно-исследовательской работы студентов. Значительный вклад в разработку проблемы внесли А. В. Апансенко, Д. В. Артамонова, И. Н. Гарькина, О. М. Гуртовенко, А. В. Баширова, О. М. Назарова, Е. А. Печерская, Е. А. Савеленок, В. В. Семченко, Т. А. Ханова и др.

Подготовку студентов к обучению аспирантуре Н. В. Горбунова определяет как способы воздействия на обучающегося, формирующие мотивацию научно-исследовательской работы [7].

Для повышения эффективности подготовки кадров высшей квалификации, по мнению С. М. Рукавишникова, необходимо формирование исследовательских навыков на предыдущих ступенях обучения. Участие студентов в работе научных кружков, конкурсах научных работ, конференциях развивает навыки, способствующие успешной обучению в аспирантуре [8].

На основе обзора публикаций российских и зарубежных исследователей С. Ю. Патутина проанализировала научно-исследовательские компетенции [9]. Ключевое значение для повышения эффективности научной работы имеет формирование у обучающихся самостоятельного научного мышления [10].

Исследователи большое внимание уделяют материально-техническим условиям научно-исследовательской работы студентов (далее — НИРС). Так, Ш. Ш. Пирогла-

нов и И. С. Анцупов выделяют финансирование исследований и техническую оснащенность лабораторий для экспериментов, систему поощрений за участие в конкурсах научных работ [11]. Привлечение молодых кадров для работы в вузе, по мнению С. А. Кудж и Н. Б. Голованова, связано с повышением эффективности целевой подготовки аспирантов [12].

Организационные аспекты НИРС на уровне кафедры проанализированы М. Н. Степановой и Н. В. Кузнецовой. Исследователи считают необходимым информировать обучающихся о направлениях, формах НИРС, о перспективах обучения в аспирантуре [13]. Л. П. Латышева с соавторами среди факторов, способствующих популярности исследовательской работы у студентов, выделяют практическую направленность исследований, популяризацию результатов научных результатов, полученных студентами, индивидуальный подход, учитывающий интересы, способности, возможности обучающихся [14].

Изменение функций научного руководителя в аспирантуре проанализировано И. Е. Ильиной и И. М. Фадеевой. Научное руководство проявляется в мотивировании обучающихся, планировании карьеры, адаптации к профессиональной среде [15]. Для передачи опыта квалифицированных исследователей молодежи П. А. Амбарова и ее коллеги предлагают модель партнерских отношений в реализации научных проектов, в которых участвуют студенты [16].

Анализ научных публикаций показывает, что исследователи акцентируют внимание на внешних факторах подготовки студентов вузов к обучению в аспирантуре (материально-техническая база, организация НИРС на кафедре, функции научных руководителей и т. д.).

Целесообразность разработки темы обусловлена недостаточной изученностью факторов вовлеченности обучающихся в НИРС, оказывающих влияние на мотивацию обучения в аспирантуре.

Цель исследования — определение влияния вовлеченности магистрантов в научно-исследовательскую работу на мотивацию обучения в аспирантуре.

Задачи исследования включают:

- анализ вовлеченности магистрантов Тольяттинского государственного университета (далее — ТГУ) в научно-исследовательскую работу;
- изучение отношения магистрантов к продолжению образования к аспирантуре.

Научной новизной обладают следующие результаты исследования:

- выявлены два вида вовлеченности магистрантов в НИРС и представлены их количественные показатели;
- определены особенности массовой вовлеченности магистрантов в научно-исследовательскую работу, которые проявляются в участии в научных мероприятиях, в подготовке научных статей;

- представлены субъективные характеристики вовлеченности обучающихся в научную работу: отношение к НИРС, заинтересованность, мотивация;

- проанализирован вид вовлеченности в НИРС, который связан профессиональным самоопределением обучающихся в сфере науки;

- установлено, что заинтересованность обучающихся в приобретении профессиональных навыков в сфере науки оказывает положительное влияние на мотивацию обучения в аспирантуре.

Теоретическая значимость исследования состоит в описании факторов, научно-исследовательской работы обучающихся, оказывающих влияние на мотивацию обучения в аспирантуре.

Практическое значение результатов исследования. Характеристика вовлеченности обучающихся в научно-исследовательскую работу имеет значение для совершенствования подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре.

Основная часть

Методология и методы исследования. В анкетировании, проведенном в 2025 г. в ТГУ, приняли участие 354 магистрантов, 42 % опрошенных — мужчины, 58 % — женщины. К возрастной группе 21—30 лет относятся 35 % опрошенных. Примерно такое же количество респондентов составляют группу 31—40 лет. В возрастную группу старше 41 года включены 27 % опрошенных. Вовлеченность магистрантов в НИРС рассматривалась на основе самооценке участия в формах научной работы, интереса к исследовательской деятельности, представлений о перспективах научной карьеры. В качестве фактора мотивации обучения в аспирантуре вовлеченность включает желание профессионально заниматься наукой.

Результаты исследования. Вовлеченность магистрантов ТГУ в НИРС ориентирована на показатели массового участия. Половина обучающихся публикует статьи и тезисы (52 %), треть магистрантов выступает с докладами на конференциях (30 %) или участвует в качестве слушателей (28 %). Данные формы вовлеченности в НИРС характерны для бакалавриата и воспроизводятся в магистратуре. Субъективные характеристики вовлеченности проявляются в том, что 68 % магистрантов положительно относятся к участию в НИРС, 65 % опрошенных выражают заинтересованность.

Участие в более сложных видах исследовательской деятельности, связанных с проведением экспериментов, характерно для небольшой части обучающихся (28 %). Магистранты ТГУ слабо вовлечены в научные проекты, реализуемых кафедрами (16 %), редко участвуют в работе научных кружков (8 %). Вовлеченность в эти виды исследовательской деятельности во многом зависит от специализации обучения, материально-технической оснащенности, а также от желания и готовности обучающихся совершенствовать исследовательские навыки.

Для большинства обучающихся участие в НИРС не обусловлено глубоким интересом к исследованиям, а определяется внешними стимулами. Проявление инициативы в НИРС характерно только для 28 % магистрантов. Многие обучающиеся (40 %) участвуют в НИРС в рамках магистерской диссертации. Для 8 % магистрантов стимулами выступают требования преподавателей. Избегают участвовать в НИРС 15 % обучающихся.

Вовлеченность в НИРС магистрантов находит проявление в формировании навыков научно-исследовательской работы. У половины магистрантов, согласно самооценке, сформированы навыки поиска научной литературы (65 %), подготовки научных статей (50 %), выступлений с докладами (56 %). При этом навыками подготовки научных отчетов (43 %), сбора эмпирической базы исследования владеют две пятых магистрантов (41 %).

Вовлеченность обучающихся в НИРС на уровне бакалавриата и магистратуры в вузе оценивают с помощью количественных параметров (участников, публикаций, призеров и т. д.). Наличие публикаций, сертификатов, дипломов дает возможность обучающимся получить призовое место в конкурсе или повышенную стипендию.

Для многих обучающихся аспирантура рассматривается как ступень образования, которая не имеет существенных различий с магистратурой. Это находит проявление в соотношении обучающихся, которые хотели бы поступить в аспирантуру (56 %), получить степень кандидата наук (44 %) и связать свою профессию с наукой (34 %). Таким образом, количество желающих профессионально заниматься наукой в полтора раза меньше, чем тех, кто хотел бы поступить в аспирантуру.

Магистранты, которые рассматривают науку как профессию, проявляют высокую активность во всех видах НИРС. Различия распределений ответов с данными по выборке составляют 11—13 %. Самооценка навыков выступлений с докладами у этой категории обучающихся, на 19 % больше, чем по массиву, а по остальным позициям больше на 5—11 %. Однако эти результаты нельзя рассматривать однозначно как гарантию более высокого уровня выполнения исследовательской работы.

В ТГУ, как и в других российских вузах, внедряется целевая форма подготовки в аспирантуре, призванная решить задачи омоложения преподавательского состава и подготовки кадров высшей квалификации. В качестве целей обучения в аспирантуре половина магистрантов (52 %) ориентируется на повышение квалификации, а также расширение возможностей карьерного роста (51 %). Желание работать в сфере образования мотивирует 30 % магистрантов. Несмотря на усилия по информированию магистрантов, только 28 % опрошенных располагают сведениями о целевой аспирантуре, а большинство магистрантов (72 %) не знают об этой форме подготовки. В целом информированность об условиях поступления и обучения в аспирантуре довольно низкая (26 %) на фоне того, что более половины магистрантов выражают заинтересованность в этом.

Заключение, выводы

Анализ материалов опроса магистрантов ТГУ выявил два вида вовлеченности магистрантов в научно-исследовательскую работу. Первый тип вовлеченности имеет массовый характер и находит проявление в том, что две трети магистрантов участвуют в научной работе. Научные мероприятия формируют у обучающихся навыки работы с источниками, участия в конференциях, подготовки к конкурсам научных докладов. Несмотря на то, что половина магистрантов считает их достаточными, они нуждаются в совершенствовании.

Навыки планирования, подготовки научных отчетов, проведения исследований, связанных с решением прикладных задач, как показали результаты опроса, не сформированы

у многих магистрантов. Формирование этих навыков во многом зависит от заинтересованности обучающихся в их приобретении.

Второй тип вовлеченности находит проявление в мотивации профессионального самоопределения в сфере науки, характерной для трети магистрантов. Эта категория обучающихся, проявляет высокую активность участия во всех видах научных мероприятий. Стремление к профессиональному самоопределению в сфере науки находит отражение в желании совершенствовать исследовательские навыки.

Вовлеченность магистрантов в научно-исследовательскую работу влияет на поступление в аспирантуру. Больше половины опрошенных планируют продолжить обучение в аспирантуре. Однако для многих магистрантов аспиран-

тура не связана с представлениями о науке как профессиональной деятельности. Массовая вовлеченность обучающихся в НИРС формирует представление об аспирантуре по аналогии с магистратурой, где научная работа строго регламентирована.

Для успешного обучения в аспирантуре и защиты кандидатской диссертации наиболее перспективным является вид вовлеченности, связанный с профессиональным самоопределением в сфере науки. Повышение эффективности работы по вовлеченности в НИРС, по-видимому, должно быть ориентировано не только на количественные показатели, а также на формирование осознанности и самостоятельности обучающихся в реализации научных проектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рыбаков Н. В., Жучкова С. В., Бедный Б. И. Аспиранты из индустриального сектора: специфика образовательного опыта и взаимодействия с работодателями // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 12. С. 64—84. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-3412-64-84.
2. Стромов В. Ю., Сысоев П. В., Завьялов В. В. Привлечение талантливой молодежи к обучению в аспирантуре в классическом вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 189. С. 7—14. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-189-7-14.
3. Власова О. В. Об эффективности развития аспирантуры на фоне реформ в системе образования // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2. С. 60—63. DOI: 10.26140/bgз3-2021-1002-0014.
4. Звягинцева Е. П., Ляляев С. В. Подготовка отечественных научно-педагогических кадров: вызовы времени // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6(103). С. 76—79. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-6103-76-79.
5. Лохтина Т. Н., Метелица В. И., Томских Е. О. Формирование и развитие навыков научно-исследовательской деятельности будущих педагогов // Проблемы современного педагогического образования. 2022. Вып. 74. Ч. 3. С. 188—191.
6. Дианов С. А., Дианова Ю. В. Ценностно-смысловые основания получения образования в аспирантуре национально-го исследовательского вуза // Психолог. 2023. № 2. С. 14—21. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.2.39896.
7. Горбунова Н. В. Сущность и особенности управления подготовкой студентов к обучению в аспирантуре // Мир науки, культуры, образования, 2024. № 2(105). С. 135—137. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-2105-135-137.
8. Рукавишников С. М. Проблемы совершенствования системы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 3. С. 120—123. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.3.16.
9. Патутина С. Ю. Научно-исследовательские компетенции студенческой молодежи: суть и актуальная тематика российских исследований // Human Progress. 2022. Т. 8. Вып. 4. Ст. 7. DOI: 10.34709/IM.184.7.
10. Патутина С. Ю. Управление эффективностью вовлечения молодежи в научно-исследовательскую деятельность // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2023. Т. 21. № 3. С. 48—58. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).48-58.
11. Пирогланов Ш. Ш., Анцупов И. С. Внешняя и внутренняя мотивация студентов к занятиям научной деятельностью как перспективное направление реализации индивидуальных образовательных траекторий // Педагогический вестник. 2022. Вып. 24. С. 62—64.
12. Кудж С. А., Голованова Н. Б. О совершенствовании механизмов подготовки научно-педагогических кадров и перспективы целевого обучения в интересах вузов // Российский технологический журнал. 2020. Т. 8. № 4. С. 112—128. DOI: 10.32362/2500-316X-2020-8-4-112-128.
13. Степанова М. Н., Кузнецова Н. В. Роль кафедры в вовлечении обучающихся в научно-исследовательскую деятельность // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 3. С. 91—96. DOI: 10.26140/bgз3-2021-1003-0021.
14. Латышева Л. П., Скорнякова А. Ю., Черемных Е. Л., Лаптева Т. Д. Новые формы организации научно-исследовательской практики в педагогическом вузе // Гуманитарные исследования. Психология и педагогика. 2024. № 17. С. 97—106.
15. Ильина И. Е., Фадеева И. М. Исследование роли наставничества в науке как фактора научно-технологического развития // Управление наукой и наукометрия. 2023. Т. 18. Вып. 4. С. 544—577. DOI: 10.33873/2686-6706.2023.18-4.544-577.
16. Амбарова П. А., Шаброва Н. В., Кеммет Е. В., Михайлова А. Н. Научно-исследовательская культура студентов российских университетов // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 7. С. 96—116. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116.

REFERENCES

1. Rybakov N. V., Zhuchkova S. V., Bednyi B. I. Industrial Doctoral Students: Specifics of Educational Experience and Doctorate-Employer Cooperation. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2025;34(12):64—84. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2025-3412-64-84.
2. Stromov V. Y., Sysoyev P. V., Zavyalov V. V. Attracting talented youth to study in Post-Graduate Programme at a classical university. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*. 2020;25(189):7—14. (In Russ.) DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-189-7-14.
3. Vlasova O. V. The effectiveness of postgraduate education development against the background of reforms in the education system. *Baltiiskii humanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2021;10(2):60—63. (In Russ.) DOI: 10.26140/bgз3-2021-1002-0014.

4. Zvyagintseva E. P., Lyalyaev S. V. Training of inland scientific and pedagogical personnel: challenges of the time. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = *The world of science, culture, and education*. 2023;6(103):76—79. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2023-6103-76-79.
5. Lokhtina T. N., Metelitsa V. I., Tomskikh E. O. Formation and development of research skills of future teachers. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* = *Problems of modern pedagogical education*. 2022;74(3):188—191. (In Russ.).
6. Dianov S. A., Dianova Yu. V. Value and semantic grounds for obtaining education in the postgraduate course of the national research university. *Psikholog* = *Psychologist*. 2023;2:14—21. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8701.2023.2.39896.
7. Gorbunova N. V. The essence and features of the management of students' preparation for postgraduate studies. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = *The world of science, culture, and education*. 2024;2(105):135—137. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2024-2105-135-137.
8. Rukavishnikov S. M. Problems of improving the system of training scientific and pedagogical personnel in postgraduate studies. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* = *Humanities and law research*. 2021;3:120—123. (In Russ.) DOI: 10.37493/2409-1030.2021.3.16.
9. Patutina S. Youth students' research competences: essence and current topics of Russian research. *Human Progress*. 2022;8(4):7. (In Russ.) DOI: 10.34709/IM.184.7.
10. Patutina S. Yu. Effectiveness of youth involvement in research activities. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* = *Herald of Omsk University. Series "Economics"*. 2023;21(3):48—58. (In Russ.) DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).48-58.
11. Pyroganov Sh. Sh., Antsupov I. S. External and internal motivation of students to engage in scientific activity as a promising direction for the implementation of individual educational trajectories. *Pedagogicheskii vestnik* = *Pedagogical Bulletin*. 2022;24:62—64. (In Russ.)
12. Kudzh S. A., Golovanova N. B. On improving training mechanisms teaching staff [sic!] and prospects for targeted learning in the interests of universities. *Rossiiskii tekhnologicheskii zhurnal* = *Russian Technological Journal*. 2020;8(4):112—128. (In Russ.) DOI: 10.32362/2500-316X-2020-8-4-112-128.
13. Stepanova M. N., Kuznetsova N. V. The role of the department in involving students in research activities. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* = *Baltic Humanitarian Journal*. 2021;10(3):91—96. (In Russ.) DOI: 10.26140/bgz3-2021-1003-0021.
14. Latysheva L. P., Skornyakova A. Yu., Cheremnykh E. L., Lapteva T. D. New forms of organization of research practice in pedagogical university. *Gumanitarnye issledovaniya. Psihologiya i pedagogika* = *Humanitarian Studies. Pedagogy and Psychology*. 2024;17:97—106. (In Russ.)
15. Ilina I. E., Fadeeva I. M. Role of Mentorship in Science as an Element of Scientific and Technological Development. *Upravlenie naukoj i naukometriya* = *Science Governance and Scientometrics*. 2023;18(4):544—577. (In Russ.) DOI: 10.33873/2686-6706.2023.18-4.544-577.
16. Ambarova P. A., Shabrova N. V., Kemmet E. V., Mikhailova A. N. Research Culture of Russian University Students. *Vyshee obrazovanie v Rossii* = *Higher Education in Russia*. 2023;32(7):96—116. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116.

Статья поступила в редакцию 12.06.2026; одобрена после рецензирования 10.07.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was submitted 12.06.2026; approved after reviewing 10.07.2026; accepted for publication 13.07.2026.

Научная статья
УДК 378.046.4+372.878
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1731

Zhou Shenkai

Postgraduate of the Department of Variety and Jazz Art,
 field of training
 5.8.2 — Theory and methodology of training and education
 (Music, Musical art,
 Additional education,
 Vocational training),
 Moscow Pedagogical
 State University
 Moscow, Russian Federation
 599038989@qq.com

Tatyana Vladimirovna Sklyarova

Doctor of Pedagogy, Professor,
 Professor of the Department of Pedagogy
 and Educational Methodology,
 Moscow State University
 of Sport and Tourism
 Moscow, Russian Federation
 tslyarova@mail.ru

Чжоу Шенкай

аспирант кафедры эстрадно-джазового искусства,
 направление подготовки
 5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания
 (музыка, музыкальное искусство,
 дополнительное образование,
 профессиональное обучение),
 Московский педагогический
 государственный университет
 Москва, Российская Федерация
 599038989@qq.com

Татьяна Владимировна Склярова

д-р пед. наук, профессор,
 профессор кафедры педагогики
 и методологии образования,
 Московский государственный университет
 спорта и туризма
 Москва, Российская Федерация
 tslyarova@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ БАЗОВОГО ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ ИГРЕ НА ФОРТЕПИАНО В ПРОГРАММАХ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ-МУЗЫКАНТОВ В КИТАЕ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматривается проблема интеграции вопросов начального фортепианного обучения детей в программы повышения квалификации педагогов-музыкантов в Китае. На основе анализа авторского эмпирического исследования, выявившего устойчивые «зоны риска» в китайской системе базового фортепианного образования: доминирование репродуктивно-тренировочных методов, дефицит художественно-образного развития и высокую психологическую нагрузку на учащихся, — обоснована необходимость содержательного обновления курсов повышения квалификации. Показано, что данные проблемы являются прямым следствием профессиональных дефицитов педагогов: смещения целеполагания в сторону технического результата, недостаточного владения образными методами работы и отсутствия психолого-педагогических компетенций.

Охарактеризовано современное состояние системы повышения квалификации педагогов-музыкантов в Китае на примере работы с педагогами Центра музыкального искусства «Дорем» (г. Нанкин). Предложена модель курса повышения квалификации, интегрирующая диагностику профессиональных дефицитов, освоение образно-нарративных методов работы с детьми и технологии психологической поддержки. Представлены результаты апроба-

ции разработанной программы с участием 10 педагогов, зафиксировавшие положительную динамику профессиональных установок: готовность использовать творческие методы возросла с 40 до 90 %, а приоритет технической подготовки над художественной снизился с 4,2 до 2,8 баллов по пятибалльной шкале.

Сформулированы практические рекомендации для разработчиков программ дополнительного профессионального образования в Китае: включение диагностического модуля, выделение достаточного объема на практическое освоение образно-нарративных методов, добавление психолого-педагогического блока и итоговая аттестация в форме методической разработки. Статья адресована разработчикам программ дополнительного профессионального образования, методистам и преподавателям музыкальных дисциплин в системе повышения квалификации Китая.

Ключевые слова: музыкальная педагогика в Китае, начальное музыкальное образование, художественно-образное мышление, эмпирическое исследование, возрастные особенности развития детей, методы обучения, сравнительная педагогика, дополнительное профессиональное образование педагогов-музыкантов, повышение квалификации, «зоны риска» в обучении, обновление курсов, психолого-педагогические компетенции

Для цитирования: Чжоу Шенкай, Склярова Т. В. Проблемы базового обучения детей игре на фортепиано в программах повышения квалификации педагогов-музыкантов в Китае // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 313—319. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1731.

Original article

PROBLEMS OF TEACHING BASIC PIANO SKILLS TO CHILDREN IN PROFESSIONAL DEVELOPMENT PROGRAMS FOR MUSIC TEACHERS IN CHINA

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The article examines the problem of integrating issues of elementary piano education for children into professional development programs for music teachers in China. Based on the analysis of the author's empirical study, which identified stable "risk zones" in the Chinese system of basic piano education — the dominance of reproductive training methods, a deficit of artistic-imaginative development, and high psychological pressure on students — the necessity of substantive updating of professional development courses is substantiated. It is shown that these problems are a direct consequence of teachers' professional deficits: the shift of goal-setting towards technical results, insufficient mastery of imaginative teaching methods, and the lack of psychological and pedagogical competencies.*

The current state of the professional development system for music teachers in China is characterized using the example of work with teachers at the "Doremi" Center of Musical Art (Nanjing). A model of a professional development course is proposed, integrating the diagnosis of professional deficits, the mastery of figurative-narrative methods of working with children, and technologies of psychological support. The results of the approbation of the developed program with the parti-

cipation of 10 teachers are presented, which recorded positive dynamics in professional attitudes: the readiness to use creative methods increased from 40% to 90%, while the priority of technical training over artistic development decreased from 4.2 to 2.8 points on a 5-point scale.

Practical recommendations are formulated for developers of additional professional education programs in China: the inclusion of a diagnostic module, allocation of sufficient time for the practical mastery of figurative-narrative methods, the addition of a psychological-pedagogical block, and final assessment in the form of a methodological development. The article is addressed to developers of additional professional education programs, methodologists, and teachers of music disciplines in the professional development system of China.

Keywords: *music pedagogy in China, primary music education, artistic and imaginative thinking, empirical research, age-related characteristics of children's development, teaching methods, comparative pedagogy, additional professional education of music teachers, professional development, "risk zones" in education, course updating, psychological and pedagogical competencies*

For citation: Zhou Shenkai, Sklyarova T. V. Problems of teaching basic piano skills to children in professional development programs for music teachers in China. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):313—319. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1731.

Введение

Современная система базового фортепианного обучения в Китае характеризуется высокими достижениями в области технической подготовки учащихся, что подтверждается их успехами на международных конкурсах. Однако, как показывают исследования последних лет, эта эффективность достигается ценой серьезных дидактических и психологических издержек. В предыдущей работе одного из соавторов настоящей статьи [1] были выявлены устойчивые противоречия: доминирование репродуктивно-тренировочных методов над творческими, смещение целеполагания в сторону объективируемого технического результата, высокая психологическая нагрузка на учащихся, обусловленная вовлеченностью семьи и конкурсной средой, а также дефицит методов, развивающих образное мышление и эмоциональную самостоятельность.

Эти проблемы, будучи укорененными в методических установках педагогов, не могут быть решены исключительно на уровне работы с детьми. Одним из наиболее действенных инструментов профессионального развития педагога является система повышения квалификации, которая в Китае в последние годы проходит масштабные структурные реформы.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного обновления содержания программ повышения квалификации педагогов-музыкантов в Китае с учетом выявленных «зон риска» в практике начального фортепианного обучения. Как подчеркивается в исследо-

вании, современные программы повышения квалификации зачастую не включают модули, направленные на преодоление методических стереотипов и развитие у педагогов компетенций в области творческого обучения, что ведет к воспроизводству проблем на уровне образовательной практики [1—3].

Другой важный аспект, требующий включения в программы повышения квалификации, связан с возрастными особенностями развития детей младшего школьного возраста, которые являются ключевым фактором при выборе методов и приемов обучения [4]. Более того, в контексте сравнительной педагогики актуализируется потребность в осмыслении опыта различных национальных школ, что позволяет обогатить методический инструментарий китайских педагогов [5—7].

Изученность проблемы. Проблема соотношения технического и художественно-образного компонентов в начальном музыкальном образовании Китая привлекает внимание как российских, так и китайских исследователей. Методологический аппарат для кросс-культурного анализа педагогических систем заложен в трудах по сравнительной педагогике, где обосновывается необходимость учета национальных контекстов при сопоставлении образовательных моделей [2].

Специфика китайской фортепианной школы и ее исторические корни находят отражение в исследованиях, посвященных становлению национальной

исполнительской традиции [6; 7]. В работах Хуа Юйсяо анализируются ключевые аспекты современного фортепианного образования в Китае, включая исторические предпосылки его развития и роль цифровых технологий в начальном обучении [5]. Фей Янь рассматривает трансформацию китайской системы музыкальной подготовки от истоков до цифровой эры, акцентируя проблемы подготовки педагогических кадров и необходимость повышения интереса молодого поколения к обучению музыке [8].

Ряд исследователей фиксирует негативные тенденции в развитии китайского музыкального образования. Лю Цянь и В. И. Ревякина обосновывают необходимость рассмотрения проблемы эстетического воспитания с учетом не только общецивилизационных позиций, но и национальных традиций, описывая систему музыкального обучения в китайской школе как особую форму эстетического воспитания [4].

Особый интерес представляют работы, посвященные профессиональному развитию педагогов-музыкантов. В исследованиях Ле Чжан анализируется международная открытость как средство профессионального развития учителей музыки в Китае [3]. Ван Сяо с соавторами изучают роль психологической устойчивости как дифференцирующего фактора в формировании профессиональной идентичности китайских педагогов-музыкантов [9].

Л. Т. Потанина, Ю. В. Койнова-Цельнер и Т. В. Складорова в совместном исследовании выявили, что компетентность учителя в воспитательной работе основана на его ценностной картине мира, выделив ценностно-ассоциативный и смыслопорождающий уровни восприятия, что имеет прямое отношение к формированию профессиональных установок педагогов-музыкантов [10].

Янг Янг исследует проблемы развития профессиональной идентичности учителей в рамках национальных программ подготовки кадров [11]. Цзян Юань и Д. Дамлававалла проводят сравнительный анализ практик начального фортепианного обучения в Китае и США, выявляя общие закономерности и национальные особенности [12].

Значительный вклад в понимание дидактической модели начального фортепианного обучения в Китае вносят эмпирические исследования, в т. ч. предыдущая наша работа, в которой на основе опроса преподавателей и анализа учебных программ выявлены целевые приоритеты, доминирующие методы обучения и роль семьи в китайской системе начального фортепианного образования [13]. В исследовании Лю Ди рассматривается *STEAM*-ориентированная модель подготовки будущих учителей музыки, акцентирующая развитие их информационной и цифровой культуры [7]. Ланьцин Е с соавторами исследуют методику обучения игре на фортепиано «Синьди» в контексте школьного музыкального образования [6]. Чжоу Чэнсуй в семиотическом анализе современного китайского фортепианного исполнительства раскрывает стилистические особенности национальной пианистической школы [14]. Чжан Цзиньсинь и А. В. Торопова рассматривают педагогические подходы к развитию слухо-двигательной координации при обучении игре на струнных инструментах в современном Китае [2]. Люй Цзиньвэй анализирует особенности преподавания методики музыкального воспитания в учреждениях высшего педагогического образования Китая [15].

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что проблематика дисбаланса технического и художественного развития в китайском начальном музыкальном образовании, а также вопросы профессиональной компетентности педагогов-музыкантов находят отражение в современных исследованиях. Однако целостное исследование, рассматривающее дидактическую модель начального фортепианного обучения Китая в единстве ее целевых, содержательных, методических и организационных компонентов с позиций российской педагогической науки, принято не было. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

Целесообразность разработки темы. Несмотря на впечатляющие технические достижения китайских учащихся, в системе начального фортепианного обучения сохраняются устойчивые дидактические противоречия: доминирование репродуктивных методов, дефицит художественно-образного развития и высокая психологическая нагрузка на детей [1]. Эти проблемы, будучи укорененными в профессиональных установках педагогов, не могут быть решены исключительно на уровне работы с детьми и требуют пересмотра содержания программ повышения квалификации учителей музыки.

Система повышения квалификации в Китае проходит структурные реформы (переход к непрерывному развитию, усиление практической составляющей), однако типовые программы слабо учитывают проблемы начального обучения, развития образного мышления и психологической поддержки учащихся. Это создает разрыв между потребностями практики и содержанием профессионального развития педагогов. Таким образом, разработка рекомендаций по интеграции проблем начального фортепианного обучения в программы повышения квалификации является актуальной и практически востребованной задачей.

Цель исследования — обосновать необходимость и разработать содержательные рекомендации по интеграции проблем начального фортепианного обучения детей и путей их решения в программы повышения квалификации педагогов-музыкантов в Китае.

Задачи исследования:

1. Проанализировать ключевые проблемы базового фортепианного обучения детей в Китае на основе данных авторского эмпирического исследования [1] и выявить их связь с профессиональными дефицитами педагогов.
2. Охарактеризовать современное состояние имеющихся программ системы повышения квалификации педагогов-музыкантов в Китае на примере работы с педагогами в Центре музыкального искусства «Дорем» (г. Нанкин, Китай) и определить профессиональные дефициты.
3. Разработать методы для курса повышения квалификации педагогов-музыкантов, интегрирующие вопросы начального фортепианного обучения детей с учетом возрастных особенностей и требований художественно-образного развития.
4. Представить результаты апробации предложенной программы и сформулировать практические рекомендации для разработчиков программ дополнительного профессионального образования педагогов-музыкантов в Китае.

Научная новизна заключается в том, что впервые:

- выявлена и обоснована связь между профессиональными дефицитами педагогов-музыкантов в Китае и устойчивыми «зонами риска» в практике начального фортепианного обучения детей;

– разработаны методы повышения квалификации: диагностика профессиональных дефицитов, освоение образно-нарративных методов работы с детьми и психологической поддержки, адаптированные к программам дополнительного профессионального образования педагогов-музыкантов в Китае;

– сформулированы методические рекомендации для включения в программы повышения квалификации педагогов-музыкантов в Китае.

Теоретическая значимость исследования состоит в обогащении теории и методики музыкального образования характеристикой «проблемных зон» базового обучения детей игре на фортепиано, разработанных методов диагностики профессиональных дефицитов педагогов-музыкантов, введении в программы их дополнительного профессионального образования образно-нарративных методов работы с детьми, нацеленных на психологическую поддержку.

Практическая значимость заключается в том, что разработанные рекомендации могут быть использованы при проектировании региональных и муниципальных программ повышения квалификации учителей музыки в Китае, а также в деятельности методических служб учреждений дополнительного образования.

Основная часть

Методология исследования. Исследование проводилось в несколько этапов на базе Центра музыкального искусства «Дореми» (г. Нанкин, Китайская Народная Республика) в 2023—2024 гг. Были использованы теоретические методы: сравнительно-сопоставительный анализ литературы по теории и практике начального фортепианного обучения, возрастной психологии, профессионального образования и педагогов-музыкантов; анализ программ повышения квалификации.

В качестве эмпирических методов применялись: опрос (анкетирование) 20 преподавателей фортепиано из государственных детских музыкальных школ (г. Пекин и Шанхай) и частных студий (Центр «Дореми», г. Нанкин) — данные были опубликованы нами ранее (см.: [1]); педагогический эксперимент (констатирующий, формирующий, контрольный этапы) с участием 20 учащихся 8—10 лет, разделенных на экспериментальную и контрольную группы (данные см. также в: [1]); апробация разработанных методов повышения квалификации с участием 10 преподавателей Центра «Дореми».

Методы обработки данных: количественный анализ (сравнение средних значений), качественный анализ (контент-анализ рефлексивных отчетов, экспертные оценки методических разработок).

Результаты исследования. На основе результатов опроса 20 преподавателей и педагогического эксперимента с участием 20 учащихся были выявлены устойчивые дидактические противоречия китайской системы начального фортепианного обучения [1]. Полученные данные были использованы в методической работе с педагогами-музыкантами. Выявленные проблемы базового фортепианного обучения детей в Китае явились основанием для обновления программы повышения квалификации педагогов-музыкантов.

Доминирование репродуктивно-тренировочных методов. Опрос показал, что универсально используемыми методами начального обучения являются показ на ин-

струменте (имитация) — 100 % и технические упражнения (гаммы, этюды) — 92 %. Творческие методы (игровые, импровизация, сочинение) «часто» используют лишь 20—30 % педагогов. При этом педагоги частных студий используют творческие методы в 2—3 раза чаще, чем преподаватели государственных школ, что указывает на вариативность методических подходов, но также и на недостаточную методическую грамотность значительной части педагогов.

Этот факт был включен в программу повышения квалификации методический арсенал педагогов в области творческого обучения расширен за счет образных методов и демонстрации их положительного влияния на техническое развитие учащихся.

Дефицит художественно-образного развития. В ходе экспериментальной работы было установлено, что учащиеся демонстрируют относительно высокий уровень технической подготовки (средний балл 4,0 из 5) и значительно более низкий уровень художественно-образного мышления (2,8 балла). Как показывают исследования возрастных особенностей развития детей младшего школьного возраста, именно в этом периоде активно формируется образное мышление, и его недоразвитие может иметь долгосрочные последствия для музыкального развития [11]. Это обстоятельство потребовало включения методов активизации образного мышления в программу повышения квалификации.

Психологическая нагрузка и тревожность. Анкетирование учащихся на констатирующем этапе эксперимента показало, что 45 % учащихся в той или иной форме испытывают страх ошибки, 25 % чувствуют скуку на уроках. Мотивация преимущественно носит внешний характер (подготовка к конкурсам, поступление). Высокая вовлеченность семьи в учебный процесс (92 % педагогов отмечают присутствие родителей на уроке, 88 % — их контроль за выполнением заданий) создает дополнительное психологическое давление на ребенка.

Полученные данные указали на целесообразность включения в программу методов психолого-педагогической поддержки учащихся, включая приемы снижения тревожности, развития учебной мотивации, работы с семьей.

Как отмечается в исследовании по подготовке учителей музыки в Китае, современные программы повышения квалификации почти не содержат подобных модулей, что создает разрыв между реальными потребностями образовательной практики и содержанием профессионального развития педагогов.

Система повышения квалификации педагогов-музыкантов в Китае включает следующие основные направления [8; 9]:

1. Государственные программы на базе ведущих консерваторий (Центральная консерватория в Пекине, Шанхайская консерватория), предлагающие курсы объемом до 180 часов с акцентом на творческое развитие педагогов и смену их роли с «транслятора знаний» на «руководителя процесса обучения».

2. Университетские курсы для практикующих учителей, направленные на обновление методических компетенций, преодоление разрыва между теорией и практикой, а также внедрение междисциплинарных модулей (возрастная психология, музыкальная педагогика).

3. Онлайн-программы на национальных цифровых платформах (например, «Национальная платформа умного образования»), обеспечивающие доступность обучения для педагогов из отдаленных регионов и использующие современные цифровые технологии.

4. Специализированные программы для сельских и отдаленных регионов, такие как «Программа передачи знаний», которые охватывают тысячи педагогов из малообеспеченных районов и включают интенсивные практические занятия по хоровому дирижированию, ритмике и методике преподавания. Однако, как показывает анализ типовых программ [8], вопросы начального музыкального обучения, развития художественно-образного мышления и психологической поддержки учащихся в них представлены недостаточно. Данная проблема носит не только национальный, но и межстрановой характер, что актуализирует сравнительно-педагогический анализ и обмен опытом.

На основе проведенного анализа были разработаны и апробированы методы повышения квалификации педагогов-музыкантов, интегрирующие в начальное обучение детей игре на фортепиано творческие приемы, способствующие их возрастному развитию.

Формирование у педагогов-музыкантов навыков обучения детей посредством образно-нарративных методов, психолого-педагогических поддержки и приемов работы с семьей. Целевая аудитория: педагоги-музыканты, работающие с детьми младшего школьного возраста (1—3-й годы обучения) в системе дополнительного музыкального образования Китая (государственные детские музыкальные школы, частные студии).

В процессе освоения курса педагоги музыкального образования овладевают следующими **практическими приемами**, необходимыми для решения обозначенных выше проблем:

- **Вербализация и визуализация художественного образа.** Педагог осваивает методику работы с учеником по описанию музыки словами, созданию визуальных образов (в т. ч. с помощью нейросетей), что развивает ассоциативное мышление. Например, при работе над гаммой C-dur ученику предлагается представить «подъем в гору и спуск»; игра стаккато ассоциируется с «прыжками лягушки».

- **Нарративное сопровождение.** Педагог учится создавать с учеником мини-сюжет для каждой изучаемой пьесы, который отражается в исполнении (динамика, фразировка, темп). Это позволяет превратить механическое повторение в осмысленное и эмоционально наполненное действие.

- **Ассоциативное моделирование.** Установление связи между техническими элементами и их образным содержанием: легато — плавное движение, стаккато — прыжки, аккорд — хор. Приемы направлены на развитие творческого мышления и могут быть использованы в работе с детьми, начиная с 6 лет, учитывая сензитивность младшего школьного возраста к образным и игровым формам [13].

- **Рефлексивные практики.** Педагог осваивает техники рефлексии с учеником: обсуждение ощущений, страхов, радостей в процессе занятий, что снижает тревожность и повышает учебную мотивацию.

- **Методы работы с семьей.** Педагог получает инструменты для конструктивного взаимодействия с родителями: рекомендации по организации домашних занятий без излишнего давления, техники совместной рефлексии, формы отчета о прогрессе.

Результаты апробации методов. Предложенные методы были апробированы на базе Центра музыкального искусства «Дореми» (г. Нанкин) с участием 10 преподавателей, имеющих опыт работы с детьми младшего школьного возраста (1—3-й годы обучения). Оценка эффективности проводилась по трем направлениям:

1. **Изменение профессиональных установок** (анкетирование до и после курса). Результаты представлены в таблице.

Результаты анкетирования слушателей курса повышения квалификации

Параметр	Значение		Изменение
	до курса	после курса	
Согласие с утверждением «Техническая подготовка важнее художественной на начальном этапе» (средний балл, 1—5)	4,2	2,8	–1,4
Согласие с утверждением «Образные методы мешают техническому прогрессу»	3,8	2,1	–1,7
Готовность использовать творческие методы в работе (самооценка, %)	40	90	+50 п. п.
Уверенность в способности снижать тревожность ученика (самооценка, %)	30	85	+55 п. п.

2. **Качество методических разработок** (экспертная оценка итоговых проектов):

- 8 из 10 педагогов разработали серии уроков, в которых системно интегрировали образно-нарративные методы на протяжении 3—4 занятий;

- эксперты отметили высокий уровень осознанности в выборе методов, учета возрастных особенностей детей (6—10 лет) и аргументации педагогических решений;

- в 6 разработках были предложены оригинальные формы работы с семьей (совместные творческие проекты, рефлексивные дневники для родителей).

3. **Рефлексивные отчеты педагогов:**

- все педагоги отметили, что курс позволил им переосмыслить свою практику, увидеть собственные профессиональные дефициты и получить конкретные инструменты для их преодоления;

- 9 из 10 педагогов внедрили как минимум два освоенных приема в течение первого месяца после курса;

- 8 педагогов выразили желание продолжить обучение по углубленной программе, включающей работу с особыми категориями детей (одаренные, тревожные, с низкой мотивацией).

Таким образом, на основе проведенного исследования сформулированы следующие **практические рекомендации** для разработчиков программ дополнительного профессионального образования в Китае:

- **Обязательное включение диагностического модуля.**

Программы повышения квалификации должны начинаться с диагностики профессиональных дефицитов педагогов в области начального обучения. Это позволяет персонализировать содержание и избежать формального прохождения курса. Диагностика может включать анализ видеозаписей собственных уроков, анкетирование по методическим установкам, самооценку готовности к творческим методам работы.

• **Введение модуля по возрастной психологии и педагогике.** Учитывая, что возраст 6—10 лет является сензитивным для развития образного мышления, эмоциональной сферы и формирования учебной мотивации, необходимо включить в программы блоки по возрастной психологии и педагогике с акцентом на музыкальное развитие. Это даст педагогам научное обоснование для использования игровых, образных и творческих методов.

• **Практико-ориентированный блок по образно-нарративным методам.** Рекомендуется выделить не менее 20 часов на практическое освоение методов работы с художественным образом, нарративным сопровождением и ассоциативным моделированием. Важно, чтобы педагоги не только узнали о методах, но и апробировали их в формате взаимопосещений, открытых уроков и разработки собственных заданий.

• **Модуль по психологической поддержке учащихся и работе с семьей.** Учитывая высокий уровень психологической нагрузки и вовлеченности семьи в учебный процесс, целесообразно включить в программы модули по техникам снижения тревожности, развитию внутренней мотивации, конструктивному взаимодействию с родителями. Рекомендуемый объем — не менее 16 часов.

В перспективе, в контексте международного обмена опытом, целесообразно включать в программы модули, знакомящие педагогов с зарубежными методиками начального обучения, в т. ч. российскими традициями музыкального образования, которые уделяют значительное внимание художественно-образному развитию и индивидуальному подходу.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что устойчивые «зоны риска» в системе начального фортепианного обучения детей в Китае — доминирование репродуктивных методов, дефицит художественно-образного развития и высокая психологическая нагрузка — являются прямым следствием профессиональных дефицитов педагогов. Диагностика на базе Центра музыкального искусства «Дорем» (г. Нанкин) показала, что типовые программы повышения квалификации [8; 9] слабо учитывают эти проблемы: 70 % педагогов испытывают недостаток методов развития образного мышления у детей, 60 % — инструментов снижения тревожности, 55 % — навыков работы с семьей.

Разработанный и апробированный курс повышения квалификации (72 часа, включая 36 часов практики) с модулями по возрастной психологии, образно-нарративным методам и психологической поддержке доказал свою эффективность. После обучения готовность педагогов использовать творческие методы выросла с 40 до 90 %, а согласие с приоритетом технической подготовки над художественной снизилось с 4,2 до 2,8 балла.

Практические рекомендации для разработчиков программ дополнительного профессионального образования в Китае включают: обязательную диагностику профессиональных дефицитов, включение модулей по возрастной психологии, выделение не менее 20 часов на практическое освоение образно-нарративных методов, обязательное добавление психолого-педагогического блока (не менее 16 часов). Предложенная модель может служить основой для модернизации региональных и муниципальных программ повышения квалификации педагогов-музыкантов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чжоу Шенкай. Российская музыкальная педагогическая антропология как аналитический подход к изучению национальных систем инструментального обучения (на материале Китая) // Педагогический научный журнал. 2026. Т. 9. № 5. С. 47—53.
2. Чжан Цзиньсинь, Торопова А. В. Обучение игре на струнных инструментах в современном Китае: педагогические подходы к развитию слухо-двигательной координации // Вестник педагогических наук. 2025. № 9. С. 128—133.
3. Le Zhang. "I want to know more about the world": A case study of international-mindedness as a means of professional development for music teachers in China // International Journal of Music Education. 2024. Vol. 42. Iss. 3. Pp. 394—408. DOI: 10.1177/02557614231174032.
4. Лю Цянь, Ревякина В. И. Развитие способности эстетического восприятия в процессе обучения музыке (на опыте Китайской Народной Республики) // Научно-педагогическое обозрение. 2025. Вып. 5(63). С. 56—64. DOI: 10.23951/2307-6127-2025-5-56-64.
5. Хуа Юйсяо. Особенности современного начального фортепианного образования в Китае // Вестник педагогических наук. 2025. № 3. С. 273—278.
6. Investigating 'Xindi Piano Teaching Method' for music education in schools / Lanqing Ye, Yaoping Liu, Wannaporn Siripala et al. // Journal of Education and Learning. 2026. Vol. 20. No. 2. Pp. 895—907. DOI: 10.11591/edulearn.v20i2.22631.
7. Liu Di. Model of STEAM-oriented training of future music teachers for the development of their information and digital culture // Науковий журнал Хортицької національної академії. Серія: Педагогіка. Соціальна робота. 2024. Вип. 2(11). С. 83—90. DOI: 10.51706/2707-3076-2024-11-5.
8. Фей Янь. Трансформация музыкального образования в Китае: от истоков до цифровых технологий // Научно-педагогическое обозрение. 2023. Вып. 5(51). С. 70—79.
9. Xiaoning Wang, Wei Guo, Yihang Fu. Resilience as a Differentiating Factor in Professional Identity Profiles: Insights From Chinese In-Service Music Teachers // European Journal of Education. 2026. Vol. 61. Iss. 1. Art. e70452. DOI: 10.1111/ejed.70452.
10. Потанина Л. Т., Койнова-Цёльнер Ю. В., Скларова Т. В. Готовность учителя к развитию нравственных представлений учащихся в инновационной образовательной среде // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 4. С. 608—621. DOI: 10.15507/1991-9468.101.024.202004.608-621.
11. Yang Yang. Challenges in teachers' professional identity development under the National Teacher Training Programme: an exploratory study of seven major cities in Mainland China // Music Education Research. 2023. Vol. 25. Iss. 4. Pp. 468—484. DOI: 10.1080/14613808.2023.2246136.

12. Yuan Jian, Dumlavwalla D. Pre-college piano teaching practice in China and the United States: An international comparative study from the piano teachers' perspectives // *International Journal of Music Education*. 2025. Vol. 43. Iss. 3. Pp. 519—533. DOI: 10.1177/02557614231208236.
13. Чжоу Шенкай. Адаптация китайской системы начального фортепианного обучения: интегративная методика // *Universum: психология и образование*. 2026. № 6(144). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/22786> (дата обращения: 17.05.2026).
14. Zhou Chengsui. Stylistic and semiotic analysis of modern Chinese piano performance // *Semiotica*. 2025. No. 267. Pp. 117—133. DOI: /10.1515/sem-2024-0161.
15. Люй Цзинвэй. Особенности преподавания методики музыкального воспитания в учреждениях высшего педагогического образования Китая // *Адукацыя і выхаванне*. 2023. № 2. С. 73—78.

REFERENCES

1. Zhou Shenkai. Russian musical pedagogical anthropology as an analytical approach to the study of national systems of instrumental education (based on China). *Pedagogicheskii nauchnyi zhurnal = Pedagogical Scientific Journal*. 2026;9(5): 47—53. (In Russ.)
2. Zhang Jinxin, Toropova A. V. Teaching string instruments in modern China: pedagogical approaches to the development of auditory-motor coordination. *Vestnik pedagogicheskikh nauk = Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2025;9:128—133. (In Russ.)
3. Le Zhang. “I want to know more about the world”: A case study of international-mindedness as a means of professional development for music teachers in China. *International Journal of Music Education*. 2024;42(3):394—408. DOI: 10.1177/02557614231174032.
4. Liu Qian, Revyakina V. I. Developing the ability of aesthetic perception in the process of learning music (based on the experience of the People's Republic of China). *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*. 2025;5(63):56—64. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6127-2025-5-56-64.
5. Hua Yuxiao. Features of modern primary piano education in China. *Vestnik pedagogicheskikh nauk = Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2025;3:273—278. (In Russ.)
6. Lanqing Ye, Yaoping Liu, Wannaporn Siripala et al. Investigating ‘Xindi Piano Teaching Method’ for music education in schools. *Journal of Education and Learning*. 2026;20(2):895—907. DOI: 10.11591/edulearn.v20i2.22631.
7. Liu Di. Model of STEAM-oriented training of future music teachers for the development of their information and digital culture. *Naukovii zhurnal Khortits'koï natsional'noï akademii. Seriya: Pedagogika. Sotsial'na robota = Scientific Journal of Khortitsia National Academy. Series: Pedagogy. Social Work*. 2024;2(11):83—90. DOI: 10.51706/2707-3076-2024-11-5.
8. Fei Yan. Music education transformation in China: from origins to digital technologies. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*. 2023;5(51):70—79. (In Russ.)
9. Xiaoning Wang, Wei Guo, Yihang Fu. Resilience as a Differentiating Factor in Professional Identity Profiles: Insights From Chinese In-Service Music Teachers. *European Journal of Education*. 2026;61(1):e70452. DOI: 10.1111/ejed.70452.
10. Potanina L. T., Koinova-Zoellner J. V., Sklyarova T. V. Teachers' Readiness to Develop Students' Moral Concepts in Innovative Educational Contexts. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. 2020;24(4):608—621. (In Russ.) DOI: 10.15507/1991-9468.101.024.202004.608-621.
11. Yang Yang. Challenges in teachers' professional identity development under the National Teacher Training Programme: an exploratory study of seven major cities in Mainland China. *Music Education Research*. 2023;25(4):468—484. DOI: 10.1080/14613808.2023.2246136.
12. Yuan Jian, Dumlavwalla D. Pre-college piano teaching practice in China and the United States: An international comparative study from the piano teachers' perspectives. *International Journal of Music Education*. 2025;43(3):519—533. DOI: 10.1177/02557614231208236.
13. Zhou Shenkai. Adaptation of the Chinese system of primary piano training: an integrative method. *Universum: psikhologiya i obrazovanie = Universum: Psychology and Education*. 2026;6(144). (In Russ.) URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/22786> (date of access: 17.05.2026).
14. Zhou Chengsui. Stylistic and semiotic analysis of modern Chinese piano performance. *Semiotica*. 2025;267:117—133. DOI: /10.1515/sem-2024-0161.
15. Lü Jingwei. Features of Teaching Methods of Music Education in Institutions of Higher Pedagogical Education in China. *Adukatsyya i vykhavanne = Education and Upbringing*. 2023;2:73—78. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.07.2026; одобрена после рецензирования 16.08.2026; принята к публикации 17.08.2026.
The article was submitted 17.07.2026; approved after reviewing 16.08.2026; accepted for publication 17.08.2026.

Научная статья
УДК 372.881.111.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1708

Artem Alexandrovich Yurin

Postgraduate of the Department of Romance Languages
and Linguodidactics
of the Institute of Foreign Languages,
field of training
5.8.2 — Theory and methodology of training and education,
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
ambvxlence@yandex.ru

Elena Yakovlevna Orekhova

Doctor of Pedagogy, Professor,
Professor of the Department of Romance Languages
and Linguodidactics
of the Institute of Foreign Languages,
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
lena.orekhova.63@mail.ru

Артём Александрович Юрин

аспирант кафедры романских языков
и лингводидактики
Института иностранных языков,
направление подготовки
5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания,
Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
ambvxlence@yandex.ru

Елена Яковлевна Орехова

д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры романских языков
и лингводидактики
Института иностранных языков,
Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
lena.orekhova.63@mail.ru

АДАПТИВНОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИНОЯЗЫЧНОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ: ДАТАЦЕНТРИЧНЫЙ ПОДХОД

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания

Аннотация. Процесс обучения студентов неязыковых вузов иноязычному академическому письму требует поиска и обоснования эффективных подходов и средств индивидуализации для преодоления разноуровневой языковой, риторической и дисциплинарной подготовки обучающихся. Цель статьи состоит в позиционировании компьютеризированного адаптивного тестирования (КАТ) как механизма индивидуализации обучения внутридисциплинарному академическому письму (ВАП) в рамках датацентричного подхода. Для достижения цели КАТ рассматривается как диагностико-маршрутизирующая процедура, соотносящая результаты оценки с последующим учебным действием, что позволяет рассматривать оценивание текущих результатов студентов как часть процесса обучения, а не только как средство контроля.

Методологическую основу исследования составляет датацентричный подход. Использованы методы анализа научной литературы, теоретического обобщения, систематизации, методического моделирования и операционализации умений академического письма. В статье уточняется соотношение индивидуализации, адаптивности, адаптивного тестирования и КАТ; выделяются группы умений ВАП, выступающие объек-

том адаптивной диагностики; представлена структура методического обеспечения КАТ, включающая банк заданий, правила маршрутизации, цифровой след, формирующую обратную связь и педагогическую интерпретацию данных. Обоснованы условия применения КАТ: валидная операционализация умений, сбалансированный банк заданий, прозрачная маршрутизация, сочетание автоматизированной и преподавательской обратной связи, этически корректная работа с образовательными данными.

В результате эффективность КАТ определяется не самим фактом цифровизации, а сохранением педагогического контроля над адаптивными решениями. Практическая значимость результатов состоит в возможности использовать предложенный дизайн КАТ при проектировании адаптивных курсов, диагностических заданий и микро-модулей по обучению академическому письму.

Ключевые слова: датацентричный подход, индивидуализация обучения, внутридисциплинарное академическое письмо, компьютеризированное адаптивное тестирование, формирующее оценивание, образовательные данные, цифровой след, автоматизированная обратная связь, большие языковые модели, неязыковой вуз

Для цитирования: Юрин А. А., Орехова Е. Я. Адаптивное тестирование как механизм индивидуализации обучения студентов иноязычному академическому письму: датацентричный подход // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 320—327. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1708.

Original article

ADAPTIVE TESTING AS A MECHANISM FOR INDIVIDUALIZING STUDENTS' FOREIGN-LANGUAGE ACADEMIC WRITING INSTRUCTION: A DATA-DRIVEN APPROACH

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. *Teaching foreign-language academic writing to students at non-linguistic universities requires the search for and theoretical justification of effective approaches and tools for individualizing instruction in response to students' heterogeneous linguistic, rhetorical and disciplinary backgrounds. The purpose of the article is to position computerized adaptive testing (CAT) as a mechanism for individualizing instruction in discipline-specific academic writing within a data-driven approach. To achieve this purpose, CAT is considered as a diagnostic and routing procedure that links assessment results with subsequent learning actions, making assessment part of the learning process rather than merely a tool for final evaluation. The methodological basis of the study is the data-driven approach. Drawing on this approach, the study employs literature analysis, theoretical generalization, systematization, instructional modelling and operationalization of academic writing skills. The article clarifies the relationship between individualization, adaptability, adaptive testing (AT) and CAT; identifies*

groups of discipline-specific academic writing skills as objects of adaptive diagnosis; and presents the CAT instructional framework, including an item bank, routing rules, a digital learning trace, formative feedback and teacher-mediated interpretation of data. The conditions for using CAT are substantiated: valid operationalization of writing skills, a balanced item bank, transparent routing, a combination of automated and teacher feedback, and ethically appropriate use of educational data. The article concludes that CAT effectiveness depends not on digitalization itself, but on pedagogical control over adaptive decisions. The practical significance of the results lies in using the proposed CAT design to develop adaptive courses, diagnostic tasks and micro-modules for academic writing instruction.

Keywords: *data-driven approach, individualized instruction, discipline-specific academic writing, computerized adaptive testing, formative assessment, educational data, digital learning trace, automated feedback, large language models, non-linguistic university*

For citation: Yurin A. A., Orekhova E. Y. Adaptive testing as a mechanism for individualizing students' foreign-language academic writing instruction: a data-driven approach. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):320—327. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1708.

Введение

Обучение иноязычному академическому письму в неязыковом вузе является одной из значимых задач современного высшего образования. Для студентов экономических, управленческих и иных профессионально ориентированных направлений академическое письмо выступает способом включения во внутридисциплинарную коммуникацию: через письменный текст обучающийся демонстрирует понимание проблемы, способность работать с источниками, выстраивать аргументацию, использовать профессиональную лексику и представлять результаты анализа в жанрово приемлемой форме. В этой связи обучение внутридисциплинарному академическому письму (далее — ВАП) на иностранном языке не может быть сведено к отработке только корректных грамматических форм или к формальному освоению структуры академического жанра. Оно предполагает учет неоднородности подготовки обучающихся, поскольку затруднения студентов могут проявляться на разных уровнях: от языкового оформления высказывания до логики построения текста, аргументации, работы с источниками и соблюдения жанрово-дисциплинарных норм.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, иноязычная письменная речь становится условием образовательной, научной и профессиональной мобильности студентов, что соотносится с межкультурной парадигмой современного иноязычного образования [1]. Во-вторых, ВАП необходимо будущим специалистам как средство аналитической работы, аргументации, подготовки отчетов, участия в международных проектах и профессионально ориентированной коммуникации. В-третьих, цифровая образовательная среда меняет

способы создания, проверки и переработки письменного текста, что требует обновления методических средств обучения иностранному языку [2].

Методическая сложность данной задачи связана с тем, что студенты одной учебной группы обладают различным уровнем языковой подготовки, неодинаковым опытом чтения академических текстов, разной степенью сформированности логического, риторического и дисциплинарного компонентов письменной речи. Один обучающийся может испытывать затруднения преимущественно в академической лексике и грамматическом оформлении высказывания, другой — в построении тезиса и абзаца, третий — в интерпретации источников и развитии аргумента. При фронтальной организации занятий эти различия часто учитываются эпизодически, поэтому возникает потребность в инструменте, который соединяет диагностику и последующее педагогическое действие.

Таким инструментом в настоящей статье рассматривается адаптивное тестирование (далее — АТ) в его цифровой форме — компьютеризированном адаптивном тестировании (далее — КАТ). В отличие от контроля, ориентированного преимущественно на итоговую фиксацию результата, КАТ позволяет использовать данные выполнения заданий для выбора дальнейшего учебного маршрута: следующего задания, микромодуля, уровня сложности, объема подсказки, типа обратной связи или необходимости возврата к базовому умению.

Изученность проблемы. Проблема обучения иноязычному академическому письму рассматривается в отечественной и зарубежной лингводидактике в нескольких взаимосвязанных направлениях. В работах Е. Г. Таревой, О. А. Обдаловой и К. Хайленда академическое письмо раскрывается как форма речевой деятельности и как способ

включения обучающегося в межкультурную, профессиональную и дисциплинарную коммуникацию [1–4]. Особое значение для настоящего исследования имеет позиция У. Уингейт, согласно которой аргументация является одним из центральных компонентов ВАП, поскольку именно через нее студент демонстрирует понимание проблемы, работу с источниками и способность выстраивать собственную позицию [5].

В контексте образовательной аналитики П. Лонг и Дж. Сименс подчеркивают, что цифровая среда делает доступными для анализа действия обучающегося, которые ранее оставались вне поля педагогической интерпретации: последовательность работы, обращения к материалам, время выполнения заданий и динамику продвижения [6].

Отдельный блок исследований посвящен КАТ. В работах С. Оппла, Ф. Райзингера, А. Экмайера и К. Хельма КАТ рассматривается как гибкая цифровая платформа, способная поддерживать как итоговое, так и формирующее оценивание [7]. К. Садеги и З. Аболфазли Хонби раскрывают особенности многоэтапного АТ и показывают значимость корректной интерпретации результатов на разных этапах диагностики [8]. В отечественной методике И. Б. Готская, В. И. Снегурова и С. А. Сивинский описывают уровни построения системы КАТ, включая уровень данных, логику функционирования, формат предъявления заданий и навигационные маршруты [9]. А. В. Соловов и А. А. Меньшикова рассматривают компьютерное тестирование как систему, в которой алгоритмы предъявления заданий, пороговые значения и интерпретация результата должны быть методически согласованы [10].

Современные исследования автоматизированной обратной связи и искусственного интеллекта также значимы для данной темы. Р. Баттерфусс, Р. Роскоу, Л. Аллен, К. Маккарти и Д. Макнамара показывают, что адаптивная поддержка письма может строиться вокруг конкретного выявленного затруднения и связываться с соответствующим обучающим модулем [11]. Й. Флекенштейн, Л. В. Либенов и Дж. Мейер обобщают данные о влиянии автоматизированной обратной связи на качество письменных работ [12], а Я. и Л. Каратай анализируют использование автоматизированной оценки письма в обучении второму языку [13]. Д. Янь и С. Чжан рассматривают взаимодействие изучающих иностранный язык с письменной корректирующей обратной связью, предоставляемой *ChatGPT* [14]. В исследованиях Дж. Хао, А. фон Давьера и В. Яневой подчеркивается, что использование больших языковых моделей в оценивании требует сохранения педагогического контроля и осторожной интерпретации результатов [15]. В отечественной методической дискуссии ценностные и гуманитарные риски включения искусственного интеллекта в образование рассматриваются Е. Я. Ореховой [16].

Несмотря на разработанность отдельных аспектов проблемы, недостаточно раскрытым остается вопрос о том, как именно результаты адаптивной диагностики могут становиться основанием для выбора последующего учебного действия в обучении иноязычному ВАП студентов неязыкового вуза. В имеющихся исследованиях КАТ чаще описывается как инструмент контроля, распределения обучающихся по уровням или автоматизированной обработки результатов. Менее разработана его методическая функция как диагностико-маршрутизирующей процедуры, позволяющей соотнести выявленный профиль затруднений студента с адресным заданием, микромодулем, объемом поддержки и формой обратной связи.

Целесообразность разработки темы. Разработка данной проблемы позволяет объединить три методических вектора: обучение иноязычному ВАП как профессионально-дисциплинарной письменной деятельности, индивидуализацию обучения студентов неязыкового вуза и использование образовательных данных для принятия педагогически обоснованных решений.

Научная новизна статьи заключается в рассмотрении КАТ не как самостоятельной контрольной технологии, а как диагностико-маршрутизирующей процедуры, обеспечивающей переход от результата оценки к адресному учебному действию в обучении иноязычному ВАП.

Цель статьи состоит в теоретико-методическом обосновании КАТ как эффективного механизма индивидуализации обучения ВАП студентов неязыкового вуза. Для достижения цели решались следующие **задачи**:

- 1) уточнить соотношение индивидуализации, адаптивности, АТ и КАТ;
- 2) определить группы умений ВАП, которые могут выступать объектом адаптивной диагностики;
- 3) представить структуру методического обеспечения КАТ;
- 4) выявить условия и ограничения применения КАТ в обучении ВАП.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении методического понимания КАТ как процедуры, связывающей диагностику, маршрутизацию и формирующую обратную связь. **Практическая значимость** состоит в возможности использования предложенного дизайна КАТ при проектировании адаптивных курсов, диагностических заданий, критериев оценивания и микромодулей по академическому письму для студентов неязыковых вузов.

Основная часть

Методология исследования. Ведущим методологическим ориентиром работы является датацентричный подход, использование которого позволяет рассматривать образовательные данные как инструмент педагогического анализа и принятия решений. В логике исследования датацентричный подход предполагает анализ цифрового следа обучающегося для выявления закономерностей его когнитивно-речевой активности и проектирования индивидуализированной траектории развития письменных умений [6].

В ходе исследования использовались анализ научной литературы, теоретическое обобщение, систематизация, сопоставление подходов к оцениванию иноязычной письменной речи, методическое моделирование и операционализация умений ВАП. Логика исследования включала:

- 1) уточнение понятийного аппарата;
- 2) выделение групп умений ВАП как объекта диагностики;
- 3) соотнесение диагностируемых показателей с возможными адаптивными действиями;
- 4) дизайн структуры методического обеспечения КАТ;
- 5) определение методических, педагогических и этических условий применения КАТ.

Основные понятия исследования включают:

– индивидуализацию в обучении ВАП, рассматриваемую как способ организации образовательного процесса, при котором содержание письменных задач, последовательность работы, объем поддержки, темп продвижения и характер обратной связи соотносятся с уровнем подготовки студента, его типичными затруднениями и дисциплинарным опытом;

– адаптивность, которая в данной логике является не целью, а средством: она обеспечивает изменение учебного маршрута в зависимости от диагностических данных; следовательно, индивидуализация отвечает на вопрос о педагогическом назначении изменений, а адаптивность — на вопрос о способе их реализации;

– АТ, выступающее как диагностико-маршрутизирующая процедура, при которой результаты выполнения обучающимся заданий используются для выбора последующего учебного действия — это родовое понятие не обязательно предполагает сложную цифровую платформу: адаптивная логика может быть реализована преподавателем при помощи заранее разработанных диагностических заданий, критериев и правил перехода;

– КАТ, обозначающее цифровую форму АТ, основанную на банке заданий, алгоритмическом отборе, автоматизированной обработке результатов и фиксации цифрового следа; исследования КАТ показывают, что такие системы могут использоваться как для итогового контроля, так и для формирующего оценивания в онлайн-обучении [7; 8].

Результаты исследования. Чтобы КАТ действительно работало на индивидуализацию, необходимо уточнить объект адаптивной диагностики, определив, что именно диагностируется. В обучении ВАП объектом оценки является совокупность взаимосвязанных умений, обеспечивающих создание академического текста в профессионально-дисциплинарном контексте. К ним относятся языковое оформление, композиционная организация, аргументация, работа с источниками, жанровое соответствие и способность к редактированию собственного текста.

В табл. 1 обобщены группы умений ВАП, которые могут выступать объектом адаптивной диагностики, какие показатели могут фиксироваться в процессе оценки и какое адаптивное действие может быть предложено студенту в зависимости от выявленного затруднения. Данная таблица не исчерпывает весь набор заданий, а демонстрирует принцип связи между диагностическим результатом и последующим учебным действием.

Таблица 1

Группы умений ВАП как объект адаптивной диагностики

Группа умений ВАП	Диагностируемые показатели	Адаптивное действие
Лингвостилистические	Точность академической лексики; грамматическая корректность; стилистическая уместность; употребление терминологии	Языковой микромодуль; локальные подсказки; упражнения на переформулирование и редактирование
Логико-композиционные	Ясность тезиса; структура абзаца; последовательность изложения; когезия и когерентность	Задания на формулирование тезиса, тематического предложения абзаца, абзацную организацию и логические переходы
Аргументативно-аналитические	Связь аргумента с тезисом; доказательность позиции; интерпретация данных; развитие авторской мысли	Микромодуль по аргументации; анализ образца; повторная разработка аргумента
Источниково-этические	Качество парафраза; корректность цитирования; уместность источников; предупреждение некорректного заимствования	Задания на парафраз, смысловое сжатие текста, оформление ссылок; проверка источниковой базы
Жанрово-дисциплинарные	Соответствие жанру; учет коммуникативной задачи; релевантность профессиональному контексту	Жанрово ориентированное задание: эссе, отчет, анализ кейса, комментариев к данным
Рефлексивно-редакторские	Самооценка; работа с обратной связью; переработка текста; готовность к повторной попытке	Чек-лист саморедактирования; задание на переработку текста; повторная попытка с уточненными критериями

Представленная в табл. 1 систематизация важна для индивидуализации, поскольку одинаково низкий итоговый результат может иметь разные причины. Студент, который не владеет академической лексикой, и студент, который не умеет развивать аргумент, нуждаются в разных заданиях, разной обратной связи и разном объеме поддержки. Если система не различает эти профили, она предлагает унифицированный маршрут, а индивидуализация остается декларативной. Если диагностика строится вокруг групп умений, результат тестирования становится картой педагогических решений.

Особого внимания требуют аргументативно-аналитические умения. Исследования показывают, что аргументация является ядром академического эссе, однако студенты часто имеют лишь частичное или неточное представление о том, что означает развивать аргумент в академическом письме [5]. Для обучения ВАП это означает, что обратная связь не должна ограничиваться указанием на локальные ошибки. Она должна помогать обучающемуся понять функцию тезиса, доказательства, примера, источника и авторской позиции в целостном движении текста.

Структура методического обеспечения КАТ в обучении ВАП должна связывать диагностический результат, образовательные данные и последующее педагогическое

действие. Данные имеют методическую ценность только тогда, когда помогают преподавателю и студенту понять процесс письма и определить следующий шаг обучения. В обучении ВАП цифровой след может включать итоговый текст, промежуточные версии, результаты микрозаданий, частоту обращений к подсказкам, тип исправлений, время работы с источниками, число попыток, характер принятых и отклоненных рекомендаций.

В табл. 2 представлены основные компоненты методического обеспечения КАТ. Они показывают, каким образом диагностическая процедура связывается с индивидуализацией обучения: от уточнения оцениваемых умений и проектирования банка заданий до интерпретации данных преподавателем.

Данные табл. 2 демонстрируют, что КАТ выполняет роль связующего механизма между оцениванием и обучением. Диагностика показывает, какой группой умений студент недостаточно овладел; маршрутизация переводит этот результат в выбор учебного действия; обратная связь объясняет студенту основание перехода; преподаватель контролирует корректность интерпретации и при необходимости меняет траекторию. Поэтому КАТ следует рассматривать не как отдельный эпизод контроля, а как элемент, встроенный в цикл обучения.

Компоненты методического обеспечения КАТ в обучении ВАП

Компонент	Методическое назначение	Результат для индивидуализации
Операционализация умений	Перевод умений ВАП в наблюдаемые показатели и критерии оценивания	Диагностика показывает уровень и тип затруднения
Банк заданий	Набор диагностических и обучающих заданий разной сложности и жанровой направленности	Студент получает задание, соответствующее его профилю и ближайшему учебному шагу
Правила маршрутизации	Пороговые значения, условия перехода, возврата, подсказки и повторной попытки	Адаптация становится прозрачной и воспроизводимой
Цифровой след	Фиксация результатов, попыток, времени, обращений к подсказкам и динамики переработки текста	Преподаватель видит процесс письма, а не только итоговый продукт
Формирующая обратная связь	Пояснение затруднения и указание следующего действия	Оценивание превращается в механизм продвижения
Роль преподавателя	Проектирование критериев, проверка сложных случаев, интерпретация данных	Сохраняется методическая ответственность и предотвращается редукция письма

Логика такого цикла близка к современному пониманию формирующего оценивания. Оценивание становится формирующим тогда, когда информация о достижениях обучающегося используется преподавателем или самим обучающимся для принятия решений о последующих действиях [17, р. 9]. Применительно к ВАП это означает, что балл, комментарий или автоматическое сообщение сами по себе недостаточны. Формирующая функция возникает тогда, когда студент понимает, что именно нужно переработать, какому критерию должен соответствовать текст, какое умение требует развития и какое задание поможет продвинуться дальше.

Уточнение соотношения КАТ и средств автоматизированной обратной связи показало, что в цифровой образовательной среде КАТ может использоваться вместе с программами автоматизированной проверки письменных работ, электронными тьюторами, модулями проверки в системах управления обучением и большими языковыми моделями. Эти средства могут дополнять друг друга, но их не следует отождествлять. Автоматизированная оценка письменных работ анализирует уже созданный текст и формирует комментарии о его качестве. КАТ шире по методической функции: оно связывает диагностический результат с маршрутом обучения, определяя, к какому заданию, микромодулю или уровню поддержки следует перейти.

Исследования демонстрируют, что автоматизированная формирующая оценка письма может учитывать разные уровни языка: слово, предложение и дискурс [18]. Для обучения ВАП такая многоуровневая организация оценивания перспективна, однако ее необходимо дополнить жанрово-дисциплинарными, источниково-этическими и аргументативными показателями. Иначе система будет хорошо фиксировать поверхностные языковые признаки и хуже выявлять компоненты ВАП, связанные с развитием авторской позиции, работой с источниками и логикой доказательства.

Обобщение эмпирических исследований показывает, что автоматизированная обратная связь может положительно влиять на качество письменных работ, но ее результат зависит от условий внедрения, содержания комментариев, типа задания и готовности студента перерабатывать текст на основе полученных рекомендаций [12]. Следовательно, автоматизированную обратную связь нельзя рассматривать как универсальную замену педагогического сопровождения. Она становится компонентом индивидуализации только тогда, когда встроена в диагностику-маршрутизирующую процедуру.

Определение места больших языковых моделей в обучении ВАП связано с инструментами генеративного искусственного интеллекта. Именно они способны быстро создавать пояснения, предлагать варианты переформулировки, выявлять отдельные языковые и композиционные проблемы, помогать студенту в режиме черновой консультации. Для массового неязыкового вуза это потенциально значимо, поскольку преподаватель не всегда может оперативно дать развернутую индивидуальную обратную связь по каждому фрагменту текста.

Однако роль больших языковых моделей должна оставаться методически ограниченной. Исследования показывают, что *ChatGPT* может восприниматься изучающими иностранный язык как сильный и вовлекающий источник письменной корректирующей обратной связи, но успешность такой работы зависит от языковой подготовки, технологической компетентности и способности обучающегося критически отбирать полученные рекомендации [14]. Особенно осторожно следует использовать большие языковые модели в функции оценивания. Исследования подчеркивают необходимость человеко-ориентированной организации оценки: преподаватель должен участвовать в определении оцениваемых умений, проектировании заданий, проверке качества материалов, контроле справедливости и объективности оценки [15]. Кроме того, применение искусственного интеллекта в образовании требует учета как технологических возможностей, так и ценностных, этических и гуманитарных рисков его включения в образовательную практику [16].

Методические условия реализации КАТ в обучении ВАП:

- **Валидная операционализация умений.** Если задание на ВАП проверяет одновременно лексику, структуру, работу с источниками и аргументацию, но система выдает один итоговый балл, педагогическая интерпретация результата будет затруднена. Поэтому каждое диагностическое задание должно быть связано с определенной группой умений и набором наблюдаемых показателей.

- **Сбалансированный банк заданий.** Он должен включать задания разного уровня сложности и разные типы письменных действий: распознавание, анализ, преобразование, конструирование фрагмента текста, редактирование, переработку по критерию, работу с источником. Для ВАП особенно важны задания, приближенные к реальным жанрам профессионально-академической коммуникации: академическое эссе, отчет, анализ кейса, комментарий к данным, обзорный абзац по источникам. Только в этом случае адаптивность будет связана с содержанием дисциплинарной подготовки, а не с абстрактной языковой тренировкой.

• **Прозрачная маршрутизация.** Пороги перехода, основания возврата, количество корректирующих попыток, объем подсказки и условия завершения микромодуля должны быть заранее определены. Под условиями завершения микромодуля понимаются не сроки и не формальное прохождение всех заданий, а достижение студентом минимально необходимого уровня выполнения конкретного учебного действия по заданным показателям. Студент должен понимать, почему система предлагает именно это задание, какому критерию не соответствует выполненная работа и какие действия помогут улучшить текст. Такое понимание прозрачности соотносится с идеей автономности иноязычного образования, ориентированной на развитие способности обучающихся мыслить самостоятельно и ответственно [19]. В этой связи прозрачная маршрутизация в КАТ может рассматриваться и как техническое условие работы адаптивной системы, и как средство поддержания учебной субъектности студента.

• **Сочетание автоматизированной и преподавательской обратной связи.** Автоматизация особенно полезна для регулярных локальных комментариев, первичной диагностики, повторных попыток и мониторинга динамики. Преподавательская роль принципиальна там, где требуется интерпретация смысла, оценка дисциплинарной релевантности, работа с авторской позицией, этическими аспектами использования источников и сложными случаями аргументации. Поэтому методическая организация КАТ не противопоставляет алгоритм и преподавателя, а распределяет между ними функции.

• **Этическая и правовая корректность работы с данными.** Цифровой след обучающегося должен собираться в объеме, необходимом для достижения образовательной цели; студенту должны быть понятны назначение данных, логика их использования и границы автоматизированных решений. Исследования образовательной аналитики подчеркивают значимость справедливости, прозрачности и устойчивости цифровых систем оценки [20]. Поэтому датацентричная индивидуализация должна усиливать поддержку, а не превращаться в механизм жесткого ранжирования студентов.

Отдельного внимания требует риск сведения сложной структуры ВАП к наиболее легко измеряемым признакам. Алгоритму проще зафиксировать длину предложения, частоту ошибок, наличие связей или совпадений с источником, чем оценить качество интерпретации, силу аргумента, уместность дисциплинарной рамки и самостоятельность авторской позиции. Если адаптивная система строится только на удобных для автоматической обработки индикаторах, она начинает подменять академическое письмо набором формальных признаков.

Этот риск особенно заметен в неязыковом вузе, где академическое письмо должно быть связано с профессиональным содержанием. Текст студента-экономиста оценивается как способ анализа экономической ситуации, интерпретации данных, сравнения подходов, обоснования решения. Поэтому адаптивная диагностика должна включать задания, в которых языковая, риторическая и дисциплинарная стороны письма рассматриваются во взаимосвязи. Формальная правильность без содержательной релевантности не может считаться достаточным результатом обучения ВАП.

С практической точки зрения внедрение КАТ в обучение ВАП может начинаться со схемы, основанной на правилах: диагностические задания, рубрики, пороги перехода, набор микромодулей и шаблоны обратной связи. Такой дизайн позволяет проверить, насколько выделенные группы умений действительно различают профили затруднений студентов и насколько маршрутизация помогает им продвигаться в письме. В дальнейшем решение, основанное на правилах, может быть перенесено в цифровую среду, дополнено аналитикой и автоматизированной обработкой результатов. Такой путь снижает риск технологизации без методической основы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что АТ в обучении иноязычному ВАП студентов неязыкового вуза следует рассматривать как механизм индивидуализации, а не как особую технологию контроля. Его эволюционная методическая ценность состоит в том, что результаты диагностики используются для выбора следующего педагогического шага: задания, микромодуля, уровня сложности, подсказки, повторной попытки или формы обратной связи. КАТ расширяет эту логику за счет цифрового следа, банка заданий и алгоритмической обработки данных, но не отменяет необходимости педагогического проектирования.

В процессе достижения цели исследования в соответствии с поставленными задачами было уточнено соотношение индивидуализации, адаптивности, АТ и КАТ; определены группы умений ВАП, которые могут выступать объектом адаптивной диагностики; представлена структура методического обеспечения КАТ; выявлены условия и ограничения его применения. Для обучения ВАП принципиально важно, чтобы объектом адаптивной диагностики выступал не обобщенный показатель успешности письменной речи, а уровень овладения группой умений: лингвостилистическими, логико-композиционными, аргументативно-аналитическими, источниково-этическими, жанрово-дисциплинарными и рефлексивно-редакторскими. Такая логика позволяет переходить от суммарного балла к профилю затруднений, а от профиля затруднений — к адресной поддержке.

Структура методического обеспечения датацентричной индивидуализации должна включать валидную операционализацию умений, сбалансированный банк заданий, прозрачные правила маршрутизации, формирующую обратную связь, корректную работу с данными и сохранение интерпретирующей роли преподавателя. Автоматизированная обратная связь и большие языковые модели могут усиливать адаптивную среду, но только как компоненты педагогически заданной системы. В противном случае возникает риск сведения академического письма к легко измеряемым показателям и подмены индивидуализации технической адаптацией.

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности использовать предложенный дизайн КАТ при разработке адаптивных курсов и диагностических материалов по академическому письму для студентов неязыковых вузов. Перспективой дальнейшего исследования является разработка и апробация адаптивной среды, основанной на правилах, в которой каждая группа умений ВАП будет связана с диагностическими заданиями, критериями оценивания, порогами перехода, микромодулями и шаблонами обратной связи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тарева Е. Г., Дорохова А. М. Современный межкультурный дискурс: статус в лингводидактике // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 1(53). С. 124—135. DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.09.
2. Обдалова О. А. Иноязычное образование в XXI веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций : моногр. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 180 с.
3. Тарева Е. Г. Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики : моногр. М. : Логос, 2014. 232 с.
4. Hyland K. Genre and academic writing in the disciplines // *Language Teaching*. 2008. Vol. 41. Iss. 4. Pp. 543—562. DOI: 10.1017/S0261444808005235.
5. Wingate U. 'Argument!' helping students understand what essay writing is about // *Journal of English for Academic Purposes*. 2012. Vol. 11. Iss. 2. Pp. 145—154. DOI: 10.1016/j.jeap.2011.11.001.
6. Long P., Siemens G. Penetrating the Fog: Analytics in Learning and Education // *EDUCAUSE Review*. 2011. Vol. 46. No. 5. Pp. 30—40.
7. Oppl S., Reisinger F., Eckmaier A., Helm C. A flexible online platform for computerized adaptive testing // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2017. Vol. 14. Art. 2. DOI: 10.1186/s41239-017-0039-0.
8. Sadeghi K., Abolfazli Khonbi Z. An overview of differential item functioning in multistage computer adaptive testing using three-parameter logistic item response theory // *Language Testing in Asia*. 2017. Vol. 7. Art. 7. DOI: 10.1186/s40468-017-0038-z.
9. Готская И. Б., Снегурова В. И., Сивинский С. А. Система компьютерного адаптивного тестирования: варьирование уровня сложности и формата предъявления тестовых заданий // *Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования*. 2025. № 3. С. 41—47.
10. Соловов А. В., Меньшикова А. А. Онтология компьютерного тестирования в обучении // *Онтология проектирования*. 2025. Т. 15. № 2. С. 228—238. DOI: 10.18287/2223-9537-2025-15-2-228-238.
11. Strategy Uptake in Writing Pal: Adaptive Feedback and Instruction / R. Butterfuss, R. D. Roscoe, L. K. Allen et al. // *Journal of Educational Computing Research*. 2022. Vol. 60. Iss. 3. Pp. 696—721. DOI: 10.1177/07356331211045304.
12. Fleckenstein J., Liebenow L. W., Meyer J. Automated feedback and writing: a multi-level meta-analysis of effects on students' performance // *Frontiers in Artificial Intelligence*. 2023. Vol. 6. Art. 1162454. DOI: 10.3389/frai.2023.1162454.
13. Karatay Y., Karatay L. Automated writing evaluation use in second language classrooms: A research synthesis // *System*. 2024. Vol. 123. Art. 103332. DOI: 10.1016/j.system.2024.103332.
14. Yan D., Zhang S. L2 writer engagement with automated written corrective feedback provided by ChatGPT: A mixed-method multiple case study // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. Art. 1086. DOI: 10.1057/s41599-024-03543-y.
15. Transforming Assessment: The Impacts and Implications of Large Language Models and Generative AI / J. Hao, A. A. von Davier, V. Yaneva et al. // *Educational Measurement: Issues and Practice*. 2024. Vol. 43. Iss. 2. Pp. 16—29. DOI: 10.1111/emip.12602.
16. Орехова Е. Я. Искусственный интеллект в образовании: можно ли договориться с симулятором? // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2026. № 1(61). С. 214—225. DOI: 10.24412/2076-913X-2026-161-214-225.
17. Black P., William D. Developing the theory of formative assessment // *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. 2009. Vol. 21. Iss. 1. Pp. 5—31. DOI: 10.1007/s11092-008-9068-5.
18. Wilson J., Roscoe R., Ahmed Y. Automated formative writing assessment using a levels of language framework // *Assessing Writing*. 2017. Vol. 34. Pp. 16—36. DOI: 10.1016/j.asw.2017.08.002.
19. Орехова Е. Я., Михайлова С. В. Введение // *Terra autonoma: предопределяя будущее иноязычного образования в автономном вузе : коллектив. моногр. / под общ. ред. Е. Я. Ореховой, Е. Г. Таревой, С. В. Михайловой*. М. : Языки Народов Мира, 2022. С. 7—9.
20. Simbeck K. They shall be fair, transparent, and robust: auditing learning analytics systems // *AI and Ethics*. 2024. Vol. 4. Iss. 2. Pp. 555—571. DOI: 10.1007/s43681-023-00292-7.

REFERENCES

1. Tareva E. G., Dorokhova A. M. Present-day intercultural discourse: focus on teaching languages. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* = *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2024;1(53):124—135. (In Russ.) DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.09.
2. Obdalova O. A. Foreign-language education in the 21st century in the context of sociocultural and pedagogical innovations. Monograph. Tomsk, Tomsk University publ., 2014. 180 p. (In Russ.).
3. Tareva E. G. Intercultural foreign-language education: linguodidactic strategies and tactics. Monograph. Moscow, Logos, 2014. 232 p. (In Russ.).
4. Hyland K. Genre and academic writing in the disciplines. *Language Teaching*. 2008;41(4):543—562. DOI: 10.1017/S0261444808005235.
5. Wingate U. 'Argument!' helping students understand what essay writing is about. *Journal of English for Academic Purposes*. 2012;11(2):145—154. DOI: 10.1016/j.jeap.2011.11.001.
6. Long P., Siemens G. Penetrating the Fog: Analytics in Learning and Education. *EDUCAUSE Review*. 2011;46(5):30—40.
7. Oppl S., Reisinger F., Eckmaier A., Helm C. A flexible online platform for computerized adaptive testing. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2017;14:2. DOI: 10.1186/s41239-017-0039-0.
8. Sadeghi K., Abolfazli Khonbi Z. An overview of differential item functioning in multistage computer adaptive testing using three-parameter logistic item response theory. *Language Testing in Asia*. 2017;7:7. DOI: 10.1186/s40468-017-0038-z.

9. Gotskaya I. B., Snegurova V. I., Sivinsky S. A. Computer adaptive testing system: varying the level of complexity and format of test tasks' presentation. *Upravlenie kachestvom obrazovaniya: teoriya i praktika effektivnogo administrirovaniya*. 2025; 3:41—47. (In Russ.).
10. Solovov A. V., Menshikova A. A. Ontology of computer-based testing in learning. *Ontologiya proektirovaniya = Ontology of Designing*. 2025;15(2):228—238. (In Russ.) DOI: 10.18287/2223-9537-2025-15-2-228-238.
11. Butterfuss R., Roscoe R. D., Allen L. K. et al. Strategy Uptake in Writing Pal: Adaptive Feedback and Instruction. *Journal of Educational Computing Research*. 2022;60(3):696—721. DOI: 10.1177/07356331211045304.
12. Fleckenstein J., Liebenow L. W., Meyer J. Automated feedback and writing: a multi-level meta-analysis of effects on students' performance. *Frontiers in Artificial Intelligence*. 2023;6:1162454. DOI: 10.3389/frai.2023.1162454.
13. Karatay Y., Karatay L. Automated writing evaluation use in second language classrooms: A research synthesis. *System*. 2024;123:103332. DOI: 10.1016/j.system.2024.103332.
14. Yan D., Zhang S. L2 writer engagement with automated written corrective feedback provided by ChatGPT: A mixed-method multiple case study. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024;11:1086. DOI: 10.1057/s41599-024-03543-y.
15. Hao J., von Davier A. A., Yaneva V. et al. Transforming Assessment: The Impacts and Implications of Large Language Models and Generative AI. *Educational Measurement: Issues and Practice*. 2024;43(2):16—29. DOI: 10.1111/emip.12602.
16. Orekhova E. Ya. Artificial intelligence in education: is it possible to negotiate with a simulacrum?. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie = MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2026;1(61):214—225. (In Russ.) DOI: 10.24412/2076-913X-2026-161-214-225.
17. Black P., Wiliam D. Developing the theory of formative assessment. *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. 2009;21(1):5—31. DOI: 10.1007/s11092-008-9068-5.
18. Wilson J., Roscoe R., Ahmed Y. Automated formative writing assessment using a levels of language framework. *Assessing Writing*. 2017;34:16—36. DOI: 10.1016/j.asw.2017.08.002.
19. Orekhova E. Ya., Mikhailova S. V. Introduction. *Terra autonomia: predopredelyaya budushchee inoyazychnogo obrazovaniya v avtonomnom vuze = Terra autonomia: predetermining the future of foreign-language education in an autonomous university*. Collective monograph. E. Ya. Orekhova, E. G. Tareva, S. V. Mikhailova. Moscow, Yazyki Narodov Mira, 2022. Pp. 7—9. (In Russ.)
20. Simbeck K. They shall be fair, transparent, and robust: auditing learning analytics systems. *AI and Ethics*. 2024;4(2):555—571. DOI: 10.1007/s43681-023-00292-7.

Статья поступила в редакцию 30.06.2026; одобрена после рецензирования 23.07.2026; принята к публикации 27.07.2026.
The article was submitted 30.06.2026; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

Научная статья
УДК 37.035.6
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1689

Alevtina Pavlovna Yaroshinskaya
Doctor of Biology,
Associate Professor,
Professor of the Department of Educational Technologies
in Physical Culture and Sports,
Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russian Federation
ayaroshinskaya@mail.ru

Victoria Nikolaevna Karpenko
Senior Lecturer
of the Department of Educational Technologies
in Physical Culture and Sports,
Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russian Federation
viktorija.tkacheva@mail.ru

Irina Evgenievna Yankevich
Senior Lecturer
of the Department of Educational Technologies
in Physical Culture and Sports,
Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russian Federation
rigicc@mail.ru

Алевтина Павловна Ярошинская
д-р биол. наук, доцент,
профессор кафедры образовательных технологий
физической культуры и спорта,
Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева
Астрахань, Российская Федерация
ayaroshinskaya@mail.ru

Виктория Николаевна Карпенко
старший преподаватель кафедры образовательных технологий
физической культуры и спорта,
Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева
Астрахань, Российская Федерация
viktorija.tkacheva@mail.ru

Ирина Евгеньевна Янкевич
старший преподаватель кафедры образовательных технологий
физической культуры и спорта,
Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева
Астрахань, Российская Федерация
rigicc@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИДАКТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИННОВАЦИОННЫХ ФОРМ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию теоретико-методологических проблем дидактических возможностей инновационных форм инклюзивного образования в студенческой среде. В работе представлен всесторонний анализ феномена инклюзии в контексте современного высшего образования с учетом тенденций цифровизации образовательного пространства и расширения спектра образовательных потребностей обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Особое внимание уделено изучению дидактического потенциала инновационных образовательных форм и их влиянию на процессы социализации и академической адаптации студентов. На основе теоретико-эмпирического анализа систематизированы ключевые противоречия, возникающие при внедрении инклюзивных практик в образовательный процесс вуза, определены педагогические ресурсы и механизмы, способствующие эффективной реализации инклюзивной парадигмы. Проанализированы особенности взаимосвязи инновационного диссонанса, инклюзивной культуры образовательной среды и готовности профессорско-преподавательского состава к работе в условиях гетерогенного студенческого состава. Выявлены значимые

зависимости между степенью сформированности инклюзивной культуры, доступностью образовательной среды и академической успешностью студентов с особыми образовательными потребностями. Подробно рассмотрены дидактические модели инклюзивного обучения и их адаптационный потенциал применительно к различным категориям обучающихся. Предложена интегративная модель реализации дидактических возможностей инновационных форм инклюзивного образования, включающая аксиологический, технологический, организационно-педагогический и рефлексивный компоненты. Обоснована необходимость преодоления инновационного диссонанса и формирования инклюзивной культуры как условия продуктивного использования дидактического потенциала новых образовательных форм. Результаты исследования имеют большое значение для развития научно обоснованных подходов к проектированию инклюзивной образовательной среды в высшей школе.

Ключевые слова: инклюзивное образование, дидактические возможности, инновационные формы обучения, студенческая среда, инклюзивная культура, образовательная среда вуза, социализация, инновационный диссонанс, доступность среды, студенты с инвалидностью

Для цитирования: Ярошинская А. П., Карпенко В. Н., Янкевич И. Е. Теоретико-методологические проблемы дидактических возможностей инновационных форм инклюзивного образования в студенческой среде // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 328—333. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1689.

Original article

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF DIDACTIC POTENTIAL OF INNOVATIVE FORMS IN INCLUSIVE EDUCATION AMONG STUDENTS

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the theoretical and methodological problems of the didactic potential of innovative forms in inclusive education among students. The paper presents an in-depth analysis of the phenomenon of inclusion in the context of modern higher education, taking into account the trends of digitalization of the educational space and the expansion of the range of educational needs of students with disabilities. Special attention is paid to the study of the didactic potential of innovative educational forms and their impact on the processes of socialization and academic adaptation of students. Based on theoretical and empirical analysis, the key contradictions that arise when introducing inclusive practices into the educational process of a university are systematized, as well as pedagogical resources and mechanisms that contribute to the effective implementation of the inclusive paradigm are identified. The article analyzes the relationship between innovative dissonance, the inclusive culture of the educational environment and the willingness of the teaching staff to work in conditions of a heterogeneous composition of students. Significant correlations are

identified between the degree of formation of an inclusive culture, the accessibility of the educational environment and the academic performance of students with special educational needs. The didactic models of inclusive education and their adaptive potential for different categories of students are considered in detail. An integrative model for implementing the didactic potential of innovative inclusive education forms is proposed, including axiological, technological, organizational, pedagogical and reflexive components. The necessity of overcoming innovative dissonance and the formation of an inclusive culture as a condition for the productive use of the didactic potential of new educational forms is substantiated. The results of the study are of great importance for the development of scientifically based approaches to the design of an inclusive educational environment in higher education.

Keywords: inclusive education, didactic potential, innovative forms of learning, student environment, inclusive culture, university educational environment, socialization, innovative dissonance, accessibility of the environment, students with disabilities

For citation: Yaroshinskaya A. P., Karpenko V. N., Yankevich I. E. Theoretical and methodological problems of didactic potential of innovative forms in inclusive education among students. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):328—333. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1689.

Введение

Актуальность. Проблема обеспечения равного доступа к высшему образованию для лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ) приобретает особую остроту в условиях масштабной трансформации образовательного пространства отечественных вузов. Расширение спектра образовательных потребностей студенческого контингента, цифровизация учебного процесса и появление новых форматов обучения диктуют необходимость всестороннего теоретического осмысления дидактического потенциала инновационных образовательных форм в контексте инклюзивной парадигмы. Как подчеркивает Р. А. Андрианова, инклюзивное высшее образование в России находится на этапе накопления достижений при сохранении существенных противоречий и нераскрытых ресурсов развития [1]. Инклюзивная образовательная среда вуза выступает необходимым условием успешной социализации студентов с инвалидностью, однако ее формирование сталкивается с теоретико-методологическими барьерами, связанными с недостаточной разработанностью дидактического обеспечения инновационных форм обучения [2]. Особую актуальность проблема приобретает в контексте феномена инновационного диссонанса, который, по мнению П. В. Погореловой, оказывает существенное влияние на обеспечение всеобщего и справедливого качественного образования для всех [3].

Изученность проблемы. Концептуально-методологический аппарат исследования инклюзивного высшего образования опирается на значительный массив трудов отечественных авторов. Достижения, противоречия и ресурсы развития инклюзивного высшего образования в России стали предметом обзорного анализа Р. А. Андриановой [1], систематизировавшей ключевые тенденции и барьеры инклюзивного образовательного пространства. Необходи-

мость формирования инклюзивной образовательной среды вуза как условия социализации студентов с инвалидностью обоснована В. А. Макаровой и Л. Г. Астаховой [2], где средовой подход рассматривается в качестве методологического ориентира при проектировании инклюзивной практики.

Феномен инновационного диссонанса и его влияние на качество образования исследованы П. В. Погореловой [3], выявившей противоречия между декларируемыми инновациями и реальной готовностью образовательных систем к их внедрению. Развитие инклюзивной культуры студентов средствами волонтерской деятельности рассмотрено Н. О. Леоненко и Н. В. Каменковой [4], предложившими деятельностный вектор формирования инклюзивных установок. О. А. Денисова и О. Л. Леханова обобщают лучшие практики инклюзивного высшего образования в вузах Северо-Западного федерального округа [5], демонстрируя региональную специфику инклюзивного процесса.

Инклюзивное образование как фактор эффективной социализации людей с ОВЗ проанализировано Л. М. Аллахвердиевой и А. Т. Гаспаршвили [6], акцентирующими внимание на социализационном потенциале инклюзивной парадигмы. В. И. Зиновьева, М. В. Берсенева и А. Л. Носова исследуют мнения участников образовательного процесса о факторах развития инклюзии в вузе [7], выявляя расхождение позиций преподавателей и студентов. Формирование инклюзивной культуры в образовательной среде творческого вуза рассмотрено О. П. Кутькиной и А. Н. Пивторак [8], подчеркивающими специфику творческих программ в контексте инклюзивизации.

М. П. Шульмин и Р. Р. Гибазов [9] провели оценку состояния инклюзивной среды участниками образовательного процесса в томских вузах; их эмпирические данные фиксируют существенный разрыв между нормативными требованиями и реальной практикой. В. Н. Карпенко и И. Е. Янкевич

анализируют особенности организации инклюзивного образования в вузе [10], предлагая организационно-педагогические условия его эффективной реализации. В. В. Мануйлова рассматривает реализацию мероприятий по совершенствованию системы инклюзивного профессионального образования в субъектах Российской Федерации [11], раскрывая региональную составляющую инклюзивной политики. Системный подход к средовой адаптации базовых профессиональных образовательных организаций для лиц с инвалидностью и ОВЗ предложен О. Г. Приходько, И. Ю. Левченко, В. В. Мануйловой и А. А. Гусейновой [12].

Профессиональная коммуникативная компетентность преподавателей как условие реализации инклюзивного образования в вузе исследована Л. Н. Павловой [13]. Историкографический обзор становления инклюзивного образования в России и за рубежом представлен О. Л. Назаровой и Е. Е. Лобановой [14], систематизировавшими ключевые этапы формирования инклюзивной парадигмы. Концепция развития качества и доступности высшего образования для лиц с инвалидностью разработана А. А. Марголисом, В. В. Рубцовым и О. А. Серебрянниковой [15], обозначившими стратегические приоритеты и механизмы инклюзивной политики на федеральном уровне.

Целесообразность разработки темы исследования определяется противоречием, которое сложилось в современной образовательной практике. С одной стороны, инновационные формы обучения стремительно множатся: цифровые платформы, гибридные занятия, адаптивные маршруты; с другой — их дидактические возможности применительно к инклюзии по-прежнему практически не осмыслены ни теоретически, ни методологически.

Эмпирические данные говорят об очевидном: цифровизация и индивидуализация учебного процесса действительно способны расширить доступ к высшей школе для студентов с особыми потребностями. На практике декларируемые инновации нередко существуют сами по себе, а инклюзивная среда сама по себе: между ними нет ни концептуальной стыковки, ни организационного взаимодействия. К этому добавляется недостаточная инклюзивная культура самих вузов.

Всё это означает, что задача решается путем простого наращивания технологических возможностей. Необходима выработка концептуальных оснований, которые позволят не просто декларировать инклюзивный потенциал инноваций, но реально задействовать его с учетом конкретного студенческого контингента и ресурсных ограничений отдельных организаций.

Научная новизна исследования обеспечивается за счет конструирования интегративной модели реализации дидактических возможностей инновационных форм инклюзивного образования, в основе которой лежит объединение средового, культуросообразного и технологического векторов. Конкретизируя отличия от ранее выполненных изысканий, следует выделить следующие полученные впервые результаты:

- специфицированы теоретико-методологические проблемы раскрытия дидактического потенциала инновационных образовательных форм в условиях инклюзивизации высшей школы;
- эксплицировано влияние инновационного диссонанса на эффективность дидактического обеспечения инклюзивного обучения;
- сформулирована синтетическая концепция реализации дидактических возможностей инклюзивного образования, фундированная объединением аксиологического, технологического, организационно-педагогического и рефлексивного ракурсов;

– обоснована продуктивность полимодального применения инновационных образовательных форматов, адаптированных к специфике образовательных потребностей различных категорий студентов с инвалидностью и ОВЗ.

Цель исследования — разработка и обоснование теоретико-методологических основ реализации дидактических возможностей инновационных форм инклюзивного образования в студенческой среде на основе интеграции средового, культуросообразного и технологического подходов.

Задачи исследования:

- 1) эксплицировать теоретико-методологические противоречия эксплицировать теоретико-методологические противоречия раскрытия дидактического потенциала инновационных образовательных форм в контексте инклюзивизации высшей школы;
- 2) типологизировать инновационные формы инклюзивного образования по критерию их дидактической емкости и адаптационного потенциала;
- 3) проанализировать влияние инновационного диссонанса и уровня инклюзивной культуры на эффективность дидактического обеспечения инклюзивного обучения;
- 4) сконструировать интегративную модель реализации дидактических возможностей инновационных форм инклюзивного образования;
- 5) предложить прикладные ориентиры для внедрения инновационных образовательных форматов, адаптированных под специфику образовательных потребностей студентов с инвалидностью и ОВЗ.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно расширяет научно-педагогические представления о механизмах раскрытия дидактического потенциала инновационных образовательных форм в условиях инклюзии. В ходе работы были обобщены эмпирические и теоретические данные о факторах, обуславливающих состояние инклюзивной образовательной среды вуза, и о ее ресурсных характеристиках. Полученные результаты пополняют теоретическую базу сразу нескольких смежных областей: инклюзивного образования, специальной педагогики и педагогики высшей школы. Предложенная интегративная модель устраняет разобщенность подходов, которые прежде существовали параллельно, не пересекаясь, и позволяет рассматривать проблему в ее целостности.

Практическая значимость исследования связана прежде всего с возможностью прямого применения разработанной модели и методического комплекса. Они ориентированы на использование в вузах, в ресурсных учебно-методических центрах, работающих с обучающимися с инвалидностью, а также в организациях социальной сферы соответствующего профиля. Отдельное направление применения — подготовка специалистов по педагогике, специальному и дефектологическому образованию, психолого-педагогическому сопровождению лиц с ОВЗ. Кроме того, материалы могут оказаться полезными для региональных ресурсных центров инклюзивного профессионального образования, которые сегодня испытывают острую нехватку готовых методических решений.

Основная часть

В основу исследования легло изучение теоретических и научных источников по дидактическому потенциалу инновационных форм инклюзивного образования. На основе этого была разработана интегративная модель, объединяющая методологические и практические аспекты реализации инновационных образовательных форм в условиях инклюзии. Противоречия

и опосредующие механизмы влияния инновационных образовательных форм на результаты студентов с инвалидностью и ОВЗ, выявленные в ходе аналитического обзора, стали основой для теоретико-методологических положений исследования.

Современный дискурс инклюзивного образования подчеркивает необходимость поликонцептуального подхода, в рамках которого синхронизируются средовая, технологическая и культуросообразная плоскости анализа [1; 6]. Важное значение приобретает разработка методических конструктов, обеспечивающих адаптивность педагогических воздействий к образовательным потребностям различных категорий обучающихся. При этом фокус внимания смещается с исключительного доминирования организационно-структурного компонента на дидактическое измерение и предрасположенность к самостоятельной учебной деятельности студентов с особыми образовательными потребностями.

Как утверждают В. А. Макарова и Л. Г. Астахова, инклюзивная образовательная среда вуза выступает необходимым условием успешной социализации студентов с инвалидностью, при этом ее формирование требует не только архитектурно-пространственной доступности, но и содержательно-дидактической трансформации [2]. Этот тезис актуализирует проблему раскрытия дидактического потенциала образовательных форматов, способных обеспечить равноправное участие всех обучающихся. Вместе с тем внедрение инновационных образовательных форм нередко сопровождается феноменом инновационного диссонанса, когда технологические новации не согласуются с реальной готовностью педагогического корпуса и институциональной инфраструктуры к их освоению [3].

Анализ существующих образовательных программ выявил их очевидные недостатки, в первую очередь фрагментарный учет дидактической емкости инновационных форматов и недостаточную адаптированность содержательно-методического аппарата к специфике образовательных потребностей лиц с инвалидностью и ОВЗ. Этот недостаток обусловил потребность в разработке интегративной модели реализации дидактических возможностей инклюзивного образования, основанной на принципах средовой обусловленности, культуросообразности и технологической адаптивности.

Проблема дидактических возможностей инновационных форм инклюзивного образования носит многоуровневый характер. На макроуровне она обусловлена противоречием между декларируемой доступностью высшего образования и реальной ограниченностью дидактического инструментария. Как свидетельствует обзорная работа Р. А. Андриановой, инклюзивное высшее образование в России достигло определенных успехов, однако противоречия между нормативными установками и практикой их реализации остаются существенными [1]. На мезоуровне противоречие проявляется в рассогласованности между инновационным потенциалом образовательных технологий и инклюзивной культурой образовательной организации. На микроуровне возникает разрыв между индивидуальными образовательными потребностями обучающихся с ОВЗ и стандартизированными дидактическими решениями.

Феномен инновационного диссонанса, описанный П. В. Погореловой, представляет собой существенное препятствие на пути раскрытия дидактического потенциала инновационных образовательных форм [3]. В контексте инклюзивного образования он приобретает двойственную природу: с одной стороны, препятствует раскрытию дидактических возможностей уже внедренных форматов, с другой — провоцирует формальное отношение к инноваци-

ям, при котором их потенциал остается нереализованным. Преподаватели, не обладающие достаточной инклюзивной компетентностью, переносят традиционные дидактические схемы на инновационные форматы без адаптации к образовательным потребностям студентов с инвалидностью, тем самым снижая дидактическую отдачу от нововведений.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об инклюзивной культуре образовательной организации — ее уровень во многом определяет, насколько продуктивно задействуются дидактические возможности новых образовательных форм. Н. О. Леоненко и Н. В. Каменкова показывают, что волонтерская деятельность способна стать одним из действенных инструментов формирования такой культуры и тем самым создает благоприятные условия для внедрения инновационных дидактических решений [4]. О. П. Кузькина и А. Н. Пивторак в свою очередь фиксируют, что по мере ее становления преподаватели демонстрируют большую готовность к вариативному применению адаптивных подходов, а сами дидактические решения приобретают более гибкий характер [8]. М. П. Шульмин и Р. Р. Гибазов обнаружили заметное расхождение в том, как инклюзивные условия оцениваются преподавателями и студентами, — это расхождение наглядно свидетельствует о том, что дидактические стратегии необходимо выстраивать в соответствии с реальными потребностями обучающихся, а не опираться исключительно на профессиональные представления педагогов [9].

К схожим выводам приходят О. А. Денисова и О. Л. Леханова: изучение успешных практик показывает, что раскрытие дидактического потенциала инновационных форм обучения достигается только при одновременном обеспечении организационно-педагогических, технологических и средовых условий — ни одно из них не может быть заменено или компенсировано остальными [5]. Л. М. Аллахвердиева и А. Т. Гаспаршвили уточняют, что инклюзивное образование реально способствует социализации студентов лишь тогда, когда образовательные маршруты получают должную дидактическую проработку, а форматы обучения приводятся в соответствие с их потребностями [6]. В. И. Зиновьева, М. В. Берсенева и А. Л. Носова подчеркивают значимость согласованности институциональных и дидактических условий [7]. В. Н. Карпенко и И. Е. Янкевич показывают, что дидактические возможности раскрываются наиболее полно при интеграции средового, технологического и культуросообразного подходов [10]. В. В. Мануйлова обосновывает значимость региональной специфики дидактического обеспечения [11], а О. Г. Приходько с соавторами подчеркивают взаимосвязь средовой доступности и дидактической адаптивности [12].

Опираясь на выявленные методологические подходы и проанализированные проблемы, мы спроектировали интегративную модель реализации дидактических возможностей инновационных форм инклюзивного образования, структурно объединяющую следующие соподчиненные блоки:

- **Целевой блок** определяет два уровня ориентиров: *стратегический* — раскрытие дидактического потенциала инновационных форм обучения ради равноправного участия студентов с инвалидностью и ОВЗ в образовательном процессе; *тактический* — преодоление инновационного диссонанса, становление инклюзивной культуры и адаптация дидактических стратегий под реальные образовательные потребности конкретных студентов.

- **Диагностический блок** служит для оценки ресурсов образовательной организации в части инклюзии. Здесь проводится инвентаризация дидактических и технологических

возможностей вуза, выясняется уровень инклюзивной культуры участников процесса, изучаются индивидуальные потребности студентов с инвалидностью и ОВЗ.

- **Содержательный блок** охватывает четыре направления: *аксиологическое* — формирование ценностных установок, в основе которых признание права каждого на образование; *технологическое* касается освоения инновационных форматов и их адаптации к конкретным учебным условиям; *операционно-практическое* нацелено на реальное включение студентов с инвалидностью в учебную деятельность, а не просто на их физическое присутствие в аудитории; *рефлексивное* предполагает, что педагог осмысляет собственный опыт работы в инклюзивной среде и пересматривает его, исходя из фактических запросов обучающихся.

- **Организационно-педагогический блок** отвечает за согласованность работы структурных подразделений вуза. Речь идет о стыковке архитектурно-пространственной, информационной и дидактической доступности среды, выстраивании межинституциональных партнерств и включении в систему дополнительного профессионального образования тех преподавателей, которые непосредственно обеспечивают инклюзивное обучение.

- **Оценочно-результативный блок** строится на четырех группах индикаторов: *дидактический* показывает, насколько гибко выстроены образовательные маршруты и представлен ли учебный материал в разных модальностях; *культуросообразный* фиксирует уровень инклюзивной культуры среды в целом; *технологический* отражает степень освоения инновационных форматов и то, удалось ли участникам процесса преодолеть инновационный диссонанс; *социализационный* показывает, насколько студенты с инвалидностью включены в академическую и социальную жизнь вуза — не формально, а по существу.

Модель носит интегративный характер: она собирает воедино аспекты, которые прежде разбирались порознь. Инновационные формы в ней — не цель, а инструмент раскрытия дидактического потенциала инклюзии. Насколько этот инструмент работает, зависит в первую очередь от уровня инклюзивной культуры, от того, преодолен ли инновационный диссонанс, и от согласованности организационно-педагогических условий внутри конкретного вуза.

Выводы

Дидактические возможности инновационных форм инклюзивного образования — многогранное явление. Здесь пересекаются технологический потенциал, ценностные установки, культурный контекст и организационно-педагогические условия. Всё это не рядопологающие факторы, а взаимозависимые составляющие одного процесса.

Теоретико-методологические трудности, с которыми сталкивается эта область, хорошо известны: терминологическая размытость, инновационный диссонанс, слабо сформированная инклюзивная культура, отсутствие внятных критериев оценки, наконец, неравномерность ресурсного обеспечения между регионами. Важно понимать, что эти проблемы не независимы друг от друга, они взаимно порождают и усиливают одна другую. Следовательно, и устранять их по одной, в отрыве от общей картины, бессмысленно.

Особого внимания заслуживает инновационный диссонанс. Когда темп внедрения новшеств обгоняет реальную готовность педагогов и студентов, практика неизбежно приобретает формальный характер, а дидактическая отдача падает. Способ выхода из этого положения — параллельная целенаправленная работа по формированию инклюзивной культуры и развитию адаптивной компетентности педагогов.

Инклюзивная культура в этой логике — это не фоновое условие и не дополнение к технологиям. Она конститутивная: без нее самые продуманные цифровые решения не обеспечат студентам с ОВЗ реального равноправного участия в учебном процессе.

Разработанная интегративная модель объединяет пять компонентов: целевой, диагностический, содержательный, организационно-педагогический и оценочно-результативный. Такая структура позволяет систематизировать дидактическое обеспечение инклюзивного обучения и сохранять его эффективность в разных институциональных условиях — не только в благополучных вузах с достаточными ресурсами, но и там, где возможности объективно ограничены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрианова Р. А. Инклюзивное высшее образование в России: достижения, противоречия и ресурсы развития // Экономические и социальные проблемы России. 2025. № 3(63). С. 132—146.
2. Макарова В. А., Астахова Л. Г. Инклюзивная образовательная среда вуза как необходимое условие успешной социализации студентов с инвалидностью // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 2(232). С. 54—63.
3. Погорелова П. В. Инновационный диссонанс и его влияние на обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования для всех // Вестник Академии знаний. 2025. № 2(67). С. 1130—1133.
4. Леоненко Н. О., Каменкова Н. В. Развитие инклюзивной культуры студентов профессиональных образовательных организаций средствами волонтерской деятельности: опыт и перспективы // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. № 1(33). С. 107—114.
5. Денисова О. А., Леханова О. Л. Лучшие практики инклюзивного высшего образования в вузах Северо-Западного федерального округа // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 6(87). С. 156—169. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-6-87-17.
6. Аллаhverдиева Л. М., Гаспаршвили А. Т. Инклюзивное образование в вузах как фактор эффективной социализации людей с ограниченными возможностями здоровья // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2020. № 4. С. 15—21. DOI: 10.20339/AM.04-20.015.
7. Зиновьева В. И., Берсенев М. В., Носова А. Л. Инклюзивное образование и вуз: анализ мнений и факторов развития // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 181—187. DOI: 10.17223/19988613/67/24.
8. Кутькина О. П., Пивторак А. Н. Формирование инклюзивной культуры в образовательной среде творческого вуза // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 64. С. 253—259.
9. Шульмин М. П., Гибазов Р. Р. Оценка состояния инклюзивной среды участниками образовательного процесса в томских вузах // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2021. № 4(289). С. 94—104.

10. Карпенко В. Н., Янкевич И. Е. Особенности организации инклюзивного образования в вузе // Социальная и образовательная инклюзия: стратегии, практики, ресурсы : сб. ст. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь : Ариал, 2025. С. 139—143.
11. Мануйлова В. В. Реализация мероприятий по совершенствованию системы инклюзивного профессионального образования в субъектах Российской Федерации // Гуманитарные науки. 2018. № 2(42). С. 20—25.
12. Приходько О. Г., Левченко И. Ю., Мануйлова В. В., Гусейнова А. А. Обеспечение доступности среды базовых профессиональных образовательных организаций для лиц с инвалидностью и ОВЗ в условиях реализации мультифункциональной модели // Специальное образование. 2019. № 4(56). С. 99—113. DOI: 10.26170/sp19-04-09.
13. Павлова Л. Н. Профессиональная коммуникативная компетентность профессорско-преподавательского состава к реализации инклюзивного образования в вузе // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании : материалы 25-й междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : РГППУ, 2020. Т. 2. С. 288—292.
14. Назарова О. Л., Лобанова Е. Е. Инклюзивное образование в России и за рубежом: историографический обзор // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 4(42). С. 130—133. DOI: 10.18324/2224-1833-2020-4-130-133.
15. Марголис А. А., Рубцов В. В., Серебрянникова О. А. Концепция проекта развития качества и доступности высшего образования для лиц с инвалидностью в Российской Федерации // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 1. С. 10—17. DOI: 10.17759/pse.2017220103.

REFERENCES

1. Andrianova R. Inclusive higher education in Russia: achievements, contradictions and resources for development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii = Economic and social problems of Russia*. 2025;3:132—146. (In Russ.)
2. Makarova V. A., Astakhova L. G. Inclusive educational environment of the university as a necessary condition for successful socialization of students with disabilities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2024;2(232):54—63. (In Russ.)
3. Pogorelova P. V. Innovative dissonance and its impact on ensuring inclusive and equitable quality education for all. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2025;2(67):1130—1133. (In Russ.)
4. Leonenko N. O., Kamenkova N. V. Development of an inclusive culture of students of professional educational organizations by means of volunteer activities: experience and prospects. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya = Innovative development of vocational education*. 2022;1(33):107—114. (In Russ.)
5. Denisova O. A., Lekhanova O. L. Best practices of inclusive higher education in the universities of the North-Western Federal District. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018;6(87):156—169. (In Russ.) DOI: 10.23859/1994-0637-2018-6-87-17.
6. Allakhverdiyeva L. M., Gasparishvili A. T. Inclusive education at universities as a factor of effective socialization of people with health disabilities. *Alma mater. Vestnik vysshei shkoly*. 2020;4:15—21. (In Russ.) DOI: 10.20339/AM.04-20.015.
7. Zinovieva V. I., Bersenev M. V., Nosova A. L. Inclusive education and university: opinion analysis and development factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*. 2020;67:181—187. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/67/24.
8. Kutkina O. P., Pivtorak A. N. Formation of an inclusive culture in the learning environment of a creative higher educational institution. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2023;64:253—259. (In Russ.)
9. Shulmin M. P., Gibazov R. R. Assessment of the inclusive environmental state by the participants of the educational process in Tomsk. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya» = Bulletin of the Adyghe state university. Series "Region studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political sciences and culture science"*. 2021;4(289):94—104. (In Russ.)
10. Karpenko V. N., Yankevich I. E. Features of the organization of inclusive education in higher education institutions. *Sotsial'naya i obrazovatel'naya inkluziya: strategii, praktiki, resursy = Social and educational inclusion: Strategies, practices, resources. Collection of articles based on the materials of the IX International scientific and practical conference*. Simferopol, Arial, 2025:139—143. (In Russ.)
11. Manuilova V. V. Implementation of measures to improve the system of inclusive professional education in the regions of the Russian Federation. *Gumanitarnye nauki = The Humanities*. 2018;2(42):20—25. (In Russ.)
12. Prikhod'ko O. G., Levchenko I. Yu., Manuylova V. V., Guseynova A. A. Environmental accessibility of basic vocational education institutions for persons with disabilities under the conditions of realization of the multifunctional model. *Spetsial'noe obrazovanie = Special education*. 2019;4(56):99—113. (In Russ.) DOI: 10.26170/sp19-04-09.
13. Pavlova L. N. Professional communicative competence of the faculty to implement inclusive education at the university. *Innovatsii v professional'nom i professional'no-pedagogicheskom obrazovanii = Innovations in vocational and vocational-pedagogical education*. Proceedings of the 25th International scientific and practical conference. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University publ., 2020;2:288—292. (In Russ.)
14. Nazarova O. L., Lobanova E. E. Inclusive education in Russia and abroad: a historiographic review. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Issues of Social-Economic development of Siberia*. 2020;4(42):130—133. (In Russ.) DOI: 10.18324/2224-1833-2020-4-130-133.
15. Margolis A. A., Rubtsov V. V., Serebryannikova O. A. Promoting the Quality and Accessibility of Higher Education for People with Disabilities in the Russian Federation. *Psychological Science and Education = Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2017;22(1):10—17. (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2017220103.

Статья поступила в редакцию 12.06.2026; одобрена после рецензирования 05.07.2026; принята к публикации 06.07.2026.
The article was submitted 12.06.2026; approved after reviewing 05.07.2026; accepted for publication 06.07.2026.

Научная статья

УДК 378

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1677

Tatyana Ivanovna Avdeeva

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Pedagogy
of Primary and Preschool Education,
State University of Humanities and Technology
Orehovo-Zuevo, Russian Federation
avdeeva-t-i@mail.ru

Татьяна Ивановна Авдеева

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры педагогики
начального и дошкольного образования,
Государственный гуманитарно-технологический университет
Орехово-Зуево, Российская Федерация
avdeeva-t-i@mail.ru

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье рассматривается одна из ключевых проблем современного педагогического образования — подготовка будущих педагогов к организации историко-просветительской деятельности в начальной школе. Актуальность исследования детерминирована модернизацией российской системы образования и обновлением федеральных государственных образовательных стандартов, которые актуализируют задачу формирования у младших школьников устойчивой гражданской идентичности, ценностного отношения к историческому и культурному наследию. В данном контексте историко-просветительская деятельность выступает не просто как трансляция знаний, но как стратегический инструмент воспитания личности, способной к осознанной гражданской самоидентификации и сохранению исторической памяти. Целью исследования является теоретическое обоснование, разработка и эмпирическая проверка эффективности модели подготовки студентов на основе интеграции деятельностного и полисубъектного подходов. Объектом выступает процесс профессиональной подготовки будущих педагогов, а предметом — педагогические условия формирования их готовности к историко-просветительской деятельности. В рамках опытно-экспериментальной работы, проведенной на базе педагогического факультета, была апробирована структурно-функциональная модель, включающая целе-

вой, содержательно-процессуальный и оценочно-результативный компоненты. Практическая реализация модели осуществлялась посредством организации проектной деятельности студентов в период производственной практики, что позволило смоделировать реальные условия профессиональной деятельности. Результаты констатирующего этапа выявили недостаточный уровень методической и организационной готовности студентов. Однако формирующий эксперимент продемонстрировал существенную положительную динамику. Эффективность предложенной модели подтверждена значительным ростом показателей по всем критериям оценки: когнитивному, деятельностному и ценностно-мотивационному. Разработанная полисубъектная модель, программа курса и методические материалы доказали свою состоятельность и могут быть рекомендованы для широкого внедрения в образовательный процесс педагогических вузов с целью повышения качества подготовки кадров для начальной школы.

Ключевые слова: подготовка будущих педагогов, историко-просветительская деятельность, начальная школа, гражданская идентичность, полисубъектный подход, проектная деятельность, педагогическая модель, историко-культурное наследие, профессиональная подготовка, воспитательная работа, формирование ценностных ориентаций

Для цитирования: Авдеева Т. И. Подготовка будущих педагогов к историко-просветительской деятельности в начальной школе // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 334—340. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1677.

Original article

TRAINING FUTURE TEACHERS FOR HISTORICAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES IN PRIMARY SCHOOL

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article examines one of the key problems of modern teacher education — the training of future teachers for organizing historical and educational activities in primary school. The relevance of the research is determined by the modernization of the Russian education system and the updating of Federal State Educational Standards, which actualize the task of forming a stable civic identity among younger schoolchildren and value attitudes towards historical

and cultural heritage. In this context, historical and educational activities act not just as a translation of knowledge, but as a strategic tool for educating a person capable of conscious civic self-identification and the preservation of historical memory. The purpose of the research is to theoretically substantiate, develop and empirically verify the effectiveness of the student training model based on the integration of activity-based and multi-subject approaches. The object

is the process of professional training of future teachers, and the subject is the pedagogical conditions for the formation of their readiness for historical and educational activities. As part of the experimental work carried out on the basis of the pedagogical faculty, a structural and functional model was tested, including targeted, substantive, procedural and evaluative-effective components. The practical implementation of the model was carried out through the organization of students' project activities during the internship period, which made it possible to simulate the real conditions of professional activity. The results of the ascertaining stage revealed an insufficient level of methodological and organizational readiness of students. However, the formative experiment

demonstrated significant positive dynamics. The effectiveness of the proposed model is confirmed by a significant increase in indicators for all evaluation criteria: cognitive, activity-based, and value-motivational. The developed multi-subject model, course program and methodological materials have proven their worth and can be recommended for widespread implementation in the educational process of pedagogical universities in order to improve the quality of teacher training for primary school.

Keywords: *training of future teachers, historical and educational activities, primary school, civic identity, multi-subject approach, project activities, pedagogical model, historical and cultural heritage, professional training, educational work, formation of value orientations*

For citation: Avdeeva T. I. Training future teachers for historical and educational activities in primary school. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):334—340. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1677.

Введение

Актуальность. В условиях модернизации российской системы образования и обновления Федеральных образовательных стандартов особое значение приобретает формирование у младших школьников устойчивых представлений об истории Отечества, гражданской идентичности, уважительного отношения к культурному и историческому наследию. Историческое просвещение в начальном общем образовании выступает не только как средство передачи знаний, но и как важнейший инструмент воспитания личности, способной к осознанному участию в жизни общества, сохранению исторической памяти и развитию патриотических чувств. В данном контексте подготовка будущих педагогов к организации историко-просветительской работы становится одной из приоритетных задач педагогического образования. Однако анализ существующей практики формирования гражданской идентичности младших школьников обнаруживает недостаточность целенаправленной планомерной работы в данном направлении. Это находит выражение в низком уровне организации школьного воспитания, отсутствии продуманной тактики воспитания гражданской идентичности, недостаточном использовании воспитывающего потенциала предмета «Окружающий мир», в преобладании «знаниевой» парадигмы. Во многом это связано со сложностями в понимании учителями начальных классов специфики содержания гражданской идентичности младших школьников и отсутствием методической готовности к ее формированию [1].

В современной педагогической науке и практике историческое просвещение в начальном общем образовании рассматривается как комплексная задача, включающая не только передачу знаний о прошлом, но и формирование ценностных ориентаций, гражданской идентичности, уважения к культурному многообразию и исторической памяти. Анализ нормативно-правовых документов [Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (далее — ФГОС НОО), указы Президента РФ] показывает, что историко-просветительская работа должна быть интегрирована в урочную и внеурочную деятельность, строиться на принципах деятельностного и личностно-ориентированного подходов.

При этом теоретико-методологические основы такого подхода были заложены в работах А. Г. Асмолова, обобщившего стратегию социокультурной модернизации

образования как путь к преодолению кризиса идентичности [2]. Практическая реализация этих идей находит отражение в создании учебно-методических комплексов, таких как «Рассказы по истории Отечества», которые успешно используются педагогами.

Вместе с тем, как отмечают исследователи, сам процесс формирования гражданской идентичности в образовательном процессе требует дальнейшего изучения с учетом современных реалий [3]. Важным аспектом является разграничение понятий гражданской и этнической идентичности, что позволяет выстраивать воспитательную работу на принципах единства в многообразии [4].

Таким образом, несмотря на наличие теоретических разработок и отдельных методических пособий, комплексная подготовка студентов вуза к реализации целостного курса «Историческое просвещение в начальном общем образовании» остается недостаточно изученной, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Изученность проблемы. Анализ современной педагогической литературы показывает, что вопросы исторического просвещения и формирования гражданской идентичности у младших школьников находятся в фокусе внимания отечественных исследователей. Значительный вклад в разработку теории и методики краеведческой работы, проектной деятельности и интеграции истории в образовательный процесс внесли М. Л. Несмелова, Н. В. Смирнова и др. М. Л. Несмелова определяет методические подходы к отбору эффективных форм, выделяя проектную деятельность, игровые технологии и социально-значимые практики как ключевые инструменты [5].

Важность школьного музейного пространства подчеркивается в работе Д. В. Полежаева и С. П. Казачковой [6]. Значение технологий музейной педагогики отмечается в исследованиях Н. В. Смирновой применительно к начальной школе [7].

Вместе с тем, несмотря на значительный вклад указанных исследователей, их труды преимущественно фокусируются на отдельных элементах системы (краеведении, музейной педагогике) и практике работы с обучающимися школ. Вопросы же подготовки будущих педагогов к реализации целостного курса «Историческое просвещение в начальном общем образовании» остаются недостаточно разработанными.

Для более полного понимания контекста исследования необходимо обратиться к фундаментальным работам, раскрывающим различные грани проблемы.

Методологический базис заложен в трудах В. А. Тишкова, который разводит понятия гражданской (русской) и этнической идентичности, обосновывая принцип единства в многообразии [8] и А. Г. Асмолова, обосновавшего стратегию социокультурной модернизации образования [9].

Философско-педагогические основы воспитания, акцентирующие внимание на духовно-нравственном наследии Родного края, исследованы Е. П. Белозерцевым [10].

Вопросы гуманитаризации образования и детальная методическая система становления гражданской идентичности рассматриваются в рамках системного подхода, эффективность которого подтверждается результатами апробации программы внеурочной деятельности «Я — гражданин своей страны», показавшей значительный рост показателей сформированности гражданской идентичности у младших школьников [11].

Современные вызовы цифровизации общества и трансформация идентичности анализируются в работе А. А. Лисенковой [12].

Проблематика патриотического воспитания как ядра историко-просветительской деятельности находит отражение в исследованиях М. С. Жилинской и Е. А. Ивановой [13] и В. П. Ляхова с соавторами [14].

Важное место занимают исследования, посвященные непосредственно подготовке кадров. Так, аксиологические аспекты профессиональной подготовки учителя рассматриваются в работах А. Г. Бермуса [15], а потенциал создания событийной общности в процессе обучения студентов описан С. В. Герасимовым [16]. Вопросы формирования культурного кода и региональной идентичности как части педагогического процесса поднимаются в исследовании М. Н. Певзнера с соавторами [17].

Таким образом, проведенный анализ подтверждает наличие обширной базы исследований по отдельным аспектам. Однако сам процесс формирования готовности студента к такой деятельности требует дальнейшего изучения. Выявленное противоречие между социальным заказом общества и недостаточной теоретико-методологической разработанностью вопроса обуславливает целесообразность настоящего исследования.

Цель теоретически обосновать и эмпирически проверить эффективность подготовки студентов к организации историко-просветительской деятельности в начальной школе на основе современных подходов и практик.

Задачи исследования:

- проанализировать состояние изученности проблемы реализации исторического просвещения в педагогической практике;
- выявить особенности и требования ФГОС НОО к организации историко-просветительской работы в начальной школе;
- обосновать целесообразность использования полисубъектного подхода и проектных форматов в обучении студентов;
- апробировать курс «Историческое просвещение в начальном общем образовании» и оценить его эффективность на основе анализа результатов опытно-экспериментальной работы.

Научная новизна исследования заключается в систематизации современных подходов к обучению студентов в рамках изучения курса «Историческое просвещение в начальном общем образовании», выявлении эффектив-

ных практик, реализуемых в Московской области, и обосновании полисубъектной модели подготовки будущих педагогов. На региональном материале анализируется опыт интеграции краеведческого компонента, проектных и исследовательских методов, а также взаимодействия с семьями, музеями, библиотеками в рамках историко-просветительской работы.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении понятийного аппарата, связанного с историко-просветительской деятельностью в начальной школе, систематизации современных подходов к подготовке будущих педагогов, а также в разработке апробации курса «Историческое просвещение в начальном общем образовании».

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные методические материалы, диагностический инструментарий и программа курса могут быть использованы в образовательном процессе педагогической вузов, а также при организации урочной и внеурочной деятельности по историческому просвещению в школах Московской области. Полученные результаты способствуют повышению качества подготовки будущих педагогов к воспитанию гражданской идентичности и сохранению исторической памяти у младших школьников.

Основная часть

В современной педагогической науке и практике историческое просвещение в начальном общем образовании рассматривается как комплексная задача, включающая не только передачу знаний о прошлом, но и формирование ценностных ориентаций, гражданской идентичности, уважения к культурному многообразию и исторической памяти. Анализ нормативно-правовых документов: ФГОС НОО, Примерной рабочей программы по воспитанию, Инструктивного письма об осуществлении исторического просвещения обучающихся по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования от 14 июля 2022 г. № 03-1035 Департамента государственной политики и управления в сфере общего образования Министерства просвещения РФ, указов Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Методических рекомендаций для образовательных учреждений по повышению квалификации педагогических работников в части организации работы по историко-патриотическому просвещению и учебно-методическому обеспечению, Методических рекомендаций «Историческое просвещение в общеобразовательных организациях», Проекта Концепции исторического просвещения в образовательных организациях — показывает, что историко-просветительская работа должна быть интегрирована в урочную и внеурочную деятельность, строится на принципах полисубъектности, деятельностного и личностно-ориентированного подходов [18, с. 155—157]. Однако для того, чтобы процесс преподавания способствовал формированию ценностного

отношения, по мнению исследователей, необходимо создать определенные педагогические условия, включающие использование активных методов обучения, проектной и исследовательской деятельности [19].

Методология исследования. Исследование проводилось на базе педагогического факультета ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет». В опытно-экспериментальной работе приняли участие 48 студентов.

Результаты исследования

Констатирующий этап: диагностика исходного уровня готовности. На начальном этапе исследования была проведена диагностика исходного уровня сформированности компетенций у студентов в области организации историко-просветительской деятельности в начальной школе. В качестве диагностического инструментария использовались авторские анкеты, анализ учебных планов и решение ситуационных задач, требующих проектирования образовательного события.

Результаты диагностики продемонстрировали преимущественно средний уровень готовности к исследуемой деятельности. Высокий уровень, характеризующийся способностью самостоятельно интегрировать краеведческий материал в образовательный процесс и проектировать разновозрастные мероприятия, был зафиксирован лишь у 10 % респондентов (5 из 48). Средний уровень выявлен у 60 % студентов (29 чел.), что свидетельствовало о наличии базовых знаний, но недостаточном владении практическими умениями. Низкий уровень, при котором студенты испытывали значительные затруднения как в теоретической базе, так и в методике проектирования, был диагностирован у 30 % выборки (14 чел.).

Таблица 1

Основные затруднения студентов на констатирующем этапе

Группа затруднений	Конкретное проявление
Методические	Неспособность выстроить логику разновозрастного взаимодействия и определить педагогические цели для участников разного возраста
Содержательные	Сложности в отборе и интеграции локального краеведческого материала в контекст общенациональной истории
Организационные	Отсутствие навыков привлечения социальных партнеров (родителей, представителей музеев, архивов) к реализации проектов

Выявленные на констатирующем этапе методические, содержательные и организационные затруднения студентов обусловили необходимость целенаправленной коррекционной работы. Для преодоления данных дефицитов была разработана и внедрена модель обучения, основанная на проектной деятельности и полисубъектном подходе, описание которой представлено в следующем разделе. Ее реализация осуществлялась в рамках формирующего этапа эксперимента.

Формирующий этап: реализация полисубъектной проектной модели. Для преодоления выявленных дефицитов была разработана и внедрена модель обучения, основанная на принципах полисубъектности, деятельностного подхода и проектной деятельности. Основной формой работы стала организация производственной практики, в рамках которой студенты разработали и реализовали шесть комплексных проектов историко-просветительской направленности. Каждый проект был спроектирован как открытая система, включающая различных субъектов образовательного процесса.

Таблица 2

Реализация проектной деятельности на формирующем этапе эксперимента

Проект	Характеристика	Ведущая компетенция студентов
Краеведческая экспедиция «История моей улицы»	Исследовательский: интеграция микроистории семьи и локальной истории	Интеграция исторических фактов с элементами материальной культуры и семейными традициями
Музей в чемодане: традиции народов Подмосковья	Культурно-образовательный: полисубъектный формат (студенты, родители)	Навык социального партнерства и взаимодействия с родителями
Праздники народов России: вместе учимся жить	Социокультурный: разновозрастная группа (студенты, младшие школьники)	Организация совместной продуктивной деятельности в смешанных группах
Герои нашего края	Музейно-педагогический: социальное партнерство с краеведческим музеем	Навык социального партнерства и взаимодействия с внешними организациями
Семейная реликвия рассказывает	Воспитательный: вовлечение семей учащихся	Проектирование образовательных событий с учетом психолого-педагогических особенностей детей
История школы через века	Учебно-исследовательский: работа с архивами и выпускниками	Проектирование образовательных событий с учетом психолого-педагогических особенностей детей

Предложенная система проектных заданий носила комплексный характер и была направлена на формирование всего спектра заявленных компетенций. Каждый из реализованных проектов выступал в качестве практико-ориентированной площадки, где студенты не только осваивали теоретические знания, но и применяли их для решения конкретных педагогических задач, моделируя будущую профессиональную деятельность.

Таким образом, успешное прохождение студентами данного этапа является необходимым условием для пе-

рехода к контрольному срезу, целью которого является оценка динамики сформированности профессиональных компетенций и эффективности применяемой модели обучения.

Контрольный этап: оценка эффективности предложенной модели. По завершении формирующего этапа была проведена повторная диагностика для оценки динамики уровня сформированности компетенций. Сравнительный анализ результатов констатирующего и контрольного этапов показал существенный рост показателей.

Таблица 3

Динамика уровней готовности студентов

Уровень	Констатирующий этап		Контрольный этап	
	%	N	%	N
Высокий	10	5	65	31
Средний	60	29	35	17
Низкий	30	14	0	0

Особо следует отметить рост доли студентов, способных к самостоятельной разработке проекта историко-просветительского мероприятия с использованием краеведческого компонента. Этот показатель увеличился с 10 до 65 %. Качественный анализ продуктов проектной деятельности подтвердил повышение уровня методической грамотности: проекты стали более структурированными, возросло разнообразие используемых форм работы, усилилась их практико-ориентированная направленность. Педагогическое наблюдение фиксировало значительный рост коммуникативной активности студентов, развитие их умения работать в команде и эффективно организовывать взаимодействие с детской аудиторией.

Таким образом, результаты опытно-экспериментальной работы доказывают эффективность предложенной модели, что позволяет перейти к ее детальному описанию.

Описание модели подготовки будущих педагогов к историко-просветительской деятельности. Модель представляет собой целостную систему организационно-педагогических условий, направленную на формирование у студентов готовности к организации историко-просветительской работы в начальной школе. Модель базируется на интеграции трех ключевых компонентов: целевого, содержательно-процессуального и оценочно-результативного — и реализуется на основе полисубъектного подхода.

- **Целевой компонент.** Цель модели — формирование у будущего учителя начальных классов комплекса профессиональных компетенций, позволяющих ему не просто транслировать исторические знания, но и создавать ценностно-смысловое поле, способствующее становлению гражданской идентичности и личностному развитию младшего школьника. Эта цель конкретизируется в следующих задачах: формирование системы знаний об основах исторического просвещения, краеведении и теории проектной деятельности; развитие умений проектировать образовательные события, интегрирующие историю, культуру и семейные ценности; воспитание ценностного отношения к историческому наследию России и своей Малой Родины.

- **Содержательно-процессуальный компонент** является ядром модели и определяет содержание курса «Историческое просвещение в начальном общем образовании», а также технологии его освоения. Он включает два взаимосвязанных модуля. Теоретический модуль: освоение студентами понятийного аппарата (гражданская идентичность, краеведение, полисубъектность), нормативно-правовой базы (ФГОС НОО, указы Президента РФ), методологических подходов и принципов отбора содержания. Практико-ориентированный модуль: реализуется через технологию проектного обучения. Студенты переходят от пассивного усвоения знаний к активной созидательной деятельности. Ключевой особенностью этого модуля является опора на полисубъектный подход, который пред-

полагает расширение круга участников образовательного процесса за пределы диады «учитель-ученик». Субъектами становятся родители, социальные партнеры (сотрудники музеев, библиотек, архивов), представители местного сообщества. Это позволяет смоделировать реальную среду будущей профессиональной деятельности и освоить навыки сотрудничества.

Процессуально модель реализуется в три этапа, описанные выше: от диагностики (выявления дефицитов) через активное действие (реализацию проектов во время практики) к рефлексии и оценке результатов.

- **Оценочно-результативный компонент** обеспечивает обратную связь и коррекцию образовательного процесса. Он включает критериально-оценочный аппарат, позволяющий измерить динамику формирования компетенций. Критерии оценки включают: когнитивный критерий: владение теоретическими знаниями; деятельностный критерий: умение разработать и реализовать проект, интегрировать краеведческий материал, организовать разновозрастное, полисубъектное взаимодействие; ценностно-мотивационный критерий: проявление личной заинтересованности в изучении истории, осознание важности просветительской миссии педагога.

Оценка осуществляется на основе анализа продуктов проектной деятельности, решения кейсов, педагогического наблюдения и самоанализа студентов. Результатом реализации модели является педагог, готовый к выполнению функций наставника и проводника в мир истории и культуры, способный формировать у младших школьников устойчивую гражданскую позицию и чувство сопричастности к судьбе Отечества.

Представленная модель демонстрирует ее системный характер, где каждый компонент логически связан с другими и направлен на достижение единой цели. Интеграция теоретической подготовки с практико-ориентированным модулем, реализуемым на основе полисубъектного подхода, создает необходимые условия для преодоления выявленных ранее затруднений студентов. Эффективность данной модели была проверена в ходе контрольного этапа исследования, результаты которого демонстрируют положительную динамику сформированности профессиональных компетенций.

Выводы

В условиях обновления образовательных стандартов и необходимости формирования гражданской идентичности у младших школьников подготовка будущих педагогов к историко-просветительской деятельности является приоритетной задачей. Проведенный анализ показал, что, несмотря на наличие исследований по отдельным аспектам, комплексная модель подготовки студентов, интегрирующая проектную деятельность, полисубъектный подход и краеведческий компонент, остается недостаточно изученной и требует теоретического и эмпирического обоснования. Опытнo-экспериментальная работа, проведенная в три этапа (констатирующий, формирующий, контрольный), продемонстрировала существенную положительную динамику. Реализация шести проектов историко-просветительской направленности в ходе формирующего этапа позволила студентам не только освоить теоретические знания, но и практически применить их. В процессе работы студенты успешно освоили ключевые компетенции: проектирование образовательных событий

с учетом возрастных особенностей, интеграцию исторических знаний с культурой и семейной историей, а также навыки организации разновозрастного взаимодействия и социального партнерства. Вовлечение в образовательный процесс не только студентов и преподавателей, но и родителей, сотрудников музеев, архивов и библиотек (субъектов образовательного процесса) позволило смоделировать реальную профессиональную среду. Это способствовало преодолению организационных затруднений, выявленных на начальном этапе, и формированию у будущих педагогов навыков сотрудничества, необходимых для успешной работы в современной школе.

Таким образом, результаты исследования доказывают, что предложенная полисубъектная модель подготовки, основанная на интеграции теоретического обучения и практической проектной деятельности, является эффективной. Она обеспечивает формирование у будущих педагогов готовности к организации историко-просветительской работы, направленной на воспитание гражданской идентичности и сохранение исторической памяти у младших школьников. Разработанные в ходе исследования методические материалы и программа курса могут быть рекомендованы для внедрения в образовательный процесс вузов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тебенькова Е. А., Несговорова Н. П., Савельев В. Г. Методическая система формирования гражданской идентичности младших школьников // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 3(50). С. 88—92.
2. Асмолов А. Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 65—87.
3. Сергеева В. П. Формирование гражданской идентичности в образовательном процессе // Проблемы современного образования. 2011. № 4. С. 12—15.
4. Тишков В. А. Идентичность — ресурс общественного развития. К выходу в свет энциклопедического издания «Идентичность: личность, общество, политика» // Вестник Российской академии наук. 2025. № 2. С. 94—103. DOI: 10.7868/S3034520025020106.
5. Несмелова М. Л. Методические подходы к отбору эффективных форм и приемов формирования общероссийской гражданской идентичности школьников при изучении истории // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2025. № 218. С. 88—100. DOI: 10.33910/1992-6464-2025-218-88-100.
6. Полежаев Д. В., Казачкова С. П. Гражданско-патриотическое воспитание младших школьников средствами исторического краеведения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. Т. 8. № 2. С. 108—124.
7. Смирнова Н. В. Педагогические условия формирования гражданской идентичности младших школьников в культурно-образовательной среде // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2023. № 2(119). С. 152—159. DOI: 10.37972/chgpu.2023.119.2.019.
8. Тишков В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М. : ИЭА РАН, 2023. 69 с.
9. Асмолов А. Г. Стратегия и методология социокультурной модернизации образования // Проблемы современного образования. 2010. № 4. С. 4—18.
10. Белозерцев Е. П., Будаков В. В., Варава В. В. Философско-педагогическое наследие Отчего края : моногр. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2015. 311 с.
11. Иванова Г. П., Марченко А. А., Ширкова Н. Н. Гражданская идентичность младших школьников: особенности ее формирования во внеурочной деятельности // Педагогика и психология образования. 2024. № 1. С. 73—86. DOI: 10.31862/2500-297X-2024-1-73-86.
12. Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве. Пермь : ПГИК, 2021. 285 с.
13. Жилинская М. С., Иванова Е. А. Воспитание российской гражданской идентичности как одно из условий функционирования патриотического воспитания // Научные исследования и инновации : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. М. : КДУ : Добросвет, 2021. С. 200—207.
14. Ляхов В. П., Ляхов А. В., Ляхова Д. А., Стельмах С. А. Патриотическое воспитание молодежи и формирование российской идентичности // Национальное здоровье. 2020. № 1. С. 160—164.
15. Бермус А. Г. Актуальные проблемы приобщения учащихся к традиционным духовно-нравственным ценностям // Приобщение учащихся к традиционным российским ценностям в ходе внеурочной деятельности: методология и практика : сб. докл. и тез. участников круглых столов. М. : Ин-т стратегии развития образования РАО, 2022. С. 105—110.
16. Герасимов С. В. Событийная идентичность // Человек. Культура. Образование. 2021. № 1(39). С. 25—39. DOI: 10.34130/2233-1277-2021-1-25.
17. Певзнер М. Н., Пермяков А. В., Ширин А. Г., Цывунина А. Д. Формирование культурной идентичности учащейся молодежи как предмет педагогической дискуссии // Перспективы науки и образования. 2024. № 5(71). С. 45—61. DOI: 10.32744/pse.2024.5.3.
18. Авдеева Т. И. Синтез историко-культурного и психолого-педагогического знания как основа подготовки будущего педагога // Междисциплинарные подходы в современной науке: вызовы, достижения и перспективы : моногр. Уфа : Аэтерна, 2026. Вып. 108. С. 155—182.
19. Большакова А. В. Особенности формирования ценностного отношения обучающихся основной школы к отечественной культуре на урочных и внеурочных занятиях историей // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. № 3. С. 130—143. DOI: 10.24412/2224-0772-2024-99-130-143.

REFERENCES

1. Tebenkova E. A., Nesgovorova N. P., Savelyev V. G. Methodical system of formation of civil identity of junior pupils. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018;3(50):88—92. (In Russ.)
2. Asmolov A. G. A strategy for the sociocultural modernization of education: on the way to overcoming the identity crisis and building a civil society. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 200;1:65—87. (In Russ.)
3. Sergeeva V. P. Formation of civil identity in educational process. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*. 2011;4:12—15. (In Russ.)
4. Tishkov V. A. Identity – a resource for social development. To the publication of the encyclopedic study “Identity: personality, society, politics”. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2025;95(2):94—103. (In Russ.) DOI: 10.7868/S3034520025020106.
5. Nesmelova M. L. Methodological approaches to selecting effective forms and methods for the development of all-Russian civic identity among school students in history education. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*. 2025;218:88—100. (In Russ.) DOI: 10.33910/1992-6464-2025-218-88-100.
6. Polezhaev D. V., Kazachkova S. P. Civil-patriotic education of younger schools by means of historical local studies. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psikhologiya = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2022;8(2):108—124. (In Russ.)
7. Smirnova N. V. Pedagogical conditions for the formation of civil identity in junior schoolchildren in cultural and educational environment. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva = I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2023;2(119):152—159. (In Russ.) DOI: 10.37972/chgpu.2023.119.2.019.
8. Tishkov V. A. The nation of nations: approaches to understanding Russia. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS publ., 2023. 69 p. (In Russ.)
9. Asmolov A. G. Sociocultural modernization of education – strategy and methodology. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*. 2010;4:4—18. (In Russ.)
10. Belozertsev E. P., Budakov V. V., Varava V. V. Philosophical and pedagogical heritage of the Fatherland. Monograph. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University publ., 2015. 311 p. (In Russ.)
11. Ivanova G. P., Marchenko A. A., Shirkova N. N. Civic identity of junior schoolchildren: Features of its formation in extra-curricular activities. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Pedagogy and Psychology of Education*. 2024;1:73—86. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-297X-2024-1-73-86.
12. Lisenkova A. A. Transformation of socio-cultural identity in the digital space. Perm, Perm State Institute of Culture publ., 2021. 285 p. (In Russ.)
13. Zhilinskaya M. S., Ivanova E. A. Education of the Russian civil identity as one of the conditions for the functioning of patriotic education. *Nauchnye issledovaniya i innovatsii = Scientific research and innovation. Collection of articles of the IV International scientific and practical conference*. Moscow, Universitet Book House publ., Dobrosvet, 2021:200—207. (In Russ.)
14. Lyakhov V. P., Lyakhov A. V., Lyakhova D. A., Stelmax S. A. The patriotic education of the youth and the development of the Russian identity. *Natsional'noe zdorov'e = National Health*. 2020;1:160—164. (In Russ.)
15. Bermus A. G. Actual problems of introducing students to traditional spiritual and moral values. *Priobshchenie uchashchikhsya k traditsionnym rossiiskim tsennostyam v khode vneurochnoi deyatel'nosti: metodologiya i praktika = Introducing students to traditional Russian values during extracurricular activities: methodology and practice. Collection of reports and abstracts of the participants of the round tables*. Moscow, Institute of Education Development Strategy of the RAE publ., 2022:105—109. (In Russ.)
16. Gerasimov S. V. Event identity. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2021;1(39):25—39. (In Russ.) DOI: 10.34130/2233-1277-2021-1-25.
17. Pevzner M. N., Permyakov A. V., Shirin A. G., Tsivunina A. D. Formation of cultural identity of students as a subject of pedagogical discussion. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2024;5(71):45—61. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2024.5.3.
18. Avdeeva T. I. Synthesis of historical, cultural, and psychological-pedagogical knowledge as a basis for training future teachers. *Mezhdistsiplinarnye podkhody v sovremennoi nauke: vyzovy, dostizheniya i perspektivy = Interdisciplinary approaches in modern science: challenges, achievements and prospects. Monograph*. Ufa, Aeterna, 2026;108:155—182. (In Russ.)
19. Bolshakova A. V. Features of the formation of the value attitude of primary school students to national culture during classroom and extracurricular history classes. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2024;3:130—143. (In Russ.) DOI: 10.24412/2224-0772-2024-99-130-143.

Статья поступила в редакцию 06.06.2026; одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.
The article was submitted 06.06.2026; approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 378.091.12:005.336.5
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1722

Gennady Vladislavovich Agranovich
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methodology of Education and Upbringing,
Sakhalin State University
Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation
gennadyagranovich76@gmail.com

Геннадий Владиславович Агранович
канд. пед. наук,
доцент кафедры теории и методики обучения
и воспитания,
Сахалинский государственный университет
Южно-Сахалинск, Российская Федерация
gennadyagranovich76@gmail.com

ТЕХНОЛОГИЯ «АДМИНИСТРАТИВНЫЕ КАНИКУЛЫ» В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО МЕНЕДЖЕРА ОБРАЗОВАНИЯ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматривается технология «Административные каникулы», направленная на включение магистрантов в реальную управленческую деятельность образовательной организации. Предметом исследования является организация профессиональной подготовки будущего менеджера образования посредством временного замещения административной позиции или непосредственного выполнения функций руководителя. Цель исследования состоит в обосновании содержания технологии и анализе первого опыта ее реализации в образовательных и спортивной организациях. Исследование основано на деятельностном и личностно-ориентированном подходах; использованы анализ научной литературы, наблюдение, анализ отчетов о практике, управленческих решений и результатов их реализации. Установлено, что ключевым условием технологии является переход от наблюдения и дублирования действий руководителя к принятию магистрантом самостоятельных управленческих решений в реальной профессиональной ситуации. Апробация выявила одновременно возможности и организационные ограничения такого подхода. Образовательные организации проявляют осторожность при предоставлении магистрантам реальных административных функций, а предлагаемые ими изме-

нения могут встречать сопротивление в сложившейся практике. Во всех проанализированных случаях магистранты использовали системы искусственного интеллекта для диагностики текущего состояния конкретного участка деятельности организации, анализа данных, прогнозирования, проектирования дальнейших действий и подготовки материалов. При этом интерпретация полученных результатов, выбор решения и ответственность за его реализацию сохранялись за магистрантом. Полученный опыт показывает педагогическую целесообразность соединения адаптации к реальным условиям организации с самостоятельным преобразующим и опережающим управленческим действием. Ограниченность первого опыта небольшим числом случаев не позволяет распространять полученные выводы на все программы подготовки менеджеров образования и указывает на целесообразность дальнейшей апробации технологии.

Ключевые слова: будущий менеджер образования, профессиональная подготовка, управленческая деятельность, образовательная организация, административная практика, авторское управленческое решение, неадаптивная активность, преадаптивная активность, искусственный интеллект, прогнозирование, проектирование развития

Для цитирования: Агранович Г. В. Технология «Административные каникулы» в профессиональной подготовке будущего менеджера образования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 341—345. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1722.

Original article

THE “ADMINISTRATIVE VACATION” TECHNOLOGY IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF A FUTURE EDUCATION MANAGER

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article examines the “Administrative Vacation” technology designed to involve master’s students directly in the real management of an educational organization. The study focuses on professional training through temporary substitution in an administrative position or direct performance of a manager’s functions. Its purpose is to substantiate the content of the technology and analyze the first experience of its implementation in educational and sports organizations. The research draws on activity-based and person-oriented

approaches and uses literature analysis, observation, practice reports, managerial decisions, and evidence concerning their implementation. The findings show that the central feature of the technology is a transition from observing or duplicating a manager’s actions to making and implementing independent managerial decisions in a real professional situation. The first implementation revealed both educational potential and organizational limitations. Organizations are cautious about giving master’s students real administrative functions, while initiatives

proposed by students may face resistance from established practices. In all analyzed cases, students used artificial intelligence systems to diagnose the current state of a specific area of the organization's activity, analyze available information, forecast possible developments, plan further action, and prepare materials. Interpretation of the results, selection of the final managerial decision, and responsibility for its implementation remained with the student. The experience indicates the educational value of combining adaptation to actual organization's

conditions with independent transformative and future-oriented managerial action. The small number of initial cases limits generalization and makes further testing of the technology in different educational settings necessary.

Keywords: *future education manager, professional training, managerial activity, educational organization, administrative practice, independent managerial decision, non-adaptive activity, preadaptive activity, artificial intelligence, forecasting, development planning*

For citation: Agranovich G. V. The “Administrative Vacation” technology in the professional training of a future education manager. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):341—345. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1722.

Введение

Актуальность. Подготовка будущего менеджера образования предполагает освоение нормативных функций управления и опыта самостоятельного действия, связанного с развитием образовательной организации и ее участников. Однако в вузовской практике ответственность нередко остается моделируемой: магистрант наблюдает за руководителем и выполняет поручения, но не отвечает за собственное решение. Цифровая трансформация делает этот разрыв особенно заметным. Руководитель анализирует изменения образовательной среды, работает с данными и использует искусственный интеллект, сохраняя педагогический смысл решения и ответственность за него.

Степень изученности проблемы. О. В. Гукаленко и В. В. Сериков связывают гражданскую и профессиональную идентичность будущего педагога с возможностями университетской среды и моделированием значимых ситуаций [1]. С. Биллетт показывает, что результат обучения на рабочем месте определяется не присутствием обучающегося в организации, а возможностями реального участия [2]. И. В. Скринник обосновывает системную подготовку управленческих кадров в противоположность фрагментарному накоплению опыта [3]. Практика раскрыта достаточно полно, но технология временного реального замещения административной позиции магистрантом не представлена.

Исследования активности раскрывают самостоятельное действие в ситуации неопределенности. В. А. Петровский связывает неадаптивность с выходом за пределы заранее заданного способа действия [4, с. 495—502]. А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер и А. М. Черноризов соотносят преадаптацию с готовностью к изменениям, которые еще нельзя полностью предвидеть [5]. А. Г. Асмолов рассматривает самостоятельность в связи с достоинством и правом человека на собственный выбор [6], а Т. Ю. Кротенко показывает значение ценностной рефлексии в подготовке будущих управленцев [7].

Отдельное направление связано с искусственным интеллектом. И. Ван рассматривает его как средство аналитической поддержки решений при сохранении профессионального суждения руководителя [8] и предупреждает о риске подмены такого суждения автоматизированной рекомендацией [9]. М. Спосато относит принятие решений и стратегическое планирование к основным направлениям применения искусственного интеллекта в образовательном лидерстве [10]. При этом не представлена технология, соединяющая реальные административные функции магистранта, самостоятельное решение, искусственный интеллект как средство анализа и прогноза, реализацию изменения и ответственность за его последствия.

Целесообразность разработки темы. Выявленный разрыв обусловил необходимость разработки технологии «Административные каникулы», основанной на переходе от наблюдения за руководителем к временному замещению административной позиции. Магистрант диагностирует ситуацию, реализует собственное решение, оценивает последствия и определяет дальнейшее развитие участка работы. Такая практика соединяет адаптацию к условиям организации с неадаптивным преобразующим и преадаптивным опережающим действием.

Цель исследования состоит в обосновании содержания технологии «Административные каникулы» и анализе первого опыта ее реализации. **Задачи** связаны с раскрытием структуры технологии, определением места искусственного интеллекта в диагностике и проектировании, выявлением возможностей и ограничений практического применения.

Научная новизна. Разработана технология, соединяющая временное выполнение реальных административных функций с диагностикой состояния организации, самостоятельным проектированием и реализацией изменения и прогнозированием дальнейшего развития.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении роли реальной управленческой деятельности в подготовке будущего менеджера образования. **Практическая значимость** связана с описанием последовательности временного замещения административной позиции и сохранением самостоятельности решения магистранта при использовании искусственного интеллекта.

Основная часть

Методология исследования. Методологическую основу составили личностно-ориентированный и деятельностный подходы. Первый позволяет рассматривать подготовку через становление личности в образовательной среде [1], второй — через включение магистранта в деятельность, формирующую профессиональный опыт [11]. Учитывались также организационно-деятельностные формы коллективного анализа и проектирования [12] и идеи работы с образом возможного будущего [13].

Эмпирическим материалом стали пять случаев практики, отвечавших основному условию: магистрант реально замещал административную позицию либо осуществлял функции руководителя и мог реализовать собственное решение. Наименования организаций и персональные данные не приводятся. Использованы наблюдение руководителя практики, анализ отчетных материалов, решений и результатов их реализации. Статистическая обработка не проводилась из-за небольшого числа качественно различающихся ситуаций.

Анализ осуществлялся в последовательности, соответствующей четырем фазам технологии: диагностико-проблематизационной, проектировочной, преобразующей и рефлексивно-прогностической. Дополнительно фиксировались организационные затруднения, возникавшие при передаче магистрантам реальных управленческих функций и при реализации предложенных ими изменений.

Результаты исследования. «Административные каникулы» определяются как технология временного включения магистранта в реальное управление посредством замещения административной позиции или выполнения функций руководителя. Реальность ответственности отличает ее от наблюдения, дублирования действий администратора и учебного моделирования.

На диагностико-проблематизационной фазе изучается состояние участка деятельности: документация, данные, сложившиеся способы работы и затруднения. Искусственный интеллект помогает систематизировать информацию и проверить предположения. Итогом становится сформулированная магистрантом управленческая проблема.

На проектировочной фазе разрабатываются варианты решения, определяются цель, участники, ресурсы, ограничения и последствия. Искусственный интеллект применяется для анализа альтернатив, прогнозирования и подготовки материалов. Окончательная оценка проводится магистрантом с учетом педагогического смысла и условий организации.

Преобразующая фаза предполагает реализацию выбранного решения, его согласование с участниками и организацию взаимодействия. Именно здесь все пять случаев сопровождалось затруднениями: новые предложения не получали безоговорочной поддержки, поскольку изменяли сложившийся порядок деятельности.

Рефлексивно-прогностическая фаза включает оценку результата, корректировку решения и определение перспектив. Мероприятие не становится конечной точкой: результат используется для последующего развития участника работы. Такая логика близка пониманию будущей грамотности как работы с возможным будущим на основе осмысления настоящего [13].

Практическая реализация технологии «Административные каникулы»

Замещаемая административная позиция	Авторское управленческое решение	Основное затруднение	Результат и направленность в будущее
Старший воспитатель дошкольной организации	Совместный итоговый концерт детей и родителей старшей группы	Первоначальное сопротивление заведующей и воспитателей	Концерт проведен и положительно воспринят; создан опыт новой формы взаимодействия
Заместитель директора по начальной школе	Мероприятие четырех первых классов с представлением достижений детей родителям и участием всех желающих	Отсутствие безоговорочной поддержки администрации	Мероприятие проведено; создан опыт более открытого представления достижений детей
Руководитель методического объединения сельской школы, выполнявший часть функций директора	Плановые специальные занятия по подготовке к государственной итоговой аттестации	Первоначальное несогласие директора и педагогов с изменением сложившейся практики	Экзамены девятых и одиннадцатых классов пройдены без неудовлетворительных результатов с первой попытки
Руководитель учебно-методической работы общеобразовательной школы	Методическая подготовка педагогов к сопровождению исследовательских и проектных работ школьников	Согласование новой организации работы	Школа успешно выступила на научно-практической конференции и конкурсе «Юный исследователь»
Руководитель спортивной организации на период отпуска основного руководителя	Соревнование по восточным единоборствам с новыми выступлениями и мероприятиями для зрителей	Самостоятельная ответственность за соревнование и новые элементы программы	Соревнование проведено успешно; новые элементы могут использоваться далее

Примечание: сост. автором по материалам практики магистрантов.

Случаи различаются по содержанию, но обнаруживают общую последовательность. Магистрант учитывает правила и ограничения организации, однако не сводит деятельность к воспроизведению сложившейся практики. Адаптация сочетается с неадаптивной активностью: понимание среды сопровождается собственным решением. Неадаптивность проявляется не в отрицании правил, а в способности выйти за пределы привычного способа действия, обосновать изменение и провести его через сопротивление.

Одновременно решения содержали преадаптивную составляющую. Их смысл не исчерпывался отдельным мероприятием: магистранты оценивали возможность сохранения и развития полученного опыта, связывая настоящее действие с будущим состоянием соответствующего участка работы. Это согласуется с пониманием преадаптации как готовности к еще не наступившим изменениям [5] и с историко-эволюционным представлением о значении индивидуального своеобразия в развитии совместной деятельности [14].

Принципиально важно, что деятельность магистрантов не завершалась проведением конкретного мероприятия или решением отдельной управленческой задачи. Каждое принятое решение рассматривалось с позиции его дальнейшего развития и возможного использования в последующей деятельности организации. Тем самым управленческое действие изначально приобретало направленность в будущее: магистрант не только изменял существующую ситуацию, но и проектировал ее возможное продолжение с учетом предполагаемых изменений образовательной среды.

Во всех пяти случаях искусственный интеллект использовался для диагностики текущего состояния, анализа информации, прогнозирования, проектирования дальнейших действий и подготовки материалов. Такое применение также вызывало осторожность, поскольку ранее системно не использовалось. При этом сохранялась граница между аналитической поддержкой и управленческим авторством: педагогическая интерпретация, выбор решения, согласование

и ответственность оставались за магистрантом. Это соответствует пониманию искусственного интеллекта как поддержки, а не замены управленческого суждения [8; 9].

Практика выявила существенное ограничение. Руководство кафедры первоначально сомневалось в возможности предоставить магистрантам реальное место в административной деятельности. Осторожность проявили и образовательные организации: принять студента на практику проще, чем передать ему управленческие функции. Поэтому основному требованию технологии соответствовали только пять случаев. Ограничение связано с доверием к магистранту, распределением ответственности и готовностью руководителя временно изменить привычную практику.

Это ограничение одновременно раскрывает педагогический смысл технологии. Магистранту приходится учитывать позицию администрации и коллектива, объяснять смысл изменения, корректировать способы реализации и отвечать за результат. Профессиональная самоидентификация руководителя при этом развивается во взаимосвязи с педагогической позицией: решение оценивается и по организационной выполнимости, и по значению для участников образования. Такое соединение организационной и педагогической позиций согласуется с человекоцентричным пониманием совместного развития руководителя и сообщества [15].

Первый опыт не позволяет говорить о массовой результативности, но подтверждает реализуемость технологии. Пять случаев показывают переход от учебного анализа к самостоятельному управленческому действию, а сопротивление инициативе становится частью профессиональной задачи. Это согласуется с обучением через участие в рабочей деятельности [2] и дополняет подготовку управленческих кадров опытом административной ответственности [3].

Возможность более широкого применения технологии связана с развитием взаимодействия организаций высшего образования с общеобразовательными организациями, учреждениями дополнительного образования и спортивными организациями, способными предоставить магистрантам пространство для реального управленческого действия. Первый опыт показал, что такое взаимодействие не возникает автоматически: образовательная организация принимает на себя определенный риск, передавая часть административных функций человеку, который еще находится в процессе профессиональной подготовки. Поэтому перспективным представляется формирование устойчивых партнерских связей вузов с организациями, заинтересованными в подготовке будущих руководящих кадров, а также поддержка таких форм практики со стороны органов управления образованием, профильных министерств и ведомств. Подобное сотрудничество приобретает особое значение в условиях кадрового обновления системы образования: сегодняшние магистранты в дальнейшем займут управлен-

ческие позиции, и опыт реальной ответственности позволяет приблизить их профессиональную подготовку к тем ситуациям, с которыми им предстоит столкнуться.

Отдельное направление связано с расширением возможностей искусственного интеллекта в управлении образованием. Осторожность, выявленная при первом применении таких систем в ходе практики, вполне объяснима: образовательные организации пока накапливают опыт их использования и оценивают связанные с ними риски. Вместе с тем искусственный интеллект уже становится частью анализа образовательных данных, прогнозирования и проектирования, а дальнейшее развитие этих технологий позволяет предполагать расширение их роли в управленческой деятельности. В этой ситуации отказ от их применения способен привести не к сохранению сложившейся практики, а к отставанию профессиональной подготовки от реальных изменений образовательной среды. Опыт «Административных каникул» показывает иной вариант: использование возможностей искусственного интеллекта при сохранении за будущим руководителем анализа полученных результатов, самостоятельного выбора управленческого решения и ответственности за его последствия.

Заключение

Основным признаком технологии «Административные каникулы» является не присутствие магистранта в управленческой команде, а временное реальное выполнение административных функций с возможностью принять и реализовать собственное решение. Диагностико-проблематизационная, проектировочная, преобразующая и рефлексивно-прогностическая фазы связывают анализ существующей ситуации с проектированием дальнейшего развития организации.

Первый опыт выявил организационную сложность технологии. Передача магистранту реальных функций вызывает осторожность у организаторов подготовки и руководителей организаций. Поэтому эмпирическая база ограничена пятью случаями и не дает оснований для широкого обобщения. Во всех случаях магистранты реализовали собственные решения, встретившиеся с первоначальными затруднениями, и получили опыт ответственности за управленческое действие.

Искусственный интеллект использовался при анализе текущего состояния, проектировании, прогнозировании и подготовке материалов. Педагогическая оценка данных, выбор решения и ответственность оставались за человеком, что позволяет соединить цифровую аналитику с самостоятельностью будущего руководителя.

Дальнейшее исследование связано с расширением числа организаций, готовых предоставить магистрантам административные функции, повторной апробацией и анализом устойчивости начатых изменений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гукаленко О. В., Сериков В. В. Формирование гражданско-патриотической идентичности будущих педагогов в классическом университете // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2024. Т. 22. № 1. С. 205—221. DOI: 10.55959/LPEJ-24-10.
2. Billett S. Learning through work: workplace affordances and individual engagement // Journal of Workplace Learning. 2001. Vol. 13. Iss. 5. Pp. 209—214. DOI: 10.1108/EUM0000000005548.
3. Скринник И. В. Теоретическое обоснование модели формирования управленческих компетенций кадрового резерва руководителей образовательных организаций // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 568—572. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1415.
4. Петровский В. А. Человек над ситуацией. 2-е изд. М.: Смысл, 2021. 559 с.

5. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3—26.
6. Асмолов А. Г. Психология достоинства: искусство быть человеком. М. : Альпина Паблишер, 2025. 398 с.
7. Кротенко Т. Ю. Ценностная рефлексия как антропопрактика. Почему будущих управленцев не учат вопросу «Зачем?» // Образовательная политика. 2026. Т. 25. № 2. С. 46—55.
8. Wang Y. Artificial intelligence in educational leadership: a symbiotic role of human-artificial intelligence decision-making // Journal of Educational Administration. 2021. Vol. 59. Iss. 3. Pp. 256—270. DOI: 10.1108/JEA-10-2020-0216.
9. Wang Y. When artificial intelligence meets educational leaders' data-informed decision-making: A cautionary tale // Studies in Educational Evaluation. 2021. Vol. 69. Art. 100872. DOI: 10.1016/j.stueduc.2020.100872.
10. Sposato M. Artificial intelligence in educational leadership: a comprehensive taxonomy and future directions // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2025. Vol. 22. Art. 20. DOI: 10.1186/s41239-025-00517-1.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл : Академия, 2005. 352 с.
12. Щедровицкий Г. П. Избр. тр. М. : Шк. культур. политики, 1995. 800 с.
13. Karlsen J. E. Futures literacy in the loop // European Journal of Futures Research. 2021. Vol. 9. Art. 17. DOI: 10.1186/s40309-021-00187-y.
14. Asmolov A. G., Schekhter E. D., Chernorizov A. M., Lvova E. N. Prerequisites of Sociality: Historical and Evolutionary Analysis // Psychology in Russia: State of the Art. 2018. Vol. 11. Iss. 3. Pp. 2—17. DOI: 10.11621/pir.2018.0301.
15. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Совместная эволюция сообществ и их лидеров: восхождение к человекоцентричности // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 5. С. 3—15.

REFERENCES

1. Gukalenko O. V., Serikov V. V. Developing Civil-Patriotic Identity of Future Teachers in a Classical University. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2024; 22(1):205—221. (In Russ.) DOI: 10.55959/LPEJ-24-10.
2. Billett S. Learning through work: workplace affordances and individual engagement. *Journal of Workplace Learning*. 2001;13(5):209—214. DOI: 10.1108/EUM0000000005548.
3. Skrinnik I. V. Theoretical substantiation of the model for developing managerial competences in personnel reserve of heads of educational organizations. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;4(73):568—572. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1415.
4. Petrovskii V. A. The person above the situation. 2nd ed. Moscow, Smysl, 2021. 559 p. (In Russ.)
5. Asmolov A. G., Schekhter E. D., Chernorizov A. M. Preadaptation to uncertainty as a strategy of developing systems navigation: the ways of evolution. *Voprosy psikhologii*. 2017;4:3—26. (In Russ.)
6. Asmolov A. G. Psychology of dignity: The art of being human. Moscow, Alpina Publisher, 2025. 398 p. (In Russ.)
7. Krotenko T.Yu. Value Reflection as an Anthropopractice. Why are future managers not being taught the question “Why?”. *Obrazovatel' naya politika = Educational Policy*. 2026;25(2):46—55. (In Russ.)
8. Wang Y. Artificial intelligence in educational leadership: a symbiotic role of human-artificial intelligence decision-making. *Journal of Educational Administration*. 2021;59(3):256—270. DOI: 10.1108/JEA-10-2020-0216.
9. Wang Y. When artificial intelligence meets educational leaders' data-informed decision-making: A cautionary tale. *Studies in Educational Evaluation*. 2021;69:100872. DOI: 10.1016/j.stueduc.2020.100872.
10. Sposato M. Artificial intelligence in educational leadership: a comprehensive taxonomy and future directions. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2025;22:20. DOI: 10.1186/s41239-025-00517-1.
11. Leont'ev A. N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow, Smysl, Akademiya, 2005. 352 p. (In Russ.)
12. Shchedrovitskii G. P. Selected works. Moscow, School of Cultural Policy publ., 1995. 800 p. (In Russ.)
13. Karlsen J. E. Futures literacy in the loop. *European Journal of Futures Research*. 2021;9:17. DOI: 10.1186/s40309-021-00187-y.
14. Asmolov A. G., Schekhter E. D., Chernorizov A. M., Lvova E. N. Prerequisites of Sociality: Historical and Evolutionary Analysis. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018;11(3):2—17. DOI: 10.11621/pir.2018.0301.
15. Asmolov A. G., Schekhter E. D., Chernorizov A. M. The collaborative evolution of communities and their leaders: the ascent to human-centricity. *Voprosy psikhologii*. 2024;70(5):3—15. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.07.2026; одобрена после рецензирования 29.07.2026; принята к публикации 03.08.2026.

The article was submitted 08.07.2026; approved after reviewing 29.07.2026; accepted for publication 03.08.2026.

Научная статья
УДК 378.046.4
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1707

Lyudmila Khambertovna Azizova
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Head of the Department of Defectology
and Inclusive Education,
Dagestan State Pedagogical University
named after R. Gamzatov
Makhachkala, Russian Federation
azizovamyscience@yandex.ru

Людмила Хамбертовна Азизова
канд. пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой дефектологии
и инклюзивного образования,
Дагестанский государственный
педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Российская Федерация
azizovamyscience@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА В ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье представлено теоретическое обоснование и эмпирическая верификация модели профессиональной самоорганизации будущего педагога, реализуемой в условиях инклюзивного взаимодействия с учетом этнокультурного контекста современной образовательной среды.

На основе системного, деятельностного, компетентностного и аксиологического подходов автор раскрывает сущность профессиональной самоорганизации как интегративного личностного образования, представляющего собой сознательно выстраиваемую субъектную стратегию, направленную на одновременное решение трех взаимосвязанных задач профессиональной деятельности: управление собственными временными, когнитивными, эмоциональными и волевыми ресурсами для достижения педагогических целей; адаптивную реорганизацию профессиональных действий в ответ на многомерную гетерогенность инклюзивной образовательной среды (разные нозологии, темпы, стили, потребности); этнокультурную рефлексивную надстройку взаимодействия, обеспечивающую признание и включение в образовательный процесс культурных кодов как значимых ресурсов педагогического процесса. Сформированность самоорганизации проявляется по когнитивно-мотивационному, ценностно-смысловому, прогностико-проектировочному, инструментально-операционному, ресурсно-регулятивному, рефлексивно-корректирующему критериям.

Разработанная структурно-функциональная модель содержит целевой (формирование профессиональной самоорганизации будущего педагога), содержательный (три модуля: «Основы профессиональной самоорганизации педагога», «Педагог в условиях инклюзивного взаимодействия: теория и практика», «Этнокультурная компетентность педагога в инклюзивной среде»), процессуальный (включает диагностический, мотивационный, обучающий, деятельностный, рефлексивный этапы), технологический (совокупность педагогических технологий, методов и форм работы), результативный (критерии и показатели сформированности профессиональной самоорганизации будущего педагога) блоки. В ходе педагогического эксперимента доказано, что реализация модели обеспечивает значительное повышение уровня сформированности профессиональной самоорганизации студентов.

Результаты исследования открывают перспективы для дальнейшего изучения долгосрочных эффектов сформированности самоорганизации в реальной профессиональной деятельности молодых педагогов.

Ключевые слова: профессиональная самоорганизация, будущий педагог, инклюзивное взаимодействие, этнокультурный контекст, этнокультурные факторы, образовательная среда, структурно-функциональная модель, педагогические условия, критерии, эксперимент

Для цитирования: Азизова Л. Х. Профессиональная самоорганизация будущего педагога в инклюзивной образовательной среде: этнокультурный аспект // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 346—352. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1707.

Original article

PROFESSIONAL SELF-ORGANIZATION OF A FUTURE TEACHER IN AN INCLUSIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT: ETHNOCULTURAL ASPECT

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article presents a theoretical justification and empirical verification of the model of professional self-organization of a future teacher, implemented in an inclusive environment, taking into account the ethnocultural context of the modern educational environment.

Based on systematic, activity-based, competence-based and axiological approaches, the author reveals the essence of professional self-organization as an integrative personal education, which is a consciously constructed subjective strategy aimed at simultaneously solving three interrelated

tasks of professional activity: managing one's own temporal, cognitive, emotional and volitional resources to achieve pedagogical goals; adaptive reorganization of professional actions in response to the multidimensional heterogeneity of the inclusive educational environment (different nosologies, rates, styles, needs); ethnocultural reflexive superstructure of interaction, ensuring the recognition and inclusion of cultural codes in the educational process as significant resources of the pedagogical process. The formation of self-organization is manifested by such criteria as cognition and motivation, value and meaning, prediction and design, instruments and operation, resources and regulation, and reflection and correction.

The developed structural and functional model contains a target (formation of professional self-organization of a future teacher), a substantive (three modules: "Fundamentals of professional self-organization of a teacher", "Teacher in condi-

tions of inclusive interaction: theory and practice", "Ethnocultural competence of a teacher in an inclusive environment"), procedural (includes diagnostic, motivational, educational, activity, reflexive stages), technological (a set of pedagogical technologies, methods and forms of work), effective (criteria and indicators of the formation of professional self-organization of the future teacher) blocks. During the pedagogical experiment, it was proved that the implementation of the model provides a significant increase in the level of formation of students' professional self-organization.

The results of the study open up prospects for further study of the long-term effects of formed self-organization in the real professional activities of young teachers.

Keywords: *professional self-organization, future teacher, inclusive interaction, ethnocultural context, ethnocultural factors, educational environment, structural and functional model, pedagogical conditions, criteria, experiment*

For citation: Azizova L. Kh. Professional self-organization of a future teacher in an inclusive educational environment: ethno-cultural aspect. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):346—352. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1707.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная система образования в Российской Федерации переживает период глубокой трансформации, обусловленной рядом тенденций, среди которых отметим две: последовательная реализация принципов инклюзивного образования; нарастающая этнокультурная гетерогенность образовательной среды. Всё это требует от педагога не только сформированной компетенции в области работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья, но и развитой этнокультурной компетенции.

На пересечении этих двух векторов развития образования возникает принципиально новый вызов для системы педагогического образования: профессиональная подготовка будущих педагогов, способных к эффективной самоорганизации в условиях инклюзивного взаимодействия, осуществляемого в этнокультурном контексте. Как отмечают ученые, идея инклюзии должна стать неотъемлемой частью профессионального мышления педагога, что невозможно без формирования стойкой мотивации к работе [1]. Однако мотивационный компонент, сколь бы важным он ни был, не исчерпывает всей сложности проблемы. В условиях, когда в одном классе могут одновременно обучаться дети с различными образовательными потребностями и представители разных этнокультурных групп, профессиональная самоорганизация педагога приобретает характер системообразующего фактора успешности педагогической деятельности.

Изученность проблемы. Профессиональная самоорганизация как объект педагогического исследования имеет междисциплинарный характер и находится на стыке педагогики, психологии, социологии, синергетики, философии образования.

В педагогической науке накоплен значительный теоретический и практический материал по вопросам самоорганизации личности, отметим работы Е. А. Исаева [2], А. В. Кирилловой [3], С. С. Куликовой [4], Н. В. Савиной [5], А. В. Чураковой [6] и др.

В. А. Филоненко и В. А. Петьков отмечают, что современные требования к профессионализму предполагают осуществление будущим педагогом эффективной само-

организации учебно-профессиональной деятельности и самодостаточное конструирование своего жизненного пути [7]. А в контексте инклюзивного образования проблема самоорганизации рассматривается как определяющее условие эффективности работы педагога [8].

Этнокультурный аспект профессиональной самоорганизации будущего педагога также активно разрабатывается в современной науке. К примеру, И. Г. Морозова исследует формирование этнокультурной компетентности преподавателя вуза в условиях инклюзивного образования [9]. М. А. Сучков описывает особенности внедрения инновационного подхода к развитию инклюзивного образования в этнокультурном контексте в трех измерениях: организация образовательного процесса, инклюзивная культура образовательной организации и общественный уровень [10]. Особые акценты ставятся на наставничество как средство формирования профессиональной самоорганизации будущего педагога в условиях поликультурного взаимодействия [2; 11; 12].

Исследования последних лет, например В. А. Филоненко и В. Ф. Тенишевой [13], Н. Г. Хмызовой [14], К. В. Розова [15], Ю. М. Царапкиной с соавторами [16] и др., свидетельствуют о том, что налицо тенденция внедрения в процесс формирования профессиональной самоорганизации будущего педагога современных технологий, в т. ч. и искусственного интеллекта.

Однако, несмотря на значительное количество исследований по каждому из указанных направлений в отдельности, проблема интеграции профессиональной самоорганизации, инклюзивного взаимодействия и этнокультурного контекста образовательной среды в единое исследовательское поле остается недостаточно разработанной. Отсутствуют целостные теоретические модели, описывающие процесс формирования профессиональной самоорганизации будущего педагога именно в условиях инклюзивного взаимодействия с учетом этнокультурного фактора. Не выявлены специфические механизмы и условия, при которых профессиональная самоорганизация становится инструментом эффективного решения профессиональных задач в полиэтнической инклюзивной среде.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и эмпирической верификации модели профессиональной самоорганизации будущего педагога в условиях инклюзивного взаимодействия с учетом этнокультурного контекста.

Задачи исследования:

- 1) определить сущность и структуру профессиональной самоорганизации будущего педагога в контексте инклюзивного образования;
- 2) выявить этнокультурные факторы, влияющие на эффективность профессиональной самоорганизации педагога в инклюзивной среде;
- 3) разработать модель профессиональной самоорганизации будущего педагога, интегрирующую инклюзивный и этнокультурный компоненты;
- 4) экспериментально проверить эффективность разработанной модели в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов.

Целесообразность разработки темы обусловлена практическими потребностями системы образования в педагогах нового типа — специалистах, способных не только транслировать знания, но и эффективно организовывать собственную профессиональную деятельность в сложных, нестандартных условиях инклюзивного полиэтнического образовательного пространства.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- впервые профессиональная самоорганизация будущего педагога рассматривается как интегративное образование, включающее инклюзивный и этнокультурный компоненты;
- разработана и теоретически обоснована структурно-функциональная модель профессиональной самоорганизации будущего педагога в условиях инклюзивного взаимодействия в этнокультурном контексте;
- выявлены и систематизированы этнокультурные факторы, детерминирующие специфику профессиональной самоорганизации педагога в инклюзивной среде;
- определены педагогические условия, обеспечивающие эффективное формирование профессиональной самоорганизации будущего педагога в обозначенном контексте.

Теоретическая значимость исследования состоит в обогащении теории профессионального педагогического образования положениями о сущности, структуре и механизмах формирования профессиональной самоорганизации будущего педагога; в уточнении понятийного аппарата, связанного с профессиональной самоорганизацией, инклюзивной и этнокультурной компетентностью педагога; в расширении научных представлений о факторах, влияющих на успешность профессиональной деятельности педагога в условиях инклюзивного полиэтнического образовательного пространства.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования разработанной модели, диагностического инструментария и педагогических инструментов в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов в вузах, в системе повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогических кадров, а также в практической деятельности педагогов, работающих в инклюзивных образовательных организациях с полиэтническим контингентом обучающихся.

Основная часть

Методология исследования. Методологическую основу исследования составили системный, деятельностный, компетентностный, аксиологический подходы, а также теоретические положения педагогики и психологии самоорганизации личности, инклюзивной и этнокультурной парадигме образования. Для решения поставленных задач использовался комплекс взаимодополняющих методов: теоретических (анализ и синтез научной литературы, систематизация и классификация, моделирование, сравнение и сопоставление), эмпирических (наблюдение, анкетирование, эксперимент, экспертные оценки); математических (количественный и качественный анализ, статистическая обработка результатов). Исследование проводилось на базе Дагестанского государственного педагогического университета им. П. Гамзатова в течение двух учебных лет (2024–2026 гг.) и включало 64 чел. (две учебные группы по 32 чел.).

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование проблем самоорганизации впервые было начато в кибернетике. Термин «самоорганизующаяся система» ввел английский кибернетик У. Р. Эшби в 1947 г. В гуманитарные науки данное понятие пришло к концу XX в. [11, с. 47].

С философской точки зрения, самоорганизация — это процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы. С позиции синергетики человек рассматривается как открытая и динамическая система, не находящаяся в равновесии, но имеющая устойчивость за счет самоорганизации хаоса потенциальных состояний в определенные структуры и обладающая большими собственными возможностями для саморазвития посредством открытого взаимодействия с окружающей средой [11, с. 47].

В психологии под самоорганизацией понимают интегральную совокупность природных и социально приобретенных свойств, которая воплощена в осознаваемых особенностях воли и интеллекта, мотивах поведения и реализуется в упорядоченности деятельности и поведения.

В педагогике, по мнению А. Д. Ишкова, «...способность к самоорганизации — это способность рационально использовать свои силы и свое время...» [12, с. 45].

Опираясь на базовые понимания сущности рассматриваемого феномена, мы под **профессиональной самоорганизацией будущего педагога в условиях инклюзивного образования** понимаем *интегративное личностное образование, представляющее собой сознательно выстраиваемую субъектную стратегию, направленную на одновременное решение трех взаимосвязанных задач профессиональной деятельности: 1) управление собственными временными, когнитивными, эмоциональными и волевыми ресурсами для достижения педагогических целей; 2) адаптивную реорганизацию профессиональных действий в ответ на многомерную гетерогенность инклюзивной образовательной среды (разные нозологии, темпы, стили, потребности); 3) этнокультурную рефлексивную настройку взаимодействия, обеспечивающую признание и включение в образовательный процесс культурных кодов как значимых ресурсов педагогического процесса.*

Рассматриваемый феномен отражает нелинейный, ситуативно-чувственный и диалогический характер деятельности педагога, где субъектность реализуется через гибкое конструирование образовательных маршрутов в условиях одновременного действия двух векторов неопределенности — нозологической вариативности и этнокультурной

множественности. Этнокультурный контекст формирования профессиональной самоорганизации будущего педагога в условиях инклюзивного взаимодействия позволяет выделить несколько факторов:

1. Этнокультурное разнообразие контингента обучающихся становится объективной реальностью современной школы. Практика последних лет показывает, что в образовательных организациях одновременно могут обучаться дети разных национальностей, представители этнических меньшинств, дети мигрантов, дети с ограниченными возможностями здоровья, принадлежащие к разным этнокультурным группам. Это создает дополнительные вызовы для профессиональной самоорганизации педагога, который должен учитывать этот фактор при планировании и организации образовательного процесса.

2. Этнокультурные особенности восприятия инклюзии могут существенно различаться в разных культурах. В некоторых этнокультурных традициях отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья может быть связано с определенными стереотипами, предрассудками или табу. Педагог, работающий в полиэтничной инклюзивной среде, должен быть готов к работе с этими установками, что требует от него развитой этнокультурной компетентности и способности к рефлексивной самоорганизации.

3. Языковой фактор является одним из наиболее значимых в этнокультурном контексте инклюзивного взаимодействия. Дети-мигранты, дети из семей этнических меньшинств часто испытывают трудности, связанные с недостаточным владением русским языком, что усложняет их инклюзию в образовательный процесс.

4. Этнокультурные особенности семейного воспитания оказывают значительное влияние на взаимодействие педагога с родителями обучающихся, обучающихся с самими обучающимися, в т. ч. с инклюзивными детьми.

На основе теоретического анализа проблемы, опыта подготовки педагогических кадров и результатов наблюдения, мы разработали **структурно-функциональную модель** профессиональной самоорганизации будущего педагога в условиях инклюзивного взаимодействия с учетом этнокультурного контекста.

Модель включает следующие блоки:

1. **Целевой блок** определяет стратегическую цель — формирование профессиональной самоорганизации будущего педагога, обеспечивающей эффективность его деятельности в условиях инклюзивного взаимодействия в полиэтничной образовательной среде. Достижение этой цели предполагает решение задач: развитие мотивации к профессиональной самоорганизации в инклюзивной среде; формирование системы знаний о сущности, формах и методах профессиональной самоорганизации в этнокультурном контексте инклюзивного образования; овладение практическими умениями и навыками профессиональной самоорганизации; развитие рефлексивных способностей.

2. **Содержательный блок** включает три образовательных модуля-дисциплины: «Основы профессиональной самоорганизации педагога», в рамках ее изучения студенты знакомятся с сущностью, структурой, функциями профессиональной самоорганизации, ее технологиями (целеполагания, планирования, тайм-менеджмента, самоменеджмента, стресс-менеджмента и др.), методами саморегуляции и саморазвития; «Педагог в условиях инклюзивного взаимодействия: теория и практика» знакомит с историей, философией и практикой инклюзивного образования,

с психолого-педагогическими особенностями работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья, с технологиями организации инклюзивного взаимодействия; «Этнокультурная компетентность педагога в инклюзивной среде» формирует знания об этнокультурном разнообразии современного общества, об этнокультурных особенностях различных групп обучающихся, о способах учета этнокультурного фактора в инклюзивном образовательном процессе, о технологиях межкультурного диалога и преодоления этнокультурных барьеров.

3. **Процессуальный блок** описывает поэтапный процесс формирования профессиональной самоорганизации будущего педагога и включает:

– диагностический этап (выявление исходного уровня сформированности профессиональной самоорганизации студентов);

– мотивационный этап (формирование у студентов устойчивой мотивации к профессиональной самоорганизации в инклюзивной среде с учетом этнокультурного контекста);

– обучающий этап (освоение студентами теоретических знаний и практических умений в области профессиональной самоорганизации);

– деятельностный этап (включение студентов в активную практическую деятельность по организации инклюзивного взаимодействия в полиэтничной среде через вовлечение в педагогическую практику, волонтерскую деятельность, проектную работу);

– рефлексивный этап (осмысление студентами собственного опыта профессиональной деятельности, выявление достижений и проблемных зон, определение путей дальнейшего саморазвития).

4. **Технологический блок** включает совокупность педагогических технологий, методов и форм работы, обеспечивающих реализацию модели: интерактивные методы обучения (дискуссии, дебаты, круглые столы), методы активного обучения (деловые и ролевые игры, кейс-стади, метод проектов), практико-ориентированные технологии (моделирование педагогических ситуаций, решение проблемных профессиональных задач, проектирование инклюзивных уроков с учетом этнокультурного фактора), технологии саморазвития (портфолио, дневник самонаблюдения, рефлексивные практики), технологии межкультурного диалога.

5. **Результативный блок** включает критерии и показатели сформированности профессиональной самоорганизации будущего педагога:

– *когнитивно-мотивационный критерий*: система знаний и мотивов о сущности, содержании, формах и методах профессиональной самоорганизации, о психолого-педагогических основах инклюзивного образования, об этнокультурных особенностях различных групп обучающихся и способах учета этих особенностей в педагогической деятельности;

– *ценностно-смысловой критерий*: принятие инклюзии и этнокультурного разнообразия как безусловных профессиональных ценностей, а не как внешних ограничений;

– *прогностико-проектировочный критерий*: способность предвидеть возможные барьеры взаимодействия (коммуникативные, культурные, организационные, интеллектуальные) и заблаговременно выстраивать вариативные сценарии педагогической деятельности;

– *инструментально-операциональный критерий*: владение не только классическими технологиями целеполагания и тайм-менеджмента, но и специализированными адаптивными техниками (дифференцированное планирование, одновременное ведение нескольких логик урока, переключение между коммуникативными регистрами, этнокультурное посредничество);

– *ресурсно-регулятивный критерий*: умение мобилизовать и восстанавливать личностные ресурсы (эмпатию, толерантность к неопределенности, эмоциональную устойчивость) в условиях повышенной профессиональной нагрузки, характерной для инклюзивной среды;

– *рефлексивно-корректирующий критерий*: непрерывный мониторинг собственных этнокультурных установок, стереотипов и профессиональных дефицитов, позволяющий оперативно пересматривать стратегии инклюзивного взаимодействия.

Эффективность реализации разработанной модели обеспечивается соблюдением следующих **педагогических условий**:

– *интеграция содержания* (включение в учебные планы и программы подготовки будущих педагогов модулей/дисциплин, интегрирующих вопросы профессиональной самоорганизации, инклюзивного образования и этнокультурной компетентности);

– *практико-ориентированный характер обучения* (обеспечение активного включения студентов в практическую деятельность по организации инклюзивного взаимодействия в полиэтнической среде);

– *создание поликультурной образовательной среды* (организация образовательного процесса в вузе как пространства межкультурного диалога, продуктивного взаимодействия представителей различных этнокультурных групп);

– *наставничество и тьюторское сопровождение* (организация индивидуального сопровождения студентов в процессе формирования профессиональной самоорганизации, оказание им адресной помощи и поддержки).

Эмпирическая часть настоящего исследования включила в себя три этапа: констатирующий, формирующий, контрольный. Кратко опишем каждый из этапов.

Констатирующий этап эксперимента включил в себя две процедуры:

1. С помощью метода параллельных групп выбраны две группы в качестве экспериментальной и контрольной. Были взяты уже сформированные академические группы студентов одного курса и одной специальности. Одна группа объявлена экспериментальной, другая — контрольной. Эквивалентность обеспечивалась за счет того, что студенты учатся в схожих условиях и имеют примерно одинаковый уровень подготовки. Для большей надежности дополнительно сравнили их средний балл, он оказался одинаковым.

2. Проведена в экспериментальной и контрольной группах диагностика уровня сформированности профессиональной самоорганизации студентов с помощью таких методик, как «Диагностика особенностей самоорганизации» (авторы: А. Д. Ишков и Н. Г. Милорадова), «Интегративный опросник межкультурной компетентности» (автор: О. Е. Хухлаев и др.), «Оценка инклюзивной готовности будущего педагога» (автор: В. В. Хитрюк). Результаты проверки говорят о том, что общий интегральный показатель уровня сформированности профессиональной самоорга-

низации будущего педагога в условиях инклюзивного взаимодействия с учетом этнокультурного многообразия образовательной среды в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем этапе не имел статистически значимых различий и составил в среднем 2,8 балла по пятибалльной шкале.

Таким образом, результаты констатирующего этапа подтвердили актуальность проблемы и необходимость целенаправленной работы по формированию профессиональной самоорганизации будущих педагогов для работы в инклюзивной полиэтнической образовательной среде.

В рамках *формирующего этапа* были реализованы следующие мероприятия:

1. Внедрены в образовательный процесс спецкурсы «Основы профессиональной самоорганизации педагога», «Педагог в условиях инклюзивного взаимодействия: теория и практика», «Этнокультурная компетентность педагога в инклюзивной среде».

2. Организованы мастер-классы и тренинги по технологиям профессиональной самоорганизации.

3. Проведены педагогические практики для студентов в инклюзивных классах с полиэтническим контингентом обучающихся.

4. Студенты были включены в волонтерскую деятельность по работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья из различных этнокультурных групп, а также детьми-мигрантами.

5. Организованы рефлексивные практикумы, включившие в себя анализ дневников самонаблюдения, составление индивидуальных траекторий профессионального саморазвития.

6. Проведены научно-практические семинары по проблемам инклюзивного взаимодействия педагога в полиэтнической образовательной среде с участием практикующих педагогов, представителей общественных организаций, психологов.

Контрольный этап включил проведение повторной диагностики уровня сформированности профессиональной самоорганизации студентов экспериментальной и контрольной групп по тем же методиками, что и на этапе констатирующего эксперимента.

Результаты представлены в таблице.

Сравнительные показатели уровня сформированности профессиональной самоорганизации будущих педагогов (средние баллы по пятибалльной шкале)

Критерий	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Разница
Когнитивно-мотивационный	4,3	3,1	+1,2
Ценностно-смысловой	4,2	3,3	+0,9
Прогностико-проектировочный	4,0	3,1	+0,9
Инструментально-операциональный	4,1	3,1	+1,0
Ресурсно-регулятивный	4,3	2,9	+1,4

Как видим из таблицы, в экспериментальной группе произошли изменения по всем критериям. Разница между группами на контрольном этапе является статистически значимой ($p < 0,01$ по t -критерию Стьюдента).

Качественный анализ результатов показал, что студенты экспериментальной группы: демонстрируют более высокий уровень осознания значимости профессиональной самоорганизации для успешной работы в инклюзивной среде; владеют системными знаниями о технологиях профессиональной самоорганизации и их адаптации к условиям инклюзивного взаимодействия с учетом этнокультурного фактора; способны самостоятельно планировать и организовывать свою профессиональную деятельность в инклюзивной полиэтнической среде; проявляют развитые рефлексивные способности, умение анализировать и корректировать свою деятельность.

В контрольной группе положительная динамика была менее выражена, что объясняется отсутствием целенаправленной работы по формированию профессиональной самоорганизации в инклюзивном этнокультурном контексте.

Выводы

Этнокультурный контекст инклюзивного взаимодействия выступает значимым фактором, детерминирующим специфику профессиональной самоорганизации будущего педагога, а полученные результаты исследования позволяют сделать выводы:

1. Результаты исследования подтверждают мысль о том, что профессиональная самоорганизация будущего педагога в условиях инклюзивного взаимодействия с учетом этнокультурного контекста представляет собой интегративное образование, формирование которого требует целенаправленной педагогической работы.

2. Интеграция инклюзивного и этнокультурного компонентов в процесс формирования профессиональной самоорганизации будущего педагога является не только возможной, но и необходимой.

3. Данные эксперимента подтверждают эффективность разработанной модели. Особую роль в достижении положительных результатов сыграла практико-ориентированная составляющая модели — включение студентов в реальную деятельность по организации инклюзивного взаимодействия в полиэтнической среде.

4. Полученные данные свидетельствуют о необходимости системного подхода к решению проблемы, включающего аудиторную и внеаудиторную работу со студентами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахметжанова Г. В., Степанько А. А. Подготовка будущего педагога к работе в условиях инклюзивного образования: мотивационный аспект // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1. С. 181—184.
2. Исаев Е. А. Наставничество как ресурс становления культуры профессиональной самоорганизации будущего учителя // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 5. С. 555—560. DOI: 10.30853/ped20230079.
3. Кириллова А. В. Модель совершенствования самоорганизации будущего педагога в процессе внеучебной деятельности // Дискуссия. 2013. № 10(40). С. 146—150.
4. Куликова С. С. Педагогические условия формирования умений самоорганизации будущих педагогов в условиях информатизации образовательной деятельности // Новые образовательные стратегии в современном информационном пространстве : сб. науч. тр. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 53—60.
5. Савина Н. В. Самоорганизация будущего педагога начального образования как условие его профессиональной успешности // Вестник практической психологии образования. 2023. Т. 20. № 4. С. 57—66. DOI: 10.17759/bppe.2023200405.
6. Чуракова А. В. Самоорганизация в контексте формирования универсальных компетенций // Современное профессиональное образование. 2025. № 1. С. 18—22.
7. Филоненко В. А., Петьков В. А. Моделирование процесса формирования умений профессиональной самоорганизации у будущих педагогов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2014. № 3(343). С. 93—99.
8. Удич З. И. Система самоорганизации учителя инклюзивного образовательного учреждения в Украине // Балканско научно обозрение. 2019. Т. 3. № 2. С. 64—68. (На англ. яз.)
9. Морозова И. Г. Формирование этнокультурной компетентности преподавателей вуза в условиях инклюзивного образования // Педагогическое образование и наука. 2024. № 4. С. 113—117.
10. Сучков М. А. Инновационные подходы к развитию инклюзивного образования в призме этнокультурного фактора: психолого-педагогические аспекты // Проблемы современного педагогического образования. 2020. Вып. 68. Ч. 1. С. 270—274.
11. Исаев Е. А. Профессиональная самоорганизация будущего учителя: научно-технологические аспекты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 3(176). С. 45—51.
12. Ишков А. Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности : моногр. М. : Изд-во Ассоц. строит. вузов, 2004. 224 с.
13. Филоненко В. А., Тенищева В. Ф. Профессиональная самоорганизация в условиях интеграции искусственного интеллекта // Мир науки, культуры, образования. 2026. № 1(116). С. 80—84. DOI: 10.24412/1991-5497-2026-1116-80-84.
14. Хмызова Н. Г. Тенденции внедрения инновационных технологий образовательных ресурсов для формирования профессиональных компетенций будущих педагогов в условиях цифрового пространства университета // Концепт. 2026. № 5. С. 409—426. DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11128.
15. Розов К. В. Формирование профессиональной готовности будущих учителей информатики к применению технологий искусственного интеллекта // Информатика и образование. 2022. Т. 37. № 2. С. 50—63. DOI: 10.32517/0234-0453-2022-37-2-50-63.
16. Применение искусственного интеллекта в профессионально-педагогической деятельности как основа саморазвития педагога / Ю. М. Царапкина, А. В. Анисимова, В. А. Антонова и др. // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/48PDMN324.pdf>.

REFERENCES

1. Akhmetzhanova G. V., Stepanko A. A. Training of a future teacher for work under the conditions of inclusive education: motivational aspect. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2018;7(1):181—184. (In Russ.)
2. Isaev E. A. Mentoring as a resource of developing the future teacher's culture of professional self-organization. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2023;8(5):555—560. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20230079.
3. Kirillova A. V. Self-organization improvement model of future pedagogue in the process of out-educational activity. *Diskussiya = Discussion*. 2013;10(40):146—150. (In Russ.)
4. Kulikova S. S. Pedagogical conditions for the formation of self-organization skills of future teachers in the context of informatization of educational activities. *Novye obrazovatel'nye strategii v sovremennom informatsionnom prostranstve = New educational strategies in the modern information space. Collection of scientific papers*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University publ., 2007:53—60. (In Russ.)
5. Savina N. V. Self-organization of the Future Primary Education Teacher as a Condition for His Professional Success. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*. 2023;20(4):57—66. (In Russ.) DOI: 10.17759/bppe.2023200405.
6. Churakova A. V. Self-organization in the context of the formation of universal competencies. *Sovremennoe professional'noe obrazovanie = Modern professional education*. 2025;1:18—22. (In Russ.)
7. Filonenko V. A., Petkov V. A. Modeling the formation process of professional self-organization skills at future teachers. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pedagogika i psikhologiya" = Bulletin of the Adyghe state university. Series "Pedagogy and Psychology"*. 2014;3(343):93—99. (In Russ.)
8. Udych Z. I. Self-organization of a teacher of inclusive educational establishment in Ukraine as a system. *Balkansko nauchno obozrenie = Balkan Scientific Review*. 2019;3(2):64—68.
9. Morozova I. G. Formation of ethnocultural competence of university lecturers under the conditions of inclusive education. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical education and science*. 2024;4:113—117. (In Russ.)
10. Suchkov M. A. Innovative approaches to the development of inclusive education in the prism of ethnocultural factor: psychological and pedagogical aspects. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2020;68(1):270—274. (In Russ.)
11. Isaev Ye. Professional self-organization of future teacher: scientific and technological aspects. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2023;3(176):45—51. (In Russ.)
12. Ishkov A. D. Student's educational activity: psychological factors of success. Monograph. Moscow, Association of Construction Universities publ., 2004. 224 p. (In Russ.)
13. Filonenko V. A., Tenishcheva V. F. Professional self-organization under conditions of integration of artificial intelligence. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2026;1(116):80—84. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2026-1116-80-84.
14. Khmyzova N. G. Trends in the introduction of innovative technologies of educational resources for the development of professional competences among preservice teachers in the digital environment of the university. *Kontsept = Concept*. 2026;5:409—426. (In Russ.) DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11128.
15. Rozov K. V. Formation of professional readiness of future informatics teachers for using artificial intelligence technologies. *Informatika i obrazovanie = Informatics and education*. 2022;37(2):50—63. (In Russ.) DOI: 10.32517/0234-0453-2022-37-2-50-63.
16. Tsarapkina Ju. M., Anisimova A. V., Antonova V. A. et al. Application of artificial intelligence in professional and pedagogical activity as a basis for self-development of a teacher. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2024;12(3). (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/48PDMN324.pdf>.

Статья поступила в редакцию 25.06.2026; одобрена после рецензирования 18.07.2026; принята к публикации 20.07.2026.
The article was submitted 25.06.2026; approved after reviewing 18.07.2026; accepted for publication 20.07.2026.

Научная статья
УДК 378.046.4
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1667

Polina Igorevna Ananchenkova
Candidate of Economics, Associate Professor,
Doctoral Student,
Admiral Ushakov
Maritime State University
Novorossiysk, Russian Federation
ananchenkova@yandex.ru

Полина Игоревна Ананченкова
канд. экон. наук, доцент,
докторант,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф. Ф. Ушакова
Новороссийск, Российская Федерация
ananchenkova@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье исследуются институциональные основы функционирования и развития систем корпоративного обучения в Российской Федерации в условиях масштабной трансформации экономики и реализации задач технологического суверенитета. Актуальность данного исследования продиктована необходимостью формирования устойчивых механизмов воспроизводства профессиональных компетенций внутри организаций на фоне кадрового дефицита и изменения внешнеэкономических условий. Цель работы заключается в выявлении ключевых институциональных факторов, определяющих эффективность корпоративного (внутрифирменного) обучения, и разработке предложений по их совершенствованию. В рамках исследования применены методы институционального и системного анализа, обобщения научной литературы, а также анализа актуальных статистических данных и нормативных правовых актов. В статье обосновано, что корпоративное обучение в современной России эволюционирует от вспомогательной функции службы управления персоналом к самостоятельному социальному и экономическому институту, интегрированному в систему непрерывного образования. Установлено, что ключевыми барьерами развития корпоратив-

ного обучения выступают институциональные ловушки, связанные с недостаточной мотивацией к долгосрочным инвестициям в персонал и разрывом между требованиями реального сектора и стандартами формального образования. Сделан вывод о необходимости перехода к экосистемной модели корпоративного обучения, предполагающей тесное взаимодействие бизнеса, государства и образовательных организаций. Сформулированы авторские рекомендации, направленные на совершенствование нормативного регулирования, развитие систем профессионально-общественной аккредитации и внедрение механизмов стимулирования инвестиций в человеческий капитал. Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов при разработке корпоративных стратегий развития кадрового потенциала и формировании государственной образовательной политики.

Ключевые слова: корпоративное обучение, институциональные основы, человеческий капитал, профессиональные компетенции, современная Россия, непрерывное образование, рынок труда, кадровый потенциал, образовательные экосистемы, технологический суверенитет, институциональный анализ, развитие персонала

Для цитирования: Ананченкова П. И. Институциональные основы развития систем корпоративного обучения в современной России // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 353—358. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1667.

Original article

INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF CORPORATE TRAINING SYSTEMS DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article explores the institutional foundations of the functioning and development of corporate training systems in the Russian Federation in the context of large-scale economic transformation and the implementation of technological sovereignty objectives. The relevance of the study is driven by the need to establish sustainable mechanisms for the reproduction of professional competencies within organizations in the face of staff shortages and changing external economic conditions. The purpose of the study is to identify the key institutional factors that determine the effectiveness of corpo-

rate education and to develop proposals for their improvement. The study employs methods of institutional and system analysis, summarization of scientific literature, and analysis of current statistical data and legal regulations. The article substantiates that corporate training in modern Russia is evolving from an auxiliary HR function to an independent social and economic institution integrated into the system of continuous education. It is established that the key barriers to development are institutional traps associated with insufficient motivation for long-term investments in personnel and the gap between the requirements

of the real sector and the standards of formal education. The article concludes that it is necessary to transition to an ecosystem model of corporate training, which involves close cooperation between businesses, the government, and educational organizations. The author's recommendations are formulated to improve normative regulation, develop professional and public accreditation systems, and implement mechanisms to stimulate investment in human capital. The practical significance

of the work lies in the possibility of applying the obtained results in the development of corporate strategies for human resources development and the formation of state educational policy.

Keywords: corporate training, institutional foundations, human capital, professional competencies, modern Russia, continuous education, labor market, human resources, educational ecosystems, technological sovereignty, institutional analysis, personnel development

For citation: Ananchenkova P. I. Institutional foundations of corporate training systems development in modern Russia. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):353—358. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1667.

Введение

Институционализация корпоративного обучения в современной России происходит в условиях беспрецедентного давления на рынок труда и необходимости форсированного наращивания компетенций в наукоемких отраслях. **Актуальность** темы обусловлена тем, что традиционные образовательные институты не всегда успевают адаптироваться к изменяющимся технологическим запросам бизнеса, что перекладывает значительную часть ответственности за подготовку кадров на сами предприятия. В 2023—2025 гг. дефицит кадров в Российской Федерации достиг исторических максимумов, что сделало вопрос удержания и развития «внутреннего» персонала приоритетной государственной и корпоративной задачей.

Изученность проблемы характеризуется наличием фундаментальных трудов по институциональной экономике Д. Норта [1], О. Уильямсона [2; 3], теории человеческого капитала Г. Беккера [4], Т. Шульца [5], концепции обучающейся организации П. Сенге [6] и П. Друкера [7].

В российском научном дискурсе вопросы корпоративного образования и профессионального развития исследуют В. В. Тонконог и П. И. Ананченкова [8—10], в контексте цифровизации и развития новых технологий — Е. Н. Макаренко и Н. А. Димитриади [11], В. В. Верна и Э. Э. Ибрагимов [12], в рамках научной школы — Ю. С. Колесникова [13], В. В. Дьяченко [14], Ю. Г. Новопашиной [15]. Однако именно институциональный аспект корпоративного обучения как самостоятельной системы в условиях санкционных ограничений требует дополнительного осмысления.

Целесообразность разработки темы продиктована поиском новых моделей взаимодействия субъектов образовательного рынка.

Научная новизна работы заключается в концептуализации корпоративного обучения не как набора учебных программ, а как институционального соглашения между государством, бизнесом и работником, направленного на минимизацию трансакционных издержек по поиску и адаптации кадров.

Целью исследования является теоретическое обоснование институциональных основ корпоративного обучения в России и разработка практических рекомендаций по его развитию. **Задачи** включают анализ нормативно-правовой базы, выявление барьеров институционализации и описание перспективных моделей корпоративного образования.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении положений институциональной теории применительно к корпоративному сектору экономики знаний.

Практическая значимость заключается в возможности внедрения предложенных моделей в деятельность крупных инновационно-ориентированных компаний.

Основная часть

Методология исследования. В основу исследования положен институциональный подход, позволяющий рассматривать корпоративное обучение сквозь призму «правил игры» — формальных (законы, регламенты) и неформальных (корпоративная культура, традиции обучения) норм. В работе использованы данные мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ, отчеты Росстата и аналитические материалы ведущих консалтинговых агентств.

Результаты исследования. В современной России корпоративное обучение утрачивает статус внутренней вспомогательной функции и приобретает признаки самостоятельного института, обеспечивающего устойчивость организаций и воспроизводство человеческого капитала. Это изменение связано не только с ростом значимости знаний как производственного ресурса, но и с институциональными сдвигами, обусловленными изменениями на рынке труда, ускорением технологического обновления и ростом требований к квалификации работников. В логике теории человеческого капитала Г. Беккера образование выступает формой инвестиции в человека, повышающей его будущую производительность и ценность для организации [4]. Однако в российской практике эта модель сталкивается с устойчивыми ограничениями, прежде всего с проблемой внешних эффектов: компания несет затраты на обучение, но не всегда может удержать сотрудника, который получил новые компетенции и становится более привлекательным для внешнего рынка труда. Тем самым возникает необходимость не просто в наращивании объемов обучения, а в создании институциональной среды, закрепляющей результаты образовательных инвестиций внутри организации.

На макроуровне институциональные основы корпоративного обучения определяются федеральным законодательством, прежде всего Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а также нормами трудового и налогового регулирования согласно Трудовому и Налоговому кодексам РФ. На данном уровне формируются нормативные условия, обеспечивающие возможность реализации программ корпоративного обучения, а также условия, косвенным образом стимулирующие его развитие через целевое бюджетирование, субсидирование и налоговые льготы.

На уровне отдельных отраслей (мезоуровень) формируются соответствующие соглашения, а также профессиональные стандарты и квалификационные требования, фокусирующие внимание на значимых для конкретной отрасли профессиональных компетенциях, формируемых и развивающихся в рамках образовательных программ корпоративного обучения. Однако, стоит отметить, что на практике

система профессиональных стандартов обновляется медленнее, чем меняются производственные процессы и цифровые инструменты. В результате корпоративное обучение вынуждено выполнять компенсаторную функцию, дополняя и актуализируя знания, полученные в системе формального образования.

На микроуровне институциональные основы корпоративного обучения представлены локальными нормативными актами, внутренними регламентами, ученическими договорами, программами адаптации и корпоративными стандартами развития персонала. Именно на этом уровне определяется практическая результативность обучения,

поскольку здесь происходит непосредственная связка между образовательными инициативами и организационными целями. П. Друкер подчеркивал, что в экономике знаний решающим ресурсом становится способность организации учиться быстрее конкурентов [7]. В современной российской практике это означает, что корпоративное обучение должно быть встроено в систему управления эффективно, а не существовать автономно от бизнес-процессов. Иначе образовательные программы оказываются формальными и не приводят к устойчивому эффекту.

Для систематизации уровней корпоративного обучения в современной России представим табл. 1.

Таблица 1

Институциональные уровни корпоративного обучения в современной России

Уровень	Основные институты	Ключевые функции	Основные ограничения
Макроуровень	Федеральное законодательство, нормы Трудового кодекса РФ, налоговое регулирование	Создание правовых рамок для обучения и повышения квалификации	Недостаточная гибкость регулирования, слабая адаптация к отраслевой специфике
Мезоуровень	Отраслевые соглашения, профессиональные стандарты, квалификационные требования	Согласование компетенций с потребностями рынка труда	Медленное обновление стандартов, разрыв с технологическими изменениями
Микроуровень	Локальные акты, корпоративные университеты, ученические договоры, программы наставничества	Реализация обучения в соответствии со стратегией компании	Неравномерный уровень развития практик, зависимость от управленческой поддержки

Примечание: сост. автором.

Автором выявлено, что корпоративное обучение в России развивается в условиях институционального несоответствия между спросом на компетенции и возможностями их формального воспроизводства. Данные аналитики НИУ ВШЭ показывают, что до 40 % работодателей фиксируют несоответствие компетенций выпускников вузов текущим технологическим задачам (<https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/1140993858.pdf>). Это создает устойчивый разрыв, который предприятия вынуждены компенсировать собственными образовательными программами. Следовательно, корпоративное обучение начинает играть роль «доставки» профессиональной квалификации уже после выхода работника на рынок труда. Такой механизм особенно характерен для отраслей с высокой скоростью

обновления технологий — ИТ, промышленной автоматизации, логистики, финансового сектора и энергетики.

С экономической точки зрения данная ситуация подтверждает идеи Г. Беккера о том, что инвестиции в человека приносят отдачу только при наличии институциональных условий, позволяющих удерживать и использовать сформированные компетенции [4]. В противном случае образовательные инвестиции приобретают характер частично утраченной выгоды.

Развитие корпоративного обучения в России происходило поэтапно, и для каждого периода характерны свои черты, отражающие специфику подходов к организации и реализации образовательных программ на внутрифирменном уровне (табл. 2).

Таблица 2

Трансформация моделей корпоративного обучения в России

Период	Доминирующая модель	Основные характеристики	Институциональный эффект
2010-е гг.	Традиционные тренинги	Эпизодичность, ориентация на передачу знаний, слабая цифровизация	Ограниченный эффект на производительность
2020-е гг.	Корпоративные университеты	Системность, связь с HR-стратегией, развитие ключевых компетенций	Повышение внутренней мобильности и кадрового резерва
С 2024 г. по настоящее время	Образовательные экосистемы	Интеграция искусственного интеллекта, платформ, наставничества, внешних партнерств	Формирование открытого института непрерывного обучения

Примечание: сост. автором.

Развитие корпоративного обучения в форме экосистемы подтверждает тезис П. Сенге о том, что способность организации учиться быстрее конкурентов является важнейшим источником устойчивого преимущества [6]. В российском контексте этот тезис приобретает особую значимость, поскольку технологическая и кадровая конкуренция усиливается на фоне ограниченного доступа к внешним источникам готовых компетенций. Следовательно, компа-

нии все чаще вынуждены не покупать готовых специалистов, а выращивать их внутри собственной образовательной среды.

Изменении функции корпоративного обучения в системе управления персоналом также является важным аспектом. Если ранее обучение рассматривалось как сервисная HR-функция, то в настоящее время оно становится частью стратегического управления организацией. Это выражается

в том, что образовательные программы начинают увязываться с ключевыми показателями эффективности, оценкой потенциала работников, планированием преемственности и управлением карьерой. Обучение больше не ограничивается передачей знаний; оно становится инструментом проектирования организационного будущего. В этой связи особую ценность приобретает наставничество как механизм

передачи неформализованного опыта и «неявного знания», которое невозможно полностью закрепить в стандартах и инструкциях. Именно здесь корпоративное обучение приобретает глубоко институциональный характер, поскольку фиксирует не только знания, но и нормы профессионального поведения. Представим каналы влияния корпоративного обучения на устойчивость организации в табл. 3.

Таблица 3

Каналы влияния корпоративного обучения на устойчивость организации

Канал воздействия	Содержание	Ожидаемый результат
Компетентностный	Освоение новых знаний, технологий, методов работы	Повышение качества и скорости выполнения задач
Кадровый	Развитие внутреннего резерва и преемственности	Снижение затрат на внешний найм
Организационный	Встраивание обучения в процессы управления	Рост управляемости и адаптивности
Социальный	Повышение вовлеченности и лояльности персонала	Снижение текучести кадров
Инновационный	Формирование среды обмена знаниями и эксперимента	Рост числа улучшений и инициатив

Примечание: сост. автором.

Анализ показывает, что наиболее значимые эффекты корпоративного обучения проявляются не одномоментно, а в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Это соответствует позиции П. Друкера, согласно которой организация знаний требует создания среды, где обучение становится частью повседневной работы, а не отдельным событием [7]. В российской практике именно такие модели оказываются наиболее устойчивыми. Компании, инвестирующие в корпоративные университеты, внутренние академии и цифровые платформы обучения, лучше адаптируются к кадровым дефицитам,

быстрее осваивают новые технологии и демонстрируют большую гибкость в условиях неопределенности.

На основе анализа можно утверждать, что российская модель корпоративного обучения постепенно переходит от закрытой, локальной и реактивной формы к открытой, сетевой и проактивной (табл. 4).

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать ряд практических рекомендаций, направленных на укрепление институциональных основ корпоративного обучения в современной России, представленных в табл. 5.

Таблица 4

Авторская интерпретация результатов исследования

Результат	Содержание	Теоретическое значение	Практическое значение
Институционализация обучения	Корпоративное обучение становится самостоятельным институтом	Уточнение роли обучения в экономике знаний	Повышение качества кадровой политики
Разрыв стандартов и практик	Несоответствие между профстандартами и реальными запросами	Подтверждение институционального несоответствия	Необходимость ускоренной актуализации программ
Переход к экосистемам	Развитие корпоративных университетов и платформ	Расширение понятия корпоративного обучения	Рост доступности и масштабируемости обучения
Усиление наставничества	Передача неявного знания и практик	Институционализация неформального обучения	Снижение рисков потери опыта
Связь с устойчивостью	Обучение влияет на гибкость и адаптивность	Обоснование стратегической роли обучения	Укрепление конкурентоспособности бизнеса

Примечание: сост. автором.

Таблица 5

Практические рекомендации по развитию систем корпоративного обучения в современной России

Направление	Содержание рекомендации	Ожидаемый эффект
Совершенствование нормативной базы	Расширение мер налогового стимулирования компаний, инвестирующих в корпоративное обучение, а также уточнение правового статуса наставничества и ученических договоров	Повышение заинтересованности работодателей в долгосрочных вложениях в развитие персонала
Актуализация профессиональных стандартов	Упрощение процедур пересмотра профессиональных стандартов с участием работодателей, корпоративных университетов и отраслевых экспертных сообществ	Сокращение разрыва между формальными квалификационными требованиями и потребностями производства
Развитие образовательных экосистем	Поддержка сетевого взаимодействия между бизнесом, вузами, колледжами и корпоративными академиями	Расширение доступа к современным компетенциям и ускорение подготовки кадров

Направление	Содержание рекомендации	Ожидаемый эффект
Институционализация наставничества	Создание программ подготовки наставников, механизмов их материального и нематериального стимулирования, а также включение наставничества в корпоративные KPI	Повышение эффективности передачи опыта и снижение рисков утраты неявного знания
Цифровизация обучения	Внедрение корпоративных платформ, аналитики компетенций, адаптивных образовательных траекторий и гибридных форматов обучения	Рост доступности, персонализации и масштабируемости корпоративного обучения
Поддержка малого и среднего бизнеса	Разработка субсидий, ваучеров и совместных отраслевых образовательных центров для компаний, не имеющих собственных ресурсов для создания корпоративных университетов	Снижение неравенства в доступе к современным образовательным практикам
Интеграция обучения в стратегию бизнеса	Связь программ корпоративного обучения с карьерным развитием, оценкой эффективности и целями организационного развития	Повышение результативности обучения и его влияния на устойчивость компании

Примечание: сост. автором.

Заключение

Практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные выводы могут быть использованы при разработке корпоративных стратегий обучения, совершенствовании кадровой политики, построении систем наставничества и разработке программ взаимодействия компаний с образовательными организациями.

Обобщая результаты, следует подчеркнуть, что в современной России корпоративное обучение должно рассма-

триваться как стратегически значимый институт, обеспечивающий не только развитие персонала, но и формирование устойчивой модели организационного воспроизводства знаний. Эффективность этой системы определяется степенью согласованности формальных и неформальных институтов, наличием экономических стимулов для бизнеса, гибкостью образовательной инфраструктуры и способностью компаний выстраивать долгосрочные механизмы накопления и передачи компетенций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. North D. C. Institutions and economic growth: An historical introduction // *World Development*. 1989. Vol. 17. Iss. 9. Pp. 1319—1332. DOI: 10.1016/0305-750X(89)90075-2.
2. Williamson O. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. New York : Free Press, 1975. xvii, 286 p.
3. Williamson O. E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. No. 3. Pp. 595—613. DOI: 10.1257/jel.38.3.595.
4. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago : University of Chicago Press, 1993. xxii, 390 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226041223.001.0001.
5. Schultz Th. W. Investment in human capital: the role of education and of research. New York : Free Press, 1971. 272 p.
6. Senge P. M. The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization. New York : Doubleday, 2006. 445 p.
7. Drucker P. F. Management challenges for the 21st century. New York : HarperBusiness, 1999. xi, 207 p.
8. Ананченкова П. И. Развитие человеческого капитала и организация корпоративного обучения в зарубежных компаниях: региональные особенности, цели, модели, принципы, тенденции развития : моногр. М. : Директ-Медиа, 2024. 208 с. DOI: 10.23681/717381.
9. Тонконог В. В., Ананченкова П. И. Корпоративное обучение в практике зарубежных компаний // *Труд и социальные отношения*. 2023. Т. 34. № 4. С. 82—92. (На англ. яз.)
10. Ананченкова П. И., Тонконог В. В. Теоретико-методологические аспекты исследования человеческого капитала // *Труд и социальные отношения*. 2023. Т. 34. № 1. С. 116—123. (На англ. яз.) DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-1-116-123.
11. Макаренко Е. Н., Димитриади Н. А. Использование технологий искусственного интеллекта с целью повышения эффективности корпоративного обучения // *Искусственный интеллект: от фундаментальных проблем к прикладным задачам* : моногр. : в 2 т. / под ред. Е. Н. Макаренко. Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2025. Т. 1. С. 18—30.
12. Верна В. В., Ибрагимов Э. Э. Развитие цифровых технологий в корпоративном обучении персонала: перспективы использования образовательных экосистем // *Цифровые технологии в решении проблем современности* : моногр. / науч. ред.: И. Г. Ахметова. Казань : Каз. гос. энергет. ун-т, 2023. С. 191—201.
13. Трансформация систем государственного образования и корпоративного обучения в условиях цифровизации : моногр. / под ред. Ю. С. Колесниковой. М. : Прометей, 2022. 228 с.
14. Дьяченко В. В. Проблемы переноса обучения на практику в процессе корпоративного обучения в современных организациях // *Актуальные исследования*. 2023. № 17-2(147). С. 15—18.
15. Новопашина Ю. Г. Обучение и образование вне традиционных институтов: корпоративное обучение в России // *Современное профессиональное образование*. 2025. № 8. С. 9—11.

REFERENCES

1. North D. C. Institutions and economic growth: An historical introduction. *World Development*. 1989;17(9):1319—1332. DOI: 10.1016/0305-750X(89)90075-2.
2. Williamson O. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. New York, Free Press, 1975. xvii + 286 p.

3. Williamson O. E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*. 2000;38(3):595—613. DOI: 10.1257/jel.38.3.595.
4. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago, University of Chicago Press, 1993. xxii + 390 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226041223.001.0001.
5. Schultz Th. W. Investment in human capital: the role of education and of research. New York, Free Press, 1971. 272 p.
6. Senge P. M. The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization. New York, Doubleday, 2006. 445 p.
7. Drucker P. F. Management challenges for the 21st century. New York, HarperBusiness, 1999. xi + 207 p.
8. Ananchenkova P. I. Human capital development and organization of corporate training in foreign companies: regional features, goals, models, principles, development trends. Monograph. Moscow, Direkt-Media, 2024. 208 p. (In Russ.) DOI: 10.23681/717381.
9. Tonkonog V. V., Ananchenkova P. I. Corporate training in the practice of foreign companies. *Trud i sotsial'nye otnosheniya = Labour and Social Relations Journal*. 2023;34(4):82—92.
10. Ananchenkova P. I., Tonkonog V. V. Theoretical and methodological aspects of human capital research. *Trud i sotsial'nye otnosheniya = Labour and Social Relations Journal*. 2023;34(1):116—123. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-1-116-123.
11. Makarenko E. N., Dimitriadi N. A. The use of artificial intelligence technologies to improve the effectiveness of corporate training. *Iskusstvennyi intellekt: ot fundamental'nykh problem k prikladnym zadacham = Artificial intelligence: from fundamental problems to applied problems*. Monograph. In 2 vol. E. N. Makarenko (ed.). Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics publ., 2025. Vol. 1. Pp. 18—30p. (In Russ.)
12. Verna V. V., Ibragimov E. E. Development of digital technologies in corporate personnel training: prospects for the use of educational ecosystems. *Tsifrovye tekhnologii v reshenii problem sovremennosti = Digital technologies in solving modern problems*. Monograph. I. G. Akhmetova (ed.). Kazan, Kazan State Power Engineering University publ., 2023. Pp. 191—201. (In Russ.)
13. Transformation of public education and corporate training systems in the context of digitalization. Monograph. Yu. S. Kolesnikova (ed.). Moscow, Prometei, 2022. 228 p. (In Russ.)
14. Dyachenko V. V. Issues of learning transfer in corporate learning process of modern organizations. *Aktual'nye issledovaniya*. 2023;17-2(147):15—18. (In Russ.)
15. Novopashina Iu. G. Education and training beyond traditional institutions: corporate training in Russia. *Sovremennoe professional'noe obrazovanie = Modern professional education*. 2025;8:9—11. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.05.2026; одобрена после рецензирования 14.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.
The article was submitted 27.05.2026; approved after reviewing 14.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Научная статья

УДК 373.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1696

Sergey Alexandrovich Babichev

Senior lecturer

of the Department of Tactical and Special Training,

Voronezh Institute

of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Voronezh, Russian Federation

a900hh@lenta.ru

Сергей Александрович Бабичев

старший преподаватель

кафедры тактико-специальной подготовки,

Воронежский институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации

Воронеж, Российская Федерация

a900hh@lenta.ru

Alexander Nikolaevich Makhinin

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of General Pedagogy,

Voronezh State Pedagogical University

Voronezh, Russian Federation

alex-makhinin@yandex.ru

Александр Николаевич Махинин

канд. пед. наук, доцент,

доцент кафедры общей педагогики,

Воронежский государственный педагогический университет

Воронеж, Российская Федерация

alex-makhinin@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ БЕЗОПАСНОГО ТИПА КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье представлено авторское понимание категории «личность безопасного типа курсантов» применительно к специфике образовательного процесса образовательных организаций МВД России как основы выполнения полицейскими совокупности оперативно-служебных и служебных задач, в т. ч. в особых правовых режимах и экстремальных условиях несения службы. На основе анализа ведомственной практики формирования личности безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России (на примере Воронежского института Министерства внутренних дел Российской Федерации) авторы приходят к необходимости интенсификации рассматриваемого процесса за счет уточнения существенных характеристик феномена личности безопасного типа курсантов и интеграции в ведомственную практику профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел на этапе обучения в вузе педагогических идей Алексея Алексеевича Кадочникова. Для решения поставленных задач был разработан План и Программа работы с научно-практической группой курсантов Воронежского инсти-

тута Министерства внутренних дел Российской Федерации на основе педагогических идей А. А. Кадочникова. В целях формирования личности безопасного типа курсантов были наглядно представлены основные идеи А. А. Кадочникова и их содержательно-смысловое наполнение, необходимые для субъектов процесса формирования личности безопасного типа курсантов (командиров взводов, офицеров-воспитателей, преподавателей и пр.). Также в статье сформулированы некоторые направления совершенствования процесса формирования личности безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России на основе педагогических идей А. А. Кадочникова, обеспечивающих эффективность деятельности полицейских в рискогенной среде, в т. ч. в особых правовых режимах и экстремальных условиях несения службы.

Ключевые слова: воспитание, личность безопасного типа, курсанты, полицейский, образовательные организации МВД России, педагогические идеи А. А. Кадочникова, особые правовые режимы, профессиональная подготовка, рискогенная среда, экстремальные условия несения службы

Для цитирования: Бабичев С. А., Махинин А. Н. Формирование личности безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России: педагогические аспекты // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 359—365. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1696.

Original article

FORMATION OF PERSONALITY OF A SAFE TYPE AMONG CADETS AT EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS: PEDAGOGICAL ASPECTS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. This article presents the author's understanding of the category of personality a safe type of among cadets in relation to the specifics of the educational process of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as the basis for the police to perform a set

of operational and service tasks, including in special legal regimes and extreme conditions of service. Based on the analysis of departmental practice of forming personality of a safe type among cadets at educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia (using the example

of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation), the authors come to the need to intensify the process under consideration by clarifying the essential characteristics of the phenomenon of personality of a safe type of cadets and incorporating Alexey Alekseevich Kadochnikov's pedagogical concepts into the professional training practice for internal affairs officers during their university education. To solve the tasks, a Plan and a Program of work with a scientific and practical group of cadets of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation were developed on the basis of pedagogical ideas of A. A. Kadochnikov. In order to form personality of a safe type among cadets, the main ideas of A. A. Kadochnikov and their semantic content necessary

for the subjects of the process of forming the personality of a safe type among cadets (platoon commanders, educational officers, teachers, etc.) were clearly presented. The article also formulates some areas for improving the process of forming the personality of a safe type among cadets at educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia based on the pedagogical ideas of A. A. Kadochnikov, which ensure the effectiveness of police officers in a risky environment, including in special legal regimes and extreme conditions of service.

Keywords: education, personality of a safe type, cadets, police officer, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, pedagogical ideas of A. A. Kadochnikov, special legal regimes, professional training, risky environment, extreme conditions of service

For citation: Babichev S. A., Makhinin A. N. Formation of personality of a safe type among cadets at educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs: pedagogical aspects. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):359—365. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1696.

Введение

Актуальность. В условиях современных вызовов и угроз, сопровождающих профессиональную деятельность сотрудников органов внутренних дел, проблема формирования личности безопасного типа приобретает особую значимость. Деятельность сотрудников полиции сопряжена с постоянным воздействием психотравмирующих факторов, высоким нервно-психическим напряжением и необходимостью принятия решений в особых правовых режимах, в т. ч. в экстремальных условиях несения службы. Принимая во внимание содержание актуальных нормативно-правовых актов ведомственного характера [в т. ч. Приказа МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 (ред. от 2 мая 2023 г.) «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», Приказа МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» и др.] для образовательных организаций МВД России актуализирована профессиональная задача обеспечения педагогически результативных практик обеспечения личности безопасного типа курсантов. В целях реального включения курсантов, курсовых командиров, преподавателей кафедр, отдела морально-психологического обеспечения и т. д. как основных субъектов рассматриваемого процесса предлагаем обратиться к педагогическим идеям и опыту работы с военнослужащими, сотрудниками спецподразделений и гражданскими лицами Алексея Алексеевича Кадочникова.

Изученность проблемы. Тема формирования личности безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России в настоящее время находится на активной стадии научной разработки. Ее нельзя назвать полностью новой, но и до состояния всесторонне изученной классической проблемы она еще не доросла. Это динамично развивающееся направление научных исследований, которое привлекает внимание многих авторов, особенно в контексте реформирования системы МВД и повышения требований к профессиональной подготовке сотрудников.

Общие аспекты безопасного типа личности рассматриваются в работах Д. К. Аминовой [1], М. И. Богачева, А. Д. Фридман [2] и др., которые являются основополагающими для научной интерпретации базового понятия настоящего исследования — «личность безопасного типа курсантов». Активными авторами, разрабатывающими данную

тему, являются И. Ю. Кочнев, О. Н. Романюк, Д. А. Рыбалкин [3—5] и др. Их исследования представляют собой обобщения накопленного опыта в части основных подходов к формированию личности безопасного типа, анализа организационно-правовых основ защищенности сотрудников и приведены способы совершенствования их подготовки. Значимым является вклад в общую теорию вопроса работы Н. И. Полякова, который рассматривает личность безопасного типа как современный этап социального развития человека во взаимосвязи с культурой безопасности [6].

В зарубежной науке исследования в контексте рассматриваемого вопроса сосредоточены в основном в части психологической устойчивости и соответствия полицейских профессиональным стандартам (Е. А. Сумина, Л. Л. Грищенко [7] и др.) и действиям в ситуациях, связанных с профессиональным риском и представляющих опасность для самих полицейских (Дж. П. Бэгроу, Х. Лю, Л. Митчелл [8], В. Ван, Э. Т. Х. Лам, Д. К. В. Чиу [9]).

В целом научные изыскания в области личности безопасного типа курсантов ведутся по следующим направлениям:

- исследования, посвященные определению диагностических оснований для выявления уровня сформированности личности безопасного типа (Н. И. и Н. А. Труфановы [10]): исследователи обосновывают важность диагностики личностных характеристик курсантов для последующего эффективного построения учебно-воспитательного процесса;
- конкретные методики формирования: активно изучаются пути и средства профессионального воспитания курсантов (Е. П. Белозерцев и С. В. Родин [11], О. В. Школа [12]), а также огневой подготовки в контексте обеспечения безопасности личности курсанта (А. Ю. Алтунин, А. С. Богатикова [13]);
- психологические аспекты безопасности и личностной рефлексии (Ю. А. Пчелинцева, М. И. Марьин [14]), а также вопросы психологической готовности полицейских (В. А. Балашова, О. Г. Кравцов, В. Л. Цветков [15]).

Таким образом, анализ литературы позволил сделать вывод, как о недостаточной теоретической разработанности, так и дефицитарной эмпирической представленности проблемы формирования личности безопасного типа курсантов в практике ведомственного образования, в т. ч. собственно педагогических аспектов формирования личности безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России.

Следовательно, **целесообразность разработки темы** обусловлена потребностью профессионального образования образовательных организаций МВД России в педагогически результативных практиках формирования личности безопасного типа курсантов и часто номинальной (внешней) ориентацией (или вовсе ограниченностью используемых административных ресурсов) профессиональной подготовки курсантов, в т. ч. за счет апробации в рассматриваемую практику авторских педагогических идей, в нашем случае А. А. Кадочникова [16].

Цель исследования заключается в обосновании актуальных социокультурному контексту развития общества и профессионального образования организационно-методических подходов и практик формирования личности безопасного типа курсантов на основе педагогических идей А. А. Кадочникова, обеспечивающих эффективность деятельности полицейских в рискогенной среде, в т. ч. в особых правовых режимах и экстремальных условиях несения службы.

Задачи исследования состоят: в 1) уточнении содержания базового понятия исследования — «личность безопасного типа курсанта»; 2) методологическом обосновании формирования личности безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России на основе выделенных педагогических идей А. А. Кадочникова; 3) разработке авторской логики формирования личности безопасного типа курсантов (на примере Воронежского института МВД России) и основных направлений совершенствования рассматриваемого процесса.

Научная новизна заключается в том, что существующая ведомственная практика формирования личности безопасного типа представлена как целевая составляющая кадровой политики МВД России и подлежащая нормативно-правовой регламентации в образовательном процессе образовательных организаций МВД России.

Теоретическая значимость состоит в методологическом и методическом обосновании необходимости применения педагогических идей А. А. Кадочникова в целях формирования личности безопасного типа курсантов для повышения практикоориентированности профессиональной подготовки курсантов, способных решать совокупность служебных и оперативно-служебных задач, в т. ч. в особых правовых режимах и экстремальных условиях несения службы.

Практическая значимость состоит в разработке и апробации методов и форм работы с курсантами образовательных организаций МВД России на основе педагогических идей А. А. Кадочникова, а также разработке и использовании критериально-диагностического инструментария, который может быть использован кураторами и курсовым звеном офицерского корпуса для отслеживания эффективности рассматриваемого процесса.

Основная часть

Методология исследования. Основные результаты и выводы, представленные в настоящей статье, получены на основе интеграции следующих методологических подходов: аксиологического (А. В. Кирьякова, Н. Д. Никандров, В. А. Сластенин и др.), обеспечивающего возможность курсантов следовать ценностным установкам в ходе реализации образовательного процесса; герменевтического (А. Ф. Закирова, И. Д. Демакова, И. И. Сулима и др.), который смещает акцент с простой передачи инструкций и нормативов на понимание, интерпретацию и осмысление ситуаций риска; средовой (Е. П. Белозерцев, Ю. С. Мануйлов, В. А. Ясвин

и др.), акцентирующий внимание на создании образовательной среды, предусматривающей принятие субъектами целей и смыслов формирования личности безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России.

Результаты исследования и их обсуждение. С учетом наличествующих в науке различных точек зрения можно констатировать, что понятие «личность безопасного типа» рассматривается как интегративное качество, включающее систему ценностных ориентаций, знаний, умений и личностных характеристик, обеспечивающих способность человека предвидеть, избегать и преодолевать опасности. Личность безопасного типа — это, прежде всего, личность, осознанно обладающая культурой безопасности, владеющая методами прогнозирования, предвидения и выхода из опасных ситуаций.

Мы считаем, что личность безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России характеризуется приобретенной в ходе образовательного процесса способностью избегать угрозы или противостоять им, осознанным и ответственным отношением к выполнению служебных и оперативно-служебных задач, как в повседневной практике, так и при несении службы в особых условиях, и обеспечением безопасности себя, личного состава и окружающих на основе высоких идеалов защиты Отечества, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и законов.

Анализ ведомственной практики формирования личности безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России представляет собой сложный и противоречивый процесс, обусловленный влиянием совокупности факторов и направленный на эффективное выполнение курсантами служебных и оперативно-служебных задач в повседневных условиях и экстремальных ситуациях профессиональной деятельности.

Несмотря на то, что основные формы и методы работы с курсантами образовательных организаций МВД России определены Приказом МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», очевидны следующие дефициты ведомственной практики реализации сформулированной выше задачи:

- низкий уровень профессиональной подготовки профессорско-преподавательского (инструкторского) состава;
- недостаточное время, отведенное в тематическом плане на реализацию как тем, так и учебных вопросов;
- отсутствие качественной материально-технической базы (средства оказания само- и взаимопомощи, учебное оружие по числу обучаемых, средства индивидуальной бронезащиты и т. д.);
- отсутствие учебно-имитационных средств, необходимых для реализации практико-ориентированного подхода к обучению.

Всё вышеуказанное — лишь верхушка айсберга реализации отдельно взятой учебной дисциплины в разрезе организации общего образовательного процесса, но это та лакмусовая бумажка, которая дает нам возможность не только понять проблемные вопросы. Но и постараться найти на них ответ.

В качестве возможной альтернативы повышения практикоориентированности содержания учебной дисциплины «Личная безопасность сотрудников ОВД РФ» продуктивным будет обратиться к педагогическим идеям А. А. Кадочникова (см. рис.).

Педагогические идеи: 1. Воспитание личности на основе триединства сил (физических, духовных, интеллектуальных). 2. Опора на духовные постулаты. 3. Идея об изначальном превосходстве противника. 4. Практическое применение теории к личной безопасности (с учетом положений концепции управления ресурсами человека и применения законов механики).	Понятийно-категориальный аппарат: – воля (дух); – человек как психобиомеханическая система; – живучесть (выживаемость).	Теоретико-методологические основы: • Подходы: аксиологический, средовой, герменевтический. • Принципы: ценностно-смыслового опосредования, целостности, взаимозависимости системы и среды, интегративности, субъектности, диалогичности, рефлексивности.
Ядро: 1. Научно обоснованная оптимизация двигательной активности: применение законов биомеханики, физиологии, психологии и эргономики для достижения максимального эффекта при минимальных энергозатратах. 2. Реализация принципов концепции управления: внедрение ключевых положений в практическую подготовку курсантов.	Содержательно-смысловое наполнение: учебно-тренировочный процесс, являясь базой для отработки практических навыков службы, одновременно выступает важнейшим средством профессионального воспитания и формирования личности безопасного типа курсантов.	Педагогические условия эффективности реализации выделенных идей: 1. Актуализация аксиологического потенциала содержания образовательного процесса. 2. Интеграция педагогических идей А. А. Кадочникова в образовательный процесс вуза МВД России. 3. Активизация у курсантов субъектной значимости формирования личности безопасного типа.
Верификация и апробация в образовательном процессе ведомственного вуза		

Рис. Логика педагогической работы по формированию личности безопасного типа курсантов на основе педагогических идей А. А. Кадочникова в образовательном процессе ведомственного вуза МВД России

На примере Воронежского института МВД России апробация педагогических идей А. А. Кадочникова в контексте ведомственной практики формирования личности безопасного типа курсантов был разработан План работы с научно-практической группы кафедры тактико-специальной подготовки, рассчитанный на 144 учебных часа и включающих следующие основные разделы:

1. Морально-психологические аспекты обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД. Основные темы:

- Исторический анализ формирования личной безопасности сотрудников ОВД;
- Методы анализа и прогнозирования рисков личной безопасности сотрудников ОВД;
- Формирование стрессо- и психофизической устойчивости сотрудников ОВД к действиям в экстремальных условиях;
- Алгоритмы контроля А. А. Кадочникова.

2. Тактическая огневая подготовка. Основные темы:

- Действия и приемы с оружием, обеспечивающие личную безопасность сотрудников ОВД;
- Действия сотрудников ОВД, обеспечивающие их личную безопасность при огневом контакте.

3. Специальная физическая подготовка. Основные темы:

- Совершенствование специальной физической подготовки сотрудников ОВД;
- Основы личной безопасности при личном досмотре, досмотре транспорта;
- Основы личной безопасности при силовом задержании на основе системы А. А. Кадочникова;
- Основы личной безопасности при задержании под угрозой оружия на основе системы А. А. Кадочникова.

4. Тактико-специальная подготовка. Основные темы:

- Оружие самообороны, специальные и технические средства обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД и защиты их имущества;
- Алгоритмы безопасного поведения сотрудников ОВД при обнаружении взрывчатых и взрывоопасных веществ, взрывных устройств;
- Алгоритм оказания первой помощи;
- Оценка состояния пострадавшего;
- Обзорный и подробный осмотры;
- Способы извлечения и перемещения пострадавших;
- Основы тактической медицины;
- Само- и взаимопомощь в особых условиях несения службы;
- Особенности обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД при выполнении задач в условиях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;
- Участие ОВД в освобождении заложников;
- Организация и проведение специальной операции по обнаружению и задержанию вооруженных особо опасных преступников.

Содержание учебной дисциплины также целесообразно дополнить следующими компонентами:

- *тактико-специальная подготовка с высоким уровнем стресса:* создание «экстремальных» учебно-боевых ситуаций, где курсант должен принимать решения на фоне усталости, шума, имитации применения насилия;
- *психологическая полоса препятствий:* тренировка не только физической выносливости, но и способности сохранять критичность мышления после серьезной физической нагрузки (потеря ориентации в пространстве);
- *видеотренинг:* разбор собственных действий (и ошибок) в смоделированных особых и экстремальных условиях

[ключевой момент — рефлексия: «Почему я совершил эту ошибку? Какое чувство (страх, гнев, растерянность) меня дезорганизовало?»];

– *психологическое сопровождение и психодиагностика на этапе отбора*: выявление курсантов с низкой стрессоустойчивостью, склонностью к аффективным реакциям или ригидностью мышления для углубленной коррекции;

– *обучение приемам саморегуляции*: дыхательные техники, аутогенная тренировка, мышечная релаксация; в экстремальной ситуации побеждает тот, кто умеет «сбить» избыточный адреналин (за 30—60 сек.).

Представленные выше идеи были подвергнуты проверке в ходе опытно-экспериментальной работы (далее — ОЭР) по формированию личности безопасного типа курсантов на основе педагогических идей А. А. Кадочникова, которая проводилась в период с 2022 по 2026 г. на кафедре тактико-специальной подготовки Воронежского института МВД России. В ОЭР участвовали 60 курсантов Воронежского института МВД России II—IV курсов: 30 чел. — научно-практическая группа «Альфа» (далее — НППГ; она же — экспериментальная группа, или ЭГ) и 30 чел. — группа «Вымпел» — контрольная группа (далее — КГ).

Курсанты обеих групп отслеживались до конца курсантской подготовки (с V курса они переходят в разряд слушателей, получая при этом первое специальное звание «младший лейтенант»). В период реализации ОЭР группа курсантов «Вымпел» занималась согласно штатному расписанию, сформированному на основе действующих рабочих программ и федерального государственного образовательного стандарта.

Группа «Альфа» также занималась в соответствии с традиционной логикой организации образовательного процесса ведомственного вуза, но в часы самоподготовки направлялась на кафедру тактико-специальной подготовки для углубленного изучения специальной тактики, тактической медицины, совершенствования своего уровня морально-психологической устойчивости и обогащения ценностно-смысловой сферы личности курсантов.

В диагностический инструментарий, применяемый для исследования параметров безопасного типа поведения курсантов, включены: анкета оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз», методики оценки склонности к конфликтному поведению, тесты диагностики предрасположенности личности к конфликту. Полученные диагностические данные служат основанием для определения уровня сформированности качеств безопасного типа и своевременной коррекции педагогических стратегий.

Динамика результатов ОЭР по выделенным уровням представлена в таблице.

Динамика уровней сформированности личности безопасного типа курсантов в ЭГ и КГ (до и по итогам реализации ОЭР), %

Уровень	КГ				ЭГ			
	до ОЭР		после ОЭР		до ОЭР		после ОЭР	
	N	%	N	%	N	%	N	%
Ответственный	8	26,67	6	20	8	26,67	12	40
Достаточный	15	50	16	53,33	16	53,33	17	56,67
Ситуативный	7	23,33	8	26,67	6	20	1	3,33

Положительным результатом ОЭР стало заметное повышение эмоционального настроения курсантов, выражающихся в интересе к занятиям в НППГ, открытии и освоении ряда уникальных приемов, техник и практик, ранее не доступных и/или находящихся в области для служебного пользования. Это всё в целом влияло на эмоциональный тонус и удержание высокой личной увлеченности курсантов НППГ к проводимым занятиям и общению с кураторами. Произошло увеличение числа курсантов ЭГ с ответственным и достаточным уровнем на 58 %.

Таким образом, ключевой задачей ведомственных вузов сегодня является переход от парадигмы «физически сильного бойца» к парадигме «психологически грамотного и тактически зрелого специалиста», который в экстремальной ситуации сохраняет правовую сознательность, командную лояльность и способность к оперативной рефлексии собственных действий.

Выводы

В качестве заключения сформулируем следующие основные направления совершенствования процесса формирования личности безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России на основе педагогических идей А. А. Кадочникова, обеспечивающих эффективность деятельности полицейских в рискогенной среде, в т. ч. в особых правовых режимах и экстремальных условиях несения службы:

1. **Нормативно-правовое сопровождение**: разработка и внедрение методических рекомендаций по формированию личности безопасного типа курсантов на разных уровнях системы МВД и закрепление соответствующих требований при государственной аккредитации образовательных организаций МВД России.

2. **Организационные и управленческие меры**: выделение воспитательной работы в отдельный приоритетный блок с достаточным ресурсным обеспечением, согласование мероприятий по формированию личности безопасного типа с другими направлениями работы ведомственного вуза (учебной, служебной и пр.), сплочение курсантских коллективов, профилактика девиантного поведения, формирование здорового морально-психологического климата.

3. **Развитие психолого-педагогической компетентности субъектов** процесса формирования личности безопасного типа курсантов образовательных организаций МВД России (повышение квалификации преподавателей и командиров, углубление знаний в области психологии, педагогики, основ безопасности жизнедеятельности, регулярная диагностика уровня сформированности компонентов личности безопасного типа и своевременная психологическая помощь для коррекции выявленных дефицитов, а также обучение приемам саморегуляции, навыкам управления стрессом, концентрации внимания, быстрого принятия решений в экстремальных условиях).

4. **Совершенствование учебно-методического обеспечения**: включение в практику формирования личности безопасного типа курсантов ситуационных задач, моделирования профессиональных ситуаций, прогнозирования рисков, коррекции учебных программ с акцентом на формирование знаний о стресс-факторах будущей профессии, развития навыков саморегуляции и противодействия негативным воздействиям, создания целевых программ, направленных на формирование личности безопасного типа, с четкими целями, задачами и критериями оценки результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аминова Д. К. Безопасный тип личности как предмет научного анализа // Обзор педагогических исследований. 2021. Т. 2. № 4. С. 105—111.
2. Богачев М. И., Фридман А. Д. Безопасность как дискурсивная практика: идентичность и формирование дискурса социетальной безопасности // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 1. С. 135—144. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-135-144.
3. Кочнев И. Ю., Рыбалкин Д. А., Романюк О. Н. Диагностические основания определения педагогических условий воспитания личности безопасного типа у курсантов и слушателей вузов МВД РФ // Проблемы современного педагогического образования. 2023. Вып. 78. Ч. 2. С. 132—135.
4. Рыбалкин Д. А., Андрианов В. А. Использование технологии социокультурного проектирования пропаганды личности безопасного типа поведения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД РФ // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 2. С. 182—187.
5. Рыбалкин Д. А., Романюк О. Н., Кочнев И. Ю. Формирование личности безопасного типа средствами восточных боевых искусств // Проблемы современного педагогического образования. 2025. Вып. 86. Ч. 4. С. 244—248.
6. Поляков Н. И. Личность безопасного типа как современный этап социального развития человека // Среднее профессиональное образование. 2011. № 9. С. 56—57.
7. Сумина Е. А., Грищенко Л. Л., Сепиашвили Е. Н. Особенности обучения сотрудников полиции в Соединенных Штатах Америки // Прикладная психология и педагогика. 2022. Т. 7. № 1. С. 97—106.
8. Bagrow J. P., Liu X., Mitchell L. Information flow reveals prediction limits in online social activity // Nature Human Behaviour. 2019. Vol. 3. Pp. 122—128. DOI: 10.1038/s41562-018-0510-5.
9. Supporting higher education with social networks: trust and privacy vs perceived effectiveness / W. Wang, E. T. H. Lam, D. K. W. Chiu et al. // Online Information Review. 2020. Vol. 45. Iss. 1. Pp. 207—219. DOI: 10.1108/OIR-02-2020-0042.
10. Труфанов Н. И., Труфанова Н. А. Подходы к пониманию деятельности сотрудников органов внутренних дел в экстремальных условиях // Прикладная юридическая психология. 2025. № 1(70). С. 144—152.
11. Духовно-нравственное становление человека как фактор формирования специалиста для органов внутренних дел : коллектив. моногр. / под ред. Е. П. Белозерцева, С. В. Родина. Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2024. 204 с.
12. Школа О. В. Профессиональное воспитание сотрудников органов внутренних дел как фактор укрепления правопорядка // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 4(72). С. 138—144.
13. Богатикова А. С., Алтунин А. Ю. Обеспечение безопасности личности курсантов образовательных организаций системы МВД России в процессе учебных занятий по огневой подготовке // Автономия личности. 2025. № 1(34). С. 126—131.
14. Пчелинцева Ю. А., Марьин М. И. Оценка эффективности специальной программы для профилактики межличностных конфликтов курсантов // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. 2. № 2. С. 154—169. DOI: 10.17759/epps.2025020209.
15. Кравцов О. Г., Балашова В. А., Цветков В. Л. Принципы развития психологической готовности сотрудников полиции к служебной деятельности в экстремальных и чрезвычайных условиях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 3. С. 42—46. DOI: 10.24412/2658-638X-2024-3-42-46.
16. Бабичев С. А. Апробация положений авторской педагогической концепции А. А. Кадочникова в процессе воспитания курсантов МВД России // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2025. Т. 11. № 1. С. 55—67. DOI: 10.18413/2313-8971-2025-11-1-0-5.

REFERENCES

1. Aminova D. K. Safe personality type as a subject of scientific analysis. *Obzor pedagogicheskikh issledovaniy = Review of Pedagogical Research*. 2021;2(4):105—111. (In Russ.)
2. Bogachev M., Fridman A. Security as a discursive practice: identity and the formation of the discourse of societal security. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Perm University Herald. Political Science*. 2024;18(1):135—144. (In Russ.) DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-135-144.
3. Kochnev I. Yu., Rybalkin D. A., Romanyuk O. N. Diagnostic grounds for determining the pedagogical conditions for educating a safe type of personality among cadets and students of universities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2023;78(2):132—135. (In Russ.)
4. Rybalkin D. A., Andrianov V. A. Using sociocultural design technology to promote the personality of a safe type of behavior of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2022;2:182—187. (In Russ.)
5. Rybalkin D. A., Romanyuk O. N., Kochnev I. Yu. Formation of a safe personality type by means of oriental martial arts. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2025;86(4):244—248. (In Russ.)
6. Polyakov N. I. An individual of the safe type as a present stage of social development of the person. *Srednee professional'noe obrazovanie = The Journal of Secondary Vocational Education*. 2011;9:56—57. (In Russ.)
7. Sumina E., Grischenko L., Sepiashvili E. Features of training of police employee in the USA. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika = Applied psychology and pedagogy*. 2022;7(1):97—106. (In Russ.)

8. Bagrow J. P., Liu X., Mitchell L. Information flow reveals prediction limits in online social activity. *Nature Human Behaviour*. 2019;3:122—128. DOI: 10.1038/s41562-018-0510-5.
9. Wang W., Lam E. T. H., Chiu D. K. et al. Supporting higher education with social networks: trust and privacy vs perceived effectiveness. *Online Information Review*. 2021;45(1):207—219. DOI: 10.1108/OIR-02-2020-0042.
10. Trufanov N. I., Trufanova N. A. Approaches to understanding the activities of employees of the internal affairs bodies in extreme conditions. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*. 2025;1(70):144—152. (In Russ.)
11. Spiritual and moral formation of a person as a factor in the formation of a specialist for the internal affairs bodies. Collective monograph. E. P. Belozertsev, S. V. Rodin (eds.). Voronezh, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia publ., 2024. 204 p. (In Russ.)
12. Shkola O. V. Professional education of employees of internal affairs as a factor in strengthening law and order. *Vestnik Vse-rossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2024;4(72):138—144. (In Russ.)
13. Bogatikova A. S., Altunin A. Yu. Ensuring the security of the identity of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the course of training sessions on fire training. *Avtonomiya lichnosti*. 2025;1(34):126—131. (In Russ.)
14. Pchelintseva Yu. A., Maryin M. I. Evaluation of the effectiveness of a special program for the prevention of interpersonal conflicts among cadets. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*. 2025;2(2):154—169. (In Russ.) DOI: 10.17759/epps.2025020209.
15. Kravtsov O. G., Balashova V. A., Tsvetkov V. L. Principles of development of psychological readiness of police officers for official activity in extreme and emergency conditions. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and pedagogy of service activity*. 2024;3:42—46. (In Russ.) DOI: 10.24412/2658-638X-2024-3-42-46.
16. Babichev S. A. Improving the process of training cadets of the Ministry of Interior of Russia by introducing the pedagogical ideas of A. A. Kadochnikov. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Research result. Pedagogy and Psychology of Education*. 2025;11(1):55—67. (In Russ.) DOI: 10.18413/2313-8971-2025-11-1-0-5.

Статья поступила в редакцию 14.06.2026; одобрена после рецензирования 09.07.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was submitted 14.06.2026; approved after reviewing 09.07.2026; accepted for publication 13.07.2026.

Научная статья
УДК 378.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1727

Denis Alekseevich Balandin
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Director for Scientific Work,
Head of the Department of Economics,
Management and Law,
Pokrov Branch
of Moscow Pedagogical
State University
Pokrov, Russian Federation
da.balandin@mpgu.su

Денис Алексеевич Баландин
канд. юрид. наук, доцент,
заместитель директора по научной работе,
заведующий кафедрой экономики,
управления и права,
Покровский филиал
Московского педагогического
государственного университета
Покров, Российская Федерация
da.balandin@mpgu.su

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УПРАВЛЕНИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Искусственный интеллект (ИИ) как прогрессивный педагогический механизм современности концептуально и методологически важен в процессе развития образования и науки. В настоящее время уже распространено вовлечение преподавателями в образовательный процесс инструментов, которые генерируются ИИ. Поскольку ИИ может воспринять значительно больше информации, чем человек, интерактивные помощники и адаптивные программы позволяют персонализировать научно-исследовательский процесс, актуализировать формы самостоятельного обучения и самообразовательной деятельности, спрогнозировать и осуществить коммерциализацию результатов научных исследований, упростить повседневные технические задачи.

Используя метод анкетирования и анализа, проведено исследование управления научно-исследовательской деятельностью обучающихся в условиях вуза с помощью ИИ. Базой исследования являлись три федеральных вуза с учебными структурными подразделениями, расположенных в семи субъектах Российской Федерации, четырех федеральных округах, а именно: Покровский, Дербентский, Анапский, Ставропольский филиалы Московского педагогического государственного университета, филиал

Московского педагогического государственного университета в г. Черняховске, Педагогический и Юридический институты Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Институт социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

Определены ключевые функции ИИ в управлении научно-исследовательской деятельностью обучающихся. Выявлены проблемы в управлении научно-исследовательской деятельностью обучающихся. Сформулированы предложения и рекомендации, направленные на совершенствование управления научно-исследовательской деятельностью студентов. Результаты научного исследования могут быть востребованы специалистами в сфере ИИ, профессорско-преподавательским составом, учеными, сферой научных интересов которых является изучение процессов управления научно-исследовательской деятельности студентов вузов гуманитарного профиля.

Ключевые слова: управление, научно-исследовательская деятельность, студент, искусственный интеллект, научное руководство, инструменты, пользователь, ассистент, контроль качества, промт, цитирование, верификация данных, декларирование

Для цитирования: Баландин Д. А. Об использовании искусственного интеллекта в управлении научно-исследовательской деятельностью студентов: опыт, проблемы, перспективы // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 366—371. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1727.

Original article

ON THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MANAGING STUDENTS' RESEARCH ACTIVITIES: EXPERIENCE, PROBLEMS AND PROSPECTS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. Artificial intelligence as a progressive pedagogical mechanism of the modern world has a significant conceptual and methodological importance in the process of development of education and science. Currently, the use of tools generated by artificial intelligence (AI) in the educational process is already a com-

mon practice. Since AI can process significantly more information than humans, interactive assistants and adaptive programs allow for personalized research, updated forms of independent learning and self-education, the prediction and commercialization of research results, and the simplification of everyday technical tasks.

With the use of the method of questioning and analysis, a study was conducted on the management of research activities of students at a university using artificial intelligence. The study was based on the following universities: Pokrov, Derbent, Anapa, Stavropol branches of Moscow State Pedagogical University, the branch of Moscow State Pedagogical University in Chernyakhovsk, Pedagogical Institute and Law Institute of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Institute of Social and Humanitarian Education of Moscow State Pedagogical University. The study was based on 3 federal universities with educational structural units located in 7 constituent entities of the Russian Federation and 4 federal districts.

For citation: Balandin D. A. On the use of artificial intelligence in managing students' research activities: experience, problems and prospects. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):366—371. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1727.

Введение

Актуальность. В настоящее время тенденции в сфере высшего образования во многом определяются внедрением цифровых технологий и особенно искусственного интеллекта (далее — ИИ). В 2020 г. на цифровые технологии в образовании в мире было потрачено 227 млрд долларов [1, с. 485]. Расходы в исследуемой сфере имеют тенденцию к увеличению.

Цель исследования — выявление тенденций, закономерностей, проблем и путей их решения, формулирование рекомендаций, направленных на совершенствование управления научно-исследовательской деятельностью обучающихся образовательных учреждений высшего образования, используя возможности ИИ.

Задачи исследования:

- исследовать, какие ИИ-инструменты применяют в настоящее время при проведении научных исследований студенты и профессорско-преподавательский состав вузов гуманитарного профиля;
- изучить для решения каких задач применяют или считают возможным применять ИИ в научно-исследовательской работе студенты и профессорско-преподавательский состав вузов гуманитарного профиля;
- проанализировать насколько использование ИИ повышает эффективность отдельных аспектов научно исследовательской работы.

Степень изученности проблемы. Представленным в исследовании вопросам, помимо предыдущих публикаций автора настоящей статьи [2, с. 67; 3, с. 30], посвящены труды таких ученых, как Е. В. Бэкман [4, с. 50], С. С. Гречихин [5, с. 64], О. И. Игнатова [6, с. 168], Т. Н. Галинская [7, с. 71], А. Н. Колисниченко [8, с. 161], П. М. Лукичев [1, с. 485], Н. М. Стукаленко [9, с. 5] и др.

Вместе с тем в условиях реформирования современного высшего образования, сопровождающегося процессом стремительной цифровизации и всё большим ИИ, исследования вопросов управления научно-исследовательской деятельностью обучающихся, приобретает дополнительную востребованность.

Л. С. Носова указывает, что дальнейшее развитие ИИ-технологий будет требовать формирования новых компетенций и адаптации к новым технологическим реалиям. Здесь важно поддерживать баланс между интеграцией прогрессивных технологий и качеством научной работы студентов, что возможно при соблюдении указанных ранее факторов, принципов и комплексного подхода в интеграции генеративного ИИ в научную деятельность [10, с. 1250].

The key functions of AI in managing the research activities of students have been identified. The problems in managing the research activities of students have been outlined. Proposals and recommendations have been formulated to improve the management of students' research activities. The results of this research can be used by specialists in the field of artificial intelligence and academic staff.

Keywords: management, research activity, student, artificial intelligence, academic supervision, tools, user, assistant, quality control, prompt, citation, data verification, declaration

Н. В. Тихонова обращает внимание на то, что, согласно полученным ею данным, более трети студентов использовали инструменты ИИ в процессе подготовки выпускной квалификационной работы [11, с. 130]. S. Joshi с соавторами подчеркивают, что данный процесс существенными в учебно-деятельности организации организации научно-исследовательской деятельности [12].

Е. В. Андриенко считает, что использование ИИ является одним из проактивных методов вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность [13, с. 82].

В настоящее время вовлечение преподавателями в образовательный процесс инструментов, которые генерируются ИИ уже являются достаточно распространенным явлением. Поскольку ИИ может обрабатывать значительно больше информации, чем человек, его применение, по мнению В. М. Щербаковой, позволяет:

- персонализировать образовательный процесс;
- актуализировать формы самостоятельного обучения и самообразовательной деятельности и др. [14].

Ф. Фукуяма отмечает, что ИИ выступает продуктом человеческой деятельности, который благодаря способности выполнения отдельных функций человека существенно интегрировался в различные области и сферы его социального взаимодействия, включая сектор образования [15]. Однако консолидированное мнение ученых относительно содержания дефиниции «искусственный интеллект» до настоящего времени отсутствует.

Научная новизна данного исследования заключается в выявлении на основе использования научного инструментария тенденций, закономерностей, проблем, путей их решения в сфере управления научно-исследовательской деятельностью обучающихся учреждений высшего образования, используя возможности ИИ.

Теоретическая значимость данного исследования определяется обогащением представлений об управлении научно-исследовательской деятельностью обучающихся учреждений высшего образования, используя возможности ИИ, а также теоретическим осмыслением положений теорий управления и педагогики в процессе управления научно-исследовательской деятельностью студентов. Исследование предлагает новый взгляд на ИИ как инструмент управления научно-исследовательской деятельностью студентов. Работа способствует развитию теоретических основ организации студенческой науки, углублению понимания роли в ней возможностей, которые предоставляет ИИ, и, как следствие, повышению качества образования.

Практическая значимость результатов исследования заключается в формулировании рекомендаций, направленных на совершенствование управления научно-исследовательской деятельностью обучающихся в условиях вуза с помощью ИИ.

Основная часть

Материалы и методы исследования. В рамках данной работы, используя метод анкетирования и анализа, проведено исследование управления научно-исследовательской деятельностью обучающихся в условиях вуза с помощью ИИ.

Общее количество респондентов составило 177 студентов, представителей профессорско-преподавательского, административного и учебно-вспомогательного состава образовательных организаций высшего образования гуманитарного профиля.

Базой исследования являлись следующие вузы: Псковский, Дербентский, Анапский, Ставропольский филиалы Московского педагогического государственного университета, филиал Московского педагогического государственного университета в г. Черняховске, Педагогический и Юридический институты Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Институт социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета. Таким образом, проведенным исследованием было охвачено три федеральных вуза с учебными структурными подразделениями, расположенных в семи субъектах Российской Федерации, четырех федеральных округов.

Область научных интересов (преподавания) респондентов: педагогика; иностранные языки; история; программирование; юриспруденция; дефектология; психология; начальное образование; литература; менеджмент в образовании; дизайн; обществознание; география; сурдопсихология; начальные классы; русский язык и литература; уголовно-правовые науки; информатизация и управление образовательными организациями; начальное образование; реставрация; логопедия; дошкольная педагогика; компьютерные системы и программирование; политология; филология; социология; методология исследовательской деятельности; педагогический менеджмент; информационные системы; психология; социальная педагогика; математика; информатика; технические науки; экономика; гуманитарные науки.

Результаты исследования. Ниже представлены отдельные результаты проведенного анкетирования студентов и представителей профессорско-преподавательского и административно-управленческого составов вузов гуманитарного профиля, задействованных в исследовании.

1. Аналитические выводы по вопросу: «Какие ИИ-инструменты вы использовали или они вам известны при применении в науке и образовании?»

Результаты опроса респондентов распределились следующим образом (по убыванию популярности):

1) Языковые модели (*ChatGPT*, *Yandex GPT* и т. п.) — 150 ответов (84,7 %). Абсолютный лидер опроса. Подавляющее большинство респондентов знакомы с генеративными языковыми моделями и их применением.

2) Инструменты для проверки текстов на плагиат и стилистику («Антиплагиат», *Grammarly*) — 93 ответа (52,5 %). Каждый второй респондент сталкивался с этими инструментами, что подчеркивает их высокую востребованность в академической среде.

3) Специализированные научные ИИ-ассистенты (для педагогики, психологии и др.) — 32 ответов (18,1 %). Относительно узкая, но заметная ниша применения.

4) Платформы для поиска и систематизации научных публикаций (*Semantic Scholar*, *ResearchGate* с ИИ) — 24 ответов (13,6 %).

5) Системы анализа данных и визуализации (*Tableau*, *Power BI* с ИИ-модулями) — 15 ответов (8,5 %).

6) Не использовал(а) и не слышал(а) о таких инструментах — 10 ответов (5,6 %). Самая низкая доля, указывающая на высокий общий уровень осведомленности аудитории.

На основании вышеизложенного, возможно сделать следующие выводы:

- Доминирование универсальных языковых моделей. Более 84 % респондентов знакомы с *ChatGPT* и аналогами. Это говорит о том, что в массовом сознании ИИ в первую очередь ассоциируется с генерацией и обработкой текста, а не с узкоспециализированными научными расчетами.

- Высокая востребованность инструментов контроля качества. Блок проверки текстов (более 50 %) занимает второе место. Это отражает потребность научного сообщества в инструментах для быстрого выявления заимствований, оценки оригинальности и улучшения стилистики работ.

- Узкоспециализированные инструменты (ассистенты для отдельных дисциплин) знают 15,8 % участников, что говорит о быстром проникновении ИИ в профессиональные ниши.

- Низкий уровень представленности аналитических и поисковых систем. Системы визуализации данных (8,5 %) и интеллектуальные поисковики научных статей (13,6 %) набрали наименьшие доли среди «активных» инструментов. Возможными причинами являются: сложность освоения, высокая стоимость или недостаточная известность среди широкой аудитории.

- Незначительный уровень неосведомленности. Лишь 4,4 % респондентов заявили, что не слышали об возможности использования ИИ-инструментов в науке, что свидетельствует о высокой цифровой грамотности респондентов.

2. Аналитические выводы по вопросу: «Для решения каких задач вы применяли (или считаете возможным применять) ИИ в научно-исследовательской работе? (выберите все подходящие варианты, их может быть несколько)».

Распределение ответов респондентов (по убыванию популярности):

1) *Поиск и анализ научной литературы*: 118 ответов (66,7 %). Данный ответ является абсолютным лидером опроса. Он подразумевает использование ИИ для сканирования баз данных, выявления релевантных источников, автоматического извлечения тезисов и составления обзоров.

2) *Написание и редактирование текстов*: 66 ответов (37,3 %). Вторая по значимости задача. Включает генерацию черновиков статей, рефератов, аннотаций, а также проверку грамматики, стилистики и структуры текста.

3) *Автоматизация рутинных операций*: 62 ответа (35 %). Использование ИИ для ускорения монотонной работы: заполнение таблиц, создание списков литературы, конвертация форматов, сбор данных.

4) *Формулировка гипотез и постановка задач*: 56 ответов (31,6 %). Применение ИИ для выявления закономерностей в данных и генерации новых исследовательских идей.

5) *Генерация идей и брейнсторминг*: 54 ответа (30,5 %). Использование ИИ как «мозгового штурма» для генерации идей, названий, концепций.

6) *Планирование этапов исследования*: 52 ответа (29,4 %). Составление дорожных карт, календарного планирования, распределение ресурсов с помощью ИИ.

7) *Обработка и визуализация экспериментальных данных*: 46 ответов (26 %). Применение ИИ для статистического анализа, построения графиков, диаграмм, тепловых карт;

8) *Рецензирование и оценка работ*: 34 ответа (19,2 %). Использование ИИ для автоматической оценки качества текстов, выявления ошибок аргументации, проверки соответствия стандартам.

На основании вышеизложенного возможно сделать следующие **выводы**:

- Доминирование задач поиска и текстовой обработки. Тройка лидеров (поиск литературы, написание текстов, автоматизация) охватывает от 35 до 66,7 %). Это свидетельствует о том, что основная ценность ИИ для исследователей видится в облегчении доступа к информации и оптимизации работы с текстом.

- Средний уровень доверия к аналитическим функциям. Задачи, связанные с глубоким анализом (формулировка гипотез, обработка данных), набрали более одной четвертой голосов респондентов. Это может свидетельствовать либо о недоверии к точности ИИ в критических задачах, либо о том, что такие задачи решаются относительно реже.

- Относительно невысокий интерес к автоматическому рецензированию. Всего 19,2 % отметили возможность использования ИИ для оценки работ. Вероятно, респонденты считают эту задачу слишком тонкой и требующей человеческого участия.

- Практически полное отсутствие «скептиков». Доля тех, кто никогда не применял ИИ, минимальна (4,5 %), что говорит о высокой степени цифровой грамотности участников исследования.

3. Аналитические выводы по вопросу: «Оцените по пятибалльной шкале, насколько использование ИИ повышает эффективность следующих аспектов научно исследовательской работы (1 — «совсем не повышает», 5 — «значительно повышает»)».

Анализ распределения полученных в результате исследования оценок респондентов:

1) *Скорость поиска информации*. Является абсолютным лидером по восприятию эффективности:

- оценка 5 (значительно повышает): доминирует, занимает наибольшую долю (80—90 %);
- оценки 3 и 4: присутствуют в меньшем объеме;
- оценки 1 и 2: практически отсутствуют.

Вывод: респонденты единогласно признают ИИ незаменимым инструментом для быстрого доступа к массиву данных.

2) *Оригинальность идеи*. Здесь наблюдается более взвешенная оценка, с явным центром тяжести на средних значениях:

- оценка 3 (умеренно повышает): самая высокая доля;
- оценки 4 и 5: присутствуют, но заметно меньше;
- оценки 1 и 2: имеются в минимальном объеме.

Вывод: участники опроса считают, что ИИ помогает генерировать идеи, но не гарантирует их полную оригинальность.

3) *Соблюдение академических стандартов* (оформление, ссылки). Стабильное распределение с акцентом на высокие баллы.

- оценки 4 и 5: суммарно составляют большую часть ответов;

- оценка 3: также заметна;
- оценки 1 и 2: минимальны.

Вывод: инструменты проверки стилистики, грамматики и оформления (включая автоматические системы цитирования) ИИ воспринимаются как надежный помощник в рутинной, но критически важной части работы.

4) *Мотивация студентов к исследованиям*. Распределение схоже с оригинальностью идей, но с чуть большим уклоном в сторону «нейтральных» оценок:

- оценка 3: лидирует;
- оценки 4 и 5: присутствуют, но не доминируют;
- оценки 1 и 2: имеются, но не имеют массового

характера.

На основании вышеизложенного возможно сделать следующие **выводы**:

- ИИ рассматривается как фактор, способный поддерживать интерес, облегчая процесс, но не как единственный мощный стимул для мотивации.

- Установлена четкая иерархия пользы. Наибольшую ценность ИИ имеет в операционных задачах (поиск информации, оформление), где он экономит время и снижает риск ошибок.

- Осторожность в оценке креатива. В вопросах оригинальности идей и мотивации респонденты проявляют сдержанность, понимая ограничения генеративных моделей (риск «галлюцинаций», шаблонности).

- Отсутствие негативных оценок. Даже в самых сложных аспектах (оригинальность, мотивация) низкие баллы (1—2) встречаются редко, что говорит о позитивном, но реалистичном восприятии технологий.

Опираясь на ранее представленную информацию, в данной части исследования возможно сформулировать следующие **рекомендации**:

- Обучение профессорско-преподавательского и административно-управленческого составов вузов инструментам поиска информации и ее оформления. Полагаем целесообразным развивать навыки эффективного промтинга для решения задачи оперативного поиска нужной информации в процессе научно-исследовательской деятельности.

- Проработка вопроса повышения оригинальности данных (авторства). Важно обучать студентов и профессорско-преподавательский состав вузов критическому анализу и доработке идей, генерируемых ИИ. Поскольку ИИ активно используется для написания текстов и рецензирования, важно обучать правилам ответственного использования технологий (определение подлинности авторства, исключения «галлюцинации» моделей (текстов) и др.).

- Использование ИИ как «стартовой площадки». Для повышения мотивации студентов стоит позиционировать ИИ не как «шпаргалку», а как инструмент для быстрого научного старта, вовлечение в научно-исследовательскую деятельность и проверки научных гипотез при проведении исследований.

- Активная демонстрация возможности инструментов систематизации публикаций (*Semantic Scholar*, *ResearchGate*) для более эффективного управления научно-исследовательской деятельностью в части поиска релевантных источников (повышение уровня осведомленности среди респондентов о поисковых платформах).

- Организация специализированных воркшопов для решения задачи обработки данных и формулировки научных гипотез.

• Создание «умных ассистентов» для решения задачи «автоматизации рутинных операций», которые объединяют поиск научной литературы, составление библиографии и форматирование статей в одном интерфейсе.

Выводы

На основе проведения данной части исследования возможно отметить, что ИИ воспринимается как надежный технический помощник, который радикально ускоряет

рутинные процессы, но пока не считается полноценным творцом или мотиватором в научно-исследовательской деятельности.

В заключение представляется возможным указать, что использование ИИ в управлении научно-исследовательской деятельностью обучающихся не является заменой человеческого участия, напротив, при квалифицированном его использовании предоставляет возможность значительно повысить его эффективность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лукичев П. М., Чекмарев О. П. Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 1. С. 486—502. DOI: 10.18334/vinec.13.1.117223.
2. Баландин Д. А. О некоторых формах и методах управления научно-исследовательской деятельностью студентов образовательных учреждений высшего образования гуманитарного профиля, а также факторах, влияющих на их применение // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2026. № 1(103). С. 65—70. DOI: 10.36871/2306-8329_2026_103_1_65.
3. Баландин Д. А. К вопросу об отдельных исследованиях в сфере управления научно-исследовательской деятельностью обучающихся в условиях вуза с помощью искусственного интеллекта // Шамовские чтения : сб. ст. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. М. : Науч. шк. управления образоват. системами, 2026. Т. 1. С. 29—32.
4. Бэкман Е. В. Возможности изучения искусственного интеллекта при подготовке магистров педагогических специальностей // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2025. № 1. С. 46—51. DOI: 10.52928/2070-1640-2025-43-1-46-51.
5. Гречихин С. С. Изучение роли педагогического мышления в практическом образовательном процессе // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 3. С. 63—65. DOI: 10.26140/bgj3-2020-0903-0013.
6. Игнатова О. И., Селиванов В. В., Асланов Б. А. Искусственный интеллект в образовательном процессе и научных исследованиях обучающихся высшей школы // Проблемы современного педагогического образования. 2025. Вып. 86. Ч. 2. С. 167—169.
7. Галинская Т. Н., Костина Н. Г. Проблемы организации исследовательской деятельности будущих учителей иностранного языка // Проблемы современного педагогического образования. 2025. Вып. 87. Ч. 1. С. 69—72.
8. Колесниченко А. Н. Специфика проведения студенческих научных конференций в условиях развития искусственного интеллекта // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. № 6. С. 145—170. DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-6-898.
9. Стукаленко Н. М., Лепешев Д. В., Просандеева И. А. Инновационные технологии в высшем профессиональном образовании // Наука и реальность. 2022. № 4(12). С. 4—7.
10. Носова Л. С., Леонова Е. А., Беляков А. В. Организация научно-исследовательской работы студентов в свете технологий генеративного искусственного интеллекта // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. Вып. 8. С. 1244—1253. DOI: 10.30853/ped20250150.
11. Тихонова Н. В., Поморцева Н. П. Выпускная квалификационная работа в вузе в условиях распространения искусственного интеллекта: взгляд студентов // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 112—135. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-112-135.
12. Joshi S., Rambola R. K., Churi P. Evaluating artificial intelligence in education for next generation // Journal of Physics: Conference Series. 2021. Vol. 1714. Art. 012039. DOI: 10.1088/1742-6596/1714/1/012039.
13. Андриенко Е. В., Ромм М. В., Ромм Т. А. Особенности формирования самостоятельной исследовательской деятельности студентов в условиях цифровой образовательной среды: теоретическое обоснование факторов успешной организации // Science for Education Today. 2026. Т. 16. № 3. С. 73—97.
14. Щербакова Р. М. Инновационные педагогические технологии при подготовке специалистов вузами // Сибирский торгово-экономический журнал. 2021. № 14. С. 149—158.
15. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка / пер. с англ. К. М. Королева ; под ред. Н. Никитенко. М. : АСТ, 2017. 704 с.

REFERENCES

1. Lukichyov P. M., Chekmarev O. P. Artificial intelligence in higher education. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics*. 2023;13(1):485—502. (In Russ.) DOI: 10.18334/vinec.13.1.117223.
2. Balandin D. A. Affecting their application on the forms and methods of managing research activities of humanities students and the factors affecting their application. *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment = Municipal education: innovation and experiment*. 2026;1(103):65—70. (In Russ.) DOI: 10.36871/2306-8329_2026_103_1_65.
3. Balandin D. A. On the issue of certain studies in the field of managing the research activities of students in a university environment using artificial intelligence. *Shamov Readings. Collection of articles of the XVIII International scientific and practical conference*. Moscow, Scientific School of Educational Systems Management publ., 2026;1:29—32. (In Russ.)
4. Bekman A. Possibilities of studying artificial intelligence in the training of masters of pedagogical specialties. *Vestnik Polotskaya dzyarzhaynaga yunivertsiteta. Seryya E. Pedagogichnyya navuki = Vestnik of Polotsk State University. Part E. Pedagogic Sciences*. 2025;1:46—51. (In Russ.) DOI: 10.52928/2070-1640-2025-43-1-46-51.

5. Grechikhin S. S. Studying the role of pedagogical thinking in the practical educational process. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2020;9(3):63—65. (In Russ.) DOI: 10.26140/bgz3-2020-0903-0013.
6. Ignatova O. I., Selivanov V. V., Aslanov B. A. Artificial intelligence in the educational process and scientific research of students of higher education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2025;86(2):167—169. (In Russ.)
7. Galinskaya T. N., Kostina N. G. Problems of organizing research activities of future foreign language teachers. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2025;87(1):69—72. (In Russ.)
8. Kolesnichenko A. Specific features of holding student scientific conferences in a highly evolved artificial intelligence. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2025;16(6):145—170. (In Russ.) DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-6-898.
9. Stukalenko N. M., Lepeshev D. V., Prosandeeva I. A. Innovative technologies in higher professional education. *Nauka i real'nost' = Science & Reality*. 2022;4(12):4—7. (In Russ.)
10. Nosova L. S., Leonova E. A., Belyakov A. V. Organizing student research work in light of generative artificial intelligence technologies. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2025;10(8):1244—1253. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20250150.
11. Tikhonova N. V., Pomortseva N. P. Final Qualification Paper in University in the Context of Artificial Intelligence Proliferation: University Students' Perspective. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2025;34(6):112—135. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-112-135.
12. Joshi S., Rambola R. K., Churi P. Evaluating artificial intelligence in education for next generation. *Journal of Physics: Conference Series*. 2021;1714:012039. DOI: 10.1088/1742-6596/1714/1/012039.
13. Andrienko E. V., Romm M. V., Romm T. A. Specifics of nurturing university students' independent research activities in a digital educational environment: theoretical justification of the factors of successful organization. *Science for Education Today*. 2026;16(3):73—97. (In Russ.)
14. Shcherbakova R. M. Innovative pedagogical technologies in the training of specialists by universities. *Sibirskii torgovo-ekonomicheskii zhurnal*. 2021;14:149—158. (In Russ.)
15. Fukuyama F. *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2014. 672 p.

Статья поступила в редакцию 11.07.2026; одобрена после рецензирования 30.07.2026; принята к публикации 03.08.2026.
The article was submitted 11.07.2026; approved after reviewing 30.07.2026; accepted for publication 03.08.2026.

Научная статья
УДК 796.412.24
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1709

Vera Valeryevna Borisova
 Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of Theory
 and Methodology of Physical Culture,
 Tula State
 Lev Tolstoy Pedagogical University
 Tula, Russian Federation
 borisovav5@rambler.ru

Alexandra Alexandrovna Suprun
 Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of Theory
 and Methodology of Gymnastics,
 Lesgaft National State University
 of Physical Education,
 Sports and Health
 Saint Petersburg, Russian Federation
 aleksandrass@mail.ru

Irina Viktorovna Dutova
 Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of Physical Education
 and Sports
 Tula State University
 Tula, Russian Federation
 dutovaiv1@mail.ru

Вера Валерьевна Борисова
 канд. пед. наук,
 доцент кафедры теории
 и методики физической культуры,
 Тульский государственный
 педагогический университет им. Л. Н. Толстого
 Тула, Российская Федерация
 borisovav5@rambler.ru

Александра Александровна Супрун
 канд. пед. наук,
 доцент кафедры теории
 и методики гимнастики,
 Национальный государственный Университет
 физической культуры спорта и здоровья
 имени П. Ф. Лесгафта
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 aleksandrass@mail.ru

Ирина Викторовна Дутова
 канд. пед. наук,
 доцент кафедры физического воспитания
 и спорта,
 Тульский государственный университет
 Тула, Российская Федерация
 dutovaiv1@mail.ru

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ РАЗВИТИЕ СИЛОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ СКОРОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ БОЕВЫХ ПРИЕМОВ В БРАЗИЛЬСКОМ ДЖИУ-ДЖИТСУ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. В статье рассматривается проблема оптимизации силовой подготовки борцов бразильского джиу-джитсу с учетом специфики выполняемых технико-тактических действий спортсменами 14–15 лет. Цель исследования — обосновать необходимость дифференцированного развития силовых способностей в зависимости от техники выполнения боевого приема и разработать на этой основе практические рекомендации для тренеров. В педагогическом тестировании приняли участие 12 борцов, имеющих разряд кандидата в мастера спорта, выступающих по программе кандидата в мастера спорта. Исследование проводилось в школе борьбы имени Артема Артемьева (г. Санкт-Петербург). Применялись контрольные упражнения для оценки силовой подготовленности (подтягивания, планка, отжимания, прыжок в длину с места, наклон в положении сидя) и метод бесконтактного анализа видеоряда движений с помощью программы Kinovea при частоте съемки 240 кадров в секунду. Статистический анализ проводился с использованием программы

StatTech v. 4.14.3. Корреляционный анализ показал избирательную информативность тестов в отношении временных параметров выполнения боевых приемов. Установлена заметная обратная связь между отжиманиями и временем удушающего приема кувырком ($r = -0,639$), высокая обратная связь между планкой и временем болевого приема «рычаг локтя» ($r = -0,802$), а также высокая обратная связь между прыжком в длину и временем переворота из гарда подсадом голенью ($r = -0,722$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что различные приемы требуют приоритетного развития различных физических качеств, что создает научную основу для дифференцированной силовой подготовки в бразильском джиу-джитсу.

Ключевые слова: бразильское джиу-джитсу, технико-тактическая подготовка, временные параметры, силовая подготовка, боевые приемы, удушающий боевой прием кувырком, болевой прием рычаг локтя, болевой прием переворот из гарда подсадом голенью, статистический анализ, корреляционный анализ

Для цитирования: Борисова В. В., Супрун А. А., Дутова И. В. Дифференцированное развитие силовых способностей как фактор повышения скорости выполнения боевых приемов в бразильском джиу-джитсу // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 372—378. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1709.

Original article

DIFFERENTIATED DEVELOPMENT OF STRENGTH ABILITIES AS A FACTOR INCREASING THE SPEED OF COMBAT TECHNIQUES IN BRAZILIAN JIU-JITSU

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. The article discusses the problem of optimizing the strength training of Brazilian jiu-jitsu wrestlers, taking into account the specifics of the technical and tactical actions performed by athletes aged 14-15. The purpose of the study is to substantiate the need for differentiated development of strength abilities depending on the technique of performing a combat move and to develop practical recommendations for coaches based on this. The study involved 12 wrestlers with the rank of Candidate Master of Sports, who were competing in the KMS program. The study was conducted at the Artem Artemyev Wrestling School in St. Petersburg. We used control exercises to assess strength training (pull-ups, planks, push-ups, standing long jump, and incline sit-ups) and a non-contact video analysis method using the Kinovea program at a shooting frequency of 240 frames per second. Statistical analysis was con-

ducted using the StatTech v. 4.14.3 program. Correlation analysis showed that the tests were selectively informative regarding the time parameters of combat techniques. There was a significant negative correlation between push-ups and the time of the choke with a turnover ($r = -0.639$), a high negative correlation between the plank and the time of the armbar choke ($r = -0.802$), and a high negative correlation between the long jump and the time of the flip from guard using a shin mount ($r = -0.722$). The results indicate that different techniques require the development of different physical qualities, which provides a scientific basis for differentiated strength training in Brazilian jiu-jitsu.

Keywords: Brazilian Jiu-Jitsu, technical and tactical training, time parameters, strength training, combat techniques, choke with a turnover, armbar choke, flip from guard using a shin mount, statistical analysis, correlation analysis

For citation: Borisova V. V., Suprun A. A., Dutova I. V. Differentiated development of strength abilities as a factor increasing the speed of combat techniques in Brazilian jiu-jitsu. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026; 3(76):372—378. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1709.

Введение

Актуальность. Достижение высоких спортивных результатов в бразильском джиу-джитсу определяется комплексом физических, технических, тактических и психологических качеств. Особое место среди них занимает силовая подготовка, поскольку борьба в партере, контроль позиций, выполнение болевых и удушающих приемов, а также противодействие действиям соперника требуют развития специфической силы, выносливости силовых качеств и мышечной выносливости. В связи с этим актуально выявление взаимосвязей между силовыми способностями и временного параметра (с) выполнения боевых приемов.

Изученность проблемы. Вопрос дифференцированного развития силовых способностей у борцов в зависимости от техники выполнения боевого приема в литературе освещен фрагментарно. Большинство авторов либо рассматривают силовую подготовку обобщенно, либо фокусируются на смежных аспектах, косвенно затрагивая данную проблематику.

Специфика тренировочного процесса в джиу-джитсу связана с неблагоприятным воздействием силовых и ударных нагрузок на позвоночный столб. По мнению Ф. Ю. Питиркина, О. И. Коломиец, Н. П. Петрушкиной и Е. А. Сазоновой [1], достижение высокого уровня морфофункционального состояния мышечно-связочного аппарата позвоночника является одним из средств профилактики спортивного травматизма. Обследование 144 чел. позволило авторам установить, что различные приемы по-разному нагружают отдельные отделы опорно-двигательного аппарата, что указывает на необходимость дифференцированного подхода к развитию силовых способностей.

Также авторами было показано, что специфика джиу-джитсу предъявляет высокие требования к координационным способностям атлета, а их высокий уровень служит средством профилактики травматизма [2]. В ходе стабилометрического исследования юных спортсменов была выявлена группа риска по признакам низких коорди-

национных способностей. Корректирующие воздействия включали миофасциальный релиз и упражнения на баланс. Таким образом, силовая подготовка не может рассматриваться изолированно от координационных качеств.

Ф. Ю. Питиркин [3; 4] в своих авторских исследованиях рассматривает эффективность программы реабилитации с использованием упражнений на баланс. Как было им указано, изменение физических свойств плантарной поверхности приводит к дестабилизации системы поддержания равновесия, вследствие чего улучшается вестибулярная устойчивость и повышается проприоцептивная чувствительность в суставах. Различные приемы требуют различной степени участия проприоцептивной системы, что обуславливает необходимость дифференцированного подхода.

М. В. Плешивцев и П. К. Кузнецов [5] разработали методику сопряженного развития координационных и скоростно-силовых способностей юных борцов джиу-джитсу. Авторы определили средства, обуславливающие формирование разнообразных двигательных навыков и объединение их в интегральные технические действия. Скоростно-силовые качества развиваются наиболее эффективно в сочетании с координационными, а не изолированно.

А. М. Фокин, П. В. Родичкин и М. В. Плешивцев [6] экспериментально доказали эффективность программы формирования стиля ведения схватки с учетом типологических особенностей борцов. В исследовании приняли участие 40 спортсменов, сформировано пять экспериментальных групп с различными стилями. Как показали результаты, тренировочный процесс на этапе спортивного мастерства необходимо выстраивать с учетом соревновательного стиля и избранного технико-тактического арсенала приемов, исходя из индивидуальных возможностей борца. Силовая подготовка должна варьироваться в зависимости от «излюбленного арсенала» конкретного спортсмена.

Также авторами была актуализирована необходимость комплексного применения ситуационных заданий в спортивной подготовке борцов джиу-джитсу [7; 8]. Силовая

подготовка не может быть оторвана от технико-тактической и должна строиться с учетом конкретных ситуаций применения приемов.

А. А. Соколов [9; 10] разработал комплекс упражнений для развития силовых качеств борцов 11—13 и 14—15 лет и показал эффективность круговой тренировки. Однако вопрос адаптации данного комплекса под специфику конкретных технико-тактических действий остается открытым.

М. К. Кенжебулатов [11—13] обосновал необходимость силовых упражнений с отягощениями для борцов, уступающих соперникам в физической силе.

А. Р. Баташов [14] акцентирует внимание на возрастных особенностях формирования скоростно-силовых качеств. По его мнению, формирование скоростно-силовых качеств джитсеров 16—17 лет особенно важно, поскольку программа тренировки для спортсменов данного возраста требует тщательного и индивидуального подхода. Это свидетельствует о том, что однотипные программы силовой подготовки не могут быть эффективны для всех возрастных групп, а тем более для спортсменов с различной технико-тактической специализацией.

А. Х. Хасанов и Р. А. Газаров [15] предприняли попытку взглянуть на общую концепцию позиционной борьбы в партере через призму спортивно-прикладной направленности, проведя анализ ее проявлений в видах комплексных единоборств. Их исследование направлено на выявление и формулирование общей концепции позиционной борьбы в партере на примере бразильского джиу-джитсу. Данные положения имеют важное значение для понимания того, что различные позиции в партере требуют различных проявлений силовых способностей, а следовательно, и дифференцированного подхода к их развитию.

Таким образом, прямая связь между конкретными физическими качествами и скоростью выполнения конкретных борцовских приемов, а также возможность построения прогностических моделей для индивидуализации тренировочного процесса остаются малоизученными. Имеющиеся данные свидетельствуют о необходимости перехода от универсальных программ силовой подготовки к целенаправленному развитию тех физических качеств, которые обеспечивают наибольший эффект для совершенствования конкретного технико-тактического действия, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью создания научно обоснованных подходов к индивидуализации силовой подготовки борцов бразильского джиу-джитсу. Существующие программы зачастую носят обобщенный характер и не учитывают специфику корреляционных связей между конкретными физическими качествами и скоростью выполнения отдельных боевых приемов. В то же время данные собственного исследования показывают, что для болевого приема «рычаг локтя» ключевым является развитие силы мышц корпуса, для удушающего приема кувырком это сила мышц груди и трицепсов, а для переворота из гарда подсадом голенью взрывная сила мышц ног. Отсутствие дифференцированных методик, ориентированных на специфику конкретного технико-тактического действия, снижает эффективность тренировочного процесса и затрудняет достижение высоких спортивных результатов. Поэтому разработка прогностических моделей и практических рекомендаций по дифференцированному развитию силовых способностей представляется востребованной как в теоретическом, так и в практическом плане.

Цель исследования состоит в том, чтобы обосновать необходимость дифференцированного развития силовых способностей у борцов в зависимости от техники выполнения боевого приема.

Задачи исследования:

1. Определить взаимосвязь между силовыми способностями и временными параметрами выполнения боевых приемов в бразильском джиу-джитсу.

2. Разработать практические рекомендации для тренеров эффективности выполнения боевых приемов бразильском джиу-джитсу согласно полученным корреляционным связям.

Научная новизна. Изучение взаимосвязи между силовыми способностями и временными параметрами выполнения боевых приемов в бразильском джиу-джитсу позволило дифференцировано определить значимые силовые способности дифференцированно для каждого боевого приема. Это позволяет более эффективно осуществлять технико-тактическую подготовку, делая упор на развитие именно тех физических качеств, которые необходимы для конкретного боевого приема, менее отработанного по временным показателям.

Теоретическая значимость исследования определяет тем, что его результаты вносят вклад в теорию и методику бразильского джиу-джитсу, расширяя представления тренеров о силовой подготовке, определяющей временные параметры выполнения боевых приемов.

Практическая значимость исследования: основная цель выявленных корреляционных взаимосвязей — разработать практические рекомендации тренерам, позволяющим повысить технико-тактическую подготовленность борцов.

Основная часть

Методология исследования. В педагогическом тестировании приняли участие 12 борцов, имеющих разряд кандидата в мастера спорта, выступающих по программе кандидата в мастера спорта. Исследование проводилось в школе борьбы им. Артема Артемьева, г. Санкт-Петербург. Осуществлялась оценка силовой подготовленности борцов с применением контрольных упражнений (табл. 1).

Таблица 1

Контрольные упражнения для оценки силовой подготовленности борцов

Упражнение	Оцениваемый параметр
Подтягивания (количество)	Сила верхней части тела
Планка (с)	Сила туловища (<i>core stability</i>)
Отжимания (количество)	Сила груди/трицепсов
Прыжок в длину с места (см)	Взрывная сила
Наклон в положении сидя (см)	Гибкость

Метод бесконтактного анализа видеоряда движений применялся с целью определения биомеханических характеристик ключевых технических действий в бразильском джиу-джитсу (углы в суставах, траектории движения, временные характеристики). Использовалась программа *Kinovea* + смартфон 240 *fps*.

Оценивались такие приемы бразильского джиу-джитсу, как болевой прием рычаг локтя, удушающий скрещиванием отворотов.

Статистический анализ проводился с использованием программы *StatTech v. 4.14.3* (разработчик — ООО «Статтех», Россия). Количественные показатели оценивались на предмет соответствия нормальному распределению с помощью критерия Шапиро—Уилка. Направление и теснота корреляционной связи между двумя количественными показателями оценивались с помощью коэффициента корреляции Пирсона (при нормальном распределении сопоставляемых показателей), с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (при распределении, отличном от нормального). Прогностическая модель, характеризующая зависимость количественной переменной от факторов, разрабатывалась с помощью метода линейной регрессии. Различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты исследования. Корреляционный анализ показал, что подобранных пять тестов информативны в отношении оценки временного параметра выполнения боевых приемов в бразильском джиу-джитсу, только избыточно (табл. 2—4).

Был проведен корреляционный анализ взаимосвязи временного параметра выполнения удушающего боевого приема кувырка (с) и силы мышц груди/трицепсов (упражнение сгибания-разгибания рук в упоре лежа — отжимания, кол-во) (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь между силовыми способностями и временного параметра (с) выполнения удушающего боевого приема кувырком ($n = 50$)

Прием и способность силовая	Характеристика корреляционной связи		
	r_{xy}	Теснота связи по шкале Чеддока	p
Удушающий боевой прием кувырком (с) — Подтягивания (кол-во)	0,095	Нет связи	0,858
Удушающий боевой прием кувырком (с) — Планка (упор лежа, с)	0,338	Умеренная	0,512
Удушающий боевой прием кувырком (с) — Сгибания-разгибания рук в упоре лежа (отжимания, кол-во)	-0,639	Заметная	0,172
Удушающий боевой прием кувырком (с) — Прыжок в длину (см)	-0,094	Нет связи	0,859
Удушающий боевой прием кувырком (с) — Наклон (см)	0,412	Умеренная	0,416

Установлена заметная обратная корреляционная связь ($p = -0,639$) между количеством выполненных отжиманий и временем выполнения удушающего приема кувырком. Это означает, что с увеличением количества отжиманий уменьшается время выполнения приема — спортсмен с большей силой мышц груди и трицепсов выполняет прием быстрее.

Удушающий прием кувырком включает три фазы:

- **Захват и фиксация.** Быстрый захват шеи соперника требует силы мышц предплечий, плечевого пояса и грудной клетки. Мышцы груди (*pectoralis major*) обеспечивают приведение плеча и стабилизацию. Трицепсы (*triceps brachii*) отвечают за разгибание предплечий и фиксацию захвата.

- **Кувырок.** Резкое ротационное движение тела через голову соперника требует взрывной силы мышц корпуса. Мышцы груди и трицепсы участвуют в поддержании компактности позиции и контроле над соперником во время вращения.

- **Завершение.** Удержание захвата и создание давления на шею в новой позиции требует статической силы мышц рук, плеч и груди.

Отжимания в упоре лежа представляют собой классическое упражнение для развития силы и выносливости мышц груди и трицепсов. Высокое количество отжиманий свидетельствует о развитии именно тех мышечных групп, которые обеспечивают быстрое выполнение всех трех фаз приема.

Практическое значение полученных корреляционных взаимосвязей можно представить следующим образом. Для тренировочного процесса установленная связь подтверждает целесообразность включения отжиманий в программу силовой подготовки. Для тестирования количество отжиманий выступает прогностическим показателем скорости выполнения удушающих приемов. Для индивидуализации работы спортсмены с низкими показателями требуют дополнительной работы над силой мышц груди и трицепсов.

Корреляционный анализ взаимосвязи временного параметра выполнения болевого приема рычага локтя и силы мышц туловища (упражнение планка, упор лежа) представлен в табл. 3.

Таблица 3

Взаимосвязь между силовыми способностями и временного параметра (с) выполнения удушающего боевого приема рычаг локтя (с) ($n = 50$)

Прием и способность силовая	Характеристика корреляционной связи		
	r_{xy}	Теснота связи по шкале Чеддока	p
Болевой прием рычаг локтя (с) — Подтягивания (кол-во)	-0,302	Умеренная	0,561
Болевой прием рычаг локтя (с) — Планка (упор лежа, с)	-0,802	Высокая	0,055
Болевой прием рычаг локтя (с) — Сгибания-разгибания рук в упоре лежа (отжимания, кол-во)	0,033	Нет связи	0,950
Болевой прием рычаг локтя (с) — Прыжок в длину (см)	-0,141	Слабая	0,790
Болевой прием рычаг локтя (с) — Наклон (см)	-0,102	Слабая	0,847

Таким образом, установлена важная высокая обратная корреляционная связь ($p = -0,802$). С увеличением времени удержания планки уменьшается время выполнения болевого приема. Спортсмен с большей силой туловища выполняет рычаг локтя быстрее.

Болевой прием рычаг локтя (*armbar, juji-gatame*) включает четыре фазы:

- **Контроль позиции.** Закрепление в доминирующей позиции (*mount, guard, side control*) требует статической силы мышц корпуса для удержания баланса. Мышцы пресса (*rectus abdominis, obliques*) и разгибатели спины (*erector spinae*) обеспечивают стабильность туловища.

- **Изоляция конечности.** Переход через тело соперника, захват запястья и фиксация локтя на бедре требует координированной работы мышц корпуса, обеспечивающих плавный переход без потери баланса.

• **Создание рычага.** Прижимание бедер к локтю соперника при одновременном удержании запястья и контроле тела соперника требует стабилизации позиции в пространстве, передачи силы от нижней части тела к верхней, контроля над положением тела соперника и создания необходимого давления на локтевой сустав.

• **Завершение.** Удержание рычага при попытках соперника вырваться требует статической силы мышц корпуса.

Планка представляет собой статическое упражнение, в котором работают прямые и косые мышцы живота, разгибатели спины, мышцы ягодиц, мышцы передней поверхности бедра. Таким образом, планка напрямую отражает способность мышц корпуса к статической стабилизации, качество критически важное для всех фаз болевого приема рычаг локтя.

Корреляционный анализ взаимосвязи временного параметра выполнения болевого приема переворота из гарда подсадом голенью и силы мышц верхней части туловища (упражнение подтягивания, количество) представлен в табл. 4.

Таблица 4

Взаимосвязь между силовыми способностями и временного параметра выполнения болевого приема переворота из гарда подсадом голенью (с) ($n = 50$)

Прием и способность силовая	Характеристика корреляционной связи		
	r_{xy}	Теснота связи по шкале Чеддока	P
Болевой прием переворот из гарда подсадом голенью (с) — Подтягивания (кол-во)	-0,620	Заметная	0,264
Болевой прием переворот из гарда подсадом голенью (с) — Планка (упор лежа, с)	-0,410	Умеренная	0,493
Болевой прием переворот из гарда подсадом голенью (с) — Прыжок в длину (см)	-0,722	Высокая	0,168
Болевой прием переворот из гарда подсадом голенью (с) — Сгибания-разгибания рук в упоре лежа (отжимания, кол-во)	-0,406	Умеренная	0,498

Установлена высокая обратная корреляционная связь ($r = -0,722$) между результатом прыжка в длину с места и временем выполнения болевого приема переворота из гарда подсадом голенью. Это означает, что с увеличением дальности прыжка уменьшается время выполнения приема. Спортсмен с большей взрывной силой мышц ног выполняет прием быстрее.

Это означает, что с увеличением дальности прыжка уменьшается время выполнения приема — спортсмен с большей взрывной силой мышц ног выполняет прием быстрее.

Прыжок в длину с места представляет собой классический тест для оценки взрывной силы мышц ног. При выполнении прыжка работают четырехглавая мышца бедра (*quadriceps femoris*), обеспечивающая разгибание коленного сустава, ягодичные мышцы (*gluteus maximus*), отвечающие за разгибание тазобедренного сустава, икроножные мышцы (*gastrocnemius*, *soleus*), обеспечивающие отталкивание от опоры, мышцы-

разгибатели спины, стабилизирующие туловище, а также мышцы пресса, обеспечивающие стабилизацию корпуса и передачу импульса.

Роль взрывной силы мышц ног в приеме проявляется на фазе подсада голенью. Суть подсада заключается в резком поднятии таза за счет мощного отталкивания ногами, создающего импульс для переворота. Четырехглавая мышца бедра обеспечивает мощное разгибание коленей, создавая вертикальную составляющую импульса. Ягодичные мышцы обеспечивают разгибание тазобедренных суставов, создавая горизонтальную составляющую импульса и подбрасывание таза. Икроножные мышцы обеспечивают финальное отталкивание и стабилизацию стоп. Координированная работа всех мышц создает резкий взрывной подъем таза, ослабляющий баланс соперника.

Биомеханически подсад голенью аналогичен взрывному движению при прыжке. В обоих случаях требуется максимально быстрое развитие силы (*rate of force development*, *RFD*) в мышцах ног для создания импульса, преодолевающего сопротивление.

На фазе переворота созданный импульс подсада передается на туловище и руки, обеспечивая эффективный переворот соперника. Взрывная сила ног позволяет сбросить соперника через себя с минимальными временными затратами. Мощный подсад сокращает время, в течение которого соперник может скорректировать свою позицию.

На фазе завершения спортсмен с развитой взрывной силой ног быстрее завершает переход в доминирующую позицию. Взрывная сила позволяет закрыть позицию до того, как соперник восстановит баланс.

Обнаруженная высокая обратная связь имеет исключительное практическое значение. Для тренировочного процесса полученные данные служат убедительным обоснованием для приоритетного развития взрывной силы мышц ног. Прыжковые упражнения (прыжки в длину с места, прыжки на ящик, выпрыгивания из приседа, плиометрика) должны занимать центральное место в силовой подготовке спортсменов, специализирующихся на приемах из гарда. Рекомендуется проводить 2—3 тренировки в неделю, выполняя 3—4 подхода по 6—8 повторений.

Для тестирования прыжков в длину с места выступает высоковалидным и надежным тестом для прогнозирования скорости выполнения приемов из гарда, требующих подсада. Спортсмены с результатом менее 200 см имеют повышенный риск низкой скорости. Данный тест рекомендуется как обязательный при отборе и контроле.

Для индивидуализации работы спортсмены с низкими показателями прыжка требуют приоритетной работы над взрывной силой мышц ног (плиометрика, приседания с взрывным движением, выпрыгивания).

Для тактической подготовки спортсмены с высокой взрывной силой ног могут эффективнее использовать приемы с подсадом (*hip bump sweeps*, *elevator sweeps*). Спортсмены с низкой взрывной силой должны ориентироваться на приемы, менее зависящие от мощного подсада.

Иерархия значимости факторов для приема «переворот из гарда подсадом голенью» представлена ниже.

Первое место занимает взрывная сила мышц ног ($r = -0,722$, 52 % дисперсии). Это наиболее важный фактор, определяющий скорость выполнения приема. Он обеспечивает создание импульса подсада, ключевого элемента приема. Без достаточной взрывной силы ног спортсмен не сможет эффективно создать условия для переворота.

Второе место занимает сила мышц верхней части туловища ($r = -0,620$, 38 % дисперсии). Это важный фактор, обеспечивающий захват, контроль и управление соперником. Он работает в синергии с взрывной силой ног, поскольку мощный подсад без надежного захвата не приведет к успешному перевороту.

Взрывная сила ног и сила верхней части туловища совместно объясняют значительную часть дисперсии (теоретически до 60—70 % при учете возможного перекрытия). Это подтверждает, что прием является комплексным техническим действием, требующим сбалансированного развития нижней и верхней части тела.

Результаты проведенного в рамках настоящего исследования биомеханического анализа ключевых технических действий в бразильском джиу-джитсу (удушающий прием кувырк, болевой прием рычаг локтя, переворот из гарда подсадом голенью) позволили выявить, что скорость выполнения различных приемов определяется преимущественно различными физическими качествами: для болевого приема рычаг локтя — это сила мышц туловища; для удушающего

приема кувырк — это сила мышц груди и трицепсов; для переворота из гарда подсадом голенью — это взрывная сила мышц ног и сила мышц верхней части туловища. Эти данные создают научную основу для разработки программы силовой подготовки для быстрого выполнения боевых приемов.

Заключение

Была подтверждена необходимость дифференцированного подхода к силовой подготовке в зависимости от тактико-технического арсенала спортсмена. Для рычага локтя (статический прием из доминирующей позиции) доминирует сила корпуса. Для кувырка (удушающий прием с вращением) доминирует сила груди и трицепсов. Для переворота из гарда (динамический прием с подсадом) доминирует взрывная сила ног.

Это системно подтверждает концепцию специфичности тренировки. Различные технические действия требуют развития различных физических качеств, и эффективность приема напрямую зависит от уровня развития соответствующего качества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Питиркин Ф. Ю., Коломиец О. И., Петрушкина Н. П., Сазонова Е. А. Технологии оптимизации функционального состояние мышечно-связочного аппарата позвоночника у юных спортсменов, занимающихся джиу-джитсу // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2020. Т. 15. № 2. С. 115—124. DOI: 10.14526/2070-4798-2020-15-2-115-124.
2. Петрушкина Н. П., Коломиец О. И., Питиркин Ф. Ю. Технологии оптимизации координационных способностей юных спортсменов, занимающихся джиу-джитсу // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2020. Т. 15. № 3. С. 4—12.
3. Питиркин Ф. Ю. Эффективность упражнений на баланс в системе повышения нервно-психической устойчивости юношей, занимающихся джиу-джитсу // Проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров: опыт и перспективы : сб. науч. тр. молодых ученых, посвящ. Дню рос. науки. Челябинск : Ур. гос. ун-т физ. культуры, 2021. Вып. 18. С. 151—154.
4. Питиркин Ф. Ю. Влияние миофасциального релиза и упражнений на баланс на координационные способности юных спортсменов, занимающихся джиу-джитсу // Физиологическое сопровождение тренировочного процесса и занятий физической культурой : материалы Междунар. науч.-практ. (on-line) конф. молодых ученых. Челябинск : Ур. гос. ун-т физ. культуры, 2021. С. 126—128.
5. Плешивцев М. В., Кузнецов П. К. Сопряженное развитие координационных и скоростно-силовых способностей юных борцов джиу-джитсу на начальном этапе спортивной специализации // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2020. № 11(189). С. 402—405.
6. Фокин А. М., Родичкин П. В., Плешивцев М. В. Формирование стиля ведения схватки у борцов джиу-джитсу с учетом их типологических особенностей // Теория и практика физической культуры. 2021. № 9. С. 93—95.
7. Плешивцев М. В., Родичкин П. В. Применение комплексов тренировочных заданий в технико-тактической подготовке борцов стиля джиу-джитсу в соревновательный период // Физическая культура и спорт в образовательном пространстве: инновации и перспективы развития : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. «Герценовские чтения» : в 2 т. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. Т. 1. С. 396—400.
8. Плешивцев М. В., Родичкин П. В., Фокин А. М. Спортивная подготовка борцов стиля джиу-джитсу с использованием ситуационных заданий // Современные проблемы физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Елец : Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2023. С. 99—105.
9. Соколов А. А. Силовая подготовка борцов джиу-джитсу 11—13 лет // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2021. № 6(196). С. 296—299.
10. Соколов А. А. Особенности развития силовых качеств борцов джиу-джитсу 14—15 лет // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 1(203). С. 395—399.
11. Кенжебулатов М. К. Стратегия построения борьбы в бразильском джиу-джитсу в первую минуту схватки // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2021. Т. 2. № 11. С. 16—20.
12. Кенжебулатов М. Комплекс силовых упражнений с отягощениями, направленный на повышение силовых показателей в бразильском джиу-джитсу // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2021. № 6. С. 75—77.
13. Кенжебулатов М. К. Стратегия успешного подбора техники для спортсмена в бразильском джиу-джитсу // Спортивно-педагогическое образование. 2021. № 4. С. 18—22. DOI: 10.52563/2618-7604_2021_4_18.
14. Баташов А. Р. Развитие скоростно-силовых качеств у спортсменов 16—17 лет, занимающихся бразильским джиу-джитсу // Студенческий. 2021. № 42-3(170). С. 78—80.
15. Хасанов А. Х., Газаров Р. А. Концепция позиционной борьбы в бразильском джиу-джитсу в спортивно-прикладном аспекте // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2023. Вып. 6. С. 88—94.

REFERENCES

1. Pitirkin F. Yu., Kolomiets O. I., Petrushkina N. P., Sazanova E. A. Optimization technologies of spine muscular-ligamentous apparatus functional state in young athletes, who go in for jiu-jitsu. *Russian journal of Physical Education and Sport*. 2020;15(2):93—99. DOI: 10.14526/2070-4798-2020-15-2-115-124.
2. Petrushkina N. P., Kolomiets O. I., Peterkin F. Yu. Coordination abilities optimization of young athletes in jiu-jitsu. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoi kul'tury i sporta* = *Russian journal of Physical Education and Sport*. 2020;15(3):4—12. (In Russ.)
3. Pitirkin F. Yu. The effectiveness of balance exercises in improving the mental resilience of jiu-jitsu practitioners. *Problemy podgotovki nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov: opyt i perspektivy* = *Problems of training scientific and pedagogical personnel: experience and prospects. Collection of scientific papers by young scientists dedicated to the Day of Russian Science*. Chelyabinsk, Ural State University of Physical Culture publ., 2021;18:151—154. (In Russ.)
4. Pitirkin F. Yu. The influence of myofascial release and balance exercises on the coordination abilities of young athletes practicing jiu-jitsu. *Fiziologicheskoe soprovozhdenie trenirovochnogo protsessa i zanyatii fizicheskoi kul'turoi* = *Physiological support of the training process and physical culture lessons. Materials of the Young Scientists' International scientific and practical (online) conference*. Chelyabinsk, Ural State University of Physical Culture publ., 2021:126—128. (In Russ.)
5. Pleshivtsev M. V., Kuznetsov P. K. Connected development of coordination and speed-power abilities of young jiu-jitsu fighters at the initial stage of specialization. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta* = *Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2020;11(189):402—405. (In Russ.)
6. Fokin A. M., Rodichkin P. V., Pleshivtsev M. V. Role of typological characteristics of jiu-jitsu wrestlers in formation of individual fighting styles. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury* = *Theory and practice of physical culture*. 2021;9:93—95. (In Russ.)
7. Pleshivtsev M. V., Rodichkin P. V. Application of training complexes in technical and tactical training of jiu-jitsu style wrestlers in the competitive period. *Fizicheskaya kul'tura i sport v obrazovatel'nom prostranstve: innovatsii i perspektivy razvitiya* = *Physical culture and sports in the educational space: innovations and development prospects. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference "Herzen Readings"*. Saint Petersburg, Herzen Russian State Pedagogical University publ., 2020;1:396—400. (In Russ.)
8. Pleshivtsev M. V., Rodichkin P. V., Fokin A. M. Sports training of jiu-jitsu style wrestlers using situational tasks. *Sovremennye problemy fizicheskoi kul'tury, sporta i bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti* = *Modern problems of physical culture, sports, and life safety: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Elets, Bunin Yelets State University publ., 2023:99—105. (In Russ.)
9. Sokolov A. A. Strength training of jiu-jitsu wrestlers aged 11-13. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta* = *Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2021;6(196):296—299. (In Russ.)
10. Sokolov A. A. Features of the development of strength abilities of jiu-jitsu wrestlers aged 15-16 [sic!]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta* = *Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2022;1(203):395—399. (In Russ.)
11. Kenzhebulatov M. K. Strategy for building fight in Brazilian jiu-jitsu in the first minute of a battle. *Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii* = *Actual problems of pedagogy and psychology*. 2021;2(11):16—20. (In Russ.)
12. Kenzhebulatov M. Weightlifting training model for strength building in Brazilian jiu-jitsu. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 2021;6:75—77. (In Russ.)
13. Kenzhebulatov M. K. The strategy for successful technique selection for an athlete in Brazilian jiu-jitsu. *Sportivno-pedagogicheskoe obrazovanie* = *Sport and pedagogical education*. 2021;4:18—22. (In Russ.) DOI: 10.52563/2618-7604_2021_4_18.
14. Batashov A. Development of speed and strength qualities in athletes aged 16-17 years engaged in Brazilian jiu-jitsu. *Studentcheskii*. 2021;42-3(170):78—80. (In Russ.)
15. Hasanov A. K., Gazarov R. A. The concept of positional wrestling (grappling) in Brazilian jiu-jitsu in the sports and applied aspect. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport* = *News of the Tula state university. Physical culture. Sport*. 2023;6:88—94. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.06.2026; одобрена после рецензирования 22.07.2026; принята к публикации 27.07.2026.
The article was submitted 30.06.2026; approved after reviewing 22.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

Научная статья**УДК 330.16****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1668****Svetlana Sergeevna Demtsura**

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Economics,
Management, and Law,
South Ural State
Humanitarian and Pedagogical University
Chelyabinsk, Russian Federation
demtsurass@mail.ru

Irina Ivanovna Pluzhnikova

Candidate of Engineering, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics,
Management, and Law,
South Ural State
Humanitarian and Pedagogical University
Chelyabinsk, Russian Federation
pluzhnikova_6767@mail.ru

Elena Yuryevna Dmitrieva

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Pedagogy
and Psychology,
St. Petersburg University of Management Technologies
and Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
dmitrievaey@mail.ru

Ksenia Aleksandrovna Tukhvatulina

Candidate of History,
Associate Professor of the Department of Philosophy
and Social Education,
South Ural State
Humanitarian and Pedagogical University
Chelyabinsk, Russian Federation
ksusha-81@inbox.ru

Светлана Сергеевна Демцура

канд. пед. наук,
доцент кафедры экономики,
управления и права,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Челябинск, Российская Федерация
demtsurass@mail.ru

Ирина Ивановна Плужникова

канд. техн. наук, доцент,
доцент кафедры экономики,
управления и права,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Челябинск, Российская Федерация
pluzhnikova_6767@mail.ru

Елена Юрьевна Дмитриева

канд. пед. наук,
доцент кафедры педагогики
и психологии,
Санкт-Петербургский университет технологий управления
и экономики
Санкт-Петербург, Российская Федерация
dmitrievaey@mail.ru

Ксения Александровна Тухватулина

канд. ист. наук,
доцент кафедры философии
и социального образования,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Челябинск, Российская Федерация
ksusha-81@inbox.ru

РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

5.8.7 — Теория и методика профессионального образования

Аннотация. В современном обществе из-за цифровизации многих процессов, а также в связи с появлением новых финансовых рисков возникает необходимость в повышении уровня финансовой грамотности граждан. Более того, появляется необходимость формировать и развивать этот тип грамотности у обучающихся, особенно у студентов вузов, т. к. будущие специалисты должны разбираться в финансовых вопросах, уметь планировать собственные расходы, предвидеть потери, понимать макроэкономические процессы. В этой связи развитие финансовой грамотности студентов становится приоритетной задачей российской образовательной политики. Традиционные методы преподавания экономических дисциплин, основанные на лекционной подаче материала, не позволяют в полной мере сформировать у студентов вуза практические навыки управления личными финансами. Студенты

экономических и неэкономических специальностей могут успешно воспроизводить определения экономических понятий, но испытывать затруднения при необходимости применить эти знания в реальной жизненной ситуации. Именно поэтому возникает острая потребность в поиске новых форм, методов, приемов работы со студентами с целью формирования и развития их финансовой грамотности. Благодаря таким формам, методам и приемам работы студенты вуза могут научиться грамотно планировать личный бюджет, распоряжаться собственными финансами, предвидеть риски.

В статье приводится трактовка терминов «грамотность» и «финансовая грамотность», описывается опыт использования различных педагогических технологий в ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», выявляются

преимущества использования деловых игр, особенности внедрения игровых форматов в образовательный процесс, включая адаптированные версии «Монополии», квест-игры и онлайн-симуляторы на занятиях по дисциплинам «Экономика», «Банковское дело», «Ценообразование», «Финансы», «Финансовый менеджмент», «Финансово-экономический практикум» и др.

Делается вывод, что использование финансовых и деловых игр в рамках экономических дисциплин, как и педагогических технологий в образовательном пространстве

вуза, выступает важным условием профессиональной подготовки конкурентоспособных специалистов и развития уровня их финансовой грамотности.

Ключевые слова: грамотность человека, финансы, финансовая грамотность, студенты вуза, работа со студентами вуза, уровень финансовой грамотности, показатели развития финансовой грамотности, финансовая культура, экономические кейс-задачи, игровые технологии, деловые игры, образовательное пространство университета, экономические дисциплины

Для цитирования: Демцура С. С., Плужникова И. И., Дмитриева Е. Ю., Тухватулина К. А. Развитие финансовой грамотности у студентов вуза // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 379—385. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1668.

Original article

DEVELOPMENT OF FINANCIAL LITERACY IN UNIVERSITY STUDENTS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. In modern society, the digitalization of many processes, as well as the emergence of new financial risks, necessitates improving the level of financial literacy among citizens. Furthermore, it is essential to develop this type of literacy in students, especially university students, as future professionals must understand financial matters, plan their own expenses, anticipate losses, and understand macroeconomic processes. Therefore, developing students' financial literacy is becoming a priority for Russian educational policy. Traditional lecture-based teaching methods in economics do not fully develop practical skills in personal finance management in university students. Students majoring in economics and non-economic disciplines may successfully reproduce the definitions of economic concepts, but struggle to apply this knowledge in real-life situations. Therefore, there is a pressing need to find new forms, methods, and techniques for working with students to develop and enhance their financial literacy. Using these forms, methods, and techniques, university students can learn to effectively plan their personal budgets, manage their finances, and anticipate risks.

In this article, the authors define the terms “literacy” and “financial literacy”, describe their experience using various teaching technologies at South Ural State Humanitarian Pedagogical University, and identify the advantages of using business games and the specifics of integrating game formats into the educational process, including adapted versions of Monopoly, quest games, and online simulators in classes on Economics, Banking, Pricing, Finance, Financial Management, Financial and Economic Workshops, and others.

In conclusion, the authors state that the use of financial and business games within economic disciplines and the use of teaching technologies in university education are essential for the professional development of competitive specialists and the development of their financial literacy.

Keywords: human literacy, finance, financial literacy, university students, working with university students, level of financial literacy, indicators of financial literacy development, financial culture, economic case studies, gaming technologies, business games, university educational space, economic disciplines

For citation: Demtsura S. S., Pluzhnikova I. I., Dmitrieva E. Yu., Tukhvatulina K. A. Development of financial literacy in university students. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):379—385. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1668.

Введение

Актуальность. В современном мире развитие у студентов вузов экономических и неэкономических специальностей финансовой грамотности рассматривается как одна из составляющих их общей грамотности, что закреплено в обновленных федеральных государственных образовательных стандартах.

Традиционные методы обучения финансовой грамотности, такие как лекции и тестирование, демонстрируют ограниченную эффективность при работе со студентами университетов. Исследования показывают, что пассивное восприятие информации не приводит к формированию устойчивых поведенческих моделей в области финансов. Студенты экономических и неэкономических специальностей университета могут успешно воспроизводить определения экономических понятий, но испытывать затруднения при необходимости применить эти знания в реальной жизненной ситуации.

Изученность проблемы. Финансовые и экономические игры представляют собой активный метод обучения, который базируется на моделировании предметного и социаль-

ного содержания профессиональной деятельности. Феномен грамотности изучался многими учеными с разных позиций. В целом, можно сказать, что грамотность рассматривалась как некая степень владения человеком определенными навыками. Если говорить о грамотности с точки зрения финансов, то здесь уместно упомянуть про навыки планирования человеком собственных расходов, грамотного распределения ресурсов, предвидения денежных потерь.

Концептуальные положения развития финансовой грамотности в своих работах рассматривали Л. И. Юзович и М. А. Александрова. Ученые из Уральского государственного экономического университета утверждали, что «необходимо формировать финансовое поведение целевых групп, чтобы обеспечить их активное участие в процессах финансово-экономического развития страны» [1, с. 194]. Основы финансовой грамотности населения исследовали О. А. Огорокова, В. В. Маляренко, А. А. Скичко, делая акцент на том, что «финансовая грамотность описывает состояние наличия знаний и навыков человека, необходимых для принятия решений с осознанием возможных финансовых последствий» [2, с. 47]. Проблемам развития

финансовой грамотности населения посвящены труды ученых: О. И. Рябичевой [3], А. В. Гильфановой и Р. С.-А. Макаевой [4], А. М. Марголина и Л. П. Синютина [5], М. А. Бузумурга [6], О. В. Степновой, И. Ю. Старчиковой и С. А. Курашовой [7], А. С. Акимова [8], Н. В. Ружанской и Ж. А. Аксеновой [9], Л. И. Ворониной и Е. В. Зайцевой [10], О. А. Клестовой, Е. С. Бородиной и Н. В. Богдан [11] и др.

Теоретические основы применения игровых технологий в образовании заложены в трудах отечественных психологов Д. Б. Эльконина, Л. С. Выготского, педагогов А. А. Вербицкого, Г. К. Селевко, Ю. Н. Коваль и др. Ю. Н. Коваль утверждает, что «задачей игры является выработка точных практических навыков, живое моделирование производственного процесса, это способствует быстрому адаптированию к новым условиям и саморазвитию студента» [12, с. 329]. В контексте финансового образования студентов вуза деловая игра понимается как форма воссоздания экономических отношений, в рамках которой участники выполняют ролевые функции, принимают решения в условиях ограниченных ресурсов и несут ответственность за последствия своих действий.

В исследовании Д. Абдусаттаровой, проведенном в 2025 г., подчеркивается, что интеграция игровых элементов в педагогику через цифровые и нецифровые игры, адаптированные к финансовым концепциям, способствует формированию практических финансовых навыков, развитию критического мышления и соединению теоретических знаний с реальными приложениями. Автор отмечает, что геймификация обучения оказывает положительное влияние на мотивацию учащихся и их понимание сложных экономических явлений [13]. При этом подчеркивается, что наиболее эффективным является гибридный подход, сочетающий цифровые и аналоговые методы обучения, что позволяет учитывать разнообразные условия образовательных организаций и индивидуальные особенности студентов.

В монографии Ф. О. Никонец «Финансовая грамотность через игру: инновационные подходы в обучении школьников и студентов» [14] описывается функционал и особенности работы платформы для обучения финансовой грамотности с помощью геймификации — современный метод, который учитывает особенности мышления современных студентов вузов. Автор подчеркивает, что традиционные образовательные подходы не в полной мере соответствуют когнитивным стилям поколения, выросшего в цифровой среде, и что игровые методы позволяют преодолеть этот разрыв.

Практический опыт реализации игровых форматов финансового образования накоплен и в образовательной практике Калининграда. В ноябре 2025 г. на базе колледжей и вузов была реализована масштабная программа финансового просвещения, в рамках которой прошло 11 мероприятий для студентов. Программа строилась по принципу «от простого к сложному»: проводились выставки проектов и квесты на тему «В мире финансов», познавательные викторины по налогам и игра «Как не попасть в сети мошенников», ролевые игры «Основные виды кредитов», где студенты выступали в роли конкурирующих банков, учились управлять ликвидностью и оценивать риски.

Целесообразность проведенного исследования обусловлена потребностью поиска новых форм, методов, приемов работы со студентами вузов с целью формирования и развития у них финансовой грамотности.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании, а также практической реализации целостной модели развития финансовой грамотности студентов, которая включает в себя пять взаимосвязанных компонентов: целеполагающий, консциентальный, когнитивный, акциональный и диагностический. В отличие от существующих подходов, которые трактуют финансовую грамотность исключительно как набор знаний или навыков, рассмотренная модель раскрывает ее как многомерное образование, требующее системного управления процессом формирования и развития. Впервые в рамках педагогического исследования введен и строго детерминирован консциентальный компонент, который позволяет не только определять содержание знаний, но и с точки зрения экономической психологии выявлять личностные смыслы, связанные с финансовыми понятиями у студентов. Этот компонент формирует понятийный аппарат, необходимый для осознания студентом своего поведения, для ориентации в современном финансовом пространстве и понимания экономических процессов на различных уровнях. Это обеспечивает переход от механического заучивания терминов к глубокому осмыслению финансового поведения. Параллельно с этим акциональный компонент получил новое методологическое наполнение, смещая фокус с пассивного восприятия информации на активную проективную деятельность, где студенты моделируют реальные финансовые ситуации и отрабатывают стратегии принятия решений в безопасной среде. Комплексное взаимодействие диагностического и коррекционного компонентов позволяет «держать руку на пульсе» и быстро вносить изменения в образовательный процесс. Инновационность подхода заключается в разработке адаптивных механизмов коррекции, которые базируются на оперативной диагностике не только уровня знаний, но и поведенческих паттернов. Таким образом, модель обеспечивает персонализацию обучения и позволяет своевременно корректировать траекторию развития финансовой компетентности каждого студента, повышая общую эффективность образовательных программ в вузовской среде.

Целью работы стало не только теоретическое описание модели развития финансовой грамотности у студентов (которая включает целеполагающий, консциентальный, когнитивный, акциональный и диагностический компоненты), но и ее практическая реализация с последующей экспериментальной проверкой эффективности.

Для достижения поставленной цели были решены **задачи**: провести анализ научно-методической литературы по проблеме развития финансовой грамотности у студентов, описать педагогическую модель развития финансовой грамотности студентов вуза, состоящую из целеполагающего, консциентального, когнитивного, акционального и диагностического компонентов, а также доказать ее результативность путем проведения педагогического эксперимента.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении существующих представлений о механизмах формирования и развития финансовой грамотности. Полученные новые данные позволяют точнее описать влияние разработанной модели на уровень осведомленности, а также на развитие у студентов финансового мышления, обогащая теоретическую базу педагогики высшего образования, а также экономической психологии.

Практическая значимость и ценность работы состоит в возможности прямого применения результатов в образовательной среде. Разработанная модель и сопутствующие материалы могут служить методическим пособием для преподавателей экономических дисциплин в колледжах и вузах, а также для специалистов образовательных организаций, стремящихся повысить качество финансового образования молодежи.

Основная часть

Когда мы обратились к исследованию развитию финансовой грамотности, сразу же возник вопрос, связанный с анализом существующих методик, а также существующего успешного педагогического опыта. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают дидактические игры для студентов, которые описаны в статье И. С. Винниковой, Е. А. Кузнецовой и А. Н. Сидорова [15], эксперимент которых подтвердил положительную динамику в развитии когнитивного, практического и аналитико-оценочного компонентов при систематическом применении игрового комплекса. Это свидетельствует о том, что игровые технологии эффективны не только в школах, но и в колледжах и вузах.

Одним из удачных примеров по развитию финансовой грамотности выступает проект «Финансовые бои», который разработан ПАО «Сбербанк» в 2023 г. Данный формат представляет собой командное соревнование, в котором обучающиеся решают практические кейсы по оптимизации семейного бюджета при сокращении доходов, выбору между кредитом и лизингом для покупки техники, оценке инвестиционных предложений и выявлению признаков финансового мошенничества. Соревновательный элемент стимулирует познавательную активность и создает дополнительную мотивацию для углубленного изучения финансовых вопросов.

Значительный интерес для нас представляет квест-игра «Бизнесмены», разработанная в Московском городском педагогическом университете в 2022 г. и апробированная в московских и подмосковных колледжах и вузах. Игра предназначена для студентов колледжей и вузов и имеет продолжительность 120 минут. В рамках игры формируются четыре команды, каждая из которых получает стартовый капитал в размере 300 тыс. дублей (игровая валюта) и выбирает одну из отраслей бизнеса: агентство праздников, отель, ресторан или туристическую компанию. Благотворительный фонд Сбербанка «Вклад в будущее» разработал и актуализировал игру «Предпринимательство», переведя ее в мобильно-интерактивный формат. Игра рассчитана на участников, интересующихся темой предпринимательства, и позволяет пройти все этапы создания бизнеса — от поиска идеи до привлечения стартового капитала и принятия управленческих решений.

Методология исследования. Эксперимент проходил с сентября 2024 г. по май 2026 г. на пяти факультетах ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (г. Челябинск; далее — ЮУрГГПУ) по инициативе педагогов С. С. Демцуры, И. И. Плужниковой, К. А. Тухватулиной, а также приглашенного педагога-психолога Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики Е. Ю. Дмитриевой. В нем приняли участие 198 студента, которые были объединены в контрольные и экспериментальные группы (одна контрольная группа и три экспериментальных группы). Разделение было следующим: в кон-

трольной группе — 51 чел. (две академические группы по 25 и 26 студентов), в первой экспериментальной — 48 чел. (две академические группы по 23 и 25 студентов), во второй — 50 чел. (две академические группы по 24 и 26 студентов), в третьей — 49 чел. (две академические группы по 24 и 25 студентов). В экспериментальных группах мы использовали разработанную педагогическую модель развития финансовой грамотности студентов вуза, которая содержала целеполагающий, концентрический, когнитивный, акциональный и диагностический компоненты, а в контрольных группах была реализована обычная программа профессиональной подготовки.

Модель предполагала внедрение игровых форматов в образовательный процесс, включая адаптированные версии «Монополии», квест-игры и онлайн-симуляторы на занятиях по дисциплинам «Экономика», «Банковское дело», «Ценообразование», «Финансы», «Финансовый менеджмент», «Финансово-экономический практикум». При организации деловых игр по финансовой грамотности мы учитывали ряд методических требований. Во-первых, игра должна иметь четкие образовательные цели, соотносимые с планируемыми результатами обучения. Во-вторых, игровой сценарий должен моделировать реалистичные финансовые ситуации, с которыми студенты вуза могут столкнуться в жизни. В-третьих, необходима система обратной связи, позволяющая участникам увидеть последствия своих решений. В-четвертых, игру должен сопровождать педагог-модератор, который направляет обсуждение, акцентирует ключевые моменты и помогает обобщить полученный опыт. Наконец, обязательным элементом является рефлексия — обсуждение того, какие финансовые уроки извлекли участники, какие ошибки были допущены и как их можно избежать в реальной жизни.

Однако, внедрение деловых и финансовых игр в образовательный процесс ЮУрГГПУ было сопряжено с определенными трудностями. К ним мы отнесли следующее: необходимость дополнительной подготовки педагогов, временные затраты на проведение игры (как правило, одно занятие в игровом формате требует больше времени, чем традиционное занятие), а также потребность в методических и раздаточных материалах. Опыт успешной реализации подобных программ показывает, что эти затраты окупаются повышением качества усвоения материала и формированием устойчивых финансовых компетенций.

Результаты исследования. В начале экспериментальной работы и по ее итогу было проведено тестирование в экспериментальной и контрольной группах, в результате этих диагностик были определены уровни развития финансовой грамотности у студентов ЮУрГГПУ. Считаем целесообразным сказать, что разработанная нами педагогическая модель развития финансовой грамотности студентов вуза, включающая целеполагающий, концентрический, когнитивный, акциональный и диагностический компоненты, была основана на использовании версий «Монополии», квест-игр и онлайн-симуляторов на занятиях по дисциплинам «Экономика», «Банковское дело», «Ценообразование», «Финансы», «Финансовый менеджмент», «Финансово-экономический практикум».

Следует отметить, что уровень финансовой грамотности у 198 студентов вуза определялся с помощью тестов и диагностических методик, разработанных коллективом авторов статьи. Первым и базовым показателем развития финансовой грамотности было понимание студентами основных финансовых терминов и концепций. Вторым

важным показателем являлась способность студентов планировать свои доходы и расходы, а также контролировать выполнение личного бюджета. Финансовая грамотность также проявлялась в умении принимать обоснованные решения, связанные с использованием финансовых продуктов и услуг. Современные финансовые технологии играют значительную роль в управлении личными финансами. Поэтому одним из показателей являлось умение студентов пользоваться онлайн-банкингом, мобильными приложениями для учета расходов, электронными платежными системами и другими инструментами, которые упрощают финансовые операции и повышают их эффективность.

Мы проанализировали ответы студентов на вопросы теста по финансовой грамотности на констатирующем и итоговом этапе и выявили следующие изменения в представлениях о финансовой грамотности. На вопросы «Как вы для себя трактуете термин «финансовая грамотность»? Опишите ее основные особенности и характеристики» подавляющее большинство студентов (121 чел., что составляет 61,11 %) на констатирующем этапе работы затруднилось ответить. На итоговом этапе ситуация изменилась в лучшую сторону: 195 чел. (98,48 %) смогли дать определение финансовой грамотности. Среди них 56 чел. (28,28 % от общего числа всех студентов) определили ее как «умение человека вести учет своих доходов и расходов». Это говорит о том, что студенты в первую очередь ассоциируют финансовую грамотность с базовым управлением личными финансами, с контролем над денежными потоками. Несколько уступая, 48 чел. (24,24 %) считают, что финансовая грамотность — это «умение эффективно управлять личными финансами, грамотное и рациональное поведение человека». Этот ответ тесно связан с предыдущим, но акцентирует внимание не только на учете, но и на активном использовании имеющихся средств для достижения целей. Более глубокое понимание финансовой грамотности показали 52 чел. (26,26 %) опрошенных, которые определяют ее как «умение совершать обоснованный выбор, понимать потребность тех или иных финансовых продуктов и услуг, а также нести ответственность за этот выбор». Здесь можно увидеть значимость принятия решения, а также готовность к последствиям данных действий. Менее распространенным, но все же значимым является мнение 39 студентов (19,7 %), которые считают, что финансовая грамотность — это «умение разбираться в особенностях различных финансовых услуг». Это указывает на понимание необходимости знания специфики банковских услуг, инвестиционных инструментов и других финансовых предложений. И лишь малая доля студентов, 3 чел. (1,52 %), связывает финансовую грамотность с «информацией, связанной с финансовым рынком». Это может свидетельствовать о том, что студенты пока не видят прямой связи между макроэкономическими процессами и своим личным финансовым благополучием, или же считают эту информацию менее приоритетной по сравнению с личным управлением финансами.

Помимо понимания сути финансовой грамотности, нам было важно узнать, как сами студенты оценивают свои знания и навыки в этой области. На констатирующем этапе работы студенты очень скромно оценили свои знания и навыки. Среди ответов были: «Я думаю, что знаю основы, но боюсь ошибиться в реальной жизни», «Мне кажется, я понимаю, как работают финансы, но не уверен, что смогу объяснить», «Я слышал про финансовую теорию и практику, но это кажется таким сложным». На констатирующем

этапе 141 чел. (71,21 % от общего числа студентов) признали свои знания и навыки «плохими»; 23 чел. (11,62 %) оценили свои знания и навыки как «очень плохие»; 18 чел. (9,09 %) затруднились с ответом, что может указывать на недостаточную осведомленность о критериях оценки и на отсутствие четкого понимания того, как можно оценить эти знания и умения. На итоговом этапе ситуация изменилась в лучшую сторону. Результаты оказались весьма оптимистичными: 19 чел. (9,6 %) после реализованной педагогической модели по развитию финансовой грамотности считают свой уровень знаний и навыков достаточным; 12 чел. (6,06 %) оценивают свои знания и навыки как «хорошие»; 167 чел. (84,34 %) идут еще дальше, считая свои знания и навыки «отличными». В целом, все студенты склоняются к положительной самооценке.

Исследование также выявило, какие каналы информации студенты предпочитают для получения знаний о финансовой грамотности. Здесь картина выглядит следующим образом. Специальные курсы в вузе — самый популярный источник, им воспользовались 156 чел. (78,79 %). Это подчеркивает важность интеграции финансового образования в учебный процесс. Обучающие вебинары и курсы в Интернете — также пользуются высоким спросом у студентов, их выбрали 23 чел. (11,62 %) респондента. Современные технологии открывают широкие возможности для получения знаний в удобном формате. Специальные учреждения для получения консультаций у специалистов — выбрали 12 чел. (6,06 %). Это говорит о том, что, несмотря на доступность онлайн-ресурсов, студенты ценят экспертное мнение и возможность получить индивидуальную консультацию. Финансовые журналы выбрали 7 чел. (3,54 %). Хотя материалы на бумажных носителях уступают цифровым, они все еще остаются актуальным источником информации для части аудитории.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что после реализации педагогической модели, у студентов повысился интерес к вопросам финансовой грамотности и появилось стремление к получению новых знаний. В экспериментальных группах большинство студентов продемонстрировали уверенность в своих знаниях и навыках, что является позитивным сигналом. Проанализировав полученные в конце эксперимента данные, мы сделали вывод, что разработанная нами педагогическая модель развития финансовой грамотности студентов вуза является эффективной и ее необходимо включать в образовательный процесс студентов как экономических, так и неэкономических специальностей.

Закключение

Таким образом, проведенный анализ теоретических подходов, практического опыта, а также экспериментальная работа позволяет сделать вывод о высокой эффективности деловых и финансовых игр как инструмента повышения уровня финансовой грамотности студентов. Игровые технологии позволяют преодолеть разрыв между теоретическими знаниями и практическими навыками, формируют у учащихся ответственное отношение к личным финансам, развивают критическое мышление и способность принимать обоснованные решения в условиях ограниченных ресурсов. Данные российских и международных исследований подтверждают статистически значимое повышение уровня финансовой грамотности при систематическом использовании игровых методов обучения.

Перспективными направлениями развития данной области являются: дальнейшая цифровизация игровых форматов с сохранением возможностей для живого общения и командного взаимодействия студентов вуза; разработка методических комплексов для разных возрастных групп, учитывающих возрастные особенности и актуальные

для студентов финансовые вопросы; интеграция игровых технологий (деловых и экономических игр) в основную образовательную программу, а не только в рамках факультативной деятельности; а также корректировка учебных планов с целью изучения студентами основ финансовой грамотности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юзвович Л. И., Александрова М. А. Концептуальные положения развития финансовой грамотности в Российской Федерации путем развития инициативного бюджетирования // *Тенденции развития науки и образования*. 2025. № 117-3. С. 193—197.
2. Огорокова О. А., Маляренко В. В., Скичко А. А. Финансовая грамотность населения как фактор экономического развития РФ // *The Scientific Heritage*. 2021. № 79-4. С. 47—50. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-79-4-47-50.
3. Рябичева О. И. Тенденции развития финансовой грамотности населения в России // *Региональная и отраслевая экономика*. 2023. № 6. С. 112—119.
4. Гильфанова А. В., Маккаева Р. С.-А. Развитие экономического мышления студентов: роль педагога в формировании финансовой грамотности // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2024. № 2(160). С. 95—102.
5. Марголин А. М., Синютин Л. П. Финансовая грамотность населения как фактор развития венчурного инвестирования в России // *Финансы, деньги, инвестиции*. 2023. № 1(85). С. 18—26. DOI: 10.36992/2222-0917_2023_1_18.
6. Бузумурга М. А. Роль цифровых платформ в развитии финансовой грамотности российских домохозяйств // *Аудиторские ведомости*. 2025. № 2. С. 43—48. DOI: 10.24412/1727-8058-2025-2-43-48.
7. Степнова О. В., Старчикова И. Ю., Курашова С. А. Финансовая грамотность студентов технического вуза: самооценка состояния и динамики ее развития // *Перспективы науки и образования*. 2024. № 2(68). С. 80—96. DOI: 10.32744/pse.2024.2.5.
8. Акимов А. С. Социально-экономические аспекты развития финансовой грамотности населения // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. № 9(139). Т. 2. С. 66—72. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.09.02.010.
9. Ружанская Н. В., Аксенова Ж. А. Индикаторы и направления развития финансовой грамотности населения Республики Коми // *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 9(134). С. 361—365. DOI: 10.34925/EIP.2021.134.9.061.
10. Воронина Л. И., Зайцева Е. В. Совершенствование реализации государственной стратегии финансовой грамотности пожилых людей: региональный аспект // *Вопросы управления*. 2023. № 1(80). С. 45—59.
11. Клестова О. А., Бородин Е. С., Богдан Н. В. Анализ уровня финансовой грамотности студентов вуза физической культуры // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. № 7(133). DOI: 10.23670/IRJ.2023.133.28.
12. Коваль Ю. Н. Применение игровых технологий в среднем профессиональном образовании // *Педагогический журнал*. 2021. Т. 11. № 4А. С. 328—331.
13. Абдусаттарова Д. Из класса на игровую площадку: финансовое образование через интерактивные игры // *Передовая экономика и педагогические технологии*. 2025. Т. 1. № 3. С. 16—23. (На англ. яз.)
14. Никонец Ф. О. Финансовая грамотность через игру: инновационные подходы в обучении школьников и студентов : моногр. М. : Русайнс, 2025. 85 с.
15. Винникова И. С., Кузнецова Е. А., Сидоров А. Н. Использование игровых технологий при обучении финансовой грамотности студентов младших курсов вуза // *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. Вып. 69. Ч. 4. С. 37—40.

REFERENCES

1. Yuzvovich L. I., Aleksandrova M. A. Conceptual provisions for the development of financial literacy in the Russian Federation through the development of participatory budgeting. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2025;117-3:193—197. (In Russ.)
2. Okorokova O., Maliarenko V., Skichko A. Financial literacy of the population as a factor in the economic development of the Russian Federation. *The Scientific Heritage*. 2021;79(4):47—50. (In Russ.) DOI: 10.24412/9215-0365-2021-79-4-47-50.
3. Ryabicheva O. I. Trends in the development of financial literacy of the population in Russia. *Regional'naya i otraslevaya ekonomika = Regional and sectoral economy*. 2023;6:112—119. (In Russ.)
4. Gilfanova A. V., Makkayeva R. S.-A. Development of students' economic thinking: the role of a teacher in the formation of financial literacy. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 2024;2(160):95—102. (In Russ.)
5. Margolin A. M., Sinyutin L. P. Financial literacy of the population as the development factor of venture capital investing in Russia. *Finansy, den'gi, investitsii = Finances, money, investments*. 2023;1(85):18—26. (In Russ.) DOI: 10.36992/2222-0917_2023_1_18.
6. Buzumurga M. A. The role of digital platforms in developing financial literacy of Russian households. *Audit journal*. 2025;2:43—48. (In Russ.) DOI: 10.24412/1727-8058-2025-2-43-48.
7. Stepnova O. V., Starchikova I. Yu., Kurashova S. A. Financial literacy of technical university students: selfassessment of the state and dynamics of its development. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2024;2(68):80—96. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2024.2.5.
8. Akimov A. S. Socio-economic aspects of the development of financial literacy of the population. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2023;9(139)-2:66—72. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.09.02.010.
9. Ruzhanskaya N. V., Aksanova Zh. A. Indicators and directions of financial literacy development of the Komi Republic population. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2021;9(134):361—365. (In Russ.) DOI: 10.34925/EIP.2021.134.9.061.

10. Voronina L. I., Zaitseva E. V. Improving the implementation of the national strategy of senior citizens' financial awareness: regional aspect. *Voprosy upravleniya = Management Issues*. 2023;1(80):45—59. (In Russ.)
11. Klestova O. A., Borodina Y. S., Bogdan N. V. An analysis of the financial literacy of students in physical education universities. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2023;7(133). (In Russ.) DOI: 10.23670/IRJ.2023.133.28.
12. Koval' Yu. N. Application of game technologies in secondary vocational education. *Pedagogicheskii zhurnal = Pedagogical Journal*. 2021;11(4A):328—331. (In Russ.)
13. Abdusattarova D. From Classroom to Playroom: Financial Education through Interactive Games. *Ilg'or iqtisodiyot va pedagogik texnologiyalar = Advanced Economics and Pedagogical Technologies*. 2025;1(3):16—23.
14. Nikonets F. O. Financial literacy through gaming: innovative approaches in teaching schoolchildren and students. Monograph. Moscow, Rusains, 2025. 85 p. (In Russ.)
15. Vinnikova I. S., Kuznetsova E. A., Sidorov A. N. Use of gaming technologies in teaching financial literacy of undergraduate students. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2020;69(4):37—40. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 12.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.
The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 12.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Научная статья
УДК 796.011.1-057.87
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1729

Irina Viktorovna Dutova
 Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department
 of Physical Education and Sports,
 Tula State University
 Tula, Russian Federation
 dutovaiv1@mail.ru

Vera Valeryevna Borisova
 Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of the Theory and Methods
 of Physical Culture,
 Tula State
 Lev Tolstoy Pedagogical University
 Tula, Russian Federation
 boriborisovav5@rambler.ru

Taisiya Mikhailovna Dutova
 Student of the Department of Biotechnology of Food Products
 from Plant and Animal Raw Materials,
 field of training
 19.03.01 — Biotechnology,
 K. G. Razumovsky Moscow State University
 of Technologies and Management
 (the First Cossack University)
 Moscow, Russian Federation
 mgytyabityrient@mail.ru

Ирина Викторовна Дутова
 канд. пед. наук,
 доцент кафедры физического
 воспитания и спорта,
 Тульский государственный университет
 Тула, Российская Федерация
 dutovaiv1@mail.ru

Вера Валерьевна Борисова
 канд. пед. наук,
 доцент кафедры теории и методики
 физической культуры,
 Тульский государственный
 педагогический университет им. Л. Н. Толстого
 Тула, Российская Федерация
 borisovav5@rambler.ru

Тансия Михайловна Дутова
 студент кафедры биотехнологий продуктов питания
 из растительного и животного сырья,
 направление подготовки
 19.03.01 — Биотехнология,
 Московский государственный университет технологий
 и управления имени К. Г. Разумовского
 (Первый казачий университет)
 Москва, Российская Федерация
 mgytyabityrient@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРЕСС-СИМПТОМАТИКИ И ПОТЕНЦИАЛА ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ В КОРРЕКЦИИ СТРЕССОВЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

5.8.4 — Физическая культура и профессиональная физическая подготовка

Аннотация. В статье предпринята попытка обоснования коррекционного потенциала средств физической культуры применительно к стресс-симптоматике, наблюдаемой у студенческой молодежи. Ключевая цель работы — оценка распространенности стресс-проявлений и установление механизмов психоэмоциональной регуляции, проявляющихся в процессе занятий физической культурой. Эмпирическую базу составили результаты анонимного анкетирования 226 первокурсников (средний возраст 18 лет; гендерный баланс — 50/50) двух ведущих тульских вузов — Тульского государственного университета и Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Проведено психодиагностическое исследование, направленное на фиксацию частоты соматических, эмоциональных, когнитивных и поведенческих маркеров стресса, а также на субъективную оценку антистресс-эффектов от физических нагрузок. Обработка данных выполнена методами описательной статистики с акцентом на гендерные сопоставления.

Выявлена высокая встречаемость стресс-симптоматики: доминируют нарушения сна, мышечный гипертонус, тревожность, раздражительность и прокрастинация; при этом у девушек все регистрируемые показатели существенно превышают аналогичные у юношей. Согласно полученным данным, около 70 % опрошенных студентов склонны отрицать необходимость профессиональной психологической помощи, тем

не менее, признают высокую значимость физической активности для преодоления стрессовых состояний. Зафиксированы устойчивые гендерные различия в структуре антистрессовых ожиданий: мужская часть выборки ориентирована на соматические (мышечное расслабление — 21,1 %) и аффективные (эмоциональный тонус — 22,0 %) компоненты, тогда как женская — на когнитивное переключение (устранение актуальных трудностей — 24,8 %) и повышение тревожных состояний (17,5 %). Эти различия требуют пересмотра унифицированного подхода к организации занятий физической культурой и обуславливают необходимость внедрения дифференцированных программ, учитывающих гендерные особенности стресс-совладания. Реализация данных программ может способствовать снижению психоэмоционального напряжения у студентов, а полученные результаты могут быть полезны специалистам в области педагогики и психологии.

Исследование вносит вклад в обоснование статуса физической культуры как универсального, доступного и физиологически обоснованного способа поддержания здоровья студенческой молодежи.

Ключевые слова: студенты, психоэмоциональное состояние, стресс, стресс-симптоматика, физическая активность, занятия физической культурой, субъективные ощущения, антистрессовый эффект, гендерные различия, профилактика стресса

Для цитирования: Дутова И. В., Борисова В. В., Дутова Т. М. Исследование стресс-симптоматики и потенциала занятий физической культурой в коррекции стрессовых проявлений у студентов вузов // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 386—392. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1729.

Original article

A STUDY ON STRESS-RELATED SYMPTOMS AND THE POTENTIAL OF PHYSICAL EDUCATION CLASSES IN CORRECTING STRESS MANIFESTATIONS AMONG UNIVERSITY STUDENTS

5.8.4 — Physical culture and professional physical training

Abstract. This article attempts to substantiate the corrective potential of physical culture tools in relation to stress-related symptoms observed in student youth. The key goal of the study is to assess the prevalence of stress manifestations and to identify the mechanisms of psycho-emotional regulation manifested during physical education classes. The empirical basis consists of the results of an anonymous survey of 226 first-year students (average age 18 years; gender balance – 50/50) from two leading universities in Tula – Tula State University and Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. A psychodiagnostic study was conducted to record the frequency of somatic, emotional, cognitive, and behavioral markers of stress, as well as to obtain a subjective assessment of the anti-stress effects of physical activity. The data were processed using descriptive statistical methods, with a focus on gender comparisons.

A high prevalence of stress-related symptoms was identified: sleep disorders, muscle hypertonicity, anxiety, irritability, and procrastination dominate; at the same time, in girls, all recorded indicators significantly exceed those in boys. According to the data obtained, about 70% of the surveyed students tend to deny the need for professional psychological help, yet they

recognize the high importance of physical activity in overcoming stressful states. Stable gender differences have been identified in the structure of anti-stress expectations: the male part of the sample is oriented towards somatic (muscle relaxation – 21.1%) and affective (emotional tone – 22.0%) components, while the female part is oriented towards cognitive switching (distraction from current difficulties – 24.8%) and a decrease in anxiety states (17.5%). These differences require a revision of the unified approach to the organization of physical education and necessitate the introduction of differentiated programs that take into account the gender characteristics of stress management. The implementation of these programs can help reduce students' psycho-emotional stress, and the results obtained can be useful to specialists in the field of pedagogy and psychology.

The study contributes to the substantiation of the status of physical education as a universal, accessible and physiologically sound way of maintaining the health of students.

Keywords: students, psycho-emotional state, stress, stress-related symptoms, physical activity, physical education classes, subjective sensations, anti-stress effect, gender differences, stress prevention

For citation: Dutova I. V., Borisova V. V., Dutova T. M. A study on stress-related symptoms and the potential of physical education classes in correcting stress manifestations among university students. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):386—392. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1729.

Введение

Обучение в высшей школе предъявляет повышенные требования к интеллектуальным и эмоциональным ресурсам обучающихся, что закономерно повышает риск психологического неблагополучия. Наиболее уязвимой группой выступают первокурсники, поскольку процесс адаптации к новым условиям сопряжен с одновременным действием нескольких стресс-факторов (возрастание учебной нагрузки, смена социального окружения, необходимость самоорганизации и дефицит привычных форм отдыха). Подобное сочетание факторов создает предпосылки для формирования дисфункциональных стратегий совладания со стрессом.

В связи с этим научно-практический интерес представляет не только констатация распространенности стресс-состояний, но и поиск доступных, экономически оправданных и физиологически обоснованных методов их коррекции. Одним из таких методов является систематическая физическая активность, обладающая доказанным нейрогуморальным и психорегулирующим потенциалом.

Изученность проблемы. В научной литературе накоплен значительный массив данных о психоэмоциональном благополучии студенчества, однако большинство работ акцентируют либо клинико-психологические аспекты, либо эффективность сугубо психотерапевтических вмеша-

тельств. Роль средств физической культуры в качестве естественного антистрессового фактора часто рассматривается обобщенно, без учета гендерной специфики стресс-проявлений и субъективных ожиданий от занятий.

Исследования Т. Д. Косинцевой, И. Б. и А. Г. Бутырских, А. В. Ткач, Г. И. Неуйминой, выполненные в рамках психофизиологии учебной деятельности [1; 2], фиксируют неуклонный рост тревожности и депрессивной симптоматики на протяжении первых двух лет обучения. При этом авторы констатируют низкую обращаемость студентов за профессиональной психологической помощью, что делает востребованными альтернативные каналы эмоциональной разгрузки.

Н. М. Гладкова, Е. В. Филиппова, М. И. Тимченко, М. В. Кошелева, И. В. Лазунина [3—5] обосновывают эффективность физических упражнений как средства снижения тревожности и улучшения сна. Вместе с тем, вопрос о том, какие конкретно проявления стресса (телесные, эмоциональные, когнитивные, поведенческие) и в какой мере поддаются коррекции под воздействием нагрузок разного типа, проработан недостаточно подробно; имеющиеся сведения остаются разрозненными.

Н. В. Кошкарева, Е. М. Сойнова, И. А. Бондаренко, И. А. Косенкова, Д. С. Панов, А. А.-К. Умаров, А. О. Ахмедов и др. [6—8] акцентирует важность персонализации вузовских программ физического воспитания с опорой

на психоэмоциональное состояние студентов, однако предлагаемые решения затрагивают по большей части организационную плоскость и не подкреплены количественными данными о предпочтениях самих обучающихся.

Отдельные диагностические инструменты для оценки стресс-симптоматики, которые в своих работах раскрывают Т. О. Гребенникова, Е. О. Мерцалова, Е. В. Чарина [9; 10], не включают гендерный анализ, что ограничивает их прогностические возможности, другие авторы: Л. Р. Арутюнян, Н. В. Степичёва, Е. В. Бухтоярова, М. Лю, Б. Ши, Г. И. Бикметова, П. В. Поветьев [11—15] — фокусируют свое внимание исключительно на тревожном компоненте, оставляя без внимания поведенческие и соматические индикаторы.

Целесообразность разработки темы обусловлена разрешением сложившегося противоречия между отсутствием на сегодняшний день целостного представления о связях между профилем стресс-симптомов, гендерно-специфичными особенностями их субъективного переживания и теми эффектами занятий физической культурой, которые сами студенты расценивают как значимые. Это делает значимым комплексное эмпирическое исследование, способное лечь в основу адресных профилактических стратегий.

Актуальность работы продиктована необходимостью разработки научно обоснованных рекомендаций по применению физической активности для регуляции психоэмоционального состояния студентов. Действующие программы физического воспитания в вузах, как правило, не учитывают ни гендерные особенности стресс-реагирования, ни субъективные ожидания обучающихся. Внедрение дифференцированного подхода способно повысить мотивацию учащихся и эффективность занятий, превратив физическую нагрузку в полноценный инструмент психопрофилактики, что особенно востребовано в условиях роста стрессовых нагрузок на студентов.

Цель исследования — изучение стресс-симптоматики у студентов-первокурсников и оценка антистрессового эффекта занятий физической культурой с учетом гендерных различий.

Задачи исследования:

1. Установление частоты проявления симптомов стресса (физических, эмоциональных, когнитивных, поведенческих) у студентов.
2. Оценка мнения учащихся о необходимости помощи им в управлении стрессом.
3. Выявление конкретных субъективных ощущений студентов после занятий физической культурой, способствующих преодолению стресса.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проведен комплексный анализ гендерных различий стресс-симптоматики у студентов первого курса в сочетании с детальной оценкой субъективных антистрессовых эффектов физической нагрузки. Установлена значительная вариативность антистрессового воздействия физических упражнений в зависимости от пола респондентов. Результаты работы углубляют существующие представления о психофизиологических механизмах регуляции эмоционального состояния средствами физической культуры.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении и конкретизации научных представлений о гендерных различиях проявления стресса у студентов,

а также о психофизиологических механизмах антистрессового воздействия физических упражнений. Результаты работы обосновывают необходимость перехода от унифицированных к дифференцированным моделям физкультурно-оздоровительной деятельности, что вносит вклад в развитие теоретических основ педагогики физической культуры и психологии спорта.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его результатов при разработке и актуализации программ по физическому воспитанию в высшей школе. Выявленные в рамках исследования гендерные различия в реагировании на стрессовые ситуации у студентов, а также антистрессовые эффекты физической активности предоставляют специалистам в сфере образования и физического воспитания возможность качественно иных подходов к построению учебного процесса. Представленные выводы могут быть использованы для создания действенных механизмов борьбы со стрессом, который ярко проявляется в современной образовательной среде посредством занятий физической культурой.

Основная часть

Методология исследования. Методологическую основу исследования составил комплексный подход, объединивший теоретический анализ научно-методической литературы и эмпирическое изучение мнения студентов-первокурсников. Центральным диагностическим инструментом выступил авторский опросник, позволяющий оценить частоту проявления стресс-симптомов (физических, эмоциональных, когнитивных и поведенческих) по пятибалльной градации: никогда, редко, иногда, часто, очень часто. Кроме того, опросник включал блок вопросов, направленных на выявление потребности учащихся в специализированной помощи в стрессовых ситуациях.

Для оценки субъективного восприятия антистрессового эффекта занятий физической культурой был проведен сравнительный анализ конкретных ощущений респондентов с учетом гендерных различий. Статистическая обработка данных включала ранжирование показателей и вычисление процентных соотношений.

Эмпирическая база исследования представлена результатами анкетирования студентов первого курса ($n = 226$) Тульского государственного университета и Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Выборка сбалансирована по полу (50,0 % юношей и 50,0 % девушек) и однородна по возрасту (среднее значение — 18 лет).

Результаты исследования. Анализируя частоту проявления у учащихся физических симптомов стресса (представлены ответы «часто» и «очень часто»), было выявлено, что основными из них являются: нарушения сна, мышечное напряжение, учащенное сердцебиение. При этом, стресс значительно сильнее влияет на физическое здоровье девушек, юноши реагируют на него менее остро или просто не замечают симптомов, поэтому все показатели у них ниже (табл. 1).

Авторы полагают, что такая ситуация связана гормональными колебаниями и большей чувствительностью нервной системы девушек. Испытывая стресс, девушки либо переживают, либо теряют интерес к еде (суммарно 23,7 % против 4,4 % у юношей). Из-за повышенной тревожности у них

возникают головные боли и мигрени (суммарно 15,8 % против 5,2 % у юношей). Девушки чаще испытывают проблемы с пищеварением (суммарно 15,8 % против 5,2 % у юношей) и учащенное сердцебиение (суммарно 20,1 % против 7,9 %). Также стресс вызывает снижение иммунитета (суммарно 13,1 % против 5,2 % у юношей) и нарушения сна, которые у девушек связаны с «прокручиванием переживаний» перед сном (суммарно 25,5 % против 14,9 %).

Частота проявления эмоциональных и когнитивных симптомов стресса (представлены ответы «часто» и «очень часто») показана в табл. 2.

Анализируя полученные данные, можно сделать вывод о том, что к наиболее частым симптомам стресса относятся: тревожность и беспокойство; чувство подавленности, грусти, апатия; раздражительность и вспыльчивость. Установлено, что девушки более эмоционально и острее переживают стресс (больше тревожатся, чаще раздражаются, глубже впадают в апатию и отчаяние). Из-за постоянной тревоги им тяжелее сосредоточиться и запоминать информацию, а мотивация падает быстрее. Юноши же чаще используют стратегию психологического отстранения, реже признаются в слабости, легче переключаются на действия и не позволяют эмоциям затянуть себя в состояние подавлен-

ности. Наиболее значимыми различиями являются проявления раздражительности и вспыльчивости (суммарно 31,6 % против 9,1 % у юношей), снижение мотивации (суммарно 19,3 % против 6,2 % у юношей), проявление тревожности и беспокойства (суммарно 37,8 % против 14,9 % у юношей).

В ходе исследования проявления поведенческих симптомов стресса выявлено, что характерным для учащихся является откладывание важных дел, увеличение времени проведения в интернете/гаджетах, социальная изоляция, отказ от общения. При этом девушки, испытывая стресс, стараются «убежать» от тревоги и меняют свое поведение (чаще откладывают дела, уходят в себя, проводят время в телефоне). Юноши ведут себя более стабильно и рационально: они не склонны драматизировать ситуацию, проще относятся к задачам и реже меняют привычки из-за стресса. В целом, оба пола показывают низкий уровень употребления алкоголя и курения, что говорит о том, что среди первокурсников здоровые привычки пока преобладают. Наиболее заметны различия в откладывании важных дел (суммарно 31,6 % у девушек против 10,6 % у юношей), употреблении алкоголя и курении (суммарно 4,4 % против 1,8 %), в отказе от общения (суммарно 17,5 % против 9,6 % соответственно) (табл. 3).

Таблица 1

Частота проявления физических симптомов стресса у студентов, %

Физические симптомы	Частота проявления симптомов			
	юноши		девушки	
	часто	очень часто	часто	очень часто
Головные боли, мигрени	5,2	—	13,2	2,6
Нарушения сна (бессонница, повышенная сонливость)	11,4	3,5	15,0	10,5
Изменение аппетита (переедание или потеря аппетита)	4,4	—	16,7	7,0
Мышечное напряжение, боли в шее/спине	14,9	1,8	14,9	4,4
Учащенное сердцебиение, дрожь	4,4	3,5	14,9	5,2
Частые простуды, снижение иммунитета	5,2	—	10,5	2,6
Проблемы с пищеварением (боли в животе, расстройство)	2,6	2,6	11,4	4,4

Таблица 2

Частота проявления эмоциональных и когнитивных симптомов стресса у студентов, %

Эмоциональные и когнитивные симптомы	Частота проявления симптомов			
	юноши		девушки	
	часто	очень часто	часто	очень часто
Раздражительность, вспыльчивость	7,0	2,6	21,1	10,5
Тревожность, беспокойство	7,9	7,0	26,4	11,4
Чувство подавленности, грусти, апатия	17,5	1,8	14,9	12,3
Трудности с концентрацией внимания	7,0	3,5	8,8	9,5
Проблемы с памятью	6,1	1,8	7,9	7,0
Снижение мотивации к учебе или другим делам	4,4	1,8	10,5	8,8
Чувство отчаяния, безнадежности	6,1	1,8	7,9	7,9

Таблица 3

Частота проявления поведенческих симптомов стресса у студентов, %

Поведенческие симптомы	Частота проявления симптомов			
	юноши		девушки	
	часто	очень часто	часто	очень часто
Прокрастинация (откладывание важных дел)	8,8	1,8	16,7	14,9
Социальная изоляция, отказ от общения	5,2	4,4	11,4	6,1
Увеличение времени проведения в интернете/гаджетах	10,5	0,9	11,4	7,0
Повышенное употребление кофеина, энергетиков	6,1	4,4	8,8	4,4
Употребление алкоголя/курение	0,9	0,9	2,6	1,8

Учитывая высокую распространенность стрессовых состояний в студенческой среде и их негативное влияние на психоэмоциональное и физическое благополучие, респондентам был задан вопрос: «Считаете ли вы, что вам нужна помощь в управлении стрессом?» Большинство учащихся (73,0 % юношей и 70,3 % девушек) ответили отрицательно. Однако часть студентов (9,5 % юношей и 12,3 % девушек) полагают, что нуждаются в помощи.

Полученные данные могут свидетельствовать о том, что большинство студентов не осознает свое состояние как стрессовое, требующее внешнего вмешательства, либо воспринимают его как неотъемлемую часть учебного процесса. Вероятно, респонденты полагаются на имеющиеся у них собственные стратегии совладания со стрессом (физическая активность, общение, отдых), что снижает субъективную потребность в профессиональной поддержке. Кроме того, отрицательный ответ может отражать негативную позицию учащихся к обращению за психологической помощью, а также недостаточную осведомленность студентов о существующих в вузах ресурсах поддержки. Однако часть учащихся признают потребность в помощи, что свидетельствует о необходимости адресного психолого-педагогического сопровождения.

В связи с вышесказанным, актуальным становится поиск эффективных способов преодоления стресса, среди которых одно из ведущих мест занимают занятия физической культурой, выступающие естественным антистрессовым механизмом, способствующим повышению психоэмоциональной устойчивости организма и снижению субъективного восприятия стресса. Кроме того, физическая культура обеспечивает рекреационный и социально-коммуникативный эффекты, что также способствует рациональному распределению учебных нагрузок.

Чтобы определить, каким именно образом физическая активность помогает студентам справляться со стрессом, учащимся было предложено ответить на вопрос: «Какие конкретные ощущения вы испытываете после занятий физической культурой, которые помогают вам бороться со стрессом?». По мнению авторов, вопрос показывает механизм действия занятий: а именно как спорт помогает каждому полу преодолевать стресс (табл. 4).

Таблица 4

**Ответы студентов на вопрос:
«Какие конкретные ощущения вы испытываете
после занятий физической культурой,
которые помогают вам бороться со стрессом?», %**

Субъективные ощущения студентов	Юноши	Девушки
Физическое расслабление	21,1	12,3
Улучшение настроения	22,0	22,0
Снижение тревожности	17,5	17,5
Улучшение концентрации внимания	5,2	6,1
Улучшение качества сна	14,0	12,3
Чувство «переключения» от проблем	15,8	24,8
Повышение энергии	4,4	5,2

В качестве антистрессовых эффектов занятий физической культурой, по степени важности студенты выделяют: улучшение настроения, чувство «переключения» от проблем, снижение тревожности, физическое расслабление, улучшение качества сна. Определено, что и юноши,

и девушки испытывают практически одни и те же ощущения после занятий, но с разной приоритетностью. Для юношей на первом месте стоит эмоциональная разгрузка и телесный комфорт, а для девушек — психологическое переключение и когнитивный отдых.

Следует отметить, что *улучшение настроения* является универсальным эффектом физической активности для обоих полов (22,0 % юношей и 22,0 % девушек), т. к. во время занятий выделяются эндорфины («гормоны радости»), которые поднимают настроение вне зависимости от пола. У юношей этот эффект выходит на первое место, потому что им важнее всего почувствовать себя «хорошо» и бодро, а не анализировать свои переживания.

Комментируя показатели *чувства «переключения» от проблем* (15,8 % юношей и 24,8 % девушек), можно отметить, что девушки склонны к постоянному прокручиванию тревожных мыслей в голове, поэтому физическая нагрузка дает им именно то, чего им не хватает, а именно «вынужденную паузу», потому что во время выполнения упражнений невозможно одновременно переживать о проблемах.

Тревожность снижается после занятий у 17,5 % учащихся обоих полов, что связано с уменьшением уровня кортизола в крови. При этом, согласно полученным данным, у всех студентов этот показатель занимает третью позицию, что говорит о стабильном механизме действия физических нагрузок на нервную систему.

Физическое расслабление более свойственно юношам, т. к. стресс у них чаще проявляется через мышечное напряжение (спина, шея, плечи). Девушки тоже расслабляются физически, но для них это не так заметно на фоне эмоционального переключения (показатели составили 21,1 % у юношей и 12,3 % у девушек).

Также студентами было отмечено *улучшение качества сна* после физической нагрузки. У юношей этот эффект чуть заметнее, потому что девушки чаще страдают от тревожных мыслей перед сном, и даже после тренировки не всегда могут переключиться (14,0 и 12,3 % соответственно).

Незначительное количество учащихся (5,2 % юношей и 6,1 % девушек) отметили *улучшение концентрации внимания* после занятий физической культурой. Авторы считают, что это обусловлено тем, что данный эффект проявляется не сразу после тренировки, а спустя время и требует регулярных занятий.

Распространено мнение, что физическая нагрузка дает энергию, но на практике после интенсивной тренировки, особенно если человек не подготовлен, наступает усталость. Поэтому лишь небольшая часть студентов (4,4 % юношей и 5,2 % девушек) связывают антистрессовый эффект занятий физической культурой именно с приливом сил. Девушки чуть чаще замечают *повышение энергии*, возможно, потому что они выбирают более умеренные нагрузки (бег трусцой, фитнес, йогу).

Таким образом, в ходе исследования были выявлены как общие закономерности, так и гендерно-обусловленные различия в субъективной оценке студентами антистрессового воздействия занятий физической культурой.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить, что стресс оказывает комплексное негативное воздействие, затрагивая физическое самочувствие, эмоциональный фон и поведенческие проявления учащихся и имеет выраженную гендерную специфику.

Анализ частоты *физических симптомов* стресса показал, что у студентов доминируют нарушения сна, мышечное напряжение и учащенное сердцебиение. Наиболее распространенными *эмоциональными и когнитивными стресс-симптомами* являются тревожность, чувство подавленности, раздражительность и вспыльчивость. В *поведенческой сфере* стресс проявляется прокрастинацией, зависимостью от гаджетов и интернета, а также стремлением к уединению и избеганием социальных контактов. Следует отметить, что девушки демонстрируют более высокую уязвимость к стрессу во всех сферах.

Установлено, что большинство респондентов (73,0 % юношей и 70,3 % девушек) отрицают потребность в профессиональной помощи при управлении стрессом.

Однако 9,5 % юношей и 12,3 % девушек, напротив, считают такую поддержку необходимой.

Оценка субъективных ощущений студентов после занятий физической культурой показала, что спорт действительно воспринимается ими как эффективный инструмент борьбы со стрессом, однако механизмы его воздействия различаются. Юноши в большей степени ценят физическое расслабление и улучшение настроения, тогда как для девушек приоритетным является чувство «переключения» от проблем и возможность временно отвлечься от тревожных мыслей. При этом оба пола в равной степени отмечают такие универсальные эффекты, как снижение тревожности и улучшение настроения, что подтверждает универсальность физической активности как метода регуляции эмоционального состояния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Косинцева Т. Д. Влияние академического стресса на студентов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 5(86). С. 69—73. DOI: 10.26105/SSPU.2023.86.5.007.
2. Бутырская И. Б., Ткач А. В., Неуймина Г. И., Бутырский А. Г. Показатели образа жизни, уровень учебного стресса и стрессоустойчивости у разнополюх студентов медицинского вуза при дистанционном и очном обучении // Крымский терапевтический журнал. 2021. № 3. С. 22—29.
3. Гладкова Н. М. Механизм влияния физической культуры на стресс в студенческой среде // Вестник науки. 2024. № 4(73). Т. 2. С. 753—760.
4. Филиппова Е. В., Тимченко М. И. Физическая культура в режиме труда и отдыха студента вуза // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2023. № 2(63). С. 145—150.
5. Кошелева М. В., Лазунина И. В. Двигательная активность как средство успешной адаптации студентов в современной высшей школе // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2024. № 9(235). С. 57—61.
6. Кошкарёва Н. В., Соина Е. М., Бондаренко И. А. Реализация дифференцированного подхода к физическому воспитанию студентов в современных условиях // Образование. Карьера. Общество. 2013. № 3(39). С. 27—29.
7. Косенкова И. А., Панов Д. С. Психолого-педагогические особенности физического воспитания студентов // Наука-2020. 2025. № 6(80). С. 52—57.
8. Умаров А. А.-К., Ахмедов А. О., Джулагов С.-М. М., Якубова М. М. Дифференцированный подход к организации двигательной активности студентов в процессе физического воспитания в вузе // Перспективы науки и образования. 2023. № 1(61). С. 126—141. DOI: 10.32744/pse.2023.1.8.
9. Гребенникова Т. О. Оценка проявлений стресса у студентов социологических специальностей на разных этапах обучения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. Вып. 2(843). С. 123—129. DOI: 10.52070/2500-3488_2022_2_843_123.
10. Мерцалова Е. О., Чарина Е. В. Стрессовые и невротические состояния при формировании социальной идентичности профессионала в процессе обучения в вузе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия». 2022. № 2(26). С. 49—55.
11. Арутюнян Л. Р., Степичёва Н. В. Физическая культура как средство профилактики стрессовых состояний у студентов вуза в период сессии // Вестник науки. 2026. № 4(97). Т. 3. С. 1122—1128.
12. Бухтоярова Е. В. Влияние регулярных занятий физической культурой на уровень стресса у студентов // Научные исследования. 2026. № 1(41). С. 16—19.
13. Liu M., Shi B. The effect of physical exercise on the anxiety of college students in the post-pandemic era: The mediating role of social support and proactive personality // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. Art. 1128748. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1128748.
14. Бикметова Г. И. Последствия сниженного благополучия для учебной и жизненной траектории // Вестник науки. 2025. № 12(93). Т. 3. С. 1126—1136.
15. Поветьев П. В. Особенности влияния психологических состояний студентов на эффективность учебной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2022. Вып. 76. Ч. 4. С. 390—394.

REFERENCES

1. Kosintseva T. D. The Impact of Academic Stress on Students. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2023;5(86):69—73. (In Russ.) DOI: 10.26105/SSPU.2023.86.5.007.
2. Butyrskaya I. B., Tkach A. V., Neuymina G. I., Butyrskii A. G. Indexes of life style, educational stress level and stress-resistance in medical students of different genders in distant and full-time learning. *Krymskii terapevticheskii zhurnal = Crimean journal of internal diseases*. 2021;3:22—29. (In Russ.)
3. Gladkova N. M. Mechanism of influence of physical culture on stress in student environment. *Vestnik nauki*. 2024;4(73)-2:753—760. (In Russ.)
4. Filippova E. V., Timchenko M. I. Physical culture in the mode of work and rest of a university student. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobseniya*. 2023;2:145—150. (In Russ.)

5. Kosheleva M. V., Lazunina I. V. Motor activity as a means of successful adaptation of students in modern high school. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta = Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2024;9(235):57—61. (In Russ.)
6. Koshareva N. V., Soinova E. M., Bondarenko I. A. Implementation of a differentiated approach to physical education of students in modern conditions. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo*. 2013;3(39):27—29. (In Russ.)
7. Kosenkova I. A., Panov D. S. Psychological and pedagogical features of physical education of students. *Nauka-2020*. 2025;6(80):52—57. (In Russ.)
8. Umarov A. A.-K., Akhmedov A. O., Dzhulagov S.-M. M., Yakubova M. M. Differentiated approach to the motor activity organization of students in the process of physical education at the university. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2023;1(61):126—141. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2023.1.8.
9. Grebennikova T. O. The assessment of stress manifestations in sociology students at different stages of education. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*. 2022;2(843):123—129. (In Russ.) DOI: 10.52070/2500-3488_2022_2_843_123.
10. Mertsalova E. O., Charina E. V. Stress and neurotic states in the formation of a professional's social identity in the process of studying at a university. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya «Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya» = Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*. 2022;2:49—55. (In Russ.)
11. Arutyunyan L. R., Stepicheva N. V. Physical culture as a means of preventing stress conditions in university students during exam session. *Vestnik nauki*. 2026;4(97)-3:1122—1128. (In Russ.)
12. Bukhtoyarova E. V. The impact of regular physical exercise on the stress level of students. *Nauchnye issledovaniya*. 2026;1(41):16—19. (In Russ.)
13. Liu M., Shi B. The effect of physical exercise on the anxiety of college students in the post-pandemic era: The mediating role of social support and proactive personality. *Frontiers in Psychology*. 2023;14:1128748. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1128748.
14. Bikmetova G. I. The effects of reduced well-being on learning and life trajectory. *Vestnik nauki*. 2025;12(93)-3: 1126—1136. (In Russ.)
15. Povetyev P.V. Features of the influence of psychological states of students on the efficiency of learning activities. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2022;76(4):390—394. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2026; одобрена после рецензирования 07.08.2026; принята к публикации 10.08.2026.
The article was submitted 25.07.2026; approved after reviewing 07.08.2026; accepted for publication 10.08.2026.

Научная статья
УДК 37.013.77
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1691

Olga Alexandrovna Ereemeeva
Candidate of Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methodology of Preschool and Primary Education,
Elabuga Institute
of Kazan (Volga Region) Federal University
Elabuga, Russian Federation
o.eremeevakfu@mail.ru

Ольга Александровна Еремеева
канд. психол. наук, доцент,
доцент кафедры теории и методики
дошкольного и начального образования,
Елабужский институт
Казанского (Приволжского) федерального университета
Елабуга, Российская Федерация
o.eremeevakfu@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Современная образовательная ситуация, связанная с цифровой трансформацией образования, усилением внешних регулятивных воздействий на труд учителя и переосмыслением устойчивых представлений о профессии педагога, актуализирует проблему теоретического осмысления педагогической субъектности. Цель статьи — обосновать педагогическую субъектность как целостный феномен образовательной практики и как теоретический концепт, интегрирующий категорию субъектности и проблематику профессиональной идентичности педагога. Материалы и методы исследования основаны на теоретическом анализе и систематизации научных подходов отечественных и зарубежных авторов; применены методы сравнительно-сопоставительного, концептуального и категориального анализа.

Результаты исследования содержат описание элементов структуры педагогической субъектности, которую, в числе прочего, можно рассматривать и как структурно функциональную модель, отражающую сущность феномена. Дана характеристика связи рассматриваемого понятия с рядом других: способности к рефлексии, осмыслением экзистенциального бытия в профессии и профессиональной идентичности. Содержательный анализ субъектности и профессиональной идентичности продемонстрировал их диалектическую взаимосвязь как факторов

изменчивости и стабильности. Показаны последствия возможных последствий при дефектах развития отдельных компонентов субъектности, что важно при решении задач педагогического и психологического сопровождения. Показана роль таких компонентов субъектности педагога, как осмысленность жизненного пути, коммуникативные компетенции и индивидуальный стиль деятельности, который может рассматриваться как метафактор развития субъектности. В заключение сделан вывод, что педагогическая субъектность представляет собой интегративное личностно-профессиональное образование, объединяющее ценностное отношение к обучающемуся и к себе, рефлексивно-волевую регуляцию, смысловую работу с опытом и готовность к диалогу; ее теоретическое осмысление создает основания для эмпирических исследований и для проектирования условий профессионального развития педагога.

Ключевые слова: педагогическая субъектность, профессиональная идентичность педагога, рефлексия, отраженная субъектность, диалогическое взаимодействие, субъект-субъектное взаимодействие, профессиональное развитие педагога, индивидуальный стиль деятельности, экзистенциальный смысл, ценностное отношение, личностно-ориентированная направленность, профессиональная агентность

Благодарность: автор выражает признательность своим коллегам с кафедры теории и методики дошкольного и начального образования Елабужского института КФУ за обсуждение положений настоящей работы.

Для цитирования: Еремеева О. А. Педагогическая субъектность как феномен образовательной практики и теоретический концепт // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 393—398. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1691.

Original article

PEDAGOGICAL SUBJECTNESS AS A PHENOMENON OF EDUCATIONAL PRACTICE AND A THEORETICAL CONCEPT

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The current situation in education — marked by the digital transformation of schooling, the growing weight of external regulation on the teacher's work, and the rethinking of settled ideas about the teaching profession — brings to the fore the problem of conceptualizing pedagogical subjectness. The article aims to substantiate pedagogical subject-

ness both as an integral phenomenon of educational practice and as a theoretical concept that integrates the category of subjectness with the problematics of the teacher's professional identity. Methodologically, the study rests on a theoretical analysis and systematization of Russian and international approaches, drawing on comparative, conceptual and categorial analysis.

The results describe the elements that make up the structure of pedagogical subjectness, which may also be treated as a structural-functional model expressing the essence of the phenomenon. The concept is related to a number of adjacent ones: the ability to reflect, the comprehension of existential being in the profession, and professional identity. A content analysis of subjectness and professional identity reveals their dialectical interconnection as, respectively, a factor of variability and a factor of stability. The paper considers the consequences that follow when particular components of subjectness develop defectively - an issue that matters for the tasks of pedagogical and psychological support. It further shows the role of such components of the teacher's subjectness as the meaningfulness of one's life course, communicative competencies,

and the individual style of activity, the latter being regarded as a meta-factor in the development of subjectness. It is concluded that pedagogical subjectness constitutes an integrative personal and professional formation that combines a value-based attitude towards the learner and towards oneself, reflexive-volitional regulation, meaningful work with experience, and readiness for dialogue; its theoretical elucidation provides grounds for empirical research and for designing conditions that foster the teacher's professional development.

Keywords: pedagogical subjectness, teacher's professional identity, reflection, reflected subjectness, dialogic interaction, subject-subject interaction, teacher's professional development, individual style of activity, existential meaning, value-based attitude, personality-oriented approach, professional agency

Acknowledgements: The author expresses gratitude to the colleagues at the Department of Theory and Methodology of Pre-school and Primary Education of Elabuga Institute of Kazan Federal University for their discussion of the provisions of this work.

For citation: Ereemeeva O. A. Pedagogical subjectness as a phenomenon of educational practice and a theoretical concept. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):393—398. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1691.

Введение

Актуальность. Современная образовательная практика разворачивается в условиях интенсивных социокультурных изменений: цифровой трансформации обучения, усиления внешних регулятивных воздействий на профессиональную деятельность учителя, повышения требований к результативности педагогического труда. В этой ситуации привычная трактовка педагога как «передатчика знаний» обнаруживает свою ограниченность. На передний план выходит проблема педагогической субъектности — способности учителя быть активным деятелем, инициатором и автором собственной профессиональной практики. Распространение в образовании систем искусственного интеллекта дополнительно обостряет вопрос о том, что именно остается неотчуждаемым в труде учителя, и заставляет пересматривать ценностно-смысловые основания его профессиональной идентичности [1]. Поэтому феномен педагогической субъектности всё чаще оказывается в фокусе интереса психологии, педагогики, социологии профессий и философии образования.

Изученность проблемы. Проблема субъектности педагога разрабатывалась в отечественной науке в рамках субъектно-деятельностной традиции. Понятие субъектности педагога как способности порождать взаимосвязанные изменения в мире, в других людях и в самом себе введено и операционализировано Е. Н. Волковой [2]. Системно-субъектный подход, в котором субъектность выступает ведущей объяснительной категорией психического развития, обоснован Е. А. Сергиенко [3]. Концепция отраженной субъектности и мультисубъектной персонологии развита В. А. Петровским [4]. Рефлексивные механизмы субъектной регуляции, в т. ч. структурная организация метакогнитивных компонентов рефлексивности, раскрыты А. В. и А. А. Карповыми и А. В. Чемякиной [5]. Различение продуктивной и непродуктивной рефлексии предложено Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиним [6], а понимание мира и себя субъектом как самостоятельная объяснительная рамка — В. В. Знаковым [7]. Инструментальную сторону вопроса — диагностику конструктивных и деструктивных проявлений субъектности — разрабатывают А. Ю. Калугин с соавторами [8]. Параллельно складывалось направление, связывающее профессиональное становление учителя с его профессиональной идентичностью (Л. Б. Шнейдер [9], Л. М. Митина [10]);

зарубежная традиция изучения агентности педагога систематизирована в обзоре Н. Конг-Лем [11]. Однако сами эти линии до сих пор развиваются во многом параллельно: работ, в которых субъектность и идентичность педагога анализировались бы в общей понятийной системе, заметно меньше.

Целесообразность разработки темы. Теорию педагогической субъектности нельзя строить в отрыве от социальных условий, в которых учитель реализует свой личностный потенциал. Как субъект педагог ориентирован одновременно на макро- и микросоциум и на профессиональное поле; эта ориентация вместе с познавательной-ценностной направленностью складывается в его внутреннюю позицию и определяет мировосприятие. Поэтому субъектность мы рассматриваем не как изолированное психическое свойство. Это способ включенности человека в систему общественных и профессиональных отношений, где он реализует себя и одновременно преобразует условия собственного труда. Если рассматривать субъектность в паре с профессиональной идентичностью, становится объяснимым, за счет чего субъектная позиция педагога сохраняет содержательную определенность при смене образовательных условий; кроме того, такое соотношение готовит понятийную базу для эмпирической работы.

Цель исследования состояла в том, чтобы изучить содержательную структуру субъектности педагога и обосновать педагогическую субъектность как целостный феномен образовательной практики — теоретический концепт, соединяющий субъектную позицию учителя с его профессиональной идентичностью. Тем самым закладывалась и методологическая основа последующей эмпирической работы.

Научная новизна работы определяется тем, что субъектность и профессиональная идентичность педагога, обычно изучаемые порознь, рассмотрены в общей теоретической рамке. Мы попытались показать, что именно идентичность дает субъектности (смысловую опору действия) и чем субъектность отвечает идентичности (постоянным ее обновлением). Отдельная линия анализа — связь субъектности с рефлексией, экзистенциальным смыслом и индивидуальным стилем деятельности учителя. Эмпирическим фоном для этих построений послужили современные данные: о структуре субъектности учителя и ее связи с психологическим благополучием [12], о структурной

организации метакогнитивных компонентов рефлексивности [5], о переосмыслении оснований профессиональной идентичности педагога в условиях цифровой трансформации образования [1].

Теоретическая значимость исследования связана с систематизацией разнородных подходов к субъектности и профессиональной идентичности; кроме того, уточнены операциональные единицы анализа субъектности — такие, которые поддаются диагностическому описанию и могут использоваться в педагогическом проектировании.

Практическая значимость видится нам в возможности применить предложенные основания в диагностике профессионального развития педагога, а также при проектировании условий его сопровождения. Речь идет и о подготовке будущих учителей, и о повышении квалификации тех, кто уже работает в школе.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Исследование носит теоретико-аналитический характер. Материалом послужили классические и современные работы по проблеме субъектности педагога и профессиональной идентичности учителя, опубликованные в отечественных и зарубежных научных источниках. В качестве методологической базы использованы концепция субъектности педагога Е. Н. Волковой [2], работы по рефлексивности А. В. Карпова [5], концепция отраженной субъектности В. А. Петровского, идеи В. А. Сластенина, Г. И. Аксеновой, Л. И. Анцыферовой, В. В. Знакова, А. К. Марковой, Е. А. Климова, Л. М. Митиной, а также современные публикации по эмпирическим инструментам изучения структуры субъектности [8].

Применены следующие методы: сравнительно-сопоставительный анализ концепций субъектности и идентичности; концептуальный анализ (выделение содержательных характеристик понятий); категориальный анализ (соотнесение категорий «субъектность», «рефлексия», «отношение», «идентичность»); процедуры теоретического обобщения и систематизации. Указанный методологический инструментарий позволил последовательно реконструировать содержание феномена педагогической субъектности и его теоретико-концептуальные основания.

Результаты исследования и их обсуждение. Сущностные характеристики педагогической субъектности. Чтобы изучать педагога как активного деятеля профессиональной сферы — именно так ставится вопрос в работах Е. Н. Волковой [2], — недостаточно фиксировать отдельные личностные свойства: нужно проследить, как изменения одних параметров личности влекут за собой изменения других. Субъектность выполняет здесь интегрирующую роль. Она связывает профессиональные способности учителя в работающую систему, позволяет ему выступать инициатором собственной деятельности и задает характер взаимодействия с обучающимися — при условии, что и за ними признается право быть инициаторами своей деятельности.

Анализ существующих научных подходов позволяет выделить сущностные характеристики педагогической субъектности. Первая из них — позиция педагога по отношению к собственной личности и к обучающимся: и те, и другие воспринимаются как активные, самостоятельные субъекты. Вторая характеристика касается строения: субъектность — целостное интегративное свойство, на котором вырастают и совершенствуются профессиональные способности и индивидуальные качества учителя. Есть

и ценностный стержень: субъектность неотделима от признания обучающегося высшей ценностью педагогической деятельности.

Что значит воспринимать себя деятелем? Признавать ценность сознательности и активности — своих и партнера по общению; понимать цели собственной деятельности; уметь критически разбирать свои поступки; самостоятельно принимать решения и отвечать за них; уважать уникальность другого человека. Становлению такого самовосприятия способствуют личностно-ориентированная направленность с автономной регуляцией поведения и зрелая, гибкая, принимающая система представлений о себе. Развивается же педагогическая субъектность в динамике отношений между людьми, в совместных проектах: субъектный потенциал зарождается и расширяется только рядом с теми, кто уже умеет воспринимать себя действующим существом [2, с. 52—54]. Эмпирическая картина здесь далека от благополучной. По данным опроса 447 школьных учителей, сбалансированная структура субъектности выявлена лишь у 15 % респондентов; у остальных ее компоненты развиты неравномерно, и эта несбалансированность сопряжена со сниженным психологическим благополучием [12]. Для различения конструктивных и деструктивных проявлений субъектности предложен и специальный психометрический инструмент [8, с. 245—248].

Рефлексия и отраженная субъектность как механизмы взаимовлияния. Обратимся к рефлексии. В педагогическом сознании она работает как постоянное соотнесение разнородных составляющих личностной структуры: учитель ищет согласованность и внутри собственного психического мира, и между этим миром и внешней действительностью. Без такой внутренней работы субъектность, по-видимому, не складывается. Педагогическую субъектность Е. Н. Волкова понимает как личностное качество, в основе которого лежит переживание собственной роли как активного начала; проявляется оно в способности производить взаимосвязанные изменения в окружающем мире и в других людях. Примечательно, что, по данным 2023 г., в структуре субъектности педагога доминируют осознание собственной уникальности и способность к саморазвитию [2, с. 56—57]. Для студенческого возраста это особенно характерно: субъектность будущего учителя выражается не столько в преобразовании внешней реальности, сколько во внутренних позитивных сдвигах, в растущем ощущении себя автором собственной жизни. Субъектом он становится через работу над собой, хотя сама эта работа возможна лишь в отношениях с другими участниками образовательного взаимодействия.

Заметный вклад в понимание природы субъектности принадлежит Е. А. Сергиенко [3]. В ее концепции психического развития субъектность выступает ведущей объяснительной категорией; ранние уровни ее становления автор выделяет, опираясь на континуально-генетический принцип. К функциям субъекта Е. А. Сергиенко относит понимание, контроль поведения, субъект-субъектное взаимодействие — и уже отсюда видно, на какой базе может вырастать профессиональная субъектная позиция учителя. Иной ракурс задает В. А. Петровский. В работе 2021 г. он возвращается к своим (и выполненным вместе с коллегами) исследованиям субъектности «Я», выстраивая их ретроспективу в русле мультисубъектной персонологии. Активность трактуется здесь, вслед за И. Кантом, как «причинность причины»; субъектность оказывается переживаемой самопричинностью, а «Я» — субъектом саморефлексии. Там же упорядочены понятия «отраженная субъектность», «активная неадаптивность»,

«надситуативная активность», «персонализация» [4, с. 178—180]. Идея отраженной субъектности имеет прямое педагогическое следствие: преподаватель, «существующий» в сознании студентов, реально участвует в перестройке их мировоззрения и ценностных установок. Если субъектность взаимообусловлена, то диалог субъектов — не просто форма общения, а процесс взаимного влияния; для образования, ориентированного на субъект-субъектные отношения, это положение принципиально. Диалогическую природу педагогического взаимодействия помогают понять работы Д. А. Леонтьева [13] и М. Бубера [14]: отношение «Я — Ты» рассматривается в них как онтологическое основание подлинно человеческой встречи, а значит, и образовательного диалога.

В предлагаемом подходе «отношение» как компонент педагогической субъектности мы трактуем в духе психологии установки: в нем соединяются оценочно-познавательная и мотивационно-волевая стороны.

Педагогическая субъектность, обладая характером динамичного отношения к себе и другим людям, обязательно включает эмоционально-оценочный отклик на изменения внешней и внутренней реальности.

Базовые типы отношений в структуре педагогической субъектности. Опираясь на работы Л. М. Митиной, отметим, что залогом развития субъектности педагога выступают выбор неадаптивной линии профессионального развития (профессиональной эволюции), осознание ценностной природы обучающегося и признание его инициатором учебной деятельности, самоуважение и осознание самого себя деятелем собственной профессиональной практики. Если хотя бы один из этих компонентов деформирован — школьник, к примеру, превращен в средство достижения педагогических целей, — о целостной субъектности говорить уже нельзя. Из этого не следует, что субъектность отсутствует в структуре личности такого педагога: она реализуется частично, в усеченной форме [10]. Различать полную и частичную реализацию важно практически. Диагностика профессионального развития получает конкретный предмет — установить, какой именно компонент «выпал»; система психолого-педагогического сопровождения — конкретный адрес, тот компонент, который нуждается в восстановлении или укреплении. Сами же периодизации профессионального развития Ю. П. Поваренков предлагает строить на системогенетическом основании [15].

Экзистенциальные и смысловые основания субъектности. Педагогическая субъектность вбирает в себя характеристики разных уровней личностной структуры и разных этапов психического развития, однако сама собой такая интеграция не происходит. Решающим условием мы считаем наполненность жизни экзистенциальным содержанием. Педагог, сознающий значимость своих действий и поступков, располагает внутренним ресурсом для изменений и понимает их направление; дефицит же экзистенциального содержания оборачивается переживанием внутренней пустоты, и поле активной деятельности человека заметно сужается. Добавим, что осмысление жизненного содержания не сводится к творческому акту: оно требует рефлексии — интеллектуальных и волевых усилий по внутреннему переосмыслению — и завершается лишь воплощением понятого смысла в поступках.

Личностный смысл двойствен по своей природе: вырастая из индивидуальной истории человека, он всегда уникален, но актуализируется ситуативно — в конкретных обстоятельствах жизненного контекста и, как правило, при участии рефлексии [6].

Отсюда основной источник педагогической субъектности — осмысленность жизненного пути: развитие субъектности предполагает, что педагог освоил смысловое измерение собственного бытия. Второй опорой служит коммуникативный потенциал. Именно через общение — обмен смыслами, эмоциональными переживаниями, информацией, способами действия — реализуется взаимное влияние субъектов, без которого субъектность не развивается.

Расширение субъектного потенциала связано с уровнем интеллектуального развития человека, обнаруживающего значимую корреляцию с саморегуляцией. Вместе с тем нельзя исключать, что чрезмерное укрепление воли и речевой компетентности педагога при отсутствии адекватной рефлексивной культуры способно затруднить формирование критического отношения к собственной личности — обстоятельство, существенное для проектирования содержания программ подготовки и повышения квалификации педагогов. Это согласуется с современными представлениями о различении продуктивной и непродуктивной рефлексии [16]. Отдельное направление в исследовании как феномена субъектности, так и всего психического мира человека составляет развиваемый В. В. Знаковым подход, ориентирующий на изучение понимания и на диагностику рефлексивности как самостоятельного психического свойства в ситуациях его проявления [7].

Профессиональные характеристики деятельности и индивидуальный стиль. Развитие педагогической субъектности нельзя рассматривать в отрыве от профессиональных характеристик деятельности педагога. Согласно Е. А. Климову [17], профессиональные характеристики включают интеграцию целей, ресурсов, приемов и методов работы с выстраиванием коммуникации, а также типичные модели поведения, в т. ч. скорость и интенсивность профессиональных действий, обусловленные индивидуальным складом личности и накопленным опытом.

Структурно-функциональная модель педагогической субъектности. При конструировании методологии исследования педагогической субъектности целесообразно опираться на определение Е. Н. Волковой [2]: педагогическая субъектность есть способность личности порождать взаимосвязанные изменения в реальности и в психике другого человека, основанная на отношении самого индивида к себе как к активному деятелю. В. В. Знаков развивает психологию субъекта А. В. Брушлинского применительно к проблеме понимания мира и понимания себя субъектом: анализируются три реальности субъекта (эмпирическая, социокультурная, экзистенциальная) и показано, как духовное «Я» понимающего мир субъекта формирует основу его активности [7]. Такой подход приобретает существенное значение для эмпирического изучения педагогической субъектности, поскольку задает операциональные единицы анализа, доступные диагностическому описанию и педагогическому проектированию [3].

Педагогическая субъектность и профессиональная идентичность педагога. Целостное понимание педагогической субъектности невозможно без ее соотнесения с проблематикой профессиональной идентичности педагога. Эта проблема рассматривалась в трудах философов, психологов, социологов и социальных антропологов, уделивших значительное внимание процессам формирования и проявлениям идентичности. Социологическая линия анализа профессиональной идентификации восходит к Э. Дюркгейму, Р. Мертону, Т. Парсонсу и Э. Гидденсу: связь индивида с обществом описывалась здесь через нормативные отношения и через необходимость для профессионала приспособляться

к меняющимся системным требованиям. Иначе расставлены акценты у интеракционистов. Ч. Кули, Дж. Мид, Г. Беккер и Э. Гофман показали, что самосознание и ролевое поведение складываются в социальных взаимодействиях — через восприятие себя глазами других. Теория социальной категоризации (Г. Тэджфел, Дж. Тёрнер, позднее Б. Эшфорт применительно к организациям) объяснила, каким образом типы идентификации в современном обществе связаны с принадлежностью человека к профессиональным группам. Наконец, тему кризиса идентичности — условий, при которых человек утрачивает или заново осмысливает собственную идентичность, — разрабатывали Э. Эриксон, Э. Фромм, Ю. Хабермас и В. Хесле.

В отечественной науке узловой для этой темы остается работа Л. Б. Шнейдер [9]: профессиональная идентичность рассмотрена в ней сразу в трех измерениях — психологическом, педагогическом и социологическом. Сегодня, когда устойчивые представления о профессии учителя интенсивно пересматриваются, потребность в таком комплексном взгляде только выросла.

В повседневной работе профессиональная идентичность выполняет организующую функцию: на нее учитель опирается, принимая профессиональные и дидактические решения. С идентичностью связаны его мотивация, чувство собственного достоинства, удовлетворенность трудом. Складываясь в многолетнем опыте работы в разных образовательных контекстах, она превращается в практический смысл — внутреннее основание повседневной деятельности. Подчеркнем: идентичность педагога не сводится ни к самоотожествлению с социальной ролью, ни к формальному принятию ее атрибутов. Это ценностно-смысловое ядро, которое удерживает целостность профессионального бытия учителя и устойчивость его позиции при изменчивости образовательной среды [1]. Зарубежные исследования агентности педагога добавляют к этому коллективное измерение: совместная субъектность профессионального сообщества способна превратить адаптивную позицию в источник профессионального развития [18].

Сопоставление двух концептуальных линий — теории педагогической субъектности и теории профессиональной идентичности педагога — обнаруживает их внутреннюю взаимосвязь. Субъектность педагога, т. е. его способность

к самостоятельному и ответственному действию, к преобразованию профессиональной реальности, к саморазвитию, содержательно определена лишь постольку, поскольку опирается на сформированную идентичность: должно быть ясно, от чьего имени и ради каких смыслов совершается действие. Верно и обратное. Идентичность не стабилизируется вне практик субъектного действия — самостоятельного выбора, рефлексивной оценки собственного опыта, участия в профессиональном сообществе. Смысловую рамку субъектных проявлений задает идентичность, однако рамка эта не остается неизменной: субъектность педагога вновь и вновь подвергает ее пересмотру по мере того, как меняется образовательная среда. Сегодня, в период цифровой трансформации образования, возросших требований к результативности и усиливающейся внешней регуляции учительского труда, взаимная поддержка этих начал приобретает, на наш взгляд, особый вес. Стоит идентичности утратить устойчивость, и субъектность сводится к ситуативной адаптивности; ослабевшая же субъектность оставляет от идентичности лишь формальную приверженность нормативным образцам.

Заключение

Подводя итоги, отметим: педагогическая субъектность предстала в нашем анализе интегративным личностно-профессиональным образованием. Ее образуют ценностное отношение педагога к обучающемуся и к самому себе, рефлексивная и волевая регуляция деятельности, способность осмысливать собственный жизненный и профессиональный опыт, готовность к диалогу с другими участниками образовательного процесса. Роль профессиональной идентичности по отношению к этим составляющим можно назвать каркасной: именно она удерживает целостность субъектной позиции и придает ей устойчивость во времени. Рассмотрение двух категорий в единой логике дает методологическую опору эмпирическому изучению профессиональной субъектности педагога и проектированию педагогических условий ее становления — в подготовке будущих учителей и в повышении квалификации работающих.

Направлением дальнейшей работы выступает операционализация выделенных компонентов субъектности и их эмпирическая проверка на выборках будущих и практикующих педагогов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бермус А. Г. Профессиональная идентичность педагога в эпоху искусственного интеллекта: к построению исследовательской программы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2025. Т. 22. № 4. С. 389—399. DOI: 10.22363/2312-8631-2025-22-4-389-399.
2. Волкова Е. Н. Структура субъектности современного педагога // Мир психологии. 2023. № 2(113). С. 52—60.
3. Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М. : Ин-т психологии РАН, 2021. 279 с. DOI: 10.38098/mng_21_0435.
4. Петровский В. А. Субъектность «Я» в персонологической ретроспективе // Мир психологии. 2021. № 1—2(105). С. 174—193.
5. Карпов А. В., Карпов А. А., Чемякина А. В. Специфика структурной организации метакогнитивных компонентов рефлексивности // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 1. С. 127—142. DOI: 10.21702/rpj.2022.1.10.
6. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110—135.
7. Знаков В. В. Психология возможного: новое направление исследований понимания. 3-е изд., испр. и доп. М. : Ин-т психологии РАН, 2022. 365 с.
8. Разработка и психометрические характеристики опросника конструктивных и деструктивных проявлений субъектности / А. Ю. Калугин, О. В. Гурова, Е. Н. Митрофанова и др. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2025. Т. 22. № 2. С. 241—267. DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-2-241-267.
9. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2004. 600 с.

10. Митина Л. М. Личностно-профессиональное развитие педагога: современное осмысление и инновационная практика // Вестник практической психологии образования. 2022. Т. 19. № 2. С. 9—19. DOI: 10.17759/bppe.2022190201.
11. Cong-Lem N. Teacher agency: a systematic review of international literature // Issues in Educational Research. 2021. Vol. 31. No. 3. Pp. 718—738.
12. Волкова Е. Н. Психологическое благополучие и структура субъектности учителя // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12. № 2. Ст. 9. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-2-9.
13. Леонтьев Д. А. Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. № 3. С. 135—153.
14. Бубер М. Я и Ты. М. : Высшая школа, 1993. 173 с.
15. Поваренков Ю. П. Периодизация профессионального становления личности: анализ отечественных и зарубежных подходов // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. С. 212—218.
16. Каяшева О. И., Ханова З. Г. Ретроспективная, ситуативная и проспективная рефлексия в достижении профессиональной успешности студентов-психологов // Казанский педагогический журнал. 2021. № 4(147). С. 199—204.
17. Климов Е. А. Психология профессионала : избр. психол. тр. М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1996. 400 с.
18. Hökkä P., Vähäsantanen K., Mahlakaarto S. Teacher educators' collective professional agency and identity – Transforming marginality to strength // Teaching and Teacher Education. 2017. Vol. 63. Pp. 36—46. DOI: 10.1016/j.tate.2016.12.001.

REFERENCES

1. Bermus A. G. Professional identity of a teacher in the era of AI: towards developing a research program. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya = RUDN Journal of Informatization in Education*. 2025;22(4):389—399. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-8631-2025-22-4-389-399.
2. Volkova E. N. The structure of the agency of a modern teacher. *Mir psikhologii = World of psychology*. 2023; 2(113):52—60. (In Russ.)
3. Sergienko E. A. Mental development from the standpoint of the system-subject approach. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences publ., 2021. 279 p. (In Russ.) DOI: 10.38098/mng_21_0435.
4. Petrovskiy V. A. Subjectness of the I: personological retrospection. *Mir psikhologii = World of psychology*. 2021; 1—2(105):174—193. (In Russ.)
5. Karpov A. V., Karpov A. A., Chemyakina A. V. The specifics of the structural organization of the metacognitive components of reflexivity. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*. 2022;19(1):127—142. DOI: 10.21702/rpj.2022.1.10.
6. Leontiev D. A., Osin E. N. “Good” and “Bad” Reflection: From an Explanatory Model to Differential Assessment. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2014;11(4):110—135. (In Russ.)
7. Znakov V. V. Psychology of the possible: a new direction of understanding research. 3rd ed. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences publ., 2022. 365 p. (In Russ.)
8. Kalugin A. Y., Gurova O. V., Mitrofanova E. N. et al. Development and psychometric characteristics of the questionnaire of constructive and destructive manifestations of subjectivity. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2025;22(2):241—267. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-2-241-267.
9. Shneider L. B. Professional identity: theory, experiment, training. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute publ.; Voronezh, MODEK, 2004. 600 p. (In Russ.)
10. Mitina L. M. Personal and Professional Development of a Teacher: Modern Understanding and Innovative Practice. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*. 2022;19(2):9—19. (In Russ.) DOI: 10.17759/bppe.2022190201.
11. Cong-Lem N. Teacher agency: a systematic review of international literature. *Issues in Educational Research*. 2021;31(3):718—738.
12. Volkova E. N. Psychological Well-being and the Structure of the teacher's Agency. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*. 2024;12(2):9. (In Russ.) DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-2-9.
13. Leont'ev D. A. What the concept of the subject gives to psychology: subjectness as a dimension of personality. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of science*. 2010;25(3):135—153. (In Russ.)
14. Buber M. I and Thou. Moscow, Vysshaya shkola, 1993. 173 p. (In Russ.)
15. Povarenkov Ju. P. Periodization of professional growth: analysis of russian and international approaches. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2014;3:212—218. (In Russ.)
16. Kayasheva O., Khanova Z. Retrospective, situational and prospective reflection in achieving professional success of psychology students. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan pedagogical journal*. 2021;4(147):199—204. (In Russ.)
17. Klimov E. A. Psychology of a professional. Selected psychological works. Moscow, Institute of Practical Psychology publ.; Voronezh, MODEK, 1996. 400 p. (In Russ.)
18. Hökkä P., Vähäsantanen K., Mahlakaarto S. Teacher educators' collective professional agency and identity – Transforming marginality to strength. *Teaching and Teacher Education*. 2017;63:36—46. DOI: 10.1016/j.tate.2016.12.001.

Статья поступила в редакцию 09.06.2026; одобрена после рецензирования 05.07.2026; принята к публикации 06.07.2026.
The article was submitted 09.06.2026; approved after reviewing 05.07.2026; accepted for publication 06.07.2026.

Обзорная статья
УДК 378.147.88
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1701

Inna Mikhailovna Zentsova

Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor
 of the Department of General Scientific Disciplines,
 Berezniki Branch
 of Perm National Research Polytechnic University
 Berezniki, Russian Federation
 imzencova@mail.ru

Galina Raskatovna Chaynikova

Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor
 of the Department of General Scientific Disciplines,
 Berezniki Branch
 of Perm National Research Polytechnic University
 Berezniki, Russian Federation
 galinatsch@mail.ru

Artem Dmitrievich Kontarev

2nd year student
 of the Department of General Scientific Disciplines,
 field of training
 09.03.01 — Computer science and engineering,
 Berezniki Branch
 of Perm National Research Polytechnic University
 Berezniki, Russian Federation
 ivan.di.2000@mail.ru

Yuri Vitalievich Lepenyshv

2nd year student
 of the Department of General Scientific Disciplines,
 field of training
 09.03.01 — Computer science and engineering,
 Berezniki Branch
 of Perm National Research Polytechnic University
 Berezniki, Russian Federation
 Lepenyshv@bk.ru

Инна Михайловна Зенцова

канд. пед. наук,
 доцент кафедры общенаучных дисциплин,
 Березниковский филиал
 Пермского национального исследовательского
 политехнического университета
 Березники, Российская Федерация
 imzencova@mail.ru

Галина Раскатовна Чайникова

канд. пед. наук,
 доцент кафедры общенаучных дисциплин,
 Березниковский филиал
 Пермского национального исследовательского
 политехнического университета
 Березники, Российская Федерация
 galinatsch@mail.ru

Артём Дмитриевич Контарев

студент II курса кафедры общенаучных дисциплин,
 направление подготовки
 09.03.01 — Информатика и вычислительная техника,
 Березниковский филиал
 Пермского национального исследовательского
 политехнического университета
 Березники, Российская Федерация
 ivan.di.2000@mail.ru

Юрий Витальевич Лепёнышев

студент II курса кафедры общенаучных дисциплин,
 направление подготовки
 09.03.01 — Информатика и вычислительная техника,
 Березниковский филиал
 Пермского национального исследовательского
 политехнического университета
 Березники, Российская Федерация
 Lepenyshv@bk.ru

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ЛАБОРАТОРНОЙ РАБОТЫ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОЭФФИЦИЕНТА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРИ УДАРЕ ТВЕРДЫХ ТЕЛ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Одной из ключевых лабораторных работ по механике является экспериментальное определение коэффициента восстановления твердых тел. Обзор отечественных и зарубежных источников дает основания полагать, что при ее выполнении достаточно часто используются средства информационных технологий для фиксации процесса проведения лабораторной работы, но не отмечается важность обработки экспериментальных данных с помощью соответствующего программного обеспечения. В условиях цифровизации инженерного образования возникает необходимость использования цифровых инструментов для статистического анализа данных. Это позволяет повысить точность и достоверность результатов лабораторных работ по теории удара.

Авторами на языке Python была разработана программа для обработки экспериментальных данных. Это программное обеспечение позволяет произвести интерактивный ввод данных с проверкой их корректности, математический расчет и вывод результатов с контролем их достоверности. В статье предлагается методика проведения лабораторной работы по теории удара, включающая три этапа: подготовительный, экспериментальный и статистико-интерпретационный.

Для выявления повышения уровня результативности выполнения лабораторной работы было задействовано 197 студентов Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета. На основе разработанных критериев студенты были распределены на три уровня (низкий, средний,

высокий). С помощью χ^2 -критерия Пирсона проведена статистическая обработка данных. Апробация подтвердила эффективность разработанной методики проведения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления при ударе твердых тел.

В статье определены перспективные направления в разработке методики проведения лабораторных работ по теории удара. Методика проведения лабораторной

работы по определению коэффициента восстановления может быть рекомендована преподавателям физики высших технических учебных заведений.

Ключевые слова: механика, физика удара, центральный удар, прямой удар, косой удар, абсолютно неупругий удар, абсолютно упругий удар, коэффициент восстановления, программная обработка данных, высшие технические учебные заведения

Для цитирования: Зенцова И. М., Чайникова Г. Р., Контарев А. Д., Лепёнышев Ю. В. Методика проведения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления при ударе твердых тел // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 399—406. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1701.

Original article

THE METHODOLOGY OF LABORATORY WORK TO DETERMINE THE COEFFICIENT OF RESTITUTION UPON IMPACT OF SOLIDS

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. One of the key laboratory works in mechanics is the experimental determination of the coefficient of restitution of solids. A review of domestic and foreign sources suggests that information technology tools are often used to record the process of laboratory work, but the importance of processing experimental data using appropriate software is not noted. In the context of digitalization of engineering education, there is a need to use digital tools for statistical data analysis. This makes it possible to increase the accuracy and reliability of the results of laboratory work on the theory of impact.

The authors of the article have developed a program for processing experimental data in Python. This software allows you to perform interactive data entry with verification of their correctness, mathematical calculation and output of results with verification of their reliability. The article suggests a methodology for conducting laboratory work on the theory of impact, which includes three stages: preparatory, experimental, statistical and interpretative.

To identify an increase in the effectiveness of laboratory work, 197 students from the Berezniki branch of Perm National Research Polytechnic University were involved. Based on the developed criteria, the students were divided into three levels (low, medium, and high). Statistical data processing was performed using Pearson's χ^2 -criterion. The approbation confirmed the effectiveness of the developed methodology for conducting laboratory work to determine the coefficient of restitution upon impact of solids.

The article identifies promising areas in the development of methods for conducting laboratory work on the theory of impact. The methodology of laboratory work to determine the coefficient of restitution can be recommended to physics teachers of higher technical educational institutions.

Keywords: mechanics, impact physics, central impact, direct impact, oblique impact, absolutely inelastic impact, absolutely elastic impact, coefficient of restitution, software data processing, higher technical educational institutions

For citation: Zentsova I. M., Chaynikova G. R., Kontarev A. D., Lepenyshchev Yu. V. The methodology of laboratory work to determine the coefficient of restitution upon impact of solids. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):399—406. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1701.

Введение

В настоящее время в высших технических учебных заведениях при изучении физики одним из элементов качественной подготовки будущих инженеров выступают лабораторные работы. По механике предлагается достаточно много традиционных лабораторных работ, среди которых «Изучение закона динамики вращательного движения с помощью маятника Обербека», «Определение момента инерции диска. Проверка теоремы Штейнера», «Закон сохранения момента импульса» и др. Особый интерес представляет лабораторная работа «Определение коэффициента восстановления при ударе твердых тел». Данная работа позволяет связать микроскопические свойства вещества с таким макроскопическим параметром как коэффициент восстановления.

Актуальность исследования обусловлена важностью разрешения противоречия между потребностью повышения точности и достоверности получаемых результатов лабораторных работ по физике и недостаточной разработкой методики их проведения с использованием программных средств. Исходя из этого противоречия

можно сформулировать проблему: какой должна быть методика проведения лабораторной работы по теории удара, чтобы обеспечить повышение результативности ее выполнения?

Изученность проблемы. В научно-методической литературе представлен теоретический и практический материал для проведения лабораторной работы «Определение коэффициента восстановления при ударе твердых тел».

Среди теоретических исследований вызывают интерес работы А. В. Кочеткова, П. В. Федотова [1], И. Г. Шина, С. Р. Назарова, Н. К. Искандаровой, М. Р. Муминова [2], Ю. З. и Б. Ю. Житниковых [3], В. А. Коронатова [4] и др.

А. В. Кочетков и П. В. Федотов рассматривают теорию удара и на ее основе интерпретируют результаты двух экспериментов. В первом опыте потенциальная энергия сообщается маятнику при выведении его из положения равновесия на некоторый угол, а во втором — при сообщении ему кинетической энергии через удар в точке равновесия. Траектория маятников различна, что объясняется наблюдением при ударе еще одного колебания (волны упругой деформации) [1].

И. Г. Шин, С. Р. Назаров, Н. К. Искандарова, М. Р. Муминов осуществляют расчет коэффициента восстановления скорости дробы с учетом изменения кинетической энергии [2]. Ю. З. и Б. Ю. Житниковы вывели математическую зависимость скорости ударного взаимодействия сферической поверхности тела от величины остаточной деформации ее поверхности [3]. В. А. Коронатов показывает возможность применения теории удара для определения возможности погружения тела в грунт [4].

Особого внимания заслуживают работы, посвященные организации и проведению лабораторных работ по теории удара.

В организации лабораторной работы А. И. Алтухов и Е. Л. Антифеева выделяют два этапа: подготовительный (повторение теоретического материала и тестирование через электронный практикум) и непосредственное выполнение работы [5]. Н. А. Кузорова, О. А. Ивченко, М. А. Прозорова, Г. И. Косенко определяют подготовительный, измерительный и расчетный этапы проведения лабораторной работы [6]. Очевидно, что наиболее важен подготовительный этап, его выделяют все исследователи, но измерительный и расчетный этапы возможно назвать как непосредственное выполнение работы, т. е. противоречий не обнаружено.

А. И. Алтухов и Е. Ю. Михтеева делают акцент на привлечении обучающихся к разработке лабораторного оборудования, что является одним из важных условий формирования инженерного мышления [7].

Некоторые исследователи описывают способы использования информационных технологий для подготовки и проведения лабораторной работы по теории удара.

А. Х. Ципинова и М. А. Шебзухова классифицируют лабораторные работы по уровню применения программного обеспечения: 1) нереализуемые без его использования; 2) не предполагающие его применения; 3) на основе табличных процессоров (например, *MS Excel*) [8].

З. А. Гаврина, А. А. Семенов, В. Я. Савицкий рекомендуют применение электронного учебника с целью повторения теоретического материала и проверки качества его усвоения с помощью выполнения блока тестовых заданий [9].

А. Д. Заикин и И. И. Суханов предлагают использовать видеофрагмент столкновения двух шаров, с помощью которого студенты на табло секундомера определяют время соударения [10]. Ю. Ц. Батомункуев рекомендует применять видеосъемку для ускорения процесса выполнения лабораторной работы [11].

Данная тема также активно рассматривается зарубежными исследователями.

Ман. А. и Миг. А. Гонсалес, Х. Вегас, С. Льямас описывают эксперимент, который можно провести как в учебных лабораториях, так и в домашних условиях, поскольку для его проведения требуются смартфон и шарики из различных материалов [12].

Р. Кросс рассматривает прямой удар в различных инерциальных системах отсчета [13], а также способы измерения коэффициента восстановления при вертикальном отскоке от горизонтальной поверхности [14]. Автором было установлено, что коэффициент восстановления при наклонном отскоке больше, чем при вертикальном, а также зависит от начального вращения шара [14]. Также им было предложено использование видеозаписи для изучения процесса столкновения двух монет под косым углом на гладкой горизонтальной поверхности [15].

Э. Ариас, Дж. Тедеско, С. Кауфманн, М. Рапозо проанализировали столкновения двух одинаковых тел, наклонные упругие соударения тела с неподвижной поверхностью и фронтальные упругие удары свободно падающего тела с горизонтальной поверхностью. Также авторы изучили зависимость коэффициента восстановления от угла столкновения или энергии удара, используя возможности видеозаписи [16].

В. Индрасари, А. С. Буди, В. П. Фадилла разработали установку, включающую *Arduino* в качестве центрального контроллера, фотодиодного и инфракрасного датчиков. Данные датчики могут автоматически фиксировать время и высоту полета прыгающего мяча. Исследование включало пять этапов: анализ, проектирование, разработку, внедрение и оценку. В исследовании задействованы различные типы мячей (для пинг-понга, гольфа и тенниса) и разнообразные подставки (керамический пол, нержавеющая сталь и акрил). Отскок мяча является упругим ударом, т. к. он имеет значение коэффициента восстановления, равное $0 < \varepsilon < 1$. Эксперименты проводились без учета сопротивления воздуха и силы трения [17].

И. Ярдени, Д. Портников, Х. Калман изучали поведение коэффициента восстановления в зависимости от скорости соударяющейся частицы и свойств поверхности и/или частицы, участвующей в столкновении. Эта цель была достигнута путем создания экспериментальной установки для измерения коэффициента восстановления. Чтобы правильно измерить коэффициент восстановления были проведены эксперименты на различных поверхностях и материалах в виде частиц с различными углами столкновения и скоростями. Эти эксперименты проводились в различных средах (воздухе и жидкости). Для точного прогнозирования, после анализа результатов, была предложена корреляция для оценки значения коэффициента восстановления в зависимости от механических свойств частицы и поверхности, угла и скорости столкновения, а также характеристик среды столкновения [18].

Т. Эадхонг и Ч. Сиришатиткул считают, что для изучения столкновения тел студентам можно использовать анализ видеозаписи эксперимента [19].

Таким образом, в научно-методической литературе представлены методические особенности проведения лабораторных работ по теории удара.

Целесообразность разработки темы. Анализ научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей показал, что основными направлениями в области методики проведения лабораторных работ по теории удара являются исследование зависимостей характеристик соударения от различных параметров, использование датчиков для снятия показаний в лабораторной работе, фиксация проведения эксперимента через видеосъемку, а также использование тестирования перед непосредственным проведением эксперимента. Среди исследований, посвященных разработке и использованию программного обеспечения для обработки экспериментальных данных следует выделить работу А. Х. Ципиновой, М. А. Шебзуховой [8]. Однако для проведения лабораторной работы по определению коэффициентов восстановления при ударе твердых тел соответствующее программное обеспечение не разработано.

Цель исследования заключается в разработке и апробации методики проведения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления при ударе твердых тел.

Гипотеза исследования состоит в том, что методика проведения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления при ударе твердых тел будет эффективной, если:

- ее структура будет включать три этапа (подготовительный, экспериментальный, статистико-интерпретационный);
- на статистико-интерпретационном этапе проведения лабораторной работы использовать программное обеспечение для обработки экспериментальных данных.

Задачи исследования:

1. Дать характеристику отечественных и зарубежных исследований в области организации лабораторных работ по разделу «Теория удара».
2. Разработать методику проведения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления при ударе твердых тел с использованием программы для обработки экспериментальных данных.
3. Провести апробацию разработанной методики и оценить ее эффективность.

Научная новизна заключается в разработке программы для обработки данных для проведения лабораторной работы «Определение коэффициента восстановления при ударе твердых тел».

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании интеграции программного обеспечения в процесс выполнения лабораторных работ по физике.

Практическая значимость исследования заключается во внедрении программы для обработки экспериментальных данных при проведении лабораторной работы «Определение коэффициента восстановления при ударе твердых тел» в практику преподавания физики в высших технических учебных заведениях.

Основная часть

Методология исследования. Исследование опирается на анализ, обобщение и систематизацию отечественной и зарубежной научно-методической литературы в области методики обучения физике в высшей школе. Для обработки экспериментальных данных использованы методы математической статистики.

Результаты исследования. В методике проведения лабораторной работы по определению коэффициентов восстановления при ударе твердых тел выделены следующие этапы:

- 1) подготовительный;
- 2) экспериментальный;
- 3) статистико-интерпретационный.

Для проведения лабораторной работы по изучению коэффициента восстановления в Березниковском филиале Пермского национального исследовательского политехнического университета используется оборудование, включающее набор шайб, планшет с координатной сеткой и ударный механизм (см. рис. 1), а также электронные весы.

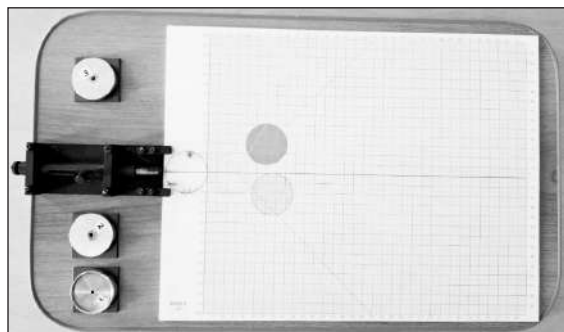

Рис. 1. Лабораторная установка для проведения работы «Определение коэффициента восстановления при ударе твердых тел»

На подготовительном этапе студенты повторяют теоретические сведения по теории удара: понятия центрального удара, прямого удара, косого удара, абсолютно упругого и неупругого удара, а также формулы для расчетов коэффициента восстановления и погрешностей.

На экспериментальном этапе студенты проводят опыты на установке и записывают показания. Следует обратить внимание студентов, что ударный механизм нужно запускать с одинаковым усилием. Также необходимо сделать акцент на том, что показания по оси OX снимаются справа от шайбы, по оси OY — снизу от шайбы.

На статистико-интерпретационном этапе проведения лабораторной работы можно использовать программное обеспечение, которое позволит повысить точность и достоверность вычисления коэффициента восстановления с учетом погрешности.

С целью междисциплинарного взаимодействия и демонстрации интеграции физики и информатики для разработки программ рекомендуется подключать студентов, обучающихся по направлению 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника». Например, студенты II курса Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета А. Д. Контарев и Ю. В. Лепёнышев разработали программу для обработки экспериментальных данных с использованием интегрированной среды разработки *IDLE* (язык программирования *Python*). Для обработки данных использовались формулы для определения погрешностей результатов, предложенные Н. П. Морковцевым и Д. И. Левитом [20]. В ходе разработки программы была выполнена следующая последовательность действий:

- 1) разработка алгоритма и математической модели вычислений;
- 2) написание и отладка программного кода;
- 3) тестирование программы на контрольных примерах и исправление ошибок.

Для визуального оформления программы была использована нейросеть *Gemini*. Был написан промпт с требованием сделать визуальное оформление программы с помощью библиотеки данных *tkinter*.

В результате была разработана программа, интерфейс которой включает две вкладки: прямой центральный удар (см. рис. 2) и косой центральный удар (см. рис. 3).

Разработанное программное обеспечение выполняет следующие функции: интерактивный ввод данных с проверкой их корректности, математический расчет, вывод результатов с контролем их достоверности.

Программа построена по классической архитектуре графических приложений с событийно-ориентированной моделью и разделена на два слоя: интерфейсный (введение данных, а также диалог с пользователем) и логический (расчет коэффициентов).

Для использования разработанной программы необходимо соответствие компьютера следующим условиям:

- 1) технические характеристики: тактовая частота процессора не менее 1,5 ГГц и объем оперативной памяти от 512 МБ;
- 2) операционные системы: *Windows 7/10/11*, *macOS (10.13 и новее)* или дистрибутивы *Linux (Ubuntu, Debian, Fedora и др.)*;
- 3) среда выполнения: *Python* версии 3.8 и новее (с библиотекой данных *tkinter*).

Программа установлена на компьютерах в лаборатории физики, студенты могут ее скопировать для использования в домашних условиях.

Прямой центральный удар тел Косой центральный удар тел

Введите исходные данные:

m_1 : г m_2 : г

x_{01} : мм x_{02} : мм

Введите дополнительные параметры:

t_p : n :

Введите значения 6 экспериментов, мм:

x_0 : 1 2 3 4 5 6

x_1 : 1 2 3 4 5 6

x_2 : 1 2 3 4 5 6

РАССЧИТАТЬ ВСЕ ПАРАМЕТРЫ

Результаты вычислений:

$\langle x_0 \rangle = -$ $\langle x_1 \rangle = -$ $\langle x_2 \rangle = -$

$s_0 = -$ $s_1 = -$ $s_2 = -$

$k_p = -$ $k_e = -$ $\epsilon = -$

$\Delta S = -$ $\Delta p = -$ $\Delta k_e = -$

Рис. 2. Программа для обработки данных (разработка А. Д. Контарева и Ю. В. Лепёнышева), случай прямого центрального удара

Прямой центральный удар тел Косой центральный удар тел

Введите начальные координаты (мм):

x_{01} : y_{01} :

x_{02} : y_{02} :

Введите координаты после удара (мм) - 6 экспериментов:

Для каждой координаты введите 6 значений (по одному на эксперимент):

x_1 : 1 2 3 4 5 6

y_1 : 1 2 3 4 5 6

x_2 : 1 2 3 4 5 6

y_2 : 1 2 3 4 5 6

x_0 : 1 2 3 4 5 6

РАССЧИТАТЬ ВСЕ ПАРАМЕТРЫ

Результаты вычислений:

$\langle x_1 \rangle = -$ $\langle y_1 \rangle = -$ $\langle x_2 \rangle = -$ $\langle y_2 \rangle = -$ $\langle x_0 \rangle = -$

$s_0 = -$ $s_1 = -$ $s_2 = -$

$k_p = -$ $k_e = -$ $\epsilon = -$

Рис. 3. Программа для обработки данных (разработка А. Д. Контарева и Ю. В. Лепёнышева), случай косого центрального удара

После проведения обработки данных и интерпретации полученных результатов студенты должны защитить выполненную лабораторную работу, ответив на вопросы преподавателя.

Апробация методики проведения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления при ударе твердых тел была проведена на 197 студентах Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета, изучающих курс физики (направления подготовки 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника», 15.03.02 «Технологические машины и оборудование», 15.03.04 «Автоматизация технологических процессов и производств», 18.03.01 «Химическая технология», 13.03.02 «Электроэнергетика и электротехника», 08.03.01 «Строительство», 21.05.04 «Горное дело»).

Из всех студентов было сформировано две группы: контрольная (98 студентов) и экспериментальная (99 студентов). В этих группах было достигнуто приближенное равенство по результативности выполнения лабораторных работ. В контрольной группе лабораторная работа проводилась традиционным способом, в экспериментальной — по выделенным этапам с использованием программы для обработки данных.

После проведения лабораторной работы была осуществлена статистическая обработка данных.

В качестве критериев оценки результативности выполнения лабораторной работы по теории удара выделены следующие знания и умения:

- Демонстрирует знание основных понятий по теории удара.
- Демонстрирует знание формул для расчета коэффициента восстановления и погрешностей.
- Демонстрирует понимание физического смысла коэффициента восстановления для анализа процесса соударения.
- Умеет применять формулы для расчета коэффициента восстановления.
- Умеет правильно рассчитывать погрешности и учитывает их при записи результата лабораторной работы по теории удара.
- Умеет самостоятельно использовать программу по обработке данных для случаев прямого и косого центрального удара.
- Умеет аргументированно обосновать полученные результаты лабораторной работы по теории удара.
- Умеет полно и правильно ответить на вопросы преподавателя по содержанию лабораторной работы по теории удара.

Оценка производится в баллах от 0 до 3. Показатели для выставления баллов:

- 0 баллов: знания по теории удара не демонстрируются, понимание физического смысла отсутствует, экспериментальные умения не сформированы, отсутствие умения работы с программой для обработки данных, на вопросы преподавателя ответы не получены;
- 1 балл: демонстрируются отдельные фрагменты знаний по теории удара, экспериментальные умения сформированы частично, работа с программой для обработки данных осуществляется под руководством преподавателя, на его вопросы ответы получены частично;
- 2 балла: сформированы базовые знания по теории удара, основные экспериментальные умения сформированы, работа с программой для обработки данных осуществляется самостоятельно, но имеются затруднения в объяснении полученных результатов, на вопросы преподавателя ответы получены после некоторых уточнений;
- 3 балла: сформированы глубокие знания по теории удара, экспериментальные умения сформированы, работа с программой для обработки данных осуществляется самостоятельно, подробные и правильные ответы на вопросы преподавателя.

Студенты каждой группы были распределены по уровням результативности выполнения лабораторных работ:

- низкий (от 0 до 8 баллов);
- средний (от 9 до 16 баллов);
- высокий (от 16 до 24 баллов).

Достоверность результатов работы оценивалась через χ^2 -критерий Пирсона.

Нулевая гипотеза: в экспериментальной и контрольной группах отсутствуют статистические различия между эмпирическим распределением уровней результативности выполнения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления.

Альтернативная гипотеза: в экспериментальной и контрольной группах имеются статистические различия между эмпирическим распределением уровней результативности выполнения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления.

Результаты экспериментальной и контрольной групп после проведенной апробации приведены в таблице.

Распределение уровней результативности выполнения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления

Тип группы	Уровни результативности выполнения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления			Общее количество студентов
	Низкий	Средний	Высокий	
Контрольная	21	47	30	98
Экспериментальная	8	42	49	99

На основании данных (см. табл.) был произведен расчет эмпирического значения χ^2 -критерия Пирсона: $\chi^2_{\text{эмп}} = 10,673$.

Из статистических таблиц было определено критическое значение χ^2 -критерия Пирсона: $\chi^2_{0,05} = 5,991$.

На основании сравнения критического и эмпирического значений χ^2 -критерия Пирсона ($\chi^2_{0,05} < \chi^2_{\text{эмп}}$), нулевая гипотеза отвергается на уровне значимости 5 %. Принимается альтернативная гипотеза о наличии статистических разли-

чий в уровне результативности выполнения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления в экспериментальной и контрольной группах.

Апробация подтвердила эффективность разработанной методики проведения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления при ударе твердых тел.

Заключение, выводы

Таким образом, в статье представлена методика проведения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления при ударе твердых тел в высшем техническом учебном заведении, состоящая из трех этапов: подготовительного, экспериментального и статистико-интерпретационного.

На подготовительном этапе обучающиеся актуализируют теоретические сведения по теории удара. На экспериментальном этапе студенты снимают показания с установки. На статистико-интерпретационном этапе происходит обработка и анализ полученных данных, а также оценка достоверности полученного результата и защита лабораторной работы.

Эффективность разработанной методики проведения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления при ударе твердых тел подтверждена результатами апробации.

Интеграция разработанного программного обеспечения в процесс выполнения лабораторных работ по физике позволит повысить уровень результативности выполнения лабораторной работы по определению коэффициента восстановления.

Среди перспективных направлений в разработке методики проведения лабораторных работ по теории удара можно выделить дальнейшее усовершенствование программного обеспечения, разработку цифровых двойников для методической поддержки самостоятельной работы студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кочетков А. В., Федотов П. В. Некоторые вопросы теории удара // Науковедение. 2013. № 5(18). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/110tvn513.pdf>.
2. Шин И. Г., Назаров С. Р., Искандарова Н. К., Муминов М. Р. Расчет коэффициента восстановления скорости дробы при дробеструйной упрочняющей обработке // Вестник машиностроения. 2024. Т. 103. № 11. С. 936—940. DOI: 10.36652/0042-4633-2024-103-11-936-940.
3. Житников Ю. З., Житников Б. Ю. Обоснование зависимости скорости ударного взаимодействия сферической поверхности тела, совершающего вращение о неподвижную плоскость, от глубины остаточной деформации ее поверхности в ходе упрочнения металла путем холодной пластической деформации // Упрочняющие технологии и покрытия. 2023. Т. 19. № 8. С. 353—355. DOI: 10.36652/1813-1336-2023-19-8-353-355.
4. Коронатов В. А. Дополнения к элементарной теории проникания твердого тела в грунтовые среды при однократном и многократном ударе // Системы. Методы. Технологии. 2021. № 2(50). С. 42—50. DOI: 10.18324/2077-5415-2021-2-42-50.
5. Алтухов А. И., Антифеева Е. Л. Методическое обеспечение подготовки и проведения лабораторных работ по физике // Физическое образование в вузах. 2024. Т. 30. № 4. С. 167—175.
6. Кузовова Н. А., Ивченко О. А., Прозорова М. А., Косенко Г. И. Применение информационных технологий в лабораторном практикуме по физике // Наука и военная безопасность. 2024. № 4(39). С. 109—111.
7. Алтухов А. И., Михтеева Е. Ю. К вопросу комплексного подхода при разработке лабораторного практикума по физике // Физическое образование в вузах. 2025. Т. 31. № 4. С. 97—106.
8. Ципинова А. Х., Шебухова М. А. Особенности проведения лабораторного практикума по физике с использованием цифрового оборудования в условиях цифровой трансформации вузов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2023. № 2. С. 30—42. DOI: 10.18384/2310-7219-2023-2-30-42.
9. Гаврина З. А., Семенов А. А., Савицкий В. Я. Лабораторный эксперимент по физике — основа формирования знаний специалиста // Военное обозрение. 2024. № 1(19). С. 9—15.
10. Заикин А. Д., Суханов И. И. Индивидуализированные компьютерные симуляции лабораторных работ по физике // Сибирский физический журнал. 2021. Т. 16. № 2. С. 94—104. DOI: 10.25205/2541-9447-2021-16-2-94-104.
11. Батомункуев Ю. Ц. Апробация усовершенствованных лабораторных работ курса общей физики // Актуальные вопросы образования. Формирование механизмов системы высшего образования в России : сб. материалов Нац. науч.-метод. конф. с междунар. участием : в 3 ч. Новосибирск : СГУГиТ, 2023. Ч. 3. С. 137—139.

12. González Man. Á., González Mig. Á., Vegas J., Llamas C. Measuring the coefficient of restitution and more: a simple experiment to promote students' critical thinking and autonomous work // *Physics Education*. 2017. Vol. 52. No. 5. Art. 055002. DOI: 10.1088/1361-6552/aa71ea.
13. Cross R. Collisions observed in two different reference frames // *Physics Education*. 2026. Vol. 61. No. 4. Art. 045014. DOI: 10.1088/1361-6552/ae7888.
14. Cross R. Coefficient of restitution for an obliquely bouncing ball // *Physics Education*. 2020. Vol. 56. No. 1. Art. 015004. DOI: 10.1088/1361-6552/abbcdb.
15. Cross R. Collision of two coins on a horizontal surface // *Physics Education*. 2021. Vol. 57. No. 1. Art. 015009. DOI: 10.1088/1361-6552/ac342c.
16. Arias E., Tedesco J., Kaufmann S., Raposo M. Estudo experimental do coeficiente de restituição elástica em colisões utilizando video-análise // *Revista Brasileira de Ensino de Física*. 2023. Vol. 45. Art. e20230192. DOI: 10.1590/1806-9126-RBEF-2023-0192.
17. Indrasari W., Budi A. S., Fadilla D. P. The Development of Educational Aids for Restitution Coefficient Experiment Using Microcontroller // *Jurnal Penelitian & Pengembangan Pendidikan Fisika*. 2022. Vol. 8. No. 1. Pp. 95—104. DOI: 10.21009/1.08109.
18. Yardeny I., Portnikov D., Kalman H. Experimental investigation of the coefficient of restitution of particles colliding with surfaces in air and water // *Advanced Powder Technology*. 2020. Vol. 31. Iss. 9. Pp. 3747—3759. DOI: 10.1016/j.appt.2020.07.018.
19. Eadkhong T., Sirisathitkul C., Danworaphong S. Video analysis of one-dimensional motion and collision for distance learning laboratory // *Physics Education*. 2022. Vol. 57. No. 5. Art. 055006. DOI: 10.1088/1361-6552/ac72e4.
20. Морковцев Н. П., Левит Д. И. Моделирование, автоматизация и математическая обработка результатов физического эксперимента // *Труды Братского государственного университета* — 2024. Серия: Естественные и инженерные науки. Братск, 2024. С. 107—110.

REFERENCES

1. Kochetkov A. V., Fedotov P. V. Some questions of the theory of blow. *Naukovedenie*. 2013;5(18):108. (In Russ.) URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/110tvn513.pdf>.
2. Shin I. G., Nazarov S. R., Iskandarova N. K., Muminov M. R. Calculation of the coefficient of recovery of the shot speed during shot-peening hardening treatment. *Vestnik mashinostroeniya*. 2024;103(11):936—940. (In Russ.) DOI: 10.36652/0042-4633-2024-103-11-936-940.
3. Zhitnikov Y. Z., Zhitnikov B. Yu. Substantiation of dependence of impact interaction rate of spherical surface of body rotating on fixed plane on depth of residual deformation of its surface during hardening of metal by cold plastic deformation. *Uprochnyayushchie tekhnologii i pokrytiya = Strengthening technologies and coatings*. 2023;19(8):353—355. (In Russ.) DOI: 10.36652/1813-1336-2023-19-8-353-355.
4. Koronotov V. A. Supplements to the elementary theory of solid body penetration into ground media with a single and multiple impact. *Sistemy. Metody. Tekhnologii = Systems. Methods. Technologies*. 2021;2(50):42—50. (In Russ.) DOI: 10.18324/2077-5415-2021-2-42-50.
5. Altukhov A. I., Antifeeva E. L. Features of preparation and conduct of laboratory work in physics. *Fizicheskoe obrazovanie v vuzakh = Physics in higher education*. 2024;30(4):167—175. (In Russ.)
6. Kuzovova N. A., Ivchenko O. A., Prozorova M. A., Kosenko G. I. The use of information technology in a physics laboratory workshop. *Nauka i voennaya bezopasnost'*. 2024;4(39):109—111. (In Russ.)
7. Altuhov A., Mihteeva E. On the issue of an integrated approach to developing a physics laboratory. *Fizicheskoe obrazovanie v vuzakh = Physics in higher education*. 2025;31(4):97—106. (In Russ.)
8. Tsipinova A., Shebzukhova M. Peculiarities of the laboratory practice in physics using digital equipment in the context of digital transformation in higher education institutions. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Pedagogics*. 2023;2:30—42. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-7219-2023-2-30-42.
9. Gavrina Z. A., Semenov A. A., Savickii B. J. Laboratory experiment in physics as the basis for the formation of specialist's knowledge. *Voennoe obozrenie*. 2024;1(19):9—15. (In Russ.)
10. Zaikin A. D., Suhanov I. I. The Physics Laboratory Works – Individualized Computer Simulations. *Sibirskii fizicheskii zhurnal = Siberian Journal of Physics*. 2021;16(2):94—104. (In Russ.) DOI: 10.25205/2541-9447-2021-16-2-94-104.
11. Batomunkuev Y. Ts. Approbation of laboratory works of the course of physics. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya. Formirovanie mekhanizmov sistemy vysshego obrazovaniya v Rossii = Current issues of education. Formation of mechanisms of the higher education system in Russia. Collection of materials of the National scientific and methodological conference with international participation*. Novosibirsk, Siberian State University of Geosystems and Technologies publ., 2023;3:137—139. (In Russ.)
12. González Man. Á., González Mig. Á., Vegas J., Llamas C. Measuring the coefficient of restitution and more: a simple experiment to promote students' critical thinking and autonomous work. *Physics Education*. 2017;52(5):055002. DOI: 10.1088/1361-6552/aa71ea.
13. Cross R. Collisions observed in two different reference frames. *Physics Education*. 2026;61(4):045014. DOI: 10.1088/1361-6552/ae7888.
14. Cross R. Coefficient of restitution for an obliquely bouncing ball. *Physics Education*. 2020;56(1):015004. DOI: 10.1088/1361-6552/abbcdb.
15. Cross R. Collision of two coins on a horizontal surface. *Physics Education*. 2021;57(1):015009. DOI: 10.1088/1361-6552/ac342c.
16. Arias E., Tedesco J., Kaufmann S., Raposo M. Experimental study of the coefficient of elastic restitution in collisions using video-analysis. *Revista Brasileira de Ensino de Física*. 2023;45:e20230192. (In Portuguese) DOI: 10.1590/1806-9126-RBEF-2023-0192.

17. Indrasari W., Budi A. S., Fadilla D. P. The Development of Educational Aids for Restitution Coefficient Experiment Using Microcontroller. *Jurnal Penelitian & Pengembangan Pendidikan Fisika*. 2022;8(1):95—104. DOI: 10.21009/1.08109.
18. Yardeny I., Portnikov D., Kalman H. Experimental investigation of the coefficient of restitution of particles colliding with surfaces in air and water. *Advanced Powder Technology*. 2020;31(9):3747—3759. DOI: 10.1016/j.appt.2020.07.018.
19. Eadkhong T., Sirisathitkul C., Danworaphong S. Video analysis of one-dimensional motion and collision for distance learning laboratory. *Physics Education*. 2022;57(5):055006. DOI: 10.1088/1361-6552/ac72e4.
20. Morkovtsev N. P., Levit D. I. Modeling, automation and mathematical processing of the results of a physical experiment. *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta — 2024. Seriya: Estestvennye i inzhenernye nauki = Proceedings of the Bratsk State University - 2024. Series: Natural and Engineering Sciences*. Bratsk, 2024:107—110. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.06.2026; одобрена после рецензирования 09.07.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was submitted 25.06.2026; approved after reviewing 09.07.2026; accepted for publication 13.07.2026.

Научная статья**УДК 378.1****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1666****Svetlana Borisovna Kalinina**

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Head of the Department
of Secondary General Education
and Social Design,
Pskov State University
Pskov, Russian Federation
sv_kalinina@mail.ru

Светлана Борисовна Калинина

канд. пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой
среднего общего образования
и социального проектирования,
Псковский государственный университет
Псков, Российская Федерация
sv_kalinina@mail.ru

Svetlana Yuryevna Burenina

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Secondary General Education and Social Design,
Pskov State University
Pskov, Russian Federation
lanabur@yandex.ru

Светлана Юрьевна Буренина

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры среднего общего образования
и социального проектирования,
Псковский государственный университет
Псков, Российская Федерация
lanabur@yandex.ru

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА
В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ПСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье рассматривается проблема создания антропологического пространства вуза через процесс профессиональной подготовки студентов (на примере подготовки бакалавров и магистров социальной работы и педагогики). Обозначена авторская позиция по отношению к феномену образовательной среды вуза как образовательного пространства, в котором происходит «вращивание» человека-профессионала, а также представлена модель включения ценностно-смыслового содержания в антропологическое пространство вуза. В исследовании делается акцент на формировании внутренних условий образовательной среды — перехода от знаниевой модели подготовки будущих специалистов к ценностно-смысловой, к осмыслению, осознанию, принятию, освоению обучающимися ценностных категорий в процессе обучения, к ценностному осмыслению самого феномена жизни человека. Обоснована важность изменения ценностно-смысловых ориентиров современной образовательной среды вуза в процессе подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности, представлен практический опыт интеграции ценностно-смыслового содержания в антропологическое пространство вуза

на примере преподавания профильных предметов для студентов социальной работы и студентов педагогических специальностей.

В статье дано обоснование методологических подходов к созданию антропологического пространства образовательной среды вуза в процессе подготовки студентов с опорой на философско-антропологический и аксиологический подходы. Такие подходы признают, что профессиональная подготовка студентов должна включать в себя не только развитие профессиональных компетенций, но и формирование их личной системы ценностей, включая осознание ценности собственной жизни и ее будущего.

В ходе исследования использовались методы теоретического анализа научной литературы, обобщения, анализа и систематизации накопленного опыта, а также биографический метод.

Ключевые слова: ценностно-смысловые ориентиры, образовательная среда вуза, философско-антропологический подход, антропологическое пространство вуза, духовно-нравственное воспитание, аксиологический подход, биографический метод, ценность, профессиональная подготовка студентов, субъекты образовательного процесса

Для цитирования: Калинина С. Б., Буренина С. Ю. Антропологическое пространство современной образовательной среды вуза в контексте профессиональной подготовки студентов (на примере Псковского государственного университета) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 407—412. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1666.

Original article

ANTHROPOLOGICAL SPACE OF THE MODERN UNIVERSITY EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE CONTEXT OF STUDENTS' PROFESSIONAL TRAINING (ON THE EXAMPLE OF PSKOV STATE UNIVERSITY)

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. *The article considers the problem of creating the anthropological space of the university through the process of professional training of students (using the example of training bachelors and masters of social work and pedagogy). The author's position in relation to the phenomenon of the educational environment of the university as an educational space in which the "cultivation" of a professional person takes place is indicated, and a model for including value-semantic content in the anthropological space of the university is presented. The study focuses on the formation of the internal conditions of the educational environment — the transition from a knowledge-based model of training future specialists to a value-semantic one, to understanding, awareness, acceptance, mastering by students of value categories in the learning process, to value understanding of the very phenomenon of human life. The importance of changing the value-semantic guidelines of the modern educational environment of the university in the process of training students for future professional activities is justified; practical experience of integrating value-semantic*

content into the anthropological space of the university is presented on the example of teaching specialized subjects to social work students and students of pedagogical specialties.

The article provides a justification of methodological approaches to creating an anthropological space of the educational environment of the university in the process of training students based on philosophical, anthropological and axiological approaches. Such approaches recognize that the professional training of students should include not only the development of professional competencies, but also the formation of their personal value system, including awareness of the value of their own life and future.

The study used methods of theoretical analysis of scientific literature, generalization, analysis and systematization of accumulated experience, as well as a biographical method.

Keywords: *value-semantic guidelines, educational environment of the university, philosophical and anthropological approach, anthropological space of the university, spiritual and moral education, axiological approach, biographical method, value, professional training of students, subjects of the educational process*

For citation: Kalinina S. B., Burenina S. Yu. Anthropological space of the modern university educational environment in the context of students' professional training (on the example of Pskov State University). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):407—412. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1666.

Введение

Актуальность. Современная политика в области российского образования столкнулась с целым рядом проблем, главная из которых заключена в кризисе мировоззрения, выражающаяся в неопределенности идейных и ценностно-нормативных ориентиров. Эта проблема усугубляется и явно недостаточным уровнем духовно-нравственного развития обучающихся.

В итоге общественность, озабоченная проблемами личной безопасности учащихся, сохранения их здоровья в ходе получения качественного образования требует перехода от знаниево-ориентированного подхода к ценностной ориентации и смысловой организации, где высшей ценностью образовательной среды и всей системы образования становится человеческая личность.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время как педагогическое сообщество, так и государство в целом выражают озабоченность по поводу вопросов духовно-нравственного воспитания молодого поколения, т. к. считают его задачей одной из приоритетных в деле обеспечения национальной безопасности страны, что находит свое отражение в ключевых нормативных документах федерального уровня.

Так, в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» говорится о необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей как основы российского общества. К числу таких ценностей относятся жизнь, достоинство, права и свобода человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству

и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость и т. д.

Особую значимость в связи с этим приобретает проблема создания образовательного пространства учебного учреждения.

Изученность проблемы. Следует отметить, что несмотря на повышенное внимание ученых к изучению проблемы образовательной среды вуза, единого подхода к пониманию сущности и содержания этого феномена не сложилось.

В рамках данного исследования обозначим подходы, представляющие, на наш взгляд, полярные точки зрения и являющиеся наиболее значимыми для обоснования авторской позиции по отношению к феномену «образовательная среда вуза».

С точки зрения системно-средового подхода образовательная среда вуза рассматривается как социальная система, основными параметрами которой являются внешние характеристики организации этой среды. Так, Н.В. Белан и Н.А. Калугина основным параметром образовательной среды вуза считают профессиональную субъектность студента [1]; эмоциональный климат, личностное благополучие и психологическая безопасность участников образовательного процесса как основа образовательной среды вуза рассматриваются в работах А. П. Надточия и В. Ю. Лунькова [2], а также в работах Ю. Г. Панюковой, О. Б. Сладковой и Е. Н. Паниной [3]; особенности микрокультуры, внешние условия среды (гигиенические, материальные и т. д.) затрагиваются в работах Г. Р. Ислакаевой [4], Е. Н. Кролевецкой и И. Ф. Исаевой [5], О. А. Лодде

и С. Ю. Ситниковой [6]; как пространство отношений исследуется в работах О. И. Вагановой, А. А. Лебедевой и А. В. Лапшовой [7].

Согласно антропо-аксиологическому подходу образовательная среда вуза рассматривается как:

- социокультурный феномен, связанный с системой социальных ценностей и норм, формируемых в образовательной деятельности общества [8–10];
- возможность самовращения личности в процессе взаимодействия с образовательной средой [11];
- гуманитарно-антропологическое знание о становлении собственно человеческого в человеке [12];
- процесс формирования культуры самоорганизации студентов [13];
- предмет междисциплинарного осмысления, в т. ч. философско-антропологической рефлексии [10; 14].

На наш взгляд, постановка проблемы сущности и конкретного наполнения содержания понятия «образовательная среда» напрямую связана с необходимостью разрешения проблемы идеала и цели духовно-нравственного воспитания, поэтому для нашего исследования особую ценность представляет антропо-аксиологический подход, который дает возможность комплексно учесть все факторы, оказывающие влияние на становление и развитие учащегося в образовательном процессе и рассматривает образование не просто как процесс, а прежде всего как образовательное пространство, в котором происходит «вращивание» человека как профессионала.

Целесообразность разработки темы проистекает из необходимости в углубленном анализе процесса формирования современной образовательной среды высшей школы, обогащенной ценностно-смысловым компонентом в ходе профессионального становления студентов, в соответствии с курсом государственной политики на сохранение и приумножение исконных российских духовно-нравственных ориентиров.

Целью статьи является обоснование методологических подходов (философско-антропологический и аксиологический) к созданию антропологического пространства в образовательной среде вуза в процессе профессиональной подготовки.

Задачи исследования:

1. Обозначить авторскую позицию по отношению к феномену образовательной среды вуза.
2. Обосновать использование философско-антропологического и аксиологического подходов как методологическую основу для построения образовательной среды вуза.
3. Определить методы построения антропологического пространства современной образовательной среды вуза в процессе профессиональной подготовки студентов.
4. Проанализировать опыт включения философско-антропологического и ценностно-смыслового содержания в образовательную среду вуза на примере профессиональной подготовки студентов вуза.

Научная новизна исследования состоит в том, что обосновано использование философско-антропологического подхода в определении ценностно-смысловых ориентиров современного высшего образования путем создания антропологического пространства образовательной среды вуза.

Теоретическая значимость состоит в определении феномена «образовательная среда вуза» с позиций ценностно-смыслового и духовно-нравственного содержания в процессе профессионального становления студентов вуза.

Практическая значимость исследования заключается в определении методов построения антропологического пространства образовательной среды вуза, адекватных философско-антропологическому подходу в контексте профессиональной подготовки студентов направлений Социальная работа и Педагогическое образование.

Основная часть

Методология исследования. Основными методами, используемые в работе, являются общелогические (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение). В данной работе были использованы эмпирические методы исследования: изучение продуктов творческой деятельности, биографический метод.

Результаты исследования. Экспериментальная часть исследования была реализована на базе кафедры среднего общего образования и социального проектирования Псковского государственного университета. В реализации исследовательской части принимали участие студенты II–IV курсов педагогических специальностей и студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Социальная работа» в количестве 388 чел.

Целью исследования являлся анализ мнений студентов о значимых в их жизни ценностных ориентирах, установках и проблемных вопросов, которые пока остались без ответа. Были использованы следующие методы исследования: изучение продуктов творческой деятельности, биографический метод.

В качестве продуктов творческой деятельности были проанализированы творческие работы студентов: мультимедийные презентации на темы: «Философский образ человека в литературе, живописи и музыке», «Жизненный сценарий и его формирование», «Факторы, определяющие судьбу человека», «Судьба как эталон жизненного пути», которые позволили увидеть, что большинство студентов задают сами себе и окружающим много жизненно ценностных, важных вопросов.

Из работ студентов: «мы всегда желаем друг другу счастья. Это чудесное пожелание звучит в день рождения, на свадьбе, по праздникам и просто в будничные дни. Вместе с тем мало задумываемся, а что же такое счастье...?»; «действительно ли воспитание во многом предопределяет судьбу человека, ибо в нем закладываются многие основы его духовного мира, и оно в значительной степени обеспечивает передачу от поколения к поколению исходных (прежде всего, нравственных) ценностей, без которых общество превратилось бы в дику орду?» и др.

В рамках размышления по интересующей нас проблематике студентам было предложено представить письменную работу в форме эссе-размышления, где они имели возможность высказать свои суждения о ценностях, характеризующих ситуацию, в которой они живут.

В результате анализа работ было выделено несколько групп суждений. Первая группа суждений связана с обращением к семье. Смысл жизни в семье, в хороших отношениях с родителями, в построении будущей семьи, в воспитании детей, в том, чтобы были все здоровы, чтобы все в семье не ссорилось, были счастливы и помогали друг другу. Суждения такого рода высказали 75 % студентов. Встречались работы, которые сигнализировали о сложностях семейных отношений, о переживаемых проблемах в связи с нарушением связей между взрослыми членами семьи

и самим обучающимся. Например: «Существует поговорка “богатые тоже плачут”. Если у человека много денег, это не означает, что у него все хорошо в семье. Для большинства отношения с родителями выступают как ценность, которая хорошо осознается и в ряде случаев остро переживается».

Вторая группа суждений связана с выходом за пределы семьи, в социум. Студенты считают, что должны готовить себя для жизни в обществе, что смысл жизни в том, чтобы «помогать людям», «сделать так, чтобы не было войны и люди не страдали больше». Такого рода суждения содержатся у 33 % студентов.

Третья группа суждений связана с осмыслением роли друзей в собственной жизни. 29 % студентов высказались о том, что для них важно: «иметь друзей и всегда вместе идти с ними по жизни», «не предавать друзей», «всегда приходить к ним на помощь в трудную минуту», «конечно, деньги дают много возможностей: различные увеселения, комфорт во всем. Но деньги не дают самого главного — друзей».

Четвертая группа суждений объединяется формулировками, связанными с будущей профессией: «иметь такую специальность, чтобы все удавалось в жизни», «стать хорошим специалистом». Суждения такого рода высказали 32 % студентов.

Пятая группа суждений связана с поиском средств реализации своих ценностей на основании обращения к деньгам: «Смысл моей жизни в том, чтобы иметь много денег, потому что, имея деньги, можно занять все остальное». «Еще хотел бы иметь деньги и копить их или положить в такой банк, который не лопнет, чтобы всегда их иметь». Суждения о деньгах, которые хороши сами по себе, которые надо копить, вложить в дело и т. д. были представлены у 56 % студентов.

Таким образом, анализ творческих работ студентов позволил сделать вывод о том, что материальные ценности (деньги как ценность или как средства достижения целей) играют заметную роль в жизни, и многие в той или иной форме обращаются к этой проблеме. Обращение к понятию ценностей важно, актуально и требует дополнительного разговора, размышлений.

Также особое место в подготовке студентов занимает освоение биографического метода. Совместно с клиентом (ребенком, взрослым) будущий специалист использует те приемы воздействия (взаимодействия), которые способствуют изменению самосознания человека, формированию у него навыков жизнетворчества и самоопределения. Это ведет к осознанию, осмыслению, коррекции личностной истории. Биографический метод создает новое отношение к себе и своей жизни.

Важны на жизненном пути ситуации и состояния, которые О. Ф. Больнов в русле философско-антропологического подхода назвал «неустойчивыми формами бытия», а это кризис, встреча, любовь, выбор, неудача, сомнение и др. Это все то, что нарушает, изменяет, потрясает ровное течение жизни, наполняет духовным опытом и ценностями [15].

В рамках биографического метода студентам предлагается выполнить творческие работы. Работа над автобиографией позволяет осмыслить свою жизнь, логику поступков (объяснить или оправдать); создать новое отношение к себе и своей жизни; работа с прошлым — это и интерес к будущему (т. е. стимулирование мысли о личностном выборе, ценностях) и т. д. Работа включает следующие формы, методы и приемы:

а) *Творческая работа по автобиографии в форме эссе*, в котором надо описать из своей автобиографии любой эпизод, выводящий слушателя на феномены, которые О. Ф. Больнов называет «неустойчивые формы бытия», например: судьбоносный период; событие, сделавшее меня счастливым; музей жизненных обид или радостей; ситуации выбора (событие жизни), в которых перед человеком открывалось несколько дорог, которые не всегда четко осознаваемые и адекватно оцениваемые и т. д.

Темы, предложенные для эссе разные: «Биография значимого другого как образец развития», «Встреча как судьбоносный фактор», «Имя как феномен человеческого существования», «Мое жизнеописание (события моей жизни, влияющие на мою биографию)», «Воспоминания о предках», «Переживание вины» и др. Приведем пример из студенческой работы: «Редкий человек не испытывал чувства вины: какую пользу он извлек, повинившись, и какой вред ему нанесла вина. Польза, если она есть, — у каждого своя. А вот вред вина практически всем наносит одинаковый, только степень разная».

б) *Написание реферата и выступление* — диалог с одноклассниками по теме реферата, используя антропологические методы (метаметоды) диалога и понимания. Темы для написания реферата и обсуждения: «Человек в зеркале автобиографии», «Детские страхи как педагогическая проблема», «Стыд как основа нравственности», «Свобода как категория педагогической антропологии» и др.

в) *Создание и представление одноклассникам творческой работы в форме альманаха*. Темы, предложенные для альманаха, такие: «Биографический выбор личности и педагогический процесс», «Стыд, вина, совесть как модусы школьного бытия ребенка», «Свободная школа — свободный ребенок», «Педагогическое осмысление школьных страхов учеников» и др. Пример из личных воспоминаний студентки: «Я всегда боялась получить плохую оценку, а если такое случалось, мне было очень стыдно, не только показать дневник маме, а было стыдно перед одноклассниками, учителем, а главное стыдно было самой за себя!»

г) *Выступление с презентацией* по таким темам, как «Семья как ценность», «Любовь как ценность», «Ценность семьи в воспитании детей», «Главная ценность в жизни — родители», «Ценность быть собой» и др.

д) *Групповая работа, подготовка и проведение классного часа* с обсуждением таких тем, как «Жизнь как ценность», «Деньги как ценность», «Общение как ценность», «Отечество как ценность» и др. посредством реализации различных форм по выбору (дискуссия, диспут, дебаты и др.).

Студенты при анализе своей деятельности отмечают положительные личностные изменения, связанные с самооценкой, самосозиданием, пониманием изучаемого. Применяемые методологические подходы (философско-антропологический и аксиологический) помогают студентам в антропологическом пространстве образовательной среды сформировать и отработать социальный опыт, научиться воспринимать сложные жизненные ситуации.

Заключение

Таким образом, представленные методы и технологии работы со студентами позволили описать процесс создания антропологического пространства вуза с позиций философско-антропологического и аксиологического

подходов. В этой среде формируется и отрабатывается социальный опыт студентов, они учатся воспринимать сложные жизненные явления, именно такая среда позволяет студентам осваивать систему ценностей и норм современного общества. Именно философско-антропологический и аксиологический подходы к построению образовательной среды вуза позволяет перейти от знаниевой модели к ценностно-смысловой, поскольку профессиональная подготовка студентов предполагает не только развитие профессиональных компетенций, но и, прежде всего, формирования своей системы ценностей, включая ценность своей будущей жизни.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что в работе представлен успешный опыт включения философско-антропологического и ценностно-смыслового содержания в образовательную среду вуза на примере профессиональной подготовки студен-

тов. Такие методы и технологии обучения как метод диалога, творческой самореализации, биографический метод позволяют активизировать познавательную активность студентов и наполнить образовательный процесс смыслообразованием и смыслопониманием путем включения их в социокультурный контекст жизнедеятельности других людей.

В результате проведенного исследования удалось сместить акцент с внешних условий образовательной среды на «внутреннего» человека – студента с позиции самоосознания, ценностного осмысления самого феномена жизни человека и всех жизненных проявлений (счастье, ответственность, вера, свобода и т. д.).

В то же время данная концепция может быть охарактеризована определенной ограниченностью, поскольку апеллирует к интенциям смысла жизни, связанным с временным человеческим бытием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белан Н. В., Калугина Н. А. Образовательная среда вуза как условие развития профессиональной субъектности магистрантов // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С. 26—34.
2. Надточий А. П., Луньков В. Ю. Формирование образовательной среды // Современное педагогическое образование. 2020. № 3. С. 8—12.
3. Панюкова Ю. Г., Сладкова О. Б., Панина Е. Н. Психологическая репрезентация студентами образовательной среды вуза : моногр. М. : Альпен-Принт, 2021. 188 с.
4. Ислакаева Г. Р. Образовательная среда университета как фактор повышения качества высшего образования // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 6. С. 89—96. DOI: 10.34773/EU.2023.6.16.
5. Кролевецкая Е. Н., Исаев И. Ф. Социокультурная образовательная среда вуза как фактор развития полисубъектности будущего педагога // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 6. С. 670—679. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-114-135.
6. Лодде О. А., Ситникова С. Ю. Теоретический анализ дефиниции «образовательная среда вуза» как системного представления // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 6. Ст. 214. DOI: 10.17513/spno.30354.
7. Ваганова О. И., Лебедева А. А., Лапшова А. В. Формирование комфортной образовательной среды // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2. С. 57—59. DOI: 10.26140/bgjz-2021-1002-0013.
8. Поздеева С. И., Гельфман Э. Г., Никитин А. А. Ценностно-смысловой подход в высшем педагогическом образовании: постановка проблемы // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12. № 4. Ст. 5. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-4-5.
9. Рябцев В. К., Слободчиков В. И. Педагогические условия и механизмы формирования ценностно-смысловых ориентаций детей в образовательной организации // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14. № 3. С. 113—130. DOI: 10.17759/psyedu.2022140307.
10. Шайденко Н. А. Анализ категорий «образовательная среда» и «культурно-образовательная среда» // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. 2023. № 2. С. 124—125.
11. Викторук Е. Н., Черняева А. С., Мышковская А. А. К вопросу об актуальности философско-антропологической парадигмы в образовании // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2023. Т. 12. № 4. С. 3—7. DOI: 10.12737/2306-1731-2024-12-4-3-7.
12. Зверев С. М. Двенадцать тезисов содержательно-смысловой интерпретации «антропологии образования» — нового, гуманитарно-антропологического научно-практического знания // Научоведческие исследования. 2025. № 2. С. 71—94. DOI: 10.31249/scis/2025.02.06
13. Дёрина Н. В., Николаева А. Д. Формирование культуры самоорганизации студентов технического вуза: аксиологический подход // Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 15—20. (На англ. яз.)
14. Гулеватая А. Н. Философско-антропологическая архитектура современного образовательного пространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7(477) : Философские науки. Вып. 69. С. 42—47. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-42-47.
15. Bollnow O. F. Anthropologische Pädagogik. Bern : Haupt, 1983. 144 S.

REFERENCES

1. Belan N. V., Kalugina N. A. The educational environment of the university as a condition for the development of professional subjectivity of undergraduates. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2022;7:26—34. (In Russ.)
2. Nadtochy A. P., Lunkov V. Yu. Formation of the educational environment. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*. 2020;3:8—12. (In Russ.)
3. Panyukova Yu. G., Sladkova O. B., Panina E. N. Psychological representation by students of the educational environment of the university. Monograph. Moscow, Alpen Print, 2021. 188 p. (In Russ.)
4. Islakaeva G. R. The educational environment of the university as a factor in increasing quality of higher education. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal = Economics and management: research and practice journal*. 2023;6:89—96. (In Russ.) DOI: 10.34773/EU.2023.6.16.

5. Krolevetskaya E. N., Isaev I. F. Socio-Cultural Educational Environment of the University as a Factor in the Development of Future Teacher's Polysubjectness. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2022;31(6):114—135 (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-114-135.
6. Lodde O. A., Sitnikova S. Y. Theoretical analysis of the definition of «the university educational environment» as a system representation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2020;6:214. (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.30354.
7. Vaganova O. I., Lebedeva A. A., Lapshova A. V. Creating a comfortable educational environment. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2021;10(2):57—59. (In Russ.) DOI: 10.26140/bgj3-2021-1002-0013.
8. Pozdeeva S. I., Gelfman E. G., Nikitin A. A. Value-semantic approach in higher pedagogical education: problem statement. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*. 2024;12(4):5. (In Russ.) DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-4-5.
9. Ryabtsev V. K., Slobodchikov V. I. Pedagogical Conditions and Mechanisms of Formation of Children's Value-Semantic Orientations in an Educational Organization. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*. 2022;14(3):113—130. (In Russ.) DOI: 10.17759/psyedu.2022140307.
10. Shaidenko N. A. Category analysis of educational environment and cultural-educational environment. *Vestnik GOU DPO TO «IPK i PPRO TO». Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo*. 2023;2:124—125. (In Russ.)
11. Viktoruk E. N., Chernyaeva A. S., Myshkovskaya A. I. On the Question of the Relevance of the Philosophical-Anthropological Paradigm in Education. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya i tekhnologii = Scientific Research and Development. Socio-Humanitarian Research and Technology*. 2023;12(4):3—7. (In Russ.) DOI: 10.12737/2306-1731-2024-12-4-3-7.
12. Zverev S. M. The twelve theses of the substantive and semantic interpretation of the “anthropology of education” — a new, humanitarian-anthropological scientific and practical knowledge. *Naukovedcheskie issledovaniya*. 2025;2:71—94. (In Russ.) DOI: 10.31249/scis/2025.02.06.
13. Dyorina N. V., Nikolaeva A. D. Self-organization culture formation of technical university students: axiological approach. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*. 2024;8(4):15—20.
14. Gulevataya A. N. Philosophical-anthropological architectonics of modern educational space. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;7(477):42—47. (In Russ.) DOI: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-42-47.
15. Bollnow O. F. *Anthropologische Pädagogik*. Bern, Haupt, 1983. 144 p. (In German)

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 11.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.
The article was submitted 20.05.2026; approved after reviewing 11.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Научная статья**УДК 378.147****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1690****Aleksandra Vladimirovna Keshelyan**

Candidate of Engineering,
Assistant of the Department RK1 Engineering Graphics,
Bauman Moscow State
Technical University
(National Research University)
Moscow, Russian Federation
keshelyanav@bmstu.ru

Ekaterina Aleksandrovna Strazhkova

Assistant of the Department RK1 Engineering Graphics,
Bauman Moscow State
Technical University
(National Research University)
Moscow, Russian Federation
strazhkova@bmstu.ru

Alina Stepanovna Vodchits-Ozmidova

Senior Lecturer of the Department RK1 Engineering Graphics,
Bauman Moscow
State Technical University
(National Research University)
Moscow, Russian Federation
vodchits-ozmidovaas@bmstu.ru

Александра Владимировна Кешелян

канд. техн. наук,
ассистент кафедры РК1 «Инженерная графика»,
Московский государственный
технический университет имени Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)
Москва, Российская Федерация
keshelyanav@bmstu.ru

Екатерина Александровна Стражкова

ассистент кафедры РК1 «Инженерная графика»,
Московский государственный
технический университет имени Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)
Москва, Российская Федерация
strazhkova@bmstu.ru

Алина Степановна Водчиц-Озмидова

старший преподаватель кафедры РК1 «Инженерная графика»,
Московский государственный
технический университет имени Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)
Москва, Российская Федерация
vodchits-ozmidovaas@bmstu.ru

МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ КОМПАС-3D ДЛЯ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ПРОЕКЦИОННЫХ ЗАДАЧ ПРИ ИЗУЧЕНИИ НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматриваются методические основания, на которых строится применение системы КОМПАС-3D как средства визуализации проекционных задач при изучении начертательной геометрии в техническом вузе. Значимость данной темы связана с определенным противоречием: несмотря на масштабное внедрение САД-сред в инженерное образование, студенты по-прежнему испытывают затруднения, связанные с осмысленным переходом от пространственной формы объекта к его ортогональному изображению. Цель работы заключается в теоретическом обосновании методики, при которой применение КОМПАС-3D выступает инструментом управляемой визуализации, объединяющим анализ геометрической формы, построение цифровой модели и самостоятельное выполнение проекционного чертежа. Методология работы опирается на несколько источников. Были изучены современные публикации по геометро-графической подготовке, проведено сопоставление методических подходов к работе в САД-средах, выполнено педагогическое моделирование учебных действий, а также разобраны типичные затруднения обучающихся. На этой базе предложена переходная дидактическая модель. Она соединяет разбор условия задачи, создание упрощенной трехмерной модели, ее соотнесение с ортогональными про-

екциями, самостоятельное построение чертежа и диагностику допущенных ошибок. Показано, что цифровая модель работает не так, как обычное наглядное пособие или замена чертежа. Ее назначение — визуально-аналитическое сопровождение и диагностика учебного процесса, за счет чего обнаруживаются ошибки пространственного анализа, рассогласованность видов и затруднения в объяснении логики построения. Особый интерес представляет постепенное ослабление роли визуальной опоры: как раз этот механизм помогает студенту перейти от готовой модели к самостоятельному графическому действию. Новизна исследования — в уточнении роли КОМПАС-3D как переходного дидактического звена между пространственным, цифровым и графическим уровнями учебной деятельности. Практическая ценность работы в том, что методику можно применить при проектировании занятий, составлении заданий возрастающей сложности и разборе ошибок, которые допускают обучающиеся.

Ключевые слова: начертательная геометрия, КОМПАС-3D, проекционные задачи, компьютерная графика, инженерная графика, пространственное мышление, трехмерное моделирование, ортогональное проецирование, визуализация, методика обучения, профессиональное образование, графическая подготовка

Для цитирования: Кешелян А. В., Стражкова Е. А., Водчиц-Озмидова А. С. Методика применения КОМПАС-3D для визуализации проекционных задач при изучении начертательной геометрии // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 413—419. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1690.

Original article

METHODOLOGY FOR USING KOMPAS-3D TO VISUALIZE PROJECTION PROBLEMS IN THE STUDY OF DESCRIPTIVE GEOMETRY

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The paper substantiates, from a methodological standpoint, the use of KOMPAS-3D for visualizing projection problems in a descriptive geometry course at a technical university. The topic is timely because CAD tools are now widely used in engineering programs, yet students still struggle to make a real transition from the spatial form of an object to its orthographic depiction. The aim pursued here is to ground an approach in which KOMPAS-3D serves as an instrument of guided visualization, linking form analysis, digital modeling, and the learner's independent construction of a projection drawing. As its methodological foundation, the study draws on a review of recent publications devoted to geometric and graphic instruction, a comparative examination of CAD-oriented pedagogical approaches, pedagogical modeling of students' learning actions, and a content-based analysis of the difficulties typically encountered by students. A transitional didactic model is put forward, encompassing examination of the task conditions, construction of a simplified three-dimensional mo-*

del, comparison of that model against orthographic projections, independent execution of the drawing, and diagnostic review of the errors made. The digital model, the study finds, does not function merely as an illustration or a stand-in object; instead, it takes on a visual-analytical and diagnostic role, revealing errors in spatial reasoning, discrepancies between the views, and difficulties in accounting for projection logic. The scientific novelty of the work resides in a clarified understanding of KOMPAS-3D's role as an intermediary didactic link connecting the spatial, digital, and graphic levels of a student's learning activity. Its practical significance is reflected in the applicability of the proposed approach to lesson design, graded assignments, and error diagnosis.

Keywords: *descriptive geometry, KOMPAS-3D, projection problems, computer graphics, engineering graphics, spatial thinking, three-dimensional modeling, orthographic projection, visualization, teaching methodology, professional education, graphic training*

For citation: Keshelyan A. V., Strazhkova E. A., Vodchits-Ozmidova A. S. Methodology for using KOMPAS-3D to visualize projection problems in the study of descriptive geometry. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76): 413—419. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1690.

Введение

Инженерная подготовка сегодня немыслима без CAD-платформ, трехмерного моделирования и компьютерной графики — их присутствие в учебном процессе только нарастает. При этом умение работать в конкретной программе вовсе не гарантирует, что у студента сформировано пространственное мышление: изображение объекта нередко получается автоматически, а связь между его формой, направлением проецирования, конкретным видом и готовым чертежом остается для обучающегося неочевидной. По этой причине работа с КОМПАС-3D в рамках начертательной геометрии нуждается в особой методической организации.

Изученность проблемы. Отечественные исследования, посвященные применению цифровых инструментов в геометро-графической подготовке, определяют их прежде всего как способ повысить наглядность обучения и упорядочить учебный процесс. Потенциал программы КОМПАС-3D при освоении графических дисциплин демонстрируют в своей работе В. А. Семенов, Р. Г. Вахитова и Ф. Т. Зиганшина [1]. Необходимость методического обеспечения дистанционных занятий обосновывают Р. Р. Анамова и Г. К. Хотина [2]. Е. П. Бояшова усматривает связь между результативностью обучения и конструктивным геометрическим моделированием [3]. Причинно-следственную природу учебных затруднений раскрывают в своем исследовании Е. В. Верхотурова и Г. А. Ивашенко [4]. Информатизацию инженерного образования рассматривают И. А. Козлова и Р. Б. и Б. М. Славины [5]. Значение последовательного освоения начертательной геометрии и компьютерной графики подчеркивает в своих работах Ж. А. Назарова [6; 7]. Трансформацию графических дисциплин с перестройкой методики обучения связывают Р. Р. Анамова с соавторами [8].

Похожий круг проблем разрабатывают и зарубежные авторы, изучающие связь CAD-образования, пространственных способностей и проектного мышления. Ф. Диллинг и А. Фоглер устанавливают, что развитие пространственных способностей средствами CAD происходит только при условии включения в учебный процесс аналитических действий [9]. И. Ших и У. Шер считают программную среду образовательным инструментом лишь при условии анализа, преобразования и обоснования [10]. Э. и С. Гутьеррес де Раве и Ф. Х. Хименес-Орнеро обосновывают продуктивность сочетания CAD с ортогональным проецированием [11; 12]. К. А. Бартлетт и Дж. Д. Камба конкретизируют понятие пространственных способностей в контексте CAD-образования [13], а З. Нгкобо, О. Риполь Чакон и Д. Рочман соотносят их формирование с практическим преобразованием формы и последовательностью заданий [14—16].

Целесообразность разработки темы определяется тем, что в существующей литературе вопрос о функции КОМПАС-3D — как элемента, обеспечивающего переход от пространственного образа предмета к его цифровой модели и далее к самостоятельно выполняемому проекционному построению, — освещен недостаточно точно. При отсутствии подобной ясности цифровая модель рискует свестись либо к иллюстрации, либо к средству, позволяющему обойти непосредственно графическую работу.

Цель исследования — теоретически обосновать методу применения КОМПАС-3D в качестве средства управляемой визуализации проекционных задач, которое позволяет перейти от анализа пространственной формы объекта к самостоятельному построению ортогонального чертежа.

Задачи исследования:

1) проанализировать актуальные направления применения CAD-сред в геометро-графической подготовке обучающихся;

2) установить риск, при котором проекционный анализ подменяется простым автоматическим формированием изображения;

3) аргументировать целесообразную очередность учебных действий — от анализа условия задачи к построению модели, а затем к проекциям и чертежу;

4) выявить признаки, по которым можно диагностировать понимание связи между пространственной формой объекта и ее проекционным изображением.

Гипотеза строится на следующем допущении: трехмерная модель ведет к осмысленному решению проекционных задач только тогда, когда КОМПАС-3D служит промежуточной визуально-аналитической опорой, а не инструментом для быстрого получения ответа.

Новизна работы заключается в теоретическом обосновании переходной дидактической модели, внутри которой КОМПАС-3D связывает три уровня учебной деятельности: пространственный анализ объекта, цифровую визуализацию его формы и самостоятельное построение ортогональных проекций.

Теоретическая ценность исследования видна в том, что дидактическая роль CAD-среды при изучении начертательной геометрии получает более точное определение. **Практическая сторона** связана с тем, что методику можно применить для построения занятий, подготовки заданий с плавно возрастающей сложностью, выявления ошибок и развития у студентов понимания связи между объемной формой и ее плоским изображением.

Основная часть

Возможности КОМПАС-3D при визуализации проекционных задач раскрываются сразу по нескольким линиям: объект можно показать, как трехмерную конструкцию, сменить точку наблюдения, обнаружить скрытые элементы формы и сравнить построенную модель с ее плоским изображением. Однако учебная ценность зависит не от самого обращения к программе, а от того, насколько выполняемые в ней действия отвечают геометрическому смыслу задачи.

Исходной точкой подхода служит анализ формы, а не изучение интерфейса. Первоначальная геометрия объекта проявляется в эскизе; операции выдавливания и вырезания делают наглядным изменение объема; поворот модели помогает проверить направление взгляда, а сравнение видов подтверждает согласованность ортогональных изображений. Команда программы в такой логике лишь внешне оформляет то мыслительное действие, которое студент должен произвести сам.

С методической стороны существенно, чтобы зависимость от зрительного образа модели со временем убывала. Сначала модель дает первичное понимание формы объекта; затем она нужна для сопоставления этой формы с видами и проекциями; позже ее роль смещается — теперь это средство самопроверки для учащегося. По этой причине в начале обучения разумно брать простые учебные детали и небольшой набор команд: эскиз, создание элементарного объема, вырезание, изменение ориентации модели и получение базовых видов.

Ценность КОМПАС-3D измеряется не ростом скорости черчения, а тем, что переход от мысленного пространственного образа к его графическому виду совершается осознанно. Цифровая среда дает шанс заметить расхождение между ожидаемым и фактически полученным изображением

и понять, на каком шаге появилась ошибка. За счет этого визуализация не просто иллюстрирует, но и обучает и служит диагностике.

Методология исследования. Исследование имеет теоретико-методический характер и направлено на выстраивание такой последовательности учебных действий, при которой КОМПАС-3D не подменяет собой классический графический анализ. Методическую основу составили изучение научной литературы, сравнительно-методический анализ, педагогическое моделирование, содержательный разбор типичных затруднений и методическое обобщение.

Обзор источников помог выделить наиболее актуальные сегодня направления изучения CAD-систем, геометрографической подготовки и пространственного мышления. Сравнительно-методический анализ использовался, чтобы сопоставить традиционную объяснительно-иллюстративную схему занятия с моделью, где цифровое представление объекта работает как управляемый визуальный ориентир. Порядок действий преподавателя и студента при решении проекционной задачи удалось выстроить через педагогическое моделирование.

Подробный разбор затруднений обучающихся дал возможность разнести ошибки по нескольким уровням: неполные представления о пространственной форме, неточности при построении цифровой модели, трудности перехода от модели к ортогональным проекциям, рассогласованность видов, неверное установление видимости и неспособность объяснить полученный чертеж. На эти уровни и опирается дальнейшая диагностика.

Разработанная методика построена на принципе постепенного сокращения визуальной поддержки для учащегося. Начало работы — разбор условия задачи и определение пространственных особенностей рассматриваемого объекта. Следующий шаг — построение его упрощенной модели с последующим сопоставлением такого представления с типовыми видами и признаками видимости. Только после выполнения этих этапов студент переходит к самостоятельному построению чертежа. Что касается итоговой проверки, она затрагивает не только качество полученного изображения: обучающемуся необходимо кратко пояснить логику собственных построений и указать вероятные причины допущенных неточностей.

Результаты исследования. Основным итогом проведенного исследования выступает переходная дидактическая модель применения КОМПАС-3D в процессе решения проекционных задач. Она объединяет три уровня учебной деятельности: пространственный уровень, предполагающий анализ формы объекта; цифровой уровень, на котором проверяются выдвинутые ранее предположения; графический уровень, где студент самостоятельно выполняет ортогональный чертеж и поясняет принцип его построения.

Данная модель не допускает прямого копирования изображения из программного обеспечения. Сначала у обучающегося складывается собственное представление о форме объекта, далее это представление конкретизируется посредством трехмерной модели, после чего модель сопоставляется с системой видов, и лишь на завершающем этапе осуществляется переход непосредственно к выполнению чертежа. Именно такая последовательность действий обеспечивает то, что цифровая среда выступает не заменителем самостоятельного решения задачи, а инструментом, придающим этому решению геометрическую обоснованность.

Начинается всё с пространственного уровня модели, который задает исходный объект анализа: учащемуся нужно определить, из каких элементарных объемов состоит деталь, какие ее части выступают, какие образованы вырезанием и какие связи между частями важны для будущих проекций. Выдвинутую гипотезу студент проверяет на цифровом уровне средствами КОМПАС-3D, но эта проверка не заменяет само рассуждение: полученная в программе форма сопоставляется с исходным условием, и представление о детали уточняется. Следующий шаг относится к графическому уровню: в систему ортогональных видов переносят не картинку из программы, а итог самостоятельного анализа учащегося.

Разделение на уровни как раз и сохраняет педагогический смысл начертательной геометрии. Если организовать работу иначе и получать виды автоматически с первых минут, студент увидит готовое графическое решение раньше, чем у него сложится понимание его геометрических оснований. Предлагаемая же последовательность построения иначе: цифровая модель возникает лишь на этапе, сле-

дующем за предварительным анализом, и выполняет функцию проверочного инструмента. Отсюда и роль программы КОМПАС-3D в учебном процессе — она задействуется не для получения готового ответа, а как средство, обеспечивающее переход от зрительного образа к обоснованному построению проекций.

Вследствие этого меняется и сама специфика контроля. Значение приобретает не только правильность выполнения линий на чертеже, но и способность обучающегося аргументированно раскрыть, по какой причине определенный элемент присутствует на одном виде, но оказывается скрыт или передан иным образом на другом, каким образом обеспечена согласованность контуров, а также почему именно такое изображение получается при определенном направлении обзора. Образовательный результат в этом случае получает форму не отдельного чертежа, а устойчивой взаимосвязи, объединяющей самостоятельное графическое действие, цифровую визуализацию и пространственный анализ (см. табл.).

Методическая модель применения КОМПАС-3D при решении проекционных задач

Этап работы	Действие обучающегося	Функция КОМПАС-3D	Методическая задача преподавателя	Ожидаемый результат
Анализ условия задачи	Выделяет форму объекта, основные элементы и их взаимное расположение	Не используется либо используется минимально	Направить внимание на геометрическое содержание задачи	Сформировано первичное пространственное представление
Построение упрощенной модели	Создает простую трехмерную модель с ограниченным набором команд	Визуализирует пространственную структуру объекта	Не допустить смещения внимания на интерфейс программы	Уточнена форма объекта и взаимное положение элементов
Сопоставление модели и проекций	Сравнивает модель с видами, анализирует направление взгляда и видимость	Обеспечивает проверку связи между формой и изображением	Организовать обсуждение согласованности видов	Осознана логика ортогонального проецирования
Самостоятельное выполнение чертежа	Выполняет построение без прямого копирования изображения из программы	Служит вспомогательной опорой либо средством последующей проверки	Сохранить самостоятельность графического действия	Получен осмысленный проекционный чертеж
Диагностический разбор ошибки	Объясняет причину расхождения между моделью и чертежом	Помогает выявить уровень затруднения	Использовать ошибку как материал для коррекции обучения	Определены индивидуальные учебные затруднения

Примечание: сост. авторами.

Таблица показывает, как распределяются задачи между обучающимся, преподавателем и программной средой. На стадии осмысления условия задачи обращение к КОМПАС-3D сведено к минимуму — это сделано намеренно, чтобы студент сохранял способность самостоятельно ориентироваться в пространственных построениях. Когда формируется модель, программное обеспечение выступает инструментом верификации первоначального предположения о геометрической форме объекта. На стадии, где модель соотносится с проекционными изображениями, программа помогает установить соответствие между трехмерным объемом и его плоскостным отображением. Наконец, при выполнении студентом чертежа без посторонней помощи роль программы становится второстепенной: она используется лишь для проверки полученного результата.

Методическое моделирование дало возможность выделить диагностические категории ошибок. Первую из них составляют ошибки пространственного анализа: искаженное представление о форме объекта, о его выступающих и вырезанных элементах, а также о сопряжениях и взаимном расположении составных частей. Вторую категорию образуют ошибки циф-

рового моделирования — ситуации, когда команды выполняются внешне корректно, но итоговая модель не соответствует поставленному условию. Третья категория обусловлена трудностями перехода к проекционным изображениям: неверно выбранное направление взгляда, рассогласованность видов между собой и непонимание того, что один и тот же элемент может по-разному отображаться на разных видах. Четвертая категория включает ошибки видимости и слабо обоснованное объяснение результата.

Результативность подхода оценивается по ряду признаков: насколько точно согласованы виды между собой, правильно ли выделены видимые и скрытые линии контура, может ли учащийся раскрыть связь между объемной моделью и ее ортогональным отображением, в какой степени чертеж выполнен самостоятельно и насколько ясно студент называет источник допущенной неточности. Такая оценка учитывает не только внешнее качество изображения, но и глубину стоящего за ним пространственного мышления.

Обратимся к практическому применению подхода на примере задания по построению видов несложной учебной детали. На первом этапе студентам предстоит

определить набор элементов, подлежащих отображению на главном виде, а также на видах сверху и слева; далее ими создается упрощенная модель, включающая ограниченное количество операций формообразования. Полученная модель сопоставляется с ортогональными изображениями, и лишь после того, как обсуждены направление взгляда, взаимная согласованность видов и особенности отображения невидимых контуров, обучающиеся переходят к самостоятельному выполнению чертежа.

Полученные данные соответствуют выводам ряда современных научных работ [9—16], авторы которых связывают развивающий эффект *CAD*-инструментов для пространственного анализа с необходимостью активной трансформации формы и осмысленного сопоставления модели с ее проекцией. Отсюда следует, что подтверждена не универсальная эффективность КОМПАС-3D как такового, а определенная методическая логика его встраивания в учебный процесс.

Обсуждение результатов исследования. В отличие от классического объяснительно-иллюстративного подхода, рассматриваемая методика предполагает прохождение учащимся полного цикла учебного действия: он разбирает условие задачи, выдвигает гипотезу о форме объекта, подтверждает эту гипотезу проверке посредством модели, соотносит полученную модель с проекциями, составляет чертеж и поясняет допущенные ошибки. При этом цифровая визуализация выступает инструментом, органично встроенным в содержание начертательной геометрии, а не средством демонстрации уже готового решения.

Овладение командами *CAD*-системы тоже не исчерпывает суть методики. Обращение к программе только ради быстрого получения изображения не гарантирует, что учащийся поймет логику проекционных построений. Предлагаемый подход исходит из другого мерила: значимость работы в КОМПАС-3D определяется не числом освоенных функций, а тем, насколько они включены в анализ формы объекта, выбор направления взгляда, взаимное согласование видов и качество итогового чертежа.

Многое здесь зависит от профессионального уровня преподавателя. Ему приходится следить не только за технической стороной работы с программой, но и за ходом мысли учащегося: задавать вопросы о форме объекта, требовать обоснования выбранного вида, обращать внимание на признаки видимости и трактовать ошибку как материал для диагностики. Если преподаватель сводит занятие к простому показу команд, его развивающий потенциал заметно падает, и урок фактически превращается в освоение интерфейса.

У работы есть ограничение методологического свойства: изложенные положения теоретичны, а экспериментальная проверка эффективности модели в статье не выполнялась. Последующая эмпирическая проверка могла бы включать сравнение двух групп обучающихся: занимавшихся по традиционной схеме и осваивавших материал по описанной последовательности — с оценкой по ряду параметров: точность согласования видов, корректность определения видимости, качество объяснения допущенной ошибки и способность испытуемых самостоятельно выполнить аналогичное задание.

Отдельным направлением развития методики служит формирование банка учебных заданий по принципу нарастающей сложности: от распознавания формы объекта и построения его видов до анализа разрезов и сечений,

поиска ошибок в готовых изображениях и раскрытия связи между моделью и ее проекцией. Подобная логика построения заданий подтверждает положение о том, что пространственная визуализация формируется благодаря деятельности преобразованию формы и осмыслению собственных графических действий [15; 16].

Заключение

Результаты проведенной работы свидетельствуют о том, что обращение к КОМПАС-3D в преподавании начертательной геометрии обретает методическое обоснование лишь при условии, что программа выполняет роль промежуточного визуально-аналитического звена между пространственным образом объекта и его проекционным изображением. Компьютерная модель не должна подменять собой самостоятельно выполняемый чертеж — ее назначение состоит в том, чтобы помочь студенту понять, как соотносятся между собой форма предмета, его вид и ортогональная проекция.

Цель, сформулированная в начале исследования, достигнута благодаря теоретическому обоснованию переходной дидактической модели. Задачи работы предполагали рассмотрение современных подходов к применению *CAD*-сред, выявление рисков, которые несет автоматизированная подмена проекционного анализа, характеристику последовательности учебных действий — от анализа условия задачи до самостоятельного выполнения чертежа, — а также обозначение диагностических признаков, по которым можно судить о степени понимания материала.

К основным факторам риска относятся слишком ранний показ уже готовой модели, смещение фокуса внимания в сторону интерфейса, автоматическое формирование изображения, при котором геометрическая логика построения остается нераскрытой, и воспроизведение результата на сугубо формальном уровне. Ослабить влияние этих факторов позволяет ряд условий: необходим предварительный анализ условия задачи; на начальном этапе целесообразно ограничивать набор доступных команд; построенную модель необходимо в обязательном порядке сопоставлять с системой проекций; важно сохранять самостоятельность графического действия.

Педагогические рекомендации, адресованные преподавателю, охватывают подбор заданий с постепенно нарастающей сложностью, обращение к программе КОМПАС-3D лишь после того, как форма детали подвергнется предварительному анализу, рассмотрение вопросов, касающихся направления взгляда, взаимной согласованности видов и признаков видимости, а также диагностику типичных ошибок. Прикладная значимость представленной модели заключается в ее пригодности для использования на занятиях по начертательной геометрии, инженерной и компьютерной графике.

Научная новизна работы обусловлена уточнением функции КОМПАС-3D — данная система выступает инструментом, интегрирующим пространственный, цифровой и графический уровни учебной деятельности. Дальнейшее развитие исследования подразумевает проверку предложенной методики в рамках педагогического эксперимента, формирование банка учебных задач, а также определение критериев, по которым можно судить о сформированности пространственного мышления обучающихся.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семенов В. А., Вахитова Р. Г., Зиганшина Ф. Т. КОМПАС-3D как инструмент освоения графических дисциплин // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2021. № 2(36). С. 127—131. DOI: 10.17122/2541-8904-2021-2-36-127-131.
2. Анамова Р. Р., Хотина Г. К. Методики и средства обучения для дистанционных занятий по геометро-графическим дисциплинам // Наука и школа. 2021. № 3. С. 137—153.
3. Бояшова Е. П. Особенности дистанционного обучения геометро-графическим дисциплинам с использованием методов конструктивного геометрического моделирования // Геометрия и графика. 2021. Т. 9. № 3. С. 46—56. DOI: 10.12737/2308-4898-2021-9-3-46-56.
4. Верхотурова Е. В., Иващенко Г. А. Причинно-следственный анализ проблем геометро-графической подготовки обучающихся технического вуза // Геометрия и графика. 2022. Т. 10. № 2. С. 60—69. DOI: 10.12737/2308-4898-2022-10-2-60-69.
5. Козлова И. А., Славин Р. Б., Славин Б. М. Графические дисциплины и информатизация инженерного образования // Геометрия и графика. 2022. Т. 10. № 4. С. 35—45. DOI: 10.12737/2308-4898-2022-10-4-35-45.
6. Назарова Ж. А. Обоснование последовательного изучения разделов начертательной геометрии и инженерной компьютерной графики // Современные наукоемкие технологии. 2023. № 1. С. 133—137. DOI: 10.17513/snt.39510.
7. Назарова Ж. А. Геометро-графическая подготовка студентов технических специальностей в современных условиях // Геометрия и графика. 2024. Т. 12. № 1. С. 41—49. DOI: 10.12737/2308-4898-2024-12-1-41-49.
8. Трансформация геометро-графических дисциплин в МАИ при переходе к базовому высшему образованию / Р. Р. Анамова, А. В. Рипецкий, С. А. Леонова и др. // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2025. № 6. С. 83—89. DOI: 10.20339/AM.06-25.083.
9. Dilling F., Vogler A. Fostering Spatial Ability Through Computer-Aided Design: a Case Study // Digital Experiences in Mathematics Education. 2021. Vol. 7. Iss. 2. Pp. 323—336. DOI: 10.1007/s40751-021-00084-w.
10. Shih Y. T., Sher W. Exploring the Role of CAD and its Application in Design Education // Computer-Aided Design and Applications. 2021. Vol. 18. No. 6. Pp. 1410—1424. DOI: 10.14733/cadaps.2021.1410-1424.
11. Gutiérrez de Ravé E., Jiménez-Hornero F. J. A 3D Descriptive Geometry Problem-Solving Methodology Using CAD and Orthographic Projection // Symmetry. 2024. Vol. 16. Iss. 4. Art. 476. DOI: 10.3390/sym16040476.
12. Gutiérrez de Ravé S., Gutiérrez de Ravé E., Jiménez-Hornero F. J. Integrating CAD and Orthographic Projection in Descriptive Geometry Education: A Comparative Analysis with Monge's System // Education Sciences. 2025. Vol. 15. Iss. 11. Art. 1492. DOI: 10.3390/educsci15111492.
13. Bartlett K. A., Camba J. D. Toward a Broader Understanding of Spatial Ability in CAD Education // Computer-Aided Design & Applications. 2024. Vol. 21. No. 1. Pp. 39—54. DOI: 10.14733/cadaps.2024.39-54.
14. Ngcobo Z. Keeping Pace with 21st Century Skills: The Role of Computer-Aided Design in Teaching Engineering Graphics and Design // International Journal of Learning, Teaching and Educational Research. 2025. Vol. 24. No. 12. Pp. 546—568. DOI: 10.26803/ijlter.24.12.24.
15. Ripoll Chacón O. Influencia del dibujo técnico en el desarrollo de la visión espacial: una revisión sistemática de la literatura // UTE. Teaching & Technology, Universitas Tarraconensis. 2025. Núm. 2. Art. e3930.
16. Rochman D. Geometry in Motion: A Craft Perspective for Design and Teaching: A Case Study — The Hinge // Computer-Aided Design & Applications. 2026. Vol. 23. No. 3. Pp. 302—316. DOI: 10.14733/cadaps.2026.302-316.

REFERENCES

1. Semeno V. A., Vakhitova R. G., Ziganshina F. T. KOMPAS-3D as a tool for learning graphic disciplines. *Vestnik UGN-TU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya ekonomika = Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*. 2021;2(36):127—131. (In Russ.) DOI: 10.17122/2541-8904-2021-2-36-127-131.
2. Anamova R. R., Khotina G. K. Teaching methods and tools for distance learning in geometric and graphic disciplines. *Nauka i shkola = Science and School*. 2021;3:137—153. (In Russ.)
3. Boyashova E. P. Features of Distance Learning in Geometric and Graphic Disciplines Using Methods of Constructive Geometric Modeling. *Geometriya i grafika = Geometry & Graphics*. 2021;9(3):46—56. (In Russ.) DOI: 10.12737/2308-4898-2021-9-3-46-56.
4. Verhoturova E. V., Ivaschenko G. A. Cause and Effect Diagram of the Problems of Geometric and Graphic Training of Students at a Technical University. *Geometriya i grafika = Geometry & Graphics*. 2022;10(2):60—69. (In Russ.) DOI: 10.12737/2308-4898-2022-10-2-60-69.
5. Kozlova I. A., Slavin R. B., Slavin B. M. Graphic Disciplines and Informatization of Engineering Education. *Geometriya i grafika = Geometry & Graphics*. 2022;10(4):35—45. (In Russ.) DOI: 10.12737/2308-4898-2022-10-4-35-45.
6. Nazarova Z. A. Justification of the consistent study of the sections of descriptive geometry and engineering computer graphics. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2023;1:133—137. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.39510.
7. Nazarova Z. A. Geometric and Graphic Training of Technical Students in Modern Conditions. *Geometriya i grafika = Geometry & Graphics*. 2024;12(1):41—49. (In Russ.) DOI: 10.12737/2308-4898-2024-12-1-41-49.
8. Anamova R. R., Ripetskiy A. V., Leonova S. A. et al. Transformation of geometric and graphic disciplines in MAI during the transition to basic higher education. *Alma mater. Vestnik vysshei shkoly*. 2025;6:83—89. (In Russ.) DOI: 10.20339/AM.06-25.083.
9. Dilling F., Vogler A. Fostering Spatial Ability Through Computer-Aided Design: a Case Study. *Digital Experiences in Mathematics Education*. 2021;7(2):323—336. DOI: 10.1007/s40751-021-00084-w.
10. Shih Y. T., Sher W. Exploring the Role of CAD and its Application in Design Education. *Computer-Aided Design and Applications*. 2021;18(6):1410—1424. DOI: 10.14733/cadaps.2021.1410-1424.

11. Gutiérrez de Ravé E., Jiménez-Hornero F. J. A 3D Descriptive Geometry Problem-Solving Methodology Using CAD and Orthographic Projection. *Symmetry*. 2024;16(4):476. DOI: 10.3390/sym16040476.
12. Gutiérrez de Ravé S., Gutiérrez de Ravé E., Jiménez-Hornero F. J. Integrating CAD and Orthographic Projection in Descriptive Geometry Education: A Comparative Analysis with Monge's System. *Education Sciences*. 2025;15(11):1492. DOI: 10.3390/educsci15111492.
13. Bartlett K. A., Camba J. D. Toward a Broader Understanding of Spatial Ability in CAD Education. *Computer-Aided Design & Applications*. 2024;21(1):39—54. DOI: 10.14733/cadaps.2024.39-54.
14. Ngcobo Z. Keeping Pace with 21st Century Skills: The Role of Computer-Aided Design in Teaching Engineering Graphics and Design. *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*. 2025;24(12):546—568. DOI: 10.26803/ijlter.24.12.24.
15. Ripoll Chacón O. Influence of technical drawing on the development of spatial visualization ability: a systematic literature review. *UTE. Teaching & Technology, Universitas Tarraconensis*. 2025;2:e3930. (In Spanish)
16. Rochman D. Geometry in Motion: A Craft Perspective for Design and Teaching: A Case Study — The Hinge. *Computer-Aided Design & Applications*. 2026;23(3):302—316. DOI: 10.14733/cadaps.2026.302-316.

Статья поступила в редакцию 07.06.2026; одобрена после рецензирования 05.07.2026; принята к публикации 06.07.2026.
The article was submitted 07.06.2026; approved after reviewing 05.07.2026; accepted for publication 06.07.2026.

Научная статья**УДК 37.013****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1673****Viktoria Vitalievna Kozhevnikova**

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Family and Childhood
Psychology of Vygotsky Institute of Psychology,
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
Viktoriyavkozhevnikova@yandex.ru

Виктория Витальевна Кожевникова

канд. пед. наук,
доцент кафедры психологии семьи и детства
Института психологии им. Л. С. Выготского,
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация
Viktoriyavkozhevnikova@yandex.ru

Ekaterina Alexandrovna Krylova

Postgraduate of the Department of Primary,
Preschool Education,
and Practical Management
of the Pedagogical Institute,
field of training
5.8.7 — Methodology and technology
of vocational education,
Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
Veliky Novgorod, Russian Federation
krylovak2004@yandex.ru

Екатерина Александровна Крылова

аспирант кафедры начального,
дошкольного образования
и социального управления
Педагогического института,
направление подготовки
5.8.7 — Методология и технология
профессионального образования,
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Российская Федерация
krylovak2004@yandex.ru

ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ: НОВЫЕ ГРАНИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Статья посвящена проблеме интеграции воспитания личности и психолого-педагогического сопровождения в образовательной среде современного вуза. Актуальность исследования обусловлена ростом тревожности, эмоционального выгорания и снижением психологического благополучия среди студентов, что требует пересмотра традиционных подходов к организации воспитательной работы и психологической поддержки в высшей школе. Цель исследования заключается в систематизации современных теоретических и практических подходов к воспитанию личности студентов через призму психолого-педагогического сопровождения, выявлении ключевых противоречий между научными данными и массовой вузовской практикой, предложении комплекса практических мер по их преодолению. Методология исследования базируется на обзорно-аналитическом подходе с применением методов проблемно-хронологического анализа, систематизации научных исследований (2020—2026 гг.) и концептуального синтеза. Теоретическую основу составили деятельностный подход, теория воспитательных систем, теория самодетерминации, экзистенциальный подход к профессиональному самоопределению, а также современные зарубежные модели психологического благополучия в образовательной

среде. В качестве результатов исследования авторами выделены четыре ключевых направления поддерживающей среды (психологическая безопасность, автономия, сопровождение профессионального самоопределения, профилактика выгорания преподавателей), выявлены устойчивые противоречия между наукой и практикой, разработана поэтапная модель психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения студентов. Научная новизна работы заключается в объединении данных нейробиологии, теории самодетерминации и новейших исследований в единую интегративную модель воспитания личности через призму психологического благополучия. Практическая значимость состоит в возможности применения предложенных рекомендаций руководителями вузов, психологическими службами и преподавателями для реформирования образовательной среды.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, воспитание личности, образовательная среда вуза, психологическое благополучие, профессиональное самоопределение, экзистенциальный подход, автономия студентов, профилактика выгорания, психологическая безопасность, поддерживающая среда, рефлексивные практики, наставничество

Для цитирования: Кожевникова В. В., Крылова Е. А. Воспитание личности и психолого-педагогическое сопровождение: новые грани образовательной среды и психологического благополучия // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 420—428. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1673.

Original article

PERSONAL EDUCATION AND PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT: NEW FACETS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article is devoted to the problem of integrating personality education and psychological and pedagogical support in the educational environment of a modern university. The relevance of the study is due to the growing anxiety, emotional burnout, and decrease in psychological well-being among students, which requires a revision of traditional approaches to the organization of educational work and psychological support in higher education. The purpose of the study is to systematize modern theoretical and practical approaches to the education of a student's personality through the prism of psychological and pedagogical support, to identify key contradictions between scientific data and mass university practice, and to propose a set of practical measures to overcome them. The research methodology is based on a review-analytical approach using methods of problem-chronological analysis, systematization of scientific research (2020-2026), and conceptual synthesis. The theoretical basis is formed by the activity approach, the theory of educational systems, the theory of self-determination, the existential approach to professional self-determination, as well as modern foreign models of psychological well-

being in the educational environment. As the results of the study, the authors identify four key areas of a supportive environment (psychological safety, autonomy, support for professional self-determination, and prevention of burnout among teachers), reveal persistent contradictions between science and practice, and develop a step-by-step model of psychological and pedagogical support for students' professional self-determination. The scientific novelty of the work lies in the combination of neurobiology data, self-determination theory, and the latest research into a single integrative model of personality development through the lens of psychological well-being. The practical significance lies in the possibility of applying the proposed recommendations by university leaders, psychological services, and teachers to reform the educational environment.

Keywords: psychological and pedagogical support, personality education, university educational environment, psychological well-being, professional self-determination, existential approach, student autonomy, prevention of emotional burnout, psychological safety, supportive environment, reflective practices, mentoring

For citation: Kozhevnikova V. V., Krylova E. A. Personal education and psychological and pedagogical support: new facets of the educational environment and psychological well-being. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):420—428. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1673.

Введение

Актуальность. Современный этап развития высшего образования характеризуется парадоксальностью: с одной стороны, от вузов требуют подготовки конкурентоспособных, гибких, инновационных специалистов, с другой — сама образовательная среда зачастую остается ригидной, стрессогенной и ориентированной на трансляцию знаний, а не на развитие личности. Рост тревожности, депрессивных состояний и эмоционального выгорания среди студентов фиксируется во всем мире. Как отмечает Н. Ф. Кормильцев [1], ссылаясь на данные Всемирной организации здравоохранения и метаанализ 47 исследований (Дж. П. Пачеко с соавторами, 2022), ситуация с психическим здоровьем студенческой молодежи приобретает характер эпидемии: около 45 % учащихся высших учебных заведений сообщают о симптомах тревожных расстройств, а 37,4 % демонстрируют клинически значимый уровень тревожности по шкале *GAD-7*, причем этот показатель вырос на 12 % по сравнению с допандемийным периодом. В этих условиях проблема воспитания личности и психолого-педагогического сопровождения перестает быть «периферийной» и становится актуальной для образовательной повестки.

Изученность проблемы. Анализ современной литературы показывает, что проблема воспитания личности и психолого-педагогического сопровождения в образовательной среде имеет глубокие теоретические корни и активно разрабатывается в нескольких научных направлениях.

Теоретические основания воспитания. В XX в. фундаментальные основы воспитания были заложены в русле деятельностного подхода (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин) и теории воспитательных систем

(В. А. Караковский, Л. И. Новикова). Эти работы сформировали понимание воспитания как целенаправленного процесса развития личности в деятельности и общении.

Теоретические основания психолого-педагогического сопровождения. В российской педагогике понятие «психолого-педагогическое сопровождение» было введено и теоретически обосновано в конце 1990-х гг. Е. И. Казаковой и Л. М. Шипицыной, которые определили сопровождение как метод, обеспечивающий создание условий для принятия субъектом развития оптимальных решений. Практическую реализацию этого подхода в деятельности психологической службы образования разработали М. Р. Битянова и И. В. Дубровина. Однако длительное время две линии — «воспитание» и «сопровождение» — существовали параллельно. Их интеграция в единую концепцию воспитывающей и поддерживающей среды — задача последнего десятилетия.

Современные зарубежные исследования. Основополагающими работами, задавшими вектор исследований в данной области, стали теория самодетерминации Р. М. Райана и Э.Л. Деси [2], показавшая критическую роль автономии для внутренней мотивации, а также нейробиологическое исследование М. Х. Иммордино-Янг и А. Дамазиньо [3], доказавшее, что психологическая безопасность является базовым условием эффективного обучения.

Эмпирические исследования психологического благополучия в образовании. Ряд современных исследований подтверждают ключевую роль психологического благополучия в образовательном процессе. Метаанализ Д. Л. Роорды с соавторами [4] показал прямую корреляцию ($r = 0,39$) между качеством отношений «студент-преподаватель»

и академической успеваемостью. Лонгитюдное исследование И. Чжан и Х. Чэнь [5] выявило, что воспринимаемая социальная поддержка является предиктором резильентности студентов. Дж. Л. Ховард с соавторами [6] в мета-анализе 637 выборок ($N = 388\,912$ студентов) продемонстрировали, что поддерживающее поведение учителей положительно коррелирует с успеваемостью, вовлеченностью и благополучием студентов.

Исследования профессионального самоопределения и экзистенциального подхода. Классические работы Э. Гинзберга [7] заложили основу для понимания карьерного выбора как длительного процесса. Ч. Чжао с соавторами [8] в лонгитюдном исследовании с участием 692 студентов-медсестер из китайских университетов изучили связь между карьерной адаптивностью, карьерной приверженностью, карьерной идентичностью и карьерным благополучием. Е.А. Исаев и Н.М. Романенко [9] в своем исследовании экзистенциального подхода к профессиональному самоопределению доказали, что профессиональное самоопределение – это не подбор способностей, а ответы на вопросы «зачем?», «ради чего?», «в чем мой смысл?». Н. В. Керемли с соавторами [10; 11] рассмотрел состояние проблемы профессионального самоопределения и вхождения в профессию студентов – будущих педагогов-психологов.

Исследования партнерского подхода в наставничестве. Важное направление современных исследований связано с изучением партнерских отношений в образовательном процессе. К. Сири с соавторами [12] в исследовании партнерского подхода в программе наставничества «равный — равному» выявили, что студенты, выступавшие в роли наставников, развивали новые навыки и отношения, однако было обнаружено значительное расхождение между ожиданиями наставников и реальным опытом, что вызывает необходимость более внимательного отношения к эмоциональным аспектам партнерства.

Исследования восстановительных практик. К. Халверсхорн и Ш. Малхолланд [13] в своем исследовании обосновали восстановительные практики как философию и действия, направленные на построение отношений и обучение на основе вреда (*learning from harm*, т. е. извлечение уроков из конфликтных ситуаций), с использованием как неформальных, так и формальных процессов для предотвращения конфликтов. Авторы подчеркивают, что интеграция восстановительных практик с социально-эмоциональным обучением позволяет адресовать проблемы неравенства в образовательной среде.

Исследования выгорания преподавателей. Х. Каде-на-Повеа с соавторами [14] в систематическом обзоре 60 исследований выявили, что эмоциональное выгорание преподавателей связано с чрезмерной рабочей нагрузкой, внутриличностными конфликтами (60 % — наиболее значимый фактор), отсутствием институциональной поддержки и низкой удовлетворенностью работой. Авторы предлагают многоуровневую модель профилактики выгорания, включающую индивидуальный, межличностный и организационный уровни.

Исследования феномена «заражения» стрессом. Важное направление современных исследований связано с изучением передачи эмоционального напряжения между участниками образовательного процесса. Э. Оберле и К. А. Шонерт-Рейхл [15] в своем эмпирическом исследовании выявили статистически значимую положительную связь между уровнем эмоционального выгорания

преподавателя и утранным уровнем кортизола у студентов, что позволило авторам ввести понятие «заражения стрессом» (*stress contagion*) в образовательной среде. Этот феномен указывает на то, что психологическое благополучие педагога является не просто индивидуальной проблемой, но системным фактором, влияющим на всех участников образовательного процесса. Т. М. Бостанджиева и А. В. Пестов [16] подтвердили значимость этого феномена в российской образовательной среде, показав, что у 48 % учителей средних классов и 52 % учителей старших классов сформирована фаза «резистенции» эмоционального выгорания (авторы предполагают, что сходные тенденции могут наблюдаться и в вузовской среде, что требует отдельного изучения).

Исследования социокультурных потребностей, социально-проектной деятельности и профилактики выгорания. Т. С. Матюхова [17] обосновала необходимость психолого-педагогического сопровождения развития социокультурных потребностей студентов-будущих педагогов. Ю. М. Ибрагимов [18] обосновал возможности социально-проектной деятельности для формирования педагогической культуры будущих бакалавров социальной работы. А. М. Лощаков [19] обосновал психолого-педагогические условия развития культуры здоровья студентов вузов, доказав гетерохронность развития ее компонентов, что необходимо учитывать при проведении психолого-педагогического сопровождения.

Исследования цифрового сопровождения адаптации и организационно-педагогического сопровождения. Н. С. Мендова и О. А. Воскресенский [20] предложили и апробировали модель адаптации первокурсников с помощью информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ). М. А. Ермохина [21] обосновала компоненты системы организационно-педагогического сопровождения психолого-педагогических классов.

Целесообразность разработки темы. Несмотря на значительный объем накопленных научных данных, они остаются разрозненными, а единая концепция, интегрирующая воспитание личности и психолого-педагогическое сопровождение в вузе, отсутствует. Массовая вузовская практика продолжает опираться на устаревшие авторитарные модели, где воспитание сводится к «внеаудиторной работе», а психологическая поддержка — к работе кабинета по запросу. Существует устойчивое противоречие между научным знанием о критической важности психологической безопасности и автономии и реальными практиками публичного стыда за ошибки, жестких рейтингов и безальтернативных учебных планов. До сих пор не изучены системные связи между четырьмя ключевыми компонентами: психологической безопасностью, автономией студента, длительным сопровождением профессионального самоопределения (включая его экзистенциальный аспект) и благополучием преподавателя. Ни одно из предыдущих исследований не предлагало интегративной модели, объединяющей эти компоненты.

Научная новизна исследования. В отличие от существующих разрозненных исследований, в данной статье впервые:

1) предложена интегративная модель воспитания личности в вузе, объединяющая четыре компонента (психологическая безопасность, автономия, экзистенциальное сопровождение профессионального самоопределения, благополучие преподавателя) в единую систему;

2) систематизированы новейшие исследования 2020—2026 гг., ранее не рассматривавшиеся совместно в обзорных статьях по данной тематике;

3) эксплицирован экзистенциальный аспект профессионального самоопределения как ключевой фактор устойчивости студента;

4) разработана поэтапная практическая модель психолого-педагогического сопровождения от I до IV курса;

5) синтезированы данные нейробиологии, теории самодетерминации и кросс-культурных исследований выгорания в прикладные рекомендации для вузов.

Цель исследования заключается в систематизации современных теоретических и практических подходов к воспитанию личности студентов через призму психолого-педагогического сопровождения, выявлении ключевых противоречий между научными данными и массовой вузовской практикой, предложении комплекса практических мер по их преодолению.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- систематизировать ключевые направления современных исследований по проблеме воспитания личности и психолого-педагогического сопровождения в вузе;
- выявить устойчивые противоречия между научными данными и массовой вузовской практикой в этой сфере;
- предложить комплекс практических мер по преодолению выявленных проблем, опираясь на синтез проанализированных источников.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что эффективная воспитательная среда вуза может быть построена как система взаимосвязанных компонентов: психологическая безопасность, автономия (право выбора), длительное сопровождение профессионального самоопределения (включая экзистенциальный аспект) и забота о благополучии преподавателей.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации современных подходов к воспитанию личности и психолого-педагогическому сопровождению в вузе, а также в разработке интегративной модели, объединяющей четыре ключевых компонента поддерживающей образовательной среды. **Практическая значимость** состоит в том, что предложенные рекомендации могут быть использованы руководителями вузов и деканами при разработке программ развития образовательной среды и профилактики выгорания преподавателей, психологическими службами университетов для выстраивания системы длительного сопровождения профессионального самоопределения студентов, а также преподавателями для осмысления собственной роли в создании психологически безопасной среды.

Методология исследования — обзорно-аналитическая. Применены методы проблемно-хронологического анализа, систематизации научных исследований (2020—2026 гг.), концептуального синтеза. Теоретический базис составили деятельностный подход (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин), теория воспитательных систем (В. А. Караковский, Л. И. Новикова), теория самодетерминации Р. М. Райана и Э. Л. Деси [2], экзистенциальный подход к профессиональному самоопределению Е. А. Исаева и Н. М. Романенко [9], концепция «заражения стрессом» (*stress contagion*) Э. Оберле и К. А. Шонерт-Рейхл [15], а также современные зарубежные модели психологического благополучия в образовательной среде.

Использование в работе источников старше 5—7 лет, особенно середины XX в., обусловлено тем, что это фундаментальные работы, которые являются теоретико-методологической основой исследования (Л. С. Выготский, Э. Гинзберг, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин). Без обращения к этим трудам невозможно обосновать понятия деятельностного подхода, теории воспитательных систем и теории профессионального выбора. Кроме того, в список источников включены высокоцитируемые работы, сохраняющие свою актуальность в мировой науке в настоящее время: Р. М. Райан и Э. Л. Деси [2], М. Х. Иммордино-Янг и А. Дамазио [3], Д. Л. Роорда с соавторами [4], Э. Оберле и К. А. Шонерт-Рейхл [15], К. Халверсхорн и Ш. Малхолланд [13]. Вместе с тем основу эмпирической базы составляют публикации последних шести лет (2020—2026 гг.), доля которых превышает 60 % от общего числа источников.

Последовательность выполнения исследования включала три этапа. На первом этапе был проведен анализ научной литературы по проблеме воспитания личности и психолого-педагогического сопровождения в вузе. На втором этапе осуществлена систематизация выявленных направлений исследований и сформулированы устойчивые противоречия между научными данными и массовой вузовской практикой. На третьем этапе на основе концептуального синтеза разработаны предложения по преодолению выявленных проблем, включая поэтапную модель психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения студентов и комплекс мер по профилактике выгорания преподавателей.

Основная часть

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько устоявшихся **направлений**:

• **Психологическая безопасность как базовое условие.** Нейробиологические исследования М. Х. Иммордино-Янг и А. Дамазио [3] доказали: при стрессе и страхе блокируется работа префронтальной коры, обучение становится неэффективным. Метаанализ Д. Л. Роорды с соавторами [4] показал прямую корреляцию ($r = 0,39$) между качеством отношений «студент — преподаватель» и академической успеваемостью. В 2025 г. И. Чжан и Х. Чэнь [5] провели трехволновое лонгитюдное исследование с участием 3 200 студентов китайского университета. Результаты показали, что воспринимаемая социальная поддержка со стороны преподавателей и администрации является предиктором резильентности, а негативные эмоции (депрессия, тревога, стресс) значимо отрицательно коррелируют с резильентностью и социальной поддержкой во всех трех волнах измерения. Авторы вводят понятие «цепи резильентного процесса в экосистеме», где ключевую роль играют не отдельные акты помощи, а устойчивая атмосфера принятия. В российской педагогике эти данные созвучны выводам Т. М. Бостанджиевой и А. В. Пестова [16], которые связали эмоциональное выгорание педагогов с негативным отношением к образовательной среде всех ее участников.

Итак, первый ключевой элемент поддерживающей среды — психологическая безопасность — имеет прочное эмпирическое обоснование. Однако одной безопасности недостаточно. Следующее направление исследований показывает, что студенту необходимо также чувство контроля над собственной образовательной траекторией.

• **Автономия и субъектность.** Теория самодетерминации Р. М. Райана и Э. Л. Деси [2] утверждает: без удовлетворения потребности в автономии внутренняя мотивация и психологическое благополучие невозможны. Дж. Л. Ховард с соавторами [6] провели метаанализ 637 выборок (общая выборка $N = 388\,912$ студентов), посвященный поддерживающему и фрустрирующему поведению в образовательной среде. Результаты показывают, что поддерживающее поведение учителей положительно коррелирует с успеваемостью, вовлеченностью и благополучием студентов. В своей работе Т. С. Матюхова [17] дополнила это положение тезисом о социокультурных потребностях: студент должен не просто «выбирать курсы», но сам осознавать, чего ему не хватает для развития. В исследовании Ю. М. Ибрагимов [18] экспериментально доказал эффективность социально-проектной деятельности: участие в реальных проектах способствует формированию педагогической культуры и ответственности будущих бакалавров социальной работы.

Таким образом, безопасность и автономия создают фундамент, на котором возможно полноценное профессиональное самоопределение. Однако, как показывают следующие исследования, традиционные профориентационные тесты не решают главной задачи — помощи студенту в поиске личных смыслов профессии.

• **Профессиональное самоопределение как экзистенциальная задача.** Классические работы Э. Гинзберга [7] заложили основу для понимания карьерного выбора как длительного процесса. Ч. Чжао с соавторами [8] в лонгитюдном исследовании с участием 692 студентов-медсестер из китайских университетов изучили связь между карьерной адаптивностью, карьерной приверженностью, карьерной идентичностью и карьерным благополучием. Выявлено, что карьерная приверженность опосредует связь между карьерной адаптивностью и карьерной идентичностью, а также между карьерной адаптивностью и карьерным благополучием. Е. А. Исаев и Н. М. Романенко [9] совершили концептуальный прорыв, перенеся экзистенциальную психологию (В. Франкла, И. Ялома) в плоскость вузовской профориентации. Они доказали: профессиональное самоопределение — это не подбор способностей, а ответы на вопросы «зачем?», «ради чего?», «в чем мой смысл?». Без рефлексии этих вопросов даже успешный студент оказывается неустойчив к кризисам.

Важно отметить, что выявление смыслов — процесс, который невозможно ускорить. Он требует времени и сопровождения на протяжении всего обучения. Следующее направление исследований как раз и предлагает поэтапную модель такого сопровождения.

• **Сопровождение вхождения в профессию.** В своих работах Н. В. Керемли с соавторами [10; 11] рассмотрел состояние проблемы профессионального самоопределения и вхождения в профессию студентов — будущих педагогов-психологов. Авторы обосновывают необходимость интеграции вузовского и дополнительного образования средствами вовлечения студентов в волонтерскую, тьюторскую и кураторскую деятельность, а также участия в проекте «Дети в университете». В исследовании М. А. Ермохиной [21] на материале психолого-педагогических классов показала, что системное сопровождение профессиональных проб снижает риск ошибочного выбора на 43 %. К. Сири с соавторами [12] представили результаты исследования партнерского подхода в программе наставничества «равный — равному» в *University College Dublin*. Результаты

показали, что студенты, выступавшие в роли наставников, развивали новые навыки и отношения, их дружеские и профессиональные сети значительно расширялись. Однако было выявлено значительное расхождение между ожиданиями наставников и реальным опытом, что вызывало у многих чувство разочарования и эмоционального напряжения.

Таким образом, современные технологии могут существенно облегчить адаптационный период, особенно на первых курсах. Однако важно не подменять живое общение цифровыми инструментами.

• **Цифровое сопровождение адаптации.** О. А. Воскресенко и Н. С. Мендова [20] предложили и апробировали модель адаптации первокурсников с помощью ИКТ (чат-боты, навигаторы, онлайн-трекеры). Результат: снижение тревожности в 2,2 раза, уменьшение отсева на I курсе на 18 %.

Наконец, нельзя упускать из виду ключевую фигуру образовательного процесса — преподавателя. Его психологическое состояние напрямую влияет на студентов.

• **Благополучие преподавателя.** Э. Оберле и К. А. Шонерт-Рейхл [15] показали: уровень кортизола у студентов прямо коррелирует с выгоранием их преподавателя. Т. М. Бостанджиева и А. В. Пестов [16] подтвердили этот феномен в российской высшей школе, показав, что у 48 % учителей средних классов и 52 % учителей старших классов фаза «резистенции» эмоционального выгорания уже сформировалась, что свидетельствует о стремлении оградить себя от излишних стрессов (по-видимому, сходные тенденции могут наблюдаться и в вузовской среде, однако данное предположение требует отдельного эмпирического подтверждения). А. М. Лошаков [19] обосновал психолого-педагогические условия развития культуры здоровья студентов вузов, доказав гетерохронность развития ее компонентов, что необходимо учитывать при проведении психолого-педагогического сопровождения. Х. Кадена-Повеа с соавторами [14] в систематическом обзоре 60 исследований выявили, что эмоциональное выгорание преподавателей связано с чрезмерной рабочей нагрузкой, внутриличностными конфликтами (60 % — наиболее значимый фактор), отсутствием институциональной поддержки и низкой удовлетворенностью работой. Авторы предлагают многоуровневую модель профилактики выгорания, включающую индивидуальный уровень (тренинги саморегуляции), межличностный (супервизии и группы поддержки) и организационный (пересмотр нагрузки и критериев оценки).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что научные основания для построения поддерживающей образовательной среды разработаны достаточно глубоко. Однако, как будет показано в следующем разделе, между этими научными данными и массовой вузовской практикой существует значительный разрыв.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволил получить следующие результаты.

1. *Психологическая безопасность является базовым условием эффективного обучения.* Метаанализ Л. Роорды с соавторами [4] подтвердил прямую корреляцию ($r = 0,39$) между качеством отношений «студент-преподаватель» и академической успеваемостью. Лонгитюдное исследование И. Чжан и Х. Чэнь [5] показало, что воспринимаемая социальная поддержка выступает предиктором резильентности студентов. Следовательно, создание психологически безопасной среды не «дополнительная опция», а необходимое условие для полноценного обучения и развития личности.

2. *Автономия и субъектность студентов играют критическую роль в формировании внутренней мотивации.* Метаанализ Дж. Л. Ховарда с соавторами [6] продемонстрировал, что удовлетворение потребности в автономии коррелирует с психологическим благополучием на высоком уровне значимости. Социально-проектная деятельность способствует формированию педагогической культуры и ответственности будущих специалистов [18]. Таким образом, право выбора и возможность влиять на собственную образовательную траекторию – ключевые факторы развития субъектности студента.

3. *Профессиональное самоопределение имеет экзистенциальную природу.* Ч. Чжао с соавторами [8] выявили, что карьерная приверженность опосредует связь между карьерной адаптивностью и карьерной идентичностью. Е. А. Исаев и Н. М. Романенко [9] доказали, что без рефлексии экзистенциальных вопросов («зачем?», «ради чего?», «в чем мой смысл?») даже успешный студент оказывается неустойчив к кризисам. Следовательно, традиционные профориентационные тесты недостаточны — необходима глубокая рефлексия личных смыслов профессии.

4. *Разработана поэтапная модель психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения:* адаптационный интенсив на I курсе (с использованием семинаров по методу Н. М. Романенко и Е. А. Исаева [9]), профессиональные пробы на II курсе, рефлексивные группы на III курсе и карьерное консультирование на IV курсе. Отдельные элементы этой модели (волонтерская, тьюторская и кураторская деятельность) обоснованы Н. В. Керемли с соавторами [10; 11], организационно-педагогические механизмы сопровождения — М. А. Ермохиной [21], эффективность партнерского подхода в наставничестве — К. Сири с соавторами [12].

5. *Преподаватели остаются наиболее уязвимой и недостаточно поддерживаемой группой участников образовательного процесса.* Х. Кадена-Повеа с соавторами [14] выявили, что эмоциональное выгорание преподавателей связано с чрезмерной рабочей нагрузкой и отсутствием институциональной поддержки. Т. М. Бостанджиева и А. В. Пестов [16] зафиксировали сходные тенденции в российской школе: у 48 % учителей средних классов и 52 % учителей старших классов сформирована фаза «резистенции» эмоционального выгорания (авторы предполагают, что аналогичные процессы могут наблюдаться и в вузовской среде, что требует отдельного эмпирического подтверждения). А. М. Лошаков [19] обосновал необходимость учета гетерохронности развития компонентов культуры здоровья при организации психолого-педагогического сопровождения.

Выдвинутая гипотеза о том, что эффективная воспитательная среда вуза может быть построена как система взаимосвязанных компонентов (психологическая безопасность, автономия, длительное сопровождение профессионального самоопределения и забота о благополучии преподавателей), полностью подтвердилась в ходе проведенного анализа.

Описание выявленных противоречий. В качестве проблемы исследования рассмотрены следующие противоречия:

1. *Между знанием и внедрением.* Научно доказано, что психологическая безопасность и автономия критически важны. Однако массовая вузовская практика продолжает опираться на авторитарные модели, публичный стыд за ошибки, жесткие рейтинги и безальтернативные учебные планы.

2. *Между формальным и экзистенциальным самоопределением.* Большинство вузов проводит профориентацию на уровне «тест показал — иди туда». Однако, по данным Е. А. Исаева и Н. М. Романенко [9], многие студенты испытывают смысловой кризис на II—III курсах именно потому, что им не помогли задать экзистенциальные вопросы о профессии.

3. *Между потребностью в длительном сопровождении и ресурсными ограничениями.* Н. В. Керемли с соавторами [10; 11] описывает необходимость интеграции вузовского и дополнительного образования. Но реальные вузы перегружены: на одного психолога приходится более 1 000 студентов, преподаватели не обучены сопровождению, а тьюторские службы единичны.

4. *Между требованием к эмпатии преподавателя и отсутствием поддержки самого преподавателя.* От педагога вуза ждут высокого педагогического мастерства, научной продуктивности, эмоциональной включенности. При этом исследования показывают, что эмоциональное выгорание широко распространено среди педагогов: Т. М. Бостанджиева и А. В. Пестов [16] зафиксировали, что у 48 % учителей средних классов и 52 % учителей старших классов сформирована фаза «резистенции» (авторы предполагают, что сходные тенденции могут наблюдаться и в вузовской среде, что требует отдельного изучения), а программы психологической поддержки для преподавателей отсутствуют в 85 % вузов. Х. Кадена-Повеа с соавторами [14] добавляют, что в странах с коллективистской культурой преподаватели сильнее страдают от отсутствия организационной справедливости.

5. *Между цифровизацией и дегуманизацией.* Внедрение дистанционных технологий дает гибкость, но О. А. Воскресенский и Н. С. Мендова [20] фиксируют, что для эффективного сопровождения адаптации необходим комплексный подход, включающий как цифровые, так и живые формы взаимодействия.

Выявленные противоречия указывают на системный характер проблемы. Их преодоление требует не точечных изменений, а комплексного подхода.

Предложения по преодолению выявленных проблем. Опираясь на синтез проанализированных исследований, предлагаем комплекс мер, разработанный по четырем направлениям:

- *Формирование психологически безопасной среды.* Для создания безопасной среды необходимо внедрить восстановительные практики (медиации) вместо карательных мер при конфликтах. Как отмечают К. Халверсхорн и Ш. Малхолланд [13], восстановительные практики представляют собой философию и действия, направленные на построение отношений и обучение на основе вреда (*learning from harm*), с использованием как неформальных, так и формальных процессов для предотвращения конфликтов. На базе студенческих советов рекомендуется создавать службы примирения. Следует запретить публичное выставление рейтингов успеваемости с идентификацией студентов, перейдя к индивидуальным оценочным листам. В вузовских корпусах целесообразно оборудовать «тихие зоны» — пространства для снятия стресса без гаджетов и заданий [19].

- *Развитие автономии и субъектности студентов.* Ключевым направлением здесь является внедрение индивидуальных образовательных траекторий с правом выбора 30—40 % курсов студентами начиная со II курса (базируясь

на теории самодетерминации Р. М. Райана и Э. Л. Деси [2] и метаанализе Дж. Л. Ховарда с соавторами [6]). Социальное проектирование следует сделать обязательным модулем для всех направлений подготовки [18]: студент за время обучения реализует минимум два проекта (один внутри вуза, один во внешней среде). Рекомендуются использовать портфолио «зон роста» — фиксацию не только достижений, но и трудностей и способов их преодоления (без влияния на итоговую оценку).

- *Длительное психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения* (постепенная модель). На первом курсе проводится адаптационный интенсив «Я и профессия» — 8–10 часов рефлексивных семинаров по методу Е. А. Исаева и Н. М. Романенко [9] с опорой на протоколы Ч. Чжао с соавторами [8]. Вопросы: зачем я здесь? что для меня значит успех в этой профессии? На втором курсе организуются профессиональные пробы: стажировки выходного дня, кейс-чемпионаты, проектные школы [21]. Третий курс предполагает рефлексивные группы поддержки во время производственной практики с использованием элементов волонтерской, тьюторской и кураторской деятельности [10; 11] — разбор сложных кейсов в малых группах (до 8 человек) с тьютором, без итоговой оценки (аналогично модели партнерского наставничества К. Сири с соавторами [12]). На четвертом курсе проводится индивидуальное консультирование по построению карьерной траектории и подготовке к рынку труда. Цифровая поддержка: внедрить чат-бота-навигатора для первокурсников [20].

- *Профилактика выгорания преподавателей*. Важнейшим элементом является создание на факультетах групп супервизии — регулярного разбора сложных педагогических ситуаций с психологом (в соответствии с многоуровневой моделью Х. Кадена-Повеа с соавторами [14]). В нагрузку преподавателя следует включить часы на психологическую саморегуляцию (тренинги, группы поддержки) — не менее 2 часов в месяц. Необходимо пересмотреть систему оценки работы преподавателя, добавив критерий «поддержка студентов» наравне с публикационной активностью. Преподавателей следует обучать базовым навыкам психолого-педагогического сопровождения на курсах повышения квалификации [20]. Регулярно (раз в год) должен проводиться анонимный опрос преподавателей о симптомах выгорания и организационной справедливости с обратной связью администрации [14].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие **выводы**, соответствующие поставленным цели и задачам:

1. Воспитание личности в вузе и психолого-педагогическое сопровождение неразрывны. Раздельное существование «воспитательной работы» и «психологической службы» неэффективно. Их интеграция в единую модель поддерживающей среды — ключевая задача.

2. Психологическая безопасность и автономия — базовые условия, а не бонусы. Без них обучение становится неглубоким, а личность студента не развивается, а защищается. Концептуальные выводы аффективной нейронауки [3] и теории самодетерминации [2], включая свежий метаанализ Дж. Л. Ховарда с соавторами [6], требуют пересмотра авторитарных практик.

3. Профессиональное самоопределение — экзистенциальный процесс. Тесты и мероприятия недостаточны. Студенту нужна помощь в поиске личных смыслов профессии, иначе кризис III курса неизбежен (Е. А. Исаев и Н. М. Романенко [9]; Ч. Чжао с соавторами [8]).

4. Сопровождение должно быть длительным и поэтапным. Адаптация (I курс) + пробы (II курс) + рефлексия на практике (III курс) + карьерное консультирование (IV курс) — такова оптимальная модель, предложенная в настоящем исследовании на основе синтеза проанализированных источников. Отдельные элементы этой модели (волонтерская, тьюторская и кураторская деятельность) обоснованы Н. В. Керемли с соавторами [10; 11], организационно-педагогические механизмы сопровождения — М. А. Ермохиной [21], эффективность партнерского подхода в наставничестве — К. Сири с соавторами [12].

5. Преподаватель — центральное звено, которое остается без поддержки. Пока вузы не начнут системно заботиться о психологическом благополучии педагогов, все инициативы по сопровождению студентов будут ограничены. Х. Кадена-Повеа с соавторами [14] предлагают многоуровневую модель профилактики выгорания, которая должна стать стандартом для университетов. Данные Т. М. Бостанджиевой и А. В. Пестова [16] подтверждают, что эмоциональное выгорание педагогов напрямую влияет на психологическую безопасность образовательной среды.

6. Цифровые технологии — инструмент, а не замена. Они эффективны для навигации и снятия рутинной тревоги, но не могут подменить живую рефлексивную и эмпатию. О. А. Воскресенский и Н. С. Мендова [20] показали эффективность ИКТ для снижения тревожности первокурсников при сохранении очных форм взаимодействия.

7. Предложенные практики не требуют огромных бюджетов, но требуют смены управленческой оптики и перераспределения ресурсов. Зарубежные исследования последних лет последовательно подтверждают их эффективность в разных культурных контекстах.

Практическая значимость и рекомендации. Предложенные практики (восстановительные медиации, индивидуальные образовательные траектории, рефлексивные группы, супервизии для преподавателей) не требуют огромных бюджетов, но требуют смены управленческой оптики и перераспределения ресурсов. Руководителям вузов рекомендуется внедрять эти меры в рамках программ развития образовательной среды и профилактики выгорания преподавателей. Психологическим службам университетов — выстраивать систему длительного сопровождения профессионального самоопределения студентов. Преподавателям — осознавать свою роль в создании психологически безопасной среды и использовать рефлексивные практики для профилактики собственного выгорания.

Перспективы дальнейших исследований. Дальнейшие исследования могут быть связаны с эмпирической проверкой предложенной интегративной модели на выборках российских вузов, разработкой методик оценки психологической безопасности и автономии студентов, изучением кросс-культурных особенностей внедрения восстановительных практик и программ наставничества, созданием программ подготовки тьюторов из числа преподавателей и старшекурсников, а также лонгитюдными исследованиями долгосрочного влияния поддерживающей образовательной среды на карьерные траектории и профессиональную устойчивость выпускников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кормильцев Н. Ф. Тревожность и синдром выгорания у современных студентов: причины и пути преодоления // Мир педагогики и психологии. 2025. № 4(105). С. 480—486.
2. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. Iss. 1. Pp. 68—78. DOI: 10.1037//0003-066X.55.1.68.
3. Immordino-Yang M. H., Damasio A. We Feel, Therefore We Learn: The Relevance of Affective and Social Neuroscience to Education // *Mind, Brain, and Education*. 2007. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 3—10. DOI: 10.1111/j.1751-228X.2007.00004.x.
4. Roorda D. L., Koomen H. M. Y., Spilt J. L., Oort F. J. The Influence of Affective Teacher–Student Relationships on Students' School Engagement and Achievement: A Meta-Analytic Approach // *Review of Educational Research*. 2011. Vol. 81. Iss. 4. Pp. 493—529. DOI: 10.3102/0034654311421793.
5. Zhang Y., Chen H. Social Support and Negative Emotions in the Process of Resilience: A Longitudinal Study of College Students // *Societies*. 2025. Vol. 15. No. 9. Art. 238. DOI: 10.3390/soc15090238.
6. Howard J. L., Slemp G. R., Wang X. Need Support and Need Thwarting: A Meta-Analysis of Autonomy, Competence, and Relatedness Supportive and Thwarting Behaviors in Student Populations // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2025. Vol. 51. Iss. 9. Pp. 1552—1573. DOI: 10.1177/01461672231225364.
7. Ginzberg E. Toward a Theory of Occupational Choice // *Occupations*. 1952. Vol. 30. Iss. 7. Pp. 491—494. DOI: 10.1002/j.2164-5892.1952.tb02708.x.
8. The relationships among career adaptability, career commitment, career identity, and career well-being in Chinese nursing undergraduates: A longitudinal study / C. Zhao, G. Yu, Y. Cai et al. // *Heliyon*. 2024. Vol. 10. Iss. 15. Art. e35152. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e35152.
9. Романенко Н. М., Исаев Е. А. Экзистенциальный подход к личностно-профессиональному самоопределению будущего педагога // Ярославский педагогический вестник. 2026. № 1(148). С. 98—107.
10. Керемли Н. В. Результаты экспериментального исследования системы формирования профессиональной компетентности будущих педагогов-психологов // Современное педагогическое образование. 2023. № 5. С. 145—148.
11. Михайлов А. А., Керемли Н. В., Червова А. А. Состояние проблемы профессионального самоопределения и вхождения в будущую профессию студентов вуза — педагогов-психологов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2023. № 1(118). С. 156—163. DOI: 10.37972/chgpu.2023.118.1.020.
12. Seery C., Andres A., Moore-Cherry N., O'Sullivan S. Students as Partners in Peer Mentoring: Expectations, Experiences and Emotions // *Innovative Higher Education*. 2021. Vol. 46. Iss. 6. Pp. 663—681. DOI: 10.1007/s10755-021-09556-8.
13. Hulvershorn K., Mulholland S. Restorative practices and the integration of social emotional learning as a path to positive school climates // *Journal of Research in Innovative Teaching & Learning*. 2018. Vol. 11. Iss. 1. Pp. 110—123. DOI: 10.1108/JRIT-08-2017-0015.
14. Cadena-Povea H., Hernández-Martínez M., Bastidas-Amador G., Torres-Andrade H. What Pushes University Professors to Burnout? A Systematic Review of Sociodemographic and Psychosocial Determinants // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2025. Vol. 22. Iss. 8. Art. 1214. DOI: 10.3390/ijerph22081214.
15. Oberle E., Schonert-Reichl K. A. Stress contagion in the classroom? The link between classroom teacher burnout and morning cortisol in elementary school students // *Social Science & Medicine*. 2016. Vol. 159. Pp. 30—37. DOI: 10.1016/j.socscimed.2016.04.031.
16. Пестов А. В., Бостанджиева Т. М. Влияние эмоционального выгорания педагогов на отношение к образовательной среде всех ее участников // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN120.pdf>.
17. Матюхова Т. С. Психолого-педагогическое сопровождение развития социокультурных потребностей студентов — будущих педагогов: оценка результативности // Пожарная и аварийная безопасность. 2022. № 1(24). С. 29—35.
18. Ибрагимов Ю. М. Возможности социально-проектной деятельности для формирования у будущих бакалавров социальной работы педагогической культуры // Современное педагогическое образование. 2021. № 9. С. 53—58.
19. Лошаков А. М. Культура здоровья студентов вуза // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. Вып. 2(835). С. 173—186.
20. Мендова Н. С., Воскрекасенко О. А. Педагогическое сопровождение адаптации будущих педагогов в высшей школе средствами информационно-коммуникационных технологий // Современные наукоемкие технологии. 2023. № 9. С. 156—161. DOI: 10.17513/snt.39777.
21. Ермохина М. А. Компоненты системы организационно-педагогического сопровождения психолого-педагогических классов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 9-2. С. 109—113.

REFERENCES

1. Kormilcev N. F. Anxiety and burnout syndrome in modern students: causes and ways to overcome it. *Mir pedagogiki i psikhologii*. 2025;4(105):480—486. (In Russ.)
2. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. 2000;55(1):68—78. DOI: 10.1037//0003-066X.55.1.68.
3. Immordino-Yang M. H., Damasio A. We Feel, Therefore We Learn: The Relevance of Affective and Social Neuroscience to Education. *Mind, Brain, and Education*. 2007;1(1):3—10. DOI: 10.1111/j.1751-228X.2007.00004.x.
4. Roorda D. L., Koomen H. M. Y., Spilt J. L., Oort F. J. The Influence of Affective Teacher–Student Relationships on Students' School Engagement and Achievement: A Meta-Analytic Approach. *Review of Educational Research*. 2011;81(4):493—529. DOI: 10.3102/0034654311421793.

5. Zhang Y., Chen H. Social Support and Negative Emotions in the Process of Resilience: A Longitudinal Study of College Students. *Societies*. 2025;15(9):238. DOI: 10.3390/soc15090238.
6. Howard J. L., Slemp G. R., Wang X. Need Support and Need Thwarting: A Meta-Analysis of Autonomy, Competence, and Relatedness Supportive and Thwarting Behaviors in Student Populations. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2025;51(9):1552—1573. DOI: 10.1177/01461672231225364.
7. Ginzberg E. Toward a Theory of Occupational Choice. *Occupations*. 1952;30(7):491—494. DOI: 10.1002/j.2164-5892.1952.tb02708.x.
8. Zhao C., Yu G., Cai Y. et al. The relationships among career adaptability, career commitment, career identity, and career well-being in Chinese nursing undergraduates: A longitudinal study. *Heliyon*. 2024;10(15):e35152. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e35152.
9. Romanenko N. M., Isaev E. A. Existential approach to the personal and professional self-determination of a future pedagogue. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2026;1(148):98—107. (In Russ.)
10. Keremli N. V. Results of the experimental study of the system for forming the professional competence of future psychologist teachers. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*. 2023;5:145—148. (In Russ.)
11. Mikhailov A. A., Keremli N. V., Chervova A. A. State of the problem of professional self-determination and entry into the profession of future educational psychologists. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva = I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2023;1(118):156—163. (In Russ.) DOI: 10.37972/chgpu.2023.118.1.020.
12. Seery C., Andres A., Moore-Cherry N., O'Sullivan S. Students as Partners in Peer Mentoring: Expectations, Experiences and Emotions. *Innovative Higher Education*. 2021;46(6):663—681. DOI: 10.1007/s10755-021-09556-8.
13. Hulvershorn K., Mulholland S. Restorative practices and the integration of social emotional learning as a path to positive school climates. *Journal of Research in Innovative Teaching & Learning*. 2018;11(1):110—123. DOI: 10.1108/JRIT-08-2017-0015.
14. Cadena-Povea H., Hernández-Martínez M., Bastidas-Amador G., Torres-Andrade H. What Pushes University Professors to Burnout? A Systematic Review of Sociodemographic and Psychosocial Determinants. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2025;22(8):1214. DOI: 10.3390/ijerph22081214.
15. Oberle E., Schonert-Reichl K. A. Stress contagion in the classroom? The link between classroom teacher burnout and morning cortisol in elementary school students. *Social Science & Medicine*. 2016;159:30—37. DOI: 10.1016/j.socscimed.2016.04.031.
16. Pestov A. V., Bostanjieva T. M. Influence of teachers' emotional burnout on the attitude of all participants to the educational environment. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2020;8(1). (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN120.pdf>.
17. Matyukhova T. S. Psychological and pedagogical support for the development of socio-cultural needs of students-future teachers: performance evaluation. *Pozharnaya i avariynaya bezopasnost' = Fire and Emergency Safety*. 2022;1(24):29—35. (In Russ.)
18. Ibragimov Yu. M. Possibilities of social project activities for the formation of pedagogical culture among future bachelors of social work. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*. 2021;9:53—58. (In Russ.)
19. Loschakov A. M. Health culture of university students. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*. 2020;2(835):173—186. (In Russ.)
20. Mendova N. S., Voskresakenko O. A. Pedagogical support for the adaptation of future teachers in higher school by means of information and communication technologies. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2023;9:156—161. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.39777.
21. Ermokhina M. A. Components of the system of organizational and pedagogical support for psychological and pedagogical classes. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki = Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities*. 2024;9-2:109—113. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.05.2026; одобрена после рецензирования 20.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.
The article was submitted 26.05.2026; approved after reviewing 20.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья
УДК 37.013
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1706

Nikolay Ivanovich Kozlov
Candidate of Philosophy,
doctoral degree candidate of Pedagogy,
founder, Senior Lecturer,
University of Practical Psychology
Moscow, Russian Federation
syntone@syntone.ru

Николай Иванович Козлов
канд. филос. наук,
соискатель ученой степени д-ра пед. наук,
основатель, старший преподаватель,
Университет практической психологии
Москва, Россия
syntone@syntone.ru

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПЕДАГОГА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: НОРМАТИВНЫЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Предметом представленного в статье исследования является разрыв между словом и делом в отношении воспитания: при том, что официально воспитание признано приоритетной задачей образования, фактически воспитательная функция вытесняется из профессиональной деятельности учителя как нормативными, так и методическими средствами. Анализируются механизмы этого вытеснения: нормативные документы, институциональная школьная практика и вузовская подготовка педагога, — а также пути педагогического преодоления описанной тенденции.

Работа опирается на нормативный анализ российско-го образовательного законодательства и федеральных государственных образовательных стандартов, на сравнительно-педагогическое сопоставление с зарубежными регуляторными практиками (США, Великобритания, OECD), на классическую отечественную методологию педагогики (К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко) и концепцию педагогического знания содержания Л. Шульмана.

Показано, что воспитательные задачи, выполняемые педагогом, снижаются на трех уровнях: в нормативных документах (воспитание признано, но механизмы и границы воспитательного воздействия не закреплены), в школьной практике (регуляция поведения пере-

дается семье, психологам и юристам; выразительный частный случай — отказ от оценивания) и в подготовке учителя (будущего педагога учат избегать воспитательной ответственности). Показано, что аналогичные процессы за рубежом приводят к падению дисциплины учащихся и заставляют педагогов заново искать способы вернуть дисциплину в образовательные учреждения. Обоснована необходимость вернуть педагогу право на педагогическое требование и формировать у учителя воспитательно-ценностную позицию, методологическим основанием чего выступает развиваемый автором эмоционально-ценностный подход. Сформулированы практические требования к программным модулям бакалаврской, магистерской подготовки и дополнительного профессионального образования педагогов, восстанавливающим воспитательную функцию как профессионально законную.

Ключевые слова: воспитательная функция педагога, нормативное сужение, нормативное регулирование образования, профессиональная подготовка педагогов, непрерывное педагогическое образование, педагогическое требование, оценивание, воспитательно-ценностная позиция педагога, эмоционально-ценностный подход, методология педагогики

Для цитирования: Козлов Н. И. Воспитательная функция педагога в системе непрерывного педагогического образования: нормативный анализ и перспективы развития // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 429—435. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1706.

Original article

THE TEACHER'S EDUCATIONAL FUNCTION IN THE SYSTEM OF CONTINUOUS TEACHER EDUCATION: NORMATIVE ANALYSIS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The subject of the research presented in the article is the gap between word and deed regarding upbringing: even though education officially acknowledges upbringing as a top priority, in practice, the upbringing function is being pushed out of teachers' professional activities through both regulatory and methodological means. The subject of the study is the mecha-

nisms of this displacement — regulatory documents, institutional school practice, and university teacher training — and the ways of its pedagogical overcoming.

The work draws on the normative analysis of Russian educational legislation and federal state educational standards, on the comparative pedagogical juxtaposition with foreign

regulatory practices (United States, United Kingdom, OECD), on the classical Russian methodology of pedagogy (K. D. Ushinsky, A. S. Makarenko), and on L. Shulman's concept of pedagogical content knowledge.

It is shown that the normative narrowing of the teacher's upbringing function proceeds at three levels: in regulatory documents (upbringing is recognized, but the mechanisms and limits of pedagogical influence are not established), in school practice (behavior regulation is handed over to the family, psychologists, and lawyers; a notable particular case is the abandonment of grading), and in teacher training (the future teacher is taught to avoid pedagogical responsibility). International material shows that analogous processes

abroad are accompanied by a rise in disciplinary problems, and the leading educational systems are already responding by strengthening the normative mechanisms of school discipline. A pedagogical response is formulated: to restore pedagogical demand as a professionally legitimate instrument and to form the future teacher's pedagogical value-based position; the methodological foundation is the emotional value-based approach developed by the author.

Keywords: *upbringing function of the teacher, normative narrowing, normative regulation of education, professional teacher training, continuous teacher education, pedagogical demand, grading, teacher's pedagogical value-based position, emotional value-based approach, methodology of pedagogy*

For citation: Kozlov N. I. The teacher's educational function in the system of continuous teacher education: normative analysis and development prospects. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):429—435. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1706.

Введение

Актуальность. Если читать документы, с воспитанием в российской школе всё хорошо. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании) определяет образование как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения» (ст. 2) — воспитание стоит первым. Тот же приоритет подтверждают обновленные редакции федеральных государственных образовательных стандартов по педагогическим направлениям: воспитание — приоритетная задача, речь о формировании личности обучающегося, его ценностей и социальной ответственности. Если же смотреть на школьную практику и на подготовку учителей, картина другая. Возможности педагога воспитывать сужаются: механизмы воспитательного воздействия размыты, а сама роль учителя сдвигается — из воспитателя он превращается в фасилитатора, сопровождающего самоопределение ученика. Этот разрыв — признание высокой значимости воспитания на словах при ее снижении на деле — и составляет центральный методологический вызов современной педагогической подготовки. Актуальность темы усиливается тем, что законодатель в последние годы последовательно возвращает воспитание в повестку образования (поправки к Закону об образовании 2020 г., обязательные программы воспитания), однако инструментальный слой — что конкретно вправе и обязан делать педагог-воспитатель — остается непроработанным.

Изученность проблемы. Воспитательная функция педагога как ядро профессии обоснована в классической отечественной традиции — К. Д. Ушинским, определившим педагогику как «искусство» целенаправленного воспитательного действия на основе знания о человеке [1], и А. С. Макаренко, положившим педагогическое требование в основание воспитания: «как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему» [2]. В международной методологии профессионального педагогического знания линию самостоятельности педагогической профессии закрепил Л. Шулман концепцией педагогического знания содержания [3]. Современная отечественная методология воспитания представлена работами научной школы Института стратегии развития образования: Н. Л. Селиванова и М. В. Шакурова обосновывают необходимость собственно педагогического, а не психологического ответа на вызовы времени и фиксируют дефицит концептуализации воспитания в выс-

шей школе [4]. Профессиональное воспитание будущего педагога и его просоциальная установка исследованы Е. И. Ерошковой [5]; институциональные условия профессиональной самореализации педагога — Л. В. Козловой [6]. Эмоционально-ценностная проблематика воспитания разработана школой М. Г. Яновской [7] и ее последователями: В. А. и Л. Г. Сахаровы прослеживают эмоционально-ценностный подход к нравственному воспитанию в отечественной традиции [8], О. Н. Васина с соавторами — формирование опыта эмоционально-ценностного отношения к миру в высшей школе [9]. Зарубежные исследования управления поведением обучающихся суммированы в метаанализах Х. Корпершук с соавторами: классическом [10] и обновленном (2025), охватывающем интервенции последнего десятилетия [11]. Историко-педагогический контекст воспитания и периодизация детства рассмотрены автором ранее [12]. Вместе с тем целостной реконструкции процесса вытеснения воспитательной функции педагога — одновременно в нормативных документах, школьной практике и системе подготовки учителя — в литературе не представлено; настоящая статья восполняет этот пробел.

Целесообразность разработки темы определяется практическим противоречием: система непрерывного педагогического образования готовит педагога к деятельности, воспитательный компонент которой формально признан приоритетным, но операционально не определен. Пока это противоречие не отрефлексировано методологически, программы подготовки воспроизводят установку на избегание воспитательной ответственности.

Цель исследования — показать и объяснить тенденцию нормативного сужения воспитательной функции педагога в системе непрерывного педагогического образования, реконструировать ее нормативные и институциональные основания и сформулировать педагогический ответ. Достижение цели предполагает решение четырех задач:

1) проанализировать нормативную базу — Закон об образовании, федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (далее — ФГОС ВО), профессиональный стандарт педагога — на предмет закреплённости механизмов и границ воспитательного воздействия;

2) выявить институциональные механизмы смещения воспитательной регуляции в школьной практике, включая отказ от оценивания как частный случай;

3) сопоставить выявленную тенденцию с зарубежными регуляторными процессами и их измеримыми последствиями;

4) сформулировать методологические основания восстановления воспитательной функции — реабилитацию педагогического требования и формирование воспитательно-ценностной позиции педагога.

Научная новизна работы состоит, во-первых, в реконструкции нормативного сужения воспитательной функции педагога как трехуровневого процесса — в документах, в школьной практике и в подготовке учителя; во-вторых, в анализе отказа от оценивания как выразительного частного случая этого процесса; в-третьих, в сравнительной демонстрации того, что аналогичная тенденция за рубежом сопровождается измеримым ростом дисциплинарных проблем и обратной нормативной коррекцией; в-четвертых, в формулировке педагогического ответа на основании эмоционально-ценностного подхода.

Теоретическая значимость исследования заключается во введении в методологический оборот категории нормативного сужения воспитательной функции и в обосновании четырехкомпонентной структуры воспитательно-ценностной позиции педагога, практическая значимость — в сформулированных требованиях к программным модулям бакалаврской, магистерской подготовки и дополнительного профессионального образования педагогов, восстанавливающим воспитательную функцию как профессионально законную.

Основная часть

Методология и методы исследования. Нормативную базу исследования составили Закон об образовании, ФГОС ВО по направлениям подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» (утв. Приказом Минобрнауки России от 22 февраля 2018 г. № 121) и 44.04.01 «Педагогическое образование» (утв. Приказом от 22 февраля 2018 г. № 126), профессиональный стандарт «Педагог» (утв. Приказом Минтруда России от 18 октября 2013 г. № 544н); зарубежный регуляторный материал — руководство Министерства образования Великобритании *Behaviour in schools* (2024), отчеты Национального центра статистики образования США серии *Indicators of School Crime and Safety*, материалы международного исследования *OECD TALIS*. Работа опирается на классическую отечественную методологию педагогики [1; 2], концепцию педагогического знания содержания Л. Шульмана [3] и современную методологию воспитания [4]. Использованы методы нормативного анализа, сравнительно-педагогического сопоставления и концептуальной реконструкции.

Апелляция к оппонентам. То, что мы называем «нормативным сужением», в педагогическом и управленческом дискурсе чаще называют иначе — «гуманизация», «индивидуализация», «психологическая безопасность», «бережная педагогика». Эти интерпретации опираются на гуманистические основания и заслуживают серьезного отношения; линию педагогики поддержки развивал О. С. Газман [13]. Наша полемика направлена не против гуманистических оснований как таковых, а против случаев, когда педагогическое требование отождествляется с насилием, оценивание — с травматизацией, а нравственная трансляция — с навязыванием. Мы постараемся показать, что эти изменения вовсе не безобидны, что за них приходится серьезно платить.

Результаты исследования

1. Воспитательная ответственность педагога в классической и современной педагогической традиции.

В классической отечественной традиции воспитательная ответственность — не довод до преподавания, а сердцевина профессии. К. Д. Ушинский в труде «Человек как предмет воспитания» [1] определил педагогику как «искусство» — целенаправленное воспитательное действие на основе знания о человеке. Педагог у Ушинского — субъект воспитания: он удерживает нравственный образец и ведет к нему воспитанника. А. С. Макаренко ставил педагогическое требование в основание воспитательного процесса [2]: педагог не только учит — он предъявляет норму, оценивает ее соблюдение и формирует ответственность воспитанника за ее исполнение.

В современной методологии педагогики эту линию закрепила школа В. А. Сластенина, разведя объект педагогики (педагогический процесс) и ее предмет (закономерности формирования личности в этом процессе). Педагог занимается не человеком «как таковым» — это дело антропологии и психологии, — а педагогически организованным процессом его становления; воспитательная ответственность внутри этого процесса — конституирующий компонент профессии. К тому же выводу приходит международная традиция: в концепции педагогического знания содержания (*Pedagogical Content Knowledge*) Л. Шульмана [3] у педагога есть собственное профессиональное знание, не сводимое ни к психологии ученика, ни к знанию предмета. Эту же линию развивает современная отечественная методология воспитания: Н. Л. Селиванова и М. В. Шакурова обосновывают, что на социокультурные вызовы времени педагогика должна давать собственно педагогический, а не психологический ответ [4]; в концепции профессионально-педагогической культуры И. Ф. Исаева воспитательная составляющая закреплена в аксиологическом компоненте профессиональной культуры педагога.

Вывод из классической перспективы прост: воспитательная функция встроена в саму конституцию учительской профессии. Изъять ее — значит разрушить профессиональную идентичность педагога. Если педагог не воспитывает, не может воспитывать, не имеет права воспитывать — это не педагог.

Современные описания профессии, однако, смещают акценты. Роль учителя всё чаще задается словами «сопровождение», «фасилитация», «поддержка», «создание условий» — терминами, восходящими к недирективной традиции К. Роджерса [14] и педагогике поддержки О. С. Газмана [13]. Сами по себе эти слова традиции не противоречат. Но на практике они часто не дополняют, а замещают категории требования, оценки и нравственной трансляции — и воспитательная ответственность выпадает из числа прямых профессиональных обязанностей педагога. Систематический анализ этих принципов и их следствий составляет предмет отдельного исследования автора.

2. Нормативные основания сужения воспитательной функции. Что конкретно вправе и обязан делать педагог как воспитатель? Действующие федеральные документы на этот вопрос не отвечают. В Законе об образовании воспитание определено как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах

человека, семьи, общества и государства» (ст. 2). Формулировка академически корректна, но не конкретна. В ней не определено, за что конкретно в воспитании отвечает педагог, какими средствами воспитание может осуществляться, а какими нет; что и как педагог может требовать от воспитанника и в какой форме, а также что он может предпринимать, если воспитанник на эти требования не реагирует и реагировать не собирается.

Та же неопределенность — в образовательных стандартах. Во ФГОС ВО по направлениям 44.03.01 и 44.04.01 «Педагогическое образование» воспитательная деятельность описана через компетенции «взаимодействия», «сопровождения» и «создания условий», т. е. без описания того, на что педагог имеет право в воспитательных воздействиях, а что ему недозволительно. В профессиональном стандарте «Педагог» воспитательная функция формализована через перечень трудовых действий, но четкие границы педагогического требования, границы допустимого поведения и ответственности педагога отсутствуют. Отметим: эмпирический анализ программ воспитательной работы 42 российских вузов, выполненный исследовательским коллективом НИУ «БелГУ» (Д. И. Михайлова, С. И. Остапенко, С. В. Анохина), фиксирует ту же картину на уровне вузовской практики — лишь 23,8 % программ охватывают все основные направления воспитательной работы [15].

Совокупный эффект прост: воспитательная ответственность педагога формально признана, но методически не закреплена. Она существует где-то между «универсальными компетенциями», «профессиональной этикой» и «учетом возрастных особенностей» — без выделения в отдельный, операционально определенный компонент деятельности педагога. А на практике это понимается почти однозначно — как необязательность: что не определено и ничем не подкреплено, то можно не делать.

3. Школьная практика: смещение педагогической регуляции. В школьной практике сужение выглядит так: формирование поведенческих норм и коррекция деструктивного поведения всё чаще считаются делом семьи, психологической службы или внешних инстанций — но не самого учителя.

Наглядный пример — межличностная агрессия между обучающимися. Драка на перемене, сильный бьет слабого. Казалось бы, вмешаться обязан любой взрослый. Но удивительно: педагог сегодня такого права зачастую не имеет. Точнее, в каждой школе свои порядки, но всё чаще руководство школы ему объясняет, что прекратить драку и разобраться, что происходит между детьми — ему нельзя. Нередко это продиктовано заботой о педагоге: «А если ребенок потом пожалуется родителям, что вы сделали ему больно? Вы о последствиях думаете? Сообщите родителям, пусть они сами разбираются!» Естественное последствие этого — падение педагогического авторитета.

Однако нормативное регулирование должно защищать не только право педагога быть педагогом, но и право ребенка быть защищенным от неадекватного педагога. Нередко можно услышать и от родителей: «А я против, чтобы моего ребенка воспитывали педагоги — такие педагоги! Вы слышали, чему они учат детей на классных часах? После таких бесед ребенок приходит домой и смотрит на своих родителей, как на своих врагов! Нет уж, я хочу своего ребенка воспитывать сам!»

Как бы ни было сложно искать грамотные нормы допустимого в деятельности педагога, без этого нельзя, это необходимо.

4. Отказ от оценивания как частный случай нормативного сужения. Яркое проявление нормативного сужения воспитательной функции — отказ от традиционных школьных оценок под лозунгом защиты ребенка от травмирующей отметки. Всё чаще можно слышать: школьная отметка вредит психоэмоциональному состоянию ребенка, его самооценке и мотивации.

Как это связано с вопросами воспитания? Дело в том, что оценка, практика оценивания в классической педагогике выполняла не только контрольную, но и воспитательную функцию. Оценка задавала границы допустимого, учила соотносить действие и последствия, тренировала способность воспитанника соизмерять собственное усилие с требованием. Отказаться от оценивания ради психологической безопасности — значит фактически отказаться от педагогического требования, отказаться от ответственности за воспитание учебной самодисциплины.

Когда исчезают оценки, ответственным как за учебу, так и за регуляцию своего поведения становится сам ученик (или студент). Если он к этому готов, если он способен к этому — это благо. Если нет — это серьезная опасность и для его учебы, и для его дисциплины. И это тот же вектор нормативного сужения воспитательной функции, что описан в параграфах 2 и 3.

5. Сравнительный международный контекст. Похожие процессы идут и за рубежом. В США и ряде стран Европы за последнее десятилетие обсуждались и внедрялись практики смягчения или отмены традиционного оценивания: *no-zero policy* (запрет выставять нулевой балл даже за несданную работу), *pass/fail grading* (зачет/незачет вместо отметок). Обоснование то же — забота о психологическом благополучии обучающихся и равенстве образовательных возможностей. Одновременно официальные отчеты фиксируют рост дисциплинарных проблем, поведенческих нарушений и проблем безопасности в школе.

Ежегодные отчеты Национального центра статистики образования США (NCES) серии *Indicators of School Crime and Safety* устойчиво показывают высокий уровень виктимизации и поведенческих нарушений в образовательных учреждениях. В Великобритании Министерство образования в руководстве *Behaviour in schools* (редакция 2024 г.) прямо требует нормативного регулирования поведения и высоких ожиданий в отношении школьной дисциплины, т. е. восстанавливает те самые нормативные функции, размытие которых мы описываем. Международное исследование *OECD TALIS 2018* фиксирует рост профессионального стресса учителей и трудностей управления поведением обучающихся, связываемых в том числе с размытием нормативных ориентиров педагогической деятельности; А. Шляйхер в аналитике *OECD* называет профессиональную автономию и нормативную определенность деятельности учителя условиями эффективности образовательных систем.

Научная сторона вопроса подтверждает то же: метаанализ Х. Корпершук с соавторами показал, что систематические стратегии управления классом дают значимый эффект по академическим, поведенческим и эмоциональным

результатам обучающихся [10], а обновленный метаанализ 2025 г. — что этот эффект устойчиво воспроизводится и в исследованиях последнего десятилетия [11]. Иными словами: нормативная, организованная регуляция поведения — эмпирически подтвержденный фактор образовательной эффективности, и отказ от нее имеет измеримую цену.

Международный контекст показывает две закономерности. Первая: отказ от нормативной регуляции воспитания и поведения сопровождается измеримым ростом дисциплинарных проблем. Вторая: ведущие системы образования уже отвечают на это усилением нормативных механизмов школьной дисциплины и поддержкой профессиональной позиции учителя, т. е. движутся в направлении, обратном нормативному сужению. Для российской системы непрерывного педагогического образования это дополнительное основание пересмотреть свои нормативные и методические ориентиры.

6. Последствия для системы непрерывного педагогического образования. Чему всё это учит будущего педагога? Избеганию. Описанная тенденция формирует у будущего и действующего учителя устойчивую установку на избегание воспитательно напряженных ситуаций. Выпускники не готовы работать в условиях конфликта, сопротивления, необходимости брать ответственность за воспитательные решения. Подготовка ориентирует на «безопасную» профессиональную позицию: минимум нормативных, репутационных и юридических рисков — и максимум возможностей переложить ответственность на смежные службы, психологические, социальные, юридические.

Параллельно из подготовки педагогов почти исчезло само понятие педагогического требования как профессионально законного инструмента. В методической литературе оно либо отсутствует, либо упоминается с осторожностью — в контексте рисков авторитаризма и давления. Между тем без возвращения педагогу права требовать невозможно восстановить ни учебную серьезность, ни ответственность воспитанника. Методологическое разведение педагогического требования и авторитарного давления — самостоятельная задача, фундированная в классической традиции [1; 2] и согласованная с современной методологией педагогики. Эта линия согласуется с исследованиями Л. В. Козиловой, связывающими профессиональную самореализацию педагогов с восстановлением институциональных условий полноценной педагогической деятельности [6].

7. Эмоционально-ценностный подход как педагогический ответ. Каков педагогический ответ? По мысли автора — восстановление педагогики как нормативной дисциплины с собственным предметом и собственной методологией и формирование у будущего педагога устойчивой воспитательно-ценностной позиции как профессиональной установки. Методологическое основание такого ответа — эмоционально-ценностный подход. В отечественной педагогике термин введен школой М. Г. Яновской применительно к эмоциональному стимулированию нравственного воспитания [7; 16]; эта линия продолжена современными исследованиями [8; 9]. В развиваемой автором концептуализации акцент иной: эмоция рассматривается как поведение, формируемое воспитанием, а не как реакция, которой следует уступать; воспитанник — как Автор своих эмоций, а не Жертва обстоятельств [12].

Воспитательно-ценностная позиция педагога в эмоционально-ценностном подходе определяется через четыре взаимосвязанных компонента: когнитивно-ценностный (осознанное удержание нравственного образца и ценностной рамки), эмоционально-рефлексивный (способность к различению собственных и детских эмоциональных состояний), волевой (готовность к длительной нормативной работе вопреки сиюминутной мотивации) и деятельностно-трансляционный (способность к практической передаче культурного содержания и предъявлению педагогического требования). Воспитательно-ценностная позиция — методологическое основание той самой позиции ведущего взрослого, утрата которой, как показано в параграфах 1—5, и составляет внутреннюю проблему рассматриваемой тенденции.

Практическое следствие для системы непрерывного педагогического образования: в программы бакалаврской и магистерской подготовки, а также дополнительного профессионального образования педагогов необходимо включить модули, посвященные: 1) методологической реабилитации педагогического требования как профессионально законного инструмента; 2) различению педагогического требования и авторитарного давления; 3) формированию воспитательно-ценностной позиции как устойчивой профессиональной установки; 4) практике принятия воспитательных решений в нормативно неопределенных ситуациях. Такое переоснащение программ подготовки — по нашему убеждению, стратегическая задача системы непрерывного педагогического образования по специальности 5.8.7.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В современной российской системе непрерывного педагогического образования идет устойчивое нормативное сужение воспитательной функции педагога: воспитание формально признано приоритетом, но федеральные документы не закрепляют механизмов и границ воспитательного воздействия.

2. Сужение реализуется на трех уровнях — нормативно-документальном (Закон об образовании, ФГОС ВО, профессиональный стандарт), практико-институциональном (школьная регуляция поведения, отказ от оценивания) и подготовительно-образовательном (установка будущего педагога на избегание воспитательной ответственности).

3. Международный контекст показывает: аналогичные процессы за рубежом также сопровождаются ростом проблем с учебой и дисциплиной — и заставляют восстанавливать нормативные функции школьной дисциплины и педагогический авторитет; эмпирические метаанализы подтверждают измеримую эффективность систематической регуляции поведения.

4. Педагогический ответ состоит в методологической реабилитации педагогического требования и формировании у будущего педагога воспитательно-ценностной позиции; методологическим основанием выступает эмоционально-ценностный подход, развиваемый автором.

5. Дальнейшее исследование предполагает эмпирическую верификацию выделенных тенденций на материале российской школьной и вузовской практики и разработку программных модулей подготовки педагогических работников, реализующих сформулированный педагогический ответ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ушинский К. Д. Собр. соч. : в 11 т. М. ; Л. : Изд-во АПН РСФСР, 1948—1952. Т. 8 : Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 1. 1950. 774 с.; Т. 9 : Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 2. 1950. 626 с.
2. Макаренко А. С. Пед. соч. : в 8 т. М. : Педагогика, 1983—1986. Т. 4 : Педагогические работы 1936—1939. 1984. 400 с.
3. Shulman L. S. Knowledge and Teaching: Foundations of the New Reform // *Harvard Educational Review*. 1987. Vol. 57. Iss. 1. Pp. 1—23. DOI: 10.17763/haer.57.1.j463w79r56455411.
4. Селиванова Н. Л., Шакурова М. В. Современные ориентиры концептуализации воспитания в высшей школе // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2024. Т. 13. Вып. 2. С. 169—177. DOI: 10.18500/2304-9790-2024-13-2-169-177.
5. Ерошенкова Е. И. Просоциальная установка будущего педагога: теория, методология, формирование : моногр. Белгород : БелГУ, 2022. 387 с.
6. Козилова Л. В. Современные образовательные среды и проблемы профессиональной самореализации педагогов : моногр. Петрозаводск : Новая наука, 2020. 168 с.
7. Яновская М. Г. Эмоционально-ценностный подход в образовательном процессе // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2009. № 4(1). С. 117—126.
8. Сахаров В. А., Сахарова Л. Г. Эмоционально-ценностный подход к духовно-нравственному воспитанию ребенка в дореволюционной отечественной педагогике начала XX в. (1900—1917 гг.) // *Вестник Вятского государственного университета*. 2018. № 2. С. 65—70. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.010.
9. Васина О. Н., Пономарёва О. Н., Борисов Н. Н. Формирование опыта эмоционально-ценностного отношения к миру в образовательном процессе высшей школы // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. № 5(131). DOI: 10.23670/IRJ.2023.131.99.
10. A meta-analysis of the effects of classroom management strategies and classroom management programs on students' academic, behavioral, emotional, and motivational outcomes / H. Korpershoek, T. Harms, H. de Boer et al. // *Review of Educational Research*. 2016. Vol. 86. Iss. 3. Pp. 643—680. DOI: 10.3102/0034654315626799.
11. Korpershoek H., de Boer H., Mouw J. M. An update of the meta-analysis of the effects of classroom management interventions on students' academic, behavioral, social-emotional, and motivational outcomes // *Review of Educational Research*. First published online September 11, 2025. DOI: 10.3102/00346543251361903.
12. Козлов Н. И. Историческая типология детства и задачи подготовки педагогических работников: от Детства I к Детству III // *Научные горизонты*. 2026. № 5(104). С. 27—43.
13. Газман О. С. Неклассическое воспитание: от авторитарной педагогики к педагогике свободы. М. : МИРОС, 2002. 296 с.
14. Роджерс К. Клиент-центрированная терапия : пер. с англ. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1997. 320 с.
15. Михайлова Д. И., Остапенко С. И., Анохина С. В. Профессиональное воспитание и формирование универсальных компетенций будущего педагога: интеграция деятельности // *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2022. Т. 8. № 1. С. 24—37. DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-1-0-3.
16. Яновская М. Г. Эмоционально-ценностный подход к методам воспитания // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2011. № 4(1). С. 153—160.

REFERENCES

1. Ushinsky K. D. Collected works. In 11 vols. Moscow, Leningrad, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR publ., 1948-1952. Vol. 8 : The individual as the subject of upbringing. Insights from pedagogical anthropology. Vol. 1. 1950. 774 p.; Vol. 9 : The individual as the subject of upbringing. Insights from pedagogical anthropology. Vol. 2. 1950. 626 p. (In Russ.)
2. Makarenko A. S. Pedagogical works. In 8 vols. Moscow, Pedagogika, 1983—1986. Vol. 4 : Pedagogical works 1936-1939. 1984. 400 p. (In Russ.)
3. Shulman L. S. Knowledge and Teaching: Foundations of the New Reform. *Harvard Educational Review*. 1987;57(1):1—23. DOI: 10.17763/haer.57.1.j463w79r56455411.
4. Selivanova N. L., Shakurova M. V. Modern guidelines for the conceptualization of personal development and upbringing in higher education. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2024;13(2):169—177. (In Russ.) DOI: 10.18500/2304-9790-2024-13-2-169-177.
5. Eroshenkova E. I. Prosocial attitude of a future teacher: theory, methodology, formation. Monograph. Belgorod, BelSU publ., 2022. 387 p. (In Russ.)
6. Kozilova L. V. Modern educational environments and problems of professional self-realization of teachers. Monograph. Petrozavodsk, Novaya nauka, 2020. 168 p. (In Russ.)
7. Yanovskaya M. G. Emotional-evaluative approach in the process of education. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Herald of Vyatka State Humanitarian University*. 2009;4(1):117—126. (In Russ.)
8. Sakharov V. A., Sakharova L. G. Emotional – valuative approach to the spiritual and moral upbringing of the child in the pre-revolutionary domestic pedagogy of the early XX century (1900—1917). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Vyatka State University*. 2018;2:65—70. (In Russ.) DOI: 10.25730/VSU.7606.18.010.
9. Vasina O. N., Ponomariova O. N., Borisov N. N. Formation of an emotional and value-based experience of the world in the learning process of higher education. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2023;5(131). (In Russ.) DOI: 10.23670/IRJ.2023.131.99.

10. Korpershoek H., Harms T., de Boer H. et al. A Meta-Analysis of the Effects of Classroom Management Strategies and Classroom Management Programs on Students' Academic, Behavioral, Emotional, and Motivational Outcomes. *Review of Educational Research*. 2016;86(3):643—680. DOI: 10.3102/0034654315626799.
11. Korpershoek H., de Boer H., Mouw J. M. An update of the meta-analysis of the effects of classroom management interventions on students' academic, behavioral, social-emotional, and motivational outcomes. *Review of Educational Research*. First published online September 11, 2025. DOI: 10.3102/00346543251361903.
12. Kozlov N. I. Historical typology of childhood and the tasks of training pedagogical staff: from Childhood I to Childhood III. *Nauchnye gorizonty*. 2026;5(104):27—43. (In Russ.)
13. Gazman O. S. Non-classical upbringing: from authoritarian pedagogy to the pedagogy of freedom. Moscow, MIROS, 2002. 296 p. (In Russ.)
14. Rogers C. R. Client-centered therapy; its current practice, implications, and theory. Boston, Houghton Mifflin, 1951. xii + 560 p.
15. Mikhailova D. I., Ostapenko S. I., Anokhina S. V. Professional education and the formation of universal competencies of the future teacher: integration of activities. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*. 2022;8(1):24—37. (In Russ.) DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-1-0-3.
16. Yanovskaya M. G. Emotionally-axiological approach of upbringing methods. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Herald of Vyatka State Humanitarian University*. 2011;4(1):153—160. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.06.2026; одобрена после рецензирования 15.07.2026; принята к публикации 20.07.2026.
The article was submitted 29.06.2026; approved after reviewing 15.07.2026; accepted for publication 20.07.2026.

Научная статья
УДК 377.44
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1678

Sergey Nikolaevich Kopilov
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Energy and Transport,
Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russian Federation
kopilov_78@mail.ru

Сергей Николаевич Копылов
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры энергетики и транспорта,
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
kopilov_78@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ СТАЖИРОВКИ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ СЛЕСАРЕЙ-ИНСТРУМЕНТАЛЬЩИКОВ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Рост производства во всех сферах экономики страны привел к дефициту кадров. Наибольшая востребованность среди работодателей — на выпускников образовательных организаций среднего профессионального образования, обладающих рабочей профессией. С учетом быстро изменяющихся технологических процессов выпускникам образовательных организаций среднего профессионального образования не всегда хватает уровня сформированности их компетенций для выполнения трудовых функций на предприятиях машиностроения. Исходя из существующей проблемы, была определена цель исследования, заключающаяся в разработке и внедрении программы стажировки в деятельность машиностроительного предприятия. Таким образом, в статье рассматривается проблема стажировки на машиностроительном предприятии для выпускников образовательных организаций среднего профессионального образования, принятых на должность слесаря-инструментальщика.

Анализ публикаций позволил сформулировать понятие стажировки, которое представляет собой способ адаптации молодого специалиста на новом рабочем месте. По своей сути стажировка позволяет выпускнику образовательной организации среднего профессионального образования, занявшего на машиностроительном предприятии должность слесаря-инструментальщика, закрепить полу-

ченные им в ходе обучения знания, умения и навыки, а также дополнить сформированные профессиональные компетенции новыми трудовыми функциями.

Проведенное исследование показало, что необходимость реализации программы стажировки связана с проблемой адаптации молодых специалистов на предприятиях машиностроительного комплекса. К тому же многие выпускники образовательных организаций, столкнувшись с трудностями на рабочем месте, пытаются сменить место работы, что создает проблемы для работодателя.

В ходе исследовательской работы была разработана методика организации и проведения стажировки для профессии «слесарь-инструментальщик», внедренная в производственную деятельность машиностроительного предприятия. Спроектированы профессиональный профиль слесаря-инструментальщика, а также шкала оценивания уровня сформированности его трудовых функций. Проведенная экспериментальная работа подтвердила эффективность внедрения стажировки в деятельность машиностроительного предприятия для рабочих специальностей.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, машиностроение, рабочая профессия, стажировка, адаптация на рабочем месте, трудовые функции, слесарь-инструментальщик, программа стажировки, диагностическая карта, профессиональный профиль

Для цитирования: Копылов С. Н. Значение стажировки в подготовке будущих слесарей-инструментальщиков // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 436—442. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1678.

Original article

THE IMPORTANCE OF AN INTERNSHIP IN THE TRAINING OF FUTURE TOOL FITTERS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The growth of production in all sectors of the country's economy has led to a shortage of personnel. The highest demand among employers is for graduates of secondary vocational education institutions with a working profession. Given the rapidly changing technological processes, graduates of secondary vocational education institutions do not always have enough competencies to perform their work functions at machine-building enterprises. Based on the existing problem, the purpose of the study was to develop and implement an internship program in the activities of a machine-building enterprise. Thus, the article discusses

the problem of internships at a machine-building enterprise for graduates of secondary vocational education institutions hired as tool fitters.

The analysis of the publications allowed us to formulate the concept of an internship, which is a way for a young specialist to adapt to a new workplace. In essence, the internship will allow a graduate of a secondary vocational education organization who has taken up the position of a tool fitter at a machine-building enterprise to consolidate the knowledge and skills he has acquired during his studies, as well as to supplement the former professional competencies with new work functions.

The conducted research has shown that the need to implement an internship program is related to the problem of adaptation of young specialists at enterprises of the machine-building complex. In addition, many graduates of educational institutions, when faced with difficulties in the workplace, try to change jobs, which creates problems for the employer.

In the course of the research, a methodology was developed for organizing and conducting an internship for the profession of a tool fitter, which was introduced into the production activi-

ties of a machine-building enterprise. The professional profile of a tool fitter was designed, as well as a scale for assessing the level of formation of his labor functions. The experimental work carried out has confirmed the effectiveness of the internship implementation in the activities of a machine-building enterprise for working specialties.

Keywords: *secondary vocational education, machine building, working profession, internship, workplace adaptation, labor functions, tool fitter, internship program, diagnostic card, professional profile*

For citation: Kopilov S. N. The importance of an internship in the training of future tool fitters. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):436—442. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1678.

Введение

Актуальность. Основной дефицит кадров в Российской Федерации наблюдается на предприятиях металлургии и машиностроения, причем наибольший спрос среди работодателей на сотрудников, обладающих рабочей профессией. Но современному работодателю интересны выпускники образовательных организаций, готовые работать по новым стандартам, на современном оборудовании и с применением передовых технологий.

Так как развитие машиностроительного производства зависит от работы оборудования в технологических процессах образовательные организации среднего профессионального образования интенсивно переоснащают свои мастерские и лабораторную базу, но даже несмотря на это выпускники технических специальностей очень часто слабо ориентируются в технологических цепочках производства, и не умеют работать на современном оборудовании или просто его не знают [1].

В связи с этим возникает проблема в подготовке выпускников образовательных организаций среднего профессионального образования, обладающих не просто знаниями и умениями, но самое главное определенным практическим опытом. Частично такая проблема может быть решена с использованием инструмента стажировки на рабочем месте [2].

Изученность проблемы. Вопросы стажировки на рабочем месте рассматриваются В. Ю. Мишиным [2], В. Б. Рондыревым-Ильинским [3], Е. Ю. Гузенко [4], И. А. Род [5], А. Д. Федюниным [6], В. А. Сенченко [7], О. С. Пальшиной [8], Т. П. Горониной [9], А. И. Лисовской [10] и др.

В. Ю. Мишин в своем исследовании указывает на то, что первостепенной задачей психологии труда является адаптация молодых работников на рабочем месте. В данном случае именно стажировка будет способствовать совершенствованию трудовых навыков и получению новых знаний в условиях профессиональной деятельности [2].

В. Б. Рондырев-Ильинский говорит о том, что полученные работниками знания и практический опыт в процессе проведения стажировки формируют у них навыки безопасной работы на имеющемся в организации оборудовании, причем по мнению автора эффективность стажировки может быть достигнута именно через наставничество [3].

Многие работодатели, привлекая персонал, сталкиваются с соискателями чей уровень сформированных компетенций, и квалификация не соответствует их требованиям. Но в условиях «кадрового голода» им приходится принимать на работу и таких кандидатов. Опасность для машиностроительных предприятий от такой политики заключается в том, что такие сотрудники не обладают навыками работы на современном технологическом оборудовании [11].

В этом случае Е. Ю. Гузенко предлагает для обеспечения безопасности на предприятиях внедрять для всех работников обязательную стажировку. Причем методика проведения стажировки должна включать все технологические операции на рабочем месте, в т. ч. подготовку работника к нестандартным ситуациям [4].

С целью повышения эффективности от стажировки для молодых специалистов И. А. Род предлагает совместить стажировку на производстве для обучающихся выпускных курсов с их обучением в образовательной организации, такой подход позволит сформировать у них новые компетенции и получить дополнительную специальность [5].

Анализ научных публикаций [2—10] показали, что стажировка рассматривается в различных направлениях. Во-первых, многие исследователи отмечают стажировку, как метод обучения, направленный на формирования новых умений и навыков. А во-вторых, стажировка рассматривается как способ адаптации сотрудников на рабочем месте.

Вопросы адаптации молодых специалистов на рабочем месте рассматриваются Е. В. Безвиконной [12], Д. С. Бессоновой [13], Т. В. Дивинной [14], Е. В. Кузнецовой [15], С. Ю. Ланиной [16], Е. А. Ткаченко [17], А. В. Шапоренко [18] и др. Авторами отмечается то, что адаптация молодых специалистов в рамках производства является серьезной проблемой для работодателя. В первую очередь, по их мнению, проблема связана с разрывом в подготовке молодых специалистов в образовательной организации и практическими требованиями работодателей. И в этом случае именно стажировка становится способом интеграции нового сотрудника.

Значение стажировок в подготовке обучающихся к трудовой деятельности рассматриваются С. В. Сырескиной [19], А. Г. Дмитриевым [20], А. С. Машановой [21], С. С. Хасановой [22], Д. С. Сомовым [23], А. С. Тарасовой [24], С. Н. Карабанова [25] и др. Авторы указывают на то, что стажировка представляет собой метод практического обучения в реальных производственных условиях. А совмещение стажировок с обучением в образовательных организациях позволяет обучающимся понять не только производственные процессы, но и требования к их будущей профессии.

Таким образом, анализ публикаций показал, что вопросы стажировки затрагиваются только отдельные аспекты, что говорит о недостаточности изученности данной проблемы. Сделанные выводы позволили сформировать тему, цель и задачи исследования, посвященные вопросам стажировки на рабочем месте выпускников образовательных организаций среднего профессионального образования.

Цель исследования — спроектировать технологию применения стажировки в рамках машиностроительного предприятия для рабочей профессии слесарь-инструментальщик.

Задачи исследования:

- проанализировать понятие стажировки для профессии слесарь-инструментальщик;
- разработать структуру и содержание стажировки по рабочей профессии слесарь-инструментальщик;
- провести опытно-экспериментальную работу с целью проверки эффективности внедрения стажировки в деятельность машиностроительного предприятия.

Научная новизна исследования заключается в разработке и обоснование методики проведения стажировки на рабочем месте для рабочей профессии.

Методы исследования. На начальном этапе использовался теоретический метод исследования, в рамках которого проводился анализ научной литературы, отражающей вопросы стажировки на предприятиях. На втором этапе использовались эмпирические и статистические методы исследования для сбора практических данных и обработки результатов исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в создании в модели стажировки специалиста на рабочем месте.

Практическая значимость исследования заключается в том, что спроектированная методика стажировки позволит сформировать дополнительные трудовые функции у выпускников образовательных организаций среднего профессионального образования.

Основная часть

Для предприятий машиностроительного комплекса основным «тормозом» для увеличения производственных мощностей в условиях рыночной экономики оказывается нехватка сотрудников с рабочей профессией [12]. В этом случае проблема адаптации на рабочем месте выпускников образовательных организаций в последние годы стоит очень остро и связано это с тем, что на многих производствах внедряются современное высокотехнологическое оборудования [16].

Для включения в производственный процесс молодой специалист должен обладать не только сформированными профессиональными компетенциями, но и умениями быстрого реагирования на возникающие ситуации, способностями формировать свой трудовой потенциал, а также навыками принятия решения в нестандартных ситуациях [15].

Для выпускников образовательных организаций среднего профессионального образования стажировка становится способом формирования практических умений и новых знаний, связанных с использованием нового оборудования и технологии на предприятии [6].

Следует учитывать и то, что грамотно разработанный алгоритм стажировки позволит построить процедуру допуска работника к самостоятельной работе по соответствующему виду выполняемых работ [7].

Кафедрой энергетики и транспорта ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (далее — УрГПУ) была получена заявка от представителей машиностроительного предприятия для создания методики организации и проведения стажировки для рабочей профессии слесарь-инструментальщик.

Слесарь-инструментальщик — это работник, осуществляющий ремонт, настройку и обслуживание разнообразных инструментов и оборудования для машиностроительного производства. Как правило, на должность слесаря-инструментальщика претендуют выпускники образовательных программ среднего профессионального образования, отнесенных к укрупненной группе профессий, специальностей и направлений подготовки 15.00.00 «Машиностроение».

Организацию процесса стажировки на предприятии следует начинать с составления положения и программы стажировки, в которой следует учитывать уровень образования стажера, степень подготовленности и опыт его работы [8].

На этапе проектирования программы стажировки для машиностроительного предприятия был разработан профессиональный профиль слесаря-инструментальщика. Фрагмент разработанного профиля слесаря-инструментальщика представлен в табл. 1.

Таблица 1

Фрагмент профессионального профиля слесаря-инструментальщика

Характеристика	Показатель	
Должность	Слесарь-инструментальщик	
Гражданство	Российская Федерация	
Возраст	От 18 лет	до 50 лет
Уровень образования	Среднее профессиональное	
Образовательные программы	15.01.35 Мастер слесарных работ; 15.02.16 Технология машиностроения	
Требования к компетенциям		
Профессиональные знания	Профессиональные умения	Профессиональные владения навыками
• Правил чтения рабочих чертежей и технической документации. • Технологических методов и приемов слесарной обработки заготовок деталей. • Видов, основных параметров и особенностей применения инструментов и приспособлений для слесарной обработки заготовок. • Основных видов дефектов деталей при слесарной обработке	• Чтения и использования рабочих чертежей и технологических карт. • Выполнения разметки заготовок деталей. • Выполнения рубки и резки заготовок деталей. • Выполнения правки деталей. • Выполнения опиливания простых деталей. • Контроля размеров, формы и расположения поверхностей деталей. • Нарезания резьбы в деталях	• Разметки и вычерчивания заготовок для деталей прямолинейных очертаний. • Рубки и резки заготовок деталей. • Правки деталей. • Опиливания деталей. • Контроля размеров, формы, расположения и шероховатости поверхностей деталей. • Нарезания резьбы в деталях

Разработанный профиль слесаря-инструментальщика (табл. 1) необходим для оценки его компетентности и допуска к самостоятельному выполнению трудовых функций.

С целью разработки программы стажировки были изучены должностная инструкция, инструкция по охране труда на машиностроительном предприятии, а также профессиональный стандарт 40.028 «Слесарь-инструментальщик».

В основу разработанной программы стажировки заложено практическое выполнение слесарем-инструментальщиком трудовых функций механической и инструментальной обработки изделий для основных производств машиностроительного предприятия.

В программе стажировки указана цель, общие требования и индивидуальный план стажировки [9]. В табл. 2 представлен фрагмент тематического плана программы стажировки слесаря инструментальщика.

В ходе каждого этапа стажировки работник должен продемонстрировать перед руководителем методы безопасной работы на оборудовании, а также использование инструмента машиностроительного предприятия. Допуск стажера к работе может быть осуществлен только после полного прохождения всех этапов стажировки и положительной оценки или отзыва руководителя [7].

Таблица 2

**Фрагмент тематического плана
программы стажировки**

№ п/п	Наименование раздела (вид выполняемых работ)	Время проведения
1.	Первичный инструктаж на рабочем месте. Изучение правил электро- и пожарной безопасности, а также правил санитарно-гигиенической безопасности на рабочем месте	8 часов (1 смена)
2.	Ознакомление с рабочим оборудованием, приборами, инструментами, приспособлениями. Ориентирование на рабочем месте	8 часов (1 смена)
3.	Изготовление, регулировка и ремонт простых приспособлений и инструментов с точностью по 12—14-му квалитетам	24 часа (3 смены)

Весь ход проведения стажировки контролируется руководителем и фиксируется в специально разработанной диагностической карте оценки трудовых функций слесаря-инструментальщика, фрагмент которой приведен в табл. 3.

Таблица 3

**Фрагмент диагностической карты оценки
трудовых функций слесаря-инструментальщика**

№ п/п	Наименование раздела (вид выполняемых работ)	Оценка	Подпись руководителя о выполнении
1.	Первичный инструктаж на рабочем месте. Изучение правил электро- и пожарной безопасности, а также правил санитарно-гигиенической безопасности на рабочем месте		
2.	Слесарная обработка простых деталей с точностью размеров по 12—14-му квалитету с применением универсальных приспособлений		

Диагностическая карта представляет собой лист оценки, в котором прописаны наименование трудовых функций, с выставлением баллов за каждую сформированную трудовую функцию.

Для оценки уровня сформированности трудовых функций слесаря-инструментальщика в диагностической карте предлагается следующая шкала оценивания:

- 3 — стажер показал высокий уровень сформированных трудовых функций;
- 2 — у стажера достаточный уровень сформированности трудовых функций, но требуется корректировка в практических навыках и знаниях;
- 1 — для стажера необходима дополнительная подготовка.

Представленный процесс стажировки поможет закрепить приобретенные и отработанные должным образом навыки выполнения работы с соблюдением необходимых норм безопасности, а также быстро адаптироваться в новых производственных условиях [10].

Результаты исследования. На начальном этапе исследовательской работы кафедрой энергетики и транспорта УрГПУ был проведен опрос среди выпускников организаций высшего и среднего профессионального образования. В опросе приняли участие 50 чел., имеющих стаж работы от трех месяцев до одного года. Всем респондентам были заданы четыре вопроса, связанные с особенностями адаптации на рабочем месте. Результаты обработки анкет приведены на рис. 1.

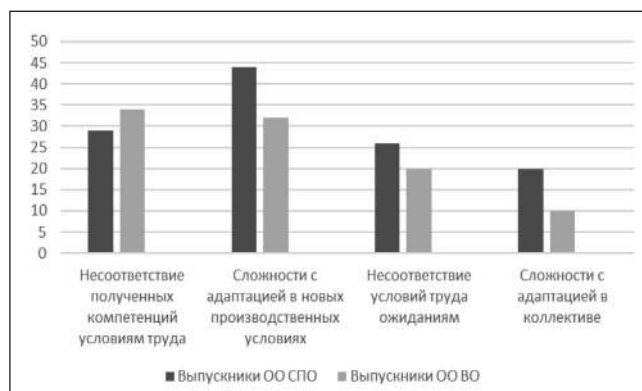

Рис. 1. Результаты анкетирования выпускников образовательных организаций

Как видно из рис. 1, у многих выпускников образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования возникают сложности с адаптацией в новых производственных условиях. Опрошенными было отмечено, что сформированные у них компетенции не всегда отвечают условиям труда. Этому есть ряд причин, первая — отставание лабораторной базы образовательных организаций от производственной программы, вторая связана с тем, что федеральные государственные образовательные стандарты не всегда могут охватить весь спектр трудовых функций, которые необходимы работникам машиностроительных предприятий.

Основными причинами раннего увольнения респонденты называют несоответствие условий труда на предприятии своим ожиданиям, а также трудности вхождения в коллектив и адаптации к новым производственным условиям [15].

Также респондентам был задан вопрос о том, готовы ли они продолжить трудиться на предприятии при наличии обозначенных трудностей, или они будут менять место работы. Результаты опроса приведены на рис. 2.

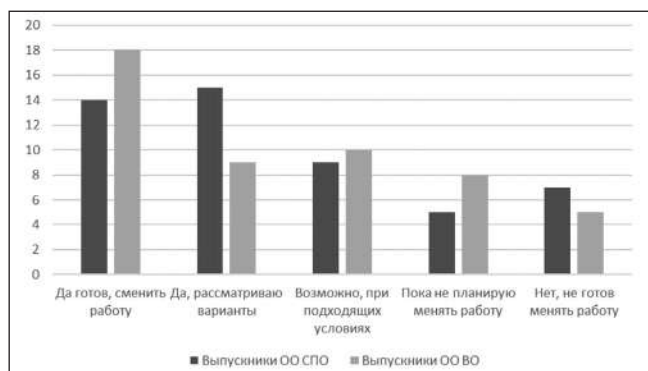

Рис. 2. Результаты опроса молодых сотрудников предприятия о возможности смены работы

Как видно из рис. 2, более 76 % выпускников образовательных организаций среднего профессионального образования и 74 % выпускников образовательных организаций высшего образования, в первый год трудоустройства столкнувшись с трудностями в производственной деятельности, готовы сменить место работы, что создает определенные проблемы для работодателя. Анализ результатов опроса позволил сделать важный вывод о том, что будущего специалиста нужно не просто обучить в образовательной организации, но и включить в коллектив и производственную деятельность без страха и опасения в ошибках для него.

В ходе исследовательской работы по разработанной методике стажировку прошли 10 молодых сотрудников машиностроительного предприятия. Все молодые люди претендуют на должность слесаря-инструментальщика и являются выпускниками образовательных программ среднего профессионального образования отнесенных к укрупненной группе профессий, специальностей и направлений подготовки 15.00.00 «Машиностроение».

К каждому стажеру был прикреплен наставник из числа опытных слесарей-инструментальщиков. В течение месяца стажеры выполняли задание в соответствующей карте фиксации результатов работы стажера. После прохождения всех тем и видов работ стажеры сдавали итоговый экзамен.

В ходе экзамена у всех стажеров были проверены уровень теоретической и практической подготовки в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, отнесенными к укрупненной группе профессий, специальностей и направлений подготовки 15.00.00 «Машиностроение» (рис. 3).

Так как одной из важных целей стажировки было формирование новых трудовых функций у стажеров для самостоятельного выполнения ими производственных задач, то практическая часть экзамена включала выполнение производственного задания слесарем-инструментальщиком. Причем по согласию с руководством предприятия экзамен сдавали и стажеры, и их наставники (рис. 4).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Занин Д. П., Копылов С. Н. Компетенции электромонтера по ремонту и обслуживанию электрооборудования, необходимые ему для выполнения трудовых функций на предприятии // Техническое регулирование в едином экономическом пространстве : сб. ст. XI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург : РГПУ, 2024. С. 79—84.

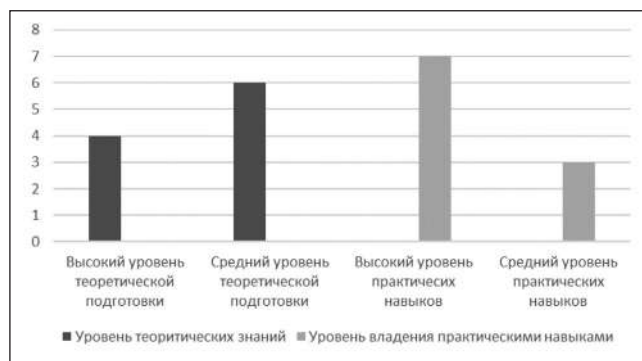

Рис. 3. Результаты проверки теоретических знаний и практических навыков по окончании стажировки

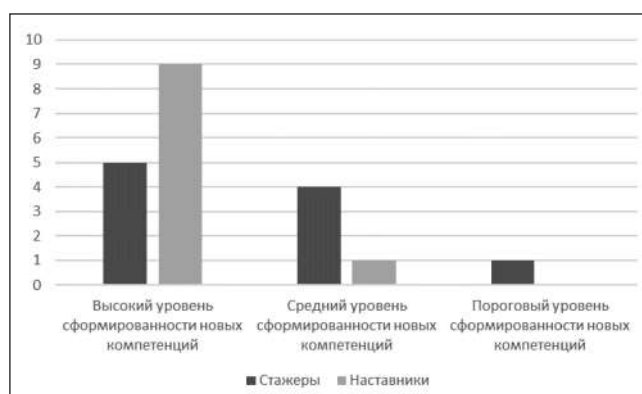

Рис. 4. Результаты итогового экзамена по результатам стажировки

В ходе апробации программы стажировки наставники, делясь своим опытом со стажерами, формировали у них новые трудовые навыки. А выполняя задание совместно со стажерами, наставники смогли вовлечь молодых людей в основы профессии слесаря-инструментальщика. Показанные наставниками и стажерами высокие результаты сдачи итогового экзамена свидетельствует о эффективности внедренной методики стажировки в деятельность машиностроительного предприятия.

Заключение

Получая большое количество заказов, машиностроительные предприятия расширяют свое производство. В таких условиях им приходится набирать новых сотрудников, которые не всегда обладают необходимыми работодателю знаниями и умениями, в большинстве случаев у них также отсутствует практический опыт в рамках профессии. В этих условиях стажировка становится методом обучения и адаптации работника в новых для него трудовых условиях.

Таким образом, можно сделать обобщающий вывод, что внедряемая программа стажировки для слесаря-инструментальщика эффективна и позволяет сформировать новые трудовые функции, необходимые для качественного исполнения должностных обязанностей. Результаты проделанной работы будут полезны тем, кто разрабатывает для своего предприятия программу стажировки.

2. Мишин В. Ю., Ломовцева О. А. Реализация программ студенческих стажировок в компании Макдоналдс как фактор эффективной адаптации к профессии // *Детство — территория безопасности* : сб. материалов конф. Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 271—274.
3. Рондырев-Ильинский В. Б., Пуставаева Э. И. Организация системы наставничества как способ повышения эффективности стажировки работников // *Вестник НЦБЖД*. 2025. № 2(64). С. 42—47.
4. Гузенко Е. Ю., Сёмин Д. В., Мартынов И. С., Мисюряев В. Ю. Стажировка работников сельского хозяйства как эффективное направление обеспечения их безопасности // *Вестник аграрной науки Дона*. 2020. № 1(49). С. 90—96.
5. Род И. А. Роль образовательных проектов в деятельности современной высокотехнологичной компании // *Наноиндустрия*. 2020. Т. 13. № 7—8. С. 414—419. DOI: 10.22184/1993-8578.2020.13.7-8.414.418.
6. Федюнин А. Д., Глотова А. А., Автономова С. А. Анализ сферы по поиску стажировок для студентов и выпускников учебных заведений // *Неделя молодежной науки* : сб. науч. ст. : в 3 т. М., 2020. Т. 2. С. 175—182.
7. Сенченко В. А., Каверзнева Т. Т. Стажировка на рабочем месте как основной элемент обучения безопасным приемам труда рабочих профессий в строительстве // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Строительство и архитектура*. 2016. Т. 7. № 3. С. 25—33. DOI: 10.15593/2224-9826/2016.3.03.
8. Пальшин О. С. Стажировка как метод привлечения молодых специалистов // *Аспирант*. 2020. Т. 14. № 1. С. 58—60.
9. Горонина Т. П. Формы и методы организации стажировки как средства формирования инклюзивной культуры педагогических работников // *Дополнительное образование взрослых: формальное, неформальное, информальное* : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Минск : БГПУ, 2021. С. 47—51.
10. Лисовская А. И., Абилова Е. В. Стажировки как инструмент формирования профессиональных навыков // *Общество, экономика, управление*. 2022. Т. 7. № 1. С. 70—74. DOI: 10.47475/2618-9852-2022-17110.
11. Ермакова Н. С. Привлечение персонала в условиях кадрового дефицита на рынке труда // *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2023. Т. 12. № 4. С. 79—85.
12. Безвиконная Е. В., Богдашин А. В., Портнягина Е. В. Адаптация молодых специалистов в условиях цифровизации // *Экономика труда*. 2022. Т. 9. № 11. С. 1797—1812. DOI: 10.18334/et.9.11.116504.
13. Бессонова Д. С. Проблемы адаптации молодых специалистов на первом рабочем месте // *Социально-экономические процессы современного общества : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары : Среда*, 2025. С. 285—286.
14. Дивина Т. В., Дивина О. И. Роль наставничества при адаптации молодых специалистов в компаниях // *Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. Комсомольск-на-Амуре : КнАГУ*, 2023. Ч. 1. С. 23—25.
15. Кузнецова Е. В., Коннова М. В. Профессиональная адаптация выпускников СПО к реальным условиям рынка труда // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2025. № 1(106). С. 282—286. DOI: 10.33979/1998-2720-2025-106-1-282-286.
16. Ланина С. Ю. Характеристика условий адаптации выпускников учреждений среднего профессионального образования к профессиональной деятельности // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2022. № 1(203). С. 216—219.
17. Ткаченко Е. А. Проблемы адаптации молодых специалистов на предприятиях АПК // *Инновационные технологии: опыт, проблемы, перспективы развития — 2025* : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Тверь : Твер. ГСХА, 2025. Ч. 1. С. 22—27.
18. Шапоренко А. В., Ссори́на А. С. Проблемы адаптации специалистов без опыта работы в различных сферах профессиональной деятельности // *Гуманитарные проблемы современности* : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Курск : ЮЗГУ, 2023. С. 286—291.
19. Сырескина С. В., Оськина А. В. Роль практики и стажировок в изучении профессионально-ориентированного иностранного языка // *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики*. 2025. Вып. 18. Т. 3. С. 87—93.
20. Дмитриев А. Г., Ольшевский С. В., Романников А. Н. Условия применения коучинга в организациях // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2024. Т. 14. № 2А. С. 430—439.
21. Машанова А. С. Формирование практико-ориентированных подходов обучения в высших учебных заведениях // *Эпоха науки*. 2025. № 42. С. 487—490. DOI: 10.24412/2409-3203-2025-42-487-490.
22. Хасанова С. С., Алиева С. А. Партнерство вуза и работодателей в формировании актуальных профессиональных компетенций: педагогический аспект // *Журнал прикладных исследований*. 2025. № S1. С. 240—245.
23. Сомов Д. С., Мухаметшин А. Т. Профессионально-практическая ориентированность высшего образования как востребованный вызов времени // *Современное педагогическое образование*. 2020. № 7. С. 137—141.
24. Тарасова А. С. Роль стажировок при формировании трудовых компетенций у выпускников высшего учебного заведения // *Тенденции развития науки и образования*. 2023. № 99-5. С. 44—46. DOI: 10.18411/trnio-07-2023-259.
25. Карабанов С. Н., Крапивенский А. С. Стажировка как форма реализации программ дополнительного профессионального образования (социологическое исследование предпочтений слушателей) // *Педагогическое призвание* : сб. ст. II междунар. науч.-метод. конкурса : в 3 ч. Петрозаводск : Новая наука, 2020. Ч. 2. С. 200—203.

REFERENCES

1. Zanin D. P., Kopilov S. N. The competence of an electrician in the repair and maintenance of electrical equipment necessary for him to perform work functions at the enterprise. *Tekhnicheskoe regulirovanie v edinom ekonomicheskom prostranstve = Technical regulation in the single economic space. Collection of articles of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University publ., 2024:79—84. (In Russ.)
2. Mishin V. Yu., Lomovtseva O. A. Implementation of student internship programs at McDonald's as a factor of effective adaptation to the profession. *Detstvo — territoriya bezopasnosti = Childhood is a territory of safety. Collection of conference materials*. Saratov, Saratovskii istochnik, 2022:271—274. (In Russ.)

3. Rondyrev-Ilinsky V. B., Pustavaeva E. I. Organization of a mentoring system as a way to increase the effectiveness of employee internships. *Vestnik NTsBZhD*. 2025;2(64):42—47. (In Russ.)
4. Guzenko E. Yu., Semin D. V., Martynov I. S., Misyuryaev V. Yu. Training of agricultural workers as an effective direction of ensuring their security. *Vestnik agrarnoi nauki Dona = Don agrarian science bulletin*. 2020;1(49):90—96. (In Russ.)
5. Rod I. A. Role of educational projects in the activities of a modern high-tech company. *Nanoindustriya = Nanoindustry*. 2020;13(7—8):414—419. (In Russ.) DOI: 10.22184/1993-8578.2020.13.7-8.414.418.
6. Fedyunin A. D., Glotova A. A., Avtonomova S. A. Analysis of the field of search for internships for students and graduates of educational institutions. *Nedelya molodezhnoi nauki = Youth Science Week. Collection of scientific articles*. Moscow, 2020;2:175—182. (In Russ.)
7. Senchenko V. A., Kaverzneva T. T. Training on a workplace as a basic element of training in safe methods of operation of working professions in construction. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Stroitel'stvo i arkhitektura = PNRPU Bulletin. Construction and Architecture*. 2016;7(3):25—33. (In Russ.) DOI: 10.15593/2224-9826/2016.3.03.
8. Pa'lishin O. S. Internship as a method of attracting young professionals. *Aspirant*. 2020;14(1):58—60. (In Russ.)
9. Goronina T. P. Forms and methods of internship organization as a means of forming an inclusive culture of teaching staff. *Dopolnitel'noe obrazovanie vzroslykh: formal'noe, neformal'noe, informal'noe = Additional adult education: formal, informal, informative. Collection of scientific articles of the International scientific and practical conference*. Minsk, Belarusian State Pedagogical University publ., 2021:47—51. (In Russ.)
10. Lisovskaya A. I., Abilova E. V. Internships as a tool for developing professional skills. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie = Society, economy, management*. 2022;7(1):70—74. (In Russ.) DOI: 10.47475/2618-9852-2022-17110.
11. Ermakova N. S. Recruitment of personnel in conditions of personnel shortage in the labor market. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii = Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2023;12(4):79—85. (In Russ.)
12. Bezvikonnaya E. V., Bogdashin A. V., Portnyagina E. V. Young specialists adaptation amidst digitalization. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labour Economics*. 2022;9(11):1797—1812. (In Russ.) DOI: 10.18334/et.9.11.116504.
13. Bessonova D. S. Problems of adaptation of young specialists at the first workplace. *Sotsial'no-ekonomicheskie protsessy sovremennogo obshchestva = Socio-Economic Processes of Modern Society. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Cheboksary, Sreda, 2025:285—286. (In Russ.)
14. Divina T. V., Divina O. I. The role of mentoring in the adaptation of young professionals in companies. *Transformatsiya informatsionno-kommunikativnoi sredy obshchestva v usloviyakh vyzovov sovremennosti = Transformation of the information and communication environment of society in the context of modern challenges. Proceedings of the II International scientific and practical conference of young scientists*. Komsomolsk-on-Amur, Komsomolsk-on-Amur State University publ., 2023;1:23—25. (In Russ.)
15. Kuznetsova E. V., Konnova M. V. Professional adaptation of vocational education graduates to the real conditions of the labor market. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Orel State University*. 2025;1(106):282—286. (In Russ.) DOI: 10.33979/1998-2720-2025-106-1-282-286.
16. Lanina S. Yu. Characteristics of the conditions for adaptation of graduates of institutions of secondary vocational education to professional activities. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta = Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2022;1(203):216—219. (In Russ.)
17. Tkachenko E. A. Problems of adaptation of young specialists at agricultural enterprises. *Innovatsionnye tekhnologii: opyt, problemy, perspektivy razvitiya — 2025 = Innovative technologies: experience, problems, and development prospects — 2025. Collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference*. Tver, Tver State Agricultural Academy publ., 2025;1:22—27. (In Russ.)
18. Shaporenko A. V., Ssorina A. S. The problem of adaptation of specialists without experience in various fields of professional activity. *Gumanitarnye problemy sovremennosti = Humanitarian problems of modernity. Collection of articles of the V International scientific and practical conference*. Kursk, Southwest State University publ., 2023:286—291. (In Russ.)
19. Syreskina S. V., Oskina A. V. The role of practice and internships in learning a professionally oriented foreign language. *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki = Professional communication: top issues of linguistics and teaching methods*. 2025;18(3):87—93. (In Russ.)
20. Dmitriev A. G., Ol'shevskii S. V., Romannikov A. N. Conditions for the application of coaching in organizations. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2024;14(2A):430—439. (In Russ.)
21. Mashanova A. S. Formation of practice-oriented learning approaches in higher education institutions. *Epokha nauki*. 2025;42:487—490. (In Russ.) DOI: 10.24412/2409-3203-2025-42-487-490.
22. Hasanova S., Aliyeva S. Partnership between universities and employers in the formation of relevant professional competencies: a pedagogical aspect. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied research*. 2025;S1:240—245. (In Russ.)
23. Somov D. S., Mukhametshin A. T. Professional and practical orientation of higher education as a popular challenge of the time. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*. 2020;7:137—141. (In Russ.)
24. Tarasova A. S. The role of internships in the formation of labor competencies among graduates of higher education institutions. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2023;99-5:44—46. (In Russ.) DOI: 10.18411/trnio-07-2023-259.
25. Karabanov S. N., Krapivenskii A. S. Internship as a form of implementing additional professional education programs (a sociological study of students' preferences). *Pedagogicheskoe призвание = Pedagogical vocation. Collection of articles of the II International scientific and methodological competition*. Petrozavodsk, Novaya nauka, 2020;2:200—203. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.06.2026; одобрена после рецензирования 26.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.
The article was submitted 05.06.2026; approved after reviewing 26.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 372.881.161.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1692

Tamara Vladimirovna Kuprina
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
and Translation,
Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation
tvkuprina@mail.ru

Jiang Xinying
Master,
field of training
45.04.02 — Linguistics,
Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation
2218521393@qq.com

Тамара Владимировна Куприна
канд. пед. наук,
доцент кафедры иностранных языков
и перевода,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
tvkuprina@mail.ru

Цзян Синьин
магистр,
направление подготовки
45.04.02 — Лингвистика,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
2218521393@qq.com

ОБУЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ НАВЫКАМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ОСНОВЕ МЕТОДА CASE STUDY В ЦИФРОВОМ ПРИЛОЖЕНИИ QUIZLET

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации методик обучения иностранным языкам и межкультурной коммуникации к ментальности и национальным особенностям китайских студентов, что подтверждается рядом работ отечественных и зарубежных авторов. Целью исследования является проверка эффективности разработанной методики обучения китайских студентов навыкам межкультурной коммуникации на основе кейсового метода в цифровом приложении Quizlet. Гипотезой исследования является предположение, что комбинаторное сочетание кейсового метода и цифрового приложения Quizlet будет более эффективным при обучении навыкам межкультурной коммуникации китайских студентов. Материалом исследования послужили специально разработанные социально ориентированные кейсы, необходимые для успешной коммуникации в межкультурной среде, а также авторская анкета и тесты оценки успешности прохождения курса. Результаты исследования подтвердили эффективность предложенной методики со значительным увеличением показателей. Обучение на основе метода кейсов в интер-

активном режиме более персонализировано и удобно для каждого студента при сочетании аудиторной и внеаудиторной работы. Разработанная методика отражает национальную специфику обучения китайских студентов, т. к. разработка и внедрение проводились совместно с носителем китайской культуры и языка, что позволило максимально приблизить ее к ментальности и национальным традициям обучающихся. В то же время разработанный алгоритм внедрения методики применим и для других категорий обучающихся при уточнении их социокультурных потребностей. Перспективным направлением дальнейших исследований является совершенствование и масштабирование интеграции традиционных и цифровых методов обучения иностранным языкам и межкультурной коммуникации с учетом психологического типа обучающихся и их реальных потребностей.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, навыки, метод case study, цифровое приложение Quizlet, китайские студенты, алгоритм методики, социально значимая тематика, ментальность, культура и язык, национальная традиция

Для цитирования: Куприна Т. В., Цзян Синьин. Обучение китайских студентов навыкам межкультурной коммуникации на основе метода case study в цифровом приложении Quizlet // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 443—448. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1692.

Original article

DEVELOPING CHINESE STUDENTS' INTERCULTURAL COMMUNICATION SKILLS USING CASE STUDY METHOD IN QUIZLET DIGITAL APP

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The relevance of the study stems from the need to adapt foreign language and intercultural communication teaching methods to the mentality and national characteristics

of Chinese students, a finding supported by a number of national and international researchers. The aim of the study is to test the effectiveness of the developed method for teaching intercultural

communication skills to Chinese students using the case study method and the Quizlet digital app. The study's hypothesis is that a combination of the case study method and the Quizlet digital app will be more effective in teaching intercultural communication skills to Chinese students. The study has utilized specially developed socially oriented cases necessary for successful communication in an intercultural environment, as well as a questionnaire and tests for assessing course completion. The results of the study confirm the effectiveness of the proposed method, with a significant increase in student success rates. Interactive case study-based learning is more personalized and convenient for each student, combining both in-class and out-of-class activities. The developed methodology reflects the national specifics of teaching Chinese students, as its deve-

lopment and implementation are conducted in collaboration with a native speaker of Chinese culture and language, ensuring its closeness to the students' mentality and national traditions. At the same time, the developed implementation algorithm is also applicable to other categories of students, provided their sociocultural needs are clarified. A promising area for further research is to improve and scale the integration of traditional and digital methods of teaching foreign languages and intercultural communication, taking into account the students' psychological types and their actual needs.

Keywords: *intercultural communication, skills, case study method, Quizlet digital app, Chinese students, methodology algorithm, socially significant topics, mentality, culture and language, national tradition*

For citation: Kuprina T. V., Jiang Xinying. Developing Chinese students' intercultural communication skills using case study method in Quizlet digital app. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):443—448. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1692.

Введение

Актуальность данного исследования определяется двумя значимыми факторами: возрастающим количеством китайских студентов в российских университетах, что требует разработки и внедрения методик, адаптированных именно под этот контингент обучающихся; широким внедрением цифровых технологий в традиционные методы обучения, среди которых особое место занимает метод *case study* (метод анализа конкретных ситуаций), обусловленный необходимостью развития практических навыков, включая межкультурное общение.

Изученность проблемы. В современных исследованиях: Ю. И. Буткевич, Г. В. Третьяк, А. И. Тюрдеевой [1], И. В. Денисовой и А. П. Еременко [2], В. В. Еремина [3], Т. Е. Землинской [4], М. А. Фроловой [5] — отмечается эффективность метода *case study* для развития практических навыков межкультурной коммуникации и решения возможных проблем. На эффективность работы с китайскими студентами на основе данного метода с учетом их национальных и психологических особенностей указывают работы как отечественных, например Н. Ф. Корякцевой [6], так и зарубежных авторов: Лан Ся [7], Цзин-цзин Чжоу, Ф. Г. Каяд, В. Говиндараджу [8], Фэн Шисюань и Линь Тин [9].

По мнению П. В. Сысоева, Р. А. Данилина, Д. О. Сорокина [10], М. В. Рыбак [11], Е. Ф. Киреевой и К. Р. Ишалиной [12], эффективность обучения усиливается при внедрении интерактивных и цифровых технологий, помогающих визуализировать ситуации межкультурного общения, погружаясь в реальную среду, реализуя, как указывают С. В. Конева и С. В. Шустова, комплексный инновационный подход [13].

Обобщая исследования выше указанных авторов, можно сделать следующие теоретические предположения относительно работы с китайскими студентами:

1. Учитывая коллективистскую культуру в китайской традиции, необходимо, прежде всего, коллективное обсуждение проблем, что создает естественную среду для общения, снижает уровень конкуренции, являющуюся дискомфортной для китайских студентов [9].

2. Принимая во внимание целостное мышление китайских студентов, необходимо представлять кейсы с различных точек зрения, не только культурных, но и социальных, психологических, коммуникативных [6].

3. Особое внимание следует обратить на развитие критического мышления и навыков аргументации, т. к. китайским студентам сложно выражать свое мнение, отличное от мнения большинства или авторитетного лица (например, преподавателя) [7; 8].

4. Обязательное сочетание теории и практики, реализуя комплексный инновационный подход при отборе лингвокультурного материала и создании заданий [13, с. 83].

5. При внедрении метода *case study* необходимо использовать интерактивные методы обучения, усиливающие мотивацию и интерес к освоению межкультурных навыков [10]. В частности, флэш-карточки приложения *Quizlet* позволяют активизировать различные каналы восприятия, быстрее осваивать и закреплять необходимую лексику в индивидуальных режимах, осуществлять самоконтроль [12, с. 1492].

6. Постепенное увеличение сложности кейсов и самостоятельной работы: от четкой постановки проблемы и направляющих вопросов преподавателя до самостоятельного определения проблем и их решений, что соответствует методу скаффолдинга и позволяет студентам избежать эмоционального напряжения и фрустрации.

Таким образом, обучение на основе кейсов в интерактивном режиме становится более персонализированным и удобным для каждого студента при сочетании аудиторной и внеаудиторной работы.

Целесообразность разработки темы определяется необходимостью разработки национально обусловленной методики обучения китайских студентов при сочетании метода *case study* по социально значимой тематике и цифровых приложений.

Новизна исследования состоит в следующем:

— разработана национально обусловленная методика обучения китайских студентов при сочетании метода *case study* по социально значимой тематике и цифрового приложения *Quizlet*;

— разработано содержание учебного курса и алгоритм его внедрения на последовательных этапах: диагностирующем, формирующем, контрольно-оценочном, рефлексивном;

— алгоритм методики может быть внедрен как при обучении китайских студентов навыкам социально обусловленной межкультурной коммуникации, так и других иностранных студентов при уточнении их социокультурных потребностей.

Целью исследования является практическое внедрение и проверка эффективности разработанной методики обучения китайских студентов навыкам межкультурной коммуникации с учетом социально значимой для них тематики на основе метода *case study* в цифровом приложении *Quizlet*.

Для реализации поставленной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- выявить наиболее проблемные социально значимые темы межкультурной коммуникации для китайских студентов;
- разработать и апробировать методику развития навыков межкультурной коммуникации у китайских студентов на основе метода *case study* в приложении *Quizlet* с учетом социально значимой для них тематики;
- оценить эффективность предложенной методики при обучении навыкам межкультурной коммуникации китайских студентов с учетом социально значимой тематики на основе метода *case study* в приложении *Quizlet*.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что обобщены теоретические положения трудов отечественных и зарубежных авторов, касающиеся внедрения инновационных методик обучения на основе цифровых приложений с учетом национальных особенностей целевой аудитории. Предложен алгоритм методики обучения навыкам социально обусловленной межкультурной коммуникации, эффективность которого доказана в ходе экспериментальной работы.

Практическая значимость исследования заключается в разработке и внедрении методики, сочетающей *case study* и цифровое приложение *Quizlet* и учитывающей реальные потребности и психологические особенности китайских студентов при адаптации в межкультурной среде. Важной особенностью исследования является участие носителя китайской культуры, что способствует полной адаптации методических материалов к психологическому типу обучающихся. Методика, материалы и алгоритм работы могут быть использованы как при обучении студентов из Китая, так и других иностранных студентов при предварительном выявлении их межкультурных потребностей.

Основная часть

Методология исследования. Материалом исследования послужили специально разработанные кейсы по социально значимым темам для китайских студентов, необходимые им для успешной коммуникации в межкультурной среде, а также авторская анкета и тесты оценки успешности прохождения курса. Апробация эффективности предложенной методики проводилась в четыре этапа: диагностирующий, формирующий, контрольно-оценочный, рефлексивный. Исследование проводилось на базе кафедры иностранных языков и перевода Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, в котором приняли участие 15 китайских студентов I курса обучения направления 45.03.02 «Лингвистика», со средним уровнем владения русским языком A2 и ранее систематически не изучавших курс межкультурной коммуникации.

Результаты исследования. Апробация алгоритма методики по обучению китайских студентов навыкам межкультурной коммуникации на основе метода *case study* в цифровом приложении *Quizlet* проходила в несколько этапов: диагностирующем, формирующем, контрольно-оценочном, рефлексивном.

В общей сложности было проведено 8 занятий в течение 4 недель, каждое продолжительностью 90 минут. Занятия проводились два раза в неделю, что позволило

студентам иметь достаточно времени для самостоятельной работы с приложением *Quizlet* и подготовки к обсуждению кейсов.

На **диагностирующем этапе** на основе тестирования был определен уровень сформированности навыков межкультурной коммуникации и проведено анкетирование с целью выявления наиболее значимых тем для социализации китайских студентов в межкультурной среде.

По результатам анкетирования были определены наиболее проблемные сферы межкультурной коммуникации для китайских студентов:

- Тема 1: **Межкультурная коммуникация в образовательных учреждениях** — 80,0 % (общение с преподавателями, учебный процесс, академический этикет, внеучебная деятельность).
- Тема 2: **Межкультурная коммуникация в медицинских учреждениях** — 73,3 % (регистратура, прием врача, аптека, вызов скорой помощи).
- Тема 3: **Межкультурная коммуникация в государственных учреждениях** — 66,7 % (миграционная служба, полиция, многофункциональные центры, оформление документов).

На основе выделенных тем было разработано девять авторских кейсов (по три на каждую тему) на основе реальных коммуникативных ситуаций, возникающих у китайских студентов в российской социокультурной среде. Каждый кейс представляет собой описание конкретной ситуации межкультурного взаимодействия, содержащей проблему или конфликт, возникший вследствие культурных различий. Кейсы сопровождаются вопросами для анализа и обсуждения, а также были адаптированы к уровню владения русским языком китайских студентов и содержали необходимые комментарии для снятия языковых трудностей.

Формирующий этап включал проведение практических занятий по разработанной методике, состоящей из четырех последовательных подэтапов:

- **Подготовительный:** создание организационных и мотивационных условий для эффективной работы, знакомстве студентов с приложением *Quizlet* и форматом работы с кейсами.

Для иностранных студентов особенно важно создать психологически комфортную атмосферу, подчеркнуть, что ошибки в процессе обучения — это нормально и не повлекут за собой негативных последствий [14]. Китайские студенты часто испытывают страх «потерять лицо» при публичных ошибках, поэтому создание безопасной образовательной среды является критически важным условием успешности обучения.

- **Демонстрационный:** представление работы с флэш-карточками *Quizlet*, которые преподаватель создает заранее, опираясь на содержание предстоящих кейсов в структурированном наглядном и удобном для запоминания виде. Для студентов из Китая эффективным может быть сочетание индивидуального знакомства с последующим обсуждением в парах или малых группах под руководством преподавателя, что соответствует их коллективистским установкам.

Важно, чтобы карточки не ограничивались простым переводом терминов, а содержали культурологический комментарий, объясняющий, почему в данной культуре принято поступать так, а не иначе, какие ценности стоят за теми или иными нормами поведения.

• **Аналитический:** После знакомства и изучения терминологии темы, студентам предлагалось перейти к изучению кейсов следующим образом:

1. Студенты в течение 10–15 минут самостоятельно анализировали кейс, при необходимости уточняя понятия через флэш-карточки.

2. Обсуждение представленных решений с преподавателем, руководящим дискуссией. В ходе обсуждения представляются стратегии поведения при конструктивном решении проблемы и минимизации конфликтных ситуаций.

Таким образом, свободная дискуссия позволяет закрепить полученные навыки по продуктивному решению проблем в межкультурной среде.

• **Закрепляющий:** студенты активизировали полученные знания и навыки через режимы «Заучивание» и «Письмо» по темам Межкультурная коммуникация в образовательных, медицинских и государственных учреждениях. Далее студенты самостоятельно создавали тематические карточки.

Для снятия усталости и повышения мотивации использовались игровые режимы *Quizlet* — *Match* и *Blast*. В режиме *Match* студенты соревновались в скорости сопоставления терминов и определений. В режиме *Blast* термины или определения отображались на движущихся астероидах, и задача игроков – как можно быстрее выбрать правильный ответ.

В ходе формирующего этапа после изучения каждой темы проводилось промежуточное тестирование, а в конце изучения было проведено контрольное тестирование по всем темам.

Контрольно-оценочный этап включал диагностику уровня усвоения материала каждым студентом. При тестировании *Quizlet* приложение автоматически генерировало различные типы заданий: выбор правильного ответа, верно/неверно, письменный ответ, подбор соответствий. Студенты получали результаты немедленно, что позволяло им сразу увидеть свои пробелы и скорректировать дальнейшую работу.

Контрольно-оценочный этап предполагал сравнение и анализ результатов тестов 15 китайских студентов, проведенных на диагностирующем (первичном) и контрольно-оценочном этапах (см. рис.).

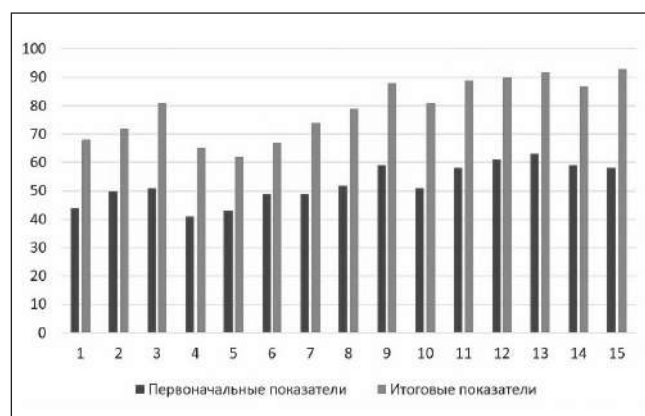

Рис. Сравнение результатов первичного и контрольно-оценочного тестов 15 студентов из Китая

Результаты тестирования показали устойчивую положительную динамику: по теме «Образовательные учреждения» — на 42 %, по теме «Медицинские учреждения» —

на 46 %, по теме «Государственные учреждения» — на 40 %. Сравнение первичного и контрольного тестирования по всем темам также продемонстрировало положительную динамику: в среднем студенты улучшили свои результаты на 51 %.

Рефлексивный этап предполагал осмысление полученного опыта, формулирование лично значимых выводов, планирование дальнейшего саморазвития в области межкультурной коммуникации. Рефлексия проходила в двух вариантах:

• **Групповая рефлексия**, касающихся приобретенного опыта в реальных ситуациях межкультурной коммуникации.

• **Индивидуальная рефлексия**: студенты письменно фиксировали свои размышления о проделанной работе, возникших трудностях, наиболее запомнившихся моментах. Учитывая национальные особенности обучения китайских студентов, письменная фиксация важна, т. к. требует более четкого формулирования мыслей и создает материал для последующего возвращения к опыту.

Планирование дальнейшей работы — преподаватель предлагал студентам материалы для самостоятельного изучения: дополнительные сайты *Quizlet* по смежным темам, ссылки на интересные ресурсы, рекомендации фильмов или книг, позволяющих глубже понять изучаемую культуру.

По полученным результатам можно сделать следующие выводы:

1. Цифровое приложение *Quizlet* предоставило студентам полный набор инструментов для эффективного изучения межкультурной коммуникации. Флэш-карточки позволили систематически запоминать термины, режим «Письмо» отрабатывать написание, режим «Заучивание» обеспечивал повторение, а игровые режимы (*Match* и *Blast*) делали процесс обучения увлекательным и снижали тревожность. Все эти функции приложения были доступны студентам в любое время и в любом месте, что способствовало превращению обучения в непрерывный процесс.

2. Метод *case study* позволил студентам не просто запомнить термины, но и научиться применять их в реальных ситуациях. Анализ девяти кейсов по трем темам дал студентам возможность погрузиться в конкретные обстоятельства межкультурного взаимодействия, понять причины возникающих недопониманий и выработать эффективные стратегии поведения.

3. Высокий уровень мотивации и культурных особенностей студентов сыграл ключевую роль в достижении полученных результатов.

По замечанию Т. Н. Персиковой, именно учет специфических особенностей культуры способствует формированию необходимых навыков для реальной коммуникации [15].

По окончании экспериментальной работы было проведено анкетирование студентов, в котором большинство из них (13 из 15, т. е. 87 %) отметили эффективность совместного использования метода *case study* в цифровом приложении *Quizlet*, его интерактивность, комфортность изучения материала в удобное для каждого время, быструю проверку результатов, возможность работать в индивидуальном темпе и немедленную обратную связь.

Следовательно, разработанная методика на основе интеграции цифрового приложения *Quizlet* и метода *case study* доказала свою эффективность в работе

с китайскими студентами. Учет культурно-психологических особенностей китайских студентов (коллективистская ориентация, склонность к целостному восприятию, потребность в практико-ориентированном обучении) позволил создать оптимальные условия для формирования навыков межкультурной коммуникации.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что интеграция метода *case study* с цифровым приложением *Quizlet* позволяет создать целостную эффективную методику обучения навыкам межкультурной коммуникации, состоящую из нескольких этапов, отвечающую потребностям китайских студентов. Предложенная методи-

ка позволяет реализовать принципы коммуникативности, фоновое познания и постепенности. Она создает условия для того, чтобы студенты не просто усваивали информацию о других культурах, но и учились применять эту информацию в ситуациях, приближенных к реальному межкультурному взаимодействию, развивали критическое мышление, навыки аргументации, способность к рефлексии.

Перспективным направлением дальнейших исследований может быть совершенствование и масштабирование интеграции традиционных и цифровых методов обучения иностранным языкам и межкультурной коммуникации с учетом психологического типа обучающихся и их реальных потребностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буткевич Ю. И., Третьяк Г. В., Тюрдеева А. И. Метод кейс-стади как средство формирования межкультурной компетентности в обучении иностранным языкам студентов неязыковых вузов // *Экологические проблемы XXI века : Сахаровские чтения 2022 г. : материалы 22-й Междунар. науч. конф. : в 2 ч.* Минск : ИВЦ Минфина, 2022. Ч. 1. С. 156—159. DOI: 10.46646/SAKH-2022-1-156-159.
2. Денисова И. В., Еременко А. П. Типы межкультурных коммуникаций // *Студенческий научный форум — 2012 : IV Междунар. студент. конф.* 2021. URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012001603>.
3. Еремин В. В. Формирование социокультурной компетенции в процессе межкультурного обучения // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2008. № 1(33). С. 42—45.
4. Землинская Т. Е., Ферсман Н. Г. Педагогические технологии формирования межкультурной компетентности (на примере использования кейс-технологий) // *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2016. Вып. 5(19). Т. 2. С. 28—36.
5. Фролова М. А. Практическое применение метода *case study* для разрешения межкультурного конфликта в старшей школе // *Образование и воспитание*. 2025. № 5(57). С. 36—39.
6. Коряковцева Н. Ф. Социокognитивный подход к обучению иностранному языку в рамках межкультурной парадигмы лингвистического образования // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. 2020. № 1(834). С. 11—22.
7. Лан Ся Особенности динамики российской культуры и формирования предпосылок культурного обмена с Китаем // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2008. № 2. С. 73—75.
8. Zhou J., Kayad F. G., Govindaraju V. Intercultural Language Teaching in EFL Contexts: Principles, Interventions, Approaches and Future Directions // *Journal of Theory and Practice in Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 2. No. 3. Pp. 50—55. DOI: 10.5281/zenodo.16296124.
9. Фэн Шисюань, Линь Тин, Балобанова Л. А. Особенности межкультурной коммуникации в обучении русскому языку китайских студентов // *Известия Восточного института*. 2015. № 2(26). С. 75—79.
10. Сысоев П. В., Данилин Р. А., Сорокин Д. О. Обучение иноязычному межкультурному взаимодействию студентов на основе кейс-метода // *Язык и культура*. 2022. № 58. С. 292—309. DOI: 10.17223/19996195/58/16.
11. Рыбак М. В. Культурологическая идея обучения иностранным языкам в России в конце XX — начале XXI вв. // *Сервис plus*. 2024. Т. 18. № 1. С. 51—61. (На англ. яз.) DOI: 10.5281/zenodo.10967970.
12. Kireeva E. F., Ishalina K. R. Methods and techniques for developing students' polycultural competence in Russian as a foreign language // *International Journal of Artificial Intelligence*. 2025. Vol. 5. Iss. 2. Pp. 1491—1494.
13. Конева С. В., Шустова С. В. Кейс-технология как механизм формирования межкультурной компетенции // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2026. № 1. С. 83—94.
14. Бергельсон М. Б. Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики (проспект учебного пособия) // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2005. № 3. С. 54—68.
15. Персикова Т. Н. Феномен корпоративной культуры в современной России (составительский анализ корпоративных культур в российских и иностранных организациях) // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2007. № 1. С. 159—169.

REFERENCES

1. Butkevich Y., Tretyak G., Turdeeva A. The case study method as means of forming intercultural competence in teaching foreign languages to students of non-linguistic universities. *Ekologicheskie problemy XXI veka = Environmental problems of the XXI century. Sakharov Readings 2022. Proceedings of the 22nd International scientific conference*. Minsk, Information and Computing Center of the Ministry of Finance of the Republic of Belarus publ., 2022;1:156—159. (In Russ.) DOI: 10.46646/SAKH-2022-1-156-159.
2. Denisova I. V., Eremenko A. P. Types of Cross-Cultural Communication. *Studencheskii nauchnyi forum — 2012 = Student scientific forum — 2012. IV International student conference*. 2021. (In Russ.) URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012001603>.
3. Eremin V. V. Formation of socio-cultural competence in the process of intercultural learning. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*. 2008;1(33):42—45. (In Russ.)

4. Zemlinskaia T. E., Fersman N. G. Educational techniques in the context of developing cross-cultural competence (on the basis of case study techniques). *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuzе = Teaching Methodology in Higher Education*. 2016;5(19)-2:28—36. (In Russ.)
5. Frolova M. A. Practical application of the case study method for resolving intercultural conflict in high school. *Obrazovanie i vospitanie*. 2025;5(57):36—39. (In Russ.)
6. Koryakovtseva N. F. Sociocognitive approach to foreign language teaching in the intercultural paradigm of linguistic education. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*. 2020;1(834):11—22. (In Russ.)
7. Lan Xia. Features of the dynamics of Russian culture and the formation of prerequisites for cultural exchange with China. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2008;2:73—75. (In Russ.)
8. Zhou J., Kayad F. G., Govindaraju V. Intercultural Language Teaching in EFL Contexts: Principles, Interventions, Approaches and Future Directions. *Journal of Theory and Practice in Humanities and Social Sciences*. 2025;2(3):50—55. DOI: 10.5281/zenodo.16296124.
9. Feng Shixuan, Lin Tin, Balobanova L. A. The specifics of intercultural communication in teaching Russian language of Chinese students. *Izvestiya Vostochnogo instituta = Oriental Institute Journal*. 2015;2(26):75—79. (In Russ.)
10. Sysoyev P. V., Danilin R. A., Sorokin D. O. Teaching students foreign language intercultural communication using the case method. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*. 2022;58:292—309. (In Russ.) DOI: 10.17223/19996195/58/16.
11. Rybak M. V. Cultural idea of teaching foreign languages in Russia and its development at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries. *Service plus*. 2024;18(1):51—61. DOI: 10.5281/zenodo.10967970.
12. Kireeva E. F., Ishalina K. R. Methods and techniques for developing students' polycultural competence in Russian as a foreign language. *International Journal of Artificial Intelligence*. 2025;5(2):1491—1494.
13. Koneva S. V., Shustova S. V. Case-study as a mechanism for forming intercultural competence. *Evraziyskii gumanitarnyi zhurnal = Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;1:83—94. (In Russ.)
14. Bergel'son M. B. Intercultural communication: theory and practice (prospectus of the study guide). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2005;3:54—68. (In Russ.)
15. Persikova T. N. Corporate culture phenomena in modern Russia (comparative analysis of corporate cultures in Russian and foreign companies). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2007;1:159—169. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.06.2026; одобрена после рецензирования 05.07.2026; принята к публикации 06.07.2026.
The article was submitted 15.06.2026; approved after reviewing 05.07.2026; accepted for publication 06.07.2026.

Обзорная статья
УДК 378.016
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1743

Vladimir Vladimirovich Leonov
Candidate of History,
Dean of the Faculty of Integrated Security
and Fundamentals of Military Training,
Russian State Social University
Moscow, Russian Federation
leonoff11@rambler.ru

Владимир Владимирович Леонов
канд. ист. наук,
декан факультета комплексной безопасности
и основ военной подготовки,
Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация
leonoff11@rambler.ru

СИСТЕМА ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Предпринята попытка обзорно представить состояние системы гражданско-патриотического воспитания в России на современном этапе. Проблема состоит в выявлении существующих в науке идей, размышлений по обозначенному вопросу. Цель раскрывает сущность проблемы, сосредотачивая поиск ее решения в определении также идей и трендов в области создания системы гражданско-патриотического воспитания в Российской Федерации. В этой связи определяются особенности и тенденции современного состояния гражданско-патриотического воспитания, образующие общую картину процесса. Для этого используются подходы и соответствующие им методы, позволяющие проанализировать пул отобранных статей по данной теме. Учитываются социальные, методологические и нормативные противоречия, определяющие структурно-функциональную специфику формирующейся системы гражданско-патриотического воспитания на уровнях школы и высшего образования. Создаваемая система гражданско-патриотического воспитания многоуровневая, имеет вертикальные и горизонтальные структуры, что придает ей интегрированный, всеохватывающий характер. Это во многом определяется методологическими установками и технологическими решениями. Рассматривается содержание формулировок

основополагающих понятий «патриотизм», «гражданственность», «гражданско-патриотическое воспитание», анализируются отличия позиций авторов в данной области социализации молодежи. На основе представленного анализа выявляются ведущие идеи, особенности и основные тренды в развитии разных моделей гражданско-патриотического воспитания. Отмечается возрастающий интерес авторов к широкому спектру военно-патриотического воспитания как структурному компоненту гражданско-патриотического воспитания.

Наиболее слабо эта система формируется на уровне высшего образования. Результаты анализа состояния формирующейся системы гражданско-патриотического воспитания применимы для дальнейшего применения в подготовке статей, разработке тематических проектов, программ дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: система, гражданско-патриотическое воспитание, направления гражданско-патриотического воспитания, деятельностный подход, аксиологический подход, методы, уровень общего образования, традиционные ценности, традиционные формы, многоуровневая система, высшее образование, нормативно-правовые регуляторы

Для цитирования: Леонов В. В. Система гражданско-патриотического воспитания в России // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 449—455. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1743.

Original article

THE SYSTEM OF CIVIC-PATRIOTIC EDUCATION IN RUSSIA

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. An attempt has been made to outline the current state of the system of civic-patriotic education in Russia. The problem lies in identifying the ideas and reflections on the issue that already exist in scientific literature. The goal is to reveal the essence of the problem, focusing the search for its solution on identifying ideas and trends in the development of the system of civic-patriotic education in the Russian Federation. In this regard, the features and trends of the current state of civic-patriotic education are identified, forming a general picture of the process. To achieve this, approaches and the corresponding methods are used that make it possible to analyze the pool of selected articles on the given

topic. Social, methodological, and normative contradictions that determine the structural and functional specifics of the emerging system of civic-patriotic education at the school and higher education levels are taken into account. The system of civic-patriotic education is being developed on a multi-level basis and has both vertical and horizontal structures, which gives it an integrated, all-encompassing character. This is largely determined by methodological guidelines and technological solutions. The content of the formulations of the fundamental concepts of patriotism, civic consciousness, and civic-patriotic education is examined; the differences in the authors' positions in this area of youth socialization are

analyzed. Based on the presented analysis, the leading ideas, features, and main trends in the development of various models of civic-patriotic education are identified. Authors' growing interest in a wide range of military-patriotic education as a structural component of civic-patriotic education is noted.

This system is most poorly developed at the level of higher education. The results of the analysis of the current state of the emerging system of civic-patriotic education are appli-

cable for further use in preparing articles, developing thematic projects, and creating programs for additional professional education.

Keywords: *system, civic-patriotic education, areas of civic-patriotic education, activity-based approach, axiological approach, methods, level of general education, traditional values, traditional forms, multi-level system, higher education, regulatory legal instruments*

For citation: Leonov V. V. The system of civic-patriotic education in Russia. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):449—455. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1743.

Введение

Глобальный мир переживает серьезный геополитический и культурный кризисы, сопровождающиеся широкой и остротой миграции, политической трансформации. Это проявляется, в частности, в стремлении народов и государств к формированию и осмыслению идентичности, сохранению основ государственности и исторической памяти. В европейских странах эти процессы начались более тридцати лет назад, в нашей стране, с опозданием, — немногим больше десяти лет назад. В этой атмосфере актуализируются вопросы патриотизма, гражданственности и героизма, подвига в российском обществе. Актуализируется данная тема также в условиях нагнетания агрессии со стороны коллективного Запада против нашей страны.

Таким образом, **актуальность** преобразует тему создания системы гражданско-патриотического воспитания (далее — ГПВ) в России в жизненно важную, связанную с национальной безопасностью, задачу.

Изученность темы. Данная тематика востребована и набирает всё больший научный интерес в среде преподавателей вузов. Анализ показал, что фокус статей весьма разнообразен: от теоретических обзоров, эмпирических исследований до описания практического опыта и рекомендаций. Классический подход к ГПВ подразумевает его аксиологическую основу. С. А. Кочетова и С. Э. Зябрева полагают, что без духовно-нравственных ценностей сформировать гражданина, патриота, невозможно. Эта идея отражается в необходимости формирования гражданско-патриотической идентичности у студентов. Отмечен опыт кураторства в Донецком государственном педагогическом университете [1].

Проблема ГПВ в современной научной литературе исследуется многопланово. Так, с позиции изменений в обществе и образовании А. Ю. Илларионова, а также П. А. Богин исследуют современное понятие патриотизма и его компоненты, социальную значимость для воспитания [2; 3]. П. А. Богиним исследованы принципы, подходы к организации ГПВ в школе [3]. Г. Я. Гревцева отмечает необходимость изучения дисциплин гуманитарного цикла в университете с опорой на интерактивность [4], о новых формах и методах заявляет А. К. Быков [5]. Достаточно разносторонне теоретический и практический аспекты ГПВ исследовали Г. Я. Гревцева, А. К. Быков, Н. И. Шевченко и Е. А. Певцова [4—6]. П. А. Богин, Г. Я. Гревцева, П. А. Пономарев с соавторами отмечают размытость формулировок и несоответствие деклараций и реальности [3; 4; 7]. Ценно, что в исследованиях В. В. Иванова и А. Н. Дахина, А. Ю. Власовой, И. В. и О. В. Бахловых подчеркивается психолого-педагогическая значимость военно-патриотического воспитания в современной геополитической ситуации [8—10]. В. В. Иванов и А. Н. Дахин, А. Ю. Власова отмечают изме-

нение представлений о патриотизме на основе законов [8; 9]. В научной среде развивается содержательный дискурс политиков и экспертов о формировании понятия патриотизма. И. В. и О. В. Бахловы сравнивают подходы, формулировки понятия, отмечают необходимость сотрудничества семьи, общества, школы и властных структур [10]. Многие ученые, в т. ч. М. С. Стычинский, обращаются к теме о влиянии глобализации в информационном обществе на национальную идентичность и патриотическое воспитание [11].

Таким образом, разнообразие сторон исследования вопроса ГПВ охватывает его разные стороны. Вместе с тем очевидна несбалансированность его по направлениям и сужение, как правило, до патриотического воспитания. В области ГПВ за 2026 г. преобладают отчеты организаций разных уровней. остаются не выявленными особенности, тренды развития ГПВ.

Целесообразность исследования темы. В нашей стране, на переходном этапе развития, государство устранялось от вопросов воспитания нового поколения и создало комплекс трудностей для гражданской идентификации молодежи, их социализации в целом. Эта ситуация сегодня требует актуального погружения различных общественных институтов, государственных структур, объединений граждан в поиск решения проблемы ГПВ. Важно найти поколенческий компромисс в современном понимании содержания, смыслов, форм и технологий реализации ГПВ детей и молодежи.

В современной теории и практике ГПВ сложились и существуют ряд противоречий, определяющих его содержательно-функциональные особенности, реализацию направлений. Эти противоречия сосредоточены на социальном, научно методологическом и нормативно-правовом уровнях.

Социальный уровень предполагает, что в современном мире подростки, молодежь сталкиваются с мощным потоком как позитивных, так и негативных влияний среды, что создает значительные трудности для формирования и развития их еще незрелой, не полностью сформировавшейся личности в интеллектуальном, моральном, духовном и нравственном аспектах. Подростки сталкиваются с дилеммой: выбрать сложные, но достойные и важные цели или же легкодостижимые, но часто сомнительные по своей сути. Решение этой дилеммы напрямую связано с их внутренними нравственными установками, гражданскими убеждениями и семейными ценностными ориентирами. В широком проблемном поле эта проблема исследуется современными авторами на уровне теории и практики [12].

Научно методологический уровень данной проблемы сосредоточен вокруг принципов, структуры, понятий, контента в целом и технологий воплощения на основе принципа междисциплинарности.

Нормативно-правовой уровень решения проблемы обращает в четкие рамки ценностей, требований и правовых норм, которые создают легитимные конструкции взаимодействия между различными институтами, общественными организациями и пр.

Противоречия определили формулировку ведущей проблемы данной статьи.

Ведущая **проблема**, рассматриваемая в данной статье, — определить, какие существуют идеи, размышления в области создания системы ГПВ в Российской Федерации.

Из обозначенной проблемы вытекает **цель** исследования, а именно выявление, определение идей и трендов в области создания системы ГПВ в Российской Федерации.

Цель определила решение следующих **задач** в ходе исследования:

- осуществить теоретический анализ актуальных идей, размышлений авторов в области создания системы ГПВ в Российской Федерации;

- выявить тренды и особенности в понимании патриотического, ГПВ молодежи, способах его реализации в условиях социокультурной трансформации и политических приоритетов.

Элементами **научной новизны** исследования представляются особенности, тренды ГПВ молодежи, раскрывающие своеобразие гибкой формирующейся системы ГПВ в России в условиях усложнения вызовов.

Теоретическая значимость. Обобщена некоторая часть научных публикаций по проблеме исследования и выявлены тренды и особенности в понимании патриотического, ГПВ молодежи и соответствующей им практике. Сформулированы выводы о возможных направлениях развития системы патриотического, ГПВ в разнообразии его направлений.

Практическая значимость данной статьи в возможности применения результатов анализа как основания для дальнейшего совершенствования работы в области патриотического, ГПВ среди молодежи.

Основная часть

В современном российском обществе вопросы гражданской идентичности и патриотизма приобретают особую остроту и значимость. Государственная политика в области образования и воспитания на 2025—2027 гг. делает акцент на интеграцию духовно-нравственных ценностей, исторической памяти и исторического наследия, культурных традиций народов Российской Федерации в образовательный процесс.

Необходимость создания целостной системы ГПВ в России обусловлена потребностью укреплением национального единства, обеспечения преемственности поколений и развития личности, способной к осознанному служению Отечеству. Система предусматривает глубокий поколенческий охват граждан, как в горизонтальном, так и в вертикальном измерениях.

Фундамент ГПВ закладывается в юном возрасте, когда формируются первичные моральные ориентиры, служащие основой для дальнейшей социализации личности. Гражданственность, патриотизм не являются врожденными качествами, они культивируются в процессе воспитания.

Методология исследования. Решение обозначенной выше проблемы, достижение цели исследования системы ГПВ в вузе представляет собой гибкий конструкт, видоизменяющийся в зависимости от среды и субъектов, уча-

ствующих в данном процессе. Методология исследования включает ряд методов, подходов и критерии, обеспечивающих изучение ГПВ студентов в системе. Среди основных методологических подходов, обеспечивающих решение нашей проблемы: системный, позволяющий соединить разнонаправленное ГПВ в целостную систему; деятельностный подход, демонстрирующий понимание того, что ценности и соответствующее им поведение, формируются непременно в деятельности; аксиологический подход обеспечивает выделение и формирование системы ценностей у студентов (гражданских, патриотических, социокультурных) и понимание, какие ценности определяют их позицию. Методы применялись следующие: теоретические (анализ литературы, отмеченной в списке для достижения обозначенной цели; отчасти — анализ нормативных документов, отражающих процесс регулирования ГПВ); методы обработки и интерпретации данных: анализ тематических текстов статей, к которым обращался автор. С помощью данных методов последовательно выявлялись особенности, тренды и своеобразие реализации направлений, структурно входящих в ГПВ. Посредством данных методов удалось выявить приверженность некоторых авторов к советскому опыту и соответствующим ему традиционным методам, которые достаточно слабо воспринимаются современной молодежью.

В качестве критериев для данной обзорной статьи, на наш взгляд, оптимальны критерий процесса и критерий результата. Именно эти критерии легли в основу отбора литературы, ее анализа.

Результаты исследования. Проведенный анализ публикаций для поиска решения отмеченной проблемы по вопросу ГПВ в его ценностно-смысловом и содержательном смыслах, продемонстрировал разнообразие понимания и перспектив результативной организации данного процесса.

Анализ статей позволил выделить наиболее раскрытые стороны ГПВ, как в вузе, так и в школе. Среди них следующие: принципы организации; организационно-педагогические условия; междисциплинарный характер; влияние стандартизации образования; ценностноориентированность и включение обучающихся в деятельность; необходимость сотрудничества всех социальных институтов и государства; переход к интерактивным методам организации.

При этом во многом авторы апеллируют к советскому опыту воспитания, обновляя его современными медийными инструментами.

Превалирует обращение к нормативно-правовым регуляторам ГПВ. Основанием для создания системы ГПВ выступает Конституция РФ, закрепляющая основы конституционного строя, права и обязанности граждан, включая обязанность защищать Отечество [13]. Нормативно-правовые регуляторы следует рассматривать как универсальные константы для формирования личности молодого человека, подрастающего гражданина России.

Анализ нормативных регуляторов ГПВ для школы и высшего образования свидетельствует о дальнейшей конкретизации данного процесса, уточнения функционала субъектов и ответственности и оформления трендов в данном направлении деятельности общества, государства.

Формирующаяся система ГПВ включает ряд взаимообусловленных, взаимосвязанных между собой субъектов. Система ГПВ включает нормативно-правовую базу, субъектов воспитательной деятельности, направления деятельности и конкретные формы реализации воспитательной

работы [14]. Авторы отмечают, что нормативно-правовая база ГПВ постоянно обновляется, создавая гибкие среды. Выделяются организационно-педагогические условия ГПВ. В российской педагогической традиции это понятие неразрывно связано с развитием духовно-нравственной личности и усвоением базовых национальных ценностей. ГПВ рассматривается как ресурс формирования идентичности и социализации российских студентов.

Система ГПВ включает пропедевтику в дошкольном, начальном образовании, основной и средней школе; в колледжах и университетах. Задача гражданско-патриотического направления в нашей стране — воспитание гражданина, развитие у него идентификации. Система охватывает широкий круг субъектов воспитательной деятельности, т. е. те, кто планирует и осуществляет работу по ГПВ: государство в лице федеральных, региональных органов власти и органов местного самоуправления; образовательные организации всех уровней; государственные и муниципальные учреждения культуры, спорта, молодежной политики, социальной сферы; общественные организации и объединения, НКО; патриотические клубы и центры; семья; трудовые и воинские коллективы; средства массовой информации; отдельные личности — ученые, государственные и общественные деятели, учителя, спортсмены, военные, которые демонстрируют поведенческие стереотипы, культуру воспитания патриотизма, гражданственности у детей и молодежи и пр.

Система ГПВ структурно включает на федеральном уровне такие специализированные учреждения, как ФГБУ «Российский центр гражданского

и патриотического воспитания детей и молодежи» (Роспатриотцентр), ФГБУ «Российский детско-юношеский центр» (Росдетцентр), Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования.

В систему ГПВ на региональном уровне входят как субъекты: органы власти; региональные центры патриотического воспитания; учреждения молодежной политики, культуры, спорта; ветеранские организации, военные комиссариаты.

На федеральном и региональном уровнях работа осуществляется по единым конкретным направлениям и формам. Система ГПВ охватывает несколько направлений:

- *Гражданско-правовое воспитание*, сосредоточенное на формировании правового сознания и культуры, законопослушности, критического мышления для оценки политических и правовых событий обучающимися.

- *Военно-патриотическое воспитание* ориентировано на формирование патриота, а также подготовку к военной службе, поддержку поисковых объединений, военно-патриотических игр (например, «Зарница 2.0» и др.). Так, П. В. Клименко и О. В. Шпырня считают, что современной ситуации, связанной с проведением специальной военной операции на территории Украины, в высшем образовании преподаватели должны понимать значимость работы с молодежью в направлении военно-патриотического воспитания и активно участвовать в такого рода работе [15] (см. также: [16; 17]).

- *Культурно-историческое направление* нацелено на изучение и сохранение исторического и культурного наследия, пропаганда достижений страны. Развитие исторической памяти у школьников, рекомендации для педагогов по данному направлению предложены Е. Е. Вяземским и О. Ю. Стреловой [12].

- *Социально-патриотическое воспитание* — вовлечение в волонтерское движение, социально значимые проекты, благотворительность [7].

Проектирование работы по ГПВ разных возрастных групп на нескольких уровнях как вертикально, так и горизонтально, с возможностями личного выбора для каждого — это одна из главных особенностей согласованного социального взаимодействия. Такой принцип организации работы делает ее адресной, обращенной к каждому человеку.

Другой особенностью развития гражданско-патриотического воспитания является использования современных технологий, техник и цифровых инструментов.

Анализируя публикации по направлениям ГПВ, следует подчеркнуть, что наибольшая заинтересованность авторов проявляется по военно-патриотическому и культурно-историческому направлениям. Так, В. В. Иванов и А. Н. Дахин предлагают создание особой базы военно-патриотического воспитания, под которой он понимает систему. Их система военно-патриотического воспитания достаточно детальна. Авторы в своей статье обосновывают особенности содержательной и технологической совместности деятельности преподавателей по созданию среды с потенциалом военно-патриотического воспитания. Статья данных авторов содержит обращение к советскому опыту и современному. Авторы обращаются к новым подходам, способным успешно решать ментальные задачи, включая элементы гражданского и патриотического воспитания [8].

В свою очередь, А. С. Алиева обращает внимание на необходимость преемственности военно-патриотического воспитания от школы до вуза. Предлагает методы, воспринимаемые, прежде всего, современными школьниками. Вместе с тем они будут актуальны и для студентов первого курса [18]. Автор подчеркивает проработанность контента и его реализации для всех уровней общего образования, отличия оригинальность и творчество.

Таким образом, система ГПВ в России — это комплекс мер, институтов и механизмов, решающих задачу воспитания у граждан любви к Родине, гражданской ответственности, правовой культуры, гражданско-правового поведения, потребности в деятельности для общественной пользы и готовности служить Отечеству.

Анализ нормативных документов, регулирующих ГПВ, показал, что основными его компонентами рассматриваются:

- *Гражданское воспитание* — развитие гражданской идентичности, активной гражданской позиции, уважение человека и его прав и свобод, гражданского участия.

- *Патриотическое воспитание* — воспитание любви к Родине, гордости за ее достижения, готовности встать на ее защиту.

- *Духовно-нравственное воспитание* — усвоение традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения.

Все отмеченные направления тесно взаимосвязаны, интегрированы между собой. Связующим их элементом представляется чувство патриотизма, отражающее степень осознания любви к народу, своей стране. Авторы научных статей придерживаются обозначенной структуре ГПВ.

В настоящее время патриотизм рассматривается как одно из главных направлений в воспитании детей и молодежи [5].

Как правило, патриотизм выступает в сочетании духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою нераздельность, неразрывность с Отечеством [17].

С. Д. Поляков рассматривает патриотизм как «императив позитивности» — это чувство причастности к тому в культуре и цивилизации своей страны, гордость за то, что несет возможность жить и развиваться любому человеку в этой стране и не мешающее жить людям иных стран. С. Д. Поляков полагает, что достижения, убивающие, разрушающие физически, психически «своего» и «чужого» — не предмет патриотизма. Он считает, что традиционное понятие цели патриотизма сегодня недостаточно для педагогической практики. Он предлагает формирование патриотического сознания в конкретных структурных компонентах, подробно характеризуя их [13].

Недостаточно выстроена работа в высшем образовании, но есть лидеры. Одной из новых форм системной работы по ГПВ студентов признаны «Клубы создателей смыслов» в рамках инициатив федерального проекта «ДНК России».

Как показал анализ работ, в т. ч. практических, в основу системы ГПВ заложены традиционные ценности, которые признаются в современной России.

Среди них базовые, которые составляют так называемый пентабазис — пять основополагающих традиционных ценностей: человек, семья, общество, государство, страна [19]. Наряду с пентабазисом обозначены семнадцать ценностей, рассматриваемых как ценностные константы россиян с их многонациональным, многоконфессиональным колоритом.

Ценности напрямую связаны с нормативно-правовой базой, как регулятором ГПВ на всех уровнях [20; 21].

В публикациях представлены как наиболее востребованные методы и формы ГПВ, такие как традиционные (лектории, тематические встречи с лидерами, героями

современности, экскурсии) и более современные (акции, квесты, фестивали, мастер-классы, дискуссии, выставки, круглые столы, дебаты, ролевые и деловые игры, квесты, флэшмобы, проектная деятельность и др.).

Обобщая, следует отметить, что особенностями развития современного гражданско-патриотического воспитания мы рассматриваем: системность, гибкость, многоуровневость, междисциплинарность, социокультурность и широкая социальность, нормативность и приоритет деятельностного подхода в работе со студентами, детьми.

Заключение

Развитие гражданской и национальной идентичности у студентов, включающей направления ГПВ, поступательно набираем темпы, глубину содержания и технологичности, расширяет географию охвата и разнообразия методов. Постепенно в России формируется система ГПВ для разных возрастных категорий детей и молодежи. Ее главной особенностью можно обозначить сложную, многоуровневую структуру, действующую вертикально и горизонтально. Это предполагает тесное взаимодействие государства, образовательных институтов, общественных организаций и семьи для формирования у граждан патриотического сознания и активной гражданской позиции. Применяются современные технологии, техники и цифровые инструменты, что понятно и близко для молодежи. Понимание содержательно-функциональной стороны этого процесса у авторов, в большей степени, традиционное. Это не всегда близко для молодежи, студентов. Отмечено, что преимущественно работа по ГПВ, его направлениям, проводится и исследуется на уровне общего образования. В высшем образовании работа реализуется, но публикаций немного, что свидетельствует о недостаточном осмыслении, понимании и отборе результативных форм. Таким образом, обзорно обозначенная, в начале статьи, проблема в целом решена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кочетова С. А., Зябрева С. Э. Формирование гражданско-патриотической и культурной идентичности студентов в условиях расширения единого образовательного пространства Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2025. Т. 23. № 1. С. 75—101. DOI: 10.55959/LPEJ-25-04.
2. Илларионова А. Ю. Проблемы воспитания патриотизма у детей в условиях трансформирующегося российского общества // Наука. Образование. Современность. 2024. № 1. С. 101—106. DOI: 10.23672/SEM.2024.16.40.001.
3. Богин П. А. Содержание нравственно-патриотического воспитания старшеклассников в современных условиях» // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2024. Т. 13. № 1. С. 29—32.
4. Гревцева Г. Я. Гражданско-патриотическое воспитание учащейся молодежи как социокультурный процесс // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2019. Т. 11. № 3. С. 18—26. DOI: 10.7442/2071-9620-2019-11-3-18-26.
5. Быков А. К. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации: на стыке двух государственных программ // Педагогика. 2011. № 1. С. 14—24.
6. Шевченко Н. И., Певцова Е. А. Гражданско-патриотическое воспитание: теоретический и практический аспекты // Профильная школа. 2024. Т. 12. № 1. С. 18—24. DOI: 10.12737/1998-0744-2024-12-1-18-23.
7. Пономарев П. А., Шалин В. В., Самыгин С. И. Патриотическое воспитание современной российской молодежи: основные проблемы и перспективные направления // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 95—102. DOI: 10.24158/spp.2025.2.9.
8. Иванов В. В., Дахин А. Н. Военно-патриотическое воспитание как психолого-педагогическая задача // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. №2(24). С. 120—131.
9. Власова А. Ю. Актуальные тенденции в понимании патриотического воспитания в нормативно-правовых актах современной России // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2025. № 1(306). С. 15—20.
10. Бахлов И. В., Бахлова О. В. Идея патриотизма в повестке Союзного государства: позиции политического и экспертного сообщества // Регионоведение. 2024. Т. 32. № 3. С. 426—445. DOI: 10.15507/2413-1407.128.032.202403.426-445.
11. Стычинский М. С. Проблемы патриотического воспитания в условиях глобального информационного мира // Век глобализации. 2025. № 1(53). С. 94—103. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.08.
12. Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. Календарь образовательных событий как педагогический инструмент формирования исторической памяти российских школьников // Преподавание истории и обществознания в школе. 2020. № 5. С. 44—54.

13. Поляков С. Д. О проблемах патриотического воспитания // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 5(20). С. 52—56.
14. Сенатор С. Ю., Сокольников Э. И., Емельянова М. В. Анализ современных подходов к реализации патриотического воспитания как составляющей высшего образования // Педагогика и психология образования. 2023. № 4. С. 123—136. DOI: 10.31862/2500-297X-2023-4-123-136.
15. Клименко П. В., Шпырня О. В. Военно-патриотическое воспитание как детерминанта эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16. № 4. С. 113—127. DOI: 10.47370/2078-1024-2024-16-4-113-127.
16. Колпачева О. Ю., Сиволобова Н. А. Стратегии гражданско-патриотического воспитания современной молодежи : моногр. Ставрополь : СГПИ, 2023. 93 с.
17. Романовский В. К. Патриотическое воспитание подрастающего поколения как актуальная задача и важнейший приоритет современной России // Нижегородское образование. 2021. № 2. С. 21—27.
18. Алиева А. С. Военно-патриотическое воспитание старшеклассников: методология, теория, практика : моногр. Махачкала : ДГПУ, 2023. 295 с.
19. Полянская Л. Ю. Модель мировоззренческого пентабазиса как обновленная ценностная оптика для рассмотрения вопросов о сущности российской государственности и ее составляющих (методические рекомендации к изучению вопроса в рамках курса «Основы российской государственности») // Право и государство: теория и практика. 2025. № 10. С. 8—15.
20. Быков А. К. Актуальные проблемы теории и практики патриотического воспитания студентов вузов // Образовательные ресурсы и технологии. 2024. № 1(46). С. 41—47.
21. Аксиутин З. А. Историко-философская ретроспектива категории «гражданское воспитание» // Философия образования. 2025. Т. 25. № 1. С. 171—183. DOI: 10.15372/PHE20250111.

REFERENCES

1. Kochetova S. A., Ziabreva S. E. Formation of the civic-patriotic and cultural identity of students in the context of the expansion of the unified educational space of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2025;23(1):75—101. (In Russ.) DOI: 10.55959/LPEJ-25-04.
2. Illarionova A. Yu. The problems of educating children's patriotism in a transforming Russian society. *Nauka. Obrazovanie. Sovremennost' = Science. Education. The present*. 2024;1:101—106. (In Russ.) DOI: 10.23672/SEM.2024.16.40.001.
3. Bogin P. A. Content of moral and patriotic education of high school students in modern conditions. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2024;13(1):29—32. (In Russ.)
4. Grevtseva G. Ya. Civil-patriotic education of young students as a socio-cultural process. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt = Contemporary Higher Education: Innovative Aspects*. 2019;11(3):18—26. (In Russ.) DOI: 10.7442/2071-9620-2019-11-3-18-26.
5. Bykov A. K. Patriotic upbringing in the Russian Federation: at the junction of two state programs. *Pedagogika = Pedagogics*. 2011;1:14—24. (In Russ.)
6. Shevchenko N. I., Pevcova E. A. How to Successfully Build a System of Patriotic and Civic Education in a Modern School?. *Profil'naya shkola = Profession-Oriented School*. 2024;12(1):18—24. (In Russ.) DOI: 10.12737/1998-0744-2024-12-1-18-23.
7. Ponomarev P. A., Shalin V. V., Samygin S. I. Patriotic Education of Modern Russian Youth: The Main Problems and Promising Directions. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2025;2:95—102. (In Russ.) DOI: 10.24158/spp.2025.2.9.
8. Ivanov V. V., Dakhin A. N. Military-patriotic education as a psychological and pedagogical task. *Voенно-pravovye i humanitarnye nauki Sibiri = Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2025;2(24):120—131. (In Russ.)
9. Vlasova A. Y. Current trends in the understanding of patriotic education in the normative legal acts of modern Russia. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2025;1(306):15—20. (In Russ.)
10. Bakhlova O. V., Bakhlov I. V. Formation of a Unified Educational Space of the Union State from the Perspective of the Policy of Patriotic Education. *Regionologiya = Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):426—445. (In Russ.) DOI: 10.15507/2413-1407.128.032.202403.426-445.
11. Stychinsky M. S. Problems of patriotic education in the global information world. *Vek globalizatsii = Age of Globalization*. 2025;1(53):94—103. (In Russ.) DOI: 10.30884/vglob/2025.01.08.
12. Vyazemsky E. E., Strelova O. Yu. Calendar of educational events as a pedagogical tool for forming the historical memory of Russian schoolchildren. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole = Teaching history and social studies at school*. 2020;5:44—54. (In Russ.)
13. Polyakov S. D. On the problems of patriotic upbringing. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2014;5(20):52—56. (In Russ.)
14. Senator S. Yu., Sokolnikova E. I., Emelyanova M. V. Analysis of modern approaches to the implementation of patriotic education as a component of higher education. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Pedagogy and Psychology of Education*. 2023;4:123—136. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-297X-2023-4-123-136.
15. Klimenko P. V., Shpyrnya O. V. Military training and patriotic upbringing as a determinant of effective management of youth work in universities in the context of a unilateral military action. *Vestnik Majkopskogo Gosudarstvennogo Tehnologicheskogo Universiteta*. 2024;16(4):113—127. (In Russ.) DOI: 10.47370/2078-1024-2024-16-4-113-127.
16. Kolpacheva O. Yu., Sivolobova N. A. Strategies for civic and patriotic education of modern youth. Monograph. Stavropol, Stavropol State Pedagogical Institute publ., 2023. 93 p. (In Russ.)

17. Romanovsky V.K. Patriotic education of the younger generation as an urgent task and the most important priority in modern Russia. *Nizhegorodskoe obrazovanie = Nizhny Novgorod Education*. 2021;2:21—27. (In Russ.)
18. Alieva A. S. Military-patriotic education of high school students: methodology, theory, practice. Monograph. Makhachkala, Dagestan State Pedagogical University publ., 2023. 295 p. (In Russ.)
19. Polyanskova L.Yu. The model of ideological pentabasis as an updated value optics for considering questions about the essence of Russian statehood and its components (methodological recommendations for studying the issue in the framework of the course “Fundamentals of Russian Statehood”). *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2025;10:8—15. (In Russ.)
20. Bykov A. K. Actual problems of theory and practice patriotic education of university students. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii = Educational Resources and Technologies*. 2024;1(46):41—47. (In Russ.)
21. Aksyutina Z. A. The historical and philosophical retrospective of the category “civic education”. *Filosofiya obrazovaniya = Philosophy of Education*. 2025;25(1):171—183. (In Russ.) DOI: 10.15372/PHE20250111.

Статья поступила в редакцию 29.07.2026; одобрена после рецензирования 27.08.2026; принята к публикации 31.08.2026.
The article was submitted 29.07.2026; approved after reviewing 27.08.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья
УДК 796.412.24
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1672

Anna Sergeevna Churkina

Senior lecturer of the Department of Theory
 and Methodology of Sports Gymnastics and Acrobatics,
 Lesgaft National State
 University of Physical Education,
 Sports and Health
 Saint Petersburg, Russian Federation
 annasm79@mail.ru

Alexandra Alexandrovna Suprun

Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of Theory
 and Methodology of Rhythmic Gymnastics and Dancesport,
 Lesgaft National State
 University of Physical Education,
 Sports and Health
 Saint Petersburg, Russian Federation
 aleksandrass@mail.ru

Alexander Maksimovich Skrzhinsky

Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of Theory
 and Methodology of Sport Gymnastics and Acrobatics,
 Lesgaft National State
 University of Physical Education,
 Sports and Health
 Saint Petersburg, Russian Federation
 a.skrzhinskiy@lesgaft.spb.ru

Vera Valeryevna Borisova

Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of Theory
 and Methodology of Physical Culture,
 Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
 Tula, Russian Federation
 borisovav5@rambler.ru

Анна Сергеевна Чуркина

старший преподаватель кафедры теории и методики
 спортивной гимнастики и акробатики,
 Национальный государственный
 Университет физической культуры спорта
 и здоровья имени П. Ф. Лесгафта
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 annasm79@mail.ru

Александра Александровна Супрун

канд. пед. наук,
 доцент кафедры теории и методики
 художественной гимнастики и спортивных танцев,
 Национальный государственный
 Университет физической культуры спорта
 и здоровья имени П. Ф. Лесгафта
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 aleksandrass@mail.ru

Александр Максимович Скржинский

канд. пед. наук,
 доцент кафедры теории и методики
 спортивной гимнастики и акробатики,
 Национальный государственный
 Университет физической культуры спорта
 и здоровья имени П. Ф. Лесгафта
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 a.skrzhinskiy@lesgaft.spb.ru

Вера Валерьевна Борисова

канд. пед. наук,
 доцент кафедры теории и методики физической культуры,
 Тульский государственный
 педагогический университет им. Л. Н. Толстого
 Тула, Российская Федерация
 borisovav5@rambler.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕНТАЛЬНЫХ НАВЫКОВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ТРЕВОГИ У СПОРТСМЕНОВ-ХОУДЖИЦ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. Исследование посвящено изучению взаимосвязи между ментальными навыками и уровнем тревоги у спортсменок, занимающихся художественной гимнастикой на уровне мастеров спорта. В психологическом тестировании приняли участие 13 студенток I и II курсов Университета Лесгафта в возрасте 18–20 лет, осуществляющих тренировочную и соревновательную деятельность в сборных командах вуза. Из них шестеро спортсменок имели спортивное звание кандидата в мастера спорта, семеро — мастера спорта России. Целью работы стало выявление условий, определяющих тревогу у гимнасток в соревновательный период и разработка научно обоснованных рекомендаций по оптимизации психологической подготовки. В исследовании использовался метод корреляционного анализа для оценки связей между показателями целе-

устремленности, стрессоустойчивости, концентрации, помехоустойчивости, идеомоторики, планирования и общего балла OMSAT, с одной стороны, и уровнем ситуативной и личностной тревожности, а также компонентами соревновательной тревоги — с другой. Диагностика ментальных навыков осуществлялась с помощью Авторского теста ментальных навыков в адаптации К. А. Бочавера и Л. М. Довжик, включающего 12 субшкал и 48 утверждений. Установлено, что стрессоустойчивость обратно коррелирует с когнитивной и соматической тревогой, а прямо связана с соревновательной уверенностью в себе. Концентрация и помехоустойчивость демонстрируют значимые обратные связи с личностной тревожностью и когнитивной тревогой соответственно. Идеомоторика и планирование положительно ассоциированы с уверенностью в себе.

Общий балл OMSAT выявил наиболее сильную прямую связь с соревновательной уверенностью и обратную с личностной тревожностью. Полученные результаты подтверждают ключевую роль комплексного развития ментальных навыков в обеспечении психологического здоровья и спортивных достижений гимнасток высокой квалификации.

Для цитирования: Чуркина А. С., Супрун А. А., Скржинский А. М., Борисова В. В. Взаимосвязь ментальных навыков и показателей тревоги у спортсменок-художниц высокой квалификации в соревновательный период // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 456—463. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1672.

Original article

INTERRELATION OF MENTAL SKILLS AND ANXIETY INDICATORS IN HIGHLY QUALIFIED FEMALE RHYTHMIC GYMNASTS DURING THE COMPETITIVE PERIOD

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. The study focuses on the interrelationship between mental skills and anxiety levels in female rhythmic gymnasts at the master's level. The psychological testing involved 13 first- and second-year students from Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health, aged 18-20, who were engaged in training and competitive activities in the university's national teams. Among them, 6 athletes held the title of Candidate Master of Sports and 7 were Masters of Sports of Russia. The aim of the work was to identify the conditions that determine anxiety in gymnasts during the competitive period, and to develop scientifically based recommendations to optimize psychological training. The study used the method of correlation analysis to assess the relationships between the indicators of purposefulness, stress resistance, concentration, interference resistance, ideomotorics, planning, and the overall OMSAT score, on the one hand, and the level of situational and personal anxiety, as well as the components of competitive anxiety, on the other. The diagnosis of men-

tal skills was carried out using the Author's Test of Mental Skills in the adaptation of K. A. Bochaver and L. M. Dovzhik, which includes 12 subscales and 48 statements. It was found that stress resistance is inversely correlated with cognitive and somatic anxiety, and is directly related to competitive self-confidence. Concentration and noise resistance show significant inverse relationships with personal anxiety and cognitive anxiety, respectively. Ideomotorics and planning are positively associated with self-confidence. The total OMSAT score revealed the strongest direct relationship with competitive confidence and the strongest inverse relationship with personal anxiety. The results obtained confirm the key role of the comprehensive development of mental skills in ensuring the psychological health and sports achievements of highly qualified gymnasts.

Keywords: rhythmic gymnastics, mental skills, psychological training, competitive anxiety, stress resistance, concentration, noise resistance, ideomotorics, OMSAT, self-confidence, highly qualified athletes, competitive period

For citation: Churkina A. S., Suprun A. A., Skrzhinsky A. M., Borisova V. V. Interrelation of mental skills and anxiety indicators in highly qualified female rhythmic gymnasts during the competitive period. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):456—463. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1672.

Введение

Актуальность. Постоянно возрастающая конкуренция на спортивной арене, в т. ч. в художественной гимнастике, неизбежно приводит к увеличению требований к спортсменам. Рост сложности соревновательных композиций, связанный с обновлением правил соревнований, увеличение числа соревновательных дней и соревновательного периода в целом, околпредельной реализацией индивидуальных возможностей спортсменок уже на этапе начальной подготовки, а также нарастание тренировочных и соревновательных нагрузок от этапа к этапу заставляет специалистов искать новые подходы к работе со спортсменками.

Гимнастки постоянно подвергаются стрессовому воздействию при выступлении на соревнованиях. И вместе со значительным увеличением объема и интенсивности тренировочного и соревновательного процессов на этапе совершенствования спортивного мастерства это зачастую вызывает физическое и психологическое перенапряжение, снижение работоспособности и стрессовые состояния у спортсменок. Именно поэтому психологическая, в т. ч. ментальная, подготовка гимнасток играет важную

роль. В свою очередь, изучение психологических личностных характеристик квалифицированных гимнасток-художниц актуально и значимо.

Актуально изучение вопроса выраженности ментальных навыков, а также показателей тревоги, с поиском взаимосвязей между ними у гимнасток-художниц высокой квалификации. Научное обоснование выявленных взаимосвязей искомым показателей позволит подбирать более эффективные психологические средства, направленные на повышение уровня психологической, в т. ч. ментальной, подготовленности гимнасток на этапе совершенствования спортивного мастерства, а также снижения уровня тревожности.

Изученность проблемы. В условиях современного спорта высших достижений, где физическая подготовка атлетов достигла предельного уровня, всё большую значимость приобретает психологический компонент [1]. В спортивной науке и практике утвердился тезис о том, что «победа рождается в голове», что особенно актуально для технико-эстетических видов спорта, таких как художественная гимнастика. Проблема поддержания ментального здоровья и психологического благополучия сегодня признается междисциплинарным феноменом. Тезис о глобальной

значимости этой проблемы подтверждают О. Б. Михайлова, З. Р. Хайрова, Е. Б. Башкин [2], указывая на актуализацию вопросов ментального благополучия в условиях цифровизации и постпандемийного периода. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения психическое здоровье — это состояние благополучия, позволяющее человеку реализовывать свой потенциал и справляться со стрессами. Однако, как отмечают Ю. Л. Пичуев [3], ментальное здоровье спортсмена — это более узкое, прикладное понятие. Оно определяется как динамическое состояние внутреннего баланса, позволяющее эффективно функционировать в экстремальных условиях спорта, сохраняя «рабочую» психологическую форму и ресурс для противостояния специфическим нагрузкам.

В высококонкурентной спортивной среде, где успех часто считается единственным вариантом менталитета, Д. А. Глущенко, А. А. Олейник, Е. Г. Соловейченко [4] отмечают трансформацию интереса исследователей в сторону изучения «ментальной прочности» (*mental toughness*). Связь ментальных характеристик с психоэмоциональными состояниями находит отражение в работе М. А. Григорьян [5], где была выявлена значимая отрицательная корреляция между тревожностью и ментальной прочностью: у спортсменов уровня кандидата в мастера спорта зафиксирован наиболее высокий уровень тревоги на фоне снижения показателей ментальной стойкости. Тему ценностного фундамента дополняют К. А. Бочавер и Л. Д. и Л. М. Довжик, чьи исследования доказывают, что ментальная прочность неразрывно связана с системой ценностей спортсмена и понятием «дух спорта» [6—9].

Интеграция ментальных навыков в структуру мастерства детально рассматривается в работах К. А. Бочавера, С. И. Резниченко, Д. В. Бондарева [1]. Авторы установили, что ментальная прочность, выражающаяся в способности сохранять фокус под давлением, тесно связана с личностной аутентичностью. Особенности проявления этих навыков в различных видах спорта изучаются Л. Н. Рогалевой и А. Д. Худышкиным [10]. Сравнительный анализ по методике *OMSAT* показал, что представители индивидуальных видов спорта (к которым относится и художественная гимнастика) часто превосходят атлетов из командных видов по показателям целеустремленности, планирования и идеомоторики.

Таким образом, современные подходы направлены на создание систем комплексной оценки ментальной подготовленности как фундамента для достижения высоких результатов и сохранения профессионального долголетия в спорте.

Современный ритм жизни, насыщенный информационными потоками, социальными потрясениями и экономическими трудностями, всё чаще делает человека более уязвимым перед стрессом и тревогой. Осознание этой проблемы и поиск эффективных путей ее решения становятся всё более актуальными, особенно в контексте роста числа людей, страдающих от депрессивных и тревожных расстройств. Как подчеркивает А. В. Зимурова, повышение уровня стресса и давления на психику человека в условиях современного мира делает тему борьбы с депрессией и тревожностью всё более очевидной [11]. Всемирная организация здравоохранения фиксирует стремительный рост числа людей с психическими расстройствами. Это не только снижает качество жизни, но и может способствовать развитию физических заболеваний. В такой ситуации физическая активность и спорт становятся доступным и эффек-

тивным способом профилактики и лечения. А. Ю. Ревина анализирует, как именно физическая активность влияет на умственное состояние человека. Она рассматривает влияние различных видов спорта на организм как форму борьбы с депрессивными и тревожными расстройствами [12]. И. А. Сахно также анализирует, какие виды физической активности наиболее эффективны для снижения уровня тревоги и преодоления связанных с ней проблем [13].

К. Д. Низамова [14] обосновывает важность спортивной мотивации и борьбы с тревогой в детском и подростковом возрасте. Положительное воздействие физической активности на психическое здоровье подтверждается и российскими, и международными исследованиями. Как отмечают Н. Ю. Бородин и В. И. Никифоров [15], физическая активность молодых людей позитивно сказывается на психическом их здоровье.

Несмотря на обширные работы по ментальному здоровью спортсменов, профилактике тревожности средствами физической активности и спортивной мотивации в юношеском возрасте, практически отсутствуют исследования, специально направленные на анализ взаимосвязи ментальных навыков (по *OMSAT*) и компонентов соревновательной тревоги (когнитивной, соматической, уверенности в себе) у гимнасток высокой квалификации в условиях соревновательного периода. Особенно актуальным представляется изучение данной проблемы у спортсменок 18—20 лет — возрастной группы, характеризующейся пиком спортивной карьеры на фоне повышенной психоэмоциональной нагрузки, связанной с завершением юниорского этапа и переходом во взрослые соревнования.

Таким образом, проведение эмпирического исследования взаимосвязи ментальных навыков и показателей тревоги у высококвалифицированных гимнасток-художниц в соревновательный период является научно обоснованным и представляет практический интерес для разработки дифференцированных программ психологической подготовки.

Целью исследования стало выявление условий, определяющих тревогу у гимнасток в соревновательный период, и разработка научно обоснованных рекомендаций по оптимизации психологической подготовки.

Задачи исследования:

1. Обосновать необходимость развития ментальных навыков для снижения тревожности у спортсменок, занимающихся художественной гимнастикой в студенческих сборных командах.

2. Выявить индивидуальные показатели тревожности (личностной, ситуативной, соревновательной), уровень сформированности ментальных навыков и их взаимосвязь у квалифицированных спортсменок 18—20 лет занимающихся художественной гимнастикой в студенческих сборных командах.

Научная новизна состоит в выявлении в ходе исследования и научной обоснованности взаимосвязи между уровнем сформированности ментальных навыков и различными показателями тревоги: личностной, ситуативной и соревновательной — у квалифицированных гимнасток-художниц 18—20 лет студенческих сборных команд, специализирующихся в групповых упражнениях.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования вносят вклад в теорию и методику художественной гимнастики, расширяя представления о ментальных навыках и показателях тревоги у спортсменок-художниц высокой квалификации в соревновательный период.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования уровня сформированности ментальных навыков и уровня тревоги и их взаимосвязи у квалифицированных спортсменов, занимающихся художественной гимнастикой в групповых упражнениях в составе студенческих сборных команд, могут быть использованы как самими спортсменами, так и тренерами, и спортивными психологами для подготовки студенток-спортсменок в соревновательном периоде годовичного макроцикла.

Основная часть

Методология исследования. В психологическом тестировании приняли участие 13 студенток I и II курсов Университета Лесгафта в возрасте 18—20 лет, осуществляющих тренировочную и соревновательную деятельность в сборных командах вуза по художественной гимнастике. Шестеро спортсменок имели спортивное звание кандидата в мастера спорта, семеро — мастера спорта России. Тестирование проводилось на добровольной основе.

В исследовании были использованы следующие виды диагностических методик:

1. **Оттавский тест ментальных навыков (OMSAT)**; 48 пунктов, 12 шкал; в адаптации К. А. Бочавера и Л. М. Довжик). *Цель тестирования:* выявление сформированности ментальных навыков как критерия психологической подготовленности спортсменок, как критерия психологической подготовленности спортсменок 18—20 лет занимающихся художественной гимнастикой в сборных командах Университета Лесгафта.

Описание тестирования. Проводилась оценка 12 отдельных ментальных навыков (OMSAT 1—12), составляющих три основные стороны психологической подготовленности гимнасток, и включающих:

1) «Базовый блок» (тесно связанный с центральным конструктором - целью спортсмена):

- OMSAT 1. Целеустремленность (показывает, как четко и регулярно спортсмен определяет свои цели и следует им, что дает ему мотивацию к достижению результата);

- OMSAT 2. Трудолюбие (это настойчивость и интенсивность работы, которую спортсмен выполняет ради достижения своих целей);

- OMSAT 3. Уверенность в себе (вера в то, что спортсмен способен достичь своих целей);

2 блок «Психосоматические навыки» (касается саморегуляции спортсменок):

- OMSAT 4. Стрессоустойчивость (физиологические реакции спортсмена на различные виды стресса (температура, бессонница, тахикардия и т. п.), обратная сторона по CSAI параметра «Соматическая тревога»);

- OMSAT 5. Управление тревогой (способность адаптироваться к ситуациям, которые вызывают страх, тревогу или беспокойство);

- OMSAT 6. Релаксация (навык, позволяющий спортсмену произвольно расслабляться и снижать уровень возбуждения);

- OMSAT 7. Мобилизация (навык, позволяющий повышать свой уровень возбуждения);

3) блок «Когнитивные навыки»:

- OMSAT 8. Концентрация (умение произвольно направлять и удерживать свой фокус внимания на необходимых целях и процессах, т. е. фокусировка);

- OMSAT 9. Помехоустойчивость (рефокусировка — способность снова сосредоточиться при условии воздействия отвлекающих факторов);

- OMSAT 10. Визуализация (умение создавать и использовать четкие, подкрепленные опытом, двигательные образы и образы победы);

- OMSAT 11. Идеомоторика (практика регулярного повышения спортивного мастерства за счет мыследвигательных тренировок);

- OMSAT 12. Планирование (разработка точного плана действий, который упорядочивает эмоциональную, мыслительную и двигательную активность во время, до и после соревнований).

Спортсменки на платформе «Психологические тесты онлайн» (<https://psytests.org/sport/omsat.html>) отвечали на вопросы теста (опросника), содержащего 48 утверждений, распределенных на 12 субшкал (по четыре пункта опросника каждая), выбирая ответ, который наиболее точно отражает их мнение или ситуацию отношение к вопросу: «совершенно согласен» — 1 балл, «не согласен» — 2 балла, «в чем-то не согласен» — 3 балла, «затрудняюсь ответить» — 4 балла, «в чем-то согласен» — 5 баллов, «согласен» — 6 баллов, «совершенно согласен» — 7 баллов. Вопросы опросника, помеченные (*), — обратные: 1 = 7, 2 = 6, 3 = 5, 4 = 4, 5 = 3, 6 = 2, 8 = 1.

2. **Интегративный тест тревожности.** Спортсменки проходили тестирование на платформе «Психологические тесты онлайн» (<https://psytests.org/anxiety/itt.html>) с автоматическим подсчетом результатов). Определялся общий балл по шкале станайнов для СТ-С и СТ-Л, и какой компонент в ее структуре доминирует. Оценка по шкале общей тревоги ниже 4 станайнов соответствовала низкому уровню тревожности (диапазон 0—3), диапазон 4—6 — нормальному уровню, оценка от 7 до 9 свидетельствовала о высоком уровне тревожности.

3. **Тест состояния соревновательной тревожности (Competitive State Anxiety Inventory-2, CSAI-2;** 27 пунктов, 3 шкалы). *Цель:* оценка привычного гимнасткам предсоревновательного и соревновательного тревожного состояния.

Описание тестирования. CSAI-2 включает 27 суждений, равномерно распределенных по трем прямым субшкалам:

- CSAI 1. «Когнитивная тревожность». Оценка мышления спортсмена, его прогнозы и когнитивные конструкции, и проявляется в негативных мыслях, токсических самоинструкциях; интерпретация в спорте — сомнения и страхи относительно поражения или низкого качества выполняемых действий.

- CSAI 2. «Соматическая тревожность». Включает наиболее распространенные симптомы ответа вегетативной нервной системы на стресс, проявляемая в неспособности уснуть, нарушении аппетита, плохом самочувствии, повышении температуры, мышечного тонуса и т. п., в спорте называемый мандраж.

- CSAI 3. «Уверенность в себе». Шкала, обратная тревоге, указывает на удовлетворительное или благоприятное состояние спортсмена при подготовке к выступлению.

В ходе прохождения теста на платформе «Психологические тесты онлайн» (<https://psytests.org/sport/csai.html>) спортсменки индивидуально читали утверждение, отмечая число по шкале Ликерта от 1 до 4, которое описывало их чувство в данный момент. Числа 1—4 представляют утверждения, соответственно: «совершенно не соответствует», «отчасти соответствует», «умеренно соответствует», «полностью соответствует». Вопросы опросника, помеченные (*), — обратные: 0 = 4, 1 = 3, 2 = 2, 3 = 1, 4 = 0.

Результаты исследования. Настоящее исследование посвящено изучению взаимосвязи между ключевыми психологическими показателями, такими как целеустремленность, стрессоустойчивость, концентрация, помехоустойчивость, идеомоторика, планирование и общая психологическая подготовка (*OMSAT*) с одной стороны, и уровнем ситуативной и личностной тревожности, а также компонентами соревновательной тревоги (когнитивной, соматической и уверенностью в себе)

с другой. Особое внимание уделяется выявлению условий, определяющих тревогу у спортсменов-художниц, выступающих по программе мастера спорта в соревновательный период. Понимание этих взаимосвязей поможет подобрать конкретные психологические приемы и выстроить рекомендации по работе с психологической подготовкой гимнасток. В конечном счете это должно повлиять на их результаты и на то, как они себя чувствуют внутри спорта (табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязь между ключевыми психологическими показателями, уровнем ситуативной и личностной тревожности, а также компонентами соревновательной тревоги, баллы

Показатели	Целеустремленность	Стрессоустойчивость	Концентрация	Помехоустойчивость	Идеомоторика	Планирование	Общий балл <i>OMSAT</i>
Общий уровень ситуативной тревоги	0,035	-0,263	-0,373	-0,019	-0,241	-0,467	-0,358
Общий уровень личностной тревожности	-0,049	-0,355	-0,668	-0,404	-0,567	-0,312	-0,677
Соревновательная когнитивная тревога	0,299	-0,586	-0,434	-0,687	-0,178	-0,048	-0,328
Соревновательная соматическая тревога	0,069	-0,520	-0,493	-0,362	-0,233	-0,360	-0,437
Соревновательная уверенность в себе	0,258	0,651	0,705	0,670	0,728	0,555	0,835

Примечание: $t_{кр.} = 0,550$, при $p \geq 0,005$.

Были проанализированы данные и выявлено несколько статистически значимых связей между ментальными навыками и тревогой у гимнасток уровня мастеров спорта. Из этого можно сделать выводы о том, какая психологическая подготовка реально помогает держать стабильность на соревнованиях.

Стоит обратить внимание на стрессоустойчивость. Она обратно связана и с когнитивной тревогой ($r = -0,586$), и с соматической ($r = -0,520$). Таким образом, гимнастка, которая лучше справляется со стрессом, реже заикливается на негативных мыслях и меньше ощущает физическое напряжение перед выступлением.

Если у гимнастки выше стрессоустойчивость, она реже заикливается на провале и меньше переживает о последствиях выступления. К тому же, чем лучше она справляется со стрессом, тем больше верит в себя ($r = 0,651$). Получается, что тренировка навыков управления стрессом напрямую влияет на уверенность спортсменки в своих силах. Концентрация тоже играет роль. Чем лучше гимнастка умеет держать внимание на текущей задаче, тем ниже у нее общая тревожность ($r = -0,668$). Это работает и в обратную сторону. Умение фокусироваться на сильных сторонах во время выступления заметно повышает уверенность ($r = 0,705$).

Это означает, что чем выше уровень стрессоустойчивости у спортсменки, тем меньше она склонна испытывать навязчивые мысли о провале. И переживать о возможных негативных последствиях выступления ей тоже приходится реже. Более того, выявлена прямая связь между стрессоустойчивостью и соревновательной уверенностью в себе ($r = 0,651$). Получается, развитие навыков управления стрессом помогает гимнастке верить в свои силы и чувствовать, что она способна на успех.

Заметная обратная связь между общим уровнем личностной тревожности и концентрацией ($r = -0,668$) говорит о простой вещи. Способность держать внимание на текущей задаче снижает общее ощущение тревоги, и не только на соревнованиях, но и в повседневной жизни тоже.

С другой стороны, уверенность в себе и концентрация тесно связаны ($r = 0,705$). Когда гимнастка умеет фокусироваться на своих сильных сторонах и на задаче прямо сейчас, она чувствует себя увереннее. Это логично, и цифры это подтверждают.

Заметная обратная связь между когнитивной соревновательной тревогой и помехоустойчивостью ($r = -0,687$) свидетельствует о том, что способность игнорировать отвлекающие факторы и сохранять ясность мышления в условиях соревновательного стресса снижает навязчивые мысли о неудачах и беспокойство о возможных негативных последствиях.

Одновременно с этим, прямая связь между соревновательной уверенностью в себе и помехоустойчивостью ($r = 0,670$) подчеркивает, что умение не поддаваться на внешние и внутренние помехи способствует сохранению веры в свои силы и возможности.

Личностная тревожность и идеомоторика также связаны между собой ($r = -0,567$). Мысленное проигрывание движений, прокручивание программы в голове — это не просто упражнение. Оно реально снижает уровень тревоги. Гимнастка, которая регулярно это делает, спокойнее в соревновательной деятельности.

Личностная тревожность и идеомоторика также связаны между собой ($r = -0,567$). Мысленное проигрывание движений, прокручивание программы в голове —

это не просто упражнение. Оно реально снижает уровень тревоги. Гимнастка, которая регулярно это делает, спокойнее в соревновательной деятельности.

Связь идеомоторики с уверенностью в себе еще сильнее ($r = 0,728$). Ментальные тренировки, отработка программы в воображении, создание положительных образов выступления — всё это напрямую влияет на то, насколько гимнастка верит в свои возможности. Это один из самых мощных инструментов.

Планирование тоже имеет значение ($r = 0,555$). Не просто говорят, что хорошо подготовленный план — половина дела. Когда гимнастка знает, что и когда делать, когда разминаться, когда выходить, как строить свой день на соревнованиях — она чувствует контроль. А контроль дает уверенность.

Общий балл *OMSAT* показал самые выраженные связи. Обратная связь с личностной тревожностью ($r = -0,677$). Таким образом, чем развитее ментальные навыки в целом, тем спокойнее гимнастка в жизни. И прямая связь с уверенностью в себе ($r = 0,835$) — самая сильная из всех. Комплексное развитие ментальных навыков работает. Не по отдельности, а вместе.

На основе проведенных корреляционных взаимосвязей были разработаны рекомендации по психологической подготовке гимнасток на основе взаимосвязи ментальных навыков и показателей тревоги у спортсменок-художниц высокой квалификации в соревновательный период (табл. 2):

- *индивидуализация*: учитывать профиль каждой спортсменки по *OMSAT*, а не снижать тревожность глобально;
- *регулярная диагностика*: периодическая оценка ментальных навыков опросником *OMSAT* для корректировки программы.

Таблица 2

**Рекомендации
по психологической подготовке гимнасток**

Цель	Методы
Саморегуляция и снижение соматической тревоги	Дыхательные техники (3—3—6, 4—7—8, диафрагмальное дыхание); локальная прогрессивная мышечная релаксация по Джекобсону (кисти, предплечья, плечи, лицо); медитация; визуализация
Концентрация	«Процессуальные якоря» (точки фокусировки); техника «стоп-кадр» для прерывания негативных мыслей; практики осознанности; постановка целей по SMART
Помехоустойчивость	Тренировки с управляемыми помехами (неритмичная музыка, хлопки); работа с «якорем» внимания; «дневник компетентности» по Бандуре; «ритуалы уверенности»
Когнитивная тревога	Децентрация (метафоризация мыслей: «мысль-перфекционист»); конструктивный самодialog; переоценка «Угроза → Вызов»
Идеомоторика	ИМТ чистоты исполнения, коррекции ошибок, «под давлением»; техника «комфортного места»
Планирование	Планы «Если... то...» для снижения тревоги неопределенности; детальная подготовка к соревнованиям (тренировки, отдых, питание, психология)

Необходимо учитывать следующие ключевые принципы:

1. При низких показателях саморегуляции — приоритет освоению приемов релаксации и мобилизации.
2. При умеренной когнитивной тревоге — децентрация от оценочных мыслей и процессуальные инструкции.
3. При соматической тревоге — локальная работа с мышечным тонусом без общего седативного эффекта.
4. Для уверенности — «ритуалы уверенности» (идеомоторика) и фиксация микропобед в «дневнике компетентности».

Результаты подтверждают, что психологическая подготовка в художественной гимнастике — это не второстепенное направление. Стрессоустойчивость, концентрация, помехоустойчивость, идеомоторика, планирование — всё это влияет на то, как гимнастка себя чувствует и как выступает. Снижение тревоги и рост уверенности — это то, что нужно для стабильных результатов. Рекомендации, которые можно вывести из этого анализа, помогут тренерам и спортивным психологам выстраивать работу с гимнастками высокой квалификации более осознанно и целенаправленно.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ряд статистически значимых взаимосвязей между ментальными навыками и показателями тревоги у спортсменок, занимающихся художественной гимнастикой на уровне мастеров спорта. Анализ данных показал, что развитие стрессоустойчивости способствует снижению когнитивной и соматической тревоги. И одновременно повышает соревновательную уверенность в себе. Это свидетельствует о том, что управление стрессом является центральным компонентом психологической подготовки гимнасток высокой квалификации.

Концентрация внимания демонстрирует заметную обратную связь с личностной тревожностью. Что указывает на важность тренировки фокусирования для снижения общего уровня беспокойства. Помехоустойчивость также играет значительную роль в снижении когнитивной тревоги и сохранении веры в собственные силы. Идеомоторика и планирование положительно ассоциированы с уверенностью в себе. Это подтверждает эффективность ментальных тренировок и целеполагания в подготовке к соревнованиям.

Наиболее сильная прямая связь выявлена между общим баллом *OMSAT* и соревновательной уверенностью в себе, а также обратная связь с личностной тревожностью. Выявленные корреляции подчеркивают, что комплексное развитие ментальных навыков является необходимым условием успешной соревновательной деятельности и психологического благополучия спортсменок.

Практическая значимость результатов заключается в возможности использования в художественной гимнастике при работе с высококвалифицированными спортсменками разработанных рекомендаций для оптимизации программ психологической подготовки. Тренеры и спортивные психологи могут применять выявленные закономерности для целенаправленного формирования ментальных навыков, способствующих снижению тревоги и повышению уверенности в себе.

В дальнейших исследованиях целесообразно изучить динамику ментальных навыков и тревоги в течение годичного цикла подготовки, а также провести междисциплинарный анализ с учетом физиологических и биомеханических показателей. Перспективным направлением представляется разработка индивидуализированных программ психологической подготовки с учетом личностных особенностей каждой гимнастки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бочавер К. А., Резниченко С. И., Бондарев Д. В. Аутентичность и ментальная прочность спортсмена: эмпирическая модель // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 4. С. 172—188. DOI: 10.17759/exppsy.2023160412.
2. Михайлова О. Б., Хайрова З. Р., Башкин Е. Б. Ментальное здоровье как приоритет современного общества: итоги Международной научно-практической конференции «Приверженность вопросам психического здоровья» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 4. С. 915—922. (На англ. яз.) DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-4-915-922.
3. Пичуев Ю. Л. Ментальное здоровье: к определению понятия // Россия и мировое сообщество: проблемы демографии, экологии и здоровья населения : сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : ПГАУ, 2023. С. 183—185.
4. Глущенко Д. А., Олейник А. А., Соловейченко Е. Г. Ментальная прочность в период соревнований // Приоритеты мировой науки: новые подходы и актуальные исследования : сб. науч. тр. по материалам XXIX Междунар. науч.-практ. конф. Анапа : Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2022. С. 20—24.
5. Григорьян М. А. Тревожность и ментальная прочность спортсменов, занимающихся пулевой стрельбой // Студент — Исследователь — Учитель : материалы 26-й Межвуз. студенч. науч. конф. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2025. С. 483—488.
6. Бочавер К. А., Довжик Л. Д. Ментальная прочность спортсмена как интеграция ценностных и копинг-ресурсов личности // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации : XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : сб. материалов. Краснодар : КГУФКСТ, 2022. С. 29—31.
7. Бочавер К. А., Довжик Л. М., Савинкина А. О. Опросник соревновательной тревоги спортсмена CSAI-2: возможности и перспективы // Спортивный психолог. 2020. № 1(56). С. 67—73.
8. Бочавер К. А., Довжик Л. М. Психологические маркеры профессионализма в спорте: теоретико-эмпирическая модель // Познание и переживание. 2021. Т. 2. № 1. С. 68—82. DOI: 10.51217/cogexp_2021_02_01_04.
9. Бочавер К. А., Довжик Л. Д. Система ценностей профессионального спортсмена в контексте ментальной прочности спортсмена // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации : XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : сб. материалов. Краснодар : КГУФКСТ, 2022. С. 32—34.
10. Рогалева Л. Н., Худышкин А. Д. Сравнение развития ментальных навыков у студентов-спортсменов индивидуальных и командных видов спорта // Актуальные вопросы спортивной психологии и педагогики. 2025. Т. 5. № 4. С. 13—19. DOI: 10.15826/spp.2025.4.160.
11. Зимунова А. В. Спорт как способ борьбы с депрессией и тревожностью // Актуальные вопросы современной науки: теория, технология, методология и практика : сб. науч. ст. по материалам XVI Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Уфа : Вестник науки, 2024. Ч. 3. С. 151—155.
12. Ревина А. Ю. Спорт как способ борьбы с депрессией и тревожностью // Спорт, здоровье и физическая культура, в современном обществе: перспективы развития : 3-й Всерос. науч.-практ. конф. : сб. науч. ст. Курск : Университетская книга, 2025. С. 157—159.
13. Сахно И. А. Спорт как способ борьбы с депрессией и тревожностью // Актуальные вопросы современной науки : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Вестник науки, 2025. С. 190—193.
14. Низамова К. Д. Тревожность и мотивация к занятию спортом у детей // Молодой исследователь: вызовы и перспективы : сб. ст. по материалам CCCXXXVII междунар. науч.-практ. конф. М. : Интернаука, 2023. С. 154—158.
15. Бородин Н. Ю., Никифоров В. И. Спорт как способ борьбы с депрессией и тревожностью // OlymPlus. Гуманитарная версия. 2025. № 1(20). С. 40—43.

REFERENCES

1. Bochaver K. A., Reznichenko S. I., Bondarev D. V. Authenticity and Mental Toughness in Athletes: An Empirical Model. *Ekspperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*. 2023;16(4):172—188. (In Russ.) DOI: 10.17759/exppsy.2023160412.
2. Mikhailova O. B., Khairova Z. R., Bashkin E. B. Mental Health as a Priority of Modern Society: Results of the International Scientific and Practical Conference on Commitment to Mental Health. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021;18(4):915—922. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-4-915-922.
3. Pichuev Yu. L. Mental health: to the definition of the concept. *Rossiya i mirovye soobshchestvo: problemy demografii, ekologii i zdorov'ya naseleniya = Russia and the global community: demography, ecology, and public health issues. Collection of articles of the 6th International scientific and practical conference*. Penza, Penza State Agrarian University publ., 2023:183—185. (In Russ.)
4. Glushchenko D. A., Oleinik A. A., Soloveichenko E. G. Mental strength during competitions. *Prioritety mirovoi nauki: novye podkhody i aktual'nye issledovaniya = Priorities of world science: new approaches and actual researches. Collection of scientific papers based on the materials of the XXIX International scientific and practical conference*. Anapa, Research Center for Economic and Social Processes in the Southern Federal District publ., 2022:20—24. (In Russ.)
5. Grigoryan M. A. Anxiety and mental strength of shooting athletes. *Student — Issledovatel' — Uchitel' = Student — Researcher — Teacher. Proceedings of the 26th interuniversity student scientific conference*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University publ., 2025:483—488. (In Russ.)
6. Bochaver K. A., Dovzhik L. D. Mental strength of an athlete as an integration of personal values and coping resources. *Resursy konkurentosposobnosti sportsmenov: teoriya i praktika realizatsii = Resources of athletes' competitiveness: theory and practice of implementation. XII All-Russian scientific and practical conference with international participation. Proceedings*. Krasnodar, Kuban State University of Education, Sport and Tourism publ., 2022:29—31. (In Russ.)

7. Bocharov K., Dovzhik L., Savinkina A. Competitive state anxiety inventory (CSAI-2): opportunities and prospects. *Sportivnyi psikholog = Sports psychologist*. 2020;1(56):67—73. (In Russ.)
8. Bocharov K. A., Dovzhik L. M. Psychological markers of an athlete's professionogenesis: theoretical and empirical model. *Poznanie i perezhivanie = Cognition and experience*. 2021;2(1):68—82. (In Russ.) DOI: 10.51217/cogexp_2021_02_01_04.
9. Bocharov K. A., Dovzhik L. D. The value system of a professional athlete in the context of the athlete's mental strength. *Resursy konkurentosposobnosti sportsmenov: teoriya i praktika realizatsii = Resources of athletes' competitiveness: theory and practice of implementation. XII All-Russian scientific and practical conference with international participation. Proceedings*. Krasnodar, Kuban State University of Education, Sports and Tourism publ., 2022:32—34. (In Russ.)
10. Rogaleva L. N., Khudyshkin A. D. Comparison of Mental Skills Development in Student-Athletes of Individual and Team Sports. *Aktual'nye voprosy sportivnoi psikhologii i pedagogiki = Current Issues of Sports Psychology and Pedagogy*. 2025;5(4):13—19. (In Russ.) DOI: 10.15826/spp.2025.4.160.
11. Zimurova A. V. Sport as a way to combat depression and anxiety. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki: teoriya, tekhnologiya, metodologiya i praktika = Actual issues of modern science: theory, technology, methodology and practice. Collection of scientific articles based on the materials of the XVI International scientific and practical conference*. Ufa, Vestnik nauki, 2024;3:151—155. (In Russ.)
12. Revina A. Yu. Sport as a way to combat depression and anxiety. *Sport, zdorov'e i fizicheskaya kul'tura, v sovremennom obshchestve: perspektivy razvitiya = Sport, health, and physical culture in modern society: prospects for development. 3rd All-Russian scientific and practical conference. Collection of scientific articles*. Kursk, Universitetskaya kniga, 2025:157—159. (In Russ.)
13. Sakhno I. A. Sport as a way to combat depression and anxiety. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki = Actual issues of modern science. Collection of scientific articles based on the materials of the VI International scientific and practical conference*. Ufa, Vestnik nauki, 2025:190—193. (In Russ.)
14. Nizamova K. D. Anxiety and motivation for sports in children. *Molodoi issledovatel': vyzovy i perspektivy = Young researcher: challenges and prospects. Collection of articles based on the materials of the CCCXXXVII International scientific and practical conference*. Moscow, Internauka, 2023:154—158. (In Russ.)
15. Borodin N. Yu., Nikiforov V. I. Sport as a way to combat depression and anxiety. *OlymPlus. Gumanitarnaya versiya = OlymPlus. Humanitarian version*. 2025;1(20):40—43. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.05.2026; одобрена после рецензирования 14.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.
The article was submitted 26.05.2026; approved after reviewing 14.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Научная статья
УДК 378.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1738

Tatyana Alexandrovna Shkerina
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Correctional Pedagogy,
Krasnoyarsk State
Pedagogical University named after V. P. Astafyev
Krasnoyarsk, Russian Federation
Shkerinat@mail.ru

Татьяна Александровна Шкерина
канд. пед. наук,
доцент кафедры коррекционной педагогики,
Красноярский государственный
педагогический университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Российская Федерация
Shkerinat@mail.ru

ИНКЛЮЗИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления сущности, структурной организации и уровневых характеристик инклюзивной компетенции будущего учителя как ключевого условия его готовности к профессиональной деятельности в гетерогенной образовательной среде. Современные требования к педагогу в условиях перехода к постнеклассической модели образования и утверждения инклюзивной практики детерминируют потребность в методологическом переосмыслении сложившихся подходов к подготовке педагогических кадров, преодолении традиционных дисциплинарных границ, трансформации внутридисциплинарной ориентации в междисциплинарную, а также в разработке инновационных моделей формирования инклюзивной компетенции, обеспечивающих эффективное профессиональное становление будущего учителя.

Целью статьи является теоретическое обоснование сущности, структуры и уровневой дифференциации инклюзивной компетенции будущего учителя. Методологическая основа исследования представлена интеграцией системного, экосистемного, аксиологического, междисциплинарного и компетентностного подходов, что позволило обеспечить многоаспектность анализа исследуемого феномена. Ведущими методами выступили теоретический анализ, моделирование, систематизация и обобщение научных данных. Применение указанной методологической рамки дало возможность выйти за пределы традиционной медицинской модели инклюзии и пред-

ставить социально-педагогическую интерпретацию инклюзивной компетенции будущего учителя, опирающуюся на парадигму экосистемного подхода. В ходе исследования выделены структурные компоненты и предметно-содержательные блоки инклюзивной компетенции, соотношенные с обобщенными трудовыми функциями профессионального стандарта педагога и отражающие специфику предстоящей профессиональной деятельности учителя в гетерогенной образовательной среде. На данной основе разработана матричная модель структуры инклюзивной компетенции будущего учителя и определены уровни ее сформированности.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании сущности, структуры и уровневой дифференциации инклюзивной компетенции будущего учителя. Предложена социально-педагогическая интерпретация исследуемого феномена, разработана ее матричная структура и предложены критериальные характеристики для оценки уровней ее сформированности.

Ключевые слова: инклюзивное образование, обучающиеся с особыми образовательными потребностями, гетерогенная образовательная среда, базовые ценности инклюзивного образования, инклюзивно ориентированная подготовка, будущий учитель, инклюзивно ориентированная педагогическая деятельность, инклюзивная компетенция, матричная модель инклюзивной компетенции, компоненты и предметно-содержательные блоки инклюзивной компетенции, критерии и уровни сформированности инклюзивной компетенции

Для цитирования: Шкерина Т. А. Инклюзивная компетенция будущего учителя: сущность, структура и уровни сформированности // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 464—472. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1738.

Original article

INCLUSIVE COMPETENCE OF A FUTURE TEACHER: ESSENCE, STRUCTURE AND LEVELS OF DEVELOPMENT

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The relevance of the study stems from the need to theoretically conceptualize the essence, structural organization, and level characteristics of the inclusive competence of a future teacher as a key condition for their readiness for professional practice in a heterogeneous educational environment.

Modern demands on teachers in the context of the transition to a post-non-classical model of education and the establishment of inclusive practices determine the need for a methodological rethinking of existing approaches to teacher training, overcoming traditional disciplinary boundaries, transforming

an intradisciplinary orientation into an interdisciplinary one, as well as developing innovative models for the formation of inclusive competence that ensure the effective professional development of future teachers.

The aim of this article is to provide a theoretical justification for the nature, structure, and level differentiation of inclusive competence in future teachers. The methodological framework of the study integrates systemic, ecosystemic, axiological, interdisciplinary, and competency-based approaches, enabling a multifaceted analysis of the phenomenon under study. The leading methods employed were theoretical analysis, modeling, systematization, and synthesis of scientific data. This methodological framework allowed for a broader perspective, moving beyond the traditional medical model of inclusion and presenting a socio-pedagogical interpretation of the inclusive competence of future teachers, drawing on the ecosystem approach paradigm. The study identified the structural components and subject-matter blocks of inclusive competence, correlated with the generalized job functions of the professional

teacher standard and reflecting the specifics of the teacher's future professional activity in a heterogeneous educational environment. Based on this, a matrix model of the structure of future teachers' inclusive competence was developed and the levels of its development were determined.

The scientific novelty of this study lies in the theoretical substantiation of its essence, the development of a matrix structure, and the level differentiation of inclusive competence of future teachers. A socio-pedagogical interpretation of the phenomenon under study is proposed, a matrix structure of inclusive competence in future teachers is developed, and criteria for assessing its development levels are proposed.

Keywords: *inclusive education, students with special educational needs, heterogeneous educational environment, basic values of inclusive education, inclusively oriented training, future teacher, inclusively oriented pedagogical activity, inclusive competence, matrix model of inclusive competence, components and subject-content blocks of inclusive competence, criteria and levels of development of inclusive competence*

For citation: Shkerina T. A. Inclusive competence of a future teacher: essence, structure and levels of development. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):464—472. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1738.

Введение

Актуальность. Современный этап развития высшего педагогического образования характеризуется глобальной гуманистической и технологической трансформацией, актуализирующей задачу формирования готовности выпускников к профессиональной деятельности в условиях инклюзивного образования, детерминируют необходимость пересмотра традиционных подходов к конструированию профессионального профиля будущего учителя. Актуальность исследования проблемы формирования инклюзивной компетенции (далее — ИК) будущего учителя обусловлена противоречиями между объективной потребностью общеобразовательной школы в педагогах, способных эффективно управлять гетерогенными образовательными микросистемами, и сохраняющимся доминированием «медицинской модели» инклюзии, ограничивающей деятельность учителя компенсацией психофизических дефицитов отдельных категорий обучающихся; между потребностью в системном описании архитектуры ИК и фрагментарным характером существующих классификаций, не отражающих единство внутренних психологических компонентов и внешних предметно-содержательных блоков профессиональных задач. В связи с этим возникает необходимость в разработке матричной модели ИК будущего учителя, а также в описании диагностических признаков, позволяющих идентифицировать данную компетенцию, отграничивать ее от смежных профессиональных характеристик, фиксировать и оценивать ее проявления в процессе выполнения студентами учебно-профессиональных заданий инклюзивной направленности.

Изученность проблемы. Осмысление векторов модернизации высшего педагогического образования в трудах В. С. Басюка, Е. И. Казаковой, Е. Г. Врублевской [1] и Ю. Ю. Бочаровой [2] указывает на глобальную смену образовательных парадигм: линейные, жестко регламентированные модели подготовки уступают место гибким, вариативным траекториям. Современный университет трансформируется в открытую цифровую платформу, оперативно реагирующую на изменения образовательной реальности через интеграцию формальных и неформальных ресурсов.

В ракурсе методологии постнеклассической науки, развиваемой в исследованиях С. А. Писаревой, Е. В. Пискуновой и А. П. Тряпицыной [3], стержневым инструментом решения комплексных антропологических задач становится междисциплинарный подход. Именно в этом теоретическом поле разворачивается инклюзивно ориентированная подготовка будущих учителей. Различные аспекты сопровождения обучающихся с особыми образовательными потребностями (далее — ООП) детально изучены в работах Л. В. Горюновой, В. И. Мареевой, Е. С. Ромашевской [4], Е. В. Кетриш [5], А. И. Сергеевой [6] и др. Накопленный авторами опыт доказывает необходимость деконструкции традиционных дидактических моделей и легитимизирует социально-педагогическую интерпретацию ИК, смещающую фокус с медицинской компенсации дефектов на всестороннюю поддержку ребенка в урочной и внеурочной деятельности.

В исследовании В. В. Хитрюк [7] обоснована архитектура инклюзивной готовности как фундаментального субъектного качества и устойчивого социального аттитюда педагога. В контексте реализации идей технологизации высшего педагогического образования А. А. Ниязова и Т. В. Коротовских [8] рассматривают инклюзивную компетентность как базовый компонент профессиональной компетентности педагога, доказывая, что ее продуктивное развитие обеспечивается моделированием практико-ориентированной среды вуза, интеграцией студентов в программы инклюзивного волонтерства и освоением интерактивных конструкторов индивидуальных образовательных программ. Признавая высокую фундаментальность существующих психолого-педагогических концепций, следует констатировать наличие определенного разрыва между общетеоретическим описанием структуры инклюзивного аттитюда личности и дефицитом конкретных моделей его предметно-содержательного сопряжения с компетентностно-целевыми ориентирами основных профессиональных образовательных программ высшего педагогического образования и трудовыми функциями профессионального стандарта «Педагог...» в условиях цифровой трансформации образования.

Технологическое и инструментальное обеспечение подготовки специалистов, способных к непрерывному саморазвитию в условиях цифровизации, раскрывается в методологических работах М. Н. Ветчиновой [9], М. Е. Вайндорф-Сысоевой и М. Л. Субочевой [10]. Экстраполяция их идей на задачную концепцию В. А. Сластенина [11] позволила определить объективный практико-ориентированный критерий оценки — проявление инклюзивных умений бакалавров при решении комплексных учебно-профессиональных заданий. Как справедливо отмечают Чжан Чжифэн и Г. Н. Германов, выделение профессиональных ИК и детализированных критериально-оценочных индикаторов их сформированности целесообразно рассматривать в сопряжении не только с требованиями профессиональных стандартов и стандартов высшего образования, но и с требованиями профессиональных обязанностей и характером трудовых действий в педагогической инклюзивной деятельности [12, с. 460].

В отечественном научно-педагогическом дискурсе последних лет идеи универсального дизайна для обучения (далее — УДО) получили глубокую социально-педагогическую интерпретацию, выступив теоретической основой для декомпозиции структуры ИК. В работе Е. В. Самсоновой, А. О. Шеманова, С. В. Алёхиной и Ю. А. Быстровой [13] разнообразие ООП концептуализируется как естественное условие для динамического изменения самого дизайна образовательной среды. Проблема готовности преподавателей вузов к трансляции принципов УДО в инклюзивном образовании поднимается в исследовании Л. В. Федениной, Ж. Ю. Брук, М. Ю. Семенова и С. В. Игнатжевой [14]. А. А. Ниязова, Ю. М. Гибадуллина и У. Н. Бибалаева [15] обосновывают дидактический потенциал инклюзивных практик в рамках практико-ориентированной среды вуза, доказывая, что интеграция принципов УДО и специализированных инструментов, в частности платформа «Акселератор инклюзивных практик» обеспечивает преодоление профессиональных дефицитов будущих учителей и выступает катализатором развития всех компонентов их профессиональной готовности. В обзоре В. V. Catama обобщены результаты десятилетнего эмпирического опыта применения УДО в инклюзивном образовании, подтверждающие его эффективность в повышении учебной мотивации и социальной вовлеченности студентов [16].

Особое научно-практическое значение для верификации разрабатываемого профиля ИК будущего учителя имеют репрезентативные эмпирические срезы В. З. Кантора с соавторами [17]. Ими экспериментально зафиксирована опасная тенденция: в педагогическом сообществе отсутствует ценностно-ориентационное единство относительно номенклатуры ИК, наблюдается существенная дивергенция оценочных позиций вузовской и школьной сред. Наличие профессионального опыта в условиях инклюзии оказывает неоднозначное влияние на аттитуды практиков, вызывая у педагогов массовых школ прагматичный запрос на адресную поддержку, а у педагогов коррекционных школ — сужение фокуса до специальных методик, в то время как преподаватели вузов выступают главными апологетами комплексного построения инклюзивного пространства.

Обозначенный риск разобщенности оценочной парадигмы актуализирует конструирование, эмпирическую верификацию и имплементацию сбалансированных инклюзивных моделей в программы высшего образо-

вания. Данный тезис согласуется со стратегическими аналитическими материалами Европейского агентства по ООП и инклюзивному образованию [18]. Разработанный экспертами международный «Профиль непрерывного профессионального обучения инклюзивного учителя» постулирует необходимость ухода от изолированной подготовки педагога к формированию междисциплинарных компетенций, объединяющих профессиональное сообщество вокруг идеи ценностного равенства, гибкой адаптации траекторий и непрерывной рефлексии на протяжении всей карьеры.

Обобщая результат анализа современных исследований по проблеме формирования и развития ИК у будущего учителя следует констатировать, что, несмотря на высокую степень изученности ее отдельных аспектов, проблема сущностных, структурных и критериально-уровневых характеристик исследуемого феномена требует уточнения и дополнения. Обозначенные теоретические лакуны определили целевые ориентиры настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы данного исследования связана с необходимостью теоретического обоснования сущности, структуры и уровней сформированности ИК будущего учителя, а также с потребностью в научно-методическом обеспечении процесса подготовки педагогов к эффективной профессиональной деятельности в условиях гетерогенной образовательной среды.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые предпринимается попытка обосновать разработанную матричную модель ИК будущего учителя.

Целью исследования является теоретическое обоснование сущности, структуры и уровней дифференциации ИК будущего учителя.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

1. Раскрыть сущность феномена ИК будущего учителя с позиций системно-деятельностного и компетентностного подходов.
2. Обосновать разработанную матричную модель ИК будущего учителя, обеспечивающую сопряжение традиционных психологических компонентов (мотивационно-ценностного, когнитивного и деятельностного) с инвариантными предметно-содержательными блоками профессиональных задач.
3. Выделить и охарактеризовать критериальные и уровневые характеристики ИК будущего учителя, обеспечивающие возможность диагностики и целенаправленного ее формирования в процессе профессиональной подготовки.

Теоретическая значимость работы заключается в раскрытии сущности и содержания понятия «инклюзивная компетенция будущего учителя», разработке ее матричной модели, сопрягающей традиционные психологические компоненты с инвариантными предметно-содержательными блоками профессиональных задач, а также в определении критериев и уровней сформированности исследуемого феномена, что создает теоретическую основу для совершенствования профессиональной подготовки будущего учителя к работе в условиях гетерогенной образовательной среды.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанная матричная модель ИК, а также выделенные критерии и уровни ее сформированности могут быть использованы для обновления содержания педагогического образования, создания диагностического

инструментария, позволяющего объективно оценивать готовность будущих учителей к работе в условиях инклюзивной практики, проектирования индивидуальных образовательных траекторий студентов и совершенствования программ педагогической практики.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Методологическую основу исследования составила интеграция системного, аксиологического, компетентностного и междисциплинарного подходов, дополненная базовыми положениями системно-деятельностного подхода.

Системный подход (Б. Ф. Ломов, Э. Г. Юдин, В. Д. Шадриков), а также положения культурологической концепции содержания образования (В. В. Краевский, И. Я. Лернер и М. Н. Скаткин) позволили рассматривать ИК будущего учителя не как линейный набор разрозненных умений, а как целостный, многоуровневый и иерархически организованный объект педагогического моделирования, а также выделить инвариантные содержательные области предстоящей педагогической деятельности.

Аксиологический подход обеспечил детерминацию ценностно-смыслового ядра матричной модели ИК, выраженного в безусловном принятии особенностей гетерогенной образовательной среды.

Компетентностный подход задал результативно-целевую направленность и диагностичность инклюзивно ориентированной подготовки будущего учителя.

Междисциплинарный подход позволил предложить целостную социально-педагогическую интерпретацию ИК, выводящую ее за узкие рамки медицинской модели инклюзии.

Системно-деятельностный подход (А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин) с опорой на задачный подход к педагогической подготовке будущего учителя (В. А. Сластенин) позволил уточнить понимание ведущего вида деятельности, релевантного формированию ИК, — инклюзивно-ориентированной педагогической деятельности по проектированию образовательного процесса и управлению гетерогенной образовательной средой класса; выделить в качестве практико-ориентированного критерия оценки исследуемой компетенции проявленные инклюзивные умения студентов в процессе решения учебно-профессиональных задач.

Выбранная методологическая рамка обеспечивает переход от традиционной медицинской модели инклюзии к ее социально-педагогической интерпретации, в которой ИК будущего учителя раскрывается как интегративная характеристика личности, гарантирующая готовность к комплексному сопровождению обучающихся с особыми образовательными потребностями как в образовательном процессе, так и вне его.

В качестве ведущих методов исследования выступили: теоретический анализ научных трудов отечественных и зарубежных авторов в области специальной психологии, инклюзивного и непрерывного педагогического образования; системно-функциональный анализ, примененный для раскрытия сущности исследуемого феномена ИК будущего педагога; систематизация и обобщение научных позиций по проблеме содержательного и критериально-уровневого наполнения инклюзивной компетенции будущего учителя; моделирование, позволившее представить матричную модель ИК будущего учителя.

Результаты исследования. В предыдущем исследовании обосновано, что ИК будущего учителя является неотъемлемым компонентом его профессиональной компетенции, а ее интегративная природа проявляется как на уровне общей структуры, так и во взаимосвязи когнитивного, деятельностного и мотивационно-ценностного компонентов [19].

Развивая данное положение, в настоящей статье сосредоточено внимание на раскрытии сущности, структуры и уровневой дифференциации ИК будущего учителя, что обусловлено необходимостью создания целостной теоретической модели для диагностики и целенаправленного формирования данного качества в условиях высшего педагогического образования.

В отличие от ранее предложенного подхода, где акцент делался на содержательном наполнении компонентов, настоящая работа предлагает матричную декомпозицию ИК будущего учителя, сопрягающую традиционную психологическую структуру с инвариантными предметно-содержательными блоками профессиональных задач. Это позволяет не только раскрыть сущность компетенции, но и определить уровни ее сформированности, что до настоящего времени не выступало предметом специального анализа.

Под ИК будущего учителя понимается интегративная характеристика личности, определяющая способность к инклюзивно ориентированной педагогической деятельности, включающая знания и умения в области сопровождения обучающихся с ООП в образовательном процессе и вне его, а также признание их для решения профессионально-ориентированных задач.

В структуре исследуемого феномена выделим и охарактеризуем три компонента: ценностно-мотивационный компонент ИК будущего учителя отражает потребность и признание значимости в осуществлении сопровождения обучающихся с ООП в гетерогенной образовательной среде («основа запуска действия»), когнитивный компонент ИК будущего учителя отражает знания в области сопровождения обучающихся с ООП в гетерогенной образовательной среде («ориентировочная основа действия») и деятельностный компонент отражает инклюзивные умения в области сопровождения обучающихся с ООП в гетерогенной образовательной среде («интегративный результат») в сопряжении с шестью предметно-содержательными блоками: проектно-деятельностный, средово-экосистемный, коммуникативно-интерактивный, личностно-рефлексивный, нормативно-правовой и цифровой блоки. В рамках разработанной матричной модели ИК предметно-содержательные блоки выполняют функцию объективного предметного поля, детерминирующего конкретное содержательное наполнение инклюзивно-ориентированной педагогической деятельности. Если традиционные компоненты (мотивационно-ценностный, когнитивный и деятельностный) задают внутреннюю психологическую архитектуру компетенции и выступают в качестве инвариантной основы, то предметно-содержательные блоки репрезентируют внешнюю, практическую направленность действий будущего учителя на ключевые объекты образовательной среды: дидактический процесс, инклюзивная образовательная среда, коммуникативные связи, нормативно-правовое соответствие, а также цифровые технологии. Сопряжение указанных блоков с психологическими компонентами в структуре матрицы ИК обеспечивает целостное описание компетенции как единства внутреннего содержания и внешней профессиональной реализации.

Раскроем содержательную направленность каждого из обозначенных блоков: проектно-деятельностный блок выступает в качестве базового операционально-технологического ядра ИК, целевым вектором которого является проектирование, технологизация и реализация адаптированного образовательного процесса в гетерогенной образовательной среде; средово-экосистемный блок направлен на моделирование инклюзивной образовательной среды и синергетическую интеграцию внешних ресурсов; коммуникативно-интерактивный блок направлен на модерацию бесконфликтного психолого-педагогического взаимодействия и фасилитацию инклюзивных отношений; личностно-рефлексивный блок отражает непрерывную трансформацию Я-концепта и продвижение ценностей инклюзивной культуры; нормативно-правовой блок отражает этико-правовую согласованность и институциональную защиту прав ребенка в гетерогенной образовательной среде; цифровой блок направлен на преодоление «цифрового разрыва»: преодоление институциональной инертности системы высшего педагогического образования в условиях экспоненциального обновления цифровых технологий.

Ввиду высокой информационной плотности и многофакторности разработанной модели ИК будущего учителя, детальное содержание двумерной матрицы ИК будущего учителя представлено в виде сквозной текстовой декомпозиции. Выделены шесть инвариантных предметно-содержательных блоков ИК будущего учителя, каждый из которых последовательно развернут через три классических компонента: мотивационно-ценностный (МЦ), когнитивный (К) и деятельностный (Д).

Содержательное наполнение *проектно-деятельностного блока*:

- **МЦ**: установка на безусловное принятие ребенка с ООП как полноправного субъекта образовательного процесса; ценностное отношение к вариативности индивидуального социокультурного и антропологического развития обучающихся; установка на преодоление профессиональных стереотипов «усредненного ученика» в процессе диагностики; стремление к гибкому конструированию совместной урочной и внеурочной деятельности в гетерогенной группе».

- **К**: знания о психолого-педагогической этиологии различных типов нарушений и специфике проявления ООП; знание методологии, критериев и инструментария комплексной педагогической диагностики с учетом факторов образовательного и макросоциокультурного контекстов развития ребенка; знание способов проектирования индивидуальных образовательных программ; способов дифференциации содержания учебного материала и моделирования инклюзивных уроков и образовательных событий.

- **Д**: умеет осуществлять комплексную педагогическую диагностику в части выявления особенностей развития обучающихся и их ООП с опорой на анализ образовательного и социокультурного контекстов развития ребенка с ООП; умеет использовать технологию проектирования индивидуальной образовательной программы для обучающегося с ООП; умеет проектировать и проводить инклюзивные занятия; умеет проектировать и проводить образовательные события с включением обучающихся с ООП.

Содержательное наполнение *средово-экосистемного блока*:

- **МЦ**: осознание приоритета превентивного устранения средовых барьеров над последующей компенсацией дефицитов обучающихся; признание права каждого ребен-

ка на автономию, самостоятельность и безопасную ошибку в пространстве школы; ценностное отношение к образовательной среде как гибкой гетерогенной экосистеме; установка на открытое, комплементарное взаимодействие всех участников образовательных отношений; личная ответственность за создание безопасных условий и психологический климат в открытом образовательном пространстве.

- **К**: знания о сущности, структуре и закономерностях развития инклюзивной образовательной среды; понимание базовых принципов УДО; знание санитарно-эпидемиологических требований (СанПиН) к доступности образовательных пространств; владение методологией и критериями комплексного мониторинга среды (дифференциация условий, процессов взаимодействия субъектов и планируемых образовательных результатов); знание принципов отбора, модификации и синергетического сочетания вариативных педагогических средств, методов и ассистивных технологий под ООП.

- **Д**: умеет осуществлять проектирование инклюзивной среды с учетом принципов универсального дизайна; умеет осуществлять отбор и адаптацию педагогических средств под особенности и ООП обучающихся (вида поддержки, организационных форм, методов (методических приемов), средств, технологий и их реализацию в сочетании); умеет осуществлять мониторинг развития инклюзивной образовательной среды: мониторинг условий (ресурсы, пространство), процессов (особенности взаимодействия субъектов образовательных отношений) и результатов (планируемые образовательные результаты).

Содержательное наполнение *коммуникативно-интерактивного блока*:

- **МЦ**: установка на построение безоценочного, эмпатийного и недискриминационного межличностного общения со всеми субъектами образовательных отношений; ценностное отношение к разнообразию детского коллектива как к ресурсу взаимного обогащения и развития; признание семьи ребенка с ООП в качестве главного стратегического партнера и полноправного союзника; готовность к открытому командному взаимодействию со специалистами сопровождения, характеризующаяся отсутствием профессионального эгоцентризма и стремлением к достижению синергетического педагогического эффекта.

- **К**: знания о закономерностях, барьерах и механизмах инклюзивной коммуникации; знание психологических особенностей и специфики вербального и невербального общения детей с различными типами ООП; знание способов фасилитации, медиации конфликтов и модерации совместной деятельности в гетерогенных группах; знание психолого-педагогических технологий консультирования и сопровождения семей, воспитывающих детей со сложными нарушениями развития; знание принципов, моделей и регламентов междисциплинарного командного взаимодействия специалистов (педагогов, психологов, дефектологов, тьюторов и других специалистов) в рамках психолого-педагогического консилиума.

- **Д**: умеет инициировать, поддерживать и развивать взаимодействие, адаптируя пространственно-временные параметры общения под ООП обучающихся, умеет стимулировать, модерировать и поддерживать позитивное социокультурное взаимодействие и сотрудничество между обучающимися с ООП и с нормотипичным развитием; умеет осуществлять взаимодействие с родителями, воспитывающими ребенка с ООП; умеет осуществлять командное взаимодействие в части сопровождения обучающихся с ООП.

Содержательное наполнение *личностно-рефлексивно-го блока*:

- **МЦ**: потребность в непрерывном профессионально-личностном самосовершенствовании и преодолении собственных барьеров в сфере инклюзивного образования; ценностное отношение к рефлексии как к базовому механизму профилактики профессионального выгорания и деформации; осознание личной ответственности за качество собственного педагогического Я-концепта; глубокая внутренняя приверженность идеям гуманизма и инклюзивной культуры; стремление выступать активным амбассадором и транслятором ценностей инклюзии как в профессиональном сообществе, так и в широком социуме.

- **К**: знание основ рефлексивного анализа, а также валидных стандартизированных методик диагностики собственных профессиональных дефицитов и ресурсных возможностей в области инклюзии; знание теории и концептуальных моделей непрерывного образования; знание способов педагогического целеполагания, тайм-менеджмента и проектирования индивидуальных траекторий профессионального роста; знание структуры, принципов формирования и методов популяризации инклюзивной культуры, а также способов эффективной презентации и трансляции инклюзивных ценностей и передовых педагогических практик.

- **Д**: умеет осуществлять рефлексивный анализ, выявлять собственные профессиональные дефициты и ресурсные возможности в области инклюзивного образования на основе стандартизированных диагностических методик; умеет проектировать и реализовывать индивидуальную траекторию непрерывного профессионально-личностного саморазвития в сфере инклюзивных практик; умеет транслировать инклюзивные ценности, идеи инклюзивной культуры и практики.

Содержательное наполнение *нормативно-правового блока*:

- **МЦ**: установка на этико-правовые идеалы защиты прав, свобод и достоинства человека; осознание личной юридической и моральной ответственности за обеспечение равного доступа к образованию для каждого обучающегося; выраженная нетерпимость к любым проявлениям институциональной, академической или бытовой дискриминации в школе; деонтологическая готовность строго следовать нормам профессиональной этики и конфиденциальности; уважение к правовому статусу семьи ребенка со специальными образовательными потребностями.

- **К**: знания нормативно-правового базиса инклюзивного образования на международном, федеральном, региональном и локальном уровнях, знание этико-деонтологических требований к профессиональной деятельности учителя; знание алгоритмов соотношения правовых норм с реальной инклюзивной практикой.

- **Д**: умеет правомерно соотносить и применять положения нормативно-правовой и программной документации при сопровождении обучающегося с ООП в образовательном процессе в не его; умеет юридически корректно вести профессиональную документацию сопровождения; умеет распознавать и нормативно пресекать факты нарушения прав и дискриминации обучающихся с ООП.

Содержательное наполнение *цифрового блока*:

- **МЦ**: установка на преодоление «цифрового разрыва» и обеспечение равного доступа всех категорий обучающихся к возможностям цифровой образовательной среды; цен-

ностное отношение к ассистивным технологиям и искусственному интеллекту не как к техническим средствам, а как к экзистенциальным инструментам компенсации ограничений здоровья; стремление к непрерывному освоению инклюзивного ИТ-инструментария; приверженность нормам цифровой этики и сетевого этикета (нетикета) в процессе онлайн-взаимодействия с детьми с ООП.

- **К**: знание о принципах и стандартах обеспечения доступности цифрового контента; классификации, дидактического потенциала и аппаратных характеристик современных ассистивных средств обучения (альтернативного ввода, трекеров взгляда, экранных дикторов, систем субтитрования); знание способов адаптации цифровых образовательных ресурсов под сенсорные и ментальные особенности различных нозологических групп; знание алгоритмов использования ИИ-ассистентов для автоматической индивидуализации учебного материала.

- **Д**: умеет отбирать, настраивать и применять специальные цифровые ассистивные средства под специфику ООП, умеет самостоятельно разрабатывать и адаптировать цифровые образовательные ресурсы в соответствии с критериями доступности цифрового контента, умеет использовать алгоритмы искусственного интеллекта и автоматизированные платформы для персонализации и адаптации учебных материалов в режиме реального времени.

Для осуществления оценки динамики формирования ИК у будущего учителя требуется выделение не только обозначенных критериальных характеристик, декомпозиция которых представлена покомпонентно и поблочно, но и уровней характеристик.

В качестве уровней сформированности ИК будущего учителя в области сопровождения обучающихся с ООП в гетерогенной образовательной среде определены три: высокий, средний и низкий уровень сформированности.

Охарактеризуем каждый из обозначенных уровней сформированности ИК будущего учителя.

Высокий уровень сформированности ИК будущего учителя (устойчивый, продуктивный характер деятельности) характеризуется глубоким осознанием и безусловным принятием гуманистической, этико-правовой и социальной значимости инклюзивного образования; устойчивой внутренней потребностью в освоении, совершенствовании и систематическом применении инклюзивных и ассистивных (в т. ч. цифровых) технологий в учебной, проектной, исследовательской и практической деятельности; выраженной готовностью выступать носителем и транслятором инклюзивной культуры; системными междисциплинарными знаниями нормативно-правовых основ, принципов инклюзивного обучения, стандартов доступности цифрового контента и функциональных особенностей всего комплекса инклюзивных умений и ассистивных средств; осознанным, гибким и активным выполнением всех инклюзивных операций на основе осмысленного квазипрофессионального и реального практического опыта; способностью давать развернутый научно обоснованный словесный отчет о диагностических, проектировочных, средовых, коммуникативных, нормативно-правовых и цифровых действиях; правильным, оперативным и безошибочным решением учебно-профессиональных задач инклюзивного характера любой сложности; самостоятельным, инициативным переносом освоенных действий и операций в новые нетиповые ситуации (сочетанные нарушения развития, конфликты

с родителями и участниками образовательных отношений и др.) и умением адаптировать параметры образовательной среды с учетом психофизиологических особенностей обучающихся.

Средний уровень сформированности ИК будущего учителя (ситуационный, репродуктивный характер деятельности) характеризуется пониманием и признанием социальной, гуманистической и этико-правовой значимости инклюзивного образования; наличием осознанной потребности в освоении и применении инклюзивных и ассистивных технологий в учебной, проектной и практической деятельности; знанием базовых нормативно-правовых и программных основ, принципов инклюзивного обучения, однако отличающимся дискретностью и актуализацией преимущественно в типовых учебно-профессиональных ситуациях; осознанным применением большинства инклюзивных действий и операций на основе квазипрофессионального опыта, способностью давать научно обоснованный отчет о выполняемых диагностических, проектных, коммуникативных, правовых и цифровых действиях; правильным выполнением более половины инклюзивных действий при решении учебно-профессиональных задач, при этом цель индивидуализации образовательного процесса и вовлечения обучающихся с ООП в совместную деятельность в основном достигается, однако общая результативность инклюзивно-ориентированной деятельности остается нестабильной; успешным самостоятельным выполнением инклюзивных действий, проектированием адаптированных образовательных программ и адаптацией образовательной среды при незначительной ситуативной поддержке педагога, преимущественно по готовому образцу, шаблону или освоенному алгоритму; при этом столкновение с нетиповыми вызовами гетерогенной образовательной среды (коммуникативные конфликты, сочетанные нарушения у обучающихся) вызывает у будущего учителя затруднения и требует внешнего координирующего вмешательства.

Низкий уровень сформированности ИК будущего учителя (фрагментарный, пассивный характер деятельности) характеризуется отсутствием понимания и признания социальной и гуманистической значимости инклюзивного образования; отсутствием осознанной потребности в освоении и применении инклюзивных умений в учебно-профессиональной деятельности; наличием скрытых профессиональных стереотипов «усредненного ученика» и психологических барьеров по отношению к обучающимся с ООП; фрагментарными знаниями сущности, нормативно-правовых основ, принципов инклюзивного обучения, этиологии нарушений и особенностей различных нозологических групп; интуитивным выбором методов и приемов инклюзивно-ориентированной деятельности на основе житейского опыта, сопровождающимся неспособностью дать научно

обоснованный отчет о выполненных действиях; правильным выполнением лишь незначительной части простейших инклюзивных операций (например, адаптация дидактического материала по шаблону), при этом цель индивидуализации образовательного процесса и полноценного вовлечения ребенка с ООП в совместную деятельность не достигается; выраженными затруднениями при самостоятельном проектировании адаптированных образовательных программ и постоянной потребностью во внешней помощи и указаниях; использованием инклюзивных действий исключительно в знакомых типовых ситуациях, а адаптация образовательной среды и отбор ассистивных (в т. ч. цифровых) технологий в динамичных условиях гетерогенного класса осуществляется хаотично, на основе метода «проб и ошибок».

Таким образом, представленная декомпозиция уровней сформированности ИК будущего учителя позволяет осуществлять мониторинг динамики исследуемого феномена в условиях инклюзивной экосистемы педагогического вуза.

Заключение

Проведенное теоретическое исследование позволило решить комплекс задач, связанных с уточнением сущности, структуры и уровней сформированности ИК будущего учителя. С опорой на всесторонний анализ научной психолого-педагогической литературы как по проблеме формирования/развития различных видов компетенций у будущего учителя в целом, так и по проблеме формирования/развития ИК у будущего учителя установлено, что ИК представляет собой интегративное профессионально-личностное образование, обеспечивающее готовность педагога к эффективному решению профессиональных задач в условиях гетерогенной образовательной среды.

Разработана матричная модель ИК, интегрирующая традиционные компоненты компетенций/компетентностей с предметно-содержательными блоками, которая позволяет системно представить ее структуру и служит основой для ее диагностики и целенаправленного формирования.

Выделены и охарактеризованы уровни сформированности ИК будущего учителя — от низкого (пассивного) до высокого уровня сформированности (продуктивного), что создает предпосылки для проектирования индивидуальных образовательных траекторий студентов и оценки динамики их профессионально-личного развития.

Предложенные положения могут быть использованы при обновлении содержания педагогического образования, разработке фондов оценочных средств и программ педагогической практики. Перспективы дальнейших исследований связаны с апробацией разработанной модели и разработкой диагностического инструментария, позволяющего количественно и качественно оценивать уровень сформированности ИК у будущих учителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Басюк В. С., Казакова Е. И., Врублевская Е. Г. Непрерывность педагогического образования: культурологический контекст // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2022. Т. 20. № 1. С. 3—14. DOI: 10.51314/2073-2635-2022-1-3-14.
2. Бочарова Ю. Ю. Современный дизайн исследования педагогического образования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2023. № 208. С. 60—70. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-208-60-70.
3. Писарева С. А., Пискунова Е. В., Тряпицына А. П. Организация исследований развивающейся практики общего образования в деятельности педагогических университетов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 9(172). С. 10—17.

4. Горюнова Л. В., Мареев В. И., Ромашевская Е. С. Подготовка педагогических кадров для системы инклюзивного образования : моногр. Ростов н/Д. ; Таганрог : Юж. федер. ун-т, 2018. 120 с.
5. Кетриш Е. В. Готовность педагога к работе в условиях инклюзивного образования : моногр. Екатеринбург, 2018. 120 с.
6. Сергеева А. И. Инклюзивно ориентированная подготовка учителей-логопедов в вузе // Научно-педагогическое обозрение. 2017. № 2(16). С. 70—78. DOI: 10.23951/2307-6127-2017-2-70-78.
7. Хитрюк В. В. Инклюзивная готовность педагогов: педагогическая система формирования : моногр. Барановичи : БарГУ, 2015. 176 с.
8. Ниязова А. А., Коротовских Т. В. Развитие инклюзивной компетентности будущего педагога в образовательном процессе вуза // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 1(88). С. 67—76. DOI: 10.69571/SSPU.2024.88.1.025.
9. Ветчинова М. Н. Образовательная экосистема как новая парадигма образования XXI в. // Историко-педагогический журнал. 2022. № 4. С. 89—97.
10. Вайндорф-Сысоева М. Е., Субочева М. Л. Образовательная экосистема: терминологический аспект // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 4(44). С. 5—10. DOI: 10.54509/22203036_2021_4_5.
11. Научная школа академика РАО, доктора педагогических наук, профессора Виталия Александровича Сластенина «Личностно-ориентированное профессиональное образование» // Развитие личности. 2008. № 2. С. 8—19.
12. Чжан Ч., Германов Г. Н. Профессиональные инклюзивные компетенции и индикаторы их достижения студентами-педагогами спортивного вуза // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1(70). С. 458—467. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1227.
13. Самсонова Е. В., Шеманов А. О. Алехина С. В., Быстрова Ю. А. Разнообразие особых образовательных потребностей как условие изменения дизайна образовательной среды // Клиническая и специальная психология. 2025. Т. 14. № 2. С. 21—38. DOI: 10.17759/cpse.2025140202.
14. Федина Л. В., Брук Ж. Ю., Семенов М. Ю., Игнатжева С. В. Агентность преподавателей университета в контексте реализации принципов универсального дизайна для обучения // Вопросы образования. 2026. № 2. С. 207—232. DOI: 10.17323/vo-2026-25853.
15. Ниязова А. А., Гибадуллина Ю. М., Бибалаева У. Н. Инклюзивные практики в формировании готовности будущих педагогов к работе с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 11. Вып. 4. С. 843—852. DOI: 10.30853/ped20260103.
16. Catama B. V. Universal Design for Learning in Action: Exploring Strategies, Outcomes, and Challenges in Inclusive Education // International Journal of Rehabilitation and Special Education. 2025. Vol. 5. No. 2. Pp. 6—12. DOI: 10.48165/ijrse.2025.5.2.3.
17. Инклюзивные профессиональные компетенции: оценочная парадигма педагогического сообщества / В. З. Кантор, Ю. Л. Проект, Г. В. Никулина и др. // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 3. С. 106—125. DOI: 10.17759/cpse.2021100307.
18. Profile for Inclusive Teacher Professional Learning: Including all education professionals in teacher professional learning for inclusion. Odense : European Agency for Special Needs and Inclusive Education, 2022. 63 p. URL: https://www.european-agency.org/sites/default/files/Profile_for_Inclusive_Teacher_Professional_Learning_0.pdf. (дата обращения: 04.08.2025).
19. Шкерина Т. А. Экосистемная модель инклюзивно ориентированной подготовки будущего учителя // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 501—508. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1445.

REFERENCES

1. Basyuk V. S., Kazakova E. I., Vrublevskaya E. G. Education and pedagogical culture in a modern school. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2022; 20(1):3—14. (In Russ.) DOI: 10.51314/2073-2635-2022-1-3-14.
2. Bocharova Yu. Yu. A modern design of research in teacher education. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2023;208: 60—70. (In Russ.) DOI: 10.33910/1992-6464-2023-208-60-70.
3. Pisareva S. A., Piskunova E. V., Tryapitsyna A. P. The organization of the studies of the developing practice of the general education in the activity of the pedagogical universities. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2022;9(172):10—17. (In Russ.)
4. Goryunova L. V., Mareev V. I., Romashevskaya E. S. Teacher training for the inclusive education system. Monograph. Rostov-on-Don, Taganrog, Southern Federal University publ., 2018. 120 p. (In Russ.)
5. Ketrish E. V. Teacher readiness to work in inclusive education. Monograph. Ekaterinburg, 2018. 120 p. (In Russ.)
6. Sergeeva A. I. The inclusive-oriented training of teachers-speech therapists in university. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*. 2017;2(16):70—78. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6127-2017-2-70-78.
7. Khitryuk V. V. Teachers' readiness for inclusion: a pedagogical system for its formation. Monograph. Baranovichi, Baranovichi State University publ., 2015. 176 p. (In Russ.)
8. Niyazova A. A., Korotovskikh T. V. Development of the inclusive competence of the future teacher in the educational process of the university. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2024;1(88):67—76. (In Russ.) DOI: 10.69571/SSPU.2024.88.1.025.
9. Vetchinova M. N. Educational ecosystem as a new paradigm of education of the XXI century. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*. 2022;4:89—97. (In Russ.)
10. Vayndorf-Sysoeva M. E., Subocheva M. L. Educational ecosystem: a terminological aspect. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional education in Russia and abroad*. 2021;4(44):5—10. (In Russ.) DOI: 10.54509/22203036_2021_4_5.

11. The scientific school of Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Vitaly Alexandrovich Slastenin "Person-Centered Professional Education". *Razvitie lichnosti = Development of personality*. 2008;2:8—19. (In Russ.)
12. Zhang Z., Germanov G. N. Professional inclusive competences and indicators of their achievement by students-teachers of a sports university. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;1(70):458—467. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1227.
13. Samsonova E. V., Shemanov A. Yu., Alekhina S. V., Bystrova Yu. A. Diversity of special educational needs of learners in inclusive school environments. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*. 2025;14(2):21—38. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpse.2025140202.
14. Fedina L. V., Bruk Zh. Yu., Semenov M. Yu., Ignatjeva S. V. University Teachers Agency in the Implementation Framework of Universal Design for Learning Principles. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2026;2:207—232. (In Russ.) DOI: 10.17323/vo-2026-25853.
15. Niyazova A. A., Gibadullina Y. M., Bibalaeva U. N. Inclusive practices in shaping the readiness of future teachers to work with students with disabilities. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2026;11(4):843—852. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20260103.
16. Catama B. V. Universal Design for Learning in Action: Exploring Strategies, Outcomes, and Challenges in Inclusive Education. *International Journal of Rehabilitation and Special Education*. 2025;5(2):6—12. DOI: 10.48165/ijrse.2025.5.2.3.
17. Kantor V. Z., Proekt Y. L., Nikulina G. V. et al. Inclusive Professional Competences: Assessment Paradigm of Pedagogical Community. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*. 2021;10(3):106—125. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpse.2021100307.
18. Profile for Inclusive Teacher Professional Learning: Including all education professionals in teacher professional learning for inclusion. Odense, European Agency for Special Needs and Inclusive Education publ., 2022. 63 p. URL: https://www.european-agency.org/sites/default/files/Profile_for_Inclusive_Teacher_Professional_Learning_0.pdf. (accessed: 04.08.2025).
19. Shkerina T. A. Ecosystem model of inclusively oriented training of the future teacher. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;4(73):501—508. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1445.

Статья поступила в редакцию 19.07.2026; одобрена после рецензирования 22.08.2026; принята к публикации 24.08.2026.
The article was submitted 19.07.2026; approved after reviewing 22.08.2026; accepted for publication 24.08.2026.

Научная статья**УДК 378.096:316.62****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1679****Svetlana Aleksandrovna Yun-Khay**

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Head of the Department of General Pedagogy,
Buryat State University
named after D. Banzarov
Ulan-Ude, Russian Federation
swetyun72@mail.ru

Светлана Александровна Юн-Хай

канд. пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой общей педагогики,
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
swetyun72@mail.ru

Yefim Sergeevich Korotkov

Postgraduate of the Department of General Pedagogy,
field of training
5.8.1 — General pedagogy
and history of pedagogy and education,
Buryat State University
named after D. Banzarov
Ulan-Ude, Russian Federation
korotkov.efimkorotkov@yandex.ru

Ефим Сергеевич Коротков

аспирант кафедры общей педагогики,
направление подготовки
5.8.1 — Общая педагогика,
история педагогики и образования,
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
korotkov.efimkorotkov@yandex.ru

Larisa Syrendorzhievna Makhakova

Candidate of Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Media Communications,
East Siberian State University
of Technology and Management
Ulan-Ude, Russian Federation
mahakova@mail.ru

Лариса Сырендоржиевна Махакова

канд. психол. наук, доцент,
доцент кафедры медиакоммуникаций,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления
Улан-Удэ, Российская Федерация
mahakova@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Сегодня волонтерство перестает быть просто благотворительностью. Для современного студента добровольчество — это полноценная среда, где он одновременно нарабатывает профессиональные компетенции и выстраивает собственную жизненную позицию. Несмотря на растущее внимание к добровольчеству в научной и образовательной среде, остается недостаточно изученным, как именно региональные особенности инфраструктуры и практик влияют на формирование профильных компетенций будущих специалистов в таких сферах, как социальная работа и психология. Настоящее исследование направлено на выявление педагогических условий и функциональных механизмов, через которые волонтерская практика способствует развитию как личностных качеств (эмпатии, ответственности, стрессоустойчивости), так и профессионально значимых навыков. Эмпирической базой выступили два вуза Республики Бурятия: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (направление «Социальная работа») и Восточно-Сибирский государственный институт культуры (направление «Психология и социальная педагогика»). Применялись методы анализа статистических данных и сравнительного изучения деятельности студенческих волон-

терских объединений. Результаты показали, что при условии интеграции в образовательную среду и поддержки со стороны региональной инфраструктуры, в частности ресурсного центра «Добродом», волонтерство эффективно развивает навыки командной работы, проектного управления, а также эмоциональную и социальную зрелость. При этом выявлены четкие профильные различия: у будущих социальных работников доминирует ориентация на практическую помощь и взаимодействие с государственными структурами, тогда как у студентов-психологов — на развитие эмоционального интеллекта и компетенций в области психологической поддержки. Исследование расширяет теоретические представления о профессиональном самоопределении, подчеркивая потенциал регионального волонтерства как двойного ресурса — образовательного и социально-интегративного — и обосновывает необходимость внедрения системного педагогического сопровождения добровольческой деятельности в вузах.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, профессиональные компетенции, личностные качества, студенческая молодежь, региональное развитие, социальная работа, психология, добровольчество, образовательная среда, гражданская активность

Для цитирования: Юн-Хай С. А., Коротков Е. С., Махакова Л. С. Формирование профессиональных и личностных компетенций в волонтерской деятельности: региональный аспект (на материале Республики Бурятия) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 473—480. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1679.

Original article

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL AND PERSONAL COMPETENCIES
THROUGH VOLUNTEERING: A REGIONAL ASPECT
(A CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. *In the context of ongoing socio-cultural transformation, volunteering is evolving beyond traditional charity and becoming a significant resource for fostering both personal and professional qualities among students. Although academic and educational interest in volunteering continues to grow, the influence of regional contexts on the development of discipline-specific competencies among future specialists — particularly in social work and psychology — remains underexplored. This study aims to identify the pedagogical conditions and functional mechanisms through which volunteer practice contributes to the formation of professional identity and personal development among students. The empirical basis of the research comprises two higher education institutions in the Republic of Buryatia: Buryat State University named after D. Banzarov (Social Work program) and the East Siberian State Institute of Culture Psychology and Social Pedagogy(program). The analysis employed methods of statistical data processing and comparative examination of student volunteer associations' activities at these*

institutions. The findings indicate that when integrated into the educational environment and supported by the regional volunteering infrastructure—specifically, the “Dobrodom” Resource Center—volunteering effectively cultivates empathy, responsibility, stress resilience, as well as teamwork and project management skills. Notably, field-specific differences emerged: social work students focused on organizing practical assistance and collaborating with governmental agencies, whereas psychology students emphasized developing emotional intelligence and competencies in psychological support. The results expand theoretical understandings of professional self-determination by highlighting regional volunteering as a dual resource — both educational and socially integrative — and underscore the need for systematic pedagogical support of student volunteering initiatives within universities.

Keywords: *volunteering, professional competencies, personal qualities, student youth, regional development, social work, psychology, volunteer activity, educational environment, civic engagement*

For citation: Yun-Khay S. A., Korotkov Y. S., Makhakova L. S. Development of professional and personal competencies through volunteering: a regional aspect (a case study of the Republic of Buryatia). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):473—480. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1679.

Введение

Актуальность. Современное общество предъявляет всё более высокие требования к специалистам гуманитарного профиля от них ожидают не только профессиональной компетентности, но и высокого уровня социальной ответственности, эмоциональной устойчивости и способности к рефлексии. В этих условиях волонтерская деятельность приобретает особую значимость, выступая не просто как форма гражданской активности, а как живая образовательная среда, в которой студенты апробируют свои знания, развивают *soft skills* и формируют профессиональную идентичность.

Изученность проблемы. Проблема волонтерской деятельности в современной науке рассматривается как комплексный социально-образовательный феномен, выступающий важным фактором личностного и профессионального становления молодежи. Фундаментальные основы мотивации и психолого-педагогические механизмы участия студентов в добровольчестве раскрыты в трудах Е. Е. Русляковой, Е. М. Разумовой, Е. Ю. Шпаковской [1], а также Е. А. и А. В. Макаровых [2], В. И. Рерке [3]. Авторы акцентируют внимание на формировании личностных смыслов и внутренних драйверов волонтеров. Углубление представлений о мотивационной сфере произошло благодаря функциональному подходу И. В. Васильевой и М. В. Чумакова [4], которые обосновали тезис о полимотивированности добровольцев. Наряду с альтруизмом значимую роль играют прагматические установки: стремление к социализации, нетворкингу и профессиональной апробации. В этой связи волонтерство трактуется как ресурс взаимовыгодного обмена, где общество получает социальную поддержку, а доброволец — среду для самореализации.

Значительный пласт исследований посвящен трансляции волонтерства в плоскость формирования компетенций. Возможности добровольчества как развивающей среды для освоения надпрофессиональных и метакомпетенций обоснованы в работах Э. Ф. Зеера [5], К. И. Буяковой и И. Ю. Малковой [6; 7], М. В. Певной и Д. В. Минченко [8], В. Б. Доржиевой и Н. Г. Лагойды [9] Т. А. и К. Е. Безенковых, Е. В. Олейник, А. А. Русиной [10], Л. Е. Картушиной [11]. Переход от универсальных навыков к специальным осуществляется в рамках изучения профильного волонтерства. Так, С. А. Галстян [12] описывает этот процесс на примере социокультурных проектов, Е. М. Лопатина рассматривает волонтерство как средство развития социальных компетенций [13], А. С. Заднепровский и Д. С. Алюшина [14] эмпирически подтверждают эффективность профильного добровольчества (в частности, медицинского) для интеграции студентов в профессиональную среду.

Методологическую базу для осмысления волонтерства как фактора профессионального становления составляют концепции Е. А. Климова [15], раскрывающие диалектику труда и индивидуального развития, а также теория конкурентоспособности личности А. Р. Хайдарова [16], где подчеркивается значение рефлексии и активной жизненной позиции для успешного профессионального самоопределения.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью педагогического осмысления региональной специфики волонтерства как ресурса профессионализации студентов. При наличии развитой инфраструктуры поддержки добровольчества в Республике Бурятия вопрос о дифференцированном влиянии волонтерских практик на формирование компетенций остается недостаточно

изученным. Исследование восполняет данный пробел, обосновывая потребность в профильно-ориентированном педагогическом сопровождении студенческого волонтерства.

Научная новизна. Впервые на материале Республики Бурятия осуществлено компаративное исследование влияния волонтерских практик на формирование компетенций у студентов гуманитарных профилей (социальная работа и психология), позволившее выявить профильно-дифференцированные механизмы профессионального становления. Систематизированы педагогические условия, при которых добровольческая деятельность трансформируется в инструмент целенаправленного развития профессиональной идентичности студентов в региональной образовательной среде.

Цель данного исследования стало выявление условий, при которых волонтерская деятельность становится эффективным инструментом развития как личностных, так и профессиональных качеств студентов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- выявить профильно-дифференцированные особенности влияния волонтерских практик на формирование компетенций у студентов;

- систематизировать педагогические условия интеграции добровольческой деятельности в образовательную среду регионального вуза.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений о волонтерской деятельности как полифункциональном ресурсе профессионализации студентов гуманитарных профилей, а также в обосновании профильно-дифференцированного подхода к формированию компетенций в региональной образовательной среде.

Практическая значимость состоит в возможности использования выявленных педагогических условий и профильных механизмов при проектировании систем сопровождения студенческого волонтерства, разработке методических рекомендаций для вузов и совершенствовании взаимодействия образовательных организаций с региональной инфраструктурой поддержки добровольчества.

Материалы и методы исследования составляют труды отечественных и зарубежных авторов, в которых волонтерская деятельность рассматривается как социально-образовательный феномен, способствующий развитию как личностных, так и профессиональных компетенций.

Основная часть

Г. Г. Бородаева и И. А. Руднева трактуют волонтерство как осознанную и целенаправленную деятельность студентов, ориентированную не только на предоставление реальной помощи тем, кто в ней нуждается, но и на формирование прочных социальных связей, способствующих укреплению общества в целом [17].

Согласно И. В. Васильевой и М. В. Чумакову, в рамках функционального подхода к анализу мотивации выделяются шесть типов мотивов участия в волонтерской деятельности: защитные, ценностно-ориентированные, карьерные, соци-

альные, когнитивные и мотивы самоактуализации, каждый из которых отражает определенные личностные, социальные или профессиональные запросы добровольцев [18].

Многообразие мотивов участия в добровольческой деятельности нашло свое отражение в политике государственной поддержки: с 2018 г. в Российской Федерации действует федеральная программа, направленная на формирование устойчивой инфраструктуры волонтерства во всех субъектах страны, координация которой осуществляется Ассоциацией «Добро.РФ». Данная инициатива преследует не только цель популяризации добровольчества, но и стремится обеспечить его институциональную устойчивость за счет развития образовательных, информационных и логистических ресурсов.

Практической реализацией данной инфраструктурной системы в регионе является ресурсный центр «Добродом», начавший свою деятельность 28 августа 2019 г. на территории Республики Бурятия. Он сочетает функции образовательной платформы для обучения и повышения квалификации волонтеров с практической работой по сбору, сортировке и распределению гуманитарной помощи. Подобный комплексный подход позволяет эффективно увязывать федеральные стратегии с региональными запросами, создавая благоприятные условия для системного и долгосрочного развития добровольчества на местном уровне.

Результаты исследования показывают, что в Республике Бурятия действует устойчивая инфраструктура поддержки добровольчества. Федеральная программа, реализуемая с 2018 г. под координацией Ассоциации «Добро.РФ», нашла свое локальное воплощение в ресурсном центре «Добродом». На сегодняшний день в регионе насчитывается 1 523 волонтера, реализуется 128 402 проекта (табл. 1), причем более половины участников вовлечены в работу с детьми и молодежью. Центр сочетает функции образовательной площадки и оператора гуманитарной помощи, что создает условия для синтеза теории и практики (подтверждается данными официального портала «Добро.РФ»).

Как видно из табл. 1, статистика по Республике Бурятия показывает четыре заметные тенденции:

1. Волонтерский корпус растет. После падения в 2021 г. (всего 3 329 человек) число добровольцев увеличилось до 9 778 к 2025 г. — это говорит о том, что гражданская активность восстанавливается.

2. Количество проектов стабильно держится на уровне около 128 400. Скорее всего, это связано либо с особенностями учета (накопительный характер), либо с тем, что рынок социальных инициатив уже насыщен.

3. Волонтеры заметно «молодеют». Средний возраст упал с 29 до 20 лет — молодежная политика работает, и добровольчество всё больше ориентируется на студентов и школьников.

4. Тематически доминирует работа с детьми и молодежью. Это направление остается приоритетным на протяжении всего периода и определяет социальную направленность волонтерской модели в регионе.

Таблица 1

Аналитика волонтерской деятельности по Республике Бурятия в 2020—2025 гг.

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Число волонтеров	6 880	3 329	9 009	9 444	9 641	9 778
Число проектов	128 394	128 398	128 399	128 392	128 400	128 400
Число обучавшихся в Добро.Университетах	774	731	867	1452	692	1524
Средний возраст волонтеров	29	22	23	22	21	20
Популярное направление	Дети и молодежь					

В вузах и колледжах функционируют студенческие объединения: «Милосердие» [ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова» (далее — БГУ)], «Горячее сердце» [ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (далее — ВСГИК)], «Кто, если не мы?» (Бурятский техникум автомобильного транспорта) и «Дара» (Бурятский колледж технологий и лесопользования), Корпус доброй воли, «Студенческий отряд спасателей ВСГУТУ “Атлант”», университетский Штаб #МЫВМЕСТЕ, патриотический клуб «Я горжусь», отряд «МиР», «Финансовый компас», Юридическая клиника, Центр правового просвещения [ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (далее — ВСГУТУ)].

В ВСГУТУ работают восемь добровольческих объединений, каждое со своей специализацией: от патриотического воспитания и спасательных операций до правового просвещения и финансовой грамотности. Это «Корпус доброй воли», спасательный отряд «Атлант», Штаб #МЫВМЕСТЕ, патриотический клуб «Я горжусь», отряд «МиР», проект «Финансовый компас», Юридическая клиника и Центр правового просвещения.

По итогам 2025 г. совместно с Администрацией г. Улан-Удэ студенты обработали более 100 социальных заявок, изготовили 20 маскировочных сетей (около 700 м²), собрали свыше 250 тыс. руб. и отправили больше тонны гуманитарных грузов для участников специальной военной операции на территории Украины. Такая работа показывает, что студенческое добровольчество — это не просто «галочка» в отчетности, а реальный механизм социализации молодежи и формирования профессиональных навыков. Волонтеры ВСГУТУ активно сотрудничают с властями, некоммерческими организациями и бизнесом, что позволяет масштабировать социальные инициативы и встраивать добровольческую практику в образовательные программы (по данным профиля организации на портале «Добро.РФ»).

Отдельного внимания заслуживает «Милосердие» — организация, созданная в 2012 году на социально-психологическом факультете БГУ. Она оказывает адресную помощь уязвимым группам, участвует в грантовых проектах (в т. ч. в программе «Добрые дела — любимому горо-

ду») и становится площадкой для обсуждения социальных проблем. «Милосердие» целенаправленно поддерживает людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, продвигает ценности добровольчества и привлекает внимание СМИ к актуальным вопросам. Организация также активно реализует грантовые инициативы (согласно информации официального сайта БГУ).

Волонтерский центр «Горячее сердце» работает в ВСГИК с 2012 г. в составе Ассоциации студенческих объединений «Байкальские кедры». Центр продвигает идеи добровольчества среди студентов, запускает социальные проекты, выстраивает связи с партнерскими организациями и готовит ребят к участию во всероссийских акциях. Ключевая задача команды — координировать волонтерское движение института и поддерживать каждого добровольца.

Чем занимается «Горячее сердце»? Во-первых, команда вовлекает студентов в добровольческие проекты и популяризирует культуру волонтерства. Во-вторых, помогает добровольцам найти направление работы по интересам и способностям. В-третьих, выстраивает диалог с разными аудиториями — от школьников до пожилых людей. Отряд активно сотрудничает с внешними партнерами: некоммерческими организациями, городской администрацией, культурными площадками. Команда фиксирует удачные практики, предлагает новые форматы работы и проводит мероприятия как в стенах ВСГИК, так и по всему городу Улан-Удэ.

Основные направления работы волонтерского отряда социальное, экологическое, организационное, донорство, патриотическое, волонтеры здоровья, служба этикета, спортивное.

Нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность отряда:

- Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 г.;
- Методические рекомендации по формированию добровольческих (волонтерских) центров на базе образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования;
- Положение о студенческом общественном объединении «Горячее сердце» ВСГИК.

Итоги деятельности отряда представлены в табл. 2.

Таблица 2

Основные достижения волонтерского отряда «Горячее сердце»

Период	Награда	Учредитель	Основание
2022/23 учебный год	Диплом в номинации «Эффективное сотрудничество»	ГБУЗ «Республиканский центр профилактики и борьбы со СПИД»	Системное межведомственное взаимодействие
Декабрь 2023 г.	Благодарственное письмо		Организация мероприятий ко Всемирному дню борьбы со СПИД
Июль 2024 г.	Специальный кубок «Красная лента» — лучшая волонтерская группа Республики Бурятия по профилактике ВИЧ		Особый вклад в профилактику ВИЧ-инфекции
Июль 2025 г.	Диплом в номинации «Преданность делу»		Результаты 2024/25 учебного года

Награды отряда «Горячее сердце» за последние годы складываются в достаточно показательную картину. Признание кубка «Красная лента» в 2024 г., по сути, закрепило за отрядом статус одной из ведущих волонтерских структур Бурятии в сфере профилактики ВИЧ-инфекции — это уже не просто участие, а реальное региональное

лидерство. Причем такое признание не возникло на пустом месте: ему предшествовало устойчивое партнерство с ГБУЗ «Республиканский центр профилактики и борьбы со СПИД», которое прослеживается по наградам 2023—2025 гг. и показывает, что волонтерский ресурс уверенно встраивается в региональную систему здравоохранения.

Обращает на себя внимание и география признания — отряд отмечают не только в вузе, но и на уровне министерства, муниципалитета, профильных учреждений. Это говорит о том, что его работа востребована на разных управленческих уровнях и имеет реальную социальную значимость. При этом поощрения получают не только коллективы, но и конкретные участники: индивидуальные благодарности подтверждают, что внутри отряда сформировалось компетентное ядро — ребята, способные брать на себя лидерство, наставничество и качественно реализовывать социальные инициативы.

Наконец, если посмотреть на динамику наград в целом, видна своего рода эволюция: от «эффективного сотрудничества» в 2022—2023 гг. — к «лидерству» в 2024-м и «преданности делу» в 2025-м. За этими формулировками стоит углубление специализации отряда, рост его социального влияния и постепенное укрепление ценностных оснований деятельности.

Центр играет важную роль в развитии гражданской инициативности и формировании профессиональных компетенций студентов посредством практико-ориентированной волонтерской деятельности (по данным официального сайта ВСГИК).

Студенческая добровольческая организация «Милосердие» работает на социально-педагогическом факультете БГУ с 2012 г. Это самоуправляемое объединение, которое студенты создали по собственной инициативе — их объединяет желание помогать тем, кто в этом нуждается.

Главные цели отряда:

- поддерживать людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации: пенсионеров, людей с инвалидностью, многодетные семьи;
- давать каждому добровольцу возможность проявить себя в реальном деле и почувствовать свою значимость;
- воспитывать у студентов чуткость, эмпатию и готовность бескорыстно помогать ближним.

Задачи отряда:

- разработка и реализация программ социально-бытового сопровождения для незащищенных категорий граждан (пожилых людей, инвалидов);
- проведение регулярных акций природоохранного характера, способствующих формированию экологической культуры среди участников и населения;
- внедрение в деятельность отряда воспитательных механизмов, способствующих духовно-нравственному развитию молодежи и укреплению эмпатийных связей в обществе.

Основные направления работы волонтерского отряда содействие в организации и проведении мероприятий социальным учреждениям и ведомствам; адресная социальная помощь пожилым людям, инвалидам; экологические акции; подготовка волонтеров.

Итоги деятельности отряда представлены в табл. 3.

Таблица 3

Основные достижения волонтерского отряда «Милосердие»

Период	Награда	Учредитель	Основание
2022	Благодарственное письмо от ректора БГУ	БГУ	Системное межведомственное взаимодействие
2023	Нагрудные знаки «Почетный донор России» и благодарственные письма	ГБУЗ «Бурятская республиканская станция переливания крови Министерства здравоохранения Республики Бурятия»	Организация мероприятий ко Всемирному дню Донора
2024	Благодарность от клуба «Добрый волшебник»	ТОС «Добрый Волшебник» Советского района г. Улан-Удэ	Системное межведомственное взаимодействие
2025	Благодарность от Дирекции по паркам культуры и отдыха г. Улан-Удэ	Дирекция по паркам культуры и отдыха г. Улан-Удэ	Системное межведомственное взаимодействие

Если посмотреть на награды «Милосердия» за 2022—2025 гг., видна четкая динамика признания на разных уровнях: от внутриуниверситетского (благодарность ректора БГУ) до муниципального и отраслевого (ГБУЗ «Бурятская станция переливания крови», ТОС «Добрый волшебник», Дирекция парков). То, что в основаниях для поощрений часто встречается формулировка «системное межведомственное взаимодействие», говорит о приоритете сетевых, институционально закрепленных форматов работы над разовыми акциями. Это соответствует современным тенденциям развития волонтерской инфраструктуры. Особенно

стоит отметить специализацию отряда в популяризации донорства — вручение знаков «Почетный донор России» показывает, что участники перешли от организационной поддержки к личному вовлечению в социально значимые практики.

Чтобы сравнить деятельность двух отрядов, мы использовали набор критериев, позволяющих увидеть как внешние, так и глубинные различия в их организации и содержании работы. На основе собранного материала можно выделить следующие отличительные особенности (табл. 4).

Таблица 4

Отличительные особенности рассматриваемых волонтерских отрядов

Критерий сравнения	Отряд	
	«Милосердие» (БГУ)	«Горячее сердце» (ВСГИК)
Основная цель	Оказание различных видов помощи социально нуждающимся людям, испытывающим потребность в поддержке	Координация и поддержка деятельности волонтеров института
Ключевые навыки	Адресная социальная помощь пожилым людям и инвалидам	Работа с детьми разных категорий: сироты и оставшиеся без попечения родителей, с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью

Критерий сравнения	Отряд	
	«Милосердие» (БГУ)	«Горячее сердце» (ВСГИК)
Структура организации	Сетевая включает в себя: – администрирование [кафедра теории социальной работы социально-психологического факультета БГУ (научно-методическое руководство) + деканат]; – ядро организации (волонтеры); – функциональные блоки (социальная помощь, экология, событийное волонтерство); – внешний контур: партнеры РОО Милосердия Минсоцзащиты Республики Бурятия, АНО «Забота», РОО «Солидарность поколений»	Гибридная, включающая: – элементы студенческого самоуправления (общее собрание, совет); – административное кураторство со стороны вуза; – функциональную дифференциацию по направлениям социальной деятельности
Ключевые направления	1. Содействие в организации и проведении мероприятий социальным учреждениям и ведомствам. 2. Экологические акции. 3. Подготовка волонтеров	1. Работа с детьми, пропавшими в трудную жизненную ситуацию. 2. Медицинская профилактика (профилактика ВИЧ-инфекции и заболеваний, передающихся половым путем)
Виды волонтерства	Социальное, патриотическое, экологическое, волонтеры здоровья	Социальное, экологическое, организационное, донорство, патриотическое, волонтеры здоровья, служба этикета, спортивное
Партнеры	Министерство социальной защиты населения Республики Бурятия, АНО «Центр досуговой помощи пенсионерам «Забота», РОО «Солидарность поколений», Всероссийское общественное движение «Матери России», Компания «АвтоЛидер»	ГБУЗ «Республиканский центр профилактики и борьбы со СПИД», Отдел медицинской профилактики, ГБУСО РБ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних», ГБОУ «Республиканский центр образования», проект «Школа особых знаний»

Заключение

В результате проведенного анализа установлено, что волонтерская деятельность в региональном контексте представляет собой эффективный инструмент комплексного развития студенческой молодежи, способствуя формированию как личностных качеств, так и профессиональных компетенций. Эмпирические данные, полученные на примере вузов Республики Бурятия, свидетельствуют о том, что эффективность данного процесса напрямую зависит от интеграции добровольческих практик в образовательную среду и наличия поддержи-

вающей инфраструктуры [19]. Выявленные профильные различия подтверждают специфику влияния волонтерства на студентов разных направлений: от практической социальной помощи до развития эмоционального интеллекта [20]. Таким образом, реализация потенциала студенческого добровольчества требует внедрения системного педагогического сопровождения и формализации полученного опыта, что не только повышает качество подготовки специалистов, но и укрепляет социальную устойчивость региона через взаимодействие университета и общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Русякова Е. Е., Разумова Е. М., Шпаковская Е. Ю. Социально-психологические аспекты волонтерской деятельности студентов-психологов // Перспективы науки и образования. 2019. № 1(37). С. 301—315. DOI: 10.32744/pse.2019.1.22.
2. Макарова Е. А., Макаров А. В. Психолого-педагогические аспекты волонтерской деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/90PSMN624.pdf>.
3. Рерке В. И., Косых О. И., Турлыкова И. В. Повышение социальной активности у студенческой молодежи посредством волонтерской деятельности (социально-психологический аспект) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология». 2023. Т. 17. № 3. С. 115—132. DOI: 10.25688/2076-9121.2023.17.3.06.
4. Васильева И. В., Чумаков М. В. Ценности личности и студенческое волонтерство // Национальный психологический журнал. 2025. № 1(20). С. 18—28.
5. Зеер Э. Ф., Заводчиков Д. П. Идентификация универсальных компетенций выпускников работодателем // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 39—45.
6. Буюкова К. И., Малкова И. Ю. Волонтерство как форма организации образовательной деятельности в контексте «третьей миссии» университета // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 8—9. С. 69—79. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-69-79.
7. Буюкова К. И., Малкова И. Ю. Возможности и проблемы развития надпрофессиональных компетенций молодежи в волонтерской деятельности на базе некоммерческих организаций // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 1. С. 7—13. DOI: 10.15293/1813-4718.1901.01.
8. Певная М. В., Минченко Д. В., Белов А. А. Мотивация в саморегуляции волонтерской деятельности молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 3. С. 53—68. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.2.
9. Доржиева В. Б., Лагойда Н. Г. Особенности волонтерской деятельности молодежи в период пандемии коронавирусной инфекции (на примере организации «Добродом» Республики Бурятия) // Государственная молодежная политика: практики и стратегии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2023. С. 53—56.

10. Безенкова Т. А., Олейник Е. В., Безенков К. Е., Русина А. А. Формирование профессиональных качеств будущих специалистов по социальной работе посредством участия в волонтерской деятельности // Современное педагогическое образование. 2021. № 7. С. 75—79.
11. Картушина Л. Е. Роль волонтерской деятельности в личностно-профессиональном развитии будущих педагогов СПО // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 7-1(82). С. 110—116. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-7-1-110-116.
12. Галстян С. А. Компетенции и навыки волонтеров, формируемые в процессе участия в социально-культурных проектах // Молодой ученый. 2023. № 25(472). С. 284—287.
13. Лопатина Е. М. Волонтерство как средство развития социальных компетенций // Актуальные исследования. 2024. № 21(203). Ч. IV. С. 71—72.
14. Заднепровский А. С., Алюшина Д. С. Формирование профессиональных компетенций волонтеров-медиков в период деятельности акции #МыВместе // Коллекция гуманитарных исследований. 2024. № 4. С. 50—58.
15. Носкова О. Г. Вклад Е. А. Климова в развитие отечественной психологии труда (к 95-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2026. Т. 49. № 1. С. 9—34. DOI: 10.11621/LPJ-26-01.
16. Хайдарова А. Р. К вопросу о формировании конкурентоспособности личности // The Scientific Heritage. 2018. № 21-2. С. 56—58.
17. Бородаева Г. Г., Руднева И. А. Волонтерская деятельность как фактор формирования личности студента // Научное обозрение. Педагогические науки. 2015. № 1. URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=647>.
18. Васильева И. В., Чумаков М. В., Чумакова Д. М. Ценности личности в представлениях о волонтерской деятельности у студентов университетов // Образование и наука. 2024. Т. 26. № 2. С. 140—165. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-2-140-165.
19. Коротков Е. С. Студенческое волонтерство как форма организации образовательной деятельности // Учебно-исследовательская деятельность в системе общего, дополнительного и профессионального образования : материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ, 2026. С. 214—221.
20. Юн-Хай С. А., Коротков Е. С. Влияние волонтерства на развитие профессиональных навыков обучающихся вуза // Афанасьевские чтения. Инновации и традиции педагогической науки 2025 : сб. материалов XXV Всерос. науч.-практ. конф. Киров : МЦИТО, 2025. С. 250—253.

REFERENCES

1. Ruslyakova E. E., Razumova E. M., Shpakovskaya E. Yu. Social and psychological aspects of volunteer activity of psychology students. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2019;1(37):301—315. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2019.1.22.
2. Makarova E. A., Makarov A. V. Psychological and pedagogical aspects of volunteer activities. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2024;12(6). (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/90PSMN624.pdf>.
3. Rerke V. I., Kosykh O. I., Turlykova I. V. Increasing the social engagement of student youth through volunteering (socio-psychological aspect). *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psikhologiya» = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series “Pedagogy and Psychology”*. 2023;17(3):115—132. (In Russ.) DOI: 10.25688/2076-9121.2023.17.3.06.
4. Vasileva I. V., Chumakov M. V. Personal values and student volunteering. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National psychological journal*. 2025;1(20):18—28. (In Russ.)
5. Zeer E. F., Zavodchikov D. P. Identification of universal competencies of graduates by the employer. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2007;11:39—45. (In Russ.)
6. Buyakova Ch. I., Malkova I. Yu. Volunteering as a Form of Students' Educational Activities in the Context of the University's Third Mission. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2021;30(8—9):69—79. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-69-79.
7. Buyakova Ch. I., Malkova I. Yu. Opportunities and problems of key competences development of youth in volunteers activities at non-profit organization. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*. 2019;1:7—13. (In Russ.) DOI: 10.15293/1813-4718.1901.01.
8. Pevnaya M. V., Minchenko D. V., Belov A. A. Motivation in self-regulation of youth volunteer activities. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Science. Culture. Society*. 2023;29(3):53—68. (In Russ.) DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.2.
9. Dorzhieva V. B., Lagoida N. G. Features of volunteer activity of youth during the coronavirus infection pandemic (on the example of the “Dobrodom” organization of the Republic of Buryatia). *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: praktiki i strategii = State youth policy: Practices and strategies. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Novosibirsk, Siberian Academy of Public Administration publ., 2023:53—56. (In Russ.)
10. Bezenkova T. A., Oleynik E. V., Bezenkov K. E., Rusina A. A. Formation of professional qualities of future specialists in social work through participation in volunteer activities. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*. 2021;7:75—79. (In Russ.)
11. Kartushina L. E. Formation of students' readiness for eco-volunteer activity. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023;7-1(82):110—116. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2023-7-1-110-116.
12. Galstyan S. A. Competencies and skills of volunteers formed during participation in socio-cultural projects. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;5(472):284—287. (In Russ.)
13. Lopatina E. M. Volunteering as a means of developing social competencies. *Aktual'nye issledovaniya*. 2024; 21(203)-4:1—72. (In Russ.)

14. Zadneprovsky A. S., Alyushina D. S. Formation of professional competencies of medical volunteers during the #MyVmeste action activity. *Kolleksiya gumanitarnykh issledovaniy = The Collection of Humanitarian Studies*. 2024;4:50—58. (In Russ.)
15. Noskova O. G. Contribution of E. A. Klimov to the development of Russian work psychology (on the 95th anniversary of his birth). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Lomonosov Psychology Journal*. 2026;49(1):9—34. (In Russ.) DOI: 10.11621/LPJ-26-01.
16. Khaydarova A. R. On the question of formation competitiveness personality. *The Scientific Heritage*. 2018;21-2: 56—58. (In Russ.)
17. Borodaeva G. G., Rudneva I. A. Volunteer activity as a factor of forming of personality of student. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki = Scientific review. Pedagogical sciences*. 2015;1. (In Russ.) URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=647>.
18. Vasileva I. V., Chumakov M. V., Chumakova D. M. Personal values in the perceptions of volunteer activities among university students. *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2024;26(2):140—165. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2024-2-140-165.
19. Korotkov E. S. Student volunteering as a form of organizing educational activities. *Uchebno-issledovatel'skaya deyatel'nost' v sisteme obshchego, dopolnitel'nogo i professional'nogo obrazovaniya = Educational and Research Activity in the System of General, Additional and Professional Education. Proceedings of the XVI All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Ulan-Ude, 2026:214—221. Ulan-Ude. (In Russ.)
20. Yun-Khai S. A., Kortkov E. S. The influence of volunteering on the development of professional skills of university students. *Afanas'evskie chteniya. Innovatsii i traditsii pedagogicheskoi nauki 2025 = Afanasiev Readings. Innovations and traditions of pedagogical science 2025. Proceedings of the XXV All-Russian scientific and practical conference*. Kirov, Interregional Center for Innovative Technologies in Education publ., 2025:250—253. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.06.2026; одобрена после рецензирования 27.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.
The article was submitted 07.06.2026; approved after reviewing 27.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 796.91
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1717

Yulia Vyacheslavovna Beloglazova
Coach,
Olympic Reserve Sports School “Delfin”
Naberezhnye Chelny, Russian Federation
yulia-sinchro1974@mail.ru

Юлия Вячеславовна Белоглазова
тренер,
Спортивная школа олимпийского резерва «Дельфин»
Набережные Челны, Российская Федерация
yulia-sinchro1974@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СИНХРОНИСТОК НА ЭТАПЕ ВЫСШЕГО СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. Цель представленного в статье исследования — разработать, теоретически обосновать и экспериментально апробировать методику совершенствования специальной физической подготовки в синхронном плавании на этапе высшего спортивного мастерства. Для достижения указанной цели решаются задачи: 1) разработать методику развития специальных физических качеств у синхронисток высокой спортивной квалификации, учитывающую качественное своеобразие реализации концептуальных положений теории и методики спорта, определяющих содержание и организацию специальной физической подготовки на этапе высшего спортивного мастерства; 2) апробировать эффективность применения этой методики в тренировочном процессе синхронисток на этапе высшего спортивного мастерства.

Материалы и методы исследования — теоретические знания, представленные в научных публикациях в исследуемой предметной области, и результаты формирующего педагогического эксперимента с участием двух групп синхронисток высокой спортивной квалификации по 12 чел. в каждой: МАУ ДО «Спортивная школа олимпийского резерва “Дельфин”» (г. Набережные Челны, Республика Татарстан) — экспериментальная группа — и ГБУ ДО «Спортивная школа олимпийского резерва водных и других видов спорта» (г. Санкт-Петербург) — контрольная группа.

Для цитирования: Белоглазова Ю. В. Совершенствование специальной физической подготовки синхронисток на этапе высшего спортивного мастерства // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 481—488. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1717.

Original article

IMPROVING SPECIAL PHYSICAL TRAINING OF SYNCHRONIZED SWIMMERS AT THE STAGE OF ELITE SPORTS MASTERY

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. The aim of the study is to develop, theoretically substantiate, and experimentally test a methodology for improving special physical training in synchronized swimming at the level of elite sports mastery. The objectives of the study are: (1) to develop a methodology for developing special physical qualities in synchronized swimmers of high sporting qualification, taking into account the qualitative uniqueness of implementing the conceptual provisions of the theory and methodology of sports, which determine the content and organization of special physical training at the level of elite sports mastery; (2) to test the effective-

ness of this methodology in the training process of synchronized swimmers at the level of elite sports mastery.

The research materials and methods include theoretical knowledge presented in scientific publications in the subject area under study, as well as the results of a formative pedagogical experiment involving two groups of synchronized swimmers, each consisting of 12 participants, who train in improving sports skills groups at Olympic Reserve Sports School “Delfin”, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan (experimental group), and Olympic Reserve Sports School of aquatic

Ключевые слова: сила, ловкость, гибкость, координационные способности, выносливость, устойчивость к гипоксии, синхронное плавание, специальная физическая подготовка, комплексы упражнений, методика, педагогический эксперимент, соревновательные результаты

and other sports, Saint Petersburg (control group). To achieve the research goal, a set of methods is used, including: analysis and generalization of scientific and methodological literature and program and regulatory documents; questionnaire survey; pedagogical observation; video analysis; pedagogical testing; expert assessment; pedagogical experiment; methods of mathematical statistics.

The article presents the results of a formative pedagogical experiment, which includes the preparatory and competitive periods of the annual cycle of sports training. The results show that the implementation of the experimental methodology,

which includes the use of seven qualitatively different physical exercise complexes within the framework of standard repetition, variable exercise, and interval exercise methods; the method of conjugate impact, and the methods of integral training (game and competitive), significantly improves the development of special physical qualities and competitive results in synchronized swimming for highly qualified athletes.

Keywords: *strength, agility, flexibility, coordination skills, endurance, resistance to hypoxia, synchronized swimming, special physical training, exercise complexes, methodology, pedagogical experiment, competitive results*

For citation: Beloglazova Yu. V. Improving special physical training of synchronized swimmers at the stage of elite sports mastery. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):481—488. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1717.

Введение

Актуальность. Синхронное плавание является активно развивающимся видом спорта. Конкуренция на Чемпионатах Мира и Олимпийских играх возрастает с каждым годом. В стремлении к спортивному совершенствованию большинство тренеров уделяют больше внимания повышению технического мастерства, как непосредственному фактору достижения высокого соревновательного результата, забывая о значимости специальной физической подготовки. Между тем недостаточный уровень развития любого из важных для синхронного плавания физических качеств выступает на практике существенным фактором, влияющим на быстроту и успешность овладения техническими элементами. Данные анкетного опроса тренеров, выполненного Р. В. Кууз, В. Д. Важинской [1] говорят о том, что плавательной подготовке синхронисток высокой квалификации уделяется незначительное количество времени.

Изученность проблемы. А. Е. Мальцев [2] обращает внимание на то, что в содержании соревновательных программ появляются новые элементы, соединения, фигуры, создаются оригинальные композиции с акцентированием внимания на скорости передвижения по бассейну при их исполнении. В. И. Березовская и Е. В. Сафонов [3] подчеркивают, что значительно возросла сложность соревновательных программ, которые включают большое количество динамических сложных связей, передвижений и перестроений, акробатических элементов, которые выполняются в скоростно-силовом режиме в условиях гипоксии. А. Е. Мальцев [4] и В. Л. Ростовцев [5] подчеркивают, что тенденции развития современного синхронного плавания предъявляют высокие требования к функциональным возможностям организма спортсменок и к уровню развития специальных физических качеств.

Физические качества, по мнению Е. А. Мальцева [4], А. В. Нужненко, А. И. Левандовской [6], А. С. Голубевой и Е. В. Ивченко [7] и других ученых и специалистов выступают одним из особо значимых факторов достижения высоких соревновательных результатов в синхронном плавании.

В исследованиях по теории и методике синхронного плавания преимущественно рассматриваются вопросы физической подготовки спортсменов на начальном и учебно-тренировочном этапах. Наряду с этим недостаточно исследованными остаются вопросы содержания и организации учебно-тренировочного процесса высококвалифицированных синхронисток, направленного на совершенствование специальной физической подготовки. Следует отметить, исследователи, как правило, акцентировали свое внимание на изучении отдельных аспектов этой проблемы.

В частности, в работе Н. В. и А. А. Шулевых [8] осуществлен содержательный анализ современных педагогических технологий специальной физической подготовки синхронисток, применяемых на этапе высшего спортивного мастерства.

А. В. Нужненко и А. И. Левандовской [6] раскрываются специфические особенности задач, средств и методов развития специальных физических качеств на этапе высшего спортивного мастерства. А. Е. Мальцевым [4] исследованы взаимосвязи спортивных результатов синхронисток со специальной плавательной подготовленностью. Р. В. Кууз и В. Д. Важинской [1] приводятся результаты исследования плавательной подготовленности синхронисток высокой квалификации, которые также свидетельствуют о существенной роли плавательной подготовки в достижении высоких соревновательных результатов. Е. В. Ивченко, А. С. Голубева, И. В. Белоусова [9] предлагают для развития специальной выносливости у высококвалифицированных синхронисток моделировать в тренировочном процессе паузы с задержкой дыхания с учетом временной структуры произвольной соревновательной программы. В. И. Березовской и Е. В. Сафонов [3] осуществлен обзор научных исследований в области развития устойчивости к гипоксии в синхронном плавании.

А. И. Погребной с соавторами [10] на основе анализа исследований в области зарубежного синхронного плавания отмечают, что с проблемой недостаточной научной разработанности проблемы совершенствования специальной физической подготовки сталкиваются и зарубежные специалисты и тренеры: Zhihao Cui и Zhiang Wang [11], G. V. Protzen с соавторами [12], G. Ravier с соавторами [13]. Сложившаяся ситуация создает для тренеров определенные трудности при программировании и организации тренировочного процесса на этапе высшего спортивного мастерства.

Целесообразность исследования проблемы. Ведущие исследователи в области теории и методики спорта высших достижений, В. Н. Платонов и Б. Н. Шустин в своих фундаментальных работах [14; 15] сформулировали ряд концептуальных положений, определяющих содержание и направляющих организацию специальной физической подготовки спортсменов высокой спортивной квалификации:

- оптимальность процессов концентрации и сочетания нагрузок тренировочных нагрузок различной направленности;
- возрастание соревновательной практики;
- широкое использование тех специальных средств и методов их применения, которые приводят к усилению адаптационных процессов;

- достижение максимальных показателей объема и интенсивности тренировочных нагрузок;
- рост количества занятий в недельных микроциклах;
- увеличение доли занятия с большими нагрузками;
- широкое использование интегрального, соревновательного и сопряженного методов спортивной подготовки.

В связи с этим существует целесообразность совершенствования методики специальной физической подготовки синхронисток на этапе высшего спортивного мастерства, учитывающей качественное своеобразие реализации этих концептуальных положений в синхронном плавании.

Цель исследования — разработать, теоретически обосновать и экспериментально апробировать методику совершенствования специальной физической подготовки в синхронном плавании на этапе высшего спортивного мастерства.

Задачи исследования:

1. Разработать методику развития специальных физических качеств у синхронисток высокой спортивной квалификации, учитывающую качественное своеобразие реализации концептуальных положений теории и методики спорта, определяющих содержание и организацию специальной физической подготовки на этапе высшего спортивного мастерства.
2. Апробировать эффективность применения этой методики в тренировочном процессе синхронисток на этапе высшего спортивного мастерства.

Научная новизна исследования состоит в создании эффективной научно обоснованной методики совершенствования специальной физической подготовки синхронисток высокой спортивной квалификации с учетом качественного своеобразия реализации концептуальных положений, определяющих содержание и направляющих организацию специальной физической подготовки спортсменов в спорте на этапе высшего спортивного мастерства.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении качественного своеобразия физиологических механизмов развития специальных физических качеств у синхронисток высокой спортивной квалификации при реализации в тренировочном процессе концептуальных положений к содержанию и организации специальной физической подготовки, на этапе высшего спортивного мастерства.

Практическая значимость исследования заключается в том, что применение в тренировочном процессе апробированных в педагогическом эксперименте средств, методов и методических приемов специальной физической подготовки, позволяет реализовать современные концептуальные положения к ее организации в спорте высших достижений. Это позволит существенно повысить эффективность развития специальных физических качеств и соревновательные результаты синхронисток высокой спортивной квалификации.

Основная часть

Материалы исследования: теоретические знания, представленные в научных публикациях в исследуемой предметной области и результаты педагогического эксперимента. **Методы исследования:** анализ и обобщение научно-методической литературы и программно-нормативных документов; анкетный опрос; педагогическое наблюдение; видеоанализ; педагогическое тестирование; экспертная оценка; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение. Целью разработанной методики является повышение уровня развития специальных физических качеств и соревновательных результатов у синхронисток высокой спортивной квалификации на этапе высшего спортивного мастерства.

Задачами специальной физической подготовки в синхронном плавании выступают: развитие специальной силы, выносливости, быстроты, гибкости, ловкости; избирательное развитие физических качеств и способностей; формирование специфической выносливости к длительной работе в условиях гипоксии.

В. Л. Ростовцев [5] подчеркивает, что специфика физической подготовленности в синхронном плавании характеризуется взаимодействием выносливости, гибкости, координации движений и скоростных качеств, проявляющихся на базе силовых качеств. С учетом концептуальных положений, определяющих содержание и направляющих организацию специальной физической подготовки спортсменов на этапе высшего спортивного мастерства нами разработаны семь комплексов тренировочных упражнений

• Комплекс 1:

- упражнения на отработку опорного гребка и вертикальных позиций;
- координационные упражнения на согласованность работы рук и ног;
- силовые упражнения на мышцы рук.

• Комплекс 2:

- упражнения, направленные на силовую выносливость;
- вращательные элементы с сохранением высоты.

• Комплекс 3:

- вращательные элементы с изменением высоты;
- координационные упражнения.

• Комплекс 4: упражнения на гибкость.

• Комплекс 5:

- скоростно-силовые упражнения;
- различные вариации выполнения элемента Траст, в т. ч. в усложненных условиях;
- упражнения на отработку толчкового гребка руками при выполнении элемента Траст.

• Комплекс 6:

- скоростно-силовые упражнения;
- упражнения на координацию;
- упражнения на отработку техники толчкового гребка ногами и эгбите.

• Комплекс 7:

- модификации спортивных способов плавания, направленных на развитие задержки дыхания;
- упражнения на выносливость.

Упражнения комплекса различаются по своей преимущественной направленности на развитие определенных специальных качеств:

• *специальной выносливости* — упражнения в совершенствовании основных позиций синхронного плавания с длительными проплывами и переходами из позиции в позицию при длительной задержке дыхания; дыхательные упражнения, основанные на выполнении физической нагрузки при произвольном снижении уровня рабочей вентиляции;

• *активной гибкости* — упражнения, моделирующие режим работы мышц, продолжительность, величину и локализацию мышечных усилий;

- *силовых качеств* — упражнения, учитывающие участие мышечных групп в том или ином соревновательном действии, уровень их силовой подготовленности;

- *скоростно-силовых качеств* — упражнения на воде (прыжки в воду, синхронные прыжки в воду — спад, соскоки); прыжки с полуоборотами, оборотами, винтами;

- *координационных способностей* — упражнения в выполнении следующих элементов техники синхронного плавания: многократные винты и вращения, повороты в разные стороны и в наклонных плоскостях, выталкивания из воды с последующей остановкой на «высоте», темповые дорожки ногами.

Эти упражнения преимущественно выполняются в рамках методов стандартно-повторного упражнения; вариативного упражнения; интервального упражнения; метода сопряженного воздействия, методов интегральной тренировки (игрового и соревновательного).

Реализация экспериментальной методики с использованием приведенных выше средств и методов специальной физической подготовки осуществляется в рамках трех основных вариантов организации спортивной тренировки, различающихся по направленности воздействия:

- комплексные тренировки по методу сопряженного воздействия, направленные на комплексное развитие физических качеств, устойчивости к гипоксии, а также совершенствованию технического мастерства;

- тренировки, направленные на развитие специальных силовых качеств синхронисток

- тренировки, направленные на устойчивость к гипоксии.

Экспериментальная методика применяется на этапе высшего спортивного мастерства в подготовительном и соревновательном периодах годичного цикла спортивной подготовки в объеме 30—40 минут в основной части тренировочного занятия.

Результаты педагогического эксперимента. Для апробации эффективности экспериментальной методики организован и проведен формирующий педагогический эксперимент с участием двух групп синхронисток высокой спортивной квалификации по 12 чел. в каждой: МАУ ДО «Спортивная школа олимпийского резерва «Дель-

фин»», г. Набережные Челны, Республика Татарстан (экспериментальная группа; далее — ЭГ), и ГБУ ДО «Спортивная школа олимпийского резерва водных и других видов спорта», г. Санкт-Петербург (контрольная группа; далее — КГ). Эксперимент включает в свое содержание подготовительный и соревновательный периоды годичного цикла спортивной тренировки (с 1 октября 2023 г. по 1 августа 2024 г.).

У спортсменок обеих групп до и после эксперимента измерялись и оценивались показатели специальной физической подготовленности, а также достигаемые спортсменками соревновательные результаты.

Измерение и оценивание показателей специальной физической подготовленности проводилось с применением методик педагогического тестирования, видеонализа и экспертного оценивания, содержание которых представлено во второй главе диссертации.

Достоверность различий между среднegrupповыми значениями показателей, оцениваемых в метрической системе измерений и отвечающих критерию нормальности распределения, определялась: с применением *t*-критерия Стьюдента; показателей, оцениваемых в порядковой шкале измерений (в баллах) — с применением критерия Манни—Уитни).

При оценке достоверности различий средние групповых значений в качестве основного был принят 5 % уровень значимости. Расчеты значений указанных показателей проводились с помощью табличного процессора *Microsoft Excel*.

Спортсменки КГ тренировались в рамках традиционных подходов к содержанию и организации специальной физической подготовки. В работе со спортсменками ЭГ реализована экспериментальная методика специальной физической подготовки. У спортсменок обеих групп до и после эксперимента измерялись и оценивались показатели специальной физической подготовленности, а также достигаемые спортсменками соревновательные результаты.

Силовые способности. Специальные силовые способности синхронисток оценивались по показателям пяти тестовых упражнений (табл. 1).

Таблица 1

Показатели развития специальных силовых способностей, $\bar{X} \pm \bar{\sigma}$

Тестовое упражнение	Период тестирования	КГ	ЭГ	<i>p</i>
Экбитэ руки вверх стрелочка (баллы)	до	7,23 ± 0,71	7,50 ± 0,49	> 0,05
	после	7,47 ± 0,73	8,13 ± 0,46	< 0,05
	<i>p</i>	> 0,05	< 0,01	—
Вертикаль (баллы)	до	8,18 ± 0,40	8,25 ± 0,45	> 0,05
	после	8,20 ± 0,34	8,85 ± 0,35	< 0,01
	<i>p</i>	> 0,05	< 0,01	—
Траст (баллы)	до	8,02 ± 0,43	7,97 ± 0,44	> 0,05
	после	8,27 ± 0,43	8,69 ± 0,40	< 0,01
	<i>p</i>	> 0,05	< 0,05	—
Быстрый азборн шпагат (баллы)	до	7,70 ± 0,43	7,79 ± 0,32	> 0,05
	после	7,95 ± 0,43	8,79 ± 0,32	< 0,01
	<i>p</i>	> 0,05	< 0,01	—
Угол в висте, с	до	25,25 ± 13,14	25,17 ± 11,85	> 0,05
	после	26,67 ± 13,13	29,58 ± 12,65	< 0,01
	<i>p</i>	> 0,05	< 0,01	—

Сравнительный анализ показал, что средние значения показателей силовых способностей синхронисток обеих групп до эксперимента отличаются незначительно, достоверные различия в среднегрупповых показателях синхронисток КГ и ЭГ не наблюдается ($p > 0,05$).

В ходе проведения педагогического эксперимента испытуемые обеих групп продемонстрировали определенный рост индивидуальных показателей во всех тестах. Однако прирост по средним показателям у синхронисток ЭГ оказался достоверным ($p < 0,05$), у синхронисток КГ он был незначительным ($p > 0,05$).

Различия между спортсменками КГ и ЭГ в показателях силовых способностей после эксперимента достоверны ($p < 0,05$).

Следовательно, мы можем заключить, что авторская методика специальной физической подготовки положительно влияет на развитие специальных силовых способностей синхронисток.

Специальная выносливость. Следующим критерием оценки специальной физической подготовленности синхронисток является специальная выносливость. Она оценивалась с помощью специальных проплывов на задержке дыхания (табл. 2). При проведении тестирования до эксперимента синхронистки обеих групп показали схожие результаты по средним значениям, достоверных различий между группами не выявлено ($p > 0,05$).

За время эксперимента показатели специальной выносливости у синхронисток ЭГ значительно улучшились во всех трех тестовых упражнениях ($p < 0,05$). Прирост этих показателей у синхронисток КГ был статистически незначимым ($p > 0,05$). Поэтому после эксперимента спортсменки ЭГ имели лучшие показатели во всех показателях специальной выносливости ($p < 0,05$).

Это свидетельствует о более эффективном воздействии экспериментальной методики на развитие специальной выносливости синхронисток.

Таблица 2

Показатели развития специальной выносливости, $X \pm \sigma$

Тестовое упражнение	Период тестирования	КГ	ЭГ	p
Проныр с задержкой дыхания 50 м, с	до	46,07 $\pm$ 2,63	46,0 $\pm$ 3,45	$> 0,05$
	после	45,69 $\pm$ 2,63	43,32 $\pm$ 2,72	$< 0,05$
	p	$> 0,05$	$< 0,05$	—
8 проныров по 25 м, режим 30 с	до	22,99 $\pm$ 1,67	23,09 $\pm$ 1,47	$> 0,05$
	после	22,58 $\pm$ 1,66	20,99 $\pm$ 1,12	$< 0,01$
	p	$> 0,05$	$< 0,01$	—
8 проныров по 25 м, режим 30 с, баллы	до	8,26 $\pm$ 0,47	8,29 $\pm$ 0,39	$> 0,05$
	после	8,47 $\pm$ 0,44	8,82 $\pm$ 0,31	$< 0,05$
	p	$> 0,05$	$< 0,01$	—

Специальные скоростные качества оценивались по результатам выполнения тестового упражнения «Смена движений за 20 с». Учитывалось количество движений, выполненных спортсменкой за 20 с (табл. 3). В начале эксперимента средние показатели спортсменок ЭГ и КГ в данном упражнении существенно не различались ($p > 0,05$).

Таблица 3

Показатель развития специальных скоростных качеств — смена движений за 20 с, кол-во движений, $X \pm \sigma$

Период тестирования	КГ	ЭГ	p
до	20,92 $\pm$ 0,79	21,17 $\pm$ 0,94	$> 0,05$
после	22,83 $\pm$ 0,72	24,00 $\pm$ 1,60	$< 0,05$
p	$< 0,01$	$< 0,01$	—

За время эксперимента эти показатели существенно повысились у синхронисток обеих групп ($p < 0,05$). При этом прирост показателей развития скоростных качеств у синхронисток ЭГ был более высоким. Поэтому после эксперимента они имели существенное преимущество в показателях развития скоростных качеств ($p < 0,05$). Эти данные свидетельствуют о позитивном воздействии экспериментальной методики на развитие специальных скоростных качеств синхронисток.

Специальная гибкость синхронисток оценивалась по показателям, измеряемым в 10 тестовых упражнениях (табл. 4). Сравнительный анализ всех измеряемых нами показателей развития специальной гибкости, наблюдаемых до эксперимента, не выявил существенных различий в данных, наблюдаемых у синхронисток КГ и ЭГ ($p > 0,05$).

Тренировочный процесс в ходе педагогического привел к повышению уровня развития специальной гибкости у синхронисток обеих групп. Однако, если у спортсменок КГ прирост показателей специальной гибкости не достигал значимых значений и наблюдался только на уровне статистически незначимой тенденции ($p > 0,05$), то у синхронисток ЭГ он был существенным ($p < 0,05$). Сравнительный анализ показателей специальной гибкости, выявленных испытуемых обеих групп после завершения эксперимента, говорит о существенном преимуществе синхронисток ЭГ в уровне развития специальной гибкости ($p < 0,05$).

Специальные координационные способности синхронисток оценивались по показателям в десяти тестовых упражнениях (табл. 5). В начале эксперимента показатели специальных координационных способностей, наблюдаемые у синхронисток обеих групп, были относительно равными ($p > 0,05$), за исключением показателей теста «Балетная нога».

Таблица 4

Показатели развития специальной гибкости, $X \pm \sigma$

Тестовое упражнение	Период тестирования	КГ	ЭГ	P
Гимнастический мост с опорой на левую ногу, правая вперед вверх, градусы	до	$10,42 \pm 5,82$	$10,08 \pm 4,60$	$> 0,05$
	после	$8,17 \pm 5,25$	$4,75 \pm 3,65$	$< 0,05$
	p	$> 0,05$	$< 0,01$	—
Гимнастический мост с опорой на правую ногу, левая вперед вверх, градусы	до	$14,83 \pm 4,63$	$14,58 \pm 6,20$	$> 0,05$
	после	$12,92 \pm 4,56$	$8,33 \pm 5,77$	$< 0,05$
	p	$> 0,05$	$< 0,05$	—
Гимнастический мост с опорой на правую ногу, левая вперед вверх, расстояние между опорной ногой и кистями рук, см	до	$18,75 \pm 4,27$	$19,00 \pm 8,20$	$> 0,05$
	после	$17,0 \pm 84,17$	$12,58 \pm 6,04$	$< 0,05$
	p	$> 0,05$	$< 0,05$	—
Гимнастический мост с опорой на левую ногу, правая вперед вверх, расстояние между опорной ногой и кистями рук, см	до	$16,50 \pm 4,91$	$16,67 \pm 7,01$	$> 0,05$
	после	$14,33 \pm 4,75$	$11,17 \pm 6,24$	$< 0,05$
	p	$> 0,05$	$< 0,05$	—
Вкручивание в плечах с гимнастической палкой, см	до	$28,25 \pm 7,11$	$28,33 \pm 8,84$	$> 0,05$
	после	$25,08 \pm 6,69$	$19,08 \pm 7,40$	$< 0,05$
	p	$> 0,05$	$< 0,01$	—
Витязь в воде, баллы	до	$7,96 \pm 0,44$	$7,92 \pm 0,64$	$> 0,05$
	после	$8,25 \pm 0,43$	$8,56 \pm 0,52$	$< 0,05$
	p	$> 0,05$	$< 0,01$	—
Стойка на голове (демонстрация правого, поперечного и левого шпагатов), баллы	до	$8,21 \pm 0,47$	$8,22 \pm 0,37$	$> 0,05$
	после	$8,43 \pm 0,46$	$8,85 \pm 0,31$	$< 0,01$
	p	$> 0,05$	$< 0,01$	—
Ариана на воде, правый шпагат, баллы	до	$8,26 \pm 0,47$	$8,24 \pm 0,31$	$> 0,05$
	после	$8,42 \pm 0,43$	$8,83 \pm 0,34$	$< 0,05$
	p	$> 0,05$	$< 0,01$	—
Ариана на воде, поперечный шпагат, баллы	до	$8,10 \pm 0,45$	$8,06 \pm 0,48$	$> 0,05$
	после	$8,37 \pm 0,42$	$8,73 \pm 0,30$	$< 0,05$
	p	$> 0,05$	$< 0,01$	—
Ариана на воде, левый шпагат, баллы	до	$8,26 \pm 0,47$	$8,22 \pm 0,35$	$> 0,05$
	после	$8,44 \pm 0,44$	$8,82 \pm 0,29$	$< 0,05$
	p	$> 0,05$	$< 0,01$	—

Таблица 5

Показатели развития специальных координационных способностей, $X \pm \sigma$

Тестовое упражнение	Период тестирования	КГ	ЭГ	P
Реверс комбайн спин, баллы	до	$7,83 \pm 0,45$	$7,64 \pm 0,56$	$> 0,05$
	после	$8,03 \pm 0,39$	$8,37 \pm 0,42$	$< 0,05$
	p	$< 0,05$	$< 0,01$	—
Воспроизведение ритма прыжков под метроном, баллы	до	$5,37 \pm 0,23$	$5,53 \pm 0,20$	$> 0,05$
	после	$5,58 \pm 0,20$	$7,39 \pm 0,24$	$< 0,01$
	p	$< 0,05$	$< 0,01$	—
Проба Ромберга, с	до	$20,92 \pm 2,97$	$21,00 \pm 2,37$	$> 0,05$
	после	$22,50 \pm 2,78$	$25,75 \pm 2,22$	$< 0,01$
	p	$> 0,05$	$< 0,01$	—
Комплекс на координацию, кол-во ошибок	до	$18,78 \pm 1,16$	$18,50 \pm 0,64$	$> 0,05$
	после	$17,78 \pm 0,92$	$13,25 \pm 1,14$	$< 0,01$
	p	$< 0,05$	$< 0,01$	—
Минимальное увеличение темпа движений в воде, кол-во ошибок	до	$8,36 \pm 0,74$	$8,22 \pm 0,61$	$> 0,05$
	после	$6,83 \pm 0,72$	$3,92 \pm 0,79$	$< 0,01$
	p	$< 0,01$	$< 0,01$	—
Специальный проплыв 100 м, с	до	195 ± 24	195 ± 21	$> 0,05$
	после	183 ± 19	167 ± 166	$< 0,01$
	p	$> 0,05$	$< 0,01$	—

Тестовое упражнение	Период тестирования	КГ	ЭГ	<i>P</i>
Двойная балетная нога, баллы	до	5,81 ± 0,68	6,20 ± 0,26	> 0,05
	после	6,05 ± 0,72	7,92 ± 0,37	< 0,01
	<i>p</i>	> 0,05	< 0,01	—
Поперечный шпагат, баллы	до	7,88 ± 0,58	7,98 ± 0,38	> 0,05
	после	8,13 ± 0,58	8,98 ± 0,38	< 0,01
	<i>p</i>	> 0,05	< 0,01	—
Экбите руки вверх, баллы	до	6,26 ± 0,21	6,40 ± 0,26	> 0,05
	после	6,51 ± 0,21	7,93 ± 0,33	< 0,01
	<i>p</i>	< 0,05	< 0,01	—
Балетная нога, баллы	до	5,25 ± 0,1	5,40 ± 0,15	< 0,05
	после	5,48 ± 0,15	7,39 ± 0,2	< 0,01
	<i>p</i>	< 0,01	< 0,01	—

Специальная физическая подготовка в подготовительном и соревновательном периоде годичного цикла тренировки привела среди испытуемых КГ к существенному показателю специальных координационных способностей в пяти тестовых упражнениях ($p < 0,05$). В остальных пяти упражнениях также наблюдалось улучшение показателей, но эта позитивная динамика проявлялась на уровне статистически незначимой тенденции ($p > 0,05$). Измерение показателей специальных координационных способностей в обеих группах после завершения эксперимента выявило существенное преимущество синхронисток ЭГ ($p < 0,05$).

Соревновательные результаты. До эксперимента спортсменки обеих групп приняли в ноябре 2023 г. участие в Кубке России по синхронному плаванию. Соревновательные результаты у синхронисток КГ составили 8,8 балла, у спортсменок ЭГ они были незначительно выше — 9,0 балла. После завершения педагогического эксперимента спортсменки обеих групп приняли участие в Первенстве России по синхронному плаванию. Спортсменки ЭГ набрали 8,48 балла, соревновательные результаты у спортсменок КГ были существенно ниже — 7,9 балла ($p < 0,05$).

Сравниваемые соревновательные результаты спортсменок обеих групп были взяты из официальных протоколов соревнований за исполнение. Снижение баллов после эксперимента, наблюдаемое у спортсменок обеих групп, связано с изменением правил соревнований синхронного плавания и системы подсчета.

Преимущество спортсменок ЭГ в соревновательных результатах после завершения педагогического эксперимента говорит о высокой педагогической эффективности экспериментальной методики специальной физической подготовки.

Заключение

Экспериментальная методика, включающая применение семи качественно различающихся по направленности комплексов физических упражнений в рамках методов стандартно-повторного, вариативного упражнения и интервального упражнения; метода сопряженного воздействия, методов интегральной тренировки (игрового и соревновательного) обеспечивает повышение эффективности развития специальных физических качеств и соревновательных синхронисток высокой спортивной квалификации на этапе высшего спортивного мастерства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Кууз Р. В., Важинская В. Д. Плавательная подготовка синхронисток высокой квалификации // Молодой ученый. 2023. № 18(465). С. 266—269.
- Мальцев А. Е., Мельникова Н. Ю. Эволюция программы Игр Олимпиад по синхронному плаванию // Олимпийский спорт и спорт для всех : материалы XXV Междунар. науч. конгр. : в 2 ч. Минск : БГУФК, 2020. Ч. 1. С. 135—143.
- Березовская В. И., Сафонов Е. В. Особенности развития устойчивости к гипоксии в синхронном плавании (обзор) // Дети. Спорт. Здоровье : межрегион. сб. науч. тр. по проблемам интегр. и спорт. антропологии, посвящ. памяти д-ра мед. наук, проф. Ратмира Николаевича Дорохова. Смоленск : Смол. гос. ун-т спорта, 2025. Вып. 21. С. 245—249.
- Мальцев А. Е., Попов О. И. Биоэнергетические особенности специальной выносливости в синхронном плавании // Культура физическая и здоровье. 2022. № 1. С. 239—244.
- Ростовцев В. Л., Кряжев В. Д. Маркеры специальной подготовленности высококвалифицированных спортсменок по показателям газоанализа // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2021. № 4(194). С. 40—51.
- Нужненко А. В., Левандовская А. И. Направленность и содержание специальной (общей) физической подготовки на этапе высшего спортивного мастерства // Физическое воспитание, спорт, физическая реабилитация и рекреация: проблемы и перспективы развития : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск : СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2025. С. 107—111.
- Голубева А. С., Ивченко Е. В. Совершенствование специальной выносливости у высококвалифицированных синхронисток // Совершенствование науки и техники: междисциплинарные исследования : сб. ст. XXIX всерос. науч. конф. М. : Ростполиграф, 2025. С. 25—28.
- Шкулева Н. В., Шкулева А. А. Использование современных технологий в подготовке спортсменок высокого класса в синхронном плавании // Физическая культура, спорт, туризм: достижения теории и практики на современном этапе : сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф. Минск : БГПУ, 2019. С. 228—229.

9. Ивченко Е. В., Голубева А. С., Белоусова И. В. Развитие специальной выносливости у синхронисток высокой квалификации // Состояние, проблемы и пути совершенствования спортивной и оздоровительной тренировки в водных видах спорта : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию образования гос. органа упр. в сфере физ. культуры и спорта. Казань : Поволж. ГУФКСИТ, 2023. С. 125—128.

10. Погребной А. И., Комлев И. О., Горбунов В. А. Новые исследования в зарубежном синхронном плавании // Актуальные вопросы физической культуры и спорта : тр. науч.-исслед. ин-та проблем физ. культуры и спорта. Краснодар : КГУФКСТ, 2018. Т. 20. С. 71—77.

11. Zhihao Cui, Zhiang Wang. Impacts of core training on physical training in synchronized swimming // *Revista Brasileira de Medicina do Esporte*. 2023. Vol. 29. Art. e2022_0284. DOI: 10.1590/1517-8692202329012022_0284.

12. Physiological aspects and energetic contribution in 20s:10s high-intensity interval exercise at different intensities / G. V. Protzen, C. Bartel, V. S. Coswig et al. // *PeerJ*. 2020. Vol. 8. Art. e9791. DOI: 10.7717/peerj.9791.

13. Ravier G., Dugué B., Grappe F., Rouillon J. D. Impressive anaerobic adaptations in elite karate athletes due to few intensive intermittent sessions added to regular karate training // *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*. 2009. Vol. 19. Iss. 5. Pp. 687—694. DOI: 10.1111/j.1600-0838.2008.00807.x.

14. Платонов В. Н. Двигательные качества и физическая подготовка спортсмена : моногр. М. : Спорт, 2022. 656 с.

15. Современная система спортивной подготовки : моногр. / под общ. ред. Б. Н. Шустина. 2-е изд. М. : Спорт, 2021. 440 с.

REFERENCES

1. Kuuz R. V., Vazhinskaya V. D. Swimming training of highly qualified synchronized swimmers. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;18(465):266—269. (In Russ.)

2. Maltsev A. E., Melnikova N. Yu. Evolution of the Olympics artistic swimming program. *Olimpiiskii sport i sport dlya vseh = Olympic Sports and Sports for All. Proceedings of the XXV International scientific congress*. Minsk, Belarusian State University of Physical Culture publ., 2020;1:135—140. (In Russ.)

3. Berezovskaya V. I., Safonenkova E. V. Features of developing resistance to hypoxia in synchronized swimming. *Deti. Sport. Zdorov'e = Children. Sports. Health. Interregional collection of scientific papers on the problems of integrative and sports anthropology, dedicated to the memory of Doct. of Medicine, Professor Ratmir Nikolaevich Dorokhov*. Smolensk, Smolensk State University publ., 2025;21:245—249. (In Russ.)

4. Maltsev A. E., Popov O. I. Bioenergetic features of special endurance in artistic swimming. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e = Physical culture and health*. 2022;1:239—244. (In Russ.)

5. Rostovtsev V. L., Kryazhev V. D. Markers of special physical fitness of highly qualified athletes in terms of gas analysis. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta = Scientific Notes of P. F. Lesgaft University*. 2021;4(194):40—51. (In Russ.)

6. Nuzhnenkova A. V., Levandovskaya A. I. The focus and content of special (general) physical training at the stage of elite sports mastery. *Fizicheskoe vospitanie, sport, fizicheskaya reabilitatsiya i rekreatsiya: problemy i perspektivy razvitiya = Physical education, sports, physical rehabilitation and recreation: problems and development prospects. Proceedings of the XV International scientific and practical conference*. Krasnoyarsk, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology publ., 2025:107—111. (In Russ.)

7. Golubeva A. S., Ivchenko E. V. Improvement of special endurance in highly qualified synchronized swimmers. *Sovershenstvovanie nauki i tekhniki: mezhdistitsiplinarnye issledovaniya = Improvement science and technology: Interdisciplinary research. Collection of articles XXIX All-Russian scientific conference*. Moscow, Rostpoligraf, 2025:25—28. (In Russ.)

8. Shkuleva N. V., Shkuleva A. A. The use of modern technologies in the training of high-class synchronized swimming athletes. *Fizicheskaya kul'tura, sport, turizm: dostizheniya teorii i praktiki na sovremennom etape = Physical culture, sports, tourism, achievements of theory and practice at the present stage. Collection of materials of the XI International scientific and practical conference*. Minsk, Belarusian State Pedagogical University publ., 2019:228—229. (In Russ.)

9. Ivchenko E. V., Golubeva A. S., Belousova I. V. Development of special endurance in synchronized diving athletes of high qualification. *Sostoyanie, problemy i puti sovershenstvovaniya sportivnoi i ozdorovitel'noi trenirovki v vodnykh vidakh sporta = State, problems and ways of improving sports and health training in water sports. Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of the formation of the State Administration in the Field of Physical Culture and Sports*. Kazan, Volga State University of Physical Culture, Sports and Tourism publ., 2023:125—128. (In Russ.)

10. Pogrebnoy A. I., Komlev I. O., Gorbunov V. A. New studies in foreign synchronized swimming. *Aktual'nye voprosy fizicheskoi kul'tury i sporta = Actual issues of physical culture and sports. Proceedings of the Research Institute of Problems of Physical Culture and Sports*. Krasnodar, Kuban State University of Education, Sport and Tourism publ., 2018;20:71—77. (In Russ.)

11. Zhihao Cui, Zhiang Wang. Impacts of core training on physical training in synchronized swimming. *Revista Brasileira de Medicina do Esporte*. 2023;29:2022_0284. DOI: 10.1590/1517-8692202329012022_0284.

12. Protzen G. V., Bartel C., Coswig V. S. et al. Physiological aspects and energetic contribution in 20s:10s high-intensity interval exercise at different intensities. *PeerJ*. 2020;8:e9791. DOI: 10.7717/peerj.9791.

13. Ravier G., Dugué B., Grappe F., Rouillon J. D. Impressive anaerobic adaptations in elite karate athletes due to few intensive intermittent sessions added to regular karate training. *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*. 2009;19(5):687—694. DOI: 10.1111/j.1600-0838.2008.00807.x.

14. Platonov V. N. Motor qualities and physical training of an athlete. Monograph. Moscow, Sport, 2022. 656 p. (In Russ.)

15. Modern system of sports training. Monograph. B. N. Shustin (ed.). 2nd ed. Moscow, Sport, 2021. 440 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.06.2026; одобрена после рецензирования 25.07.2026; принята к публикации 27.07.2026.
The article was submitted 30.06.2026; approved after reviewing 25.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

Научная статья
УДК 37.018.4
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1734

Ge Taizhan

Applicant of the Department of Theory and Methodology
of Vocational Education,
field of training
5.8.7 — Methodology and technology
of vocational education,
Herzen State Pedagogical University
of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
823390433@qq.com

Гэ Тайжань

соискатель кафедры теории и методики
профессионального образования,
направление подготовки
5.8.7 — Методология и технология
профессионального образования,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
823390433@qq.com

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ФОРМЫ КЛАССИЧЕСКОГО ТАНЦА КАК ПОЛУЧЕНИЕ ОСОБОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЭФФЕКТА ОТ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГОВ БАЛЕТА

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье раскрывается видение различных российскими и китайскими авторами понятия «общедоступные формы классического танца» как противопоставления спортивному бальному танцу, как танцы для удовольствия и общения — это танцы, которые можно исполнять без особой предварительной подготовки партнерам, только что вставшим в пару, когда важен сам процесс, невербальное общение и эстетическое наслаждение. Этот подход подчеркивает социальную и досуговую функцию танца, делая его «общедоступным» в прямом смысле слова, т. е. доступным широкой публике. Обще-доступная форма рассматривается не как «упрощенная версия», а как специфическая педагогическая среда, где эстетика и психофизика существуют в неразрывной связи.

В статье раскрываются общедоступные формы классического танца, необходимые в профессиональной подготовке педагога балета для получения эмоционального эффекта в обучении классической хореографии, раскрыты характеристики общедоступных форм классического танца для популяризации занятий по хореографии. Особый эмоциональный эффект процесса обучения посредством общедоступных форм классического танца — это «мышечная радость», которая возникает на стыке усталости и удовлетворения. Значение применения общедоступных форм классического танца выхо-

дит далеко за рамки простого обучения движением. Танец рассматривается как мощный инструмент для решения целого ряда социальных, педагогических и личностных задач, который делает высокое искусство достоянием широкой публики. Обще-доступные формы сохраняют оздоровительный потенциал классического танца, делая его безопасным и полезным для людей разного возраста и подготовки.

Автором представлены результаты внедрения в образовательный процесс педагогов балета программы «Здоровый балет», предназначенная для обучения непрофессионалов балета, которая может служить неотъемлемым помощником в тренировках для непрофессиональных танцоров, помогая им реализовать их потенциал и достичь наилучших результатов, и способствует развитию пластических качеств движений и повышению телесной осознанности, улучшая способность чувствовать собственное тело и более выразительно передавать эмоциональные состояния через движение.

Ключевые слова: классический танец, общедоступные формы, социальная функция танца, досуговая функция танца, эмоциональный эффект, развитие художественного вкуса, развитие творческого мышления, навыки танцевального взаимодействия, оздоровительный потенциал, процесс обучения движению, профессиональная подготовка, педагог балета

Для цитирования: Гэ Тайжань. Общедоступные формы классического танца как получение особого эмоционального эффекта от процесса обучения в профессиональной подготовке педагогов балета // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 489—494. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1734.

Original article

ACCESSIBLE FORMS OF CLASSICAL DANCE AS A MEANS OF ACHIEVING A SPECIAL EMOTIONAL EFFECT IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF BALLET TEACHERS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. This article explores the perspectives of various Russian and Chinese authors on the concept of “accessible forms of classical dance” as opposed to competitive ballroom

dancing. These are dances for pleasure and communication, dances that partners can do with little to no preparation after just pairing up, focusing on the process itself, nonverbal

communication, and aesthetic enjoyment. This approach emphasizes the social and leisure functions of dance, making it “accessible” in the truest sense of the word, i.e., accessible to the general public. Accessible forms are viewed not as a “simplified version,” but as a specific pedagogical environment where aesthetics and psychophysics exist inextricably linked.

The article explores accessible forms of classical dance, essential in the professional training of ballet teachers to achieve an emotional effect in the teaching of classical choreography, and describes the characteristics of accessible forms of classical dance for the popularization of choreography classes. A unique emotional effect of learning through accessible forms of classical dance is “muscular joy”, which arises at the intersection of fatigue and satisfaction. The importance of using accessible forms of classical dance extends far beyond simply learning movement. Dance is viewed as a powerful tool for addressing a range of social, pedagogical, and personal

challenges, making high art accessible to a wider audience. Accessible forms preserve the healing potential of classical dance, making it safe and beneficial for people of all ages and levels. The author presents the results of implementing the “Healthy Ballet” program into the educational process for ballet teachers. It is designed for training non-professional ballet dancers. It can serve as an essential training aid for non-professional dancers, helping them realize their potential and achieve their best results. It also promotes the development of plastic movement and increased body awareness, improving the ability to sense one’s own body and more expressively convey emotional states through movement.

Keywords: *classical dance, accessible forms, social functions of dance, leisure functions of dance, emotional impact, development of artistic taste, development of creative thinking, dance interaction skills, health potential, movement learning process, professional training, ballet teacher*

For citation: Ge Taizhan. Accessible forms of classical dance as a means of achieving a special emotional effect in the professional training of ballet teachers. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):489—494. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1734.

Введение

Актуальность. Обучение классическому танцу в последнее время получило широкое распространение как у детей, так и у взрослых, хотя многие из обучающихся, не имея необходимых данных для обучения классическому танцу, просто хотят получить особый эмоциональный эффект и эстетическое удовлетворение от занятий классической хореографией. Профессиональная подготовка педагогов балета в педагогическом вузе ставит своей задачей ставить задачей не только выпустить высокого класса педагогов классического танца, а также подготовить педагогов дополнительного образования для ведения танцевальных студий, хореографических кружков и секций. Однако в большинстве случаев занятия по классическому танцу ведут преподаватели, владеющие высоко профессиональными методиками обучения, и привыкли готовить исполнителей классического балета. Возникает методическая проблема обучения будущих педагогов балета общедоступным формам классического танца.

Изученность проблемы. Термин «общедоступные формы классического танца» не является устоявшимся академическим понятием с единой трактовкой, в проанализированных источниках он рассматривается скорее как противопоставление строгой академической (профессиональной) модели. Нами изучены труды российских исследователей, занимающихся вопросами преподавания классической хореографии, таких как А. М. Айламазьян [1] (изучала методологию анализа танцевальных и музыкально-двигательных практик), С. Г. Добротворская [2] (анализировала формирование педагогической компетентности хореографов), Л. А. Касиманова [3] (исследовала современные тенденции хореографического образования: от традиционных практик к инновационным методикам), С. Н. Хребтова [4] (изучала формирование навыков танцевального взаимодействия как педагогическую проблему). Вопросами теории и истории становления классического танца занимались Ю. А. Бахрушин [5], С. И. Дубкова [6], В. Красовская [7] и мн. др.

Как отмечает Н. О. Буколова [8], российские специалисты популяризовали методики обучения, включая учебные планы, и помогли подготовить первое поколение дипломированных хореографов европейского образца в Китае.

Но, с другой стороны, не нужно забывать, что Китай имеет собственную богатую традицию танцевальной культуры. Среди китайских авторов имеется значительное количество исследований и методических материалов, непосредственно связанных с заявленной темой, авторы рассматривают вопросы эстетического воспитания, развития музыкальности и творческого мышления в контексте изучения танцевального искусства. Приведем конкретных авторов:

– Ли Цянь [9] изучает влияние танцев на развитие эстетического воспитания, его влияние на формирование личности и эстетическое восприятие детей;

– В. Т. Фан, Ю. Дж. Гао, П. Х. Лин, Р. Т. Лин [10] освещают эстетический опыт в китайском классическом танце на примере художественного творчества в спектакле «Во славу золотого века»;

– Фэн Юйди [11] предлагает программу «Музыка для нас» в формировании музыкальности китайских детей в танцевальной школе Ван Хань;

– Чэнь Цзин [12] исследовала становление художественно педагогической традиции китайского классического танца;

– Юй Цяньлуи [13] изучала традиционные и интернациональные аспекты танцевального образования Китая;

– Ю. Ян [14] разработал учение философии эстетического воспитания Лао-цзы в контексте самообразования и другие авторы.

По результатам теоретического анализа трудов российских и китайских исследователей мы выделяем несколько основных подходов к пониманию термина «общедоступные формы классического танца» в профессиональной подготовке педагогов балета. Чаще всего он рассматривается как противопоставление спортивному бальному танцу, если эти танцы (европейская и латиноамериканская программы) требуют высокой физической подготовки, «изнуряющих тренировок» и нацелены на соревновательный результат, то классические танцы описываются как танцы для удовольствия и общения, это танцы, которые можно исполнять без особой предварительной подготовки партнерам, только что вставшим в пару, с целью не получения «заветных баллов» на соревнованиях, важен сам процесс, невербальное общение и эстетическое наслаждение. Этот подход

подчеркивает социальную и досуговую функцию танца, делая его «общедоступным» в прямом смысле слова, т. е. доступным широкой публике.

С другой стороны, общедоступные формы классического танца рассматриваются как методический подход в танцевальном образовании. В контексте преподавания хореографии в школах искусств, «общедоступность» часто связывают с адаптацией академической методики к преподаванию в дополнительном образовании (социальная адаптация обучающихся, приобщение к танцевальной культуре, дозирование физической нагрузки и т. д.). Считается, что это способствует развитию креативности и индивидуальности, что делает занятие более доступным для личностного самовыражения.

Целесообразность разработки темы. Общедоступные формы можно рассматривать как широкий спектр практик: от социальных танцев для досуга до адаптированных педагогических методик в детских танцевальных коллективах. Как было указано нами в одной из предыдущих публикаций, «в контексте общедоступного классического танца это означает работу с индивидуальными образовательными целями: для одних приоритетом становится улучшение осанки и пластики, для других — развитие музыкальности и памяти, для третьих — преодоление телесной и эмоциональной зажатости. <...> В сфере телесности ведущим результатом становится умение управлять собственным телом, сохранять осанку и координацию в повседневных ситуациях. В эстетическом плане формируется способность воспринимать и оценивать красоту классического искусства, понимать логику движения и музыкально-пластической формы» [15, с. 55].

Целью предпринятого исследования явилось раскрытие понятия «общедоступные формы классического танца», их характеристика и назначение с точки зрения различных российских и китайских авторов и реализация в профессиональной подготовке педагогов балета.

Для достижения поставленной цели предлагается решить следующие **задачи**:

- провести историко-теоретический анализ понятия «общедоступные формы классического танца» и определить их функции;
- раскрыть характеристики общедоступных форм классического танца в профессиональной подготовке педагогов балета;
- на их основе исследовать результативность разработанной программы «Здоровый балет» в образовательном процессе педагогов балета.

Научная новизна исследования заключается в выявлении основных характеристик общедоступных форм классического танца и их функций в популяризации хореографии: сохранение не только всех воспитательных функций, но и адаптация их для непрофессионалов (развитие художественного вкуса и творческого мышления, формирование личностных качеств обучающихся).

Теоретическая значимость результатов исследования видится в обосновании и раскрытии общедоступных форм классического танца в профессиональной подготовке педагогов балета, в определении интегрального эффекта общедоступных форм классического танца — формирование «безопасной эстетической среды». Танец не только делает высокое искусство достоянием широкой публики, но и решает целый ряд социальных, педагогических и личностных задач.

Практическая значимость исследования для профессиональной подготовки педагогов балета находит отражение в разработанной автором программе «Здоровый балет».

Основная часть

Методология исследования. Методом представленного исследования является теоретический анализ трудов русских и китайских исследователей, которые заложили основу подготовку будущих педагогов балета общедоступным формам классического танца.

Результаты исследования и их обсуждение. Для раскрытия характеристик общедоступных (открытых) форм классического танца в профессиональной подготовке педагогов балета необходимо выйти за рамки простого перечисления упражнений у станка. Общедоступная форма рассматривается не как «упрощенная версия», а как специфическая педагогическая среда, где эстетика и психофизика существуют в неразрывной связи, рассмотрим, как именно эти формы обеспечивают заявленные результаты, с акцентом на эмоциональный эффект и комфортные условия.

Развитие художественно-творческого мышления и эстетического восприятия. В общедоступных формах снимается барьер «высокого искусства недостижимого», эстетическое восприятие развивается не через заучивание академических канонов, а через телесное ощущение красоты. Преподаватель использует принцип «анalogии» (например, «рука плывет по воде», «спина вдыхает свет»), что переводит абстрактные законы выворотности и натянутости в область образного мышления. Обучающийся начинает видеть красоту не в идеальном зеркальном отражении, а в процессе преодоления собственной инерции. Это рождает «эффект архитектора»: обучающийся творит свое тело заново, что дает мощный эстетический восторг от каждого найденного верного положения.

Освоение базовой терминологии и основ (через «телесный словарь»), в данном случае общедоступность подразумевает не механическое заучивание французских терминов (таких как «плие», «батман» и др.), а их сенсорное присвоение. Терминология подается дозировано, как «ключи» к управлению телом. Создается «ситуация успеха»: ученик запоминает 3—4 термина за урок и может применить их на практике, что снимает страх «не знать», превращая занятия в игру интеллекта и тела, где французские слова становятся инструментами, а не преградами.

Расширение двигательных возможностей и свободы самовыражения через «осознанный контроль», в данном случае жесткие академические рамки (позиции рук, ног) в общедоступной форме дают максимальную внутреннюю свободу, расширение амплитуды происходит не за счет насильственной растяжки, а за счет правильного распределения веса и работы глубоких мышц-стабилизаторов. Эмоциональный эффект в том, что ученик понимает, что может удержать равновесие на подъеме без поддержки станка, возникает чувство эмоционального подъема. Свобода самовыражения здесь проявляется в вариативности исполнения одного и того же движения под разную музыку (например, резко или плавно), что позволяет личности «прозвучать» внутри строгой формы.

Формирование навыков выразительного исполнения (через «эмоциональную координацию»), когда выразительность в общедоступной форме строится не на театральном наигрыше, а на кинетической мелодии — плавном переходе усилия в расслабление, когда акцент делается на работу

стопы и кистей рук, т. к. именно эти периферийные точки делают исполнение «говорящим». Формируется навык «считывания» настроения через позу, когда ученик учится выражать печаль, радость или удивление через положение головы и плеч, и это делает исполнение осмысленным, а не механическим, даря радость от того, что тело становится понятным языком для выражения внутреннего состояния.

Интегральный эффект общедоступных форм классического танца мы видим в формировании «безопасной эстетической среды», когда главная их характеристика, объединяющая все пункты, рассматривается как отсутствие соревновательности с другими и наличие соревнования с самим собой. Комфортные условия обеспечиваются дозированием нагрузки (чередование «интенсивного аллегро» и спокойных упражнений на растяжку) и правом ученика на ошибку. Ошибка, в данном случае, рассматривается не как провал, а как «информация к размышлению» для мозга. Особый эмоциональный эффект процесса обучения посредством общедоступных форм классического танца — это «мышечная радость», которая возникает на стыке усталости и удовлетворения. В конце урока, несмотря на физическое напряжение, ученик чувствует прилив сил из-за выработки эндорфинов, при этом его осанка выпрямляется, а взгляд становится увереннее.

Значение применения общедоступных форм классического танца выходит далеко за рамки простого обучения движениям. Танец рассматривается как мощный инструмент для решения целого ряда социальных, педагогических и личностных задач, который делает высокое искусство достоянием широкой публики. Гуманистические педагогические подходы задают методологическую основу адаптации классического танца к условиям общедоступного обучения: они определяют, каким образом следует конструировать цели, содержание, методы и формы занятий, чтобы сохранилось художественное ядро классики и при этом были учтены индивидуальные особенности, образовательные потребности и пределы психофизических возможностей обучающихся.

Как отмечает С. Н. Хребтова, «одним из решающих моментов, определяющих не только результат первого года работы, но и успешность всего дальнейшего обучения, является формирование навыков танцевального взаимодействия, умений воспринимать задания и замечания педагога, контролировать собственное исполнение, согласовывать свои усилия с коллективными, ощущая общий темпо-ритм урока» [4, с. 144]. Танцевальным взаимодействием многие авторы понимают систему отношений личности как стимулирование «активности и инициативы в установлении и поддержании отношений», как возникновение «общих позитивных чувств» между участниками группы.

Главная ценность общедоступных форм — в их демократичности, они разрушают стереотип о классическом танце как о закрытом, элитарном искусстве, требующем многолетней подготовки и уникальных физических данных. В отличие, например, от спортивных балетных танцев, которые требуют изнуряющих тренировок, отличной физической формы и значительных финансовых вложений. Как мы отметили в более ранней нашей статье, современное образование и культура испытывают потребность в массовом эстетическом и физическом развитии. Общедоступные формы классического танца призваны удовлетворить этот запрос, становясь мостом между академической школой

«совершенства» и широкой аудиторией, включая системы дополнительного и даже инклюзивного образования. «Реализация этих принципов в программах дополнительного и общего образования, в любительских и инклюзивных студиях, а также в системе подготовки педагогов-хореографов позволяет сохранить классический танец как культурную ценность и одновременно сделать его действенным инструментом гармоничного развития для широкого круга людей. Тем самым преодолевается разрыв между элитарной традицией “школы совершенства” и массовым запросом на доступное хореографическое образование» [15, с. 63].

Занятия классической хореографией в доступной форме сохраняют не только все воспитательные функции, но и адаптируют их для непрофессионалов, что позволяет: развивать художественный вкус и творческое мышление (классический танец учит видеть и ценить красоту линий, гармонию движений и музыки, формирует общую культуру художественно-эстетического вкуса, творческого мышления); формировать личностные качества, т. к. занятия приучают к дисциплине, ответственности, целеустремленности и трудолюбию, они учат работать в команде, чувству товарищества и уважению к искусству. Систематические занятия хореографией с помощью общедоступных форм классического танца облагораживают душу и развивают благородство в манерах и поведении.

Общедоступные формы сохраняют оздоровительный потенциал классического танца, делая его безопасным и полезным для людей разного возраста и подготовки. Как и академический танец, адаптированные занятия способствуют формированию правильной осанки, исправлению искривлений позвоночника, развитию гибкости, координации и мышечного корсета. В основе танца лежит экспрессивная и рекреационная функция, это способ снятия эмоционального и физического напряжения, получения радости от движения и самовыражения, что позволяет человеку выразить себя, раскрыть свою индивидуальность, передать чувства.

В ходе экспериментального исследования автором разработана и внедрена в образовательный процесс педагогов балета программа «Здоровый балет», предназначенная для обучения непрофессионалов балета, которая может служить неотъемлемым помощником в тренировках для непрофессиональных танцоров, помогая им реализовать их потенциал и достичь наилучших результатов, и способствует развитию пластических качеств движений и повышению телесной осознанности, улучшая способность чувствовать собственное тело и более выразительно передавать эмоциональные состояния через движение. Уровни владения практическими навыками танцевальной подготовки (базовые балетные движения, стойки и позиции, элементы постановки и другое) обучающихся до и после внедрения разработанной программы показаны в таблице.

Уровни владения практическими навыками танцевальной подготовки обучающихся до и после внедрения разработанной программы, %

Уровень	До внедрения программы	После внедрения программ
Высокий	37	64
Средний	38	29
Низкий	25	7

Заключение

Таким образом, значение общедоступных форм классического танца в профессиональной подготовке педагогов балета заключается в их уникальной способности синтезировать пользу для физического, психического, эстетического и социального развития человека. Они не готовят профессиональных артистов балета, а формируют гармоничную личность, приобщенную к высокой культуре, и создают условия для здорового и осмысленного досуга,

причем не только самих педагогов, но и их учеников. Такая система может быть построена на синтезе инвариантных законов классического танца и современных гуманистических подходов в образовании. Инварианты отвечают за необходимость сохранить в содержании обучения классике, чтобы оно оставалось верным классической традиции, а гуманистические подходы — на вопрос о том, как строить сам процесс обучения, чтобы он был доступным, безопасным и развивающим.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айламазян А. М. «Конкретная психология человека» Л. С. Выготского как методология анализа танцевальных и музыкально-двигательных практик // Образовательная политика. 2024. № 2(98). С. 40—52. DOI: 10.22394/2078-838X-2024-2-40-52.
2. Добротворская С. Г., Хуан Чэньчэнь. Формирование педагогической компетентности у хореографов России и Китая // Мир науки и мысли. 2023. № 4. С. 69—73. DOI: 10.24412/2949-1509-2023-4-69-73.
3. Касиманова Л. А. История и современные тенденции хореографического образования в Китае: от традиционных практик к инновационным методикам // Современные проблемы науки и образования. 2025. № 4. Ст. 94. DOI: 10.17513/spno.34169.
4. Хребтова С. Н. Формирование навыков танцевального взаимодействия как педагогическая проблема // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2017. № 3. С. 140—146.
5. Бахрушин Ю. А. История русского балета. М.: Советская Россия, 2014. 296 с.
6. Дубкова С. И. Блистательный мир балета. М.: Мир, 2017. 480 с.
7. Красовская В. История русского балета. М.: Высшая школа, 2014. 232 с.
8. Буколова Н. О. Исторические аспекты развития танцевального искусства в КНР: от истоков к современности // Культура: теория и практика. 2015. № 5(8). Ст. 7.
9. Ли Цянь. Оценка влияния спортивных танцев на развитие эстетического воспитания детей в Китае // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2024. № 3. С. 64.
10. Wen-Ting Fang, Ya-Juan Gao, Po-Hsien Lin, Rungtai Lin. An Exploration of Aesthetic Experience in Chinese Classical Dance — A Case Study of the Artistic Creation of “In Praise of Golden Age” // Journal of Arts & Humanities. 2018. Vol. 7. No. 4. Pp. 1—10.
11. Фэн Юйди. Программа «Музыка для нас» в обучении музыкальности китайских детей в танцевальной школе Ван Хань (КНР) // Педагогическое образование. 2023. Т. 4. № 1. С. 120—123.
12. Чэнь Цзин. Становление художественно педагогической традиции китайского классического танца // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2(46). С. 112—116.
13. Юй Цяньли. Танцевальное образование Китая (между традиционными и интернациональными аспектами развития) // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2023. № 3. С. 100—106. DOI: 10.12737/2306-1731-2023-12-3-100-106.
14. Yang Yan. Laozi's Aesthetic Education Philosophy on Self-Education // Journal of Contemporary Educational Research. 2021. Vol. 5. No. 8. Pp. 225—228. DOI: 10.26689/jcer.v5i8.2484.
15. Гэ Тайжань, Касиманова Л. А. Формирование педагогических принципов реализации программы обучения общедоступным формам классического танца // Человеческий капитал. 2026. № 1(205). С. 51—64. DOI: 10.25629/HC.2026.01.05.

REFERENCES

1. Ailamazyan A. M. Concrete Human Psychology by L. S. Vygotsky as a Methodology for Analyzing Dance and Music-Motor Practices. *Obrazovatel'naya politika = The Educational Policy*. 2024;2(98):40—52. (In Russ.) DOI: 10.22394/2078-838X-2024-2-40-52.
2. Dobrotvorskaya S. G., Huang Chenchen. Formation of pedagogical competence among choreographers in Russia and China. *Mir nauki i mysli = The World of Science and Ideas*. 2023;4:69—73. (In Russ.) DOI: 10.24412/2949-1509-2023-4-69-73.
3. Kasimanova L. A. History and current trends in choreographic education in China: from traditional practices to innovative methods. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2025;4:94. (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.34169.
4. Khrebtova S. N. Dance interaction as a pedagogical problem. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoi = Bulletin of Vaganova Ballet Academy*. 2017;3:140—146. (In Russ.)
5. Bakhruшин Yu. A. The History of Russian Ballet. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 2014. 296 p. (In Russ.)
6. Dubkova S. I. The brilliant world of ballet. Moscow, Mir, 2017. 480 p. (In Russ.)
7. Krasovskaya V. The History of Russian Ballet. Moscow, Vysshaya shkola, 2014. 232 p. (In Russ.)
8. Bukolova N. O. Historical aspects of the development of dance art in the PRC: from origins to the present day. *Kul'tura: teoriya i praktika*. 2015;5(8):7. (In Russ.)
9. Li Ts. Evaluation of the influence of sports dances on the development of aesthetic education of children in China. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 2024;3:64. (In Russ.)
10. Wen-Ting Fang, Ya-Juan Gao, Po-Hsien Lin, Rungtai Lin. An Exploration of Aesthetic Experience in Chinese Classical Dance — A Case Study of the Artistic Creation of “In Praise of Golden Age”. *Journal of Arts & Humanities*. 2018;7(4):1—10.

11. Feng Yuidi The program “Music for Us” in teaching musicality to Chinese children at the Wang Han Dance School (China). *Pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogical Education*. 2023;4(1):120—123. (In Russ.)
12. Chen Ts. The development of the artistic and pedagogical tradition of Chinese classical dance. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2012;2(46):112—116. (In Russ.)
13. Yu Qian Long. Dance Education in China (Between Traditional and International Aspects of Development). *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya i tekhnologii = Scientific Research and Development. Socio-Humanitarian Research and Technology*. 2023;3:100—106. (In Russ.) DOI: 10.12737/2306-1731-2023-12-3-100-106.
14. Yang Yan. Laozi's Aesthetic Education Philosophy on Self-Education. *Journal of Contemporary Educational Research*. 2021;5(8):225—228. DOI: 10.26689/jcer.v5i8.2484.
15. Ge Taizhan, Kasimanova L. A. Developing pedagogical principles for implementing a training program for accessible forms of classical dance. *Chelovecheskii kapital = Human capital*. 2026;1(205):51—64. (In Russ.) DOI: 10.25629/HC.2026.01.05.

Статья поступила в редакцию 21.07.2026; одобрена после рецензирования 15.08.2026; принята к публикации 17.08.2026.
The article was submitted 21.07.2026; approved after reviewing 15.08.2026; accepted for publication 17.08.2026.

Научная статья
УДК 373.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1736

Denis Andreevich Drandrov
Teacher of History and Social Studies,
Secondary School No. 31
Cheboksary, Russian Federation
drandrov2013@mail.ru

Денис Андреевич Драндров
учитель истории и обществознания,
Средняя общеобразовательная школа № 31
Чебоксары, Российская Федерация
yulia-sinchro1974@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНЫМ ПРЕДМЕТАМ ОБУЧАЮЩИХСЯ 6 КЛАССОВ С УЧЕТОМ ИХ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ И УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Цель представленного в статье исследования — разработать и экспериментально апробировать методику организации смешанного обучения общественно-научным предметам обучающихся 6 классов с учетом его направленности на формирование личности и учебной деятельности. Решаются задачи: разработать методику организации смешанного обучения общественно-научным предметам обучающихся 6 классов с учетом его направленности на формирование личности и учебной деятельности; экспериментально обосновать педагогическую эффективность реализации этой методики в повышении образовательных результатов обучающихся.

Материалами исследования выступили теоретические знания, представленные в научных публикациях в исследуемой предметной области, и результаты формирующего педагогического эксперимента с участием двух групп обучающихся 6 классов МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 31» г. Чебоксары Чувашской Республики — экспериментальной (27 чел.) и контрольной (22 чел.). Достижение цели исследования осуществляется с применением комплекса научных методов, включающего: анализ и обобщение научно-методической литературы и программно-нормативных документов;

анкетный опрос; педагогическое наблюдение; видеоанализ; педагогическое тестирование; экспертная оценка; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

В работе представлены средства, методы и формы организации смешанного обучения в основной общеобразовательной школе общественно-научным предметам: «История» и «Обществознанию», — которые наряду с усвоением содержания этих предметов обеспечивают формирование личности обучающихся и «умения учиться» в виде познавательных, регулятивных и коммуникативных универсальных учебных действий. Приведены результаты педагогического эксперимента, которые свидетельствуют, что применение экспериментальной методики организации смешанного обучения общественно-научным учебным предметам позволяет существенно повысить его личностные, метапредметные и предметные образовательные результаты.

Ключевые слова: методика, смешанное обучение, модель «ротация», «перевернутый класс», смена рабочих зон, предметные результаты, личностные результаты, метапредметные результаты, образовательные результаты, педагогический эксперимент, средняя школа

Для цитирования: Драндров Д. А. Организация смешанного обучения общественно-научным предметам обучающихся 6 классов с учетом их направленности на формирование личности и учебной деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 495—504. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1736.

Original article

ORGANIZING BLENDED LEARNING IN SOCIAL SCIENCES FOR 6th-GRADE STUDENTS WITH THE FOCUS ON PERSONALITY DEVELOPMENT AND LEARNING ACTIVITY

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The aim of the work is to develop and experimentally test a methodology for organizing blended learning in social science subjects for 6th-grade students with the focus on personality development and learning activities. Objectives of the work are: (1) to develop a methodology for organizing blended learning in social science subjects for 6th-grade students, with the focus on personality development and learning activities; (2) to experimentally substantiate the pedagogical effectiveness of implementing this methodology in improving students' educational outcomes.

The research materials consist of theoretical knowledge presented in scientific publications in the subject area, as well as the results of a formative pedagogical experiment involving two groups of 6th-grade students from Secondary General School No. 31, Cheboksary, the Chuvash Republic: an experimental group of 27 students and a control group of 22 students. The research goal is achieved through the use of a set of scientific methods, which include: analysis and generalization of scientific and methodological literature and program and regulatory documents; questionnaire surveys;

pedagogical observation; video analysis; pedagogical testing; expert assessment; pedagogical experimentation; and mathematical statistics methods.

This paper presents the tools, methods, and organizational forms of blended learning in secondary schools for social studies subjects, specifically “History” and “Social Studies.” These approaches ensure not only the mastery of subject content but also the development of students’ personalities and their “learning-to-learn” skills, manifested through cognitive, regulatory,

and communicative universal learning actions. The results of the pedagogical experiment indicate that the implementation of the experimental blended learning methodology for social studies significantly improves students’ personal, meta-subject, and subject-specific educational outcomes

Keywords: *methodology, blended learning, rotation model, flipped classroom, change of work zones, subject outcomes, personal outcomes, meta-subject outcomes, educational outcomes, pedagogical experiment, secondary school*

For citation: Drandrov D. A. Organizing blended learning in social sciences for 6th-grade students with the focus on personality development and learning activity. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):495—504. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1736.

Введение

Актуальность. Современное общество переживает информационную революцию, которая характеризуется проникновением цифровых технологий во все сферы его жизнедеятельности, включая систему образования.

В современной общеобразовательной школе начинают широко применяться элементы дистанционного обучения, расширяющие существенно расширяющие доступ обучающихся к цифровым образовательным ресурсам, представляемым в мультимедийном формате, создающие возможности создания и внедрения в образовательный процесс инновационных средств и методов организации учебно-познавательной деятельности. Разрабатываются и предлагаются различные варианты интеграции традиционного и дистанционного обучения — от предложений полного постепенного перевода образовательного процесса на формат онлайн-обучения до его ограниченного использования с сохранением доминирующей роли учителя. Отставание педагогической науки от запросов педагогической практики, обусловленное быстрым проникновением цифровых технологий в педагогическую практику отечественной школы, привело к тому, что проблема их интеграции с традиционным обучением в формате «лицом к лицу» решалась преимущественно усилиями творчески мыслящих и действующих учителей-новаторов. Приоритет в теоретическом обосновании решения этой проблемы принадлежит зарубежным исследователям.

Изученность проблемы. Одной из первых научных работ в этом направлении была опубликованная в 2011 г. статья Р. Андревс [1], в которой он высказал и обосновал мысль, что «электронное обучение требует новой теории обучения». Впоследствии К. М. Кристенсен, М. Б. Хорн, Х. Стакер [2] определили различные способы интеграции традиционного и дистанционного обучения как гибридное обучение и сформулировали сущностно-содержательную природу этого педагогического феномена. В отечественной педагогике гораздо чаще применяется понятие «смешанное обучение», которое, по сути, является синонимом термина «гибридное обучение». Развитие смешанного обучения в российской школе направляется и регулируется Центром смешанного обучения Московского городского педагогического университета, возглавляемым Н. В. Андреевой [3]. Т. И. Гумена [4] осуществила сущностно-содержательную характеристику смешанного обучения в общеобразовательной школе. Л. А. Бочарникова [5] охарактеризовала качественное своеобразие смешанного обучения и реальные практики его применения в основной общеобразовательной школе.

Е. Н. Попова [6] привела свое авторское понимание природы смешанного обучения и охарактеризовала изменения в содержании и методике организации учебного процесса, обусловленные его внедрением в общеобразовательную школу. Преимущества и недостатки «Ротации станции» как инновационной образовательной модели смешанного обучения рассмотрены в работе Ю. В. Шульгиной [7].

М. А. Давлатова [8] подчеркивает, что смешанное обучение является инновационной формой организации процесса обучения обучающихся и поэтому существенно изменяет деятельность учителя на всех стадиях проектирования урока и требования к его педагогической компетентности.

Н. А. Гончарова с соавторами [9] при исследовании феномена «смешанное обучение» выделили его преимущество перед традиционным обучением относительно содержания и организации учебного процесса и контроля его результатов. Автором выделены ограничения в практике его применения, сформулированы возможные опасения в отношении его негативных последствий.

В соответствии с системно-деятельностным подходом к организации образовательного процесса к общеобразовательной школе, который был сформулированным А. Г. Асмоловым [10] выделяются три группы образовательных результатов — личностные, метапредметные [регулятивные, познавательные и коммуникативные универсальные учебные действия (далее — УУД)] и предметные.

Целесообразность исследования проблемы. Осуществленный нами анализ научно-методической литературы показал, что исследования в области смешанного обучения преимущественно направлены на выявление педагогических условий его применения в решении задачи повышения предметных образовательных результатов. В частности, в исследовании М. В. Дербуш [11] раскрываются организационно-методические особенности применения смешанного обучения в обучении математике, Е. А. Лавшук [12] — иностранному языку, Л. А. Цветковой [13] — русскому языку. Менее исследована проблема применения смешанного обучения в повышении личностных и метапредметных образовательных результатов. В этом плане следует отметить работы Г. Н. Гиматдиновой, Л. А. Шкериной [14] и Т. П. Фисенко [15], раскрывающие дидактический потенциал смешанного обучения в формировании регулятивных УУД.

Цель исследования — разработать и экспериментально апробировать методику организации смешанного обучения общественно-научным предметам обучающихся 6 классов с учетом его направленности на формирование личности и учебной деятельности.

Задачи исследования:

1. Разработать методику организации смешанного обучения общественно-научным предметам обучающихся 6 классов с учетом его направленности на формирование личности и учебной деятельности.

2. Экспериментально обосновать педагогическую эффективность реализации этой методики в повышении образовательных результатов обучающихся.

Научная новизна результатов исследования заключается в создании в создании эффективной научно обоснованной методики организации смешанного обучения общественно-научным предметам обучающихся 6 классов с учетом его направленности на формирование личности и учебной деятельности.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в определении качественного своеобразия реализации системно-деятельностного подхода при организации смешанного обучения обучающихся 6 классов общественно-научным предметам на уровне средств и методов обучения, что наряду повышением предметных образовательных результатов обеспечивают формирование «умения учиться, адекватной самооценки, мотивов учебной деятельности, самопонимания и самоопределения.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что применение апробированных в педагогическом эксперименте средств и методов организации учебно-познавательной деятельности в рамках модели смешанного обучения при изучении общественно-научных предметов позволит существенно повысить предметные, метапредметные и личностные образовательные результаты.

Основная часть

Материал и методы исследования. Материалами исследования являются теоретические знания, представленные в научных публикациях в исследуемой предметной области, и результаты формирующего педагогического эксперимента с участием двух групп обучающихся 6 классов МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 31» г. Чебоксары Чувашской Республики — экспериментальной (22 чел.; далее — ЭГ) и контрольной (22 чел.; далее — КГ). Достижение цели исследования осуществляется с применением комплекса научных методов, включающего. Для достижения цели исследования применяется комплекс методов, включающий; анализ и обобщение научно-методической литературы и программно-нормативных документов; анкетный опрос; педагогическое наблюдение; видеоанализ; педагогическое тестирование; экспертная оценка; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение. Смешанное обучение осуществляется в рамках следующих организационных форм:

I. Традиционное обучение с применением информационных технологий:

- на уроке;
- в рамках самостоятельной (домашней) работы.

II. Смешанное обучение:

• в рамках субмоделей «Перевернутый класс» и «Смена рабочих зон» модели «Ротация» в форме онлайн-обучения;

• субмодели «Перевернутый класс» в форме офлайн-обучения;

• в рамках субмодели «Смена рабочих зон» в форме офлайн-обучения в четырех зонах:

- зона онлайн-обучения для работы с компьютером;
- зона проектной групповой работы;
- зона работы с учителем;
- зона индивидуальной работы.

Для организации учебного процесса обучающихся в каждой зоне работы преподавателем разрабатывается «Маршрутный лист задания», в котором подробно прописывается план действий, а также критерии достижения цели. «Маршрутный лист» используется обучающимися в качестве ориентировочной основы выполнения учебных заданий.

Традиционное обучение с применением дистанционных технологий применяется при изучении 75 % учебных тем изучаемых общественно-научных предметов («История» и «Обществознание»); субмодели смешанного обучения — при изучении 25 % учебных тем.

В отношении всех форм организации учебно-познавательной деятельности, определены уровни усвоения учебного материала по таксономии Блума, средства обучения и формируемые УУД (табл. 1—9).

На уроке с применением информационных технологий решаются задачи усвоения учебного материала на уровнях усвоения; знаний, понимания, применения, анализа, синтеза и оценивания (табл. 1).

Таблица 1

**Средства обучения
и формируемые УУД обучающихся
на уроках с использованием
информационных технологий**

Уровни усвоения: знания, понимания, применения, анализа, синтеза и оценивания	
Средства обучения	УУД
Восприятие, запоминание и осмысление учебной информации	<i>Познавательные:</i> – восприятие информации в устной и мультимедийной форме; – анализ, сравнение, обобщение знаний; – формулирование вопросов, выводов. <i>Регулятивные:</i> – принятия цели; – контроль, – коррекция; – оценивание познавательных действий. <i>Коммуникативные:</i> – умение понимать; – умение быть понимаемым.
Просмотр видеофильмов с дискуссией и формулированием вопросов по их содержанию	
Составление кроссвордов;	
Блиц-опрос	
Автоматизированное тестирование	

Методами организации учебно-познавательной деятельности на уроке выступают: объяснительно-иллюстративный, репродуктивный; проблемного изложения; рефлексивного осмысления учебной информации.

В рамках самостоятельной (домашней) работы с применением информационных технологий решаются задачи усвоения учебного материала на уровнях знания, понимания и применения (табл. 2).

Таблица 2

**Средства обучения и формируемые УУД обучающихся
в процессе самостоятельной работы
с использованием информационных технологий**

Уровни усвоения: знания, понимания и применения	
Средства обучения	УУД
Поиск и отбор информации по изучаемой теме в цифровых образовательных ресурсах	<i>Познавательные:</i> – повышение познавательной активности; – анализ, сравнение и обобщение знаний; – восприятие, запоминание и осмысление знаний; – конструирование вопросов и творческих идей. <i>Коммуникативные:</i> – подготовка к устному докладу, к публичной защите творческих проектов; – понимание и передача учебной информации; – действия интеракции, кооперации. <i>Регулятивные:</i> – принятие цели проектной деятельности; – планирование частных действий и времени на их решение; – пошаговая реализация этих действий; – контроль, оценивание и коррекция действий.
Ознакомление, запоминание и воспроизведение учебной информации	
Подготовка доклада, вопросов и презентации по теме	
Составление кроссвордов	
Разработка индивидуальных и групповых творческих проектов	

Выполнение заданий проводится на основе методов анализа и обобщения знаний; репродуктивного, проблемно-поискового методов и метода проектов.

Смешанное обучение на основе субмоделей «Перевернутый класс» и «Смена рабочих зон» в форме онлайн-обучения нацелено на усвоения учащимися учебного материала на уровне знания и понимания (табл. 3).

Основными *методами* выступают: метод анализа и обобщения знаний; диалог с текстом; рефлексивное осмысление; метод проектов.

Смешанное обучение на основе субмодели «Перевернутый класс» на уроке в форме офлайн-обучения решает задачи усвоения учебного материала на двух уровнях:

А) Уровень понимания, анализа, синтеза и оценки. Применяются объяснительно-иллюстративный метод, активные и интерактивные методы обучения (проблемного обучения, создания творческих групповых проектов; метод групповой дискуссии в малых группах, мозговой штурм, анализ практических ситуаций) (табл. 4).

Б) Для закрепления изученного материала на уровне знания и применения используются учебные задания, приведенные в табл. 5. Применяются *репродуктивные методы* обучения: метод тематического упражнения; деловая игра; тренинги.

Таблица 3

**Средства обучения и формируемые УУД обучающихся
на основе применения субмоделей «Перевернутый класс» и «Смена рабочих зон»
в форме онлайн-обучения**

Уровни усвоения: знания и понимания	
Средства обучения	УУД
Поиск и отбор учебной информации	<i>Познавательные:</i> – овладение навыками информационного поиска знаний из различных источников; – анализ и обобщение этих знаний; – формулирование выводов и конкретных вопросов. <i>Регулятивные:</i> – принятия цели; – выбор учебного задания с учетом своей готовности; – планирование последовательности частных задач, действий и времени на их выполнение; – пошаговая реализация этих действий по плану; – контроль, коррекция и оценивание этих действий.
Восприятие смысла учебной информации	
Анализ, сравнение, систематизация, обобщение учебной информации	
Запоминание учебной информации	
Интерпретация учебной информации	
Определение причинно-следственных связей	
Представление учебной информации	
Формулирование выводов	
Реферирование, конспектирование информации	
Организация информации; представление данных в двух или более видах; двумя или более способами	
Ситуационные упражнения на анализ принятого решения, анализ данных	
Чтение художественных и научно-популярных произведений по изучаемой теме	
Написание эссе	
Составление вопросов, вызывающих затруднения	
Ознакомление с презентациями, коллажами, рисунками, картами, которые относятся к изучаемой теме	
Учебное задание по разработке творческих проектов	

Таблица 4

**Средства обучения и формируемые УУД обучающихся
на основе применения субмодели «Перевернутый класс»
на уроке в форме офлайн-обучения**

Уровни усвоения: понимания, анализа, синтеза и оценки	
Средства обучения	УУД
Решение проблемных задач, связанных с возникшими у учащихся трудностями при самостоятельном усвоении учебного материала	<i>Познавательные:</i> – развитие познавательных способностей; – повышение познавательной активности; – сравнение, анализ и обобщение явления с учетом общего и частного в его содержании; – формулирование выводов и конкретных вопросов на обобщение, обоснование, конкретизацию, логику рассуждения. <i>Коммуникативные:</i> – публичное устное представление и защита творческих проектов; – публичное высказывание своей позиции по дискутируемой проблеме; – взаимоконтроль, взаимооценивание и взаимокоррекция действий партнера; – понимание и передача учебной информации; – действия интеракции, кооперации и интериоризации. <i>Регулятивные:</i> – самоценивание результатов выполнения заданий; – принятие цели; – планирование последовательности частных задач, действий и времени на их выполнение; – пошаговая реализация этих действий по плану; – контроль, коррекция и оценивание этих действий.
Рассмотрение явления с различных позиций, сравнение, анализ и обобщение с учетом общего и частного в его содержании	
Формулирование выводов из ситуации	
Сопоставление фактов	
Формулирование самими учащимися конкретных вопросов	
Анализ и обсуждение вопросов обучающихся, которые возникли на этапе выполнения домашних заданий или были подготовлены по заданию учителя	
Эвристическая беседа с разбором с вопросов, оставшиеся непонятыми	
Устное представление и защита индивидуальных и творческих групповых проектов с электронной презентацией	
Рассмотрение наиболее сложных для понимания и интересных для обучающихся аспектов изучаемой темы	
Самооценивание результатов выполнения задания с внесением их в лист самооценки	
Формулирование выводов и конкретных вопросов (на обобщение, обоснование, конкретизацию, логику рассуждения)	

Таблица 5

**Средства обучения и формируемые УУД обучающихся
на основе применения субмодели «Перевернутый класс»
на уроке в форме офлайн-обучения**

Уровни усвоения: знания и применения	
Средства обучения	УУД
Задания по воспроизведению определенных действий, составляющих содержание способа решения практического задания	<i>Познавательные:</i> – развитие познавательных способностей; – повышение познавательной активности; – сравнение, анализ и обобщение явления с учетом общего и частного в его содержании; – формулирование выводов и конкретных вопросов на обобщение, обоснование, конкретизацию, логику рассуждения. <i>Коммуникативные:</i> – публичное представление и защита творческих проектов; – публичное высказывание своей позиции по дискутируемой проблеме; – восприятие и понимание позиций других учащихся; – выполнение учебных заданий в интерактивной практической деятельности. <i>Регулятивные:</i> – планирование совместно с учителем с определением ряда последовательных частных задач, действий и условий их выполнения; – прогнозирование с помощью учителя результатов действия; – выполнение действий с опорой на пошаговую инструкцию учителя; – действия самоконтроля с использованием дополнительных тестовых заданий; – действия контроля, приводящие к обнаружению ошибок; – действия коррекции и оценивания.
Работа с визуальными источниками, в т. ч. с историческими картами	
Устный и письменный блиц-опрос с ответом в одно слово	
Рефлексия учащимися хода и результатов своей учебно-познавательной деятельности	
Задания найти ответы на вопросы о достаточности информации для выполнения заданий, необходимости дополнительных сведений, возможных трудностей	
Задания словесно описать и объяснить последовательность выполненных практических действий	
Задания обнаруживать допущенные ошибки и ошибки своих товарищей с использованием ориентировочной основы и нормативных критериев	
Задание определить соответствие усвоенного способа действия новым условиям	
Задания на пошаговую реализацию запланированных действий	
Задания контроля, коррекции и оценивания этих действий	
Ответы на прямые вопросы по учебному материалу	
Формулировка определения, теоремы, алгоритма решения	
Задания (по просьбе учителя, а затем и самостоятельно) определить оценить и содержательно обосновать степень усвоения учебного материала, соотнося ее со схемой ориентировки и нормативными критериями	
Задание перед началом урока оценить свою готовность (в баллах) к занятию	
Задания распознать причины выявленных ошибок, обосновать и внести коррекции в способ решения учебной задачи	
Задания выявить различия между полученным результатом и эталонным решением; определить полноту выделения существенных признаков и связей изучаемого действия	

Смешанное обучение на основе субмодели «Смена рабочих зон» в форме офлайн-обучения применяется в тех случаях, когда учащиеся в процессе урока выполняют различные виды учебной деятельности.

Учебная деятельность в зоне «Онлайн-обучения для работы с компьютером» направлена на усвоение учебного материала на уровнях *знания и понимания*. Задания выполняются с применением объяснительно-иллюстративного и репродуктивного *методов* обучения (табл. 6).

Задача зоны проектной групповой работы состоит в создании условий для *применения* знаний в практических ситуациях (табл. 7). Применяются метод тематического

упражнения; метод анализа практических ситуаций, метод проектов, репродуктивный метод.

Задача зоны «Работы с учителем» заключается в усвоении учебного материала на уровне *понимания, анализа, синтеза и оценивания* (табл. 8). Учебные задания выполняются с применением объяснительно-иллюстративного метода, методов активного и интерактивного обучения (методы групповой дискуссии, проблемного обучения, «мозговой штурм»).

Зона индивидуальной работы направлена на применение обучающимися ранее освоенных знаний (табл. 9). Выполнение учебных заданий осуществляется на основе метода анализа и обобщения знаний.

Таблица 6

Средства обучения и формируемые УУД обучающихся на основе применения субмодели «Смена рабочих зон» в форме офлайн-обучения (зона онлайн-обучения для работы с компьютером)

Уровень усвоения — знания и применения	
Средства обучения	УУД
Чтение фрагментов учебных текстов с последующим составлением плана	<i>Регулятивные:</i> – выбор учебного задания; – планирование последовательности частных задач, действий и времени на их выполнение; – пошаговая реализация этих действий по плану; – контроль, коррекция и оценивание этих действий. <i>Познавательные:</i> – овладение навыками информационного поиска знаний из различных источников; – анализ и обобщение знаний; – формулирование выводов и конкретных вопросов.
Ознакомление с рисунками, историческими картами, схемами, диаграммами, таблицами и презентациями	
Просмотр учебного видео и видеофильмов на 7—15 минут с последующим выполнением учебных заданий (составить план, подготовить вопросы, написать конспект и небольшие заметки)	
Дидактическая электронная новелла	
Выполнение тестовых заданий, позволяющие определить и оценить качество усвоения изучаемой темы	

Таблица 7

Средства обучения и формируемые УУД обучающихся на основе применения субмодели «Смена рабочих зон» в форме офлайн-обучения (зона проектной групповой работы)

Уровень усвоения — применение	
Средства обучения	УУД
Создание творческих проектов	<i>Познавательные:</i> – сравнение, анализ и обобщение явления с учетом общего и частного в его содержании; – формулирование выводов и конкретных вопросов на обобщение, обоснование, конкретизацию, логику рассуждения. <i>Коммуникативные:</i> – публичное представление и защита творческих проектов; – публичное высказывание своей позиции или ответа; – восприятие и понимание позиций других учащихся; – выполнение учебных заданий в интерактивной практической деятельности. <i>Регулятивные:</i> – планирование совместно с учителем с определением ряда последовательных частных задач, действий и условий их выполнения; – прогнозирование с помощью учителя результатов действия; – выполнение действий с опорой на пошаговую инструкцию учителя; – действия контроля, приводящие к обнаружению ошибок; – действия коррекции и оценивания.
Исторические кроссворды	
Создание презентаций и видео	
Практические задания по изучаемой теме, требующие применения усвоенных знаний	
Озвучивание группами учащихся визуальных изображений по теме	
Подбор видеоряда (изображений) по теме с использованием видеоресурсов	

Таблица 8

Средства обучения и формируемые УУД обучающихся на основе применения субмодели «Смена рабочих зон» в форме офлайн-обучения (зона работы с учителем)

Уровни усвоения: понимания, анализа, синтеза и оценивания	
Средства обучения	УУД
Игровые задания по предмету	<i>Познавательные:</i> – развитие познавательных способностей и повышение познавательной активности; – сравнение, анализ и обобщение явления с учетом общего и частного в его содержании; – формулирование выводов и конкретных вопросов на обобщение, обоснование, конкретизацию, логику рассуждения. <i>Коммуникативные:</i> – публичное устное представление и защита творческих проектов; – публичное высказывание своей позиции по дискутируемой проблеме; – действия интеракции, кооперации и интериоризации. <i>Регулятивные:</i> – планирование последовательности частных задач и времени на их выполнение; – пошаговая реализация этих действий по плану; – контроль, коррекция и оценивание этих действий.
Задания по обобщению и систематизации усвоенных знаний	
Задания по систематизации информации о различных явлениях в текстовой, табличной или графической форме	
Викторины	
Обсуждение, дискуссии по отдельным разделам изучаемой темы	
Рефлексия хода и результатов учебной деятельности	
Устный и письменный блиц-опрос	

Таблица 9

Средства обучения и формируемые УУД обучающихся на основе применения
субмодели «Смена рабочих зон» в форме офлайн-обучения
(зона индивидуальной работы)

Уровень усвоения — применение знаний	
Средства обучения	УУД
Задания на соответствие дат и событий, понятий и определений	<i>Регулятивные:</i> – выбор учебного задания с учетом своей готовности; – планирование последовательности действий и времени на их выполнение; – пошаговая реализация этих действий по плану; – контроль, коррекция и оценивание этих действий. <i>Познавательные:</i> – овладение навыками информационного поиска знаний из различных источников; – анализ и обобщение этих знаний; – формулирование выводов и конкретных вопросов.
Задания с открытым ответом (учащимся предлагалось ознакомиться с информацией в наглядной форме, детально описать наблюдаемые явления в устной или письменной форме в виде ответов на задаваемые учителем конкретные вопросы)	
Работа с интерактивными картами в виде дидактической игры	
анализ письменных источников с созданием эссе	
Составление рассказа на основе нескольких источников	
Работа с текстом учебника, рабочими тетрадями, контурными картами	

Для решения **второй задачи** исследования проведен **формирующий педагогический эксперимент**, направленный на апробацию эффективности методики организации смешанного обучения обучающихся 6 классов общественно-научным предметам «История» и «Обществознание». В эксперименте приняли участие экспериментальная (27 чел.) и контрольная (22 чел.) группы обучающихся. В учебном процессе обучающихся ЭГ при обучении общественно-научным предметам реализована авторская методика организации смешанного обучения. Учебный процесс в КГ осуществлялся на основе традиционных подходов к организации учебно-познавательной деятельности обучающихся с использованием информационных технологий.

Продолжительность экспериментов составила один учебный год — с 1 сентября 2024 г. по 30 мая 2025 г. У всех обучающихся в начале и после эксперимента измерялись и оценивались личностные и метапредметные образовательные результаты. Измерение и оценивание предметных результатов проводилось только после завершения эксперимента.

Сравнительный анализ личностных и метапредметных результатов учебной деятельности с применением непараметрического критерия χ^2 , наблюдаемых у обучающихся КГ и ЭГ в начале эксперимента, не выявил существенных различий. Результаты, наблюдаемые у обучающихся обеих групп после эксперимента, существенно различались.

Личностные образовательные результаты. В ЭГ после завершения эксперимента зафиксировано 45 % случаев выбора познавательного мотива и 33 % случаев выбора широких социальных мотивов в качестве значимых побуждений к учебной деятельности. В КГ познавательные мотивы выбраны реже — в 29 % случаев, широкие социальные выбраны — в 31 % случаев. Сравнительный анализ распределения мотивов с учетом их значимости говорит о существенном преимуществе детей ЭГ в сформированности мотивов учебной деятельности.

Показатели самооценки, оцениваемые по методике «Какой Я», у 6 детей КГ находились на уровне «выше среднего». Среди детей ЭГ количество детей с этим уровнем развития было существенно выше — 15 чел. ($p < 0,01$). Показатели самооценки по методике Дембо—Рубинштейн, у большинства детей обеих групп, находились высоком уровне и уровне выше среднего: среди детей КГ — 17 чел., детей ЭГ — 27 чел. ($p < 0,01$).

Семнадцать детей из ЭГ отличаются высокими показателями развития личностных результатов по критерию «способности к самопониманию и самоопределению. В КГ высокий уровень развития наблюдается только у 3 детей ($p < 0,001$).

Регулятивные УУД. Общий показатель развития способности к произвольной регуляции деятельности у 22 детей ЭГ соответствовал среднему уровню развития (табл. 10).

Таблица 10

Распределение обучающихся 6 классов
с учетом уровня развития УУД
после эксперимента, чел.

Уровень развития УУД	Распределение обучающихся с учетом уровня развития УУД		p
	КГ, n = 22	ЭГ, n = 27	
РЕГУЛЯТИВНЫЕ УУД			
«Тест произвольной регуляции деятельности» О. А. Семеновой			
Работа с пошаговой инструкцией и самостоятельное выполнение задания			
Низкий	10	5	< 0,001
Средний	11	22	
Высокий	1	0	
Методика «Психологическая культура личности»			
Саморегуляция эмоций, действий и мыслей			
Низкий	1	0	< 0,001
Средний	19	17	
Высокий	2	10	
Самоорганизованность			
Низкий	3	0	< 0,001
Средний	17	17	
Высокий	2	10	
Гармонизирующее саморазвитие			
Низкий	2	0	< 0,001
Средний	18	12	
Высокий	2	15	
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ УУД			
Методика «Психологическая культура личности» (творческие способности)			
Низкий	1	0	< 0,001
Средний	20	13	
Высокий	1	14	

Окончание табл. 10

Уровень развития УУД	Распределение обучающихся с учетом уровня развития УУД		p
	КГ, n = 22	ЭГ, n = 27	
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ УУД			
Тест «Простые аналогии» (способность к обобщению)			
Низкий	1	1	< 0,05
Средний	13	11	
Высокий	8	15	
Тест IQ (интеллект)			
Низкий	1	3	> 0,05
Средний	18	21	
Высокий	3	3	
КОММУНИКАТИВНЫЕ УУД			
Конструктивное общение			
Низкий	2	0	< 0,001
Средний	12	12	
Высокий	8	15	
Коммуникативные способности			
Низкий	1	0	< 0,001
Средний	14	10	
Высокий	7	17	
Организаторские способности			
Низкий	2	0	< 0,05
Средний	8	8	
Высокий	12	19	

Среди детей КГ средним уровнем развития отличались только 11 чел., у остальных детей этой группы наблюдался низкий уровень. Среди детей ЭГ высоким уровнем развития способности к саморегуляции эмоций, действий и мыслей и самоорганизованности отличались 10 детей, среди

детей КГ — 2 чел. Высокий уровень развития регулятивных УУД по критерию «гармонизирующее саморазвитие» наблюдался у 15 детей из ЭГ и у 2 детей — из КГ.

В целом, уровень развития регулятивных УУД по всем критериям у детей ЭГ был существенно выше, чем у сверстников из КГ ($p < 0,001$).

Познавательные УУД. Высокие показатели творческих способностей: наблюдаются у 14 детей из ЭГ и только у одного ребенка — в КГ. В этой группе преобладают дети со средним уровнем развития этих способностей — 20 чел. Пятнадцать детей из ЭГ отличаются высоким уровнем развития способностей к обобщению. В КГ только у 8 детей наблюдается высокий уровень развития этих способностей, остальные дети характеризуются средним уровнем развития.

Различия в уровне развития познавательных УУД по критериям «творческие способности» и «способности к обобщению» у детей обеих групп статистически достоверны ($p < 0,01$).

Коммуникативные УУД. Высокий уровень навыков конструктивного общения наблюдался у 15 детей ЭГ и только у 8 детей КГ. Высокий уровень развития коммуникативных способностей среди детей ЭГ выявлен у 17 детей; в КГ детей с высоким уровнем этих способностей было значительно меньше — 7 чел. Девятнадцать детей из ЭГ отличались высоким уровнем развития организаторских способностей, в то время как в другой группе только 12 чел. вышли на этот уровень. В целом, дети ЭГ имели существенное преимущество перед своими сверстниками из КГ в уровне развития коммуникативных УУД по критериям «конструктивное общение», «коммуникативные способности» и «организаторские способности» ($p < 0,01$).

Предметные результаты. В табл. 11 приведены показатели учебной успеваемости обучающихся в I—IV четвертях по общественно-научным предметам «История» и «Обществознание».

Таблица 11

Распределение оценок по истории и обществознанию у обучающихся 6 классов в ходе эксперимента

Группы испытуемых	Распределение оценок				
	I четверть	II четверть	III четверть	IV четверть	Учебный год
Учебный предмет «Обществознание»					
ЭГ, n = 27	10/8/9	11/9/7	12/9/6	13/9/5	12/9/6
КГ, n = 22	8/7/7	9/7/6	9/6/7	8/6/8	8/5/9
p по χ^2 -тесту	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	< 0,05
Учебный предмет «История»					
ЭГ, n = 27	9/8/10	9/10/8	12/9/5	12/8/7	12/10/5
КГ, n = 22	8/7/7	8/7/7	8/8/6	8/6/8	7/7/8
p по χ^2 -тесту	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	< 0,05

Сравнительный анализ показателей успеваемости говорит о том, что обучающиеся ЭГ имеют по итогам учебного года более высокие оценки по обоим предметам. Различия статистически достоверны ($p < 0,05$).

Заключение

1. Смешанное обучение представляет системно организованный педагогический процесс, интегрирующий образовательные возможности очного и дистанционного обучения, при которых создаются условия: освоения больших объемов информация; повышения качества обратной связи и мониторинга; активного участия обучающихся в планировании

и усвоении учебного материала, контроле пути, времени, места, темпа и траектории обучения; применения знаний в практической деятельности; и сохраняются условия развития навыков речевого общения и решения воспитательных задач.

2. Качественное своеобразие смешанного обучения в основной общеобразовательной школе заключается в особенностях организации образовательного процесса в рамках следующих организационных форм:

1. Традиционное обучение с применением информационных технологий:

- на уроке;
- в рамках самостоятельной (домашней) работы.

II. Смешанное обучение:

- в рамках субмоделей «Перевернутый класс» и «Смена рабочих зон» модели «Ротация» в форме онлайн-обучения;
- в рамках субмодели «Перевернутый класс» в форме офлайн-обучения;
- в рамках субмодели «Смена рабочих зон» в форме офлайн-обучения в четырех зонах:
 - зона «Онлайн-обучение для работы с компьютером»;

- зона проектной групповой работы;
- зона работы с учителем;
- зона индивидуальной работы.

3. Установлено, что организация смешанного обучения обучающихся 6 классов общественно-научным предметам с применением созданной нами методики приводит к повышению его эффективности, что проявляется в достижении более высоких личностных, метапредметных и предметных образовательных результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Andrews R. Does e-learning require a new theory of learning? Some initial thoughts // *Journal for Educational Research Online*. 2011. Vol. 3. No. 1. Pp. 104—121.
2. Christensen C. M., Horn M. B., Staker H. Is K-12 Blended Learning Disruptive? An introduction to the theory of hybrids. Clayton Christensen Institute, 2013. 43 p.
3. Андреева Н. В. Практика смешанного обучения: история одного эксперимента // *Психологическая наука и образование*. 2018. Т. 23. № 3. С. 20—28. DOI: 10.17759/pse.2018230302.
4. Гумена Т. И. Характеристика технологии смешанного обучения в общеобразовательной школе // *Январские педагогические чтения*. Симферополь : КИПУ, 2024. Вып. 10(22). С. 85—88.
5. Бочарникова Л. А. Способы организации смешанного обучения на уроках в современной школе // *Вестник научных конференций*. 2024. № 10-5(110). С. 38—40.
6. Попова Е. Н. Смешанное обучение в основной школе: наиболее подходящие для реализации модели // *Вектор научной мысли*. 2025. № 12(29). С. 178—180
7. Шульгина Ю. В. Ротация станций как инновационная образовательная модель смешанного обучения: преимущества и недостатки // *Вопросы методики преподавания: от классической системы к смешанному обучению* : сб. науч. тр. : избр. М. : Центр совр. науч. исслед. и образоват. технологий, 2021. С. 164—171.
8. Давлатова М. А. Как меняется деятельность учителя при проектировании урока в рамках смешанного обучения? // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2021. № 5(78). С. 124—140. DOI: 10.24412/2224-0772-2021-78-124-140.
9. Гончарова Н. А., Ермакова К. А., Климушкина А. И. Модели и технологии проектирования урока в условиях смешанного обучения в школе // *Естественные и гуманитарные науки в современном мире* : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 115-летию Лакина Г. Ф. Орел : ОГУ им. И. С. Тургенева, 2023. С. 440—445.
10. Асмолов А. Г., Свинаренко А. Г., Соболева Е. Н. Главная задача школы — чтобы не разорвалась связь времен // *Образовательная политика*. 2020. № S5. С. 6—17.
11. Дербуш М. В. Развитие познавательных действий по работе с учебной информацией в условиях смешанного обучения математике // *Познание и деятельность: от прошлого к настоящему* : материалы IV Всерос. междисциплинар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня создания Ом. гос. пед. ун-та и 300-летию Рос. акад. наук. Омск : ОмГПУ, 2022. С. 88—91.
12. Лавшук Е. А. Применение технологии смешанного обучения (Blended learning) при обучении иностранному языку в школе // *Преподаватель года 2021* : сб. ст. Междунар. проф.-исследоват. конкурса : в 3 ч. Петрозаводск : Новая наука, 2021. Ч. 1. С. 310—319.
13. Цветкова Л. А. Смешанное обучение на уроках русского языка в средней и старшей школе: из опыта применения // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия «Гуманитарные науки». 2021. № 3-2. С. 98—101. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.03-2.40.
14. Гиматдинова Г. Н., Шкеринова Л. А. Дидактический потенциал смешанного обучения математике обучающихся 7—9-х классов для формирования регулятивных универсальных учебных действий // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2022. № 2(60). С. 13—23. DOI: 10.25146/1995-0861-2022-60-2-328.
15. Фисенко Т. П. Возможности смешанного обучения математике для развития регулятивных универсальных учебных действий обучающихся // *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2021. Т. 10. № 3. С. 50—58. DOI: 10.24412/2225-8264-2021-3-50-58.

REFERENCES

1. Andrews R. Does e-learning require a new theory of learning? Some initial thoughts. *Journal for Educational Research Online*. 2011;3(1):104—121.
2. Christensen C. M., Horn M. B., Staker H. Is K-12 Blended Learning Disruptive? An introduction to the theory of hybrids. Clayton Christensen Institute publ., 2013. 43 p.
3. Andreyeva N. V. Blended Learning Practice in Russia: the History of one Experiment. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2018;23(3):20—28. (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2018230302.
4. Gumena T. I. Characteristics of blended learning technology in general education school. *Yanvarskie pedagogicheskie chteniya = January Pedagogical Readings*. Simferopol, Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov publ., 2024;10(22):85—88. (In Russ.)
5. Bocharnikova L. A. Methods of organizing blended learning in lessons at a modern school. *Vestnik nauchnykh konferentsii = Bulletin of Scientific Conferences*. 2024;10-5(110):38—40. (In Russ.)
6. Popova E. N. Blended learning in primary school: the most suitable models for implementation. *Vektor nauchnoi mysli*. 2025;12(29):178—180. (In Russ.)

7. Shulgina Yu. Station rotation as an innovative educational model of blended learning: advantages and disadvantages. *Voprosy metodiki prepodavaniya: ot klassicheskoi sistemy k smeshannomu obucheniyu* = *Issues of teaching methodology: from the classical system to blended learning. Collection of scientific papers. Selected*. Moscow, Center for Modern Scientific Research and Educational Technologies publ., 2021:164—171. (In Russ.)
8. Davlatova M. How does teaching transform when designing a lesson within blended learning?. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2021;5(78):124—140. (In Russ.) DOI: 10.24412/2224-0772-2021-78-124-140.
9. Goncharova N. A., Ermakova K. A., Klimushkina A. I. Models and technologies for designing a lesson in a mixed learning environment at school. *Estestvennye i gumanitarnye nauki v sovremennom mire* = *Natural and humanitarian sciences in the modern world. Proceedings of the 6th International scientific and practical conference dedicated to the 115th anniversary of G. F. Lakin*. Orel, Orel State University named after I. S. Turgenev publ., 2023:440—445. (In Russ.)
10. Asmolov A. G., Svinarenko A. G., Soboleva E. N. The main task of the school is to keep the connection of generations. *Obrazovatel'naya politika* = *Educational Policy*. 2020;S5:6—17. (In Russ.)
11. Derbush M. V. Development of cognitive actions for working with educational information in the context of blended learning in mathematics. *Poznanie i deyatel'nost': ot proshlogo k nastoyashchemu* = *Cognition and Activity: From the Past to the Present. Proceedings of the IV All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the founding of Omsk State Pedagogical University and the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences*. Omsk, Omsk State Pedagogical University publ., 2022:88—91. (In Russ.)
12. Lavshuk K. A. The use of blended learning technology in teaching English as foreign language. *Prepodavatel' goda 2021* = *Teacher of the Year 2021. Collection of articles from the International professional and research competition*. Petrozavodsk, Novaya nauka;1:310—319. (In Russ.)
13. Tsvetkova L. A. Mixed learning in Russian language lessons in middle and high school: from the experience of using. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya «Gumanitarnye nauki»* = *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series "Humanities"*. 2021;3-2:98—101. (In Russ.) DOI: 10.37882/2223-2982.2021.03-2.40.
14. Gimatdinova G. N., Shkerina L. V. Didactic potential of blended learning in mathematics for development of regulatory universal educational actions in high school students of grades 7-9. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* = *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*. 2022;2(60):13—23. (In Russ.) DOI: 10.25146/1995-0861-2022-60-2-328.
15. Fisenko T. P. The possibilities of blended learning math teaching for the development of student's regulatory universal educational actions. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii* = *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2021;10(3):50—58. (In Russ.) DOI: 10.24412/2225-8264-2021-3-50-58.

Статья поступила в редакцию 20.07.2026; одобрена после рецензирования 14.08.2026; принята к публикации 17.08.2026.
The article was submitted 20.07.2026; approved after reviewing 14.08.2026; accepted for publication 17.08.2026.

Научная статья
УДК 372.2.37
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1714

Dong Ruina

Postgraduate of Institute of Pedagogy
and Psychology,
field of training
5.8.1 — General pedagogy,
history of pedagogy and education,
Dorji Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
1214762244@qq.com

Дун Жуйна

аспирант Института педагогики и психологии,
направление подготовки
5.8.1 — Общая педагогика,
история педагогики и образования,
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
1214762244@qq.com

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ ИНИЦИАТИВЫ ДОШКОЛЬНИКА В ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ДИАГНОСТИКА И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ (РОССИЯ И КИТАЙ)

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Современные приоритеты дошкольного образования связаны с развитием инициативы как личностного качества дошкольников. Предмет исследования представленного в статье исследования — культурно обусловленные качественные особенности проявления игровой инициативы детей России и Китая. Цель исследования — изучить структуру педагогической поддержки развития инициативы дошкольников в игровой деятельности. Гипотеза исследования: общий уровень игровой инициативы дошкольников в России и Китае статистически значимо не различается; качественные стратегии ее проявления культурно специфичны. Российские дети чаще будут инициировать спонтанные, творчески преобразованные сюжеты, тогда как китайские — преимущественно следовать знакомым социальным сценариям с акцентом на кооперацию.

Методология исследования опирается на культурно-исторический, системный и личностно-деятельностный подходы. Выборку составили 120 дошкольников из трех детских садов Улан-Удэ и двух — Харбина. Средний балл инициативы составил 18,4 у российской выборки и 18,1 — у китайской ($p > 0,05$). Качественный анализ показал, что у 68 % китайских детей инициатива связана с воспроизведением знакомого сценария, а у 72 % российских —

с придумыванием новых ролей. Выявленные качественные различия требуют разных акцентов в педагогической поддержке: в Китае — стимулирование вариативности, в России — обучение договоренности в коллективной игре.

Теоретическая значимость исследования заключается в анализе концепции детской игры с учетом межкультурных особенностей. Практическая значимость представляет комплекс и принципы педагогической поддержки инициативы дошкольников в игровой деятельности. Новизна исследования заключается в адаптации шкалы наблюдения за игровой инициативой и создание протокола фиксации типов инициативы. Область применения полученных результатов охватывает деятельность воспитателей групп дошкольных учреждений как России, так и Китая. Ограничения исследования связаны с локальностью выборки, что позволило определить направление для будущих исследований. Результаты могут быть использованы при разработке программ повышения квалификации воспитателей в бикультурных регионах.

Ключевые слова: инициатива в игре, игровая деятельность, поддержка педагога, детский сад, китайские дошкольные учреждения, воспитатель, свободная игра, оценка инициативы, активность ребенка, развитие через игру

Для цитирования: Дун Жуйна. Педагогическая поддержка развития инициативы дошкольника в игровой деятельности: диагностика и кросс-культурный анализ (Россия и Китай) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 505—510. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1714.

Original article

PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF PRESCHOOLERS' INITIATIVE IN PLAY ACTIVITIES: ASSESSMENT AND CROSS-CULTURAL ANALYSIS (RUSSIA AND CHINA)

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. Modern preschool education prioritizes developing initiative as a child's personal quality. The subject of the study presented in the article is the culturally determined qualitative features of the manifestation of play initiative in children in Russia and China. The aim of the study is to

examine the structure of pedagogical support for the development of preschoolers' initiative in play activities. The research hypothesis is that the overall level of preschoolers' play initiative in Russia and China does not differ statistically significantly; the qualitative strategies for its manifestation are

culturally specific. Russian children are more likely to initiate spontaneous, creatively transformed plots, whereas Chinese children predominantly follow familiar social scenarios with an emphasis on cooperation.

Methodology relies on cultural-historical, systemic, and personality-activity approaches. The sample consisted of 120 preschoolers from three kindergartens in Ulan-Ude and two in Harbin. The average initiative score was 18.4 for the Russian sample and 18.1 for the Chinese one ($p > 0.05$). Qualitative analysis showed that in 68% of Chinese children, initiative is associated with reproducing a familiar scenario, while in 72% of Russian children, it is associated with inventing new roles. The identified qualitative differences require different emphases in pedagogical support: in China, it is about stimulating variability, while in Russia, it is about learning to reach agreements in collective play.

For citation: Dong Ruina. Pedagogical support for the development of preschoolers' initiative in play activities: assessment and cross-cultural analysis (Russia and China). *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):505—510. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1714.

Введение

Изученность проблемы. Согласно теории Л. С. Выготского, игра — это зона ближайшего развития, где инициатива ребенка становится движущей силой произвольности [1].

Концепция педагогической поддержки О. С. Газмана послужила основой для разработки стратегии сопровождения детской инициативы [2], поскольку она противопоставляет педагогическую поддержку авторитарному воспитанию, ее ядро — диалог и помощь ребенку в развитии внутреннего потенциала. Основные принципы: добровольность обращения за помощью, опора на внутренний потенциал ребенка, диалог и сотрудничество. При работе с игровой деятельностью это означает отказ педагога от роли режиссера, переход к позиции наблюдателя-партнера, который создает ресурсную среду и тактично помогает только при затруднениях детей.

Теоретические подходы китайских исследователей к игровой инициативе опираются на конфуцианские традиции коллективизма и социальной гармонии. Согласно Ли Цзюань [3] и Тянь Жуань [4], игровая деятельность имеет взаимосвязь с социальными компонентами, что позволяет направить игровую инициативу на создание условий совместного взаимодействия. При таком взаимодействии педагог берет на себя роль координатора, организующего процесс игры, ориентированного на развитие у детей дошкольного возраста социальных и моральных норм. Данная теоретическая концепция подтверждается результатами исследования Хуан Цзинь и Ван Чжэн [5]: инициатива детей дошкольного возраста в Китае реализуется только через внедрение в практическое игровое действие социального сюжета. Также Чэнь Гуйшэн отмечает, что существует статистическая зависимость между игровой активностью и социальной компетентностью воспитателей [6].

Западные исследователи рассматривают инициативу как механизм когнитивного и эмоционального развития. Другие авторы связывают ее с социальным взаимодействием и культурными установками [7—9].

При сравнительном анализе игровой культуры в китайских и западных дошкольных учреждениях исследователи выявили, что ценности, сформированные в культуре и семье, имеют корреляцию с игровым поведением ребенка дошкольного возраста [10]. Мнение Ван Шоуцуня расши-

The theoretical significance of the study lies in the analysis of the concept of children's play, taking into account cross-cultural features. The practical significance lies in the set of methods and principles for supporting preschoolers' initiative in play activities. The novelty of the study lies in the adaptation of a scale for observing play initiative and the creation of a protocol for recording types of initiative. The scope of application of the results covers the activities of educators in preschool groups in both Russia and China. The limitations of the study are related to the local nature of the sample, which made it possible to identify a direction for future research. The results can be used in designing professional development programs for educators in bicultural regions.

Keywords: children's play initiative, play activity, teacher support, kindergarten, Chinese preschool institutions, preschool teacher, free play, assessment of initiative, child's activity, development through play

ряет полученные результаты, дополняя их тем, что «связь положительно только тогда, когда нравственное развитие ребенка происходит в контексте образовательной традиции с элементами сюжетно-ролевых игр» [11, с. 25]. Эти результаты были подтверждены при анализе исследования проведенного Н. И. Чиняковой и И. С. Кобозевой [12], П. Н. Абатаевой [13], Л. Н. Волошиной с соавторами [14] и др.: проявление инициативы и ее педагогическая поддержка зависят не только от мотивации воспитателя и личностных особенностей детей дошкольного возраста, но и от культурных и нравственных ценностей.

Анализ исследований позволил выявить основные теоретические и эмпирические проблемы: отсутствие сравнительного анализа игровой инициативы в России и Китае, недостаток адаптированных диагностических инструментов, ограниченность реализации стратегий педагогической поддержки инициативы и внедрения новых методов организации игровой деятельности. Выявленные проблемы позволили сформировать основные компоненты настоящего эмпирического исследования.

Актуальность исследования определяется тем, что сегодня современные образовательные стандарты России и Китая закрепляют развитие самостоятельности и инициативы как основную задачу дошкольного образования. В дошкольной педагогике свободную игру традиционно считают ведущей деятельностью детей 3—7 лет. Однако на практике происходит разрыв: время на самостоятельную игру часто урезают, педагоги демонстрируют авторитарный стиль общения, а их игровая компетентность недостаточна [1; 2]. В последние годы растет число международных сравнительных исследований в образовании. Одновременно усиливается бикультурный запрос. Особенно в приграничных регионах России и Китая. Требуется кросс-культурный анализ для понимания того, как культурные ценности проявляются в детской игре и педагогическом сопровождении. В то же время, исследований, где напрямую сравнивается игровая инициатива дошкольников двух стран с применением единых методик, практически нет. Данный пробел подтверждает своевременность настоящего исследования.

Исследователи признают, что свободная игра значима для становления инициативы, однако у воспитателей до сих пор нет четких критериев, позволяющих ее оценивать.

Другой аспект: необходимость учитывать культурные особенности игровой деятельности очевидна, но эмпирических данных о кросс-культурных различиях накоплено крайне мало. Названные противоречия выводят на исследовательскую проблему: в чем заключаются структура и культурная специфика игровой инициативы дошкольников России и Китая и какие стратегии педагогической поддержки будут адекватны в каждой из этих стран?

Целесообразность разработки темы исследования заключается в том, что и в России, и в Китае игра декларируется как приоритет, а на деле дети часто лишены возможности проявлять инициативу. Глобализация образовательных процессов требует межкультурного диалога, а различия в культурных ценностях России и Китая создают необходимость в дифференцированных подходах к педагогической поддержке детской инициативы. При этом практически не существует надежных эмпирических сравнений реального уровня инициативы в обеих странах [3; 4]. Несмотря на теоретическую проработку проблемы, исследования инициативы немногочисленны, что подтверждает важность проведенного исследования и его актуальность для науки [5].

Следовательно, разработка и апробация единого диагностического протокола необходимы для будущих исследований. Это укрепляет доказательную базу дошкольной педагогики. Фиксация культурных особенностей недостаточно; необходима дифференцированная модель педагогического сопровождения, опирающаяся на измеряемые показатели.

Научная новизна исследования:

1. В работе впервые было проведено прямое эмпирическое сопоставление игровой инициативы у старших дошкольников России и Китая. Благодаря применению единого диагностического инструмента удалось увидеть не количественные расхождения, а качественные, обусловленные культурой, различия в стратегиях проявления инициативы — экспрессивной и гармонизирующей.

2. Автором создан и проверен на практике протокол наблюдения за игровой инициативой, опирающийся на критерии Е. О. Смирновой и адаптированный для нужд кросс-культурного анализа. Инструмент включает трехбалльные шкалы для оценки когнитивных, социальных и творческих проявлений, а также процедуру регистрации разных типов инициативы. Высокая согласованность результатов подтверждена коэффициентом каппа Козна ($\kappa = 0,87$), что делает протокол пригодным для бикультурных образовательных сред.

3. Удалось выделить и подробно описать две культурно-специфические модели. Для российской выборки характерна «инициатива-экспрессия» — она ориентирована на спонтанность, творчество и лидерство. Китайской выборке свойственна «инициатива-гармонизация», направленная на кооперацию, воспроизведение социальных сценариев и следование нормам.

4. Впервые сформулированы дифференцированные принципы педагогической поддержки, учитывающие культурный контекст. Для российских воспитателей акцент предлагается делать на развитии кооперативных навыков, а для китайских — на стимулировании спонтанного творчества и вариативности.

5. Разработанный диагностический комплекс и выявленные закономерности создают эмпирическую базу и для следующих сравнительных исследований, и для проектирования модулей повышения квалификации воспитателей в бикультурных регионах, например, на приграничных территориях России и Китая.

Цель исследования — изучить структуру педагогической поддержки развития инициативы детей дошкольного возраста в игровой деятельности.

Российская социокультурная среда ориентирована на личное самовыражение, китайская — на коллективную гармонию. Эти ценностные установки формируют разные модели понимания детской инициативы и методов ее поддержки воспитателями [9]. Объект исследования: процесс развития инициативы старших дошкольников в игровой деятельности. Предмет исследования: культурно обусловленные качественные особенности проявления игровой инициативы детей России и Китая.

Задачи исследования:

1. Систематизировать российские, китайские и западные теоретические подходы к развитию инициативы ребенка в игре.

2. Разработать, апробировать и проверить надежность комплексного диагностического инструментария для оценки инициативных проявлений детей.

3. Выявить универсальные и специфические черты игровой инициативы у детей двух стран через количественный и качественный анализ.

4. На основе полученных результатов эмпирического исследования дать характеристику принципам культурно-адаптивной педагогической поддержки.

Гипотеза исследования: общий уровень игровой инициативы дошкольников в России и Китае статистически значимо не различается, однако качественные стратегии ее проявления культурно специфичны. Российские дети чаще будут инициировать спонтанные, творчески преобразованные сюжеты, тогда как китайские — преимущественно следовать знакомым социальным сценариям с акцентом на кооперацию.

Теоретическая значимость работы: обобщение отечественных, китайских и западных педагогических концепций детской игры и детализации межкультурных особенностей игровой инициативы, дополняющих основные положения культурно-исторической психологии Л. С. Выготского новыми эмпирическими данными о влиянии культурных ценностей на развитие субъектности ребенка в игре [1]. Результаты исследования позволяют уточнить понятие «педагогическая поддержка» применительно к дошкольному образованию в разных культурных контекстах [2].

Практическая значимость работы выражается в разработанном и апробированном авторском диагностическом комплексе для оценки игровой инициативы, а также в формулировке обоснованных гибких культурно-адаптивных принципов педагогического сопровождения детей, которые могут быть использованы воспитателями дошкольных учреждений обеих стран при организации свободной игры [8].

Основная часть

Методология исследования. Исследование проводилось на базе дошкольных учреждений г. Улан-Удэ (Россия) и Харбина (Китай). Исследование проведено на 120 детях среднего и старшего дошкольного возраста (60 девочек; 60 мальчиков). Основными критериями отбора послужили отсутствие заключений психолого-медико-педагогической комиссии и психиатра, отсутствие сложных проблем с физическим здоровьем; посещение дошкольного учреждения на постоянной основе (пропуски только по физическому состоянию здоровья ребенка).

Для проведения диагностики был разработан протокол наблюдения инициативы в игре. Диагностика проводилась с помощью педагогического наблюдения за детьми в процессе свободной игры. Протокол позволил оценить, как дети проявляют когнитивные, социальные и творческие способности в игре. Каждое проявление оценивалось с помощью трехбалльной шкалы, где 0 — низкий уровень, а 2 — высокий. Наблюдение за каждым ребенком проводилось по 25 минут в течение двух дней совместно с воспитателем.

Надежность протокола проверена с помощью критерия каппа Козна ($\kappa = 0,87$), который подтвердил надежность. Дополнительно для оценки были привлечены эксперты, проведен контент-анализ и анализ продуктов игровой деятельности (творческие зарисовки, аппликации, конструкции и др., созданные во время игры). Наблюдатель фиксировал не только заявленные критерии, но и умение ребенка обозначить тематику игры, понять правила, высказать собственное отношение к игре, детализировать компоненты, решать конфликты в ходе игры с другими участниками.

Все результаты были обработаны, а также проведен качественный и количественный анализ. Для сравнения выборок (Россия и Китай) был использован непараметрический критерий U-Манна—Уитни. Установление взаимосвязи между основными компонентами инициативы в игровой деятельности происходило с помощью корреляционного анализа Пирсона. Все результаты и выводы были дополнены мнением экспертов и качественной интерпретацией полученных данных.

Результаты исследования. Выявлено, что у 85 % детей дошкольного возраста уровень игровой инициативы находится на высоком уровне развития, вне зависимости от страны (средний балл: российские дети — 18,4, китайские — 18,1; $p = 0,312$). Корреляционный анализ выявил сильную положительную связь между когнитивно-творческим ($r = 0,72$) и социально-эмоциональным ($r = 0,65$) компонентами. Это подтверждает, что в структуре детской инициативы заложена системная целостность в организации игровой деятельности, а также позволило выявить, что игровая активность российских дошкольников проявляется при наличии творческих элементов в игре, способствующие развитию самостоятельности и навыков экспериментирования [15]; а у китайских — социальные и коммуникативные компоненты, развивающие культурные ценности и повышающие уровень коммуникации и социализации. В то же время китайская культура с ее акцентом на коллективизм способствует более высокому развитию социально-коммуникативных навыков в игре. Для детализации количественных различий были проанализированы средние баллы по каждому из трех компонентов инициативы. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Средние баллы компонентов игровой инициативы у российских и китайских дошкольников

Компонент	Российская выборка	Китайская выборка	Уровень значимости (p)
Когнитивно-творческий	6,8	5,4	$< 0,05$
Социально-коммуникативный	5,6	6,9	$< 0,05$
Эмоционально-волевой	6,0	5,8	$> 0,05$

Качественный анализ двух моделей реализации инициативы позволил выделить две культурно обусловленные стратегии проявления активности в игре:

• **Инициатива-экспрессия** (Россия). Дети создают спонтанные, нестандартные игровые сюжеты, свободно используют предметы-заместители в метафорическом значении, занимают лидерскую позицию при организации совместной игры [16]. Конфликты разрешаются через открытую дискуссию и аргументацию собственной точки зрения, эмоции радости и досады выражаются ярко и открыто. Воспитатель занимает позицию наблюдающего партнера, минимально вмешиваясь в игровой процесс. Пример игровой конструкции: асимметричная динамичная башня-космолет с множеством импровизированных деталей.

• **Инициатива-гармонизация** (Китай). Игровой процесс строится на стандартных социальных сценариях (магазин, больница, семья). Инициатива реализуется через детализацию и совершенствование общего сюжета, а не создание принципиально новой игровой идеи. Дети мягко договариваются, уступают партнерам, при возникновении спора предпочитают обратиться к воспитателю. Задача педагога заключается в организации совместной игровой деятельности, распределения между детьми ролей и озвучивание основных социальных норм, принятых в игре. Например, игра «Дом» с разделенными зонами, где каждый ребенок отвечает за определенное действие (кто-то готовит еду, кто-то убирается, кто-то укладывает куклу спать).

Распределение детей по типам инициативы наглядно представлено на рисунке.

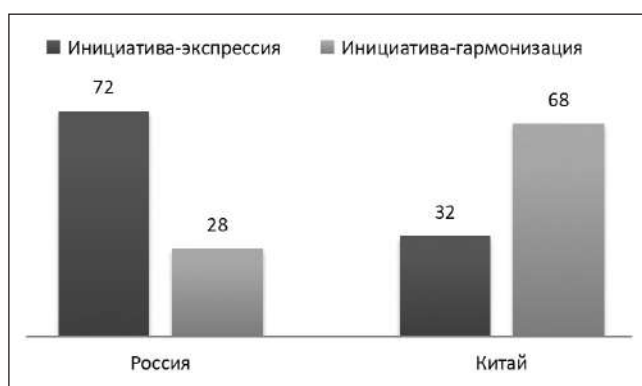

Рис. Распределение типов игровой инициативы у российских и китайских дошкольников, %

Сопоставительный анализ особенностей игровой инициативы представлен в табл. 2.

Выявленные параметры различаются, несмотря на совпадение количественных показателей инициативы детей дошкольного возраста в игровой деятельности. Культурные ценности способствуют формированию разных стратегий в игровой деятельности, а педагогический стиль организации игры — это транслятор моральных норм. Полученные результаты подтверждаются экспертными оценками воспитателей дошкольных образовательных учреждений. Российские воспитатели ценят фантазию, лидерство и творческую инициативу дошкольников, китайские — сотрудничество, соблюдение социальных норм и умение сдерживать негативные эмоции при возникновении конфликтов в игровых ситуациях.

Особенности проявления игровой инициативы старших дошкольников

Критерий сравнения	Российская выборка	Китайская выборка
Особенность игрового замысла	Оригинальный, спонтанный импровизированный сюжет	Стандартный социальный сценарий
Социальная инициатива	Лидерство, открытая дискуссия при конфликтах	Кооперация, поиск компромисса
Эмоциональная выразительность	Высокая, открытое демонстрирование эмоций	Сдержанность, сосредоточенность на процессе
Доминирующая роль педагога	Наблюдающий партнер	Организирующий наставник

Заключение и выводы

Представленное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Сравнение российских, китайских и западных концепций обнаружило четкие акценты, продиктованные культурой. Российские авторы (Л. С. Выготский, О. С. Газман) ставят во главу угла личностное самовыражение и творческую субъектность ребенка. В китайской традиции (Ли Цзиюань, Тянь Жуань) доминируют идеи социальной гармонии и коллективного взаимодействия. Западные исследователи фокусируются на когнитивном и эмоциональном развитии. Таким образом, трактовка инициативы обнаруживает выраженную культурную обусловленность.

2. Авторский протокол наблюдения прошел проверку и продемонстрировал высокую надежность ($\kappa = 0,87$). Он позволяет дифференцированно оценивать когнитивные, социальные и творческие компоненты инициативы и пригоден для работы в бикультурных образовательных средах.

3. По количественным показателям статистически значимых различий не обнаружено: средние баллы составили 18,4 и 18,1 ($p > 0,05$). Это говорит об универсальности возрастного потенциала. На качественном уровне выявлены иные закономерности. Российским детям оказалась присуща «инициатива-экспрессия» — спонтанность, тяга к творчеству и лидерству (72 % детей придумывали новые роли). Китайские дошкольники демонстрировали «инициативу-гармонизацию»: они чаще воспроизводили знакомые социальные сценарии, ориентировались на кооперацию (68 % следовали известному сюжету).

4. С опорой на полученные данные построена культурно-адаптивная модель, включающая три принципа: учет культурного контекста, баланс творчества и кооперации, гибкое сопровождение (от режиссуры к фасилитации). Внедрение модели требует ряда организационно-педагогических условий: систематической диагностики типов инициативы по созданному протоколу, целенаправленного повышения кросс-культурной компетентности воспитателей, трансформируемой предметно-игровой среды, ежедневной свободной игры продолжительностью не менее 45–60 минут и методической поддержки педагогов (банк игровых ситуаций, приемы фасилитации). Российским воспитателям адресована рекомендация усилить развитие кооперативных навыков, китайским — создавать безопасные пространства для спонтанного индивидуального творчества.

Таким образом, выдвинутая гипотеза полностью подтвердилась. Во-первых, количественный анализ не выявил статистически значимых различий в общем уровне игровой инициативы между российскими и китайскими дошкольниками (средний балл 18,4 и 18,1 соответственно; U -критерий Манна—Уитни: $p > 0,05$), что свидетельствует об универсальности возрастного потенциала. Во-вторых, качественный анализ подтвердил культурную специфику стратегий: российские дети в 72 % случаев демонстрировали спонтанное сюжетосложение и творческое преобразование ролей, тогда как китайские дошкольники в 68 % случаев воспроизводили знакомые социальные сценарии с ориентацией на кооперацию. Полученные результаты эмпирически обосновывают необходимость дифференцированной педагогической поддержки — стимулирования вариативности в китайской практике и развития кооперативных навыков в российской.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. М. : АСТ : ОГИЗ, 2026. 256 с.
- Газман О. С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: забота — поддержка — консультирование. М. : Инноватор, 1995. Вып. 3. С. 58—63.
- Ли Цзиюань. Социальная природа игры и развитие субъектности детей // Журнал педагогической науки. 2018. Т. 34. № 2. С. 45—52. (На кит. яз.)
- Tian Ruan. Yin and Yang: Play in Kindergarten and the Teachers' Role // Miller J. P., Xiang Li, Tian Ruan. Taoism, Teaching, and Learning: A Nature-Based Approach to Education. University of Toronto Press, 2022. Pp. 90—111.
- Хуан Цзинь, Ван Чжэн. Проявление и поддержка детской инициативы в коллективной игре в китайских детских садах // Журнал педагогических исследований. 2023. Т. 45. № 1. С. 102—110. (На кит. яз.)
- Чэнь Гуйшэн. Исследование игровой компетентности педагогов и ее влияния на инициативу детей // Исследования в области дошкольного образования. 2022. № 6. С. 12—20. (На кит. яз.)
- Play = Learning: How Play Motivates and Enhances Children's Cognitive and Social-Emotional Growth / eds. D. G. Singer, R. M. Golinkoff, K. Hirsh-Pasek. Oxford : Oxford University Press, 2006. 288 p.
- Bodrova E., Leong D. Tools of the Mind: The Vygotskian Approach to Early Childhood Education. 3rd ed. New York : Routledge, 2024. 308 p. DOI: 10.4324/9781003164920.
- Diamond A., Lee K. Interventions Shown to Aid Executive Function Development in Children 4 to 12 Years Old // Science. 2011. Vol. 333. No. 6045. Pp. 959—964. DOI: 10.1126/science.1204529.
- Лю Янь, Чжан Вэнь, Чэнь Ли. Сравнительное исследование игровой культуры в китайских и западных детских садах // Исследования дошкольного образования. 2020. Т. 31. № 4. С. 78—89. (На кит. яз.)

11. Ван Шоуцзянь. Роль сюжетно-ролевых игр в нравственном развитии дошкольников // Китайский журнал дошкольного образования. 2019. № 5. С. 23—29. (На кит. яз.)
12. Чинякова Н. И., Кобозева И. С. Организация воспитательной работы в процессе непрерывного музыкального образования (на примере патриотического воспитания) // Человеческий капитал. 2019. № 11(131). С. 172—181.
13. Абатаева П. Н. Теоретические и методические основы воспитания культуры поведения у детей старшего дошкольного возраста в игровой деятельности // Вестник Социально-педагогического института. 2022. № 4(44). С. 69—91. DOI: 10.26276/2226-0188.2022.44.4.006.
14. Волошина Л. Н., Гавришова Е. В., Панова Т. В. Педагогическая поддержка инициативности и самостоятельности дошкольников в двигательной деятельности: от модели к практике // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2021. Т. 6. № 2. С. 22—29. DOI: 10.47475/2500-0365-2021-16203.
15. Якименко В. А. Педагогическая диагностика игры дошкольника: современные тенденции и трудности проведения // Калининградский вестник образования. 2021. № 3(11). С. 40—51.
16. Кричевцова И. Г. Игровая деятельность детей раннего, младшего и дошкольного возраста в контексте Федеральной образовательной программы дошкольного образования // Мир педагогики и психологии. 2024. № 10(99). С. 91—97.

REFERENCES

1. Vygotsky L. S. Questions of child psychology. Moscow, AST, OGIZ, 2026. 256 p. (In Russ.)
2. Gazman O. S. Pedagogical support of children in education as an innovative problem. *Novye tsennosti obrazovaniya: zabota — podderzhka — konsul'tirovanie = New values of education: Care — support — consulting*. Moscow, Innovator, 1995; 3:58—63. (In Russ.)
3. Li Jiuyan. The Social Nature of Play and the Development of Children's Subjectivity. *Journal of Pedagogical Science*, 2018, vol. 34, no. 2, pp. 45—52. (In Chinese)
4. Tian Ruan. Yin and Yang: Play in Kindergarten and the Teachers' Role. Miller J. P., Xiang Li, Tian Ruan. *Taoism, Teaching, and Learning: A Nature-Based Approach to Education*. University of Toronto Press, 2022. Pp. 90—111.
5. Huang Jin, Wang Zheng. Manifestation and Support of Children's Initiative in Collective Play in Chinese Kindergartens. *Journal of Educational Research*. 2023;45(1):102—110. (In Chinese)
6. Chen Guisheng. Research on Teachers' Play Competence and Its Influence on Children's Initiative. *Preschool Education Research*. 2022;6:12—20. (In Chinese)
7. Play = Learning: How Play Motivates and Enhances Children's Cognitive and Social-Emotional Growth. D. G. Singer, R. M. Golinkoff, K. Hirsh-Pasek (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2006. 288 p.
8. Bodrova E., Leong D. Tools of the Mind: The Vygotskian Approach to Early Childhood Education. 3rd ed. New York : Routledge, 2024. 308 p. DOI: 10.4324/9781003164920.
9. Diamond A., Lee K. Interventions Shown to Aid Executive Function Development in Children 4 to 12 Years Old. *Science*. 2011;333(6045):959—964. DOI: 10.1126/science.1204529.
10. Liu Yan, Zhang Wen, Chen Li. A Comparative Study of Play Culture in Chinese and Western Kindergartens. *Research in Preschool Education*. 2020;31(4):78—89. (In Chinese)
11. Wang Shouquan. The Role of Role-Playing Games in the Moral Development of Preschoolers. *Chinese Journal of Preschool Education*. 2019;5:23—29. (In Chinese)
12. Chinyakova N. I., Kobozeva I. S. Organization of educational work in the process of continuous music education (on the example of patriotic education). *Chelovecheskii kapital = Human Capital*. 2019;11(131):172—181. (In Russ.)
13. Abatayeva P. N. Theoretical and methodological foundations of the education of the culture of behavior in older preschool children in play activities. *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta = Bulletin of the Socio-Pedagogical Institute*. 2022;4(44):69—91. (In Russ.) DOI: 10.26276/2226-0188.2022.44.4.006.
14. Voloshina L. N., Gavrishova E. V., Panova T. V. Pedagogical support of initiative and independence of preschool children in motor activity: from model to practice. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreatsiya = Physical Culture. Sport. Tourism. Motor Recreation*. 2021;6(2):22—29. (In Russ.) DOI: 10.47475/2500-0365-2021-16203.
15. Yakimenko V. A. Pedagogical diagnostics of the preschooler's game: current trends and difficulties in conducting. *Kaliningradskij Vestnik Obrazovaniya*. 2021;3(11):40—51. (In Russ.)
16. Krichevtsova I. G. Play activities of children of early, junior and preschool age in the context of the federal educational program of preschool education. *Mir pedagogiki i psikhologii*. 2024;10(99):91—97. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.06.2026; одобрена после рецензирования 26.07.2026; принята к публикации 27.07.2026.
The article was submitted 29.06.2026; approved after reviewing 26.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

Научная статья
УДК 378
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1723

Alexander Vladimirovich Zaitsev
Student of the Command Faculty,
N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin
Air Force Academy
Voronezh, Russian Federation
930700@mail.ru

Александр Владимирович Зайцев
слушатель командного факультета,
Военно-воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина
Воронеж, Российская Федерация
930700@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО КОНТРАКТУ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития у военнослужащих-контрактников ценностного отношения к своей профессиональной деятельности. В условиях перехода Вооруженных Сил РФ на контрактный способ комплектования возрастает потребность в формировании у военнослужащих устойчивой внутренней позиции, ориентированной на принятие военной профессии как личностно и социально значимой ценности. Цель исследования — теоретически обосновать сущность и структуру ценностного отношения, выявить педагогические условия и предложить практические решения проблемы. Методологическую основу составляют аксиологический, личностно-деятельностный, системный и экзистенциальный подходы.

В работе уточнено понятие ценностного отношения военнослужащего-контрактника к профессиональной деятельности, представляющее собой осознанно-активную, избирательно-устойчивую внутреннюю позицию военнослужащего, проявляющуюся в системе мотивов, знаний, эмоциональных переживаний и поведенческих установок, определяющую значимость военной службы как личностно и социально ценной деятельности и регулирующую его профессиональное поведение. Обоснованы характеристики: осознанность, активность, устойчивость. Предложен

компонентный состав: мотивационно-целевой, содержательно-процессуальный, эмоционально-оценочный и результативно-смысловой компоненты. Обоснован комплекс педагогических условий: интеграция видов деятельности, актуализация аксиологического содержания военного дела, наставничество, рефлексивные практики, создание воспитывающей среды.

В качестве примера предлагается реализация «Экзистенциального клуба» как формы регулярно проводимых групповых встреч военнослужащих, строящихся по принципам диалога, субъектности и открытости. Деятельность клуба направлена на работу с экзистенциалами военного бытия (смертью, свободой, изоляцией, бессмысленностью и пр.) и структурирована по нескольким тематическим модулям, которые логично разворачиваются во времени, создавая эффект погружения. В статье приведены примеры трех модулей: «Цена выбора», «Лицом к пределу», «Товарищество как судьба».

Ключевые слова: ценностное отношение, характеристики, компоненты, военнослужащие по контракту, профессиональная деятельность, педагогические условия, «Экзистенциальный клуб», принципы работы, модули, воспитательная работа, диагностика

Для цитирования: Зайцев А. В. Развитие ценностного отношения к профессиональной деятельности у военнослужащих по контракту // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 511—516. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1723.

Original article

DEVELOPING A VALUE-BASED ATTITUDE TO PROFESSIONAL ACTIVITY AMONG CONTRACT MILITARY PERSONNEL

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article is devoted to the problem of developing a value-based attitude towards professional activity among contract military personnel. In the context of the transition of the Armed Forces of the Russian Federation to a contract-based recruitment system, the need is growing to foster in military personnel a stable internal stance oriented towards accepting the military profession as a personally and socially significant value. The aim of the study is to theoretically substantiate the essence and structure of the value-based attitude, to identify pedagogical conditions, and to propose practical solutions to the problem. The methodological basis consists of axiological, personality-activity, systemic, and existential approaches.

The paper clarifies the concept of a contract soldier's value-based attitude towards professional activity, which is a consciously active, selectively stable internal position of the service member, manifested in a system of motives, knowledge, emotional experiences and behavioral attitudes, determining the significance of military service as a personally and socially valuable activity and regulating their professional behavior. The following characteristics are substantiated: awareness; activity; stability. A component structure is proposed: motivational-goal, content-process, emotional-evaluative and resultative-semantic components. The following set of pedagogical conditions is substantiated: integration of types of activities;

actualization of the axiological content of military affairs; mentoring, reflective practices; creation of an educational environment.

As an example of a practical solution to the problem, the implementation of the “Existential Club” is proposed as a form of regularly held group meetings of military personnel, structured on the principles of dialogue, subjectivity, and openness. The club’s activities are aimed at working with the existential aspects of military life (death, freedom, isolation, meaninglessness, etc.) and are structured around several thematic modules that logically unfold over time, creating an immersive effect. The article provides examples of three modules: The Price of Choice, Facing the Limit, and Comradeship as Fate.

Keywords: value-based attitude, characteristics, components, contract military personnel, professional activity, pedagogical conditions, “Existential Club”, working principles, modules, educational work, diagnostics

For citation: Zaitsev A. V. Developing a value-based attitude to professional activity among contract military personnel. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):511—516. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1723.

Введение

Актуальность. Современный этап развития Вооруженных Сил РФ характеризуется качественным изменением принципов комплектования армии, среди которых ключевое место занимает переход к контрактному способу замещения воинских должностей. Данный процесс объективно обусловлен потребностью в профессиональном, мотивированном и психологически устойчивом военнослужащем, способном эффективно решать служебно-боевые задачи в условиях возрастающей сложности военно-политической обстановки [1, с. 1084]. В этих условиях проблема развития у военнослужащих контрактной службы ценностного отношения к военной службе приобретает не только теоретическую, но и остро практическую значимость [2, с. 73].

Степень изученности проблемы. Проблема ценностного отношения к военной службе имеет междисциплинарный характер и находится на стыке философии, психологии, социологии и педагогики. Анализ научной литературы позволяет выделить несколько направлений исследований, имеющих прямое или опосредованное отношение к заявленной теме.

В философском аспекте ценностная проблематика разрабатывалась в трудах М. С. Кагана, О. Г. Дробницкого и других авторов, заложивших теоретические основания аксиологии как учения о природе ценностей, их классификации и роли в жизнедеятельности человека. Философский подход к пониманию ценностей как значимых для человека объектов, явлений и идей, определяющих направленность его деятельности, составляет методологическую базу для педагогических исследований развития у военнослужащих контрактной службы ценностного отношения к военной службе.

В психологическом аспекте проблема ценностных ориентаций личности разрабатывалась в рамках деятельностного подхода (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн), теории установки (Д. Н. Узнадзе), концепции смысложизненных ориентаций (Д. А. Леонтьев). Работы по психологии убедительно показывают, что ценности выполняют функцию регулятора поведения, выступая в качестве внутренних ориентиров. Как отмечает в данной связи А. В. Барабанщиков, ценностные ориентации военнослужащих — это «устойчивые представления о значимости воинского долга, патриотизма, чести и товарищества, которые становятся внутренними регуляторами их деятельности» [3, с. 20].

В социологическом аспекте ценностные ориентации военнослужащих изучались в контексте профессиональной социализации. К примеру, исследования Н. С. Мекебаева демонстрируют взаимосвязь ценностных ориентаций и ролевых моделей у военнослужащих по контракту [4, с. 87], что свидетельствует о социальной обусловленности ценностной сферы военнослужащего.

В педагогическом аспекте проблема ценностных отношений рассматривалась в работах В. А. Сластенина, И. Ф. Исаева, Е. Н. Шиянова, обосновавших аксиологический подход в педагогике как методологическую стратегию, ориентированную на признание ценности человека и развитие его ценностно-смысловой сферы. Применительно к военнослужащим значительный вклад, помимо автора настоящего исследования, внесли А. В. Барабанщиков, В. И. Вдовюк, В. Я. Слепов и др. В целях развития ценностного отношения к профессиональной деятельности у военнослужащих по контракту актуальны изучение рефлексивной составляющей инициативности военнослужащих [5], а также духовно-нравственный аспект [6].

С дидактической точки зрения любопытны исследования Ф. Н. Алипхановой и Э. А. Степенко, занимающихся формированием культуры офицера. Ученые конкретизируют специфику военнослужащих и разрабатывают педагогический инструментарий на примере офицеров военнорестральной службы [7, с. 23].

Особо весом вклад в изучаемую нами проблему, с нашей точки зрения, С. В. Теплякова, в работах которого представлена классификация ценностей военной службы военнослужащих по контракту, распределенных по отношению: к себе, к профессии, к другим, к стране [8—10]. Не менее важны работы, в которых освещена проблематика ценностного отношения военнослужащих сквозь призму использования в этом процессе традиций и ритуалов в Вооруженных Силах Российской Федерации [11], а также потенциала личного состава [12]. Идеологически близка нам и позиция Е. А. Исаева, предлагающего рассматривать ценности как «экзистенциальны бытия человека, наполняющие его профессиональную деятельность» [13, с. 45], а «экзистенциальный подход считать современным вектором диверсификации образования» [14, с. 14].

Вместе с тем анализ научной литературы говорит о том, что, несмотря на наличие значительного числа исследований по смежным проблемам, проблема развития у военнослужащих-контрактников ценностного отношения к военной деятельности не получила системного освещения. Большинство работ фокусируется либо на отдельных аспектах ценностных ориентаций, либо на формировании ценностного отношения на этапе профессиональной подготовки, тогда как специфика контрактной службы, особенности ценностной динамики уже в процессе профессиональной деятельности военнослужащего-контрактника остаются недостаточно изученными.

Целесообразность разработки темы определяется противоречием между объективной потребностью Вооруженных Сил в военнослужащих-контрактниках с высоким уровнем ценностного отношения к военной службе и недостаточной разработанностью педагогических механизмов, средств и условий развития данного феномена.

Цель исследования — теоретически обосновать сущность и структуру ценностного отношения военнослужащего-контрактника к военной службе, выявить педагогические условия и предложить пути развития данного феномена в процессе профессиональной деятельности военнослужащего по контракту.

Задачи исследования:

- уточнить сущность феномена «ценностное отношение к профессиональной деятельности у военнослужащего-контрактника»;
- обосновать комплекс педагогических условий, способствующих эффективному развитию ценностного отношения;
- предложить педагогические инструменты развития ценностного отношения военнослужащего-контрактника к профессиональной деятельности.

Научная новизна исследования заключается в уточнении понятия «ценностное отношение военнослужащего-контрактника к военной службе», понимаемое как интегративное личностное образование, и предложении способов его развития.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие теории профессионального образования, в частности в разработку аксиологических аспектов воспитания военнослужащих-контрактников.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности командиров и должностных лиц воспитательных структур воинских частей при организации воспитательной работы с военнослужащими-контрактниками.

Основная часть

Методология исследования. Методологическую основу исследования составляют следующие подходы:

- *аксиологический* — позволяет рассматривать ценностное отношение как центральный феномен становления личности, определяющий направленность и эффективность педагогического процесса;
- *личностно-деятельностный* — позволяет рассматривать развитие ценностного отношения в контексте активной деятельности самого военнослужащего, его субъектной позиции;
- *системный* — дает возможность представить ценностное отношение как системное образование, структурные компоненты которого находятся во взаимосвязи и взаимозависимости;
- *экзистенциальный* — акцентирует внимание на уникальности личностного бытия военнослужащего, его свободе выбора, ответственности и осмысленности собственного существования; подход позволяет рассматривать ценностное отношение не как внешне транслируемую установку, а как результат глубокого личностного выбора, принятия военнослужащим экзистенциальных вызовов (риск, смерть, долг, товарищество и т. п.) и обретения смысла в своей профессиональной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение. На основе анализа существующих определений и с учетом специфики контрактной военной службы под *ценностным отношением к профессиональной деятельности военнослужащего по контракту* предлагается понимать *интегративное личностное образование, представляющее собой осознанно-активную, избирательно-устой-*

чивую внутреннюю позицию военнослужащего, проявляющуюся в системе мотивов, знаний, эмоциональных переживаний и поведенческих установок, определяющую значимость военной службы как личностно и социально ценной деятельности и регулирующую его профессиональное поведение [1, с. 1084]. Исходя из такого понимания, военнослужащий с ценностным отношением к военной службе обладает следующими характеристиками: осознанностью (военнослужащий понимает сущность и значение военной службы, осознает свои обязанности и ответственность); активностью (ценностное отношение проявляется не в пассивном принятии, а в деятельности позиции военнослужащего); устойчивостью (у военнослужащего ценностное отношение не ситуативно, а представляет собой стабильную характеристику личности).

Для операционализации данного феномена в режиме образовательного процесса предлагаем выделить следующие четыре компонента ценностного отношения к военной службе у военнослужащих по контракту:

- **Мотивационно-целевой компонент** отражает мотивы, побуждающие военнослужащего по контракту к исполнению воинского долга, и цели своей профессиональной деятельности.
- **Содержательно-процессуальный компонент** включает знания военнослужащего о военной службе, ее задачах, содержании, требованиях к личности воина, а также освоенные способы деятельности.
- **Эмоционально-оценочный компонент** отражает эмоциональный настрой военнослужащего, его переживания, чувство гордости за принадлежность к Вооруженным силам, удовлетворенность службой, эмоциональную привязанность к воинскому коллективу.
- **Результативно-смысловой компонент** — осмысленность военной службы для военнослужащего, ее включенность в систему его жизненных смыслов, а также реальные результаты деятельности, свидетельствующие о

На основе теоретического анализа и опыта работы с военнослужащими по контракту предлагаем следующие педагогические условия, способствующие эффективному развитию у военнослужащих ценностного отношения к своей профессиональной деятельности:

- **Интеграция учебно-воспитательной, служебно-боевой и внеслужебной видов деятельности военнослужащих** [8, с. 221—223]. Это означает, что развитие ценностного отношения не может ограничиваться рамками специальных воспитательных мероприятий, а должно пронизывать все сферы жизнедеятельности военнослужащего: учебные занятия, боевую подготовку, несение службы, быт, досуг. Интегративный подход позволяет создать единое воспитательное пространство, в котором ценности последовательно транслируются и закрепляются в различных видах деятельности.

• **Актуализация аксиологического потенциала военного дела.** История России и ее Вооруженных Сил, примеры героизма и самопожертвования, воинские традиции, уставные нормы — всё это содержит мощный ценностный заряд [11]. Задача командира — актуализировать этот потенциал, представить военнослужащему ценностное содержание военной службы в личностно значимой форме.

• **Организация наставнической деятельности.** Как известно, ничто так не воспитывает, как живой пример человека, который воплощает в себе идеалы служения

и ответственности [15, с. 555—556]. Наставник-офицер, демонстрируя своим поведением ценностное отношение к военной службе, передает эти ценности подчиненным. Особое значение наставничество приобретает на начальном этапе контрактной службы, когда у военнослужащего формируется первичное представление о ценностном содержании военной профессии.

• **Использование рефлексивных практик.** Развитие ценностного отношения невозможно без рефлексии — осмысления военнослужащим собственной деятельности, ее мотивов, целей и результатов. Рефлексивные практики позволяют военнослужащему осознать свои ценности, увидеть их соответствие или несоответствие требованиям военной службы и на этой основе корректировать свое поведение [5].

• **Создание воспитывающей среды в воинской части.** Характер взаимоотношений в воинском коллективе, традиции, ритуалы, бытовые условия — всё это оказывает существенное влияние на развитие ценностного отношения. Воспитывающая среда должна характеризоваться уважительными отношениями между военнослужащими, справедливым распределением обязанностей и поощрений, вниманием к потребностям и проблемам каждого военнослужащего, развитой системой воинских ритуалов и традиций [6; 12].

Реализуя данный теоретический взгляд на практике, мы в воинской части в течение одного календарного года организовали «Экзистенциальный клуб». В своей сущности он представляет собой форму регулярно проводимых групповых встреч военнослужащих, строящихся по принципам диалога, субъектности и открытости.

Деятельность клуба была направлена на работу с экзистенциалами человеческого бытия (смертью, свободой, изоляцией, бессмысленностью и пр.) и структурирована по нескольким тематическим модулям, которые логично разворачиваются во времени, создавая эффект погружения.

Рассмотрим несколько модулей:

1. Модуль «**Цена выбора**» был посвящен осмыслению свободы и ответственности в условиях контрактной службы, где выбор профессии является добровольным актом. В ходе дискуссий анализировались биографии известных полководцев и героев, но акцент делался не на перечислении заслуг, а на анализе моментов экзистенциального выбора, которые определяли их судьбу. Это позволяло военнослужащему «увидеть в исторической перспективе не абстрактный идеал, а живую модель личностного самоопределения» [14, с. 12].

2. Модуль «**Лицом к пределу**» затрагивает темы риска, страха и конечности существования. Для военнослужащего, особенно участвовавшего в боевых действиях, опыт столкновения со смертью является травматичным, но одновременно и мощным ресурсом для личностного роста [7, с. 24]. В рамках клуба этот опыт не табуировался, а становился предметом глубокого и бережного обсуждения.

3. Модуль «**Товарищество как ценность**» обращен был к проблеме экзистенциальной изоляции и поиску подлинной общности. В ходе работы клуба акцент делался на том, что служебно-боевое товарищество — это не просто уставное требование, а экзистенциальный ответ на вызов одиночества.

Таким образом, «Экзистенциальный клуб» органично вписывается в общую систему воспитательной работы с военнослужащими-контрактниками, восполняя крити-

ческий дефицит глубокой личностной работы и обеспечивая перевод ценностного отношения к военной службе из разряда декларируемых норм в разряд подлинных экзистенциальных оснований профессионального бытия воина.

Чтобы проверить эффективность нашей работы, мы провели диагностику уровня ценностного отношения к военной службе до и после внедрения в жизнедеятельность военнослужащих по контракту мероприятия «Экзистенциальный клуб» с помощью опросника «Военно-профессиональная мотивация» (Б. В. Овчинников, А. Ф. Боровиков). В процедуре приняли участие 80 военнослужащих. Результаты представлены на рисунке.

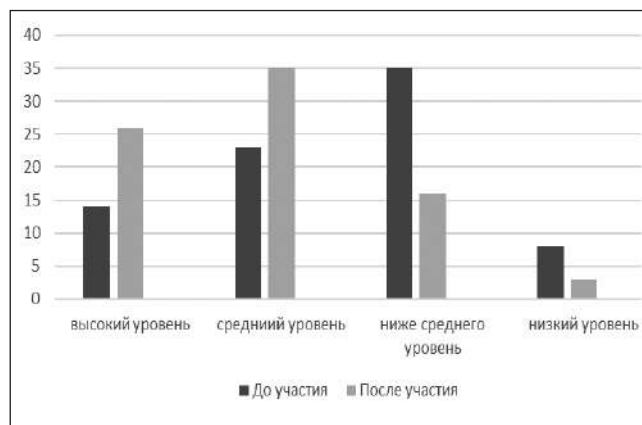

Рис. Результаты опроса

Мы видим положительную динамику в ценностном отношении контрактников. Это говорит об эффективности предложенного нами педагогического средства.

Выводы

Опыт работы и изучение литературы говорят о том, что развитие ценностного отношения к профессиональной деятельности у военнослужащих по контракту — это актуальная педагогическая проблема, обусловленная противоречием между потребностью Вооруженных Сил в профессиональных, мотивированных и ценностно-ориентированных военнослужащих и недостаточной разработанностью педагогических механизмов, средств и условий развития данного феномена.

Ценностное отношение к военной службе представляет собой интегративное личностное образование, включающее мотивационно-целевой, содержательно-процессуальный, эмоционально-оценочный и результативно-смысловой компоненты в их единстве и взаимосвязи [1]. Данное образование характеризуется осознанностью, активностью, устойчивостью.

В качестве педагогических условий развития ценностного отношения к профессиональной деятельности военнослужащих по контракту предложены: интеграция учебно-воспитательной, служебно-боевой и внеслужебной видов деятельности военнослужащих; актуализация аксиологического потенциала военного дела; организация наставнической деятельности; использование рефлексивных практик; создание воспитывающей среды в воинской части.

Экспериментальная апробация мероприятия «Экзистенциальный клуб» подтвердило его эффективность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдалина Л. В., Зайцев А. В. Моделирование процесса развития у военнослужащего-контрактника ценностного отношения к военной службе // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. Вып. 10. С. 1084—1091. DOI: 10.30853/ped2023015.
2. Зайцев А. В. Содержание и структура ценностного отношения военнослужащих контрактной службы к военной службе // Современные наукоемкие технологии. 2023. № 3. С. 72—76. DOI: 10.17513/snt.39559.
3. Барабанщиков А. В., Давыдов В. П., Феденко Н. Ф. Основы военной психологии и педагогики / под ред. А. В. Барабанщикова. М. : Просвещение, 1988. 269 с.
4. Мекебаев Н. С. Взаимосвязь ценностных ориентаций и ролевых моделей у военнослужащих по контракту // Смалта. 2021. № 2. С. 87—95.
5. Бондаренко В. С. Рефлексивный подход в формировании инициативности военнослужащих // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 1(102). С. 186—189.
6. Шидов А. З. Духовно-нравственное развитие военнослужащих-контрактников: педагогические условия и среда воспитания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2019. Вып. 4(248). С. 111—117.
7. Алипханова Ф. Н., Степенко Э. А. Дидактические особенности формирования в условиях высшей школы профессиональной культуры офицеров военно-оркестровой службы // Психология, педагогика и андрагогика: тенденции и перспективы развития в современном информационном обществе : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Перспектива, 2024. С. 23—28.
8. Тепляков С. В. Воспитательные функции офицера по формированию профессиональных ценностных ориентаций у военнослужащих по контракту ВНГ РФ // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2023. № 1(63). С. 221—227.
9. Тепляков С. В. Модель формирования профессиональных ценностных ориентаций у военнослужащих контрактной службы войск национальной гвардии России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 2-2. С. 97—101.
10. Тепляков С. В. Профессионально важные ценности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в войсках национальной гвардии России // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 2(119). С. 201—212. DOI: 10.23859/1994-0637-2024-2-119-15.
11. Яцук К. В., Романов А. А., Сорока А. С., Сураев А. Г. Традиции и воинские ритуалы в Вооруженных Силах Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. № 45 (179). С. 163—165.
12. Левочкин А. Н. К вопросу о воспитании личного состава // Наукоеведение. 2015. Т. 7. № 3. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/51PVN315.pdf>.
13. Исаев Е. А. Экзистенциальный подход в образовании : слов.-справ. Воронеж : ВГПУ, 2025. 107 с.
14. Романенко Н. М., Исаев Е. А. Диверсификация высшего образования на основе экзистенциального подхода // Диверсификация непрерывного профессионального образования: история, теория, практика : коллектив. моногр. Воронеж : ВГПУ, 2026. С. 12—22.
15. Исаев Е. А. Наставничество как ресурс становления культуры профессиональной самоорганизации будущего учителя // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. Вып. 5. С. 555—560. DOI: 10.30853/ped20230079.

REFERENCES

1. Abdalina L. V., Zaitsev A. V. Modelling the process of development of a contract soldier's value attitude towards military service. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2023;8(10):1084—1091. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped2023015.
2. Zaytsev A. V. Content and structure of the value attitude of military service service [sic!] personnel to military service. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2023;3:72—76. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.39559
3. Barabanshchikov A. V., Davydov V. P., Fedenko N. F. Fundamentals of military psychology and pedagogy. A. V. Barabanshchikov (ed.). Moscow, Prosveshchenie, 1988. 269 p. (In Russ.)
4. Mekebaev N. S. The relationship of value orientations and role models in military personnel under contract. *Smalta*. 2021;2:87—95. (In Russ.)
5. Bondarenko V. S. A reflexive approach to the formation of military initiative. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Orel State University*. 2024;1(102):186—189. (In Russ.)
6. Shidov A. Z. Spiritual and moral development of military servicemen-contractors: pedagogical conditions and environment. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psikhologiya» = The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Pedagogy and Psychology»*. 2019;4(248):111—117. (In Russ.)
7. Alipkhanova F. N., Stepenko E. A. Didactic features of formation in the conditions of higher education of professional culture of officers of military-orchestra service. *Psikhologiya, pedagogika i andragogika: tendentsii i perspektivy razvitiya v sovremennom informatsionnom obshchestve = Psychology, pedagogy and andragogy: trends and prospects for development in the modern information society. Proceedings of the II International scientific and practical conference*. Krasnodar, Perspektiva, 2024:23—28. (In Russ.)
8. Teplyakov S. V. Educational functions of an officer in the formation of professional value orientations among military personnel under the contract of the Russian Federation. *Izvestiya Baltiiskoi gosudarstvennoi akademii rybpromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki = The Tidings of the Baltic State Fishing Fleet Academy. Psychological and pedagogical sciences*. 2023;1(63):221—227. (In Russ.)

9. Teplyakov S. V. A model for the formation of professional value orientations among military personnel of the contract service of the Russian National Guard Troops. *Sovremennaya nauka: actual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern Science: actual problems of theory and practice. Series Humanities*. 2024;2-2:97—101. (In Russ.)
10. Teplyakov S. V. Professionally important values of military personnel undergoing military service under contract in the troops of the National Guard of Russia. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Cherepovets State University Bulletin*. 2024;2(119):201—212. (In Russ.) DOI: 10.23859/1994-0637-2024-2-119-15.
11. Yatsuk K. V., Romanov A. A., Soroka A. S., Suraev A. G. Traditions and military rituals in the Armed Forces of the Russian Federation. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2017;45(179):163—165. (In Russ.)
12. Levochkin A. N. To the question of the education of personnel. *Naukovedenie*. 2015;7(3). (In Russ.) URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/51PVN315.pdf>.
13. Isaev E. A. Existential approach in education. Dictionary-reference book. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University publ., 2025. 107 p. (In Russ.)
14. Romanenko N. M., Isaev E. A. Diversification of higher education based on an existential approach. *Diversifikatsiya nepre-ryvno professional'nogo obrazovaniya: istoriya, teoriya, praktika = Diversification of continuing professional education: History, theory, practice*. Collective monograph. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University publ., 2026. Pp. 12—22. (In Russ.)
15. Isaev E. A. Mentoring as a resource of developing the future teacher's culture of professional self-organization. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2023;8(5):555—560. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20230079.

Статья поступила в редакцию 07.07.2026; одобрена после рецензирования 29.07.2026; принята к публикации 03.08.2026.
The article was submitted 07.07.2026; approved after reviewing 29.07.2026; accepted for publication 03.08.2026.

Научная статья

УДК 378.147

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1681

Timur Evgenievich Kamaev

Vice Rector for Educational

and Social Development,

Senior Lecturer of the Department of Philology

and Social Communications,

Azov State

Pedagogical University named after P. D. Osipenko

Berdyansk, Russian Federation

alohaberdyansk@yandex.ru

Тимур Евгеньевич Камаев

проректор по воспитательной деятельности

и социальному развитию,

старший преподаватель кафедры филологии

и социальных коммуникаций,

Азовский государственный

педагогический университет им. П. Д. Осипенко

Бердянск, Российская Федерация

alohaberdyansk@yandex.ru

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА В ВУЗЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНА

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматривается проблема ценностно-смысловой подготовки будущих педагогов в контексте личностно-ориентированного взаимодействия в системе высшего педагогического образования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления теоретических оснований организации образовательного процесса в вузе исторического региона, где культурно-исторический контекст выступает смыслообразующим фактором профессионального становления студентов. В работе обосновывается, что эффективная подготовка будущих педагогов требует перехода от традиционной знаниевой парадигмы к личностно-развивающей, что предполагает изменение характера взаимодействия между преподавателем и студентом. Цель исследования — теоретическое обоснование личностно-ориентированного взаимодействия как системообразующего фактора ценностно-смысловой подготовки будущих педагогов в условиях вуза исторического региона. Методологическая стратегия базируется на системно-деятельностном, личностно-ориентированном, аксиологическом, субъектно-деятельностном и смысловом подходах, что позволяет рассматривать взаимодействие как целостное, многоуровневое явление. На основе выделенных подходов сформулированы принципы организации взаимодействия (субъектной активности, диалогичности, ценностно-смыслового единства, социокультур-

турной обусловленности, осмысленности и открытости) и определены критерии его эффективности (эмоциональная включенность, смысловая активность, субъектная позиция, ценностная рефлексия, готовность к диалогу). Обоснована трехуровневая логика анализа (макро-, мезо-, микро-), раскрыты сущностные характеристики, функции и этапы личностно-ориентированного взаимодействия — от прогностического моделирования до рефлексивно-корректирующего завершения. Особое внимание уделено региональному контексту, интегрируемому в содержание всех этапов взаимодействия. Научная новизна заключается в теоретическом обосновании личностно-ориентированного взаимодействия как целостного явления ценностно-смыслового становления будущих педагогов с учетом специфики вуза исторического региона. Практическая значимость состоит в том, что выделенные критерии эффективности создают основу для эмпирического исследования и проектирования образовательного процесса, направленного на ценностно-смысловое развитие будущих педагогов.

Ключевые слова: подготовка будущих педагогов, ценностно-смысловая подготовка, исторический регион, личностно-ориентированное взаимодействие, субъект-субъектные отношения, личностно-ориентированный подход, этапы взаимодействия, ценностно-смысловой подход, региональный контекст, педагогическая рефлексия

Для цитирования: Камаев Т. Е. Личностно-ориентированное взаимодействие как основа ценностно-смысловой подготовки будущего педагога в вузе исторического региона // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 517—522. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1681.

Original article

PERSONALITY-ORIENTED INTERACTION AS A FOUNDATION FOR VALUE-MEANINGFUL TRAINING OF FUTURE TEACHERS IN A HISTORICAL REGION UNIVERSITY

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article examines the problem of value-meaningful training of future teachers in the context of personality-oriented interaction in the system of higher pedagogical education. The relevance of the study is due to the need to rethink

the theoretical foundations of the organization of the educational process in a university of a historical region, where the cultural and historical context acts as a meaning-forming factor in the professional development of students. The paper

substantiates that effective training of future teachers requires a transition from the traditional knowledge-based paradigm to a personality-developing one, which implies a change in the nature of interaction between teacher and student. The aim of the study is to provide a theoretical substantiation of personality-oriented interaction as a system-forming factor in the value-meaningful training of future teachers in a university of a historical region. The methodological strategy is based on systemic-activity, personality-oriented, axiological, subject-activity and meaning-based approaches, which allows considering interaction as a holistic, multi-level phenomenon. On the basis of the identified approaches, the principles of organizing interaction are formulated (subjective activity, dialogicity, value-meaningful unity, sociocultural conditionality, reflexivity and openness) and criteria for its effectiveness are identified (emotional involvement, semantic activity, subject position, value reflection, readiness for dialogue). The three-level logic

of analysis is substantiated, the essential characteristics, functions and stages of personality-oriented interaction are revealed — from prognostic modeling to reflexive-corrective completion. Special attention is paid to the regional context integrated into the content of all stages of interaction. The scientific novelty lies in the theoretical substantiation of personality-oriented interaction as an integral phenomenon of the value-meaningful formation of future teachers, taking into account the specifics of a university in a historical region. The practical significance lies in the fact that the identified effectiveness criteria create a basis for empirical research and the design of the educational process aimed at the value-meaningful development of future teachers.

Keywords: *training of future teachers, value-meaningful training, historical region, personality-oriented interaction, subject-subject relationships, personality-oriented approach, stages of interaction, value-meaning approach, regional context, pedagogical reflection*

For citation: Kamaev T. E. Personality-oriented interaction as a foundation for value-meaningful training of future teachers in a historical region university. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):517—522. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1681.

Введение

Современные преобразования высшего педагогического образования актуализируют подготовку специалиста, способного выстраивать субъектно-смысловые отношения с обучающимися. В условиях смены образовательной парадигмы особое значение приобретает характер взаимодействия между преподавателем и студентом, который определяет становление ценностно-смысловой сферы будущих педагогов — их профессионального мировоззрения и личностных смыслов избранной деятельности. Именно ценностно-смысловая подготовка выступает ключевым фактором профессионального самоопределения будущих педагогов.

Особую значимость данная проблема приобретает в вузах исторических регионов, где культурно-исторический контекст, традиции педагогического образования и региональные ценностные ориентиры накладывают глубокий отпечаток на процесс профессионального становления будущих педагогов, выступая одновременно и ресурсом, и смыслообразующим фактором его подготовки. **Актуальность** исследования обусловлена недостаточной разработанностью теоретических моделей и технологий, обеспечивающих ценностно-смысловое развитие будущих педагогов; противоречием между признанием региона как смыслового пространства профессионального становления и отсутствием научно обоснованных подходов к интеграции регионального культурно-исторического контекста в содержание и формы дидактического взаимодействия. Преодоление данных противоречий требует обращения к методологическому обоснованию личностно-ориентированного взаимодействия как системообразующего фактора ценностно-смысловой подготовки будущих педагогов.

Изученность проблемы. В педагогической науке накоплен значительный теоретический материал, касающийся различных аспектов педагогического взаимодействия. Фундаментальные основы профессионально-педагогического общения заложены в исследованиях Т. В. Гудковой [1], которая рассматривала педагогическое общение как циклический процесс, включающий этапы моделирования, организации, управления и анализа, а также Н. В. Кузьминой [2], выделившей конструктивный, проектировочный

и организаторский компоненты педагогической деятельности. Теоретико-методологические основания субъектно-деятельностного подхода разработаны К. А. Абульхановой-Славской [3], обосновавшей активность личности как субъекта деятельности и развития.

Концепции личностно-ориентированного образования разработаны в трудах Е. В. Бондаревской [4]. В исследовании О. В. Гукаленко и В. В. Серикова [5] раскрываются личностно-развивающие ресурсы университетской образовательной среды и ценностно-смысловые аспекты профессиональной подготовки будущих педагогов. В современной научной литературе личностно-развивающий подход к профессиональной педагогической подготовке будущего учителя раскрыт в исследовании Р. М. Асадуллина и О. В. Фролова [6], которые рассматривают ценностно-смысловые ориентиры как ключевой компонент профессионального становления педагога.

Проблема ценностно-смысловой сферы личности в профессиональном становлении получила развитие в трудах С. И. Поздеевой, Э. Г. Гельфман и А. А. Никитина [7], обосновавших ценностно-смысловой подход в высшем педагогическом образовании и определивших ценностно-смысловые ориентиры как основания для целеполагания и выбора направления деятельности личности. К. С. Тенитилова, В. Г. Беляева и С. М. Абаева [8] в своем исследовании акцентируют внимание на формировании профессиональных ценностей будущих учителей в педагогическом вузе, рассматривая ценностные ориентации как регуляторы профессионального поведения и отношений. Диалогический характер педагогического взаимодействия исследован С. В. Беловой [9], обосновавшей диалог как основу педагогического взаимодействия и условие личностного развития обучающихся.

Современные исследования (2023—2026 гг.) акцентируют внимание на региональных аспектах педагогического образования. А. С. Гаязов [10] обосновывает необходимость учета регионального контекста в образовательном процессе, выделяя историко-культурные и социально-экономические факторы как значимые для профессионального становления будущих педагогов. Н. В. Литвякова и Е. А. Торовец [11] рассматривают ценностно-смысловые основы подготовки будущих педагогов в исторических

регионах Российской Федерации, подчеркивая необходимость интеграции регионального культурно-исторического контекста в содержание образования. Н. А. Семёнова и А. А. Никитин [12] проводят анализ ценностно-смысловых ориентиров будущих педагогов, обобщая современные подходы к пониманию ценностных оснований профессиональной деятельности. Е. А. и В. В. Рябухины и Н. В. Медведева [13] анализируют ценностно-смысловые основы подготовки будущих педагогов в системе высшего образования, выделяя ключевые направления исследования ценностных ориентаций студентов педагогических вузов.

Особый интерес представляет работа Е. А. Торовец [14], посвященная личностно-профессиональному становлению педагога исторического региона, в которой рассматриваются ценностные основания и проектные технологии формирования общероссийской гражданской идентичности в школе. Культурологические аспекты образования как фундаментальная основа понимания ценностного контекста профессиональной деятельности педагога раскрыты в фундаментальном труде Н. Б. Крыловой [15].

Вместе с тем, несмотря на обилие работ, посвященных педагогическому взаимодействию, ценностно-смысловая подготовка будущих педагогов в контексте личностно-ориентированного взаимодействия, особенно с учетом специфики вуза исторического региона, остается недостаточно изученной. Отсутствуют целостные теоретические модели, интегрирующие региональный культурно-исторический контекст в структуру и этапы взаимодействия, не выделены критерии эффективности такого взаимодействия, что и определяет научную проблему настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы. Вузы исторических регионов обладают культурно-историческим потенциалом, который остается невостребованным из-за отсутствия научно обоснованных подходов к его интеграции. Существующие исследования фрагментарны и не предлагают целостной модели, учитывающей региональную специфику.

Цель исследования — теоретическое обоснование личностно-ориентированного взаимодействия как системообразующего фактора ценностно-смысловой подготовки будущих педагогов в вузе исторического региона. Для достижения поставленной цели предлагается решить следующие **задачи**: уточнить понятийный аппарат и существенные характеристики личностно-ориентированного взаимодействия в контексте ценностно-смысловой подготовки будущих педагогов, разработать методологическую стратегию анализа исследуемого феномена на основе системно-деятельностного, личностно-ориентированного, аксиологического, субъектно-деятельностного и герменевтического подходов, выявить и обосновать принципы организации и критерии эффективности личностно-ориентированного взаимодействия, Определить структурные компоненты, функции и этапы развертывания взаимодействия в системе «преподаватель — будущий педагог» с учетом регионального контекста, предложить трехуровневую логику анализа (макро-, мезо-, микро-) для целостного рассмотрения исследуемого феномена.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые личностно-ориентированное взаимодействие в системе высшего педагогического образования рассмотрено как целостное явление ценностно-смыслового становления будущего педагога с учетом специфики вуза

исторического региона, что позволяет преодолеть фрагментарность существующих подходов. Предложена трехуровневая логика анализа (макро-, мезо-, микро-), интегрирующая содержательно-целевые, процессуально-этапные и субъектно-личностные аспекты взаимодействия; региональный культурно-исторический контекст введен не как внешний фон, а как смыслообразующий фактор, органично встраиваемый в каждый этап взаимодействия. Дополнена этапная структура профессионально-педагогического общения (по Н. В. Кузьминой [2]) акцентом на ценностно-смысловом наполнении каждого этапа, а также выявлены и обоснованы критерии эффективности взаимодействия (эмоциональная включенность, смысловая активность, субъектная позиция, ценностная рефлексия, готовность к диалогу), выступающие критериальными показателями ценностно-смысловой подготовки будущих педагогов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в теорию педагогического взаимодействия, расширяя представления о личностно-ориентированном взаимодействии как о целостном, многоуровневом явлении ценностно-смыслового становления будущего педагога. Обоснованная трехуровневая логика анализа и выделенные этапы (от прогностического моделирования до рефлексивно-корректирующего завершения) дополняют существующие теоретические модели профессионально-педагогического общения. Введение регионального контекста как смыслообразующего фактора обогащает аксиологическую составляющую педагогической науки, а сформулированные принципы и критерии эффективности создают концептуальную основу для дальнейших исследований в области ценностно-смысловой подготовки педагогов.

Практическая значимость состоит в том, что выделенные критерии эффективности (эмоциональная включенность, смысловая активность, субъектная позиция, ценностная рефлексия, готовность к диалогу) могут быть использованы при разработке диагностического инструментария для эмпирического исследования ценностно-смысловой подготовки. Предложенная этапность взаимодействия создает основу для проектирования образовательного процесса в вузе исторического региона, а также для разработки учебно-методических материалов, направленных на интеграцию регионального культурно-исторического контента в содержание педагогических дисциплин и практик.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Теоретико-методологической основой исследования выступили научные публикации по философии образования, педагогической психологии, теории педагогического взаимодействия, аксиологии и регионоведению в образовании (всего проанализировано 58 источников), а также нормативные документы, регламентирующие образовательный процесс в системе высшего педагогического образования. Методологическая стратегия базируется на комплексе взаимодополняющих подходов: системно-деятельностном, личностно-ориентированном, аксиологическом, субъектно-деятельностном и герменевтическом. Использованы теоретические методы: анализ и синтез научной литературы, сравнительно-сопоставительный анализ концепций педагогического взаимодействия, терминологический анализ, моделирование, систематизация и обобщение. Исследование проводилось в три этапа: поисково-теоретический (анализ изученности

проблемы, формулировка цели и задач), моделирующий (разработка структурно-функциональной модели взаимодействия, обоснование принципов и критериев) и обобщающий (систематизация результатов, формулировка выводов). Теоретические построения верифицированы в контексте образовательной практики педагогических вузов исторических регионов Юга России.

Результаты исследования. Анализ психолого-педагогических исследований показывает, что в настоящее время у студентов педагогических вузов возникает запрос на более определенное структурирование вариантов их участия в жизни университета, в т. ч. реализации его социальной функции. Профессионально-педагогическое общение представляет собой циклический процесс, включающий этапы моделирования, организации, управления и анализа [2], однако ценностно-смысловой аспект взаимодействия в контексте региональной специфики остается недостаточно исследованным. Как отмечают Р. М. Асдуллин и О. В. Фролов [6], личностно-развивающий подход в подготовке будущего учителя требует переосмысления традиционных моделей взаимодействия в системе «преподаватель-студент», акцентируя внимание на ценностно-смысловых ориентирах профессионального становления. С. И. Поздеева, Э. Г. Гельфман и А. А. Никитин [7] обосновывают, что ценностно-смысловой подход в высшем педагогическом образовании предполагает создание условий для смыслообразующей и смысл реализующей активности будущих педагогов.

Методологическая стратегия исследования обусловлена сложностью феномена личностно-ориентированного взаимодействия, особенно в условиях вуза исторического региона, где ценностно-смысловые ориентиры студентов формируются под влиянием культурно-исторического контекста.

В основу исследования положен комплекс методологических подходов. Личностно-ориентированный подход, представленный в трудах Е. В. Бондаревской [4] выступает концептуальным ядром исследования. В работе О. В. Гукаленко и В. В. Серикова [5] обосновывается потенциал университетской среды как генератора ценностно-смыслового сознания студентов, что созвучно задачам нашего исследования. Аксиологический подход (Н. Б. Крылова [15]), субъектно-деятельностный (К. А. Абульханова-Славская [3]) и герменевтический (С. В. Белова [9]) подходы в совокупности обеспечивают многоаспектное рассмотрение ценностно-смысловой подготовки будущих педагогов в контексте личностно-ориентированного взаимодействия. Формулируются принципы организации взаимодействия: субъектной активности, диалогичности [9], ценностно-смыслового единства, регионализации [10], рефлексивного анализа и открытости.

Как показывают исследования К. С. Тениловой, В. Г. Беляевой и С. М. Абаевой [8], формирование профессиональных ценностей будущих учителей является необходимым условием реализации данных принципов в образовательном процессе педагогического вуза. Для практической реализации исследования выделены критерии эффективности взаимодействия: эмоциональная включенность, смысловая активность, субъектная позиция, ценностная рефлексия, готовность к диалогу.

Исследование строится на трехуровневой логике анализа. Макроуровень предполагает рассмотрение личностно-ориентированного взаимодействия как видového поня-

тия педагогического взаимодействия, являющегося основой организации образовательного процесса в вузе исторического региона. Данный уровень включает уточнение понятийного аппарата, определение сущностных характеристик, содержания, функциональных возможностей и структуры взаимодействия, ориентированного на ценностно-смысловое развитие будущих педагогов. Мезоуровень связан с изучением этапов личностно-ориентированного взаимодействия между преподавателем и студентом. Здесь раскрывается динамика взаимодействия в его структурной организации. Выделяется несколько фаз. Начальная фаза предполагает формирование «отправных координат», определяющих развитие взаимодействия, с ориентацией на ценностно-смысловые установки студентов, их предыдущий опыт и индивидуальные особенности. Последующие фазы связаны с выработкой совместной программы взаимодействия, распределением функций и реализацией совместной деятельности. Выявленные на мезоуровне этапы взаимодействия конкретизируются в процессуальной структуре, включающей последовательные фазы — от прогностического моделирования до рефлексивно-корректирующего завершения. Микроуровень ориентирован на изучение конкретных актов взаимодействия, субъективных характеристик, выступающих в роли элементарных единиц анализа. Вместе с тем личностно-ориентированное взаимодействие остается специфическим: преподаватель организует и направляет процесс, а будущие педагоги включаются в него, становясь активным субъектом. Управление этим процессом строится с учетом позиций, желаний и потенциальных возможностей обучающихся, что соответствует принципам личностно-ориентированного образования по Е. В. Бондаревской [4]. Как отмечают О. В. Гукаленко и В. В. Сериков [5], развитие личности будущего педагога реализуется на основе ситуационно-событийного механизма, что требует учета индивидуальных особенностей студентов.

Специфика личностно-ориентированного взаимодействия в вузе исторического региона проявляется в сочетании содержания учебного материала с динамикой взаимодействия, устойчивости ролевых отношений, обусловленных социокультурным контекстом, возникновении дополнительных планов общения, направленности на установление эмоционального контакта и единство интеллектуального и эмоционального взаимодействия (А. С. Газзов [10], Н. В. Литвякова и Е. А. Торовец [11; 14]).

Процесс личностно-ориентированного взаимодействия включает четыре этапа:

1. *Подготовка преподавателя (прогностическое моделирование)*, где планируются формы и методы с учетом ценностно-смысловых ориентиров будущих педагогов и их зоны ближайшего развития [2]. Преподаватель прогнозирует эмоциональные реакции, продумывает стратегии вовлечения и выстраивает модель поведения [5]. В вузе исторического региона этап требует учета культурно-исторического фона и ценностных ожиданий будущих педагогов [10].
2. *Установление эмоционального контакта.*
3. *Организация и управление взаимодействием* (включение краеведческих и национально-педагогических компонентов углубляет профессиональную рефлексия) [2; 13].
4. *Анализ и коррекция:* совместная рефлексия позволяет осмысливать ценностные изменения и проектировать дальнейшее взаимодействие [5]. В вузе исторического региона этап обогащается региональными педагогическими традициями [10].

Таким образом, логика развертывания личностно-ориентированного взаимодействия отражает целостный цикл ценностно-смыслового становления будущего педагога и создает теоретическую основу для его проектирования в образовательном процессе вуза исторического региона.

Выводы

Проведенное теоретическое исследование позволяет сделать ряд обобщений относительно личностно-ориентированного взаимодействия как системообразующего фактора ценностно-смысловой подготовки будущего педагога в вузе исторического региона. Исследуемый феномен получает теоретическое обоснование в рамках системно-деятельностного, личностно-ориентированного, аксиологического, субъектно-деятельностного и герменевтического подходов; его сущность раскрывается через отношения, общение, воздействие и ценностный обмен между преподавателем и студентом, что обеспечивает не только передачу профессиональных знаний, но и развитие ценностно-смысловой сферы будущих педагогов. В ходе исследования выделены основные признаки взаимодействия — эмоциональная активность, осознанность, целеполагание, субъект-субъектные отношения, а также руководящая роль преподавателя как организатора и стимулятора ценностно-смыслового развития; определены его функциональные возможности (аффективно-коммуникативная, преобразовательная, познавательная, цен-

ностно-ориентационная, регулятивно-прогностическая, организационная) и критерии эффективности (эмоциональная включенность, смысловая активность, субъектная позиция, ценностная рефлексия, готовность к диалогу), создающие основу для эмпирического исследования. Процессуальный анализ показал, что взаимодействие развертывается в четыре последовательных этапа: прогностическое моделирование, установление эмоционального контакта, организация и управление взаимодействием, анализ и коррекция, — которые отражают внутреннюю логику совместной ценностно-смысловой деятельности и позволяют учитывать региональный контекст на каждом из них. Предложенная трехуровневая логика анализа (макро-, мезо-, микро-) выступает методологической основой системного рассмотрения взаимодействия, интегрируя ценностно-смысловые, процессуальные и субъектно-личностные аспекты подготовки будущих педагогов. В условиях вуза исторического региона методологический акцент смещается на учет культурно-исторической традиции, которая выступает не просто содержательным ресурсом, но смысловой рамкой, через которую будущий педагог интерпретирует свое профессиональное будущее, что актуализирует необходимость целенаправленного внимания к ценностно-смысловому наполнению всех этапов взаимодействия и учитывает региональную специфику как неотъемлемый фактор профессионального становления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гудкова Т. В. Искусство педагогического общения : моногр. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2023. 180 с.
2. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М. : Высшая школа, 1990. 119 с.
3. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М. : Наука, 1980. 335 с.
4. Бондаревская Е. В. Ценностные основания личностно-ориентированного воспитания // Педагогика. 1995. № 4. С. 29—36.
5. Гукаленко О. В., Сериков В. В. Формирование гражданско-патриотической идентичности будущих педагогов в классическом университете // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2024. Т. 22. № 1. С. 205—221. DOI: 10.55959/LPEJ-24-10.
6. Асадуллин Р. М., Фролов О. В. Личностно-развивающий подход к профессиональной педагогической подготовке будущего учителя в вузовском образовательном процессе // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 6. С. 92—103. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-6-92-103.
7. Поздеева С. И., Гельфман Э. Г., Никитин А. А. Ценностно-смысловой подход в высшем педагогическом образовании: постановка проблемы // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12. № 4. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-4-5.
8. Тенитилова К. С., Беляева В. Г., Абаева С. М. Формирование профессиональных ценностей будущих учителей в педагогическом вузе // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 12(138). DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.112.
9. Белова С. В. Текстуально-диалогическая технология в системе профессионального образования // Гуманитарный принцип в построении профессионального образования: теория и практика : моногр. Чебоксары : Среда, 2022. С. 102—115. DOI: 10.31483/a-10465.
10. Гаязов А. С. Семь «необходимо» современного образования // Проблемы востоковедения. 2020. № 1(87). С. 7—12.
11. Литвякова Н. В., Торовец Е. А. Ценностно-смысловые основы системы подготовки будущих педагогов исторических регионов Российской Федерации (на примере Азовского государственного педагогического университета) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. Вып. 1. С. 1—9. DOI: 10.30853/ped20250001
12. Семёнова Н. А., Никитин А. А. Ценностно-смысловые ориентиры будущих педагогов: анализ понятий и обзор исследований на современном этапе // Научно-педагогическое обозрение. 2024. Вып. 6(58). С. 154—169. DOI: 10.23951/2307-6127-2024-6-154-169.
13. Рябухина Е. А., Медведева Н. В., Рябухин В. В. Анализ ценностно-смысловых основ подготовки будущих педагогов в системе высшего образования (отечественный опыт) // Педагогика, психология, общество: от теории к практике : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чебоксары : Среда, 2024. С. 144—148.
14. Торовец Е. А. Духовно-нравственные ценности будущих педагогических работников: результаты эмпирического исследования // Педагогическое образование в России. 2025. № 6. С. 279—287.
15. Крылова Н. Б. Культурология образования. М. : Народное образование, 2000. 272 с.

REFERENCES

1. Gudkova T. V. The Art of pedagogical communication. Monograph. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University publ., 2023. 180 p. (In Russ.)
2. Kuz'mina N. V. Professionalism of the personality of a teacher and master of industrial training. Moscow, Vysshaya shkola, 1990. 119 p. (In Russ.)
3. Abul'khanova-Slavskaya K. A. Activity and personality psychology. Moscow, Nauka, 1980. 335 p. (In Russ.)
4. Bondarevskaya E. V. Value foundations of personality-oriented education. *Pedagogika = Pedagogics*. 1995;4:29—36. (In Russ.)
5. Gukalenko O. V., Serikov V. V. Developing Civil-Patriotic Identity of Future Teachers in a Classical University. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2024;22(1): 205—221. (In Russ.) DOI: 10.55959/LPEJ-24-10.
6. Asadullin R. M., Frolov O. V. Personality-oriented Technology of Training a Future Teacher in the University Educational Process. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2024;33(6):92—103. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-6-92-103.
7. Pozdeeva S. I., Gelfman E. G., Nikitin A. A. Value-semantic approach in higher pedagogical education: problem statement. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*. 2024;12(4). (In Russ.) DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-4-5
8. Tenitilova K. S., Belyaeva V. G., Abaeva S. M. Formation of professional values of future teachers at a pedagogical university. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2023;12(138). (In Russ.) DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.112.
9. Belova S. V. Textual and dialogic technology in the system of vocational education. *Gumanitarnyi printsip v postroenii professional'nogo obrazovaniya: teoriya i praktika = Humanitarian principle in the construction of vocational education: theory and practice*. Monograph. Cheboksary, Sreda, 2022. Pp. 102—115. (In Russ.) DOI: 10.31483/a-10465.
10. Gayazov A. S. Seven “necessary things” of modern education. *Problemy vostokovedeniya = The Problems of Oriental Studies*. 2020;1(87):7—12. (In Russ.)
11. Litvyakova N. V., Torovets E. A. Value-semantic foundations of the system of training future teachers of historical regions of the Russian Federation (by the example of the Azov State Pedagogical University). *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2025;10(1):1—9. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20250001.
12. Semenova N. A., Nikitin A. A. Value-semantic guidelines of future teachers: analysis of concepts and review of research at the present stage. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*. 2024;6(58):154—169. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6127-2024-6-154-169.
13. Ryabukhina E. A., Medvedeva N. V., Ryabukhin V. V. Analysis of value-meaningful foundations of training future teachers in the higher education system (domestic experience). *Pedagogika, psikhologiya, obshchestvo: ot teorii k praktike = Pedagogy, psychology, society: From theory to practice. Proceedings of the II All-Russian scientific-practical conference with international participation*. Cheboksary, Sreda, 2024:144—148. (In Russ.)
14. Torovets E. A. Spiritual and moral values of future teaching staff: results of empirical study. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*. 2025;6:279—287. (In Russ.)
15. Krylova N. B. Culturology of education. Moscow, Narodnoe obrazovanie, 2000. 272 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.06.2026; одобрена после рецензирования 26.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.
The article was submitted 09.06.2026; approved after reviewing 26.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 371.38:378.046.4
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1698

Alena Sergeevna Kovalenko
Associate Professor of the Academic Department of English
Language of the Institute of Asian Studies,
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
alenakovalenkorus@gmail.com

Алёна Сергеевна Коваленко
доцент Академического департамента английского языка
Восточного Института (Школы),
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация
alenakovalenkorus@gmail.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: ЭВОЛЮЦИЯ ОЛИМПИАДНОГО ДВИЖЕНИЯ И ПОТРЕБНОСТИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь между развитием олимпиадного движения и профессиональными компетенциями преподавателей иностранного языка в условиях регионального образования. Основное содержание исследования включает теоретическое обоснование пяти этапов эволюции олимпиадного движения — от единичных математических состязаний до современной модели, характеризующейся цифровизацией и региональной интеграцией. Кроме того, в работе представлена характеристика образовательных потребностей Приморского края, которые обусловлены стратегическим положением Дальневосточного федерального округа в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На основе историко-педагогического анализа, контент-анализа нормативных и методических документов Всероссийской олимпиады школьников и статистического анализа региональных данных за 2019—2026 гг. конкретизирован профессиональный профиль педагога-наставника в олимпиадном формате. В ходе работы установлено, что данный профиль интегрирует методико-теоретическую, иноязычную профессионально-коммуникативную, информационно-коммуникационную и универсальную группы компетенций. Показано, что олимпиадный формат выполняет двойную функцию, выступая одновременно

педагогической технологией работы с одаренными школьниками и формой дополнительного образования преподавателей. Научная новизна заключается в теоретическом обосновании взаимосвязи между развитием олимпиадного движения в регионе и уровнем профессиональной готовности преподавателей иностранного языка к подготовке учащихся к интеллектуальным состязаниям. Полученные результаты могут быть использованы при проектировании программ повышения квалификации учителей, разработке региональных моделей олимпиадной подготовки и формировании образовательной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа. Перспективами дальнейшего исследования являются создание диагностического инструментария оценки готовности педагогов к олимпиадной деятельности и разработка дистанционных форматов сопровождения учащихся из отдаленных муниципалитетов края.

Ключевые слова: олимпиадное движение, Всероссийская олимпиада школьников, одаренные школьники, Приморский край, Дальневосточный федеральный округ, образовательные потребности, региональная образовательная система, преподаватели иностранного языка, профессиональные компетенции, педагог-наставник, олимпиадный формат, непрерывное профессиональное образование

Для цитирования: Коваленко А. С. Профессиональные компетенции преподавателя иностранного языка: эволюция олимпиадного движения и потребности Приморского края // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 523—530. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1698.

Original article

PROFESSIONAL COMPETENCIES OF A FOREIGN LANGUAGE TEACHER: THE EVOLUTION OF THE OLYMPIAD MOVEMENT AND THE NEEDS OF PRIMORSKY KRAI

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article examines the relationship between the development of academic olympiad culture and the professional competencies of foreign language teachers within the context of regional education. The study theorizes five stages in the evolution of the olympiad movement from early mathematical competitions to a modern digital and integrated model. It also examines how the strategic position of the Far Eastern Federal District in the Asia-Pacific region shapes the educational needs of Primorsky Krai. The study outlines an updated pro-

fessional profile for an olympiad teacher-mentor. This profile is based on a historical and pedagogical review, a content analysis of regulatory documents for the All-Russian Schoolchildren's Olympiad and statistical analysis of regional data from 2019 to 2026. The findings indicate that this profile integrates four interconnected clusters: methodological-theoretical, foreign language for professional-communicative, information-communicative and universal competencies. The olympiad format serves a dual purpose. It acts as a pedagogical technology for working

with high-achieving students and supports teachers' continuing professional development. The scientific novelty involves a theoretical substantiation of the interdependence between regional olympiad movement dynamics and the level of professional readiness of foreign language teachers to prepare students for intellectual competitions. The findings can be used to design teacher training programs, develop regional olympiad models and shape educational policy in the Far Eastern Federal District. Future

research will focus on developing diagnostic tools to assess teachers' readiness for olympiad practice and designing online support formats for students in remote areas.

Keywords: olympiad movement, All-Russian Schoolchildren's Olympiad, gifted children, Primorsky Krai, Far Eastern Federal District, educational needs, regional education system, foreign language teachers, professional competencies, teacher-mentor, olympiad format, continuing professional education

For citation: Kovalenko A. S. Professional competencies of a foreign language teacher: the evolution of the olympiad movement and the needs of Primorsky Krai. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):523—530. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1698.

Введение

Интеллектуальные соревнования как форма выявления и поощрения выдающихся способностей восходят к глубокой древности. Однако именно в XX—XXI вв. олимпиадное движение приобрело масштаб системного образовательного явления, охватывающего миллионы школьников по всему миру. В современной России оно институализировано в форме Всероссийской олимпиады школьников (далее — ВСОШ), включающей 24 образовательных предмета и четыре последовательных этапа (согласно Приказу Министерства просвещения РФ от 27 ноября 2020 г. № 678).

Актуальность исследования обусловлена двумя взаимосвязанными факторами. Во-первых, государственная образовательная политика последовательно укрепляет систему работы с лицами, проявившими выдающиеся способности, что нормативно закреплено в ст. 77 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25 апреля 2026 г.) «Об образовании в Российской Федерации» и Приказе Министерства просвещения РФ от 27 ноября 2020 г. № 678, который утверждает Порядок проведения ВСОШ. Во-вторых, Дальний Восток, в частности Приморский край, переживает период активного социально-экономического развития, требующего подготовки кадров высшей квалификации, в связи с чем задача раннего выявления и сопровождения талантливейшей молодежи приобретает стратегический характер.

Изученность проблемы. Анализ научной литературы показывает, что проблематика олимпиадного движения и подготовки педагогов к работе с одаренными школьниками разрабатывается по нескольким направлениям. Историко-генетические и теоретико-концептуальные основы олимпиадного движения представлены в трудах А. П. Гулова и П. И. Касаткина [1; 2], Н. С. Майоровой и О. С. Щербининой [3], О. А. Платоновой [4]. Социально-педагогические функции олимпиад и проблемы образовательного неравенства участников проанализированы С. Е. Черненко и К. Р. Романенко [5]. Вопросы организации взаимодействия с одаренными учащимися на уровне региональной системы образования системно изложены Е. В. и Н. О. Яковлевыми [6], тогда как контекст развития человеческого потенциала Дальнего Востока отражен в публикациях Г. В. Петрук, Т. В. Варкулевич и А. Ю. Шиловой [7]. Компетентностная модель преподавателя иностранного языка представлена С. В. Титовой [8], а методики подготовки школьников к олимпиадам по иностранному языку рассмотрены Д. Р. Сабировой и Ф. Ф. Шигаповой [9], А. П. Гуловым [10]. Трудности одаренных школьников и пробелы в их содержательной подготовке к конкурсным испытаниям выявлены О. С. Щербининой с соавторами [11], а воспитательные возможности олимпиадной деятельности обобщены Н. В. Пыхиной [12]. Необходимость формирования отдельного компетентност-

ного профиля педагога, работающего с одаренными учащимися, обоснована в зарубежных исследованиях М. Шонесси и Дж. Сениор [13], Г. Акгюль с соавторами [14].

Вместе с тем специфика профессиональных компетенций преподавателя иностранного языка, необходимых для системной подготовки школьников к интеллектуальным состязаниям в условиях конкретного региона, остается недостаточно разработанным. Существующие работы не рассматривают динамику развития регионального олимпиадного движения с уровнем профессиональной готовности педагога.

Проблема исследования состоит в противоречии между интенсивным развитием олимпиадного движения в регионе и недостаточной разработанностью профессионального профиля педагога-наставника, способного системно готовить учащихся к интеллектуальным состязаниям по иностранному языку. Несмотря на рост числа участников ВСОШ и развитие олимпиадной инфраструктуры Приморского края, вопрос о том, какие именно профессиональные компетенции необходимы учителю иностранного языка для эффективной олимпиадной деятельности, до сих пор не получил должного теоретического освещения.

Целесообразность разработки темы. Необходимо научно обосновать подготовку педагогов-наставников к системной работе с одаренными школьниками в условиях быстрого роста олимпиадного движения и его интеграции в федеральные проекты. Учитывая высокую динамичность образовательной среды и сохраняющуюся региональную дифференциацию результатов между крупными городскими округами и отдаленными территориями [7], следует обеспечить адаптацию сложившихся подходов к подготовке педагогов к новым вызовам регионального олимпиадного движения. Отсутствие ценностной модели, соединяющей региональную специфику, компетентностные требования и олимпиадный формат деятельности, обуславливает потребность в разработке профессионального профиля педагога-наставника, которая имеет теоретическую и практическую значимость для системы непрерывного профессионального образования преподавателей иностранного языка в субъектах Дальневосточного федерального округа.

Цель исследования — выявить образовательные потребности Приморского края в развитии олимпиадного движения в контексте общей эволюции олимпиадного движения в России и обосновать необходимость формирования профессиональных компетенций преподавателей иностранного языка в условиях олимпиадного формата.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) систематизировать и описать периодизацию развития олимпиадного движения в России;
- 2) охарактеризовать современную систему ВСОШ в России;

3) выявить региональную специфику олимпиадного движения Приморского края;

4) обосновать взаимосвязь между олимпиадным движением (по иностранному языку) и профессиональными компетенциями преподавателей иностранного языка.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании взаимосвязи между динамикой развития олимпиадного движения в регионе и уровнем профессиональной готовности преподавателей иностранного языка к подготовке учащихся к интеллектуальным состязаниям. Впервые в контексте Дальневосточного федерального округа конкретизирован профессиональный профиль педагога-наставника в олимпиадном формате, интегрирующий методико-теоретическую, профессионально-коммуникативную иноязычную, информационно-коммуникационную и универсальную группы компетенций.

Теоретическая значимость работы состоит в конкретизации компетентностных моделей преподавателя иностранного языка, представленных в профессиограмме А. Л. Бердичевского, Е. Г. Таревой, Н. В. Языковой и карте компетенций С. В. Титовой, применительно к олимпиадному формату деятельности. На основе контент-анализа нормативных и методических документов ВсОШ автором определены конкретные квалификационные требования к педагогу-наставнику, дополняющие базовые модели.

Практическая значимость исследования определяет возможность использования его результатов при проектировании программ повышения квалификации преподавателей иностранного языка, разработке региональных моделей олимпиадной подготовки и формировании образовательной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа.

Основная часть

Методология исследования. Теоретический анализ выполнен с целью определения степени изученности проблемы взаимосвязи между развитием олимпиадного движения и профессиональными компетенциями преподавателей иностранного языка. В качестве основных методов исследования использованы историко-педагогический, контент-аналитический и статистический методы. Историко-педагогический анализ позволил систематизировать этапы эволюции олимпиадного движения от единичных предметных состязаний конца XIX века до современной многоуровневой системы ВсОШ. Контент-анализ нормативных и методических документов, включая Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, Приказе Министерства

просвещения РФ от 27 ноября 2020 г. № 678 и методические рекомендации Центральной предметно-методической комиссии по английскому языку на 2025/26 учебный год, послужил основой для конкретизации квалификационных требований к педагогу-наставнику в олимпиадном формате. Статистический анализ региональных данных об участии школьников Приморского края во ВсОШ за 2019—2026 гг. позволил выявить образовательные потребности региона и определить динамику развития олимпиадного движения на Дальнем Востоке.

Результаты исследования и их обсуждение. Представленные результаты структурированы в соответствии с задачами исследования и включают анализ эволюции олимпиадного движения, характеристику образовательных потребностей Приморского края и обоснование профессионального профиля педагога-наставника в олимпиадном формате.

Историческая эволюция олимпиадного движения: от античных истоков к советскому периоду. Генезис интеллектуальных состязаний охватывает многовековой исторический период, в течение которого менялись формы и содержание соревновательной деятельности от античных Пифийских игр [15] до математических поединков эпохи Возрождения, ставших прообразом открытых научных соревнований [4]. В России традиция предметных состязаний школьников складывается с конца XIX в. под влиянием западноевропейской практики, однако системное развитие она получает в советский период. Первая официально зафиксированная олимпиада по математике в Советском Союзе состоялась в Ленинграде в 1934 г. при активном участии академика Б. Н. Делоне [1]. Именно тогда сформировался классический формат, сохраняющийся по настоящее время и предполагающий индивидуальное решение задач повышенного уровня сложности в установленное время, сохраняющийся сейчас.

Устойчивость олимпиадных традиций даже в кризисные периоды способствовала последующему расширению движения от проведения первой Всероссийской олимпиады по математике (1961) до выхода отечественной школы на международный уровень, где она заняла лидирующие позиции в мировой олимпиадном движении [1; 2].

Описанные исторические периоды и масштабные изменения в структуре предметных соревнований требуют комплексного теоретического осмысления. Для более глубокого понимания специфики каждого периода представляется целесообразным систематизировать ключевые содержательные характеристики указанных временных отрезков. Обобщенная структура эволюции олимпиадного движения в масштабах страны представлена в таблице.

Этапы развития олимпиадного движения в России (сост. по: [1; 3])

Этап	Основное содержание	Региональный/инновационный компонент
Становление (1934—1966 гг.)	Олимпиадное движение носит преимущественно математический характер. Охватывает крупные города и функционирует на энтузиазме отдельных ученых	Зарождение классического формата соревнований и проведение первых централизованных городских олимпиад
Расширение и дифференциация (1967—1991 гг.)	Олимпиады охватывают все союзные республики. Появляются новые дисциплины, включая физику, химию, биологию и иностранные языки	Масштабирование движения до всесоюзного уровня с 1967 г. Создание системы льготного поступления в университеты
Трансформация (1991—2007 гг.)	Олимпиадное движение испытывает кризис в условиях децентрализации государственной системы	Активное развитие альтернативных коммерческих и ведомственных вузовских олимпиад. Формирование новых организационных моделей
Институционализация (2007—2022 гг.)	В 2007 г. введен официальный Перечень олимпиад школьников, утвержден единый Порядок проведения ВсОШ	Законодательное закрепление прав победителей на поступление в высшие учебные заведения без вступительных испытаний
Цифровизация и региональная интеграция (с 2022 г.)	Интеграция олимпиадного движения в национальные проекты. Развитие дистанционных форматов и актуализация методик подготовки педагогов	Включение Приморского края в федеральные инициативы через целевые программы «Сириус. Приморье» и «Дальневосточный Олимп»

На основе представленных данных можно сделать вывод, что на современном этапе развития олимпиадного движения в качестве ключевых приоритетов выступают цифровая трансформация, актуализация методик подготовки и повышение квалификации педагогических кадров. Следует отметить, что переход к пятому этапу характеризуется трансформацией ролей регионов, т. к. они становятся не просто площадками для проведения федеральных мероприятий, но и самостоятельными субъектами развития олимпиадной инфраструктуры.

Нормативно-правовая база и система Всероссийской олимпиады школьников. Переход к современной модели потребовал создания прочного законодательного фундамента, регулирующего олимпиадное движение на общенациональном уровне. Правовую основу ВСОШ составляют Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, который закрепляет олимпиады как инструмент поддержки талантливых детей и определяет их статус, и Приказ Министерства просвещения РФ от 27 ноября 2020 г. № 678.

В настоящее время ВСОШ охватывает 24 общеобразовательных предмета, среди которых математика, физика, химия, биология, история, литература, иностранные языки (английский, немецкий, французский, испанский, китайский, итальянский) и другие дисциплины. Олимпиада проводится в четыре этапа: школьный, муниципальный, региональный и заключительный. Победители и призеры заключительного этапа получают право поступления в любой российский вуз без вступительных испытаний, а их дипломы действительны на протяжении четырех лет. Масштабность данного движения подтверждают итоги 2024/25 учебного года, когда общее количество участников по всем этапам составило 25 722 127, продемонстрировав существенный рост по сравнению с показателями пятилетней давности. При этом численность участников на региональном этапе достигла 146 879 чел., а на заключительном этапе приняли участие 8 036 чел. (по данным Центра олимпиадного движения ФГБНУ «Институт содержания и методов обучения им. В. С. Леднева», см.: Итоги всероссийской олимпиады школьников в 2024/25 учебном году : стат. данные. М., 2025. 40 с.). Опираясь на результаты опроса студентов селективных вузов, С. Е. Черненко и К. Р. Романенко доказывают, что подготовка к олимпиадам и участие в них представляют собой самостоятельный образовательный трек. Эта стратегия поступления во многом зависит от стимулирующей роли школы и ресурсов семьи, что приводит к образовательному неравенству среди участников [5]. В регионах с выраженной территориальной дифференциацией эта тенденция усиливает значимость педагога как субъекта, компенсирующего неравные стартовые условия учащихся.

Таким образом, в условиях выраженной динамики роста количественных показателей ключевой особенностью текущего периода выступает системное взаимодействие регионов с федеральными образовательными проектами. Именно в рамках этой парадигмы на территории Приморского края разворачиваются стратегические инициативы, направленные на раннее выявление и поддержку молодежи с выдающимися способностями через специализированные программы.

Развитие олимпиадного движения и образовательные потребности Приморского края. Выявленные ранее пять этапов эволюции олимпиадного движения задают общероссийский вектор, который региональная система

Приморского края повторяет через аналогичное развитие институтов и переход от локальных инициатив к системной государственной политике на уровне отдельного субъекта Дальневосточного федерального округа. Приморский край занимает стратегическое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и является одним из ключевых субъектов Дальневосточного федерального округа. В условиях реализации национальных и региональных проектов развития Дальнего Востока особую актуальность приобретает задача подготовки высококвалифицированных кадров в области точных наук, инженерии и международной коммуникации, поскольку указанные компетенции формируются, в числе прочего, через систему олимпиадного движения. Анализируя причины миграционного оттока населения с дальневосточных территорий, Г. В. Петрук, Т. В. Варкулевич и А. Ю. Шилова подчеркивают, что удержание и привлечение человеческого потенциала в регионе невозможны без комплексных программ развития талантов [7]. Организационный механизм такой деятельности описан Е. В. и Н. О. Яковлевыми, которые обосновывают трехуровневую (региональную, муниципальную и институциональную) системы работы с одаренными школьниками по направлению «выявление — поддержка — развитие» [6, с. 45]. Тем не менее в рамках указанной модели функции и компетенции конкретного педагога-наставника не конкретизированы, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Традиция региональных олимпиад в Приморском крае берет начало в деятельности Дальневосточного центра по работе с одаренными детьми, который проводил многопредметные олимпиады (по английскому языку, математике, физике, химии, биологии и другим предметам) для школьников всего края с 2012 г. (<https://www.vvsu.ru/news/33174/>). Существенный вклад в развитие олимпиадных традиций внес Всероссийский детский центр «Океан», который в течение длительного времени обеспечивал проведение регионального этапа ВСОШ и в рамках программы «Приморский интеллект» объединял более 400 школьников для интенсивной предметной подготовки (<https://ocean.org/press-tsentr/news/shkolnie-olimpiadi-istoriya>).

Расширение инфраструктуры способствовало интенсивному росту олимпиадного движения. К 2019 г. региональный этап ВСОШ привлёк 856 учащихся 7—11 классов по 20 предметам, при этом ключевыми площадками проведения выступили Дальневосточный федеральный университет, Детско-юношеский центр Приморского края и другие образовательные организации (<https://rnc25.ru/news/dyuts-primorskogo-kрая-provel-regionalnyy-etap-vserossiyskoy-olimpiady-shkolnikov-po-obshcheobrazovatelnympredmetam/>). С 2022 г. организационная модель олимпиад в регионе изменилась. Теперь региональный этап ВСОШ в Приморском крае проходит централизованно на площадке регионального центра выявления и развития одаренных детей «Сириус.Приморье» (<https://sirius-prim.ru/>).

Инфраструктура центра и ведущих вузов региона позволяет эффективно развивать новые форматы соревнований, среди которых выделяются две программы. Первым таким проектом является всероссийская метапредметная олимпиада «Ближе к Дальнему», совместный научно-просветительский проект Дальневосточного федерального университета и Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики, реализующийся при поддержке образовательной онлайн-платформы «Учи.ру». В 2024 г. на ней зарегистрировалось

свыше 689 тыс. школьников из всех субъектов России. Приморский край занял первое место среди регионов по числу участников (34 777 чел.) (<https://erdc.ru/news/olimpiada-blizhe-k-dalnemu-privlekla-1-million-uchastnikov-shkolnikov-i-studentov-so-vsey-rossii/>). В 2025 г. число участников впервые превысило один миллион, закрепив официальный статус олимпиады, внесенного в 2024 г. в федеральный перечень Министерства просвещения РФ.

Второй значимой инициативой выступает программа «Дальневосточный Олимп», представляющая собой очный образовательный интенсив для учащихся 7—11 классов Дальневосточного федерального округа по физике и математике. Данный проект реализуется на базе регионального центра «Сириус.Приморье» совместно с Московским физико-техническим институтом. Основная цель интенсива заключается в системной подготовке школьников к всероссийским и региональным олимпиадам, а также в формировании будущей инженерной и технической элиты Дальнего Востока (<https://sirius-prim.ru/programs/ochnaya-programma-dalnevostochnyj-olimp-7-11-klassy>).

Положительная динамика развития олимпиадной инфраструктуры подтверждается качественным ростом результатов на заключительном этапе ВсОШ. По сведениям министерства образования Приморского края, если за три года до окончания сезона 2025/26 учебного года, регион имел лишь три победы на федеральном уровне, то в последующие годы этот показатель увеличился до семи и восьми дипломов соответственно, включая двух победителей и шесть призеров в этом году. На современном этапе соревновательное движение охватывает все муниципальные образования края. В рамках школьного этапа количество участников достигло 350 тыс. чел., на муниципальном уровне данный показатель составил 19 тыс. учащихся, а на региональный этап прошло 700 школьников, 43 из которых стали победителями (<https://primorsky-portal.ru/news/pobeditelej-i-prizyrov-regionalnogo-etapa-vserossijskoj-olimpiady-shkolnikov-pozdravili-v-primore>).

Анализ географии распределения результатов демонстрирует, что наибольшую эффективность показывают образовательные организации Владивостока, Находки, Арсеньева, Артема, Уссурийска и Фокино. Средисельских территорий и муниципальных округов выделяются Октябрьский, Надеждинский и Кавалеровский районы. В общей сложности призерами регионального этапа 2025/26 стали представители 22 муниципалитетов Приморского края (см <https://primorsky-portal.ru/news/pobeditelej-i-prizyrov-regionalnogo-etapa-vserossijskoj-olimpiady-shkolnikov-pozdravili-v-primore>). С одной стороны, факт широкой географии призеров свидетельствует о постепенном вовлечении территорий в олимпиадное движение. С другой стороны, приведенные данные подчеркивают сохраняющийся разрыв на уровне подготовки между крупными городскими округами и отдаленными районами края.

Таким образом, образовательные потребности Приморского края в контексте олимпиадного движения обусловлены рядом приоритетов, среди которых выделяются развитие компетенций в области точных, естественных наук, востребованных в условиях интеграции региона в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона, подготовка в сфере иностранных языков и международной коммуникации, а также преодоление территориального неравенства посредством дистанционных форматов олимпиадной подготовки.

Приоритет, заключающийся в языковой подготовке, реализуется преимущественно в рамках ВсОШ по иностранным языкам, что обуславливает необходимость повышения профессиональной компетентности учителей иностранного языка в контексте олимпиадного формата.

Олимпиадный формат как основа формирования профессиональных компетенций преподавателя иностранного языка. Как отмечают А. П. Гулов и П. И. Касаткин, олимпиадное движение представляет собой «многоуровневую педагогическую систему реализации предметных олимпиад по различным предметам, которая существует на стыке школьного и университетского образования, как совокупность всех интеллектуальных состязаний для школьников и студентов, в которых творческие задания являются инвариантным компонентом» [2, с. 25]. Подобный подход позволяет определить границы для анализа профессиональных компетенций преподавателя иностранного языка, поскольку в данном контексте специалист взаимодействует не с отдельным конкурсным мероприятием, а с целостной структурой, требующей фундаментальной методической, предметной и психолого-педагогической подготовки.

Для описания этой подготовки требуется опора на устойчивую методологическую модель профессионального профиля учителя иностранного языка. Такой рамкой выступает разработанная А. Л. Бердичевским, Е. Г. Таревой и Н. В. Языковой профессиональная программа современного учителя иностранного языка (М. : ФЛИНТА, 2021), где методическая компетенция определяется как «стержень, ядро, обеспечивающее интегративность профессиональной компетентности», а разработка и проведение олимпиад прямо включены в состав задач преподавателя иностранного языка в профессионально-трудовой сфере. Прикладным дополнением к такой модели служит карта компетенций С. В. Титовой, включающая четыре взаимосвязанные группы: информационно-коммуникационную, профессионально-коммуникативную иноязычную, методико-теоретическую и универсальную [8]. Уровень сформированности этих компетенций у преподавателя выступает ключевым фактором успешности реализации олимпиадного движения в системе языкового образования. В рамках олимпиадной деятельности ключевая роль отводится методико-теоретической группе компетенций, выражающейся в способности преподавателя проектировать задания повышенной сложности, развивать творческий и критический потенциал мышления учащихся средствами иностранного языка [9].

Формирование указанных компетенций в условиях массовой школы наталкивается на системные ограничения. А. П. Гулов выделяет пять профессиональных барьеров учителя-предметника в контексте ВсОШ по английскому языку, такие как недостаточный уровень собственной языковой подготовки при требуемом уровне C1—C2 в контрольно-измерительных материалах регионального и заключительного этапов, нехватка опыта работы с одаренными школьниками, слабое владение технологиями развития творческого и критического мышления, отсутствие профессионального диалога с предметно-методическими комиссиями и незнание современных олимпиадных учебно-методических пособий. В своем исследовании ученый обосновывает, что комплексное преодоление указанных дефицитов возможно только при академической поддержке высшей школы [10]. Аналогичная позиция представлена и в зарубежных исследованиях, подтверждающих необходимость формирования отдельного компетентностного

профиля учителя, работающего с одаренными детьми, подчеркивая, что специальные компетенции для работы с такими учащимися формируются в дополнение к базовым педагогическим компетенциям, составляя «существенное дополнение» профессиональной подготовки [13]. Результаты зарубежных эмпирических исследований фиксируют выраженные дефициты знаний и компетенций учителей в сфере выявления одаренных учащихся, разработки индивидуальных образовательных программ и применения стратегий дифференцированного оценивания, что указывает на острую необходимость внедрения целевых программ профессиональной подготовки [14].

Результаты современных исследований подтверждают, что педагогическая поддержка детей с выдающимися способностями сталкивается с системными барьерами, преодоление которых требует качественной трансформации существующих программ повышения квалификации [16]. Так, в исследовании О. С. Щербининой, Н. С. Майоровой и И. Н. Грушецкой подробно охарактеризованы психолого-педагогические барьеры одаренных школьников, а также связанные с ними дефициты компетенций педагогов-наставников [11]. Эти преобразования позволяют сформулировать конкретные квалификационные требования, необходимые для дополнения базовой карты компетенций педагога-наставника. Данные требования определяются на основе контент-анализа нормативных и методических документов олимпиадного движения.

Результаты анализа методических рекомендаций Центральной предметно-методической комиссии по английскому языку на 2025/26 учебный год и Порядка проведения ВсОШ позволяют определить квалификационные требования к педагогу-наставнику, который должен владеть типологией заданий конкурсов (аудирование, чтение, лексико-грамматический тест, письмо и устная часть), свободно ориентироваться в форматах тестовых заданий повышенной сложности, а также может методически адаптировать учебные материалы высоких уровней шкалы Совета Европы (B2—C1) (<https://vserosolimp.edsoo.ru/anglyaz#1/tab/1137113801-1>). Проведенный анализ показывает, что педагог-наставник – это специалист, который успешно развивает творческие способности и научно-исследовательский потенциал участников интеллектуальных состязаний, и активно применяет технологии социолингвистической и социокультурной подготовки. Сформулированные требования конкретизируют методико-теоретическую группу компетенций С. В. Титовой в контексте олимпиадного формата обучения. Кроме того, они определяют содержание программ повышения квалификации, направленных на преодоление обозначенных выше барьеров.

В системе непрерывного профессионального развития преподавателей иностранного языка особое значение приобретают профессионально-ориентированные олимпиады для педагогов. Данный формат позволяет на практике реализовать методико-теоретическую группу компетенций, выделенную ранее, в условиях реального профессионального испытания. В исследовании Н. В. Пыхиной профессионально-ориентированная олимпиада для педагогов и студентов-лингвистов рассматривается в качестве инструмента оценки надпрофессиональных компетенций. Автор определяет их как универсальные, деловые и личностно-профессиональные качества, которые обеспечивают успешное решение практических задач и подчеркивает их интегративную связь с профессиональными компетен-

циями преподавателя [12]. Таким образом, олимпиадный формат сочетает в себе два взаимосвязанных аспекта, выступая одновременно педагогической технологией работы с одаренными школьниками и формой дополнительного профессионального образования учителей. Реализация каждого из них требует единого компетентностного профиля преподавателя иностранного языка, целенаправленное формирование которого становится приоритетной задачей системы непрерывного профессионального развития педагогов. Внедрение данного подхода служит необходимым условием для полноценного развития олимпиадного движения как на всероссийском уровне, так и в пространстве Дальневосточного региона, включая Приморский край.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что олимпиадное движение прошло длительный путь от единичных математических состязаний XIX в. до масштабной многоуровневой общероссийской системы, охватывающей миллионы учащихся. Пять выделенных этапов развития отражают логику постепенной институционализации, демонстрируя переход от локальных общественных инициатив к системной государственной образовательной политике.

На основе анализа нормативно-методических документов олимпиадного движения были конкретизированы квалификационные требования к преподавателю иностранного языка, осуществляющему подготовку учащихся к интеллектуальным состязаниям. Было выявлено, что профессиональный профиль такого специалиста объединяет методико-теоретическую, профессионально-коммуникативную иноязычную, информационно-коммуникационную и универсальную группы компетенций. В данном контексте, олимпиадный формат сочетает в себе две функции педагогической технологии работы со школьниками с выдающимися способностями и формы дополнительного профессионального образования учителей.

Для Приморского края, как показал региональный анализ, олимпиадное движение выполняет двойную функцию. С одной стороны, оно является эффективным инструментом социальной мобильности для талантливых школьников из отдаленных регионов, расширяя их индивидуальные образовательные траектории. С другой стороны, это движение способствует формированию и укреплению кадрового потенциала региона, испытывающего потребность в инженерных, естественнонаучных и языковых компетенциях в условиях интеграции в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона.

На основе полученных результатов, ведущим направлением дальнейших исследований представляется разработка региональной модели олимпиадной подготовки учителей иностранного языка, учитывающей специфику Дальневосточного федерального округа. К числу актуальных задач относятся разработка диагностического инструментария для оценки готовности педагогов к олимпиадной подготовке в условиях Дальневосточного федерального округа, проектирование дистанционных форматов сопровождения лиц, проявивших выдающиеся способности, из удаленных муниципалитетов и создание механизмов преемственности между региональными олимпиадами и программами профессионального ориентирования в приоритетных для края отраслях. При построении такой региональной модели ключевыми факторами должны стать географическая удаленность территорий, приоритет точных и естественных

наук, а также международная ориентация Приморского края. Учет данных факторов обеспечит полноценное развитие олимпийского движения как на всероссийском уровне, так и на Дальнем Востоке, позволяя трансформировать олимпийскую среду с простого выявления талантливых школьников на непрерывное профессиональное развитие педагогов этого стратегически важного региона страны.

Полученные результаты имеют непосредственное практическое значение, поскольку они могут быть использованы при проектировании программ повышения квалификации преподавателей иностранного языка, разработке региональных моделей олимпийской подготовки, а также при формировании образовательной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гулов А. П. Генезис олимпийского движения в России // Ценности и смыслы. 2023. № 3(85). С. 42—60. DOI: 10.24412/2071-6427-2023-3-42-60.
2. Гулов А. П., Касаткин П. И. Олимпийское движение в отечественной системе образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 5(235). С. 25—34.
3. Майорова Н. С., Щербинина О. С. Школьное олимпийское движение: история, теория и практика // Социально-политические исследования. 2024. № 4(25). С. 175—188.
4. Платонова О. А. Об истории математических олимпиад // Мир транспорта. 2020. Т. 18. № 5. С. 172—189. DOI: 10.30932/1992-3252-2020-18-172-189.
5. Черненко С. Е., Романенко К. Р. «Обречены на успех»: продвигающая сила школы, роль семьи и неравенство на пути олимпиадников в университет // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 213—238. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-213-238.
6. Яковлев Е. В., Яковлева Н. О. Организация работы с одаренными обучающимися в региональной системе образования // Педагогическая перспектива. 2022. № 4(8). С. 37—49. DOI: 10.55523/27822559_2022_4(8)_37.
7. Петрук Г. В., Варкулевич Т. В., Шилова А. Ю. Проблемы и перспективы развития человеческого потенциала Дальнего Востока // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2023. Т. 15. № 4. С. 23—35.
8. Титова С. В. Карта компетенций преподавателя иностранных языков в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 5. С. 133—149. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-133-149.
9. Сабирова Д. Р., Шигапова Ф. Ф. Обучение студентов-лингвистов методике подготовки одаренных школьников к олимпиаде по иностранному языку (из опыта Казанского федерального университета) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 380—385. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1565.
10. Гулов А. П. Повышение квалификации учителей в олимпийском движении // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 3(40). С. 139—145. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-40-139-145.
11. Щербинина О. С., Майорова Н. С., Грушецкая И. Н. Психолого-педагогические барьеры одаренных школьников в олимпийском движении // Образование и наука. 2025. Т. 27. № 7. С. 92—124. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-7-92-124.
12. Пыхина Н. В. Профессионально-ориентированная олимпиада в контексте воспитательной деятельности преподавателя вуза // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы : материалы XV Всерос. науч.-практ. Internet-конф. (с междунар. участием). Тамбов : Державинский, 2024. С. 269—272.
13. Shaughnessy M., Senior J. Teachers of gifted children: the essential core competencies // Journal of Gifted Education and Creativity. 2022. Vol. 9. No. 2. Pp. 219—225.
14. Akgül G., Erten Tathı C., Akçabozan Kayabol N. B. Examining Teachers' Needs, Competencies, and Knowledge in Gifted Education for Professional Learning // Journal of Advanced Academics. 2025. Vol. 36. Iss. 2. Pp. 240—264. DOI: 10.1177/1932202X241304514.
15. Селиванова Л. Л. Древние Пифийские и современные Дельфийские игры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 17. С. 14—42.
16. Габдрахманов А. Р., Габдрахманова А. В. Педагогическая поддержка одаренных детей в массовой школе: барьеры и ресурсы учителя-предметника // Научные высказывания. 2026. № 2(89). С. 26—30.

REFERENCES

1. Gulov A. P. Genesis of the Olympiad movement in Russia. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*. 2023;3(85):42—60. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6427-2023-3-42-60.
2. Gulov A. P., Kasatkin P. I. Olympiad movement in the domestic education system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2024;5(235):25—34. (In Russ.)
3. Mayorova N. S., Shcherbinina O. S. School olympiad movement: history, theory and practice. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya = Social and political researches*. 2024;4(25):175—188. (In Russ.)
4. Platonova O. A. History of Mathematical Olympiads. *Mir transporta = World of Transport and Transportation*. 2020;18(5):172—189. DOI: 10.30932/1992-3252-2020-18-172-189.
5. Chernenko S., Romanenko K. «Doomed to Success»: Promoting School Power, Role of the Family, and Inequality on the Way of the Olympiads Winners to University. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2022;3:213—238. (In Russ.) DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-213-238.
6. Yakovlev E. V., Yakovleva N. O. Organization of work with gifted students in the regional education system. *Pedagogicheskaya perspektiva = Pedagogical perspective*. 2022;4(8):37—49. (In Russ.) DOI: 10.55523/27822559_2022_4(8)_37.
7. Petruk G. V., Varkulevich T. V., Shilova A. Yu. Challenges and prospects for human development Far East. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2023;15(4):23—35. (In Russ.)

8. Titova S. V. The Map of Competencies of a Foreign Language University Teacher in the Context of Digitalization of Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2022;31(5):133—149. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-133-149.
9. Sabirova D. R., Shigapova F. F. Training linguistics students to prepare gifted pupils for foreign language Olympiads (the case study of Kazan Federal University). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):380—385. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1565.
10. Gulov A. P. Advanced Training for Teachers in the Olympiad Movement. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 2023;3(40):139—145. (In Russ.) DOI: 10.36809/2309-9380-2023-40-139-145.
11. Shcherbinina O. S., Mayorova N. S., Grushetskaya I. N. Psychological and pedagogical barriers faced by gifted school-children in the olympiad movement. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2025;27(7):92—124. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2025-7-92-124.
12. Pykhina N. V. A professionally oriented olympiad in the context of the educational activity of a university teacher. *Prepodavatel' vysshei shkoly: traditsii, problemy, perspektivy = University teacher: traditions, problems, prospects. Proceedings of the XV All-Russian scientific and practical Internet conference (with international participation)*. Tambov, Derzhavinskii, 2024:269—272. (In Russ.)
13. Shaughnessy M., Senior J. Teachers of gifted children: the essential core competencies. *Journal of Gifted Education and Creativity*. 2022;9(2):219—225.
14. Akgül G., Erten Tatlı C., Akçaboza Kayabol N. B. Examining Teachers' Needs, Competencies, and Knowledge in Gifted Education for Professional Learning. *Journal of Advanced Academics*. 2025;36(2):240—264. DOI: 10.1177/1932202X241304514.
15. Selivanova L. L. Ancient Pythian and modern Delphian games. *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Journal of historical, philological and cultural studies*. 2007;17:14—42. (In Russ.)
16. Gabdrakhmanov A. R., Gabdrakhmanova A. V. Pedagogical support of gifted children in mainstream schools: barriers and resources of the subject teacher. *Nauchnye vyskazyvaniya*. 2026;8(89):26—30. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2026; одобрена после рецензирования 11.07.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was submitted 20.06.2026; approved after reviewing 11.07.2026; accepted for publication 13.07.2026.

Научная статья
УДК 796
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1726

Anatoliy Mishyalovich Kolesnikov
Senior Lecturer of the Department of Physical Education,
MIREA — Russian Technological University
Moscow, Russian Federation
tolkolesnikov@mail.ru

Анатолий Михайлович Колесников
старший преподаватель кафедры физической культуры,
МИРЭА — Российский технологический университет
Москва, Российская Федерация
tolkolesnikov@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ОБОБЩЕНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ УДАРНОЙ ТЕХНИКЕ АРБ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. Внедрение личностно-ориентированного подхода в физическое воспитание студентов в настоящее время осуществляется через создание для студентов возможности выбора элективных курсов в рамках учебной дисциплины «Физическая культура и спорт». Выбор вида спорта, отвечающего индивидуальному своеобразию образовательных потребностей и способностей в области физической культуры и спорта, создает благоприятные условия для удовлетворения потребностей в двигательной активности. В содержание физического воспитания в ряде вузов в последние годы включен элективный курс «Армейский рукопашный бой» (АРБ). Относительно недостаточная научная разработанность содержательного и технологического обеспечения данного элективного курса обуславливает социально-практическую и научно-методическую актуальность исследований в этой предметной области.

Цель исследования — раскрыть дидактический потенциал концепции содержательного обобщения как методологической основы обучения студентов ударной технике АРБ — реализуется через решение следующих задач: 1) осуществить структурно-логический анализ ударной техники АРБ с учетом общего и частного в ее

содержании; 2) на основе результатов структурно-логического анализа разработать программу обучения студентов ударной технике АРБ. Материалами исследования выступают современные научно-методические знания в исследуемой предметной области, представленные в статьях в научных журналах, докладах на научно-практических конференциях, монографиях. Методы исследования: анализ и обобщение научно-методической литературы.

В результате исследования на основе структурно-логического анализа осуществлена систематизация ударной техники АРБ с распределением ее элементов на пять уровней обобщения: боевая стойка; перемещения; ударные действия; удары руками и ногами; удары руками и ногами при различных способах перемещения. Разработана программа обучения студентов ударной технике в рамках элективного курса «Армейский рукопашный бой» с раскрытием вертикальной и горизонтальной последовательности усвоения учебного материала.

Ключевые слова: армейский рукопашный бой / АРБ, ударная техника, студенты, физическая культура, спорт, обучение, технические приемы, систематизация, структурно-логический анализ, техника, последовательность

Для цитирования: Колесников А. М. Концепция содержательного обобщения как методологическая основа обучения студентов ударной технике АРБ // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 531—537. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1726.

Original article

THE CONCEPT OF CONTENT GENERALIZATION AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR TEACHING STUDENTS AHC STRIKING TECHNIQUE

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. The introduction of a student-centered approach to physical education is currently being implemented through the creation of elective courses for students within the “Physical Education and Sport” discipline. Selecting a sport that meets the individual’s unique educational needs and abilities in physical education and sport creates favorable conditions for satisfying the need for physical activity. In recent years, a number of universities have included an elective course in army hand-to-hand combat (AHC) in the physical education curriculum.

The relatively insufficient scientific development of the content and technological support for this elective course determines the socio-practical and scientific-methodological relevance of research in this subject area.

The purpose of the study is to reveal the didactic potential of the concept of substantive generalization as a methodological basis for teaching students the striking technique of the AHC. Research objectives are: (1) to carry out a structural and logical analysis of the striking technique of the AHC, taking into account the general and specific in its content; (2) to develop

a Program for teaching students the striking technique of the AHC based on the results of the structural and logical analysis. The research materials are modern scientific and methodological knowledge in the studied subject area, presented in articles from scientific journals, reports of scientific and practical conferences, monographs, and electronic journals. Research methods are analysis and generalization of scientific and methodological literature. As a result of the study, a systematization of AHC striking techniques was carried out based on a structural and logical analysis, dividing its elements

into five levels of generalization: fighting stance, movement; striking actions; punches and kicks; and punches and kicks with various movement patterns. A program for teaching students striking techniques as part of the elective course "Army hand-to-hand combat" was developed, revealing the vertical and horizontal sequence of learning.

Keywords: army hand-to-hand combat / AHC, striking techniques, students, physical education, sports, education, techniques, systematization, structural and logical analysis, technique, sequence

For citation: Kolesnikov A. M. The concept of content generalization as a methodological basis for teaching students AHC striking technique. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):531—537. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1726.

Введение

Актуальность. Внедрение личностно-ориентированного подхода в физическое воспитание студентов через создание возможностей выбора элективных курсов для обучения в рамках учебной дисциплины «Физическая культура и спорт» создает благоприятные условия для удовлетворения потребностей в двигательной активности. В содержание физического воспитания в ряде вузов в последние годы включен элективный курс «Армейский рукопашный бой» (далее — АРБ). При организации процесса обучения студентов ударной технике АРБ, которую студенты изучают в качестве элективного курса учебной дисциплины «Физическая культура и спорт», остро стоит вопрос о минимизации временных затрат и усилий. Это связано с небольшим объемом учебных часов, выделяемых учебным планом на его изучение. Решение этого вопроса связано с определением оптимальной последовательности освоения учебного материала.

Относительно недостаточная научная разработанность содержательного и технологического обеспечения данного элективного курса в отношении данного аспекта обуславливает социально-практическую и научно-методическую актуальность исследований в этой предметной области.

Степень изученности проблемы. А. В. Ворожейкин [1] на основе выполненного им анализа диссертационных исследований по виду спорта «Армейский рукопашный бой» сделал заключение, что рассматриваемая нами проблема исследования находится в центре внимания ряда ученых. В частности, А. А. Ахматгалин [2] в своих работах обосновал высокий образовательный потенциал включения занятий АРБ в содержание физического воспитания студентов технического вуза. С. А. и П. Б. Джалиловы и М. А. Порохов [3] осуществили содержательную характеристику различных сторон спортивной подготовки на учебных занятиях по физической культуре в виде спорта «АРБ». Д. А. Стениным [4] изучены возможности применения АРБ как фактора совершенствования общей физической подготовки воспитанников суворовских училищ.

Незначительное количество исследовательских работ посвящено анализу способов выполнения ударных действий АРБ. В частности, А. И. Агафоновым [5] осуществлен биомеханический анализ техники выполнения бокового удара ногой в рукопашном бое, А. Ю. Вагиным [6] выделены биомеханические особенности некоторых вариантов выполнения прямого удара ногой. А. И. Орловым и М. Г. Шнайдер [7] выполнен биомеханический анализ различных вариантов прямых ударов руками в смешанных видах единоборств.

Предметом исследований ряда научных работы выступают различные аспекты проблемы обучения ударной технике АРБ. В частности, В. И. Баранюком, С. М. Ашкинази, С. В. Шевцовой [8] определены педагогические условия совершенствования процесса обучения рукопашному бою вузов Министерства обороны РФ с учетом их предназначения. Д. И. Казымовым и М. А. Ефременко [9] определены средства и методы совершенствования способов выполнения ударов ногами в АРБ. А. А. Гизатулиным и В. В. Лисоволом [10] разработаны эффективные комплексы формальных упражнений в совершенствовании техники рукопашного боя. В качестве основного предмета исследования Р. Б. Хабыртова [11] выступало изучение, разработка и апробация инновационных педагогических технологий обучения сотрудников силовых структур приемам АРБ. О. В. Цурканом [12; 13] разработана оригинальная методика поэтапного обучения военнослужащих через создание и применение ситуативных комплексов тренировочных упражнений.

Менее изученными являются вопросы систематизации техники АРБ. В этом отношении можно выделить только работу В. И. Баранюка и Ф. Г. Бурякина [14], в которой представлена разработанная авторами классификация ударно-бросковых комбинаций в АРБ. Систематизация ударных действий педагогически значима, поскольку ее результаты определяют оптимальную последовательность их усвоения с учетом содержания их двигательной структуры. В этой связи особое значение приобретают упорядочивание и систематизация изучаемого материала и определение на этой основе рациональной последовательности его усвоения.

Целесообразность разработки темы. Традиционное обучение технике АРБ характеризуется преобладанием аналитического подхода при формировании арсенала его технических приемов. При его реализации зачастую каждый технический прием изучается в отдельности, вне связи с остальными, без раскрытия общих требований к способам их выполнения. Внимание обучаемых, как правило, акцентируется на требованиях качественного выполнения отдельных движений и действий, составляющих содержание изучаемых технических приемов. В результате этого у обучаемых формируется разрозненное представление обо всей совокупности соревновательных действий. И, по сути, весь арсенал техники вида спорта воспринимается в виде некоего множества, без понимания внутренних структурно-логических связей взаимодействия между его элементами.

Цель исследования — раскрыть педагогический потенциал концепции содержательного обобщения как методологической основы обучения студентов ударной технике АРБ.

Задачи исследования:

1. Осуществить структурно-логический анализ ударной техники АРБ с учетом общего и частного в ее содержании.
2. Разработать на основе результатов структурно-логического анализа программу обучения студентов ударной технике АРБ.

Научная новизна результатов исследования заключается в следующем:

1. Впервые осуществлена систематизация арсенала ударных действий АРБ по пяти уровням обобщения с учетом общего и частного в содержании их двигательной структуры. Определены в отношении каждого уровня обобщения с учетом решаемых двигательных задач базовые элементы, базовые технические приемы, и требования к способам их выполнения, которые являются общими для всех частных вариантов.

2. Разработана оригинальная учебная программа обучения студентов ударной технике АРБ в рамках учебной дисциплины «Элективные курсы по физической культуре и спорту», учитывающая концептуальные положения концепции содержательного обобщения в обучении. Учебный материал в содержании программы представлен в вертикальной последовательности в соответствии с уровнями обобщения. При этом овладение элементами низшего уровня обобщения выступает необходимым условием эффективного освоения элементов более высокого уровня. В программе представлена горизонтальная последовательность обучения, при которой усвоение базового элемента предшествует усвоению его частных вариантов.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в дополнении теории и методики физической культуры новыми научно-обоснованными знаниями: о дидактическом потенциале концепции содержательного обобщения как методологической основы повышения эффективности обучения студентов ударной технике АРБ; содержании ударной техники АРБ как системы двигательных действий с раскрытием существующих между ними вертикальных и горизонтальных структурно-логических связей; оптимальной последовательности обучения ударной технике от общего к частному в ее содержании.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что инновационная методика обучения студентов ударной технике АРБ, разработанная на методологической основе концепции содержательного обобщения позволяет повысить качество освоения студентами способов выполнения ударных действий АРБ, снизить затраты времени и усилий студентов и преподавателей на решение этой педагогической задачи. Содержательное обобщение в обучении позволяет использовать положительный перенос усвоенных навыков выполнения элементов, которые являются общими для изученного и разучиваемого технического действия.

Основная часть

Методология исследования. Методологической основой исследования выступает концепция содержательного обобщения в обучении. Материалами исследования выступают современные научные знания в исследуемой предметной области, которые представлены в научных работах, опубликованных в научных журналах, сборниках научных работ, монографиях и других научных изданиях. С учетом этих материалов осуществлена систематизация ударных действий, составляющих содержание ударной техники

АРБ. Следующий шаг исследования заключается в разработке экспериментальной учебной программы, раскрывающей содержание ударной техники, как предмета изучения студентами, и оптимальную последовательность ее усвоения в направлении от изучения базовых элементов к частным вариантам способов их выполнения. Основным методом исследования является теоретический анализ и обобщение современной научно-методической литературы.

Результаты исследования и их обсуждение. Классифицирование представляет деятельность по систематизации исследуемого массива явлений, в нашем случае ударных действий АРБ, путем их деления на устойчивые классы, группы и виды исходя из общих признаков. Эта деятельность предполагает выделение сущности, содержания и внутренних связей между элементами исследуемых объектов и конкретизация места и роли каждого из них в общей системе.

При классифицировании соблюдается ряд требований, от которых зависит системность и ценность подразделения исследуемого множества на части:

- следует опираться на одно конкретное основание;
- члены классификации должны взаимно исключать друг друга;
- подразделение на классы должно быть непрерывным;
- классификация осуществляется от более общих признаков, к более частным;
- необходимо установить оптимальное число признаков, ступеней и глубину классификации.

В подавляющем большинстве случаев применяется *дедуктивный* (от общего к частному) *метод* построения классификации. Он осуществляется через последовательное деление множества на подчиненные подмножества, где каждый этап разделения осуществляется в рамках одного признака, при этом каждая последующая ступень (уровень) деления должна конкретизировать признак вышестоящей. Количество отражаемых ступеней (уровней) при классифицировании множества определяется числом используемых признаков, которое будет отражать глубину осуществляемой классификации. *Глубина классифицирования* определяется характером поставленных задач и с учетом возможности практического ее применения в конкретных условиях. Так, при обучении студентов ударной технике в рамках спортивно-ориентированного физического воспитания студентов, реализуемого в рамках элективных дисциплин (модулей) по физической культуре и спорту достаточна глубина классификации в 4–5 уровней.

Альтернативой традиционному аналитическому подходу к организации технической подготовки в определенном виде спорта является системно-деятельностный подход, выступающий методологической основой, разработанной В. В. Давыдовым [15] теории содержательного обобщения в обучении, суть которой состоит в актуализации обучаемыми знаний о взаимоотношении общего и единичного в содержании изучаемого материала.

Для реализации высокого дидактического потенциала концепции содержательного обобщения в обучении Г. Л. Драндров [16; 17] считает необходимым решить две задачи:

- систематизация техники вида спорта с учетом общего и частного в ее содержании;
- организация процесса обучения в последовательности от усвоения общих базовых технических приемов к их частным вариантам.

В совокупности это обеспечит, по мнению автора: методологическую целостность процесса обучения двигательным действиям, составляющим содержание техники вида спорта; условия формирования у обучаемых представления о системной организации технического арсенала вида спорта.

В ходе решения **первой задачи** нами осуществлен *структурно-логический анализ* арсенала атакующих ударных действий АРБ с выделением общего и частного в их содержании. При этом мы исходили из следующих установок:

- общее характеризуется наличием свойств, присущих группе объектов, а частное — наличием свойств, отличающих конкретный объект от группы объектов;
- отношения общего и частного носят всеобъемлющий и фундаментальный характер: в них находятся все явления, предметы, процессы вне зависимости от природы происхождения;
- интерпретировать данные отношения следует с учетом уровня рассмотрения познаваемого. Если конкретное содержание на одном уровне рассмотрения системы может

рассматриваться как видовое понятие, то на нижележащем уровне оно уже может выполнять функцию родового понятия.

На рис. 1 представлена вертикальная структура ударной техники с учетом уровней обобщения.

Боевая стойка рассматривается как базовый элемент (*первый уровень обобщения*), общий для всех технических приемов АРБ. Двигательной задачей боевой стойки выступает обеспечение готовности к быстрому, эффективному выполнению перемещений, атакующих и защитных действий.

Другим базовым элементом, присущим всем техническим приемам АРБ, является шаг. Шаг включает в свою двигательную структуру наряду с боевой стойкой смену опоры с сохранением динамического равновесия и минимальными вертикальными колебаниями тела. Эти элементы входят в содержание технического приема **«перемещение»** (*второй уровень обобщения*). Двигательной задачей перемещения выступает быстрый, точный и своевременный переход на более выгодную тактическую позицию для выполнения атакующих и защитных технических действий.

Рис. 1. Вертикальная структура ударной техники с учетом уровней обобщения

Частные варианты перемещений различаются по: направлению (вперед, назад, в сторону, по дуге); способам выполнения (вышагиванием, одиночным шагом, приставным шагом, обычным шагом, скачком); и количеству шагов.

Ударные действия АРБ относятся к *третьему уровню обобщения* и включают наряду с боевой стойкой и перемещениями как поступательные, так и вращательные моменты движения, выполняемые с ускорением, и объединенные в единую биодинамическую цепь. Они направлены на решение задач: выполнения сильного и точного удара; создания условий для реализации комбинации ударов; обеспечения безопасности удара; быстрого принятия боевой стойки.

К *базовым элементам*, общим для всех способов выполнения ударных действий АРБ, относятся:

- Хлест (увеличение суммы векторов движений звеньев тела через строгую очередность в последовательном разгоне и торможении звеньев тела, участвующих в ударе), включающий:
 - короткое последовательное разгибание кинематической цепи «стопа-голень-бедро»;

- вращательно-поступательное движение туловища, обеспечивающее передачу вращательного импульса при взаимодействии кинематических цепей;

- равноускоренное движение финального ударного звена в кинематической цепи.

- *Увеличение ударного импульса* за счет жесткости кинематических цепей в момент удара, увеличения скорости ударного звена тела, увеличения массы тела участвующей в ударном движении посредством смещения общего центра массы тела по направлению удара; сокращение времени соударения.

- *Скручивание туловища* в момент удара в сторону ударного звена.

В свою очередь ударные действия различаются по **виду удара (рукой и ногой)**, что проявляется в особенностях взаимодействия кинематических цепей (*четвертый уровень обобщения*). Наряду с общим в способах выполнения удара рукой и ногой наблюдаются существенные **различия**.

Частные варианты ударов руками так же, как и частные варианты ударов ногами, различаются по: направлению удара относительно спортсмена (вперед, назад, в сторону); траектории движения ударного звена (прямые,

по дуге); ударному звену (кулаком, тыльной стороной кулака, подошвой стопы, основанием пальцев стопы, ребром стопы, подъемом стопы, голенью); уровню поражения (верхний, средний); силе ударов (акцентированные и не акцентированные); дистанции (с ближней и дальней дистанции).

На *пятом уровне обобщения* находятся **ударные действия руками и ногами, выполняемые при различных способах перемещений**.

Результаты решения **второй задачи** представлены нами в виде программы обучения студентов ударной технике АРБ в рамках учебной дисциплины «Элективные курсы по физической культуре и спорту», усвоение которой позволяет реализовать дидактический потенциал теории содержательного обобщения.

Учебный материал в содержании программы распределен в соответствии с уровнями обобщения от общего к частному. При реализации **вертикальной последовательности** процесс обучения начинается с освоения

базового элемента или базового технического приема, который в дальнейшем выступает частью нового изучаемого действия, относящегося к более высокому уровню обобщения.

При реализации **горизонтальной последовательности** обучение начинается с освоения базового элемента или базового технического приема к овладению частными вариантами способов их выполнения (рис. 2).

При этом внимание студентов акцентируется на качественном своеобразии способа выполнения каждого частного варианта. Сознательный контроль процесса его выполнения облегчается тем, что сознание освобождается от управления способами выполнения базовых элементов технического приема.

В обоих случаях при обучении в соответствии с учебной программой создаются условия для максимальной реализации эффекта положительного переноса, что существенно повышает эффективность усвоения учебного материала.

Боевая стойка (средняя, собранная широкая, с опорой на сзади стоящую ногу)	Перемещение вперед с вышагиванием	Удар передней рукой и сзади стоящей ногой	Базовые способы ударов при базовом способе перемещения
Способы выполнения частных вариантов боевой стойки, различающихся по: • высоте (высокая, средняя, низкая); • распределению массы тела (напереди и сзади стоящую ногу); • положению стоп (лево/правосторонняя, узкая и широкая); • положению рук и головы (собранный и открытый).	Способы выполнения частных вариантов перемещений с учетом шага перемещения: • вышагиванием; • одиночным шагом; • положению стоп (лево/обычным шагом); • скачком; направления перемещения: • вперед; • назад; • в сторону; • по дуге.	Способы выполнения частных вариантов ударов рукой и ногой, которые различаются по таким признакам, как: • направление удара; • траектория удара; • ударное звено; • уровни поражения; • сила удара; • дистанция удара.	Способы выполнения базовых способов ударов рукой и ногой при частных вариантах перемещений. Способы выполнения частных вариантов ударов рукой и ногой при базовом способе перемещения. Способы выполнения частных вариантов ударов рукой и ногой при различных вариантах перемещений.

Рис. 2. Горизонтальная последовательность обучения ударной технике АРБ

Заключение

Представленное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Боевая стойка является базовым элементом (*первый уровень обобщения*), общим для всех технических приемов АРБ. Другой базовый элемент, присущий всем техническим приемам АРБ, — шаг. Шаг включает в свою двигательную структуру наряду с боевой стойкой смену опоры. Эти элементы входят в содержание технического приема «перемещение» (*второй уровень обобщения*). Ударные действия АРБ относятся к *третьему уровню обобщения* и включают наряду с боевой стойкой и перемещениями поступательные и вращательные моменты движения, выполняемые с ускорением и объединенные в единую биодинамическую цепь. Ударные действия различаются по виду удара (рукой и ногой), что проявляется в особенностях взаимодействия кинематических цепей (*четвертый уровень обобщения*). Частные варианты ударов руками и ногами выполняются при перемещениях, которые различаются способами выполнения и направлениями (*пятый уровень обобщения*).

2. Учебная программа обучения студентов ударной технике АРБ в рамках учебной дисциплины «Элективные курсы по физической культуре и спорту», позволяет реализовать дидактический потенциал концепции содержательного обобщения в обучении. Учебный материал в содержании учебной программы распределен в соответствии с уровнями обобщения от общего к частному. При реализации этой последовательности процесс обучения начинается с освоения базового элемента или базового технического приема, который в дальнейшем выступает частью нового изучаемого действия, относящегося к более высокому уровню обобщения. При реализации горизонтальной последовательности обучение начинается с освоения базового элемента или базового технического приема к овладению частными вариантами способов их выполнения. В обоих случаях при обучении в соответствии с учебной программой создаются условия для максимальной реализации эффекта положительного переноса, что существенно повышает эффективность усвоения учебного материала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ворожейкин А. В., Тюпа П. И., Волков А. П. Анализ современных проблем в диссертационных исследованиях по виду спорта «рукопашный бой» // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. Психолого-педагогические науки. 2020. № 1(51). С. 154—158.
2. Ахматгатин А. А., Струганов С. М. Эффективность занятий рукопашным боем в физическом воспитании студентов // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 5. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=29195>.
3. Джалилов С. А., Джалилов П. Б., Порохов М. А. Подготовка студентов на занятиях по физической культуре в избранном виде спорта рукопашный бой // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма в современных условиях : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С. 48—53.
4. Стенин Д. А. Армейский рукопашный бой как дополнительная система физической подготовки суворовцев // Зауралье спортивное. Физическая культура и спорт: интеграция научных исследований и практики : материалы IX нац. науч.-практ. конф. Курган : Изд-во Кург. гос. ун-та, 2020. С. 41—43.
5. Агафонов А. И. Биомеханический анализ техники выполнения бокового удара ногой в рукопашном бою // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2018. № 5(159). С. 11—14.
6. Вагин А. Ю. Биомеханические особенности некоторых вариантов выполнения прямого удара ногой в каратэ // Экстремальная деятельность человека. 2021. № 1(59). С. 91—96.
7. Орлов А. И., Шнайдер М. Г. Биомеханический анализ различных вариантов прямых ударов руками в смешанных видах единоборств // Инновационные преобразования в сфере физической культуры, спорта и туризма : сб. материалов XXI Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д. : Рост. гос. экон. ун-т (РИНХ), 2018. С. 429—434.
8. Баранюк В. И., Ашкинази С. М., Шевцова С. В. Совершенствование процесса обучения рукопашному бою вузов МО РФ с учетом их предназначения // Проблемы современного педагогического образования. 2021. Вып. 73. Ч. 2. С. 29—32.
9. Казымов Д. И., Ефременко М. А. Совершенствование техники ударов ногами в рукопашном бою // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 168—170. DOI: 10.24412/2658-638X-2021-3-168-170.
10. Гизатулина А. А., Лисовол В. В. Эффективность комплексов формальных упражнений в совершенствовании техники рукопашного боя // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2020. Т. 5. № 4. С. 150—154.
11. Хыбыртов Р. Б. Педагогические технологии повышения эффективности обучения сотрудников полиции приемам рукопашного боя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2(94). С. 199—202. DOI: 10.35750/2071-8284-2022-2-199-202.
12. Цуркан О. В., Дутчак П. Р., Боровков С. Е. Обучение рукопашному бою через поэтапные ситуативные комплексы // Вопросы педагогики. 2021. № 4-2. С. 303—307.
13. Цуркан О. В., Дутчак П. Р. Поэтапное обучение рукопашному бою через ситуативные комплексы кикбоксинга, формирование профессиональных компетенций военнослужащих // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 4-5(74). С. 415—418.
14. Баранюк В. И., Бурякин Ф. Г. Классификация ударно-бросковых комбинаций в армейском рукопашном бою // Культура физическая и здоровье. 2018. № 1(65). С. 59—62.
15. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального психологического исследования : моногр. М. : Педагогика, 1986. 240 с.
16. Драндров Г. Л., Колесников А. М. Исследование эффективности обучения студентов техническим приемам армейского рукопашного боя с учетом общего и частного в их содержании // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. № 2(111). С. 155—163.
17. Драндров Г. Л., Плешаков А. А., Коновалов И. Е. Методика обучения юных футболистов передачам мяча через формирование их обобщенной ориентировочной основы // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 9. С. 172—176. DOI: 10.17513/snt.38832.

REFERENCES

1. Vorozheykin A., Tyupa P., Volkov A. Analysis of modern problems in dissertation research on sport “hand-to-hand fight”. *Izvestiya Baltiiskoi gosudarstvennoi akademii rybpromyslovogo flota. Psikhologo-pedagogicheskie nauki = The Tidings of the Baltic State Fishing Fleet Academy: Psychological and Pedagogical sciences*. 2020;1(51):154—158. (In Russ.)
2. Akhmatgatin A. A., Struganov S. M. The efficiency of hand-to-hand combat lessons in physical education of students. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2019;5. (In Russ.) URL: <https://science-education.ru/article/view?id=29195>.
3. Dzhaliylov S. A., Dzhaliylov P. B., Porokhov M. A. Preparation of students in the classroom for physical culture in the chosen sport hand to hand combat. *Aktual'nye problemy fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma v sovremennykh usloviyakh = Current problems of physical education, sports and tourism in modern conditions. Proceedings of the 11th International scientific and practical conference*. Saint Petersburg, 2021:48—53. (In Russ.)
4. Stenin D. A. Army hand-to-hand combat as an additional system of physical training for Suvorov cadets. *Zaural'e sportivnoe. Fizicheskaya kul'tura i sport: integratsiya nauchnykh issledovaniya i praktiki = Trans-Urals sports. Physical culture and sports: integration of scientific research and practice. Proceedings of the IX National scientific and practical conference*. Kurgan, Kurgan State University publ., 2020:41—43. (In Russ.)
5. Agafonov A. I. Biomechanical analysis of performing technique for side kick in hand-to-hand combat. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta = Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2018;5(159):11—14. (In Russ.)
6. Vagin A. Biomechanical features of some options of performance of a front kick in karate. *Ekstremal'naya deyatel'nost' cheloveka = Extreme human activity*. 2021;1(59):91—96. (In Russ.)

7. Orlov A. I., Schneider M. G. Biomechanical analysis of various options for straight punches in mixed martial arts. *Innovatsionnye preobrazovaniya v sfere fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma = Innovative transformations in the field of physical culture, sports and tourism. Collection of materials of the XXI All-Russian scientific and practical conference*. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics publ., 2018:429—434. (In Russ.)
8. Baranyuk V.I., Ashkinazi S.M., Shevtsova S.V. Improving the process of teaching hand-to-hand combat to cadets of universities of the Ministry of Defense of the Russian Federation, taking into account their purpose. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2021;73(2):29—32. (In Russ.)
9. Kazymov J.I., Efremenko M.A. Improvement of the technique of kicks in hand-to-hand fighting. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and pedagogics in official activity*. 2021;3:168—170. (In Russ.) DOI: 10.24412/2658-638X-2021-3-168-170.
10. Gizatulina A.A., Lisovol V.V. Physiological studies of the effectiveness of set of exercises the close fight. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreatsiya = Physical culture. Sport. Tourism. Motor recreation*. 2020;5(4):150—154. (In Russ.)
11. Khybyrtov R. B. Pedagogical technologies of increasing effectiveness training hand-to-hand combat skills to police officers. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;2(94):199—202. (In Russ.) DOI: 10.35750/2071-8284-2022-2-199-202.
12. Tsurkan O. V., Dutchak P. R., Borovkov S. E. Teaching hand-to-hand combat through step-by-step situational complexes. *Voprosy pedagogiki*. 2021;4-2:303—307. (In Russ.)
13. Tsurkan O. V., Dutchak P. R. Gradual training in hand-to-hand combat through situational kickboxing complexes, development of professional competencies of military personnel. *Evrasiiskoe Nauchnoe Ob`edinenie*. 2021;4-5(74):415—418. (In Russ.)
14. Baranyuk V. I., Buryakin F. G. Classification of shock-battery combinations in army hand-to-hand combat. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e = Physical culture and health*. 2018; 1(65):59—62. (In Russ.)
15. Davydov V. V. Problems of developmental education: The experience of theoretical and experimental psychological research. Monograph. Moscow, Pedagogika, 1986. 240 p. (In Russ.)
16. Drandrov G. L., Kolesnikov A. M. Study of the effectiveness of training students in techniques of army hand-to-hand combat, taking into account some general and specific aspects in their content. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva = I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2021; 2(111):155—163. (In Russ.)
17. Drandrov G. L., Pleshakov A. A., Konovalov I. E. Methods of teaching young football players to pass the ball through the formation of their generalized indicative basis. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2021; 9:172—176. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.38832.

Статья поступила в редакцию 12.07.2026; одобрена после рецензирования 27.07.2026; принята к публикации 03.08.2026.
The article was submitted 12.07.2026; approved after reviewing 27.07.2026; accepted for publication 03.08.2026.

Научная статья

УДК 378.6

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1713

Aigul Flyurovna Kurbanova

Head of the Specialized Disciplines Office
of the Department of Operational-Investigative Activities,
Kazan Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
Kazan, Russian Federation
Skorpion1785@mail.ru

Айгуль Флюровна Курбанова

начальник кабинета специальных дисциплин
кафедры оперативно-розыскных мероприятий,
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Казань, Российская Федерация
Skorpion1785@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ КОМПЕТЕНЦИИ САМООБРАЗОВАНИЯ КУРСАНТОВ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Исследование посвящено обоснованию использования цифровых образовательных технологий как одного из факторов развития компетенции самообразования курсантов образовательных организаций МВД России. Теоретическая значимость результатов исследования заключается в систематизации научных представлений о педагогических механизмах организации самообразовательной деятельности в условиях цифровой трансформации образования, а также в раскрытии содержания педагогических условий, способствующих формированию устойчивой мотивации к самостоятельному обучению, развитию познавательной активности и эффективной работе с цифровыми образовательными ресурсами. Практическая значимость исследования состоит в разработке модели реализации педагогического потенциала цифровых образовательных технологий и определении педагогических условий, обеспечивающих развитие мотивационно-ценностного, когнитивного, деятельностного и аналитико-рефлексивного компонентов компетенции самообразования курсантов. Экспериментальная часть выполнена на базе образовательной организации МВД России с участием 128 курсантов, из которых 65 чел. составили экспериментальную, а 63 чел. — контрольную группы. В период исследования в образовательный процесс экспериментальной группы внедрялся комплекс цифровых образовательных технологий, включающий LMS Moodle, электронные библиотеч-

ные системы, интерактивные образовательные платформы, средства цифровой коммуникации и технологии генеративного искусственного интеллекта. Эффективность разработанной модели оценивалась посредством сравнительного анализа уровней сформированности компетенции самообразования до и после педагогического эксперимента с применением статистической обработки результатов. Полученные результаты свидетельствуют о статистически значимом повышении показателей экспериментальной группы по сравнению с контрольной, выраженном в увеличении доли курсантов с высоким и достаточным уровнями сформированности компетенции самообразования и снижении количества обучающихся с низким уровнем развития данной компетенции. В ходе исследования установлено, что повышение эффективности развития компетенции самообразования достигается при реализации комплекса педагогических условий, предусматривающих системное использование цифровой образовательной среды, персонализацию самостоятельной учебной деятельности, постоянную цифровую поддержку обучающихся и педагогически управляемое применение интеллектуальных цифровых сервисов.

Ключевые слова: цифровые технологии, компетенция самообразования, курсанты, образовательная среда, эксперимент, педагогический потенциал, самостоятельная деятельность, искусственный интеллект, педагогические условия, профессиональная подготовка

Для цитирования: Курбанова А. Ф. Педагогический потенциал цифровых образовательных технологий в развитии компетенции самообразования курсантов // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 538—543. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1713.

Original article

PEDAGOGICAL POTENTIAL OF DIGITAL EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF CADETS' SELF-EDUCATION COMPETENCE

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The study explores the rationale for using digital educational technologies as a factor in developing self-education competence in cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The theoretical significance lies in systematizing scientific understanding of pedagogical mechanisms for organizing self-education ac-

tivities in the context of the digital transformation of education, as well as in revealing the content of pedagogical conditions that contribute to sustainable motivation for independent learning, development of cognitive activity, and effective use of digital educational resources. The practical significance of the study lies in developing a model for realizing the pedagogical

potential of digital educational technologies and identifying pedagogical conditions that ensure the development of the motivational-value, cognitive, activity-based, and analytical-reflexive components of cadets' self-education competence. The experimental part was conducted at an educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the participation of 128 cadets (65 in the experimental group and 63 in the control group). During the study period, a set of digital educational technologies was introduced into the educational process of the experimental group. These included the Moodle LMS, electronic library systems, interactive educational platforms, digital communication tools, and generative artificial intelligence technologies. The effectiveness of the developed model was assessed through a comparative analysis of the levels of self-education competence development before and after the pedagogical experiment, using statistical processing

of the results. The obtained results indicate a statistically significant increase in the experimental group's indicators compared to those of the control group, expressed in an increased proportion of students with high and sufficient levels of self-education competence development and a decreased number of students with low levels of this competence. The study establishes that increased effectiveness in the development of self-education competence is achieved through the implementation of a set of pedagogical conditions that include the systematic use of a digital educational environment, the personalization of independent learning activities, ongoing digital support for students, and the pedagogically managed use of intelligent digital services.

Keywords: digital technologies, self-education competence, cadets, educational environment, experiment, pedagogical potential, independent activity, artificial intelligence, pedagogical conditions, professional training

For citation: Kurbanova A. F. Pedagogical potential of digital educational technologies in the development of cadets' self-education competence. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):538—543. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1713.

Введение

Актуальность. На сегодняшний день система высшего образования МВД России ориентирована на подготовку специалистов, способных к непрерывному профессиональному развитию и самостоятельному обновлению знаний в условиях цифровой трансформации общества [1; 2]. В этих условиях особое значение приобретает развитие компетенции самообразования курсантов, позволяющей эффективно работать с информацией, самостоятельно осваивать новые знания и применять их при решении профессиональных задач [3; 4]. Одновременно происходит активное внедрение цифровых образовательных технологий, расширяющих возможности организации самостоятельной познавательной деятельности, индивидуализации обучения и сопровождения образовательного процесса [5; 6]. Тем не менее потенциал цифровых образовательных технологий в развитии компетенции самообразования курсантов вузов МВД реализуется не в полной мере и требует дальнейшего научного обоснования [2].

Изученность проблемы. Проблема формирования компетенции самообразования обучающихся является одним из актуальных направлений современной педагогики, что отмечается в работах А. М. Кондакова, И. С. Сергеева, В. И. Абрамова [7] и Р. С. Наговицына и Р. Ш. Алимова [8]. В исследованиях П. Б. Волкова и Р. С. Наговицына [9] и Н. А. Ламухиной [1] рассматриваются содержание, структура, критерии и уровни сформированности данной компетенции, а также условия организации самостоятельной образовательной деятельности. Представленные подходы определяют самообразование через важнейшее качество личности, обеспечивающее способность к непрерывному профессиональному развитию, самостоятельному поиску и освоению новых знаний, как показали исследования А. С. Богословского [5] и Р. С. Наговицына [10].

В современных исследованиях В. Н. Шмаковой [4] и Л. В. Константиновой с соавторами [11] активно изучаются возможности цифровых образовательных технологий в развитии компетенции самообразования обучающихся, в т. ч. курсантов образовательных организаций силовых ведомств. Р. С. Наговицыным и Р. Ш. Алимовым [8] отмечается, что цифровая образовательная среда расширяет возможности индивидуализации обучения, организации

самостоятельной работы, педагогического сопровождения и формирования навыков эффективного использования информационных ресурсов. Особое значение имеют электронные образовательные платформы, интерактивные сервисы, цифровые средства обратной связи и технологии искусственного интеллекта, позволяющие повысить самостоятельность и познавательную активность обучающихся, как показывают в своем исследовании А. М. Кондаков, И. С. Сергеев, В. И. Абрамов [7] и Р. С. Наговицын [10].

Отдельное направление современных исследований Р. С. Наговицына и Р. Ш. Алимова [8] и Л. В. Константиновой с соавторами [11] связано с изучением педагогического потенциала искусственного интеллекта и генеративных технологий в образовании. В исследованиях Н. В. Ходяковой и Д. Н. Шепеля [12] и О. А. Чопик [13; 14] установлено, что интеллектуальные цифровые инструменты могут использоваться для персонализации обучения, поиска и анализа информации, формирования образовательных рекомендаций и сопровождения самостоятельной деятельности обучающихся. Тем не менее их эффективное применение требует педагогического управления, развития цифровой грамотности и формирования ответственного отношения к использованию современных технологий, как отмечают в своих научных работах А. А. Карданова [15] и В. П. Тимашенкова [16].

Таким образом, анализ исследований Н. А. Ламухиной [1], В. Н. Шмаковой [4], Л. А. Казанцевой и И. А. Калиниченко [6] и А. М. Кондакова, И. С. Сергеева, В. И. Абрамова [7] показывает, что вопросы цифровизации образования и развития компетенции самообразования достаточно широко представлены в педагогических исследованиях. Однако недостаточно изученным остается педагогический потенциал цифровых образовательных технологий как комплексного средства развития компетенции самообразования курсантов вузов МВД, также отсутствуют экспериментально подтвержденные модели и педагогические условия их эффективного применения в образовательном процессе. Именно это определило направление настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы. Необходимость проведения исследования обусловлена отсутствием достаточных экспериментальных данных, подтверждающих

результативность применения цифровых образовательных технологий в развитии компетенции самообразования курсантов. В связи с этим возникает задача выявления и научного обоснования педагогических условий, при которых использование цифровой образовательной среды обеспечивает наиболее эффективное развитие данной компетенции.

Цель исследования — научно обосновать и экспериментально проверить эффективность реализации педагогического потенциала цифровых образовательных технологий в процессе развития компетенции самообразования курсантов образовательных организаций МВД России.

Задачи исследования:

1. Определить педагогические условия развития компетенции самообразования курсантов вузов МВД средствами цифровых образовательных технологий.

2. Разработать и экспериментально оценить реализацию авторской модели и педагогических условий в развитии компетенции самообразования курсантов.

Научная новизна. Впервые экспериментально обоснован педагогический потенциал цифровых образовательных технологий в развитии компетенции самообразования курсантов вузов МВД, разработана модель их педагогического применения и определены условия, обеспечивающие повышение эффективности самообразовательной деятельности курсантов.

Теоретическая значимость. Исследование расширяет научные представления о закономерностях развития компетенции самообразования курсантов в цифровой образовательной среде. Полученные результаты позволяют обосновать педагогическую роль цифровых образовательных технологий, определить условия их результативного использования в образовательном процессе и дополнить научно-методические основы цифровой педагогики применительно к подготовке сотрудников органов внутренних дел.

Практическая значимость. Разработанные научно-методические решения ориентированы на использование в образовательных организациях МВД России при организации самостоятельной работы курсантов, создании цифровых образовательных курсов, проектировании современных образовательных практик и совершенствовании системы профессиональной подготовки. Материалы исследования могут быть востребованы при разработке программ дополнительного профессионального образования и методического обеспечении деятельности преподавателей ведомственных образовательных организаций.

Основная часть

Методология исследования. Материалами исследования послужили научные исследования Е. А. Щурова [2], А. А. Карапузикова и Н. П. Мураева [3], А. С. Богославского [5], Л. А. Казанцевой и И. А. Калининченко [6] и В. П. Тимашенковой [16] по вопросам развития компетенции самообразования, цифровизации высшего образования и использования цифровых образовательных технологий в профессиональной подготовке курсантов образовательных организаций МВД России. Экспериментальная работа проводилась в Казанском юридическом институте МВД России (г. Казань) с сентября 2025 г. по февраль 2026 г. с участием 128 курсантов, из которых 63 чел. составили контрольную группу (далее — КГ) и 65 чел. — экспериментальную (далее — ЭГ). В образовательный процесс ЭГ был внедрен комплекс цифровых образовательных технологий (*LMS Moodle*, электронные библиотечные системы,

интерактивные образовательные платформы и сервисы генеративного искусственного интеллекта), направленный на развитие компетенции самообразования.

Результаты исследования. В результате анализа научной литературы и организации педагогического эксперимента определены педагогические условия, обеспечивающие эффективное развитие компетенции самообразования курсантов средствами цифровых образовательных технологий. К ним отнесены интеграция цифровых образовательных ресурсов в самостоятельную учебную деятельность, индивидуализация образовательного процесса, организация постоянной цифровой педагогической обратной связи, использование генеративного искусственного интеллекта в качестве интеллектуального помощника под контролем преподавателя, а также развитие цифровой рефлексии обучающихся.

Таблица 1

Педагогические условия развития компетенции самообразования курсантов средствами цифровых образовательных технологий

Педагогическое условие	Практическая реализация
Интеграция цифровых образовательных технологий	Использование <i>LMS Moodle</i> , электронных библиотек и цифровых образовательных платформ
Индивидуализация самостоятельной работы	Построение индивидуальных образовательных маршрутов и адаптивных заданий
Цифровая педагогическая поддержка	Электронная обратная связь, консультации и мониторинг учебной деятельности
Использование генеративного искусственного интеллекта	Подготовка материалов, поиск информации, анализ и самооценка результатов обучения
Развитие цифровой рефлексии	Самоконтроль, электронное портфолио и анализ индивидуального образовательного прогресса

Выделенные педагогические условия были внедрены в образовательный процесс ЭГ в рамках системной организации самостоятельной учебной деятельности курсантов с использованием цифровой образовательной среды. Их реализация осуществлялась не как совокупность отдельных мероприятий, а как взаимосвязанный комплекс педагогических решений, обеспечивающий последовательное развитие мотивационно-ценностного, когнитивного, деятельностного и аналитико-рефлексивного компонентов компетенции самообразования. На основе разработанного комплекса педагогических условий была спроектирована модель развития компетенции самообразования курсантов, включающая целевой, содержательно-технологический, организационно-педагогический и результативно-диагностический блоки. Представленная модель позволила объединить используемые цифровые образовательные технологии, методы педагогического сопровождения и средства диагностики в единую систему, ориентированную на достижение планируемых образовательных результатов. Ее применение обеспечило целостную организацию педагогического процесса и создало условия для последовательного формирования у курсантов готовности к самостоятельному профессиональному развитию в условиях цифровой трансформации образования (см. рис.).

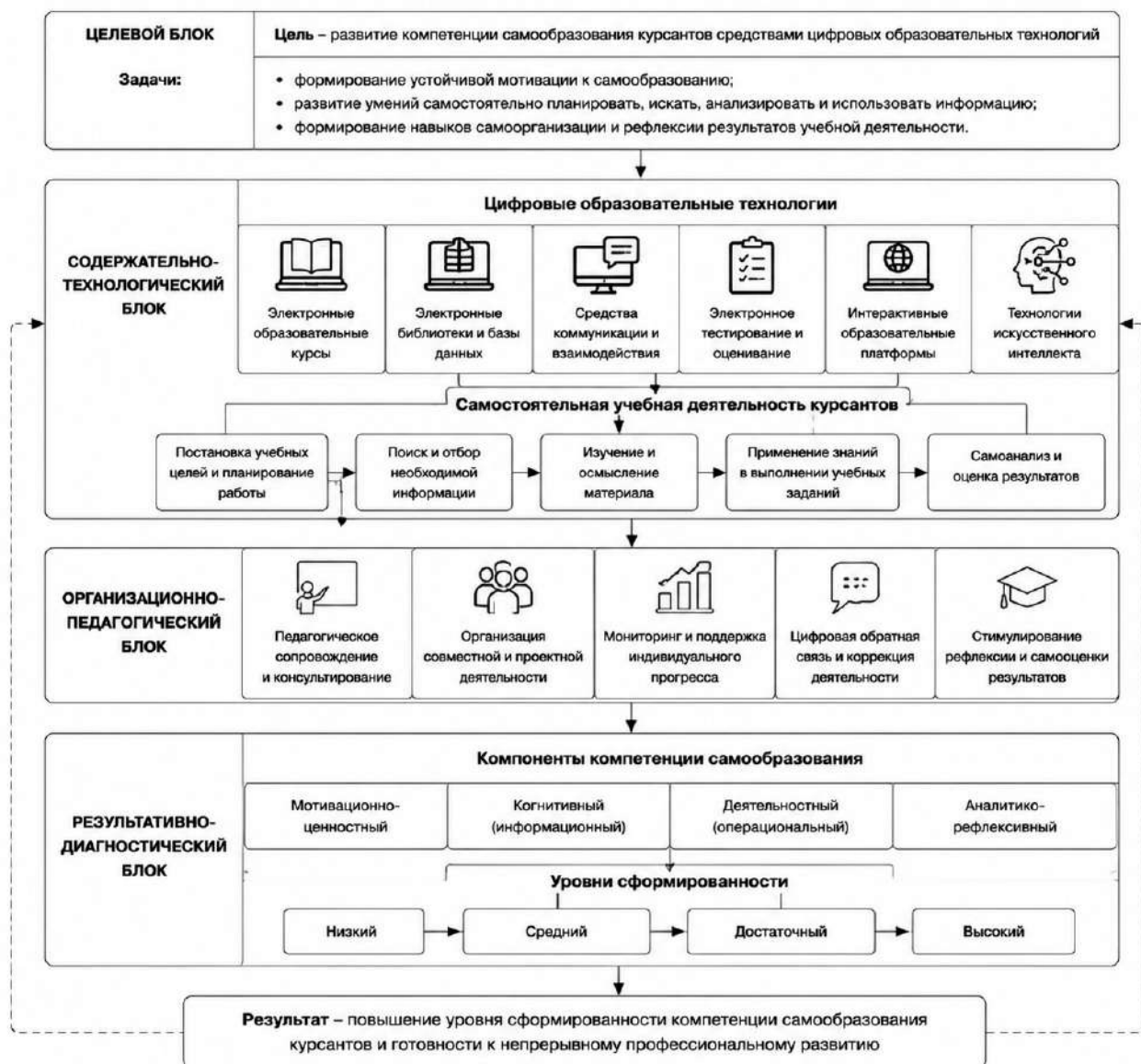

Рис. Модель реализации педагогического потенциала цифровых образовательных технологий в развитии компетенции самообразования курсантов

После завершения педагогического эксперимента проведен сравнительный анализ распределения курсантов КГ и ЭГ по уровням (табл. 2).

Таблица 2

Динамика уровней сформированности компетенции самообразования у курсантов на различных этапах педагогического эксперимента, %

Уровень сформированности	КГ		ЭГ	
	до	после	до	после
Высокий	7,9	11,1	7,7	26,2
Достаточный	23,8	30,2	24,6	43,1
Средний	46,0	44,4	46,2	24,6
Низкий	22,3	14,3	21,5	6,1

Примечание: достоверность различия между ЭГ и КГ после завершения педагогического эксперимента ($\chi^2 = 8,37$; $p < 0,05$).

Установлено, что до начала исследования показатели обеих групп были практически одинаковыми, что свидетельствует об их сопоставимости. После реализации раз-

работанных педагогических условий в ЭГ существенно увеличилась доля курсантов, достигших высокого (с 7,7 до 26,2 %) и достаточного (с 24,6 до 43,1 %) уровней сформированности компетенции самообразования. Одновременно количество обучающихся с низким уровнем снизилось более чем в три раза (с 21,5 до 6,1 %), тогда как в КГ положительная динамика носила менее выраженный характер.

Статистический анализ продемонстрировал наличие достоверных различий между показателями контрольной и экспериментальной групп ($\chi^2 = 8,37$; $p < 0,05$). Полученные данные позволяют заключить, что комплексное применение разработанных педагогических условий обеспечивает более эффективное формирование компетенции самообразования курсантов по сравнению с традиционной организацией образовательного процесса.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что целенаправленное использование цифровых образовательных технологий создает благоприятные условия для развития компетенции самообразования курсантов

образовательных организаций МВД России. Экспериментальная проверка подтвердила эффективность разработанного комплекса педагогических условий, обеспечившего достоверное повышение уровня сформированности мотивационно-ценностного, когнитивного, деятельностного и аналитико-рефлексивного компонентов компетенции самообразования у курсантов ЭГ по сравнению с КГ.

Полученные результаты свидетельствуют о целесообразности системной интеграции цифровых образовательных технологий в организацию самостоятельной учебной деятельности и профессиональной подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел. Разработанная модель может быть использована при проектировании цифровой образовательной среды, совершенствовании содержания электронных учебных курсов и организации педагогического сопровождения самостоятельной работы курсантов в образовательных организациях МВД России.

Практическая реализация предложенных педагогических условий способствует повышению качества образовательного процесса, развитию готовности обучающихся к непрерывному профессиональному самообразованию и формированию навыков эффективного использования современных цифровых инструментов. Полученные результаты расширяют научно-методические основы применения цифровых образовательных технологий в ведомственном образовании и могут служить базой для дальнейших исследований в области цифровой педагогики.

Перспективным направлением дальнейшей научной работы представляется изучение возможностей интеллектуальных цифровых систем, генеративного искусственного интеллекта и адаптивных образовательных платформ для персонализации обучения, совершенствования механизмов педагогической поддержки и построения индивидуальных траекторий профессионального развития курсантов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ламухина Н. А. Педагогическая система формирования информационной компетентности курсантов военного вуза в опережающей профессиональной подготовке // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2024. Т. 13. № 4. С. 23—28. DOI: 10.24412/2225-8264-2024-4-863.
2. Щуров Е. А. Опережающее образование в процессе саморазвития курсантов в образовательной организации МВД России // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 249—252. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-3-249-252.
3. Карапузиков А. А., Мураев Н. П. Модель педагогического сопровождения информационного самообразования курсантов вузов МЧС России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2(112). С. 180—190.
4. Шмакова В. Н. Информационная интерактивная среда как условие формирования самообразовательной компетенции у курсантов военных вузов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 1(100). С. 244—255. DOI: 10.23859/1994-0637-2021-1-100-19.
5. Богословский А. С. Модель педагогического сопровождения самообразования курсантов военного вуза с использованием цифровых ресурсов // Балтийский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12. № 2. С. 10—14.
6. Казанцева Л. А., Калинин И. А. Педагогические стратегии субъектного подхода в контексте цифровизации образовательного процесса в образовательных организациях МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 162—167. DOI: 10.24412/2658-638X-2021-3-162-167.
7. Кондаков А. М., Сергеев И. С., Абрамов В. И. Искусственный интеллект как фактор трансформации образования // Педагогика. 2024. Т. 88. № 2. С. 5—23.
8. Наговицын Р. С., Алимов Р. Ш. Педагогический потенциал ChatGPT для профессионально-личностного развития спортсменов // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2024. № 5(231). С. 271—274.
9. Волков П. Б., Наговицын Р. С. Варианты диагностики ключевых компетенций студентов педагогических специальностей при оценке результатов обучения // Непрерывное образование: XXI век. 2017. № 4(20). С. 15—30.
10. Наговицын Р. С. Концептуальные основы формирования физической культуры личности студента на основе мобильного обучения // Теория и практика физической культуры. 2014. № 10. С. 11—14.
11. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы / Л. В. Константинова, В. В. Ворожихин, А. М. Петров и др. // Открытое образование. 2023. Т. 27. № 2. С. 36—48. DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48.
12. Ходякова Н. В., Шепель Д. Н. Индивидуальные образовательные траектории обучающихся и возможности их реализации в информационно-образовательной среде // Педагогика и психология: академический журнал. 2024. № 4(7). С. 17—22.
13. Чопик О. А. Влияние цифровой дидактики на субъектно-ориентированный подход в образовательной деятельности студентов вузов // Казанский педагогический журнал. 2022. № 3(152). С. 87—92.
14. Чопик О. А. Проектирование многомерной модели формирования субъектной позиции студентов в цифровой образовательной среде // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4(108). С. 262—273.
15. Карданов А. А. Цифровизация физической подготовки в образовательных организациях МВД России // Проблемы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 135—139.
16. Тимашенкова В. П. Патриотическое воспитание курсантов образовательных организаций МВД России в условиях цифровизации образовательного процесса // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2023. № 2. С. 59—61.

REFERENCES

1. Lamuhina N. A. Pedagogical system of formation of information competence of military university cadets in advanced professional training. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii* = *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2024;13(4):23—28. (In Russ.) DOI: 10.24412/2225-8264-2024-4-863.

2. Shchurov E. A. Advanced design of the process of self-development of cadets in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of economic security*. 2023;3:249—252. (In Russ.) DOI: 10.24412/2414-3995-2023-3-249-252.
3. Karapuzikov A. A., Muraev N. P. Model of pedagogical support of information self-education of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2026;2(112):180—190. (In Russ.)
4. Shmakova V. N. Interactive informational environment as a condition for the development of the cadets' self-study competence at military institutions. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Cherepovets State University Bulletin*. 2021;1(100):244—255. (In Russ.) DOI: 10.23859/1994-0637-2021-1-100-19.
5. Bogoslovsky A. S. A pedagogical support model for self-education of military university cadets using digital resources. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2023;12(2):10—14. (In Russ.)
6. Kazantseva L. A., Kalinichenko I. A. Pedagogical strategies of the subject approach in the context of digitalization of the educational process in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogics of Official Activity*. 2021;3:162—167. (In Russ.) DOI: 10.24412/2658-638X-2021-3-162-167.
7. Kondakov A. M., Sergeev I. S., Abramov V. I. Artificial intelligence as a factor in transforming education. *Pedagogika = Pedagogics*. 2024;88(2):5—23. (In Russ.)
8. Nagovitsyn R. S., Alimov R. Sh. Pedagogical potential of GPT chat for professional and personal development of athletes. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta = Scientific Notes of P. F. Lesgaft University*. 2024;5(231):271—274. (In Russ.)
9. Volkov P., Nagovitsyn R. Diagnostics options key competences of students of pedagogical specialties in the assessment of learning outcomes. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek = Lifelong Education: The 21st Century*. 2017;4(20):15—30. (In Russ.)
10. Nagovitsyn R. S. Conceptual Framework of Formation of Personal Physical Culture of Student Based on Mobile Learning. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2014;10:3.
11. Konstantinova L. V., Vorozhikhin V. V., Petrov A. M. et al. Generative Artificial Intelligence in Education: Discussions and Forecasts. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2023;27(2):36—48. (In Russ.) DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48.
12. Hodyakova N. V., Shepel' D. N. Individual educational trajectories of students and the possibilities of their implementation in the information and educational environment. *Pedagogika i psikhologiya: akademicheskii zhurnal = Pedagogy and Psychology: Academic Journal*. 2024;4(7):17—22. (In Russ.)
13. Chopik O. A. The influence of digital didactics on the subject-oriented approach in the educational activities of university students. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2022;3(152):87—92. (In Russ.)
14. Chopik O. Designing a multidimensional model for forming the subject position of students in a digital educational environment. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;4(108):262—273. (In Russ.)
15. Kardanov A. A. Digitalization of physical training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2023;16(4):135—139. (In Russ.)
16. Timashenkova V. P. Patriotic education of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the conditions of digitalization of the educational process. *Mezhdunarodnyi zhurnal psikhologii i pedagogiki v sluzhebnoi deyatel'nosti = International Journal of Psychology and Pedagogy in Official Activity*. 2023;2:59—61. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.06.2026; одобрена после рецензирования 26.07.2026; принята к публикации 27.07.2026.
The article was submitted 27.06.2026; approved after reviewing 26.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

Научная статья
УДК 371.4
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1704

Ksenia Stanislavovna Mikloshevich
Deputy Head of the Department of the Foundations
of Russian Statehood and Civil Law Disciplines,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Irkutsk, Russian Federation
mikloshevichks@mail.ru

Ксения Станиславовна Миклошевич
заместитель начальника кафедры основ
российской государственности и цивилистики,
Восточно-Сибирский институт МВД России
Иркутск, Российская Федерация
mikloshevichks@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИЦИИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Предметом представленного в статье исследования являются когнитивные характеристики формирования позиции сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации как субъекта индивидуальной образовательной траектории. Целью теоретико-педагогического анализа проблемы выступает экзистенциальная направленность личности как мировоззренческая основа становления субъектности в рамках личностно-центрированной парадигмы педагогической науки. Гипотеза исследования заключается в том, что когнитивный компонент процесса формирования позиции личности сотрудника как субъекта индивидуальной образовательной траектории не может быть определен как наиболее эвристический, если не будет рассмотрен процесс его самопознания с точки зрения экзистенциальной напряженности образовательной деятельности. Цель проектирования индивидуальной образовательной траектории как один из результатов самоорганизации образовательной деятельности не может быть достигнута без высокого уровня самоактуализации личности сотрудника органов внутренних дел. Методом анализа процесса самоактуализации выступает феноменология сознания субъекта индивидуальной образовательной траектории, рассматриваемая как уникальная когнитивная практика, выступающая основным компонентом реализации образовательной среды, выстроенной на основе личностно-центрированного подхода. В статье при помощи сравнительного метода показано, что без глубинного экзистенциального самоанализа и саморефлексии

процесс формирования активной позиции субъекта индивидуальной образовательной траектории не является подлинным. Описано состояние симулятивного процесса обретения пассивной позиции личности как объекта имитации субъектности в рамках образовательной деятельности.

Предлагается теоретическая модель соединения личностно-центрированной парадигмы с когнитивной парадигмой как метод построения глубинного межсубъектного взаимодействия в процессе формирования позиции сотрудника как творца индивидуальной образовательной траектории. Связь личностного роста и смысловых ориентаций как предмет саморефлексии субъекта оправдательной деятельности в данном случае выводит процесс формирования субъекта индивидуальной образовательной траектории к фасилитации как основополагающему методу педагогического общения в рамках подлинного достижения когнитивной уникальности индивидуальной образовательной траектории. Результаты данного исследования могут быть применены в рамках реформирования образовательной среды как вузов системы МВД России, так и любых образовательных организаций.

Ключевые слова: позиция личности, самоактуализация, субъект индивидуальной образовательной траектории, экзистенциальная направленность, когнитивные характеристики, самоорганизация, сотрудник органов внутренних дел, самость, образовательная среда, формирование позиции личности, личностно-центрированная парадигма, самопознание

Для цитирования: Миклошевич К. С. Когнитивные характеристики формирования позиции сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации как субъекта индивидуальной образовательной траектории // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 544—550. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1704.

Original article

COGNITIVE FEATURES OF FORMING THE POSITION OF A RUSSIAN LAW ENFORCEMENT OFFICER AS A SUBJECT OF AN INDIVIDUAL EDUCATIONAL TRAJECTORY

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. This article examines the cognitive features of how a Russian law enforcement officer develops his or her individual educational trajectory. The aim of the theoretical and pedagogical analysis of the problem is the exis-

tential orientation of the individual as the worldview foundation for the development of subjectivity within the framework of a person-centered paradigm of pedagogical science. The research hypothesis is that the cognitive component

of the process of forming the position of an employee's personality as a subject of an individual educational trajectory cannot be defined as the most heuristic unless the process of self-cognition is examined from the perspective of the existential tension inherent in educational activity. The goal of designing an individual educational trajectory, as one of the outcomes of self-organization of educational activities, cannot be achieved without a high level of self-actualization of the law enforcement officer. The analysis of the self-actualization process is based on the phenomenology of the subject's consciousness within an individual educational trajectory. This phenomenology is viewed as a unique cognitive practice and a key component of an educational environment structured around a person-centered approach. The article employs a comparative method to show that the formation of an active position by the subject of an individual educational trajectory cannot be considered authentic without profound existential self-analysis and self-reflection. It also describes the condition of a simulated process where an individual assumes a passive position, acting as an imitation of subjectivity within educational activities.

For citation: Mikloshevich K. S. Cognitive features of forming the position of a Russian law enforcement officer as a subject of an individual educational trajectory. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):544—550. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1704.

Введение

Актуальность. Одной из важнейших задач развития системы профессионального образования сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) современной России выступает необходимость осознания связи профессионального роста с индивидуализацией его образовательной деятельности. В связи с этим процесс формирования субъекта индивидуальной образовательной траектории (далее — ИОТ) выступает одной из важнейших составляющих самоопределения сотрудника в рамках образовательной среды образовательной организации МВД России. В этом отношении особую значимость приобретает задача теоретико-методологического анализа базовых характеристик этого процесса. Фундаментальную роль среди них играют когнитивные характеристики позиции личности сотрудника как субъекта ИОТ. Именно их рассмотрение с позиции личностно-центрированной парадигмы педагогического знания теоретического уровня позволяет, на наш взгляд, более полно представить процесс саморефлексии и самопознания образовательной деятельности сотрудника ОВД.

Изученность проблемы. Идеи экзистенциальной направленности образовательной деятельности сотрудника ОВД лежат в основе современных педагогических теорий личностно-центрированной парадигмы. Среди наиболее значимых работ, посвященных процессу самоактуализации когнитивного компонента субъекта ИОТ, следует назвать труды таких авторов, как А. И. Бобков [1], С. Л. Братченко [2], А. О. Карпов [3], Д. А. Леонтьев [4], О. Л. Подлинных [5], Н. Н. Творогова [6], Э. Ф. Зеер, В. С. Третьякова, А. А. Шаров [7] и др.

Связь когнитивного компонента процесса формирования позиции субъекта ИОТ и образовательной среды анализируется в рамках исследований таких представителей психолого-педагогического сообщества, как Е. В. Батина [8], Е. В. Белова [9] Т. С. Купавцев [10; 11], О. В. Москаленко [12], Н. А. Низовских [13], В. В. Сери-

The author proposes a theoretical model for integrating a person-centered paradigm with a cognitive paradigm as a method for building deep intersubjective interaction in the process of developing an employee's position as the creator of an individual educational trajectory. The connection between personal growth and life-meaning orientations, as a point of self-reflection for the subject engaged in justificatory activity, in this case brings the process of forming the subject of an individual educational trajectory to facilitation — as the fundamental method of pedagogical communication within the framework of genuinely achieving the cognitive uniqueness of an individual educational trajectory. The results of this study can be applied to educational reforms at both higher education institutions within the Russian Ministry of Internal Affairs and any educational organization.

Keywords: personal position, self-actualization, subject of an individual educational trajectory, existential orientation, cognitive features, self-organization, law enforcement officer, identity, educational environment, forming personal position, person-centered paradigm, self-cognition

ков [14], Д. В. Литвин [15]. Наряду с этим следует отметить концепции построения индивидуальной траектории профессионального развития, предложенные такими авторами, как П. С. Галушина [16], М. А. Леонова [17], Н. А. Самойлик [18].

Целесообразность разработки темы обусловлена тем, что требования к непрерывному профессиональному развитию сотрудника ОВД в ситуации социальной турбулентности современных обществ предполагают рост латеральной когнитивности в рамках его профессиональной деятельности с одной стороны, и огромный объем выполняемых им профессиональных функций, требующих самоактуализации активной субъектной позиции личности с другой. Поэтому необходимость поиска новых теоретических подходов для исследований мировоззренческих позиций субъектов образовательной деятельности является необходимой теоретической базой для поиска действенных форм, средств и методов оказания педагогической поддержки каждому сотруднику ОВД в его профессиональном становлении и продвижении по пути реального личностного роста и неординарного профессионального мышления.

В связи с новыми социально-экономическими реалиями потребность проектирования ИОТ профессионального роста сотрудников ОВД требуют соединения личностно-центрированной парадигмы педагогической науки с поиском новых теоретико-методологических подходов к процессу формирования позиции личности как самостоятельно мыслящего творца образовательных технологий проектирования ИОТ.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании необходимости экзистенциальной составляющей процесса формирования позиции личности как субъекта ИОТ в его когнитивной проекции.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

— определение цели данного процесса как преодоления пассивной позиции объекта педагогического воздействия;

- анализ модели субъекта ИОТ как самодетерминирующей когнитивный рост гуманистической системы имеющей целью достижение высокого уровня саморефлексии, самопознания и самоактуализации через субъективное восприятие педагогического общения;

- выявление характеристик процесса самопознания личности как творца ИОТ.

Научная новизна исследования заключается в том, что на основе личностно-центрированного подхода к процессу формирования позиции субъекта ИОТ выявлены когнитивные характеристики данного процесса. Определена экзистенциальная направленность личности сотрудника ОВД как мировоззренческо-когнитивная основа преобразующего мышления самоактуализирующегося субъекта образовательной деятельности на основе самоорганизации и саморефлексии.

Дано понятие саморефлексии как когнитивной практики построения индивидуальной траектории профессионального роста, определяемые состоянием самоактуализации личности и близкими целями ее профессионального развития в образовательной среде.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что его результаты вносят существенный вклад в развитие личностно-центрированного подхода в рамках педагогики профессионального образования сотрудников ОВД. Вместе с тем они существенно дополняют и углубляют научные представления о сущностных характеристиках меж субъектного взаимодействия в рамках процесса формирования активной позиции субъекта ИОТ. Кроме того, оно расширяет педагогические знания о вариативном характере профессионального развития сотрудников ОВД в рамках и непрерывной образовательной деятельности.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что на его основе может быть сконструирована модель образовательной среды нацеленной на и разработку современной педагогической технологии проектирования индивидуальной траектории профессионального роста и самоактуализации личности сотрудника ОВД, которые могут быть внедрены в практику деятельности образовательных организаций системы МВД.

К характеристикам процесса формирования позиции личности как субъекта ИОТ относятся знания сотрудника о самом себе как субъекте образовательной деятельности, о психологии личности как субъекта образовательной деятельности, о ее специфике, о способах профессионального самообразования. Здесь следует говорить о системе психолого-педагогических знаний сотрудника как об одной из составляющих подсистем его как субъекта ИОТ.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Методологической основой исследования являются фундаментальные положения экзистенциальной философии образования, касающиеся проблем самореализации личности в образовательной деятельности и человеческого бытия в целом; идеи и основные положения личностно-центрированной педагогической парадигмы в ее когнитивной составляющей; педагогические теории самоактуализации в рамках процесса формирования позиции личности сотрудника ОВД как субъекта ИОТ; отечественные философские, психологические и педагогические теории личностного роста сотрудника ОВД как самостоятельно мыслящего субъек-

та; современные отечественные педагогические концепции целостного межсубъектного подхода к организации гуманистически ориентированного педагогического процесса саморазвития позиции личности как субъекта ИОТ.

Результаты исследования и их обсуждение. Формирование позиции личности как самопознающего субъекта имеет следующие характеристики: самоопределение себя как аутентично мыслящего субъекта, выявление особенностей самопознания, осознание незавершенности процесса самопознания, представления личности о рефлексии как основе самопознания, личностная рефлексия. Остановимся чуть подробнее на некоторых из них. Не будем разбираться очень подробно с каждой в силу того, что это может стать темой дальнейших исследований.

Самопознание выступает начальным этапом формирования образа я и отношения к себе. В ИОТ самопознание должно строиться на представлении о себе как о человеке, ведущем через самообразование борьбу за свою сущность, свое когнитивное призвание и самобытность своего духовного мира. Такое содержание можно обозначить как проблемно-познавательную сущность ИОТ. Самопознание личности начинается как с вопросов, поставленных перед личностью сотрудника самой жизнью, так и вопросы, поставленные самим сотрудником перед собой.

Например, в русле нашего исследования к вопросам, поставленным самой жизнью, может относиться вопрос о соотношении проблем будущего правоохранительной деятельности в рамках текущей современности и возможности их решения в рамках настоящей образовательной деятельности сотрудника ОВД. К вопросам же, поставленным самим сотрудником, может относиться вопрос о смысловых ориентациях в рамках образовательной деятельности. При этом необходимо предостеречь субъекта ИОТ от того, что в ответы на эти вопросы должны быть получены тут же. На самом деле часть вопросов, связанных с самопознанием, могут вообще не быть решены. Однако представления о том, что ИОТ может определяться как путь к очевидности, неверны в силу того, что ошибки, искания и заблуждения, а также предположения и опровержения не менее важны для становления субъекта ИОТ, нежели обоснованные утверждения. Как отмечает Д. А. Леонтьев, в теоретической модели позиции самопознающей личности как самодетерминирующей системе выделяются три компонента: «осознанность жизни, или рефлексивность, активность по отношению к жизни, или субъектность, и гармония с жизнью, или аутентичность» [4, с. 155].

Позиция личности сотрудника как субъекта ИОТ в ее когнитивном выражении содержит творческие преодоления собственного сомнения, долгие блуждания в поиске истины о самом себе, познавательную страсть по отношению к самому себе, отвагу к поиску самого себя [1].

Важной характеристикой позиции личности сотрудника как субъекта ИОТ является то, что познавательная деятельность самого себя как часть самообразования является средством воплощения осознания идеи необходимости духовного и социального роста на протяжении всей жизни.

Для реализации ИОТ в таком аспекте необходимо направить формирование позиции личности на реализацию творческой функции мышления [5, с. 12]. Репродуктивное мышление в самопознании не годится в силу того, что здесь имеются соблазны не быть, а казаться. Казаться — значит

не быть способным к осознанию образования как пути к свободно мыслящему самодостаточному субъекту, несущему ответственность за состояние общества в целом как причастный к этому состоянию. С. Л. Братченко отмечал: «У человека есть потенциал *осознать свою жизнь* (шестое, “экзистенциальное чувство”, “внутреннее видение” — как называет эту способность Бюджентал), понять ее и предпринять конструктивные шаги на пути к тому, чтобы жить более аутентично, больше стать самим собой. Но всё дело в том, сумеет ли человек реализовать этот потенциал. Для осуществления этого важнейшего дела человеку необходимо мобилизовать *заботу* о своей жизни и способность к *внутреннему поиску*, с помощью которых появляется возможность за многочисленными “онтическими трудностями” не утратить из виду проблемы онтологического, *экзистенциального уровня* — те “базовые вопросы”, которые жизнь ставит перед каждым человеком: “Кто и что я есть? Что такое этот мир, в котором я живу?” и т. п.» [2, с. 56].

В самопознании как процессе становления позиции личности важнейшим принципом выступает уход от процесса излишней индивидуализации как снижающего уровень социальной ответственности субъекта. В данном случае в самопознании необходимо выделить альтернативный или оппозиционный процесс индивидуализации, который можно обозначить как процесс индивидуации. А. О. Карпов отмечает: «Индивидуация, как ее понимал К. Г. Юнг, выводит на путь максимального осуществления природы индивидуального в коллективном, т. е. на путь самостановления. Ее сущность — проявление уникального набора качеств личности, изменчивых, но носящих универсальный характер, т. е. присущих человеческой природе как таковой» [3, с. 67].

Как видим, для сотрудника ОВД индивидуация не менее, а может быть и наиболее важна. Его ИОТ без ориентации на проблемы восстановления социально-нормативного порядка в интересах всех является весьма сомнительной индивидуализацией. Без самоостановки как изменения вектора самопознания практическая ориентация знания будет вести к имитации, карьеризму и выученной беспомощности в решении проблем, связанных с образовательной деятельностью. В результате измерение образовательной деятельности только с позиции индивидуализации рано или поздно приведет к тому, что селективный отбор сотрудников способных решать творчески проблемы новых вызовов правоохранительной системе общества будет сведен на нет.

Сущность процесса самоостановления в формировании позиции личности сотрудника как субъекта ИОТ можно выразить следующей рекомендацией: «Для достижения самостановления в форме индивидуации образование должно стать местом институционализации творчества, социально открытым сообществом учащихся, учащихся и наставляющих, культурной средой, сочетающей традиции и инновации. Образование должно включать в себя возможности для практико-ориентированного действия, позволяющего познать и реализовать себя в проблемной реальности. В этом случае своеобразие природы индивида, вовлеченное в социальное, начинает работать на рост культуры, общества, экономики, возвращая ему бесценные содержания, выводящие на путь к себе» [3, с. 67—68].

Самоактуализация самости в рамках самопознания формирует позицию ответственного перед собой субъекта тогда, когда он вполне объективно осознает себя как ответ-

ственного перед обществом критически мыслящего субъекта. Здесь формирование позиции личности должно быть направлено на осознание того факта, что репродуктивное познание как часть самопознания всегда будет вести личность к позиции пассивного субъекта образовательной деятельности [6, с. 125]. Позиция личности в данном случае нацелена на запрограммированное, стандартное мышление и поведение. Самовыражение субъекта здесь близко к нулю.

В позиции продуктивного самопознания личности субъекта образовательной траектории необходимо добиваться творческого мышления. Для этого необходимо прийти к пониманию того, что постановка уникальных целей самопознания еще не означает самоактуализацию личности, впрочем, как и нестандартная деятельность без этих целей. В связи с этим необходимо создать такие условия для самопознания субъекта, при которых будет сочетаться самостоятельность в постановке целей ИОТ и самостоятельность их достижения. Это одна из важнейших функций самопознания достигаемая путем отказа от того, что образовательная деятельность осуществляется вне себя и во имя кого-то. ИОТ является результатом творения из себя и во имя себя [16, с. 506].

При этом сотрудник ОВД должен помнить о том, что самым эффективным субъектом управления или власти выступает тот, кто, заботясь о своем личностном самопознании, заботится о личностном самопознании других.

Изменчивость знания о самом себе как субъекте ИОТ является тем фактором, который обеспечивает ее актуализацию на различных этапах жизнедеятельности и образовательной деятельности. При этом данная изменчивость ведет сотрудника от состояния «Я без самости» к состоянию «самости без Я», что как раз и нацелено на индивидуацию. Истинность столь изменчивых знаний о самом себе является важнейшей характеристикой субъекта, позволяющей говорить о том, что движение по ИОТ осуществляется в правильном направлении, даже если эти знания предусматривают радикальное изменение самой ИОТ [12, с. 175].

Сущность самопознания в рамках процесса формирования личности сотрудника ОВД как субъекта ИОТ может быть представлено с точки зрения анализа результатов собственной образовательной деятельности, своего поведения в ситуации формирования своей позиции, проявления или игнорирования глубинного общения и взаимодействия с другими субъектами данного процесса. В данном случае самопознание выступает как сравнение своей ИОТ с существующими ИОТ других субъектов и сравнения своей позиции с некой эталонной моделью позиции личности субъекта ИОТ в ракурсе ее самопознавательных характеристик [13, с. 26].

Наряду с этим важную роль играет восприятие процесса самопознания как составляющей самоактуализации субъекта другими участниками процесса формирования позиции личности. Отношение других к личности выступает важнейшим условием понимания того, насколько позиция творца ИОТ выдержана не столько как цель, сколько как пример для других.

К третьей сущностной черте самопознания относится самонаблюдение личностью за изменением позиции через акцентирование внимания на собственных состояниях, переживаниях, мотивах поступков в рамках образовательной ситуации и т. д.

В итоге самопознание в рамках процесса формирования личностной позиции сотрудника как субъекта ИОТ можно свести к следующей формуле: *Чтобы осознать себя личностью с экзистенциально-направленной позицией субъекта ИОТ, необходимо выстроить ее формирование на основе саморазвития себя как творца образовательной ситуации и определения цели образования как процесса, ведущего к решению проблем понимания себя через самопознание.*

Немаловажной характеристикой процесса формирования позиции личности сотрудника ОВД как субъекта ИОТ является рефлексия. В данном случае следует акцентировать внимание на том, что самопознание и самопонимание являются лишь частью рефлексии. Другой ее целью выступает выявление того, как другие знают и понимают рефлексирующего субъекта, его специфические особенности как субъекта образовательной деятельности, его эмоциональные реакции на образовательную среду и его когнитивные представления об образовательной деятельности или следования к цели по ИОТ [17, с. 104].

При формировании позиции личности необходимо в качестве объекта использовать не только основания его когнитивной образовательной деятельности, но и основания и методы ограничения или расширения человеком его ролевых рамок в образовательной среде, анализ образовательных ситуаций и действий в их рамках. Важен поступок личности сотрудника как соединение истории его образовательной деятельности с культурой его образовательного труда.

Необходимым условием является также его рефлексия над процессами рефлексии. Здесь важно как раз то, что в этой рефлексии таится непонимание генезиса негативной образовательной траектории, превосходства симуляции над целенаправленной деятельностью, низводящей человека до состояния объекта авторитарного и манипулятивного педагогического воздействия. А. П. Огурцов отмечает: «По своему существу рефлексия критична, ибо она, формируя новые ценности, “разламывает” сложившиеся нормы поведения и знания. Позитивный смысл рефлексии заключается в том, что с ее помощью достигается освоение мира культуры, продуктивных способностей человека» [19, с. 449].

В контексте формирования позиции личности сотрудника рефлексия важна как раз тем, что образовательная траектория неиндивидуального характера может быть пересмотрена как в позитивную, так и негативную стороны. Позитивная рефлексия полагает ее понимание как ограничивающую пассивную индивидуализацию образования и уход от состояния потребителя. Негативная же как раз направлена на полное отрицание способности на основании данной траектории получение субъекта ИОТ.

Угрозой для рефлексии личности как субъекта ИОТ выступает формализация построения ИОТ через признание ее частью образовательной программы. Здесь возникает утрата осознания того, что рефлексивные размышления над собственной образовательной траекторией перестанут быть процессом intersubjectивного содержания процесса формирования позиции личности. Личность перестанет подвергаться рефлексии также причины, побуждающие к отказу от представления рефлексивных переживаний в педагогическом взаимодействии.

Здесь важен также принцип открытости, когда личность сотрудника не боится признаться себе, педагогу и коллегам в том, что она испытывает трудности в выборе модели ИОТ, в ее построении и реализации.

Неполная рефлексия или закрытая рефлексия не позволяет вообще отследить продуктивность процесса формирования личности сотрудника как субъекта ИОТ. Также опасна рефлексия ложная, симулятивная. В данном случае человек перестает быть фасилитатором сам и не видит фасилитатора в другом. Он не может обозначить состояние, где он мыслит о своей ИОТ сам, а где за него это делают другие. Отсюда и выключение позиции субъекта.

Кроме того, важной характеристикой рефлексии в контексте процесса формирования позиции личности сотрудника как субъекта ИОТ выступает сам предмет рефлексии. Здесь важно включение в него не только знаний по дисциплинам и успехами в их освоении, но и рефлексия над приобретением и развитием профессионально значимых личностных качеств. Именно эти качества, как и перспективы их развития, являются первостепенными в процессе формирования позиции личности сотрудника как субъекта ИОТ. При этом развитие ключевых умений и навыков являлось второстепенным по отношению к профессионально значимым личностным качествам.

В связи с такой сменой акцентов правомерным кажется замечание Т. С. Купавцева, утверждающего, что «субъекты организации обучения и воспитания сотрудников в своей деятельности, как правило, не имеют целевых установок на создание условий для личностного развития обучающихся. Основной функцией в их деятельности является обеспечение обучающихся разнообразной информацией без учета мнения субъектов восприятия этой информации» [10, с. 197].

В связи с тем, что формирование у личности способности к рефлексии является важнейшей характеристикой формирования у нее способности к пониманию самости, важным представляется и самоактуализация самости в профессиональной деятельности как отражение наличия этого процесса. Самость в данном случае понимается сочетание «действительного Я» личности сотрудника как субъекта ИОТ, «идеального Я», «Я в глазах других участников образовательной среды», «Я для других участников формирования позиции личности».

Рефлексия в данном случае ведет к тому, что позиция личности оценивается как «моя действительная позиция личности субъекта ИОТ», «моя идеальная позиция личности субъекта ИОТ», «моя позиция личности как субъекта ИОТ в глазах других субъектов процесса формирования позиции», и, наконец, «моя позиция как активного субъекта формирования позиции других субъектов ИОТ».

Важной характеристикой процесса рефлексии является то, что она помогает выявить смыслы поведения личности в различных образовательных ситуациях, смыслы ролей в них как связанные с личностно-фундирующими компонентами мышления сотрудника. При этом к сотруднику приходит понимание рефлексии как основной деятельности при решении проблемных задач, ведущих к профессионально-личностному росту сотрудника.

Кроме того, нельзя не отметить, что личностная рефлексия как когнитивная характеристика процесса формирования позиции личности сотрудника ОВД как субъекта

ИОТ отражает личностные свойства таким образом, что самоактуализация себя в профессиональной деятельности предстает механизмом становления и развития профессионально-субъектной позиции через совершенствование и коррекцию экзистенциальных личностных качеств.

Кроме того, ориентация на другого здесь дает возможность для решения задач выбора субъектов наставников в рамках построения ИОТ [14, с. 107—108].

Выводы

Процесс рефлексии в педагогической проекции самоактуализации субъекта можно представить как следующие этапы самопознания личности:

- актуализация смысла позиции личности сотрудника как субъекта ИОТ, понимание проблемно-конфликтной сущности образовательной ситуации, требующей создания ИОТ;
- мысленная апробация стереотипов опыта и поведения, исчерпывание их возможностей в построении ИОТ;
- дискредитация прежних смыслов пассивной позиции личности в контексте обнаружения противоречий с процессом формирования позиции субъекта ИОТ;
- инновация принципов ролевого поведения в ситуации формирования позиции личности;
- реализация вновь обретенного смысла позиции личности как субъекта ИОТ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобков А. И. Самоопределение мыслящего субъекта в контексте методики подготовки к семинарскому занятию по философии // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы двадцать седьмой Всерос. науч.-метод. конф. Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2022. С. 165—169.
2. Братченко С. Л. Экзистенциальная психология глубинного общения. Уроки Джеймса Бюджентала. М. : Смысл, 2001. 197 с.
3. Карпов А. О. Феномен образования: экзистенциальный порядок бытия // Философские науки. 2024. Т. 67. № 1. С. 54—73. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-1-54-73.
4. Леонтьев Д. А. От феномена самостоятельности к механизмам самодетерминации // Вопросы образования. 2024. № 1. С. 142—161. DOI: 10.17323/vo-2024-17626.
5. Подлиняев О. Л., Миндеева С. В. Формирование когнитивного компонента в контексте становления медиаккомпетентности будущего инженера // Стандарты и мониторинг в образовании. 2025. Т. 13. № 2. С. 11—15. DOI: 10.12737/1998-1740-2025-13-2-11-15.
6. Творогова Н. Н. Экзистенциальная сущность интеллектуала в условиях квазиинтеллектуального симулякра образования // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 95. № 6. С. 124—130. DOI: 10.18522/2070-1403-2022-95-6-124-130.
7. Третьякова В. С., Шаров А. А., Зеер Э. Ф. Самоактуализация как предиктор персонификации личности студента // Образование и наука. 2025. Т. 27. № 5. С. 142—167.
8. Батина Е. В. Теория и образовательные практики развития личностного потенциала: обзор // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2025. Т. 17. № 3. С. 46—65. DOI: 10.14529/ped250304.
9. Белова Е. В. Системные когнитивные механизмы развития личности // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2025. № 2. С. 313—336. DOI: 10.35231/18186653_2025_2_313.
10. Купавцев Т. С. Концептуальные основы педагогической поддержки личностного саморазвития сотрудника МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4(86). С. 193—200.
11. Купавцев Т. С. Феномен готовности в концепции педагогической поддержки личностного саморазвития // Проблемы современного педагогического образования. 2024. Вып. 84. Ч. 3. С. 279—282.
12. Москаленко О. В. Личностно профессиональное развитие современного человека // Мир психологии. 2004. № 4(40). С. 168—178.
13. Низовских Н. А. Феномен внутренней позиции личности в контексте саморазвития // Развитие личности. 2018. № 4. С. 12—29.
14. Сериков В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М. : Логос, 1999. 272 с.
15. Литвин Д. В. Педагогическая концепция проектирования личностно-развивающей среды в непрерывном образовании сотрудников органов внутренних дел : моногр. / под науч. ред. Н. В. Ходяковой. М. : Акад. управления МВД России, 2025. 132 с.
16. Индивидуальная образовательная траектория студента вуза / П. С. Галушина, Е. В. Ражина, О. П. Неверова и др. // Образование и право. 2024. № 5. С. 504—508.
17. Леонова М. А. Индивидуальная образовательная траектория в концепции педагогического дизайна университета // Вестник Калужского университета. 2024. № 2(63). С. 102—105.
18. Самойлик Н. А. Психологические детерминанты профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 4. С. 26—33.
19. Огурцов А. П. Рефлексия // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. III : Н—С. С. 445—450.

REFERENCES

1. Bobkov A. I. Self-determination of a thinking subject in the context of methods of preparation for a seminar on philosophy. *Podgotovka kadrov dlya silovykh struktur: sovremennye napravleniya i obrazovatel'nye tekhnologii = Training of personnel for law enforcement bodies: modern trends and educational technologies: Proceedings of the Twenty-Seventh All-Russian scientific and methodological conference*. Irkutsk, East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation publ., 2022:165—169. (In Russ.)

2. Bratchenko S. L. Existential psychology of deep communication. Lessons by James Bugental. Moscow, Smysl, 2001. 197 p. (In Russ.)
3. Karpov A. O. The Phenomenon of Education: The Existential Order of Being. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2024;67(1):54—73. (In Russ.) DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-1-54-73.
4. Leontiev D. A. From the Phenomenon of Self-Sufficiency to the Mechanisms of Self-Determination. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2024;1:142—161. (In Russ.) DOI: 10.17323/vo-2024-17626.
5. Podlinyaev O. L., Mindeeva S. V. Formation of the Cognitive Component in the Context of the Formation of the Media Competence of the Future Engineer. *Standarty i monitoring v obrazovanii = Standards and Monitoring in Education*. 2025;13(2):11—15. (In Russ.) DOI: 10.12737/1998-1740-2025-13-2-11-15.
6. Tvorogova N. N. Existential essence of intellectual under conditions of quasi-intellectual simulacrum of formation. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and Social Sciences*. 2022;95(6):124—130. (In Russ.) DOI: 10.18522/2070-1403-2022-95-6-124-130.
7. Tretyakova V. S., Sharov A. A., Zeer E. F. Self-actualisation as a predictor of student personality development. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2025;27(5):142—167. (In Russ.)
8. Batina E. V. Theory and educational practices of personal potential development: review. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of the South Ural state university. Series: Education. Pedagogy*. 2025;17(3):46—65. (In Russ.) DOI: 10.14529/ped250304.
9. Belova E. V. Systemic Cognitive Mechanisms of Personality Development. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*. 2025;2:313—336. (In Russ.) DOI: 10.35231/18186653_2025_2_313.
10. Kupavtsev T. S. Conceptual bases of pedagogical help self-development of the personality of the employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;4(86):193—200. (In Russ.)
11. Kupavtsev T. S. The phenomenon of readiness in the concept of pedagogical facilitation of personal self-development. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2024;84(3):279—282. (In Russ.)
12. Moskalenko O. V. Personal professional development of a modern person. *Mir psikhologii = World of psychology*. 2004;4(40):168—178. (In Russ.)
13. Nizovskikh N. Person's inner position phenomenon in the context of self-development. *Razvitie lichnosti = Development of personality*. 2018;4:12—29. (In Russ.)
14. Serikov V. V. Education and personality. Theory and practice of designing pedagogical systems. Moscow, Logos, 1999. 272 p. (In Russ.)
15. Litvin D. V. Pedagogical concept of designing a personal-development environment in the continuing education of internal affairs personnel. Monograph. N. V. Khodyakova (ed.). Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia publ., 2025. 132 p. (In Russ.)
16. Galushina P. S., Razhina E. V., Neverova O. P. et al. Individual educational trajectory of a university student. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2024;5:504—508. (In Russ.)
17. Leonova M. A. Individual educational trajectory in the concept of pedagogical design of the university. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*. 2024;2(63):102—105. (In Russ.)
18. Samoylik N. A. Psychological determinants of professionalism of the Penal System employees. *Vedomosti ugovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*. 2025;4:26—33. (In Russ.)
19. Ogurtsov A.P. Reflection. *New Philosophical Encyclopedia*. In 4 vols. Moscow, Mysl', 2010. Vol. III. Pp. 445—450. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.06.2026; одобрена после рецензирования 18.07.2026; принята к публикации 20.07.2026.
The article was submitted 30.06.2026; approved after reviewing 18.07.2026; accepted for publication 20.07.2026.

Научная статья
УДК 378.2
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1733

Svetlana Nikolaevna Myakinkova
Senior lecturer
of the Department of Social Sciences and Technologies,
National University
of Science and Technology MISIS
Moscow, Russian Federation
miakinkova.sn@misis.ru

Светлана Николаевна Мякинкова
старший преподаватель
кафедры социальных наук и технологий,
Национальный исследовательский
технологический университет «МИСИС»
Москва, Российская Федерация
miakinkova.sn@misis.ru

СУБЪЕКТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ У СТУДЕНТОВ — БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВУЗЕ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье раскрываются методологические основы и содержание субъектно-деятельностной технологии формирования профессионально-ориентированной транзитивности у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий. Структурные и функциональные изменения в трудовой занятости в сфере информационных технологий оказывают глубокое воздействие не только на карьерные предпочтения отдельного человека, но и на систему высшего образования, которая должна подготовить выпускника к усложнившимся условиям вхождения в профессию. Специалисты в сфере информационных технологий, с одной стороны, создают и обслуживают цифровые программные продукты для большинства сфер жизни человека, с другой стороны, технологии искусственного интеллекта привели к масштабной автоматизации рутинных трудовых функций, создав предпосылки для высвобождения большого количества специалистов, выполнявших их. В результате транзитивность современного информационного общества требует транзитивности субъекта трудовых отношений. Профессионально-ориентированная транзитивность проявляется на основе инновативности, жизнеспособности, информационно-коммуникативной компетентности. Субъектная направленность педагогической деятельности основывается на формировании индивидуально-личностного отношения к появляющимся инновациям у обучающихся и их способности выработать положительную мотивацию на постоянное саморазвитие в результате непрерывности изменений трудовой сферы. Формирование необходимого

личностного качества целесообразно начинать во время получения высшего образования, когда в процессе выполнения обучающимися практико-ориентированных учебных заданий реализуется деятельностный аспект педагогического воздействия.

В статье представлены результаты научно-методической работы по созданию и апробации субъектно-деятельностной технологии формирования профессионально-ориентированной транзитивности у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий в вузе как ответ на выявленные социально-экономические вызовы. Методологическая основа исследования: теоретический анализ философской, социологической, психологической, педагогической литературы, моделирование; эмпирические методы: наблюдение, анкетирование, тестирование, контент-анализ, статистическая обработка данных.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования методических результатов разработанной педагогической технологии в целях модернизации процесса подготовки в вузе будущих специалистов в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: профессионально-ориентированная транзитивность, транзитивное общество, цифровые технологии, искусственный интеллект, роботизация, студенты — будущие специалисты в сфере информационных технологий, субъектно-деятельностная технология, инновативность, жизнеспособность, информационно-коммуникативная компетентность

Для цитирования: Мякинкова С. Н. Субъектно-деятельностная технология формирования профессионально-ориентированной транзитивности у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий в вузе // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 551—558. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1733.

Original article

SUBJECT-ACTIVITY TECHNOLOGY FOR FORMING PROFESSIONALLY-ORIENTED TRANSITIVITY AMONG STUDENTS — FUTURE SPECIALISTS IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY AT UNIVERSITY

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article reveals the methodological foundations and content of the subject-activity technology for the formation of professionally-oriented transitivity among students — future specialists in the field of information technology. Structural and functional changes in employment in the field of information technology have a profound impact not only on the career preferences of an individual, but also on the higher education system, which should prepare the graduate for the more complicated conditions for entering the profession. Information technology specialists, on the one hand, create and maintain digital software products for most areas of human life, on the other hand, artificial intelligence technologies have led to large-scale automation of routine labor functions, creating the prerequisites for the release of a large number of specialists who performed them. As a result, the transitivity of the modern information society requires the transitivity of the subject of labor relations. Professionally-oriented transitivity is manifested on the basis of innovativeness, vitality, information and communication competence. The subject orientation of pedagogical activity is based on the formation of an individual and personal attitude to emerging innovations in students and their ability to develop positive motivation for constant self-development as a result of the continuity of changes in the labor sphere. It is advisable

to start the formation of the necessary personal quality during higher education, when in the process of performing practice-oriented educational tasks by students, the activity aspect of the pedagogical impact is realized.

The article presents the results of scientific and methodological work on the creation and testing of a subject-activity technology for the formation of professionally-oriented transitivity among students — future specialists in the field of information technology at university as a response to identified socio-economic challenges. Methodological basis of research are theoretical analysis of philosophical, sociological, psychological and pedagogical literature; modeling; empirical methods: observation, questioning, testing, content analysis, and statistical data processing.

The practical significance of the study lies in the possibility of using the methodological results of the developed pedagogical technology in order to modernize the process of training future specialists in the field of information technology at university.

Keywords: professionally-oriented transitivity, transitive society, digital technology, artificial intelligence, robotization, students — future specialists in the field of information technology, subject-activity technology, innovativeness, vitality, information and communication competence

For citation: Myakinkova S. N. Subject-activity technology for forming professionally-oriented transitivity among students — future specialists in the field of information technology at university. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):551—558. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1733.

Введение

Актуальность. В настоящий момент специалисты в сфере информационных технологий оказались в центре трансформационных социально-экономических процессов, т. к. цифровые технологии в различных профессиональных отраслях способствуют автоматизации производственных процессов и замещению человека в них цифровыми продуктами. При этом и внутренние процессы в профессиональной сфере характеризуются высвобождением работников, трудовые функции которых легко делегировать технологиям искусственного интеллекта. Проявившиеся тенденции обозначили важную задачу определения направления реструктуризации имеющихся кадровых ресурсов, а также целенаправленной модернизации системы высшего и среднего профессионального образования.

Изученность проблемы. Анализ научных публикаций в контексте нашего исследования показал, что рассмотрению вопроса социально-экономических изменений, а также мировоззренческих трансформаций личности и связанных с ними поведенческих стратегий в личной, социальной, профессиональной сферах в условиях транзитивности посвящены ряд философских, социологических, психологических, педагогических исследований. А. С. Тимошук [1] отмечает, что современная действительность в своем проявлении нестационарности, неопределенности, сложности и неоднозначности (*VUCA*-мир) не дает возможности современному человеку осуществлять стратегическое долгосрочное пла-

нирование своей жизни, требуя принимать быстрые реактивные решения в ответ на ускорение процессов социальных изменений. П. А. Поломошнов [2] обращает внимание на противоречивый процесс утраты субъектности человеком на фоне развития и проникновения во многие сферы жизни технологии искусственного интеллекта, видя выход из сложившейся ситуации в закреплении за естественным интеллектом задач постановки целей, инженерно-конструкторских функций с элементами внешнего контроля на основе рефлексивной оценки этических сторон принимаемых решений, что не доступно искусственному интеллекту в данный момент. В. И. Немчина [3], говоря об изменчивости и виртуализации социальных процессов, отмечает, что основные виды деятельности человека (коммуникация, труд, потребление, досуг) дематериализуются, переходя в цифровой формат, а самосознание человека, его идентичность становятся гибридными в результате индивидуальной селекции множества доступных разнородных элементов культурного кода, а не ассимиляции в единый культурный код, как было ранее. В работе Е. А. Евстифеевой, С. И. Филиппенковой, Э. Ю. Майковой, А. Ю. Харченко [4] рассмотрены психологические черты человека транзитивного общества: мобильность является доминирующим способом социального и личностного бытия, процесс саморазвития и самоопределения личности осуществляется на когнитивной основе, при этом ценностно-смысловые установки формируются неизолированно с духовными и нравственными традициями,

порождая сознание «духовного кочевника», подверженного манипулированию и некритическому восприятию фейков и противоречивых фактов. Е. П. Белинская [5] констатирует, что быстрые социальные изменения человеком сложно переживаются, трудно рефлексироваться и преодолеваются, а выбор стратегии копинга (преодоления трудностей) напрямую зависит от имеющихся и осознающихся личностных и средовых ресурсов. Также автор определяет качества, которые необходимы индивиду для успешного совладания с трудными ситуациями: толерантность к неопределенности, уровень осознанности и самоэффективности субъекта, проявляющиеся на основе преадаптивности [6]. Предпосылки такого поведения в культурной среде были зафиксированы в середине XX в. М. Мид [7], которой были выделены три типа культуры: постфигуративный, кофигуративный и префигуративный. В постфигуративной культуре становление личности происходит под влиянием старших поколений, мировоззренческие и поведенческие трансформации происходят длительно, на протяжении жизни нескольких поколений. Индивид в кофигуративной культуре, наиболее сильно проявившейся в XX в., формируется под влиянием ярких личностей своего поколения, в т. ч. посредством транслирования ценностей через средства массовой информации, жизнь каждого последующего поколения имеет глубокие отличия на всех уровнях существования. Автор также предсказал появление префигуративного типа культуры с транзитивностью всех сфер жизни человека, в которых основополагающие изменения происходят очень быстро, на протяжении жизни одного поколения их может быть несколько.

В результате современный человек живет в сложных и противоречивых повторяющихся обстоятельствах множественного выбора и неопределенности, заключает А. В. Невзорова [8], отсутствуют авторитетные источники формирующего воздействия на личность. При этом Н. В. Гришина [9] существование человека определяет во взаимодействии с физической, социальной и культурной средой (объективные параметры), ситуацией (часть среды в пространственно-временных границах), отношением человека к ситуации (мотивы, чувства, цели), контекстом (жизненное пространство, сконструированное самим человеком). В создании и управлении контекстом проявляется жизнестворчество человека под влиянием эффективного целеполагания.

М. К. Акимов [10] условием продуктивного жизнестворчества называет практическое мышление человека, проявляющееся через наблюдательность, внимательность к деталям, стремление предложить разные способы решения задачи для результативного поведения в трудной ситуации, в т. ч. непредсказуемых быстрых изменений среды. Такое мышление требует отсутствия стереотипов и готовности мыслить нестандартно. По утверждению Е. А. Пархоменко, психологическим ресурсом социальной стабильности в транзитивном обществе становится способность осуществить гармоничную регуляцию и саморегуляцию, программирование личностных изменений [11].

В условиях возрастания количества и уровня сложности жизненных противоречий и проблем труд приобретает для человека значение не только средства для существования, но и смысла жизни, заключает Л. М. Митина [12].

Для профессионала современности, по словам А. В. Невзоровой, способности планирования и прогнозирования оказываются не так важны, как способность к быстрой и адекватной оценке обстановки, ее анализу и адаптации к ней [8].

Г. Н. Эйдельман обоснованно делает вывод, что образовательная система начинает характеризоваться сменой условий и подходов в воспитании и обучении под воздействием изменения культурных особенностей и установок социума, неопределенности жизненных смыслов и целей [13].

Говоря о перспективных направлениях педагогических поисков, О. П. Чигишева определяет, что сфера профессионального образования ориентируется, в числе прочего, на запрос работодателей на специалистов, владеющих надпрофессиональными навыками: организаторские способности, готовность к непрерывному обучению, креативность (т. н. *STEM*-специалисты) [14].

Для студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий все вышеперечисленные качества личности особенно важны, т. к. специалисты в этой профессиональной сфере не только осваивают технологические новшества, но и производят их для всех сфер экономики. Соответственно, вполне обоснованным становится данное нами ранее определение целевым личностным качеством, необходимым для успешности в профессиональной сфере, профессионально-ориентированную транзитивность студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий — оно как на этапе обучения, так и в дальнейшей трудовой деятельности обеспечивает на основе проявления инновативности, жизнеспособности и информационно-коммуникативной компетентности способность активно осваивать новые технологии, а также в результате осмысления общественных и экономических предпосылок эффективно участвовать в создании новых цифровых технологий и внедрении их в различные профессиональные сферы [15].

Проведенный анализ научной литературы выявил условия и факторы, оказывающие сильное влияние на личностную успешность человека в современном транзитивном обществе. При этом необходимо отметить, что при всей широте научного дискурса по теме исследования представляются недостаточно проработанными методологические основы формирования в педагогическом процессе вуза личностных качеств, которые позволяют человеку проявить готовность на основе анализа средовых, ситуативных и контекстных факторов выделить перспективные направления в личностном и профессиональном развитии, составить план целенаправленных действий и реализовать их для обеспечения успешности в постоянно изменяющемся мире, что определяет **целесообразность разработки темы**.

Цель исследования — разработка и апробация субъектно-деятельностной технологии формирования профессионально-ориентированной транзитивности у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий в вузе как целевого личностного качества для успешности в транзитивном мире.

Задачи исследования:

- выявить и охарактеризовать факторы, влияющие на образование в сфере информационных технологий;
- определить совокупность целевых личностных качеств для успешности в профессиональной сфере;
- обосновать и систематизировать методологические подходы и принципы формирования профессионально-ориентированной транзитивности как необходимого личностного качества специалиста в сфере информационных технологий;
- провести педагогический эксперимент по апробации разработанной субъектно-деятельностной технологии в образовательном процессе вуза.

В ходе проведения исследования применялись следующие **методы**: анализ психолого-педагогической литературы, изучение и обобщение педагогического опыта, моделирование педагогической технологии формирования целевого личностного качества, опытно-экспериментальная работа по апробации и оценке эффективности разработанной модели на основе качественной и количественной обработки эмпирических данных.

Научная новизна заключается в разработке субъектно-деятельностной технологии формирования профессионально-ориентированной транзитивности у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий в вузе.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании профессионально-ориентированной транзитивности как важного личностного качества для успешности, устойчивости специалиста в сфере информационных технологий в условиях структурной трансформации профессиональной сферы, выявлении методологических оснований, которые позволят выстроить и апробировать субъектно-деятельностную технологию формирования целевого личностного качества в образовательном процессе подготовки студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в структурировании методического инструментария субъектно-деятельностной технологии и апробации его в образовательном процессе вуза при подготовке студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий с точки зрения перспективности масштабирования педагогического опыта в образовательной сфере.

Основная часть

Общественно-экономические реалии начала XXI в. ставят перед человеком как субъектом трудовых отношений множество сложных задач. Многократное возрастание объема информационного потока является следствием технологического развития человечества, но это же является и причиной бурного развития цифровых технологий как эффективного инструмента работы с большими массивами данных. Цифровизация и роботизация рутинных нетворческих профессий неизбежно ведет к вытеснению человека как носителя естественного интеллекта из трудовых отношений и замене на технологии искусственного интеллекта. И человечеству в ближайшее время необходимо будет дать ответ на мировоззренческий вопрос о роли человека в интеллектуальной и производственной сфере.

В результате субъекту трудовых отношений, искусственному интеллекту или человеку, необходимо быть транзитивным для готовности осознанно реагировать на изменения в профессиональной сфере, что на примере цифровых технологий можно легко увидеть (обновления происходят регулярно и часто). Человеку же нужно выработать стратегию и механизмы эффективного реагирования на стоящие перед ним вызовы.

В результате анализа научных работ по теме исследования нами было выделено целевое личностное качество в условиях транзитивного общества для специалистов в сфере информационных технологий — профессионально-ориентированная транзитивность. Перспективным и актуальным направлением исследования стала работа по созданию педагогической технологии по выстраиванию образовательного процесса в вузе по подготовке студен-

тов — будущих специалистов в сфере информационных технологий к эффективному формированию и проявлению целевого личностного качества.

Одним из первых этапов нашей работы стало проектирование модели педагогической технологии, поскольку это позволяет провести теоретическое исследование и оценку всех составных частей педагогической технологии, их психолого-педагогических возможностей, ценностей и недостатков с точки зрения обеспечения оптимальности и эффективности будущей экспериментальной работы.

Так как транзитивность профессиональной сферы предполагает осуществление выбора способов реакции на неопределенность на основе личных мотивов, склонностей и целей, то модель должна быть ориентирована на субъектные особенности обучающихся. Процесс выбора всегда предполагает реализацию системы действий, соответственно, педагогическую технологию формирования профессионально-ориентированной транзитивности вполне обоснованно можно определить как субъектно-деятельностную (см. рис.).

В результате теоретико-методологического осмысления путей и способов достижения выделенной цели экспериментальной работы — формирование профессионально-ориентированной транзитивности у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий субъектно-деятельностная технология состоит из четырех взаимосвязанных блоков: структурно-целевого, содержательно-деятельностного, процессуального, критериально-оценочного, результатом реализации субъектно-деятельностной технологии является сформированная профессионально-ориентированная транзитивность у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий [15].

Структурно-целевой блок содержит условия и факторы реализации представленной технологии:

- 1) нормативно-правовая база — федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования и профессиональные стандарты;
- 2) социальный заказ общества, государства, региона;
- 3) технологические трансформации общества и профессиональной сферы;
- 4) образовательные и личностные запросы обучающегося.

Для организации образовательного процесса, выстраивания его логики используются личностно-ориентированный, системно-деятельностный, модульно-компетентностный подходы, практическая реализация педагогической технологии осуществляется с использованием принципов системности, управляемости, системного квантования, проблемности, модульности, гибкости, адаптивности, реализации обратной связи, вариативности и паритетности.

Для осуществления целенаправленной диагностической работы с обучающимися выделены следующие группы компонентов профессионально-ориентированной транзитивности студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий: содержательно-смысловые (задают выбор темы и содержательное наполнение элементов педагогической технологии) и структурно-функциональные (определяют деятельностные компоненты учебных элементов, диагностические показатели сформированности целевого личностного качества). Группа содержательно-смысловых компонентов состоит из инновативности, жизнеспособности, информационно-коммуникативной компетентности; структурно-функциональные компоненты профессионально-ориентированной транзитивности содержат: когнитивный, оценочно-рефлексивный, деятельностный, креативный [15].

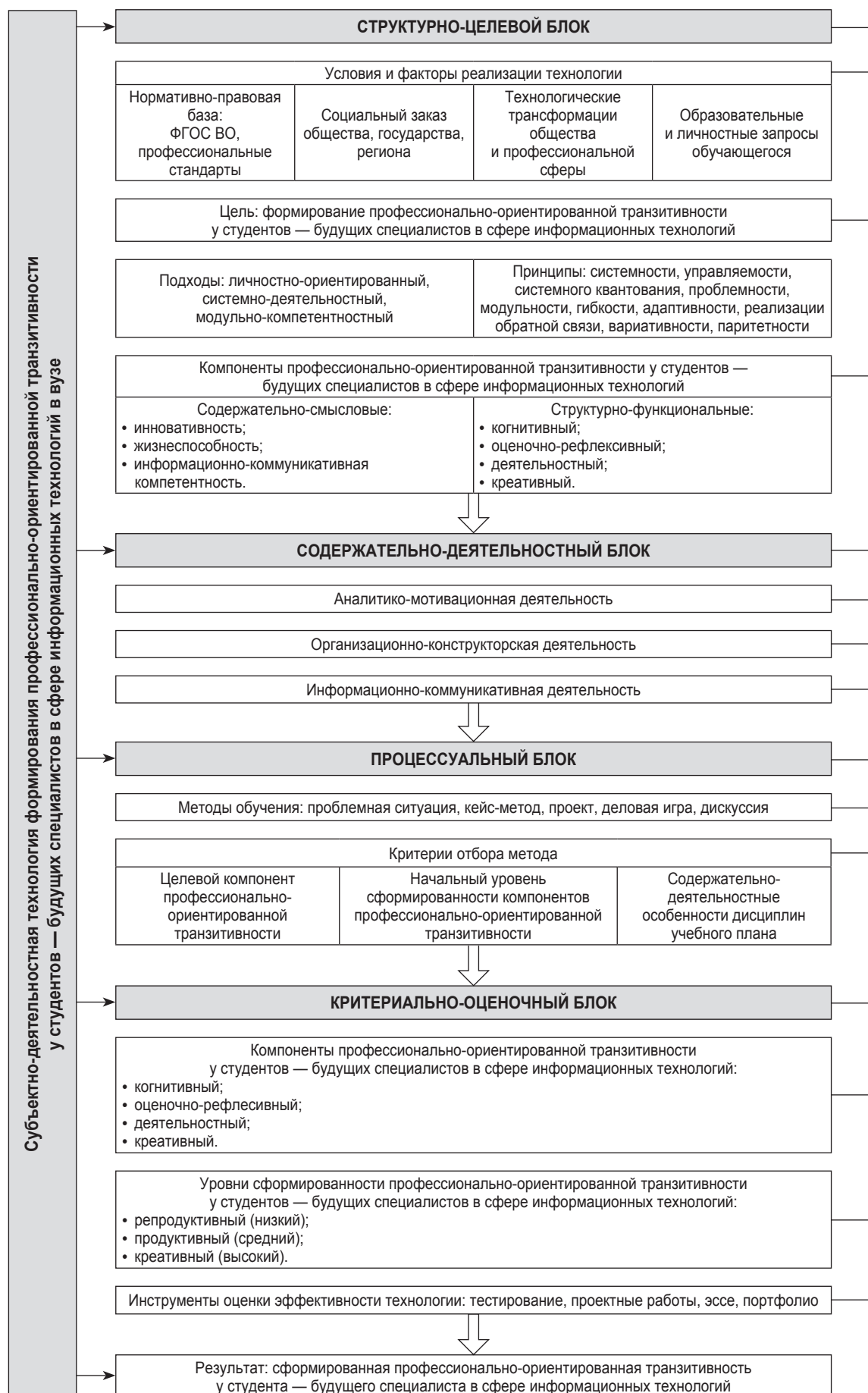

Рис. Модель субъектно-деятельностной технологии формирования профессионально-ориентированной транзитивности у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий в вузе

Следующий блок представленной субъектно-деятельностной технологии — содержательно-деятельностный — напрямую связан с этими компонентами, т. к. выстраивание образовательной системы ориентировано на формирование их посредством учебных занятий, включающих в себя отработку каждого вида деятельности: аналитико-мотивационной, организационно-конструкторской, информационно-коммуникативной.

Процессуальный блок субъектно-деятельностной технологии определяет логику выстраивания конкретного учебного занятия: предложенные критерии отбора метода (целевой компонент профессионально-ориентированной транзитивности, начальный уровень его сформированности, ограничения и возможности конкретной учебной дисциплины) позволяют провести планирование учебного занятия с применением метода (проблемная ситуация, кейс-метод, проект, деловая игра, дискуссия), наиболее подходящего по условиям конкретной учебной группы или проектной рабочей команды внутри нее.

Критериально-оценочный блок разработанной технологии позволяет на основе диагностического инструментария (тестовых материалов, портфолио на основе реализованных учебно-творческих заданий) определить эффективность разработанных учебно-методических материалов. Сформированность компонентов профессионально-ориентированной транзитивности определяется со следующей уровневой структурой: репродуктивный (низкий), продуктивный (средний), креативный (высокий) [15]. Признаком эффективности разработанной субъектно-деятельностной технологии станет изменение показателей уровней сформированности каждого компонента профессионально-ориентированной транзитивности у студентов: с низким (репродуктивным) уровнем должно остаться не более 25 % обучающихся, с высоким (креативным) уровнем сформированности каждого компонента — не менее 20 %. Итоговым блоком субъектно-деятельностной технологии становится сформиро-

ванное личностное качество — профессионально-ориентированная транзитивность, в результате определенных уровней компонентов здесь возможно выработать рекомендации по коррекции неудовлетворительных показателей, получить обратную связь от студентов по реализованной дисциплине.

Апробация разработанной субъектно-деятельностной технологии проводилась на базе Самарского государственного технического университета и Университета науки и технологий МИСИС, в эксперименте приняли участие обучающиеся по направлениям 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника», 09.03.02 «Информационные системы и технологии».

Для опытно-экспериментальной работы были выбраны дисциплины «Психология социальных коммуникаций» и «Персональная эффективность», в которые были добавлены когнитивно-информационный и коммуникативно-деятельностный модули. После выявления начального уровня сформированности компонентов профессионально-ориентированной транзитивности использовались проектные задания для индивидуальной, парной или групповой работы. После выполнения задания проводилась рефлексия, оценивалось достижение поставленных в начале занятия целей и задач, для закрепления полученных навыков предлагались домашние задания в *LMS Moodle*. Выполнение всех видов работ оценивалось по предложенной в начале изучения дисциплины балльно-рейтинговой системе.

Однородность экспериментальной (280 обучающихся) и контрольной групп (285 чел.) обучающихся, а также значимость выявленных различий в экспериментальной и контрольной группах по итогам работы устанавливались посредством применения статистического критерия χ^2 Пирсона. Результаты диагностирования начального и итогового уровня сформированности компонентов профессионально-ориентированной транзитивности в экспериментальной и контрольной группах представлены в таблице.

**Диагностика показателей сформированности
компонентов профессионально-ориентированной транзитивности
студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий**

Компонент	Выборка		Уровень					
			низкий		средний		высокий	
			начало	итог	начало	итог	начало	итог
Когнитивный	ЭГ	чел.	125	63	127	154	28	63
		%	43,5	22,6	46,8	54,8	9,7	22,6
	КГ	чел.	134	125	123	132	28	28
		%	47,0	43,9	43,2	46,3	9,8	9,8
Оценочно-рефлексивный	ЭГ	чел.	99	63	143	147	38	70
		%	35,5	22,6	50,8	52,4	13,7	25,0
	КГ	чел.	95	89	157	160	33	36
		%	33,3	31,1	55,3	56,1	11,4	12,9
Деятельностный	ЭГ	чел.	88	56	156	131	36	93
		%	31,5	20,1	55,6	46,8	12,9	33,1
	КГ	чел.	99	93	151	158	35	34
		%	34,7	32,6	53	55,5	12,3	11,9
Креативный	ЭГ	чел.	143	128	117	124	22	28
		%	50,8	46,0	41,1	44,4	8,1	9,7
	КГ	чел.	148	145	116	119	21	21
		%	51,9	50,9	40,7	41,7	7,4	7,4

Представленные данные наглядно демонстрируют, что целевые параметры эффективности разработанной субъектно-деятельностной технологии в экспериментальной группе достигнуты практически по всем компонентам, выпадение креативного компонента совпадает с результатами многочисленных исследований по развитию творческих способностей, которые в целом поддаются коррекции, но необходима длительная и ресурсоемкая работа, что представляет потенциал для дальнейших педагогических исследований. При этом в контрольной группе также произошли изменения, но целевые показатели по процентному уровню сформированности компонентов не достигнуты. Можно сделать вывод, что изучение дисциплин психолого-педагогического цикла в целом способствует формированию профессионально-ориентированной транзитивности у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий.

Заключение

Теоретико-методологический анализ научно-педагогической литературы и нормативно-правовых актов в сфере образования показал, что профессионально-ориентированную транзитивность у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий можно определить как необходимый фактор устойчивости личности профессионала в транзитивном мире. Разработанная субъектно-деятельностная технология формирования профессионально-ориентированной транзитивности у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий структурно и содержательно раскрывает процесс эффективной педагогической работы.

Результаты апробации разработанной технологии в образовательном процессе вуза подтверждают ее эффективность в решении поставленной задачи. Продолжение научно-методической работы по теме исследования представляется обоснованным с точки зрения необходимости реагирования образовательной среды на социально-экономические изменения в обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тимошук А. С. Актуальные хитросплетения цивилизации: медиатизация, цифровизация, транзитивность // Трансформации общественного сознания в переходную эпоху : материалы междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород : НГЛУ, 2022. Т. 1 : Макроконтракты. С. 143—150.
2. Поломошнов П. А., Поломошнов А. Ф. Искусственный интеллект как вызов субъектности человека // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. 2025. № 2. С. 30—40.
3. Немчина В. И. Векторы идентичности в глобально-цифровом мире: между гибридизацией и аутентичностью // Гуманитарий Юга России. 2026. Т. 15. № 1. С. 198—209.
4. Евстифеева Е. А., Филиппченкова С. И., Майкова Э. Ю., Харченко А. Ю. Мобильность как самоопределение молодежи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2022. № 1(58). С. 117—126. DOI: 10.26456/vtspysped/2022.1.117.
5. Белинская Е. П. Проактивное совладание в транзитивном мире: кросс-культурный аспект // Человек в ситуации изменений: реальный и виртуальный контекст : материалы междунар. науч. конф. М. : РГГУ, 2021. С. 21—24.
6. Белинская Е. П. Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6. С. 760—771. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771.
7. Мид М. Культура и мир детства : избр. произведения. М. : Наука, 1988. 429 с.
8. Невзорова А. В. Адаптивность как ключевое свойство индивида в транзитивном мире // Дошкольное и начальное образование: теория и практика : материалы науч. конф. «Чтения Ушинского». Ярославль : ЯГПУ, 2024. Ч. 1. С. 79—83.
9. Гришина Н. В. Человек во взаимодействии с окружающим миром: от ситуации к контексту // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16. № 4. С. 31—48. DOI: 10.17759/sps.2025160403.
10. Акимов М. К. Взаимосвязь теоретического и практического видов мышления // Возрождение традиций : сб. ст. по материалам науч. конф. М. : РГГУ, 2023. С. 83—85.
11. Пархоменко Е. А. Стилиевые характеристики саморегуляции как предиктор социально-психологической адаптированности личности в транзитивном обществе // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2019. № 5(171). С. 452—456.
12. Митина Л. М. Смысл жизни как ресурсная составляющая личностно-профессионального развития субъектов непрерывного образования // Смысл жизни и акме: развитие смысловой сферы и специфика жизненного пути личности : сб. науч. тр. М. : Моск. ин-т психоанализа, 2025. С. 156—162.
13. Эйдельман Г. Н. Особенности образа педагога в транзитивном обществе // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и лингводидактических исследований : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «XIV Левитовские чтения» : в 2 т. М. : МГОУ, 2019. Т. 1. С. 449—455.
14. Чигишева О. П. Практика реализации STEM-образования за рубежом // Образовательное пространство в информационную эпоху (ЕЕИА-2024) : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. М. : Рос. акад. образования, 2024. С. 61—66.
15. Мякинкова С. Н., Тимошук Н. А. Формирование профессионально-ориентированной транзитивности у студентов — будущих специалистов в сфере информационных технологий как фактор обеспечения их конкурентоспособности // 40 лет школьной информатике : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. М. : Рос. акад. образования, 2025. С. 298—302.

REFERENCES

1. Tymoshchuk A. S. Current intricacies of civilization: mediatization, digitalization, transitivity. *Transformatsii obshchestvennogo soznaniya v perekhodnuyu epokhu = Transformations of public consciousness in a transitional era. Proceedings of International scientific and practical conference*. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Linguistic University publ., 2022; 1:143—150. (In Russ.)

2. Polomoshnov P. A., Polomoshnov A. F. Artificial intelligence as a challenge to human subsection. *Gumanitarnyi Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* = *Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University*. 2025; 2:30—40. (In Russ.)
3. Nemchina V. I. Identity vectors in the global-digital world: between hybridization and authenticity. *Gumanitarii Yuga Rossii* = *Humanities of the South of Russia*. 2026;15(1):198—209. (In Russ.)
4. Evstifeeva E. A., Filippchenkova S. I., Maykova E. Y., Kharchenko A. Y. Mobility as self-determination of youth. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* = *Vestnik Tver State University. Series: Pedagogy and psychology*. 2022;1(58):117—126. (In Russ.) DOI: 10.26456/vtspyped/2022.1.117.
5. Belinskaya E. P. Determinants of coping with difficult life situations: cross-cultural aspect. *Chelovek v situatsii izmenenii: real'nyi i virtual'nyi kontekst* = *Man facing the change: real and virtual context. Proceedings of International scientific conference*. Moscow, Russian State University for the Humanities publ., 2021:21—24. (In Russ.)
6. Belinskaya E. P. Coping in Times of Uncertainty and Global Risks: The Main Research Trends. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *The Bulletin of Kemerovo State University*. 2022;24(6):760—771. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771.
7. Mead M. Culture and the world of childhood. Selected works. Moscow, Nauka, 1988. 429 p. (In Russ.)
8. Nevzorova A. V. Adaptability as a key property of an individual in a transitive world. *Doshkol'noe i nachal'noe obrazovanie: teoriya i praktika* = *Preschool and primary education: theory and practice. Proceedings of scientific conference "Ushinsky Readings"*. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University publ., 2024;1:79—83. (In Russ.)
9. Grishina N. V. Man in interaction with the surrounding world: from situation to context. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social Psychology and Society*. 2025;16(4):31—48. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2025160403.
10. Akimova M. K. The relationship between theoretical and practical types of thinking. *Vozrozhdenie traditsii* = *Revival of traditions. Collection of articles based on the materials of a scientific conference*. Moscow, Russian State University for the Humanities publ., 2023:83—85. (In Russ.)
11. Parkhomenko E. A. Style characteristics of self-regulation as predictor of socio-psychological adaptation of personality in the transitive society. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta* = *Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2019;5(171):452—456. (In Russ.)
12. Mitina L. M. The meaning of life as a resource component of the personal and professional development of subjects of continuing education. *Smysl zhizni i akme: razvitie smyslovoi sfery i spetsifika zhiznennogo puti lichnosti* = *The meaning of life and acme: the development of the semantic sphere and the specifics of the life path of a personality. Collection of scientific works*. Moscow, Moscow Institute of Psychoanalysis publ., 2025:156—162. (In Russ.)
13. Eidel'man G. N. Features of the image of the teacher in a transitive society. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psikhologicheskikh, psikhologo-pedagogicheskikh i lingvodidakticheskikh issledovaniy* = *Topical issues of the theory and practice of psychological, psychological, pedagogical and linguodidactic research. Collection of materials of the International scientific and practical conference*. Moscow, Moscow State Regional University publ., 2019;1:449—455. (In Russ.)
14. Chigisheva O. P. Practice of stem education implementation abroad. *Obrazovatel'noe prostranstvo v informatsionnuyu epokhu (EEIA-2024)* = *Education environment in the information age (EEIA-2024). Collection of scientific works of the International scientific and practical conference*. Moscow, Russian Academy of Education publ., 2024:61—66. (In Russ.)
15. Myakin'kova S. N., Timoshchuk N. A. Formation of professionally-oriented transitivity among students - future specialists in the field of information technology as a factor in ensuring their competitiveness. *40 let shkol'noi informatike* = *40 years of school informatics. Collection of scientific works of the International scientific and practical conference*. Moscow, Russian Academy of Education publ., 2025:298—302. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.07.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 10.08.2026.
The article was submitted 29.07.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 10.08.2026.

Научная статья
УДК 378.1:004
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1715

Tatyana Andreevna Pavlova
Lecturer of the Department of English and Oriental Philology,
Lugansk State Pedagogical University
Lugansk, Russian Federation
english_for_all777@mail.ru

Татьяна Андреевна Павлова
преподаватель кафедры английской и восточной филологии,
Луганский государственный педагогический университет
Луганск, Российская Федерация
english_for_all777@mail.ru

БИНАРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Статья затрагивает вопрос аргументированного подбора цифровых образовательных инструментов в ходе вузовской подготовки преподавателей иностранных языков. Актуальность обусловлена тем, что начинающий педагог сталкивается с избыточным разнообразием онлайн-средств и не имеет четких ориентиров для их выбора. В такой ситуации важны не только практические навыки работы с технологиями, но и умение делать осознанный, методически грамотный выбор. Обзор существующих типологий демонстрирует их слабую ориентированность на специфику языкового образования: в них не отражены речевые умения (чтение, письмо, говорение, аудирование), структурные этапы урока и градация уровней владения языком. Для устранения этого пробела автором предлагается двухкомпонентная классификация, опирающаяся на методический (связь с речевыми действиями и языковым уровнем учащихся) и дидактический (виды учебных операций) аспекты. На базе этой классификации построен пошаговый алгоритм из пяти этапов, с помо-

щью которого студент может поэтапно уточнить образовательную цель, выбрать целевой вид речевой практики, сопоставить его с уровнем группы, определить характер учебной деятельности и оценить собственную методическую подготовленность. Такая последовательность действий гарантирует быстрый и педагогически обоснованный подбор нужного ресурса. Научная новизна работы заключается в уточнении представлений о систематизации цифровых средств при обучении языкам. Практическая польза видится в возможности внедрения предложенных классификации и алгоритма в учебные программы методических дисциплин и в курсы повышения квалификации действующих учителей.

Ключевые слова: электронный образовательный ресурс, бинарная классификация, профессиональная подготовка, будущий учитель иностранного языка, вид речевой деятельности, дидактические основания, алгоритм отбора, цифровая образовательная среда, иноязычное образование, методическая компетентность, критериальный отбор

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Проект № VGEA-2026-0023 «Лингводидактические основы профессиональной подготовки будущих преподавателей иностранных языков (арабского, китайского, турецкого, английского)».

Для цитирования: Павлова Т. А. Бинарная классификация электронных образовательных ресурсов в процессе профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 559—566. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1715.

Original article

BINARY CLASSIFICATION OF ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES FOR THE PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article is addressed to the problem of substantiated selection of electronic educational resources (EER) in the process of professional training of future foreign language teachers. The relevance of the topic is determined by the digital transformation of education, within which EER are established as a mandatory component of educational and methodological support. Under these conditions, a future teacher is required not only to master digital tools, but also to be capable of their conscious, methodologically justified selection. However, an analysis of existing classifications reveals their insufficient adaptability to the tasks of foreign language education: they do not take into account types of speech activity, lesson stages, or language proficiency levels. Overcoming this contradiction

necessitates the development of a new approach to the systematization of EER. The article proposes an original binary classification built on two foundations: methodological (consideration of types of speech activity and levels of language proficiency) and didactic (typology of learning activities). Based on this classification, a five-stage step-by-step algorithm has been created. With its help, a student can gradually specify an educational goal, choose a target type of speech activity, match it with the group's level, define the nature of learning activities, and evaluate their own methodological competence. Consistent application of the algorithm ensures an operational and methodologically justified choice of EER. The theoretical significance of the research lies in expanding scientific

understanding of EER classification in the context of foreign language education. The practical value of the work is determined by the possibility of using the classification and algorithm in the process of methodological training of students, as well as in the system of professional development for foreign language teachers.

Funding: This research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. VGEA-2026-0023 “Linguodidactic foundations of professional training of future foreign language teachers (Arabic, Chinese, Turkish, English)”.

For citation: Pavlova T. A. Binary classification of electronic educational resources for the professional training of future foreign language teachers. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):559—566. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1715.

Введение

Актуальность. Приоритетные направления реформирования образования в Российской Федерации характеризуются глубокими структурными и содержательными трансформациями содержания образования. Обозначенные преобразования определяют стратегические ориентиры при подготовке будущих педагогов. В основе этих сдвигов лежат процессы модернизации и цифровизации образования. Сегодня образовательная деятельность выстраивается с учетом стратегического целеполагания, закрепленного в ряде государственных и проектных документов, а именно: национальном проекте «Образование», федеральном проекте «Цифровая образовательная среда» и профессиональном стандарте «Педагог». Среди ключевых задач выделяются: формирование унифицированной цифровой среды, внедрение новейших технологий в учебный процесс, развитие у обучающихся компетенций работы с информацией и электронными ресурсами, а также активная разработка и включение таких ресурсов в единое информационное пространство. Вследствие этого ЭОР утрачивают статус вспомогательного элемента и становятся полноправной составляющей учебно-методического комплекса, занимая место наравне с классическими печатными изданиями.

Изученность проблемы. Обращаясь к проблеме классификации и применения электронных образовательных ресурсов (далее — ЭОР) в системе высшего и общего образования, следует выделить устойчивый исследовательский интерес к данной тематике. Различные основания для систематизации ЭОР, варьирующиеся от функционального назначения до формата представления информации рассматриваются в работах И. Э. Алекберовой и В. С. Николаева [1], Ю. В. Брыкина [2], З. Р. Велияевой и А. В. Гирич [3]. Большинство существующих типологий построены только по одному принципу: классификация осуществляется либо по типу контента (гипертекстовые, мультимедийные, аудиовизуальные), либо по дидактической направленности (информационные, практические, контролирующие, комбинированные). Учитывая потенциал использования ЭОР, следует понимать их способность адаптироваться к различным педагогическим задачам, что нашло отражение в исследованиях Е. Г. Бодровой и Л. Н. Дегтеренко [4], а также А. В. Кирьяковой и Е. А. Гаревой [5]. При этом авторы сходятся во мнении, что эффективность применения ЭОР детерминруется не столько техническими параметрами ресурса, сколько уровнем методической компетентности педагога, его способностью адаптировать цифровой инструмент к конкретным задачам обучения.

В условиях развития комплексного подхода к систематизации цифровых средств следует обратиться к возможностям их классификации с учетом методического основания образовательного процесса. В работе Э. М. Байниязовой

Keywords: *electronic educational resource, binary classification, professional training, future foreign language teacher, type of speech activity, didactic foundations, selection algorithm, digital educational environment, foreign language education, methodological competence, criteria-based selection*

и Р. А. Фахрутдиновой [6] предлагается классифицировать цифровые инструменты на педагогические, металингвистические и дидактические, акцентируя внимание на том, что цифровая трансформация образовательного процесса требует основательного пересмотра требований к формированию компетенций как у преподавателей, так и у обучающихся. Электронная образовательная среда вуза как инновационный ресурс профессиональной подготовки рассматривается в исследовании И. В. Детковой [7], в которой утверждается о необходимости формирования готовности к продуктивному взаимодействию в цифровом пространстве у современного педагога. Такой подход приводит к пониманию того, что цифровая среда становится не просто фоном, а активным элементом профессионального становления будущего учителя.

Учитывая специфику иноязычного образования обнаруживается существенный пробел в теоретическом осмыслении проблемы. В работах Т. В. Ежовой и Е. А. Стуковой [8] справедливо отмечается, что применение ЭОР в процессе обучения иностранному языку требует учета всех видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), что предполагает особый подход к отбору ресурсов. А. Т. Оналбаева и А. Берлинова [9] в своем исследовании также указывают на необходимость проектирования заданий с опорой на конкретные речевые умения. Однако, С. В. Титова и К. В. Александрова, анализируя существующие типологии, придерживаются мнения, что ни одна из них не содержит такого параметра, как «вид речевой деятельности», что делает их неэффективными для решения конкретных задач иноязычного образования [10]. В исследованиях А. А. Арестовой [11] и С. А. Котовой с соавторами [12] подчеркивается, что индивидуализация обучения с использованием ЭОР возможна лишь при условии их методически обоснованного выбора, однако система четких критериев для такого выбора в настоящее время отсутствует.

Систематическая интеграция ЭОР в процесс обучения иностранному языку, должна выстраиваться с учетом взаимосвязанного развития рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности. В исследовании В. С. Кубацкой [13] утверждается, что такой подход способствует формированию коммуникативной компетенции, однако реализация его требует от педагога предварительной методической проработки заданий. Технические аспекты разработки ЭОР анализируются в исследовании Х. А. Гербекова и М. А. Сурхоева [14], авторы приходят к выводу, что функциональные возможности ресурса далеко не всегда коррелируют с его методической ценностью. Таким образом, несмотря на расширение инструментария классификации и применения ЭОР, остается ряд проблем и вызовов, связанных с отбором цифровых ресурсов для иноязычного образования. Например, несмотря на значительное количество работ, посвященных

классификации и применению ЭОР, остается недостаточно разработанной проблема систематизации цифровых ресурсов применительно к специфике преподавания иностранного языка. Существующие классификации не учитывают виды речевой деятельности в качестве критерия отбора, а методические рекомендации по интеграции ЭОР в учебный процесс носят фрагментарный характер. Указанное противоречие обуславливает необходимость создания бинарной классификации, учитывающей как дидактические, так и методические основания отбора, а также разработки алгоритма выбора ресурсов, ориентированного на начинающих педагогов и студентов — будущих учителей иностранного языка.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью устранения научно-практического пробела в теории и методике профессионального образования: при широком внедрении ЭОР в процесс иноязычной подготовки отсутствуют научно обоснованные классификации и алгоритмы их отбора, учитывающие предметную специфику (виды речевой деятельности, этапы формирования речевых умений, уровни владения языком по *CEFR*). Разработка бинарной классификации и алгоритма отбора ЭОР позволит восполнить данный пробел, обеспечив методически обоснованный выбор цифровых инструментов в процессе профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка.

Цель исследования заключается в разработке и обосновании бинарной классификации ЭОР, ориентированной на специфику преподавания иностранного языка, и создании на ее основе алгоритма выбора ресурсов, интегрируемых в процесс подготовки будущих учителей иностранного языка. Согласно цели исследования нами были сформулированы основные **задачи**: проанализировать существующие классификации ЭОР и выявить их недостатки применительно к специфике преподавания иностранного языка; разработать бинарную классификацию ЭОР, учитывающую методический аспект (связь с видами речевой деятельности и уровнями языковой компетенции) и дидактический аспект (типологию учебных операций), и тем самым обеспечить системный подход к дифференциации цифровых инструментов для иноязычного образования; разработать и обосновать пошаговый алгоритм отбора ЭОР и проверить его применимость в процессе профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка.

Научная новизна исследования заключается в разработке двухосновной классификации ЭОР, дифференцирующей их по критериям, релевантным для методики преподавания иностранных языков — видам речевой деятельности и уровням языковой компетенции, что позволяет целенаправленно проектировать учебный процесс с учетом конкретных коммуникативных задач. Наряду с этим предложен пошаговый алгоритм выбора ЭОР, включающий помимо дидактической цели также вид формируемого речевого умения и степень владения языком, что обеспечивает многофакторный учет педагогической ситуации. Кроме того, разработана и апробирована методическая система формирования у будущих учителей иностранного языка навыков критериального отбора цифровых образовательных средств, интегрируемая в процесс их профессиональной подготовки.

Теоретическая значимость работы определяется развитием научных представлений о типологии ЭОР в процессе изучения иностранного языка, в уточнении критериев их отбора согласно основным занятиям и видам речевой практики, а также в обосновании и введении в терминологический аппарат методики понятия «методически обоснованный отбор ЭОР» в контексте подготовки педагога-лингвиста. Данное

понятие конкретизирует содержание профессиональной компетентности учителя в условиях цифровизации и задает ориентиры для дальнейших исследований в этой области.

Практическая значимость настоящего исследования определяется возможностью прямого применения разработанного алгоритма студентами в процессе педагогической практики и при подготовке к занятиям, включением материалов исследования в программы методических дисциплин. Предложенные разработки могут быть внедрены в базовое педагогическое образование что подтверждает их прикладную значимость и воспроизводимость в реальной образовательной практике.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Основным инструментом для решения задачи разработки бинарной классификации ЭОР и алгоритма их отбора выступает теоретико-эмпирическое моделирование процесса профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка. Данное направление, несмотря на активное развитие цифровой дидактики, до настоящего времени не получило завершеного методического оформления в контексте иноязычного образования. Методология исследования включает теоретические методы (анализ научной литературы и нормативных документов) и эмпирические методы (анкетирование, педагогическое наблюдение). Комплексное применение указанных методов обеспечивает обоснованность и практическую применимость предлагаемой классификации.

В основу бинарной классификации положены два основания: методическое (дифференциация ЭОР по видам речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение, письмо — и уровням *CEFR*) и дидактическое (типология учебных действий: информационные, операционные, креативные, оценочные, коммуникативные ресурсы). Комбинация этих оснований позволяет учитывать разнообразные аспекты образовательного процесса — от целеполагания до уровня методической компетентности педагога, обеспечивая комплексный подход к отбору ЭОР.

Эмпирическую базу исследования составил анализ более 50 цифровых инструментов и платформ, используемых в обучении иностранному языку {*Quizlet*, *Wordwall*, *LearningApps*, *Duolingo*, *Skyeng*, *The British Council* [*The British Council* («Британский Совет»), Великобритания, внесен Минюстом России в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. — *Примеч. ped.*], *Grammarly*, *Online Test Pad*, *Zoom* и др.}, что позволило получить репрезентативный образец разнообразных форматов и функциональных возможностей. Для выявления реальных потребностей педагогов проведено анкетирование преподавателей кафедры английской и восточной филологии Луганского государственного педагогического университета ($n = 29$) с разным уровнем стажа и владения цифровыми технологиями, что обеспечило репрезентативность выборки. Результаты анкетирования выявили основные барьеры внедрения ЭОР (дефицит времени на поиск, отсутствие методических рекомендаций, недостаток системного подхода), что послужило эмпирическим обоснованием необходимости разработки классификации и алгоритма. Апробация разработанных материалов проводилась в ходе педагогической практики студентов IV курса, где оценивалась применимость алгоритма при подготовке уроков иностранного языка.

Результаты и обсуждение исследования. В современной педагогической науке категория «электронный образовательный ресурс» является одной из ключевых, однако ее трактовка варьируется в зависимости от контекста исследования. В Федеральном государственном образовательном стандарте под ЭОР понимается совокупность средств программного, информационного, технического и организационного обеспечения, размещенная на электронных носителях или в сети «Интернет» и предназначенная для использования в образовательном процессе.

В исследовании В. С. Кубацкой [13] отмечается, что систематическая интеграция ЭОР в процессе изучения иностранного языка выходит за рамки их использования в качестве дополнительных материалов; эффективность достигается при разработке последовательной структуры, в которой ЭОР становятся центральным элементом конструирования интегративных заданий, сочетающих рецептивные и продуктивные виды речевой деятельности. С. В. Титова и К. В. Александрова [10] утверждают, что внедрение ЭОР повышает интерактивность и коммуникативность обучения, обеспечивает мультимедийность и автоматизацию учебных работ, что особенно значимо для изучения иностранных языков.

Особенно важны ЭОР в процессе изучения иностранного языка. Это обусловлено необходимостью погружения учащихся в аутентичную языковую среду для более глубокого усвоения иностранного языка. Процесс изучения иностранного языка предполагает различные виды деятельности: чтение, письмо, говорение, аудирование, овладение грамматическим материалом. Современные ЭОР для изучения иностранного языка включают широкий спектр инструментов: аутентичные аудио- и видеоматериалы (фильмы, подкасты, диалоги, видеолекции), интерактивные лексические и грамматические тренажеры (*Quizlet*, *Wordwall*, *LearningApps*, *Duolingo*), коммуникативные платформы, позволяющие организовать речевое взаимодействие (*Skyeng*, *Puzzle English*), а также инструменты для развития письменной речи с автоматической проверкой грамматики (*Grammarly*, *LanguageTool*). Данные ресурсы предоставляют возможности для реализации принципов наглядности, интерактивности и индивидуализации обучения, а также для организации обратной связи в режиме реального времени.

Учитывая достаточно широкие дидактические возможности, само по себе включение ЭОР в образовательный процесс не гарантирует повышения уровня качества образования. Часто потенциал ЭОР может остаться нереализованным, поскольку решающим фактором результативности выступает не сам ресурс, а характер педагогического сопровождения и готовность всех субъектов образовательной деятельности к продуктивному взаимодействию в цифровой образовательной среде. С. С. Хапаева определяет цифровую образовательную среду как подсистему образовательной среды, совокупность специально организованных педагогических условий обучения, воспитания и развития личности, реализуемых на основе цифровых технологий [15].

Увеличение количества доступных ЭОР, сопровождающееся увеличением их функционального разнообразия, объективно усложняет процедуру выбора и требует от преподавателя дополнительных временных и когнитивных затрат. Широкий спектр доступных ЭОР не расширяет педагогические возможности, а затрудняет процедуру их обоснованного отбора в виду отсутствия единых критериев оценивания. В целях эмпирического подтверждения дан-

ной проблемы мы организовали и провели анкетирование среди педагогического состава кафедры английской и восточной филологии Луганского государственного педагогического университета.

В анкетировании приняло участие 29 респондентов – преподаватели, представляющие разные уровни педагогического стажа (от 2 до 30 лет) и степени владения цифровыми технологиями, что обеспечило репрезентативность выборки в рамках кафедры. Анализ результатов анкетирования позволяет констатировать, что регулярное использование ЭОР характерно лишь для половины респондентов (51,7 %), тогда как 31 % опрошенных обращаются к ним эпизодически, а 17,2 % практически не используют ЭОР в своей педагогической практике. Выявлено, что 65,5 % преподавателей задействуют ЭОР преимущественно в целях визуализации учебного материала, что указывает на локализацию их применения преимущественно на этапе усвоения новых знаний и на минимальное включение в иные виды учебной деятельности. К числу основных барьеров, препятствующих внедрению ЭОР, респонденты отнесли: дефицит временных ресурсов на поиск и отбор подходящих материалов (72,4 %), отсутствие методических рекомендаций по интеграции ЭОР в образовательный процесс (65,5 %), а также отсутствие системного подхода к их применению (55,2 %).

Полученные эмпирические данные, фиксирующие дефицит методических ориентиров при выборе ЭОР, подтверждают необходимость разработки не только классификации, но и алгоритма отбора, который мог бы служить практическим инструментом для начинающих педагогов. Предлагаемая ниже классификация выступает содержательной основой такого алгоритма.

Особенно остро эта проблема стоит перед начинающими педагогами и студентами — будущими учителями, у которых еще не сформированы устойчивые критерии отбора ресурсов, а профессиональный опыт ограничен. В сложившихся условиях возникает необходимость разработки бинарной классификации ЭОР, которая позволит структурировать процесс отбора, снизить когнитивную нагрузку на педагога и обеспечить соответствие выбранного ресурса уровню его методической компетентности и поставленным педагогическим задачам.

Вопрос о классификации ЭОР можно рассматривать с точки зрения различных оснований. Осознавая педагогический потенциал ЭОР, появляется возможность выбирать подходящие ЭОР, соответствующие конкретным задачам. Согласно данной классификации выделяют: информационные — основной задачей которых является предоставление информации; практические — выработка практических умений и навыков; контролирующие — контроль за усвоением знаний; комбинированные ресурсы — сочетающие в себе несколько функций.

С. В. Титова и К. В. Александрова [10] обращают внимание на то, что использование ЭОР в преподавании иностранного языка ставит перед педагогом ряд дидактических вызовов: необходимость систематизации и упорядочивания цифровых средств, определение четких параметров их оценки и фильтрации, а также создание методически обоснованной системы упражнений с опорой на ЭОР, нацеленной на развитие языковых, коммуникативных и социокультурных компетенций учащихся.

Детальное изучение рассмотренных классификаций позволяет выделить два системных недостатка. Первый заключается в принципе построения: классификация по функциональному назначению не дает информации

о формате представления материала; классификация по типу контента — о целевом назначении. Второй недостаток — игнорирование предметной специфики: ни одна из рассмотренных типологий не содержит такого параметра, как «вид речевой деятельности» (аудирование, говорение, чтение, письмо), что делает их неприменимыми для решения конкретных задач обучения иностранному языку.

Следовательно, фиксируется противоречие: с одной стороны, будущий учитель иностранного языка объективно нуждается в оперативном и обоснованном выборе ЭОР для различных дидактических ситуаций; с другой стороны, в теории и практике методики преподавания отсутствует инструмент, позволяющий осуществлять такой выбор с учетом предметной специфики.

Данное противоречие определяет проблему исследования, которая заключается в необходимости теоретического обоснования оснований классификации ЭОР и разработки алгоритма их отбора, позволяющего будущему учителю иностранного языка осуществлять оперативный и методически обоснованный выбор ресурсов в соответствии с целями занятия, видом речевой деятельности и уровнем подготовки обучающихся.

Таким образом, ЭОР в иноязычном образовании представляют собой мощный дидактический инструмент, однако его эффективность напрямую зависит от того, насколько адекватно ресурс выбран под конкретную образовательную задачу, этап урока, вид речевой деятельности и уровень подготовки учащихся. Это обуславливает необходимость разработки научно обоснованных подходов к отбору ЭОР, которые будут учитывать предметную специфику.

Необходимость разработки классификации ЭОР, ориентированной на специфику иноязычного образования, обусловлена двумя взаимосвязанными факторами: во-первых, стремительным расширением количества цифровых инструментов; во-вторых, отсутствием в существующих типологиях критериев, учитывающих виды речевой деятельности, этапы занятия и уровни владения языком. Как отмечает Гуань Бо [16], на сегодняшний день не существует единых критериев, определяющих целесообразность применения ЭОР в обучении иностранным языкам. Это делает проблему разработки критериев отбора ЭОР для учебных целей особенно актуальной. В основу предлагаемой классификации положены два взаимодополняющих основания — методическое и дидактическое.

Методическое основание классификации исходит из того, что каждый тип ЭОР обладает специфическим инструментарием и форматом представления материала, активизирующим определенные когнитивные механизмы овладения языком. Одни ресурсы эффективны для формирования фонетических и грамматических навыков (интерактивные тренажеры с мгновенной обратной связью), другие — для развития рецептивных навыков чтения и аудирования (аудио- и видеотеки с субтитрами, интерактивные тексты), третьи — для стимулирования продуктивной устной и письменной речи (симуляторы диалогов, средства совместного редактирования текстов, подкасты). Классификация ЭОР по методическому назначению позволяет целенаправленно проектировать траекторию развития конкретных лингвистических компетенций с учетом этапности их формирования — от узнавания и воспроизведения до свободного оперирования языковым материалом в контексте.

Наиболее востребованными среди педагогов веб-ресурсами являются интерактивные платформы *Wordwall*, «*Skysmart* Класс», *LearningApps*, *Quizlet*, а также ресур-

сы *Learn English British Council* и *iSL Collective*; при этом экспертный анализ показывает необходимость разработки критериев оценки качества ЭОР для обеспечения их эффективного применения в образовательном процессе [17].

В ходе исследования был проведен анализ ЭОР и осуществлена их систематизация согласно дидактической направленности. При формировании лексической компетенции важными являются переводные онлайн-словари (*ABBYY Lingvo Live*, «Мультитран», *Reverso Context*), визуальные словари (*Studyfun.ru*, *Visualdictionary.com*) и толковые словари (*Oxford Learner's Dictionary*). Существенную роль играют обучающие приложения и платформы для изучения иноязычной лексики (*Quizlet*, *The British Council*, *Simpler*, *BBC Learning English*). Развитие навыков чтения обеспечивается платформами с адаптированными текстами (*ESL Reading*, *Dreamreader*, *National Geographic*). Для формирования аудитивных умений используются аудиофрагменты и видеоматериалы с заданиями (*The British Council*, *ESL Cyber Listening Lab*, *Luke's English Podcast*, *Ted Talks Daily*). Формирование навыков письменной речи предполагает работу с сервисами автоматической проверки орфографии и грамматики (*Grammarly*, *Write and Improve*, *Virtual Writing Tutor*). Развитие произносительных навыков и интонационной выразительности речи обеспечивают ресурсы, предусматривающие функцию записи собственного голоса и сравнения с эталоном (*BBC Learning English*, *EnglishCentral*, *Sounds: The Pronunciation App FREE*). Овладение грамматическим строем языка требует систематической практики с использованием платформ (*Engblog*, *GrammarMonster*, *English Tests Online*). Говорение как интегративный вид речевой деятельности развивается посредством разговорных клубов («Инглекс-Разговорный клуб», *SkySmart*). Для организации контроля знаний применяются сервисы онлайн-тестирования (*Online Test Pad*, *myQuiz*), конструкторы тестовых заданий (*Quizizz*, *Master-test*), электронные рабочие листы («Яндекс Формы», *Wizer.me*). Оценивание устных умений осуществляется через ресурсы видеоконференцсвязи (*Zoom*, *Skype*, *Pruffme*). Для формирования медиативных навыков используются сервисы для визуализации («VK доска») и платформы (*DIGISHIP ERASMUS+*, *SkillSwap*).

Дидактическое основание предлагаемой классификации опирается на типологии учебных действий, реализуемых субъектом посредством ЭОР. В соответствии с данным критерием в структуре цифровых средств обучения выделяются пять функциональных групп, каждая из которых конкретизируется соответствующими инструментальными решениями: информационные ЭОР, обеспечивающие первичное восприятие информации (например, онлайн-словари *Cambridge Dictionary*, грамматические справочники *Engblog*, лексико-грамматические порталы *LanGeek*, обучающие сайты «Фоксфорд»); операционные ЭОР, направленные на отработку лексического материала и грамматических конструкций (*Wordwall*, *Anki*); креативные ЭОР, создающие условия для порождения нового высказывания (*Coggle*, *Mindomo*); оценочные ЭОР, выполняющие контролируемую функцию (*Quizizz*); коммуникативные ЭОР, моделирующие ситуации интерактивного речевого взаимодействия (*Linoit*, *HiNative*).

Классификация ЭОР по видам учебной деятельности выполняет две функции: во-первых, она структурирует цифровой инструментарий применительно к этапам занятия и формам организации учебной работы; во-вторых, создает условия для вариативного комбинирования ресурсов с целью достижения интегративных образовательных результатов. Предложенная структура обеспечивает преемственность

различных деятельностных форм в условиях единой образовательной среды, что выступает основой гибкого дидактического проектирования лингвистической подготовки.

Эффективность профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка в условиях цифровизации образования, как подчеркивают О. Ф. Турянская и М. А. Малькова [18], детерминирована не столько техническими параметрами используемых электронных ресурсов, сколько уровнем сформированности методической компетентности педагога, его готовностью к системному и целенаправленному отбору цифровых инструментов в соответствии с конкретными образовательными задачами.

Предлагаемый алгоритм отбора ЭОР выстроен в логике последовательного учета методических и дидактических параметров учебной ситуации. Процедура выбора включает пять шагов, каждый из которых конкретизирует определенное основание классификации и позволяет поэтапно сужать круг потенциально подходящих ресурсов.

На первом этапе преподаватель определяет цель занятия и конкретную дидактическую задачу, которую необходимо решить посредством ЭОР. Цель должна быть сформулирована максимально конкретно и измеримо: например, «сформировать лексический минимум по теме «Еда» на уровне узнавания и воспроизведения», «развить навык аудирования с извлечением основной информации» или «отработать грамматическую конструкцию *Present Perfect* в устной речи». На данном этапе также уточняется, на каком этапе занятия планируется использование ресурса — при введении нового материала, на этапе тренировки, контроля или рефлексии. Четкое целеполагание создает основу для последующего критериального отбора.

На втором шаге на основе сформулированной цели преподаватель определяет приоритетный вид речевой деятельности, развитие которого обеспечивается посредством ЭОР. Данный шаг реализует методическое основание классификации: каждый тип ресурса обладает специфическим инструментарием, активизирующим определенные когнитивные механизмы овладения языком. Для формирования лексической компетенции предназначены онлайн-словари (*ABBYY Lingvo*, *Reverso Context*), визуальные словари (*Studyfun.ru*) и обучающие приложения (*Quizlet*, *Simpler*); для развития навыков чтения — платформы с адаптированными текстами (*ESL Reading*, *National Geographic*); для формирования аудитивных умений — аудио- и видеоматериалы с заданиями (*British Council*, *Ted Talks Daily*); для развития письменной речи — сервисы автоматической проверки грамматики (*Grammarly*, *Write and Improve*); для говорения — разговорные клубы («Инглекс», *SkySmart*); для контроля знаний — сервисы онлайн-тестирования (*Online Test Pad*, *Quizizz*). Дифференциация ресурсов по видам речевой деятельности позволяет целенаправленно проектировать траекторию развития конкретных лингвистических компетенций.

Третий шаг предполагает соотнесение выбранного ресурса с уровнем языковой подготовки обучающихся в соответствии с общеевропейской шкалой *CEFR* (A1—C2). Это позволяет избежать использования ресурсов, не соответствующих реальному уровню учащихся: для начинающих (A1—A2) целесообразно выбирать ресурсы с визуальной опорой, упрощенными инструкциями и ограниченным языковым материалом, тогда как для продвинутых уровней (B2—C2) — аутентичные материалы без адаптации. Данный шаг обеспечивает индивидуализацию обучения и предотвращает ситуацию, при которой ресурс оказывается либо слишком сложным, либо неоправданно простым для конкретной учебной группы.

Четвертым шагом является определение типа учебной деятельности, реализуемой посредством ЭОР, что соответствует дидактическому основанию классификации. В зависимости от характера взаимодействия обучающегося с ресурсом выделяются пять функциональных групп. Информационные ЭОР обеспечивают первичное восприятие и осмысление лингвистической информации (онлайн-словари, грамматические справочники), операционные направлены на отработку и автоматизацию навыков (*Wordwall*, *Anki*, *LearningApps*), креативные создают условия для порождения нового речевого высказывания (*Coggle*, *Mindomo*, *Genially*), оценочные выполняют контролирующую функцию (*Quizizz*, *Online Test Pad*), а коммуникативные моделируют ситуации интерактивного речевого взаимодействия (*Padlet*, *Linoit*, *HiNative*, *Zoom*). Отнесение ресурса к той или иной дидактической группе определяет характер учебной деятельности — репродуктивный, продуктивный, контролирующий или интерактивный — и позволяет выстроить занятие в логике поэтапного формирования речевых умений.

Заключительный, пятый шаг, реализует принцип бинарности и предполагает выбор конкретного ресурса с учетом уровня методической компетентности педагога. Развитие компетентности педагога в области разработки и применения ЭОР обусловлено необходимостью внедрения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в современных условиях. Как отмечают Е. Н. Горутько и Е. В. Дырдина [19], существует зависимость между развитием этой компетентности и появлением новых моделей обучения (смешанное и электронное обучение).

Начинающие педагоги и студенты, у которых еще не сформированы навыки качественного отбора и опыт методической адаптации ресурсов ограничен, ориентируются на ресурсы «базового уровня» — готовые к использованию, методически проработанные, снабженные подробными инструкциями по интеграции в учебный процесс. Опытные педагоги с высоким уровнем методической компетентности могут обращаться к ресурсам «методически открытым» (конструктивным), которые требуют предварительной методической проработки, адаптации и творческого переосмысления, но предоставляют широкие возможности для реализации индивидуализации, коммуникативно-ориентированного обучения и инновационных методических моделей.

Проиллюстрируем применение алгоритма на конкретном примере. Студент IV курса в период педагогической практики готовит урок по теме «Путешествия» для учащихся 7 класса (уровень A2). Цель этапа занятия — введение и первичное закрепление лексики. Руководствуясь алгоритмом, студент:

- 1) определяет цель (формирование лексической компетенции);
- 2) выбирает вид речевой деятельности (лексика);
- 3) соотносит с уровнем A2;
- 4) относит задание к операционному типу учебной деятельности;
- 5) учитывая собственный уровень методической компетентности (низкий), выбирает ресурс «базового уровня» — готовый набор карточек в *Quizlet* с визуальной опорой и озвучиванием, тогда как опытный преподаватель с той же целью использует *Padlet*, где учащиеся самостоятельно создают посты по теме и комментируют друг друга.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Анализ существующих типологий ЭОР показал, что они не учитывают предметной специфики иноязычного образования: виды речевой деятельности, этапы урока и уровни владения языком

Для устранения этого пробела нами разработана бинарная классификация, разработанная с точки зрения двух оснований: методическом (дифференциация по видам речевой деятельности и уровням *CEFR*) и дидактическом (типология учебных действий — информационные, операционные, креативные, оценочные, коммуникативные ресурсы). Основываясь на данной классификации создан пятишаговый алгоритм отбора (цель → вид речевой деятельности → уровень *CEFR* → тип учебной деятельности → методическая компетентность педагога), апробированный на примере учебной ситуации и показавший свою обоснованность. Таким образом, последовательное применение представленного алгоритма позволяет преподавателю осуществить

обоснованный, методически оправданный выбор ЭОР с учетом целевых установок занятия, вида речевой деятельности, уровня подготовки учащихся, типа учебной деятельности и собственного уровня методической компетентности. Предложенная процедура носит универсальный характер и может быть освоена будущими учителями иностранного языка в процессе профессиональной подготовки, что составляет основу формируемого навыка критериального отбора цифровых ресурсов.

Предложенная бинарная классификация и разработанный на ее основе алгоритм отбора позволяют структурировать процесс выбора ЭОР с учетом методических и дидактических составляющих образовательного процесса. Разработанные классификация и алгоритм могут быть интегрированы в процесс профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка, способствуя формированию у них навыка критериального отбора ЭОР и повышению эффективности их профессиональной деятельности в условиях цифровой образовательной среды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алекберова И. Э., Николаев В. С. Различные подходы к классификации электронных образовательных ресурсов (ЭОР) // Язык. Культура. Образование. Проблемы современной коммуникации. 2025. № 10. С. 122—129.
2. Брыкин Ю. В. Предназначение и классификация электронных образовательных ресурсов в современном процессе обучения // Цифровое образование: новая реальность : материалы Всерос. науч. конф. с международным участием. Чебоксары : Среда, 2020. С. 22—26.
3. Велиляева З. Р., Гирич А. В. Классификация электронных образовательных ресурсов // Педагогический эксперимент: подходы и проблемы : сб. науч. тр. Симферополь : Корниенко А. А., 2023. Вып. 9. С. 136—143.
4. Бодрова Е. Г., Дегтеренко Л. Н. Цифровые инструменты и сервисы в профессиональной деятельности современного педагога // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2021. Т. 13. № 2. С. 48—56. DOI: 10.7442/2071-9620-2021-13-2-48-56.
5. Кирьякова А. В., Гараева Е. А. Развитие информационно-коммуникативных умений преподавателя университета в условиях цифровизации образовательной среды // Вестник Оренбургского государственного университета. 2021. № 2(230). С. 30—35. DOI: 10.25198/1814-6457-230-30.
6. Байниязова Э. М., Фахрутдинова Р. А. Цифровые инструменты и ресурсы в методике преподавания ИЯ в образовательной среде вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2024. Вып. 84. Ч. 3. С. 61—63.
7. Деткова И. В., Хатит Ф. Р., Леонтьева А. В., Ковалева Н. В. Электронная образовательная среда вуза как инновационный ресурс профессиональной подготовки будущих психологов и социальных педагогов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. № 2. С. 62—70. DOI: 10.47370/2078-1024-2021-13-2-62-70.
8. Ежова Т. В., Стуколова Е. А. Потенциал электронных образовательных ресурсов при обучении иностранному языку в школе // Педагогическое образование. 2023. Т. 4. № 9. С. 20—24.
9. Оналбаева А. Т., Берлинова А. Цифровой образовательный ресурс “Auyi-school.kz” // Международный журнал информационных и коммуникационных технологий. 2023. Т. 4. № 2. С. 41—52. DOI: 10.54309/IJCT.2023.14.2.004.
10. Титова С. В., Александрова К. В. Теоретико-методические основы использования электронных образовательных ресурсов в обучении иностранному языку // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 70—81.
11. Арестова А. А. Электронные образовательные ресурсы как средство индивидуализации образования в школе // Гаудеамус. 2019. Т. 18. № 2. С. 25—32. DOI: 10.20310/1810-231X-2019-18-2(40)-25-32.
12. Котова С. А., Зуденкова О. В. Электронные образовательные ресурсы в начальной школе // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 2(46). С. 117—122.
13. Кубацкая В. С. Интегративные задания с использованием электронных образовательных ресурсов для развития взаимосвязанных видов речевой деятельности на уроках английского языка в общеобразовательной школе // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. Вып. 4. С. 402—410. DOI: 10.30853/ped20250049.
14. Гербеков Х. А., Сурхаев М. А. Разработка электронных интернет-ресурсов образовательного назначения с использованием свободно распространяемого программного обеспечения // Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования». 2020. № 4(54). С. 88—94.
15. Хапаева С. С. Цифровая образовательная среда // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2021. Т. 17. № 3. С. 781—789. DOI: 10.25559/SITITO.17.202103.781-789.
16. Гуань Бо. Критерии отбора электронных образовательных ресурсов в обучении РКИ // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3(94). С. 28—30. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-394-28-30.
17. Лях Ю. А., Донина И. А., Третьяков А. Л. Электронные образовательные ресурсы для современной школы: организация экспертизы // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 4(72). С. 18—27. DOI: 10.37724/rsu.2024.72.4.002.
18. Турянская О. Ф., Малькова М. А. Методологические основы разработки системы профессионально-личностного развития преподавателя высшей школы // Педагогическое образование и наука. 2023. № 1. С. 125—131.

19. Горутко Е. Н., Дырдина Е. В. Внутрикorporативная модель развития компетентности педагога высшей школы в области разработки электронных образовательных ресурсов // Информатика и образование. 2019. № 5(34). С. 5—15. DOI: 10.32517/0234-0453-2019-34-5-5-15.

REFERENCES

1. Alekberova I. E., Nikolaev V. S. Different approaches to classifying electronic educational resources (EER). *Yazyk. Kul'tura. Obrazovanie. Problemy sovremennoi kommunikatsii = Language. Culture. Education. Problems of Modern Communication*. 2025;10:122—129. (In Russ.)
2. Brykin Yu. V. Purpose and classification of electronic educational resources in the modern educational process. *Tsifrovoe obrazovanie: novaya real'nost' = Digital education: a new reality. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation. Cheboksary, Sreda*; 2020:22—26. (In Russ.)
3. Velilyaeva Z. R., Girich A. V. Classification of electronic educational resources. *Pedagogicheskiy eksperiment: podkhody i problemy = Pedagogical experiment: approaches and problems. Collection of scientific papers*. Simferopol, A. A. Kornienko publ.; 2023;9:136—143. (In Russ.)
4. Bodrova E. G., Degterenko L. N. Digital tools and services in the professional realm of a modern teacher. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt = Contemporary higher education: innovative aspects*. 2021;13(2):48—56. (In Russ.) DOI: 10.7442/2071-9620-2021-13-2-48-56.
5. Kiryakova A. V., Garaeva E. A. Development of information and communication skills of university teachers in the context of digitalization of the educational environment. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*. 2021;2(230):30—35. (In Russ.) DOI: 10.25198/1814-6457-230-30.
6. Bayniyazova E. M., Fakhrutdinova R. A. Digital tools and resources in the methodology of teaching foreign languages in the educational environment of the university. *Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2023;84(3):61—63. (In Russ.)
7. Detkova I. V., Khatit F. R., Leontyeva A. V., Kovaleva N. V. A university electronic educational environment as an innovative resource for professional training of future psychologists and social teachers. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of Maikop State Technological University*. 2021;2:62—70. (In Russ.) DOI: 10.47370/2078-1024-2021-13-2-62-70.
8. Ezhova T. V., Stukolova E. A. The potential of electronic educational resources in teaching a foreign language at school. *Pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogical Education*. 2023;4(9):20—24. (In Russ.)
9. Onalbaeva A. T., Berlinova A. Digital educational resource “Auyl-school.kz”. *Khalykaralyq aqparattyq zhane kommunikatsiyalyq tekhnologiyalar zhurnaly = International Journal of Information and Communication Technologies*. 2023;4(2):41—52. (In Russ.) DOI: 10.54309/IJICT.2023.14.2.004.
10. Titova S. V., Aleksandrova K. V. Theoretical and didactic principles of digital educational resources integration in foreign languages teaching. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2018;1:70—81. (In Russ.)
11. Arestova A. A. Electronic educational resources as means of individualization of education at school. *Gaudeamus*. 2019;18(2):25—32. (In Russ.) DOI: 10.20310/1810-231X-2019-18-2(40)-25-32.
12. Kotova S. A., Zudenkova O. V. Electronic educational resources in primary school. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*. 2020;2(46):117—122. (In Russ.)
13. Kubatskaya V. S. Integrative tasks with the use of electronic educational resources for the development of inter-related speech activities in English lessons at a general education school. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2025;10(4):402—410. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20250049.
14. Gerbekov H. A., Surkhaev M. A. Development of Electronic Internet Resources for Educational Purposes Using Freely Distributed Software. *Vestnik MGPU. Seriya «Informatika i informatizatsiya obrazovaniya» = Journal of Moscow City University, series “Informatics and Informatization of Education”*. 2020;4(54):88—94. (In Russ.)
15. Khapaeva S. S. Digital Learning Environment: the Problems of Interaction. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie = Modern Information Technologies and IT-Education*. 2021;17(3):781—789. (In Russ.) DOI: 10.25559/SITITO.17.202103.781-789.
16. Guan Bo. Criteria for selection of electronic educational resources in teaching Russian as a foreign language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2022;3(94):28—30. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2022-394-28-30.
17. Lyakh Yu. A., Donina I. A., Tretyakov A. L. Electronic educational resources for modern school: organization of expertise. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk = Psychological and Pedagogical Search*. 2024;4(72):18—27. (In Russ.) DOI: 10.37724/rsu.2024.72.4.002.
18. Turyanskaya O. F., Malkova M. A. Methodological grounds for the development of a system of professional and personal development of a higher school teacher. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical education and science*. 2023;1:125—131. (In Russ.)
19. Gorutko E. N., Dyrkina E. V. Intra corporate model of developing competence of the university teacher in the field of designing electronic educational resources. *Informatika i obrazovanie = Informatics and education*. 2019;5:5—15. (In Russ.) DOI: 10.32517/0234-0453-2019-34-5-5-15.

Статья поступила в редакцию 29.06.2026; одобрена после рецензирования 26.07.2026; принята к публикации 27.07.2026.
The article was submitted 29.06.2026; approved after reviewing 26.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

Научная статья
УДК 372.857
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1721

Anna Sergeevna Pirogova

3rd-year postgraduate of the Department of Biology and Ecology,
Scientific specialty

5.8.2 — Theory and methodology of training and education
(pedagogical sciences)

Novosibirsk State

Pedagogical University

Novosibirsk, Russian Federation

a_s_pirogova@mail.ru

Анна Сергеевна Пирогова

аспирант III курса кафедры биологии и экологии,
научная специальность

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания
(педагогические науки),

Новосибирский государственный

педагогический университет

Новосибирск, Российская Федерация

a_s_pirogova@mail.ru

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ 9 КЛАССОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ БИОЛОГИИ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В статье представлена методика формирования учебной мотивации обучающихся девяти классов при осуществлении контрольно-оценочной деятельности на уроках биологии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью превратить контроль из процедуры фиксации отметки в последовательность учебных действий, обеспечивающих понимание критериев, обнаружение затруднения, исправление ошибки и перенос скорректированного способа в новую ситуацию. Методика разработана для раздела «Человек и его здоровье» и построена как повторяющийся цикл: предъявление цели и критериев, выполнение уровневого задания, самопроверка или взаимооценивание, содержательная обратная связь, коррекция, повторная попытка и фиксация личного продвижения. В 2023—2024 гг. был проведен педагогический эксперимент в средней общеобразовательной школе № 43 г. Новосибирска. В нем участвовали 220 девятиклассников из контрольных и экспериментальных групп. Исследователи оценивали учебную мотивацию, предметную подготовку и регулятивные учебные действия. Для диагностики использовались анкетирование, наблюдение,

учебные работы, предметные задания, листы самооценки и экспертная оценка. Данные обрабатывали с помощью χ^2 Пирсона, t -критерия Стьюдента, корреляции Пирсона и d Коэна. В экспериментальных группах стало больше учащихся с высокими результатами и меньше участников с низкими показателями. На контрольном этапе различия между группами достигли статистической значимости. Размер эффекта соответствовал среднему практическому уровню. Авторы объединили критерии, уровневые биологические задания, обратную связь, коррекцию и повторное действие в единый учебный цикл. Всё это составляет научную новизну работы. Методику можно использовать для текущего контроля и подготовки к государственной итоговой аттестации без дополнительных итоговых проверочных работ.

Ключевые слова: методика обучения биологии, учебная мотивация, контрольно-оценочная деятельность, девятиклассники, формирующее оценивание, предметные результаты, регулятивные учебные действия, содержательная обратная связь, критериальное оценивание, коррекция учебных ошибок, уровневые задания

Для цитирования: Пирогова А. С. Методика формирования учебной мотивации обучающихся 9 классов при осуществлении контрольно-оценочной деятельности на уроках биологии // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 567—573. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1721.

Original article

METHODOLOGY FOR DEVELOPING LEARNING MOTIVATION IN NINTH-GRADE STUDENTS THROUGH ASSESSMENT AND EVALUATION ACTIVITIES IN BIOLOGY LESSONS

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The article presents a methodology for developing learning motivation in ninth-grade students through assessment and evaluation activities in biology lessons. The relevance of the study is determined by the need to transform assessment from recording a mark into learning actions that ensure understanding of criteria, identification of difficulties, correction of errors, and transfer of an adjusted method

to a new situation. The methodology was developed for the Human Being and Health unit as a recurring cycle: presentation of the goal and criteria, completion of a differentiated task, self- or peer assessment, substantive feedback, correction, a repeated attempt, and recording of individual progress. Experimental work was conducted in 2023–2024 at Secondary School No. 43 in Novosibirsk. The experiment involved 220 ninth-grade

students assigned to control and experimental groups. The diagnostic framework covered learning motivation, subject-matter achievement, and regulatory learning actions; questionnaires, observation, analysis of student work, subject tasks, self-assessment sheets, and expert assessment were used. The data were processed using Pearson's χ^2 , Student's t-test, Pearson correlation, and Cohen's d. In the experimental groups, the proportion of students demonstrating high levels of motivation, achievement, and regulatory actions increased, while the proportion with low levels decreased. Final differences between the groups were statistically significant, and effect sizes corresponded

to a medium practical level. The scientific novelty lies in integrating criteria, differentiated biology tasks, feedback, correction, and repeated action into a single learning cycle. The methodology can be used for ongoing assessment and preparation for the state final examination without increasing the number of summative tests.

Keywords: *biology teaching methodology, learning motivation, assessment and evaluation activities, ninth-grade students, formative assessment, subject learning outcomes, regulatory learning actions, substantive feedback, criteria-based assessment, correction of learning errors, differentiated tasks*

For citation: Pirogova A. S. Methodology for developing learning motivation in ninth-grade students through assessment and evaluation activities in biology lessons. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):567—573. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1721.

Введение

Актуальность. На уроках биологии девятиклассник использует контроль не только для получения отметки. Он сопоставляет свое действие с заданными критериями, находит затруднение и исправляет ошибку. После этого учащийся проверяет измененный способ на новом задании. Особенно такая работа нужна при изучении раздела «Человек и его здоровье». Здесь школьник объясняет физиологические механизмы, читает схемы и графики, устанавливает причинно-следственные связи и применяет знания в практических ситуациях.

Биология в 9 классе постоянно меняет форму задания. В одном случае школьник читает текст, в другом — извлекает информацию из рисунка, схемы, таблицы или графика. Этого мало. Полученные данные нужно связать с механизмом биологического процесса, а в практико-ориентированной задаче — еще и установить причинно-следственную зависимость.

Поэтому проверяется не только то, что ученик запомнил. Педагог учитывает работу по критериям и реакцию на ошибку. Сможет ли девятиклассник исправить выбранный способ и применить его уже в другой биологической ситуации — отдельный результат обучения.

Проблема начинается после отметки. Учитель ответ уже проверил, ошибку увидел, а девятиклассник к ней часто больше не возвращается. На этом всё. И неважно, был это письменный ответ или цифровая проверка: само разнообразие контроля эту ситуацию не меняет. В методике этот участок урока устроен иначе. Критерий ученик знает заранее. Если ошибка появилась, учитель указывает, какое действие нужно пересмотреть, и школьник возвращается именно к нему. Потом пробует еще раз. За счет этого проверка не заканчивается вместе с отметкой, а у девятиклассника остается работа с собственным ошибочным действием. Здесь и появляется связь с учебной мотивацией.

Степень изученности проблемы. Теоретические основы формирующего оценивания, обратной связи и саморегуляции раскрыты в работах И. Б. Шмигириловой, А. С. Рвановой, О. В. Григоренко [1], И. В. Никитина, А. К. Белолуцкой [2], Г. П. Савиных [3], Т. Г. Фоминой, Е. В. Филипповой, В. И. Моросановой [4—7].

Предметно-методические аспекты формирования мотивации и организации обучения биологии представлены в исследованиях А. С. Пироговой, Ю. А. Сакмарова, Е. А. Арюковой [8], Т. Н. Белозеровой, В. В. Пасечника, Е. А. Колесника [9], С. А. Хаустова [10], Е. Н. Арбузовой, С. В. Назарова и Н. В. Борисова [11; 12]. Авторы рассматри-

вают познавательный интерес, индивидуально-групповую работу, дифференциацию, игровые и наглядно-схематические средства, накопительное оценивание и общие основы методики обучения биологии.

Среди зарубежных авторов исследования оценочных практик и учебных результатов представили З. Янь, Х. Лао, Э. Панадеро, Б. Фернандес-Кастилья, Л. Янг и М. Янг [13], Ю. Яо, М. Амос, К. Снайдер и Т. Браун [14], П. Караман [15]. Данные международных сопоставлений обобщены Организацией экономического сотрудничества и развития [15]. Несмотря на значительную изученность отдельных компонентов, недостаточно разработана целостная предметная методика, объединяющая критерии, обратную связь, коррекцию ошибки, повторное действие и поддержку учебной мотивации девятиклассников.

Таким образом, проблема исследования состоит в недостаточной разработанности целостной предметной методики, которая объединяет критерии оценивания, уровневые задания по биологии, самооценку и взаимооценивание, содержательную обратную связь, исправление ошибки, повторное действие и фиксацию личного продвижения обучающегося. Требуется специальной проверки влияние такого цикла не только на предметную подготовку, но и на учебную мотивацию и регулятивные действия девятиклассников.

Научная новизна исследования заключается в том, что автор разработал и экспериментально проверил методику формирования учебной мотивации обучающихся 9 классов. Методика встраивает контрольно-оценочную деятельность в изучение раздела «Человек и его здоровье». Автор распределяет учебные шаги учеников в виде цикла, который воспроизводится постоянно. Школьник сам формулирует ожидаемый результат, находит ответы на вопросы, сопоставляет свой труд с образцом, устраняет несоответствия и применяет этот порядок действий в других условиях. Учитель оценивает желание подростков учиться и записывает количественные показатели того, что дети усвоили.

Цель исследования — выявить и охарактеризовать определенный метод, при помощи которого учитель проверяет знания на уроках биологии. Изучается, как этот способ изменяет академическую успеваемость и желание учащихся 9 классов приобретать информацию. После чего проверяются выявленные связи в ходе практического опыта.

Задачи исследования:

— описать процессы, в ходе которых контроль знаний воздействует на интеллектуальное любопытство подростков;

- разработать новую последовательность действий для раздела «Человек и его здоровье», где зафиксированы точные шаги преподавателя и школьников;

- установить показатели, по которым меняется восприятие занятий подростками, и выбрать инструменты, которые измеряют количество данных в памяти и навыки по организации учебного труда;

- сравнить итоги в группах учащихся через математические вычисления, чтобы подтвердить точность данных и разъяснить роль этих различий для обучения;

- на практике подтвердить, что педагогу необходимо применять созданные материалы в регулярном рабочем процессе.

Теоретическая значимость исследования. Дано описание того, каким образом педагогический контроль и оценивание результатов, согласно методике, меняют желание школьников осваивать биологию. Процесс решения задач зависит от того, какой результат ожидает ученик и какими методами этот результат фиксирует преподаватель.

Практическая значимость исследования. Автор создал этот образовательный цикл так, чтобы он входил в стандартный урок биологии. Программа не обязывает педагогов проводить дополнительные контрольные работы. Учитель предлагает подросткам задачи разной сложности, списки для проверки выполненных действий и таблицы с баллами за каждый этап. Сверстники проверяют решения друг друга во время выполнения того же задания. Обратная связь и исправление ошибок происходят сразу после выполнения работы, поэтому они не являются изолированными методами обучения. Эти пособия подходят для изучения раздела «Человек и его здоровье». Их рекомендуется применять в процессе ежедневной проверки знаний и когда обучающиеся 9 классов тренируются перед сдачей государственной итоговой аттестации по биологии.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Мы ограничили исследование временем изучения раздела «Человек и его здоровье». Это решение позволяет сопоставлять данные разных групп. В 2023—2024 гг. указанный материал изучали 220 девятиклассников средней общеобразовательной школы № 43 г. Новосибирска. Ими были сформированы контрольные и экспериментальные группы. Содержание учебной программы оставалось идентичным для всех участников. На задания также не влияли изменения, т. к. их содержание соответствовало перечню умений государственной итоговой аттестации по биологии. Но применялись разные способы организации контроля.

До начала основного этапа мы измерили уровень учебной мотивации, знание предмета и регулятивные учебные действия учащихся. Эти данные являются базой для сравнения. Далее условия обучения в группах стали неодинаковыми. В экспериментальных классах учителя внедрили авторскую методику. В контрольных группах педагоги оценивали знания школьников стандартно после того, как объясняли и закрепляли материал. По завершении этапа исследователи провели повторную диагностику. Позднее была организована дополнительная проверка знаний. Она нужна не для фиксации текущих оценок, а для оценки устойчивости эффекта от примененных методов. Так в работе возникли три этапа сбора данных. Они являются частями констатирующего, формирующего и контрольного периодов педагогического эксперимента.

В экспериментальной группе баллы не определяли, как дети изучают материал. Сначала преподаватель ставил цель и описывал требования к результатам. После этого девятиклассник выбирал упражнение с определенным уровнем трудности и решал задачу. На следующем этапе ученик проверял текст сам. С помощью подробных письменных комментариев школьник находил ошибки и исправлял их, когда применял порядок действий. На этом процесс не заканчивался. Подросток использовал доработанный метод в новом задании. И когда педагог считал баллы, он оценивал, насколько выросли достижения конкретного ученика. Для данной методики этот момент является самым важным.

Под структуру урока подбирались инструменты, в которых перечни требований были внесены в бумажные материалы, биологические задачи и списки для проверки себя или других учеников. Одной группой материалов работа не ограничивалась. В пособия были включены описания реальных случаев и короткие тесты в электронном виде. По своему виду часть заданий является сходной с задачами из государственных экзаменов. Контроль в данной ситуации выполнял много задач. С его помощью измеряли знание биологии, получали сведения для оценки прогресса или создавали условия, чтобы дети хотели учиться.

Для регулятивных действий существенное значение имеет то, как школьник сохраняет цель и критерии в памяти. Он выполняет самопроверку, устраняет неточности и применяет измененный способ в новых условиях. Эти действия описывают процесс выполнения учебных задач.

Нами были разделены каналы получения информации. Они применяли анкеты, предметные проверочные работы и фиксировали действия учащихся в классе. К этим материалам добавляли суждения экспертов, листы самооценки и результаты труда учеников. Один источник информации не позволяет составить полное представление о ситуации.

Математические расчеты автор выполнял независимо от описания педагогических фактов. Для выявления несовпадений в данных применяли критерий χ^2 Пирсона и t -критерий Стьюдента. Силу взаимосвязи между параметрами определяли через коэффициент корреляции Пирсона. Статистическая достоверность не является исчерпывающим показателем. По этой причине прикладной масштаб отклонений измеряли с помощью d Коэна.

Результаты исследования и их обсуждение. Мы сознательно не открывали работу обзором опубликованных исследований. Сначала мы изучили изменения, которые проявили учащиеся 9 классов во время педагогического эксперимента. Только после этого данные показатели были сопоставлены с результатами, которые представили другие исследователи. Порядок действий был необходимым условием для объективности. Он исключал вероятность того, что динамика учебной мотивации и оценки по биологии будут искусственно приведены в соответствие с известными научными выводами. Чужие данные служили только основой для сопоставления. Если сведения были собраны в ином государстве, касались подростков другого возраста или учебных предметов, отличных от школьной биологии, их не применяли к участникам текущих групп.

До формирующей работы контрольные и экспериментальные классы сравнили сразу в трех точках: учебная мотивация, подготовка по биологии и регулятивные учебные действия. Существенного расхождения на старте не получили. Далее ситуация была уже иной: девятиклассники проходили одинаковое содержание раздела

в течение одного периода, но контроль и оценивание у них были организованы по-разному. Именно это различие нас и интересовало.

Методика состоит из пяти составных частей. Целевая часть определяет, как должен измениться девятиклассник после выполнения проверочных заданий. С помощью мотивационной части работа соединяется с любопытством ученика и тем трудом, который он совершает во время занятия по биологии. Содержательная часть устанавливает точные

биологические операции, которые ученику необходимо выполнить. С помощью организационно-деятельностной части описывается последовательность действий педагога и ответные действия девятиклассника. Результативно-оценочная часть направляет итог работы обратно в процесс определения проблем и их исправления. Таким образом формируется непрерывный цикл действий. В табл. 1 демонстрируется, как эти пять частей взаимодействуют друг с другом.

Таблица 1

Структура авторской методики и ее реализация на уроках биологии

Компонент методики	Содержание	Реализация на уроке биологии
Целевой	Формирование учебной мотивации и предметных способов действия	Учитель формулирует цель задания через конкретный ожидаемый результат и заранее обозначает критерии его достижения
Мотивационный	Познавательный интерес, личная значимость, самоэффективность, учебная настойчивость	Выбор уровня задания, фиксация продвижения, повторная попытка после коррекции
Содержательный	Понятия, физиологические механизмы, схемы, таблицы, данные и практические ситуации	Задания разного уровня сложности по разделу «Человек и его здоровье» и задания, построенные по экзаменационному формату
Организационно-деятельностный	Критерии, самопроверка, взаимооценивание, обратная связь и исправление ошибки	Учитель организует короткий оценочный цикл в пределах урока и сочетает индивидуальную, парную и цифровую работу
Результативно-оценочный	Динамика мотивации, предметной подготовки и регулятивных действий	Входная, текущая, итоговая и отсроченная диагностика с коррекцией дальнейшей работы

По этой причине отдельная рубрика не имеет самостоятельной ценности. Это утверждение верно для компьютерных тестов и проверки работ друг у друга. Сначала педагог определяет биологическую операцию, которую ученик должен продемонстрировать. Только после этого выбора он применяет конкретный инструмент проверки. Наличие неверного ответа влияет на то, как работа будет продолжаться дальше. После выявления ошибки девятиклассник совершает действие для устранения неточности. И затем он снова выполняет задание, используя исправленный алгоритм. На данном процессе основывается вся методика. Отметим, что обычная совокупность способов оценки не обеспечивает такую строгую очередность этапов.

На уроке педагог выделял несколько минут, чтобы ученик 9 класса еще раз прочитал выполненную работу. Перед тем как начать задание, школьник изучал два или три критерия, которые подтверждают правильность решения. С данными признаками он сопоставлял результат своего труда сам или в процессе контроля. Исправлять все несовпадения с примером было не нужно. Подросток выбирал конкретную часть упражнения и повторно совершал те действия, которые привели к ошибке. Этот процесс можно рассмотреть на примере перемещения крови по сосудам. Вначале девятиклассник рисовал стрелками путь движения крови. И далее он описывал словами, как меняется концентрация кислорода и углекислого газа в этой ткани организма.

Характеристики оценивания, методы корректировки недочетов во время обучения и активная позиция ученика взяты из научных текстов [1, с. 51; 2, с. 101; 3, с. 143–145; 11; 12]. Но в образовательный процесс данные компоненты введены как целостный комплекс. Статьи о том, как развивать внимание к предмету и как проверять факты при изучении биологии [8–10], позволили совместить теоретические данные с фактическим трудом девятикласс-

ника. В итоге требование, ошибка и ее удаление располагаются в пределах одного шага. Там же сохраняются данные о том, какие навыки приобрели ученики.

Степень трудности заданий определяется не количеством сведений, а тем, как ученик 9 класса преобразует биологические факты. На начальном шаге он называет научное понятие или показывает, что понимает признаки биологического процесса. Но сложность операций увеличивается, когда школьник переходит к новым условиям.

На втором уровне подросток перечисляет части процесса и применяет в деятельности схемы или таблицы с числами.

Третий уровень состоит в том, что учащийся разделяет данные на части, создает обоснованные высказывания и переносит теоретические знания в практические обстоятельства. По этой причине идентичное верное решение не является здесь главным критерием успешности.

В электронной проверочной системе видны регулярные погрешности, а итоговые показатели отражают индивидуальное развитие учащегося [10]. После ввода ответа в компьютер деятельность не прекращается. Школьник в любом случае читает подробный отзыв о своих действиях и исправляет допущенные недочеты.

В табл. 2 представлен уже другой срез этой работы: диагностика разведена по тому, что именно менялось у девятиклассника при изучении биологии — его отношение к предмету, качество самого биологического действия и способность управлять этим действием.

Анкетный ответ о том, что биология стала интереснее, сам по себе ничего не решал. Его проверяли по поведению ученика в работе. Смотрели, изменился ли предметный результат, пользуется ли девятиклассник критериями и возвращается ли к собственной ошибке после ее обнаружения. Особенно важен был следующий шаг. Если после коррекции школьник переходил к более сложному действию, это давало дополнительное основание говорить об изменении мотивации. Эти данные сведены в табл. 2.

Таблица 2

Диагностические блоки, показатели и способы их фиксации

Диагностический блок	Показатели	Способы фиксации
Учебная мотивация	Познавательный интерес, значимость материала, самоэффективность, учебная настойчивость	Анкетирование, наблюдение, рефлексивные карточки, экспертная оценка
Предметная подготовка	Понимание процессов, анализ схем, таблиц и данных, причинное объяснение, вывод	Проверочные работы, задания экзаменационного типа, анализ учебных продуктов
Регулятивные действия	Работа с целью и критериями, самопроверка, исправление ошибки, перенос способа	Чек-листы, наблюдение, листы самооценки и взаимооценивания
Уровень сформированности	Репродуктивно-подражательный, поисково-исполнительский, творческий	Сопоставление данных трех диагностических блоков

Три уровня отличаются тем, каким образом ученик 9 класса сам совершает действия по оценке работы. На репродуктивно-подражательном этапе учащийся повторяет образец и просит преподавателя подтвердить, что задание выполнено верно. В ситуации отсутствия подсказок школьник прекращает деятельность. Поисково-исполнительский уровень проявляется тогда, когда девятиклассник применяет критерии без участия сторонних лиц, выявляет ошибку и применяет метод, который ее устраняет. На творческом уровне указанные процессы включают добавочные элементы. Здесь учащийся приводит факты для подтверждения оценки, применяет выбранный метод в новых условиях и совершает поступки для того, чтобы изучить новый материал.

Мы изучали не конечный результат, а динамику перехода между этими этапами внутри групп после того, как завершили формирующий эксперимент. По этой причине ученые провели диагностику еще раз. Параметры вовлеченности в образовательный процесс и объем сведений по дисциплине сопоставили с исходными данными, а затем проанализировали, как изменилась численность учащихся с наиболее значительными и наименее заметными результатами. Сравнению подлежат два момента фиксации данных. Первый замер относится к констатирующему периоду, а второй замер является частью контрольного периода.

В табл. 3 сохранены те числовые показатели, которые имеют точные начальные и конечные величины, зафиксированные в ходе эксперимента.

Таблица 3

Динамика уровней в экспериментальных группах по данным авторского эксперимента, %

Показатель	Констатирующий этап	Контрольный этап
Высокий уровень учебной мотивации	21,7	47,8
Низкий уровень учебной мотивации	29,4	10,9
Высокий уровень предметной подготовки	19,6	43,5
Низкий уровень предметной подготовки	28,2	11,9

В табл. 3 показатели изменяются с разной скоростью, т. к. учебная мотивация и предметная подготовка имеют специфические коэффициенты роста. На высоком уровне мотивации количество учащихся увеличилось на 26,1 процентного пункта. На низком уровне это количество уменьшилось на 18,5 пункта.

В блоке предметной подготовки дистанция между группами имеет иные значения, поскольку доля учеников с высокими баллами стала больше на 23,9 пункта, а с низки-

ми — меньше на 16,3. Из-за этого четыре числовых значения не объединяются в один средний показатель. Они описывают по отдельности процесс изменения интереса девятиклассников к занятиям и процесс выполнения ими упражнений по биологии.

Но данные результаты зависят от дополнительных факторов, т. к. в период формирующего этапа ученики осваивали учебный план и повторно участвовали в тестировании. Поэтому необходимо сравнивать показатели экспериментальных и контрольных групп на итоговом этапе, чтобы подтвердить результативность методики. После этого определяется величина эффекта. Она демонстрирует степень интенсивности изменений в реальных условиях.

Ученики из экспериментальных групп получают более высокие баллы за три части учебного плана. Статистические данные показывают различия в том, как учащиеся проявляют интерес к учебе, знают предмет и контролируют свои действия. Позднее специалисты проводят дополнительный контроль спустя долгое время. И этот тест также показывает, что учащиеся из экспериментальных групп справляются с заданиями лучше.

Для каждого из трех разделов исследователи вычислили t -критерий Стьюдента и d Коэна. Эти цифры находятся в табл. 4. При проверке через временной интервал авторы работы также сопоставили средние баллы за тесты. По этим данным они определяли, насколько сильно различаются знания предмета у разных групп.

Значения d Коэна для знаний, интереса к учебе и контроля действий почти совпадают. Из-за этого авторы не объясняют перемены только итогами тестов или информацией из анкет. Но методика вызвала изменения сразу во всех трех областях, которые были изучены.

В табл. 4 сведены результаты межгруппового сравнения и отсроченной проверки.

Таблица 4

Статистическая оценка результатов авторской методики на контрольном этапе

Показатель	Сравниваемые значения	Статистический результат
Предметная подготовка	Экспериментальная и контрольная группы	$t = 3,84; p \leq 0,01; d = 0,57$
Учебная мотивация	Экспериментальная и контрольная группы	$t = 4,12; p \leq 0,01; d = 0,61$
Регулятивные учебные действия	Экспериментальная и контрольная группы	$t = 3,96; p \leq 0,01; d = 0,59$
Отсроченная предметная проверка	20,6 балла в контрольной группе; 27,1 балла в экспериментальной группе	$t = 4,27; p \leq 0,01; d = 0,64$

Таблица 4 содержит данные, которые показывают, что все выявленные различия между группами являются статистически значимыми при $p \leq 0,01$. Размер эффекта находится в интервале от 0,57 до 0,64 и является сопоставимым со средним уровнем практической значимости.

В ходе проверки через определенный промежуток времени учащиеся из экспериментальной группы получили в среднем на 6,5 балла больше, что подтверждает использование ими исправленного способа действия в новых условиях. Полученные результаты являются схожими с выводами российских исследователей, которые изучали индивидуально-групповую работу и накопительное оценивание по дисциплине биология [9; 10].

Разработанная методика уточняет эти подходы, т. к. в ней стимул к учению соотносится с последовательностью из критерия, обратной связи, коррекции и переноса навыка. К текущему контролю добавляются самостоятельная оценка и выполнение действия заново после того, как ошибка была исправлена. Исследователь сопоставил собственные результаты с информацией из иностранных источников только после завершения первичного анализа. В метаанализе, посвященном самооцениванию и взаимнооцениванию, зафиксированы показатели $g = 0,585$ и $g = 0,606$ [13]. Обзор практики формирующего оценивания в школах демонстрирует значение $g = 0,25$ [14, р. 452], а метаанализ экспериментов в Турции указывает на $d = 0,72$ [15, р. 801].

На общее количество в 2 100 работ не следует опираться как на единственный значимый фактор. Объединение такого массива данных демонстрирует границы, в которых обычно проявляется измеряемый эффект от процедур оценивания и обратной связи. Наблюдаемые в данном исследовании значения располагаются в центре этого диапазона [14]. Но основное доказательство эффективности заключается в другом. Оно базируется на изменениях, которые зафиксированы непосредственно у 220 девятиклассников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шмигирилова И. Б., Рванова А. С., Григоренко О. В. Оценивание в образовании: современные тенденции, проблемы и противоречия (обзор научных публикаций) // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 6. С. 43—83. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-6-43-83.
2. Никитин И. В., Белолуцкая А. К. Концептуализация формативного оценивания в высшем образовании: результаты тематического анализа // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 11. С. 96—109. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-11-96-109.
3. Савиных Г. П. Формирующее оценивание как компонент внутренних систем оценки качества общего образования // Образование и саморазвитие. 2022. Т. 17. № 4. С. 139—149. DOI: 10.26907/esd.17.4.11.
4. Фомина Т. Г., Филиппова Е. В., Моросанова В. И. Лонгитюдное исследование взаимосвязи осознанной саморегуляции, школьной вовлеченности и академической успеваемости учащихся // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 5. С. 30—42. DOI: 10.17759/pse.2021260503.
5. Потанина А. М., Моросанова В. И. Психологические ресурсы успеваемости подростков: дифференциальные аспекты // Психолого-педагогические исследования. 2023. Т. 15. № 3. С. 6—22. DOI: 10.17759/psyedu.2023150301.
6. Фомина Т. Г., Филиппова Е. В., Ованесбекова М. Л., Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция и школьная вовлеченность как ресурсы экзаменационной успешности: лонгитюдное исследование // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 4. С. 110—121. DOI: 10.21702/rpj.2022.4.7.
7. Моросанова В. И., Фомина Т. Г., Филиппова Е. В. Осознанная саморегуляция, школьная вовлеченность, качество преподавания как ресурсы субъективного благополучия и успеваемости обучающихся // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2025. Т. 48. № 1. С. 55—77. DOI: 10.11621/LPJ-25-03.
8. Пирогова А. С., Сакмаров Ю. А., Арюкова Е. А. Методика организации по формированию познавательного интереса учащихся на уроках биологии // Проблемы современного образования. 2022. № 5. С. 160—168. DOI: 10.31862/2218-8711-2022-5-160-168.
9. Белозерова Т. Н., Пасечник В. В., Колесник Е. А. Методические аспекты организации индивидуально-группового обучения на уроках биологии // Московский педагогический журнал. 2025. № 2. С. 36—49. DOI: 10.18384/2949-4974-2025-2-36-49.

Заключение

Количество контрольных мероприятий в рамках методики остается прежним. Преподаватель не добавляет новые формы контроля, а передает выполненную учебную операцию обратно учащемуся 9 класса. Процесс происходит последовательно: сначала через установленный параметр оценки, затем через анализ ответа и предоставление конкретных комментариев. Ошибочное действие не фиксируется как окончательный итог. Девятиклассник корректирует алгоритм, который вызвал затруднение, и в рамках следующего этапа применяет его к иным биологическим обстоятельствам. По этой причине задания разной сложности, оценочные таблицы или контрольные списки имеют значение только в составе данной последовательности. Технические программные инструменты используются аналогичным образом.

В ходе педагогического эксперимента исследователи зафиксировали положительные изменения учебной мотивации и предметной подготовки в экспериментальных группах. Затем они сопоставили их показатели с результатами контрольных групп. Статистически и практически значимые различия автор получил по мотивационным, предметным и регулятивным результатам. Девятиклассники лучше осваивали содержание раздела «Человек и его здоровье». Одновременно учащиеся чаще ориентировались на критерии, исправляли собственные ошибки и контролировали личное продвижение.

Педагоги могут использовать созданный набор заданий для проведения проверочных работ и подготовки обучающихся к основному государственному экзамену по биологии. Полученные данные относятся только к ученикам 9 классов, изучению раздела о животных и работе трех школ. Дальнейшие исследования могут быть связаны с организацией тестирований в других классах. Исследователями может быть проведено уточнение перечней неверных ответов, которые школьники допускают при разборе графических изображений и систематизированных данных. Для этого нужно подробно описать такие ошибки для задач, которые требуют анализа результатов опытов или написания полных ответов.

10. Хаустов С. А. Развитие учебной мотивации при использовании индивидуально-группового обучения биологии в 9-м классе // Педагогическое образование и наука. 2024. № 5. С. 99—105.
11. Арбузова Е. Н., Назаров С. В. Технология игры как условие активизации учебно-познавательной деятельности школьников // Биология в школе. 2020. № 7. С. 14—27.
12. Борисова Н. В., Арбузова Е. Н. Формирование информационной культуры школьников на учебных занятиях по биологии средствами мобильных технологий обучения. Омск : Издат. центр КАН, 2022. 192 с.
13. Effects of self-assessment and peer-assessment interventions on academic performance: A meta-analysis / Z. Yan, H. Lao, E. Panadero et al. // *Educational Research Review*. 2022. Vol. 37. Art. 100484. DOI: 10.1016/j.edurev.2022.100484.
14. Yao Y., Amos M., Snider K., Brown T. The impact of formative assessment on K-12 learning: a meta-analysis // *Educational Research and Evaluation*. 2024. Vol. 29. Iss. 7—8. Pp. 452—475. DOI: 10.1080/13803611.2024.2363831.
15. Karaman P. The Effect of Formative Assessment Practices on Student Learning: A Meta-Analysis Study // *International Journal of Assessment Tools in Education*. 2021. Vol. 8. No. 4. Pp. 801—817. DOI: 10.21449/ijate.870300.

REFERENCES

1. Shmigirilova I. B., Rvanova A. S., Grigorenko O. V. Assessment in education: Current trends, problems and contradictions (review of scientific publications). *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2021;23(6):43—83. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2021-6-43-83.
2. Nikitin I. V., Belolutskaya A. K. Formative Assessment Conceptualizations in Higher Education: Thematic Analysis Results. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2021;30(11):96—109. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-11-96-109.
3. Savinykh G. P. Formative Assessment as a Component of Internal Education Quality Assessment Systems. *Obrazovanie i samorazvitie = Education and Self Development*. 2022;17(4):139—149. (In Russ.) DOI: 10.26907/esd.17.4.11.
4. Fomina T. G., Filippova E. V., Morosanova V. I. Longitudinal Study of the Relationship Between Conscious Self-Regulation, School Engagement and Student Academic Achievement. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2021;26(5):30—42. (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2021260503.
5. Potanina A. M., Morosanova V. I. Psychological Resources of Adolescents' Achievement: Differential Aspects. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*. 2023;15(3):6—22. (In Russ.) DOI: 10.17759/psyedu.2023150301.
6. Fomina T. G., Filippova E. V., Ovanesbekova M. L., Morosanova V. I. Conscious Self-Regulation and School Engagement as Resources for Exam Success: A Longitudinal Study. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*. 2022;19(4):110—121. DOI: 10.21702/rpj.2022.4.7.
7. Morosanova V. I., Fomina T. G., Filippova E. V. Conscious self-regulation, school engagement, teaching quality as resources for students' subjective well-being and academic performance. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Lomonosov Psychology Journal*. 2025;48(1):55—77. (In Russ.) DOI: 10.11621/LPJ-25-03.
8. Pirogova A. S., Sakmarov Yu. A., Aryukova E. A. Methods of organizing the formation of students' cognitive interest in biology lessons. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2022;5:160—168. (In Russ.) DOI: 10.31862/2218-8711-2022-5-160-168.
9. Belozerova T. N., Pasechnik V. V., Kolesnik E. A. Methodological Aspects of the Organization of Individual and Group Education in Biology Lessons. *Moskovskii pedagogicheskii zhurnal = Moscow Pedagogical Journal*. 2025;2:36—49. (In Russ.) DOI: 10.18384/2949-4974-2025-2-36-49.
10. Khaustov S. A. Development of learning motivation by means of individual-group biology teaching in the 9th grade. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical education and science*. 2024;5:99—105. (In Russ.)
11. Arbuzova E. N., Nazarov S. V. Game technology as a condition for activating the educational and cognitive activity of schoolchildren. *Biologiya v shkole*. 2020;7:14—27. (In Russ.)
12. Borisova N. V., Arbuzova E. N. Formation of information culture of schoolchildren in biology classes by means of mobile learning technologies. Омск, KAN Publishing center, 2022. 192 p. (In Russ.)
13. Yan Z., Lao H., Panadero E. et al. Effects of self-assessment and peer-assessment interventions on academic performance: A meta-analysis // *Educational Research Review*. 2022;37:100484. DOI: 10.1016/j.edurev.2022.100484.
14. Yao Y., Amos M., Snider K., Brown T. The impact of formative assessment on K-12 learning: a meta-analysis. *Educational Research and Evaluation*. 2024;29(7—8):452—475. DOI: 10.1080/13803611.2024.2363831.
15. Karaman P. The Effect of Formative Assessment Practices on Student Learning: A Meta-Analysis Study. *International Journal of Assessment Tools in Education*. 2021;8(4):801—817. DOI: 10.21449/ijate.870300.

Статья поступила в редакцию 05.07.2026; одобрена после рецензирования 29.07.2026; принята к публикации 03.08.2026.
The article was submitted 05.07.2026; approved after reviewing 29.07.2026; accepted for publication 03.08.2026.

Научная статья
УДК 37.013.43
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1710

Victoria Vasilyevna Rudnik
Candidate at the Institute of Pedagogy,
field of training
5.8.1 — General pedagogy,
history of pedagogy and education,
St. Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation
rudnik.victoriya@yandex.ru

Виктория Васильевна Рудник
соискатель Института педагогики
по направлению подготовки
5.8.1 — Общая педагогика,
история педагогики и образования,
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
rudnik.victoriya@yandex.ru

ПЕДАГОГ-БИБЛИОТЕКАРЬ КАК СУБЪЕКТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ: СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Статья посвящена анализу профессиональной деятельности педагога-библиотекаря как субъекта образовательного процесса в условиях трансформации современной школьной библиотеки. Актуальность исследования обусловлена противоречием между нормативно закрепленными и фактически расширяющимися возможностями профессиональной деятельности педагога-библиотекаря, с одной стороны, и недостаточной теоретической разработанностью его субъектной позиции в образовательном процессе — с другой, что усиливается цифровизацией образования и внедрением технологий искусственного интеллекта.

Целью работы стала систематизация ключевых направлений профессиональной деятельности педагога-библиотекаря и характеристика специфики его интегративной деятельности, объединяющей библиотечно-информационные и педагогические функции. Исследование носит теоретический характер и опирается на анализ нормативно-правовых документов, научно-методической литературы по проблемам школьного библиотековедения и библиотечной педагогики, а также на сравнительный метод сопоставления традиционной и современной моделей деятельности специалиста школьной библиотеки. Работа выполнена в два этапа: анализ изменений статуса педагога-библиотекаря с 2011 г. по настоящее время на основе профессиональ-

ного стандарта «Специалист в области воспитания» и последующая характеристика выделенных направлений его деятельности.

В результате систематизированы восемь ключевых направлений: библиотечно-информационное, педагогическое (учебное и воспитательное), инновационно-технологическое, культурно-просветительское, консультационно-методическое, повышение квалификации, взаимодействие с партнерами и организационно-управленческое. Показано, что педагог-библиотекарь официально входит в состав педагогического коллектива и педагогического совета школы, что закрепляет его статус полноправного участника образовательных отношений наравне с учителями. Научная новизна исследования заключается в обосновании интегративного содержания профессиональной деятельности педагога-библиотекаря, объединяющей библиотечно-информационные и педагогические компетенции специалиста. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов при разработке должностных инструкций и программ повышения квалификации педагогов-библиотекарей.

Ключевые слова: педагог-библиотекарь, современная школа, школьная библиотека, профессиональная деятельность, субъект образовательного процесса, цифровая трансформация образования, информационная культура, генеративный искусственный интеллект, должностные инструкции, программы повышения квалификации педагогов-библиотекарей

Для цитирования: Рудник В. В. Педагог-библиотекарь как субъект образовательного процесса в современной школе: специфика профессиональной деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 574—579. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1710.

Original article

A TEACHER-LIBRARIAN AS A SUBJECT OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN A MODERN SCHOOL: THE SPECIFICS OF PROFESSIONAL ACTIVITY

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article is devoted to the analysis of the professional activity of a teacher-librarian as a subject of the educational process in the context of the transformation of a modern school library. The relevance of the study is due to the contradiction between the normatively established and actually expanding

opportunities for the professional activity of a teacher-librarian, on the one hand, and the insufficient theoretical development of his subject position in the educational process, on the other hand, which is exacerbated by the digitalization of education and the introduction of artificial intelligence technologies.

The purpose of the work was to systematize the key areas of professional activity of a teacher-librarian and to characterize the specifics of his integrative activity, which combines library and information and pedagogical functions. The study is of a theoretical nature and is based on the analysis of regulatory legal documents, scientific and methodological literature on the problems of school library science and library pedagogy, as well as on the comparative method of comparing the traditional and modern models of activity of a specialist of a school library. The work was carried out in two stages: an analysis of changes in the status of a teacher-librarian from 2011 to the present based on the professional standard "Specialist in the Field of Education" and a subsequent description of the identified areas of activity.

As a result, eight key areas were systematized: library and information, pedagogical (educational and upbringing), innovative and technological, cultural and educational, con-

sulting and methodological, professional development, interaction with partners, and organizational and managerial. It has been shown that a teacher-librarian is officially part of the school's teaching staff and pedagogical council, which establishes their status as a full-fledged participant in educational relations, on an equal footing with teachers. The scientific novelty of the study lies in substantiating the integrative content of a teacher-librarian's professional activity, which combines library and information and pedagogical competencies. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in the development of job descriptions and advanced training programs for teacher-librarians.

Keywords: teacher-librarian, modern school, school library, professional activity, subject of the educational process, digital transformation of education, information culture, generative artificial intelligence, job descriptions, advanced training programs for teacher-librarians

For citation: Rudnik V. V. A teacher-librarian as a subject of the educational process in a modern school: the specifics of professional activity. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):574—579. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1710.

Введение

Современная школа переживает этап трансформации, обусловленный цифровизацией образования, внедрением технологий искусственного интеллекта, пересмотром традиционных ролей участников образовательного процесса. В этих условиях особую значимость приобретает фигура педагога-библиотекаря, чей профессиональный статус и функционал претерпевают существенные изменения.

Актуальность исследования определяется противоречием между нормативно закрепленными и фактически расширяющимися возможностями профессиональной деятельности педагога-библиотекаря, с одной стороны, и недостаточной теоретической разработанностью его субъектной позиции в образовательном процессе — с другой. В условиях реализации новых федеральных государственных образовательных стандартов сформулированы обязательные требования к программам развития универсальных учебных действий обучающихся при получении среднего общего образования, которые обеспечивают «безопасное использование цифровых технологий, обеспечивающих повышение качества результатов образования». Педагог-библиотекарь содействует формированию у обучающихся универсальных учебных действий, разрабатывая социально-педагогические программы воспитания информационной культуры, организуя внеурочную деятельность, направленную на реализацию личных образовательных траекторий, что напрямую коррелирует с задачами обучения работе с искусственным интеллектом, который также требует метапредметных компетенций [1]. В связи с этим возникает необходимость систематизации ключевых направлений работы педагога-библиотекаря и обоснования его статуса как полноправного субъекта образовательного процесса.

Степень изученности проблемы. Вопросы статуса и функций как школьного библиотекаря, так и педагога-библиотекаря рассматривались в работах отечественных педагогов и библиотековедов: В. А. и С. М. Бородиных, Н. И. Гендиной, Г. А. Ивановой, Т. Д. Жуковой, А. В. Соколова, Ю. Н. Столярова, И. И. Тихомировой, В. П. Чудиновой. Значительный вклад в осмысление педагогической миссии педагога-библиотекаря внес А. В. Соколов [2—4],

в его работах проанализированы этапы становления профессии, ее значимость в образовательном пространстве, определены необходимые профессиональные характеристики специалиста. Н. И. Гендина [5; 6] обосновала концепцию информационной культуры личности педагога-библиотекаря. В. А. и С. М. Бородины [7] разработали основы читательского развития личности, закрепившие за педагогом-библиотекарем статус специалиста, целенаправленно формирующего у школьников культуру чтения и информационную компетентность с учетом их возрастных и психологических особенностей. Ю. Н. Столяров [8] рассматривал библиотечную педагогику как научную дисциплину на стыке педагогики и библиотековедения. В трудах И. И. Тихомировой [9; 10] детально раскрыты направления педагогической деятельности сотрудника школьной библиотеки. В. П. Чудинова [11], Г. А. Иванова [12], Н. И. Гендина [13], Е. В. Иванова [14] изучали аспекты деятельности педагога-библиотекаря с учетом зарубежного опыта. Анализ современных исследований показывает, что одним из ключевых направлений в развитии профессии становится ее цифровая трансформация. Н. В. Кубрак [15; 16] и Д. А. Иванченко [17] рассматривают теоретические и организационные основы модернизации, представляют модели информационно-библиотечного центра и развития цифровой грамотности библиотекаря. Вопросы формирования цифровых компетенций педагога-библиотекаря находят отражение в работах С. В. Олефир [1] и Е. В. Качевой [18].

Целесообразность разработки темы состоит в необходимости разрешения объективного противоречия между расширяющимся функционалом педагога-библиотекаря в условиях цифровой трансформации и внедрения искусственного интеллекта, с одной стороны, и недостаточной теоретической разработанностью его субъектной позиции в образовательном процессе, с другой, причем предлагаемое исследование восполняет этот пробел, создавая целостное представление о профессиональной деятельности специалиста нового типа и имея выраженную практическую значимость для обновления программ подготовки, аттестации и методического сопровождения педагогов-библиотекарей в соответствии с требованиями обновленных федеральных государственных образовательных стандартов.

Цель исследования — систематизация ключевых направлений профессиональной деятельности педагога-библиотекаря и характеристика специфики его интегративной деятельности.

Задачи исследования включают:

- анализ нормативно-правовых и научно-педагогических источников, определяющих статус педагога-библиотекаря;
- систематизацию ключевых направлений профессиональной деятельности педагога-библиотекаря.

Научной новизной обладают следующие результаты, полученные на основе исследования:

- систематизированы и содержательно охарактеризованы восемь ключевых направлений профессиональной деятельности педагога-библиотекаря как субъекта образовательного процесса;
- обоснован интегративный характер его деятельности, объединяющий библиотечно-информационные и педагогические компетенции;
- обоснована уникальная роль педагога-библиотекаря как интегратора информационных и образовательных потоков школы, что позволяет рассматривать его как полноправного субъекта образовательного процесса, а не вспомогательного специалиста.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении содержания профессиональной деятельности педагога-библиотекаря как субъекта образовательного процесса. **Практическая значимость** результатов исследования определяется возможностью их использования при разработке должностных инструкций, программ повышения квалификации педагогов-библиотекарей, а также при проектировании содержания их профессиональной деятельности.

Основная часть

Методология и методы исследования. Исследование носит теоретический характер и опирается на следующие методы: анализ нормативно-правовых документов; анализ научно-методической литературы по проблемам школьного библиотековедения и библиотечной педагогики; сравнительный метод для сопоставления традиционной и современной моделей деятельности специалиста школьной библиотеки. Теоретико-методологической основой послужили положения о библиотечной педагогике как самостоятельной области педагогического знания, а также концепции модернизации школьной библиотеки в условиях цифровой трансформации образования. Исследование проводилось в два этапа: на первом этапе на основе нормативно-правовых документов и научных публикаций был проведен анализ изменения статуса педагога-библиотекаря с 2011 г. по настоящее время; выделены ключевые направления деятельности на основе профессионального стандарта «Специалист в области воспитания»; второй этап был посвящен характеристике ключевых направлений профессиональной деятельности педагога-библиотекаря как субъекта образовательного процесса.

Результаты исследования. Становление профессии «педагог-библиотекарь» в России проходило в несколько этапов, закрепленных нормативно-правовыми документами и научно-методическими разработками ведущих библиотековедов. В 2004 г. была создана Русская школьная библиотечная ассоциация (с 2015 г. — Ассоциация школьных библиотекарей Русского Мира; далее — РШБА), которая стала главным информационным порталом для школьных

библиотекарей России. РШБА инициировала изменения в законодательстве для укрепления школьных библиотек и повышения статуса их сотрудников. 31 мая 2011 г. Президент РФ В. В. Путин на VI съезде Всероссийского педагогического собрания объявил о введении новой должности «педагог-библиотекарь». Приказ Минздравсоцразвития РФ от 31 мая 2011 г. № 448н официально включил эту должность в раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования», а Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепил право образовательных организаций на формирование собственной образовательной среды, включающей библиотечно-информационное обеспечение. Разработанные в 2014—2017 гг. профессиональный стандарт «Специалист в области воспитания» и Концепция развития школьных информационно-библиотечных центров нормативно закрепили переход школьной библиотеки от фондоцентричной модели, где приоритетом выступало комплектование и сохранность фонда, к библиотечно-педагогической модели, где ведущей становится педагогическая деятельность, направленная на формирование информационной культуры и развитие читательских компетенций обучающихся. Важным инструментом методической поддержки стали публикации РШБА и деятельность федерального информационно-методического центра (ФИМЦ), которые обеспечивали повышение квалификации и профессиональное развитие специалистов.

Отечественные и зарубежные исследования фиксируют общую тенденцию: педагог-библиотекарь рассматривается как специалист, работающий на стыке библиотечного дела, педагогики и цифровых технологий, при этом в России его статус закреплен за педагогическими работниками, а за рубежом — за медиаспециалистами. Сравнительный анализ должностных инструкций показывает, что ключевое отличие педагога-библиотекаря от классического школьного библиотекаря заключается в интеграции библиотечно-информационной и педагогической деятельности. Для работы педагога-библиотекаря характерна, не только работа с фондом, но и участие в реализации образовательных программ, осуществление дополнительного образования, взаимодействие с педагогическим коллективом и родителями, организация воспитательных мероприятий. Трансформация профессиональной модели проявляется в трех основных измерениях: добавлены педагогические и цифровые навыки, школьная библиотека становится многофункциональным образовательным центром, а взаимодействие с учителями преобразовывается в системное педагогическое партнерство. Повысились требования к квалификации специалиста (необходимо высшее педагогическое или библиотечное образование), что подтверждает усиление педагогической составляющей профессии.

К 2020-м гг. сложилась теоретическая и нормативная база, определяющая педагога-библиотекаря как субъекта образовательного процесса, однако практическая реализация его позиции остается дискуссионной и требует дальнейшего научного осмысления. Роль педагога-библиотекаря в современной образовательной системе Российской Федерации активно трансформируется под влиянием цифровизации. На Заседании Совета по реализации госполитики в сфере поддержки русского языка 5 ноября 2024 г. Президент РФ назвал педагогов-библиотекарей авторитетными, знающими наставниками, активно участвующими в воспитательном процессе.

Профессиональный стандарт прямо называет в числе трудовых функций педагога-библиотекаря формирование информационной культуры обучающихся, организационно-методическое обеспечение развития интереса к чтению и воспитание личности средствами книги, что выходит далеко за пределы библиотечного обслуживания. Таким образом, современная модель профессиональной деятельности педагога-библиотекаря представляет собой интегративную практику, работающую на стыке педагогики, библиотечного дела и информационно-коммуникационных технологий. Педагог-библиотекарь участвует во всех аспектах образовательного процесса: удовлетворяет информационные запросы; создает мно-

гофункциональную образовательную среду, сочетающую элементы традиционного библиотечного пространства и современного информационно-образовательного центра. Уникальность статуса характеризуется тем, что педагог-библиотекарь выступает интегратором всех информационных и образовательных потоков школы. На основе теоретического анализа выделены ключевые направления деятельности педагога-библиотекаря как субъекта образовательного процесса: библиотечно-информационная, педагогическая (учебная и воспитательная), инновационно-технологическая, культурно-просветительская, консультационно-методическая, взаимодействие с партнерами; повышение квалификации (см. табл.).

Ключевые направления деятельности педагога-библиотекаря

Направление деятельности	Основное содержание	Формы и методы работы
Библиотечно-информационная	Библиотечно-информационное обслуживание педагогов, учащихся и родителей; организация библиотечного пространства (работа читального зала и абонемента); формирование фонда школьной библиотеки: комплектование, каталогизация, выдача литературы	Книговыдача, выставки книг, библиографические обзоры, картотеки и каталоги, рекомендательные списки, тематические папки, тематические дайджесты, тематические справки. Оформление библиотеки: создание зон для работы (совместной работы и тишины), эстетичность и информационная насыщенность и обновляемость среды
Педагогическая: учебная и воспитательная	Обеспечение обучающихся учебными и дополнительными источниками, сопровождение учебного процесса. Реализация образовательных программ по информационной культуре и читательской грамотности. Проектная исследовательская деятельность. Индивидуальная работа с одаренными детьми или теми, кто испытывает трудности в чтении, поддержка одаренных детей и детей с особыми потребностями	Тематические подборки; библиотечные уроки; рекомендательные беседы; обучение навыкам поиска, отбора и анализа информации; формирование навыков работы с электронными образовательными ресурсами; сопровождение проектной деятельности; индивидуальные консультации; библиографические практикумы; тренинги по академическому письму и цитированию
Инновационно-технологическая	Внедрение цифровых технологий в библиотечно-педагогическую практику; развитие цифровых сервисов; обучение работе с базами данных, интернет-ресурсами, электронно-библиотечными системами; основам информационной безопасности; работа с медиаматериалами	Практикумы и модули по информационной грамотности; ведение электронного каталога, автоматизация учета; создание цифрового контента, медиапроекты; ведение сайта/блога/страницы библиотеки в соцсетях, создание буктрейлеров, интерактивных плакатов, онлайн-викторин
Культурно-просветительская	Проведение массовых мероприятий и внеурочная занятость; создание привлекательной литературной среды, реализация инклюзивных библиотечных программ	Организация и проведение литературных игр, турниров, викторин, дискуссионных клубов, праздников книги, литературных гостиных, конкурсов чтецов, тематических выставок к юбилейным датам, встреч с писателями, тематических недель
Консультационно-методическая	Помощь педагогам в подборе методических материалов к урокам; участие в разработке учебных программ по формированию информационной грамотности; консультирование по вопросам использования цифровых образовательных ресурсов; взаимодействие с методическими объединениями учителей	Создание рекомендательных методических списков, памяток, проведение обзоров новинок для учителей, подбор литературы и медиаресурсов к урокам и внеклассным мероприятиям; консультации по вопросам использования ресурсов библиотек
Повышение квалификации	Непрерывное профессиональное обучение: участие в профессиональных сообществах; участие в конкурсах профессионального мастерства; изучение и внедрение передового библиотечного опыта, адаптация к технологическим изменениям	Самообразование, стажировки; ведение профессионального портфолио; публикации и методические разработки; повышение квалификации (не реже 1 раза в 3 года); аттестация на категорию
Взаимодействие с партнерами	Создание единого педагогического пространства: партнерство семьи, школы и библиотеки; вовлечение родителей в читательскую деятельность; взаимодействие с городскими/районными библиотеками, музеями, литературными объединениями, научными центрами, участие в сетевых проектах. Сотрудничество с учреждениями культуры. Связь с издательствами и книготорговыми организациями	Родительские лектории; педсоветы; совместные проекты; консультации для родителей по детскому чтению, организация семейных литературных мероприятий; участие в акциях, получение информации о литературных новинках
Организационно-управленческая	Обеспечение эффективного функционирования библиотеки как структурного подразделения. Организация образовательного пространства и обеспечение доступной среды. Планирование и отчетность	Комплектование, учет и обработка фонда (каталогизация, систематизация, техническая обработка, списание устаревшей литературы). Планы, отчеты, аналитика

Профессиональная деятельность педагога-библиотекаря как субъекта образовательного процесса представляет собой многофункциональный вид деятельности, требующий владения широким спектром компетенций — от традиционных библиотечных до современных цифровых. Особенность профессии педагога-библиотекаря состоит в ее многофункциональности: метапредметные знания, навыки и умения, прежде всего связанные с использованием метаданных, современных стилей и эффективных методов работы с текстами, книгой, информацией, становятся новой характеристикой деятельности специалиста в школе. Обучение XXI в. — прежде всего процесс создания условий, при которых становится возможным приобретение знаний самими обучающимися, их активное и продуктивное творчество. Согласно должностным инструкциям, педагог-библиотекарь не только обеспечивает доступ к информации, но и обучает рациональным способам ведения самостоятельной учебной и проектной деятельности, формирует информационную культуру, работает на стыке педагогики, психологии и библиографии, что позволяет ему видеть обра-

зовательный процесс целостно. В условиях цифровизации и внедрения искусственного интеллекта педагог-библиотекарь выступает в роли навигатора в информационном пространстве, медиаспециалиста и куратора проектной деятельности, эксперта по работе с цифровыми ресурсами.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что профессиональная деятельность педагога-библиотекаря в современной школе не сводится к традиционному библиотечно-фондовому обслуживанию, а представляет собой много направленную педагогическую практику. Специфика деятельности педагога-библиотекаря заключается в синтезе библиотечно-информационных и собственно педагогических функций, что подтверждается как нормативно-правовыми документами, так и складывающейся практикой работы информационно-библиотечных центров. Это дает основание рассматривать педагога-библиотекаря как полноправного субъекта образовательного процесса, вносящего самостоятельный вклад в достижение образовательных результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Олефир С. В. Цифровые компетенции педагога-библиотекаря общеобразовательной организации: структура и формирование // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2022. № 1(50). С. 15—23.
2. Соколов А. В. Рождение профессии // Школьная библиотека. 2017. № 2. С. 11—26.
3. Соколов А. В. Педагог-библиотекарь и библиотечная педагогика // Школьная библиотека. 2013. № 9—10. С. 39—45.
4. Соколов А. В. Эссе о библиотечной постсовременности // Вестник культуры и искусств. 2020. № 1(61). С. 7—18.
5. Гендина Н. И. Информационная культура личности и чтение в контексте интегративного подхода ИФЛА и ЮНЕСКО к медиа и информационной грамотности // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы IX Междунар. науч. семинара : в 2 ч. М. : Наука, 2018. Ч. I. С. 100—103.
6. Гендина Н. И., Стародубова Г. А., Рябцева Л. Н. Профессиональный стандарт «Педагог-библиотекарь»: опыт разработки и проблемы внедрения // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 36. С. 193—206.
7. Бородин В. А. Педагог-библиотекарь как когнитолог чтения: стратегия профессионализации // Школьная библиотека. 2024. № 6. С. 4—7.
8. Столяров Ю. Н. Задачи библиотечного читателеведения // Чтение на евразийском перекрестке : Шестой Междунар. интеллектуал. форум : материалы форума. Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2022. С. 45—53.
9. Тихомирова И. И. Художественная литература и дети : кн. для тех, кто делает Россию читающей. М. : РШБА, 2021. 183 с.
10. Тихомирова И. О творческом чтении, или Как воспитать талантливого читателя. Экскурс в историю вопроса // Школьная библиотека. 2008. № 8—9. С. 44—52.
11. Чудинова В. П. Поддержка чтения подрастающего поколения за рубежом: роль и возможности библиотек // Университетская книга. 2017. № 4. С. 50—54.
12. Иванова Г. А. Библиотечное обслуживание детей и юношества в России и за рубежом: поиск современных подходов // Культура: теория и практика. 2021. № 3(42). URL: <http://theoryofculture.ru/issues/120/1467/>.
13. Библиотечное обслуживание молодежи в Японии, России и США / ред. Л. Фармер ; пом. ред. Н. Гендина, Ю. Накумура. М. : РШБА, 2013. 392 с.
14. Иванова Е. В. Что делает педагог-библиотекарь? Из анкет зарубежных коллег // Библиотека в школе. 2013. № 11. С. 17—21.
15. Кубрак Н. В. Модернизация школьных библиотек в условиях цифровой трансформации образования // Проблемы современного образования. 2020. № 6. С. 199—205. DOI: 10.31862/2218-8711-2020-6-199-205.
16. Камка С. В., Иванченко Д. А., Кубрак Н. В. Развитие цифровой грамотности библиотекаря образовательной организации как ключевой профессиональной компетенции // Человек и образование. 2023. № 4(77). С. 83—94. DOI: 10.54884/1815-7041-2023-77-4-83-94.
17. Иванченко Д. А. Модернизация школьной библиотеки в условиях цифровой трансформации: предпосылки, модели, инструменты : моногр. М. : Директ-Медиа, 2024. 172 с.
18. Качева Е. В. Развитие профессиональных компетенций педагога-библиотекаря в цифровой образовательной среде: опыт реализации программы повышения квалификации // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2022. № 2(51). С. 109—117.

REFERENCE

1. Olefir S. V. Digital competencies of a teacher-librarian: structure and formation. *Nauchnoe obespechenie sistemy povyshe-niya kvalifikatsii kadrov = Scientific support of a system of advanced training*. 2022;1(50):15—23. (In Russ.)
2. Sokolov A. V. The birth of a profession. *Shkol'naya biblioteka*. 2017;2:11—26. (In Russ.)
3. Sokolov A. V. Teacher-librarian and library pedagogy. *Shkol'naya biblioteka*. 2013;9—10:39—45. (In Russ.)

4. Sokolov A. Essay on library postmodernity. *Vestnik kul'tury i iskusstv = Culture and arts herald*. 2020;1(61): 7—18. (In Russ.)
5. Gendina N. I. Personal information culture and reading in the context of IFLA and UNESCO integrative approach to media and information literacy. *Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya = Modern problems of book culture: main trends and prospects of development. Proceedings of the IX International scientific seminar*. Moscow, Nauka, 2018;1:100—103. (In Russ.)
6. Gendina N. I., Starodubova G. A., Ryabtseva L. N. The professional “Teacher-librarian” standard: design experience and realization problems. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2016;36:193—206. (In Russ.)
7. Borodina V. A. The librarian-teacher as a reading cognition expert: a strategy for professionalization. *Shkol'naya biblioteka*. 2024;6:4—7. (In Russ.)
8. Stolyarov Yu. N. Tasks of library reading. *Chtenie na evraziiskom perekrestke = Reading at the Eurasian crossroads. Sixth International intellectual forum. Proceedings*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Institute of Culture publ., 2022:45—53. (In Russ.)
9. Tikhomirova I. I. Fiction and children. Book for those who make Russia read. Moscow, Russian School Library Association publ., 2021. 183 p. (In Russ.)
10. Tikhomirova I. On creative reading, or How to raise a talented reader. An excursion into the history of the issue. *Shkol'naya biblioteka*. 2008;8—9:44—52. (In Russ.)
11. Chudinova V. P. Support for reading by the younger generation abroad: the role and opportunities of libraries. *Universitetskaya kniga*. 2017;4:50—54. (In Russ.)
12. Ivanova G. A. Library services for children and youth in Russia and abroad: the search for modern approaches. *Kul'tura: teoriya i praktika*. 2021;3(42). (In Russ.) URL: <http://theoryofculture.ru/issues/120/1467/>.
13. Library services for youth in Japan, Russia, and the United States. L. Farmer (ed.); N. Gendina, Y. Nakamura (assist.). Moscow, Russian School Library Association publ., 2013. 392 p. (In Russ.)
14. Ivanova E. V. What does a teacher-librarian do? From the questionnaires of foreign colleagues. *Biblioteka v shkole*. 2013;11:17—21. (In Russ.)
15. Kubrak N. V. Modernization of school libraries in the context of digital transformation of education. *Problemy sovremen-nogo obrazovaniya*. 2020;6:199—205. (In Russ.) DOI: 10.31862/2218-8711-2020-6-199-205.
16. Kamka S. V., Ivanchenko D. A., Kubrak N. V. Developing digital literacy as a key professional competency for the librarian of an educational organization. *Chelovek i obrazovanie = Man and Education*. 2023;4:83—94. (In Russ.) DOI: 10.54884/1815-7041-2023-77-4-83-94.
17. Ivanchenko D. A. Modernizing a school library in the context of digital transformation: prerequisites, models, and tools. Monograph. Moscow, Direkt-Media, 2024. 172 p. (In Russ.)
18. Kacheva E. V. Development of professional competencies of a teacher-librarian in the digital educational environment: the experience of the advanced training program. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov = Scientific support of a system of advanced training*. 2022;2(51):109—117. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.06.2026; одобрена после рецензирования 24.07.2026; принята к публикации 27.07.2026.
The article was submitted 30.06.2026; approved after reviewing 24.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

Научная статья
УДК 37.033:502/504
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1739

Mikhail Olegovich Sergeev
Postgraduate of the Department of Pedagogy,
field of training
44.06.01 — Education and pedagogical sciences,
Ulyanovsk State
University of Education
Ulyanovsk, Russian Federation
sergeev.1999@inbox.ru

Михаил Олегович Сергеев
аспирант кафедры педагогики,
направление подготовки
44.06.01 — Образование и педагогические науки,
Ульяновский государственный
педагогический университет имени И. Н. Ульянова
Ульяновск, Российская Федерация
sergeev.1999@inbox.ru

ВКЛЮЧЕНИЕ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ В РЕШЕНИЕ КОМПЛЕКСА СИТУАЦИОННЫХ ЗАДАНИЙ (КЕЙСОВ) КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье обосновывается педагогическое условие формирования ответственного природопользования старших подростков учреждений дополнительного образования — включение обучающихся в решение комплекса ситуационных заданий (кейсов), моделирующих реальные экологические и социально-природные противоречия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления репродуктивного подхода в экологическом образовании и перехода к личностно-ориентированным формам работы, обеспечивающим становление субъектной позиции подростка во взаимодействии с окружающей средой.

Теоретической базой выступают положения педагогики ситуаций и смыслов творчества, на основе которых уточняется сущностная характеристика понятия «ответственное природопользование учащихся», операционализируемого как интегративное качество личности, включающее систему экологических знаний, умения экологически ориентированной деятельности, способность к критической оценке последствий своих действий и опыт практического взаимодействия с природными и социальными субъектами. Предложена авторская типология из четырех групп ситуационных заданий: анализ экологических последствий повседневной деятельности; ценностный

выбор в условиях экологической альтернативы; социально-экологическое взаимодействие; эмоционально-ценностный контакт с природой. По каждой группе приведены примеры кейсов («Куда девается мусор из моего ведра?», «Дорогая экология?», «Вторая жизнь вещей», «Точка на карте» и др.) с описанием ведущих методов (экологическая рефлексия, идентификация, эмпатия, проектирование) и поэтапной методики реализации (погружение, анализ, поиск альтернатив, принятие решения, проектная реализация, рефлексия).

Апробация подтвердила, что предложенное условие способствует формированию ответственного природопользования, развитию критического мышления, умению принимать обоснованные решения в условиях неопределенности, становлению ценностного отношения к природе как субъекту взаимодействия и приобретению опыта практической природоохранной деятельности.

Ключевые слова: ответственное природопользование, старшие подростки, дополнительное образование, ситуационные задания, кейс-технология, экологическое образование, педагогические условия, экологическая рефлексия, ценностный выбор, социально-экологическое взаимодействие, эмоционально-ценностный контакт с природой, критическое мышление

Для цитирования: Сергеев М. О. Включение старших подростков в решение комплекса ситуационных заданий (кейсов) как педагогическое условие формирования ответственного природопользования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 580—585. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1739.

Original article

ENGAGING OLDER ADOLESCENTS IN SOLVING SITUATIONAL TASKS (CASE STUDIES) AS A PEDAGOGICAL CONDITION FOR FOSTERING RESPONSIBLE USE OF NATURAL RESOURCES

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article substantiates the pedagogical condition for fostering responsible use of natural resources older adolescents in supplementary education institutions — namely, involving students in solving a series of situational problems (case studies) that simulate real-world environmental

and socio-ecological conflicts. The relevance of this study stems from the need to move beyond a reproductive approach in environmental education and transition to person-centered forms of instruction that foster the development of adolescents' active engagement with the environment.

The theoretical foundation is provided by the principles of situational pedagogy and meaning-making, on the basis of which the essential characteristics of the concept of “students’ responsible use of nature” are clarified, operationalized as an integrative personal quality that encompasses a system of environmental knowledge, skills for environmentally oriented activities, the ability to critically assess the consequences of one’s actions, and experience in practical interaction with natural and social entities. The author proposes a typology consisting of four groups of situational tasks: analysis of the environmental consequences of everyday activities; value-based choices in the context of environmental alternatives; socio-environmental interaction; and emotional and value-based contact with nature. For each group, examples of case studies are provided (“Where Does the Trash from My Trash Can Go?”, “Is Environmental Protection Expensive?”, “A Second Life for Things,” “A Point on the Map,” etc.)

with descriptions of the key methods (environmental reflection, identification, empathy, design) and a step-by-step implementation process (immersion, analysis, exploring alternatives, decision-making, project implementation, reflection).

The testing confirmed that the proposed approach promotes responsible use of natural resources, the development of critical thinking, the ability to make informed decisions under conditions of uncertainty, the formation of a value-based attitude toward nature as a partner in interaction, and the acquisition of practical experience in environmental conservation activities.

Keywords: *responsible use of natural resources, older adolescents, supplementary education, situational tasks, case study methodology, environmental education, pedagogical conditions, environmental reflection, value-based choices, socio-environmental interaction, emotional and value-based connection with nature, critical thinking*

For citation: Sergeev M. O. Engaging older adolescents in solving situational tasks (case studies) as a pedagogical condition for fostering responsible use of natural resources. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):580—585. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1739.

Введение

Актуальность. Современная экологическая ситуация актуализирует формирование у подрастающего поколения ответственного природопользования как интегративного качества, предполагающего не только знания, но и критическую оценку последствий собственных действий, ценностное отношение к природе и практический опыт. Особенно значимо данное качество личности для старших подростков в силу их возрастных особенностей (становление мировоззрения, рефлексия, готовность к самостоятельным действиям). Эффективным инструментом в формировании которого выступают ситуационные задания (кейсы), моделирующие противоречия в системе «человек — природа — общество», однако их потенциал в процессе формирования ответственного природопользования именно в условиях дополнительного образования изучен недостаточно.

Степень изученности проблемы. Анализ научных публикаций М. С. Ефремовой [1], И. А. Федоркиной [2], Н. А. Крутовой [3] последних лет показывает, что проблематика экологического образования и воспитания остается одной из центральных в педагогической науке, что напрямую связано с обострением экологических вызовов. Однако, как справедливо отмечает большинство исследователей, основная масса работ традиционно сосредоточена на формировании экологических знаний и умений в рамках школьного обучения.

В этом контексте следует выделить методические разработки А. Н. Тимофеева [4], который детально рассматривают вопросы преподавания экологии как самостоятельной дисциплины в школе, акцентируя внимание на содержательном и процессуальном аспектах. Дополнительно проблематика экологической ответственности получает развитие в работах В. С. Добрыгина [5], который выявляет и обосновывает структурные компоненты экологической ответственности студентов вузов, что вносит вклад в понимание данного феномена на уровне высшего образования. Глубинные психологические механизмы, лежащие в основе ценностного отношения к природе, раскрывает экopsихологическая концепция В. И. Панова [6], который акцентирует роль эмоционально-чувственного опыта как базиса для формирования ответственного природопользования.

В последние годы активно разрабатывается инструментарий кейс-технологии в экологическом образовании. Так, Е. Г. Митина с соавторами исследуют применение учебных кейсов экологического содержания в условиях смешанного обучения [7], а И. А. Ерина обосновывает эффективность кейс-метода для формирования коммуникативной компетентности обучающихся, что свидетельствует о его широких дидактических возможностях [8]. Также особого внимания заслуживает работа С. А. Саакяна [9], который убедительно показал целесообразность применения кейс-технологии в экологическом образовании младших школьников. Однако, как констатирует сам автор, для старших подростков и тем более для системы дополнительного образования подобные разработки носят единичный характер, что создает значительный исследовательский пробел.

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования составляют работы, посвященные экологическому воспитанию и устойчивому развитию С. Ю. Гатауллиной и С. Б. Ярусова [10] и И. А. Агафоновой [11], а также современные концепции персонализации и цифровизации образования в работах М. Х. Джабиевой и Д. С. Ермакова [12], которые открывают новые горизонты для конструирования ситуационных заданий. В рамках нашего подхода ситуационное задание трактуется как педагогическое условие формирования ответственного природопользования у старших подростков в учреждениях дополнительного образования, актуализирующее процессы анализа, рефлексии и выбора. Принципиальное отличие от традиционной учебной задачи, подчеркиваемое в исследованиях Д. Е. Акимши и С. К. Мусиной [13], Н. Ф. Винокуровой и А. А. Лощиловой [14], заключается в неопределенности, альтернативности решений и личностной значимости для обучающегося. Дополнительный контекст для развития экологической ответственности задают актуальные вопросы «зеленой таксономии», рассматриваемые А. В. Биткиной и П. С. Щербаченко [15]

Целесообразность разработки темы. Обусловленная гибкостью дополнительного образования, позволяющей моделировать реальные экологические ситуации,

сензитивностью старшего подросткового возраста к ценностным ориентациям и рефлексии, а также недостаточностью существующих информационных программ, не дающих опыта практического принятия решений, что особенно важно для повышения экологической активности молодежи.

Цель исследования — теоретически обосновать педагогическое условие формирования ответственного природопользования старших подростков в дополнительном образовании — включение в решение комплекса ситуационных заданий и представить их типологию с примерами.

Задачи исследования:

1. Разработать типологию ситуационных заданий, моделирующих противоречия в системе «человек — природа — общество», и привести примеры.

2. Теоретически обосновать включение данных заданий в образовательный процесс и охарактеризовать механизмы реализации.

Ключевым понятием выступает «ответственное природопользование учащихся», операционализируемое как интегративное качество личности, включающее:

1) систему знаний о взаимосвязях в природе, экологических проблемах и способах их решения;

2) умения экологически ориентированной деятельности (ресурсосбережение, обращение с отходами, рациональное потребление);

3) способность критически оценивать экологические последствия своих действий на основе ценностей (бережливость, ответственность, уважение к жизни);

4) опыт взаимодействия с субъектами (сверстники, сообщество, природные объекты) в разрешении экологических проблем.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– впервые в качестве **педагогического условия** формирования ответственного природопользования у старших подростков предложено включение в комплекс **ситуационных заданий (кейсов)** экологической направленности, сконструированных на основе принципов неопределенности, альтернативности и личностной значимости;

– разработана типология таких заданий (содержательная характеристика которой будет представлена ниже), что расширяет инструментарий педагогов дополнительного образования.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении понятийно-категориального аппарата педагогики дополнительного образования в части экологического воспитания, в обосновании возможностей ситуационного подхода (кейс-технологии) как средства формирования личностных характеристик, а также в развитии представлений о возрастной динамике становления ответственного природопользования у подростков.

Практическая значимость заключается в том, что разработанные типология и примеры ситуационных заданий могут быть непосредственно использованы педагогами дополнительного образования, классными руководителями и организаторами внеурочной деятельности. Предложенное педагогическое условие допускает вариативное применение в различных образовательных программах эколого-биологического, краеведческого и социально-гуманитарного профилей, что позволяет повысить эффективность воспитательной работы по формированию экологической ответственности у молодежи.

Основная часть

Методология исследования. Исходя из сущностной характеристики ответственного природопользования, в рамках настоящего исследования выделены и апробированы четыре группы ситуационных заданий (кейсов), различающихся по типу моделируемых противоречий, ведущим методам и характеру деятельности обучающихся.

Результаты исследования. Нами предлагается следующая типология ситуационных заданий:

1. **Ситуации анализа экологических последствий повседневной деятельности.** В составе данной группы выделены два типа заданий: ситуации-проблемы локального характера и ситуации-оценки. Ведущим методом выступает экологическая рефлексия, понимаемая как педагогическая актуализация самоанализа учащимися собственных действий и поступков с точки зрения их экологической целесообразности. Ведущая ценность — дом как пространство жизни, требующее заботы; ведущая идея — осознание того, что глобальные экологические проблемы складываются из множества локальных действий каждого человека.

Примеры: кейс «Куда девается мусор из моего ведра?», предполагающий мини-исследование состава отходов, построение маршрута их движения от мусоропровода до полигона или мусоросжигательного завода, а также составление личного плана «Ноль отходов»; кейс «Мой водный след», включающий ведение дневника водопотребления, расчет индивидуального и семейного объема потребления воды с использованием специальных калькуляторов, разработку памятки по сокращению водного следа.

2. **Ситуации ценностного выбора в условиях экологической альтернативы.** Данная группа представлена ситуациями-дилеммами, моделирующими реальные жизненные обстоятельства, требующие от учащегося осознанного выбора между несколькими альтернативами, имеющими различные экологические последствия. Ведущий метод — экологическая идентификация, заключающаяся в педагогической актуализации постановки школьниками себя на место природного объекта либо учете интересов будущих поколений. Ведущая ценность — мера как способность к разумному самоограничению и отказу от избыточного потребления; ведущая идея — понимание того, что любое потребительское решение имеет свою экологическую цену.

Примеры: кейс «Дорогая экология?», в рамках которого учащиеся в групповой дискуссии сравнивают сценарий покупки дешевых товаров с высоким экологическим следом и сценарий приобретения сертифицированной экологичной продукции; кейс «Этикетка с секретом», направленный на распознавание подлинной экологической маркировки и формирование критического отношения к маркетинговым уловкам («гринвошинг»).

3. **Ситуации социально-экологического взаимодействия.** Эта группа реализуется в форме учебных ситуаций-проектов («Преобразование»), моделирующих участие школьников в реальной природоохранной и волонтерской деятельности. Ведущий метод — экологическое проектирование. Ведущая ценность — общее дело, понимаемое как солидарность и способность к совместным действиям ради решения экологических проблем; ведущая идея — ответственное природопользование предполагает активное участие в преобразовании окружающей среды и вовлечение в эту деятельность других людей.

Примеры: кейс «Вторая жизнь вещей» (разработка проекта проведения субботника или лесопосадки, мастер-класса по пошиву многоразовых сумок из старых тканей, акции по сбору и передаче одежды в благотворительные организации или пункты переработки); кейс «Зеленый маршрут моего района» (проектирование экологической тропы, включающее исследование территории, опрос местных жителей, взаимодействие с специалистами природоохранной сферы). Реализация заданий осуществляется поэтапно: исследовательский этап (изучение проблемы), проектный этап (разработка концепции), реализационный этап (проведение мероприятия/защита проекта перед другими участниками и экспертами) и рефлексивный этап (анализ результатов и трудностей).

4. Ситуации эмоционально-ценностного контакта с природой. Данная группа представлена ситуациями-встречами («Диалог с природой»), направленными на развитие эмпатии, чувства сопричастности к миру природы как глубинной основы ответственного природопользования. Ведущие методы — экологическая эмпатия (педагогическая актуализация сопереживания состоянию живого существа) и экологическая идентификация (постановка себя на место природного объекта). Ведущие ценности — жизнь и красота, понимаемые как самоценность природного мира независимо от его полезности для человека; ведущая идея — ответственное отношение к природе рождается из способности видеть красоту, чувствовать боль другого существа и ощущать себя частью живого мира.

Примеры: кейс «Точка на карте», выполняемый во время выездного мероприятия (похода, экскурсии, полевой практики) и предполагающий описание «живого» места с последующим «видением» его глазами обитателей (старого дерева, птицы, муравья) и творческим воплощением (стихотворение, рисунок, эссе); кейс «Дневник фенологических наблюдений», рассчитанный на длительный период (учебный год или сезон) и включающий регулярную фиксацию сезонных изменений в природе, погодных условий, поведения животных и птиц, а также эмоциональных впечатлений и размышлений наблюдателя.

Перечисленные ситуационные задания объединены необходимостью выбора в условиях неопределенности. В реальной практике природопользования редко существует единственно верное решение; учащийся постоянно сталкивается с альтернативами (пластиковая бутылка или многоразовая; личный автомобиль или общественный транспорт; проход мимо мусора или его уборка). Предлагаемые кейсы моделируют именно такие ситуации, развивая критическое мышление и способность принимать экологически и нравственно обоснованные решения.

В процессе реализации педагогического условия соблюдаются следующие этапы работы с кейсом:

- 1) погружение в ситуацию (эмоциональное и информационное);
- 2) анализ и идентификация противоречия;
- 3) поиск альтернатив и прогнозирование последствий;
- 4) принятие решения (индивидуальное или коллективное);
- 5) проектная реализация (для ситуаций третьего типа);
- 6) рефлексия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ефремова М. С. Экологическая обстановка в современной Российской Федерации: сравнение с другими странами как базис для новых идей развития государства // Управление. 2023. Т. 11. № 1. С. 22—30. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-1-95-104.

Особое внимание уделяется групповой дискуссии и использованию открытых вопросов, направляющих размышления учащихся без навязывания единственного «верного» решения.

В результате апробации описанного педагогического условия у старших подростков была зафиксирована положительная динамика по следующим показателям:

1) сформирована система экологических знаний, включающая представления о взаимосвязях в природе, принципах устойчивого развития;

2) развита способность к выявлению экологических противоречий и анализу последствий повседневной деятельности;

3) зафиксировано становление осознанного ценностного отношения к природе как субъекту взаимодействия, понимание последствий антропогенного воздействия;

4) приобретен опыт практической природоохранной деятельности, этически и экологически целесообразного взаимодействия с природными и социальными субъектами.

Таким образом, включение старших подростков в решение комплекса ситуационных заданий (кейсов), моделирующих реальные экологические и социально-природные противоречия, выступает эффективным педагогическим условием формирования ответственного природопользования. Данное условие обеспечивает переход от репродуктивного усвоения экологических норм к личностно-смысловому принятию ценностей бережного отношения к природе.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило эффективность педагогического условия формирования ответственного природопользования у старших подростков — включения в решение ситуационных заданий (кейсов), моделирующих противоречия в системе «человек — природа — общество».

В соответствии с задачами разработана типология из четырех групп кейсов (экологическая рефлексия, идентификация, проектирование, эмпатия) с конкретными примерами, а также теоретически обоснованы механизмы их реализации — поэтапная работа от погружения до рефлексии, обеспечивающая осознанный выбор в условиях неопределенности.

Апробация показала положительную динамику: расширение экологических знаний, развитие критического анализа последствий действий, становление ценностного отношения к природе и приобретение опыта природоохранной деятельности.

Практическая значимость — типология может использоваться педагогами дополнительного образования, учителями и классными руководителями во внеурочной работе. **Рекомендуется** интегрировать кейсы в программы эколого-биологического и социально-гуманитарного профилей с обязательной рефлексией.

Направления дальнейших исследований — создание цифрового банка заданий, адаптация методики для других возрастных групп и изучение ее потенциала в цифровой образовательной среде.

2. Федоркина И. А., Ерофеева В. В., Аникина Е. В., Сафонов А. И. Обзор основных тенденций и динамики загрязнения воздуха и почв в регионах Российской Федерации в период 1993—2023 годов // Проблемы региональной экологии. 2025. № 1. С. 12—21. DOI: 10.24412/1728-323X-2025-1-17-21.
3. Крутова Н. А. Экологические угрозы и проблема обеспечения экономической безопасности России // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 6. DOI: 10.15862/110ECVN623.
4. Тимофеев А. Н., Тюленева О. Н., Успенский К. В. Методический практикум: экология в школьном биологическом образовании и как самостоятельная дисциплина // Биология в школе. 2024. № 7. С. 57—65.
5. Добрыгин В. С. Структурные компоненты экологической ответственности студентов вуза // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 9. № 3. С. 396—403. DOI: 10.21603/2542-1840-2025-9-3-396-403.
6. Панов В. И. Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 16. № 3. С. 100—117.
7. Митина Е. Г., Брокарева Е. А., Кравец П. П. Применение учебных кейсов экологического содержания при смешанном формате обучения // Самарский научный вестник. 2024. Т. 13. № 4. С. 147—155. DOI: 10.55355/snv2024134310.
8. Ерина И. А., Черкашина С. П., Лапшин В. А. Кейс-метод как ведущая технология формирования коммуникативной компетентности // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2(93). С. 266—268. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-293-266-268.
9. Саакян С. А. Применение кейс-технологии в экологическом образовании младших школьников // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. № 1(54). С. 125—132. DOI: 10.26456/vtspyped/2021.1.125.
10. Гатауллина С. Ю., Ярусова С. Б. Роль эколого-просветительской работы в обеспечении устойчивого развития региона // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16. № 1. С. 29—38.
11. Агафонов И. А., Васильчиков А. В., Чечина О. С. Проблемы устойчивого развития в аспектах мирового энергопотребления и экологической грамотности населения // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2024. № 1. С. 65—73.
12. Джабиева М. Х., Ермаков Д. С. Персонализация и цифровизация — на пути к доступному и качественному образованию для всех // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 20. № 1. С. 53—61. DOI: 10.21209/2658-7114-2025-20-1-53-61.
13. Акимов Д. Е., Мусина С. К. Экологическое волонтерство в эпоху цифровой трансформации высшей школы Казахстана // Управление образованием: теория и практика. 2025. Т. 15. № 9-1. С. 90—101. DOI: 10.25726/95749-6084-0807-с.
14. Винокурова Н. Ф., Ложилова А. А. Методология и технология ландшафтного воспитания будущих педагогов на основе культурного наследия // Непрерывное образование: XXI век. 2023. Вып. 2(42). DOI: 10.15393/j5.art.2023.8464.
15. Биткина А. В., Щербаченко П. С. Зеленая таксономия в РФ: проблемы и перспективы развития // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/31FAVN125.pdf>.

REFERENCES

1. Efremova M. S. Ecological situation in the modern Russian Federation: comparison with other countries as a basis for new ideas for the development of the state. *Upravlenie = Management (Russia)*. 2023;11(1):95—104. (In Russ.) DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-1-95-104.
2. Fedorkina I. A., Erofeeva V. V., Anikina E. V., Safonov A. I. Overview of the main trends and dynamics of air and soil pollution in the regions of the Russian Federation in 1993—2023. *Problemy regional'noi ekologii = Regional environmental issues*. 2025;1:12—21. (In Russ.) DOI: 10.24412/1728-323X-2025-1-17-21.
3. Krutova N. A. Environmental threats and the problem of ensuring economic security of Russia. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2023;15(6). (In Russ.) DOI: 10.15862/110ECVN623.
4. Timofeev A. N., Tyuleneva O. N., Uspensky K. V. Methodological workshop: ecology in school biological education and as an independent discipline. *Biologiya v shkole*. 2024;7:57—65. (In Russ.)
5. Dobrygin V. S. Structural Components of Environmental Responsibility in University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2025;9(3):396—403. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2025-9-3-396-403.
6. Panov V. I. Ecopsychological approach to psyche development: stages, prerequisites, constructs. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and experimental psychology*. 2022;15(3):100—117. (In Russ.)
7. Mitina E. G., Brokareva E. A., Kravets P. P. Application of environmental training cases in a mixed learning format. *Samarskii nauchnyi vestnik = Samara Journal of Science*. 2024;13(4):147—155. (In Russ.) DOI: 10.55355/snv2024134310.
8. Erina I. A., Cherkashina S. P., Lapshin V. A. Case method as the leading technology of formation of communicative competence. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2022;2(93):266—268. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2022-293-266-268.
9. Saakyan S. A. Application of case studies in environmental education of primary school children. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Vestnik Tver State University. Series: Pedagogy and psychology*. 2021;1(54):125—132. (In Russ.) DOI: 10.26456/vtspyped/2021.1.125.
10. Gataullina S. Yu., Yarusova S. B. The role of environmental education in ensuring sustainable development of the region. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2024;16(1):29—38. (In Russ.)

11. Agafonov I. A., Vasilchikov A. V., Chechina O. S. Problems of sustainable development in aspects of world energy consumption and environmental literacy of the population. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2024;1:65—73. (In Russ.)
12. Dzhabieva M. Kh., Ermakov D. S. Personalization and Digitalization – on the Way to Affordable and Quality Education for All. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Scholarly Notes of Transbaikal State University*. 2025;20(1):53—61. (In Russ.) DOI: 10.21209/2658-7114-2025-20-1-53-61.
13. Akimish D. E., Musina S. K. Environmental volunteerism in the era of digital transformation of higher education in Kazakhstan. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2025;15(9-1):90—101. (In Russ.) DOI: 10.25726/95749-6084-0807-c.
14. Vinokurova N. F., Loshchilova A. A. Methodology and technology of landscape education for future teachers on the basis of cultural heritage. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek = Lifelong education: the 21st century*. 2023;2(42). (In Russ.) DOI: 10.15393/j5.art. 2023.8464.
15. Bitkina A. V., Shcherbachenko P. S. Green taxonomy in the Russian Federation: problems and prospects of development. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(s1). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/31FAVN125.pdf>.

Статья поступила в редакцию 21.07.2026; одобрена после рецензирования 23.08.2026; принята к публикации 24.08.2026.
The article was submitted 21.07.2026; approved after reviewing 23.08.2026; accepted for publication 24.08.2026.

Научная статья
УДК 796.91
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1720

Darya Alekseevna Turkina
Coach,
Olympic Reserve Sports School “Delfin”
Naberezhnye Chelny, Russian Federation
turkina.dasha96@mail.ru

Дарья Алексеевна Туркина
тренер,
Спортивная школа олимпийского резерва «Дельфин»
Набережные Челны, Российская Федерация
turkina.dasha96@mail.ru

МЕТОДИКА АКРОБАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В СИНХРОННОМ ПЛАВАНИИ НА ЭТАПЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. В соответствии с правилами соревнований World Aquatics (FINA) акробатические элементы являются обязательными компонентами синхронного плавания, что предъявляет высокие требования к акробатической подготовке, которой, между тем, в нашей стране уделяется недостаточное внимание. В настоящее время работа акробата со спортсменками не представлена как самостоятельный вид спортивной подготовки ни в содержании Федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «синхронное плавание», ни в ныне действующих учебных программах для спортивных школ.

В связи с этим в представленном в статье исследовании ставится цель с учетом качественного своеобразия реализации принципа содержательного обобщения в обучении акробатическим элементам синхронного плавания разработать программу и методику акробатической подготовки синхронисток и апробировать эффективность их реализации на этапе совершенствования спортивного мастерства. Материалами исследования выступают современные научно-методические знания в исследуемой предметной области, представленные в статьях в научных журналах, докладах на научных конференциях, монографиях, а также результаты формирующего педагогического эксперимента с участием двух групп синхронисток по 12 чел. в каждой, которые занимаются в группах спортивного совершенствования: МАУ ДО «Спортивная школа олимпийского резерва “Дельфин”» (г. Набережные Челны, Республика Татарстан) — экспериментальная группа — и ГБУ ДО «Спортивная школа олимпийского резерва водных и других видов спорта» (г. Санкт-Петербург) — контрольная группа. Методы исследования: анализ и обобщение научно-методической литературы; анкетный опрос; педагогическое наблюдение; видеоанализ; педагогическое тестирование; экспертная оценка; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

Результаты исследования свидетельствуют, что реализация экспериментальной методики акробатической подготовки синхронисток на этапе совершенствования спортивного мастерства обеспечивает повышение качества овладения способами выполнения акробатических элементов и упражнений и соревновательных результатов.

Ключевые слова: сила, ловкость, гибкость, координационные способности, выносливость, устойчивость к гипоксии, синхронное плавание, специальная физическая подготовка, комплекс упражнений, методика, педагогический эксперимент, соревновательные результаты

Для цитирования: Туркина Д. А. Методика акробатической подготовки в синхронном плавании на этапе совершенствования спортивного мастерства // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 586—593. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1720.

Original article

METHODS OF ACROBATIC TRAINING IN SYNCHRONIZED SWIMMING AT THE STAGE OF IMPROVING SPORTS SKILLS

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. According to the rules of the World Aquatics (FINA) competitions, acrobatic elements are mandatory components of synchronized swimming, which imposes high requirements for acrobatic training. This, though, is paid insufficient attention. Currently, “the work of an acrobat with female athletes” as an independent type of sports training is not included in the content of the Federal Standard for Sports Training in the sport of synchronized swimming. It is also not included in the currently existing curricula for sports schools.

In this regard, the study presented in the article aims to develop a program and methodology for the acrobatic training of synchronized swimmers, taking into account the qualitative uniqueness of implementing the principle of substantive generalization in teaching acrobatic elements of synchronized swimming, and to test the effectiveness of their implementation at the stage of improving sports skills. The research is based on modern scientific and methodological knowledge presented in articles in scientific journals, reports at scientific conferences, and monographs, as well as the results of a formative pedagogical experiment involving two groups

of synchronized swimmers, each consisting of 12 participants, who train in improving sports skills groups at Olympic Reserve Sports School “Delfin”, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan (experimental group), and Olympic Reserve Sports School of aquatic and other sports, Saint Petersburg (control group). Methods of research included analysis and generalization of scientific and methodological literature; questionnaire surveys; pedagogical observation; video analysis; pedagogical testing; expert assessment; pedagogical experiment; and methods of mathematical statistics.

For citation: Turkina D. A. Methods of acrobatic training in synchronized swimming at the stage of improving sports skills. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):586—593. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1720.

Введение

Актуальность. В соответствии правилами соревнований *World Aquatics (FINA)* акробатические элементы являются обязательными компонентами синхронного плавания, что предъявляет высокие требования к акробатической подготовке. Между тем «работа акробата со спортсменками» как самостоятельный вид спортивной подготовки не представлена в содержании Федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «синхронное плавание» (утв. Приказом Минспорта России от 12 декабря 2025 г. № 1138), не представлена она и в ныне действующих учебных программах для спортивных школ. Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что в п. 12.2 данного стандарта включено положение о том, что «для проведения учебно-тренировочных занятий и участия в официальных спортивных соревнованиях на всех этапах спортивной подготовки, кроме основного тренера-преподавателя, допускается привлечение тренера-преподавателя (тренеров-преподавателей) по видам спортивной подготовки, по иным видам спорта с учетом специфики вида спорта “синхронное плавание”, а также привлечение иных специалистов организаций, осуществляющих спортивную подготовку, в том числе могут привлекаться специалисты по видам спорта спортивной акробатике (спортивной гимнастике), по прыжкам на батуте, по художественной гимнастике».

Степень изученности проблемы. К современным тенденциям развития синхронного плавания В. К. Снегирева и В. А. Аикин [1], А. А. Сомкин, Е. С. Новикова, Ю. А. Яковлева [2], А. С. Коновалова и Н. С. Леонтьева [3], И. А. Колчина [4] относят усложнение и повышение выразительности соревновательных программ через включение в их содержание акробатических элементов. С другой стороны, О. В. Комарова [5] и Г. Л. Драндров с соавторами [6] отмечают, что акробатической подготовке уделяется недостаточное внимание. Исследования в предметной области акробатической подготовки сосредоточены преимущественно на начальных этапах подготовки [7—9].

Одним из перспективных направлений повышения эффективности обучения двигательным действиям, составляющим в совокупности технический арсенал определенного вида спорта, выступает реализация системного подхода на теории содержательного обобщения, разработанной В. В. Давыдовым [10]. Эффективность его применения в технической подготовке получила широкое подтверждение в различных видах спорта. В частности, В. Е. Афоншиным [11] показана эффективность его применения в обучении технике футбола. В работе А. А. Плешакова [12] выявлены теоретико-методические основы обучения групповым тактическим действиям мяча на основе формирования их обобщенной ориентировочной основы. В исследовании Г. Л. Драндрова, выполненного совместно с А. М. Колес-

Research results indicate that implementing the experimental methodology for acrobatic training of synchronized swimmers at the stage of improving sports skills ensures an improvement in performing acrobatic elements and exercises, as well as in competitive results.

Keywords: strength, agility, flexibility, coordination abilities, endurance, resistance to hypoxia, synchronized swimming, special physical training, exercise complex, methodology, pedagogical experiment, competitive results

никовым [13], показана эффективность обучения студентов техническим приемам армейского рукопашного боя с учетом общего и частного в их содержании.

А. Петренко [14] предпринята попытка систематизировать акробатические элементы синхронного плавания и представить ее в виде классификации с выделением критериев, которые являются общими для выделяемых групп.

К. Р. Курцебо и Я. А. Лех [15] разработана классификация акробатических выбросов в произвольных групповых программах синхронисток средней возрастной категории.

Целесообразность разработки темы. С учетом материалов приведенных выше исследований можно сделать заключение о необходимости разрешения существующего в теории и практике синхронного плавания противоречия между высоким дидактическим потенциалом построения акробатической подготовки синхронисток на основе принципа содержательного обобщения и недостаточной научной разработанностью организационно-методических основ его реализации на этапе совершенствования спортивного мастерства.

С учетом этого противоречия нами определена цель исследования — с учетом качественного своеобразия реализации принципа содержательного обобщения в обучении акробатическим элементам синхронного плавания разработать программу и методику акробатической подготовки синхронисток на этапе совершенствования спортивного мастерства.

Задачи исследования:

1. Разработать программу акробатической подготовки.
2. Разработать методику акробатической подготовки синхронисток и апробировать эффективность ее реализации на этапе совершенствования спортивного мастерства.

Научная новизна результатов исследования заключается в следующем:

1. Впервые совокупность акробатических элементов синхронного плавания раскрыта как системно-организованное целое. В четырех группах акробатических упражнений выделены общие для способов выполнения упражнений каждой группы двигательные задачи, базовые элементы и их частные варианты.

2. Впервые на основе теории содержательного обобщения в обучении и результатов структурно-логического анализа акробатических упражнений разработана оригинальная учебная программа акробатической подготовки квалифицированных синхронисток.

3. Разработана методика акробатической подготовки квалифицированных синхронисток.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в дополнении теории и методики синхронного плавания знаниями и представлениями: об акробатических упражнениях, как целостной системе движений

с выделением базовых элементов и их вариантов; об оптимальной последовательности их усвоения; о средствах и методах их совершенствования.

Практическая значимость результатов исследования состоит в следующем: разработаны экспериментальная учебная программа и методика акробатической подготовки, обеспечивающая повышение качества усвоения акробатических упражнений и повышение соревновательной результативности квалифицированных синхронисток.

Основная часть

Материалами исследования выступают современные научно-методические знания в исследуемой предметной области, представленные в статьях из научных журналов,

докладов научных конференций, в монографиях, электронных журналах. **Методы исследования:** анализ и обобщение научно-методической литературы; анкетный опрос; педагогическое наблюдение; видеоанализ; педагогическое тестирование; экспертная оценка; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение. Совокупность акробатических упражнений представлена как системно-организованное целое. Раскрыты существующие между ними структурно-логические связи с учетом общего и частного в способах их выполнения, определены общие для каждой группы двигательные задачи, общие элементы и частные варианты в способах их решения (табл. 1).

Таблица 1

Общие элементы и частные варианты в содержании акробатических упражнений

Позиция спортсмена	Двигательная задача	Общие элементы	Частные варианты
Группа «А» (воздушная)			
Верхний спортсмен	Достижение максимальной высоты прыжка, выполнение наибольшего количества вращений в различных плоскостях при одновременной демонстрации позиций в воздухе для входа в воду	Прыжок	Вверх, вперед, назад, боком, реверс (прыжок лицом вперед, а разворот назад)
		Позиция	Свободное положение тела/линия, в прогибе, в шпагате, согнувшись
		Вращение	Фронтальное, сагиттальное, в прямом теле, в двух плоскостях, с раскрытием для входа в воду, реверс
Нижний спортсмен	Достижение максимальной высоты опоры для выброса основного спортсмена	Опора	С поверхности, с плеч, с рук, с ног, с квадрата решетки, с двух опор
Группа «В» (баланс)			
Верхний спортсмен	Устойчивое выполнение баланса, стабильное исполнение позиции/ий и вращения, сохранение вертикального положения и соединения с основным/ми спортсменом/ми до входа в воду	Прыжок	Вверх, вперед, назад, боком, реверс (прыжок лицом вперед, а разворот назад)
		Позиция	Свободное положение тела/линия, в прогибе, в шпагате, согнувшись
		Вращение	Фронтальное, сагиттальное, в прямом теле, в двух плоскостях, с раскрытием для входа в воду, реверс
Нижний спортсмен	Достижение максимальной высоты опоры для удержания основного спортсмена, сохранение вертикального положения и соединения с верхним спортсменом до входа в воду	Поднимание и удержание основного спортсмена	Головой вверх, вниз (на различной площади опоры, на двух опорах, на нескольких спортсменах)
		Вращение конструкции	90—720°
Группа «Р» (платформа)			
Верхний спортсмен	Устойчивость в исполнении позиции/ий во время удержания/ вращения/проплыва платформы, после которых возможно выполнение прыжков различной сложности	Позиция основного спортсмена	Вперед/боком, назад, стоя и сидя на двух ногах, головой вниз
		Тип соединения	Сидя, лежа, на двух ногах, на трех точках, головой вниз/вверх, четыре точки соединения (коробочка), в стойке на руках, в мостике
		Прыжки с опоры	Различной сложности
		Стойка	В различных отклонениях торса от оси, на различной площади опоры головой вверх/вниз
Нижний спортсмен	Достижение устойчивости и максимальной высоты подъема платформы, удержания/вращение/проплыв платформ	Формирование платформы (опоры)	Платформа из ног 4—7 спортсменов; платформа из рук; платформа из четырех уровней; платформа «коробочка (опорный сидит корпус 90°)»; платформа горизонтальное положение: две ноги вверх; на животе в прогибе или с согнутыми коленями; две горизонтальные платформы
		Вращение конструкции	90—360°

Позиция спортсмена	Двигательная задача	Общие элементы	Частные варианты
Группа «С» (комбинированная)			
Верхний спортсмен	Стабильность в исполнении перелетов и переходов, точность приземления, выполнение наибольшего количества вращений в различных плоскостях, при одновременной демонстрации позиций в воздухе для входа в воду/приземления на опорного спортсмена	Перемещение в воздухе (перелет/переход)	Переход/прыжок на «стык», переход через две пары, перекал/бег по платформе, прыжок на платформу, полет над лифтом, полет над лифтом на головах, переход на образование, полет двух спортсменов в соединении «змейка», переход на лифт с броска, перелет/переход через 1—3 головы, подъем на двух опорах, прыжок со стыка на маленькую решетку, переход/прыжок на два стыка
		Прыжок	Вверх, вперед, назад, боком, реверс (прыжок лицом вперед, а разворот назад), «слепой» прыжок
		Позиция	Свободное положение тела/линия, в прогибе, в шпагате, согнувшись позиция вперед/боком, назад, стоя и сидя на двух ногах, головой вниз (из группы «А» и «В»)
		Вращение основного спортсмена	Фронтальное, сагиттальное, в прямом теле, в двух плоскостях, с раскрытием для входа в воду, колесом
Нижний спортсмен	Достижение максимальной высоты выбросов и подъемов, координация всех членов команды для исполнения акробатического упражнения	Создание опор, конструкций	Две конструкции: толчок на стык с любого броска (с плеч, с решетки из рук); две конструкции: толчок на стык с опоры головой вниз; подъем двух/трех опор; подъем горизонтальной платформы, бросок на платформу; образование опоры из рук
		Вращение конструкции	180—540°

Цель программы: целевое и содержательное обеспечение акробатической подготовки синхронисток с учетом принципа содержательного обобщения в обучении.

В программе определены *двигательные задачи*, решаемые каждой группой акробатических элементов (группы «А», «В», «С», «Р» и парные упражнения), в каждой группе выделены *базовые элементы*, представлена последовательность обучения способам выполнения частных вариантов.

В программе представлены упражнения для развития специальных физических качеств: силы, гибкости, координационных способностей, баланса, а также упражнения для развития устойчивости организма к гипоксии, необходимой для длительного выполнения элементов под водой.

В соответствии со второй *задачей* исследования разработана **методика акробатической подготовки** в синхронном плавании на этапе совершенствования спортивного мастерства.

Цель методики — повышение эффективности акробатической подготовки квалифицированных синхронисток на основе освоения содержания экспериментальной учебной программы.

Задачи методики: совершенствование способов выполнения акробатических элементов и упражнений; развитие силы, гибкости, координации и баланса;

развитие функциональных возможностей организма, необходимых для длительного выполнения элементов под водой.

В контексте акробатической подготовки **положения теории содержательного обобщения реализованы через:**

- формирование обобщенных способов выполнения акробатических элементов и упражнений;
- обобщение и систематизация знаний способов выполнения акробатических элементов и упражнений;
- создание в процессе акробатической подготовки проблемных ситуаций и задач;
- использование междисциплинарных связей.

Структурно-логический анализ способов выполнения акробатических упражнений позволяет выстроить процесс их совершенствования в направлении от освоения базовых для каждой группы (А, В, С и Р) элементов к овладению их частными вариантами. Определена и реализована последовательность обучения каждому базовому элементу и его частным вариантам на уровне решаемых задач и тренировочных упражнений, используемых для их решения.

Например, при совершенствовании верхними базового элемента «**прыжок**» и «**позиция**» из группы «А» (воздушная) последовательно решались пять задач (табл. 2). Таким же образом осуществляется совершенствование остальных базовых элементов каждой группы акробатических упражнений.

Таблица 2

Последовательность обучения базовым элементам «прыжок» и «позиция» и их частным вариантам на уровне задач и тренировочных средств из группы «А» (воздушная)

Частные задачи	Тренировочные упражнения
<i>Совершенствование верхнего базового элемента «прыжок»</i>	
Совершенствование прыжка вверх	1. Из глубокого приседа выпрыгивания вверх с кубом в руках. 2. Из глубокого приседа запрыгивания на возвышенность. 3. Прыжки из глубокого приседа на мягком балансирующем диске. 4. Прыжки на колесной камере. 5. Прыжки на батуте вверх с кубом в руках, с резким махом вверх, медленное опускание
Совершенствование прыжка вперед	1. Из глубокого приседа выпрыгивания вперед-вверх, в воздухе стопы натянуты. 2. Из полуприседа прыжки на скамейку с выпрямлением в коленях на скамье, обратно в полуприсед. 3. Прыжки через скамейку, с выпрямлением ног в полете. 4. Прыжки из центра батута вперед, вверх
Совершенствование прыжка назад	1. Из глубокого приседа прыжки с возвышенности (скамейка) на ковер с взмахом рук вверх. 2. Прыжки назад с акробатической дорожки на возвышенность 1,5 м. 3. Прыжки на батуте из центра батута назад вверх, поворот 180°, обратно в центр батута
Совершенствование прыжка боком	1. Из глубокого приседа выпрыгивания влево, вправо. 2. Из глубокого приседа на возвышенность 15—30 см влево, вправо. 3. Прыжки через скамейку влево, вправо. 4. Прыжки на батуте из центра батута влево-вверх, вправо-вверх
Совершенствование прыжка лицом вперед, разворот назад	1. Из глубокого приседа прыжок на маты вверх с продвижением вперед, кувырок назад до исходного положения. 2. На батуте: из центра батута прыжок вперед на спину, кувырок назад
Совершенствование прыжков в совместных действиях нижних и верхних спортсменов	Имитационные упражнения со страховочной лонжей на поясе: 1. Прыжки с плеч нижней в разных направлениях. 2. Прыжки с рук нижней в разных направлениях. 3. Прыжки с ног нижней в разных направлениях. 4. Прыжки с квадрата решетки из рук нижних в разных направлениях. 5. Прыжки с плоской опоры «плота» (для группы «Р»)
<i>Совершенствование верхнего базового элемента «позиция»</i>	
Совершенствование позиций «свободное положение тела/ линия»	1. Прыжок с надувной дорожки с приземлением на ковер. 2. Прыжки на колесной камере в позицию. 3. Прыжки на батуте в позицию
Совершенствование позиций «в прогибе»	1. Прыжки с колесной камеры со страховкой тренера, приземление на ковер. 2. Лежа на груди подъем корпуса и ног в позицию. 3. Прыжки на батуте в позицию
Совершенствование позиций «в шпагате»	1. Прыжки в шпагат с опорой на шведскую стенку. 2. Прыжки в шпагат, с экспандером, с опорой на двух спортсменов. 3. Прыжки с колесной камеры в шпагат, приземление на ковер. 4. Прыжки на батуте в позицию
Совершенствование позиций «согнувшись (складочка, группировка)»	1. Из полного приседа прыжки на акробатической дорожке с подъемом прямых ног к груди (ноги вместе и врозь). 2. Из полного приседа прыжки на акробатической дорожке с подъемом ног в группировку. 3. Прыжки с колесной камеры в складочку/группировку, приземление на ковер. 4. Прыжки на батуте в позицию
Совершенствования способов выполнения различных позиций в фазе полета при совместных действиях нижних и верхних	Имитационные упражнения: 1. Со страховочной лонжей на поясе прыжки с различных типов опоры в позицию. 2. Без страховочной лонжи с различных типов опоры в позицию

Тренировочные средства систематизированы с учетом их направленности на девять **комплексов тренировочных упражнений**:

1. Совершенствование прыжковых компонентов акробатических элементов для верхних спортсменок (на суше) на специально-подготовительном этапе.
2. Совершенствование прыжковых компонентов акробатических элементов для нижних спортсменок (на суше) на специально-подготовительном этапе.
3. Совершенствование компонентов балансовых акробатических элементов для верхних спортсменок на специально-подготовительном этапе.
4. Совершенствование балансовых компонентов акробатических элементов для нижних спортсменок на специально-подготовительном этапе.

5. Совершенствование прыжковых компонентов акробатических элементов для верхних спортсменок (на суше) в соревновательном периоде.

6. Совершенствование прыжковых компонентов акробатических элементов для нижних спортсменок (на суше) в соревновательном периоде.

7. Совершенствование компонентов балансовых акробатических элементов для верхних спортсменок в соревновательном периоде.

8. Совершенствование компонентов акробатических элементов для нижних спортсменок в соревновательном периоде.

9. Совершенствование совместных действий нижних и верхних в соревновательных акробатических элементах (на воде) в соревновательном периоде.

Задачи развития *физических качеств и совершенствования функциональных возможностей* организма в рамках экспериментальной методики акробатической подготовки решаются с применением традиционных средств и форм организации спортивной подготовки.

Для проверки эффективности экспериментальной методики акробатической подготовки синхронисток нами с сентября 2023 г. по август 2024 г. организован и проведен **формирующий педагогический эксперимент** с участием двух команд в количестве 12 чел. каждая, возрастной категории 13—15 лет, — контрольная (далее — КГ) и экспериментальная (далее — ЭГ) группы. У спортсменок обеих групп до эксперимента определялись показатели выполнения акробатических элементов и специальной физической подготовленности.

Сравнительный анализ экспериментальных данных, наблюдаемых в начале эксперимента, говорит об относительной однородности двух групп синхронисток по уровню акробатической и физической подготовленности.

Акробатическая подготовка синхронисток ЭГ проводилась на основе экспериментальной программы и экспериментальной методики; синхронисток КГ — в рамках традиционных подходов к ее программно-содержательному и технологическому обеспечению. Обе группы синхронисток тренировались в соответствии с требованиями Федерального стандарта по виду

спорта «Синхронное плавание» 6 раз в неделю по 4 часа. Объем соревновательной деятельности составил 6 соревнований, из них 2 — контрольных, 1 — отборочное, 3 — основных.

После завершения педагогического эксперимента проведено тестирование и оценка показателей специальной физической, акробатической подготовленности и соревновательных результатов синхронисток.

В табл. 3 представлены показатели экспертной оценки качества выполнения акробатических упражнений синхронистками до и после педагогического эксперимента. В оценивании принимала участие бригада экспертов в количестве пяти специалистов по синхронному плаванию, имеющих стаж тренерской работы более 8 лет, высшую тренерскую категорию и Всероссийскую судейскую категорию. Сравнительный анализ с применением критерия Манна—Уитни, свидетельствует о том, что синхронистки ЭГ имеют существенное преимущество перед спортсменками КГ в показателях владения акробатическими элементами ($p < 0,01$):

- группы «А» (воздушная) — 8,83 против 7,79 балла;
- группы «В» (баланс) — 8,69 против 7,85 балла;
- группы «С» (комбинированная) — 8,75 против 8,00 балла;
- группы «Р» (платформа) — 8,66 против 7,79 балла;
- парных упражнений — 8,79 против 7,99 балла.

Таблица 3

Показатели качества выполнения групп акробатических элементов, баллы ($\bar{X} \pm \bar{\sigma}$)

Акробатические элементы	КГ			ЭГ			КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
	оценка		прирост, %	оценка		прирост, %	до		после	
	до	после		до	после		U	p	U	p
Группа А	7,43 ± 0,24	7,79 ± 0,27	4,85	7,51 ± 0,23	8,83 ± 0,23	17,58	8	> 0,05	2	< 0,01
Группа В	7,45 ± 0,22	7,85 ± 0,31	5,37	7,51 ± 0,27	8,69 ± 0,19	15,71	9	> 0,05	2	< 0,01
Группа С	7,67 ± 0,14	8,00 ± 0,22	4,30	7,72 ± 0,25	8,75 ± 0,22	13,34	7,5	> 0,05	2	< 0,01
Группа Р	7,68 ± 0,19	7,99 ± 0,18	4,04	7,71 ± 0,19	8,66 ± 0,09	12,32	9,5	> 0,05	2	< 0,01
Парные элементы	7,63 ± 0,32	7,99 ± 0,30	4,72	7,70 ± 0,31	8,79 ± 0,16	14,16	10	> 0,05	2	< 0,01

Сравнительный анализ показателей специальной физической подготовленности, наблюдаемых у синхронисток КГ и ЭГ в начале эксперимента, проводимый с применением *t*-критерия Стьюдента, не выявил существенных различий ($p > 0,05$). За время эксперимента наблюдалось достоверное повышение показателей во всех тестовых упражнениях у спортсменок обеих групп ($p < 0,05$).

Как и ожидалось, существенного преимущества спортсменок ЭГ перед спортсменками КГ в темпах развития физических качеств не наблюдалось, поскольку тренировочные нагрузки, применяемые в обеих группах, существенно не различались как в содержательном, так и в количественном отношении. Это позволяет заключить, что наблюдаемое после эксперимента преимущество синхронисток ЭГ в качестве овладения акробатическими упражнениями обусловлено применением в учебно-тренировочном процессе разработанной нами экспериментальной программы и методики акробатической подготовки.

Спортсменки обеих групп приняли участие в официальных соревнованиях по синхронному плаванию. Для сравнительного анализа были взяты результаты соревнований в мае 2024 г. в дисциплине: «группа — произвольная программа». Сумма баллов за три акробатических элемента

у ЭГ составляет 31,7105, у КГ — 26,908. Соревновательные результаты команды ЭГ превышают результаты команды КГ на 16,39 %.

Таким образом, результаты сравнительного анализа педагогического эксперимента позволяют заключить, что применение авторской программы и методики акробатической подготовки на этапе спортивного совершенствования способствует более качественному овладению синхронистками способами выполнения групповых и парных акробатических элементов, что в конечном итоге отразилось на более высоких итоговых оценках за акробатические элементы в соревновательных программах.

Заключение

Представленное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Целью экспериментальной программы является целевое и содержательное обеспечение акробатической подготовки синхронисток на этапе совершенствования спортивного мастерства с учетом принципа содержательного обобщения в обучении.

Определены двигательные задачи, которые решаются при выполнении акробатических элементов групп «А» (воздушная), «В» (баланс), «Р» (платформа),

«С» (комбинированная) и парных акробатических упражнений. Определены базовые акробатические элементы, входящие в содержание этих групп, частные варианты способов их выполнения базовых элементов и оптимальная последовательность освоения этих вариантов с учетом качественного своеобразия их содержания. В содержание программы включены специальные физические качества (сила, координационные способности, баланс, гибкость) и функциональные возможности организма, создающие предпосылки для быстрого и успешного овладения акробатическими элементами и упражнениями.

2. Разработанная нами методика направлена на повышение эффективности акробатической подготовки квалифицированных синхронисток на основе освоения содержания экспериментальной программы. Совершенствование акробатических элементов осуществляется в направлении от решения задач освоения базовых элементов, общих для каждой группы к задачам овладения частными вариантами способов их выполнения. В отношении каждой частной задачи определены средства их решения в виде тренировочных упражнений (на суше, в воде, имитационные упражнения). Эти упражнения объединены в девять ком-

плексов с учетом их направленности на совершенствование определенных групп акробатических упражнений и амплуа спортсменок. Наряду с этим применяются тренировочные упражнения, направленные на развитие специальных физических качеств и повышение функциональных возможностей организма (устойчивости к работе в условиях гипоксии).

3. Установлено существенное преимущество синхронисток ЭГ перед синхронистками КГ в показателях владения акробатическими элементами и соревновательной деятельности. Как и ожидалось, существенного преимущества спортсменок ЭГ перед спортсменками КГ в темпах развития физических качеств не наблюдалось, т. к. тренировочные нагрузки, применяемые в обеих группах, существенно не различались.

Это позволяет заключить, что наблюдаемое после эксперимента преимущество синхронисток ЭГ в качестве овладения акробатическими упражнениями и соревновательных результатах обусловлено применением в учебно-тренировочном процессе разработанной нами экспериментальной программы и методики акробатической подготовки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Снегирева В. К., Аикин В. А. Особенности соревновательных программ в артистическом (синхронном) плавании // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма : материалы Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов, соискателей и студентов : в 2 ч. Омск : СибГУФК, 2022. Ч. 2. С. 195—200.
2. Сомкин А. А., Новикова Е. С., Яковлева Ю. А. Тенденции формирования соревновательной программы на основе ее сравнительного анализа на Олимпийских играх 2021 и 2024 гг. // Теория и практика физической культуры. 2021. № 4. С. 108—110.
3. Коновалова А. С., Леонтьева Н. С. Анализ показателей и результатов соревнований по водным видам спорта в рамках Игр XXXII Олимпиады в Токио // Молодые — науке : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием студентов и молодых ученых. М. : РГУФКСМиТ, 2022. С. 358—360.
4. Колчина И. А. Тенденции постановки Олимпийских соревновательных программ в синхронном плавании // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов с междунар. участием, посвящ. Году науки и технологий РФ : в 3 т. Казань : Поволж. ГУФКСиТ, 2021. Т. 3. С. 25—27.
5. Комарова О. В. Современный взгляд на выполнение поддержек в групповых упражнениях в синхронном плавании // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2024. № 10(236). С. 161—165.
6. Драндров Г. Л., Туркина Д. А., Белоглазова Ю. В. Акробатическая подготовка как один из основных компонентов спортивной подготовки в синхронном плавании // Актуальные проблемы физической культуры и спорта : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2022. С. 141—144.
7. Золотова Е. А., Лех Я. А., Барабанова В. Б. К вопросу о развитии гибкости синхронисток 13—15 лет // Состояние, проблемы и пути совершенствования спортивной и оздоровительной тренировки в водных видах спорта : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань : Поволж. ГУФКСиТ, 2022. С. 50—54.
8. Лех Я. А., Улумбекова К. Р., Золотова Е. А. Методика акробатической подготовки в синхронном плавании на начальном этапе подготовки // Проблемы и перспективы физического воспитания, спортивной тренировки и адаптивной физической культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань : Поволж. ГАФКСиТ, 2021. С. 333—335.
9. Zhihao Cui, Zhiang Wang. Impacts of core training on physical training in synchronized swimming // Revista Brasileira de Medicina do Esporte. 2023. Vol. 29. Art. e2022_0284. DOI: 10.1590/1517-8692202329012022_0284.
10. Давыдов В. В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 42—49.
11. Драндров Г. Л., Кудяшев Н. Х., Афоньшин В. Е., Систематизация технических приемов в футболе с учетом общего и частного в их содержании // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. Ч. 1. С. 131—134.
12. Драндров Г. Л., Плешаков А. А., Коновалов И. Е. Методика обучения юных футболистов передачам мяча посредством формирования обобщенной ориентировочной основы // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 9. С. 172—176. DOI: 10.17513/snt.38832.
13. Драндров Г. Л., Колесников А. М. Исследование эффективности обучения студентов техническим приемам армейского рукопашного боя с учетом общего и частного в их содержании // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. № 2(111). С. 155—163. DOI: 10.37972/chgpu.2021.111.2.019.

14. Петренко А., Камасєв О. Класифікація та методика оцінювання складності акробатичних вправ «групи А» в артистичному плаванні // Траєкторія науки. 2021. Т. 7. № 11. С. 6001—6013. DOI: 10.22178/pos.76-13.

15. Курцебо К. Р., Лех Я. А. Классификация акробатических выбросов в произвольных групповых программах синхронисток средней возрастной категории // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов с междунар. участием, посвящ. Году науки и технологий РФ : в 3 т. Казань : Поволж. ГУФКСиТ, 2021. Т. 3. С. 31—32.

REFERENCES

1. Snegireva V. K., Aikin V. A. Features of competitive programs in artistic (synchronized) swimming. *Problemy sovershenstvovaniya fizicheskoi kul'tury, sporta i olimpizma = Problems of improving physical culture, sports, and olympism. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference of young scientists, postgraduate students, master's students, applicants, and students*. Omsk, Siberian State University of Physical Culture and Sports publ., 2022;2:195—200. (In Russ.)
2. Somkin A. A., Novikova E. S., Yakovleva Y. A. Trends in olympic games program design: comparative analysis of 2021 and 2024 Olympics. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2021;4:108—110. (In Russ.)
3. Konovalova A. S., Leontieva N. S. Analysis of indicators and results of competitions in water sports within the games of the XXXII Olympiad in Tokyo. *Molodye — nauke = The young - to science. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation of students and young scientists*. Moscow, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism publ., 2022;358—360. (In Russ.)
4. Kolchina I. A. Trends in setting Olympic competitive programs in synchronized swimming. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma = Actual problems of theory and practice of physical culture, sports and tourism. Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference of young scientists, graduate students, undergraduates and students with international participation, dedicated to the Year of Science and Technology of the Russian Federation*. Kazan, Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism publ., 2021;3:25—27. (In Russ.)
5. Komarova O. V. A modern view of the performance of supports in group exercises in synchronized swimming. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta = Scientific Notes of P. F. Lesgaft University*. 2024;10(236):161—165. (In Russ.)
6. Drandrov G. L., Turkina D. A., Beloglazova Yu. V. Acrobatic training as one of the main components of sports training in synchronized swimming. *Aktual'nye problemy fizicheskoi kul'tury i sporta = Actual problems of physical culture and sports: Proceedings of the XI International scientific and practical conference*. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University publ., 2022;141—144. (In Russ.)
7. Zolotova E. A., Lekh Ya. A., Barabanova V. B. On the issue of the development of flexibility of synchronized swimmers aged 13-15. *Sostoyanie, problemy i puti sovershenstvovaniya sportivnoi i ozdorovitel'noi trenirovki v vodnykh vidakh sporta = The state, problems and ways of improving sports and wellness training in water sports. Proceedings of the I All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Kazan, Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism publ., 2022;50—54. (In Russ.)
8. Lekh Ya. A., Ulumbekova K. R., Zolotova E. A. Methods of acrobatic training in synchronized swimming at the initial stage of training. *Problemy i perspektivy fizicheskogo vospitaniya, sportivnoi trenirovki i adaptivnoi fizicheskoi kul'tury = Problems and prospects of physical education, sports training and adaptive physical culture. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Kazan, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism publ., 2021;333—335. (In Russ.)
9. Zhihao Cui, Zhiang Wang. Impacts of core training on physical training in synchronized swimming. *Revista Brasileira de Medicina do Esporte*. 2023;29:2022_0284. DOI: 10.1590/1517-8692202329012022_0284.
10. Davydov V. V. A new approach to understanding the structure and content of activity. *Voprosy psikhologii*. 2003;2:42—49. (In Russ.)
11. Drandrov G. L., Kudyashev N. Kh., Afonshin V. E. Systematization techniques in football with regard to common and particular in their content. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*. 2015;2-1:131—134. (In Russ.)
12. Drandrov G. L., Pleshakov A. A., Konovalov I. E. Methods of teaching young football players to pass the ball through the formation of their generalized indicative basis. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2021; 9:172—176. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.38832.
13. Drandrov G. L., Kolesnikov A. M. Study of the effectiveness of training students in techniques of army hand-to-hand combat, taking into account some general and specific aspects in their content. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva = I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2021;2(111):155—163. (In Russ.) DOI: 10.37972/chgpu.2021.111.2.019.
14. Petrenko A., Kamayev O. Classification and Assessing Methods of the Complexity of “Group A” Acrobatic Exercises in Artistic Swimming. *Traektoriya nauki = Path of Science*. 2021;7(11):6001—6013. (In Ukrainian) DOI: 10.22178/pos.76-13.
15. Kurtsebo K. R., Lekh Ya. A. Classification of acrobatic throws in free group routines for synchronized swimmers in the middle age group. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma = Actual problems of theory and practice of physical culture, sports and tourism. Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference of young scientists, graduate students, undergraduates and students with international participation, dedicated to the Year of Science and Technology of the Russian Federation*. Kazan, Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism publ., 2021;3:31—32. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.07.2026; одобрена после рецензирования 28.07.2026; принята к публикации 03.08.2026.
The article was submitted 05.07.2026; approved after reviewing 28.07.2026; accepted for publication 03.08.2026.

Научная статья
УДК 378:78(510):37.013.74
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1716

Chang Ruoling

Postgraduate of the Department of Music Education,
scientific specialty
5.8.2 — Theory and methodology of training and education
(Music education)
Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russian Federation
changruoling2024@163.com

Чан Жолин

аспирант кафедры музыкального образования,
научная специальность
5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания
(музыкальное образование),
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
changruoling2024@163.com

ЗАПАДНЫЕ СИСТЕМЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ КИТАЙСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ВУЗОВ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Статья посвящена проблеме освоения западных систем музыкального образования будущими учителями музыки в педагогических вузах Китайской Народной Республики. Актуальность исследования обусловлена противоречием между декларируемой в государственных образовательных стандартах Китая установкой на активное использование зарубежного опыта и недостаточной реализацией этой установки в реальном учебном процессе.

На материале рабочих программ дисциплины «Западные системы музыкального образования» четырех университетов: Чжаоцинского, Пекинского педагогического, Столичного педагогического и Хэнаньского — проведен сравнительный анализ содержания курса по пяти параметрам: объем курса, перечень охватываемых систем, методы обучения, формы контроля и доля практических занятий. Эмпирическую базу дополняют данные анкетного опроса 750 студентов (712 валидных анкет), направленного на выявление отношения обучающихся к содержанию и структуре дисциплины. В фокусе анализа находятся системы К. Орфа, З. Кодая, Э. Жак-Далькроза, С. Судзуки и Д. Б. Кабалецкого, включенные в перечень тем, и их дидактический потенциал, а также значение каждой из них для подготовки будущих школьных учителей музыки. Установлено, что лекционные формы доминируют (42–67 % аудиторной нагрузки), тогда как практическое музицирование сведено к минимуму; 64,3 % респондентов оценивают

практическую составляющую курса как недостаточную. Методологическая основа включает сравнительно-педагогический анализ, контент-анализ с двойным независимым кодированием ($\kappa = 0,87$) и статистическую обработку данных опроса. Предложены направления модернизации курса: увеличение доли практических занятий, введение модуля самостоятельного методического проектирования и усиление сравнительно-сопоставительного компонента.

По результатам исследования определены основные направления обновления дисциплин, в рамках которых китайские студенты осваивают западные системы музыкального образования, а именно: увеличить часы на практику, вывести ряд тем на самостоятельное изучение, найти способы связать западные системы с национальной музыкально-педагогической традицией и ввести задания, где студенты сами разрабатывают методические материалы. Результаты исследования могут быть применены при разработке и корректировке рабочих программ музыкально-педагогических дисциплин в вузах Китая.

Ключевые слова: западные системы музыкального образования, педагогические вузы Китая, рабочая программа, профессиональная музыкально-педагогическая подготовка, модернизация музыкально-педагогического образования, сравнительная педагогика, образовательное заимствование, куррикулум, практическое музицирование, анкетный опрос студентов, укоренение западных методик

Для цитирования: Чан Жолин. Западные системы музыкального образования в обучении студентов китайских музыкальных вузов // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 594—599. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1716.

Original article

WESTERN MUSIC EDUCATION SYSTEMS IN TEACHING STUDENTS OF CHINESE MUSIC UNIVERSITIES

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The article examines the problem of mastering Western music education systems in the training of future music teachers at pedagogical universities in China. The relevance of the study is due to the contradiction between the declared goal in China's state educational standards — to actively use foreign experience — and its insufficient implementation in the actual classroom practice.

Drawing on the syllabi of the course “Western Music Education Systems” at four universities – Zhaoqing University, Beijing Normal University, Capital Normal University, and Henan University – a comparative analysis was conducted across five parameters: course volume, range of systems covered, teaching methods, assessment formats, and the share of practical classes. The empirical base is supplemented by a questionnaire

survey of 750 students (712 valid responses) aimed at identifying students' attitudes toward the content and structure of the discipline. The analysis focuses on the systems of C. Orff, Z. Kodály, E. Jaques-Dalcroze, S. Suzuki, and D. B. Kabalevsky, included in the syllabus, their didactic potential, and the significance of each for training future school music teachers. It was found that lecture-based formats dominate (42-67% of classroom hours), while practical music-making is marginal; 64.3% of respondents rate the practical component as insufficient. The methodological framework includes comparative-pedagogical analysis, content analysis with independent dual coding ($\kappa = 0.87$), and statistical processing of survey data. The following directions for modernizing the course are proposed: increasing practical work, introducing a module for independent methodological design, and strengthening the comparative component.

For citation: Chang Ruoling. Western music education systems in teaching students of Chinese music universities. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):594—599. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1716.

Введение

Актуальность. Подготовка учителей музыки в Китае (далее также — КНР) переживает сегодня период глубоких перемен. Программа стратегических задач модернизации образования Китая до 2035 г. прямо предписывает соединять инновационные подходы с культурными и образовательными традициями страны. Однако на практике знакомство студентов с западными музыкально-педагогическими системами остается поверхностным: курс зачастую сводится к лекционному обзору, а деятельностная природа этих систем: пение, движение, игра на инструментах — оказывается невостребованной. Возникает противоречие между государственной установкой на активное использование зарубежного опыта и реальным качеством его освоения в учебном процессе.

Изученность проблемы. Проблематика интеграции западных систем в китайское музыкальное образование находится в фокусе внимания как российских, так и китайских исследователей. Чжан Тинтин и Н. Г. Тагильцева [1] рассматривают национальные культурные традиции в музыкальном образовании студентов китайских вузов. Фей Янь [2] анализирует трансформацию музыкального образования в Китае в широкой исторической перспективе — от истоков до цифровых технологий. Ли Чжэньюй [3] описывает опыт внедрения системы К. Орфа в образовательное пространство китайского университета. Значительный вклад в сравнительное изучение музыкально-педагогических систем двух стран внесли П. А. Черватюк и Сун Тао [4], Чэнь Ин и М. С. Осеннева [5], Ван Чэньюй [6], Сун Чжиин [7]. Проблемы модернизации профессиональной подготовки учителя музыки в Китае на структурном уровне исследованы Лю Цзин [8], а вопросы применения информационных технологий — Юйхао Цзян и А. М. Галимовым [9]. Ван Мэйлинь и М. С. Осеннева [10] разрабатывают концепцию межкультурного диалога как феномена организации учебного процесса. Онтологические предпосылки внедрения идей Орфа и Кодая в китайскую систему рассмотрены А. И. Ковалевым и Дань Чжао [11]. Ян Боюань [12] анализирует структурные реформы и пути модернизации подготовки учителей музыки. Фу Лей [13] и Хань Хаотянь [14] изучают использование орфовской методики в музыкально-образовательном процессе Китая. Пэн Иньлай [15]

Based on the research results, the main directions for updating the disciplines within which Chinese students master Western systems of music education have been identified, namely: to increase the number of hours for practical training, to assign a number of topics for independent study, to find ways to integrate Western systems with the national musical-pedagogical tradition, and to introduce assignments in which students themselves develop methodological materials. The research results can be applied in the design and adjustment of curricula for music-pedagogical disciplines in Chinese universities.

Keywords: western music education systems, pedagogical universities of China, course syllabus, professional music-pedagogical training, modernization of music-pedagogical education, comparative pedagogy, educational borrowing, curriculum, practical music-making, student questionnaire survey, adaptation of western methodologies

поднимает проблему освоения европейских и российских методик студентами из КНР. При всем многообразии публикаций остается недостаточно изученным вопрос о том, как именно организовано преподавание западных систем на уровне конкретных рабочих программ и как сами студенты оценивают качество их освоения.

Целесообразность разработки темы определяется необходимостью перейти от декларативного признания ценности западных систем к их реальной дидактической интеграции. Без эмпирического анализа того, что именно происходит в аудиториях, любые рекомендации по модернизации курса рискуют остаться умозрительными.

Научная новизна. Впервые на материале рабочих программ четырех китайских университетов (Чжаоцинского, Пекинского педагогического, Столичного педагогического и Хэнаньского) проведен сравнительный анализ дисциплины «Западные системы музыкального образования» по пяти параметрам (объем курса, перечень систем, методы обучения, формы контроля, доля практических занятий) с перекрестной проверкой данных посредством анкетного опроса 750 студентов. Выявлен разрыв между стадией институционального принятия западных систем и стадией их укоренения в национальной образовательной среде, описаны конкретные механизмы, блокирующие этот переход.

Цель исследования — выявить содержание, методы обучения и системные ограничения курса «Западные системы музыкального образования» в китайских педагогических вузах и на этой основе предложить направления его модернизации.

Задачи исследования:

- 1) провести сравнительный анализ рабочих программ дисциплины в четырех университетах КНР;
- 2) выявить отношение студентов к содержанию и структуре курса методом анкетного опроса;
- 3) определить типовые ограничения в организации преподавания;
- 4) сформулировать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию дисциплины.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении представлений о механизмах интеграции западных музыкально-педагогических систем в китайскую национальную систему подготовки учителей музыки через призму

концепции образовательного заимствования. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования при проектировании и обновлении рабочих программ музыкально-педагогических дисциплин в вузах КНР.

Основная часть

Методологической основой исследования послужила сравнительная педагогика, опирающаяся на подход Дж. Бердея и кубическую модель Брэя и Томаса [4], которая позволяет анализировать образовательные явления в трех измерениях: географическом, демографическом и содержательном. Второй инструмент — концепция образовательного заимствования. Филлипс и Окс [4] выделяют четыре стадии данного процесса: первый этап — интерес к зарубежному опыту, второй — принятие решения о заимствовании, третий — внедрение и, наконец, четвертый — укоренение, предполагающее органичную интеграцию заимствованных элементов в национальную образовательную среду. В проанализированных программах данная стадия не представлена: западные системы присутствуют номинально, однако их органичная интеграция в национальную традицию не обнаруживается. Данный разрыв между решением и реальным освоением стал центральным предметом анализа.

Методология исследования. Четыре университета были отобраны с учетом географического разнообразия (юг — Чжаоцин, провинция Гуандун; север — Пекин; центр — Хэнань) и различий в типах учебных заведений: Чжаоцинский и Хэнаньский — это комплексные университеты с многопрофильной подготовкой, Пекинский и Столичный педагогический — профильные педагогические вузы. Четыре университета не образуют репрезентативной

выборки в строгом статистическом смысле, однако они обеспечивают срез разнообразия, необходимый для целей исследования.

Анализ программ проводился по пяти параметрам: объем курса (зачетные единицы и академические часы), перечень изучаемых систем, методы обучения, формы контроля и — наиболее значимый — доля практических занятий в общей нагрузке. Кодирование проведено двумя независимыми экспертами. Их оценки совпали на высоком уровне: $\kappa = 0,87$. Для контент-анализа это надежный показатель. Параллельно с анализом программ был проведен анкетный опрос студентов. Анкетирование проходило в 2024 г. в Чжаоцинском университете. Анкета — 18 вопросов, часть закрытых (шкала Лайкерта 1—5), часть открытых (три позиции). Предварительное пилотное тестирование анкеты проведено на выборке из 40 студентов с целью уточнения формулировок и проверки однозначности понимания вопросов. В основном опросе распространено 750 анкет, получено 712 валидных (возвратность 94,9 %). Внутренняя согласованность шкал на хорошем уровне (α Кронбаха = 0,84). Статистику считали в SPSS 27.0, значимость межгрупповых различий проверяли критерием χ^2 Пирсона ($\alpha = 0,05$).

Результаты исследования. Объем курса варьируется настолько сильно, что его минимум и максимум отличаются вдвое: от 36 часов в Чжаоцинском университете до 72 — в Пекинском педагогическом. При этом практические занятия — там, где они предусмотрены, — никогда не превышают трети аудиторной нагрузки. В одном из университетов практические занятия полностью отсутствуют. Лишь в Столичном педагогическом университете студентам выделяют часы на самостоятельную методическую разработку (см. табл.).

Объем и структура дисциплины в четырех университетах

Университет	Объем, часы				Доля лекций, %
	Всего	в том числе			
		лекции	семинары	самостоятельная работа	
Чжаоцинский	48	20	16	12	41,7
Пекинский педагогический	54	28	18	8	51,9
Столичный педагогический	36	18	8	10	50,0
Хэнаньский	72	48	16	8	66,7

Что касается содержания, то Орф, Кодай и Далькроз представлены во всех четырех программах; Судзуки и Кабалевский факультативны — их включают не всегда, при сокращении объема курса эти две системы исключаются первыми. По-видимому, при дефиците времени исключаются системы, методически наиболее удаленные от привычной практики китайского преподавателя. Следует также отметить, что ни в одной программе нет тем, где бы западные подходы сопоставлялись с китайской музыкально-педагогической традицией — ни в одной из рассмотренных программ подобные темы не предусмотрены.

Анализ методов обучения показал следующее. Разброс по доле лекционной нагрузки значителен. В Чжаоцинском университете лекции занимают две трети времени — 66,7 %. Для сравнения: в Столичном педагогическом — 41,7 %, почти вдвое меньше. Различие является не формальным, а принципиальным. Хэнаньский и Пекинский педагогический университеты занимают промежуточ-

ное положение: 58,3 и 50,0 % соответственно. Семинары есть в трех программах, но фактически это продолжение лекций: обсуждение прочитанного, доклады. Выход за рамки репродуктивных форм работы не предусмотрен. Практическое музицирование (пение, игра на инструментах, движение), составляющее сущность рассматриваемых систем, присутствует только в Пекинском педагогическом (33,3 % нагрузки). Остальные три программы даже не предполагают, что студент возьмет инструмент в руки. Таким образом, в трех из четырех программ практическое музицирование не предусмотрено, что противоречит деятельностной природе осваиваемых систем.

Результаты анкетного опроса выявили следующее. Анкетный опрос проведен среди студентов Чжаоцинского университета ($N = 712$ валидных анкет; распространено 750; возвратность 94,9 %). Общая удовлетворенность содержанием курса — на среднем уровне: $M = 3,12$ при $SD = 0,78$ (шкала от 1 до 5). Данный показатель

не является критическим, но и не позволяет сделать оптимистичных выводов. Далее необходимо отметить, что 64,3 % респондентов (95 % доверительный интервал: 60,8—67,8 %) оценивают практическую часть как недостаточную. Средняя оценка — $M = 2,84$ ($SD = 0,92$). Установлено, что неудовлетворенность возрастает от курса к курсу. На первом — 51,2 %, на втором — 63,7 %, на третьем — 71,8 %. Разница статистически значима: $\chi^2 = 14,3$, $p < 0,01$. По-видимому, по мере накопления учебного опыта студенты всё острее осознают разрыв между теоретическими знаниями и практическими умениями. Что касается пожеланий: 58,7 % хотели бы больше практики — что представляет собой ожидаемый результат. 42,1 % высказались за задания, где нужно самостоятельно разрабатывать фрагменты уроков с использованием изученных систем. Также 34,6 % высказались за включение сравнительного анализа западных и китайских подходов. Среди технологических предпочтений преобладают видеозаписи уроков-образцов (71,3 %) и интерактивные цифровые тренажеры (48,9 %).

Наиболее выраженным дисбалансом является преобладание лекционных занятий. Когда лекции занимают от 42 до 67 % аудиторного времени, студент лишен возможности апробировать изученные приемы. Все рассматриваемые системы: орфовская, кодаевская, далькрозовская, судзуковская — строятся вокруг практического действия: пение, движение, игра на инструменте. Это деятельностные методики, а не исключительно теоретические положения. При отсутствии практики курс превращается в набор абстрактных сведений, которые студент, вероятно, никогда не сможет применить в практической деятельности.

Еще одним ограничением выступает неравномерность распределения учебного времени между системами. На изучение систем Орфа и Кодая отводится по 8—9 часов, по две-три темы на каждого; на Судзуки и Кабалева же приходится не более одной-двух лекций на каждого. При сокращении объема курса они также исчезают первыми. Данное распределение, по-видимому, отражает интуитивное предпочтение методик, более близких сложившейся практике китайских преподавателей. Одна обзорная лекция не обеспечивает освоения системы и ограничивается информированием.

Третье ограничение, и наиболее существенное, — западные системы изучаются в отрыве от китайской традиции. Ни в одной программе нет раздела, где бы, например, орфовский принцип элементарной музыки сопоставлялся с ансамблевой традицией народного музицирования, кодаевская относительная сольмизация — с цифровой нотацией цзяньпу, ритмическая гимнастика Далькроза — с китайскими телесными практиками. Из-за отсутствия таких сопоставительных линий западные системы воспринимаются как чужеродный элемент, а не как ресурс, который можно критически осмыслить и встроить в собственную педагогику. С точки зрения теории образовательного заимствования, процесс остается на стадии принятия решения. Системы в kurikulum включены, но стадия укоренения — встраивания в местную образовательную ткань — не достигнута. Их преподают как автономный блок, почти не пересекающийся с теми элементами китайской культуры, которые могли бы стать точками соприкосновения: жесты пекинской оперы, техника коллективной декламации, двигательные практики [1, с. 301]. Межкультурный диалог, провозглашенный как цель подготовки учителей музыки [10, с. 63], в настоящее время остается во многом декларативным. Хотя прин-

ципальная совместимость западных подходов с китайской традицией, безусловно, существует — вопрос лишь в корректной культурной адаптации [14].

На основе полученных данных, а также с учетом существующих публикаций о модернизации куррикула [12, с. 340], можно выделить три направления. Первое направление — переход к модульному проектированию, при котором каждый западный блок завершается не контрольным тестом, а методической разработкой студента. Схема предусматривает следующие этапы: разбор приема → адаптация к китайскому музыкальному материалу → демонстрация фрагмента урока. Логика «анализ — перенос — проба» переводит образовательное заимствование от теоретической рецепции к реальному укоренению. Однако модульного проектирования недостаточно: необходимо, чтобы практическое музицирование занимало не номинальную, а не менее половины аудиторного времени. Показатель 50—60 % представляет собой экспертную оценку автора, основанную на анализе программ и опросе; она потребует уточнения при апробации, однако общее направление очевидно. Третье направление — введение сравнительного модуля, без которого западные подходы не могут быть интегрированы в национальную образовательную традицию. Орфовская элементарная музыка и ансамблевая традиция народного музицирования; кодаевская сольмизация и цифровая нотация цзяньпу; ритмическая гимнастика Далькроза и китайские телесные практики. Без такого сопоставления западные подходы не будут интегрированы в национальную образовательную традицию. Это прямо вытекает из требования кубической модели о многоуровневом сравнении. Отдельного внимания заслуживает цифровизация: студенты отметили программы-тренажеры и моделирующие среды как самые перспективные — они могут частично компенсировать нехватку аудиторных часов [9].

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что при всех различиях в объеме и структуре курса его реальная эффективность определяется не количеством охваченных систем, а способом организации их освоения. Там, где программа ограничивается лекционным обзором, дидактический потенциал западных методик остается невостребованным. Результаты анкетного опроса показывают: 64,3 % студентов оценивают практическую составляющую как недостаточную, причем доля неудовлетворенных растет от первого курса к третьему (с 51,2 до 71,8 %), а 58,7 % опрошенных хотели бы самостоятельно разрабатывать фрагменты уроков с использованием изученных систем.

С опорой на полученные данные сформулированы три ключевых направления совершенствования дисциплины:

1. Переход к модульному проектированию, при котором каждый блок завершается методической разработкой студента по схеме «анализ приема → адаптация к китайскому музыкальному материалу → фрагмент урока».
2. Увеличение доли практического музицирования до 50—60 % аудиторного времени.
3. Введение сравнительного модуля, сопоставляющего ключевые принципы западных систем с китайской педагогической традицией.

Данные рекомендации носят характер экспертных оценок и требуют эмпирической проверки в условиях реального учебного процесса.

С теоретической точки зрения исследование уточняет, на какой стадии образовательного заимствования — между институциональным принятием и укоренением — находится сегодня преподавание западных систем в китайских педагогических вузах. Выявленный разрыв, по-видимому, не ограничивается китайской спецификой, однако проверка этой гипотезы требует кросс-национальных сопоставительных исследований. Исследование имеет ограничения: выборка из четырех университетов не репрезентативна для всей системы педагогического

образования КНР, анкетный опрос проводился на базе одного вуза, а одномоментный характер опроса не позволяет интерпретировать межкурсовые различия в причинно-следственной логике. Дальнейшие исследования целесообразно направить на расширение выборки университетов, проведение лонгитюдных замеров, кросс-национальные сопоставления с другими странами Восточной Азии и разработку критериев оценки методической компетентности выпускников в области западных систем музыкального образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чжан Тинтин, Тагильцева Н. Г. Национальные культурные традиции в музыкальном образовании студентов китайских университетов // *Язык и культура*. 2023. № 64. С. 292—303.
2. Фей Янь. Трансформация музыкального образования в Китае: от истоков до цифровых технологий // *Научно-педагогическое обозрение*. 2023. Вып. 5(51). С. 70—79.
3. Ли Чжэньюй. Система Карла Орфа в учебном пространстве китайского университета на основе авторской методики // *Перспективы науки*. 2021. № 8(143). С. 100—102.
4. Черватюк П. А., Сун Тао. Сравнительное исследование основ музыкального образования Китая и России // *Межкультурное взаимодействие в современном музыкально-образовательном пространстве : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф.* М. : МГИК, 2018. С. 17—21.
5. Чэнь Ин, Осеннева М. С. Поликультурный компонент общего музыкального образования в аспекте сравнительной педагогики России и Китая // *Музыкальное искусство и образование*. 2022. Т. 10. № 4. С. 148—163. DOI: 10.31862/2309-1428-2022-10-4-148-163.
6. Ван Чэньюй. Сравнительный анализ российской и китайской систем высшего музыкально-педагогического образования // *Культура мира*. 2024. № 47. Т. 13. Вып. 4. С. 164—171.
7. Сун Чжиин. Особенности музыкального образования в России и Китае: сравнительный аспект // *Управление образованием: теория и практика*. 2023. Т. 13. № 4. С. 84—90. DOI: 10.25726/m1825-5081-2178-a.
8. Лю Цзин. Особенности модернизации профессиональной подготовки учителя музыки в Китае // *Вести БГПУ. Серия 1, Педагогика. Психология. Филология*. 2017. № 2(92). С. 27—31.
9. Юйхао Цзян, Галимов А. М. Применение информационных технологий в профессиональной подготовке учителей музыки в Китае // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2025. № 4(188). С. 193—212. DOI: 10.25588/CSPU.2025.188.4.011.
10. Ван Мэйлинь, Осеннева М. С. Межкультурный диалог как феномен организации учебного процесса профессиональной подготовки учителей музыки Китая // *Глобальный научный потенциал*. 2025. № 4(169). С. 61—65.
11. Ковалев А. И., Дань Чжао. Онтологические предпосылки внедрения педагогических идей К. Орфа и З. Кодая в систему музыкального обучения детей в Китае // *Актуальные проблемы искусства: история, теория, методика : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.* Минск : БГПУ им. М. Танка, 2017. С. 325—327.
12. Ян Боюань. Структурные реформы и пути модернизации подготовки учителей музыки в Китае (политика и обновление куррикулума) // *Вестник педагогических наук*. 2025. № 11. С. 335—345.
13. Фу Лей. Игра по методике К. Орфа в музыкально-образовательном процессе в современной педагогике Китая // *Педагогическое образование*. 2022. Т. 3. № 7. С. 184—188.
14. Хань Хаотянь. Использование педагогических идей Карла Орфа в общем музыкальном образовании Китая // *Музыкальное и художественное образование в современном мире: традиции и инновации : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф.* Ростов н/Д. ; Таганрог : РГЭУ (РИНХ), 2025. С. 909—915.
15. Пэн Иньлай. Проблема освоения актуальных методик европейского и российского музыкального образования в процессе подготовки студентов из Китайской Народной Республики // *Научное мнение*. 2020. № 1—2. С. 128—133. DOI: 10.25807/PBN.2224378.2020.1.2.128.133.

REFERENCES

1. Zhang Tingting, Tagiltseva N. G. National cultural traditions in music education of students Chinese universities. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*. 2023;64:292—303. (In Russ.)
2. Fei Yan. Music education transformation in China: from origins to digital technologies. *Nauchno-pedagogicheskoe obozreniye = Pedagogical Review*. 2023;5(51):70—79. (In Russ.)
3. Li Zh. Carl Orff's system in the education space of chinese university based on the author's method. *Perspektivy nauki = Science prospects*. 2021;8(143):100—102. (In Russ.)
4. Chervatyuk P. A., Song T. Comparative study of the foundations of music education in China and Russia. *Mezhkul'turnoe vzaimodeistvie v sovremennom muzykal'no-obrazovatel'nom prostranstve = Intercultural interaction in the modern music-educational space. Proceedings of the XV International scientific and practical conference*. Moscow, Moscow State Institute of Culture publ., 2018:17—21. (In Russ.)
5. Chen Ying, Osenneva M. S. Multicultural Component of General Music Education in Pedagogy of Russia and China. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie = Musical Art and Education*. 2022;10(4):148—163. (In Russ.) DOI: 10.31862/2309-1428-2022-10-4-148-163.

6. Wang Chenyu. Comparative analysis of the Russian and Chinese systems of higher musical and pedagogical education. *Kul'tura mira = Cultural World*. 2024;47(13-4):164—171. (In Russ.)
7. Song Zhiying. Features of Music education in Russia and China: Comparative aspect. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2023;13(4):84—90. (In Russ.) DOI: 10.25726/m1825-5081-2178-a.
8. Liu Jing. Features of modernization of vocational training of the music teacher in China. *Vesti BDPU. Seryya 1, Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya = BSPU Bulletin. Series 1, Pedagogic. Psychology. Philology*. 2017;2(92):27—31. (In Russ.)
9. Yuhao Jiang, Galimov A. M. The use of information technology in the professional training of music teachers in China. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*. 2025;4(188):193—212. (In Russ.) DOI: 10.25588/CSPU.2025.188.4.011.
10. Wang M., Osenneva M. S. Intercultural dialogue as a phenomenon of organizing the educational process of professional training of music teachers in China. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global Scientific Potential*. 2025;4(169):61—65. (In Russ.)
11. Kovalev A. I., Zhao D. Ontological prerequisites for introducing the pedagogical ideas of C. Orff and Z. Kodály into the system of music education for children in China. *Aktual'nye problemy iskusstva: istoriya, teoriya, metodika = Actual problems of art: history, theory, methodology. Proceedings of the IV International scientific and practical conference*. Minsk, Maksim Tank Belarusian State Pedagogical University publ., 2017:325—327. (In Russ.)
12. Yan Boyuan. Structural reforms and paths of modernization in music teacher training in China (policy and curriculum renewal). *Vestnik pedagogicheskikh nauk = Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2025;11:335—345. (In Russ.)
13. Fu Lei. Playing according to the method of C.Orff in the musical and educational process in modern pedagogy of China. *Pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogical Education*. 2022;3(7):184—188. (In Russ.)
14. Han Haotian. Use of Carl Orff's pedagogical ideas in general music education in China. *Muzykal'noe i khudozhestvennoe obrazovanie v sovremennom mire: traditsii i innovatsii = Music and art education in the modern world: traditions and innovations. Proceedings of the VIII International scientific and practical conference*. Rostov-on-Don, Taganrog, Rostov State University of Economics publ., 2025:909—915. (In Russ.)
15. Peng Yinlai. Mastering of relevant methodologies of European and Russian music education by students from the People's Republic of China. *Nauchnoe mnenie*. 2020;1—2:128—133. (In Russ.) DOI: 10.25807/PBH.22224378.2020.1.2.128.133.

Статья поступила в редакцию 30.06.2026; одобрена после рецензирования 24.07.2026; принята к публикации 27.07.2026.
The article was submitted 30.06.2026; approved after reviewing 24.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

Научная статья

УДК 378

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1705

Rachik Ernestovich Shakhnazaryan

Postgraduate of the Department of Pedagogy and Psychology,
scientific specialty5.8.7 — Methodology and technology
of vocational education,

Moscow State Institute of Culture

Khimki, Russian Federation

raachiik@yandex.ru

Рачик Эрнестович Шахназарян

аспирант кафедры педагогики и психологии,
научная специальность5.8.7 — Методология и технология
профессионального образования,

Московский государственный институт культуры

Химки, Российская Федерация

raachiik@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ВУЗА: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье обосновывается педагогическая технология, ориентированная на формирование музыкальной культуры студентов вуза через обращение к современным жанрам популярной музыки. В ходе исследования создана и апробирована в экспериментальном порядке авторская педагогическая технология — факультативный (элективный/специальный) курс «Слушать осознанно: гид по современным жанрам популярной музыки», направленный на последовательный переход от пассивного музыкального потребления к осмысленному культурному действию.

Разработан диагностический инструмент — рубрикатор художественно-ценностного качества популярной музыки, переводящий эстетическое суждение о музыкальных произведениях в четко организованную и аргументированную форму. Он позволил определить стартовые параметры музыкальной подготовленности обучающихся и проследить динамику по мере внедрения технологии. Экспериментальное исследование продемонстрировало эффективность разработанной методики: участники экспериментальной группы добились существенного прироста результатов, в то время как в контрольной группе наблюдались лишь незначительные флуктуации показателей.

Предложенные методические рекомендации обладают практико-ориентированной направленностью и могут

быть интегрированы в структуру действующих образовательных программ вузов без кардинального пересмотра учебно-тематического плана. Проведенные испытания позволили верифицировать гипотезу, согласно которой целенаправленное введение в учебный процесс современных жанров популярной музыки представляет собой значимый фактор становления музыкальной культуры обучающихся, одновременно содействуя их духовно-нравственному и патриотическому воспитанию. Предложенные меры направлены на развитие эстетического вкуса, способности к ценностно-смысловой рефлексии, на выработку устойчивых музыкальных предпочтений, навыка сопротивления массовым клише. Параллельно они формируют готовность к культурно-просветительской практике, укрепляя духовно-нравственные и патриотические установки. Дальнейшая работа связана с приспособлением курса к различным образовательным профилям и направлениям подготовки высшей школы.

Ключевые слова: педагогическая технология, факультативный курс, музыкальная культура, популярная музыка, осознанное слушание, критическое мышление, ценностно-смысловой анализ, музыкальное воспитание, музыкальное просвещение, студенческая молодежь, высшие учебные заведения

Для цитирования: Шахназарян Р. Э. Педагогическая технология формирования музыкальной культуры студентов вуза: результаты опытно-экспериментальной работы // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 600—606. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1705.

Original article

PEDAGOGICAL TECHNOLOGY FOR THE FORMATION OF MUSICAL CULTURE AMONG UNIVERSITY STUDENTS: RESULTS OF EXPERIMENTAL WORK

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article substantiates the pedagogical technology focused on the formation of musical culture of university students through the appeal to modern genres of popular music. In the course of the research, the author's pedagogical technology was created and experimentally tested — an optional (elective/special) course “Mindful listening: a guide to mod-

ern genres of popular music”, aimed at a consistent transition from passive musical consumption to meaningful cultural action.

A diagnostic tool has been developed — a Rubricator of the artistic and value quality of popular music, which translates aesthetic judgment about musical works into a clearly

organized and reasoned form; it allows determining the initial parameters of musical readiness of students and tracing the dynamics as technology is introduced. The experimental study demonstrated the effectiveness of the developed methodology: the participants of the experimental group achieved a significant increase in results, while in the control group there were only minor fluctuations in indicators.

The proposed methodological recommendations are practice-oriented and can be integrated into the structure of existing university educational programs without a radical revision of the curriculum. The conducted tests allowed us to verify the hypothesis that the purposeful introduction of modern genres of popular music into the educational process is a sig-

nificant factor in the formation of musical culture of students, while contributing to their spiritual, moral and patriotic education. The proposed measures are aimed at developing aesthetic taste, the ability to value and meaning reflection, the development of stable musical preferences, the skill of resisting mass clichés; at the same time, they form a willingness to cultural and educational practice, strengthening spiritual, moral and patriotic attitudes. Further work is related to the adaptation of the course to various educational profiles and areas of higher school education.

Keywords: pedagogical technology, optional course, musical culture, popular music, mindful listening, critical thinking, value and meaning analysis, music education, musical enlightenment, student youth, higher education institutions

For citation: Shakhnazaryan R. E. Pedagogical technology for the formation of musical culture among university students: results of experimental work. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):600—606. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1705.

Введение

Актуальность исследования обусловлена прежде всего существующей необходимостью проведения всестороннего и подробного анализа влияния культурных практик в процессе освоения студентами компетенций высшей школы, в т. ч. посредством музыкальной коммуникации. Музыкальная культура студенчества, являясь частью общего культурного контекста, играет ключевую роль в развитии креативности, эмоциональной интеллигентности и способности его к самовыражению. Особенную значимость отмеченное имеет в России, в которой музыкальное образование играет важную роль не только в культурном развитии, но и в воспитании общества в целом. При этом если в отечественной практике музыкальное образование является существенной составляющей педагогического опыта, то в зарубежных странах оно активно интегрируется в повседневную жизнь и формируется за счет продвижения массовой культуры и медиаканалов.

В связи с недостаточным вниманием высших учебных заведений к музыкальному просвещению и воспитанию студентов существуют сложности с формированием музыкального вкуса у обучающихся. В текущих условиях всеобщей цифровизации и общекультурных изменений происходит существенная трансформация музыкальной культуры. Доступность музыкального контента в интернет-пространстве, с одной стороны, расширяет возможности приобщения к разнообразным жанрам музыки, а с другой — обостряет проблему избирательности и осмысленности восприятия: «...в интернет-пространстве музыкальные произведения доступны всем без исключения, и среди них те, кто не всегда готов слушать, слышать, понимать, ориентироваться в музыкальных жанрах и стилях» [1, с. 201]. При этом стихийное потребление музыки зачастую подменяет собой осознанное освоение музыкального материала и не способствует формированию устойчивых ценностно-смысловых ориентиров. В данных условиях педагогическое сопровождение процесса формирования музыкальной культуры у обучающихся должно строиться с учетом близких для них направлений, обеспечивая переход от пассивного потребления к осознанному восприятию и интерпретации музыкального содержания. Соответствующая потребность в научно обоснованной педагогической поддержке и раскрывает актуальность настоящего исследования.

Изученность проблемы. Анализ теоретико-методологических оснований и степени изученности проблемы формирования музыкальной культуры молодежи выявляет как консенсус, так и расхождения среди исследователей.

В научном сообществе сложился ряд общих позиций относительно роли искусства в личностном становлении. Прежде всего, музыка признана обязательным условием гармонизации внутреннего мира, природосообразного развития, трансляции культурного кода и воспитания духовно-нравственных и патриотических качеств — к такому выводу пришли классики отечественной и зарубежной педагогики Т. В. Адорно [2], А. Н. Сохор [3], Д. Б. Кабалевский [4], В. А. Сухомлинский [5], а А. С. Макаренко [6] рассматривает ее с позиции инструмента формирования социальной ответственности и облегчения адаптации в коллективе. Кроме того, такие исследователи, как Н. С. Мудрян [7], Н. С. Кирпиченко [8], А. В. Попова, С. С. Горохова, Г. М. Азнагулова и М. Г. Абрамова [9], подчеркивают устойчивую связь музыкального вкуса с процессами цифровизации. Также необходимо упомянуть И. С. Визовски и И. А. Урмину [10], В. В. Третьякова и И. А. Ефтеева [11], Е. А. Присекина [12] и Т. Е. Загурдаева [13], которые раскрывают вопрос музыкальных предпочтений и подчеркивают значимость использования актуальных для молодежи музыкальных жанров.

Изучаемая тематика получила значимое распространение в трудах исследователей. При этом наблюдается недостаток работ, в которых проводился бы подробный анализ формирования музыкальной культуры студентов через такие современные жанры популярной музыки, как поп, рок, рэп и хип-хоп, современный ар-н-би, а также предлагалась к внедрению система критериев для оценки осознанности их восприятия, учитывающие художественно-ценностные качества на конкретных примерах. Обозначенные проблемы получили отражение в настоящей работе.

Целесообразность разработки темы. В настоящее время в вузах отсутствуют программы формирования музыкальной культуры, учитывающие предпочтения студентов. Традиционные педагогические технологии нацелены на продвижение академической или народной музыки и не учитывают современные жанры популярной музыки, востребованные студентами; результатом является значительное отчуждение со стороны обучающихся. «Современные жанры популярной музыки (поп, рок, рэп и хип-хоп, современный ар-н-би) формируют звуковое окружение большинства представителей “поколения Z” и всё чаще становятся каналами эмоциональной и смысловой самоидентификации» [14, с. 54]. К тому же в связи со стремительной цифровизацией наблюдаются значительные изменения в музыкальной индустрии: «Фактически

цифровизация привела к жанровой контаминации (смешению жанров) и стерла границы между традиционными и новыми формами музыкального выражения» [15, с. 208]. В соответствующих условиях особую значимость приобретает интеграция в образовательную систему вуза факультативных/элективных/специальных курсов, ориентированных на осмысленное освоение современных жанров популярной музыки. Их задача — переводить стихийное потребление в управляемый педагогический процесс, направленный на формирование духовно-нравственных и патриотических ценностей. Использование популярной музыки как легитимного дидактического инструмента в сочетании с внедрением авторской технологии и критериев оценки содержательной составляющей музыкальных произведений позволяет нивелировать деструктивное влияние массовой культуры и системно развивать музыкальный вкус обучающихся.

Теоретическая значимость исследования заключается в обобщении научных трудов по проблемам формирования музыкальной культуры и обосновании этого процесса применительно к студентам вуза. В ходе работы теоретически доказана легитимность использования современных жанров популярной музыки в качестве дидактического инструмента ценностно-смыслового воспитания молодежи. Кроме того, исследование обосновывает эффективность внедрения факультативных/элективных/специальных курсов как стандартного формата взаимодействия преподавателей и студентов высшей школы. Предлагаемые рекомендации позволяют расширить теоретико-методологические основы педагогики и создать обоснованную базу для формирования музыкальной культуры студенческой молодежи.

Практическая значимость исследования заключается в разработке комплекса инструментов для формирования музыкальной культуры студентов вуза. В него входит апробированная педагогическая технология — она реализуется в формате факультативного (элективного/специального) курса «Слушать осознанно: гид по современным жанрам популярной музыки». Дополнительно разработан авторский рубрикатор художественно-ценностного качества популярной музыки и критерии сформированности музыкальной культуры студенческой молодежи, которые позволяют объективно фиксировать динамику освоения материала и могут быть интегрированы в оценочные процедуры образовательного процесса.

Цель исследования — методологическое обоснование процесса формирования музыкальной культуры студентов вуза в процессе изучения современных жанров популярной музыки.

Задачи исследования — разработать и экспериментально апробировать технологию формирования музыкальной культуры студентов вуза в процессе изучения современных жанров популярной музыки.

Гипотеза исследования — систематическое, педагогически целенаправленное включение современных жанров популярной музыки в образовательный процесс вуза (с опорой на осознанное слушание, критический анализ и рефлексивную оценку) эффективно формирует музыкальную культуру студентов, а также способствует их духовно-нравственному и патриотическому воспитанию.

Научную новизну исследования составляют:

1) разработка и экспериментальная апробация авторской педагогической технологии формирования музыкальной культуры студентов вуза через изучение современных жанров популярной музыки, реализуемой в формате факультативного (элективного/специального) курса «Слу-

шать осознанно: гид по современным жанрам популярной музыки», а также авторского инструмента оценивания произведений популярной музыки — рубрикатора художественно-ценностного качества популярной музыки — технология обеспечивает системный дидактический переход от пассивного аудиопотребления к активному, осознанному слушанию и рефлексивному освоению музыкального материала в условиях современной цифровой медиасреды;

2) обоснование системы критериев сформированности музыкальной культуры студенческой молодежи, включающей способность различать массово-коммерческие и культурно-значимые произведения, критически анализировать смысловую нагрузку текстов, соотносить музыкальные смыслы с духовно-нравственными и патриотическими ценностями, а также формировать устойчивый музыкальный вкус как проявление осознанного потребления в условиях обилия музыкального контента;

3) внедрение педагогической технологии формирования музыкальной культуры в единый образовательный процесс, который будет способствовать развитию осознанного слушания и переносу его в повседневную практику студентов — синтез аудиторных и внеучебных форматов позволит сформировать ценностно-ориентированный и осознанный музыкальный выбор при самостоятельном отборе музыкальных произведений.

Основная часть

Методология исследования. Проведенную автором работу можно разделить на три последовательных этапа. Первый из них являлся теоретическим и подразумевал проведение скрупулезного анализа, ориентированного на уточнение понятийного аппарата и выявление направлений совершенствования педагогических технологий. Второй этап предполагал проведение эмпирического исследования, нацеленного на оценку уровня развития музыкальной культуры у обучающихся. По итогам его реализации была определена необходимость внедрения программы по музыкальному просвещению и воспитанию и разработан факультативный (элективный/специальный) курс «Слушать осознанно: гид по современным жанрам популярной музыки», направленный на развитие ценностно-смысловых и рефлексивных компетенций обучающихся. На третьем этапе осуществлялась обобщение полученных данных и разработка рекомендаций по внедрению технологии в образовательный процесс вуза.

Выборка исследования. Объектом исследования являлись преимущественно студенты средних и выпускных курсов Московского государственного института культуры (далее — МГИК), представляющих разные направления подготовки; выбор данной группы обусловлен тем, что она находится на рубеже завершения образования и автономного вхождения в социокультурную среду — на данном этапе в педагогическом отношении особенно значимо развивать устойчивые ценностно-смысловые ориентиры, практики критического восприятия популярной музыки, рефлексивные умения.

Методы и инструменты сбора данных. Диагностика носила комплексный характер. Для отслеживания динамики сформированности музыкальной культуры использовали авторскую анкету-тест, специально разработанный рубрикатор, педагогическое наблюдение, экспертное оценивание и самооценку студентов. Анкета-тест включала 18 вопросов, корреспондировавших с количеством тематических блоков лекционной программы курса; реализованный подход к структурированию анкеты-теста обеспечил

органичную сопряженность с преподаваемым материалом; суммарный балл (максимум 36) предоставлял возможность отслеживать уровень сформированности музыкальной культуры по каждому тематическому блоку в сравниваемых группах. На основании средних значений, полученных в констатирующем и контрольном этапах, была установлена трехуровневая шкала: низкий уровень охватывал диапазон 0—12 баллов, средний — 13—24 балла, высокий — 25—36 баллов. Рубрикатор художественно-ценностного качества популярной музыки включал 5 критериев и 15 вопросов. Показатели рубрикатора были нормированы в пятибалльную систему, при этом итоговое значение по каждому критерию определялось путем расчета среднего арифметического всех полученных данных. Проверка статистической значимости осуществлялась посредством применения *T*-критерия Вилкоксона для связанных выборок.

Результаты исследования. В рамках опытно-экспериментальной работы авторская педагогическая технология прошла разработку и была подготовлена к апробации в образовательной практике; основной формой ее реализации стал факультативный (элективный/специальный) курс «Слушать осознанно: гид по современным жанрам популярной музыки» общим объемом 36 академических часов (18 лекционных занятий).

Материал курса сгруппирован на четыре блока: когнитивный — 8 лекций, медиаграмотностный — 3 лекции, ценностно-смысловой — 4 лекции, критически-рефлексивный — 3 лекции.

Структурные, дидактические и оценочные элементы технологии были объединены в единую модель реализации (табл. 1). Модель позволяет наглядно отразить сквозную логику педагогического воздействия.

Таблица 1

Модель реализации авторской педагогической технологии формирования музыкальной культуры студентов вуза

Блок курса	Содержание	Критерий оценивания
Когнитивный (16 ч.)	В ходе обучения студенты осваивают методы идентификации музыкальных стилей, направлений и жанров, анализируют их историческую эволюцию в период с XX в. до современности, а также научатся дифференцировать такие современные жанры популярной музыки, как попмузыка, рок, рэп и хипхоп, современный ар-н-би и электронная музыка, а также явления кроссжанрового фьюжн-синтеза	Музыкально-когнитивный
Медиаграмотностный (6 ч.)	В ходе обучения студенты разовьют: комплексное восприятия и оценки музыкального контента в условиях стриминговой среды; навык целостного восприятия музыкального контента с учетом его визуальной репрезентации при помощи видеохостингов, а также навык целостного анализа влияния популярной музыки на медиасреду через призму ее эволюции, механизмов трансляции и эффектов воздействия	Медийно-коммуникативный
Ценностно-смысловой (8 ч.)	В ходе обучения студенты сформируют: компетенции по оценке художественно-ценностного качества произведений на основе дифференцированных критериев анализа и практического использования разработанного рубрикатора; способность анализировать текстовое содержание популярной музыки как носителя ценностно-смысловых установок, а также осознанное отношения к популярной музыке как к средству трансляции духовно-нравственных и патриотических ценностей	Ценностно-смысловой, культурно-ориентированный
Критически-рефлексивный (6 ч.)	В ходе обучения студенты научатся: формировать и аргументировать собственные музыкальные предпочтения; уметь критически анализировать популярную музыку, а также отрабатывать стратегии сопротивления индустриальным шаблонам музыкальной индустрии через формирование осознанного потребления популярной музыки	Критически-рефлексивный, культурно-ориентированный

Разработанная педагогическая технология позволяет преодолеть хаотичное, стихийное потребление музыкального материала под влиянием навязанных алгоритмов рекомендаций стримингов и видеохостингов. Интеграция дидактических блоков и оценочного рубрикатора обеспечивает структурность и прозрачность анализа, развивает критическое слушание и формирует музыкальную рефлексивность студентов.

Обсуждение результатов. Для выявления и анализа динамики формирования музыкальной культуры студентов МГИК был проведен контрольный этап педагогического эксперимента. Базой исследования выступил МГИК, а его участниками стали студенты бакалавриата I—IV курсов различных направлений подготовки, не ограниченных исключительно музыкальными специальностями. Они были разделены на две группы: экспериментальная (далее — ЭГ), численность которой составила 31 чел. (прошла авторский курс), и контрольная (далее — КГ), вклю-

чавшая 30 чел. (обучались по стандартной программе). Исследование выполнено в полном соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и нормативными актами исследовательских организаций. Каждый респондент дал информированное согласие на участие в анкетировании. Обработка данных осуществлялась в обезличенной форме, персональные данные не собирались и не использовались в анализе.

В качестве инструмента оценки была использована разработанная анкета-тест «Диагностика динамики сформированности знаний студентов о популярной музыке», содержащая 18 вопросов по каждой из лекционных тем курса. Каждый из ответов наделялся баллом от 0—2, совокупная итоговая оценка позволила выявить три уровня: низкий — 0—12 баллов, средний — 13—24 балла, высокий — 25—36 баллов. Сгруппированные по четырем блокам суммарные результаты полученной оценки представлены в табл. 2.

Таблица 2

Суммарные баллы сформированности музыкальной культуры по тематическим блокам анкеты-теста в экспериментальной и контрольной группах, баллы

Блок	Содержание блока	КГ	ЭГ
I	Когнитивный (вопросы 1—8): систематизированные знания о стилях, направлениях и жанрах популярной музыки	5,8	10,8
II	Медиаграмотностный (вопросы 9—11): понимание роли стриминговых платформ, видеохостингов и механизмов воздействия медиасреды	2,3	5,4
III	Ценностно-смысловой (вопросы 12—15): способность выявлять художественно-ценностное содержание и воспитательный потенциал музыкальных произведений	4,3	7,0
IV	Критически-рефлексивный (вопросы 16—18): формирование навыков критического восприятия и устойчивости музыкального вкуса	2,4	4,2
Итого		14,8	27,4

На контрольном этапе по уровню сформированности музыкальной культуры ЭГ существенно опережает КГ (27,4 против 14,8 балла из 36 возможных). При этом структурная детализация не отражает динамики изменений.

Для оценки динамики сформированности в сопоставлении констатирующего и контрольного этапов использованы показатели среднего балла и распределения студентов по уровням сформированности (табл. 3). Двухуровневый подход позволяет одновременно показать и содержательную природу прироста (по блокам), и количественную выраженность эффекта (по этапам).

Таблица 3

Динамика сформированности музыкальной культуры студентов на констатирующем и контрольном этапах

Показатели и уровни сформированности	КГ		ЭГ	
	конст. этап	контр. этап	конст. этап	контр. этап
Низкий уровень (0—12 баллов)	33,3 %	30,0 %	35,5 %	3,2 %
Средний уровень (13—24 балла)	53,3 %	56,7 %	51,6 %	32,3 %
Высокий уровень (25—36 баллов)	13,3 %	13,3 %	12,9 %	64,5 %
Средний балл (из 36 возможных)	15,9	16,3	15,6	27,4
Абсолютный прирост среднего балла	—	+0,4	—	+11,8
Относительный прирост среднего балла	—	+2,5 %	—	+75,6 %

На контрольном этапе среднее значение в ЭГ составило 27,4 балла; оно соотносится с совокупным результатом по четырем тематическим блокам анкеты-теста (табл. 2). Определение абсолютного прироста проводилось по разнице между показателями контрольного и констатирующего этапов, относительного — по процентной доле указанного прироста от уровня констатирующего этапа.

Таблица 3 отражает динамику сформированности музыкальной культуры синтетическим путем — посредством обобщенного числового показателя анкетного опроса; табл. 4 раскрывает соответствующую динамику в соответствии с пятью основными критериями анализа: музыкально-

когнитивным, медийно-коммуникативным, ценностно-смысловым, критически-рефлексивным, культурно-ориентированным.

Наряду с демонстрацией общего масштаба прироста в экспериментальной группе выявлены критерии, в которых эффект разработанной технологии проявился наиболее выраженно.

Таблица 4

Динамика средних показателей сформированности музыкальной культуры в разрезе пяти критериев оценивания

Критерий	КГ		ЭГ	
	конст. этап	контр. этап	конст. этап	контр. этап
Музыкально-когнитивный	3,2	2,8	2,5	4,9
Медийно-коммуникативный	3,0	3,4	2,8	4,2
Ценностно-смысловой	2,4	2,1	2,0	4,0
Критически-рефлексивный	2,0	2,2	1,9	4,1
Культурно-ориентированный	3,1	3,3	2,9	4,2
Среднее значение	2,74	2,76	2,42	4,48

Значения в табл. 4 отражают средние баллы по пяти критериям, рассчитанные как интегральные показатели по пятибалльной шкале на основе комплекса данных: результатов анкеты-теста, специально разработанного рубрикатора, педагогических наблюдений, экспертной оценки и самооценки студентов. Все источники были нормированы к единой пятибалльной шкале, итоговый балл по критерию определен как среднее арифметическое данных показателей. Среднее значение по критериям — среднее арифметическое баллов по пяти критериям. Прирост рассчитан как разность значений контрольного и констатирующего этапов.

Математическая достоверность и значимость зафиксированных изменений в экспериментальной группе была проверена с помощью непараметрического метода *T*-критерия Вилкоксона для связанных выборок. Критерий применялся отдельно по каждому из пяти критериев оценивания (сопоставление индивидуальных результатов «до» и «после» у одних и тех же студентов; $n = 31$). Анализ индивидуальных сдвигов показал: по всем пяти критериям зафиксированы исключительно положительные изменения (нулевые и отрицательные сдвиги отсутствуют). Эмпирическое значение критерия составило $T_{\text{эмп}} = 0$. Критические значения $T_{\text{кр}} (p \leq 0,05) = 173$, $T_{\text{кр}} (p \leq 0,01) \approx 145$; условие $T_{\text{эмп}} \leq T_{\text{кр}}$ соблюдено полностью; нулевая гипотеза об отсутствии эффекта на уровне значимости $p \leq 0,01$ отклонена. Отмечен рост с 2,42 до 4,48 среднего балла в ЭГ по пяти критериям, прирост составил 2,06 балла. Получено статистическое подтверждение значимого положительного влияния разработанной педагогической технологии на сформированность музыкальной культуры студентов вуза.

Практические рекомендации. На основе разработанной педагогической технологии и обобщения дидактических материалов авторского курса сформулированы практические рекомендации для высших учебных заведений, направленные на повышение эффективности формирования музыкальной культуры у обучающихся:

1. Внедрить факультативный (элективный/специальный) курс «Слушать осознанно: гид по современным жанрам популярной музыки» в вариативную часть учебных планов объемом 36 академических часов (4 блока, 18 лекций). Внедрение данного курса позволит избежать перегрузки

обязательной программы и создаст психологически безопасное пространство для открытого обсуждения реальных музыкальных предпочтений студентов. Обеспечить поблочную структуру обучения, последовательно интегрирующую когнитивный, медиаграмотностный, ценностно-смысловой и критически-рефлексивный блоки. Такой подход обеспечивает дидактически обоснованный переход от теоретического освоения материала к его практическому применению, поддерживая поэтапное формирование целевых образовательных результатов. Использовать лекции с элементами диалога как основную форму обучения, органично сочетающую систематическое изложение материала преподавателем с активным вовлечением обучающихся в групповое обсуждение.

2. Применять рубрикатор художественно-ценностного качества популярной музыки (5 критериев, 15 вопросов) как сквозной оценочно-аналитический инструмент. Проводить деконструкцию массово-коммерческих образов популярной музыки (набравших от 0 до 10 баллов по рубрикатору) с целью выявления скрытых техник эмоционального манипулирования, стандартизированных композиционных клише и рисков формирования деструктивных установок. Реализовать сопоставительный анализ смешанно-противоречивых образов популярной музыки (набравших от 11 до 20 баллов по рубрикатору) с культурно-значимыми (набравших от 21 до 30 баллов по рубрикатору) для выявления участков, характеризующихся дефицитом ценностно-смыслового наполнения, утраты концептуальной целостности произведения и последующей разработки мер по повышению его художественно-ценностного качества. Внедрить ведение «слушательского дневника» рефлексивного анализа музыкальных произведений в качестве ключевого элемента самостоятельной домашней работы обучающихся для закрепления навыков осознанного слушания и критического анализа популярной музыки.

3. Интегрировать аудиторные занятия с внеучебными форматами (круглыми столами, панельными дискуссиями, дискуссионными клубами и т. д.), формируя единую образовательно-воспитательную систему, обеспечивающую устойчивость навыков осознанного слушания, критического анализа, рефлексивной оценке и их стабильный перенос в повседневную музыкальную практику обучающихся.

Заключение

В ходе проведенного исследования была полностью решена поставленная задача — была разработана и экспериментально апробирована технология формирования музыкальной культуры студентов вуза посредством изучения современных жанров популярной музыки, а ее эффективность подтверждена результатами опытно-экспериментальной работы. Реализация технологии предусматривала проведение факультативного (элективного/специального) курса «Слушать осознанно: гид по современным жанрам популярной музыки», рассчитанного на 36 академических часов, включающего 4 блока и 18 лекций. Данный курс направлен на развитие музыкально-когнитивного, медийно-коммуникативного, ценностно-смыслового, критически-рефлексивного и культурно-ориентированного критерия к восприятию популярной музыки. Рубрикатор художественно-ценностного качества популярной музыки и анкета-тест «Диагностика динамики сформированности знаний студентов о популярной музыке», специально разработанные автором, выполнили функции диагностического средства, позволившего выявить исходный уровень музыкального развития студентов и отследить динамику в процессе апробации педагогической технологии. Проверка статистической значимости осуществлялась посредством применения *T*-критерия Вилкоксона для связанных выборок. На основе обобщения материалов авторского курса и результатов опытно-экспериментальной работы сформулированы практические рекомендации для вузов, которые могут быть встроены в действующие образовательные программы высшей школы без существенных корректировок учебных планов.

Выдвинутая гипотеза нашла полное подтверждение: систематическое, педагогически целенаправленное включение современных жанров популярной музыки в образовательное пространство вуза, опирающееся на осознанное слушание, критический анализ и рефлексивное оценивание, становится действенным механизмом формирования музыкальной культуры, а также развития духовно-нравственного и патриотического воспитания студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Христидис Т. В., Шахназарян Р. Э. Формирование музыкальной культуры у студенческой молодежи: от теории к практике // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2024. № 1(72). С. 198—207.
- Адорно Т. В. Избр. : Социология музыки. М. ; СПб. : Университетская книга, 1999. 445 с.
- Сохор А. Н. Социология и музыкальная культура. М. : Советский композитор, 1975. 202 с.
- Кабалевский Д. Б. О музыке и музыкальном воспитании. М. : Книга, 2004. 191 с.
- Сухомлинский В. А. О воспитании. М. : Политиздат, 1973. 270 с.
- Макаренко А. С. О воспитании : сб. / сост. и авт. вступ. ст. В. С. Хелемендик. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Политиздат, 1990. 414 с.
- Мудрян Н. С. Социальный контекст изучения музыкальной культуры // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 5. С. 97—106.
- Кирпиченко Н. С. Массовая музыка в цифровом обществе // Цифровое общество в России и Китае : сб. ст. XXI рос.-кит. социол. конф. СПб. : Астерион, 2025. С. 190—196.
- Попова А. В., Горохова С. С., Азнагулова Г. М., Абрамова М. Г. Феномен цифровизации музыки как фактор новых социокультурных трансформаций // Проблемы музыкальной науки. 2021. № 3. С. 76—85. DOI: 10.33779/2587-6341.2021.3.076-085.
- Визовски И. С., Урмина И. А. Влияние музыкальной индустрии на социальную жизнь общества // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21. № 4. С. 59—65.
- Третьяков В. В., Ефтеев И. А. О музыкальных предпочтениях молодежи // Культура. Наука. Образование. 2022. № 1(62). С. 138—145.
- Присекин Е. А. Музыкальные вкусы студенческой молодежи // Актуальные проблемы общественных наук : материалы науч.-практ. конф. студентов и преподавателей «Актуальные проблемы общественных наук», «Парламентаризм в Российской государственности». Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 34—37.

13. Загурдаев Т. Е. Жанровые музыкальные предпочтения студентов вуза // Мой профессиональный стартап : сб. ст. по материалам X Всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород : Нижегород. гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина, 2023. С. 18—23.

14. Шахназарян Р. Э. Современные жанры популярной музыки как средство духовно-нравственного и патриотического воспитания студенческой молодежи // Образование и культурное пространство. 2025. № 4. С. 54—66.

15. Шахназарян Р. Э. Комплексный подход к формированию музыкальной культуры у студентов вуза // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2024. № 4(75). С. 202—216.

REFERENCES

1. Khristidis T. V., Shakhnazaryan R. E. Formation of musical culture of students: from theory to practice. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* = *Innovation in psychological and pedagogical research*. 2024;1(72):198—207. (In Russ.)

2. Adorno T. W. Selected works: Sociology of Music. Moscow, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, 1999. 445 p. (In Russ.)

3. Sokhor A. N. Sociology and musical culture. Moscow, Sovetskii kompozitor, 1975. 202 p. (In Russ.)

4. Kabalevsky D. B. On music and musical education. Moscow, Kniga, 2004. 191 p. (In Russ.)

5. Sukhomlinsky V. A. On education. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1973. 270 p. (In Russ.)

6. Makarenko A. S. On Upbringing. Collection. V. S. Khelemendik (comp. & preface). 2nd ed. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1990. 414 p. (In Russ.)

7. Mudryan N. S. Social context of musical culture study. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* = *Social and humanitarian knowledge*. 2021;5:97—106. (In Russ.)

8. Kirpichenko N. S. Mass music in the digital society. *Tsifrovoe obshchestvo v Rossii i Kitae* = *Digital society in Russia and China. Collection of articles of the XXI Russian-Chinese sociological conference*. Saint Petersburg, Asterion, 2025:190—196. (In Russ.)

9. Popova A. V., Gorokhova S. S., Aznagulova G. M., Abramova M. G. The Phenomenon of Digitalizing Music as a Factor of New Sociocultural Transformations. *Problemy muzykal'noi nauki* = *Music Scholarship*. 2021;3:76—85. (In Russ.) DOI: 10.33779/2587-6341.2021.3.076-085.

10. Vizovski I. S., Urmina I. A. Influence of the Music Industry on Social Life of Society. *Sotsial'naya politika i sociologiya* = *Social Policy and Sociology*. 2022;21(4):59—65. (In Russ.)

11. Tretyakov V. V., Efteev I. A. On the musical preferences of young people. *Kul'tura. Nauka. Obrazovanie*. 2022;1(62):138—145. (In Russ.)

12. Priarkin E. A. Musical tastes of students. *Aktual'nye problemy obshchestvennykh nauk* = *Actual problems of social sciences. Proceedings of scientific and practical conferences of students and teachers "Actual problems of social sciences", "Parliamentarism in Russian statehood"*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University publ., 2022:34—37. (In Russ.)

13. Zagurdaev T. E. Genre musical preferences of university students. *Moi professional'nyi startap* = *My professional startup. Collection of articles based on the materials of the X All-Russian scientific and practical conference*. Nizhny Novgorod, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University publ., 2023:18—23. (In Russ.)

14. Shakhnazaryan R. E. Modern genres of popular music as a means of spiritual, moral and patriotic education of students. *Obrazovanie i kul'turnoe prostranstvo* = *Education and cultural space*. 2025;4:54—66. (In Russ.)

15. Shakhnazaryan R. E. An integrated approach to the formation of musical culture among university students. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* = *Innovation in psychological and pedagogical research*. 2024;4(75):202—216. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.06.2026; одобрена после рецензирования 19.07.2026; принята к публикации 20.07.2026.
The article was submitted 27.06.2026; approved after reviewing 19.07.2026; accepted for publication 20.07.2026.

Научная статья
УДК 378.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1711

Kurpatu Lechaevna Yarycheva
Assistant
of the Department of Theory
and Technology of Social Work,
Kadyrov Chechen State University
Grozny, Russian Federation
kchiro@inbox.ru

Курпату Лечаевна Ярычева
ассистент кафедры теории
и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет
имени А. А. Кадырова
Грозный, Российская Федерация
kchiro@inbox.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ЛИЦАМИ, ПРИНИМАВШИМИ УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В современных геополитических условиях появляются новые требования к обеспечению социальной защиты общества, сопровождению отдельных групп граждан. В профессиональном стандарте специалиста по социальной работе выделена трудовая функция, предусматривающая поддержку военнослужащих, ветеранов, членов их семей. В связи с этим в вузе важно формировать готовность будущих социальных работников к взаимодействию с данными субъектами, в т. ч. имеющими опыт боевых действий. Цель статьи состоит в научном обосновании и интерпретации педагогических условий формирования готовности будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях.

На основе анализа научных источников, нормативных документов и педагогических решений предложено три педагогических условия: применение потенциала интерактивных лекций для совершенствования нормативно-этических знаний будущих социальных работников; использование возможностей активных методов обучения в развитии коммуникативных умений студентов социального профиля; содействие студентам в освоении цифровых техноло-

гий, обеспечивающих поиск информации о предоставлении мер поддержки военнослужащих. Они отвечают нормативно-этическому, психолого-педагогическому и информационно-технологическому аспектам взаимодействия специалистов с военнослужащими. Описаны особенности реализации данных условий в вузе, рекомендации к компетенциям преподавательского состава.

Настоящее исследование имеет практическую ценность для преподавателей, кураторов, педагогов-психологов, обеспечивающих реализацию образовательно-воспитательных и информационно-просветительских мероприятий для будущих социальных работников. Реализация данных условий направлена на подготовку востребованных специалистов социальной сферы, готовых гибко реагировать на новые вызовы и оперативно решать актуальные проблемы граждан, обеспечивающих защиту нашей страны.

Ключевые слова: студент, вуз, педагогические условия, будущий социальный работник, готовность к взаимодействию, принимавшие участие в боевых действиях лица, военнослужащие, социальные услуги, специальная военная операция, социальное обучение

Для цитирования: Ярычева К. Л. Педагогические условия формирования готовности будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 607—612. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1711.

Original article

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR DEVELOPING FUTURE SOCIAL WORKERS' READINESS TO INTERACT WITH PERSONS WHO HAVE PARTICIPATED IN COMBAT

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. In today's geopolitical conditions, new demands are emerging for ensuring social protection of society and supporting specific groups of citizens. The professional standard for social work specialists highlights a job function that includes supporting military personnel, veterans, and their families. Therefore, it is important for universities to develop the readiness of future social workers to interact with these individuals, including those with combat experience. The purpose of this article is to scientifically substantiate and interpret

the pedagogical conditions for developing the readiness of future social workers to interact with persons who have participated in combat.

Based on an analysis of scientific sources, regulatory documents, and pedagogical solutions, three pedagogical conditions are proposed: utilizing the potential of interactive lectures to improve the normative and ethical knowledge of future social workers; leveraging the potential of active learning methods to develop the communication skills of students majoring

in social work; and assisting students in mastering digital technologies that facilitate the search for information on the provision of support measures for military personnel. These conditions meet the normative-ethical, psychological-pedagogical, and information-technological aspects of interaction between specialists and military personnel. The specifics of implementing these conditions at the university and recommendations for the competencies of the teaching staff are described.

This study has practical value for teachers, curators, and educational psychologists who ensure the implementa-

tion of educational, upbringing, and informational activities for future social workers. The implementation of these conditions is aimed at training in-demand social sector specialists who are ready to flexibly respond to new challenges and promptly resolve the pressing problems of citizens who ensure the protection of our country.

Keywords: *student, university, pedagogical conditions, future social worker, readiness for interaction, persons who took part in combat, military personnel, social services, special military operation, social training*

For citation: Yarycheva K. L. Pedagogical conditions for developing future social workers' readiness to interact with persons who have participated in combat. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;3(76):607—612. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1711.

Введение

Актуальность. Современная Россия столкнулась с серьезным вызовом к безопасности граждан, необходимостью обеспечения физической, социальной, экономической, психологической защиты общества. Специальная военная операция на территории Украины (далее — СВО), реализуемая с 2022 г., показала как сильные, так и уязвимые стороны различных сфер государства: военной, социальной, медицинской, финансовой, педагогической и пр. Появились категории граждан, нуждающиеся в особом внимании специалистов помогающих профессий, квалифицированной медицинской, психологической, социальной поддержке. Среди них особое внимание приковывается к военнослужащим, в т. ч. лицам, принимавшим участие в боевых действиях. На государственном уровне разрабатываются программы поддержки данной категории граждан, принимаются законы, укрепляющие правовой статус военнослужащих, реализуются меры оказания материальной и нематериальной помощи. Ключевую роль в реализации данных мер и сопровождении лиц, принимавших участие в боевых действиях, играют социальные работники.

Данное заключение поддерживает обновленный профессиональный стандарт специалиста по социальной работе, вступивший в действие с 2025 г. В этом документе выделена трудовая функция, предусматривающая персональное сопровождение лиц, принимавших участие в боевых действиях. Указывается, что социальные работники должны ориентироваться в вопросах реабилитационной, правовой, психологической помощи данным субъектам, соблюдать профессиональную этику, вести документацию и применять цифровые технологии. В связи с этим вузы, осуществляющие профессиональную подготовку будущих социальных работников, должны уделять особое внимание формированию их готовности к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях. Важно формировать у студентов социального профиля широкий спектр профессиональных компетенций в рассматриваемом аспекте, включающих умения взаимодействия с военнослужащими и их семьями с позиции профессиональной этики и юридических оснований, на основе психологических знаний и с применением цифровых ресурсов. Соответственно, возникает необходимость определения педагогических условий реализации данного процесса, которые позволят повысить готовность студентов социального обучения к взаимодействию с военнослужащими, обеспечивающими защиту Родины, здоровья, жизни и безопасности российских граждан.

Цель статьи — научное обоснование и интерпретация педагогических условий формирования готовности будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать научные исследования, раскрывающие педагогические аспекты профессиональной подготовки студентов социального профиля к взаимодействию с военнослужащими;
- 2) разработать и обосновать педагогические условия формирования готовности будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях;
- 3) охарактеризовать особенности реализации педагогических условий в образовательном процессе вуза.

Целесообразность разработки темы определяется высокой социальной напряженностью в обществе, обусловленной военно-политическими событиями и детерминирующей поиск новых научно-прикладных решений по повышению профессионализма специалистов помогающих профессий. Важно определить педагогические условия формирования готовности будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях. Реализация данных условий позволит преподавателям готовить специалистов, способных соответствовать современным требованиям к осуществлению социальной поддержки граждан.

Степень изученности проблемы. Вопросы развития профессионально значимых качеств студентов социального профиля, связанных с повышением эффективности их взаимодействия с клиентами, раскрывались в работах Ю. В. Герция, В. В. Сизиковой, О. А. Аникеевой, О. Д. Прянишниковой [1], Е. С. Пайгиной [2], С. Р. Умархаджиевой [3] и др. Психологические аспекты формирования профессиональной готовности личности рассматривались М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбовичем [4], Р. Д. Санжаевой [5], Н. Д. Левитовым [6], М. Р. Исмаиловым [7]. В научных публикациях отечественных ученых констатируется важность подготовки будущих социальных работников к социальному социальной защите и сопровождению военнослужащих [8—12]. Предлагается использовать активные методы обучения, опираться на практики специалистов помогающей деятельности в освоении студентами социальных технологий, необходимых для взаимодействия с участниками военных событий. Зарубежные ученые подчеркивают необходимость исследования психологических механизмов военной службы и последствий участия для личности в боевых действиях [13—15].

Научная новизна исследования выражается в разработке новых педагогических решений, обеспечивающих повышение эффективности профессиональной подготовки будущих социальных работников в условиях социально-политических трансформаций; предложении педагогических условий формирования готовности студентов к взаимодействию с социальной группой, нуждающейся в особой социальной поддержке, — участниками боевых действий, в т. ч. СВО.

Теоретическая значимость исследования определяется систематизацией трех направлений профессионального обучения современных специалистов социального профиля (нормативно-этического, психолого-педагогического, информационно-технологического), расширяющих теоретические основания формирования готовности будущих социальных работников к взаимодействию с военнослужащими.

Практическая значимость работы выражается в возможности применения полученных результатов для обновления содержательных и процессуальных аспектов обучения будущих социальных работников, осваивающих программы среднего профессионального и высшего образования. Предложенные педагогические условия могут использоваться преподавателями для усовершенствования лекционных и практических занятий, кураторами для повышения эффективности воспитательной работы и педагогами-психологами в реализации профилактической и просветительской работы в вузе.

Основная часть

Методами исследования выступают аналитический обзор нормативных и научных источников, обобщение теоретических данных в области социального обучения студентов, систематизация педагогических решений по профессиональной подготовке будущих социальных работников в соответствии с новыми требованиями к профессионализму специалистов.

Готовность будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях, является важным профессионально значимым качеством. Она предполагает психологические знания в области эмоциональных состояний личности, коммуникативные умения, ориентацию в социальных технологиях (реабилитационных, профилактических, просветительских) и цифровых ресурсах социальной поддержки военнослужащих и их семей. В научных исследованиях данная проблематика раскрыта недостаточно. Внимание уделяется в большей степени разработке научных оснований совершенствования навыков взаимодействия социальных работников с разными группами клиентов. Ученые отмечают, что социальные работники осуществляют социальное взаимодействие с детьми-сиротами, безработными, инвалидами, беженцами. Утверждается, что они должны способствовать расширению коммуникативных возможностей граждан, получающих социальные услуги; оказывать помощь гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации [1]. Подчеркивается целесообразность формирования готовности у будущих социальных работников к социальному взаимодействию с клиентами. Предлагаются педагогические условия данного процесса, связанные с расширением социального партнерства, активизацией межкультурных связей и углублением межпредметных знаний студентов [2]. Называются педагогические

условия формирования социокультурной компетентности будущих бакалавров социальной работы [3]. Они предполагают развитие социального интеллекта данных студентов, кросс-культурной компетентности, исследование ситуаций межличностного взаимодействия с помощью активных методов обучения.

Психологические вопросы формирования профессиональной готовности личности рассматриваются М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбовичем [4], Р. Д. Санжаевой [5], Д. Н. Левитовым [6]. Данная готовность трактуется как психическое состояние, побуждающее к действию, интегрирующее мотивационный, познавательный, деятельностный компоненты. М. Р. Исмаиловым раскрываются психолого-педагогические основания эффективного формирования готовности будущих специалистов социальной работы к осуществлению взаимодействия с гражданами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации: развитие эмпатии с помощью активных методов, формирование навыков коммуникации с применением имитационных игр [7]. Также предлагается применять метод экскурсий для содействия студентам социального профиля в освоении социальных технологий.

Р. Н. Аникьев и Г. В. Головин характеризуют кадры социальной сферы как основу защиты социального благополучия, в профессиональной подготовке которых следует учитывать современные вызовы. Говорится о необходимости усиления патриотического воспитания в вузах, повышения практической составляющей обучения за счет применения кейсов, цифровых технологий, привлечения студентов к участию в патриотических акциях [8].

Т. А. Чертушкина и Н. Б. Шмелева пишут, что объектом деятельности социальных работников должна выступать профессиональная адаптация военнослужащих, уволенных в запас. Указывается на необходимость содействия по всем видам адаптации: физической, социальной, производственной [9]. Отмечается, что тренинг, ролевая игра, упражнения на развитие саморегуляции помогут освоить будущим социальным работникам технологии содействия профессиональной адаптации военнослужащих.

Ученые констатируют повышение роли социальных работников в сопровождении участников СВО. Е. В. Васильева пишет о значимости профессиональной подготовки будущих социальных работников к работе с участниками СВО, представляющих специфическую группу лиц, нуждающихся в социальной помощи и поддержке [10]. Раскрывается работа государственного фонда «Защитники Отечества», в котором работают лучшие специалисты социальных служб.

В научных статьях освещается широкий спектр проблем, с которыми сталкиваются военнослужащие в условиях мирной жизни: физиологические, психологические, правовые и пр. А. Г. Васюк, рассматривая вопросы подготовки будущих социальных работников к предотвращению рисков адаптации военнослужащих к мирной жизни, указывает на необходимость усиления психологической тематики в дисциплинах, проведения практических семинаров действующими специалистами: психологами, юристами, социальными работниками [11]. Подчеркивается важность реализации стажировок для студентов в организациях, где ведется работа с военнослужащими; применения активных методов обучения; моделирования ситуаций взаимодействия. По словам В. А. Олейникова, социальный работник должен помочь

военнослужащим в решении медицинских, финансовых, жилищных проблем, которые возникают в результате потери здоровья при исполнении боевого долга [12]. В связи с этим автором раскрывается специфика подготовки социальных работников к медико-социальной работе, включающей превентивные, коррекционные, реабилитационные технологии.

Зарубежные ученые подчеркивают, что социальные работники должны понимать особенности мировоззрения, образ мышления, характер жизни в армии военнослужащих [13]. Указывается, что адекватное социальное вмешательство обеспечивается осознанием причин поступления военных на службу, их миссии и самопожертвования. Утверждается, что компетентное социальное обслуживание военных ветеранов определяется овладением практиками работы по профилактике употребления психоактивных веществ, предупреждению домашнего насилия, сохранению психологического здоровья данных субъектов [14]. Предлагается использовать курс смешанного обучения для совершенствования профессиональных навыков у студентов-социальных работников, взаимодействующих с военнослужащими и их семьями [15]. Для этого применяются технологии дистанционного и иммерсивного обучения, погружающие студентов в различные профессиональные контексты.

Таким образом, можно отметить, высокий научный интерес к проблематике профессиональной подготовки специалистов социальных служб, взаимодействующих с военнослужащими. Стоит констатировать развитие представлений о содержании и методах обучения будущих социальных работников, как в России, так и за рубежом. Вместе с тем недостаточно систематизированы педагогические решения в части формирования готовности будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях. Не выделены педагогические условия, повышающие эффективность обучения студентов в соответствии с новыми вызовами к их профессионализму, исходя из геополитических и социокультурных трансформаций в обществе.

Результаты исследования и их обсуждение. Опираясь на данные анализа научной литературы, оценку текущих социальных процессов и авторскую теоретическую практику, представим педагогические условия формирования готовности будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях. Мы предлагаем три педагогических условия, которые интегрируют нормативно-этический, психолого-педагогический и информационно-технологический аспекты взаимодействия с военнослужащими и их семьями.

Нормативно-этический аспект взаимодействия предполагает ориентацию социального работника в действующих нормативно-правовых документах, регламентирующих меры государственной поддержки рассматриваемой категории лиц. Социальные работники должны знать права и льготы участников боевых действий, уметь оказывать им помощь в оформлении документов и получении статуса ветерана. Кроме этого, они должны следить за обновлением нормативной базы, поддерживающей их семьи в получении права на льготное питание, образование, бесплатную медицинскую помощь, санаторно-курортное лечение и пр. Осуществляя консультирование

лиц, принимавших участие в боевых действиях, специалисты социальной службы должны быть готовы охарактеризовать финансовые и кредитные льготы, региональные и федеральные меры поддержки. Предоставлять данную информацию следует корректно и в этической форме, с подробным разъяснением, демонстрацией уважительного отношения и благодарности за службу. Поэтому в профессиональной подготовке будущих социальных работников следует совершенствовать нормативно-этические знания, развитие которых уместно осуществлять в рамках интерактивных лекций: лекций-дискуссий, бинарных лекций, лекций с запланированными ошибками. В связи с этим выделим первое педагогическое условие формирования готовности будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях, — применение потенциала интерактивных лекций для совершенствования нормативно-этических знаний будущих социальных работников.

Психолого-педагогический аспект взаимодействия с лицами, принимавшими участие в боевых действиях, предполагает совершенствование коммуникативных умений студентов, их психологических знаний в области профилактики конфликтов, психологии состояния. В профессиональном стандарте специалиста по социальной работе указывается на необходимость знания порядка оказания психолого-психотерапевтической помощи, особенностей коммуникации с лицами, имеющими психологические расстройства. Психологические знания также должны включать простые приемы саморегуляции эмоционального фона, приемы сохранения профессионального здоровья, предупреждения выгорания специалистов. Лица, принимавшие участие в боевых действиях, нередко нуждаются в переподготовке, получении образования для освоения новых компетенций, например, педагогических. Они могут участвовать в просветительских мероприятиях патриотического характера для детей и молодежи, преподавать дисциплины, связанные с военной подготовкой, безопасностью жизнедеятельности. Для расширения психолого-педагогических знаний, коммуникативных умений будущих социальных работников, необходимых для взаимодействия с военнослужащими и ветеранами боевых действий, целесообразно применять тренинги, деловые игры, другие активные методы обучения (кейсы, мозговой штурм, дискуссии). В связи с чем второе педагогическое условие исследуемого процесса обозначим как использование возможностей активных методов обучения для совершенствования коммуникативных умений студентов социального профиля.

Информационно-технологический аспект взаимодействия с лицами, принимавшими участие в боевых действиях, предполагает владение специалистами цифровыми технологиями, включающих мобильные приложения для реализации мер государственной поддержки. Будущие социальные работники должны уметь оперативно находить необходимую информацию по широкому кругу вопросов, возникающих у военнослужащих, корректно работать с документацией, взаимодействовать со специалистами, решающими схожие задачи. Для действия адаптации военнослужащих, социальные работники должны предоставлять информацию о различных мероприятиях, в которых они могут реализоваться: спортивных, культурных, социально полезных, например волонтерской деятельности, просветительской

работе и пр. Для совершенствования представлений студентов в данном направлении целесообразно применять цифровые технологии, знакомить их с электронными платформами, валидными источниками, развивать умения безопасного поиска информации в официальных правовых базах. Поэтому третье педагогическое условие настоящего исследования определим как содействие студентам в освоении цифровых технологий, обеспечивающих поиск информации о предоставлении мер поддержки военнослужащих.

Таким образом, педагогические условия формирования готовности будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях, предполагают:

а) применение потенциала интерактивных лекций для совершенствования нормативно-этических знаний будущих социальных работников;

б) использование возможностей активных методов обучения в развитии коммуникативных умений студентов социального профиля;

в) содействие студентам в освоении цифровых технологий, обеспечивающих поиск информации о предоставлении мер поддержки военнослужащих.

Реализация данных условий предполагает умение преподавателя выстроить образовательный процесс в диалоговой форме с применением интерактивных лекций и современных образовательных технологий, в т. ч. цифровых; ориентацию в нормативных документах и программах государственной поддержки лиц, принимавших участие в боевых действиях. Кроме этого, преподавателям целесообразно опираться при проведении занятий на потенциал государственного фонда «Защитники Отечества», центры военно-патриотического воспитания, волонтерские организации и НКО, приглашать специалистов данных структур. Значение имеет проведение практических занятий с элементами тренинга и деловых игр, предусматривающих моделирование коммуникативного процесса с участниками боевых действий и членами их семей. В них уместно включать конфликтные элементы взаимодействия, предусматривающие применение студентами техники «Я-сообщение», приемов саморегуляции, навыков аргументации и активного слушания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Герций Ю. В., Сизикова В. В., Аникеева О. А., Прянишникова О. Д. Профессиональные компетенции социального работника и специалиста по социальной работе: настоящее и будущее профессий // ЦИТИСЭ. 2023. № 1. С. 56—69. DOI: 10.15350/2409-7616.2023.1.05.
2. Пайгина Е. С. Моделирование формирования готовности к социальному взаимодействию у будущих бакалавров социальной работы в профессиональной деятельности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4. С. 143—146.
3. Умархаджиева С. Р. Педагогические условия формирования социокультурной компетентности будущих бакалавров социальной работы // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 4(101). С. 60—62. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-4101-60-62.
4. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск : БГУ, 1976. 175 с.
5. Санжаева Р. Д. Готовность и ее психологические механизмы // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. № 2. С. 6—16.
6. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М. : Просвещение, 1964. 344 с.
7. Исмаилов М. Р. Психолого-педагогические основания эффективного формирования готовности будущих специалистов социальной работы к осуществлению взаимодействия с гражданами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3(112). С. 63—66. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-3112-63-66.
8. Аникеев Р. Н., Головин Г. В. Подготовка кадров социальной сферы как основа защиты социального благополучия: современные вызовы и стратегии развития // Теория и практика социальной работы в современном социуме : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. Году защитника Отечества : сб. науч. тр. Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 20—24.

Выводы

Профессиональная подготовка будущих социальных работников должна гибко реагировать на социальные вызовы, приводящие к появлению новых уязвимых социокультурных групп населения. Сегодня большое значение уделяется социальной поддержке участников СВО и членов их семей. Поэтому социальное обучение в вузе должно предполагать формирование готовности будущих социальных работников к взаимодействию с лицами, принимавшими участие в боевых действиях. Для этого разработаны соответствующие педагогические условия. Первое условие предполагает применение потенциала интерактивных лекций для совершенствования нормативно-этических знаний будущих социальных работников. При его реализации преподавателям важно учить студентов корректно, этично, эмпатично взаимодействовать с военнослужащими, расширять свои знания в области актуальных мер государственной поддержки участников боевых действий. Второе педагогическое условие предусматривает использование возможностей активных методов обучения в развитии коммуникативных умений студентов социального профиля. В рамках данного условия преподаватель проводит занятия с элементами тренинга и деловых игр, дискуссионных методов, направленных на изучение и применение техник продуктивного общения: активное слушание, «Я-сообщение», приемы саморегуляции эмоционального состояния. Третье условие направлено на содействие студентам в освоении цифровых технологий, обеспечивающих поиск информации о предоставлении мер поддержки военнослужащих. При его реализации будущие социальные работники осваивают государственные цифровые ресурсы социальной помощи военнослужащим, в т. ч. участникам (ветеранам) СВО.

Интеграция данных условий в практику обучения будущих социальных работников позволит подготовить конкурентного специалиста, способного оказывать поддержку одной из социально значимых и уязвимых групп населения — лиц, принимавших участие в боевых действиях. Именно они обеспечивают безопасность российского общества, жертвуют своим здоровьем и жизнью, поэтому нуждаются не только в благодарности, но и реальной социальной защите, содействии адаптации в условиях мирной жизни.

9. Чертушкина Т. А., Шмелева Н. Б. Профессиональная адаптация военнослужащих, уволенных в запас, как объект деятельности социальных работников // *Сервис в России и за рубежом*. 2012. № 1. С. 80—88.
10. Васильева Е. В. Профессиональная подготовка будущих социальных работников к работе с участниками СВО // *Вестник Амурского государственного университета*. 2025. Вып. 108. С. 58—62.
11. Васюк А. Г. Подготовка будущих социальных работников к предотвращению рисков адаптации военнослужащих к мирной жизни // *Система научных ценностей российского общества : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Уфа : Аэтерна, 2025. С. 59—64.
12. Олейников В. А. Специфика подготовки социальных работников к медико-социальной работе // *Человек. Наука. Социум*. 2022. № 2. С. 173—193.
13. Hall L. K. The Importance of Understanding Military Culture // *Social Work in Health Care*. 2011. Vol. 50. Iss. 1 : Social Work With the Military: Current Practice Challenges and Approaches to Care. Pp. 4—18. DOI: 10.1080/00981389.2010.513914.
14. Savitsky L., Illingworth M., DuLaney M. Civilian Social Work: Serving the Military and Veteran Populations // *Social Work*. 2009. Vol. 54. Iss. 4. Pp. 327—339. DOI: 10.1093/sw/54.4.327.
15. Weiss E. L., Stone F. P., Zaleski K., Perdue T. A blended immersion course: advancing practice for social work students working with military members, veterans, and their families // *Social Work Education*. 2024. Vol. 43. Iss. 4. Pp. 956—969. DOI: 10.1080/02615479.2022.2156496.

REFERENCES

1. Hertsy Yu. V., Sizikova V. V., Anikeeva O. A., Pryanishnikova O. D. Professional competencies of social worker and social work specialist: present and future professions. *CITISE*. 2023;1:56—69. (In Russ.) DOI: 10.15350/2409-7616.2023.1.05.
2. Paigina E. S. Modeling the formation of preparedness for social interaction with future social workers in the professional activity. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2017;6(4):143—146. (In Russ.)
3. Umarchadzhieva S. R. Pedagogical conditions for the formation of socio-cultural competence in future bachelors of social work. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2023;4(101):60—62. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2023-4101-60-62.
4. D'yachenko M. I., Kandybovich L. A. Psychological problems of readiness for activity. Minsk, Belarussian State University publ., 1976. 175 p. (In Russ.)
5. Sanzhayeva R. D. Readiness and its psychological mechanisms. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo = BSU bulletin. Education. Personality. Society*. 2016;2:3—12. (In Russ.)
6. Levitov N. D. On human mental state: Moscow, Prosveshchenie, 1964. 344 p. (In Russ.)
7. Ismailov M. R. Psychological and pedagogical grounds for the effective formation of readiness of future social work specialists to interact with citizens who find themselves in a difficult life situation. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2025;3(112):63—66. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2025-3112-63-66.
8. Anikiev R.N., Golovin G.V. Social sector workforce training as a basis for social well-being protection: modern challenges and development strategies. *Teoriya i praktika sotsial'noi raboty v sovremennom sotsiume = Theory and practice of social work in modern society. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the Year of Defender of the Fatherland. Collection of scientific papers*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University publ., 2025:20—24. (In Russ.)
9. Chertushkina T. A., Shmeleva N. B. Professional adaptation of military personnel discharged to the reserve, as an object of activity of social workers. *Servis v Rossii i za rubezhom = Services in Russia and Abroad*. 2012;1:80—88. (In Russ.)
10. Vasilyeva E. V. Professional training of future social workers to work with the participants of their [sic!]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2025;108:58—62. (In Russ.)
11. Vasyuk A. G. Preparing future social workers to prevent the risks of military personnel adapting to civilian life. *Sistema nauchnykh tsennostei rossiiskogo obshchestva = The system of scientific values of Russian society. Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Ufa, Aeterna, 2025:59—64. (In Russ.)
12. Oleynikov V. A. The specifics of training social workers for medical and social work. *Chelovek. Nauka. Sotsium*. 2022;2:173—193. (In Russ.)
13. Hall L. K. The Importance of Understanding Military Culture. *Social Work in Health Care*. 2011;50(1):4—18. DOI: 10.1080/00981389.2010.513914.
14. Savitsky L., Illingworth M., DuLaney M. Civilian Social Work: Serving the Military and Veteran Populations. *Social Work*. 2009;54(4):327—339. DOI: 10.1093/sw/54.4.327.
15. Weiss E. L., Stone F. P., Zaleski K., Perdue T. A blended immersion course: advancing practice for social work students working with military members, veterans, and their families. *Social Work Education*. 2024;43(4):956—969. DOI: 10.1080/02615479.2022.2156496.

Статья поступила в редакцию 28.06.2026; одобрена после рецензирования 25.07.2026; принята к публикации 27.07.2026.
The article was submitted 28.06.2026; approved after reviewing 25.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

Уважаемые авторы и читатели!

Приглашаем посетить наш сайт: <http://vestnik.volbi.ru>, на котором вы можете более подробно ознакомиться с требованиями к оформлению статей и условиями их публикации, порядком рецензирования авторских оригиналов статей (материалов) и условиями подписки на наш журнал.

16+

Адрес издателя, учредителя, редакции:
400094, г. Волгоград,
ул. Шекснинская, 83, кв. 1
тел. 8-902-386-55-49
E-mail: meon_nauka@mail.ru
Сайт журнала: <http://vestnik.volbi.ru>

Подписано в печать 7.09.2026. Формат 60x84 1/8
Дата выхода в свет 21.09.2026
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 71,15. Тираж 500. Заказ
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ООО «Фотоэксперт»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

Выпуск № 3(76) сентябрь 2026

© Редакция журнала «Бизнес. Образование. Право»

Материалы журнала постоянно предоставляются в базу данных РИНЦ (<http://elibrary.ru>).

Редакция принимает решение о публикации по результатам рецензирования.
Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Цена свободная

